Рассвет рыцаря
Похороны чародея
Песнь ножен

КИМ ХАНТЕР

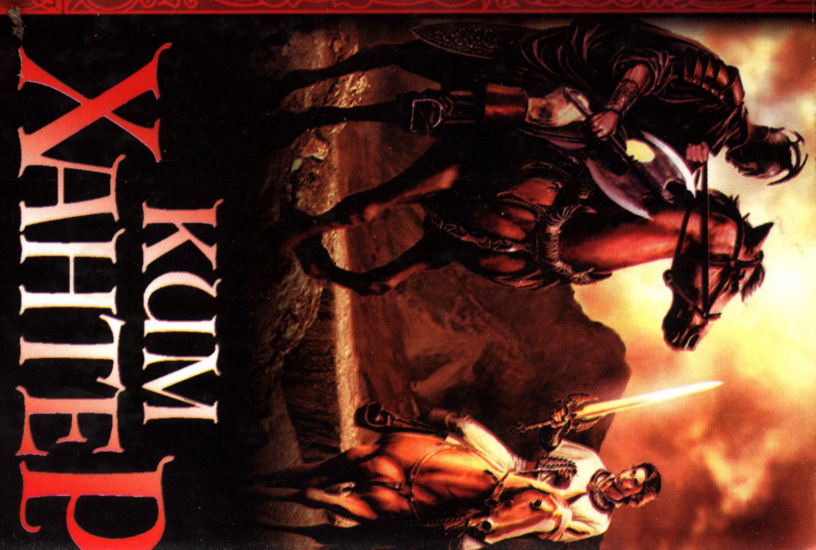
Рассвет рыцаря
Похороны чародея
Песнь ножен

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

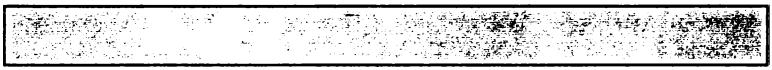
КИМ ХАНТЕР

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

KIM

HUNTER

Knight's Dawn

Wizard's Funeral

Scabbard's Song

КИМ

ХАНТЕР

Рассвет рыцаря

Похороны чародея

Песнь ножен

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
Х19

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Kim Hunter
KNIGHT'S DAWN
WIZARD'S FUNERAL
SCABBARD'S SONG

Перевод с английского С. Саксина («Рассвет рыцаря»),
М. Казанской («Похороны чародея»),
А. Куклей («Песнь ножен»)

Серийное оформление А. Сергеева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Maggy Noach и Synopsis.

Подписано в печать 18.10.05. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 39,48. Тираж 4000 экз. Заказ № 2697.

Хантер, К.
Х19 Рассвет рыцаря. Похороны чародея. Песнь ножен : [фантаст. романы] / Ким Хантер. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 748, [4] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-033873-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-1033-X (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3031-3 (ООО «Транзиткнига»)

...Странный жутковатый мир.

Мир не столько «меча и магии», сколько «магии и меча».

Мир окруженных горами маленьких королевств, каждое из которых зависит от воли и желания волшебника-покровителя, реальная же власть зависит от отрядов наемников, прозванных Красными Шатрами.

Мир, где за горами — таинственная волшебная страна, где, как говорят, ВОЗМОЖНО ВСЕ...

Здесь не помнящий своего прошлого Солдат — рыцарь, великий полководец — рискует жизнью, дабы защитить родной город своей возлюбленной-принцессы от чудовищного нашествия монстров-зверолюдей, а по пятам за ними следует враг, пришедший из другого мира. Враг, который терпеливо ждет момента, когда Солдат обретет наконец утраченную память и встретится с ним в ПОСЛЕДНЕЙ БИТВЕ...

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Kim Hunter, 2001, 2002, 2003
© Перевод. С. Саксин, 2003
© Перевод. М. Казанская, 2004
© Перевод. А. Куклей, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Рассвет рыцаря

Книга посвящается Питу,
генератору безумных и прекрасных идей,
человеку с щедрой душой

Глава первая

— Проснись, проснись, сюда кто-то едет!

Рыцарь с трудом поднял налитые свинцом веки. Возле его ног валялась змея с разможженной головой, рядом с ней — окровавленная дубина. Рыцаря разбудил пронзительный голос ворона, возбужденно прыгавшего по земле.

Бледное белое солнце неярко светило на безоблачном небе. Рыцарь лежал на пологом склоне холма, где только что закончилась великая битва. Он был на грани истощения. Мышцы болели, перед глазами все расплывалось. Рыцарь попытался вспомнить, что он делал в бою и чьи войска сошлись на этом поле.

Перед мысленным взором отчетливо стояла картина кровавого побоища. Две армии столкнулись между собой; людские волны сражающихся накатывали друг на друга. Солдаты рубили секирами, пронзали мечами, молотили булавами. Острые лезвия входили в живую плоть сквозь швы и сочленения доспехов. Стрелы с глухим стуком пробивали латы словно бумагу. Смертоносная сталь рассекала головы и тела. Боевые молоты раскраивали черепа. Кровь лилась рекой; сквозь дым и пламя сверкали отблески ста тысяч мечей, топоров, наконечников копий.

— Вот он! Ты его видишь? Там, у деревьев!

Видения прошлого будто смыло волной, и взор рыцаря прояснился. Всмотревшись туда, куда указывал ворон, он увидел всадника, с головы до ног закутанного в синюю холстину. Открытыми оставались только глаза всадника, судя по всему, охотника-одиночки. Он ехал, управляя своей пегой кобылой одними коленями, так что руки его были свободны. На левом запястье сидел ястреб на длинном алом поводке. На ногах птицы позвякивали позолоченные колокольчики. В правой руке охотник держал небольшой черный арбалет с вложенной стрелой.

— Вижу, — сказал рыцарь, не задумываясь над тем, почему он разговаривает с птицей. Вокруг и так было столько необычного, что не хватало времени отвлекаться на что-то такое, от чего не исходило угрозы. — Я буду следить за ним.

В голове у него по-прежнему звучали крики раненых и умирающих. Одни звали лекаря, другие — мать, кто-то обращался к боевым товарищам. Страшно было слушать эти жуткие завывания. Отрубленная голова продолжала вопить от ужаса и после того, как слетела с плеч своего владельца. Скрежет стали о сталь, повторенный тысячекратно, отражался от окрестных холмов. Крики, стоны, предсмертный хрип — эта какофония наполняла сознание рыцаря. Фанфары и трубы. Барабаны, обтянутые шкурами животных и выдолбленные из дерева. Свистки, рожки и дудки. Наверное, для диких зверей окрестных лесов и полей этот оглушительный диссонанс казался приближением конца света. Особенно когда гибли их собратья: ни одно живое существо не забудет истошного ржания лошадей, которым выпотрошило внутренности копье рыцаря или перерезал сухожилия на ногах меч пехотинца.

— Смотри, — сказал ворон, — охотник увидел добычу.

В небе появилась красная цапля. Когда она пролетала над охотником, тот пустил ястреба. Хищная птица стремительно взмыла вверх. Цапля повернула в сторону, почти ничем не выказывая свой страх. Лишь огромные крылья стали хлопать чуть чаще, да похожая на гарпун голова на длинной шее вытянулась вперед.

В это мгновение, когда все взгляды были прикованы к ястребу и цапле, из кустов выскочил здоровенный черный вепрь. Он напал сбоку на пегую кобылу охотника, и лошадь, завращав глазами, испуганно заржала, пятясь вправо. Охотник, успокоив ее коленями, тщательно навел арбалет. Послышалось отчетливое «тум», и короткая толстая стрела вонзилась вепрю в мозг. Ноги животного подогнулись, и оно, откатившись назад в кусты, застыло, не подавая признаков жизни. Охотник снова перевел взгляд на небо, где в это время ястреб обрушился сверху на цаплю, и обе птицы понеслись вниз.

— Мы должны подойти к этому человеку, — сказал ворон.

Впервые рыцарь обратил внимание на говорящую птицу.

— Кто ты такой? *Что* ты такое? Ты прилетел сюда, чтобы полакомиться мертвечиной?

— Мертвечиной? — переспросила птица. — Какой мертвечиной?

Быстро оглянувшись вокруг, рыцарь все вспомнил. Кровавое побоище происходило у него в голове. И все же он знал, что битва была. Осмотрев себя, рыцарь увидел, что он ранен в нескольких

местах. Ничего серьезного, но все порезы и ссадины свежие. Одежда разодрана и перепачкана; сохранились и остатки окровавленных доспехов. Рыцарь был покрыт коркой пыли, пропитанной потом. Во рту у него пересохло: горло забила та самая пыль, что украшала одежду. На поясе болтались пустые черные ножны, отделанные серебром, погнутые и сломанные. На толстой коже ножен серебряной нитью шли слова: «Кутрама и Синтра».

Рыцарь был в полном недоумении. Кто он? Как его зовут? Почему он лежит на этом нагретом солнцем холме, разговаривая с вороном, смотрящим на него так, словно он уже труп?

— Почему ты так на меня уставился?

Птица ответила:

— Ворон может смотреть хоть на самого короля.

— Все равно мне это не нравится. Если хочешь окончить жизнь на виселице, продолжай в том же духе.

— Ты сегодня не в духе, да? Не заводись. Я просто смотрел на твои глаза. Они голубые. Никогда прежде мне не доводилось видеть глаза такого цвета. В здешних краях у всех глаза карие.

Рыцарь, не имевший представления о цвете своих глаз, непроизвольно прикоснулся к векам.

Отвернувшись друг от друга, человек и птица снова стали смотреть на охотника. Тот, подхватив тушу вепря, привязывал ее к крупу лошади. Ястреб с наслаждением лакомился мозгами цапли, которой его хозяин раскроил голову камнем. Хищник получил награду за пойманную добычу.

Привязав тушу, охотник уселся на валун и принялся ощипывать цаплю, разбрасывая вокруг алые перья.

Рыцарь стал спускаться с пригорка. Ворон неуклюже прыгал перед ним. Ощипав и выпотрошив цаплю, охотник развел небольшой костер, собираясь ее зажарить.

Неподалеку протекал ручей. Направившись к нему, рыцарь опустился на колени и стал жадно хватать пригоршнями воду. Она оказалась довольно чистой. Полуденное солнце висело прямо над головой, но тепла не давало.

Вдруг рыцарь понял, что охотник обращается к нему.

— Тебе помощь не нужна?

Голос у охотника был уверенным, твердым, но высоким, почти женским. Судя по телосложению, это был молодой юноша; от его изящных движений мужественному рыцарю стало как-то не по себе. Темно-карие глаза подозрительно смотрели из-под складок синей холстины. В них светилось не столько сочувствие, сколько простое любопытство.

— Где я? — спросил рыцарь. — Здесь недавно произошло сражение?

Охотник сказал:

— У тебя глаза — голубые.

— Разве это имеет какое-то значение?

Пожав плечами, охотник четко и исчерпывающе ответил на два предыдущих вопроса:

— Ты находишься на южной опушке Древнего леса, рядом с окаменевшими прудами Ян. Насколько мне известно, в здешних местах никто ни с кем не воевал уже больше столетия.

— Не может быть! Ты только посмотри на меня! — Рыцарь раскинул руки, приглашая охотника оглядеть его с ног до головы. — Я ранен. Моя одежда разорвана в клочья.

— Я никак не могу объяснить твое состояние. Но здесь не было никакого сражения. Как тебя зовут? Откуда ты родом? Сейчас не время в одиночку бродить по Гутруму. Здесь полно бандитов и разбойников, и солдаты королевы относятся к одиноким путникам с подозрением. Они имеют право казнить всех пришлых, бродящих по лесам. Так что если тебе не раскроят череп, скорее всего ты окончишь жизнь на виселице, подобной той, что виднеется на вершине холма.

Рыцарь посмотрел в ту сторону. За ручьем, вдалеке, стояла виселица с тремя перекладинами, на которой болталось несколько трупов. Присмотревшись внимательнее к месту казни, находящемуся в нескольких милях от ближайшей деревни или города, рыцарь разглядел, что у большинства повешенных отсечены кисти рук.

— Гутрум, — пробормотал он, прислушиваясь к незнакомому слову. — Наверное, в этом названии для меня должен быть какой-то смысл, но я его не нахожу. А что касается моего собственного имени, я его не помню. Разве у меня вообще когда-нибудь было имя? Я словно нахожусь во сне, в каком-то кошмаре. Мне совершенно ничего не известно о себе.

— Быть может, ты сумасшедший? — равнодушно предположил охотник.

— Нет-нет. Я не чувствую себя сумасшедшим.

— Умалишенные всегда считают себя нормальными людьми. А с кем ты разговаривал, спускаясь с холма? С самим собой?

— Что ты, нет! — Обернувшись, рыцарь показал на ворона, прыгающего по камешкам реки. — Я разговаривал вот с этой птицей. Она владеет человеческим языком не хуже нас с тобой. Ворон, скажи что-нибудь охотнику.

Птица ткнулась клювом в ручей, глотая воду. Она ничем не отличалась от других воронов. Ни в ее глазах, ни в поведении не чувствовалось ни крупицы сознания.

Охотник кивнул.

— Кажется, ты спятил. — Он показал на зажаренную тушу цапли, от которой уже успел отломить солидный кусок. — Если голоден, угощайся. А мне пора в путь.

— Подожди! — встрепенулся рыцарь. — Куда ты направляешься?

— Как куда — разумеется, в Зэмерканд. Надо поспеть домой до вечера. Если в здешних местах опасно днем, то ночью хуже в десять раз. Тут рыщут медведи и волки, не говоря уже...

— Возьми меня с собой, — взмолился рыцарь. — У меня нет оружия, чтобы защитить себя, и я не знаю дороги. Если на тебя нападут, я тебе помогу. Ты меня прости, на вид ты слишком щуплый, чтобы справиться с врагами, которых можешь встретить в пути.

Взгляд охотника стал жестким.

— Разве ты не видел, как я убил вепря?

— Охота — дело другое. Для того чтобы убить человека, одного меткого глаза недостаточно. Тут требуется еще и сила духа.

— Сила духа? Только что все дело было в моем физическом здоровье — а теперь ты говоришь, что у меня кишка тонка. Ты сначала реши, чего же мне все-таки недостает. — Оглядев рыцаря с ног до головы, охотник кивнул. — Ладно, можешь бежать за моей лошадью. Не предлагаю тебе ехать вместе со мной верхом, ибо, как видишь, я везу тушу вепря.

Рыцарю захотелось возразить, что его жизнь важнее туши вепря, но охотник уже вскочил в седло. Ястреб снова взмыл было в небо, однако охотник покрутил над головой серебряной приманкой, закрепленной на длинной бечевке, и хищная птица послушно опустилась на его запястье.

Охотник тронул пегую кобылу, и та не спеша вошла в лес, тихо ступая по густому ковру мха. Рыцарь, не обращая внимания на усталость, потрусил следом, обгладывая кость цапли. Пропавший было черный ворон вдруг спустился вниз с ветки дерева и, усевшись ему на плечо, шепнул:

— А ты и впрямь сумасшедший. Подумать только, разговариваешь с птицей!

Ворон тотчас же снова взмыл вверх, а рыцарь, одновременно развеселившись и разозлившись, стал ломать голову: а нет ли в словах птицы правды?

Один раз за всю дорогу охотник остановился, чтобы обработать раны рыцаря целебными травами. Порезы были неглубокие,

но оставалась опасность заражения. Где-то глубоко внутри в рыцаре тлела какая-то странная горечь, необъяснимая ненависть, к чему именно, он и сам не мог ответить. Эти чувства черной тенью лежали на его душе, он не знал, откуда они взялись.

В лесу гигантские пауки сплели свои сети от ветвей высоких дубов до самой земли. Рыцарь, то и дело запутываясь в паутине, пачкал лицо и руки тончайшими липкими нитями. Наконец деревья кончились, и путники вышли на торфяное болото. Под каждой кочкой копошились клубки змей. Время от времени попадались виселицы с вздернутыми под самую перекладину трупами. У большинства отсутствовали кисти рук, хотя некоторые свежие трупы были нетронутыми. Рыцарю хотелось расспросить охотника, но он никак не мог отдышаться, чтобы завести разговор.

Приблизительно через три часа пути, когда на вечернем небе появились розовеющие острова облаков, путники взобрались на гребень холма, и рыцарь увидел перед собой огромный город, обнесенный стенами. Остроконечные башни и шпили поднимались в небо словно копья над плотно сомкнутым строем воинов.

Зэмерканд.

На мачтах трепетали знамена и флажки. Стены вздымающихся ввысь шпилей были усыпаны черными треугольными окошками, и ветер выдувал из них веселые мелодии, словно из огромных флейт. Многие здания венчали величественные купола, сверкающие зловещим блеском в свете клонящегося к закату солнца.

Рыцарь разглядел, что внутри внушительных крепостных сооружений с массивными башнями стоят дворцы, разбиты сады и парки, проложены широкие улицы и площади. Фонтаны щедро поливали водой зеленые лужайки, обсаженные миртовыми кустами, маленькими елочками и лиственными деревьями. В вечернем свете сверкали пруды и рвы. За крепостными стенами находился целый город — с домами, мощенными булыжником улицами, конюшнями и скотными дворами.

Вокруг стен были разбиты не меньше сотни просторных шатров, обтянутых оранжево-красной парусиной.

Перекрытый каменным сводом тоннель, отходивший от города, шел через просторные луга с редколесьем и терялся где-то вдали за грядой холмов. Охотник объяснил, что под укрепленным сводом проходит канал, прямой, как полет стрелы, связывающий город с морем. По этому каналу, под защитой каменных стен в шесть футов толщиной, баржи плывут до естественного причала на побережье Лазурного моря, где товары с них перегружают на морские суда. Торговля с такими заморскими странами, как Уан-Му-

хуггиаг, является очень прибыльным делом и позволяет жителям Зэмерканда жить в относительном достатке, даже когда город подвергается осаде и все его окрестности выжжены войной.

— Какой прекрасный город, — заметил рыцарь, останавливаясь, чтобы вдоволь насладиться восхитительной картиной.

Оглядевшись, он заметил темнеющие на окрестных холмах силуэты виселиц, а перед городскими воротами нечто такое, что на большом расстоянии казалось отрубленными головами, насаженными на заостренные колья.

— Чего нельзя сказать про землю, на которой он стоит, — добавил рыцарь.

— Что касается этого, — сверкнув глазами, заговорил охотник, — ты должен понять, что ХуллуХ умирает. Он теряет контроль над окружающим миром, и людям становится страшно. Но скоро все снова будет хорошо. Как только Король магов возьмет власть в свои руки, опять наступит порядок.

— Король магов? — переспросил рыцарь.

Охотник положил ему на плечо свою худую руку, отчего смуглому пришельцу стало не по себе.

— А ты ведь действительно только недавно появился в наших краях, да? В Гутруме, друг мой, действует множество колдунов, величайшим из которых является Король магов. Именно он следит за тем, чтобы те, кто владеет магическими силами, не злоупотребляли этим. Он поддерживает равновесие между добром и злом, естественным и сверхъестественным, волшебниками и простыми людьми.

— А у ваших колдунов голубые глаза? — с надеждой спросил рыцарь.

А вдруг и он обладает какими-то чудодейственными силами?

— Дорогой друг, в Гутруме *ни у кого* нет голубых глаз.

Рыцарь стряхнул со своего плеча руку чересчур развязного охотника.

— Я тебе не друг. Кроме того, я предпочел бы, чтобы ты ко мне не прикасался.

В глазах охотника появился задорный блеск. Казалось, он улыбается под покрывалом синей холстины. Рыцарь понял, что над ним насмехаются. Но он ничего не мог с этим поделать, поскольку был в долгу перед новым знакомым.

— Как скажешь, солдат, но, возможно, в наши беспокойные времена тебе понадобится друг — здесь, в Гутруме.

«Солдат»? Это имя ничуть не хуже других. Другого у него все равно нет. Рыцарь решил, что до тех пор, пока к нему не вернется

память, он будет называть себя Солдатом. По крайней мере имя мужественное.

— Я сам о себе позабочусь, — буркнул он. — Ты обо мне не беспокойся.

Солдат снова перевел взгляд на замок. В рыжеватом свете умирающего солнца, расцветившем белизну неба кроваво-красными оттенками, он рассмотрел красные шатры, окружающие город. По его оценке, в каждом шатре смогли бы разместиться человек восемьдесят—сто, а всего шатров было около сотни. Итого десять тысяч человек. Над каждым шатром на острие центрального шеста трепетал флажок. На всех флажках были свои гербы, хотя на большом расстоянии различить их было невозможно. Солдат спросил у охотника, что вышито на флажках, и тот ответил, что по большей части это изображения различных животных — вепрей, орлов, соколов, кошек, собак. Каждый символ объединяет отряд солдат, живущих в шатре и подчиняющихся только своему предводителю. В бою солдаты в первую очередь думают о чести знамени. Во имя этого они сражаются и умирают, и нет прощения тому, кто бросит пятно позора на свой отряд.

— А кто живет в шатрах? — спросил Солдат. — Сопровождение какого-нибудь знатного вельможи или царственной особы, приехавшей в Зэмерканд?

— Это наемники, — ответил охотник. — Солдаты из государства Карфага. Королева Ванда призывает их для усиления армии, когда ей приходится вести войну. На самом деле основная тяжесть боев ложится на плечи карфаганцев, а гутрумиты им только помогают. Карфаганцы — замечательные воины: храбрые, опытные, дисциплинированные, верные долгу. Вот уже несколько столетий они состоят на службе Гутрума и беззаветно преданны нам. Каждый солдат служит двадцать лет, после чего возвращается домой. На свое жалованье он может содержать всю семью, а отслужив положенный срок, солдат получает щедрое вознаграждение.

— Почему они находятся за городскими стенами?

Охотник пожал плечами.

— Так повелось испокон веку. Карфаганцы не входят в город. Быть может, когда-то давно им не до конца доверяли?.. Сейчас это стало своеобразной традицией. Имперская гвардия, набранная из граждан Гутрума, отвечает за поддержание порядка и обеспечение безопасности королевской семьи. А карфаганцы защищают город от нападения извне. Если противник окажется слишком сильным, набирается ополчение из горожан.

Солдат и охотник начали спускаться вниз, а ворон рыскал где-то поблизости в сгущающихся сумерках. Подойдя к городу, Сол-

дат разглядел, что карфаганцы в большинстве своем коренастые и широкоплечие, смуглые, с плоскими лицами и квадратными челюстями. Никто не окликнул Солдата и охотника, проходящих мимо красных шатров — как рассудил Солдат, потому что их было всего двое, и они вряд ли представляли опасность внушительной армии из десяти тысяч закаленных в боях воинов.

Солдат решил, что все будет иначе, когда они подойдут к городским воротам, к которым вела своеобразная аллея, обсаженная нанизанными на колья отрубленными головами.

Охотник и Солдат вошли в этот жуткий проход. Спутанные пряди волос падали на пустые глазницы, выклеванные хищными птицами. Вывалившиеся языки, подвергшиеся нападению насекомых, болтались между распухших губ. На носах и щеках оставила глубокие оспинки непогода.

— Помогите! — прошептал один особенно отвратительный череп, когда Солдат проходил мимо него. — Пожалуйста, помогите!

Вздрогнув, Солдат обернулся на обезображенную голову и увидел ворона, забравшегося внутрь и высунувшегося из пустой глазницы.

— Обманули дурака! — торжествующе воскликнула птица. — Не хочешь поужинать со мной? Здесь еды вдоволь.

С этими словами пернатый шут начал жадно клевать полусгнившую плоть.

— Ты просто омерзителен, — пробормотал Солдат, презрительно скривив губы.

Охотник удивленно оглянулся.

— Это ты мне?

— Нет-нет, — поспешно заверил его Солдат. — Я обращался к ворону. Помнишь? Ты говорил, что я сумасшедший. Наверное, я действительно спятил.

— Похоже на то, — буркнул охотник. — Поторопись, нам нужно успеть войти в город до того, как ворота запрут на ночь. В противном случае придется воспользоваться гостеприимством одного из шатров. Карфаганцы отлично сражаются в бою, но при этом они, по-моему, никогда не моются. А их любимая еда — каша из дикого овса, высушенная на солнце, нарезанная ломтями и обжаренная в бараньем сале. Если хочешь всю ночь нюхать колесную смазку и завтракать овсом, жаренным в прогорклом жиру, — добро пожаловать, однако лично я намерен поужинать рыбой и миндалем, а затем улечься на чистую простыню, благоухающую ароматом сандалового дерева.

— Ты-то свое получишь, — пробурчал себе под нос Солдат, — но я сомневаюсь, что меня угостят хотя бы жареным овсом.

Глава вторая

В это время дня у городских ворот скопилась огромная бурлящая толпа. Вечером все, кто покидал по делам пределы городских стен, возвращались назад в поисках спокойного ночлега. В длинной очереди стояли роскошные экипажи и всадники, крестьяне с повозками, запряженными быками и ослами, и с ручными тележками, мужчины и женщины с орудиями своего труда: серпами, топорами, пилами, молотками. Многие телеги были доверху наполнены дровами и хворостом. На других лежали свежие овощи или фуражный корм. Дорога к воротам была по щиколотку завалена слоем навоза, и хотя Солдат тщательно выбирал, куда ступить, вскоре перепачкал рейтузы до самых колен. В зловонном смраде кружились жирные надоедливые мухи.

Солдат ожидал, что их остановят и допросят часовые у наружных ворот, но те едва взглянули на них. Все оказалось совсем иначе, когда они попали во внутренний дворик. Налетевшие неизвестно откуда четыре здоровяка в мундирах потащили охотника и его спутника в кордегардию, находившуюся в башенке у ворот. Охотника завели внутрь, а Солдата оставили ждать на улице. Стемнело, и стражники стали зажигать светильники в железных клетках, развешенные на стенах. Солдат, пораженный суетой вокруг, мысленно отметил, что только очень богатый город может позволить себе освещение улиц.

Кобыла охотника, привязанная к столбу у входа в кордегардию, печально смотрела на дверь, в которой исчез ее хозяин. На ее крупе висел вепрь, подстреленный охотником из арбалета. Солдат успел изрядно проголодаться, а воображение услужливо рисовало ему картину свежей кабанины, зажаренной на вертеле. У него мелькнула мысль, не пригласит ли его охотник разделить с ним трапезу, теперь, когда они попали в город.

— Так, — сказал появившийся в дверях стражник, кивком подзывая Солдата. — Теперь ты.

Солдат вошел в комнатку, где за широким столом сидел писец в сером одеянии. Он был в летах, с бельмом на глазу и выражением бесконечной тоски на лице. Кроме того, его мучила одышка, а шею и щеки покрывала красная сыпь.

— Имя? — скучающим голосом спросил писец, подняв гусиное перо над страницей большой книги в кожаном переплете.

Солдат изумленно огляделся. Другого выхода из комнаты, кажется, не было, однако охотник бесследно исчез.

— А куда подевался охотник?

Писец нетерпеливо посмотрел на него здоровым глазом.

— Незнакомец, — тихим, отеческим голосом произнес он, — мне бы хотелось поскорее покончить с этим, чтобы я смог вернуться к своему супу, остывающему на столике у окна. Я терпеть не могу супы, но в последнее время ничего другого есть не могу, так как у меня выпали все зубы, а десны больны. Если ты в течение ближайших трех секунд не ответишь, я прикажу вышвырнуть тебя за городские стены, где ты и проведешь эту ночь — а может быть, и не проведешь, в зависимости от того, как скоро до тебя доберутся волки, сохранившие — с завистью вынужден признать я — в целости и сохранности все свои клыки.

— Солдат, — поспешно произнес Солдат.

— Что?

— Меня зовут... меня зовут Солдат.

Писец зацарапал пером по книге, подняв левую бровь и высунув язык.

— Солдат, — повторил он. — И все? Не «Солдат из Кандуна» или «Солдат с Тиерна»? Обычно к имени, взятому по роду деятельности, добавляют название города или деревни. Например, «Кузнец из Бландэна»...

— Нет, просто Солдат.

— Тогда мой следующий вопрос будет таким: откуда ты родом, Солдат?

— Из... из Древнего леса.

Оторвавшись от книги, писец посмотрел на своего собеседника, насупив брови. Его бельмо почему-то раздражало Солдата.

— Из Древнего леса? Этот район необитаем. Больше того, ты не похож на уроженца здешних мест, на одного из нас, так сказать. Ты чужестранец и прибыл издалека. Голубые глаза? Даже у людей-зверей, живущих за морем, не бывает голубых глаз. Тебе придется придумать что-нибудь получше, Солдат.

— Послушайте, — выпалил рыцарь, — честное слово, я не знаю, кто я такой и откуда родом. Сегодня утром я очнулся на склоне холма у самой опушки Древнего леса. Мне кажется, что я только что пережил большое сражение — не сомневаюсь, это действительно так. Однако охотник, приведший меня в Зэмерканд, утверждает, что в тех краях уже много лет не было никаких сражений. Не знаю, что со мной произошло, но я не желаю зла жителям Гутрума. Мне просто нужно место, чтобы спокойно выспаться. Тогда память вернется, и я смогу привести в порядок свою жизнь.

— Ах да, охотник... У тебя есть деньги?

— Деньги? — Солдат порылся в дырявых карманах, ощупал пояс в поисках кошеля, но ничего не нашел. — Нет, денег у меня нет.

— В таком случае на что ты собираешься жить?

— Я думал... если честно, я об этом еще не думал. Но я готов работать. Первое время буду питаться объедками. Буду драться с собаками за кость, упавшую со стола. Не важно. Мне нужно время — время, чтобы прийти в себя.

Писец удивленно пожал плечами.

— Как угодно. Насколько я понял, ты ухватился за край одежды охотника и попросил приюта? В таком случае мы не можем тебе отказать, поскольку этот человек является гражданином нашего государства. Скорее всего будешь спать на улице, но все зависит только от тебя и размеров твоего кошелька. — Писец ткнул гусиным пером в Солдата так, словно это было оружие. — Только не вздумай дурить! Тебе повезло, что тебя не схватили и не повесили за городскими воротами. Я ясно выразился?

— Да. Я стану образцовым гражданином.

— Ты не станешь никаким гражданином, потому что ты чужестранец. Но ты будешь вести себя *хорошо,* иначе умрешь.

— Да-да, даю вам слово.

Писец вызвал стражу. Напуганного Солдата провели к тускло освещенной лачуге неподалеку от башни. Он надеялся, что его немедленно освободят, однако, судя по всему, сперва требовалось выполнить кое-какие формальности. Как выяснилось, в лачуге размещалась кузница. От большого горнила исходил невыносимый жар. Высокий тощий кузнец с кожей в черных оспинках от разлетающихся красными искорками капелек раскаленного металла надел Солдату на шею железный ошейник и скрепил его заклепкой.

Солдат вскрикнул от боли, когда горячая заклепка впилась ему в затылок.

Кузнец удовлетворенно хмыкнул.

Морщась от ожога, Солдат спросил:

— Ты, часом, не из Бландэна?

Кузнец удивленно уставился на него.

— А откуда ты знаешь?

— Я слышал, что все жители этого города — жестокие ублюдки.

Взгляд кузнеца стал жестким.

— Поосторожнее, незнакомец! Когда настанет срок, именно мне придется снимать воротник с твоей шеи. Моя мать была женщина добрая и ласковая, но я весь пошел в отца, служившего палачом ее величества королевы. Говорили, ему не было равных. — Стражник рассмеялся. — Все, теперь можешь идти куда хочешь.

Но я бы на твоем месте отправился к каналу, где собирается такой сброд.

— И долго мне придется носить эту штуковину?

— Самое большее месяц.

Солдат понял: железный ошейник — своего рода отличительный знак. С первого взгляда люди поймут, что перед ними чужестранец, и будут его остерегаться. Он будет постоянно находиться под наблюдением местных жителей. Если выяснится, что он вор, его изгонят из города. Подобные предосторожности показались Солдату весьма разумными, хотя ему было немного не по себе от них. В смутные времена люди всегда защищаются от пришлых.

Солдат шел по тускло освещенным улицам, мощенным булыжником, не представляя себе точно, куда именно он направляется. В конце концов он вышел к каналу и повернул в сторону пришвартованных к берегу барж. Каналы питались водой из рва, в свою очередь, сообщающегося с естественной системой рек и озер в окрестностях Зэмерканда. Увиденная на набережной картина потрясла его до глубины души.

Всплывший на поверхность раздутый женский труп запутался в швартовых небольшой баржи. Его заметил не только Солдат.

— Надоели эти проклятые трупы! — послышался раздраженный голос капитана баржи, поднявшегося на палубу. — Как они воняют в такую погоду!..

Схватив багор, капитан отпихнул мертвое тело от канатов с таким отвращением, как будто это было какое-то дохлое животное. Мертвенно-бледный труп, жертву страшного преступления — голова несчастной была раскроена от носа до верхней челюсти, — утащило течение. Удовлетворенно буркнув себе под нос, капитан скрылся в трюме. В его поведении не было ни капли сочувствия, лишь недовольство по поводу того, что какой-то кусок мертвечины зацепился за его судно. Солдат пришел в ужас как от отсутствия сострадания со стороны капитана, так и от жуткого вида ран на теле женщины.

— Куда я попал? — вслух спросил он себя.

Усевшись на парапет набережной и разглядывая отражение в воде канала, Солдат задумался о своей жизни. От начала и до конца она имела продолжительность всего двенадцать часов. Он родился в полдень — по крайней мере так утверждала его память, — а сейчас было около полуночи. Ему ничего не известно о самом себе. Солдат отчаянно цеплялся за крупицы недолгого опыта, что имели для него хоть какое-то значение. Например, охотник. Они по чистой случайности встретились на опушке леса, однако Сол-

дату почему-то казалось, что охотник знает о нем больше, чем счел нужным сообщить. Он убеждал себя, что интерес, проявленный к нему охотником, это нечто большее, чем простое любопытство, вызванное случайным знакомством. И куда он пропал? Охотник буквально растворился в воздухе, причем вместе с кобылой, ястребом и тушей вепря.

— Скорее всего сейчас он жарит кабанину на вертеле, — с завистью промолвил Солдат.

— Вот и неправильно. Мясо уже приготовлено и ждет, когда его съедят. Как раз в эту минуту охотник расправляется с яблоком из головы кабана. Знаешь, его засовывают свинье в рот, когда ее жарят... В другой руке он держит кружку эля. Готов поспорить, ты бы не отказался ни от того, ни от другого. К сожалению, сегодня ночью, по всей видимости, тебе придется довольствоваться коркой пирога, выброшенной на берег водами канала.

Обернувшись, Солдат увидел ворона, усевшегося на край пристани. У ног птицы лежала корка хлеба.

— Где ты был? — спросил Солдат.

— О, тут, там... везде. Ты не собираешься поблагодарить меня за ужин? Я свою долю съел. Это тебе.

Нагнувшись, Солдат подобрал с каменных плит кусок пирога размером в пол-ладони.

— Нельзя достать еще? Я очень хочу есть.

— Мы с тобой друзья?

— А это обязательно? Разве ты не можешь оставаться частицей моего воображения?

— Нет, если я буду приносить тебе настоящую пищу.

Солдат кивнул.

— Кажется, понял. Ну хорошо, мы друзья, доволен?

— Не могу сказать, что без ума от счастья, но мы с тобой нужны друг другу. Что тебе принести? Кусочек свинины, зажаренной до хрустящей корочки?

Солдат закрыл глаза.

— О да — да, да, да!

— Ладно, если я не вернусь, знай — мне в задницу попала стрела арбалета. Да, кстати, какое милое ожерелье. Правда, жемчуг подошел бы тебе больше.

Взмыв в воздух, черная птица скрылась в ночи, а Солдат задумчиво провел пальцем по своему железному ошейнику.

Тем временем у причала возле складов на берегу канала стали собираться люди. Некоторые здания пустовали, и именно сюда стягивались бездомные в поисках укрытия на ночь.

Солдат подозрительно огладывал проходивших мимо оборванцев. Он сидел на парапете, погруженный в раздумья, ни с кем не разговаривая. По набережной брели женщины в лохмотьях, тащившие за собой грязных детей, измученные мужчины с пустыми взглядами. Приходили сюда и пьянчуги, и коптильщики рыбы, и заядлые игроки. Среди этих людей встречались те, кто опустился из-за превратностей судьбы, но в основном это были те, кто сам катился по наклонной. Никто из них не обращался напрямую к Солдату, а тот был не настолько уверен в себе, чтобы заговаривать первым.

Через какое-то время вернулся ворон и принес в клюве кусок мяса. В течение следующего часа птица кормила Солдата, словно своего птенца. Наевшись, он заснул прямо на парапете. К счастью, ночь выдалась теплой, поэтому Солдат не страдал от холода.

На следующее утро он пошел бродить по городу с вороном на плече, ища рынок. Отыскав торговые ряды, позавтракал капустными кочерыжками из сточной канавы.

На рынке Солдат впервые увидел свое отражение в бронзовом зеркале. Лицо, окаймленное черной бородой, было ему совершенно не знакомо. Он нашел, что выглядит усталым, но крепким; чистую кожу не портили ни шрамы, ни язвы. Действительно, он выглядел так, как должен выглядеть настоящий солдат. Черные волосы были не по местной моде коротко острижены, по-видимому, весьма неопытным цирюльником. Судя по внешнему виду, ему лет тридцать.

Солдат не почерпнул из отражения в зеркале никаких других сведений о себе. Он оставался для себя полной загадкой.

Солдат попробовал просить подаяние. Люди тотчас же начали относиться к нему враждебно. Его пихали и пинали ногами, разбередив все раны и едва не переломав кости. Еще Солдата потрясла полнейшая апатия жителей города. Похоже, их совершенно ничего не волновало. Несколько раз Солдат натыкался на трупы, валяющиеся в темных закоулках или плавающие по каналам, со следами насильственной смерти. По всей видимости, убийства в Зэмерканде были обычным делом, и он опасался, как бы его не обвинили в одном из них. Как просто ткнуть пальцем в чужестранца и крикнуть: «Убийца!»

В городе процветала коррупция; горожане в открытую передавали взятки представителям властей. Судя по всему, Гутрум был опасным местом для человека, не имеющего друзей и не знающего неписаных правил, позволяющих выжить в беспокойное время.

Слоняясь по рынку и выклянчивая себе на пропитание, Солдат познакомился со Спэггом.

Он остановился перед одним из прилавков, ошеломленно разглядывая представленный на нем товар. На прилавке лежали отрубленные кисти рук. Одни были набиты травами, у других между указательным и средним пальцами торчали свечи. Остальные оставались в первозданном виде. Изо всех кистей была выпущена кровь. Высохшие руки выглядели серыми и бурыми; в некоторых хрящи и сухожилия так съежились, что кисти теперь напоминали когти гигантской хищной птицы.

— Дружище, я могу тебе помочь? — спросил продавец с прыщавым лицом, появившийся за прилавком. — Хочешь купить мой товар? — Он пристально посмотрел Солдату в лицо. — А может быть, ты хочешь продать свои голубые глаза? В Гутруме это большая редкость. Можно даже сказать, явление уникальное. Я много выручу за такие глаза, если мы сохраним их в крепком джине.

Солдат посмотрел на продавца. Тот был в кожаном фартуке и шапочке, прикрывающей макушку.

— Мне они самому нужны. Других у меня нет. И я ничего не могу у тебя купить. Совсем ничего. Разве ты не видишь, что я бедняк? Кстати, а для чего нужны эти руки?

Торговец фыркнул.

— Ты не знаешь, кто я такой? Ах да, железный ошейник! Ты чужестранец. Что ж, я Спэгг, а это, друг мой, особые амулеты, «руки славы». Кисти повешенных. Обладатель такой руки откроет себе двери к богатству. Ничего страшного, что у тебя нет денег прямо сейчас. Просто обещай делиться со мной, скажем так, своими будущими поступлениями, и я продам тебе одну кисть в кредит.

Солдат вспомнил трупы с обезображенными руками, болтающиеся на виселицах в окрестностях города.

— Ты отрезаешь их у трупов?

— Только у меня одного есть лицензия на руки повешенных! — с гордостью заявил Спэгг. — Я получил ее у самого королевского канцлера. В городе я единственный продавец товара такого рода. Лучшего качества ты больше нигде не найдешь. Спроси кого хочешь. — Взяв одну кисть, сморщенную и высохшую, торговец протянул ее Солдату. — Я буквально слышу, как ты бормочешь себе под нос: «Жуткий предмет». Но эта зловещая на вид штуковина может сделать тебя невидимым, друг мой. А если зажечь свечу, сделанную из натопленного отсюда сала, твои враги застынут, не в силах пошевелиться. Очень полезный инструмент для того, у кого лучшее время для занятий своим ремеслом — поздняя ночь и раннее утро.

Солдат покачал головой.

— Видишь ошейник? Если меня поймают на воровстве, то вышлют из Зэмерканда.

— Но с одной из этих вещиц, — улыбнулся Спэгг, обводя рукой свой товар, — ты снова незамеченным вернешься назад.

— Как можно верить в такую чушь!

Спэгг тщательно уложил руку на прилавок.

— Друг мой, в этом-то вся хитрость. Для того чтобы колдовство сработало, надо в него поверить. Нередко покупатели возвращаются ко мне и жалуются: «Спэгг, от этого амулета нет никакого толку!» А я им отвечаю: «Все дело в том, друзья мои, что вы должны *заставить* ее работать». Надо наполнить ее своей верой, иначе она так и останется отрубленным куском тела, правда?.. Слушай, а как насчет честного обмена? Подлинная рука повешенного за старые кожаные ножны с серебряным ободком.

Торговец указал ножны, висящие у Солдата на поясе. Тот судорожно схватился за них.

— Нет... нет, я с ними ни за что не расстанусь.

Покачав головой, Спэгг усмехнулся.

— Дружище, такие жадины в жизни ничего не добиваются. Посмотри на себя. Ты едва стоишь на ногах от голода...

Внезапно он прищурился, погружаясь в раздумья.

— Слушай, есть одно предложение, — наконец сказал Спэгг. — Как насчет того, чтобы пойти ко мне работать? Много я платить не смогу, но по крайней мере на одну приличную кормежку в день хватит. Ну, что скажешь?

— И что я должен буду делать?

— Ну как же, ты будешь разъезжать по окрестностям Зэмеркканда и собирать для меня руки, а я буду сидеть в лавке и торговать ими. Понимаешь, когда я сам езжу за руками, мне приходится закрываться. А так ты станешь поставлять мне товар, а я не буду отвлекаться от торговли.

— Ты предлагаешь мне это, случайно, не потому, что охота за руками — занятие опасное?

Тщедушный человечек со впалой грудью и узкими плечами постарался как можно лучше изобразить негодование.

— Это я-то? Чего-то боюсь?.. Знай, в радиусе пяти миль нет другого такого храбреца! Просто я беспокоюсь о своей торговле. Я должен постоянно быть здесь, в лавке.

— А почему бы тебе не оставить лавку на меня? Тогда бы ты смог сам собирать руки.

— Доверить незнакомому человеку деньги и товар? — На этот раз Спэгг был искренне потрясен. — Наверное, у тебя в голове завелись черви. Слушай, железный воротник, я сделал тебе предложение. Ты его принимаешь или нет? Хватит пререкаться.

— Сколько положишь?

Спэгг с отвращением покачал головой.

— Еще ни разу не встречал человека, умирающего от голода и в то же время теряющего время на споры со своим хозяином. Не беспокойся, я о тебе позабочусь.

— Сколько?

— Две спенции за руку. Левая рука дороже правой, но я готов платить пять спенций за пару. Только помни, они должны быть от одного трупа. За кисти с отсутствующими большими пальцами я не дам ни гроша. Если повешенные перед тем, как стать убийцами, были просто ворами, у них наверняка отрублены большие пальцы. А вот против татуировки я ничего не имею, особенно против всякой чернухи — знаешь, черепов, магических символов и тому подобного. Кое-кто из моих покупателей коллекционирует руки с различными татуировками. Шрамы? Разве что единичные. Изуродованные руки мне не нужны. Вопросы есть?

— Дашь мне лошадь?

— Лошадь? — воскликнул Спэгг. Выражение отвращения прочно поселилось у него на лице. — Ты получишь осла, радуйся и этому.

Вот так Солдат устроился у Спэгга, торговца амулетами.

Осел Спэгга оказался животным отвратительным и упрямым, старым, как горы, и таким же неподвижным. Работа была мрачной и тяжелой, но Солдат был готов на все, лишь бы прокормиться.

Глава третья

Спэгг вручил Солдату деревянный жезл с грубо вырезанным хорьком на одном конце. Этот жезл был символом ремесла торговца. Если Солдата останавливал патруль имперской гвардии или если ему требовалось покинуть Зэмерканд или вернуться назад, он должен был показать жезл, подтверждая свое право на свободное передвижение как работающего по найму на гражданина. Большие неудобства по-прежнему причинял ошейник. Стражники у городских ворот постоянно останавливали и обыскивали Солдата, а горожане сторонились его, провожая враждебными взглядами. Солдат ни на минуту не забывал, что в городе его только терпят.

Впервые покинув городские стены, Солдат поймал себя на том, что рад возможности снова оказаться вдали от суеты улиц. Теснота города давила на него; даже воздух в Зэмерканде был дымным и зло-

вонным. Мостовые были завалены испражнениями собак, кошек, домашнего скота и птиц. На стенах, дверях и окнах чернели следы копоти. Солдату показалось, что, как только он вышел за ворота, воздух стал чище и прозрачнее. Вдыхая его полной грудью, он отпустил поводья ишака. Ворон тоже полетел с ним, за компанию. Солдат уже начинал привыкать к своему пернатому спутнику.

— Слушай, ворон, как получилось, что ты говоришь по-человечески? — спросил Солдат, когда городской шум остался позади.

Небо было затянуто дымкой; бледное солнце висело над головой, похожее на вырезанный из бумаги кружок.

— На самом деле все обстоит как раз наоборот. Я кое-что украл у одной ведьмы.

— И та наградила тебя даром речи?

— Нет, она в отместку превратила меня из человека в птицу. Я был вором, промышлял на улицах Зэмерканда. Кленьоза, поймав меня в своем доме, превратила в ворона. А потом старая корова померла, и я застрял в обличье птицы. Впрочем, я ничего не имею против. Так проще добывать себе пропитание.

— И ты никогда не станешь человеком?

— Снять заклятие может только ведьма, наложившая его.

— Я обратил внимание, что ты нечасто раскрываешь перед людьми свой дар.

Ворон нахохлился.

— А зачем мне это? Я что, дурак? Ворона, который всем и вся хвастает, что умеет говорить, ждут одни неприятности. Найдутся люди, которые посадят меня в клетку и будут зарабатывать деньги, показывая чудо природы. Другие сочтут меня за демона и убьют.

— Но почему ты выбрал меня? — спросил Солдат. — С чего ты решил, что я не принадлежу ни к одной из этих категорий?

— Тебя? Да ты сам, голубоглазый и без имени, причуда почище меня. У тебя собственных проблем хватает.

— Наверное, ты прав, — вздохнул Солдат.

Осел медленно взбирался на холм, расположенный милях в двух от города. Склон порос травой, однако кое-где над землей поднимались гладкие гранитные валуны, похожие на спины всплывших на поверхность моря китов. Солдат увидел на вершине холма виселицу, на которой болталась одинокая фигура. Вот цель его пути, но как он ни старался, ему никак не удавалось к ней приблизиться. Через какое-то время Солдат понял, что дело тут не в магии, а в перспективе. Виселица была такой высокой, что до нее оказалось гораздо дальше, чем он предполагал. Добравшись наконец до виселицы, Солдат увидел, что жертва имела рост не меньше девяти футов. И

это еще не все; голова, руки и ноги повешенного были непропорционально большими даже для такого огромного тела.

Великана казнили всего дня три назад, поэтому труп был относительно свежий.

— Он пробыл здесь примерно столько же, сколько должен провисеть заяц, прежде чем его тушить, — заметил ворон. — Иногда не очень свежее мясо нравится людям не меньше, чем птицам.

— Не смей приближаться к трупу, — предостерег его Солдат. — Если ты выклюешь ему глаза, меня, наверное, вывернет наизнанку.

— А их у него уже нет, — заметил ворон. — Как и некоторых других частей тела.

Присмотревшись, Солдат разглядел, что определенный орган отрезан по самое основание.

— Что ж, давай приниматься за дело.

Раскрыв сумку с инструментами, которую ему дал Спэгг, Солдат достал лучковую пилу и принялся отпиливать великану руки. Дело продвигалось медленно, поскольку труп раскачивался из стороны в сторону. Для того чтобы дотянуться до руки, Солдату пришлось усесться на правую ногу гиганта словно на качели. Но даже так ему не удалось справиться с толстой костью с помощью пилы, поэтому в конце концов он перерубил ее топориком. Спэгг просил его использовать топорик только в случае крайней необходимости, так как это портит внешний вид товара. Однако сейчас, несомненно, другого выхода не было. Солдат взмок от пота, ему хотелось пить. На одну пару рук у него ушло полдня, а он рассчитывал к вечеру вернуться в город с полным мешком.

Наконец удалось расправиться с обеими руками.

Тут к виселице подъехал отряд конных стражников.

— И чем это ты занимаешься? — поинтересовался у Солдата сержант.

— Законным ремеслом, — ответил тот, показывая свой жезл. — Я работаю на Спэгга, торговца руками.

Сержант поморщился.

— На эту блохастую шавку? Ну хорошо, продолжай, только не задерживайся здесь. В этих краях недавно видели бродягу-ханнака.

— Ханнака?

— Ты не знаешь, кто такие ханнаки? — спросил сержант. Его солдаты рассмеялись. — Узнаешь, если встретишься с ним. У тебя такая борода!

— Что вы хотите сказать?

— Ты не обратил внимания, что у меня и у моих людей подбородки гладкие, словно у ребенка? — сказал сержант. — На то есть

причины. Ханнаки дерутся не так ожесточенно, если их противник гладко выбрит. Похоже, ты ничего не понял. Ладно, все скоро узнаешь. Передай этому сукину сыну Спэггу, чтобы в будущем он брал себе на работу тех, у кого хоть чуточку больше мозгов. Таких идиотов, как ты, нельзя выпускать из города. Впрочем, это не имеет никакого значения. По мне, одним голубоглазым чужеземцем больше, одним меньше — все равно.

Сержант дал своим людям команду следовать за собой, и маленький отряд поскакал к городу.

До конца дня Солдату удалось раздобыть еще несколько кистей повешенных — не так много, как ему хотелось бы, первый великан отнял слишком много времени и сил. К вечеру солнце снова стало кроваво-красным. Осел неторопливо трусил по дороге в город, и вдруг на западе показался всадник. Поднявшись на вершину холма, он оглядел окрестности и увидел собирателя рук.

— Ханнак! — воскликнул ворон. — Плохи твои дела!

Солдат недовольно встрепенулся.

— Мне все о них твердят, но кого или что в Гутруме называют ханнаком?

В этот момент всадник, тронув пятками своего неоседланного коня, поскакал вниз по склону прямо на Солдата. Тот успел заметить, что дикий конь, невысокий и лохматый, сильно отличается от лошадей гутрумитских солдат. Сам всадник внешне казался таким же диким и свирепым, как его конь. Похоже, он был обнажен, хотя кожа как-то странно болталась на теле; вся в морщинах и складках, она трепетала на ветру. В левой руке всадник сжимал боевой молот, с одной стороны тупой, с другой — остро отточенный. На лице застыла жестокая маска. Своим конем он управлял с непринужденной легкостью, словно благородное животное приросло к его бедрам и двигалось, напрямую подчиняясь мозгу всадника.

Голова у ханнака на удивление была совершенно лысая.

— А вот и ханнак, — воскликнул ворон, — одетый в кожу убитого врага!

«Вот оно что, — подумал солдат. — Это плащ из человеческой кожи».

— Что ему от меня нужно? Разве он не видит, что я бедняк и у меня ничего нет?

— Твой подбородок, — ответил ворон. — Ему нужна твоя нижняя челюсть, Солдат.

Воины есть воины, но одни пытаются выглядеть красивыми и мужественными, другие же стараются придать себе как можно более устрашающий вид. Очевидно, ханнаки предпочитали самую жуткую сторону войны.

До города внизу, казалось, было рукой подать. До красных шатров карфаганцев еще ближе. Солдат пришпорил осла, заставляя его перейти с ленивого шага на рысь.

Упрямое животное не привыкло к подобному обращению. Когда его пихали ногами в ребра, оно останавливалось как вкопанное, кипя от негодования. Так осел поступил и на этот раз. Мысленно пустив из копыт корни в землю, он приготовился умереть, но не сдвинуться с места.

Спрыгнув с осла, Солдат побежал к городским воротам, таща в одной руке сумку с инструментом, а в другой — мешок с отрезанными кистями. Стражники заметили бегущего человека, за которым гнался дикий всадник, однако и не подумали ему помочь. Они с завороженным любопытством смотрели, как лохматый конь ханнака, грохоча копытами, настигает Солдата.

Карфаганцы тоже высыпали из шатров. Оживленно жестикулируя, они кричали, призывая своих товарищей насладиться зрелищем этого странного поединка. Кто-то крикнул, что это будет не поединок, а убийство. Никто не сомневался, что ханнак без труда расправится с темноволосым мужчиной с густой черной бородой.

Дыхание вырывалось из рта Солдата судорожными порывами. Он понял, что не успеет добежать до ворот. Бросив мешок с руками, он порылся в сумке и достал топорик, которым отрубил кисти гиганту, и, крепко стиснув оружие, повернулся лицом к врагу. У него мелькнула мысль, что он, закаленный в боях ветеран, должен знать, как поступают в такой обстановке. И действительно, бесполезно пытаться поразить таким скромным оружием человека. Надо нанести удар по коню, ранить его, повалить вместе с всадником.

Ханнак стремительно несся вперед. На его лице не было ни первобытного злорадства, ни упоения боем — только сосредоточенность. Солдат понял, что этот одинокий свирепый всадник думает лишь о том, как его убить.

Конь ханнака скакал все быстрее, и вторая кожа воина трепетала на ветру, делая его похожим на ужасного мертвеца, восставшего из могилы. Широко расставив ноги, Солдат размахивал топориком, готовясь нанести удар. Страх прошел, сменившись спокойным хладнокровием. В голове остались лишь четкие мысли, оценивающие развитие ситуации. Да, он всегда был солдатом, и хотя память его предала, навыки боевых искусств остались.

— Правильно поступил, дружище! — восхищенно крикнул один из стражников у ворот. — Бежать бесполезно.

Ханнак был уже совсем близко. Солдат махнул топориком вбок, стараясь попасть в вытянутую морду коня. Молниеносно отреаги-

ровав, ханнак отвернул в сторону. Топорик, не угодив в первоначальную цель, все же вонзился ханнаку в бедро. Громко взвыв от боли, всадник развернул коня так, чтобы удобнее было нанести удар сверху вниз. Солдат успел вскинуть левую руку, защищая висок. Открытой осталась только нижняя часть лица. По каким-то известным одному ему причинам, ханнак остановился, не обрушив свой боевой молот на заросший подбородок Солдата. Вместо этого он, расстроившись, попытался ударить противника в правое плечо.

Удар не попал в цель, потому что в этот момент осел — то ли напуганный шумом, то ли просто выведенный из себя бессмысленной суетой — подбежал к коню ханнака и, развернувшись, лягнул его задними копытами. Удар пришелся лошади в круп. Осев, она вдруг резко дернулась вперед, и ханнак судорожно вцепился в поводья. При этом он выронил молот, и Солдат тотчас же подхватил оружие, более длинное, чем его топор, и значительно более опасное.

Обезоруженный всадник выхватил из ножен меч с широким лезвием, но на него тут же обрушился поток стрел, пущенных со стороны ближайшего красного шатра. Схватив луки, карфаганские лучники пускали одну стрелу за другой. Одна из них попала ханнаку в плечо. Выдернув ее, свирепый всадник разочарованно посмотрел на Солдата и, развернув коня, умчался на север, в сторону холмов.

Облегченно вздохнув, Солдат проводил взглядом облако пыли, поднятое копытами, кроваво-красное в свете заходящего солнца, и потрепал осла по спине.

— Старина, ты только что спас мою шкуру. Сегодня получишь дополнительную охапку сена.

— А какую награду получит твой второй помощник? — спросил вернувшийся ворон. — Я как раз хотел броситься на ханнака и выклевать ему глаза, да осел меня опередил.

— О, не сомневаюсь, — язвительно заметил Солдат.

— Нет, правда хотел!

— Давай не будем больше об этом, хорошо?

Солдат обернул молот ханнака куском тряпки. Он сохранит этот трофей. Возможно, когда-нибудь молот ему еще пригодится, особенно если учесть, что пустые ножны красноречиво говорят о том, что меча у него больше нет.

Сев на осла, Солдат пустил его к городским воротам. По дороге он поблагодарил за помощь коренастых карфаганских лучников.

— Вы спасли мне жизнь, — крикнул Солдат.

Один из лучников покачал головой.

— Мужество время от времени нуждается в поддержке. Ты не гутрумит, в противном случае ты бежал бы от ханнака.

Солдат подошел к этому невысокому широкоплечему узкоглазому человеку. Обнаженная грудь карфаганца вздыбилась гордыми канатами мышц, словно творение скульптора, привыкшего ваять из бронзы. Солдату стало завидно при виде подобной мускулатуры, однако рядом с лучником стояли сотни других таких же крепких парней.

— Значит, вы не слишком высокого мнения о гутрумитах?

Ему ответил другой карфаганец:

— Из них получаются хорошие повара и писари.

— Но не воины.

— Бывает, встречаются и воины. Крайне редко.

— Объясните, — спросил Солдат, — чего хотел от меня этот ханнак? Он был просто одержим желанием меня убить.

Почесав подбородок, карфаганец улыбнулся.

— Твою бороду.

Солдат отметил, что лучник гладко выбрит, как и большинство мужчин, которых он встречал в городе.

— При чем тут моя борода? Разве можно взять себе чужие волосы? Что с ними делать?

— Он хотел получить твою нижнюю челюсть. Разве ты не обратил внимание, что ханнак старался не бить тебя по лицу? Все ханнаки лысые, словно камни в горном ручье. Забирая у врагов бородатые подбородки, они надевают их себе на головы, скрывая лысины. Если бы ты не был так близко от города, ханнак, возможно, к тому же тебя и освежевал. Из того, что он одет в кожу врага, еще не следует, что ему не нужна еще одна про запас. Тебе очень повезло, дружище.

Простившись с лучниками, Солдат направился к городским воротам. Там стражники-гутрумиты усилили слова карфаганцев, назвав его везучим. Впрочем, Солдат был склонен считать, что его спасло не столько везение, сколько навыки воина.

Когда он вошел во внутренний дворик, на него снова налетели четыре стражника, с отвращением глядевшие на ошейник. Солдат показал им жезл Спэгга, и они презрительно зафыркали.

— Торговец руками! У тебя в мешке именно это? — спросил один из стражников, высокий парень с тонким носом.

— Да, руки повешенных.

Солдат открыл мешок, показывая стражникам содержимое.

— А это что такое? — воскликнул высокий парень. — Ну и лапища!

Сунув руку в мешок, он вытащил руку великана.

— Клянусь Теггом, — сказал другой стражник, — это рука великана Джанкина. Значит, его повесили?

— Ну да, — вмешался в разговор третий стражник. — Королева Ванда приказала растянуть ему шею после того, как одна из ее дурнушек-кузин забеременела. По крайней мере я так слышал от нашего капитана.

Четвертый стражник, помолчав, добавил многозначительно:

— Старые девы из дворца расстроятся, узнав о казни Джанкина. По слухам, покойник обслуживал их в огромном количестве, причем они оставались очень довольны, поскольку природа одарила его так щедро. Как только вести о том, что Джанкин повешен, дойдут до замка, во многих спальнях долго не будет утихать женский плач.

— У трупа отсутствовал один орган... — заметил Солдат.

— Хо! Наверняка заполучила какая-нибудь старая ведьма! — воскликнул тощий. — Вдохнув в член жизнь, она его с выгодой продаст.

— Или, если она уродлива, оставит себе.

Громко расхохотавшись, стражники пропустили Солдата.

Спэгг отнесся к паре огромных ручищ без воодушевления.

— Ну и где я найду место для лапищ Джанкина на своем прилавке? — спросил он, изучая громадные кисти. — И ты их к тому же изуродовал топором. Посмотри на обрубки! Ба! Вообще они похожи на два оковалка. И в них нет души, — справедливо заметил торговец. — Ни татуировки, ни шрамов, ни бородавок. Руки простого писца гораздо интереснее. По крайней мере на правой есть мозоль от пера. А у этих нет никаких недостатков. Подумать только, кожа гладкая, как на попке младенца. И посмотри, как аккуратно острижены ногти. Ни одного заусенца. Джанкин за ними ухаживал! Судя по всему, за всю жизнь он ни одного дня не занимался настоящим трудом.

— Насколько я слышал, — заметил Солдат, — в этом не было необходимости.

— Ты имеешь в виду его похождения в спальнях вдов и старых дев? Наверное, они ему хорошо платили, как ты полагаешь? Какой способ зарабатывать на жизнь, а? Знай себе трудись на белых хлопчатобумажных простынях.

— Я слышал, причиной его падения стали шелковые.

Кивнув, Спэгг поднес кисти к свету.

— Ну да ладно, немножко поработаю молотком и зубилом. Сделаем вид, будто им много пришлось пережить, а? Секреты ре-

месла, Солдат! Разве можно продавать руки, которые выглядят абсолютно новыми? Мы вобьем в них немного души.

— А разве это не обман? — спросил Солдат.

Спэгг нахмурился.

— Покупая на рынке, всегда идешь на риск. Тут у нас не бывает честных людей — они только в солидных лавках, но там за тот же самый товар просят гораздо больше. Когда покупаешь что-нибудь дешевое, всегда рискуешь.

Расплатившись с Солдатом, Спэгг сказал, что до следующего утра он свободен.

Солдат отвел осла в стойло и с признательностью поднес ему овса.

— Ты спас мне жизнь, и я у тебя в долгу. — Он потрепал животное по морде. — Ты лучший осел в городе.

Теперь, когда у него в кошельке появились деньги, Солдат отправился искать, где поселиться. Однако во всех корчмах и постоялых дворах ему ответили отказом. Похоже, никто не хотел пускать в дом пришлого, человека с железным ошейником. Кто-то захлопывал дверь у него перед лицом, едва успев ее открыть, даже не слушая, что он скажет. Другие с угрозами прогоняли его. После долгих бесплодных попыток Солдат, видя, что надвигается ночь, вернулся к Спэггу.

Торговец как раз собирал с прилавка свой товар: маленькие руки, большие руки, красные, бледные, черные, бронзовые, руки с искривленными большими пальцами, руки без одного или нескольких пальцев, руки с вырванными ногтями, руки с татуировкой, руки с содранной кожей, руки с перепонками между суставами — самые разнообразные руки, все вымоченные в специальной жидкости, препятствующей разложению. Спэгг бережно, можно сказать, даже с любовью складывал их попарно ладонями друг к другу, заворачивал в мешковину и укладывал в кожаные сумки.

— Можно я останусь с тобой? — взмолился Солдат. — Там, где ты живешь, наверняка найдется место для одной кровати, а? Если я останусь ночевать на улице, меня ограбят. В городе полно воров, головорезов и грабителей. Как только заходит солнце, они выползают отовсюду как тараканы и в таком же огромном количестве. Мне необходимо выспаться, а едва я закрою глаза, меня сразу же обчистят.

— Отбивайся от них своим новым боевым молотом, — равнодушно ответил торговец руками, кивая на оружие, которое Солдат засунул за пояс. — Рассказ о том, как ты прогнал ханнака назад в пустыню, расползается по Зэмерканду быстрее заразы. Рыцари ночи не посмеют тебя и пальцем тронуть.

— Ну рассуди сам, я же не смогу драться во сне. Какой-нибудь подонок треснет меня по голове, и я покину этот мир, какая бы у меня ни была репутация.

— Я тут ни при чем, — ответил Спэгг, загружая свой товар в тележку.

Другие торговцы также готовились покинуть просторную рыночную площадь. Еще немного, и здесь не останется никого, кроме Солдата.

— А почему бы тебе не лечь спать на ступенях ратуши? — предложил ему продавец рук. — Тогда ты завтра сможешь приступить к работе прямо с раннего утра. Мне понадобится твоя помощь, чтобы забить грязь под ногти рук Джанкина, а потом поколотить их молотком. За последние несколько лет они прикасались только к грудям и задницам благородных дам...

— Ну почему ты не хочешь взять меня к себе домой?

— Потому что это не понравится моей любовнице — мы дорожим своим уединением.

Солдат оглядел торговца руками с ног до головы. Спэгг был маленький, тщедушный, грудь впалая, руки и ноги тощие и нескладные. Седеющие волосы, грязные и сальные, острижены чем-то тупым. Уши, нос и ступни ног огромные. Лицо пестрело оспинами, а на подбородке красовалась отвратительная волосатая бородавка. Короче говоря, он был просто страшный урод.

— У тебя есть любовница? — спросил Солдат и, не подумав, добавил: — Должно быть, она очень непритязательная.

Спэгг поднял брови.

— Видишь ли, не все мужчины в отличие от Джанкина любят персики со сливками. Так или иначе, можешь бурчать под нос хоть всю ночь; домой ко мне ты не пойдешь.

Он направился к стойлу, куда Солдат отвел осла, но обернулся и произнес великодушным тоном:

— Попытай счастья у женщины по имени Утеллена. Она живет в номере 133 по улице Западных Ворот и иногда берет к себе на постой даже таких подозрительных типов, как ты.

Убедившись, что от Спэгга ему ничего не добиться, Солдат покинул рыночную площадь и отправился искать дом Утеллены.

Ночные сторожа зажигали фитили в светильниках на стенах. Бездомные разводили в переулках костры, чтобы греться рядом с ними ночью. Даже этот опустившийся сброд провожал подозрительными взглядами незнакомца в железном ошейнике, всем своим видом показывая, что ему нечего и думать о том, чтобы просить разрешения разделить с ними убогий уют костра.

Как всегда, Солдат в своих поисках наткнулся на два трупа. Один валялся в темном переулке с разбитой головой, похожей на арбуз, раздавленный колесом телеги. Другой был расчленен, и отдельные части валялись на мостовой перед какой-то таверной. Солдат не убирал руку с рукоятки молота. С этим оружием он уже спокойнее смотрел на мелькающие в сумерках тени.

Наконец в тусклом свете коптящего факела Солдат различил на стене одного здания грубо выведенные цифры «33». На улице Западных Ворот дома номер 133 не было, и Солдат решил, что Спэгг перепутал.

Окон не было, так что он не смог заглянуть внутрь и составить впечатление об обитателях ночлежки. Впрочем, судя по внешнему виду, вряд ли это заведение окажется респектабельным. Оставалось только постучаться в дверь и ждать радушного приглашения войти.

Дверной молоток был сделан в виде лапы дракона, сжимающей чугунный шар. Постучав, Солдат прислушался, прижав ухо к массивной деревянной двери. Изнутри донеслось слабое кряхтение — а может, это стоны и вздохи? Вдруг хозяйка занедужила? Впрочем, скорее всего именно поэтому она и дает приют разным подозрительным типам — больная, не может работать и отчаянно нуждается в деньгах. По крайней мере дома кто-то есть.

Солдат постучал громче.

Ничего.

Он постучал еще громче.

По-прежнему ничего.

Солдат постучал очень громко.

Ничего, ничего, ничего.

Достав свой боевой молот, он заколотил им в дверь с такой силой, что от грохота проснулся бы и мертвый.

Дверь распахнулась, и проем заполнила собой толстая женщина невероятных размеров, на ходу затыкая грязную блузу за пояс еще более грязной юбки. Ее огромная грудь оттягивала перед блузы. Рукава раздувались от мощных мышц. Широко расставленные могучие ноги напоминали стволы деревьев.

Поняв, что он отвлек женщину от какого-то важного дела, Солдат лихорадочно думал, от какого именно.

— ЧТО? — проревела женщина.

Солдат отступил на шаг назад, спасаясь от исходящего из ее рта зловония.

— Я... Спэгг мне сказал... в общем, вы сдаете комнату?

Женщина побагровела от злости.

— Комнату? В этой халупе всего одна комната, и в ней сейчас нахожусь я и — очень непродолжительное время — мой малень-

кий друг. Больше здесь нет места даже для таракана, не то что для взрослого мужчины. — Она присмотрелась внимательнее к шее Солдата. — На тебе железный ошейник. Убирайся отсюда, пока я не позвала стражу!

— Но Спэгг сказал... — в отчаянии взмолился Солдат.

— Не знаю я никакого Спэгга!

Дверь захлопнулась. Солдат услышал лязг засовов.

Переполненный отчаянием, Солдат вернулся на улицу Западных Ворот и снова принялся искать дом номер 133. Все тщетно.

Вдруг ему на плечо спикировал ворон. Солдат вздрогнул от неожиданности.

— Не делай так больше!.. Чего ты хочешь?

— Сейчас дело не в том, чего хочу *я* — это тебе позарез нужно кое-что. Я следил за тобой. Слышал, что сказал Спэгг. Солдат, ты ломился не в ту дверь.

— То есть? — недоуменно спросил Солдат.

— Посмотри себе под ноги.

Послушно опустив взгляд, Солдат не увидел ничего, кроме булыжной мостовой.

— Я вижу булыжник, — недовольно буркнул он.

— И?

Солдат еще раз воспользовался своими зрительными органами.

— И чугунные решетки через каждые сто ярдов.

— Браво! Вот именно. Ведущие к канализационным тоннелям, проложенным под улицами. Все решетки пронумерованы.

Ворон взмыл вверх, к шпилям и башням, украшенным трепещущими вымпелами и флажками.

Уставившись себе под ноги, Солдат пошел вдоль по улице и у самой южной стены нашел решетку с номером 133. Подняв ее, он спустился по железной лестнице, стараясь не обращать внимания на спертый затхлый воздух. Первые несколько ярдов ему пришлось преодолеть в кромешной темноте, но как только он добрался до тоннеля, в середине которого ленивым потоком текли нечистоты, впереди замерцал слабый свет. По обе стороны от подземной реки сточных вод были люди.

Взобравшись на узкий парапет, Солдат окликнул:

— Утеллена!.. Есть здесь женщина по имени Утеллена?

Молодая женщина с мальчиком на руках, сидевшая в пятне света от дешевой сальной свечи, поспешно подняла взгляд. Увидев, что на нее смотрят, женщина тотчас же потупилась, делая вид, что возится с обувью мальчика.

— Это вы Утеллена? — обратился к ней Солдат.

На этот раз женщина вообще не прореагировала и продолжала суетиться с ногами мальчика. Взобравшись на край тоннеля, Солдат направился к ней.

Разглядев ее внимательнее, он пришел к выводу, что если бы не лохмотья и слой въевшейся грязи, женщину можно было бы назвать привлекательной. Изящное овальное лицо с глубоко посаженными карими глазами, каштановые волосы... Мальчик выглядел слабым и больным. Он был очень бледный, ноги и руки его казались тощими палочками, жидкие волосы всклокочены. Только запавшие глаза с черными тенями под ними горели двумя яркими угольками. Лихорадка? Или же мальчик обладал внутренней силой?

Перешагивая через распростертые тела, Солдат добрался до женщины с ребенком.

Та снова подняла взгляд. В ее глазах застыл страх.

Солдат произнес тихим голосом, чтобы не услышали остальные:

— Женщина, я не сделаю тебе ничего дурного. Меня зовут Солдат. Спэгг, торговец руками, сказал, что у вас найдется место, где можно провести ночь. Вообще-то я просил указать мне человека, сдающего комнаты внаем, но, насколько я понял, у тебя, как и у меня, нет своего крова.

— О, Спэгг. — В голосе женщины прозвучало облегчение, и страх в глазах несколько рассеялся, хотя и не исчез окончательно. — Я... простите. Один человек... впрочем, это не важно. Вы чужой в нашем городе, судя по ошейнику. И поэтому вас не пускают на ночлег? Могу предложить вам место, — продолжала она, указывая на каменный край тоннеля. — Я взяла в аренду этот тоннель у Леди-смотрительницы канализации, отвечающей перед королевским канцлером за исправную работу городских сточных труб.

— А, так, значит, тебе это место досталось не бесплатно?

— В Гутруме ничего не бывает бесплатным, — сказала женщина. — Должно быть, вы у нас недавно, раз не успели это узнать. У канцлера во всем есть свой интерес.

Солдат удивился.

— Канцлеры — люди богатые. К чему королевскому канцлеру заниматься такими мелочами, как сдавать в аренду канализационные тоннели?

— А вы никогда не задавались вопросом, *как* канцлеры получают свое состояние?

Подумав над ее словами, Солдат кивнул.

— Резонно. В таком случае могу я воспользоваться твоим гостеприимством? Я заплачу звонкой монетой.

При этих словах люди в полумраке встрепенулись, зашевелились.

— Мне нужно лишь место, чтобы провести ночь, — добавил Солдат. — Ни больше ни меньше. Если ты и твой мальчик найдете в своих сердцах сострадание, чтобы помочь чужеземцу в железном ошейнике, я буду вам вечно признателен.

Женщина печально улыбнулась.

— Разумеется, ты можешь устроиться здесь, но после того, как ты рассказал всем, что у тебя есть деньги, одному из нас придется не спать. Если мы все трое заснем разом, нас обчистят — ведь так?

Последние два слова она крикнула, обращаясь ко всем. Нищие, воры и бродяги, нашедшие приют в канализации, ответили ей ухмылками и кивками. Никто даже не пытался возражать. Эти люди знали, что они собой представляют.

— Прости, — сказал Солдат. — Очевидно, мне еще предстоит многому учиться. Ты спи первой, а я буду считать звезды.

— Звезды? — спросил мальчик, уставившись на выгнутый черный свод тоннеля. — Какие звезды?

— Вот эти, — улыбнулся Солдат, постучав себя по голове. — Яркие звезды обширных полей и бескрайних лесов. — Он вздохнул. — Они всегда со мной.

Глава четвертая

Только один район обширного города не источал зловоние собачьих испражнений и не был завален грязью. Здесь в тени лаймовых деревьев с мелкими листьями и среди зеленого лабиринта миртовых зарослей укрывались уютные беседки и ротонды. Повсюду стояли раскрашенные статуи и резные скамейки; фонтаны орошали заросшие ромашкой обширные лужайки, на которых тут и там темнели тисовые рощицы. На берегах прудов, кишащих диковинными рыбами, нежились на солнце изумрудно-зеленые ящерицы. Возле водоемов, оживляя ландшафт, бродили олени и другие дикие звери.

Вокруг, куда ни кинь взор, бушевали яркие краски: белизна распустившихся лилий, алый румянец роз и тюльпанов, голубая дымка цветущего льна. Посреди садов затаились два дворца: Дворец Птиц и Дворец Диких Цветов.

Во Дворце Птиц жила королева Ванда.

С первого взгляда могло показаться, что это красивое здание сложено из кирпичей, имеющих форму птиц. При ближайшем рассмотрении оказывалось, что это настоящие птицы, застывшие в

самых разнообразных движениях — взлетающие, парящие в небе, опускающиеся на землю, клюющие корм, купающиеся, — птицы с раскрытыми клювами, птицы с закрытыми клювами, птицы взъерошенные, птицы с гладкими перьями. Из этих теплых, живых созданий, превращенных в камень, были выложены арки, башенки, парапеты, шпили, оконные проемы, карнизы, портики и все остальные декоративные элементы, необходимые для жилища королевы и императрицы.

Однако в этом дворце поселилась печаль.

Королева Ванда, как и ее сестра принцесса Лайана, жившая в соседнем Дворце Диких Цветов, проводила большую часть своего времени в ужасном сумеречном мире на границе безумия. Поэтому внутренние стены обоих дворцов были обтянуты прочным шелком с мягкой подкладкой из гусиного пуха. По слухам, десять тысяч гусей расстались с жизнью, чтобы сестры не смогли разбить голову о каменные стены своих жилищ.

Родители принцесс, старая королева и принц-консорт, ее муж, умерли, когда девочки еще были совсем маленькими. С самого рождения высочайшие наследницы были поручены заботам няньки, ко времени смерти королевы-матери незаметно скатившейся в старческое слабоумие. Никаких метрических записей сделано не было. Королева совсем не интересовалась своими дочерьми. Девочки жили в уединении детской, отгороженные от окружающего мира заботливой и ревнивой нянькой.

Поскольку разум оставил старуху, в чьем ведении находились королевские дети, определить их истинный возраст не представлялось возможным. Один день нянька утверждала, что Ванда старшая, а Лайана родилась потом, на следующее утро все было наоборот. Гумбольд, единственный работник светской библиотеки, предпринял попытку определить, кто из девочек старше. После долгих настойчивых расспросов он пришел к выводу, что Ванде на тот момент было ровно пять лет, а ее сестре — четыре года и три месяца. Ванда, взошедшая в возрасте двенадцати лет на престол, щедро вознаградила Гумбольда за его исследования.

Временами королева демонстрировала совершенную рассудительность, но порой разум вылетал из нее подобно вспугнутой птичке, и ее мысли и поступки затягивало темное покрывало безумия. Сегодня утром сознание королевы было ясным. Она вызвала к себе в спальню канцлера.

— Как ваше величество себя чувствует? — с опаской спросил канцлер, переступая порог королевской опочивальни. — Надеюсь, спали хорошо?

Королева сидела на кровати, прикрыв атласным одеялом ноги. На ней был халат из бледно-розового шелка, подчеркивающий худобу фигуры. Сквозь тонкую ткань вспаханным полем проступали ребра, из широких рукавов торчали острые локти, воротник вздымался двумя дугами над выступающими ключицами.

— Нет, меня, как обычно, мучили кошмары. Мне снилось, что ведьмы разрывают меня на части и едят живьем. Это было ужасно. Каждая моя частица превратилась в разумное живое существо со своим мозгом, так что когда ведьмы пожирали мою печень, сердце наблюдало с мучительной болью, как отвратительные твари раздирают его бывшего собрата по телу...

По мере того как королева говорила, ее лицо менялось, становясь все более осунувшимся и затравленным. Канцлер Гумбольд остановил поток откровений, резко заявив:

— Ужасно, ваше величество!

Гумбольда нисколько не беспокоили жуткие кошмары, являющиеся королеве, но для того чтобы сохранить свое высокое положение, ему было необходимо, чтобы Ванда хотя бы временами бывала в здравом рассудке. Если станет известно, что королева окончательно скатилась в пучину безумия, империя рухнет, а сам канцлер потеряет всю свою огромную власть. Пока Ванду хотя бы изредка видят в здравом уме, восстания не будет; правителям прощают небольшое сумасшествие — как-никак они являются продуктом многих поколений кровосмешения. Однако королевствам, как и цыплятам, необходимо иметь голову. Без действующей королевы — жестокого тирана — в Гутруме воцарятся хаос и беспорядок. Убийства будут совершаться средь бела дня, и по улицам потекут реки крови. Ненавистного канцлера вытащат прямо из постели и повесят на фонарном столбе.

Истинным правителем королевства был канцлер Гумбольд. Еще недавно обширная империя, Гутрум сильно сжался в размерах при матери королевы Ванды. Королевство сохранило огромные богатства, хотя соседи, в прошлом покорные вассалы Гутрума, больше не платили дань. Былое могущество осталось в прошлом. Империя зачахла, но город-государство Зэмерканд по-прежнему процветал.

Впрочем, окрестные племена, считавшие себя жертвами империи, теперь, после ее крушения, пылали желанием добить упавшего гиганта. Со дня на день мог раздаться тревожный крик часовых: «Варвары у ворот города!» Лишь наемники-карфаганцы стояли на пути полного крушения Гутрума. Жителям Зэмерканда снились кошмары: разграбленный и сожженный дотла город, тру-

пы мужчин, женщин, детей. Гутрум жил на краю пропасти. Королева Ванда платила из своей казны иностранным солдатам, чтобы те охраняли стены Зэмерканда, но ее сокровищница не бездонна, и недалек тот день, когда казна иссякнет. Тогда на город нападут ханнаки, полчища людей-зверей с севера — людей-лошадей и людей-диких псов, а с Лазурного моря придут разбойники-пираты. Гутрум потонет в огне, его жители падут от меча захватчиков или будут обращены в рабство.

— Какие у нас на сегодня назначены дела? — спросила королева, вставая с кровати.

Посреди опочивальни журчал фонтан. Служанки раздели Ванду донага и стали мыть ее в теплых струях. Королева не обращала никакого внимания на канцлера, который, следует признать, смотрел на ее тощее, изможденное тело с некоторым отвращением.

— Сегодня мы будем творить правосудие? — спросила Ванда, выходя из фонтана.

Служанка обернула мокрое тело оранжевыми полотенцами.

— Вашему величеству предстоит рассмотреть жалобы подданных. Чтобы напрасно не утруждать ваше величество, я отсеял несущественное...

Королева встрепенулась.

— Разве я не должна выслушивать все прошения? Разве не я должна решать, что существенно, а что нет?

Гумбольд улыбнулся.

— Прошу прощения, ваше величество. Я взял на себя смелость сократить количество прошений до пятидесяти. Первоначально их было семьсот десять. Не сомневаюсь, у вашего величества не хватило бы сил, чтобы выслушать столько жалоб.

Королева подняла брови.

— Так много?.. Ты совершенно прав. Даже пятьдесят, по-моему, уже чересчур. Гумбольд, на этот раз я прощаю тебя за то, что ты узурпировал мою власть. Однако в следующий раз заранее докладывай, сколько мне адресовано прошений, и я сама буду решать, сокращать ли их количество до приемлемых величин.

— Ваше величество, как всегда, правы.

Из пятидесяти прошений большинство было сфабриковано самим Гумбольдом. Таким способом он сохранял барьер между королевой и ее подданными. В четырехстах обращениях из первоначальных семисот десяти содержались жалобы на самого канцлера; Гумбольд не мог допустить, чтобы они дошли до слуха королевы. В тех же прошениях, что просочились через его строгое сито, речь шла в основном о мелких ссорах между соседями — чья-то

свинья съела чьи-то овощи — и не имели отношения к тому, как канцлер правил городом-государством.

— Не произошло ли в последнее время что-нибудь необычное? — спросила королева. — Пока я... спала?

«Пока ты металась в безумном бреду, — мысленно поправил ее Гумбольд, — вопя так, что едва не обрушились стены замка».

— Нет, ничего такого... Впрочем, в городе появился какой-то чужестранец, пришел с одним из охотников. Судя по всему, тот обнаружил его на опушке Древнего леса. Этот неизвестный убежден, что перед тем, как встретиться с охотником, он участвовал в сражении. И действительно, он похож на солдата, хотя его одежда разодрана, а ножны пусты.

— Почему ты счел нужным упомянуть об этом пустяке?

— Почему? — нахмурился канцлер. — Если честно, сам не знаю. Меня беспокоят обстоятельства, при которых этого человека нашли — точнее, он сам себя нашел. Мне сдается, тут нечто большее, чем простой случай. Я боюсь, что незнакомец, называющий себя Солдатом, может сделать нам зло, хотя твердой уверенности у меня нет. Думаю, лучше всего держать его под постоянным наблюдением, а затем казнить.

Королева, успевшая к этому моменту облачиться в величественный наряд из легких хлопчатобумажных тканей, отделанный шелком, удивленно вздрогнула.

— Ты полагаешь, он пришел сюда, чтобы нас уничтожить?

Гумбольд поднял руки.

— Всего лишь предчувствие, ваше величество. Я приказал пристально следить за чужеземцем. Если Солдат останется в Зэмерканде, я собираюсь воспользоваться одним древним законом — недавно наткнулся на него, просматривая книги вашей библиотеки. Этот закон гласит, что просьба чужестранца дать ему приют должна быть удовлетворена. Но если по прошествии одного лунного месяца он не покинет пределов города, Лорду-поимщику воров, нашему верховному судье, надлежит взять его под стражу и предать смерти.

— А ты уверен, что не сам только что написал этот закон? — спросила королева.

Гумбольд улыбнулся.

— Ваше величество шутит.

— Считаешь, чужестранца надо непременно казнить? А что, если предчувствие тебя обманывает? Что, если это мессия, пришедший, чтобы спасти нас?

— Вот почему я позволил ему некоторое время пожить в городе. Если странный незнакомец действительно мессия, он обяза-

тельно успеет проявить себя до того, как пройдет месяц. С другой стороны, если окажется, что ему нечего нам предложить или же он действительно заблудившийся чужестранец, мы от него избавимся. Нет-нет, ваше величество, если этот человек представляет для нас угрозу, после первого же новолуния он будет казнен.

— Поступай, как считаешь нужным, канцлер Гумбольд. Какие еще новости?

— Боюсь, ваше величество, среди придворных зреют бунтарские настроения.

— Изменники? — едва слышно выдохнула королева.

— Один изменник. Не бойтесь, ваше величество, я уже отдал приказ арестовать этого человека. Он призывал к мятежу в тавернах города. Речь идет о некоем Фринстине, Хранителе башен...

— Фринстин? И он вел подобные речи?

— Тому есть свидетели. Они готовы предстать перед судом.

Ванда молча смотрела перед собой, словно уставившись в кромешный мрак.

— Суд? Никакого суда не будет. Немедленно казни изменника.

Приведя в действие мышцы лица, Гумбольд изобразил нечто, в определенных кругах сошедшее бы за улыбку.

— Но, ваше величество, вам, наверное, потребуются доказательства.

— Никаких доказательств мне не нужно, канцлер Гумбольд. Достаточно одного твоего слова, разве не так? Ты рассмотрел обвинения, выдвинутые против Фринстина?

— Рассмотрел, ваше величество.

— В таком случае отруби ему голову, сегодня же.

Канцлер кивнул.

— А как насчет его преемника?

— Предоставляю это тебе, Гумбольд.

— Как вам угодно, ваше величество.

Закончив утренний туалет, королева прошла в тронный зал, чтобы выслушать просителей. Канцлер, как обычно, стоял рядом, мягко направляя ее. Приходилось действовать очень тонко и осторожно, ибо королева была далеко не глупой. Досконально изучив свою повелительницу, Гумбольд научился издавать нужные звуки в нужные моменты времени. Он прекрасно знал, когда вмешаться, а когда промолчать. Иногда канцлер оставался в стороне, несмотря на то что ему очень хотелось повлиять на решение, так как он понимал, что именно сейчас лучше потерпеть маленькое поражение, чем рисковать и лишиться доверия.

Два человека, войдя в тронный зал, низко поклонились королеве. Та, заметив их присутствие, замахала рукой, словно направ-

ляя поток холодного воздуха на свой разгоряченный лоб. Отойдя в угол, новоприбывшие стали тихо разговаривать между собой.

Это были влиятельные и могущественные персоны. Женщину, невысокую и коренастую, с широким лицом и высоким лбом, звали Кинтара. Она занимала должность Леди-смотрительницы лестниц.

Мужчина, высокий и худой, с узким носом и маленьким ртом, казался каким-то сморщенным. Его проницательные глаза сверкали как кусочки кремня. Слушая свою собеседницу, он оглядывал зал.

Это был Малдрейк, Лорд-смотритель замков.

Разумеется, и Кинтара, и Малдрейк были всецело преданны канцлеру Гумбольду. Они были обязаны ему самим своим существованием. Граждане Зэмерканда платили многочисленные налоги, на эти средства обеспечивалась их безопасность от кочевников и иноземных завоевателей, а также содержался канал, дающий торговым судам выход в море. За свое спокойствие жителям города приходилось дорого платить. Налог на всевозможные ступени и ступеньки взимался Леди-смотрительницей лестниц. Именно она определяла, сколько ступеней ведет в дом или торговую лавку горожанина. Раз человек поднялся над заваленными нечистотами улицами, значит, он может себе это позволить. Налог на замки собирал Лорд-смотритель замков. Чем массивнее и сложнее замок, тем больше добра запирает его хозяин и, следовательно, тем больший налог он может заплатить.

Соответствующие налоги взимали Хранитель дымовых труб, Леди-смотрительница канализации, Леди-смотрительница дверей, Хранитель всех ворот и так далее. Принцип определения размера налога оставался тем же: тот, кто мог позволить себе вышеперечисленные удобства, должен был платить больше. Почти все эти средства проходили через руки хитрого Гумбольда, сумевшего за несколько лет протащить на все основные должности своих подхалимов и теперь получающего определенную долю с налогов, поступавших в королевскую казну.

К настоящему времени лишь немногие не желали подчиниться ловкому канцлеру. Одним из них был Фринстин, и теперь Гумбольд убрал его с дороги. Правда, это был самый слабый, самый незначительный из его врагов.

Маршал Крашкайт, верховный главнокомандующий гутрумитской армией, люто ненавидел канцлера Гумбольда и при первой возможности строил ему козни. Армия Гутрума — если отбросить карфаганских наемников — была довольно немногочисленная, но

хорошо вооруженная и послушная своим командирам. Гумбольд, вынужденный заискивать перед Крашкайтом и остальными военачальниками, испытывал к ним глубокую неприязнь.

И вот сейчас маршал вошел в тронный зал. Высокий, с аристократической осанкой, по-военному подтянутый, с львиной гривой волос, он обвел надменным взглядом присутствующих. Пройдя прямо к королеве, маршал резко поклонился.

Ванда улыбнулась. Широкоплечий и стройный Крашкайт, красивый, несмотря на то что ему уже шел пятидесятый год, был одним из ее любимцев. Почему-то королева никак не могла разглядеть, что у маршала ослиные мозги.

Что не укрылось от Гумбольда. И это было единственной отрадой канцлера.

— Маршал Крашкайт, — пробормотал Гумбольд проходившему мимо военачальнику, — вы слышали о чужестранце, появившемся в Зэмерканде? Он называет себя солдатом. Вам это не кажется непозволительной дерзостью, поскольку он не служит ни в какой армии?

Крашкайт снисходительно посмотрел на человека, которого считал презреннее червей.

— Тот, кто был когда-то солдатом, всегда им остается, Кобальт, разве вам это неизвестно? Навыки, дисциплина, верность знамени — с этими качествами человек не расстается до конца жизни. Я видел этого незнакомца. Быть может, когда-нибудь его придется казнить, но фигура у него что надо. Спина прямая, будто копье. В отличие от вас, вялых нарциссов, марширующих только от кровати до гардероба. И в глазах у него горит боевой огонь. Это воин до мозга костей, поверьте мне.

— Кажется, капитан Кафф думает иначе, — заметил Гумбольд, пытаясь вбить клин между военачальниками.

— Капитан Кафф не обязан соглашаться со мной в вопросах личного характера, он лишь должен выполнять все приказания вышестоящего командования. Всего хорошего, Кобальт!

Кобальт!.. Натянув улыбку, канцлер ощетинился. Кобальт!

Но Крашкайт был не единственным могущественным врагом Гумбольда. Больше всего канцлер боялся Лорда-хранителя королевской казны Квидквода, человека честного, неподкупного, не поддающегося на пустые разглагольствования. Пожилой, невероятно умный и образованный, Квидквод мог уничтожить Гумбольда, лишь шепнув несколько слов на ухо королеве — достаточно ему было получить в свои руки какие-либо доказательства мошенничества.

Были у канцлера еще два-три мелких врага, но он постепенно сокращал их число.

— Гумбольд, — окликнула канцлера королева, переговорив о чем-то с Квидквводом, — кажется, Лорд-хранитель королевской казны придерживается иного мнения относительно Фринстина. Он считает, что ты действовал чересчур поспешно.

Внутренне вскипев, Гумбольд изобразил улыбку.

— У него появились новые сведения? Какая жалость! Скорее всего, ваше величество, уже слишком поздно...

— К счастью, нет, — ответил сварливый счетчик королевских денег. — Услышав сегодня утром о том, что случилось с Фринстином, я действовал без промедления. — Квидквод торжественно поклонился королеве. — Я взял на себя смелость отложить казнь.

— Ты поступил совершенно правильно, Квидквод. Если у тебя есть доказательства невиновности Фринстина, необходимо обсудить их до того, как его голова спадет с плеч. В полдень я буду ждать вас обоих в своих покоях. Мы внимательно изучим этот вопрос.

Квидквод поклонился.

Гумбольд поклонился.

В канцлере бушевала злость, докатывающаяся до глубин его души.

Глава пятая

Солдат проснулся от звуков восхитительного пения. Он не понимал слов — для него это было все равно что щебет птиц, — но талант певца не вызывал сомнения. Открыв глаза, Солдат успел разглядеть тени, скользнувшие прочь в темноту сточной трубы. Быстро выпрямившись, он понял, что неизвестные едва не срезали с него пояс с деньгами. Если бы пение его не разбудило, он был бы ограблен.

Повернувшись к Утеллене, Солдат сказал:

— Достаточно было просто потрясти меня за плечо.

— Достаточно для чего?

Потянувшись, молодая женщина потерла глаза.

— Для того чтобы меня предупредить. Петь было не обязательно, хотя у тебя чудесный голос.

Утеллена недоуменно заморгала. Мальчик тоже проснулся и смотрел на взрослых.

— Петь? — переспросила она. — О чем ты?

Мальчик протянул тощий палец.

— Это вот он. Чехол от меча.

Солдат посмотрел на висящие на поясе ножны.

— Что ты хочешь сказать?

— Я слышал, перед тем как ты проснулся, — пояснил мальчик. — Чехол пел на языке колдунов, высоким тонким голосом:

Проснись, о, проснись, воин,

Проснись же, пока тебя не убили мерзкие грабители.

Ахнув, Солдат внимательно осмотрел ножны с вышитыми на коже словами «Кутрама и Синтра».

— Малыш, ты в своем уме? Ножны не поют. Наверное, нас предупредил кто-то другой.

— Нет, это были ножны.

Нахмурившись, Солдат пристально посмотрел на ребенка.

— А откуда тебе известен язык колдунов?

Внезапно очнувшись, Утеллена прижала мальчика к груди.

— Ниоткуда. Он ничего не знает. Мы крепко спали, и нас кто-то разбудил. — Переполненная отчаянием, она повернулась к темноте. — Благодарю тебя, кто бы ты ни был, за то, что нас предостерег.

С этими словами она начала собирать свои пожитки, намереваясь уйти.

— Ты куда? — спросил Солдат. — Еще ночь на дворе.

— Скоро будет светать. Нам пора уходить.

Пожав плечами, Солдат развязал кошелек.

— Вот, — сказал он, протягивая монету. — Обещанная плата.

Учтиво поблагодарив его, молодая женщина взяла деньги, и вскоре Солдат остался один. Его озадачило, почему Утеллена и мальчик ушли так быстро. Похоже, мать испугалась, когда ее сын заговорил о колдунах. Разумеется, нет ничего хорошего в том, чтобы напрасно склонять имена чародеев, но в данном случае все обстояло иначе. И все же одно упоминание о колдунах вселило в Утеллену страх. Этого Солдат никак не мог понять. А мальчишка был так убежден, что о грабителях их предупредили поющие ножны!

Солдат терялся в догадках и решил сегодня же вечером переговорить об этом с Утелленой. Однако, когда он вернулся в подземную трубу после целого дня, проведенного в отпиливании рук убийц и бандитов, ее здесь не оказалось. Кто-то из местных обитателей сказал, что Утеллена больше не вернется. Она просила передать свои извинения и заверила, что Солдат может ночевать на ее месте.

Солдат был удивлен, однако делать было нечего. Устроившись на карнизе, он протянул монету подошедшему сборщику платы.

— А с крыс ты тоже берешь деньги? Они проводят здесь не только ночи, но и дни.

Сборщик платы, маленький щуплый человечек, покачал головой.

— Дружище, если ты будешь издеваться над слугами ее величества, то попадешь в беду. Только попробуй еще разинуть пасть, и я сделаю так, что ты будешь болтаться на крепостной стене. Быть может, я кажусь тебе хилым и слабым, но на улице полно солдат, которые с радостью попинают тебя ногами. Я ясно выразился?

— Тут понимать особенно нечего. Поскольку я чужой в здешних местах, наверное, мне действительно следует попридержать язык.

— Ты абсолютно прав, дружище.

Время летело стремительно. Не успел Солдат оглянуться, как прошел целый месяц с того момента, как он попал в город. Днем Солдат работал на Спэгга, ночью спал в канализации. Вряд ли такую жизнь можно было назвать насыщенной и разнообразной, но для него существовало лишь настоящее. Он смутно надеялся постепенно выбраться из той дыры, куда попал, но у него пока не было никаких мыслей, как это сделать. А затем наступил день, когда его арестовали.

Солдат стоял за прилавком, помогая Спэггу убедить прохожих купить «руки славы».

— Не желаете стать невидимым? — кричал он. — Иметь возможность делать все те пакости, о которых вы всегда мечтали, не опасаясь быть увиденным и пойманным? Мужчины смогут незаметно проникать в женские общественные бани! Женщины — следить за своими обманщиками-мужьями и заставать их врасплох со спущенными штанами! Ну же, подходите, покупайте «руки славы». Отдаем за бесценок по средам, пятницам и в неофициальный день рождения королевы. Навощенные пальцы с фитилем гарантированно зажигаются с первого раза. При их свете можно читать или шить. Незаменимая вещь для профессиональных взломщиков и воров, грабящих могилы, — вы обойдетесь и без дополнительного плаща-невидимки...

Появившиеся из-за угла шестеро стражников во главе с капитаном направились через площадь прямо к прилавку Спэгга.

— Что ты на этот раз натворил? — спросил Солдат.

Торговец руками уже пятился назад, отдаляясь от своего помощника.

— Не я, — пробормотал он. — Ты.

В этот день совершались казни. Убийц, грабителей и насильников вешали за городскими стенами, но изменникам рубили го-

ловы в замке. Эшафот был воздвигнут на площади рядом с особняком Лорда-поимщика воров. До рынка доносились удары топора, отсекающего очередную голову. Время от времени раздавался пронзительный крик, обрывавшийся глухим стуком. Перед глазами отчетливо возникала жуткая картина сверкающего топора, поднимающегося над шеей дрожащего от страха осужденного и резко обрушивающегося вниз.

Стражники пришли на рынок для того, чтобы привести еще одну жертву на площадь казней.

Солдату сперва показалось, что стражники собираются снять с него ошейник, поскольку он, проносив целый месяц железный воротник, заслужил честь стать полноправным гражданином Зэмерканда. Только услышав грозный оклик капитана, Солдат понял свою ошибку.

— Чужестранец, известный под прозвищем Солдат, заключается под стражу. Королевский суд приговорил его к смерти за то, что он провел в стенах этого города целый лунный месяц без разрешения. Взять его!

Последние слова были обращены к стражникам.

Солдат ощутил, как внутри что-то вспыхнуло. Уголок сознания, где ютились бок о бок чувство вины и ненависть, ожил. Проворно отпрыгнув назад, он протянул руку к мечу.

Разумеется, никакого меча у него не было. Однако на поясе висел боевой молот ханнака. Выхватив молот, Солдат присел в боевую стойку, словно загнанная в угол крыса, приготовившись расправиться с теми, кто пришел его арестовывать. Он не собирался окончить свои дни на виселице, сдавшись без боя.

Рыночная площадь мгновенно ожила. Горожане высыпали из близлежащих зданий — трактиров, борделей и ратуши — и стекались к лавке торговца руками, учуяв кровавое зрелище.

Офицер выхватил меч; стражники направили на Солдата острия пик.

— Сопротивление бесполезно. Тебе некуда бежать, — сказал капитан. — А так могут пострадать невинные.

— Про невинных забудь! — крикнул голос из толпы. — Мы хотим посмотреть на хорошую драку! Хотим увидеть кровь и выпотрошенные внутренности!

Толпа встретила эти слова восторженным ревом. Ободранные сорванцы, только что пинавшие ногами несчастную живую крысу, бросили это занятие и стали пробираться вперед, протискиваясь между ногами взрослых. Шелудивый пес, семенивший куда-то по своим собачьим делам, удивленно огляделся, недоумевая, что происходит на этой обычно спокойной площади.

Сделав выпад, Солдат ударил одного из стражников по голове, и тот отлетел в толпу; в каске образовалась большая вмятина. Подбадриваемый криками зевак, стражник попытался подняться на ноги, но не успел сделать и несколько шагов, как у него затряслись колени, и он рухнул на мостовую.

Оставшиеся пять стражников стали тыкать в Солдата пиками, разъяренные тем, что первый успех одержал противник. Боевой молот выбивал частую дробь по древкам, словно какой-то мальчишка шел с палкой вдоль забора. Стражники были сбиты с толку. Солдат прыгал и приседал как заведенный, уворачиваясь от направленных в него пик. Его акробатическая ловкость пришлась по душе зрителям, взорвавшимся восторженными криками. Один из стражников опрометчиво подошел слишком близко, и молот опустился ему на ногу. В следующее мгновение смертоносное острие на обратной стороне молота пробило левую руку товарищу раненого.

Солдат издал торжествующий вопль, предчувствуя близкую победу. С лицом, искаженным яростью, он двинулся на своих противников, размахивая над головой молотом. Под этим неистовым напором стражники попятились, оглядываясь на командира и ища у него поддержки.

Капитан сохранял невозмутимое спокойствие.

— Если я вызову подкрепление, тебя прикончат на месте, — сказал он Солдату. — Если же ты сдашься, получишь по крайней мере шанс быть выслушанным.

Толпа взорвалась громкими криками:

— Не вздумай!

— Незнакомец, сражайся до конца!

— Не давайся живым!

Но Солдат понял, что эти стервятники хотят лишь продолжения увлекательного зрелища. Они влачат убогое существование и желают немного развлечься. Он для них не более чем цирковой артист. Петушиные бои, единоборство с медведем, драка в стальных рукавицах — вот что волнует этих людей. Но когда он упадет на мостовую с проломленным черепом, истекая кровью, они рассмеются и пойдут в таверны уплетать за обе щеки бифштекс под острым соусом, обсуждая предстоящие собачьи схватки.

Капитан прав. Даже если он одержит верх и выведет из строя всех стражников, кровожадность толпы нисколько не ослабеет. Он здесь по-прежнему чужой. Толпа, не задумываясь ни минуты, разорвет его на части, уверенная, что выполняет свой долг перед королевой. Рыночная площадь битком набита народом. Бежать некуда. Он обречен независимо от того, будет ли сражаться или нет.

Что-то опустилось Солдату на плечо, и голос шепнул ему на ухо:

— Сдавайся, я потом тебя вытащу.

Послышалось хлопанье черных крыльев, и ворон снова скрылся.

— А-а-а-а, черная магия! — вскрикнул один из зевак. — Смотрите, ему на плечо опустилась птица смерти!

— Она с ним разговаривала! — пронзительно взвизгнул другой. — Я сам слышал!

Уронив молот на землю, Солдат поднял руки над головой.

— Сдаюсь, — едва слышно пробормотал он.

Один из стражников, долговязый тип с раскрасневшимся от злости лицом, собрался проткнуть его пикой, но капитан прикрикнул:

— Только попробуй, капрал, и это будет твоим последним поступком в жизни. Этот человек предстанет перед Лордом-поимщиком воров и выслушает заслуженный приговор.

— Я его понимаю, — сказал Солдат, кивая на разгневанного капрала. — Я ранил его друзей.

Капитан изо всех сил ударил его по лицу стальной рукавицей, оставив красную ссадину, протянувшуюся от виска до самого подбородка.

— Прикуси язык, бродяга. Тебя не просят ничего понимать. Говори только тогда, когда к тебе обращаются.

В груди Солдата вскипела ярость. Он едва не ударил капитана в ответ, тем самым чуть не окончив свой земной путь прямо здесь и сейчас.

Стражники, получившие незначительные царапины, поднялись на ноги. Товарищи перевязали им раны. Двое накинули Солдату на плечи ярмо, сделанное из маслобойки, и привязали его руки, затем спутали ему ноги короткой веревкой. Маленький отряд двинулся через площадь; стражники злорадно хохотали, глядя, как Солдат семенит мелкими частыми шажками, чтобы поспеть за ними. Толпа расступилась, освобождая проход. Только что, когда Солдат сражался со стражниками, зеваки были на его стороне. Теперь враги одержали верх, и непостоянная толпа обратилась против него. Люди смеялись, выкрикивали непристойные оскорбления, называя мать Солдата шлюхой, его сестру проституткой, а брата и отца ублюдками. Поскольку у Солдата этих родственников не было — по крайней мере он не знал об их существовании, — насмешки толпы его нисколько не беспокоили.

Зеваки поняли, что Солдат не клюет на их издевки. Возмущенные, они начали забрасывать его гнилыми овощами и кусками навоза. Капитан смотрел на это сквозь пальцы, пока пролетевшие

мимо цели свиные кишки не обмотались вокруг шеи одного из стражников. Тогда он рявкнул, призывая толпу к порядку.

— Я вам всем сейчас живьем кожу сдеру! Вернусь с отрядом конных стражников и очищу площадь, оросив булыжники кровью! Я вам покажу, живодеры, настоящую кровавую бойню!

Жители Зэмерканда благоразумно прекратили состязания в меткости. Они знали меру. Капитану и пленнику позволили покинуть площадь, после чего рынок тотчас же снова загудел деловитым ульем.

Солдата отвели в башню в северной части замка и втолкнули в комнату, где за большим столом сидел величественный седовласый мужчина, а всю стену у него за спиной занимал его собственный огромный портрет. Этот человек был настолько важной персоной, что даже не оторвался от бумаг, когда Солдат предстал перед ним. Больше того, он еще минут тридцать продолжал писать, время от времени попивая из кубка дымящийся горячий напиток. Даже если его и одолевало любопытство, он ни разу не взглянул на арестованного. Лишь посыпав написанное песочком и убрав гусиное перо, мужчина посмотрел Солдату в глаза.

— Это ты чужестранец, называющий себя солдатом?

— Да, я просто Солдат, — подтвердил Солдат.

И снова получил удар стальной рукавицей.

— Арестованный, молчать! — рявкнул капитан. — Еще слово, и я отрежу тебе большие пальцы.

— Капитан Кафф, предоставь мне решать, что и кому отрезать, — оборвал его государственный муж. — Хоть тебя недавно и назначили капитаном Имперской гвардии, здесь приказания отдаю я.

Последовала долгая оскорбительная пауза.

— Да, милорд.

В голосе капитана прозвучала насмешка.

— Кафф, ты чересчур высоко задираешь нос. Не возлагай слишком больших надежд на дружбу с канцлером Гумбольдом. Как известно, время от времени канцлеры слетают со своих постов, и в этом случае они попадают ко *мне* в руки. Очень тонкая черта отделяет человека, занимающего высокий пост при дворе, от изменника. Только королева вправе решать, где проходит эта черта и по какую сторону от нее стоит тот или иной придворный.

На этот раз заминка была практически незаметной, и ответ был произнесен совершенно другим тоном.

— Да, милорд!

— Так-то оно лучше, Кафф. Намного лучше. Когда-нибудь я проведу тебя по помещениям, расположенным внизу. Там жарко,

очень жарко. Можно сказать, просто удушливый зной. Даже сейчас ты должен чувствовать тепло, исходящее от печей, где раскаляются докрасна железные клейма и стержни, которые засовывают в задний проход. Если хорошенько прислушаться, можно различить скрип дыбы. Конечно, никаких криков ты не услышишь, потому что первым делом заключенному вырывают язык. Безмолвные крики — рот широко раскрыт, глаза вылезли из орбит, но из горла не вырывается ни звука, — вот к чему мы стремимся в нашем подвале.

Солдат понял, что эта речь была обращена не только к капитану, но и к нему. Его пытались запугать рассказами о том, что с ним произойдет. Солдат догадался, что он предстал перед самим Лордом-поимщиком воров, в чьем подчинении находятся судьи, адвокаты и стражники, наблюдающие за порядком на улицах города.

Потерев ладонями нос, Лорд-поимщик воров продолжал:

— Ты провел в Зэмерканде целый лунный месяц?

— Да, милорд.

— И не предпринял никаких попыток покинуть город после того, как срок твоего пребывания здесь истек?

— Я не знал, что должен уйти из Зэмерканда. Никто мне об этом не говорил.

Лорд покачал головой.

— Незнание законов не является оправданием.

— Милорд, но ведь *кто-нибудь* должен был меня предупредить?

— Должен был, но не сделал этого, и вот ты стоишь передо мной, ожидая приговора. Что ж, у меня нет иного выхода, кроме как приговорить тебя к смерти. — Лорд посмотрел на циферблат солнечных часов, освещенный проникающими в окно лучами. — Вообще-то мне следовало приговорить тебя к отсечению головы, однако сегодня палач уже закончил работу. Так что тебя выпотрошат, и твои внутренности поджарят на медной сковороде, пока ты еще будешь жив. После того как ты умрешь, твои останки поместят в клетку. Означенную клетку повесят у городских ворот, и вороны обклюют дочиста твои кости. Это все. Хочешь что-либо сказать?

— Я бы предпочел подождать палача.

— Что-нибудь еще? — бесстрастно спросил Лорд.

— Подождите! — в отчаянии воскликнул Солдат. — Неужели у меня нет никакой надежды? Может, обратиться к королеве с прошением о помиловании? Должен же быть какой-то выход...

Лорд-поимщик воров поднял брови.

— Разве капитан ничего тебе не говорил?

— Нет-нет, милорд. Капитан не сказал мне ни слова.

Лорд вздохнул.

— В таком случае скажу я... Итак, твой смертный приговор будет отменен, если: во-первых, гражданин Гутрума, имеющий состояние, дело или земельные угодья, поручится за тебя и внесет залог. Во-вторых, если в ближайшую лунную ночь у городских ворот появится одинокий волк. В-третьих, если девица-гутрумитка согласится выйти за тебя замуж. Это все. — Он повернулся к капитану: — Отведи его назад на рынок. Спроси, не поручится ли кто-нибудь за него или вдруг какая-нибудь глупая девчонка захочет взять его в мужья. Если этого не произойдет, возвращайся в башню и вспори ему живот!

— А как же волк? — слабым голосом возразил Солдат.

Капитан улыбнулся.

— Всех волков, приблизившихся к городским стенам, убивают карфаганцы, окружившие Зэмерканд сплошным кольцом.

Солдат подавленно умолк. Оставалось только надеяться, что его вытащит из беды Спэгг. А может быть, по дороге он встретит Утеллену и упросит ее выйти за него замуж. Она женщина бедная, и ей нужен мужчина-защитник. Пока что еще не все потеряно.

Капитан, уверенный в том, что лишь впустую тратит время, повел Солдата назад на рынок.

Спэгг уже вернулся в свою лавку. Однако торговец руками пребывал в отвратительном настроении — в отсутствие Солдата с прилавка стащили несколько кистей.

Узнав, чего от него хотят, Спэгг извинился и сказал, что не может поручиться за Солдата.

— Что? — воскликнул осужденный. — Что ты говоришь? Я работал у тебя несколько недель. Разве мы не друзья?

Спэгг пожал плечами.

— Первое. Если ты сбежишь, у меня отнимут мою торговлю. Я поручаюсь не только собой, но и своим делом.

— Я никуда не сбегу, — в отчаянии произнес Солдат.

— Второе, — продолжал Спэгг, не обращая на него внимания, — кто-то хочет с тобой расправиться. Кто-то, обладающий властью, иначе ты бы не попал в этот переплет. А я не собираюсь вставать на пути у влиятельной персоны ради человека, с которым только что познакомился. Надеюсь, голову тебе отрубят быстро, и ты не будешь мучиться.

— Меня не обезглавят, а выпотрошат!.. — взмолился Солдат.

Поморщившись, Спэгг снова пожал плечами.

Солдата захлестнуло отчаяние. Он обратился к толпе, упрашивая всех, у кого есть хоть капля сострадания, поручиться за него.

— Да ты стащишь зубы у меня изо рта, не успею я заснуть! — крикнул ему кто-то.

— Ну, что я говорил? — спросил через несколько минут капитан Кафф. — Пустая трата времени.

Тут Солдат разглядел в толпе Утеллену и замахал ей рукой.

— Выходи за меня замуж, иначе я умру! Пожалуйста, Утеллена...

Лицо молодой женщины исказилось от ужаса, но она не двинулась с места.

— У нее есть ребенок, — объяснил один из зевак. — Она не девица — а тебе, чтобы спастись, нужно жениться на девственнице.

— Ох, — упавшим голосом произнес Солдат. — Неужели нет никого?.. — снова крикнул он, обращаясь к толпе.

Ответом ему был громкий хохот.

— Здесь? Должно быть, ты шутишь. Здесь все женщины стоят за прилавками.

— Нет-нет, пожалуйста, — в отчаянии взмолился Солдат. — Неужели здесь нет служанки, пришедшей за покупками для своей госпожи? Разве я никому не нужен? Могу предложить вот эти волшебные ножны.

Он поднял над головой пустые ножны.

Кожаные шляпы и грязные фартуки заулюлюкали, обдав Солдата зловонием гнилых зубов.

— Я буду на вас работать. Буду вас защищать... — Новые взрывы смеха. — Я даже буду вас любить.

— У-у-у-ух ты, заманчиво! — сказала дородная женщина с сальными спутанными волосами и бородавчатым лицом. — Меня никто не любил не помню с каких пор. А девственница я с сорока двух лет.

Толпа снова разразилась оглушительным хохотом.

— Мужчин под твоими юбками побывало больше, чем блох на собаке с рынка, — усмехнулся капитан Кафф. — Нет желающих взять такого завидного жениха? Ладно, я не собираюсь торчать здесь весь день, нюхая коровье дерьмо. Пошли, Солдат.

Солдата повели с рынка. Он был на грани отчаяния.

Капитана окликнул Спэгг.

— Послушайте, когда вы его выпотрошите и повесите в клетке, отдайте мне его глаза. Я поделюсь с вами прибылью.

Капитан Кафф недоверчиво покачал головой.

— Видишь, что за люди? — сказал он, обращаясь к Солдату. — Одна грязь. Они продадут собственных детей на скотобойню, если им предложат хорошие деньги. Ты работал на этого человека, а сейчас он думает только о том, как бы нажиться на твоих останках.

— Если люди такие, — ответил Солдат, — значит, их сделал такими мир, в котором они живут. Кто в ответе за это?

— Люди такие, какие есть, — буркнул капитан. — Из болотной тины нельзя приготовить амбру.

Стражники вышли на мощенную булыжником улицу, и им пришлось остановиться, пропуская носилки, которые несли четыре обнаженных раба, судя по их виду, не уроженцы Гутрума. За полупрозрачной занавеской виднелся силуэт стройной женщины. Внезапно из кабинки донесся окрик, и рабы остановились.

Капитан застыл на месте, изумленный не меньше Солдата. Изящная рука подняла занавеску, давая возможность увидеть женщину, сидящую в носилках. Ее профиль был прекрасен. Из-под белого шелкового капюшона виднелись высокие скулы и глаза, большие и черные, словно плоды терна. Длинные темные волосы, забранные в пышную прическу, открывали тонкую шею. Кожа щеки, лба и шеи была гладкой и блестящей. От женщины исходил едва уловимый аромат роз, смешанный с запахом сандалового дерева.

Понимая, что это невозможно, Солдат тем не менее не мог избавиться от ощущения, что уже встречался с ней.

Дама, не поворачиваясь лицом к стражникам и арестованному, окликнула капитана, подзывая его к себе. Подойдя к носилкам, Кафф склонился, слушая, что она ему говорит. Солдат не смог разобрать ни слова. Наконец капитан выпрямился, и занавеска опустилась. Рабы подняли носилки, собираясь продолжить путь, но тут Солдат, поддавшись порыву, вдруг крикнул:

— Миледи! Выходите за меня замуж или я умру страшной смертью!

Тотчас же на него со всех сторон обрушились тычки и пинки стражников, к которым присоединился и капитан.

Однако, как это ни поразительно, носилки снова опустились, и занавеска поднялась.

На этот раз дама повернулась к Солдату лицом. Посмотрев ему прямо в глаза, она, несомненно, заметила их необычный цвет. Теперь Солдат разглядел вторую половину ее лица, страшно обезображенную. Дама одарила Солдата мимолетной перекошенной улыбкой, лишенной тепла. Она снова подозвала к себе Каффа и шепнула ему на ухо одно слово. Капитан, побледнев, испуганно вздрогнул. Рабы подняли носилки и быстро скрылись в переулке. Капитан, застыв на месте, зачарованно проводил их взглядом. Наконец очнувшись, он тряхнул головой и повернулся к Солдату.

— Не знаю, кто ты — самый счастливый или самый несчастный человек на свете.

— Она согласилась? — Восторгу Солдата не было предела. — Она согласна выйти за меня замуж?

— Она так сказала.

— Кто эта дама?

— Это, мой бедный друг, принцесса Лайана, сестра Ванды, королевы Гутрума. Ваше бракосочетание состоится во Дворце Диких Цветов через три дня.

— Это принцесса! — воскликнул Солдат.

— Принцесса-страшилище, — пробормотал капитан так, что никто, кроме Солдата, не услышал его слова. — Безумная принцесса.

— Что ты хочешь сказать? Именно поэтому ты назвал меня несчастным?

— Да, — подтвердил Кафф. — Ты избежал одной мучительной смерти, променяв ее на другую. Принцесса Лайана — буйнопомешанная. Она уже зверски расправилась со своими двумя мужьями, убив одного маникюрными ножницами, а другого — длинной вязальной спицей. Береги глаза и следи за тем, чтобы твои штаны были всегда застегнуты.

— Как так — мужья? Разве она не девица?

— Принцесса Лайана, дважды побывав замужем, сохранила девственность. Ее первый муж напился на собственной свадьбе. В первую же брачную ночь его молодая жена в припадке безумия напала на него с маникюрными ножницами, и он проснулся без своего мужского естества. Несчастный умер от потери крови. За одну ночь накрахмаленные белоснежные простыни превратились в красное месиво. Второго супруга предупредили не входить в спальню к принцессе во время приступов помешательства. Не в силах сдержать вожделение, он договорился о тайной встрече в висячих садах, и принцесса выколола ему глаза. Ослепленный муж сорвался с крыши и разбился насмерть.

— По крайней мере я проживу чуть подольше, — печально усмехнулся Солдат.

— Не тешь себя напрасными надеждами. Принцесса уничтожит тебя, как уничтожила твоих предшественников. — Помолчав, Кафф добавил отрешенным голосом: — Какая жалость, что Лайана не видит то, что у нее прямо перед глазами.

Что-то в интонации, с какой были произнесены эти слова, привлекло внимание Солдата. Он посмотрел в невидящие глаза Каффа и увидел в них безумие.

Солдат вздохнул.

— А ты ведь ее любишь.

Металлическая рукавица мелькнула снова. Из разбитой губы Солдата потекла струйка крови.

— Ты еще не женился на ней — так что не будь чересчур дерзким, чужеземец. А то по пути на собственную свадьбу с тобой произойдет несчастный случай.

Посмотрев Каффу в лицо, Солдат осознал, что только что нажил себе настоящего врага.

Глава шестая

Солдата отвели в дом, расположенный рядом с Дворцом Диких Цветов, и поручили его заботам евнуха.

— Какие прекрасные глаза, — заметил слуга принцессы Лайаны. — В твоей голове кусочек ясного летнего неба, да?

Приглашенный кузнец снял с шеи Солдата ошейник и тотчас же удалился.

Во внутреннем дворике квадратного дома был разбит чудный сад, обсаженный кустами розмарина и лаванды, среди которых тут и там торчали деревья мушмулы. Лирохвосты прыгали по выложенным мозаичными плитками дорожкам и кружились между гроздьями белоснежных лилий, клюя коричневые плоды мушмулы. На изваяниях богов и диких зверей сидели голуби. Из рогов слоновой кости, украшающих вместе с фресками внутренние стены, доносилась нежная музыка. Стайки пестрых бабочек порхали в воздухе, предаваясь праздному безделью, в то время как трудолюбивые голубые стрекозы заботливо очищали садик от назойливых москитов.

Посреди двора был небольшой пруд. Ступени из плавикового шпата вели вниз к розоватой воде и фонтану, извергавшему из себя лепестки роз, что каким-то чудесным образом превращались в прозрачные розовые капли и нежно падали на водную гладь.

Ухмыляясь и толкая друг друга в бок, стражники смотрели, как Солдата раздевал и мыл в розовой воде слуга с нежными руками и бледной кожей.

— Я и сам могу, — возмутился Солдат, когда слуга принялся любовно намыливать ему спину. — Дай-ка мне мыло!

Слуга, которого звали Офао, загадочно улыбнулся.

— Это моя работа, господин. Мне приказали вас вымыть, умастить благовониями, посыпать пудрой ваш зад и вообще придать вам подобающий вид.

— Держи руки подальше от моего зада, — проворчал Солдат, — иначе, клянусь, я отрежу твое мужское достоинство!

Офао снова улыбнулся.

— Боюсь, мой господин, вас опередили.

Солдата вымыли, побрили, постригли, одели в легкий хлопчатобумажный халат и оставили одного, дав возможность задуматься над переменами, произошедшими в его судьбе.

Ночью на небо сверкающими гроздьями винограда высыпали звезды. Солдат сидел в удобном кресле на крыше дома, задумчиво уставившись на расположенный по соседству Дворец Диких Цветов. Почему принцесса Лайана так поступила? Он для нее ничто!.. В то же время Солдат был уверен, что уже где-то встречался с принцессой, хотя и не мог сказать когда. Это стало еще одной мучительной загадкой, терзавшей его.

— Ты так ослепнешь.

— Что...

Солдат испуганно встрепенулся.

— Ты слишком много думаешь, от этого можно ослепнуть, — произнесла черная тень, притаившаяся в темноте. — Я же обещал вернуться и тебе помочь. Знаешь, своим клювом я могу отпирать замки — особый дар!

— Фу! — облегченно вздохнул Солдат. — Это ты, ворон. Что ж, ты немного опоздал. Я уже на свободе.

— Неужели? — насмешливо спросил ворон, прыгая по белым мраморным плитам к Солдату. — Тогда что делают все эти стражники в доме и вокруг него? Они здесь для того, чтобы почитать тебе на ночь сказку?

— Ну, через три дня, женившись, я стану свободен.

— И ты веришь в это?

— А что ты предлагаешь?

Птица поводила кончиком клюва по каменному парапету, будто затачивая его.

— Извини, только что наелся бараньих внутренностей. После них вечно никак клюв не очистишь... Итак, на чем мы остановились? Ах да, какие у меня будут предложения... Я готов тебе служить. Ты решаешь, стоит ли бежать, а я помогаю тебе это осуществить. Если же ты намерен жениться на сумасшедшей с лицом, похожим на старое колесо от телеги, я остаюсь с тобой.

— Следи за своим языком!

— С чего ты взял, что у воронов есть языки?

— А вот я сейчас посмотрю!

Птица промолчала.

— Слушай, а как же мои поющие ножны? — снова обратился к ней Солдат. — Почему они не предостерегли насчет стражников?

Они ведь разбудили меня своей песней, когда меня хотели обворовать?

Помолчав, ворон ответил:

— На рынке тебя не надо было ни о чем предупреждать. Ты сам видел направляющихся к тебе стражников.

— Полагаешь, ножны предостерегают меня только тогда, когда я не догадываюсь о приближающейся опасности?

— Возможно. Скорее всего.

Хлопнув в ладоши, Солдат кивнул.

— Разумное предположение.

— От тебя хорошо пахнет, — заметил ворон.

Солдат оглядел себя.

— Я вымылся... *меня вымыли.*

— И смотришься ты красиво без бороды. У тебя юношеские черты лица. Возможно, именно это и привлекло принцессу Лайану. Твое красивое лицо.

— Наверное, ты прав. — Солдат встал с кресла. — А сейчас я собираюсь спать. Ты остаешься? Или у тебя есть какие-то дела?

— Нет-нет, я уже поужинал. Полагаю, ночь я проведу здесь. Обо мне не беспокойся.

— Не буду, — пробормотал Солдат. Вдруг ему пришла в голову одна мысль. — Слушай, я хочу связаться с той женщиной, Утелленой... ну, у которой странный ребенок. Ты бы не мог ее отыскать? Тебе с неба видны все улицы. Сделай хоть что-нибудь полезное.

— Зачем тебе нужна женщина — ты ведь помолвлен?

— Я просто хочу ей помочь. Она помогла мне тогда, когда все остальные отказали. Моя суженая это поймет.

Но ворон не мог допустить, чтобы последнее слово осталось не за ним.

— И все же странно, что принцесса согласилась выйти за тебя замуж. Должно быть, у нее на то есть какие-то причины.

— Ты же сам сказал — ей понравилось мое лицо.

— Я только хотел заставить тебя раскинуть мозгами. Неужели ты действительно веришь, что Лайана влюбилась в тебя с первого взгляда, а?

Солдат ничего не ответил. В душе он был согласен с вороном. Ситуация действительно странная. *Почему* принцесса Лайана захотела стать его женой?

Свадьба получилась необычная.

Солдата встретил жрец. Однако, как выяснилось, служитель богов явился не для того, чтобы сочетать узами брака молодую пару, а чтобы помочь жениху подписать кое-какие документы.

Принцесса не соизволила почтить церемонию своим присутствием; вместо себя Лайана прислала одну из горничных. Ворон предупредил Солдата, что он должен взять с собой три предмета: рыбу, птицу и цветок. Первый олицетворял собой морские просторы, второй — небо над головой, а третий — бескрайние земли мира. Жених преподносил эти предметы невесте; если она или ее представительница принимали их, пара считалась связанной узами брака перед лицом богов. Брачный союз скреплялся Договором супружества.

На третий день Солдата отвели во Дворец Диких Цветов. Не было ни труб, ни флейт — вообще никакой музыки. Не было гостей. Не было ни флагов, ни цветов — никаких признаков церемонии бракосочетания.

Солдат взял с собой заготовленные дары. Красивую раковину с двумя рядами длинных тонких игл он выломал из стены дома, в котором жил. Небо олицетворяли черные перья, вырванные из хвоста ворона (разумеется, с его разрешения). Темно-зеленую олеандровую ветвь с розовыми цветками достать оказалось проще всего, так как дикие олеандры росли повсюду.

— А где же гости? — спросил Солдат у одного из стражников, увидев, что в зале нет никого, кроме жреца. — Я полагал, сама королева будет присутствовать на свадьбе своей сестры.

— Поскольку даже невеста не потрудилась прийти, разве можно требовать это от ее родных и друзей, как ты думаешь?

Тут появился посланец, объявивший, что он от принцессы Лайаны.

— Пора уже, — сказал Солдат, подбоченясь. — Ну, вываливай скорее, приятель, когда я увижусь со своей женой?

— Принцесса сказала, что не желает вас видеть, — ответил посланник. — Ни сейчас, ни когда бы то ни было. Вы вольны оставаться в городе и заниматься чем пожелаете, но держитесь подальше от принцессы Лайаны. Ради своего же блага. Ее первые два мужа стали жертвами... э-э... несчастных случаев. Принцесса не хотела бы, чтобы вы разделили их судьбу.

Солдат с удивлением поймал себя на том, что при этом известии ощутил укол разочарования. Он всего один раз видел свою жену, да и то когда она сидела в носилках, скрытая от него, однако внезапно ощутил к ней сильное влечение. Да, она некрасивая, быть может, даже уродливая, если смотреть на нее с одной стороны. Но Солдат никогда не спешил судить людей по их внешнему виду. Он был потрясен, узнав, что ему не суждено встретиться со своей женой, не говоря уж о том, чтобы любить ее, как полагается супругу. Все радужные мечты завоевать принцессу как ветром сдуло.

— Это правда? Я больше не увижу свою невесту? — воскликнул Солдат. — Что же это за брак?

Посланник, опытный придворный, был непоколебим.

— Сестра королевы спасла тебе жизнь, чужестранец. Разве ты не благодарен ей? Ты обратился к принцессе с просьбой, которую она, добрая и милосердная, милостиво соизволила выполнить. А ты ворчишь по поводу недостаточного числа гостей и отсутствия пирогов и пива на праздничном столе!..

Число гостей? Да их нет ни одного. Пироги и пиво? Жениха ничем не угостили.

И все же посланник прав. Ему оставили жизнь. Увы, человеческая природа такова, что теперь, когда угроза смерти миновала, Солдату хотелось уже большего. Он мечтал получить состояние и положение в обществе, положенные члену королевской семьи. Он мечтал о самой принцессе, отдающей ему в постели свои ласки. Он мечтал о доме, о маленьком уютном дворце, где можно засунуть ноги под стол. Быть может, свора охотничьих собак? Ученый сокол? Пара слуг?

Разве он просит слишком много?

Посланец придерживался именно такого мнения.

— Я бы довольствовался тем, что остался жить — хотя, вероятно, долго это все равно не продлится. Кафф, новый капитан Имперской гвардии, почему-то тебя невзлюбил, чужестранец. А он с каждым днем набирает силу. На твоем месте я бы затаился где-нибудь в укромном месте и не высовывался до тех пор, пока тебя не унесут в деревянном ящике.

Вслед за этим добрым советом молодой супруг получил кошель с деньгами и был вышвырнут на улицу.

Солдат бродил по городу, пытаясь отыскать Утеллену. Теперь он был женат и собирался хранить верность принцессе, но все же Утеллена не выходила у него из головы. Ему показалось, она кого-то или что-то боится. Неужели молодая женщина преступила закон? Или она навлекла на себя недовольство какого-нибудь мелкого чиновника? Так или иначе, Утеллена старательно избегала встречи с Солдатом. Однажды он увидел ее на одной из трех главных улиц Зэмерканда, пересекавших весь город из одного конца в другой и имевших в длину более пяти миль. Заметив Солдата, Утеллена тотчас же подхватила своего хилого ребенка на руки и юркнула в ближайший переулок. Когда Солдат прибежал туда, ее уже и след простыл.

— Раз Утеллена не хочет со мной встречаться, я должен уважать ее волю, — сказал Солдат ворону. — Если только она не думает, что я желаю ей зла — что, разумеется, неправда.

— Кому дано постичь мысли женщины? — ответила птица, чистя клювом перья. — Тщеславные создания.

Солдат решил переночевать в трактире. Почему бы не потратить часть свадебного подарка супруги? Он нашел приличное с виду заведение и устроился в просторном номере с уютной кроватью. Спустившись в зал, Солдат заказал жареного цыпленка и эль. Вскоре вокруг денежного клиента собралось несколько торговцев и ремесленников. Среди них были сапожник, лоточник, мясник и дватри господина с рынка. Солдат быстро опьянел и начал делиться своими личными и домашними проблемами со всем трактиром.

— Кем она себя возомнила? — воскликнул он заплетающимся языком. — Из того, что она принцесса, еще не следует, что она какая-то особенная.

— Э... прошу прощения, но, по-моему, следует... — вежливо заметил сапожник.

— А тебя кто спрашивал? — огрызнулся Солдат. — Эля больше не получишь. Ни ты, ни твои дружки. Более того, сейчас я одним ударом уложу тебя на пол.

Сапожник считал иначе, однако, чтобы действовать наверняка, заручился помощью своих друзей — лоточника и мясника. Втроем они вышвырнули Солдата из трактира, и он растянулся во весь рост на булыжной мостовой.

Прохладный ночной воздух несколько его протрезвил. Поднявшись с земли, Солдат побрел к одной из трех главных улиц. Но сознание его было слишком затуманено, и он не заметил, как какая-то тень выскользнула из трактира и стала бесшумно красться следом за ним по темному переулку.

— Родитель однажды на серой кобыле... — пел Солдат, виляя из стороны в сторону и используя стены домов в качестве поворотных точек своего пути.

Незнакомец быстро догонял; в его руке что-то блеснуло, поймав луч лунного света, — лезвие ножа.

И в это мгновение ночной воздух наполнился чистым, мелодичным пением.

Оборвав свою собственную песню на полуслове, Солдат остановился.

— В чем...

Он был не настолько пьян, чтобы не узнать этот голос, хотя слова были ему непонятны, — ножны! Предостережение!

Солдат обернулся в ту самую секунду, когда убийца попытался вонзить ему в спину кривой нож. Взмахнув рукой, Солдат отбил выпад. Его затуманенный рассудок молниеносно прояснился. Сол-

дат нанес удар ногой, попав нападавшему в пах. Тот, взвыв от боли, полоснул ножом, распоров кожаную куртку, надетую на Солдата евнухом Офао.

— Ах ты, ублюдок! — воскликнул Солдат. — Ты мне за это заплатишь!

Прежде чем противник успел прийти в себя, Солдат изо всех сил ткнул его кулаком в подбородок. Убийца упал навзничь на брусчатую мостовую. Опустив тяжелый сапог на его правое запястье, Солдат услышал хруст. Нападавший, пронзительно вскрикнув, откатился назад, спасаясь от новых пинков, и, вскочив, побежал к трактиру. Солдат проводил его взглядом, с трудом держась на ногах.

— У меня есть враги, — пробормотал он, поднимая с мостовой кривой кинжал и засовывая его себе за пояс. — Кто-то хочет меня убить.

— Несомненно, Кафф, — произнес чей-то голос за плечом.

Ворон.

— Вот когда ты нужен, тебя нет, — проворчал Солдат. — Ты должен был предупредить меня об опасности задолго до того, как начал петь этот потертый кусок кожи, болтающийся на поясе.

— Я только что прилетел.

Минутное протрезвление прошло, и Солдат, доковыляв до стены, прислонился к ней.

— Почему ножны поют на непонятном мне языке? Какой в этом толк? Если бы я чисто инстинктивно не обернулся, то распростился бы с жизнью.

— Они поют на языке колдунов, — ответил ворон.

— То же самое говорил и мальчишка. Но почему?

Ворон покачал головой.

— А тебе не приходит в голову, что объяснение очень простое: ножны когда-то принадлежали колдуну? Не знаю, где ты их раздобыл, но если прежний владелец поймает тебя, ты переселишься ко мне в царство животных. Надеюсь, он превратит тебя во вкусного жирного червя, и тогда мы станем навеки неразлучны — я снаружи, ты внутри.

Солдат тряхнул головой, пытаясь прогнать хмель.

— А почему ты все время со мной? — спросил он. — Я уже давно задумываюсь об этом.

— Ты спас меня от змеи, — ответил ворон. — Змея была готова проглотить меня, когда ты убил ее ударом палки. Я перед тобой в долгу.

— Не помню.

— Это произошло на склоне холма, там, где, как тебе казалось, было сражение.

— Все равно ничего не помню.

Ворон презрительно фыркнул.

— Память у тебя совсем плохая, тебе не кажется?

Солдат пропустил издевку мимо ушей.

— Ты нашел женщину и мальчика?

— Именно поэтому я здесь. Они сейчас как раз покидают город. Женщина чего-то боится.

Заморгав, Солдат посмотрел на тени, отброшенные полной луной.

— Как и я. Меня только что пытались убить. Ты говоришь, за этим скорее всего стоит капитан Кафф? В таком случае мне тоже лучше на время покинуть Зэмерканд, пока меня не зарезали во сне.

— Да еще когда ты будешь пьян.

— Кончай болтать, ищем Утеллену.

Ворон полетел вперед, то и дело останавливаясь, чтобы поспевал Солдат. Человек и птица петляли по улицам города, избегая встреч со стражниками. Наконец они добрались до северных ворот, и Солдат увидел впереди женщину и ребенка, торопящихся так, словно за ними гнались.

Солдат поспешил за ними.

— Подождите, я иду с вами! — окликнул он женщину.

Утеллена испуганно обернулась и посмотрела ему в лицо.

— Зачем? Оставь нас в покое. Ты приносишь нам одни беды.

— Я не желаю вам зла. Мне необходимо убраться из города. Меня пытались убить. Я хочу найти тихое, укромное место, где можно немного отдохнуть.

Молодая женщина прижала мальчика к груди.

— Ты шпионишь за мной. Ты колдун — или шпион, присланный колдуном. Уходи, оставь нас в покое. Мы не сделали тебе ничего дурного.

Солдат схватил ее за руку.

— Клянусь, — с чувством произнес он, — я не колдун и не шпион. Я простой солдат, очнувшийся на опушке леса и обнаруживший, что память его оставила. Да, у меня есть ножны, судя по всему, волшебные, но я понятия не имею, где и от кого их получил.

— Ты разговариваешь с галкой, я сама видела.

— Прошу прощения, — вмешалась птица, — с вороном. Моя мать не пустила бы галку на порог своего дома. Галки крадут все, что плохо лежит.

— Мама, — сказал болезненный ребенок, отрываясь от груди матери, — по-моему, нужно взять Солдата с собой. Я ему верю. Пусть идет с нами.

Утеллена по-прежнему была чем-то напугана. Но, несомненно, слова сына оказали на нее сильное действие. Посмотрев Солдату в глаза, она сказала:

— Я их боюсь.

— Обычные глаза, — ответил Солдат. — Я принадлежу к другой расе людей, отличной от гутрумитов, только и всего.

— А также отличной от карфаганцев и всех остальных, кого я знаю.

Солдат пожал плечами.

— Быть может, я приплыл сюда из-за моря? Почему-то мне известно, что там живут люди с темным цветом кожи. В моей памяти существуют обособленные образы — все равно что на стене висят картины. Я знаю, что за морем живут высокие сильные люди с длинными черными волосами и смуглыми телами.

— Но не с голубыми глазами.

— Да, наверное, я родом из других мест.

И снова вмешался мальчик:

— Мама, нам нужно торопиться. Мы должны взять Солдата с собой.

Утеллена вздохнула.

— Ну хорошо, пойдем вместе.

— И будем доверять друг другу? — спросил Солдат.

— Похоже, у меня нет выбора, — ответила она.

— Итак, решено, — лаконично подвел итог ворон. — Тогда в путь.

Их остановили у ворот, но со стороны стражников это была чистая формальность. Ночное дежурство подходило к концу, вокруг все было спокойно. Решив, что перед ними семья из трех человек, стражники спросили, почему они покидают город в три часа ночи. Солдат ответил, что они идут собирать грибы, чтобы утром продать их на рынке.

— Давайте, — пробормотал один из стражников, — только принесите нам парочку самых больших грибов на завтрак. Мне очень нравятся жареные грибы. Запомните, нам нужны только хорошие грибы, такие, которые растут на полях или в лесу, с красивыми бархатисто-коричневыми шляпками. С красными пятнами и белой бахромой не приносите. Мой друг помер через полчаса, лишь облизнув палец после того, как сорвал какую-то гадость.

— Говорят, шляпка смерти убивает человека, проникая своими спорами через кожу, — заметил второй стражник. — Ее даже не обязательно класть в рот.

Первый стражник поежился от страха.

— Если хорошенько подумать, я лучше ограничусь яичницей с беконом. Куриц-убийц и ядовитых свиней ведь не бывает, правда?

Утеллена, Солдат и мальчик вышли за ворота в ночную темень и направились к лесу. Повсюду за городскими стенами их подстерегала опасность, однако по крайней мере в лесу можно было укрыться от возможных врагов. Правда, там обитали волки и дикие кабаны, но хотя кабан, загнанный в угол, мог напасть на человека, волки старались держаться подальше от двуногих существ. Солдат знал, что в многочисленных мифах о волках, нападающих на человека, почти нет правды. Его собственный опыт, запрятанный где-то в потаенных глубинах памяти, говорил, что волки опасны лишь в том случае, когда чувствуют, что человек болен или слаб, а они сами сходят с ума от голода. Волки — звери далеко не глупые; лучше затравить кабана, чем иметь дело с человеком.

Путники добрались до леса без происшествий. Уже начинало светать. Им пришлось продираться сквозь сети, сотканные гигантскими пауками. Повсюду встречались бочаги с затхлой водой, сгнившие деревья и останки диких животных и птиц. Лес кишел стервятниками, питающимися полуразложившимися трупами.

— Лучше не отходить далеко от опушки, — заметил Солдат. — А то мы сразу же заблудимся.

— Ничего страшного, — сказал мальчишка, уверенно направляясь в густые заросли. — Я знаю лес вдоль и поперек.

— Тебе уже приходилось здесь бывать?

— Мы еще ни разу не выходили из города, правда, мама?

Утеллена ничего не ответила, но Солдат истолковал ее молчание как положительный ответ.

— В таком случае, откуда тебе известна дорога? — спросил он мальчика. По мере того как они заходили все глубже в мрачную чащу, его все больше одолевало беспокойство.

— Все знания здесь, — загадочно ответил мальчик, постучав себя пальцем по лбу. — Доверься мне так же, как я доверился тебе.

Путники вышли на заросший мхом берег маленького ручейка, обрывавшегося водопадом с торчащего из земли обломка скалы. В трещинах в камне угнездились растения и дикие цветы. Кроны огромных деревьев смыкались высоко вверху, пропуская на полянку лишь узкие пучки света. Тут и там розовели красивые лихнисы. В заводи под водопадом копошились лягушки и тритоны. Земляной уж, одно из самых робких лесных существ, скользнул по траве, спеша скрыться под камнем. Воздух над искрящейся водой украшали кружащиеся бабочки и стрекозы.

— Какое красивое место! — восхищенно промолвил Солдат. — Раз остальной лес буквально гниет на корню, почему здесь так чисто и свежо?

— Небольшие очаги избежали тлена, — сказала Утеллена. — На наше счастье, моему сыну известно несколько таких мест.

Солдат стал сооружать шалаш. За поясом до сих пор торчал кинжал убийцы, и с его помощью он нарубил длинных крепких жердей, из которых сделал опоры. Затем он накрыл каркас слоем мха и листьев и разделил шалаш перегородкой на две части — поменьше для себя, побольше для Утеллены с сыном.

К тому времени, как взошло водянисто-бледное солнце, все было готово. Оставалось только позаботиться о еде. Солдат пошел вдоль ручья, стараясь держаться так, чтобы лагерь оставался против ветра, и поставил сделанные из гибкой ивы силки у места водопоя диких животных. Затем он сделал удочку из бечевки, выдернутой из пояса Утеллены, а в качестве крючка использовал ее же металлическую заколку для волос. Он вручил это приспособление мальчику, и тот радостно отправился ловить рыбу выше по течению. К вечеру Солдат поймал в свои силки зайца, а сын Утеллены ухитрился выудить радужную форель.

— Теперь мы поужинаем, как королевские особы, — пошутил Солдат.

Мальчишка оторвался от чистки рыбы.

— А ты и есть королевская особа.

Солдат задумался.

— Пожалуй, ты прав, — наконец сказал он. — Я муж сестры королевы. Хотя моя супруга меня не признает. Я не интересую ее как мужчина. Она просто пожалела человеческое существо. Принцесса Лайана вышла за меня замуж только для того, чтобы меня не лишил жизни Лорд-поимщик воров.

— Почему ты говоришь так уверенно? — спросил мальчик. — Быть может, не пуская к себе в дом, она защищает тебя от своего безумия. Возможно, на самом деле ты ей далеко не безразличен.

Солдат пристально посмотрел на мальчишку, залитого ярким светом костра. Тощие, словно тростинки, руки и ноги ребенка в пляшущих отблесках пламени казались почти черными. Они торчали из худого тельца, одного взгляда на которое было достаточно, чтобы заключить, что мальчик страдает чахоткой. У него было осунувшееся лицо, похожее на лицо эльфа, с узкими проницательными глазами и длинным тонким носом. Волосы торчали вверх, словно щетина щетки. В целом мальчик обладал весьма странной внешностью. Однако его последнее замечание показывало, что для своего возраста он очень проницателен.

— Мальчик, а сколько тебе лет? — спросил Солдат.

— Восемь, — с гордостью ответил тот таким тоном, каким говорят дети, считающие, что они достигли определенного порога и

теперь их нужно хвалить за мудрость. — Точнее, восемь с половиной.

— Для восьмилетнего ты рассуждаешь очень даже неплохо, но, разумеется, ты не прав. Принцесса видела меня всего лишь однажды. Люди не влюбляются с первого взгляда.

Мальчик пристально посмотрел на него.

— Но ты-то влюбился.

Услышав это замечание, Солдат изумленно вздрогнул. Он повернулся к Утеллене:

— Поразительный мальчишка.

К его удивлению, молодую женщину эти слова испугали. Она пододвинулась к сыну, словно стараясь защитить его от Солдата. Возможно, это было лишь плодом его воображения, но, казалось, даже черные деревья, окружающие полянку, зашевелившись, протянули вперед свои ветви, готовые прийти Утеллене на помощь, если она только позовет.

— Нет-нет — так ведут себя почти все дети его возраста. Они не понимают, что говорят.

Мальчик, которого Солдат мысленно окрестил «маленьким чародеем», посмотрел матери в лицо.

— Мама, этому человеку можно доверять. Не бойся. Солдат пришел издалека. Он не сделает нам ничего плохого.

— Конечно, не сделаю, — подтвердил Солдат. — Утеллена, неужели ты думаешь, что я способен на дурное?

Молодая женщина испуганно прижала ребенка к груди.

— Мама, расскажи ему нашу тайну. Он должен знать. Если нам суждено быть вместе с ним, надо ему все рассказать.

— Нет, — прошептала Утеллена. — А вдруг он шпион? Присланный неизвестно кем...

Вздрогнув, она умолкла.

— Какой шпион? — недоуменно пробормотал Солдат, сбитый с толку загадочным обменом фраз. — Боюсь, я ничего не понимаю.

Мальчик стал что-то настойчиво шептать матери на ухо. Сначала Утеллена качала головой, затем, не выдержав, залилась слезами.

Дав ей выплакаться, Солдат снова заверил ее, что не сделает им ничего дурного.

— Если вы опасаетесь, что я какой-то демон, принявший человеческое обличье, — что ж, мне вряд ли удастся доказать вам обратное.

— Мама, расскажи ему.

Фраза прозвучала скорее не как просьба, а как приказ.

— Ну хорошо, — тихо произнесла Утеллена. — Солдат, ты должен дать клятву никогда и никому не открывать то, что я сейчас тебе скажу. Иначе ты навлечешь на меня и моего ребенка большую беду.

Солдат смутился, услышав эти слова.

— В таком случае не думаю, что мне хочется знать вашу тайну. С меня хватает бремени собственных проблем. Я не знаю, кто я такой. Не знаю, откуда я родом. Я чужой в этой негостеприимной стране. Возможно, это следствие какой-то случайности, но мне почему-то кажется, что я попал сюда с определенной целью; вот только пытаться понять, с какой именно, — задача непосильная. Если вы собираетесь добавить к моей ноше дополнительный груз, то я предпочту обойтись без ваших тайн.

— А что, если, — загадочно промолвил мальчик, — ты пришел в Гутрум — в нашу страну — для того, чтобы найти какое-то избавление? Если так, ты должен искать его телом и душой, ибо оно тебя искать не будет. Ты должен хвататься за все, что тебе предлагают, в надежде отыскать зерно понимания.

— Необыкновенный мальчишка! — воскликнул Солдат. — Кто он, какой-то жрец?

Утеллена глубоко вздохнула, и тени словно придвинулись ближе.

— Он сын очень могущественного колдуна, — едва слышно произнесла она.

— Колдуна? — Солдат оглядел мальчика с ног до головы. — В таком случае, почему он такой хилый?

Мальчишка одарил его холодной бесстрастной улыбкой, от которой у Солдата мороз пробежал по коже. В этой улыбке он увидел уникальность сидевшего перед ним существа. Это был не простой смертный, с обычными человеческими чувствами и мыслями. Солдат понял, что ему не дано понять это странное создание. С таким же успехом он мог пытаться проникнуть в сердце и мозг разумного волка или мыслящей змеи. Мальчишка принадлежал к иной человеческой расе.

— В детстве колдуны не отличаются физической силой, — ответил мальчик. — Они слабые и беззащитные и легко становятся добычей людей. Вот почему нас так мало. Мы умираем от всевозможных болезней, нас убивают из страха. Вначале мы развиваем свой разум за счет тела. У нас нет врожденной способности использовать магию — это приходит после долгой упорной учебы. Точно так же простые люди овладевают естественными науками, философией, математикой. Ты же не ждешь, что твой сын родится образованным; ему предстоит отправиться к учителю, который даст ему знания. — Помолчав, ребенок добавил: — Впоследствии мои

кости обрастут плотью, но пока я вынужден отбирать у тела энергию, необходимую мозгу для того, чтобы он развил заложенные в него возможности. Я должен тратить все силы на то, чтобы оттачивать свой ум. Когда я заслужу право носить имя, я его получу — имя колдуна. До тех пор я буду жить — или умру безымянным.

— Чей это ребенок? — спросил Солдат, стараясь говорить о мальчике в третьем лице. — Ты действительно его мать?

— Ты пришел издалека, — сказала Утеллена, — и не знаешь, что происходит в Гутруме и окружающем мире. Ты видел бледное, слабое солнце. Видел повешенных, заболоченные озера, апатию и коррупцию, свирепствующие в городе. Мы находимся на грани войны со своими соседями. Ежедневно совершаются страшные убийства, но виновные остаются безнаказанными.

— Почему так происходит?

Утеллена вздохнула.

— Для того чтобы это объяснить, я должна начать издалека. Гутрум окружен горными хребтами, за которыми обитают силы зла. Самый большой из этих хребтов расположен на западе, и там на семи высочайших пиках сидят наши боги, по одному на каждом пике.

— И эти боги, — вмешался Солдат, — сдерживают силы зла?

— Не столько боги, находящиеся там просто потому, что они являются частью сверхъестественного мира. Зло сдерживается за счет постоянного бдения братства чародеев. Духовным наставником этого братства является Король магов. Именно он отвечает за равновесие добра и зла в мире.

— Насколько я понял, — скептически заметил Солдат, — этот Король магов обладает сверхъестественными силами?

— Разумеется, — подтвердила Утеллена. — Он обитает в западных горах. В настоящий момент Королем магов является колдун по имени ХуллуХ. Он постоянно болеет вот уже пятьдесят лет. ХуллуХ умирает от старости — по слухам, ему больше семисот лет, но колдуны живут долго и соответственно долго умирают. Силы оставили ХуллуХ'а, и безымянное зло просачивается из-за гор и отравляет души жителям Гутрума.

— На мой взгляд, это лишь отговорка, оправдывающая беззаконие и хаос, — сказал Солдат. — Я не верю в существование «безымянного зла» — есть только зло, порожденное людьми.

Вмешавшись в разговор, мальчишка изложил свои собственные взгляды:

— Возможно, Солдат, ты пришел из тех краев, где зло в чистом виде не существует, где оно лишь возникает в сердцах и умах смертных, жаждущих богатства и власти. Но здесь есть силы, с которы-

ми очень трудно справиться. Да, люди, колдуны и все живые создания творят свое собственное зло, однако также существует квинтэссенция зла, следствие того, что естественное и сверхъестественное живут рядом друг с другом, нередко переплетаясь. Магия и обыденность сливаются в одно целое. Границы между ними расплывчатые, и их постоянно пересекают в обе стороны. Здесь, Солдат, ты найдешь то, чего не ждешь.

— Значит, — сказал Солдат, так и не убежденный разъяснением, — людские пороки, которые я видел в стенах Зэмерканда, и загнивание природы вокруг обусловлены только тем, что заболел какой-то старый колдун?

— Все не так просто, — ответил мальчик. — Отчасти в этом виноват мой родитель ОммулуммО, изгнанный из страны отцом королевы Ванды, прежним правителем Гутрума, по просьбе Короля магов, моего родного дяди ХуллуХ'а. За это ОммулуммО наслал на королевскую семью приступы безумия, накатывающиеся совершенно непредсказуемо. Никто не знает, где сейчас находится ОммулуммО; его разум проникает сюда и заражает все, к чему прикасается. ОммулуммО, мой отец, так и не смог смириться с тем, что Королем магов был провозглашен его старший брат ХуллуХ. В его душе зрела зависть, и в конце концов ОммулуммО стал колдуном-отступником, борющимся с равновесием в мире. Отец больше не верит в симметрию; он служит и поклоняется злу. Он хотел, чтобы мир захлестнула преступность — должно быть, он до сих пор этого желает, ибо колдун, ставший отступником, навсегда падает в пучину несправедливости.

— И где сейчас твой отец?

— Это никому не известно. Вероятно, очень далеко.

— Однако его магия по-прежнему доходит сюда?

— Те, кто сворачивает на тропу зла, находят на ней несказанное могущество, ибо по ней ходят лишь немногие.

Глава седьмая

Солдат проснулся среди ночи, весь облепленный мелкими тварями, впившимися своими зубами в его тело. Вскрикнув, он вскочил и принялся стряхивать с себя незваных пришельцев, но те разжимали челюсти крайне неохотно. Солдат закричал, призывая на помощь.

Утеллена и мальчик, проснувшись, увидели в свете углей костра, что происходит. Схватив палку, мальчишка принялся бить паразитов, крошечных человекоподобных созданий размером не больше двух с половиной дюймов. Они крепко держались за Солдата челюстями, и, когда ему удалось рассечь одно из них ножом, голова осталась висеть, вцепившись зубами в плоть, в то время как извивающееся тело упало на землю. Солдату пришлось сдавить голову паразита, чтобы тот разжал челюсти, и только тогда он смог оторвать ее.

Осмотрев себя, Солдат обнаружил, что весь покрыт следами от укусов.

— Что это? — воскликнул он.

— Дроты, — ответила Утеллена, не переставая давить свирепые существа. — Кровососущие феи.

Под ударами Утеллены и мальчика полчища фей стали нести страшные потери. В конце концов крошечные создания обратились в бегство, разорвав тишину ночного леса громким жужжанием крыльев. По звукам, издаваемым злобными тварями, Солдат понял, что они очень разозлились. Одна из них, оглушенная ударом палки, потеряла ориентацию в пространстве и на полной скорости врезалась в дерево. Жутко вскрикнув, фея свалилась к ногам Солдата, судорожно дергая руками и ногами, и наконец затихла. Солдат, освободившийся от паразитов, поднял крошечное существо и изучил его в свете тлеющего угля.

— Совсем как маленький человечек, — с восхищением произнес он. Раскрыв дроте рот, Солдат увидел острые пилообразные зубки, два передних из которых были значительно длиннее остальных. — За исключением вот этого.

Тут его взгляд упал на маленькую раздутую тушку, извивающуюся рядом с костром. Солдат быстро наступил на смертельно раненную дроту, прекращая ее страдания. Фея лопнула, выплеснув на зашипевшие угли капельки крови.

Солдат вдруг почувствовал головокружение и слабость.

— Что-то мне не по себе, — сказал он, стыдясь этого признания. — Кажется, я вот-вот свалюсь в обморок.

— Потеря крови, — объяснила Утеллена. — Ты лучше ляг полежи, а я подогрею суп из зайчатины. Тебе нужно немного отдохнуть, и все будет в порядке. А пока мой сын наберет веток терновника и сделает из них защитный экран.

Солдат обессиленно опустился на землю.

— Почему дроты не попадались мне до сих пор?

— Их можно встретить только в лесу, — сказала Утеллена. — Вот в такой чаще они водятся в огромных количествах. В основ-

ном дроты кормятся кровью домашнего скота, но им очень нравится и человеческая кровь. Говорят, она полезная, потому что люди едят много разнообразной пищи.

— А почему дроты вас не кусали? — поинтересовался Солдат, несколько задетый тем, что стал единственной жертвой кровожадных тварей.

— Кровь сына колдуна они ни за что не станут пить — это их убьет. А я, наверное, просто спала слишком близко к костру, и они побоялись на меня нападать. Я постоянно просыпалась от жары, но я слишком хотела спать, чтобы отползти дальше.

Солдат обиженно произнес:

— Могли бы предупредить...

— Мы забыли. День выдался таким длинным. Мне даже в голову не пришло, что на нас нападут дроты.

— Больше вы ни о чем не хотите меня предупредить?

Мальчишка, натаскавший веток терна и разложивший их вокруг поляны, сказал:

— Где-то в этом лесу обитает гигантский вепрь, но беспокоиться о нем не нужно.

— Это еще почему?

— Потому что нам все равно не известно, где он. Если вепрь нападет, нам останется только защищаться всеми подручными средствами. Он питается путниками, зашедшими в лес. Вепрь их убивает, а потом оставляет на несколько дней и возвращается, только когда мясо немного протухнет. Тогда он набивает себе брюхо. У этого вепря есть имя.

Хотя Солдат прожил среди гутрумитов и карфаганцев совсем недолго, он сразу же интуитивно понял, что, если у вепря есть имя, это не обыкновенное животное. Так же, как меч с именем уже не просто меч, дикий зверь с именем — что-то из ряда вон выходящее. Этот вепрь, должно быть, или незаконнорожденный сын какого-нибудь божества, или сотворен богами. Подобная тварь может годами терроризировать какой-нибудь город — до тех пор, пока не найдется отважный храбрец, который войдет в анналы истории, убив зверя и став героем.

— И как зовут этого вепря?

— Его имя Гарнаш. Говорят, он весит целую тонну, а клыки у него словно сабли.

— Итак, компанию нам составит гигантский вепрь.

В это мгновение со стороны далеких лесистых холмов донесся вой.

— И, разумеется, волки, — добавила Утеллена. — Здесь полно волков.

— Не сомневаюсь, — язвительно буркнул Солдат. — А еще где-то поблизости рыщет бродяга-ханнак, ищущий покрытый бородой подбородок, из которого можно сделать парик.

— Нет-нет, — поспешила заверить его Утеллена, — ханнак сюда ни за что не придет — его лошадь не продерется через терновник.

— Ну, хоть так. А теперь можно немного поспать? Признаться, я порядком устал.

Солдат улегся в шатер, пытаясь снова заснуть, но ему казалось, что из темноты к его беззащитному телу тянутся всякие зловредные твари. Где-то далеко волки подняли морды к луне и завыли. Солдат вслушался в их унылую песнь. Через некоторое время он начал узнавать некий повторяющийся звук. Казалось, волки произносили одно-единственное слово, но его смысл терялся в завываниях. Волчий вой — плавный, тягучий, мелодичный по своей сути, и на большом расстоянии его трудно истолковать. Солдату почему-то казалось, что волки произносят его имя — его настоящее имя, однако, сколько он ни вслушивался, ему не удавалось разобрать ни единого слога.

— Волки знают, кто я, — печально промолвил он, обращаясь к самому себе, — но я не могу понять, что они говорят.

— Я тоже не могу распознать, какое слово они воют, иначе я бы тебе сказала.

— Утеллена? — встрепенулся Солдат. — Ты не спишь?

Подойдя к нему, молодая женщина улеглась рядом. Солдат ощутил запах ее волос, вымытых какими-то лесными травами и издающих сладостный аромат, что, признаться, сильно воздействовал на его решимость хранить верность жене. И все же Солдат повернулся к Утеллене спиной.

Где-то неподалеку насмешливо крикнул филин.

— Ты находишь меня отталкивающей? — спросила Утеллена. — Я для тебя только женщина из сточной трубы?

Солдат уселся на земле. Филин продолжал издеваться над ним.

— Утеллена, я считаю тебя очень привлекательной. Именно поэтому я отвернулся. Ты же знаешь, я женат...

— Твоя жена тебя не любит, — разочарованно произнесла Утеллена. — Она тебя прогнала. И твой брак еще не осуществлен.

— И все же я не могу. Понимаю, это глупо. Большинство мужчин расстались бы с правой рукой за одну ночь с такой женщиной, как ты. И всего неделю назад я был бы одним из них. Но сейчас боги скрепили союзом двух человек, и один из них — я. Это часть того, какой я есть. Я не могу все отбросить. И еще — я должен любить женщину для того, чтобы разделить с ней ложе, в противном случае это действие для меня ничего не значит. Извини.

Прижавшись к нему, Утеллена крепко обвила его руками.

— А меня ты не любишь? — спросила она, не выпуская его из своих объятий. — Ты меня ненавидишь?

— Нет, не ненавижу. Ты мне очень нравишься — я буду тебе братом, но не возлюбленным.

Филин крикнул особенно громко, и Солдат стиснул зубы. Ему действительно очень нравилась Утеллена, и он мог бы полюбить ее, если бы не появилась другая женщина. Но эта женщина появилась, и теперь Солдата от всех остальных женщин на свете отделяла стальная дверь.

Солдат чувствовал себя отвратительно. Выйдя из шалаша, он уселся на корень могучего дерева. Лес был залит серебристым лунным светом. Вдруг со всех сторон налетели лесные феи размером меньше дрот. Они буквально облепили Солдата: прозрачные крылья пронзительно жужжали, крошечные глазки горели огнем, горячие пальчики больно щипали острыми ногтями. Убедившись, что он стойко терпит их проказы, феи принялись покусывать его тело, возбуждая в нем вожделение. Чем старательнее Солдат стряхивал их с себя, тем больше они ему досаждали. В конце концов он сдался. Распаленный страстью, он вернулся в шатер и попытался заснуть, но его не оставляли живые картины: они с Утелленой катаются по ковру мягкого мха среди корней гигантского граба, слившись в пылких объятиях любви.

Солдат заснул лишь под утро, так и не нарушив обет воздержания. Он сохранил верность даме своего сердца, и эта мысль стала для него источником утешения.

Утеллена проснулась раньше мальчика.

— Ты меня прости, — сказала она. — Я не должна была приставать к тебе ночью. Я перед тобой очень виновата. На меня... на меня что-то нашло. Наверное, это отголоски влияния отца мальчика. Время от времени оставшиеся во мне его частицы толкают меня на самые необъяснимые поступки.

— По-моему, это совершенно естественно — стремиться к любви, — ответил Солдат. — Но меня очень интересует отец твоего сына. ОммулуммО до сих пор скрывается где-то в Гутруме?

Утеллена кивнула.

— Здесь или в одной из соседних стран.

— В таком случае, как же ты... как же ты забеременела от него? — спросил Солдат. — Вы встречались еще до того, как колдун был изгнан из Зэмерканда?

— Нет. ОммулуммО вселил свое вожделение в одного юношу, и тот сумел меня соблазнить. Колдуны способны удовлетворять

свои похоти, общаясь с женщиной посредством подставного мужчины. Как только наша пылкая встреча закончилась, несчастный юноша рухнул без сил и мгновенно увял. С ним произошло то же самое, что бывает с высохшим грибом-дождевиком: от него осталась одна оболочка, а внутри только пыль.

— И ты забеременела?

— Колдуны обладают огромной силой... Отец мальчика хочет сжить его со свету. Большинство детей, рождающихся от этих порочных союзов, погибают от рук своих отцов-колдунов, не дожив и до семи лет. Молодые и чистые духом, они представляют собой угрозу родителям. Их разум еще не испорчен честолюбием, жаждой власти и другими мирскими желаниями.

— Но двум-трем малышам все же удается дожить до отрочества? — спросил Солдат.

— Разумеется, именно так распорядилась сверхъестественная природа, в противном случае новые колдуны больше никогда бы не появлялись. Как в обычной природе из пятидесяти вылупившихся на свет черепашек лишь двум-трем удается добраться до моря, прорвавшись сквозь заслон чаек и других птиц, так и из потомства колдунов только двое-трое доживают до семи лет. Опять же, из оставшихся трех черепашек одного выводка в лучшем случае одной удается достичь половой зрелости, не попав в желудок акулы или другого морского хищника.

Солдат задумался над услышанным.

— Значит, тебе удалось сохранить жизнь сыну, несмотря на то что за ним охотятся... Да, кстати, а кто именно за ним охотится?

— Подручные его отца: крысы, пауки, жуки и прочие мелкие твари, обитающие в мрачных местах.

В этот момент проснулся мальчик. Выбравшись из шалаша, он принялся собирать хворост и сухие листья, чтобы развести костер. Вскоре из тлеющих углей снова вспыхнуло пламя. На укрытой от ветра поляне стало тепло. Срезав с лианы похожий на тыкву плод, мальчик с помощью ножа Солдата вычистил его изнутри. Наполнив получившийся сосуд водой из ручья, он поместил его среди горячих камней, не подставляя пламени костра. Вода довольно быстро стала теплой.

— Замечательный мальчуган, — одобрительно произнес Солдат. — Только проснулся и сразу же принялся за работу, не дожидаясь, когда его попросят.

— Он мой сын, — с гордостью заявила Утеллена.

Заметив на щиколотках мальчика следы, похожие на ожоги от раскаленных пальцев, Солдат спросил Утеллену, что это такое.

— Это отпечатки рук ведьмы, принимавшей роды. На теле тоже есть ожоги от ее рук — на бедрах и животе. И, упреждая твой следующий вопрос, я обратилась к ведьме, а не к обыкновенной акушерке, потому что знала: мне предстоит дать жизнь сыну колдуна. Роды такого ребенка происходят очень трудно. Он всегда находится в чреве в неудобном положении, как бы в боевой позе, готовый отразить нападение. Ведьме пришлось переломать малышу кости, чтобы вытащить его. Вот почему у мальчика такие странные руки и ноги. Когда он станет взрослым, то сможет выправить их с помощью магии.

— Переломала все кости? — в ужасе воскликнул Солдат.

— Такое случается и во время обычных родов, когда ребенок выходит боком.

— Я не знал. А как ты поняла, что у тебя будет мальчик? Могла ведь оказаться и девочка.

— У колдунов не бывает дочерей — только сыновья.

Позднее, делая себе лук и стрелы, Солдат спросил у мальчика:

— На тебя когда-нибудь нападали крысы или пауки?

— Да, крысы нападали. Однажды приползла змея — пещерный удав.

— И что они делали?

— Пытались перегрызть мне горло, чтобы я задохнулся или умер от потери крови.

Солдат удивленно поднял брови.

— Однако ты остался жив.

— Я их убил, — ответил мальчик, злобно сверкнув глазами. — Когда я был еще совсем маленький и лежал в колыбели, я одну крысу задушил, а другой откусил голову.

— Легко могу в это поверить, — сказал Солдат, оглядывая мальчишку. У него по спине пробежал неприятный холодок. — Слушай, я собираюсь пойти на охоту. Поброжу по лесу с часок, а потом ты меня окликнешь. Сможешь? Не думаю, что заблужусь, но на всякий случай я хочу иметь возможность найти поляну, идя на твой голос.

— Хорошо, — сказал мальчик, снова превращаясь в послушного ребенка, готового выполнить просьбу взрослого. — Я буду кричать сорокой.

Солдата охватило сомнение.

— А что, если где-нибудь в лесу будет надрываться настоящая сорока? Тогда я не узнаю, в каком направлении идти.

— В этот лес сороки не залетают. Вообще здесь нет никаких птиц, кроме сов и филинов.

— Как скажешь.

Солдат тронулся в путь с луком и копьем, сделанным из палки с привязанным каменным наконечником. Заметив, с какой стороны стволы деревьев покрыты мхом, он двигался в одном направлении, осторожно пробираясь через подлесок. Пару раз Солдат пробовал убить мелких зверей — хорька, древесную куницу, — но оба раза промахнулся. Проворные животные попадались в его хитроумные силки, сделанные из гибких веток, но охотничьего мастерства у Солдата явно не хватало. С луком он почти не умел обращаться, особенно если учесть, что у стрел не было оперения. В конце концов Солдат решил возвращаться в лагерь с пустыми руками. Он стал ждать криков мальчишки, которые сообщили бы ему направление на поляну.

Наконец послышался крик сороки — несколько раньше, чем ждал Солдат. Он донесся издалека. Солдат понял, что отошел от лагеря гораздо дальше, чем думал, ибо крик прозвучал еле слышно. Он попытался крикнуть в ответ. Однако мальчик правильно выбрал тембр своего голоса, и его было хорошо слышно; в то же время низкий, глухой крик Солдата заблудился в густых зарослях уже через несколько ярдов. По лесной чаще мог разноситься только высокий, пронзительный звук. Оставив попытки ответить мальчику, Солдат поспешил в направлении криков.

Проходя по поляне, залитой солнечным светом, осветившим крошечные красные цветки, Солдат вдруг почувствовал, что за ним следят. Быстро обернувшись, он огляделся по сторонам, но увидел лишь уходящие вверх колонны сосен, смыкающиеся над головой кроны и подлесок внизу. Солдат внимательно вслушался в тишину, стараясь уловить треск ломающихся веток или топот копыт по твердой земле.

Ничего.

Ни звука, ни запаха, ни следа преследователя.

И все же Солдат не сомневался, что за ним охотятся. Он вышел из лагеря на охоту, но теперь сам стал добычей. Кто может преследовать человека средь бела дня? Только не волки. Они могут напасть ночью на одинокого усталого или больного путника, но днем, на здорового воина — никогда. Медведь? Маловероятно. Медведи предпочитают сторониться людей. Солдату приходил на ум только один враг, способный охотиться на него, — Гарнаш, огромный вепрь. Ни одно другое живое существо, исключая человека, не станет преследовать охотника.

Солдат осмотрел свое оружие. Если действительно за ним следит вепрь, он попал в беду. У него есть только лук и самодельное копье.

— Но если я убью Гарнаша, — произнес вслух Солдат, пытаясь себя подбодрить, — можно будет больше не беспокоиться о Каффе и ему подобных. Я стану победителем волшебных зверей. Все будут говорить: «Остерегайтесь этого бесстрашного охотника, расправившегося с Гарнашем!»

Срезав несколько лиан, Солдат соединил их вместе и сделал петлю, а свободный конец привязал к толстой ветви, нависшей футах в тридцати над землей. Когда Гарнаш почувствует, как что-то обвилось вокруг его ноги или шеи, он инстинктивно понесется сломя голову, не разбирая направлений, пытаясь освободиться: такова природа всех диких зверей. Тем самым вепрь лишь туже затянет петлю из лианы и попадется в ловушку. Солдат собирался просидеть на дереве до тех пор, пока Гарнаш не выдохнется, бегая по лесу. Тогда Солдату останется только слезть с дерева и поразить огромного зверя ударом копья в сердце, а затем добить его кинжалом. Если же что-то пойдет не так, ему все равно нечего бояться, так как он будет сидеть высоко на дереве.

Пока Солдат обдумывал этот план и осуществлял необходимые приготовления, до него доносились крики из лагеря. Но перед тем как вернуться к Утеллене и мальчику, он должен убить Гарнаша. То-то они будут удивлены!.. Солдат гадал, достаточно ли длинное лезвие у его ножа для того, чтобы отрезать вепрю голову и принести ее с собой в качестве доказательства своей победы. Впрочем, об этом можно побеспокоиться позже.

Взобравшись на дерево, Солдат уселся в разветвлении ствола, держа в руке лиану. Сверху ему была хорошо видна куча листьев, которой он прикрыл петлю.

Он ждал.

Ждал.

Начало смеркаться.

Наконец внизу послышалось фырканье и пыхтение, не слишком громкое. Определенно это была какая-то дикая свинья, кабан, но разобрать, Гарнаш это или кто-то другой, пока что было нельзя. Вдруг ветви кустарника раздвинулись, и на покрытую сумерками поляну выбежало огромное животное, бесшумно скользящее большой тенью, — громадный черный вепрь.

Когда Солдат увидел это чудовище, его сердце пропустило удар. Действительно, настоящий гигант — огромный живот, покрытый щетиной, почти касался земли. Здоровенная голова была размером с присевшего взрослого человека, а на затылке и плечах висели толстые складки кожи. Солдату со своего места были хорошо видны полчища дохлых мух, запутавшихся и раздавленных в них.

В плоском рыле чернели двумя пещерами ноздри. Нижнюю челюсть зверя окаймляла полоска черных жестких волос, напоминающая человеческую бороду, а над ней торчали два длинных желтых клыка. Над приплюснутым пятаком сверкали умные, но совершенно беспощадные глазки. Это злобное создание готово было без сожаления расправиться с любым живым существом.

Чудовище подалось вперед, принюхиваясь, и вдруг, к ужасу Солдата, поднялось на задние ноги.

Солдат завороженно застыл от страха. Громадный зверь стоял, показывая розовое брюхо с застывшим в готовности членом, и внимательно оглядывал поляну. В нем было не меньше двенадцати футов роста. Вепрь всматривался в заросли холодными злобными глазками, выискивая добычу. Трясясь от ужаса на верхушке дерева, Солдат недоумевал, как ему могло взбрести в голову сразиться с таким могучим противником.

Шаг, два шага, три шага... Зверь неуклюже шел вперед, поворачивая в стороны гигантскую куполообразную голову, всматриваясь и принюхиваясь. Из приоткрытого рта, в котором виднелись два ряда почерневших зубов, пенясь, вытекала слюна.

Гарнаш снова принюхался.

Вдруг зверь поднял взгляд вверх, к разветвлению дерева, где притаился Солдат, и через несколько мгновений его челюсти скривились в выражение, которое можно было бы назвать усмешкой, если бы только речь не шла о свином рыле. Гарнаш увидел свою добычу, спрятавшуюся высоко на дереве, и это его, похоже, нисколько не смутило.

Огромное чудовище снова опустилось на все четыре ноги. Отбежав на противоположный край поляны, оно бросилось вперед и со всего размаху налетело лбом на дерево. Череп в дюйм толщиной, за которым находилась целая тонна живого веса, с громким стуком врезался в ствол. Казалось, сама земля содрогнулась, и отголоски этого сотрясения раскатились по всему миру. Солдат что есть силы вцепился в ветку. Дерево, на котором он сидел — могучий дуб, старый, развесистый, — закачалось словно осина, получившая удар каменной глыбой. Несколько гнилых ветвей обломилось, желуди дождем пролились на поляну, корни затрещали. Просто чудо, как Солдату удалось удержаться наверху. Его положение было таким же уязвимым, как у птичьего гнезда, свитого на тонкой ветке.

В это мгновение Солдат увидел, что вепрь наступил задней ногой на кучу листьев, прикрывавшую петлю. Он быстро дернул за лиану. На бедре чудовища затянулся аркан. Жутко вскрикнув от ярости, Гарнаш бросился в кусты.

Секунду-другую Солдату казалось, что его замысел удался. Но это чувство бесследно исчезло, как только зверь отбежал достаточно далеко и натянул лиану. Гарнаш побежал дальше. Дерево его не остановило. Оно начало гнуться. Корни вырывались из земли. В конце концов разъяренный вепрь выдернул могучее дерево. Солдат отчаянно цеплялся за ветви, но когда дуб наклонился слишком сильно, он сорвался вниз. Солдат свалился как камень прямо на твердый хребет Гарнаша. Пытаясь удержаться, он ухватил пучок жесткой щетины, напоминающей длинные иголки, и вырвал волосы с корнем. Гарнаш издал пронзительный вопль.

Перепуганный до смерти Солдат побежал куда глаза глядят.

Гарнаш бросился за ним. Лиана, привязанная к дереву, натянулась. Огромный вепрь, ревя от ярости, напрягся изо всех сил. В конце концов, когда дуб наконец рухнул на землю, лиана лопнула, и Гарнаш неуклюже засеменил за своей добычей. Но Солдат успел намного его опередить. Он улепетывал, подгоняемый страхом, ломился напрямую сквозь кусты, перепрыгивал через ручьи, обегал стволы деревьев. Солдат бежал до тех пор, пока не разглядел в покрытой сумерками зелени огонька костра. Наконец он, задыхаясь, выскочил на поляну.

— Скорее, — переведя дыхание, крикнул Солдат. — Залезайте на дерево — за мной гонится Гарнаш!

Мальчик и Утеллена, не двинувшись с места, изумленно глядели на него. Солдат тоже посмотрел на себя, ожидая увидеть, что у него не хватает ноги или по крайней мере руки. Но нет, с ним все было в порядке, если не считать того, что он был с ног до головы перепачкан красной грязью.

— Разве вы не слышали, что я сказал? — крикнул он, испуганный их бездействием. — Вепрь гонится за мной по пятам! Смотрите, — Солдат протянул длинные волоски, вырванные из щетины на затылке зверя, — вот доказательство того, что я говорю правду. Ну же, быстрее, быстрее!

Молодая женщина и ребенок сидели неподвижно, и наконец мальчик произнес:

— Гарнаш сюда не придет.

— Почему? Откуда такая уверенность?

— Из-за костра, — пояснила Утеллена. — Гарнаш, как и большинство диких зверей, боится огня.

Утеллена говорит правду. Вряд ли гигантский зверь рискнет приблизиться к самому страшному оружию человека. Одного запаха дыма достаточно для того, чтобы обратить обыкновенное животное в бегство. Но Гарнаш не обыкновенное животное. А что, если огонь для него значит не больше, чем для человека?

— Ты уверена? — выпалил Солдат, обращаясь к Утеллене.

— А как ты думаешь, в противном случае я бы стояла спокойно здесь?

Все еще охваченный дрожью, Солдат подсел к костру. Бегство от разъяренного чудовища отняло у него последние силы. Откинувшись на спину, он уронил голову на дерн и заснул. Солдат смутно помнил, что через какое-то время его разбудили и накормили бульоном из зайчатины. Затем его оставили в покое и дали возможность спать до самого утра.

Солдата разбудили доносившиеся издалека звуки труб и барабанная дробь.

— В Зэмерканде что-то случилось, — сказала Утеллена. — В городе оживление.

— Нам слышно на таком расстоянии? — спросил Солдат.

— Ветер дует с юга и доносит звуки с равнины.

— Что за шум?

Мальчишка, которого происходящее, похоже, заинтересовало гораздо больше, чем его мать, сказал:

— Война. Это военные трубы.

Усевшись на земле, Солдат тряхнул головой, затем направился к ручью. У него в ушах по-прежнему стоял далекий гул фанфар. Умывшись, он вернулся к костру, где уже была разогрета скудная трапеза, и поел, запивая зайчатину холодной водой. Утолив голод, Солдат повернулся к мальчику и снова заговорил о трубах:

— Значит, война?

— Вероятно, с людьми-зверями, а может быть, с ханнаками или да-тичеттами, — ответил мальчик. — Но скорее всего наша армия выступает в поход на людей-лошадей или людей-диких собак. Люди с головами зверей живут на севере, в стране Фальюм. В последнее время они спускаются с горных перевалов, угрожая собраться большими силами и напасть на город. Если им удастся уладить внутренние распри и объединиться, они станут грозным врагом. К счастью для Гутрума, кланы Фальюма постоянно ссорятся между собой. Помимо своей воли, они делают для нас доброе дело, служа буфером между нами и чужеземцами.

— А чем страшны чужеземцы? Я сам прибыл издалека.

Мальчик пожал плечами.

— Такими они созданы.

— А люди-лошади и люди-собаки? — спросил Солдат. — Они варвары?

— Можно сказать и так. Один из них виновен в том, что уничтожил красоту принцессы Лайаны, сестры королевы, твоей жены.

Ее изуродовал человек-дикий пес Вау. Эти страшные шрамы, что ты видел у нее на лице, оставлены зубами Вау.

Внезапно в душе Солдата вскипела ярость.

— Ее кто-то покусал? А я думал, виной всему пожар. Как это произошло?

— Принцесса Лайана выехала на любимой пегой кобыле охотиться с ястребом. Ее немногочисленная свита случайно наткнулась на отряд грабителей. Один из людей-собак прыгнул на принцессу и вонзил зубы в правую половину ее лица. Для того чтобы освободить Лайану, челюсти Вау пришлось разжимать мечом. Свита была настолько озабочена состоянием принцессы, что Вау, несмотря на серьезные раны, удалось бежать. А твоя жена так и не смогла полностью оправиться от нападения. Это наложилось на ее безумие, порожденное другой причиной.

Распаленный рассказом, Солдат вскочил на ноги.

— Я должен принять участие в этом походе! — воскликнул он, и в его голосе прозвучал праведный гнев. — Я обязан отыскать человека-пса Вау и убить его. Наконец происходящее у вас в стране стало и моим делом.

Глава восьмая

В то время как Солдат произносил торжественную клятву перед немногочисленной аудиторией из двух потрясенных слушателей, принцесса Лайана встала с кровати.

Ее спальня находилась под самым куполом Зеленой башни, сделанным в виде бутона тюльпана. На крепостных стенах, которые принцессе было хорошо видно из четырех окон, забранных белыми чугунными решетками, чтобы она в припадке безумия не выпрыгнула вниз и не разбилась, трубачи и барабанщики исполняли военные марши. В перерывах между ревом труб и грохотом барабанов в спальню Лайаны доносилось воркование голубей на крышах дворца. Эти звуки были несовместимыми: символы войны и мира, бок о бок, спорящие между собой и требующие внимания.

Спальня Лайаны, подобно спальне ее сестры во Дворце Птиц, была обита мягким материалом. Дверь всегда запирали снаружи слуги. Все это также было вызвано безумием принцессы. Она не могла покидать свою опочивальню и бродить по замку ночью, когда стражники и горничные не так внимательны, как днем.

Но сегодня Лайана была в здравом уме, и этот период должен был продлиться не меньше двух-трех недель, поскольку она только что оправилась от страшного приступа, затмившего ее рассудок. Припадки безумия всегда чередовались с непродолжительными передышками. Это было очень жестоко по отношению к принцессе, поскольку промежутки просветления вселяли в нее ложные надежды. Чем дольше они продолжались, тем больше крепла уверенность принцессы, что сумасшествие отступило навсегда. Но рано или поздно болезнь возвращалась, набрасываясь на ее разум и душу. Припадки истощали Лайану физически и духовно; ей становилось страшно при мысли о том, что она сделала или могла бы сделать, находясь в буйном помешательстве.

Принцесса в шифоновой ночной рубашке подошла к окну. На подоконнике устроилась стайка белых голубей с пышными хвостами. Увидев девушку, птицы взмыли в воздух. Лайана обрадовалась этому — однообразное воркование ей надоело.

— Какое прекрасное утро, — промолвила девушка, глядя на прозрачное голубое небо. — Пусть так продолжается вечно.

Но тут снова затрубили фанфары, загремели барабаны, к ним прибавился грохот трещоток.

Вдруг Лайана вспомнила, что теперь она замужем за совершенно незнакомым мужчиной.

Что ею двигало? Сострадание? Или же она испытывает какое-то чувство к Солдату? Принцесса находилась в смятении. Проще всего было бы сказать, что она не знала, что у нее на уме. На самом деле большую часть времени собственный ум ей не принадлежал. Однако в прошлом Лайана не позволяла своим чувствам диктовать ей, как себя вести. Ее предыдущие два супруга — да обретут их души покой — были выбраны не по любви, а за твердый характер. Лайана надеялась, что у них хватит сил сдерживать ее дикие вспышки безумной ярости.

Как она ошибалась!

Но Солдат совсем другой.

Что бы ни считали Кафф, королева и другие, впервые принцесса встретила его не на улице, сидя в носилках. Первый раз она увидела Солдата, охотясь верхом среди лесистых холмов на юге.

В промежутках между припадками сумасшествия и исключительно в светлое время суток Лайане предоставлялась относительная свобода передвижения в пределах городских стен. Королева надеялась, что, если с ее сестрой в это время случится приступ, рядом окажутся рабы, стражники, слуги, которые доставят принцессу во Дворец Диких Цветов. Однако тайком от старшей сест-

ры, пугая и огорчая слуг, не выдававших этого секрета королеве, Лайана время от времени ускользала от своих опекунов.

В этих случаях она направлялась к кузнецу по имени Бутро-батан, с которым подружилась еще в детстве, когда он подковывал ее любимую пегую кобылу.

Бутро-батан был огромный, нескладный великан с громадными руками и массивной головой, сидевшей прямо на широких плечах; когда кузнецу требовалось посмотреть в сторону, он поворачивался всем телом. Кожу на его лице и плечах испещряли крохотные оспинки от ожогов, оставленных раскаленными искрами. Бутро-батан отличался недюжинной силой и крутым нравом, и его побаивались, хотя никто не мог припомнить, чтобы он когда-либо обращал свои кулаки против другого человека. При этом кузнец, подковывая могучих тягловых лошадей, обращался с ними нежно, словно с котятами. Принцессе Лайане, впервые приведшей свою лошадь к Бутро-батану, было столько же лет, сколько его дочери, когда та погибла от рук объятой ужасом толпы.

Дочь кузнеца была убита на рынке, когда у нее на губах выступила пена. Перепуганная толпа забила девочку камнями, решив, что в нее вселился демон. На самом деле эти приступы были вызваны тем, что ребенок в детстве постоянно играл в раскаленной кузнице. Однажды такой приступ случился, когда девочка пошла одна на рынок, и находившихся рядом людей охватила паника. Кузнец горько переживал гибель дочери и, разумеется, винил во всем себя. На его запястье темнели следы от ожогов: он прикладывал к ним раскаленное докрасна железо, наказывая себя за недосмотр.

Бутро-батан был всегда готов услужить принцессе. В конюшне за кузницей он держал пегую кобылу и охотничьего ястреба, а также оружие и одежду. Еще кузнец начал ковать для принцессы легкие красивые доспехи, поскольку Лайана выразила желание отъезжать еще дальше от Зэмерканда, а он хотел по возможности защитить ее от опасностей. Бутро-батан прекрасно понимал: если королева прознает о том, что он помогает ее младшей сестре на время сбрасывать оковы, налагаемые королевским происхождением и болезнью, его предадут страшной смерти. Впрочем, он уже не беспокоился о таких неизбежных вещах, как смерть.

И вот случилось так, что принцесса Лайана в один из своих тайных выездов на охоту, укутанная в синюю холстину, скрывающую ее изящные формы, наткнулась на рыцаря. У нее на глазах он поднялся с земли, словно очнувшись от глубокого сна, и недоуменно огляделся по сторонам. Поговорив с самим собой, рыцарь на-

правился к девушке, оборванный, окровавленный, все еще не пришедший в себя, с болтающимися на поясе пустыми ножнами.

— Парень, — спросил он, — здесь произошло сражение?

— Какое сражение? — удивилась принцесса.

Незнакомец действительно выглядел так, словно недавно принимал участие в битве. На это указывал не только его внешний вид, но и сильнейшая усталость. Голубые глаза рыцаря очаровали принцессу. Она до сих пор не могла решить, не было ли в них колдовства. Что с ней случилось — она подпала под действие заклинания или же наконец ее терзают муки любви? Девушка не верила в то, что последнее возможно. Окружающие постоянно твердили принцессе Лайане, что у нее холодное сердце, что она никогда не сможет любить никого, кроме себя. Со временем девушка начала сама в это верить.

— Ты пошла в отца, — говаривала ей нянька, уже давно умершая. — У тебя ледяное сердце. Держи его всегда замороженным, малышка, тогда тебя никто и никогда не обидит.

Лайана верила старой няне. Она не сомневалась, что ее отец был человек холодный. Ходили слухи о том, что мать Лайаны всю жизнь металась от одной безумной любовной связи к другой, пытаясь найти тепло и ласку, которых ей недоставало в браке. Капитан гвардии, простой стражник, музыкант, поэт, священнослужитель, писец — королеве было все равно, она тащила в свою кровать всех. Озлобленный принц-консорт, считая себя жертвой похотливой жены, полностью отвернулся от женщин.

И как будто этого было недостаточно, Лайану изуродовал человек-пес Вау. Теперь, холодная, помешанная и уродливая, она была недостойна любви.

Лайана не сомневалась, что Солдат найдет утешение в объятиях других женщин.

— Он не сохранит верность ведьме, — пожаловалась Лайана своей горничной и наперснице Дриссиле сразу же после свадьбы, — даже несмотря на то что она принцесса, а он нищий. Поэтому я ни за что не допущу его сюда. Отвергнув его, я сохраню свою честь и его жизнь, ибо весьма вероятно, что в припадке безумия я попытаюсь убить своего супруга.

Темноволосая Дриссила слушала госпожу, расчесывая ей волосы рогатой ракушкой, преподнесенной Солдатом в качестве одного из свадебных даров. Служанка стояла за спиной принцессы, сидевшей в резном деревянном кресле. Отражение Дриссилы в серебряном зеркале помахало Лайане этой расческой, сотворенной природой.

— По-моему, мысль неплохая. Он красивый мужчина, но от его глаз меня мороз по коже пробирает. Они такие странные, голубые. Наверняка, этот человек способен совершить убийство! Быть может, именно вы не проснетесь утром после первой брачной ночи.

— Ты полагаешь, он похож на убийцу? А я считаю, напротив, он ангел.

— Это потому, моя госпожа, что он одурманил вас своим беззаботным отношением к жизни. О, он очень обходительный головорез, но есть в нем что-то еще. Что-то очень-очень опасное, если хотите знать мое мнение. Он вас ослепил, и вы не видите его истинную сущность. — При этих словах Дриссила фыркнула. — Если вы меня спросите, моя госпожа, я вам скажу вот что: выбросьте его на свалку к тем двоим, пока он не перерезал нас всех во сне.

— А по-моему, он совершенно беззащитный. Тебе он действительно кажется опасным?

В этом Дриссила была непреклонна. Свое мнение она высказала уверенно и решительно. Перестав причесывать госпожу, служанка обошла ее и посмотрела ей прямо в глаза.

— В нем есть что-то жуткое. Он производит впечатление человека беззащитного и простодушного, но я чувствую, что в нем есть что-то очень страшное. Госпожа, этому солдату-изгнаннику пришлось пережить нечто ужасное, вынудившее его искать счастья в незнакомом мире, где он чужой. Бесшабашных авантюристов подталкивает сзади прошлое и тянет вперед настоящее. Солдат совершил в прошлом ужасный поступок. И способен совершить что-то ужасное в будущем. Нам лучше держаться от него подальше.

Тот факт, что Солдат опасен, нисколько не умалял его в глазах Лайаны. Больше того, это делало его еще желаннее. Некоторых женщин тянет к подобным натурам. И все же принцесса сознавала, что гоняется за жар-птицей. Солдат женился на ней только для того, чтобы спасти свою жизнь, не больше.

— Кто сможет полюбить такое страшилище, как я? — вздохнула Лайана, поворачиваясь к зеркалу боком, чтобы снова посмотреть на перекошенный глаз, исполосованную щеку с глубокими бороздами сморщенной кожи, разорванный уголок рта. — От такого отталкивающего зрелища вывернет наизнанку даже врача, препарирующего трупы.

— Не обращайте внимания на свое лицо, у вас золотое сердце, — поспешила успокоить ее преданная служанка. — Это гораздо важнее.

— Не надо забывать о терзающем меня безумии, — грустно заметила Лайана.

Этот разговор состоялся несколько дней назад. Сейчас принцесса вспоминала его, дожидаясь прихода Дриссилы и остальных служанок, наблюдая из окна за тем, что происходило за пределами дворца.

С высоты башни были хорошо видны карфаганские солдаты, собиравшиеся у городских ворот. В воздухе пахло войной. Это подтверждали реющие на ветру знамена и флажки, громкие звуки военных маршей. Воины-наемники собирали красные шатры, складывая шесты и сворачивая парусину. Не всем карфаганцам предстоит двинуться в поход на север — половина останется охранять Зэмерканд на случай неожиданного нападения людей-зверей из Фальюма.

Вдруг Лайана застыла, увидев фигуру, приближавшуюся к городу со стороны леса. Солдат! Он уверенно направлялся к сборному месту карфаганцев.

— О, что он делает? — воскликнула вслух Лайана. — Я думала, он спокойно живет где-нибудь в городе.

Ее внимание привлек звук отворившейся двери.

Это был Офао. Осторожно заглянув в комнату, евнух всмотрелся в лицо принцессы, пытаясь обнаружить на нем следы безумия.

— Не бойся, Офао, со мной все в порядке, — заверила его Лайана. — Сегодня я чувствую себя замечательно.

Слуга с опаской шагнул в опочивальню.

— Я очень рад, моя госпожа. — Внезапно его голос стал участливым и обеспокоенным. — Но вы так бледны! Вы не заболели? Почему вы стоите у раскрытого окна в одной тонкой ночной рубашке? Госпожа, вы подхватите болезнь, которая унесет вас в могилу.

— Я только что увидела своего супруга.

Офао испуганно огляделся по сторонам.

— Нет, — успокоила его принцесса, — не здесь. За городскими стенами. Смотри, — она подозвала евнуха к окну, — видишь, он подходит к карфаганскому капитану. Что у него в руках? Деревянное копье? Лук? Неужели он собирается отправиться в поход вместе с наемниками?

— Похоже на то, моя госпожа. В его движениях сквозит уверенность, — пробормотал Офао. — Какая осанка, какая фигура! — с завистью добавил он.

Прищурившись, Лайана посмотрела на своего слугу.

— Офао, ты забываешься. Он мой супруг.

— Да, госпожа, разумеется. К тому же — увы — его не интересуют другие мужчины, нисколько не интересуют.

— Что ж, очень признательна тебе за эти сведения, — усмехнулась принцесса. — Следует ли из твоих слов, что ты пытался его соблазнить?

— Нет-нет, моя госпожа. Для этого достаточно только хорошенько на него взглянуть.

Помолчав, Лайана сказала:

— Офао, спой мне что-нибудь, успокой меня. Я никак не могу прийти в себя.

Открыв рот, слуга запел высоким поставленным голосом кастрата. Его пение было благозвучнее трелей птиц. Закрыв глаза, Лайана унеслась на крыльях музыки куда-то далеко, за пределы сурового, несправедливого мира, где мужья записываются в войско и уходят в поход, чтобы погибнуть в никому не нужных сражениях.

Глава девятая

— Ты можешь объяснить, что ты делаешь?

Этот вопрос задал ворон, подлетевший к Солдату и опустившийся ему на плечо.

— Я собираюсь поступить в войско.

— Остуди свой пыл. Зачем тебе это? Ты ведь не карфаганец.

— Потому что иначе я не сдвинусь с мертвой точки. Мне необходимо расти, завоевывать себе положение. Для этого есть только один способ — я должен продвигаться вверх по иерархической лестнице. Я солдат. Значит, мне лучше всего поступить в войско. Именно это я и собираюсь сейчас сделать.

Ворон щелкнул языком.

— Тебя бросят в самое горячее место. Новобранцам всегда приходится идти в бой в первых рядах. Тебя убьют или ранят в первом же бою. И как далеко ты сможешь продвинуться?

— Не беспокойся, я обязательно останусь жив. Кстати, я все равно собирался проситься в отряд «обреченных». Только так можно быстро расти в карфаганской армии.

«Обреченными» назывались добровольцы, первыми вступавшие в бой. Они принимали на себя первый удар неприятеля. Этот отряд всегда действовал на острие атаки. Потери в нем были страшные, зато все оставшиеся в живых автоматически получали следующее звание, а то и перепрыгивали через чин. Вопрос стоял так: все или ничего, поскольку после каждого боевого столкновения большая часть «обреченных» оставалась лежать на поле битвы.

Смахнув с плеча ворона, Солдат подошел к офицеру, руководившему разборкой шатров.

— Я хочу поступить в карфаганскую армию, — сказал он.

Офицер, оказавшийся женщиной, оглядела Солдата с ног до головы. Мужчины-карфаганцы отличались невысоким ростом, но были все как один коренастые и плотные. Женщины, напротив, были в среднем на голову выше мужчин и очень стройные. Женщина-лейтенант, к которой обратился Солдат, произвела на него впечатление сильной и выносливой; на лбу у нее, прямо под краем кожаного шлема со стальными полосами, темнел рубец от меча. Подобно воинам, бывшим у нее под началом, лейтенант носила стальные кирасу и наплечники, однако других доспехов на ней не было, руки и голени оставались открытыми. Обута она была в кожаные сандалии.

— Ты даже не карфаганец, — презрительно усмехнулась женщина. — И чем ты собираешься воевать — вот этим?

Солдат смущенно посмотрел на деревянное копье с кремневым наконечником и грубо сделанный лук. Свой кинжал он отдал Утеллене и мальчику, оставшимся в лесу, понимая, что им понадобится какое-то оружие и инструмент. Солдат очень переживал, что не убил гигантского вепря Гарнаша. Тогда он явился бы к карфаганцам героем, показавшим себя в деле воином.

Солдат лихорадочно думал, что ответить лейтенанту.

— Наверное, я смогу получить назад свой боевой молот, — неуверенно произнес он. — Его забрал Лорд-поимщик воров. — У него мелькнула искра надежды. — Ваши воины видели, как я отнял в поединке этот молот у конного ханнака, всего несколько недель назад, прямо на поле, где стоят ваши шатры.

— Как же в таком случае твой молот очутился у Лорда-поимщика воров?

— Его отобрали, когда меня арестовали. Но потом меня освободили из-под стражи, сняв все обвинения. Я... теперь я муж принцессы Лайаны.

В глазах лейтенанта зажегся огонек интереса.

— А, так ты тот самый парень, да? Ну конечно, голубые глаза. Мне следовало тебя узнать. Что ж, даже если так, женитьба на члене королевского дома еще не делает из человека хорошего воина. А поединок с ханнаком... тебе могло просто повезти. Наверное, так и произошло. Пехотинец против конного ханнака? Я бы поставила на ханнака свое годовое жалованье.

— И тем не менее, — настаивал Солдат, близкий к отчаянию, — я закаленный в боях ветеран.

— В каких же сражениях ты принимал участие?

— Не помню, — убитым голосом ответил Солдат.

Лейтенант покачала головой.

— Только посмотри на свое копье! Его смастерил какой-то пещерный человек. У него даже нет металлического наконечника. А чем это ты обмотал древко?

Солдат снова горько пожалел о том, что пришел сюда не как победитель чудовища Гарнаша.

— Это шерсть — щетина с затылка дикого кабана.

— Какого еще кабана?

Воины, разбиравшие шатер, оставили работу, с любопытством ожидая ответа.

— Гарнаша, гигантского вепря, — сказал Солдат. — Я пытался его убить, но не смог.

Лейтенант широко раскрыла глаза от изумления.

— Ты охотился на Гарнаша и остался жив?

— Ну да, я остался жив, но мне не удалось с ним расправиться.

— Откуда у тебя его шерсть? — спросил подошедший сержант.

— Я вырвал ее у него из спины, — признался Солдат. — Я вцепился ему в загривок, и волосы остались у меня в руке.

— Ты ездил верхом на Гарнаше?! — воскликнула лейтенант. Вдруг выражение ее лица изменилось. — Ты лжешь. Это не может быть правдой.

Взгляд Солдата на мгновение превратился в голубую сталь.

— Я никогда не лгу, тем более не приписываю себе незаслуженных подвигов, — произнес он ледяным тоном. — Человек, у которого осталась только его честь, должен свято придерживаться правды, ибо в противном случае он потеряет все. Судья может солгать — его защитит высокая должность. Принц может солгать — у него есть деньги и титул. Солдат может солгать, ибо ему на помощь придет его семья — весь полк, в котором он служит. Чужеземец, прибывший издалека, без гроша за душой, солгать не может, так как тогда у него больше ничего не останется. Ложью он разденется донага, сбросив с себя единственное, что у него было.

— Внешне он похож на воина, — заметил сержант, — но говорит как философ. Я ему верю.

Лейтенант кивнула.

— И я. Слушай, незнакомец, у нас в карфаганской армии нет «полков». У нас есть шатры. Воины, живущие вместе в одном шатре, сражаются под одним знаменем. Нашим шатром — шатром Орла — командует капитан Монтекьют. На нашем знамени изображен орел. Когда мы выступаем в поход, орел улетает с нашего штандарта.

— Орлы в небе, смерть врагам! — крикнул стоящий рядом воин.

— Я могу поступить в шатер Орла? — спросил Солдат. — Для меня это будет большая честь.

— Я должна переговорить с капитаном, — ответила лейтенант. — Хотя человеку, катавшемуся верхом на Гарнаше, не откажут без веских причин.

— Идиот! — бросил ворон перед тем, как взмыть в воздух.

Карфаганский сержант выпучил глаза.

— Эта птица говорит человеческим языком?

— Нет, — заверил его Солдат. — По-моему, она просто каркнула.

Лейтенант, как и обещала, обратилась к капитану, и тот согласился, что воин, катавшийся верхом на Гарнаше, словно это бык или дикий конь, придется кстати шатру Орла.

Солдат сходил в город. С большим трудом ему удалось вернуть свой боевой молот. После этого он был принят в шатер в качестве простого пехотинца.

Еще до того, как день перевалил за половину, карфаганское войско выступило в поход, направляясь на северо-запад к горным перевалам. В той стороне находился Кермерский проход, соединявший Гутрум и Фальюм, страну людей-зверей. Именно этим проходом пользовались бандиты, грабившие беззащитных крестьян в окраинных районах Гутрума.

— Похоже, мы выдвигаемся значительными силами, — заметил Солдат, обращаясь к одному из своих товарищей. Он окинул взглядом длинную извивающуюся ленту воинов в красно-коричневых плащах и вьючных мулов, везущих рыже-красные шатры. — И все это лишь для того, чтобы расправиться с бандами кочевников?

— На самом деле эти банды весьма многочисленные, — ответил тот. — До тысячи всадников и две-три тысячи пеших воинов. И они прекрасно умеют держать в руках оружие.

— Они сражаются не хуже ханнаков?

— Люди-звери еще более свирепые и безжалостные, чем ханнаки.

Это многое сказало Солдату о противнике, с которым ему предстояло столкнуться, хотя он за всю свою жизнь встретил лишь одного-единственного ханнака.

Колонна воинов напоминала лениво ползущую по полям огромную ржаво-бурую змею. Впереди и сзади следовали сторожевые дозоры, следящие за неприятелем. Центральный район Гутрума занимали безлесые равнины, заросшие высокими травами и дикими цветами. Солдат с удивлением поймал себя на том, что некоторые виды растений ему известны. Особенно много было желтого вербейника и чертополоха. Тут и там встречались заросли касатика, которым местные крестьяне латали свои плетеные крес-

ла и островерхие крыши. Солдат также узнал бледно-лиловую сирень и коровяк, а еще сладкий батат. Изредка встречавшиеся деревья, в основном айва и тутовник, скорее всего были посажены крестьянами. Здесь не росли ни развесистые дубы, ни буки, ни вязы.

К вечеру третьего дня войско подошло к потухшему вулкану, высоченной громадиной поднимавшемуся над равниной. Несмотря на то что бледное солнце припекало спины воинов, на вершине горы лежал снег. Карфаганское войско разбило лагерь у подножия горы, называющейся Ккамарамм в честь какого-то дракона, однажды устроившего свое логово на неприступной скале. Высоко в небе кружили орлы. Как только лагерь расцветился кострами и все сели ужинать, Солдат отправился искать воина по имени Велион, с которой успел сдружиться во время похода. В отличие от остальных воинов шатра Орла Велион встретила новичка довольно радушно. Солдат отметил, что ему почему-то всегда удается лучше ладить с женщинами, чем с мужчинами.

Солдат не знал обычаев и порядков войска, в котором служил. Он то и дело совершал ошибки, в частности, назвал клинок лейтенанта мечом.

— Она родом из Джундры, это такая провинция в Карфагане, и офицеры-джундранцы называют свои мечи «ножницами», — объяснила ему Велион. — Обрати внимание, в отличие от остальных карфаганских воинов они носят два меча, по одному с каждого бока. В бою джундранцы сражаются обоими клинками, действуя ими наподобие ножниц и нанося удар по противнику сразу с двух сторон. Тому приходится отбивать одновременно два удара, а это очень непросто.

— Могу себе представить, — согласился Солдат, разворачивая старое, вытертое одеяло, которое кто-то отдал ему из жалости. — По-моему, отличный прием.

— О, у нас в запасе множество подобных приемов, — сказала Велион, выпячивая грудь вперед. — Карфаганцы — великие воины и наводят ужас на врагов. Карфаганец не покинет поле боя до тех пор, пока неприятель не будет разгромлен. Ты еще услышишь о том, как целые шатры были истреблены до последнего воина. Мы сражаемся до тех пор, пока остается хоть один человек, способный держать в руках оружие. Разумеется, случаются тактические отступления — мы отходим, столкнувшись с противником, многократно превосходящим нас числом, — но карфаганцы никогда не обращаются в бегство. За каждым отходом обязательно следует наступление. Наша храбрость не знает границ.

— Похоже, я правильно выбрал, на чьей стороне воевать, — улыбнулся Солдат, слушая пылкую речь Велион.

Он уже провел два вечера у бивуачных костров. Карфаганцы пели песни о своих былых победах, декламировали стихи, посвященные подвигам героев, устраивали поединки, наказывали провинившихся, нарушивших правила и законы, возносили молитвы богам войны перед сном.

Солдат был поражен бдительностью часовых, несколькими кольцами окружавших лагерь на каждом привале. Он отметил, как тщательно выбирают место для лагеря офицеры, как быстро возводят временные укрепления — выкапываются рвы, а из местной растительности, например, из колючего терновника, сооружаются стены. Во всем царили дисциплина и предусмотрительность. Ни один карфаганский командир не мог даже представить себе, что его попустительство и безразличие позволят жестокому врагу внезапно напасть на шатер, хотя ему не пришлось бы в этом случае ни перед кем оправдываться, так как сам он, несомненно, погиб бы на поле боя вместе со своими воинами.

Пока Солдат разговаривал с Велион, вокруг бесшумно собрались остальные воины шатра Орла. Внутри шатра царил своеобразный полумрак; солнце еще не зашло, и его лучи, пробивавшиеся сквозь парусину, окрашивали все в кроваво-красный цвет. Дневной переход был очень утомительным, но в глазах воинов горел огонь.

В воздухе повисло напряжение. У Солдата засосало под ложечкой. Он понятия не имел, что происходит, однако чувствовал, что это связано либо с ним, либо с Велион. Та, впрочем, не проявляла никаких признаков беспокойства.

— Что вам от меня нужно? — спросил Солдат, оглядываясь и ища взглядом кого-нибудь из офицеров. — В чем дело?

Вспомнив смутные обрывки своего боевого прошлого, затянутого туманом, он догадался, что сейчас его ждет посвящение в воины шатра. Если бы собравшиеся принесли с собой тряпки с завязанными узлами, палки или что-нибудь в таком же духе, Солдат понял бы, что его будут бить. Раз офицеров нет, ожидается нечто противоречащее порядкам. Прогонят сквозь строй? Окунут в ледяную воду? Заставят претерпеть сексуальное или иное унижение на глазах товарищей? Надо быть готовым ко всему. Он должен доказать, что достоин влиться в ряды бойцов, — а те желали убедиться, что в смертельном бою рядом с ними будет человек, которому можно верить.

— Ну, — спросил он, вставая и смело смотря в лица собравшихся, — что я должен сделать?

— Орлиное яйцо, — сказала Велион. Несомненно, она с самого начала знала о том, что этот момент настанет, но не имела права пре-

дупредить своего нового друга. — Мы расположились лагерем в предгорьях. Наш шатер носит название Орла. Ты должен взобраться на гору Ккамарамм, найти орлиное гнездо и принести нам одно яйцо.

Произнося название горы, Велион отчетливо проговорила удвоенные согласные в начале и в конце слова.

Солдат вгляделся в лица воинов.

— Темной ночью?

— Темной ночью, — угрюмо подтвердила Велион. — В этом-то все дело. При свете дня каждый сможет.

«Каждый ли?» — подумал Солдат, всегда боявшийся высоты.

— А они... вы уверены, что сейчас орлы вьют гнезда?

— Орлы несут яйца круглый год.

— Замечательно, — пробормотал Солдат.

— Так что тебе лучше отправляться в путь, — усмехнулся один из воинов.

— Всего-то — подняться и спуститься.

Остальные негромко рассмеялись. В их поведении не было враждебности. Через подобное испытание должен пройти каждый новичок, так что лучше поскорее с этим покончить.

— А как насчет часовых? — спросил Солдат. — Вдруг они примут меня за дезертира и прирежут?

— Непременно прирежут, если заметят, как ты покидаешь лагерь. И обязательно убьют, если заметят, как ты возвращаешься — примут тебя за вражеского лазутчика. Наши часовые очень шустро обращаются с луками: сначала пускают стрелу, потом задают вопросы.

— Ну а пароль? — с надеждой спросил Солдат.

— За пределами лагеря никого из наших быть не должно, — ответил тот же воин. — Так что к чему пароль?

Солдат кивнул. Делать нечего, надо идти. Чем скорее он отправится в горы, тем быстрее вернется назад.

— Велион, — обратился к подруге Солдат, расстегивая пояс со своими драгоценными волшебными ножнами, — будь добра, присмотри за ними, пока я отлучусь ненадолго. Никому не отдавай. Они мне очень дороги.

Он протянул Велион свои погнутые, потертые ножны, которые будут только мешать ему в темноте карабкаться по скалам. Лучше избавиться от всего ненужного.

Велион торжественно приняла у него ножны.

— Я глаз не спущу с этой драгоценной вещи. И вот еще что...

— Да?

Молодая женщина одарила его невеселой улыбкой.

— Постарайся не сорваться в пропасть.

— Приложу все усилия.

Повернувшись к воинам, Солдат попробовал пошутить:

— Наверное, мне нужно радоваться, что я не попал в другой шатер. А то меня могли попросить достать яйца кобры или похитить неродившегося волчонка из чрева волчицы.

— Это еще не самое страшное, — ответил один из воинов. — У нас есть шатер Акулы...

Полог шатра приподняли, и, выскользнув наружу в темноту, Солдат пополз по каменистой земле. Продвигался он мучительно медленно. Похоже, это предприятие займет у него всю ночь, и спать не придется. Даже если ему улыбнется удача, завтрашний день будет сущим адом.

Повсюду стояли часовые. Солдату удалось прорыть пальцами лаз под изгородью из колючего терновника, окружавшей лагерь. Бесшумно спустившись в ров, он выбрался на противоположный край временной преграды. Костры давно прогорели, превратившись в горки тлеющих углей, и Солдат скользил в темных промежутках между ними. Один раз проходивший мимо часовой наступил ему на руку. Солдат прикусил губу, чтобы не закричать от боли. У него мелькнула мысль обнаружить свое присутствие. Уж наверное, с карфаганскими часовыми иметь дело проще, чем со скалами Ккамарамма. Товарищи ведь не смогут винить его в том, что его заметили, правда? Но тут же Солдат сообразил, что затем обязательно состоится вторая попытка. И так будет продолжаться до тех пор, пока он не принесет проклятое орлиное яйцо и не сунет его им под нос.

Ушло не меньше часа на то, чтобы отдалиться от часовых на достаточное расстояние. Встав, Солдат размял затекшие члены. Он уже валился с ног от усталости, а основная часть задания была впереди. К счастью, небо было усыпано звездами, и в их свете Солдат мог разглядеть смутные очертания скал. Не имея понятия, где искать орлиные гнезда, он предположил, что они должны находиться где-то наверху. Отыскав тропу, протоптанную горными баранами, Солдат начал карабкаться вверх, то и дело оступаясь на осыпях. Один раз, пытаясь ухватиться рукой за скалу, он почувствовал, как у него из-под ладони выскочило что-то колючее.

Достигнув конца тропы, Солдат стал подниматься напрямик по склону. Скоро он запыхался и выбился из сил. Взобравшись на отвесный обрыв, Солдат оглянулся назад и увидел далеко внизу огни лагеря. От огромной высоты закружилась голова. Если он сорвется, его ждет неминуемая гибель.

Ему удалось развернуться и прижаться лицом к скале. Некоторое время Солдат стоял, пытаясь отдышаться и приходя в себя. Такое не могло присниться в самом страшном кошмаре: стоять на узкой площадке над бездонной пропастью в кромешной темноте.

Нередко Солдату снились высокие крепостные стены и башни замков, но, как выяснилось, ничто не могло сравниться с этой острой, как шпиль, горой.

— Если спущусь отсюда живым, — жалобно простонал Солдат, — больше никогда в жизни не оторву от земли сразу обе ноги.

Солдат поднимался все выше и выше, ища в расселинах и небольших пещерах следы гнезд. Ему начало казаться, что его обманули. А вдруг те, кто остался внизу, знают, что на Ккамарамме орлы не водятся? Что, если его послали выполнять заведомо невыполнимое? Сейчас воины, несомненно, надрывают животы от смеха, рассказывая друг другу, какой же глупый оказался новобранец, которому вряд ли посчастливится спуститься с горы живым. От этих мыслей Солдату стало совсем мерзко. Он умрет ни за что, ради чьей-то глупой прихоти, совершенно бессмысленно.

— Мой дух будет являться к ним, — сказал Солдат вслух, подпитывая свою злость мыслями об отмщении. — Я заставлю их заплатить за эту дурацкую шутку.

И вдруг совершенно внезапно, словно по волшебству — Солдат решил, на него снизошло благословение богов, — он наткнулся на гнездо. На самом деле гнездо представляло собой несколько веток и кучку травы, наваленные на широком плоском камне. Но что еще более невероятно, в этом жалком сооружении лежали два огромных яйца. Солдат не увидел никаких следов хозяина гнезда, хотя, когда он ощупал яйца, они оказались теплыми.

— Чудеса... Кто-то заботится обо мне — другого объяснения быть не может.

Солдат с сожалением взял одно здоровенное яйцо, стыдясь того, что похищает жизнь у матери, хотя бы и хищной птицы. Положив яйцо за пазуху, поближе к сердцу, чтобы согревать его своим теплом, он начал спускаться в долину, выбирая самую короткую и простую дорогу.

Как оказалось, идти вниз было еще сложнее, чем подниматься. Задача значительно усложнялась тем, что Солдату нужно было сохранить яйцо целым. Где-то на полпути он обнаружил кое-что еще: внутри яйца что-то шевелилось; похоже, заключенный в скорлупу птенец готов вылупиться. Оставалось надеяться, что он успеет добраться до своего шатра, пока яйцо еще целое. Солдат сомневался, что его товарищи удовлетворятся осколками скорлупы, а ему совсем не хотелось второй раз совершать такой подвиг.

Наконец он спустился в долину, и перед ним опять встала та же самая проблема, только наоборот. Предстояло снова пробраться мимо часовых, возвращаясь в лагерь. Восток уже розовел зарей, в небо поднимались острые лучи света. Утро — не лучшее время,

чтобы красться по открытой местности. В предрассветных сумерках часовым приходится удваивать бдительность. Тени пускаются наперегонки друг с другом в расплывчатом сером мире, и те, кто заступает в последнюю смену, пристально высматривают малейшее движение. Солдату как нельзя кстати пригодился опыт, смытый с поверхности его памяти, но в достатке затаившийся в глубинах подсознания.

Пробираясь между деревьями, Солдат полз по канавам и рвам. Порой ему казалось, что он удаляется от лагеря, но он упорно двигался вперед. Каждый ярд давался с огромным трудом. Беспокоило Солдата и то, что он преодолевает кольцо часовых, бдительно несущих дежурство: раз это удалось ему, может, удастся и убийце с зажатым в зубах ножом. Солдат чувствовал, что вряд ли сможет в будущем спокойно спать в лагере, полагаясь на опыт и внимание часовых.

К тому времени, когда он преодолел кольцо часовых, солнце успело подняться над горизонтом. Воины шатра Орла уже мылись в переносных кожаных бадьях. Отыскав Велион, Солдат направился прямо к ней. Капитан Монтекьют, заметив его, отвел взгляд в сторону. Разумеется, офицерам было известно про обряд посвящения, но они закрывали на это глаза.

Оторвавшись от бадьи, Велион приветливо улыбнулась.

— Я не сомневалась, что у тебя получится, — сказала она. К ним сходились остальные воины. — Ты ведь принес яйцо, правда?

— Принес, — гордо ответил Солдат, — но нам лучше поторопиться. Кажется, из него вот-вот вылупится птенец. Быть может, мы оставим орленка где-нибудь в таком месте, чтобы его нашла мать и отнесла обратно в гнездо? Например, у ручья? Орлы ведь тоже пьют воду, правда?

— Об этом не беспокойся, — проворчал один из воинов. — Давай показывай яйцо.

Сунув руку за пазуху, Солдат достал яйцо и протянул его на ладони.

Посмотрев на яйцо, воины недоуменно уставились на Солдата.

Велион подняла брови.

— В чем дело? — спросил Солдат. — Что-то не так?

— Это не орлиное яйцо, — сказала Велион.

Солдата охватила паника.

— С чего вы взяли?

— Уж мы-то разбираемся в таких вещах, Солдат, — хмыкнул кто-то из воинов. — Мы ведь служим в шатре Орла.

У Солдата оборвалось сердце. Не орлиное яйцо? Тогда чье же?

Впрочем, скоро это станет ясно, так как яйцо начало трескаться прямо у него в руке, раскрывая свое содержимое. Что там внут-

ри — какая-то птица, гигантское насекомое или змея? Испугавшись, Солдат поспешно опустил яйцо на землю, вспомнив, что только что вылупившиеся змееныши обладают таким же сильным ядом, как и их родители, хотя во всех остальных отношениях они еще совершенно неразвиты.

В яйце образовалась дырка, и из нее высунулась маленькая зеленая мордочка. Постепенно скорлупа рассыпалась, начиная с верха, потом с боков, открывая извивающуюся зеленую рептилию.

— Крокодил? — воскликнул пораженный Солдат. — Милосердные боги, каким образом он попал в горы? Возможно, яйцо унесла какая-то птица? В гнезде их было два. Неужели хищная птица собирает яйца крокодилов?

— Замолчи! — остановила его Велион. — Смотри!

Под пристальными взглядами воинов крохотное создание стало слизывать со своего тела липкую слизь. У этого зеленого чуда природы было красноватое брюшко и красные кожистые складки у носа. Ярко-красные. Цвета хорошего вина или темной розы. Причудливое существо обладало длинным хвостом, гибким и подвижным, как у ящерицы, двумя крошечными лапками с острыми когтями и вытянутой мордой. Длинный язык, дотянувшись до спины, тщательно облизал тело. И тут началось настоящее волшебство — на спине стал распускаться цветок.

Воины зачарованно смотрели, как расправились два тонких, будто вуаль, крылышка, протягиваясь к теплым лучам солнца. Крылышки были настолько прозрачные, что просвечивали насквозь, и на спине крошечного существа заиграли радужные зайчики.

Вдруг новорожденный малыш пронзительно вскрикнул, словно почувствовав на себе любопытные взгляды. Громкость крика совершенно не соответствовала размерам маленького создания: несомненно, он был слышен на несколько миль вокруг.

Окружавшие Солдата воины, притихшие и бледные, стали пятиться назад.

— В чем дело? — спросил Солдат.

— Это дракон, — пробормотал кто-то из воинов. — Правда, из маленькой разновидности. Двухлапый зеленый красногрудый дракон. Они могут зависать в воздухе как стрекозы. Вырастают до размеров медведя, не больше.

— О, всего до размеров медведя? — спросил Солдат.

Велион схватила его за руку.

— Он зовет свою мать...

Конец ее фразы потонул в истерическом крике новорожденного, уставившегося на Солдата.

— Знаешь, — сказала Велион, перехватив обожающий взгляд крошечного существа, полный любви и голода, — сейчас он считает тебя своей матерью — и, наверное, ему хочется молока.

Еще один жуткий крик.

— Приглядите за ним! — воскликнул Солдат, бросаясь к полевой кухне.

Он вернулся через полминуты с куском истекающей кровью свиной печени и стал кормить детеныша, засовывая ему в пасть по маленькому ломтику. Дракончик довольно урчал, не отрывая глаз от аппетитного мяса.

— Пора трогаться в дорогу! — крикнул подошедший сержант. — Сворачиваем шатер — живо!

Нарезав печень мелкими ломтиками, Солдат неохотно расстался со своим подопечным.

Воины быстро свернули шатер и, нагрузив вьючных мулов, через несколько минут приготовились тронуться в путь. Малыша-дракона поместили в крысиную нору, защищая его от лучей солнца. Чтобы заглушить крики, нору прикрыли камнем.

Воины беспокойно обращали взоры в небо, в любой момент ожидая увидеть спускающееся сверху крылатое чудовище. Они как никогда прежде торопились выступить в поход.

Когда колонна тронулась в путь, Солдат убрал камень с норы, уверенный в том, что мать предпочтет забрать своего малыша, а не гоняться за толпой людей. Малыш-дракон выполз из норы с выражением негодования и обиды на зеленой мордочке, но, увидев Солдата, нежно запищал:

— КЕРРОУУ. КЕРРОУУ, КЕРРОУУ.

Солдат положил ему под нос бурдюк с козьим молоком, чтобы крошечное существо не умерло с голоду до того, как его найдет мать.

— Слушай, кроха, — сказал он, пригрозив дракончику пальцем, — ты веди себя прилично, хорошо?

И бросился догонять свой шатер.

Глава десятая

Обогнув подножие горы Ккамарамм, карфаганские наемники подошли к краю пустыни. На переходах и во время стоянок Солдат близко познакомился с новыми товарищами. В большинстве своем это были простые люди — не в том смысле, что неда-

лекие, но с довольно простыми запросами и простым образом жизни. Больше всего они дорожили уважением собратьев по оружию. Настороженность, с которой был встречен Солдат, объяснялась в первую очередь не недоброжелательностью карфаганцев, а тем, что они не привыкли иметь дело с незнакомцами. В отношении Солдата они вели себя сдержанно, потому что не знали его. И Солдат отвечал карфаганцам замкнутостью и стремлением к уединению.

— Нельзя требовать от воинов, чтобы они стали считать тебя хорошим парнем, хотя ты еще ничем не заслужил их доверия, — сказала ему Велион.

— Мне не нужно их уважение. Я хочу иметь друзей.

— Но, — справедливо заметила молодая женщина, — ты сам особым дружелюбием не отличаешься.

И это было правдой. Изредка Солдат впускал за свою наружную защитную оболочку Велион, но больше никого. Стоило ли ожидать, что воины шатра ответят на его холодность теплом? Маловероятно. Он не имеет права требовать от новых товарищей ничего, кроме поддержки в бою. Они не обязаны дарить ему свою дружбу. Как-никак, они наемные солдаты.

На самом деле Солдат опасался, что если он раскроет карфаганцам душу, они — а может быть, и он сам — обнаружат там что-нибудь отталкивающее. Его время от времени донимали смутные воспоминания о том, что в прошлом — где и когда именно, он не помнил — у него произошла яростная стычка с каким-то человеком. В памяти словно приоткрывалась дверь, позволяя ему заглянуть в щелочку. Тот, другой, вроде был его боевым товарищем. Солдат чувствовал, что допустил в отношении него большую несправедливость. Быть может, даже убил кого-то в порыве ярости.

Мог ли он совершить такое? Убить человека?

Перед глазами Солдата вставали расплывчатые образы, как он погружает свой меч в сердце другого человека.

Не потому ли его ножны пусты? Не то ли оружие, что было в них, пронзило сердце невиновного? Если за этими кошмарными картинами скрывается правда, он не желает ничего знать. У воина на душе должно быть светло и чисто; в ней нет места пятнам трусости и преступлений. Если он действительно убил кого-то — не на поле брани, возможно, даже ночью, — он проклят. И в таком случае лучше ни о чем не вспоминать.

Однажды вечером, когда Солдат разделся, собираясь умыться, к нему подошел капитан Монтекьют. Постоял некоторое время, разглядывая его, а затем сказал:

— У тебя на спине следы от кнута. Они едва заметны, но при определенном освещении можно разглядеть белые полосы, оставленные бичом.

— Вот как? — удивился Солдат, вытирая мокрую грудь полотенцем. — Я не знал.

— Ты не помнишь, что тебя били кнутом? — недоверчиво спросил офицер. — Хорошую порку человек долго помнит.

Дверь в памяти Солдата, за которой таился мрак, резко захлопнулась. Ему стало не по себе от расспросов о прошлом.

— Нет, я совершенно ничего не помню.

— Я сам не раз подвергал телесному наказанию своих солдат и ни с чем не спутаю следы кнута. С другой стороны, если ты будешь исправно нести службу, я не стану к тебе напрасно придираться. И все же учти: я приглядываю за тобой особо внимательно. Мне не нужны беспорядки среди моих людей. Они хорошие воины.

— Я тоже хороший воин, капитан.

— Этого мы пока не знаем, правда?

Солдата начали одолевать черные мысли. Неужели до того, как он очнулся на склоне холма и встретил охотника в синем, его жизнь была сплошным злодеянием? Если он действительно совершил убийство, его не подвергли бы наказанию кнутом, а предали бы смертной казни. Значит, порка была следствием чего-то другого. Он запятнал себя воровством? Мародерством? Неподчинением приказу? Или, быть может, он ударил офицера? Его тело несло на себе следы того, что он был плохим солдатом. Рассудок пытается посылать ему образы, наполненные одним и тем же смыслом. Не лучше ли отказаться от усилий обнаружить свою истинную сущность и довольствоваться настоящим? Возможно, именно в этом заключается его спасение.

Но человеку нелегко расстаться с былым, и Солдат постоянно ловил себя на том, что, забывшись, снова погружается в поиски своей истинной личности, в раскопки прошлого.

Велион сблизилась с Солдатом по нескольким причинам. Первым и самым главным было то, что лейтенант попросила ее присматривать за новичком. Разумеется, не *шпионить* за ним, но не выпускать из поля зрения. Карфаганцы по природе своей люди подозрительные, тщательно подбирающие себе друзей. Они не дают никому — ни друзьям, ни врагам — заглянуть в свою душу. Однако, когда Велион узнала Солдата лучше, первая причина отодвинулась на задний план. Молодой женщине понравился этот таинственный незнакомец. Она его не понимала, но он ей казался искренним и от

природы честным. Вскоре между ними возникли теплые отношения, которые трудно объяснить человеку, никогда не испытывавшему настоящей дружбы. Больше того, Солдат, кажется, проникся к Велион симпатией, а против этого всегда очень трудно устоять, даже если первоначально испытываешь к человеку неприязнь.

Конечно, Велион чувствовала, что в прошлом Солдата таится что-то черное, однако это лишь делало его еще более привлекательным для женщины, поступившей на военную службу из-за любви к сражениям.

Обратившись к Велион с неофициальной просьбой приглядывать за Солдатом, лейтенант сделала правильный выбор, так как молодая женщина обладала наблюдательностью и пытливым умом. Ее интересовало все, происходящее вокруг. Велион воспитывалась в обществе, где главными достоинствами человека считались физическая сила и выносливость. Карфаганцы были расой воинов. Когда-то им приходилось вести войны за свою отчизну, но к настоящему времени на свете не осталось ни одной страны, которая дерзнула бы напасть на Карфаган, рассчитывая его покорить. Поэтому карфаганцев, славящихся искусством ведения войны, нанимали те, кто имел возможность расплачиваться звонкой монетой. Воины ставили единственное условие: их не заставят сражаться со своими соплеменниками. Если между собой будут воевать два государства, имеющие в армиях карфаганских наемников, то последние на поле боя будут сражаться только с чужестранцами.

Велион получила суровое и жесткое воспитание. Карфага — государство небогатое. Оно расположено на противоположном краю Лазурного моря, на обширном южном континенте, называющемся Гвандоленд. Его ближайшим соседом является Уан-Мухуггиаг, населенный племенами кочевников. Карфаганцы живут в простых глинобитных домах и с одинаковым рвением овладевают военным искусством и науками. Ходили рассказы о том, что карфаганские юноши и девушки могут пробежать пятьдесят миль, набрав полный рот воды, и не проглотить ни капли. Группами не больше чем по три человека, вооруженные одними копьями, карфаганцы охотятся на крылатых львов, в больших количествах обитающих в Гвандоленде.

Полноправным гражданином карфаганец становится только в тридцать лет — лишь тогда он получает возможность принимать участие в выборах, жениться, открыть свое дело. До тех пор юноши и девушки, не поступившие на военную службу, живут в общинах. Они работают, спят и едят вместе. Те, кто по своему характеру чужд военному делу, уходят на государственную службу, помогают

управлять страной, обучают молодежь, пишут книги, в том числе военные наставления.

Солдат был совершенно не похож на карфаганцев, соплеменников Велион. Его внешность была мягче, но при этом он обладал силой и твердостью. Глаза у него были ярко-голубые — молодая женщина больше привыкла к цвету плодородной земли. На первый взгляд казалось, что их обладатель способен только на что-то нежное и доброе. Однако чем пристальнее всматривалась в них Велион, тем больше обнаруживала скрытую в глубине необузданную жестокость, поражавшую ее. Казалось, Солдату приходится почти все время сдерживаться. Его мысли были четче и определеннее, чем то, к чему привыкла Велион; его подход к жизни привлекал своей свежестью. При этом Солдат не упорствовал в заблуждении, мог открыто признаться в ошибке. Он никогда не боялся признаться в том, что чего-то не знает. Эти его качества Велион очень нравились.

Не нравилась ей замкнутость Солдата в незнакомой компании. Кроме того, ее раздражала его привычка есть с помощью расщепленной веточки. На взгляд Велион, настоящему воину такое совсем не к лицу. Незнакомым людям надо сразу же показать, на что ты способен, а есть нужно руками, демонстрируя полное пренебрежение к пище.

— Ты говоришь, что участвовал во многих сражениях. Где это было?

Разговор состоялся однажды вечером, когда Велион и Солдат, поужинав, сидели в шатре у костра.

— Не знаю, — искренне произнес Солдат. — То есть я смутно вспоминаю зеленые холмы, бескрайние равнины и широкие реки, но ничего определенного сказать не могу.

— У тебя на теле действительно есть несколько шрамов, полученных в боях.

Солдат кивнул.

— Да — и у меня есть боевые навыки. Впрочем, это все, что у меня есть.

— Покажи мне, что ты умеешь.

Внезапно выхватив из-за пояса свой боевой молот, Солдат метнул его в один из шестов шатра, освещенный отблесками костра. Молот с глухим стуком глубоко вонзился в дерево приблизительно на той высоте, где у человека находится сердце. Воины обернулись, с любопытством глядя на того, кто метнул оружие, удивленные точностью и силой броска. Послышались одобрительные замечания, кое-кто кивнул головой, затем все вернулись к прерванным занятиям.

— Совсем неплохо, — заметила Велион. Увиденное произвело на нее впечатление. — И откуда у тебя такие способности?

— Об этом я даже не догадывался до тех пор, пока не метнул молот, — признался Солдат.

Велион задумчиво посмотрела на него.

— Ты для меня загадка, — наконец сказала она. — Ты владеешь боевыми искусствами и в то же время, судя по твоим словам, относишься к своим способностям крайне неодобрительно. Любой карфаганец гордился бы тем, что обладает таким талантом. Конечно, бахвалиться бы этим стал далеко не каждый, но уж точно бы никто не сожалел. Ты был немногословен, выражая свои чувства, но это вытекает из твоей натуры.

— Разве надо гордиться умением убивать?

— А почему бы и нет? Пекарь гордится тем, что умеет печь хлеб, бондарь радуется, сделав хорошую бочку, так почему бы воину не испытывать гордость за свое боевое мастерство?

— Потому что два первых искусства — созидательные, а последнее разрушительное.

— Злой колдун обладает даром созидания — однако я бы не гордилась его творениями. Лесник, обрезающий ветви, несет разрушение, но я была бы рада, если бы обладала его талантом. Войны неизбежны. Это своеобразная осень для народов, очистка расы, отбраковка слабых. Увядший цветок должен отпасть, чтобы на его месте распустился новый.

Улыбнувшись, Солдат покачал головой.

— Нет-нет, я не верю в неизбежность войн. Существует множество других способов заменить сгнившее дерево молодыми побегами. Например, с этой задачей прекрасно справляются стихийные бедствия, и справляются без нашей помощи. Наводнения, землетрясения, извержения вулканов, горные лавины... Человечеству не нужны услуги профессиональных убийц.

— Почему же ты пошел служить в армию, если не одобряешь ее цели?

— Это единственное, что я умею делать.

Велион не стала расспрашивать его дальше, не хотела копать слишком глубоко. Так можно потерять друга. Лучше подождать, вытягивая из Солдата крупицу за крупицей. Быть может, она поможет ему узнать что-то про самого себя? Похоже, бедолага действительно понятия не имеет, откуда он, кто он. И она с радостью окажет ему помощь в раскрытии этой тайны.

Как-то раз лагерь разбили у оазиса. Войско подошло к нему вечером, когда уже начинали сгущаться сумерки. Рано утром Ве-

лион, разбудив Солдата, знаком предложила ему следовать за ней. Протерев глаза, тот тряхнул головой, прогоняя остатки сна, и бесшумно вышел из большого шатра в предрассветный полумрак.

Лагерь стоял на берегу небольшого озера. Проворный ручей, стекавший со скалы, срывался с каменного уступа многочисленными струями и, пенясь, падал в естественную нишу, заполненную хрустально-чистой водой. Велион отвела Солдата к офицерскому шатру у дальнего берега озера. Там на заливном лугу в изобилии росли дикие цветы.

— В чем дело? — спросил шепотом Солдат, как только они отошли от заспанных часовых.

— Я хотела тебе кое-что показать, — сказала Велион. — Что-то очень красивое. Этот волшебный оазис сотворил здесь несколько столетий назад один колбин.

— Значит, это не дело рук природы?

— Каменную чашу выточили ветер и песок, но никакого ручья здесь и в помине не было.

— Кто такой колбин? Ты хотела сказать, колдун?

Велион покачала головой.

— Нет, не колдун, а именно колбин. Смотри на эти большие ирисы. Сейчас на них упадут лучи солнца и принесут им тепло. Они вот-вот распустятся.

Солдат послушно уставился на небольшую лужайку у берега, заросшую цветами. Солнце поднималось над горизонтом, согревая землю. Наконец бутоны зашевелились и стали раскрываться. Ярко-желтые, они состояли из четырех больших лепестков, распрямлявшихся и вытягивавшихся попарно вдоль стебля. И вдруг прямо на глазах Солдата из чашечки цветка появилась остроконечная головка, окруженная тычинками. Это странное образование, похожее на голову птицы, открыло глаза и огляделось. Затем диковинное создание, в которое превратился цветок, развернуло свои лепестки-крылья, оторвало ножки от стебля растения и взмыло в воздух.

— Цветок превратился в птицу! — ахнул ошеломленный Солдат. — Или это с самого начала была птица, притаившаяся в цветке?

— Нет, верна твоя первая догадка. Цветок, распускаясь, превращается в животное. Смотри дальше!

К Велион и Солдату подходили другие воины, заинтересованные необычным явлением. Командиры специально привели войско сюда, чтобы развлечь воинов, дав им посмотреть на волшебное превращение. Кто-то уже видел это, но все равно пришел на берег озера, чтобы еще раз насладиться прекрасным зрелищем.

Весь заливной луг запестрел распускающимися разноцветными цветами. Раскрываясь, они превращались в диковинных птиц, взлетающих в небо. Малиновых, красных, желтых, белых, зеленых — всех цветов и оттенков. Птицы взмывали вверх по одной или целыми стайками, в зависимости от того, какое растение их породило, и расцвечивали утреннее небо яркими красками. Ни звука не вырывалось из их клювов, что придавало зрелищу дополнительное очарование. Птицы безмолвными попугайчиками кружили в воздухе.

Из мелких растений появились ярко окрашенные насекомые: осы, шмели, блестящие жуки, длиннохвостые мушки, зеленые кузнечики, бабочки, мошки, стрекозы — переливающееся всеми цветами радуги облако крошечных крылатых созданий. Насекомые тоже поднялись вверх, нарушая тишину стуком твердых панцирей жуков, сталкивающихся в полете.

Эта кипучая, искрометная пелена зависла над озером, встречая рассвет. Буйство новой жизни. Солдат зачарованно следил за действом, продолжавшимся около часа. Наконец все птицы, все насекомые нашли восходящие потоки воздуха и унеслись навстречу розоватым пескам пустыни.

— Какая красота! — восхищенно промолвил Солдат, когда они с Велион пошли назад к своему шатру. — Ты уже это видела?

Молодая женщина кивнула.

— Во время прошлой кампании.

— А теперь расскажи мне, что такое колбин?

Велион рассмеялась.

— Ах да. Так вот, время от времени в таком месте вырастает дерево. Подобно травянистым растениям, со временем оно порождает из своего плода живое существо — похожее на человека. Сначала вырастает голова, напоминающая орех или сливу, затем прутики-конечности отрываются от ветки, на которой висел плод.

— Это и есть колбин?

— Да, колдун, родившийся из волшебного дерева, с вывихнутыми конечностями и искривленным телом. Он растет головой вниз и, отрываясь руками и ногами от материнского дерева, падает на землю. Оправившись после падения, колбин отправляется туда, куда ему вздумается. Он ведет себя в точности как любое другое живое создание, способное передвигаться и обладающее мозгом размером с каштан. Его рассудок остается затуманенным. Колбины никогда не достигают интеллекта взрослого человека. Они не едят, получая все необходимые для жизни питательные вещества из земли через пятки, — и, разумеется, они поглощают сол-

нечное тепло своей кожей-корой. Колбин до конца жизни остается зеленоватым и волокнистым. Его можно узнать за сто ярдов, даже не видя скрученных штопором рук и ног.

Колбины — существа незлобные. Даже наоборот. Они с готовностью помогают всем попавшим в беду и могут долго объяснять доброй ведьме, как лучше готовить зелье из трав и целебных растений. Колбин способен прожить десять лет или сто, но приходит время, и он, используя свои чудодейственные силы, создает в пустыне волшебный оазис, похожий на этот, после чего погибает, подобно лососю, поднимающемуся на нерест из моря вверх по реке.

— Здорово! — восхищенно пробормотал Солдат. — Ты думаешь, мы встретим здесь колбина?

— О, сомневаюсь. Они так же редки, как и драконы.

Солдат заметил, что по крайней мере одного дракона на пути в страну людей-зверей они уже встретили.

— Да, ты прав, — улыбнулась Велион. — Как знать, быть может, мы встретим и целую ватагу колбинов?

Глава одиннадцатая

Наконец наступил день, когда карфаганские шатры подошли к горному хребту, отделявшему Гутрум от Фальюма. Впереди был Кермерский проход, которым пользовались люди-звери, совершая набеги.

Солдата навестил ворон, заявивший, что его приятель потерял голову.

— Ты не видел эти племена, эти жуткие кланы, — сказала птица. — Это такой ужас, что у нормального ворона перья дыбом встают. На твоем месте я бы сию минуту развернулся и побежал назад в Зэмерканд, пока у тебя целы руки и ноги.

— Сейчас возвращаться уже поздно. Меня сочтут трусом.

— Лучше живой трус, чем искалеченный герой — хотя, полагаю, ты прав. Теперь, когда враг совсем близко, тебя повесят как дезертира. Смотри, вот они! Люди-звери! Удачи тебе, Солдат. Она тебе очень пригодится.

И сразу же вдоль всей карфаганской колонны зазвучали боевые трубы и рожки. Обоз, замыкавший походный порядок, остановился. Строй рассыпался, и воины стали собираться по своим шатрам. Загремели барабаны, и над полем раскатились зычные крики, со-

зывающие Орлов, Волков, Змей, Драконов, Ястребов и Барракуд. Воины шатров собрались вокруг знамен. Каждый занимал свое место в боевом строю. Офицеры чином от капитана и выше были верхом, пешие лейтенанты находились вместе со своими солдатами.

Кавалерия расположилась на флангах, а лучники встали за пехотой, готовые пускать стрелы через головы воинов.

Солдата, как он и просил, направили в передовой отряд, занявший место в самом центре боевого порядка карфаганского войска. Отряду предстояло первым напасть на врага. «Отряд обреченных» был составлен из воинов всех шатров, добровольно изъявивших желание влиться в его ряды. Выстроенный в виде остроконечной стрелы, отряд стоял по меньшей мере в ста ярдах впереди основных сил. Он казался очень одиноким. И воины тоже чувствовали себя оторванными от остального войска. Они должны были расчленить надвое передовую линию неприятеля, вбить своеобразный клин. Большинству воинов передового отряда предстояло погибнуть в бою.

Солдат почувствовал, что к нему кто-то подошел сзади. Обернувшись, он увидел улыбающуюся Велион. Рядом с ней стоял Пе, еще один воин из шатра Орла. Но в отличие от молодой женщины он был угрюм и сосредоточен.

— Что вы здесь делаете? — воскликнул Солдат. — Разве вы не знаете, что быть в первых рядах равносильно самоубийству?

— Если это опасно, скажи-ка мне, красавчик, а ты как сюда попал?

— Я здесь как раз потому, что это опасно. Мне нужно отличиться в бою, чтобы получить очередной чин. А вас, по-моему, вполне устраивает быть простыми воинами.

— Ну, считай, что это перестало нас устраивать, — усмехнулась Велион.

Пе, которого убедила попроситься в передовой отряд Велион, вдруг пошел на попятную.

— Пожалуй, я вернусь в свой шатер. Ты прав, Солдат. Незачем призывать смерть, она и сама тебя найдет.

— Велион, уходи вместе с ним, — приказал Солдат.

Молодая женщина презрительно усмехнулась.

— Не пытайся меня отговорить. Разве ты не знаешь, что моя душа мечтает об освобождении?

— Что ты имеешь в виду?

— Мы, карфаганцы, верим, что всю жизнь душа сидит у человека на плечах, скрестив ноги на шее. Только в момент смерти она может расплести ноги и расстаться с телом. Тогда душа поднимается на горные вершины, где пребывает в вечном блаженстве. Моя душа поблагодарит того, кто меня убьет.

— Вздор какой-то. Твоя душа — это ты сама.

— Нет, — поддержал подругу Пе. — Посмотри на карфагенских воинов. У всех на плечах сидят их души. Мы одновременно тюрьмы и тюремщики для наших душ. Они сидят у нас на плечах, чуждые нам, и ждут нашей смерти. Мы способны их видеть, но неверующие вроде тебя — нет. Гутрумиты мне говорили, что не раз слышали, как души благодарят тех, кто освободил их ударом меча или булавы. Прислушайся внимательно к бою. Воздух наполняется словами признательности — души будут восторгаться нашими врагами.

С этими словами Пе развернулся и побежал назад в свой шатер, занявший место в основных боевых порядках.

Солдат, убедившись, что ему не удастся переубедить Велион, переключил свое внимание на приближающегося неприятеля. Его ожидал настоящий шок. Кровь отхлынула от лица, по коже словно пробежал электрический разряд, когда он увидел цепочки врагов, поднявшихся на гребень холма.

Сперва Солдату показалось, что перед ним двухголовые лошади, затем он все же разглядел, что конь и всадник являются двумя обособленными живыми существами. Лошади были обыкновенные, только значительно более сильные и медлительные, чем стройные кони карфагенской кавалерии. Но у них на спинах сидели волосатые существа с человеческим телом и лошадиной головой. Воины были вооружены мечами, топорами, булавами. Размахивая оружием над головой, они выкрикивали ругательства на человеческом языке, однако время от времени их высокие завывающие голоса срывались на пронзительное ржание.

— О великие боги! — воскликнул Солдат. — Кто это?

— Люди-звери. Кланы жеребцов всегда первыми вступают в бой. Что, не ожидал увидеть такой ужас?

— Не знаю. Наверное, мне следовало быть готовым ко всему. Но это настоящие чудовища. Какие у них огромные головы!

Мощные лошадиные головы приближающихся всадников действительно были очень большими. Вытянутые морды сверкали двумя рядами страшных желтых зубов. С губ срывались клочья пены. Злобные, налитые кровью глаза были размером с человеческий кулак. Громко фыркая, чудовища трясли длинными гривами, светлыми и мягкими или воронными и жесткими. Прижав уши к голове, люди-лошади раскрывали губы, обнажая десны. Ветер доносил яростные крики:

— Сожрем их детей! Осквернim могилы мертвых! Уничтожим их идолов!

Из раздутых ноздрей вырывались клубы пара.

Внезапно конница разделилась и переместилась на фланги, открывая идущую следом пехоту.

Каждый воин излучал заряд злобы. Вытянутые морды были размалеваны боевой раскраской, гривы украшали перья. Пехотинцы трясли головами, размеренно стуча оружием по деревянным щитам. Следом за людьми-лошадями шли люди-собаки с псиными мордами, люди-лисицы и, наконец, люди-олени с головами, увенчанными ветвистыми рогами. Даже Велион была вынуждена признать, что это грозная сила.

Неприятель собрался на противоположном склоне долины. Люди-звери бродили из стороны в сторону, лаяли, кричали, ржали, топали ногами и презрительно брызгали слюной.

— Вряд ли наши военачальники ожидали, что кланам людей-зверей удастся договориться между собой. Как правило, они люто враждуют друг с другом и не могут объединиться. Конечно, их гораздо больше, чем эти четыре клана, но и так нам сегодня, по моей оценке, противостоит около пятнадцати тысяч воинов.

— А нас сколько? — спросил Солдат.

— Ну, тысячи две. Разумеется, у нас более дисциплинированные и опытные воины.

— Не сомневаюсь, — язвительно заметил Солдат, но Велион пропустила его насмешку мимо ушей.

Раскрасневшееся лицо молодой женщины выдавало охватившее ее нервное возбуждение. Велион была вооружена мечом и щитом, в то время как у Солдата по-прежнему не было ничего, кроме отбитого у ханнака боевого молота.

Оба войска взывали к своим богам. Жрецы распевали молитвы, обращенные к главным божествам, и им вторили все — от рядового до генерала. Карфаганцы просили победы в предстоящем сражении у семи богов. Люди-звери выкрикивали имена более зловещих божеств: богов пещер и подземелий, богинь непроходимых топей, расположенных за пределами обитаемого мира. Эти боги творили людям козни из-под земли. Их царство находилось под корнями деревьев и под фундаментами зданий; они наносили свой удар снизу.

Песнопения становились все громче и громче. Взревели трубы и рожки, загрохотали барабаны. Голоса карфаганских военных жрецов превратились в истеричный визг. Лошади дико вращали глазами и били копытами в землю. Люди-звери, собравшиеся на противоположной стороне узкой долины, отвечали безумными кровожадными воплями.

Солдат поймал себя на том, что и у него вскипает кровь. Он распевал молитвы вместе с остальными воинами, выкрикивал обращенные к врагу ругательства, думая о предстоящей схватке.

— Смерть! Смерть! Смерть! — нарастали яростные крики.

Существует точка, после которой распаленное бешенство становится самоуничтожительным. Обезумевшие воины начинают падать на землю и корчиться в неудержимых судорогах. Солдат заметил, что напряжение всадников обеих армий нарастает, готовое выплеснуться в каком-либо безрассудстве. И действительно, несколько недисциплинированных воинов, покинув строй, понеслись вперед, желая стяжать себе личную славу.

Карфаганские военачальники, почувствовав приближение общего срыва, грозящего обернуться хаосом, отдали приказ перейти в наступление. Солдат побежал вниз по склону, крича и размахивая своим молотом, сначала в воздухе, затем погружая его в плоть. Два войска сошлись, схлестнулись волнами на всем протяжении долины. Сталь со звоном ударила по стали. Передние ряды столкнулись, смялись, ломая боевой порядок.

Выстроившийся клином отряд «обреченных» рассек передовые линии воинов-зверей и устремился в центр неприятельского войска. Этот отряд должен был внести смятение в ряды противника. «Обреченным» предстояло сеять хаос в боевых порядках врага, заставляя неприятельских воинов постоянно оборачиваться назад, гадая, что происходит у них за спиной. В этом случае противник не сможет сосредоточиться и прорвать строй карфаганского войска. Даже небольшая группа солдат способна наделать много бед, находясь *внутри* боевых порядков врага.

Солдата со всех сторон окружили косматые воины с лошадиными мордами. Он отчаянно размахивал боевым молотом, и почти каждый удар находил плоть или кость. Со всех сторон в него вонзались мечи и копья, но ему каким-то образом удавалось оставаться на ногах. Все раны были несмертельные, не лишавшие его способности двигаться. Острые наконечники протыкали кожу, но не задевали мышц, сухожилий и связок. Все кости Солдата были целы. Отвратительные конские головы пытались укусить его желтыми зубами. Одному человеку-коню удалось цапнуть его за плечо, другому — за левую руку. Но всякий раз, когда враг приближался к Солдату сзади, поющие ножны предупреждали его об этом. Солдат уже научился узнавать их песнь. Не оглядываясь, не раздумывая, он стремительно разворачивался и поражал невидимого врага. Велион, заметившая эту неоценимую помощь, старалась держаться рядом с Солдатом, чтобы также пользоваться услугами волшебных ножен.

Вокруг боевые товарищи падали под ударами мечей врагов, имевших огромное численное превосходство. Души карфаганцев взмывали в небо, покидая плечи своих обладателей. Освободившись, они поднимались ввысь.

Спасибо.
Спасибо.
Спасибо.

Вскоре от «обреченных» осталось только трое: Солдат, Велион и еще один воин из шатра Волка. Прижавшись друг к другу спинами, они стояли, отбивая натиск врага. Внезапно в рядах людей-лошадей образовалась брешь, и три храбреца смогли воссоединиться со своими.

— Отлично, ребята! — крикнул капитан Монтекьют, увидев, что двое из его Орлов вернулись в боевые порядки шатра. — Ко мне! Ко мне!

Страшная кровавая сеча продолжалась всего чуть больше часа. Карфаганцам удалось выстоять под первоначальным натиском неприятеля. Люди-звери отошли назад, чтобы собраться с силами. Поле боя осталось усеяно трупами. Раненые сидели, ползли или просто лежали в ожидании помощи. Кто-то лишился одной из конечностей, у других были раны в груди или на голове. Слышать жалобные стоны и вопли было невыносимо. У Солдата под ногами валялась отсеченная конская голова, но он не мог определить, кому она принадлежала — настоящей лошади или одному из людей-зверей.

По обоюдному согласию, безоружные воины с обеих сторон отправились помогать раненым и добивать искалеченных лошадей. Занимаясь этой скорбной работой, люди и воины-звери то и дело натыкались на своих врагов.

Разрозненные остатки людей-лошадей отступили назад. Вперед вышли люди-собаки, поддерживаемые людьми-лисицами. Им предстояло нанести новый удар. Люди-олени остались в тылу, предположительно, чтобы помочь нападающим, если и вторая атака захлебнется. Свежим воинам противостояло потрепанное, уставшее карфаганское войско. Конечно, красные шатры потеряли только одного воина на трех убитых врагов, но все равно численное превосходство было на стороне неприятеля.

— И что теперь? — спросил Солдат, обращаясь к Велион.

Та пожала плечами.

— Вторая атака. Собаки не такие грозные противники, как лошади. Из них получаются хорошие гладиаторы, но воины они нику-

дышные. Правда, лошади нас здорово потрепали, однако враг знает, что мы бывали и в худших переделках и все равно переламывали ход сражения и одерживали победу. Неприятель будет действовать с оглядкой.

Карфаганские военачальники решили, что их войску необходим более длительный отдых между атаками. Воины до сих пор распрямляли мечи, погнутые в бою. Кто-то ощупывал себя, проверяя, целы ли кости, другие жадно ловили ртами воздух, пытаясь отдышаться. Поэтому командиры разыграли старую карту. Они предложили добровольцу выйти вперед и бросить вызов людям-зверям. Бой один на один. Двум воинам, по одному с каждой стороны, предстояло сразиться на поле между двумя армиями.

Вперед шагнул высокий широкоплечий воин из шатра Барракуды — по крайней мере высокий для карфаганца. Взяв щит и меч, он спустился в долину и крикнул, призывая воина-пса помериться с ним силой в единоборстве.

Карфаганские военачальники рассудили, что люди-псы не смогут устоять перед вызовом на поединок. Они считали себя лучшими воинами на всем белом свете. Кроме того, люди-собаки ради развлечений устраивали гладиаторские бои.

И вот с холма в долину спустился воин-пес со свирепой собачьей мордой, скалящейся страшными зубами. Шерсть у него стояла дыбом, маленькие глазки горели злобой. Воин не спеша шел вперед, а его товарищи, оставшиеся сзади, хором кричали его имя.

— ВАУ! БЕЗЖАЛОСТНЫЙ УБИЙЦА ЛЮДЕЙ! ВАУ, РАСПРАВЛЯЮЩИЙСЯ С СИЛЬНЫМИ И СЛАБЫМИ! ВАУ, ПРИНОСЯЩИЙ СМЕРТЬ! — доносились с холма громкие крики.

— Как зовут этого воина? — спросил Солдат у Велион.

— Вау. В единоборстве ему нет равных. Мне уже приходилось видеть его в бою.

— Это он изуродовал принцессу Лайану.

Велион кивнула.

— Так говорят.

Прищурившись, Солдат посмотрел на косматого воина, приближающегося к противнику-карфаганцу. Под собачьей шерстью, покрывающей все тело Вау, гордо вздувались могучие мышцы. Это действительно был настоящий богатырь. Во всех его движениях сквозили сила и гибкость. Солдат с первого взгляда понял, что перед ним опытный, закаленный в боях воин. Больше того, Вау казался абсолютно спокойным в отличие от его соперника, при виде человека-пса начавшего нервничать и дергаться. Вытянутая морда Вау была спокойна, уши стояли торчком, глаза горели. Из приоткрытого рта высовывался красный язык.

Солдат почувствовал, как в груди вскипают ярость и ненависть. Перед ним была та тварь, что изуродовала его жену, превратив ее лицо в сплошные жуткие шрамы.

Вау был без щита. Он был вооружен одним двуручным мечом.

Поединок, состоявшийся на голом пятачке посреди заросшей травой долины, оказался недолгим и безжалостно простым. Вау рассек карфаганцу голову пополам после того, как противники успели обменяться лишь шестью ударами.

— Спасибо.

Солдат отчетливо услышал слово благодарности в тишине, последовавшей за схваткой, и проследил взглядом неуловимое нечто, поднимающееся к небу, затянутому тучами. А может, это было лишь облачко мельчайшей пыли, поднятое ветром?

Вау не получил ни царапины.

Одержав победу, человек-пес поднял морду и завыл на солнце. Его товарищи залаяли, завыли и затявкали от радости. Они вышли на гребень холма, колотя оружием по щитам, готовые ринуться на карфаганскую армию. Люди-звери понимали, что психологическое преимущество на их стороне, и собирались воспользоваться им, пока противник не успел опомниться.

Поражение воина в единоборстве может оказать страшные последствия на то войско, которое его выставило. Увидев, как быстро и уверенно расправились с их заступником, карфаганцы растерялись и усомнились в своих силах. На их лицах изобразилось отчаяние, плечи поникли. Послышались стоны и крики. Если бы в этот момент люди-звери пошли в наступление, карфаганцы скорее всего были бы опрокинуты. Возможно, кто-то даже обратился бы в бегство, несмотря на жесткие законы войны (всегда находятся те, у кого сердце дрогнет), и хотя большинство осталось бы стоять на месте и сражалось бы до конца, победу скорее всего одержал бы неприятель. Боевой дух покинул карфаганцев.

Но к счастью для них, люди-звери медлили, возможно, желая насладиться мгновениями победы.

И в эту секунду, когда люди-звери уже были готовы идти вперед и решить исход сражения в свою пользу, второй карфаганец бросился на Вау, торжествующего победителя.

Взгляд Солдата застилала красная пелена. Это он бежал вниз по склону, с пеной у рта ревя от ярости. Со всего разбега он налетел на человека-пса. Его грудь переполняла клокочущая злость, лава ненависти. Солдат походил на вулкан, долго сдерживавший раскаленную магму и теперь извергающий ее из себя фонтанами белой, раскаленной злобы.

Удивленный Вау, обезглавив своего убитого противника, распрямился, сжимая в руках меч, что дымился теплой кровью. Вспышка гнева не произвела на него никакого впечатления. Прищурившись, он посмотрел на приближающегося человека и понял, что впервые его видит. Но Вау, познавший вкус крови, не испугался какого-то безумца, покинувшего строй и несущегося вперед в слепой жажде отмщения. Человек-пес решил, что перед ним отец, брат или близкий друг убитого. Других причин подобного яростного поведения он не мог найти. Такая безудержная злоба была Вау только на руку. Бешеная ярость редко бывает верным другом боевому мастерству. Вау стоял на месте, собираясь хладнокровно встретить своего противника, ослепленного кровью, и рассечь его надвое.

Но остановить Солдата было невозможно. Он был похож на пробудившуюся силу природы — на ураганный ветер или на метеорит, несущийся из космоса, — и у него на пути стоял воин-пес. Слишком поздно Вау осознал, что имеет дело с торнадо. Он, как и намеревался, взмахнул мечом, однако Солдат несся слишком быстро, чтобы его можно было легко поразить. Лезвие огромного двуручного меча попало ему плашмя по крестцу, но Солдата это не остановило. Он набросился на противника с такой неудержимой яростью, что Вау, словно завороженный, остался стоять не шелохнувшись.

Сбитый с ног этой чудовищной силой, человек-пес отлетел назад. Последним, что он увидел, были искаженные в гневе черты лица нападавшего. Неукротимая ярость превратила лицо Солдата в красную маску, под которой нельзя было узнать его прежних черт. Боевой молот, развернувшись, со всего маху опустился вниз; квадратное стальное острие вошло Вау в правый глаз и сокрушило собачий череп. Человек-пес умер мгновенно, но получил еще несколько страшных ударов в грудь и живот. Его голова была буквально оторвана от тела: Солдат колотил плоской стороной молота ханнака по шее и позвоночнику, превратив скалу в своеобразную наковальню, до тех пор, пока голова и тело не расстались друг с другом.

Солдат подхватил собачью голову свободной рукой.

— Хххааааа! — воскликнул он. — Убит! Убит!

Он стоял, высоко подняв отрубленную голову, облитый кровью, с лицом, озаренным сумасшедшим торжеством, а два войска взирали на него в немом потрясении. Повернувшись к людям-зверям, Солдат раскрыл руками челюсти Вау и завыл, как еще совсем недавно выл человек-пес, дуя ему в рот.

— Уууууу-ууу-ууу! — выл он, превратив изуродованную голову в своеобразную трубу. — Уууу-ууу-уу! Уууууууууу-ууууууу-ууу-ууу-ууууу!

Первые ряды людей-зверей в безотчетном ужасе попятились назад, натыкаясь на своих товарищей.

Прошло несколько мгновений, и карфаганский военачальник, опомнившись, отдал приказ перейти в наступление. Теперь психологическое преимущество было на стороне красных шатров. Их воин без труда расправился с самым свирепым человеком-псом. Их воины лучше обучены, более дисциплинированы, имеют опыт. Водопадом восторженной уверенности карфаганцы хлынули вниз с холма. Быстро преодолев долину, они поднялись на противоположный склон и обрушились на ошеломленных людей-зверей. Началось кровавое побоище. Собачьи, конские, оленьи, лисьи головы летели на землю.

Смешавшись, люди-звери попятились назад, сначала медленно, затем быстрее, и наконец бросились удирать со всех ног. Победители преследовали их, безжалостно убивая отступающих.

Карфаганцы одержали полную победу.

Солдата вызвал к себе капитан Монтекьют.

Солдат успел умыться и переодеться. Он полностью успокоился и отдавал отчет в своих мыслях и поступках. Более смиренного и застенчивого человека невозможно было бы найти даже среди монахов.

Солдат приблизился к капитану. Тот посмотрел на него со смешанным чувством отвращения и благоговейного ужаса.

— Воин, в тебе живет страшный демон.

Солдат потупился, устыдившись своего поступка.

— Знаю. Знаю.

— Мне еще никогда не приходилось видеть такое отвратительное проявление безудержной ярости. Этот Вау тебя чем-то обидел?

Солдат смело поднял взгляд. От смущения не осталось и следа.

— Он искусал лицо моей жене. Уничтожил ее красоту.

Взгляд капитана озарился пониманием.

— Ах да, конечно — я все время забываю, прекрасная принцесса Лайана... Необъяснимая тайна, почему она снова вышла замуж, да еще за такого простолюдина, как ты. Однако это меня не касается. А вот то, что меня касается: мне приказано произвести тебя в лейтенанты. Сражаясь в составе отряда «обреченных», ты мог бы рассчитывать только на звание сержанта — от него отказалась Велион. Но победа над Вау помогла нам победить в сражении. Так что добро пожаловать в офицерское сословие, Солдат. Заменишь одного из моих лейтенантов — да примут ее душу к себе милостивые боги.

Солдат с благодарностью принял известие о повышении.

Глава двенадцатая

Вернувшись в шатер Орла, Солдат переложил свои вещи в отгороженный дальний угол, отведенный для офицеров, и скатал постельные принадлежности. Пожитков у него было немного. Собравшись, он повернулся к своим боевым товарищам. После окончания сражения никто из них не обмолвился с ним ни словом.

— Служить с вами — большая честь, — тихо промолвил Солдат. — Надеюсь, несмотря на повышение, я останусь в вашем шатре. Мне бы хотелось и в будущем сражаться бок о бок с вами.

Ответом ему стало натянутое молчание. Коренастые мужчины с накачанными мышцами, высокие жилистые женщины, отвернувшись от Солдата, погрузились в мелкие хозяйственные заботы. Кто-то шепотом обратился к соседу, но на Солдата никто не обращал внимания. Он был ошеломлен.

Внезапно к нему подошла Велион. Взяв Солдата за руку, она вывела его из шатра на открытый воздух, где их не могли слышать другие воины.

— Они тебя боятся, — сказала молодая женщина. — Того, как ты расправился с человеком-диким псом...

— А, вот что. Но я же все объяснил. Вау изуродовал мою жену, отнял у нее красоту. Это были личные счеты.

— Так или иначе, боятся. Потребуется какое-то время, чтобы тебе снова поверили. Мы приняли тебя за обыкновенного профессионального солдата — человека, владеющего боевыми искусствами, имеющего опыт. Никто не предполагал, что в тебе таится такой демон. Теперь наши воины опасаются сказать тебе не то слово, совершить какую-нибудь ошибку. Все с ужасом думают о том, что им придется служить под твоим началом.

— Вот как? Ну а ты, Велион? Ты-то мне веришь?

Молодая женщина неуверенно посмотрела на него.

— Не знаю. Ты просто обезумел от ярости. И в то же время ты мастерски расправился с противником, учитывая, каким оружием тебе пришлось действовать. Вот что самое страшное.

Солдат недоуменно покачал головой.

— Ведь я поступил так, как должен был поступить.

Он не стал добавлять, что *сам* пришел в ужас, увидев того Солдата, что вырвался из него во время сражения. Этот человек был знаком ему не больше, чем его товарищам. *Тот* Солдат поднялся откуда-то из самых потаенных глубин души, из другого мира, из другой жизни.

Велион указала на окровавленный мешочек из-под муки, который Солдат сжимал в руке.

— А это что?

Солдат посмотрел на мешочек.

— Это? Голова Вау.

— Зачем ты оставил ее себе?

— Я буду хранить голову до тех пор, пока не покажу своей жене. Я хочу, чтобы она убедилась: тварь, искусавшая ее, заплатила за это своей жизнью. Не знаю, быть может, Лайана захочет сжечь ее.

— Я слышала, королева распорядилась, чтобы никто не упоминал о случившемся в присутствии принцессы Лайаны.

— Ну, это было до того, как я убил Вау. Уверен, теперь можно будет спокойно говорить об этом. Я хочу стереть из памяти жены кошмарные воспоминания о том нападении. Возможно, она будет крепче спать ночью, зная, что Вау мертв.

Велион пожала плечами.

— В общем, я тебя предупредила. А теперь можешь идти к своим новым товарищам-офицерам.

— Какие они мне товарищи. Вы мои боевые друзья...

Молодая женщина покачала головой.

— Это в прошлом.

— Ты именно поэтому отказалась от производства в сержанты? — спросил Солдат, и в его голосе прозвучала горечь. — Хочешь остаться простым воином?

Велион потупилась.

— Я отказалась от повышения, потому что его не заслужила. Его заработал для меня ты, своими поющими ножнами. Без них я бы непременно погибла. Мы оба погибли бы — враги поразили бы нас в спину.

Солдат посмотрел на свои ножны.

— Ну и что? Да, у тебя было определенное преимущество. Но это все равно как если бы солнце было у тебя за спиной или ветер запорошил песком глаза твоему противнику! В бою надо пользоваться всем, чем можно. Могло бы быть и наоборот. Именно тебя могли бы ослепить солнце или ветер.

— Так или иначе, для того чтобы принять новый чин, я должна сама прочувствовать, что заслужила его. — Внезапно ее голос снова наполнился теплом. — А ты... ты поступаешь правильно. Я знаю, тебе необходимо подниматься по служебной лестнице, чтобы чувствовать себя достойным своей жены-принцессы. Поэтому ты должен расти. Я тебя понимаю.

— Спасибо, Велион.

Солдат молча посмотрел на заходящее солнце. Зрелище не отличалось особой красотой: желтый солнечный диск казался грязным и линялым. Окружающая природа, вместе с Королем магов, словно с каждым днем становилась все более чахлой и больной.

— Ну что ж, я пойду.

Велион от всей души хлопнула его ладонью по спине, так что Солдат едва устоял на ногах.

— Я буду следить за тобой во время боя. Жду и от тебя того же самого.

Солдат просиял.

— Договорились. Можешь не сомневаться.

Они расстались. Солдат отнес свои пожитки в угол шатра, отделенный от остальной части занавесками из бараньих шкур. Положив вещи на койку, которую прежде занимала та лейтенант, с кем он разговаривал, нанимаясь на службу в шатер, Солдат отправился искать капитана Монтекьюта.

— Какими будут мои новые обязанности? — спросил Солдат у своего непосредственного начальника.

— Ты возьмешь под свое начало отряд лучников шатра Орла, — ответил капитан. — Обычно воин, произведенный в офицеры, получает назначение в другой шатер. Так лучше для дисциплины — не надо, чтобы он оставался с теми, кто смотрел на него как на равного. Человеку нелегко отдавать приказания своим бывшим товарищам, а тем трудно подчиняться тому, кого они близко знают.

— Но ведь я остаюсь в шатре Орла.

— Да, потому что никто не хочет тебя брать.

Солдат недоуменно заморгал.

— Что?

— Все остальные шатры отказались тебя принять, — повторил Монтекьют, уставившись взглядом в правое плечо собеседника. — Даже полковник сомневался, следует ли производить тебя в офицеры. Я настоял.

— Ты? Спасибо, капитан.

— Не благодари меня. Я поступил так скрепя сердце — порядок есть порядок. Закон гласит, что храбрость в бою должна быть вознаграждена. Закон гласит, что воин, вызвавшийся сражаться в поединке и одержавший победу, должен быть повышен в звании. Когда я увидел, как ты расправился с воином-псом, меня чуть не стошнило. Герои сотворены из более чистого, более светлого материала, чем тот, из которого слеплен ты. Ты черпаешь свою отвагу из какой-то мрачной преисподней — из колодца дикой, первобытной ярости, к которому нет доступа простым карфаганцам, таким, как я.

Солдат стиснул зубы.

— Понятно.

— С другой стороны, совершенно очевидно, что именно благодаря тебе мы одержали победу, и ты должен получить то, что тебе причитается.

Взгляд Солдата стал жестким.

— Спасибо, капитан. А теперь скажи, я могу сейчас быть чем-нибудь полезен?

— Да, отправляйся к лекарям, занимающимся ранеными.

— Ты предлагаешь мне с помощью черной магии оживлять мертвых?

Капитан Монтекьют медленно покачал головой.

— Лейтенант, ты так со мной не шути. Знай, что в случае чего я запросто сотру тебя в порошок.

С шумом втянув носом воздух, Солдат промолчал. После того как капитан Монтекьют ушел, Солдат направился в шатер, где разместился лазарет. Там находились воины, получившие в бою страшные раны и увечья. Некоторым было суждено в самое ближайшее время умереть. Солдат помогал лекарям, перевязывая раны, обрабатывая их лечебными травами, мхом и глиной, чтобы не допустить заражения. Самым главным было остановить гангрену. Отвары тысячелистника с медом использовались для борьбы с лихорадкой и жаром. Глядя на осторожные, нежные движения Солдата, ухаживающего за ранеными, лекари поражались его состраданию и заботе. Они не могли отождествить этого человека с тем обуянным безудержной яростью воином, которого видели на поле боя.

В шатре находилось несколько смертельно раненных. Время от времени кто-нибудь из них умирал, испустив последний вздох. Но освобожденные души никого не благодарили — разве что лекаря, который лечил неумело.

Солдат покинул лазарет только семь часов спустя — шатаясь, вышел из шатра в предрассветные сумерки. Землю заволокло густым туманом. Валясь с ног от усталости, он, даже не заглянув на полевую кухню, направился прямиком в свой шатер и завалился спать.

В этот день произошло несколько незначительных стычек с людьми-зверьми, но до настоящего сражения дело так и не дошло. К концу второго дня боев противник вынужден был признать свое поражение. Многих людей-зверей захватили в плен; остальные бежали через перевалы и спрятались в горах.

Красные шатры победоносно завершили еще один поход.

* * *

Принцесса Лайана, узнав о том, что Солдат поступил на службу в красные шатры, вызвала к себе знакомого карфаганца и попросила его держать ее в курсе событий. Этот гонец, тайно вернувшись в Зэмерканд, принес в Зеленую башню Дворца Диких Цветов известие о победе, одержанной красными шатрами. Он тронулся в путь сразу же после сражения и не смог сообщить никаких подробностей, и все же принцесса Лайана выяснила, что ее новый супруг повел «обреченных» в бой, а затем вызвался участвовать в поединке и одержал победу, чем, по сути дела, решил исход сражения. Гонец ни словом не обмолвился ни о приступе безумной ярости, охватившей Солдата, ни о расе и имени его противника в единоборстве, так как не посчитал это важным. Принцесса поняла только, что ее муж — герой, и испытала огромную радость. Она пыталась заверить себя, что этот человек ей совершенно безразличен, но все же неплохо иметь мужем великого воина.

— Ну разумеется, — говорила себе принцесса Лайана, кормя голубей под куполом высокой Зеленой башни, — Солдат только называется моим мужем. Он не испытывает ко мне никаких чувств. Для него я была лишь способом спастись от казни.

Она твердила себе, что ей надо сохранить голову холодной. Если Солдат прознает, что она хорошо к нему относится, он наверняка попытается воспользоваться ее расположением в корыстных целях. Более того, Солдат может притвориться, что любит ее, и если она клюнет на его уловку, то полностью окажется в его руках. Лайана говорила себе, что ей необходимо постоянно быть начеку, не выказывать свои чувства красивому незнакомцу, не давать ему повода возомнить, что она к нему что-то питает. В конце концов принцесса решила, что лучше всего, если с ее стороны Солдат будет видеть только высокомерное презрение. Так она сможет надежно защитить себя. Холодная надменность — вот ответ.

В покои Лайаны вошла Дриссила.

— Госпожа, вас желает видеть капитан Кафф.

Лайана нахмурилась. Она знала, что Кафф уже давно вздыхает по ней, и ценила дружбу с ним. Но сейчас принцесса догадалась, зачем он пожаловал. Ему не доставило радости известие о том, что Солдат произведен в лейтенанты. Капитан ревновал принцессу к ее новому супругу; он нисколько бы не огорчился, узнав о том, что чужестранец погиб в бою. Однако Лайана все же недоумевала, как Кафф мог решиться прийти к ней с таким разговором: должен же он понимать, что она не допустит в адрес Солдата ни одного дур-

ного слова от постороннего, хотя ее саму терзают сомнения. Солдат — ее законный супруг, и, следовательно, в ее присутствии недопустимо отзываться о нем в дурном ключе.

— Дриссила, пригласи его сюда, только предупреди, чтобы он вел себя подобающим образом.

— Хорошо, госпожа.

Шурша шелками, служанка скрылась за дверью.

Подойдя к шкафчику в углу комнаты, Лайана достала из ящика черный бархатный капюшон и надела его на голову. Этот предмет одежды, а также другие ему подобные были сшиты портнихой специально для того, чтобы скрыть изуродованную сторону лица принцессы. Капюшон закрывал страшные шрамы, в то же время давая возможность взглянуть на нежную, нетронутую кожу второй, прекрасной половины лица Лайаны. Но главное, благодаря мастерству портнихи принцесса имела возможность смотреть обоими глазами. В этом облачении она могла принять капитана, не выставляя свое уродство напоказ. Оно позволяло ей чувствовать себя уверенной.

Через минуту в комнату четким строевым шагом вошел Кафф, в доспехах, со шлемом в руке. Согласно правилам приличия, эфес его меча был привязан к бедру, таким образом капитан демонстрировал, что пришел в гости к другу. Судя по всему, он только что сменился с дежурства.

— Рад видеть вас в добром здравии, ваше высочество, — учтиво произнес Кафф, отвешивая низкий поклон. — Вам известно, что я каждый вечер молюсь о вашем исцелении.

— Капитан, если это действительно так, вы только даром теряете время — свое и богов. Вы должны знать, что моя болезнь неизлечима.

Кафф решительно затряс головой.

— Этого никто не говорил. Я надеюсь, придет день, когда заклятие будет снято, и вы снова станете здоровой.

— Что вам угодно?

Было видно, что капитан нервничает.

— Я хотел узнать, не желает ли ваше высочество прогуляться по берегу голубого озера? Погода стоит прекрасная и, похоже, такой и останется. Глоток свежего воздуха вам нисколько не помешает; наоборот, это только раскрасит румянцем ваши... — Кафф смущенно осекся. Однако он зашел уже слишком далеко, поэтому ему пришлось закончить: — ...ваши щеки.

— Вы хотите сказать, мою нетронутую *щеку*, — поправила его Лайана. — Капитан Кафф, мне приятно ваше внимание, но вам следует помнить, что я снова замужняя женщина.

— Я считаю такое положение лишь временным.

— Напрасно. Вы ждете, когда я убью своего последнего супруга?

Капитан молча переминался с ноги на ногу, звеня доспехами.

— О ваше высочество, я не стал бы употреблять слово «убийство», — наконец вымолвил он. — То были несчастные случаи, следствие вашей болезни.

— Капитан Кафф, берегитесь, как бы подобный несчастный случай не произошел с вами.

Кафф небрежно махнул рукой, словно показывая, что он никогда не думал, будто такое может произойти с ним, но раз уж об этом зашла речь, он готов на любой риск ради возможности быть рядом с принцессой.

— Какой же вы грубиян, — внезапно стала откровенной Лайана. — Знайте, я никогда не смогу полюбить вас.

Похоже, Кафф опешил, что было неудивительно. Принцесса раньше никогда так не разговаривала с ним. И никогда в его присутствии не произносила слово «любовь». Капитан заключил, что сейчас ее уже больше ничто не сдерживает, потому что она перестала видеть в нем угрозу.

— Грубиян? — с обидой переспросил он. — Вот как? Разве я давал вам повод думать, что мои чувства к вам не кристально чисты?

— Простите меня, я хотела сказать совсем не то.

Лицо Каффа окаменело.

— Вы же прекрасно понимаете, что этот человек лишь использует ваше положение в собственных корыстных целях.

Лайана удивленно подняла брови.

— И чего же он добивается?

Капитан тщательно следил за тем, чтобы не переступить невидимую черту.

— Не знаю. Однако уверяю вас, Солдат замышляет что-то недоброе, и мы в конце концов горько пожалеем о том, что не отрубили ему голову в ту самую секунду, когда он пришел в город. Я по-прежнему считаю его шпионом, скорее всего присланным ханнаками. Иначе как ему, пешему, удалось справиться с конным ханнаком? Во всем Гутруме не найдется воина, способного на такое. На самом деле тот ханнак только делал вид, будто нападает на Солдата, чтобы мы ему поверили.

Лайана покачала головой.

— Вероятно, это укрылось от ваших глаз, но Солдат не лысый.

— Его внешность изменил какой-нибудь колдун.

— Капитан, не говорите глупостей. Если бы вы тогда случайно не встретились со мной, Солдат уже давно был бы мертв. На мой взгляд, ханнаки могли бы придумать что-нибудь получше.

Покинув Зеленую башню в отвратительном настроении, капитан Кафф отправился прямиком к маршалу Крашкайту. А Лайана тем временем решила, что ей действительно следует вырваться на свободу, подышать свежим воздухом. Она предупредила своих слуг, что отправляется на рынок за тканями.

Рабы принесли носилки. Как всегда, принцессу должны были сопровождать шесть дворцовых стражников. Командовал ими капрал Транганда. Принцесса уже давно заключила соглашение с капралом, чье состояние благодаря этому многократно выросло. Лайана платила Транганде золотом за то, чтобы тот отпускал ее охотиться в то время, когда она якобы делала покупки. Транганда делился со своими подчиненными, так что все были довольны. И все же он понимал, что идет на огромный риск. Если канцлеру Гумбольду станет известно об этом соглашении, Транганду медленно, очень медленно зажарят на углях живьем в собственных доспехах.

— Сегодня доставьте меня к кузнецу, — усевшись в носилки, сказала подошедшему капралу принцесса. — Мне нужно время.

— Слушаюсь, моя госпожа.

Транганда отдал приказание рабам. Все они были родом с острова Амекни, осколка империи, до сих пор поставлявшего рабов королеве Гутрума и членам королевской семьи. С амекнийскими рабами обращались хорошо (иначе они бы сбежали); их сытно кормили, им обеспечивали кров над головой. Они лишь номинально считались рабами; в действительности их жизнь была гораздо лучше жизни большинства слуг Гутрума. И все же многое определяется названием. Эти люди тосковали по далекой родине и горели желанием освободить жителей острова от гутрумитского ига.

Некоторое время капрал молчал.

— Простите меня за мой вопрос, госпожа, — наконец сказал он, — но что... что будет, если вам станет плохо на охоте?

Лайана мягко улыбнулась. Годы шли, и сейчас Транганде было уже под сорок. В молодости люди не думают о риске; они совершают самые безрассудные поступки. Но по мере того как они стареют, их все больше начинает заботить собственное благополучие, особенно если к этому времени им удается скопить немного денег, чтобы можно было купить маленькую ферму и спокойно жить в деревне. Транганда — хороший человек, однако в последнее время он стал чересчур пугливым. Лайана поняла, что скоро ей придется думать о замене благодушного капрала.

— Ты имеешь в виду приступ безумия? Не бойся, это происходит только ночью, никогда при свете дня. Действительно, приступ может продолжаться несколько дней, но начинается он всегда ночью.

Транганда кивнул.

— Простите, если мои слова показались вам дерзкими.

— Капрал, ради меня ты рискуешь жизнью. Поэтому ты вправе знать все, что тебе нужно, чтобы правильно оценить этот риск.

— Благодарю вас, госпожа. Смотрите, вот мы и у кузнеца.

Носилки приблизились к кузне со стороны переулка. Выйдя из них, Лайана быстро проскользнула внутрь. Пожилая женщина, присматривавшая за домом Бутро-батана, позвала кузнеца. Тот принял принцессу в своей комнате.

— Прошу прощения за убогую обстановку. — Бутро-батан всегда начинал с этих слов, и Лайана уже давно перестала заверять его, что это не важно. — Если вы соблаговолите подождать здесь, я пошлю мальчика за вашей пегой кобылой. Она в конюшне напротив.

— Спасибо, Бутро-батан, — поблагодарила кузнеца Лайана. — А я тем временем переоденусь в охотничий костюм. И мне нужен мой ястреб.

Вскоре мальчик привел кобылу. Принцессы всего мира предпочитают белоснежных лошадей с золотистыми гривами, но Лайана никогда не отличалась пустым тщеславием. Она отправлялась на охоту, и ее лошадь не должна была привлекать к себе внимание. Пятнистая кобыла Лайаны прекрасно сливалась с тенями леса. Ее звали Плакучая Ива.

Закутавшись в синюю холстину, принцесса стала неузнаваемой. Она превратилась в голубую тень, в которой горели только глаза. Взяв арбалет и посадив на затянутую в перчатку руку своего ястреба, Вольного Ветра, Лайана тронулась в путь.

Стража у ворот уже хорошо знала принцессу. Точнее, ее знали как юношу из богатой и знатной семьи, любившего охоту, но скрывавшего свое имя. Страже были знакомы кобыла и ястреб, а также голос Лайаны, и многие не могли оторвать взгляд от карих глаз принцессы, неизменно светящихся теплой добротой. Стражники были уверены (эти слухи тщательно поддерживал капрал Транганда), что имеют дело с сыном престарелого вельможи, ведущего затворнический образ жизни и ненавидящего охоту. Поскольку почти все гутрумиты обожали охоту, юноша, стремившийся заниматься любимым увлечением, вызывал сочувствие стражников.

Выехав за городские стены, Лайана повернула на юг, к Древнему лесу, своим излюбленным охотничьим угодьям.

За Вольным Ветром ухаживал подмастерье Бутро-батана, двенадцатилетний паренек Сим. Сим обожал животных; он с любовью смазывал маслом кожаные ремешки, привязанные к ноге ястреба, за которые его держал охотник. Ремешки должны быть не

слишком короткими, чтобы ястреб мог расчесывать перья, и в то же время не слишком длинными, чтобы не стеснять движения в полете. Все свое свободное время — а его у подмастерья кузнеца было совсем немного — Сим посвящал изготовлению колпачков для Вольного Ветра, закрывавших ему глаза, когда он сидел на руке охотника. Это делалось для того, чтобы птица не пугалась, увидев зверей, неожиданно выскочивших из лесных зарослей, или когда лошадь вставала на дыбы или оседала. Сейчас на Вольном Ветре был колпачок, украшенный маленькими алыми перышками.

Покинув городскую толчею, Лайана не переставая разговаривала со своими животными.

— Ну что, Плакучая Ива, в последнее время у тебя была возможность размяться? Мальчишка-подмастерье выгуливал тебя? А ты, Вольный Ветер, мой маленький пернатый охотник, ты летал над башнями Зэмерканда, показывая свое мастерство зевакам с рынка?

Так же, как одинокая старуха разговаривает со своей кошкой, одинокая принцесса беседовала с ястребом и лошадью. Животные знали ее голос и по-своему отвечали ей: кобыла тихо ржала, а ястреб клекотал, хлопая крыльями. Три товарища привыкли охотиться вместе, сливаясь с природой.

Лайана оглядывала округу, и ее сердце обливалось кровью. Говорили, будто красота вернется в мир, когда ХуллуХ умрет и его место займет новый Король магов. Как они цепляются за жизнь, эти колдуны, хотя им отведен срок, в семь раз превышающий обыкновенный! Подумать только, ХуллуХ'у семьсот лет, а он все еще не собирается расставаться с этим миром. Так что перед тем как начать улучшаться, жизнь станет еще хуже.

Принцесса переправилась через ручей, по которому вверх брюхом плыла дохлая форель; въехала в заросли папоротника, где чернели растения, засохшие от недостатка влаги; обогнула рощицу, затянутую паутиной, заросшую лишайником, мхом и плесневелыми грибами.

Вдруг из леса выскочил олень, и если бы у Лайаны на руке не сидел ястреб, могла бы получиться увлекательная погоня, состязание в быстроте кобылы с всадником и дикого лесного жителя.

На опушке Древнего леса, где принцесса впервые увидела Солдата, в воздух с шумом поднялись два фазана.

Лайана выпустила ястреба. Птица, истосковавшаяся по охоте, стремительно взмыла вверх, поднимаясь выше фазанов. Те, услышав звон колокольчиков, прикрепленных к ногам ястреба, поняли, что в воздухе смертельная опасность, но ничего не могли поделать. Ястреб свалился камнем на одного из фазанов, ударив его

когтями, и тот полетел вниз. Второй, сообразив, что спасен, скрылся в заросшей густой травой канаве.

Мертвый фазан свалился на землю: одним ударом когтей ястреб сломал ему шею — это самый быстрый и чистый способ убить птицу. Конечно, можно стрелять куропаток и фазанов влет из лука, но вероятность поразить стрелой птицу в полете ничтожно мала. Гораздо чаще их ловят силками на земле, что приводит к долгой, мучительной смерти. По крайней мере ястреб убивал свои жертвы быстро и относительно безболезненно.

Фазан открыл счет добыче в этот день. Затем ястреб поймал еще несколько диких птиц, а сама Лайана подстрелила из арбалета зайца.

Наконец принцесса собралась возвращаться в город. День близился к вечеру; скоро ее хватятся. Потянув за ремешок, девушка заставила Вольного Ветра сесть к ней на руку и накрыла ему голову колпачком. Уложив добычу в охотничью сумку, Лайана повернула назад к Зэмерканду.

Приблизившись к городским стенам, она увидела вдалеке вытянувшуюся колонну марширующих воинов, алые знамена с белыми и черными изображениями зверей и птиц. Поход закончился. Карфаганские красные шатры с победой возвращались домой.

У Лайаны радостно затрепетало сердце, когда она увидела, что возглавляет шествие шатер Орла.

Но принцесса постаралась быстро взять себя в руки, убежденная, что надеяться ей все равно не на что.

Глава тринадцатая

Когда участвовавшие в походе шатры вернулись к месту расположения основного карфаганского войска рядом со стенами Зэмерканда, Солдата встретили как героя. Высшее военное руководство не беспокоили рассказы о его свирепой, безжалостной расправе над воином-псом Вау. Красноречивые живописания случившегося генералы отнесли на счет естественного желания преувеличить и приукрасить, вызванного разгоревшимся в пылу боя воображением.

Разумеется, доклад полковника был принят к сведению, но, как рассудили генералы, в поединке необходимо одержать победу любой ценой, и именно подвиг Солдата склонил чашу весов в пользу красных шатров.

Солдату преподнесли нагрудник с вычеканенной лейтенантской эмблемой. Он также получил в подарок меч с прямым лезвием и затейливо украшенной рукояткой. Это старинное оружие было недавно восстановлено одним из оружейников красных шатров, мастером своего дела.

— Лезвие выковано из связки в шестьдесят стальных прутьев, — похвастался Солдату карфаганский кузнец. — В каждом пруте сталь обладает собственным содержанием углерода, так что выкованное из разных прутьев лезвие приобретает удивительную гибкость и прочность. Тебе надлежит обращаться со своим оружием как с братом или с сестрой, дать ему имя. Это настоящее произведение искусства. Твой меч принадлежал капитану шатра Медведя, умершему всего две недели назад.

Солдат с благодарностью принял дорогой подарок. Он видел, как люди-звери после сражения выпрямляли свои погнутые бронзовые мечи. Обратил он внимание и на простые стальные мечи карфаганцев, раскалывающиеся при ударе о щиты и доспехи. Только лезвие, выкованное из пучка прутьев с различным содержанием углерода, могло выдержать многочисленные сильные удары, выпадающие на долю оружия в бою.

Солдат поднял меч так, чтобы солнечный луч отразился от начищенного до блеска лезвия. Острое. Очень острое. Он несколько раз рубанул мечом воздух. Оружие было идеально сбалансировано.

— Этот воин-медведь знал толк в мечах, — заметил Солдат. — Я назову его Ксанандрой.

Кузнец-оружейник нахмурился.

— Разве твою жену зовут не принцесса Лайана?

Солдат изумленно уставился на мастера.

— Рассудительный воин никогда не называет оружие в честь любимой женщины. Этому лезвию предстоит не раз вонзиться в тело какого-нибудь злобного зверя или ненавистного врага. Как ты думаешь, захочу я назвать именем своей супруги орудие для потрошения тех, кого я боюсь и ненавижу?

— Я понял, что ты хотел сказать.

— Нет, — продолжал Солдат, со свистом рассекая мечом воздух, — если хочешь, чтобы твой меч был необычным, назови его в честь какой-нибудь богини.

— Тебе очень повезло, что ты получил такое прекрасное оружие, — сказал кузнец. — Его прежний владелец по доброй воле с ним бы не расстался.

— Что случилось с этим капитаном?

Оружейник ухмыльнулся.

— Среди ночи пошел справить нужду и не захватил с собой меч. Столкнулся задницей к лицу с чудовищем. Это оказалась гигантская змея, проглотившая его целиком. Капитан даже не попытался спастись бегством — впрочем, со спущенными портками да с такой комплекцией он все равно далеко бы не убежал. Этот капитан был не мастак бегать. Не слишком пристойная смерть для офицера-карфаганца. Разумеется, потом змею нашли и убили. С капитаном шатра Медведя в желудке она никуда не смогла уползти. Но для бедняги все уже было кончено.

— Вероятно, он был или старым, или слишком толстым, раз не попытался убежать от змеи?

— Он был жирный как боров, — снова широко улыбнулся кузнец. — С трудом пролезал в ворота конюшни.

Опоясавшись мечом, прихватив мешок с головой Вау, Солдат отправился в город. К несчастью, новый меч не поместился в старые ножны, поэтому Солдату пришлось нацепить «Кутраму», по-прежнему пустую, на правый бок, а меч в ножнах — на левый. Солдат понимал, что выглядит очень глупо с двумя ножнами, но его нисколько не волновали любопытные взгляды встречных прохожих.

Солдат подходил к воротам, и вдруг ему на плечо опустилась птица. Он вздрогнул от неожиданности.

— И куда ты держишь путь?

— О, это ты, ворон. Разумеется, к своей супруге.

Ворон неодобрительно щелкнул языком.

— Она прогонит тебя вон. Ваша свадьба — чистая формальность. До тебя принцессе дела не больше, чем до лысины ханнака. Не выставляй себя на посмешище. Ты только для того и пошел в армию, чтобы произвести впечатление на Лайану?

— Я не собираюсь слушать твой вздор, — в сердцах произнес Солдат.

Он попытался было стряхнуть птицу со своего плеча, но ворон подскочил вверх, пропуская руку, а затем снова опустился на свой движущийся насест.

— Ха, кажется, я задел за больное место?

— Нет, — буркнул Солдат, уставившись в землю.

— Слушай, почему бы тебе не выбросить все это из головы? Брось ты это неблагодарное войско, наслаждайся свободой. Тебя все равно никто не любит. Для карфаганцев ты всегда останешься посторонним, чужим, скольких бы Вау ты ни убил в поединках. Да мы с тобой могли бы зажить припеваючи, если бы ушли куда-нибудь подальше от Зэмерканда. Ты будешь охотиться и питаться убитой дичью, а я буду довольствоваться тем, что останется. Ты

будешь обсасывать аппетитные хрящики, а я буду выклевывать глаза.

— Убирайся прочь.

— В моих словах есть смысл? — сказал ворон, хлопая крыльями, чтобы усидеть на плече. — Вот почему ты на меня злишься? Ты понимаешь, что я прав.

Остановившись как вкопанный, Солдат произнес медленно и отчетливо:

— Если ты сейчас же не уберешься с моего плеча, клянусь, я откушу тебе голову и выплюну ее в ров.

— Какие мы нежные! — пробормотал ворон.

Тем не менее он взмыл в воздух и поднялся к куполам и башенкам города.

Вздохнув с облегчением, Солдат вошел в ворота.

Увидев, как лихо козырнули ему стражники, Солдат ощутил ребячий восторг. Еще совсем недавно (когда он носил железный ошейник) его бы остановили, попросили предъявить разрешение на вход в город, обыскали — в общем, попортили бы ему немало крови. Теперь же, увидев человека в лейтенантском мундире, стражники вытянулись в струнку.

Для того чтобы попасть во Дворец Диких Цветов, Солдату пришлось пересечь рынок. Он специально сделал крюк, чтобы пройти мимо одного определенного прилавка. Спэгг был на месте. Его хриплый, надтреснутый голос, пропитанный джином, разносился над толпой:

— Руки повешенных! Амулеты «руки славы»! Незаменимы для любых заклинаний и колдовства. Получив от них все, что вам нужно, вы можете скормить протухшую плоть своим домочадцам.

— Ты мерзкий старый лгун, Спэгг, — вот почему боги наградили тебя бородавками.

Торговец в негодовании обернулся, собираясь дать наглецу дерзкий ответ, но, увидев, кто перед ним, побелел как полотно.

— Солдат? Ты... ты стал офицером?

— Точно.

Выдавив улыбку, Спэгг втянул головку в щуплые плечи.

— Рад видеть тебя, друг мой. Всегда очень приятно знать, что мои ученики выбиваются в люди. Значит, теперь ты офицер? Должно быть, благодаря тому, что я замолвил словечко гвардейскому офицеру, как бишь его? Капитану Каффу.

— А мне помнится, ты выпрашивал у него позволение получить мои глаза после того, как меня казнят.

Улыбка Спэгга поблекла.

— А чего еще ты хотел — у тебя необыкновенные глаза. Вымочив их в белом винном уксусе, я смог бы получить за них неплохие деньги. Так и вижу, как они стоят в стеклянной банке на камине в доме какого-нибудь вельможи...

— Вот как? — В голосе Солдата прозвучала угроза. — Ты мог бы поручиться за меня и спасти мне жизнь... Надо бы прямо сейчас снести твою голову с плеч. В этом случае обитатели рынка столпились бы вокруг, громко крича от восторга.

Спэгг снова побледнел.

— Ну же, ну же, Солдат, не торопись. Если бы я за тебя поручился, ты бы не встретил прекрасную принцессу — то есть прекрасную, если не считать... — он прикоснулся к щеке, — в общем, сам знаешь. Послушай, — полным отчаяния голосом продолжал он, — хочешь, возьми себе пару волшебных рук. Совершенно бесплатно. Любую. Выбирай сам. Забудем былые обиды.

Солдат ткнул пальцем в лицо рыночного торговца.

— Спэгг, тебе лучше в будущем оставаться моим другом. Не повторяй прежние ошибки, потому что я всегда падаю, приземляясь на ноги. Ты меня понял?

— Да-да, конечно, Солдат. Мы с тобой товарищи, да. Друзья — не разлей вода. Я тебя больше никогда не подведу, будь уверен.

Кивнув, Солдат продолжил путь, поражаясь кипящей у себя в груди ярости. Он пришел в ужас, осознав, что совершенно серьезно собирался отсечь Спэггу голову. Даже когда он взял себя в руки, его не покидало чувство стыда из-за того, что он едва не потерял самообладание. Солдату становилось страшно от бездонных глубин гнева, обнаруженных в душе. Он ни за что не простил бы себя, если бы убил Спэгга, однако он едва не обнажил свой меч. Спэгг тоже почувствовал это, понял, что был на волосок от смерти.

Направляясь по широкому бульвару, обсаженному деревьями, в сторону Дворца Диких Цветов, Солдат внезапно лицом к лицу столкнулся с капитаном Каффом.

Мгновенно забыв данное себе обещание, Солдат спросил с едва скрываемым раздражением:

— Ты только что виделся с моей женой?

Капитан Кафф был в окружении офицеров имперской гвардии. Те изумленно переводили взгляд со своего товарища на выскочку-карфаганца, дерзнувшего разговаривать с высокопоставленным офицером в таких тонах.

— Что, если так? — огрызнулся Кафф. — Тебе какое дело? Тебя она даже видеть не хочет.

— Это мы еще посмотрим. А пока не соблаговолишь ли ты встретиться со мной завтра на рассвете у стен замка вместе с двумя

товарищами-офицерами, которым предстоит быть твоими секундантами?

Кафф надменно вскинул голову. На его лице появилось что-то напоминающее улыбку.

— Ты бросаешь мне вызов? Дуэль?

— Ты правильно понял.

— Выбрось из головы эти мысли. И по какому праву ты нацепил офицерский мундир? Выдавать себя за лейтенанта, даже убогой карфаганской армии — тяжкое преступление.

— Я заслужил этот чин.

— Из рабов в лейтенанты? Не могу поверить.

Один из офицеров вырвал из рук Солдата мешок из-под муки.

— Давайте-ка посмотрим, что тут у него... Ха! Собачья голова? Что это такое, раб? Твой ужин?

Его друзья, рассмеявшись, со всех сторон обступили Солдата.

— Подождите, — вдруг воскликнул один из них, — это голова не простой собаки! Это голова воина-зверя. Раб, как тебе удалось ее раздобыть? Ты напал на спящего?

— Я победил его в поединке.

— Хорофо придумал, — прошепелявил кавалерийский лейтенант. — Привнайся, ты наткнулфя на воина-пфа, объевшегофя поганками, и отфек ему голову — перерубил шею, пока он фпал и не мог ващифятьфя, так?

— Если бы ты был чуть поумнее, картавый дурак, — презрительно бросил Солдат, — ты бы заметил, что рана на шее чистая.

С лица кавалерийского офицера улыбку словно волной смыло.

— Дурак? Я тебе покажу дурака!

Выхватив саблю, он ударил плашмя лезвием Солдата по лицу. У того на щеке выступила тонкая полоска крови.

— Ты об этом пожалеешь... — спокойным голосом произнес он.

Но остальные офицеры схватили его за руки. Кафф, отойдя в сторону, молча следил за происходящим.

— По-моему, мы должны преподать рабу хороший урок, — сказал один из офицеров. — Как насчет того, чтобы его распять? Можно прибить его вон к тому дереву.

— Только не здесь, — поспешно вмешался Кафф. — Эта улица видна из дворца. Отведем его в глухое место.

Одобрительно загудев, офицеры потащили Солдата в переулок. Кафф благоразумно отстал, не желая пачкать руки.

Быстротечное судилище состоялось в полуразрушенном сарае. Офицеры не смогли найти подходящего места, чтобы распять Солдата. Но на улице стояла телега, груженная гнилыми овощами.

Солдата привязали к колесу, разорвали на нем одежду, и кавалерийский офицер дал ему тридцать пять ударов хлыстом. Из глубоких ран потекла кровь. Солдат долго крепился и молчал, однако в конце концов с его уст сорвался стон, безмерно порадовавший мучителей. Потом они ушли, оставив Солдата привязанным к колесу, с головой Вау на шее.

Случайные прохожие спешили пройти мимо. Никто даже не смотрел на Солдата, не говоря о том, чтобы пытаться его освободить. Всем было страшно. Те, кто совершил это чудовищное злодеяние, судя по всему, ничего не боялись. Лучше ни во что не вмешиваться, оставаться в стороне, заниматься своими делами.

Целый час или даже больше Солдат висел, привязанный к колесу. Даже хозяин телеги, вернувшись и увидев такое чудовищное зрелище, поспешно скрылся. Лучше не показываться и прийти за своей телегой тогда, когда с нее будет снято это жуткое украшение. Жители окрестных домов позакрывали ставни и теперь глядели на улицу через щелочки.

В конце концов Солдата отыскал ворон.

— Ну и угораздило же тебя!

Солдат свисал с колеса, привязанный к нему за локти. Кровь, стекающая из глубоких ран, образовывала струйки на камнях мостовой. Губы его были покрыты розовой пеной. Пытаясь сдержать крики, он прокусил насквозь язык. Промокшая от пота одежда прилипла к телу.

— Ладно, не каркай, — выдавил Солдат, готовый вот-вот потерять сознание. — Если не сможешь сам развязать эти узлы, слетай, разыщи карфаганскую женщину-воина по имени Велион — позови ее ко мне.

— По-моему, я не услышал волшебное слово, — заметил ворон.

— Черт побери, птица, сейчас не время для любезностей!

— Разве так трудно сказать «пожалуйста»?.. Ладно, думаю, я справлюсь с этими узлами. Раз я открываю железные замки, полоски кожи не составят для меня труда.

Птица принялась за работу и в считанные минуты освободила Солдата от пут. Пошатываясь, он отошел от телеги и снял с шеи мешок с головой. Неподалеку журчал фонтанчик с питьевой водой. Солдат сполоснулся, окатил холодной водой плечи и спину, смывая кровь. Вскоре ему стало лучше. Он надел тунику и надолго прильнул к фонтанчику. Наконец Солдат смог идти, не шатаясь и не падая.

— Спасибо, ворон.

— Всегда пожалуйста, — ответила птица, прыгая возле фонтанчика в брызгах воды. — Насколько я понял, тебя навестили друзья?

— Друг моей жены.

— Она водится с дурными людьми.

— Это уж точно.

Солдат снова направился к Дворцу Диких Цветов. Дойдя до сада, разбитого вокруг дворца, он присел отдохнуть на скамье рядом с клумбой, усаженной ромашками, наслаждаясь ароматом цветов и набираясь сил. К нему подошел стражник и попросил представиться. Назвав себя, Солдат сказал, что его личность может удостоверить слуга по имени Офао. Стражник ушел, а Солдат почувствовал, что за ним наблюдают из окон дворца. Вскоре стражник вернулся и предложил Солдату следовать за ним.

— Я хочу видеть принцессу, — сказал Солдат. — Я ее муж.

Ничего не ответив, стражник провел его во внутренний дворик дворца и удалился.

Солдат огляделся. Во внутреннем дворике было очень мило. В центре под охраной четырех мраморных львов струился фонтан, стекающий в небольшой бассейн. Колонны и стены, окружающие дворик, были исчерчены письменами на незнакомом Солдату языке. Каменная кладка серыми, розовыми и бледно-голубыми цветами навевала в памяти восход солнца зимой. За высокими стрельчатыми окнами в дальнем конце дворика виднелись величественные кипарисы и остриженные в виде капелек кусты самшита. Тишину нарушали лишь журчание воды и воркование голубей.

— Ты выглядишь очень измученным.

Голос донесся словно из сна. Обернувшись, Солдат увидел принцессу Лайану, стоявшую в арке. На ней был капюшон, скрывавший половину лица, но вторая половина, нетронутая, светилась в лучах солнца. Сердце Солдата остановилось на мгновение, однако ему удалось скрыть свои чувства под маской непринужденности. Лайана вышла за него замуж исключительно из сострадания, и он не хотел выдавать то, что было у него на душе.

— Я принес тебе подарок, — как можно небрежнее произнес Солдат. — Он здесь, в мешке.

— Что-то твой подарок слишком кровавый.

Солдат кивнул.

— Это голова Вау, воина-пса, лишившего тебя красоты. Я убил его в поединке. Кое-кто считает, что я сражался чересчур жестоко, но учитывая, какое преступление совершил Вау, по-моему, мои действия были вполне оправданны. Не хочешь взглянуть на его лицо в последний раз, перед тем как я сожгу голову?

Вздрогнув, принцесса Лайана отвернулась.

— Я не желаю его видеть. Я не просила тебя мстить за себя. Меня это нисколько не интересует.

Солдата окатила волна разочарования. Он зашвырнул голову в дальний угол дворика.

— Я совершенно забыла про тот день, а ты мне о нем напомнил.

— Как ты могла забыть? — раздраженно воскликнул Солдат. — Ты же время от времени смотришься в зеркало.

— То, что я вижу в зеркале, принадлежит настоящему, а не прошлому.

Судя по всему, принцесса Лайана была совсем не рада тому, что он сделал. Она бы нисколько не расстроилась, если бы он оставил Вау в живых. Ощутив прилив горечи, Солдат тотчас же прогнал это чувство. Сейчас не время выказывать недовольство. В обществе Лайаны ему необходимо сдерживать свои буйные чувства.

— Я пришел, — с вызовом произнес Солдат, — чтобы потребовать то, что принадлежит мне по праву, как твоему супругу.

Надменно вскинув голову, принцесса посмотрела ему в лицо.

— Вот как? У тебя будет ровно столько прав, сколько я соблаговолю тебе отпустить.

— Я твой муж, — тихо промолвил Солдат. — А ты моя жена.

Помолчав, Лайана спросила:

— Ты меня хочешь? Такую уродливую, какая я есть?

Солдат вздохнул, выдавая свое вожделение.

— Я нахожу тебя... неотразимой.

— Ты воин, вернувшийся из боевого похода. Ты сражался и убивал. В твоей крови кипит страсть. Вот почему на войне солдаты насилуют женщин побежденной стороны. Ты хочешь не меня, а просто любую женщину.

Она стояла, гордо подняв подбородок, но ее глаза светились болью и уязвимостью.

— Я хочу не *любую* женщину, — хрипло произнес Солдат. Слова поднимались откуда-то из неведомой глубины. — Я хочу именно тебя. Я лежал, глядя на звездное небо, и мечтал о том, как мы впервые сольемся друг с другом в объятиях любви. Эти картины жгли мой рассудок. Другие женщины для меня ничего не значат. Ты заполнила меня всего своей душой, и теперь я хочу, чтобы к этому добавилось твое тело. Я люблю тебя всю, твой ум и душу, каждый волосок у тебя на голове, все до единой выпуклости и ямочки тела. Вот и сейчас один только исходящий от тебя аромат заставляет мои чувства воевать друг с другом. Я хочу вдыхать тебя, упиваться тобой, проглотить тебя целиком.

Лайана дрожала, поддаваясь потоку его ласковых слов.

— Это правда? — прошептала она. — Ты... меня... любишь?

— Без тебя моя жизнь не имеет смысла.

Не сказав больше ни слова, принцесса вошла в комнату, выходящую во внутренний дворик. Эта комната принадлежала не Лайане; здесь спала одна из горничных. Войдя следом, Солдат закрыл за собой дверь. Отвернувшись друг от друга, он и принцесса разделись. Оба не могли унять дрожь. Обнажившись, они обернулись и бросились в объятия. От внезапного соприкосновения тел оба лишились дыхания и просто стояли, глядя друг другу в глаза.

Наконец Солдат поднял Лайану и осторожно уложил ее на кровать. Лицо принцессы по-прежнему было наполовину скрыто капюшоном. Солдат начал его снимать.

— Нет, — прошептала она. — Пожалуйста, не надо!

— Надо, — твердо произнес он.

Развязав шнурки и сняв мягкий бархат, Солдат покрыл поцелуями шрамы и ссадины.

— Все до одной выпуклости и впадины твоего тела, — повторил он. — Я люблю их больше мирры, золота и благовоний.

Они познали друг друга. По щекам принцессы хлынули слезы. Исходящий от нее аромат, в котором Солдат узнал благоухание амбры, сандалового дерева и оленьего мускуса, сводил с ума.

Когда за первыми нежными ласками последовали более пылкие проявления чувств, Лайана нащупала на спине Солдата открытые раны и ссадины. Оторвавшись от него, она увидела кровь на своих руках, на простыне, на тунике Солдата, брошенной на стул.

— Что с тобой произошло? — воскликнула девушка, усаживаясь в кровати, стыдясь того, что не заметила всего этого раньше. — Неужели карфаганцы тебя наказали?

— Не карфаганцы, — криво усмехнулся Солдат. — Кое-кто другой. Это произошло на улицах Зэмерканда, совсем недавно, недалеко от ворот дворца. Но не беспокойся, негодяи за все заплатят.

— Тебе больно? Раны нужно обработать! Сейчас я пошлю за Офао, чтобы он принес мази и целебные бальзамы.

Солдат тоже сел.

— Если ты позовешь этого человека, мне придется одеться. Кажется, он желает моего тела так же, как я жажду твоего.

Принцесса рассмеялась. Эти звуки никто во дворце не слышал уже много лет. Звонкий, задорный смех раскатился по внутреннему дворику, и в комнату ворвалась испуганная Дриссила.

— Моя госпожа, что случилось?

— Что случилось? — воскликнула Лайана, и в ее глазах сверкнули веселые искорки. — Как что, я *счастлива*, вот что случилось!

Увидев рядом с госпожой обнаженного мужчину, Дриссила в ужасе вскинула руку ко рту.

— Прошу прощения, — смущенно улыбнулся Солдат, прикрывая простыней свой срам. — Я не имел понятия, что это ваша комната.

— Это не моя комната. О, что вы сделали с моей госпожой? Вы колдун, вот в чем дело. Вы превратили ее в хохочущую дурочку. Вы... вы похитили ее рассудок!

Лайана, откинувшись на спину, хихикала, уткнувшись лицом в подушку.

— Уверяю вас, — сказал Солдат, — если я что у нее и похитил, то не рассудок.

Ударив его подушкой, Лайана повернулась к Дриссиле:

— Нужно устроить праздничный пир. Пусть во дворце царит веселье. Откройте большую залу. Разожгите огонь в камине. Зажарьте быка — или хотя бы ягненка. Я хочу музыки. Пошлите за дудочниками, флейтистами и другими музыкантами. Я хочу танцевать. Да, танцевать в главной зале. Пусть все танцуют, в том числе и ты, Дриссила. Мы подыщем тебе мужчину. А другого для Офао, раз он не может оторвать глаз от моего супруга!

Служанка поняла, что Солдат пробудил душу ее госпожи. Принцесса впервые в жизни полюбила.

Повернувшись к Солдату, Дриссила сказала:

— Знаете, вам вовсе не было нужды отправляться в поход. Моя госпожа приняла бы вас таким, какой вы есть.

Удивленно подняв брови, Солдат посмотрел на свою возлюбленную.

— Это правда?

— Дриссила знает меня лучше, чем я сама.

Солдат пожал плечами.

Позднее, когда во дворце шел пир горой, а в большой зале звучала веселая музыка, Дриссила отвела Солдата в сторону.

— Вам следует быть очень осторожным. Моя госпожа... — Осекшись, Дриссила в отчаянии заломила руки, но затем все же нашла в себе мужество продолжить: — ...у моей госпожи бывают резкие перемены настроения. Она... она подвержена приступам буйной ярости, мой господин.

К Солдату, насколько ему было известно, хотя он и не мог полагаться на свою память, впервые обратились «мой господин», и это обращение ему нисколько не понравилось.

— Я всего лишь лейтенант, — мягко поправил он служанку. — Не надо называть меня господином. А что касается принцессы... я

знаю, что она больна. Я также знаю, что она убила двух своих мужей. С другой стороны, я знаю, что она их не любила. А сейчас... ты видела ее лицо, ее поведение, ее глаза. Она меня *любит,* и я благодарю за это богов, потому что я полюбил ее с первого взгляда.

— Это не болезнь, а чары. Наверное, вам известно, что сестра принцессы, королева Ванда, также подвержена приступам безумия. Их мать, прежняя королева, бросила в темницу одного колдуна, и тот наложил на семью вечное проклятие. Моя госпожа — самое доброе создание на свете, вот только...

— Вот только иногда она бывает другой, да? — договорил за нее Солдат.

— Я прошу вас лишь об одном: будьте очень осторожны.

— Хорошо, Дриссила, обещаю, я буду очень осторожен. Спасибо за заботу.

Потом, когда акробаты прыгали по залу и строили живые пирамиды, Лайана снова подошла к своему супругу.

— О чем ты шептался со служанкой? — смеясь, спросила она. — До моего дня рождения еще несколько месяцев.

Повернувшись к молодой жене, Солдат спокойно ответил:

— Она предостерегла меня о проклятии, наложенном на твою семью, и сказала, что ты подвержена приступам безумия.

Лицо Лайаны затянулось тучами.

— И ты в открытую говоришь мне об этом? Разве Дриссила не просила тебя сохранить ваш разговор в тайне?

— У меня от тебя нет никаких тайн, любимая. Я не имею имени, прошлого, не знаю, кто я такой на самом деле. Может статься, я страшный преступник. К сожалению, у нас обоих есть изъяны. Мы должны быть совершенно искренни друг с другом, пока я не узнаю, кто я — а ты не излечишься от болезни.

Какое-то мгновение Солдату казалось, что Лайана взорвется от гнева, но через несколько секунд она улыбнулась.

— Какой ты у меня мудрый, мой новый супруг. Послушай, быть может, мы дадим тебе имя до тех пор, пока ты снова не обретешь себя?

— Нет. Солдат — это то, что надо. Просто Солдат. Ну а теперь не угодно ли тебе потанцевать? Я понятия не имею, умею ли танцевать, но мои ноги сами собой дергаются под веселые звуки флейт. Ты даешь мне свою руку, очаровательная женушка?

— С удовольствием.

Лайана взяла Солдата под руку, и они направились в центр залы. Танцующие расступились, освобождая дорогу невесте и жениху.

Глава четырнадцатая

Несмотря на протесты Солдата, Лайана настояла на том, чтобы они спали в отдельных комнатах.

— Безумие нападает на меня в разгар ночи, — обливаясь слезами, объяснила она. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь произошло.

— По-моему, мы слишком сильно любим друг друга, и нам ничего не страшно, — возразил Солдат.

Тут стали сказываться побои, полученные от Каффа и его дружков. До сих пор Солдата подхлестывал головокружительный восторг, но постепенно последствия телесных истязаний начали пересиливать радостное возбуждение. Ему требовалось отдохнуть, особенно если учесть, что на рассвете он должен встретиться за городскими стенами с капитаном Каффом и сразиться с ним. Даже если Кафф не придет, Солдат собирался обязательно быть на месте вовремя. Больше всего на свете он не хотел, чтобы Кафф назвал его трусом.

Перед сном его навестил Офао, снова обработавший раны мазями и бальзамами, а затем давший снадобье, способствующее крепкому сну. Поблагодарив слугу, Солдат улегся на мягкие перины и тотчас же заснул. Выйдя из комнаты, Офао запер дверь снаружи и просунул ключ в щель внизу. Они с Дриссилой сошлись во мнении, что Солдата необходимо оберегать от его сумасшедшей жены.

Валехор стоял на холме под дубом и глядел на раскинувшуюся внизу заросшую лесом равнину, затянутую туманной дымкой.

Облаченный в доспехи, рыцарь держал в одной руке меч, а в другой — булаву. Рядом с ним виднелись силуэты рыцарей в черных доспехах. В предрассветных сумерках невозможно было различить ни лица, ни эмблемы на щитах. Рыцари толпились вокруг Валехора, позвякивая стальными латами и скрипя кожаными ремнями. В воздухе висело зловоние мочи и испражнений. По оценке Валехора, отряд стоял на холме уже несколько часов. Воины, чтобы оставаться в постоянной боевой готовности, справляли нужду прямо в доспехи. Лишь одному Валехору было позволено отдохнуть. Однако он не спал, а тоже бодрствовал, как и подобает рыцарю в канун сражения. Валехор взывал к ангелам, прося их быть рядом в предстоящем бою.

Он вверил свою душу богу.

— Сир, — окликнул его один из рыцарей, — клан Драммондов собрался в лощине у ручья. Скоро рассветет. Чтобы атака была успешной, нам необходимо построиться на гребне холма до того, как взойдет солнце.

— Ты прав, — сказал Валехор. — Выдвигаемся вперед.

Он направился по заросшей мхом лужайке, оставляя глубокие следы в мягкой сырой земле. Там в зарослях стояли лошади, укрытые от холодного ветра, дующего над торфяным болотом. Вчера клан Драммондов потерпел сокрушительное поражение и был вынужден отойти к отвесным скалам, возвышающимся над трясиной и образующим непроходимый барьер. Враг был в руках Валехора и его рыцарей. С восходом солнца начнется кровавая бойня, и мир навсегда будет избавлен от Драммондов.

Вдалеке показалась смутная тень, продирающаяся сквозь вересковые заросли. Укутавшаяся в плащ, защищающий от холода, накинувшая на голову капюшон, спасающий от утренней росы, фигура держала в руках сучковатую палку, на которой трепетал обтрепанный флажок из коровьей шкуры. На шкуре был выжжен герб клана Драммондов. Это шел парламентер.

Человек в толстом шерстяном плаще остановился на мокрой от росы лужайке ярдах в двадцати от рыцарей.

— Меня направил к вам побежденный народ, — начал он.

— Говори, с чем пришел, — сказал Валехор.

Парламентер помялся, подбирая слова, и наконец заговорил надтреснутым голосом:

— Я уполномочен предложить нашу безоговорочную капитуляцию. — Голос посланца дрожал от напряжения. — Мы готовы покориться вам, только сохраните жизнь нам и нашим семьям.

Валехор гневно вскинул голову. Какая еще капитуляция? Что, его собираются лишить последнего кровопролития? Неужели за его зверски убитую невесту Драммонды заплатят лишь жизнями нескольких проходимцев? Нет, Валехор хотел, чтобы к тому времени, как цветы лаванды, согретые лучами взошедшего солнца, раскроют свои лепестки, все до одного Драммонды сгинули в болоте.

— Я тебя не слышу, — крикнул Валехор. — Ветер завывает слишком громко, и я оглох. Чего ты хочешь? Биться до последнего воина?

Парламентер, отшатнувшись, сделал несколько шагов назад. Выскочивший невесть откуда заяц стремглав скрылся в кустах. Он, в свою очередь, спугнул пару тетеревов, шумно захлопавших крыльями и пронесшихся над головами рыцарей. Послышался громкий звон: один из воинов, шагнув вперед, зацепился шпорой за

камень. Валехор махнул рукой, приказывая своему рыцарю оставаться на месте и не мешать переговорам.

— Вы ничего не поняли, — воскликнул посланец. — Вы одержали победу. Новые смерти больше не нужны.

— Нет, — снова крикнул Валехор, — я по-прежнему ничего не слышу. Ветер громко воет. Возвращайся в полдень, когда над болотом воцарится спокойствие.

Парламентер молча посмотрел на него, понимая, что все потеряно.

— Кровожадный ублюдок, — пробормотал он и, развернувшись, направился в затянутые туманом кусты.

— Далеко не такой кровожадный, как Драммонд.

Остановившись, парламентер бросил через плечо:

— А это ты услышал!

Вскоре рыцари, оседлав коней, понеслись вниз по склону холма, и началась кровавая бойня. Ни одному воину клана Драммондов не удалось спастись в тот день. Земля была завалена сплошным покровом трупов, и трясина жадно впитывала драгоценную кровь Драммондов. Жены и возлюбленные воинов были изнасилованы все до одной, чтобы следующее поколение поголовно состояло из ублюдков-полукровок. Детей собрали и распределили по приграничным фермам — возделывая землю, они забудут своих родителей. От подобной жестокости защемило бы сердце у самого кровожадного тирана.

Валехор сидел на коне, хладнокровно наблюдая за происходящим. Ни разу он не вмешался, не попытался остановить своих опьяневших от запаха крови рыцарей.

Одна сгорбленная старуха, оборванная ведьма, схватила его за стремя.

— Будь ты проклят, Валехор! Будь прокляты все твои родственники и их потомство! Пусть твоя душа вечно горит адским пламенем, подлый убийца! Будь проклята твоя мертвая невеста, пусть она...

Валехор раскроил ей голову булавой, прежде чем старуха успела закончить свое проклятие.

Наконец, когда все было кончено, рыцари уехали, оставив сваленные в огромную груду трупы. Клан Драммондов был уничтожен. Вышедшие из леса волки принялись обгладывать трупы, слетевшееся воронье стало выклевывать мертвым глаза. Но в полдень стервятники бросились врассыпную. Гора зашевелилась, содрогнувшись изнутри. Не все Драммонды были убиты. Один воин остался жив. Оглушенный ударом булавы, он упал на землю. Его приняли за мертвого и завалили трупами. И вот сейчас воин пришел в себя.

Он выбрался из-под груды трупов, перепачканный кровью и вывалившимися внутренностями. Оглянувшись вокруг, Драммонд издал жуткий вопль, и ветер разнес над болотом его призыв ко мщению. Воин поклялся богам земли, морей и неба, что враг горько пожалеет об этом дне.

Затем он побрел в глубь болот, мрачный и угрюмый, с душой, словно налитой свинцом. Но разгоревшееся в груди пламя могло утихнуть лишь тогда, когда его меч вкусит кровь ненавистного предводителя вражеских рыцарей. Безжалостный убийца, расправившийся с кланом Драммондов, заплатит за свое преступление. Оставшийся в живых воин не сомневался, что рано или поздно осуществит свою клятву, ибо он был в первую очередь профессиональным солдатом.

Солдат проснулся, услышав, как волшебные ножны поют песнь предостережения ему на ухо.

Неясная тень, бесшумная, словно летучая мышь, оторвалась от подоконника и метнулась к кровати, сжимая в руке кинжал. Перехватив запястье убийцы, Солдат отбил острое лезвие в сторону. Нападавший вскрикнул, но не выпустил кинжал. Солдат выбросил вперед кулак, и убийца отлетел к обитой пухом стене. Ударившись головой о мягкую поверхность, неизвестный сполз на пол и затих.

Дрожащей рукой Солдат нащупал огниво и кремень и запалил трут. Потом зажег восковую свечу и, осмотрев распростертое на полу тело, узнал нападавшего. У него вырвался крик ужаса.

Это была Лайана. К прежним шрамам, обезобразившим ее лицо, добавился отвратительный синяк от удара кулаком. Ругая себя на чем свет стоит, Солдат склонился над женой и бережно поднял ее с пола.

Когда он нес Лайану к кровати, та очнулась, и ее лицо исказилось злобной ненавистью. Молодая женщина попыталась расцарапать лицо мужа ногтями, но тот успел швырнуть ее на постель. Пока Лайана лихорадочно шарила вокруг в поисках кинжала, Солдат бросился к двери. Ключа в замке не было. Увидев ключ на полу, он подобрал его и отпер дверь.

— На помощь! Сюда! — крикнул Солдат в темный коридор.

Слуги выскочили из комнат, натягивая на бегу одежду. На лестнице появились стражники. Солдат вернулся к себе. Ему запомнилось, что кинжал, выбитый из руки Лайаны, звякнув, закатился куда-то под шкаф. Но сейчас принцесса отчаянно рылась в постельном белье. Солдат схватил ее за руки, а она попыталась его ляг-

нуть, стараясь сломать ему нос и разбить губы. Но он крепко держал ее до тех пор, пока не подоспели слуги. Общими усилиями вырывающуюся Лайану вытащили из комнаты.

— Как ей удалось сюда попасть? — спросила Дриссила. — Мы закрыли ее в своей спальне. Мы всегда запираем дверь на ключ.

— Должно быть, она забралась через дымоход на крышу, — сказал Солдат, — а затем проникла ко мне в комнату в окно.

Солдат надеялся, что его любовь к Лайане — а также ее любовь к нему — возымеет целительное действие. Теперь он воочию убедился, что тешил себя пустыми иллюзиями. Если бы не волшебные ножны, он бы погиб.

Солдат поделился этими печальными мыслями с Дриссилой. Та покачала головой.

— Мой господин, на госпоже лежит проклятие. Если бы это был лишь недуг, можно было бы надеяться на исцеление. К несчастью, мы имеем дело с колдовством.

— В таком случае мы должны найти способ разрушить злые чары!

В окно ударили первые лучи утренней зари. Солдату пора было идти. Одевшись, он перепоясался своим новым мечом и вышел из дворца. Пустынными улицами Солдат направился в противоположный конец города. Сонные стражники у ворот встрепенулись было, увидев подозрительного путника, но, разглядев лейтенантский мундир, неохотно козырнули.

Оказавшись за городской стеной, Солдат направился к красным шатрам. Пройдя мимо часовых, он вошел в шатер Орла и, отыскав спящую Велион, разбудил свою подругу.

— Ты мне нужна, — шепнул Солдат.

— Что, *сейчас?* — пробормотала молодая женщина, усаживаясь на кровати и протирая заспанные глаза. — Мы бы могли переспать в походе. Это было бы гораздо романтичнее.

— Нет-нет, я имею в виду совсем другое. Ты забыла, я ведь мужчина женатый.

— Мне доводилось спать и с женатыми.

— Слушай, ты нужна как секундант на дуэли. На рассвете мне предстоит поединок с капитаном имперской гвардии.

Велион посмотрела в сторону полога шатра.

— Уже светает.

— Вот почему надо поторопиться.

— Хорошо.

Соскочив с койки, молодая женщина обнаженной подошла к чану с водой и плеснула себе в лицо. Солдат отметил, какая она

высокая и стройная, но в то же время очень медлительная. Он нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

— Нельзя ли побыстрее?

Велион в негодовании посмотрела на него.

— Не могу же я отправиться на поединок в таком виде, будто меня только что вытащили из мусорного ведра!

Наконец Велион оделась и привела себя в порядок. Боевые товарищи выскользнули из шатра и направились к крепостным стенам.

— А теперь расскажи подробнее, что случилось, — попросила Велион.

— Есть человек, который меня ненавидит, — капитан имперской гвардии Кафф. Он любит мою жену. Вчера я вызвал его на поединок.

— Только потому, что он любит твою жену?

— Нет, потому, что он привязал меня к колесу телеги с гнилыми овощами и избил на глазах у толпы.

Велион одобрительно кивнула.

— Это гораздо более веская причина для поединка. Я убила бы любого, кто поступил бы так со мной.

Солдату на плечо опустился ворон.

— Только тебя еще тут не хватало, — проворчал Солдат. — Убирайся, у меня нет времени.

Птица с оскорбленным видом поднялась в воздух. Велион вопросительно посмотрела на Солдата, но ничего не сказала.

Наконец товарищи подошли к тому месту, где их ждали гвардейцы. Увидев среди них кавалерийского офицера, вчера избившего его хлыстом, Солдат сверкнул глазами.

Кафф стоял чуть поодаль, обнаженный по пояс, рассекая мечом воздух. Его длинные волосы, чтобы не попадать в глаза, были забраны сзади в хвостик. Солдат отметил, какими накачанными были руки и грудь Каффа — и какими тощими его бедра и лодыжки. Нижняя половина тела капитана никак не соответствовала верхней.

Судя по всему, Кафф занимался с тяжестями, но не обращал внимания на ноги.

— А мы уже начали бефпокоитьфя, что ты не придешь, — прошепелявил кавалерийский офицер. — Ты вфегда так опавдываешь?

— Радуйтесь, что я вообще пришел, — ответил Солдат. — Насколько мне помнится, капитан Кафф отказался принять мой вызов. Кажется, он не верил, что я офицер и, значит, достойный противник капитану имперской гвардии.

— О, — сказал кавалерист, — равумеетфя, мы это проверили. Пофкольку ты дейфтвительно получил офицерфкий чин — хотя одни колдуны внают, как и ва что, — ты имеешь право быть офвежеванным. А потом мы подарим твою кожу какому-нибудь ханнаку.

К ним приблизился Кафф.

— Я был уверен, что ты лежишь пластом и не можешь встать. Вот почему ты опоздал.

Солдат недоуменно поднял брови.

— Ты имеешь в виду те незначительные царапины, что я получил вчера вечером? Но это же сущие пустяки. Если я и испытывал некоторые неудобства, все быстро прошло, как только моя жена обработала ссадины.

Во взгляде Каффа сверкнули молнии.

— Твоя жена?

— Ну да. Вчера вечером мы с принцессой Лайаной с небольшим запозданием справили свадьбу. Разве ты не получил приглашение? Какая досада! Приношу глубочайшие извинения.

Капитан заскрежетал зубами.

— А я как раз с теплого супружеского ложа, — добавил Солдат, сознательно провоцируя противника. — Должен признаться, мне очень хотелось остаться, но моя молодая жена настояла на том, чтобы я защитил свою честь и проучил этого — как она выразилась? — этого самодовольного борова.

— Ты назвал меня свиньей?

— Что ты, я только повторил слова своей жены.

Кафф тряхнул головой.

— Она бы ни за что на свете так не сказала. Я не верю, что вы провели ночь вместе. Пусть эти лживые слова превратятся в пепел и застрянут у тебя в горле, чтобы ты задохнулся. Лайана говорила мне, что не желает даже видеть тебя. Она вышла замуж исключительно из сострадания, чтобы спасти тебя от неминуемой смерти. Такие чувства испытывает нежная душа к бедному зверьку, попавшему в ловушку обстоятельств. С таким же успехом ты мог бы быть воробьем, застигнутым ураганом, или зайцем, запутавшимся в силках. Лайана всегда жалеет несчастных созданий. Но мне, настоящему мужчине, подобные чувства чужды. Я предпочитаю одним ударом избавлять жалких тварей от мучений.

— Мускус, сандаловое дерево и амбра, — ответил Солдат, взбешенный оскорбительными словами капитана. — Не сомневаюсь, смесь этих трех ароматов вызовет у тебя в памяти нечто такое, что дорого нам обоим.

Кафф побагровел от гнева.

— Я выпотрошу тебя как рыбу, — прошипел он.

— Нет, капитан, — наконец нарушила молчание Велион. — Вы будете соблюдать правила дуэли. Именно для этого я здесь и нахожусь.

Кафф недовольно поморщился.

— А это еще кто такая? — спросил он.

— Мой секундант, — ответил Солдат. — Воин из красных шатров.

— Я и сам вижу. Но она не офицер.

— Разве это так важно? — сказал Солдат. — По-моему, нет.

— Ладно, хватит болтать! — воскликнул кавалерист. — Пора переходить к делу. Фолнце уже давно ввошло.

— Полнофтью ф вами фоглафна, — передразнила его Велион.

Кавалерийский офицер сверкнул глазами, а молодая женщина подмигнула ему в ответ.

На зеленую траву упал красный платок, и поединок начался.

Сперва противники действовали осторожно, кружа друг вокруг друга и делая обманные движения. Постепенно, решив, что соперник достаточно хорошо изучен, они стали обмениваться более серьезными ударами, нацеленными в голову и грудь. Велион, следившая за Каффом, поняла, что он не удовлетворится, нанеся своему противнику несмертельную рану. Капитан имперской гвардии целился исключительно в голову. Солдат, напротив, старался поразить более крупную цель — торс.

Противники сражались молча, но это не снижало накала поединка. Внезапно Кафф, попав ногой в крысиную нору, потерял равновесие и упал на спину. Его товарищи, увидев, что капитан находится всецело во власти своего противника, ахнули от ужаса. Но Солдат, отступив назад, опустил меч, позволяя сопернику подняться с земли.

У Велион вырвался стон.

— Что ты наделал! — воскликнула она. — Он же был у тебя в руках!

Солдат только покачал головой.

Снова со звоном скрестились мечи, пугая пробуждающихся птиц. Поединок продолжался с переменным успехом, и наконец Каффу показалось, что противник начинает терять силы. Шагнув вперед, он взмахнул мечом, собираясь обезглавить Солдата. Острое лезвие со свистом вспороло воздух, двигаясь параллельно земле на уровне плеч Солдата. Зрители затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Мгновение казалось, что у Солдата нет никаких шансов парировать удар.

Но в глубинах подсознания Солдата притаились навыки, приобретенные в предыдущей жизни. Повинуясь безотчетному инстинкту, он отклонился в сторону. Его меч мелькнул с быстротой змеи. Лезвие застыло вертикально, защищая шею. Отточенная сталь наткнулась на живую плоть, но это было кое-что потоньше, чем шея. Головы остались на своих местах, однако лезвие прошло через кистевой сустав. Рука Каффа внезапно стала очень легкой. Двигаясь по инерции, он не удержал равновесие и развернулся вправо.

Не устояв на ногах, капитан словно пьяный повалился на землю, грузно рухнув рядом с предметом, упавшим на траву мгновением раньше. Кафф заморгал, недоуменно уставившись на нечто странное, в чем он разглядел кисть, отрубленную в запястье, продолжающую сжимать рукоятку меча. Прошло несколько секунд, прежде чем капитан опознал в перстне на безымянном пальце свое собственное кольцо. Все еще пребывая в каком-то оцепенении, он медленно поднял правую руку и увидел, что у нее отсутствует кисть. Из страшной раны хлынул фонтан крови. Только тогда товарищи капитана, опомнившись, бросились к нему и перевязали руку полотенцем.

Офицеры помогли бледному и трясущемуся Каффу подняться на ноги. Раненый сверкнул глазами.

— Ублюдок! — прохрипел он. — Как же я теперь буду держать меч?

— Лучше твоя правая рука, чем моя голова, — невозмутимо ответил Солдат. — Надеюсь, в будущем ты хорошенько подумаешь и все взвесишь, прежде чем подвергать человека публичной порке.

Кавалерийский офицер, шагнув вперед, дал Солдату пощечину. Несомненно, умышленно нанесенным оскорблением он рассчитывал получить вызов на поединок.

— Нет-нет, я не собираюсь сражаться по очереди с каждым из вас до тех пор, пока в конце концов кому-нибудь не удастся наконец лишить меня головы. Поищите себе другую мишень для издевок. Я вами сыт по горло.

Офицер снова занес руку, собираясь еще раз ударить его, но на этот раз Солдат перехватил удар и, в свою очередь, сам что есть силы ткнул кулаком в лицо кавалеристу. Тот отлетел назад. Из разбитого носа хлынуло почти столько же крови, сколько из отрубленной руки Каффа.

— Ах ты фвинья! — воскликнул кавалерийский офицер, давясь собственной слюной. — Фейчаф я тебя убью!

Но в его товарищах еще остались крупицы чести, и они его сдержали. В первую очередь требовалось отвести раненого к лекарю.

Кто-то, подобрав руку с мечом, завернул ее в плащ, после чего офицеры, поддерживая Каффа, направились к городским воротам.

Велион облегченно вздохнула. Все это время молодая женщина держала руку на рукоятке меча, готовая сразиться с гутрумитскими офицерами.

— Какое-то мгновение мне казалось, что нам придется пробиваться с боем. Ладно, что дальше? Это ведь, как-никак, капитан имперской гвардии!

— А я муж сестры королевы. Теперь, когда наш брак перестал быть никчемной формальностью, ко мне будут относиться гораздо серьезнее. Кафф больше не посмеет напасть на меня в открытую. Ему придется действовать либо из-за угла, либо где-нибудь в укромном месте, подальше от любопытных глаз.

— Что ж, следи за тем, что у тебя в тылу, Солдат.

Улыбнувшись, Солдат похлопал Велион по плечу.

— Велион, спасибо за то, что пришла.

— Конечно, ты дал мне совсем мало времени на сборы, — улыбнулась она, — но я не напрасно встала так рано. Ну а теперь мне пора назад. Вечером я заступаю на дежурство. Береги себя.

— Постараюсь.

С этими словами они расстались. Солдат направился в город, а молодая женщина повернула к красным шатрам.

Прилетевший ворон начал издеваться над Солдатом.

— Ну что, надеюсь, ты доволен? Я все видел. Ты едва не потерял свой кочан.

— Но все же не потерял, ведь так?

— В следующий раз я выклюю твои замечательные голубые глаза. Разумеется, с сожалением, но ведь не пропадать же добру?

— Я постараюсь, чтобы следующего раза не было.

— Кафф будет упражняться левой рукой, а затем снова вызовет тебя на поединок.

Солдат недовольно поморщился.

— Пусть вызывает сколько душе угодно, я больше не клюну на его приманку. С меня достаточно. А теперь говори, что тебе удалось разузнать насчет мальчишки-колдуна и его матери Утеллены. С ними все в порядке?

Вытерев клюв о тунику Солдата, ворон сказал:

— Они словно сквозь землю провалились.

Солдат кивнул.

— Несомненно, Утеллена решила спрятаться. Ее сын по-прежнему в очень уязвимом положении. Когда он вырастет и станет полноценным волшебником, он сможет сам постоять за себя, но

до тех пор мальчишка останется легкой добычей тех, кто идет по его следу.

— Если верить словам женщины.

— Что ты хочешь сказать, ворон?

— Я хочу сказать, быть может, за мальчишкой никто не охотится? Что, если у этой женщины есть другие причины скрываться?

Солдат пожал плечами.

— Какие, например?

— Если бы я знал, то не стал бы сеять сомнение в твоей душе, правда? Я бы сообщил тебе факты.

— По-моему, ворон, ты ошибаешься. Утеллена — милая, добрая женщина.

Ворон продолжал сомневаться.

— Все боятся детей колдунов, даже если тем и суждено вырасти в волшебников. Следовательно, ты не должен доверять и его мамаше. Она продаст душу ради своего единственного ребенка, как на ее месте поступила бы любая другая мать.

— Что ты можешь в этом смыслить, ты же птица!

Ворон пощелкал клювом.

— Птица я только снаружи. Внутри я остался мальчишкой. Но только *настоящим* мальчишкой. Человеком, а не тем созданием, которому дала жизнь Утеллена. Будем откровенны: колдуны в корне отличаются от людей. Им нельзя полностью доверять. У них в груди нет настоящего сердца — так, кусок камня. Король магов заботится не о том, чтобы в этом мире все были счастливы; его интересует лишь нужное соотношение добра и зла. Если его волнуют судьбы людей, почему бы ему просто не покончить раз и навсегда со всеми пороками, чтобы мы жили в мире и гармонии?

— В отсутствии зла не будет и добра, — возразил Солдат, — это же прописная истина. Без одного второе теряет смысл. Неужели ты хочешь жить в мире, лишенном смысла? Зло будет всегда, таков закон вселенной. Но мы должны заботиться о том, чтобы оно не выходило за определенные рамки. Следить, чтобы оно оставалось закупоренным, постоянно быть начеку. Без добра не будет героев, филантропов и рыцарей в сверкающих доспехах.

— А кому они нужны? Почему бы просто не вкушать блага жизни, не ведая никаких забот? В любом случае, если кто-то хочет стать героем, в мире предостаточно стихийных бедствий. Землетрясения, наводнения, пожары: выбирай, что тебе по душе. Совершай героический поступок, спасая ребенка из огня. Но ведь человеку этого недостаточно, правда, Солдат? Ему необходимо сразиться с другим человеком — и победить. В первую очередь все-

общий мир придется не по нраву духу соперничества, живущему в каждом из нас. Вот что не сможет вынести человек — если у него не будет смертельных врагов, соперников.

— Чепуха, — сказал Солдат, сам не до конца веря в свои слова. — Миру необходимо разнообразие. Наши души питаются мифами и легендами, которых не было бы, если бы в мире не существовало зла. Мы должны сражаться с тем, что находится *внутри* нас. В каждом из нас есть бескрайние пустыни, высочайшие горные хребты и бездонные пропасти, которые мы должны пересечь. Без недостижимых целей, без неосуществимых задач разве смогут люди совершать путешествие в глубь себя, искать то, чего они стоят, достигать конечной точки — своей души?

— Для простого пехотинца ты сегодня что-то чересчур разговорчив.

— Как и ты, — подозрительно заметил Солдат. — Ты уверен, что ты мой ворон, а не поменявший обличье колдун?

— Из того, что я был беспризорным мальчишкой, еще не следует, что я глупый и необразованный. Как птица, я могу присутствовать на советах мудрецов, священников и ученых мужей. А ты что скажешь в свое оправдание?

Презрительно потрещав языком, ворон взмыл в воздух. Его неожиданное исчезновение было отчасти вызвано тем, что к Солдату подошли два стражника, воины имперской гвардии. Решив, что новая схватка неизбежна, Солдат непроизвольно схватился за рукоятку меча. Стражники загородили ему дорогу. Один из них заговорил:

— Королева Ванда желает тебя видеть.

— Меня? — изумился Солдат.

— Да, — подтвердил второй стражник. — Иди с нами.

— Эй, подождите-ка. Почему я должен верить, что вы посланы королевой? Сегодня утром я сражался на поединке с вашим капитаном и отрубил ему кисть. Быть может, вы хотите заманить меня в ловушку.

Известие о ранении капитана Каффа оказалось для стражников полной неожиданностью. По их потрясенным лицам Солдат понял, что они ничего не знали.

— Что нужно от меня королеве Ванде?

— Нашел кого спрашивать. — Первый стражник пожал плечами. — Королева не посвящает нас в свои тайны.

— Ну хорошо, я пойду с вами. Только вы идите впереди.

Развернувшись, стражники направились ко Дворцу Птиц. Солдат последовал за ними. Один из стражников, обернувшись, спросил:

— Ты действительно дрался на дуэли с капитаном Каффом?

— Да.

— И отрубил ему кисть руки?

— Да.

Стражники умолкли. Проводив Солдата до приемного зала королевы, они ушли, ни словом не обмолвившись о своем отношении к случившемуся. Но Солдат не сомневался, что всю дорогу они только об этом и думали. Впрочем, он даже не надеялся склонить на свою сторону таких людей. Эти стражники преданны Каффу душой и телом, и тут уж ничего не поделаешь.

Двери зала распахнулись. Солдат увидел перед собой маленького человечка с бледным лицом, в шелковых одеждах. Из расклешенных рукавов торчали длинные руки. Одной рукой человечек сделал Солдату знак приблизиться, другую поднял ладонью вверх, показывая, чтобы он оставался на месте. Солдат растерялся, не зная, как ему быть.

— Я Гумбольд, королевский канцлер, — тихим, вкрадчивым голосом объявил человечек. — Королева желает говорить с тобой. Войди в зал, упади ниц и жди, пока королева обратится к тебе. Ни в коем случае не перебивай ее. Если ты только попытаешься шевельнуться или заговорить, прежде чем она тебе прикажет, тебя немедленно казнят. Если королева задаст тебе вопрос, ты должен будешь ей ответить. К ней надлежит обращаться «ваше величество». Ты все понял?

Глава пятнадцатая

Вдруг на улице потемнело.

Порыв ветра ударил в стену дворца. Холодный воздух, ворвавшись в раскрытые окна, обдал ледяным дыханием всех, кто находился в зале. Солдат судорожно глотнул воздух, пытаясь отдышаться. Стражники, находившиеся во дворе, попятились, не в силах устоять на ногах. Двери зала с силой захлопнулись, отделив Солдата и Гумбольда от тех, кто находился внутри. Огни факелов, освещавших коридор, задрожав, погасли, и воцарился мрак. Ураганный ветер сорвал висевшие на вешалке плащи, и они призрачными тенями полетели по коридору. По всему дворцу грохотали закрывающиеся окна и двери. Кое-где раздались испуганные крики.

На улице закружила вьюга. Ошеломленный Солдат увидел, как с деревьев обламываются замерзшие листья, внезапно став-

шие хрупкими и ломкими, словно были сделаны из тончайшего стекла. В тусклом свете заблестели растения, покрытые коркой инея. Стекающая каскадами вода из фонтана застыла прямо в движении, превратившись в мрамор. Несчастные золотые рыбки в прудах оказались плененными в кусках льда. Еще живые, они изумленно таращились вылупленными глазами на окружающий мир. Сосульки белыми бородами стремительно нарастали на подоконниках и дождевых трубах. Снег, поваливший крупными бесшумными хлопьями, быстро покрыл землю сплошным ковром.

— Что это? — воскликнул Солдат, оцепенев от страха. — Наступил конец света?

Стало совсем темно. Мрак тучами черной сажи затянул небеса. Через считанные мгновения все краски мира исчезли: над белоснежной землей нависло низкое серое небо. Но это была не ночная темень, а сумерки зимнего дня. Черные тени расплывающимися краями переходили в белизну снега. Замерзшие птицы падали с крыши, пролетая мимо окон, и камнем ударялись о землю, где оставались лежать трепещущими комками перьев. Стайка скворцов, застигнутая в полете стеной ледяного дождя, пролилась ливнем застывших черных трупиков, присоединившихся к тем, кто упал с крыши. Ровный слой снега покрылся оспинками от замерзших пчел и шершней, падающих вниз подобно маленьким камешкам, выпущенным из пращи.

— В чем дело? — спросил Солдат, ежась от холода в металлических доспехах, надетых поверх тонкого белья. — Что случилось?

— Пришла зима, — спокойно ответил Гумбольд. — В последнее время это происходит резко.

— Но почему?

— По той же причине, по которой в мире происходят неестественные вещи, — Король магов при смерти. А смерть колдуна — процесс длительный. Тот, кто прожил семьсот лет, так быстро не покинет этот мир.

Солдат зябко обхватил плечи руками, пытаясь согреться.

— Почему бы ему не освободить место своему преемнику?

— А кто из нас не захочет урвать от жизни еще несколько мгновений? Король магов не желает умирать и будет цепляться за жизнь, сколько сможет. Для колдуна смерть — это страшная штука. Загробной жизни у него не будет. Останутся только прах и кости; душа угаснет вместе с телом. Это все, что у него есть, поэтому без борьбы он с жизнью не расстанется.

Вдруг Гумбольд вспомнил про королеву.

— Нам пора идти. Не забудь мои наставления. — Посмотрев на оружие Солдата, канцлер спросил: — Рукоятка твоего меча привязана к поясу?

— Да.

— Хорошо.

Он распорядился отворить двери и вошел в зал первым. Солдат, едва переступив порог, распластался ниц.

Королева восседала на троне в противоположном конце зала.

— Откуда ты родом, Солдат?

— Не знаю, ваше величество, — ответил тот, уткнувшись лицом в холодные каменные плиты пола.

— Как твое настоящее имя?

— Кто я такой на самом деле остается загадкой для меня самого.

— Ты прибыл к нам из другой страны — или вообще из совершенно других мест?

— Ваше величество, я очень хотел бы ответить на эти вопросы, но не могу. Мое прошлое является для меня такой же тайной, как и для всех остальных. Мне отчаянно хочется узнать, кто я и что я, откуда я родом, кто мои отец и мать, где моя отчизна...

Королева прервала его:

— Солдат, подойди ближе.

— Ты должен встать, — прошипел Гумбольд, — и приблизиться к королеве. Но остановись от нее на расстоянии трех длин распростертого тела и снова пади ниц.

Солдат послушно выполнил то, что ему сказали.

Ему показалось, он целую вечность лежал на холодном мозаичном полу, слушая разговоры королевы с придворными. Похоже, лишь ему одному приходилось целоваться с мраморными плитами. Наконец королева повелела ему встать. Поднявшись на ноги, Солдат застыл в почтительной позе перед троном.

— Ты можешь поднять голову и посмотреть мне в глаза.

Повиновавшись, Солдат увидел перед собой женщину, внешне похожую на его жену, принцессу Лайану. Черты лица королевы были резче и грубее, чем у ее сестры, но не вызывало сомнения, что молодые женщины — близкие родственницы. Ванда была более строгой и суровой, как и подобает королеве, правительнице страны, еще недавно — могущественной империи. Почувствовав, что Ванда при необходимости может быть жестокой и бесчувственной, Солдат забеспокоился, гадая, зачем его вызвали.

Королева была в пурпурной мантии, отороченной белым мехом, — ни короны, ни драгоценностей, ни скипетра с державой или каких-то иных символов власти... Солдат предположил, что до того,

как на дворец обрушился снежный заряд зимы, плащ висел в гардеробе. Остальные придворные и стражники, находившиеся в зале, тоже успели раздобыть плащи. Лишь Солдат и Гумбольд оставались без теплой одежды.

— А ты не бродячий колдун?

— Ваше величество, если бы я был колдуном, то, попав в такой переплет, сразу же выпутался бы из него с помощью магии. Мне никогда не доводилось встречать бродячего колдуна, но, не сомневаюсь, это должна быть более сильная личность, чем я. Обладающая внутренним магнетизмом. Неизмеримой харизмой. Вы же видите перед собой жалкого смертного, даже не претендующего на обладание сверхъестественными силами.

— Наконец лично встретившись с тобой, я в это верю. Я слышала, ты стал третьим мужем моей сестры, — продолжала королева. — То есть ты мой зять.

Солдат еще не смотрел на случившееся с такой стороны; теперь его мысли лихорадочно понеслись вскачь. Он собрался было что-то сказать, но тут вспомнил предостережение Гумбольда не раскрывать рот до тех пор, пока к нему не обратятся. Прозвучал ли в словах королевы вопрос? Или же это было простое утверждение?

Солдат оглянулся на канцлера, ища у него поддержки. Лицо Гумбольда оставалось непроницаемым.

— Солдат, ты любишь свою жену?

Определенно это вопрос.

— Больше жизни.

Гумбольд закатил глаза, не потому, что его стошнило от пылкого выражения чувств Солдата, а оттого, что тот забыл про правильное обращение к королеве. Солдат мысленно решил впредь не повторять эту ошибку.

— Однако ты знаком с ней лишь несколько часов. Насколько я слышала, прошлой ночью ваш брак перестал быть простой формальностью. После чего в предрассветные часы моя сестра лишилась рассудка. Это правда?

Судя по всему, новости в Гутруме распространяются очень быстро.

— Да, ваше величество.

— И ты не находишь мою сестру уродливой?

— Вы о ее шрамах, ваше величество? Они не имеют для меня никакого значения. В моих глазах Лайана является самой прекрасной женщиной на свете.

Королева вопросительно подняла брови.

— Даже прекраснее своей сестры, королевы?

В зале наступила мертвая тишина. Стихли негромкие разговоры, шелест одежды, другие звуки. Все застыли, ожидая вместе с королевой ответа.

— Я считаю, — решительно заявил Солдат, — что с красотой ее величества не сравнится ничто...

По залу разнесся вздох облегчения.

— ...кроме красоты моей возлюбленной жены.

Вздох превратился в стон ужаса.

Поджав губы, королева прищурилась.

— Каким бы мужем я был... — начал Солдат.

— Молчи, болван! — гневно зашипел на него Гумбольд. — Тебя не просили говорить!

Однако Солдат не собирался останавливаться.

— Каким бы мужем я был, если бы меня не ослепила любовь? Я молодой муж, не оправившийся от пламени только что разгоревшейся любви. Ваше величество, неужели вы бы пожелали своей сестре супруга, который не боготворил бы в ней все, в том числе ее внешность?

— Ты хочешь сказать, что подпал под чары Лайаны?

— Да, подпал, — подтвердил Солдат, — и это продлится до конца моих дней. Лайана зачаровала меня, но не магией, а своей любовью. Неужели вы бы обрадовались, если бы я тосковал по красоте сестры своей супруги? По-моему, вряд ли, даже если бы об этой красоте мог мечтать такой простой человек, как я. Это было бы противоестественно. Следовательно, ваше величество, я *обязан* считать свою жену несравненной, ибо любое иное мнение таит в себе опасности.

— Ты считаешь Лайану более красивой, чем я, потому что тебе так выгоднее.

— Нет — потому что не могу поступить иначе. Я переполнен страстью и слеп к другим женщинам, будь они королевы или простые служанки. Я безумно люблю свою жену и с рассвета до заката думаю только о ней. Все остальные граждане этой страны считают самой красивой женщиной на свете вас, ваше величество. Я же одинок в своем мнении, и, таким образом, по большому счету оно не имеет никакого значения.

Королева Ванда улыбнулась.

— У тебя хорошо подвешен язык, Солдат. Похоже, ты не просто грубый вояка. И не мастер фехтования, уродующий капитанов моей имперской гвардии.

Что это значит? Если королева решила отомстить ему за Кафа, он пропал.

— Я вызвала тебя сюда, — продолжала королева, — чтобы попросить об одной любезности. Хочу дать тебе задание. Ты должен обойти свет и найти исцеление от недуга, которым страдает моя сестра — и я тоже. Помутнения рассудка происходят у нас с сестрой совершенно независимо, но болезни, нас терзающие, имеют одни и те же корни. Один колдун проклял нашу мать, и его проклятие перешло на нас. Я хотела бы попросить тебя разыскать колдуна, наложившего заклятие, и заставить его снять чары. Ну, что скажешь, Солдат? Ты согласен?

— Головой и сердцем, ваше величество!

— Хорошо. Я уже направила послание карфаганцам. Тебя отпустят из войска на неопределенный период времени. Даем тебе наше благословение. В горах на западе обитают колдуны. Иди, отыщи среди них того, кто нужен, и заставь его снять заклятие, перешедшее на нас с родителей. Можешь взять с собой помощника и слугу. Есть кто-нибудь, кому ты полностью доверяешь?

Солдат подумал сперва об Утеллене, затем о Велион, но в конце концов остановился на Спэгге. Конечно, торговец руками показал, что на него нельзя положиться, но Солдат не хотел подвергать опасности своих друзей. Утеллене, даже если ему удалось бы ее найти, нужно заботиться о сыне. Велион в этом отношении в лучшем положении, однако никчемным Спэггом пожертвовать проще, чем женщиной-воином. Нет, надо остановиться на Спэгге. Торговец руками не посмеет отказать, узнав о поручении самой королевы.

— У меня есть на примете один человек, ваше величество.

— В таком случае, Солдат, иди, и да сопутствует тебе удача.

Склонив голову, Солдат попятился. Гумбольд проводил его до дверей. Выйдя из Дворца Птиц, Солдат поспешил по свежему снегу во Дворец Диких Цветов. Там ему сообщили, что у его жены продолжается приступ безумия, и посоветовали воздержаться от встречи с ней. Взяв теплый плащ, Солдат рассказал Дриссиле и Офао о поручении королевы и отправился искать Спэгга, торговца руками.

На рынке царило всеобщее оживление. Торговцы суетились, расчищая прилавки от снега. Внезапный приход зимы застал всех врасплох. Промерзшие до мозга костей, обозленные, торговцы были не в настроении отвечать на расспросы. И все же в конце концов одна женщина повернула раскрасневшийся от холода нос к Солдату и сообщила, где можно найти Спэгга.

— С приходом зимы, — шмыгая носом, сказала она, — Спэгг укрывается в храме бога Фэга и становится послушником.

— Послушником?

— Ну да. Жрецы, глупцы, принимают его каждую зиму, сколько бы раз в году она ни наступала — один, два или три. Надеются, что он пройдет весь курс обучения и станет прилежным жрецом. Спэгг живет у них до весны, а затем машет им ручкой и возвращается на рынок. Спэгг — малый не промах, хотя и подлец каких поискать. В храме всегда топятся углем печи, и он отсиживается там в тепле до тех пор, пока не растают снег и лед.

— А у вас в году зима бывает несколько раз? — спросил изумленный Солдат.

— Ну да, помилуй бог. Порой до шести раз. Вот, например, три года назад у нас было шесть зим. Правда, такое бывает редко. Как правило, зима приходит два или три раза. Но, конечно, длится она недолго. Один-два месяца, иногда три. Внезапно приходит, внезапно заканчивается. У нас в Гутруме говорят: «Не нравится погода — обожди минутку».

Поблагодарив старуху, Солдат спросил дорогу и направился к храму бога Фэга. Жрецы не захотели его впустить, сообщив, что простым смертным доступ в храм разрешен только по религиозным праздникам — в данном случае, посвященным богу Фэгу. Солдату сказали, что внутри храма находятся девственницы, которых необходимо оберегать, чтобы зерновые не загнили на корню, а яблоки не засохли прямо на деревьях.

— Урожай зависит от их непорочности. За каждую загубленную невинность сгниет поле брюквы. За каждую девушку, сбившуюся с пути истинного, погибнет миндальное дерево. За каждую падшую девственницу завянет на корню виноградная лоза. А ты, грубый солдат, можешь дать волю своему вожделению и обесчестить прекрасных девиц в самом соку, укрывшихся за этими стенами.

Жрец облизнул губы, словно предвкушая аппетитное лакомство, которое он вкусит, как только незнакомец уйдет.

— И вы впускаете в свою обитель таких людей, как Спэгг? — спросил Солдат.

Все жрецы храма Фэга носили длинные зеленые рясы, высокие зеленые шапки и зеленые сандалии, сплетенные из пальмовых листьев. Зеленый был цветом бога Фэга. Это божество отвечало за сельское хозяйство и за все, связанное с растениями и земледелием. Еще Фэг был страстным поклонником скаковых лошадей, так что все конские бега проходили под его патронажем.

— Спэгга? По-моему, у нас нет никакого Спэгга.

— Мне сказали, что он в храме. Послушник.

— О. — Лицо жреца затянуло тучей. — Рыночный торговец, продающий руки повешенных? Он довел нас до грани терпения.

Похоже, он приходит в храм, только чтобы спастись от зимы. И между нами говоря, я нисколько не доверяю ему во всем, что касается девственниц.

— Вот как?

— Точно. Ты пришел, чтобы арестовать его за какое-то преступление? Меня это нисколько не удивляет.

— Спэгг нужен мне для того, чтобы выполнить поручение королевы.

— А, — кивнул жрец с таким видом, словно это подтвердило его предположения. — Я пошлю за ним.

Он бросил пару слов молодому жрецу. Тот исчез под темными сводами храма Фэга, где гуляли парами робкие молодые женщины, а их хранители бдительно следили за тем, как бы в овчарню не нагрянул волк. Вскоре молодой жрец вернулся, ведя облаченного во все зеленое Спэгга. Увидев дожидающегося его Солдата, торговец попытался скрыться в храме. Однако жрецы не позволили ему найти убежище в святыне Фэга. Схватив Спэгга, они бросили его к ногам Солдата.

— Солдат, пощади! — взмолился Спэгг, защищая голову руками. — Прости, что я предал тебя!

— Встань, — приказал Солдат, смущенный этим нелицеприятным зрелищем. — Ты отправишься вместе со мной в путешествие. Мне нужен человек, чтобы присматривать за лошадьми и выполнять разную работу.

Лицо торговца руками сразу же приняло хитрое выражение, в его голосе прозвучал вызов.

— Покинуть Зэмерканд? Ни за что!

— Так повелела сама королева.

Поднявшись на ноги, Спэгг отряхнулся. Теперь его лицо было жалобным. Похоже, он был способен менять личину каждую минуту.

— Королева? И куда мы отправимся? Надеюсь, не на север? На север я не пойду. Люди-звери расправятся с нами, не успеем мы преодолеть и десяти лиг.

— Нет, не на север.

— И не на восток, да? Потому что там обитают племена ханнаков. Они в два счета снимут с нас кожу. Пожалуйста, скажи, что мы пойдем не на восток.

— Не на восток.

— О! О! — воскликнул Спэгг. — Значит, на юг, не так ли? Мы поплывем на корабле через Лазурное море в Гвандоленд, да? Я умру от морской болезни. Меня укачивает до смерти. Пожалуйста, скажи, что нам не придется плыть на корабле.

— Нам не придется плыть на корабле.

Жрецы с наслаждением следили за разговором. Две-три весталки похрабрее высунулись из-за внутренних колонн храма, радуясь неожиданному развлечению.

— Мы отправимся на запад, — сказал Солдат.

— На запад? — взвыл Спэгг. — В священные горы? В благословенные долины? Мы попадем в руки к Святой Семерке! О, пожалуйста, скажи, что мы отправимся не на запад!

— Мы отправимся на запад.

Жрецы, стоявшие скрестив руки на груди, рассмеялись.

Спэгг начал заводиться.

— Я никуда не пойду, это мое последнее слово. Пусть королева приказывает что хочет. Я *отказываюсь* идти. Найди себе кого-нибудь другого. Со мной случится припадок, и я прямо здесь упаду на землю и начну корчиться в судорогах. Ты не можешь силком тащить больного. Жители города встанут на мою сторону и повесят тебя на ближайшем фонарном столбе. Знаешь, я занимаю в обществе влиятельное положение. Гильдия рыночных торговцев вступится за меня...

Солдат, потеряв терпение, обнажил меч. Скрежет стали, покидающей ножны, напугал жрецов, и они торопливо попятились.

— Заткнись. — В тихом голосе Солдата прозвучала угроза. — Если скажешь еще хоть слово, я отрублю тебе голову. Следуй за мной.

Спэгг послушно засеменил за Солдатом по улицам города.

Втайне от королевы Гумбольд имел в своем личном распоряжении волшебника по имени Пугорчофф. В действительности Пугорчофф был даже не столько волшебником, сколько отравителем. Он действительно время от времени занимался мелким колдовством, но основным его увлечением были ядовитые растения и то действие, которое они оказывают на нервную систему. Пугорчофф мог парализовать человека на две минуты, на час, на день, навечно. За каких-нибудь четверть часа он мог выведать тайну у человека, поклявшегося молчать, оставив его умирать. Искусный отравитель умел запирать человека в своем собственном теле, и того хоронили заживо. Он мог за считанные мгновения отправить на тот свет пышущего здоровьем силача, царапнув ему кожу специально обработанным шипом. Короче говоря, его знания ядовитых растений и грибов были такими, что он без труда мог убить любого, кого только пожелал бы заказчик.

В то самое время, когда Солдат находился в храме Фэга, Гумбольд наведался в гости к Пугорчоффу. Они уселись на обитый шелком диван, подаренный волшебнику канцлером.

— Я хочу сделать так, чтобы один человек не вернулся с охоты, — сказал Гумбольд.

— С охоты?

— Ну, из путешествия.

— И куда отправляется этот человек? — спросил колдун.

— Быть может, ему придется перейти через горы.

Лицо Пугорчоффа повторяло форму его носа: было длинным, тонким и надменным.

— В таком случае, к чему напрасное беспокойство, господин канцлер? Он все равно не вернется.

Гумбольд кивнул.

— Да, он действительно идет навстречу опасностям, но создается впечатление, что у этого человека несколько жизней. Ты можешь подобрать смертельный яд и придумать способ применить его так, чтобы он умер далеко за пределами Зэмерканда? Я не хочу, чтобы с ним что-нибудь произошло в городе. Лучше пусть он сгинет где-то в темном, глухом лесу и его тело засосет трясина. Тогда через месяц о нем уже никто не вспомнит.

— Неужели этот человек действительно так опасен?

— Не знаю. Он появился из ниоткуда и уже заставил королеву прислушиваться к себе. У меня есть определенные планы, и я не хочу, чтобы им помешали.

Волшебник кивнул. Подойдя к стене за диваном, он поднял круглую лампу, стоявшую в оконной нише. В каменной стене отворилась потайная дверь. Пугорчофф прошел в соседнее помещение, которое, насколько знал Гумбольд, было заполнено бутылочками со всевозможными ядами, а также спицами, иглами, ножами и разными другими приспособлениями для того, чтобы вводить в тело жертвы создаваемые здесь снадобья. Разумеется, некоторые яды достаточно только вдохнуть; другие должны попасть на кожу, чтобы через поры проникнуть в тело. Человек понюхает розу или примет ванну, и через час будет мертв.

Пугорчофф убивал людей с помощью конвертов: особый клей (когда его лизали языком) выделял смертельный яд, и через несколько дней у несчастной жертвы полностью слезала кожа, после чего наступала мучительная смерть. Отравитель убил мужа, сохранив жизнь жене, подмешав ядовитое зелье в румяна. Отрава проникла в организм мужа через рот, когда он поцеловал свою жену в щеку. Надевая специальные перчатки, Пугорчофф пожимал руки людям, и те вскоре умирали от крысиного яда. Одним из его излюбленных орудий была подушка, которая, нагревшись от головы спящего, выделяла гибельные испарения, убивавшие человека во сне. Другим был с виду невинный болотный газ, попадавший в организм

человека через глаза; от действия ядовитого вещества температура крови резко повышалась, и жертва буквально закипала изнутри.

Волшебник отсутствовал довольно долго. Беспокойство канцлера нарастало.

— Вот это вам подойдет? — вернувшись, спросил Пугорчофф.

У него в руках была красивая кольчуга: стальные пластины были нашиты на куртку из красного бархата.

— И как она действует?

Отравитель объяснил, что изнутри в ней торчат тысячи маленьких иголок толщиной с волос.

— На каждой иголке яда столько, что хватит, чтобы убить лошадь. Эти волоски проникнут сквозь нательную рубаху словно грубая шерсть. Тот, кто наденет кольчугу, ощутит неприятное покалывание, но к этому моменту уже будет поздно. Крошечные иголки сделают свое дело. Я все изготовил собственными руками, в том числе стальные пластины и куртку.

Канцлер с восхищением оглядел работу колдуна.

— Несомненно, очень красивая вещь; лично я не отказался бы надеть такую, если бы не знал ее смертельной тайны. А что это за герб на правом плече?

— Дикий цветок, белая каменная роза — личная эмблема принцессы Лайаны. Я только что его вышил. Прошу прощения, что заставил ждать так долго.

— Ничего страшного, я все понимаю, — ответил довольный канцлер. — Замечательный штришок. Просто замечательный. Ну как наш друг сможет отказаться от подарка, украшенного гербом его жены? Правда, лично я всегда полагал, что гербом принцессы Лайаны должны быть дурман или белена.

Волшебник хрипло рассмеялся.

— Какая остроумная шутка! А теперь позвольте рассказать вам план, который я разработал, чтобы наш человек надел эту кольчугу, отъехав от Зэмерканда на порядочное расстояние...

Глава шестнадцатая

Три дня Солдат готовился к путешествию. Ему помогала Велион. Теперь, став наемным воином, он обзавелся деньгами. В походе против людей-зверей Солдат заработал достаточную сумму, чтобы купить двух лошадей — одну для себя, другую для Спэгга.

Также он купил вьючного мула, которого предстояло вести торговцу. Таким образом, руки у Солдата постоянно были свободны на тот случай, если они попадут в засаду. Еще Солдат закупил провизии для себя и Спэгга, а также корм животным. Казалось, он интуитивно знает, как готовиться к походу.

Велион вызвалась отправиться в путь вместе с ним, но Солдат не желал и слышать об этом.

— У тебя и здесь полно забот, — сказал он, кутаясь в толстый шерстяной плащ, который раздобыл, чтобы защититься от суровой гутрумитской зимы. — Никто не может сказать, когда я вернусь. Быть может, никогда. Я хочу отвечать только за себя одного.

— Ну а Спэгг?

— Им можно пожертвовать. Он меня предал.

Велион покачала головой.

— Ты не из тех, кто прощает, да, Солдат?

— Да.

На третий день появился ворон, принесший известия об Утеллене.

— Она в подземной темнице, — сказала птица. — Тюрьма находится под садами, отделяющими Дворец Диких Цветов от Дворца Птиц.

— Темница под садом!.. И что, заключенные грызут луковицы нарциссов?

— Они грызут заплесневелые корки и пьют воду, стекающую по стенам, — ответил ворон. — Их мучит голод. Мне едва удалось унести оттуда крылья. Если бы не моя расторопность, я бы уже был *жареным* вороном.

— Как тебе удалось отыскать Утеллену?

— Я слушал шепот ветра, шелест деревьев... Найдя вход в подземелье в могиле на кладбище, я протиснулся сквозь решетку, спустился в склеп, а затем прополз по крысиному лазу в стене и попал в темницу. Это оказалось совсем нетрудно. Если будет надо, повторю в любое время.

Солдат оставил лошадей и мула на попечение Спэгга, предупредив торговца, что если тот попытается смыться, он найдет его из-под земли и убьет не раздумывая.

— Ты мне нужен лишь в качестве слуги. Я без сожаления проткну тебе сердце, а затем расчленю твое тело.

Спэгг, осунувшийся и понурый, ответил, что прекрасно все понял.

Отправившись к Лорду-поимщику воров, Солдат получил разрешение посетить темницу. Теперь, когда он стал зятем королевы, перед ним открывались все двери.

Вход в подземную тюрьму находился в сторожке между двумя дворцами. С вороном на плече Солдат спустился вниз. Тюремщица, молодая женщина с бегающими глазками, провела его по хитросплетению темных коридоров и тоннелей к камере, где содержалась Утеллена. Мальчишка-колдун был вместе с ней. Солдат обратился к молодой женщине через зарешеченное окошко в двери:

— С тобой все в порядке?

— Да, — ответила Утеллена.

— Какое преступление вы совершили? Почему вы здесь?

Утеллена покачала головой.

— Я сознательно подстроила так, чтобы меня арестовали за мелкую провинность. В лесу стало небезопасно. А здесь по крайней мере нас защищают толстые стены без окон и стальная дверь.

— Ты умышленно поступила так?.. — Сердце Солдата защемило от сострадания к молодой женщине. — И долго вы здесь пробудете?

— До тех пор, пока не станет безопасно выйти отсюда. Мой сын крепчает день ото дня. Скоро он сможет сам постоять за себя.

— А что, если о них все забудут? — вмешался в разговор ворон. — И их навечно оставят гнить здесь? Такое случается сплошь и рядом. Если на свободе не будет тех, кто станет засыпать прошениями Лорда-поимщика воров, никто не потрудится их освободить.

Солдат повторил слова птицы Утеллене и мальчишке.

— Но ведь *ты* знаешь, что мы здесь, — сказал мальчик.

— Мало ли что может случиться со мной. Вдруг я не вернусь из путешествия. Вам нужно найти себе еще какого-нибудь заступника. Слушайте, — сказал Солдат, оглядываясь вокруг, — этот ворон умеет открывать клювом любые замки. Если хотите, я могу попросить его выпустить вас на свободу. Он попадает сюда через склеп на кладбище, расположенное по соседству с темницей.

— Нет, — решительно заявила Утеллена. — Мы не должны показываться на людях.

Мальчик посмотрел на стены и потолок.

— А я-то гадал, откуда здесь зловонная жижа... Я полагал, что мы находимся недалеко от сточных труб, но, несомненно, это трупная жидкость, просачивающаяся сквозь землю из похороненных на кладбище покойников. Мама, ты обязательно подхватишь какую-нибудь страшную болезнь. В липкой слизи, источаемой мертвецами, полно всякой заразы. Обо мне не беспокойся. Со мной все будет хорошо, обещаю.

Утеллена покачала головой.

— Мне приходилось бывать и в худших местах. Я остаюсь с тобой, сынок. И давай не будем говорить об этом.

Солдат пожал плечами. Больше он ничем не мог помочь своим друзьям.

— В таком случае до свидания. Перед тем как отправиться в путь, я пришлю вам нормальной еды.

— Спасибо, — сказала Утеллена. — У тебя доброе сердце.

Развернувшись, Солдат обнаружил, что тюремщица ушла, оставив его одного искать дорогу назад, наверх. Ворон уселся Солдату на плечо, и они пошли, как им показалось, в правильном направлении, по коридорам, вымощенным скользкими от сырости плитами, тускло освещенным мерцающими факелами. Два-три раза Солдат, случайно прикасаясь рукой к стенам, чувствовал, что по ним течет липкая жижа. Вспомнив слова мальчишки, он поморщился от отвращения. Надо будет не трогать рот пальцами.

— Слушай, а мы в ту сторону идем? — вдруг спохватился Солдат.

— Ты меня спрашиваешь? Я птица. Спроси меня показать дорогу среди деревьев в лесу, и я тебе скажу, у какой ветки повернуть направо, а у какой — налево. А сейчас тебе нужен говорящий крот.

— Но ты же уже бывал здесь.

— Да, но я старательно запоминал все повороты. А сейчас я положился на тебя.

— Ну а я надеялся, что с нами останется тюремщица, — проворчал Солдат.

— Когда она от нас улизнула? Я не заметил, как она ушла.

— Все потому, что ты во все глаза таращился на женщину.

— Неправда. Утеллена меня не интересует. По крайней мере в том смысле, какой ты имел в виду.

Солдат бродил по коридорам, казалось, не имеющим конца. Время от времени он упирался в глухую каменную стену или в запертую дверь; приходилось возвращаться назад и поворачивать в другой коридор. В конце концов человек и птица как-то незаметно для себя очутились в самой древней части подземелья. Старинная кирпичная кладка местами выкрошилась, внизу стены были покрыты слоем плесени. В воздухе пахло затхлой сыростью, как будто свежее дуновение не проникало сюда вот уже полстолетия. Факелов на стенах больше не было. Солдату пришлось зажечь свечу, которую он постоянно носил в кармане на тот случай, если окажется ночью на неосвещенной улице. В сыром воздухе свеча горела плохо.

Вдруг Солдат наткнулся на громадную каменную колонну.

Он обошел вокруг колонны, имевшей в окружности около шестидесяти шагов. Сперва ему показалось, это круглая комната, но в сплошном камне не было ни окон, ни дверей.

— Что это такое? — спросил Солдат. — Похоже, мы в самом сердце подземелья.

— Это круглая камера, — ответил ворон. — Камень пустой внутри.

Солдат покачал головой.

— С чего ты взял?

— Присмотрись внимательнее. Неужели ты не видишь замочной скважины? Вот здесь. *Ну вот же,* прямо у тебя перед носом! А если ты приглядишься еще внимательнее, то увидишь тонкую трещину, идущую горизонтально на уровне твоей головы и под прямым углом опускающуюся вниз. По-моему, это дверь, а ты как думаешь?

В тусклом свете свечи Солдат изучил поверхность колонны и пришел к выводу, что птица права. По камню проходила тончайшая трещинка, слишком прямая, ломающаяся под слишком правильным углом, чтобы быть естественной. И кроме того, как верно заметил ворон, примерно на уровне пояса в колонне было проделано отверстие странной формы. Определенно, это могло быть дверью в круглую комнату.

Солдат ощутил необъяснимое беспокойство. Ему показалось, что за дверью кто-то стоит. Он мысленно представил себе темный силуэт, застывший внутри полой колонны. Почему-то Солдат решил, что этот силуэт, это существо уже очень давно ждет избавления. У Солдата в голове прозвучала не высказанная словами команда, призывающая его действовать. Придя в смятение, он растерянно посмотрел на свои руки, затем порылся в карманах, пытаясь найти что-нибудь, похожее на ключ. Немой приказ звучал тверже, настойчивее, и теперь в нем уже слышалась угроза. Вдруг Солдат вспомнил, о чем хвастался Ворон. Он собрался было попросить птицу отпереть замок клювом, но тут в коридоре послышались звуки шагов и шелест одежды. Из темноты показались двое тюремщиков.

— Что вы здесь делаете? — проворчала женщина, приведшая Солдата в подземную тюрьму. — Оставила вас одного на минуту, и вы уже пропали. Разве трудно было подождать? Целую вечность пришлось вас разыскивать. Как будто нам больше нечем заняться!

— Прошу прощения, — сказал Солдат. — Да, кстати, кто находится в этой камере?

Мужчина-тюремщик поднес к колонне факел и внимательно ее осмотрел.

— В какой камере? Кто сказал, что это камера? По-моему, это просто столб. На пересечении коридоров.

— В таком случае, зачем он здесь, громадный столб в самом центре подземелья?

— Может, держит свод? — язвительным тоном предположил тюремщик. — Я не строитель, но на таком перекрестке обязательно должно что-нибудь стоять.

— Наверное, ты прав, — согласился Солдат.

— В эту часть подземелья мы не ходим, — сказала тюремщица, непроизвольно поежившись. — Мне здесь не нравится. Когда я сюда попадаю, в голову начинает лезть всякая чертовщина. Лучше сюда не соваться.

Разговаривая, она достала связку ключей и стала один за другим вставлять их в замочную скважину.

— Что ты делаешь? — спросил ее мужчина.

Остановившись, женщина недоуменно заморгала.

— Понятия не имею. Ну вот, именно это я и имела в виду. Дурное место. Пойдемте отсюда. Идемте, Солдат. Начнем с того, что вы не имеете права здесь находиться. Сейчас мы выведем вас на улицу.

Солдат послушно пошел следом за тюремщиками, хотя его внутренний голос настойчиво требовал остановиться. Теперь смятение охватило и мужчину-тюремщика: всю дорогу он беспокойно оглядывался.

В присутствии тюремщиков ворон не проронил ни слова, но как только Солдат вышел из подземелья, птица призналась, что и она ощущала настойчивый немой призыв, доносившийся из каменного столба.

— Там внутри что-то есть, — сказал ворон, когда они вышли в засыпанный снегом сад. — И это «что-то» очень хочет оттуда выбраться.

— А может, это просто игра воображения? — возразил Солдат. Теперь, когда жуткие подземные коридоры остались позади, он уже не был уверен в своих ощущениях. — Я имею в виду, ничто не смогло бы жить внутри замурованной наглухо колонны, ведь так? Там ведь нет воздуха, и чем бы оно питалось?

— Есть камеры, куда заточают тех, о ком хотят забыть — и о ком через какое-то время действительно забывают, — сказал ворон.

— Да, но эти камеры, как правило, располагаются под полом трапезных и закрываются решетками, так что время от времени к узникам падают объедки. А столб, как мне кажется, наглухо замурован. Никто не может жить в закрытом помещении без света, воздуха и еды. По-моему, мы стали жертвой иллюзии.

Как раз в этот момент они проходили под виселицей — высоко над мощеной улицей, под самым сводом арки была закреплена железная клетка, в которой болтались полусгнившие останки какого-то несчастного. Внимание легкомысленной птицы тотчас же

переключилось на нечто более прозаическое. Для ворона пустой желудок был гораздо важнее непонятной загадки. Учуяв аппетитный запах подгнившего мяса, птица, забыв про Солдата, взмыла вверх и принялась за обед. Солдат, увидев, как ворон стащил с трупа лохмотья, чтобы добраться до мяса, с отвращением сплюнул и пошел дальше.

Первым делом он заглянул к Офао и распорядился, чтобы тот посылал Утеллене и мальчику еду.

— Проследи, чтобы раз в два-три дня они получали все необходимое, — сказал Солдат. — Это мои друзья. Я не хочу, чтобы, пока меня не будет, они умерли с голоду.

Офао заверил, что сделает все как надо.

Затем Солдат отправился искать Спэгга и нашел торговца в таверне. Тот был мертвецки пьян.

— А я думал, ты куда-то ушел и заблудился, — заплетающимся языком промолвил Спэгг. — Я очень на это надеялся.

— Не сомневаюсь. Жаль, что разочаровал тебя. Что ж, возможно, когда-нибудь со мной это случится. Сейчас я хочу попробовать в последний раз повидаться со своей женой, и если она меня не убьет, завтра на рассвете мы тронемся в путь. Ты еще долго не увидишь кровать.

— Ублюдок! — пробормотал Спэгг.

— Возможно, — задумчиво произнес Солдат, — возможно...

Вернувшись во Дворец Диких Цветов, Солдат с радостью узнал, что приступ безумия у его жены окончился.

— Обычно это длится два-три дня, — объяснила ему Дриссила. — Принцесса ждет вас в желтых покоях.

Она проводила Солдата в Зеленую башню, и он вошел в просторную комнату. В большом камине весело трещали поленья. Лайана стояла, повернувшись к двери красивой половиной лица. Случайно увидевший ее так человек не догадался бы, что другая сторона обезображена.

Узнав Солдата, принцесса повернулась к нему лицом. Тот непроизвольно поморщился и тотчас же выругал себя за это.

— Ты находишь меня отталкивающей, — сказала Лайана. — Я прочла это по выражению твоего лица.

Солдат понял, что отпираться бесполезно.

— Прости. Я не сдержал свои чувства. Дорогая, у меня сердце болит за тебя, вот и все. Ты для меня самая прекрасная на свете. Разве может быть иначе, если я так тебя люблю?

На Лайане было красивое алое платье, открывавшее плечи цвета слоновой кости и подчеркивающее изгибы тела. Принцесса рас-

сеянно теребила медальон, висевший на золотой цепочке. Ее изящные босые ножки стояли прямо на холодных каменных плитах пола.

Вдруг Лайана небрежно махнула рукой, словно отметая слова супруга как пустую лесть.

— Ну а насчет любви, — сказала она, поворачиваясь к Солдату спиной и вставая лицом к огню, — что ж, мы прошли через это, но, увы, безрезультатно.

Нахмурившись, Солдат шагнул к Лайане, пытаясь заключить ее в объятия. Она проворно ускользнула от него.

— Что? Что ты только что сказала? Что все это значит?

Снова повернувшись к нему, принцесса поджала губы. Ее взор затянуло холодом.

— Это значит, что у нас была ночь страсти. Теперь все это осталось в прошлом. О, вижу, ты беспокоишься? Не давай волю чувствам. Я не люблю тебя ни на йоту. Все кончено. Завтра ты покинешь город и отправишься в дальний путь. Знай, мне нет никакого дела, останешься ты жив или погибнешь.

Пораженный Солдат отшатнулся назад, услышав жестокие слова. Грудь стиснуло от боли.

— На самом деле ты так не думаешь. Тебя до сих пор мучают отголоски безумия. Последствия приступа омрачают твой рассудок, заставляя тебя говорить эти слова.

Лайана спокойно посмотрела ему в лицо.

— Я абсолютно здорова.

— Но...

— Ты должен понять, — оборвала его принцесса, скорчив гримасу, показавшуюся Солдату особенно зловещей на покрытом шрамами лице, — что я постоянно влюбляюсь в кого-нибудь, а затем остываю к предмету своей любви. Я бросала свое сердце к ногам мужчин чаще, чем мой ястреб падал с неба на добычу. Уж так я устроена. Теперь ты для меня вчерашний ужин — остывший и неаппетитный. Так что отправляйся в путешествие и постарайся забыть о том, что знал меня.

Даже если бы на Солдата надели доспехи, унизанные изнутри стальными шипами, ему бы не было так больно.

— Но... ведь я отправляюсь в путь ради тебя... и твоей сестры.

— В таком случае, выполни просьбу сестры — *мне* от тебя ничего не нужно. Ты для меня совершенно ничего не значишь. Весьма вероятно, когда ты вернешься, меня уже здесь не будет. Я сама собираюсь куда-нибудь уехать. Куда именно, я пока что не решила. Ну все, ступай.

— Ты не можешь быть ко мне так жестока!

— Когда мужчина меня нисколько не интересует, я могу вести себя с ним как моей душе угодно.

Солдат начал возражать, но тут дверь в покои отворилась.

— Вы посылали за мной... — начал было вошедший, однако тотчас же осекся.

Обернувшись, Солдат увидел в дверях капитана Каффа в теплой меховой одежде и с забинтованной кистью правой руки.

С искаженным от ненависти лицом Кафф шагнул вперед. Солдат непроизвольно потянулся к рукоятке меча, но спохватился, что она привязана к поясу. Мужчины молча стояли, испепеляя друг друга взглядами. Солдат заговорил первым:

— А что делает здесь *он?*

— Я... я за ним послала, — запинаясь, произнесла Лайана. Она быстро взяла себя в руки. — Я не обязана давать тебе отчет в своих действиях, хотя ты все еще остаешься моим супругом. Я вольна поступать так, как считаю нужным.

— Но этот человек мой заклятый враг!

Принцесса пожала плечами.

— Мне нет до этого никакого дела.

Солдата переполнили гнев и боль. Молча посмотрев на принцессу, он развернулся и быстро вышел из комнаты, едва не наткнувшись на Каффа. На устах капитана имперской гвардии играла тонкая усмешка.

Солдат не увидел, что Лайана шагнула следом за ним, вскинув руку, чтобы его остановить. Ее глаза наполнились горячими, жгучими слезами, рот приоткрылся, словно она хотела окликнуть Солдата. Но, передумав, принцесса бессильно уронила руку и закрыла рот. Вернувшись к камину, она босой ногой подтолкнула в огонь пылающую головешку и поморщилась от острой боли. Ее платье осыпал дождь искр.

Раскаленные частицы осели на алой ткани, дымясь и прожигая черные дырочки. Кафф, опомнившись, поспешно шагнул вперед. Опустившись на колени, он здоровой левой рукой смахнул горящие частицы дерева с подола платья. Лайана приняла эту услугу, хотя его прикосновение было ей неприятно.

Когда капитан, выпрямившись, посмотрел принцессе в лицо, она уже взяла себя в руки и была готова отдавать распоряжения.

На следующий день рано утром Солдат и Спэгг сели в седла. Спэгг спал как убитый. Однако он проснулся, когда Солдат, вернувшись домой, с шумом раскидал по комнате доспехи и одежду. Улегшись в кровать, Солдат крутился и ворочался всю ночь, не давая спать и торговцу руками.

С рассветом они тронулись в путь по пустынным заснеженным улицам, Спэгг вел за собой навьюченного поклажей мула. Скромная трапеза из вяленой рыбы и овсяной каши пришлась ему не по душе. Торговец предпочитал завтракать шестью тонкими ломтиками поджаренной ветчины и пятью яйцами всмятку. Вяленая рыба никак не лезла ему в горло, а каша показалась жидкой и водянистой.

— Что с тобой случилось вчера вечером? — ворчал Спэгг. — Всю ночь ворочался, скрипя кроватью...

— Придержи язык за зубами.

— Какие мы обидчивые! И все же, в чем дело?

Помолчав, Солдат ответил вопросом:

— Какой самый твердый камень на свете?

Спэгг пожал плечами.

— Понятия не имею. Гнейс?

— Женское сердце, — с горечью произнес Солдат.

— А, так вот в чем дело? Повздорил с женой?

Осадив коня, Солдат положил руку на рукоятку меча.

— Клянусь, твоя голова расстанется с плечами, прежде чем мы успеем проехать одну милю.

— Слушай, не кипятись, успокойся! — воскликнул Спэгг. — Прости меня за то, что дышу.

Но все же торговец руками не проронил больше ни звука до самых городских ворот. За стеной свежевыпавший снег уже успел стать грязно-желтым от испражнений домашних животных. Красные шатры горящими маяками рассыпались по белому полю. А за ними на западе начиналась равнина, ведущая к горам, покрытая нетронутым белым снегом. Лишь кое-где ровную пелену таинственными письменами пересекали следы диких зверей и птиц.

— Лейтенант!

Остановив коня, Солдат обернулся и увидел человека, бегущего к нему со стороны двух дворцов. И тотчас в груди проворным оленем запрыгала надежда: неужели у жены переменилось настроение? И она пришла в ужас, осознав, как жестоко обошлась с ним?

— Лейтенант, — задыхаясь, выпалил человек, догнав двух всадников, — у меня для вас посылка.

И действительно, Солдат с разочарованием разглядел, что у него в руках сверток, обмотанный холстиной и перевязанный лентой.

— Что это? Кто тебя послал?

— Принцесса Лайана, — промолвил гонец, пытаясь отдышаться. — Мне поручено передать вам, что все, в том числе ее величество королева, желают вам благополучного возвращения. В этом свертке кольчуга из тончайшего красного бархата, обшитого

прочными стальными пластинами. Кольчуга заколдована; если вы ее наденете, она защитит вас от всех напастей и сделает неуязвимым. Однако я должен сообщить вам кое-какие указания. Наложенное на кольчугу заклинание не продлится вечно, также оно не является безграничным. Каждый раз, надевая ее, вы будете расходовать колдовские силы. Так что лучше надевать кольчугу только в случае необходимости, перед лицом надвигающейся опасности.

Развязав ленту, Солдат раскрыл холстину. И правда, внутри была самая красивая кольчуга, какую он только видел, с вышитым на груди цветком, гербом его супруги.

— Это послала принцесса Лайана?

— Да, лейтенант.

Солдат нахмурился.

— Она ничего не просила передать на словах?

Гонец растерянно молчал.

— Она в том же настроении? — спросил Солдат.

Посланник неуверенно кивнул.

— Да.

— В таком случае мне не нужен ее чертов подарок, — отрезал Солдат, швыряя кольчугу в снег.

Гонец пришел в ужас.

— Но... но... это же подарок...

— Подарок на прощание, — прорычал Солдат.

Однако он тотчас осознал, что ведет себя очень невоспитанно, бросаясь подарками жены. Спешившись, он подобрал кольчугу, снова завернул ее в холстину и привязал сверток к мулу.

— От моего имени сердечно поблагодари мою жену, — сквозь стиснутые зубы процедил Солдат. — И передай ей, чтобы она обо мне не беспокоилась.

— О, не думаю, что она будет беспокоиться, — поспешил заверить его простодушный гонец, опасаясь, как бы лейтенант не решил вернуться и лично поблагодарить жену, таким образом сорвав коварный замысел. — Уверен, она и не думает о вас беспокоиться.

— Не сомневаюсь, — решительно произнес Солдат.

С этими словами он вскочил в седло и, пришпорив коня, выехал за крепостные ворота. Когда город остался позади, ему на плечо опустился ворон.

— Я прилетел, чтобы проститься с тобой, — сказала птица. — Если хочешь, я буду приносить тебе весточки о том, что происходит в замке.

— Ты сможешь преодолеть такое большое расстояние?

— Если есть настроение, я могу влетать в зияющую пасть пустоты и вылетать обратно. Но ты меня не жди. Постараюсь приле-

теть, но обещать ничего не буду. Мы, птицы, так устроены. Мы повинуемся не приказу, а сиюминутному порыву. Я являюсь не по расписанию, а когда нужно. Как-нибудь, когда воздух будет свежим и ветерок донесет легкий аромат горных сосен, я опущусь тебе на плечо.

Глава семнадцатая

Солдат ехал по глубокому снегу, а душу его переполняла горечь. Зима была снаружи, и зима была внутри. Солдат подставил лицо ледяному ветру. Итак, для Лайаны он всего лишь минутная забава!.. Что ж, у него хватит сил пережить обман и идти дальше. Настанет день, и Лайана будет страдать так, как страдает он — Солдат очень на это надеялся, — и тогда ее сердце разобьется словно хрустальная ваза. Сейчас он всем сердцем ненавидел свою жену. Солдат уверял себя, что, если бы Лайана оказалась рядом с ним, он без колебаний бы пронзил ее Ксанандрой.

Вдруг Солдат громко застонал. Ему показалось, что сердце тяжелым камнем провалилось в бездонный колодец. Конечно же, он и пальцем не тронет Лайану. Конечно же, он ее любит. Ну как можно отрицать эти чувства, пытаясь прикрыть их скорлупой ненависти? В глубине души Солдат понимал, что будет всегда любить свою жену.

— Раз ты не собираешься носить эту заколдованную кольчугу, почему бы тебе не отдать ее мне? — нарушил молчание Спэгг. — Если тебя убьют, мне до этого нет никакого дела, но к своей собственной персоне у меня несколько иное отношение.

Солдат швырнул сверток спутнику.

— На, бери. От нее дурно пахнет.

Поймав увесистый сверток, Спэгг едва не свалился с коня.

— Слушай, а ведь ты действительно принял все близко к сердцу.

Промолчав, Солдат тронул коня вперед. Глубокий снег заглушал стук копыт. В воздухе по-прежнему кружили крупные мягкие белые хлопья, падавшие с холодных небес. Низко над землей нависла мутная мраморная дымка, ландшафт укрылся ровным белым полотном, словно чего-то устыдившись.

Путники ехали целый день, ни разу не остановившись, к большому недовольству Спэгга. Торговец руками не переставал ныть, что он проголодался, но Солдат не обращал на него никакого вни-

мания. Наконец, устав от нескончаемого потока жалоб, Солдат не выдержал и крикнул:

— Ты будешь есть тогда, когда тебе разрешат.

— Ну хорошо, хорошо. Я понятия не имел, что отправляюсь в путь с императором.

Вечером путники остановились в лесу, укрывшись среди деревьев. Солдат приготовил место для ночлега на двоих, положив на снег березовые ветки, чтобы защититься от холодной земли. Спэгг тем временем расчистил полянку, чтобы лошадям было удобнее щипать траву. Покончив с этим, он развел костер и вскипятил воды. Все это время торговец руками пугливо оглядывался вокруг, словно опасаясь внезапного нападения. Затем, опустившись на колени, стал ползать среди опавшей листвы и гнилых веток, устилавших землю под деревьями.

— Что с тобой? — раздраженно спросил Солдат. — Здесь ведь нет ханнаков. Тогда чего ты ищешь?

— Ханнаки есть везде, однако сейчас меня беспокоят не они.

— Тогда что же?

— Дроты, — ответил Спэгг. — Я их ненавижу. Есть такие грибы, которые, если натереть ими кожу, отпугивают дротов, но я их что-то не нахожу.

— В таком случае придется обойтись без грибов, и дроты будут нас мучить всю ночь.

Так и случилось. Как только стемнело, дроты налетели со всех сторон. Солдат размахивал руками, стараясь стряхнуть крохотных крылатых созданий с плеч. Воздух наполнился хрустом, за которым следовали треск и шипение костра. Посмотрев на Спэгга, ведущего войну с паразитами, Солдат с отвращением увидел, что тот срывает крошечных человекоподобных существ со своего тела и, откусив им головы, бросает трепещущие тельца в угли. Прозрачные крылышки, попав в костер, вспыхивали на мгновение ярким пламенем. Затем Спэгг выплевывал в огонь и откушенные головы. Похоже, это занятие доставляло ему удовольствие.

— Какая мерзость! — возмущенно произнес Солдат.

— Нисколько не хуже, чем сосать чужую кровь, — резонно возразил его спутник. — Посмотри, на мне дротов больше нет. Они все перелетели на тебя.

Торговец руками был прав. Солдат оказался буквально покрыт сплошным слоем маленьких кровопийц. Схватив одну дроту, он поднес ее к лицу, чтобы лучше разглядеть. В свете костра Солдат различил крошечное человеческое личико с горящими глазами,

похожими на огненные искорки. Маленькое существо казалось очаровательным, как и подобает фее, до тех пор, пока не раскрыло рот, обнажая три ряда острых зубов. Солдат отшвырнул дроту, но та, взмахнув крылышками, тотчас же повернула назад и впилась ему в шею.

— Проклятие! — воскликнул Солдат.

Поняв, что другого способа борьбы с дротами нет, он тоже принялся откусывать им головы.

— Только следи за тем, чтобы они не вцепились тебе в язык, — предостерег его Спэгг. — Тогда ты от них ни за что не отделаешься.

После того как Солдат расправился с парой десятков дрот, остальные оставили его в покое. Как и в тот раз, когда он впервые столкнулся с крохотными созданиями, две или три дроты, напившись крови, так разбухли, что не смогли лететь. Спэгг раздавил их ногой, окропив снег алой кровью.

— Нам надо обязательно найти эти грибы, — сказал Солдат. — Нельзя же воевать с дротами каждую ночь, которую мы будем проводить в лесу.

Приготовившись спать, Солдат обнаружил, что его тошнит от близкого соседства торговца, от которого несло затхлым потом и перегаром. Однако с этим ничего нельзя было поделать, если он хотел спать в тепле. Солдат понял, что ему придется мириться с неудобствами.

— Слушай, а в Гутруме водятся *добрые* феи? — недовольно проворчал он. — Или, кроме дротов, здесь других нет?

— Что ты, есть и добрые, но они редко встречаются. И немудрено. У людей нет ничего такого, что им нужно. А феи очень эгоистичные создания. Их интересует только то, в чем они видят для себя какой-нибудь прок.

— В этом они сродни рыночным торговцам, да?

— Твоя шутка неуместна, Солдат. Совершенно неуместна.

Ночью темнота стала кромешной. Солдат нашел в этом странное утешение. В отличие от некоторых людей он никогда не испытывал страха перед темнотой, черный бархатный покров казался ему теплым и уютным. Во мраке ночи Солдат чувствовал себя спокойнее, чем в сумерках или средь бела дня, когда все вокруг кишит чудовищами. Темнота — это хорошо. Черный — это не просто цвет, это все краски с палитры художника, смешанные вместе. Солдат сам обнаружил это, еще в детстве, смешав красную, желтую, зеленую, розовую, синюю, коричневую и бордовую краски в густую массу. Черную. Черный цвет всегда помогает, он надежный, на него можно положиться.

Среди ночи сквозь полудрему Солдат услышал вой волков, произносящих одно слово. Звук искажался за счет большого расстояния и эха, отраженного от окрестных холмов, но Солдат снова почувствовал, что волки произносят его настоящее имя. Их заунывный вой сливался с шелестом ветра в кронах деревьев, и Солдат, как ни напрягал слух, не мог разобрать ни звука.

Утром Солдат проснулся первым. Спэгг, сжавшись в комок, продолжал храпеть.

Встав, Солдат в одном нижнем белье (но прихватив с собой меч) отправился искать воду. Ноги быстро промокли в глубоком снегу. Дыхание вырывалось из ноздрей клубами пара. Ветви деревьев провисли под тяжестью свежевыпавшего снега. Повсюду виднелись оленьи следы. Солдат даже увидел одного оленя, стоявшего за деревом, и пожалел, что не захватил с собой лук со стрелами. Спэгг не стал бы возражать против свежей оленины на завтрак.

Наконец Солдат нашел небольшой омут в густых зарослях неподалеку от лагеря. Вдоль затянутых коркой льда берегов стояли карликовые кусты бузины, похожие на сгорбленных стариков. Слой льда оказался довольно тонким. Под ним виднелись белые пузыри воздуха и нападавшие в воду листья и ветки. Разбив лед толстой палкой, Солдат обнаружил, что вода в омуте непригодна для питья. Правда, она подойдет для лошадей.

Проделав импровизированной палицей большую прорубь, Солдат, заглянув в зеленую воду, увидел в глубине что-то похожее на две блестящие золотые монеты. Обрадовавшись, как и всякий человек, нашедший золото, он попытался дотянуться до монет палкой. Она оказалась слишком короткой, но Солдат нашел ствол упавшей ивы. Дрожа от холода в одном нижнем белье, он баламутил ивой воду, рассуждая, что там, где есть две монеты, их может быть и больше. Ему не приходило в голову задуматься, почему монеты оставались друг от друга на одном и том же расстоянии, сколько бы он ни тыкал стволом ивы в дно омута.

Внезапно из глубины с ревом поднялось огромное чешуйчатое чудовище, состоящее, казалось, из одного рта, унизанного острыми зубами. Оно пробило корку льда подобно тому, как вырывается на поверхность полярных морей гигантский кит. С тупой морды стекали струи воды, из похожих на пещеры ноздрей торчали пучки водорослей, в длинных иглах-копьях, покрывающих лоб, запутались клочья тины. На серой бородавчатой морде сверкали золотом два злобных глаза. Явление чудовища в мир света и воздуха сопровождалось смрадом первозданного ила.

Прежде чем Солдат успел отпрыгнуть назад, чудовище схватило его за ногу и потащило в ледяные глубины омута.

Солдату удалось один раз глотнуть воздуха, и его утянуло под воду. Ледяной холод гигантской рукой стиснул грудь, выдавливая из легких дыхание. Вцепившись зубами Солдату в ногу, чудовище увлекало его все глубже, глубже, глубже, пока не достигло норы на дне омута, и потащило Солдата по узкому проходу. Тот безуспешно пытался обнажить меч. В конце концов, когда проход окончился пещерой, Солдат выхватил меч и погрузил лезвие между золотыми глазами, которые он принял за монеты. Разумеется, они были приманкой, привлекающей ничего не подозревающих путников к самому краю зловонных вод волшебного омута.

Острая сталь свободно вошла в плоть чудовища, не причинив ему никакого вреда. Судя по всему, за толстыми складками кожи на лбу не было никаких жизненно важных органов. Лезвие беспрепятственно погрузилось в рыхлую клеточную массу. С таким же успехом Солдат мог пронзить мечом хвостовой плавник чудовища. Выдернув лезвие, он принялся снова и снова наносить удары... Безрезультатно. Его грудь была готова разорваться. Боль из стиснутых легких разливалась по всему телу. Перед глазами прыгали яркие огоньки, предвестники потери сознания. Наконец — к счастью, ибо боль стала невыносимой — он лишился чувств.

Придя в себя через несколько минут, Солдат обнаружил, что лежит на каменистом дне подземного озера. На самом деле он по-прежнему находился в той пещере, которой окончился проход, однако воды вокруг больше не было. Солдата вытащили на поверхность и уложили на каменистый берег. Пещеру освещал тусклый зеленоватый свет, отражавшийся от каменных стен, сталактитов и сталагмитов. Откуда исходил этот свет, оставалось тайной, так как тени он отбрасывал во все стороны.

Повернув голову, Солдат увидел жуткое зрелище, от которого его мороз по коже пробрал.

Стены и потолок пещеры напоминали лавку мясника: на шестах и веревках были закреплены крюки, на них висели куски мяса. Чем больше Солдат всматривался в эти куски, тем сильнее крепла его уверенность, что это части человеческих тел. И действительно, на одних крюках висели целые руки и ноги с ладонями и ступнями, на других болтались выпотрошенные тела, алея свежей плотью. Кое-где висели человеческие внутренности, а на полках, высеченных в камне, лежали сердца, печени, почки и другие органы. Вдоль стен были развешаны головы, проткнутые крюком за ухо, смотрящие мутными остекленевшими глазами, высунувшие длинные языки.

Большинство расчлененных тел было детскими.

Услышав глухой стук, Солдат обернулся и увидел отвратительную старую каргу. Мерзкое создание огромным ножом разрубало человеческую руку на маленькие кусочки. Рядом на доске лежало то, что когда-то было ягодицами, уже нарезанное тонкими ломтями. «Тум» — опустился нож, и в Солдата отлетел кусок человеческой руки.

Повернувшись, карга увидела, что ее пленник очнулся.

— Ты снова с нами? — прокаркала она. — Но ненадолго.

Меч лежал на полу поодаль. Солдат попытался было схватить его, но обнаружил, что связан по рукам и ногам. В ледяной воде его члены онемели, и он не почувствовал стягивающих пут. Омерзительная старуха скрутила его так, что он не мог пошевелиться.

— Кто ты такая? — хриплым голосом произнес Солдат. — Ведьма?

Старуха снова рассмеялась. Ее смех напоминал скрежет ног по гальке.

— Ведьма? Да, я ведьма. Тебя притащила сюда моя маленькая собачка. Хорошая ищейка, все время приносит добычу. Ты думал, что нашел на дне омута богатство, да? Блестящее золото? Глупый человечишко! Это *вы* богатство. Вы, алчные путники, помогли мне сколотить целое состояние.

— Собачка? Ах да, чудовище. Это его ты называешь собачкой?

— Это хороший охотничий пес, да.

Оцепенев от ужаса, Солдат смотрел, как ведьма резала кишки и глаза, мурлыча себе под нос. Казалось, занимается своим делом обыкновенный мясник.

В пещере слышалось какое-то жужжание. Однообразный шум мешал сосредоточиться. Жужжание словно специально имело целью не дать ему собраться с мыслями.

— Если честно, я предпочитаю маленьких мальчиков и девочек. Они раскупаются лучше всего. Дети такие пухленькие. Их легко разрезать на части, а на вкус они просто объедение. Разве бабушка никогда не предостерегала тебя, что подходить к болотам опасно? Как правило, бабушки наставляют своих внуков. И не напрасно, потому что мы затягиваем детишек в омут — очаровательных малышей, которых посылают в лес за хворостом, грибами, ягодами или травами. Говорят, они тонут в болотах, находят свой конец в зеленых водах на дне омутов. Потом я возвращаю их родителям — разумеется, за определенную плату. Дети попадают туда, откуда появились, правда, приправленные специями.

Солдат не удержался от вопроса, хотя, похоже, он уже знал ответ:

— Как... каким образом они возвращаются назад?

Ведьма оторвалась от работы, и ее мерзкое лицо сморщилось в ухмылку. Из ноздрей и ушей у старухи торчали длинные волосы,

вьющиеся и седые, похожие на бороду. Щеки и подбородок были темными от щетины, серую сморщенную кожу, будто кожу жабы, покрывали бородавки. У ведьмы не было ни бровей, ни ресниц, только изогнутые полумесяцами веки, напоминающие веки рептилии. И все же самыми страшными были глаза — чистые и ясные, как глаза ребенка, и необыкновенного цвета: темно-зеленые.

Ведьма подняла руку, и жужжание усилилось.

— Ты ведь и сам догадался, правда? Я продаю мясо мясникам, а те торгуют им на рынке. Разумеется, мне приходится поработать, не хочу, чтобы кто-нибудь узнал своего сынка или дочку. Главное — избавиться от ногтей и зубов. И нельзя уступать соблазну продавать головы, хотя они смотрелись бы замечательно, запеченные с яблоком во рту, а? Несколько разрезов здесь, несколько надрезов там, и детские тельца становятся похожи на тушки животных. Печенку можно пускать в нарезку. Почки напоминают овечьи. Да и кто будет присматриваться? Засунь веточку петрушки между толстыми пальчиками — естественно, отрезанными по первую фалангу, — и получится лапа животного.

Солдата затошнило. А если он сам в свое время ел человечину?.. Эта мысль была настолько отвратительна, что его вырвало.

Ведьма презрительно усмехнулась.

— Мысль о людоедстве плохо действует на твой желудок? Не беспокойся, тебя самого подадут к столу в ближайшую субботу, и все твои тревоги останутся в прошлом.

Солдат не видел смысла спорить с ведьмой, но ему хотелось стать для нее чем-то большим, чем кусок мяса, который подадут к столу в ближайшую субботу, поэтому он постарался продолжить разговор:

— Не представляю, как тебе удается доставать столько мяса из одного омута. Наверняка люди забредают сюда нечасто. В лучшем случае ты можешь надеяться на какого-нибудь пастуха или мальчишку, собирающего хворост.

Ведьма рассмеялась.

— О, у меня целая сеть таких омутов, и от всех ходы ведут в эту пещеру.

От нудного жужжания у Солдата раскалывалась голова. Ему хотелось кричать. Он сделал над собой усилие, собираясь с мыслями.

— Хитро придумано. И в каждом омуте сидит в засаде чудовище?

— Все эти чудовища — лишь плод моего воображения. Я создаю их из ничего. Я не простая ведьма. У меня особый дар.

— Это я уже понял. Я бы даже считал, что мне выпала большая честь познакомиться с тобой, если бы я не был твоей добычей.

Наверное, так же заяц восхищается сложным механизмом капкана после того, как попался в него. Расставшись с последней надеждой, обретаешь умиротворенное спокойствие. Житейская суета перестает тревожить. Просто сидишь и ждешь неизбежного. Надеюсь, ты все сделаешь быстро?

Острый нож, опустившись на берцовую кость, рассек ее одним ударом.

— Вот так же быстро! — ухмыльнулась ведьма. — Я разделаюсь с тобой за одну минуту.

— Ты не против, что я так много говорю?

— Это освежает. Как правило, приходится выслушивать одни только крики и завывания. Похоже, люди не догадываются, что мне тоже нужно общество. Здесь так одиноко. Очень приятно побеседовать с кем-нибудь из внешнего мира. Как тебя зовут?

Разговаривая, она не переставала рубить мясо.

— Люди называют меня Солдатом, но я не знаю, кто я такой и откуда родом. Сейчас мне поручено разыскать колдуна, который исцелит мою жену от безумия.

— Ради такого поручения я тебя не освобожу. Вот если бы ты сказал, что ты жестокий разбойник, убивающий невинных, возможно, у тебя появилась бы малюсенькая надежда. Значит, ты здесь чужой? Прибыл издалека? Впрочем, мне следовало бы догадаться по твоим голубым глазам. До тебя таких, как ты, у меня было всего двое-трое. Как правило, умирали они очень быстро...

Ведьма продолжала говорить, и вдруг Солдат, к своему ужасу, увидел, как из ее заросшей волосами ноздри выползло насекомое, вихляющее, словно пчела, объевшаяся меду. Оно было длинным и довольно толстым, тускло-желтого цвета, со сложенными на спине прозрачными крылышками и бледно-белой головкой. Расправив крылья, насекомое взмыло в воздух. Тут же шея ведьмы вытянулась, став длиннее ее рук; голова метнулась вперед, раскрывая рот. Поймав бежавшее насекомое, ведьма быстро его проглотила и втянула голову обратно в плечи.

Все это время она не прекращала рубить мясо и беседовать со своим пленником.

Но теперь она умолкла, ожидая ответа.

— Да, мне всегда удавалось остаться в живых, — сказал Солдат.

Ведьма презрительно фыркнула.

— До сегодняшнего дня. Сейчас ты попал в такую переделку, что и подумать страшно. Если все пойдет так, как я хочу, ты окончишь свой путь в желудке своей сумасшедшей жены. Эх вы, странствующие рыцари! Считаете себя избранниками богов, да? Ну так

вот, здесь тебе ничто не поможет. Внизу, под корнями деревьев, мое царство. Тут никто не посмеет встать у меня на пути — ни крот, ни барсук, ни змея. Эта пещера — последнее, что ты видишь, бедолага, прежде чем отправишься в мир иной.

Солдат понял, что своим заявлением о том, что он прибыл издалека, он не пробудил в ведьме ни капли любопытства. Мерзкая старуха упивалась собственной властью, уверенная в своей хитрости и неуязвимости.

— Как тебя зовут? — спросил Солдат.

— А тебе какое дело?

— Да так, любопытно. Скажем, я хочу забрать с собой в загробную жизнь что-нибудь новенькое.

— Меня зовут Ввсскскскиинн.

Солдат понял, что ни за что на свете не воспроизведет точно этот шипящий присвист. Увидев, что он молчит, ведьма зашлась смехом.

— Что, не можешь повторить?

Вдруг Солдат решил, что ему поможет ярость.

— Ты считаешь себя такой умной?

— Считаю. И я действительно очень умная.

— Тогда почему я здесь один, раз ты такая несравненная охотница? Где же остальной отряд, шатер карфаганских воинов? Знай, что я лейтенант шатра Орла. Мои воины ждут на опушке леса, и тебе не достанется ни один из них, ибо, если я не вернусь, они поймут, что чаща заколдована, и быстро уйдут отсюда.

— Твои люди обязательно станут тебя искать.

— Ха, много ты понимаешь в красных шатрах! Одного пропавшего лейтенанта достаточно. Зачем терять понапрасну воинов, посылая их туда, где бесследно исчез офицер? Несомненно, тут не обошлось без колдовства. А солдаты не любят колдовство. Они люди практичные и предпочитают сражаться с обыкновенными людьми.

Солдат умолк, не зная, что сказать дальше. Он придумал все это совершенно спонтанно, и его изобретательность существенно ограничивалась скоростью работы мысли.

— Так вот, мудрая ведьма, поймав одну рыбку, использовала бы ее в качестве приманки, чтобы заманить в свои сети целую стаю.

Ввсскскскиинн прищурилась; жужжание стало чудовищно громким.

— Я так уже поступала. Это мне приходило в голову, просто я не знала, что твои воины ждут на опушке леса. Я до сих пор сомневаюсь в этом. Вдруг ты лжешь?

— Сходи и посмотри сама.

Ведьма задумчиво кивнула, затем ее лицо расплылось в зловещей усмешке.

— А пока меня не будет, ты найдешь способ освободиться от пут? Солдат, неужели ты считаешь меня настолько глупой? Так или иначе, ты мне нужен. Если ты позовешь своих воинов, заставишь их прочесать лес рядом с омутом, я тебя отпущу.

С этими словами она подобрала меч и схватила Солдата за шиворот. Поразительно, откуда в этом хрупком на вид создании взялось столько силы. Подталкивая Солдата его собственным оружием, ведьма вытащила пленника на берег подземного озера. Она обращалась с ним так, словно он был коровой или свиньей. Не выпуская жертву, ведьма бросилась в воду и поплыла назад по подводному проходу.

Мозг Солдата работал с лихорадочной быстротой. Он понимал, что у него есть лишь призрачный шанс, крошечная надежда вырваться из когтей Ввсскскскиинн.

Проплыв мимо мирного на вид чудовища, дремлющего в слое ила на дне омута, ведьма и ее пленник, задыхаясь, вынырнули из зловонной воды. Ввсскскскиинн бросила чудовищу пару слов, и оно, очнувшись, последовало за ней. Выбравшись на берег, ведьма потащила связанного Солдата в глубь чащи. Бросив его на землю, она приказала звать на помощь своих воинов.

— Кричи, что на тебя напал медведь.

Теоретически те, кто отправился бы на подмогу, неминуемо должны были пройти мимо омута, где затаилось в засаде чудовище. В этом случае оно могло одним прыжком схватить сразу несколько человек и утащить их с собой на дно.

— Кричи, — прошипела Ввсскскскиинн. — Но только без глупостей, или я проткну тебе сердце твоим собственным мечом.

Солдат понятия не имел, что делать дальше. До этого он тянул время, надеясь на то, что его осенит какая-нибудь спасительная мысль. Руки его были крепко связаны за спиной, щиколотки спутаны веревкой — в таком состоянии нечего было и надеяться справиться с ведьмой. С другой стороны, если сейчас он позовет Спэгга, они оба завершат свой жизненный путь, подвешенные на крючьях в пещере Ввсскскскиинн.

И все же Спэгг оставался его единственной надеждой. Торговец руками гораздо лучше знаком с этим миром. Чего-чего, а в хитрости и изворотливости ему нет равных. Спэгг прекрасно владеет искусством выживания в Гутруме. Вдруг он догадается, что случилось нечто неладное, и прискачет вооруженный, готовый вступить в бой?

— Сержант Спэгг! — крикнул Солдат. — Ты меня слышишь? Возьми людей и иди в лес. Я... не могу идти. У меня нога зацепилась за корень.

— Я же велела тебе кричать, что на тебя напал медведь, — прошипела ведьма.

— Ты не знаешь Спэгга, — пробормотал Солдат, сознавая, что если торговец руками поверит, будто в лесу затаился дикий зверь, он без оглядки побежит обратно в Зэмерканд.

Они ждали, но в лесу стояла полная тишина.

— Спэгг, ты меня слышишь? — снова крикнул Солдат.

После непродолжительного молчания наконец донесся ответ:

— Что это ты выдумал насчет каких-то «сержантов»? И с какими людьми я должен идти в лес? Тут что-то нечисто, и я с места не тронусь. Я буду ждать тебя здесь. Если к полудню ты не вернешься, я отправлюсь домой.

— Спэгг, я приказываю тебе...

— Побереги свои силы, я никуда не пойду.

Да, Спэгг действительно умел выживать в любых условиях, но исключительно за счет того, что избегал сложных ситуаций. Солдат пришел в отчаяние. Не в силах придумать ничего толкового, он попытался распутать веревки.

Ввсскксиинн пришла в ярость. Схватив Солдата за шиворот, она потащила его назад в омут.

— Никаких воинов на опушке нет! Там всего один человек, и, судя по всему, конченый трус. Готовься, сейчас я нарублю из тебя котлет...

Она подняла меч, однако в последний момент Солдат упал на бок, и лезвие плашмя ударило его по виску. Он тотчас же потерял сознание.

Но прежде чем ведьма успела довершить свое черное дело, в лесу послышался приглушенный топот копыт. Обернувшись, Ввсскксиинн увидела одетого во все синее всадника, продирающегося через густой подлесок. В слабых лучах зимнего солнца сверкнуло лезвие меча, покидающего ножны.

Пегая кобыла неслась как птица. Всадник, несмотря на щуплое телосложение, держался в седле уверенно. Не успела ведьма вскрикнуть от страха, как лошадь и всадник налетели на нее. Острое лезвие описало дугу, звонким свистом разрывая тишину леса, и рассекло шею старухи. Голова Ввсскксиинн, слетев с плеч, ударилась о ствол дерева и лопнула словно высохшая, пустая тыква.

Только это была не тыква — внутри, словно в пчелином улье, находились соты. Из расколотой головы вылетела стая жужжащих

желтых насекомых, похожих на то, что вырвалось из ноздри ведьмы в пещере. Однако эти отвратительные твари, попав на морозный зимний воздух, смогли пролететь лишь несколько ярдов и свалились на снег. У каждого крылатого создания была крошечная человеческая голова, белая, как муравьиный кокон, и сморщенная, будто лицо новорожденного.

Мозги. Каждая частица жила своей жизнью. Злобная стая рассудка ведьмы. Обезглавленное тело Ввсскскскиинн дергалось среди желудей и листьев, устилавших землю под снегом. Пока неизвестный спаситель перерезал путы на руках и ногах Солдата, труп ведьмы превращался в гнилое дерево. В конце концов осталось лишь трухлявое полено с торчащими из него двумя скрюченными ветвями, покрытое мхом и плесневыми грибами. Спаситель пнул полено ногой, и оно развалилось, обнажив гнездо короедов.

Вскочив в седло, неизвестный всадник поскакал прочь. Выезжая из леса, он наткнулся на Спэгга, стоящего разинув рот на опушке.

— Какой же ты трус, торговец руками!

С этими словами он пустил лошадь галопом, и та понеслась, громко стуча копытами по мерзлой земле полей.

Солдат пришел в себя. Оглядевшись по сторонам, он понял, что свободен. Ведьмы нигде не было видно. Подобрав меч, Солдат заметил за деревьями незнакомого всадника. Должно быть, именно ему он и обязан своим спасением. Одно точно: это был не Спэгг.

Прихрамывая, Солдат вернулся к лагерю на опушке, обогнув заколдованный омут. Спэгг уже оседлал лошадей и приготовился тронуться в путь. На Солдата торговец руками посмотрел так, словно уже не надеялся увидеть его в живых.

— Не повезло тебе, Спэгг. Я остался жив.

— А что тебе грозило? Тебя чуть не съел вяз?

Солдат вспомнил, что он кричал, будто запутался в корнях дерева.

— Я попал в плен к ведьме! Я надеялся, ты придешь и освободишь меня.

Спэгг презрительно расхохотался.

— Да скорее наступил бы конец света! С чего это я должен рисковать ради тебя своей жизнью? Я не напрашивался ехать с тобой. Ты меня заставил. Кстати, у нас был гость, какой-то всадник. Юноша. Он не назвал себя. Маленький, тощий, с ног до головы закутанный в синюю холстину. Дохлятик. И голосок у него тонкий.

«Охотник! — подумал Солдат. — Неужели тот самый охотник в синем, что привел меня в Зэмерканд?» Но как он сюда попал? Неужели отправился следом за ним и Спэггом в глухой лес? Или

эта встреча произошла совершенно случайно? Солдат понял, что снова в долгу перед незнакомцем.

— Это ты направил его в лес, ко мне на помощь?

— Я никого никуда не направлял, — ответил Спэгг. — Он услышал, как ты меня зовешь, и сам помчался в лес.

— Что ж, я обязан ему жизнью.

— Невелик долг, — заметил Спэгг. — Горсть медяков, не больше. Вот моя жизнь — та стоит дорого. Ее не купишь ни за золото, ни за драгоценные камни, ни за любовь красивой женщины. Если бы незнакомец спас меня, об этом можно было бы долго говорить, но тебя? Право, такой пустяк...

— Знаешь, Спэгг, — оборвал его Солдат, усаживаясь в седло, — иногда от твоих разглагольствований у меня дух захватывает.

Глава восемнадцатая

Два всадника продолжали путь по заснеженным просторам, направляясь к возвышающимся на западе хребтам. Укутавшись в теплые меха, они пригибались к шеям своих коней, защищаясь от пронизывающего, леденящего ветра, дующего со стороны гор. Днем было холодно. Кроваво-красное солнце изредка проглядывало сквозь пелену облаков, затянувшую небо, но тепла не давало. Ночью становилось еще холоднее. Путники спали под мертвенно-синей луной, а с ветвей деревьев к ним спускались искрящиеся сосульки, достигающие в длину трех футов. Когда они отдыхали, их покрывал ледяной иней; когда двигались, морозный воздух обжигал легкие. Лошади с трудом пробирались по глубокому снегу, увязая по грудь. Находить воду становилось все труднее: как правило, она скрывалась под слоем льда толщиной шесть футов. В отличие от похода на людей-зверей, когда войско двигалось по населенной местности, усеянной деревнями и отдельными хуторами, на западе земли были совершенно безлюдными. Холодный, пустынный, негостеприимный край.

— Если бы я был богом, — ворчал Спэгг, — я бы поджег этот мир или раскрыл бы в земле пару бездонных расселин, пробудив к жизни вулканы, — сделал бы все что угодно, лишь бы избавиться от зимы.

— Если бы ты был богом, — отвечал Солдат, — в этом мире все перевернулось бы вверх тормашками.

После встречи с ведьмой он стал угрюмым и неуверенным в себе. По прошествии некоторого времени воспоминания превратились в кошмарный сон, и порой Солдат гадал, не приснилось ли ему случившееся. Может, он стал жертвой каких-нибудь естественных снадобий? Есть растения и грибы, отведав которые человек начинает видеть то, чего с ним никогда не было. Или, может, он надышался болотного газа, оказавшего такое воздействие на рассудок? Сколько Солдат ни ломал голову, он не мог с определенностью сказать, действительно ли побывал в жуткой подводной пещере. Ему казалось, он перенес какую-то болезнь, затронувшую не только его тело, но и разум.

— Как приятно находиться в твоем обществе, — язвительно заметил Спэгг. — Ты похож на надувшуюся недовольную жабу.

Солдат вынужден был признать справедливость этих слов.

Однажды утром путники выехали в долину, где из-под земли били горячие источники, а в расселинах бурлила теплая грязь. Здесь, в сернистых испарениях, зеленела пышная трава. Путники решили устроить привал, радуясь возможности искупаться в теплой воде. Набрав птичьих яиц, они сварили их в горячей грязи. После ледяного холода предгорий эта долина была райским блаженством.

Чем дальше углублялись путники в страну богов, тем более диковинными становились чудеса природы. В долине горячих источников Солдат увидел зрелище, напоминающее то, которое он наблюдал вместе с Велион во время военного похода. Спасаясь от преследования врага, птицы просто растворялись на фоне окружающей местности. Становились растениями, среди которых прятались.

Эти пестрые создания размером с дрозда, почувствовав опасность, в прямом смысле превращались в цветы. Но как только вокруг снова становилось спокойно, они преобразовывались обратно в птиц. Солдат увидел этих птиц, порхающих среди пышных красных цветов с длинными острыми лепестками, и постарался осторожно подкрасться к ним, но птицы мгновенно превратились в те самые алые бутоны, из которых они пили нектар. Их ноги стали стеблями, а головы и тела — цветками.

В другой раз, когда те же самые птицы кружили над желтыми лилиями на берегу заводи, при приближении Солдата они превратились в лилии. Приглядевшись внимательнее, Солдат увидел, что это «настоящие» цветы, а не птицы, притворяющиеся, что их крылья — лепестки, а ноги — стебли.

Как только Солдат отходил достаточно далеко, цветы превращались обратно в птиц. Солдат зачарованно смотрел на эти преобразования. Несколько раз он пытался приблизиться к стайке пер-

натых созданий, но те складывали крылья, их оперение становилось лепестками, клювы раскрывались восхитительными яркими колокольчиками или трубочками, а желтые язычки превращались в наполненные пыльцой тычинки. Дикая кошка или орел будут ошалело таращиться на маргаритки, гадая, куда исчезла добыча.

Птицы, превратившиеся в цветы, становились настолько «настоящими», что пчелы и другие насекомые тотчас же садились на них, находя щедрое угощение.

Но чудеса необыкновенной долины не ограничивались горячими источниками и птицами-цветами. Солдат увидел какое-то странное млекопитающее — нечто среднее между кротом и барсуком, — чье семейство помещалось у него внутри, словно вложенные друг в друга ящики убывающего размера. Сначала самка — Солдат определил это по молочным железам — раскрыла свою спину от шеи до хвоста. В нее забрался самец. Затем он раскрыл свою спину, и в него прыгнул самый крупный детеныш из выводка, и так продолжалось до тех пор, пока шесть животных не превратились в одно.

После этого мамаша продемонстрировала богатый арсенал оружия: зубы, когти, целый лес острых колючек на спине. Она и не собиралась бежать, а стояла на месте, готовая отразить нападение любого врага — человека, хищного зверя или же особи своего вида.

Весь этот процесс занял всего две-три секунды. Солдату пришлось наблюдать за ним несколько раз, прежде чем он смог разобрать, что именно происходит.

— Ты что, до конца жизни собираешься изучать живую природу? — спросил Спэгг, на которого чудеса не произвели никакого впечатления. — Мне на все это наплевать. Мало ли чего бывает на свете? Не забивай понапрасну голову.

— Твои философские воззрения не перестают меня поражать, — сухо заметил Солдат.

В полдень, когда путники варили на костре зеленые овощи, ножны запели тревожную песнь. Пристально вглядевшись в далекий горизонт, Солдат увидел на востоке пятерых всадников. Похожие на призраков, они приближались из затянутой молочной дымкой дали. Сначала снежная пелена искажала их силуэты, отчего они дрожали, словно мираж. Наконец всадники доскакали до полосы холодного, прозрачного воздуха. В тот самый момент, когда Солдат и Спэгг смогли хорошо их разглядеть, всадники, в свою очередь, заметили двоих путников. Они неслись так быстро, что у Солдата и Спэгга не было времени оседлать коней, не говоря уж о том, чтобы думать о бегстве. Схватив меч, Солдат прижался спи-

ной к скале, готовый отразить нападение. Спэгг подбежал к нему, доставая из сапога кинжал.

— Ханнаки! — в ужасе воскликнул он.

Их было пятеро: огромные, свирепые. Защищаясь от холода, ханнаки надели вместо своей излюбленной одежды из человеческой кожи куртки из меха животных. Лишь у одного из них на голове что-то было: нижняя челюсть какого-то несчастного, чья борода стала украшением ханнака. Спэгг заявил, что это предводитель.

Вождь ханнаков имел устрашающий вид. Его челюсть была свернута вправо, отчего все лицо казалось кривым, оторванная нижняя губа открывала зубы и десны. Уже то, что ханнаку удалось выжить после такого страшного удара, свидетельствовало о его силе.

Теперь, перед лицом настоящей опасности, Солдат пожалел, что поторопился и отдал Спэггу волшебную кольчугу.

— Ханнаки приближаются, — пробормотал он. — Ты надел кольчугу? Ту самую, заколдованную, спасающую от верной смерти?

— Нет, на мне только куртка. Про кольчугу я совсем забыл. Она там, в сумке на муле.

Солдат решил было сбегать за кольчугой, но передумал. Он тоже был в одной куртке, опушенной мехом. Нагрудник остался привязанным к седлу; носить его все время было тяжело, кроме того, на морозе голые пальцы прилипали к железу. Что ж, придется встретить ханнаков без доспехов.

Грохоча копытами, лошади неслись вперед.

Они промчались по костру, и конь предводителя опрокинул копытом котелок с варевом. Лошади Солдата и Спэгга, привязанные к дереву неподалеку, тревожно заржали и попятились, освобождая дорогу коренастым лохматым лошадкам ханнаков, с выкрашенными охрой боками и мордами. Злобные скуластые лица молча уставились на двоих людей, прижавшихся спинами к гранитному утесу.

Пустив своего коня медленным шагом, предводитель выехал вперед. Солдат присел в боевой стойке, показывая всем своим видом решимость драться до конца.

Обернувшись к воинам, вожак ханнаков что-то крикнул им громким, резким голосом. Один из них хрипло рассмеялся, остальные улыбнулись. Но это были не те улыбки, что дарит мать своему ребенку или друг лучшему другу. Эти улыбки напоминали отвратительные свирепые ухмылки. Громко крича, ханнаки принялись крушить маленький лагерь.

— Почему они так вопят? — шепнул Солдат, обращаясь к Спэггу.

— У них очень маленькие уши, — ответил тот.

Солдат присмотрелся. Торговец говорил правду. Уши ханнаков напоминали крошечные ракушки.

И вдруг, когда предводитель подошел совсем близко, Спэгг метнул свой кинжал. Солдат поразился, насколько молниеносным было это движение. Рука рыночного торговца мелькнула вверх и вниз, и острое лезвие, сверкающим кругом пролетев по воздуху, глубоко застряло в горле ханнака. Предводитель выпучил глаза, словно изумляясь смелому поступку. Затем, вскинув руки, он выдернул нож. Из зияющей раны хлынул бурлящий поток крови. Ханнак протянул дрожащую руку к своему мечу, затем, пошатнувшись, на глазах у потрясенных воинов сполз с седла и свалился в тлеющий костер. Дернувшись, он затих, а его меховая куртка занялась огнем, отравляя свежий воздух отвратительным запахом горелой шерсти.

Остальные ханнаки пришли в смятение. Они приготовились напасть на стоящих у скалы людей, решив предварительно покричать друг на друга и на своего противника.

— Ну вот, ты все испортил, — пробормотал Солдат. — А я как раз собирался предложить им сделку.

— О чем ты? — спросил Спэгг, доставая откуда-то из складок одежды второй кинжал и взвешивая его в руке. — Расправившись с нами, ханнаки и так смогут забрать все.

— Я хотел предложить им кое-что из наших переметных сум, специально захватил с собой... Теперь все бесполезно. Мы убили одного из них. Ханнаки не отстанут от нас до тех пор, пока не отомстят за смерть предводителя.

— Ха, ты не знаешь ханнаков. Скорее всего они терпеть не могли своего вожака. Они совсем не похожи на нас. Месть у них стоит далеко не на первом месте. Больше всего ханнаки любят грабить и насиловать.

— Но тщеславие им тоже не чуждо?

— Это их наипервейший грех.

Спэгг достал левой рукой еще один нож из потайного кармана.

— И много их у тебя? — поинтересовался Солдат.

— Столько, сколько может понадобиться, — последовал уклончивый ответ.

Наконец ханнаки, перестав ругаться между собой, двинулись на противников, однако Солдат поднял руку.

— Ты говоришь на их языке? — шепотом спросил он у Спэгга.

— Немного.

— Тогда скажи, что я хочу предложить им сделку.

Пожав плечами, Спэгг что-то прокаркал.

Конные ханнаки неумолимо надвигались вперед, размахивая боевыми топорами и булавами.

— Скажи им, что если они оставят нас в покое, их гладкие черепа обретут растительность.

Вздохнув, Спэгг снова пожал плечами, но передал ханнакам слова Солдата.

Четверо всадников, остановив коней, недоуменно переглянулись.

— Отлично, — заметил Спэгг. — Ты пробудил в них любопытство.

— Скажи, что я исцелю их лысины, но они должны дать слово отпустить нас на все четыре стороны.

— Надеюсь, ты не собираешься их обманывать, — испуганно прошептал Спэгг, — иначе нас разрежут на маленькие куски и съедят. Ты что, колдун?

Все же он довел до ханнаков предложение Солдата.

Лысые всадники начали совещаться. Обмен мнениями сопровождался бурными эмоциями. Ханнаки орали друг на друга, размахивая руками и угрожая оружием. Тыча в двух людей, стоявших у скалы, они смачно плевались на землю. Наконец один из них что-то крикнул Спэггу, и в его голосе прозвучала угроза.

Торговец, улыбнувшись, кивнул.

— Он хочет перейти к делу. Но он предупредил, что если ты солгал, он медленно вспорет тебе живот, обмотает тебя собственными внутренностями, а затем заставит идти до тех пор, пока ты не упадешь.

— Достаточно справедливо, — заметил Солдат. — Как ты думаешь, им можно верить — они нас отпустят?

— Понятия не имею. Выбора у нас нет, ведь так?

Убрав в ножны Ксанандру, Солдат медленно подошел к своему коню. Ханнаки пристально следили за каждым его движением, готовые к любой неожиданности. Развязав седельную сумку, Солдат начал доставать из нее волосатые предметы, закупленные перед самым путешествием. Любопытство ханнаков нарастало. Вытащив четыре предмета, Солдат шагнул к всадникам.

— Парики! — воскликнул Спэгг. — Так вот что было у тебя в сумке!

Это действительно были четыре парика — два черных, два каштановых. Ханнаки с неподдельным интересом смотрели на незнакомые вещи. Один из них, взяв парик, надел его на голову задом наперед, так что длинные волосы закрыли ему лицо. Солдат знаками показал, что парик нужно перевернуть. Ханнаки, поняв, что к чему, громко закричали, и их товарищ, последовав совету, надел парик как

нужно. Расправив ему искусственные кудри, Солдат предложил посмотреться в зеркало, которое он достал из той же сумки. Изучив свое отражение, ханнак завопил от радости и принялся разъезжать перед друзьями, выставляя напоказ новообретенную красоту.

Его друзья, потребовав свои парики, тотчас же их получили. Крича и улюлюкая, ханнаки тыкали друг в друга пальцами. Они уже начали спорить по поводу цвета париков. Судя по всему, каштановые волосы им нравились больше черных, но легкая зависть не перерастала в ссору. Обменявшись париками, ханнаки поочередно перемерили все, удовлетворенно бормоча.

Пока продолжалось это представление, Солдат и Спэгг, быстро собрав пожитки, приготовились тронуться в путь. Солдат до сих пор никак не мог выбросить из головы то, что в углях догорающего костра лежит мертвец. Действительно, ханнаки забыли о предводителе, если не считать того, что один из них, спешившись, сорвал с головы убитого украшение из бородатой нижней челюсти и прикрепил его к седлу своего коня. Но это означало только то, что в настоящий момент их мысли заняты другим.

Собравшись, Солдат и Спэгг оседлали лошадей и как можно незаметнее поехали прочь от лагеря. Ханнаки, поглощенные исследованием своих новых скальпов, не обратили на них никакого внимания. Когда Солдат и Спэгг отъехали уже ярдов на пятьдесят, один из ханнаков, спохватившись, что-то крикнул, указывая в их сторону булавой. Остальные, повернувшись, долго смотрели на двоих путников, а затем снова вернулись к прерванному состязанию в громкости глоток, забыв о том, что эти люди только что убили их предводителя.

Радуясь тому, что удалось так легко отделаться, Солдат тем не менее возмущался безразличием ханнаков по отношению к вождю.

— Такое впечатление, как будто теперь он для них не больше, чем кусок мяса, — заметил он.

— А так оно и есть, — ответил гутрумит. — Просто мертвая туша. Я же тебе говорил, месть ханнаков нисколько не интересует. Для них главное — добыча. Пока мы собирались, они жадно таращились на наши пожитки. Я краем глаза следил за ними. Если бы у нас было еще что-нибудь такое, что заинтересовало бы их, они быстренько бы это отобрали. И все же нам повезло, что мы отделались так легко. На самом деле у ханнаков просто сегодня хорошее настроение. В следующий раз, несмотря на клятвенные обещания, они со спокойной совестью разрубят нас на мелкие кусочки.

Путники постарались отъехать от ханнаков так далеко, насколько позволял короткий световой день. К ночи — а стемнело

слишком быстро — они обнаружили, что находятся рядом с деревней на сваях. Деревня стояла на болоте, теперь замерзшем и покрывшемся толстым слоем льда, способным выдержать лошадей. Мерзлые кочки, утыканные засохшими стеблями тростника, были завалены дохлыми крысами и мышами. Судя по всему, после внезапного наступления зимы грызуны умерли с голоду. Суровые холода нагрянули совершенно неожиданно, и животные не успели ни нагулять жир, ни приготовить запасы еды.

За россыпью хижин на сваях возвышалась гладкая отвесная стена из обсидиана, казавшаяся совершенно непреодолимой. Скала поднималась над землей на добрых двести футов и уходила в обе стороны, покуда хватало взгляда. Солдату захотелось узнать, каким образом они со Спэггом преодолеют это препятствие, поскольку обойти его, по-видимому, не было никакой возможности. Однако над этим ему предстоит ломать голову завтра, когда он отдохнет и сможет собраться с мыслями. Солдат был полон решимости найти способ перебраться через стену из вулканического стекла.

— Что это за место? — спросил он, указывая на хижины. — Здесь кто-нибудь живет?

— Нет, деревня брошена. Когда-то здесь жили люди, называвшиеся бееритами — «народом болот», — но больше их здесь не осталось. Они покинули эти места помимо своей воли, когда в окрестных горах поселились боги. Разумеется, беериты не говорили о причине своего ухода, потому что не верили в существование новых соседей. Просто как-то раз они собрались и переселились на равнину, во владения Гутрума. Но там беериты стали стремительно вымирать, и в конце концов от них не осталось ни одного человека. Однако, даже умирая, они отказывались верить в существование таких вещей, как бог, душа и загробная жизнь. Разумеется, в наказание беериты попали в самую страшную часть Потустороннего мира. Говорят, порой можно услышать, как они кричат и ругаются друг на друга в аду.

Солдат посмотрел на деревню, окутанную вечерними сумерками. И действительно, большая часть хижин на сваях, крытых дранкой, была в ужасном состоянии. В крышах зияли многочисленные дыры, в которых свили гнезда птицы. Во всем чувствовалось запустение. Однако даже полуразвалившиеся хижины могли укрыть от непогоды. Солдат приготовился провести ночь в самой уцелевшей постройке на сваях.

После долгих поисков путники нашли более или менее приличную хижину у самой отвесной скалы. Стена обсидиана защищала ее от ветра и дождя. Над входной дверью сохранилось грубое изображение аиста.

— Постоялый двор, — сказал Спэгг. — Если бы все было в порядке, именно здесь мы бы и остановились. Эта хижина предназначена для проезжающих. Об этом говорит знак — изображение аиста.

Оставив лошадей внизу, в крошечном полусгнившем сарае, Солдат и Спэгг по шаткой лестнице взобрались в хижину. Проникнув внутрь, они обнаружили, что здесь довольно уютно. Из болота под сваями доносился сильный запах метана, но в хижине было сухо и опрятно. Ни дохлых крыс, ни даже паутины. Последнее должно было бы насторожить путников, но они не придали этому никакого значения. Посреди хижины имелся каменный очаг, в крыше над ним зияла дыра для выхода дыма. Солдат развел огонь.

Днем Спэгг, не слезая с седла, подстрелил из пращи зайца-беляка. На Солдата это произвело большое впечатление — он успел только увидеть, как комок снега отделился от белой равнины. Спэгг быстро крутанул над головой пращой и выпустил гладкий камешек, подобранный в ручье. Просвистев в воздухе, смертоносный посланец ударился о что-то мягкое, и на белом снегу расцвел алый восход. Теперь можно было не беспокоиться насчет ужина. Солдат постепенно узнавал, что у торговца руками гораздо больше разнообразных навыков, чем он предполагал.

Поздно вечером прилетел ворон, принесший новости из оставшегося далеко Зэмерканда.

— По-моему, тебе будет интересно, — сказала птица. — К твоей жене часто наведывается капитан Кафф. Сдается, он постоянно слоняется возле Дворца Диких Цветов. Разумеется, принцесса почти все время не в своем уме, но все же у нее бывали и минуты просветления. Говорят, она на несколько дней куда-то уезжала с капитаном.

— Неужели я должен выслушивать все эти сплетни, а? — взорвался Солдат, нисколько не обрадованный известиями из Зэмерканда. — Следовало бы убить наглеца Каффа. Теперь я жалею, что не пронзил его мечом — ведь он был у меня в руках.

Помолчав, Солдат недовольно буркнул ворону:

— А ты ведь рад-радехонек, да? Постоянно приносишь черные вести? Порой мне кажется, что ты все это придумываешь, лишь бы досадить мне. Злобное ты создание!

Ворон обиженно нахохлился.

— Думай что тебе угодно. Больше я тебе не буду рассказывать о принцессе.

Взяв себя в руки, Солдат глубоко вздохнул, понимая, что ему необходимо знать о Лайане все, даже самое плохое.

— Извини. Разумеется, ты должен рассказывать мне все.

Спэгг, раскрыв рот, изумленно переводил взгляд с одного собеседника на другого. Несомненно, его поразил этот разговор, точнее, один из говоривших. В конце концов он уставился на черного ворона.

— Что это такое? — спросил торговец руками. — Говорящая птица?

— Это мой ворон, — спокойно ответил Солдат.

— Я ничей, — поправил его ворон. — Мы встретились на опушке леса, когда этот человек очнулся от дурного сна. Он убил змею, собиравшуюся сожрать меня, и с тех самых пор я за ним присматриваю. *Кто-то* должен за ним присматривать. Без меня он давно пропал бы.

— Колдовство! — мрачно пробормотал Спэгг, поворачиваясь к говорящим спиной и шевеля угли в очаге. — Лично я стараюсь держаться от колдовства подальше.

— В таком случае, — с презрением воскликнул ворон, — засунь свою голову в ящик, чтобы не сталкиваться с тем, чего не понимаешь.

— Все я прекрасно понимаю. Просто у меня нет никакого желания связываться.

Через некоторое время ворон, вылетев через раскрытое окно в ночь, тронулся в обратный путь. Черная птица практически мгновенно затерялась на фоне усеянной звездами черноты. Чистое небо было усыпано незнакомыми Солдату созвездиями. «Я узнаю деревья, могу отличить дуб от вяза, и мой язык без запинки произносит эти названия. В таком случае, почему я совершенно не разбираюсь в здешних звездах? Я их никогда раньше не видел? Я попал сюда из совершенно другого мира? Быть может, кое-что мне здесь знакомо, а кое-что — нет?»

— О чем ты мечтаешь? — нарушил размышления Спэгг. — О своей маленькой принцессе?

Солдат резко обернулся к нему.

— Если еще раз упомянешь мою жену таким тоном, я без раздумья проткну твое сердце...

Он умолк на полуслове, услышав пение ножен. Снова волшебный чехол предупреждал хозяина о возможной угрозе. Солдат, опомнившись, выхватил меч и повернулся лицом к двери, готовый сразиться с незваным гостем.

На пороге хижины появилась фигура. Солдат отскочил назад, а Спэгг испуганно вскрикнул. Это был маленький старичок, сморщенный и сгорбленный, опирающийся на сучковатый посох. Недовольно посмотрев на путников, он нетвердой походкой шагнул вперед.

На старичке был длинный черный плащ до пят, весь в лохмотьях, снизу заляпанный грязью. Когда он шел по комнате, из-под края плаща показывались ноги, и Солдат обратил внимание, что под сандалиями на них надеты теплые красные носки, промокшие насквозь и одеревеневшие от хождения по снегу. Голову старичка покрывала шляпа с мягкими широкими полями, такая, какие надевают монахи, покидая пределы своего монастыря. Рука, сжимавшая посох, была высохшей, похожей на лапу хищной птицы. На каждом пальце блестели серебряные кольца. Другой рукой старичок цеплялся за плащ, словно пытался переложить на него свой вес.

Старичок долго молча таращился на Солдата, теребя длинную седую бороду, смерзшуюся на холоде. Казалось, он пытается ее согреть. В результате кончик бороды, оторвавшись, остался у него в руке. Старичок с отвращением посмотрел на клочок, уцелевший у него на подбородке, и швырнул бороду в очаг. Та зашипела, наполняя воздух неприятным запахом паленой шерсти.

— Значит, собираешься пронзить его сердце, да? — прозвенел он металлическим голосом механических часов. — Может статься, пройдет совсем немного времени, и ты пожалеешь об этих словах.

Не обращая внимания на недоуменные взгляды путников, старичок, шаркая ногами, прошел в дальний угол хижины и уселся на пол, подальше от огня.

— Кто ты такой? — спросил Солдат, продолжая сжимать в руке меч. — Почему ты настроен так враждебно?

— Враждебно? — последовал ответ. — А, вижу, у тебя есть какое-то волшебное приспособление, предупреждающее о возможной опасности. Когда-то у меня самого было нечто подобное — когда я еще в этом нуждался. Отвечаю на твой вопрос: я по природе своей недружелюбен. Наш мир — очень опасное местечко. Я должен постоянно быть готовым ко всему. Мое кредо — наносить удар первым.

Положив клюку на пол, старичок потер ладони, звеня кольцами.

— Как тебя зовут? — спросил Солдат.

— Зовите меня Предсказателем погоды. Видите ли, я хожу туда и сюда через небесные двери. Разумеется, я не могу ни на что влиять, зато способен предупредить людей о надвигающейся буре. Я мудрец, предвестник, утешитель, если хотите. Со мной разговаривают деревья. Травы поют мне песни. Я слышу голоса растений. Меня можно встретить в затишье перед ураганом, который снесет твой дом.

— Сюда придет ураган? — всполошился Спэгг. — Прямо к нам? Сегодня ночью?

— Не сейчас, — прозвенел старичок, и в его скрипучем голосе прозвучало презрение. — Тогда, когда будет необходимость.

— Ты же сказал, что сюда надвигается ураган, — возразил Солдат.

— Нет. Я сказал, что *знаю*, когда он может сюда прийти. Я чувствую по своим костям. Мне сдавливает голову. Волосы на макушке встают дыбом, словно от электрического заряда. В ушах гремит гром, перед глазами сверкают молнии, в легких дует ветер. По жилам разливается хаос. У меня есть свои секреты. Я читаю таинственные письмена, появляющиеся на небесах. Я изучаю космические бури, штормы, бушующие в галактиках, вслушиваюсь в грохот звезд и комет, сталкивающихся в гигантском бурлящем котле вселенной! И вот происходит взрыв, они вырываются из горшка и летят в разные стороны, подобно искрам, высекаемым молотом кузнеца из раскаленной добела подковы. Для меня все это едино. Смена времен года, закрученные вихри вселенной, приливы и отливы бескрайних океанов, землетрясения, наводнения, рушащиеся горы...

— Ты ведьма в мужском обличье! — в ужасе воскликнул Спэгг. — Солдат, не позволяй ему оставаться здесь! Он говорит загадками. Несомненно, это колдун. Если он проведет ночь вместе с нами, утром мы, проснувшись, обнаружим, что превратились в жаб.

Солдат был в растерянности.

— Это правда? Ты колдун? Или жрец из какого-то храма? Кто ты?

— Я тот, кто я есть, и только этим и могу быть.

Возбужденно ломая руки, Спэгг посмотрел на Солдата, ища у него совета.

Но Солдат сам понятия не имел, что делать. Разве можно выгнать старика зимой на улицу? С другой стороны, не исключено, что Спэгг прав. Если они позволят загадочному незнакомцу остаться, кто поручится, что тот не злоупотребит их гостеприимством? У них слишком ответственное задание, чтобы рисковать, связавшись с переодетым колдуном. Кто знает, быть может, это юноша, принявший обличье старика? Способный вынести тяготы зимней стужи? Вокруг полно других хижин. Пусть он остановится в одной из них.

— Ты должен уйти отсюда, — строго произнес Солдат, обращаясь к старику. — Иди в любую другую хижину.

Старик, ничего не ответив, порылся в складках плаща и достал оттуда бумажный пакет. Внутри пакета находилось что-то тяжелое, шевелящееся. Сперва Солдат решил, что там какой-то маленький зверек, наверное, пушистый грызун. Но, приглядевшись внимательнее, он заметил, что движения пакета имеют четкий, размеренный ритм. Пакет пульсировал. Более того, внизу пакета появилось и стало быстро расплываться красное пятно, словно

из содержимого пакета вытекала какая-то жидкость. Солдат терялся в догадках.

— Ты слышал? Прошу тебя уйти. Я знаю, что это постоялый двор, предназначенный для путников, но мы тебе не доверяем.

— Я должен остаться здесь, — невозмутимо ответил мудрец. — Ты не понимаешь, как работают эти штуковины, да?

— Мне наплевать на то, как они работают. Ты должен немедленно уйти отсюда.

Обнажив меч, Солдат принял угрожающую позу. Он не собирался делать старику больно, а просто хотел его напугать.

Раскрыв бумажный пакет левой рукой, древний старик засунул правую внутрь и, схватив то, что находилось там, крепко стиснул этот предмет. Солдат тотчас же выронил меч, с грохотом упавший на деревянный пол. Ощутив в левой половине груди пронзительную боль, он непроизвольно прижал к ребрам руку. Его глаза вылезли из орбит, дыхание стало частым и судорожным. Старик снова сжал руку, и боль стала невыносимой. Повалившись на колени, Солдат мучительно застонал.

Спэгг поднялся с места, готовый спасаться бегством.

— Если хочешь, я могу тебя сейчас уничтожить, — невозмутимо прозвенел старик. — Смотри!

Вынув руку, он показал Солдату содержимое пакета. Это было живое человеческое сердце, ритмично пульсирующее. Прямо на глазах у Солдата старик снова сжал сердце, и тот ощутил в груди пронзительную боль. Вскрикнув, он упал навзничь к ногам Спэгга и покатился по полу, пытаясь унять страшное жжение под ребрами.

Помучив Солдата несколько минут, старец положил пакет на пол и осторожно поставил на него ногу.

Солдат в ужасе почувствовал, что пришла его смерть.

— Нет! — выдохнул он. — Не наступай!

— Достаточно чуть надавить каблуком...

Солдат мысленно представил, как его сердце рвется, забрызгивая пакет кровью, как старик презрительно отпихивает ногой безжизненную, сморщенную шкурку. Эти картины мелькнули у Солдата перед глазами так явственно, как будто он видел их воочию.

— Не надо. Извини. Ты можешь остаться здесь.

Скрипучий голос наполнился весельем.

— Разумеется, могу. Я это прекрасно знаю. Вопрос в том, оставить ли тебе жизнь? Ты оскорбил старика. Тебе незнакомо гостеприимство. Подобное поведение заслуживает наказания. Это-то ты понимаешь? Такие вещи нельзя спускать просто так. Ты сожалеешь о своем поступке?

— *Я* сожалею! — вдруг воскликнул Спэгг, падая на колени и в ужасе глядя на сердце. — Я *очень* сожалею!

— Ты говоришь так потому, что понимаешь: ты будешь следующим. Для тебя я припас очень изысканное мучение: думаю, мы протащим твою печень через твои ноздри. Ну, как тебе это нравится?

— Я... по-моему, ты должен быть удовлетворен тем, что уже сделал.

Старик кивнул.

— Может, и удовлетворен.

Убрав ногу с пакета, он сел в угол.

Солдат с трудом встал и, подобрав пакет, заглянул внутрь. Там не было ничего, кроме большого перезрелого баклажана. Но ведь старик действительно сжимал его сердце? Сняв куртку и рубаху, Солдат осмотрел свою грудь. На ней не было никаких следов. Каким же образом старику удалось осуществить подобную пытку?

Гипнотизм? Возможно. Или все происходило в реальности до того момента, как старик убрал ногу с пакета?.. Так или иначе, Солдат не сомневался: если бы старик раздавил ногой пакет, он бы неминуемо умер.

Старик уже спал, тихо посапывая носом. Солдат дал себе зарок впредь вести себя осмотрительнее и относиться с большим уважением к незнакомым людям. Его также беспокоила собственная безопасность, и не потому, что кто-нибудь мог забраться ночью в хижину — мудрец быстро расправился бы с любым непрошеным гостем. Солдат опасался, что за ночь старик может передумать и привести в исполнение смертный приговор.

Перед тем как заснуть, Солдат вспомнил о волшебной кольчуге. Не надеть ли ее, чтобы обеспечить себе дополнительную защиту? Но в таком случае первым погибнет Спэгг. Солдат пришел к выводу, что будет несправедливо, если он позаботится о себе, оставив своего спутника беззащитным.

Мысленные споры разрешились сами собой, когда Солдат заснул.

Глава девятнадцатая

Проснувшись утром, Солдат подошел к двери хижины и едва не рухнул вниз — до земли было почти двести футов. Ему с трудом удалось удержаться за дверной косяк. Судя по всему, сваи, на которых стояла хижина, за ночь выросли. Теперь черный вход нахо-

дился на одном уровне с каменным плато, и на него можно было без труда перешагнуть. В этом заключалось волшебное свойство постоялого двора.

Обернувшись, Солдат увидел, что старик по-прежнему спит в углу. Значит, он все же не расправился ночью со своими соседями. Неудивительно, что мудрец хотел заночевать именно в этой хижине. Должно быть, ему было известно про то, что сваи ночью вырастают.

Спэгг, заворочавшись, уселся на полу, откашлялся, шмыгнул носом и сплюнул в окно.

Солдат поморщился.

— Неужели обязательно так себя вести?

— Да, — невозмутимо ответил рыночный торговец.

Встав, Спэгг подошел к окну, но, в ужасе вскрикнув, тотчас же отпрянул назад.

— Что случилось? — воскликнул он.

— Мы поднялись вверх.

— А как же наши лошади — они ведь остались внизу!

Солдат вынужден был признать, что не подумал об этом.

— Дальше нам придется идти пешком, — мрачно заметил он. — О животных не беспокойся. Проголодавшись, они выбьют копытами хлипкие стены сарая и вырвутся на свободу. Здесь полно травы. Если лошадей никто не украдет, мы найдем их тут, когда будем возвращаться.

— Будем надеяться, — проворчал Спэгг. — Проклятие, мул вез все наши запасы провизии.

— Праща ведь у тебя с собой, так? И самое необходимое у нас тоже осталось — одеяла, сумка с волшебной кольчугой, огниво и трут. Полагаю, все будет в порядке.

В этот момент древний старик, заворочавшись, уселся на полу.

— Мы поднялись? — спросил он.

— Да, — ответил Солдат. — Такое происходит всегда?

— Нет, не всегда.

Встав, старик подошел к черному входу и шагнул на плато.

Неподалеку протекал мутный ручей, обрывавшийся с края скалы белой фатой. Над водой клубился пар; в воздухе стоял сильный запах сероводорода. Старик вымылся в ручье. Солдат и Спэгг, последовавшие его примеру, обнаружили, что вода очень горячая. Солдат предположил, что источник находится глубоко под землей, вероятно, недалеко от слоя жидкой лавы.

Спэгг устроил из утреннего туалета большое представление, однако в действительности вода почти не касалась его тела. На за-

мечание Солдата, испытывающего отвращение к подобной нечистоплотности, Спэгг возмутился, ища поддержки у старика.

— На самом деле я предпочитаю собирать росу с розовых лепестков, — сказал он. — Это очень полезно для кожи. Когда я был совсем маленьким, моя дорогая покойная маменька купала меня в утренней росе. Смотри, вот капелька повисла на паутине. Согласись, она очень нежная и не раздражает кожу.

Впрочем, от старика сочувствия ему было не больше, чем от Солдата.

— Если тебе нравится быть грязной свиньей, имей мужество это признать.

— Ну хорошо, — сдался Спэгг. — Мне нравится грязь. С ней тепло. Зачем мне притворяться, что это не так?

— Потому что ты неисправимый изворотливый лгун, — с укором произнес старик.

Спэгг обиделся, но промолчал, сознавая, что мудрец может запросто с ним расправиться.

— Ты держишь путь на запад? — спросил старик у Солдата. — Не желаешь отправиться вместе?

— Я думал о том, чтобы воспользоваться ручьем — мы могли бы смастерить плот.

Старик кивнул.

— Неплохая мысль. Придется двигаться против течения, но чем дальше от водопада, тем оно становится слабее.

Прищурившись, он окинул взглядом зимний ландшафт верхнего мира. Деревья и кустарники здесь отличались карликовыми размерами.

— Однако мы попали в странную область, — с опаской продолжал мудрец. — Нужно следить за тем, чтобы не наткнуться на врагов.

— Каких врагов ты имеешь в виду?

— Ну, разных сказочных существ, гигантов, — уклончиво ответил старик.

Солдат кивнул.

— Ты здесь уже бывал? Ты можешь вести нас за собой?

— Я только поднимался сюда, но дальше не ходил. В прошлый раз мне пришлось вернуться, после того как огромная жаба проглотила моего спутника, прямо здесь, у самого обрыва. Выбросила вперед язык и заглотила моего товарища целиком — вот так просто. Я видел, как он корчится у жабы в желудке. Это меня очень расстроило.

Сняв шляпу, старик вытер лицо платком.

— Надеюсь, сейчас нам эта мерзкая тварь не встретится.

Спэгг боязливо оглянулся вокруг, судя по всему, думая о том же.

— Разве ты не мог спасти своего друга? — спросил Солдат. — По-моему, ты обладаешь большой силой.

— От нее нет никакого толка, если имеешь дело со здешними существами — это волшебная страна, путник, а не обычный мир.

Солдат, в последнее время ломавший голову, существует ли вообще «обычный мир», ничего не ответил и начал собирать хворост для костра. Спэгг ему помогал, однако старик спокойно сидел и ничего не делал. По-видимому, он не привык работать руками — и не собирался привыкать.

Как только пламя с веселым треском охватило дрова, Спэгг отправился в лес и набрал съедобных грибов. Затем, порывшись в земле, нашел какое-то растение вроде лука, и оно отправилось в котел следом за грибами. Эта растительная похлебка должна была наполнять животы путников до тех пор, пока они не построят плот, который поднимет их вверх по реке.

Работая, Солдат размышлял о своих спутниках. К Спэггу он уже начал потихоньку привыкать. Раскусив хитрого рыночного торговца, Солдат переносил его значительно легче. Он наблюдал за тем, как Спэгг суетится среди заснеженных деревьев, и у него перед глазами вставали непрошеные картины. Преданность. Качество, которое Солдат ценил больше всего на свете. Преданность. Он терпеть не мог предательство. Однажды, в туманном и далеком прошлом, Солдата предали. Кого-то очень дорогого у него отнял подлый враг, приведенный к нему изменником.

В душе вскипели ярость, гнев, ненависть. Разрозненные, но четкие воспоминания поднялись из затянутого дымкой, тускло освещенного колодца внутри. Они проносились в голове у Солдата призрачными, неуловимыми образами, оставлявшими тяжелый осадок. Он смутно увидел фигуру — женщину в подвенечном наряде, вырванную из рук возлюбленного, брошенную через седло коня и увезенную в заснеженную пустыню. Другие картины: он идет по следам в снегу и находит прелестную девушку в промокшем от крови платье, лежащую на белом снегу в окружении алого ореола. Эти образы стремительно мелькали перед мысленным взором Солдата, причиняя ему невыносимую боль. Предательство. Никогда в жизни он не допустит, чтобы измена осталась безнаказанной. Теперь Спэгг его товарищ. У торговца есть перед ним обязанности. Горе Спэггу, если он предаст Солдата. Он умрет жуткой смертью.

— Что ты на меня так смотришь?

Очнувшись от размышлений, Солдат понял, что Спэгг обращается к нему. Незаметно для себя он уставился на торговца руками взглядом, полным ярости.

— Я... так, ничего... просто будь осторожнее.

— Осторожнее? И чего я должен опасаться? — с негодованием спросил Спэгг. — Я ничего такого не сделал.

— *Сегодня* не сделал, — поправил его Солдат.

Старик с любопытством посмотрел на него.

— А, в твоей голове существуют другие страны, да? Другие времена? Другие мужчины и женщины? Ты должен следить за собой, держать себя в руках. Я о тебе уже слышал. По-видимому, именно от твоей руки пал воин-пес Вау. Будь осторожен. Не выпускай слишком часто притаившегося в тебе зверя.

— Не суйся не в свои дела, — оборвал его Спэгг, по какой-то необъяснимой причине решивший заступиться за Солдата. — То, что у него в голове, принадлежит ему и никому другому. И я сам за себя постою. Мне не нужны защитники. Я никого не боюсь. Сказочные существа меня тоже нисколько не тревожат. Гоблины, домовые, привидения, кто там еще — я со всеми имел дело.

Закончив скудную трапезу, путники загасили костер снегом. Спэгг объяснил Солдату, что изготовить тяжелый плот им вряд ли удастся. Во-первых, в здешних краях совсем нет больших деревьев; к тому же у них отсутствуют необходимые инструменты. Торговец руками предложил смастерить челнок из сплетенных ветвей.

— В свое время я таких порядочно понастроил, — заверил он Солдата. — Тут ничего сложного нет, главное — найти глину.

Глины оказалось достаточно на берегах реки. Она смерзлась и покрылась тонкой корочкой льда, но Спэгг научил Солдата, как придать ей пластичность. Они принялись топтать глину ногами, и вскоре она стала мягкой.

Поблизости была небольшая рощица крошечных дубов, размером не больше крупных кустов. Солдат и Спэгг с помощью меча нарубили ветвей и принялись плести челнок. Спэгг обладал необходимыми навыками, а Солдат предоставлял грубую физическую силу. Старик держался в стороне, мурлыча себе под нос и разглядывая виднеющиеся вдалеке горы. Похоже, его нисколько не смущало, что он ничем не помогает своим спутникам.

Когда каркас челнока был готов, Солдат и Спэгг законопатили щели мхом, а затем обмазали всю конструкцию желтой глиной, добытой на берегу реки. К полудню был готов челнок, способный взять на борт троих человек. Смастерив три весла, Солдат сообщил старику, что бездельников на борту не будет. Если он хочет плыть вместе с ними, ему придется стать членом экипажа.

— Или ты будешь грести наравне с нами, или мы тебя не возьмем.

— Я очень старый. У меня совсем не осталось сил.

— Однако у тебя хватило силы стиснуть мое сердце так, что моя голова едва не раскололась от боли, — возразил Солдат.

Старик усмехнулся.

— Да уж, хватило, не правда ли? И я поступлю так снова, если вы не возьмете меня с собой.

— Ну хорошо, — пробормотал Солдат, — у меня нет времени на споры, но знай, что в моем лице ты нажил врага.

— Уж как-нибудь переживу.

Солдат и Спэгг несли челнок вдоль берега где-то с милю, пока наконец не решили, что его можно спускать на воду. Здесь река делала несколько поворотов, и ее течение замедлялось. Забравшись на утлое суденышко, путники поплыли вдоль берега, у самой кромки льда. Сперва грести против течения было трудно, но гребцы старались изо всех сил, направляя челнок вперед. Затем река расширилась, течение еще больше замедлилось, и грести стало проще.

По берегам росли ольха и бузина, а также всевозможные растения, любящие воду, такие, как ива. Покрытые инеем ветви искрились в лучах бронзового солнца. В одном месте путникам встретилось дерево, на котором в петлях болтались мертвые животные — белки, древесные куницы и хорьки. Зверьки раскачивались на ветру, отбрасывая на снег дрожащие тени.

— Дерево-виселица, — объяснил старик. — На концах ветвей вырастают особые побеги, скручивающиеся в петли, которые удушают различные живые существа. Когда животные разлагаются, ствол высасывает из них питательные вещества. Видите дупло в коре? Это один из ртов дерева-виселицы. Оно плотоядное. По-моему, дерево очень красивое, словно увешанная подарками праздничная елка.

— Не сомневаюсь, что ты в восторге от подобного изуверства, — пробормотал Спэгг.

Река вышла на замерзшую равнину. Где-то вдалеке раздавались глухие удары, от которых по поверхности воды пробегала рябь. Когда челнок завернул за излучину, стала ясна причина этих странных звуков и вызываемых ими сотрясений почвы. Два человекоподобных гиганта швырялись камнями размером с дом. Они находились очень далеко, но от падения огромных каменных глыб содрогалась земля. Солдат зачарованно смотрел на это зрелище. Казалось, два громадных самца дерутся за право обладать самкой, только на самом деле самки не было, и самцы старались произвести впечатление друг на друга. Здоровенные валуны, пролетев по

воздуху, с грохотом падали в запорошенную снегом грязь, сокрушая деревья — и все из-за двоих расшалившихся гигантов.

После долгого и нудного плавания по равнине путники наконец достигли отрогов гор. Река извивалась по дну ущелья, стиснутого с двух сторон скалами высотой около пятисот футов. Между каменными стенами простиралась полоска земли шириной ярдов сто. Скорее всего под снегом находились плодородные луга. Когда челнок завернул за одну из излучин, путники увидели перед собой препятствие — уложенное поперек реки бревно с привязанными к нему камнями. Несомненно, кто-то хотел преградить путь вверх по реке. Поскольку челнок двигался против течения, Солдат и Спэгг без труда сбросили скорость и пристали к берегу.

— Нам придется обойти преграду по суше, — сказал Солдат. — Мы со Спэггом понесем челнок. А тебе, старик, нести весла.

— У меня нет сил.

— Ты понесешь весла.

Они долго смотрели друг другу в глаза, старик и молодой мужчина, и в конце концов старик вынужден был сдаться.

— Ну хорошо, я понесу весла, — сказал он.

Положив челнок на плечи, Спэгг и Солдат двинулись пешком по левому берегу реки. Старик взял весла и пошел впереди. Дойдя до запруды, перегораживающей реку, старик остановился, испуганно оглядываясь по сторонам. Снег был испещрен многочисленными следами, в основном круживших вокруг обвешанного грузом бревна. Но это были отпечатки ног детей, а не взрослых людей.

— И здесь одна малышня, — проворчал Спэгг. — Мне они надоели еще в Зэмерканде. Только и знают, как мешать честным торговцам...

В чистом морозном воздухе послышалось громкое отчетливое пение ножен Солдата.

Встревоженно оглянувшись, старик начал было что-то говорить, но тут раздался свист рассекаемого воздуха. Из горла старика что-то выросло в обе стороны. Выпучив глаза, он раскрыл рот. На его лице на мгновение мелькнуло выражение недовольства, затем старик сполз в снег.

Вскрикнув, Спэгг отшвырнул челнок.

Солдат понял: то, что выросло у старика из горла, на самом деле прилетело из окрестной рощи. Черная стальная стрела, выпущенная из арбалета, пробила старику шею насквозь. Четырехгранный наконечник был покрыт обрывками волокон. Судя по всему, стрела пронзила мудрецу позвоночник, проткнув трахею.

Несомненно, рана была смертельной. Старик лежал на снегу у ног своих спутников, корчась в судорогах.

Солдат машинально припал к земле, Спэгг свалился рядом. Там, где они только что стояли, засвистели стрелы, падающие на затянутый кромкой льда берег. Солдат лежал, прижимаясь к холодной груди матушки-земли, крепко обнимая ее. Почувствовав, что кто-то подошел, он приоткрыл глаза и увидел склонившиеся над ним свирепые лица, покрытые волдырями и бородавками. Он продолжал лежать не шелохнувшись, моля богов о том, чтобы ему в спину не пустили стрелу.

— Это тролли, — прошептал Спэгг. — Лежи и не двигайся.

Солдат и не собирался двигаться до тех пор, пока его не заверят, что он может это сделать без опасности для жизни. Ему были видны маленькие ноги, одни обмотанные тряпьем, другие в грубой обуви. Над ним склонились горбатые создания с большими головами.

Затем кто-то пролаял непонятную команду хриплым, гортанным голосом.

— А теперь нам лучше встать, — сказал Спэгг. — Тролли хотят увести нас в свою крепость высоко в горах.

Поднявшись с земли, Солдат тотчас же получил в спину удар древком пики, которую сжимал в маленьких ручках коренастый тролль.

— Гаааххх! — воскликнул маленький уродец. — Ооп! Ооп!

Солдату захотелось вырвать пику у тролля из рук и воткнуть ее ему в горло, но вокруг было так много этих крохотных созданий, что нечего было и думать о бегстве. К тому же тролли, несмотря на рост, выглядли сильными. У них были непропорционально широкие плечи и спины, а похожие на днище лодки груди выпирали вперед острой костью, проходящей от подбородка до самой талии. Большие головы раскачивались на очень коротких шеях. Один из троллей затрубил в рог, и скалы подхватили гулкие звуки. Остальные вторили громкими торжествующими криками, сообщая всем вокруг, что воины возвращаются домой с пленниками и, быть может, с захваченными сокровищами.

Солдата и Спэгга погнали по узкой дорожке, напоминающей козью тропу. Поднявшись на скалу, они оказались у стен крепости. Тролли использовали естественную твердыню, укрепив ее стенами, что возвели между каменистыми отрогами. В целом получилась неприступная горная крепость, в которой обитали разбойники, грабившие тех, кто плыл по реке.

Оглядевшись, Солдат прикинул, что потребуется целое войско на то, чтобы взять приступом эти укрепления. За огромными зубцами на стенах спокойно мог укрыться лучник; для того чтобы подняться наверх, нужно было долго карабкаться по веревочным

лестницам — которые при приближении неприятеля мгновенно убирались; на отвесных скалах возвышались суровые башни. Охраняла крепость многочисленная орава троллей: хорошо вооруженные, они были готовы отразить нападение любого врага. Атакующим придется заплатить очень дорого, чтобы захватить ее.

— Впечатляющее сооружение, — искренне признался Солдат своим тюремщикам. — Взять эту крепость штурмом будет очень нелегко. Я вижу, вы также позаботились о глубоких колодцах с питьевой водой! И о баранах и прочей живности. Так что осада будет долгой. Поздравляю, вы отлично выбрали место для своих укреплений.

— Моя говорить твоя языка, — проворчал один из троллей.

Маленький уродец успел нацепить на голову вместо колпака один из красных носков, снятых с убитого старика. Из-под закатанного края торчали отвратительные уши, похожие на сушеные финики. Одет тролль был в мрачную серую рубаху, висевшую на нем подобно женскому платью без пояса, в каких ходят деревенские красавицы. Солдат предположил, что эта рубаха также была снята с мертвого мудреца.

— Твоя заткнись.

— А, ты владеешь человеческим языком... — начал было Солдат, но тотчас же умолк, получив удар рукояткой меча в живот.

Когда он отдышался, его провели к троллю с длинной черной косматой бородой, волочившейся по земле. Бородатый тролль с нескрываемым неодобрением оглядел Солдата с ног до головы. Спэгг не удостоился и взгляда.

Тролль, говоривший по-человечески, маленький толстячок ростом около двух с половиной футов, по-видимому, был переводчиком. Бородатый тролль произнес что-то, напоминающее волчий рык. Толмач, кивнув, повернулся к Солдату.

— Он хотеть знать, твоя богатый?

— Я нищий, — ответил Солдат. — У меня за душой нет и двух бронзовых миадоров.

Судя по всему, подобная искренность оказалась большой ошибкой, так как трое-четверо троллей шагнули вперед, занося топоры. Они завалили бы несчастного Солдата, словно дерево, если бы Спэгг не остановил их криком, что его спутник лжет: на самом деле он очень богат.

— Не обращайте внимания, — продолжал торговец руками. — У него мужества больше, чем ума. Его жена — принцесса Лайана, сестра королевы Зэмерканда. Если вы потребуете за него выкуп, она заплатит вам целое состояние, только чтобы вернуть супруга.

И меня тоже. Я преданный друг и верный слуга этого человека. Принцесса хорошо вам заплатит за нас.

— Не унижайся перед ними, — рявкнул на него Солдат. — Я не боюсь этих коротышек!

— А надо бы, — заметил Спэгг. — Если они придут к выводу, что от тебя им нет никакой выгоды, не задумываясь убьют. Это их ремесло. Они речные пираты. Тролли останавливают всех, кто пользуется водным путем, и берут с них дань. Поскольку у нас с собой нет ничего ценного, они или потребуют за нас выкуп, или убьют сегодня же вечером, а затем съедят. Разве я не говорил, что тролли людоеды?

Маленькие уродцы подозрительно смотрели на своих пленников. Солдат так и не определил, поверили ли они, что за него можно получить хороший выкуп. Спэгга и Солдата заковали в кандалы, прикрепленные к стене крепости, и оставили стоять так, что их видели все проходящие мимо. Почему-то большинство троллей, в первую очередь женщины, считали своим долгом дать одному или обоим пленникам пинок или затрещину. Солдат и Спэгг превратились в мишень для скабрезных шуток и гнилых овощей, а иногда и камней.

— Похоже, мы попали в беду, — простонал Спэгг. — Нам отсюда никогда не выбраться.

Как раз в этот момент тролли вывели из конюшни гигантскую сову. Один из троллей, ростом еще меньше остальных, вскарабкался на спину ночной хищнице. Веревки, удерживавшие сову, отпустили, и она вместе со своим наездником поднялась в небо. Скоро огромная птица превратилась в точку. Она полетела на восток, в Зэмерканд.

К пленникам подошел толмач с красным носком на голове.

— Он ехать на небесный лошадь, чтобы находить деньги.

— Надеюсь, его поразит небесная молния, — угрюмо огрызнулся Солдат. — Или пусть ему навстречу выпустят охотничьего ястреба.

— Нет-нет, он шутит! — поспешно воскликнул Спэгг. — Этот человек сначала говорит и только потом думает.

Тролль нахмурился.

— Он сначала думать, потом говорить. Он ненавидеть все тролли.

— Вовсе не всех, — мило поправил его Солдат. — Только убийц, разбойников и грабителей, нападающих на мирных путешественников. Я лейтенант красных шатров. Возвратившись в Зэмерканд, я возьму свой шатер Орла и вернусь сюда, чтобы уничтожить эту обитель злобных, коварных маленьких негодяев, словно гнездо скорпионов.

Спэгг натянуто рассмеялся, притворяясь, что его развеселила эта шутка.

— Твоя молчать! — рявкнул тролль, обращаясь к нему. — Моя жарить твоя первым! Моя есть твой глаза, моя есть твой сердце.

Услышав эти слова, Спэгг возмущенно встрепенулся. Убедившись, что пытаться иметь дело с троллем добром бесполезно, он тоже дал волю гневу.

— Посмотри на эти рогатые отростки! — воскликнул он, указывая кивком на руки и ноги тролля, слишком крупные для тела такого маленького размера. — Я их отрежу и отдам за бесценок какому-нибудь мастеру, изготавливающему кукол. Он приделает их к глиняной кукле и продаст ее, и люди повесят эту куклу у двери своего дома, чтобы отпугивать демонов.

Ничто так не злит тролля, как издевательство над его руками и ногами. Маленькие уродцы очень чувствительно относятся к своим чрезмерно большим конечностям. Все существа потустороннего мира — феи, эльфы, гоблины и так далее — постоянно насмехаются над размерами ног и рук троллей.

— Моя есть твой печень! — воскликнул толмач, и дурной запах из его рта смешался с таким же зловонием, исходящим изо рта Спэгга, утыканного гнилыми зубами. — Моя есть твой язык!

— Моя есть твой мозги, — храбро ответил рыночный торговец, — если только смогу найти достаточно крохотный кусочек хлеба, чтобы положить их на него.

Сорвав с головы носок убитого старика, тролль принялся хлестать им Спэгга по лицу. Тот в ответ лишь рассмеялся. Тролль лягнул его ногой. Спэгг, вскрикнув от боли, пришел в себя и снова расхохотался. В конце концов тролль, плюнув Спэггу в лицо, ушел прочь, бормоча проклятия, уверяя пленников, что даже если за них будет получен выкуп, он все равно убьет и съест обоих.

— Ну вот, допрыгался, — заметил Солдат.

Спэгг негодующе фыркнул.

— Я? Это ты начал!

— Да, но мои насмешки были рассудительными, а ты затронул его больное место — руки и ноги. Теперь нам ни за что не выбраться отсюда.

Пленники простояли трое суток, прикованные к стене. Их почти не кормили. На второй день до них донесся запах жареного мяса, и у Солдата потекли слюнки. Какое страшное наказание — чувствовать запах жаркого и не иметь возможности присоединиться к трапезе. В конце концов Красный Носок принес Спэггу и Солдату по тонкому ломтику приготовленного мяса. Оба мгновенно про-

глотили свои порции. Жареное мясо, сочащееся жиром, показалось им изумительно вкусным. Судя по всему, его несколько часов держали на медленном огне.

Красный Носок рассмеялся, увидев быстроту, с какой пленники съели свой обед.

— Твоя есть ваша друг, — насмешливо заметил он, и собравшиеся вокруг тролли встретили его слова громким хохотом. — Твоя есть его зад.

— Что? — непонимающе спросил Спэгг.

— Твоя есть старик с лодка. Мы его жарить, есть его печень, его сердце, его мозги. Он очень вкусный.

Оскалившись в ухмылке, демонстрирующей черные зубы, тролль облизнулся и похлопал себя по животу.

— Твоя глупый человек. Твоя *людоеда!*

— Это вы людоеды! — взревел Спэгг. — Это вы зажарили несчастного старика.

Гордо расправив плечи, Красный Носок покачал головой:

— Мы не людоед. Мы тролль. Мы не есть тролль. Мы есть человек. Вы человек. Вы есть старик. Это вы людоед!

— Тут он нас подловил, — пробормотал Солдат, чувствуя подступающую к горлу тошноту. — Мы действительно людоеды.

За трое суток один раз прошел дождь, и пленникам удалось глотнуть из лужиц, собравшихся на земле, чтобы утолить жажду и попытаться избавиться от привкуса жира, прочно засевшего во рту.

Наконец вернулся тролль, улетевший верхом на сове. Судя по всему, он был чем-то очень расстроен. Вскоре Красный Носок пришел проведать пленников. Он тоже был невесел.

— Принцесса никак не найти. Тролль не смочь говорить с королева. Только с человек королева. Человек говорит, деньги не будет. Человек говорит, убивать вас.

— Человек королевы? — удивился Солдат. — Кто бы это мог быть?

— Моя все равно, — бросил Красный Носок, оборачиваясь, чтобы уйти. — Мы есть вас на завтрак.

Как оказалось, троллям было все равно: не дадут выкупа, ну и не надо. Они решили отпраздновать то обстоятельство, что завтра утром будут есть свежее мясо. Выкатив бочонки с перебродившим соком, они начали пир. Весь день они пили хмельной напиток из деревянных чар, и к вечеру их поведение стало просто страшным. Повсюду вспыхивали жаркие ссоры. Одни царапали друг друга ногтями рук и ног, стараясь ослепить своего противника; другие совершали разные безумные выходки. Так продолжалось до тех

пор, пока один тролль, пытаясь перепрыгнуть через широкую расселину в скалах, не сорвался вниз с высоты двухсот футов. Его разбившееся в лепешку тело отрезвило остальных, собиравшихся повторить это достижение. Многих тошнило, и снег покрылся заледеневшей рвотой. Кто-нибудь то и дело подходил к пленникам и плевался в них, уверяя, что так мясо станет более мягким и завтра его будет проще приготовить.

В конце концов все тролли перепились до такой степени, что рухнули на землю и забылись в беспамятстве.

Наступил вечер, за ним последовала ночь. Стало невыносимо холодно. Солдат, опустившись на корточки и прижавшись спиной к скале, разглядывал звезды. Кандалы впились ему в запястья и щиколотки. Прикованный рядом Спэгг забылся беспокойным, усталым сном. Неужели это конец? Ему суждено умереть от рук злобных, маленьких, беспринципных речных пиратов? Наверное, все мы верим, что нам предначертана великая миссия; поэтому обидно уходить из жизни раньше времени, особенно когда о палачах не скажешь ни одного доброго слова. Но разве смерть в затхлой постели, среди сальных, грязных простыней, липнущих к телу, уже тронутому тленом, — разве она лучше смерти на свежем воздухе, среди звуков и запахов живой природы? Солдат считал, что ничуть не лучше, — и все же он сожалел о том, что ему предстоит умереть.

— Ну ты и вляпался!

Солдат вгляделся в темноту. Одно пятно было чернее самой ночи. Лишь отсвет звезд на блестящих перьях подсказал, кто его нежданный собеседник.

— Ворон, — с облегчением прошептал Солдат.

— Увидев кружащую над замком сову, я сразу понял, что ты попал в беду. Поэтому я проследил за ней, когда она возвращалась назад. Полагаю, ты хочешь, чтобы я открыл клювом замки на твоих кандалах?

— А ты сможешь? — с надеждой спросил Солдат.

Ничего не ответив, ворон слетел вниз и, усевшись на его запястье, тотчас же принялся тыкать клювом в замочную скважину, пытаясь провернуть засов. Он возился целую вечность, и Солдат уже начал опасаться, что положение безнадежно, однако наконец замок раскрылся.

— Заржавел маленько, — объяснил ворон.

Солдат разбудил Спэгга, зажав ладонью рот. Торговец руками выпучил глаза от страха, вероятно, решив, что пришел его смертный час. Солдат шепнул ему на ухо, призывая хранить молчание. Ворон принялся работать над кандалами Спэгга, и вскоре тот тоже был освобожден.

Начало светать. Повсюду на засыпанных снегом укреплениях валялись маленькие уродцы, крепко и громко храпевшие, несмотря на то что температура была ниже нуля. Перебродивший сок свалил с ног всех. Тут и там на снегу темнели пятна замерзшей рвоты.

— Я вижу, здесь была веселая пирушка, — пробормотал ворон. — А меня никто не пригласил.

— Скорее не пирушка, а гонка с целью совершить одним махом сразу все семь смертных грехов, — пояснил Спэгг.

— Нам пора убираться, — прошептал Солдат. — К тому времени, как лучи солнца разбудят троллей, нам нужно быть как можно дальше отсюда.

Глава двадцатая

К большому недовольству Спэгга, Солдат принялся осторожно обходить распростертые тела троллей, ища меч и волшебные ножны. Он нашел свое оружие висящим на выступе скалы. У подножия скалы лежала котомка, в которой, помимо всего прочего, находилась заколдованная кольчуга. Вернув себе меч, Солдат едва удержался, чтобы не надеть кольчугу и не перебить обитателей крепости — так велика была его ненависть к маленьким жестоким чудовищам, столько времени державшим их в плену без еды. Но все же он не дал волю своим чувствам и, закинув котомку на спину, вернулся к Спэггу, ждавшему у крепостной стены.

Перебравшись через высокую стену, беглецы стали спускаться по крутой тропе, ведущей в ущелье. По дороге им несколько раз встречались тролли-часовые, также перепившиеся хмельной браги и забывшиеся сном. Ворон летел впереди; его темный крылатый силуэт отчетливо выделялся на фоне белого снега. Наконец путники достигли реки и побежали по берегу в сторону запада. Однако не успели они преодолеть и полмили, как над заснеженным ущельем разнесся звук рожка. Тролли проснулись и обнаружили бегство пленников.

Ворон опустился на землю, призывая людей двигаться быстрее.

— Шевелитесь же! Не успеете опомниться, как волосатые маленькие твари вас догонят! Вам что, жизнь не дорога? Быстрее! Быстрее!

Люди бежали как могли, но они обессилели от голода. Спэгг, подгоняемый страхом, бежал быстрее, чем Солдат, которому

приходилось тащить котомку. И все же беглецы двигались слишком медленно, увязая в глубоком снегу. Достигнув небольшой рощицы с черными скрюченными деревьями, они остановились, чтобы немного отдышаться. Солдат, схватив меч, повернулся лицом к преследователям, готовый сражаться и умереть в бою, раз так распорядилась судьба.

Высыпав из крепости на вершине горы, тролли быстро спустились по крутым склонам в долину реки. Они бежали по глубокому снегу за своей добычей, размахивая над головами увесистыми палицами.

— Вот, — сказал Солдат, доставая из котомки боевой молот ханнака, — возьми, Спэгг.

— Если честно, я не слишком силен в рукопашном бою, — признался торговец. — Так я еще не расправился ни с одним противником. Я умею метать ножи, только и всего.

— Тоже неплохо, — заметил ворон.

— Если ты сейчас не будешь драться за свою жизнь, — проворчал Солдат, — тебя забьют дубинками до смерти. Бывает время, когда можно безмятежно созерцать красоты, но порой приходится действовать решительно.

— Все равно вам обоим крышка, — весело произнес ворон. — Смотрите, сколько их! Через несколько минут толпа троллей вас просто смоет. Что ж, Солдат, прощай, было очень приятно иметь с тобой дело. Кажется, мне пора улетать. Помочь я вам все равно ничем не смогу, а смотреть, как вас разорвут в клочья, не хочется.

Первым бежал Красный Носок. Толмач был в ярости. Похоже, он воспринял бегство как личное оскорбление своему гостеприимству.

— Вы люди плохой гости. Вы не говорить спасибо. Моя бить вас по голове, вбивать благодарность...

Спэгг с сомнением посмотрел на зажатый в руке молот.

— Что ж, — обреченно вздохнул он, — я не собираюсь расставаться с жизнью, скуля словно побитый пес. Надеюсь, убить тролля — это совсем не то же самое, что убить человека. Скорее это все равно что убить крысу. Всемилостивый Фэг, дай мне силы. Если ты помнишь, я был послушником в твоем храме, я выполнял свой долг перед Священной Семеркой. Не допусти, чтобы я умер как последняя собака в этой снежной пустыне. Спаси своего верного послушника, дай ему возможность и дальше служить тебе во всех храмах нашей страны. Я спою в твою честь хвалебные молитвы. Отслужу литургии, прочту литании — сделаю все, что хочешь, только сохрани меня от этих маленьких уродцев, Фэг! Я ведь прошу у тебя совсем немного, правда?

Подобно большинству неверующих, Спэгг перед лицом смерти тоже взывал о помощи к богам.

Беспорядочная толпа троллей, похожая на стаю облаченных в шкуры крыс, надвигалась на беглецов.

Тут возвратившийся ворон уселся на ветвь дерева.

— Сюда кто-то летит, — сказала птица. — Я едва успел спуститься с неба.

Двое людей, окруженных троллями, подняли взор к голубому небу и увидели приближающуюся красно-зеленую крылатую тень.

— Что это? — воскликнул Спэгг. — Это не птица. И не летучая мышь. Какая-то огромная летающая тварь... О богиня Кист, я знаю, ты ненавидишь людей, но что за крылатое создание ты натравила на нас?

Тень приближалась, увеличиваясь в размерах и принимая ясные очертания. Зеленое, с красным брюхом, голова больше плеч... Из длинных челюстей торчали острые белые зубы; в морозном утреннем воздухе сверкали черные когти.

— Дракон! — воскликнул Спэгг.

— Такой, что проглотит меня целиком и даже не заметит, — пожаловался ворон, пытаясь стать маленьким и неприметным. — Разумеется, на меня он даже не обратит внимания. Здесь полно двуногого корма, которого с лихвой хватит для утоления голода.

Гигантское крылатое создание опустилось на снег в нескольких ярдах от беглецов, прямо перед троллями, гнавшимися за своей добычей.

— СЛАХГГУС, — сказал дракон.

Это могучее существо было вдвое крупнее среднего медведя. Его длинные зеленые уши, окруженные пучками жестких желтоватых волос, двумя высокими башнями торчали над головой. Из похожих на пещеры ноздрей вырывались потоки горячего воздуха, от которых таял снег. Чудовище приподнялось на задних лапах и защелкало когтями своих передних, более коротких лап. А передние лапы, хотя и уступали в размерах задним, без труда могли одним ударом выпотрошить человеку внутренности.

Длинный нос дракона пересекала яркая полоса — личная отметина, если хотите, имя, по которому его узнавали в мире драконов. Каждый дракон любого вида имеет на носу отличительный знак, свойственный ему одному, зависящий от масти, размера самого дракона и размеров гребней у него на спине.

Это был еще совсем молодой самец, только-только достигший половой зрелости. Его багровые глазки жадно оглядели добычу. С одной стороны были люди, с другой — тролли. Предстояло сделать выбор.

И люди, и тролли с трепетом смотрели на дракона. И те, и другие понимали, что перед ними один из самых свирепых хищников на свете. Дракон, подобно акуле, сначала думает о том, как наполнить свой желудок, и лишь потом обо всем остальном. Теплокровные существа стояли, застыв словно изваяния, в ожидании, когда дракон сделает первое движение, после чего оставшиеся в живых могли бы обратиться в бегство. Кому-то обязательно удастся спастись, пока дракон будет пожирать его друзей; но одно не вызывало сомнения с того самого момента, как крылатое чудовище опустилось на землю, — оно обязательно будет есть.

Красный Носок, стоявший не шелохнувшись, чтобы не привлечь к себе внимание дракона, злорадно поделился с беглецами своими соображениями:

— Он есть вас! Он есть жирный сочный люди, не тощий жилистый тролль!

— После того как вы так долго морили нас голодом, мы уже не жирные и не сочные, — напомнил ему Солдат.

— Все равно вы толще тролль!

К сожалению, это была правда. Коротышки-тролли по самые плечи увязали в снегу, в то время как Солдату и Спэггу белый покров доходил лишь до бедер. Люди были видны дракону почти целиком и наверняка представлялись ему более вкусным и питательным блюдом. Солдат в отчаянии ждал, что из белой пустыни вдруг прискачет всадник в доспехах — тот самый, что спас его от ведьмы — и избавит их от дракона. Но всадник не появлялся, а огромная тварь внезапно метнулась вперед.

Красный Носок успел успокоиться. Он был убежден, что дракон в первую очередь съест людей, и у него будет время убежать.

Раздался пронзительный крик.

Еще мгновение назад Красный Носок стоял с самодовольной ухмылкой на лице — и вдруг он оказался в пасти дракона. Послышался хруст перекушенных костей, и тело тролля обмякло. Из разжавшихся пальцев вывалилась палица.

Забыв о Красном Носке, тролли бросились назад к своей горной крепости. Догнав одного из них, стремглав уносившего ноги, дракон откусил ему голову и проглотил ее целиком. Обезглавленное тело повалилось на снег, судорожно дергая конечностями. Дракон торопливо пожирал добычу, поразительно напоминая своими застольными манерами хищную птицу. Он почти не использовал передние лапы, затягивая мясо в пасть длинными зубами.

Расправившись с двумя троллями, дракон повернулся к людям, за все это время не тронувшимся с места. Во-первых, силы

окончательно оставили Солдата и Спэгга; во-вторых, они оцепенели от ужаса.

— КККЕРРРРОООУУ! — прохрипел дракон, проводя длинным горячим языком по голове Солдата. — КККЕРРРООООУУ!

Это урчание очень напоминало те звуки, которые издает кошка, когда просит, чтобы ее приласкали, — только, конечно, оно было гораздо громче.

— Подойди и погладь его, — хриплым шепотом произнес ворон.

— Что? — воскликнул Солдат, чувствуя, как у него на затылке волосы встают дыбом. — Ни за что!

— Ну же! Иди гладь!

В голосе ворона прозвучало что-то такое, что Солдат, неуверенно шагнув вперед, провел ладонью по голове дракона. Кожа чудовища на ощупь оказалась шелковистой и гладкой. Дракон снова довольно заурчал. Солдат опять погладил его. Опустившись на все четыре лапы, дракон облизал шершавым языком ему ноги, затем, поднявшись на задние лапы, взмыл в воздух. И все время, пока он летел, превращаясь в маленькую точку на горизонте, с неба доносился один и тот же клич:

— КЕРРОУУ! КЕРРОУУ!

Когда дракон улетел, Спэгг как подкошенный рухнул навзничь на снег.

— Клянусь теплыми носками Фэга! — с восторгом и облегчением пробормотал он. — Мы остались живы! Я был уверен, что нам конец. О, как приятно ощутить лицом холод снега! Я живой и теплый, живой и теплый, да, — причитал Спэгг, щипая себя. — Живой и теплый. Милостивые боги семи гор, разве впредь я когда-нибудь усомнюсь в вашем существовании?

— Что тут произошло? — спросил озадаченный Солдат, опускаясь в снег, чтобы прийти в себя. — Почему чудовище нас пощадило? Готов поклясться, оно сначала долго присматривалось к нам, а потом почему-то набросилось на троллей. Но ведь мы более вкусная трапеза, чем эти жесткие, жилистые существа?

Спэгг сел рядом.

— Почему — не знаю. Наверное, причина этого известна одному только дракону. Но я очень-очень рад, что все так произошло.

— Ошибаешься.

Люди подняли взгляд. Это сказал ворон, сидевший на ветке дерева.

— В чем он ошибается? — спросил Солдат.

— Мне, как и самому дракону, известно, почему он на вас не напал. Вы слышали тот звук, «КЕРРОУУ»? Так случилось, что я

близко знаком с драконами-самцами и владею их языком. Не думайте, я не хвалюсь; это очень простой язык, и выучить его совсем несложно. Драконы-самцы от того момента, как вылупляются из яйца, и до самой могилы произносят лишь пять слов: еда, мама, мое, сражаться и да.

— Разве у них нет слова «нет»? — спросил Спэгг.

— В течение всей долгой, богатой событиями жизни самцам-драконам их сородичи задают только один вопрос: «Сражаться?» На который, естественно, следует ответ «Да», поскольку соперничество неизменно происходит из-за права обладать какой-либо самкой.

— Ну а как насчет драконов-самок?

— О, у них богатый и сложный словарь, полный дифтонгов, пощелкиваний верхними и нижними альвеолами, с помощью которых выделяются герундий и сослагательное наклонение. Глаголы у них мягкие и певучие, а прилагательные резкие и взрывные. Когда самки обсуждают друг с другом своих подруг, лучше держаться от них подальше, иначе они с ног до головы забрызжут тебя горячей слюной. Их предложения как бы замыкаются сами на себя: последний слог совпадает с первым, образуя что-то вроде связующего звена. Например, если первым словом было «ВАЛУКУМЕ» — что значит «верховный правитель», — то последним будет что-нибудь вроде «ГНАСВАЛУ» — то есть «дохлая рыба»; как видите, первые и последние слоги в точности совпадают. Я очень плохо владею языком драконов-самок. Слишком много сложных нюансов, да и говорят на нем очень быстро. Своеобразный этикет требует, чтобы ответ прозвучал быстрее, чем был задан вопрос. Поскольку в разговоре приходится часто задавать вопросы и получать ответы, речь все более и более ускоряется, в конце концов превращаясь в однообразный гул, похожий на жужжание пчелы или треск кузнечика.

— Да я так, только спросил, — проворчал Спэгг.

Солдат зачарованно слушал ворона, хотя у него мелькнуло сомнение, что птица выдумала весь драконий язык лишь для того, чтобы подурачить двоих путников.

— Ну и почему самцы употребляют только пять слов, в то время как женщинам требуются тысячи?

— Сотни тысяч. Наверное, это потому, что у самок всегда найдется тема для разговора. Например, они очень разборчивы в еде и предпочитают овощи и фрукты мясу. У них есть названия не только всем растениям; каждый цветок имеет несколько наименований, обозначающих его форму, цвет, возраст... Так, «ТАНАЛ» — это темно-зеленый листок щавеля с грубой обратной сто-

роной, в то время как «ТАНИЛ» — уже светло-зеленый листок щавеля с острой кромкой. Понимаете, что я хочу сказать? Сплошные нюансы.

Солдат укрепился в убеждении, что ворон просто издевается над ними.

— Ладно, когда дракон — наш дракон, тот, который сожрал двоих троллей — крикнул «СЛАХГГУС», он имел в виду...

— Еда.

Солдат глубокомысленно кивнул.

— Разумно. Ну а «КЕРРОУУ»?

— Мама.

Солдат недоуменно нахмурился.

— Что?

— Это слово означает «мама». Так к тебе обратился дракон. Вот почему он тебя не тронул. Точнее, *нас*. Потому что ты его мать, а мы находились под твоим покровительством.

Внезапно Солдата озарила догадка.

— То яйцо, которое я нашел на горе Ккамарамм! Я был первым, кого увидел крошка-дракон, вылупившись на свет. Я его кормил.

— Ну вот, загадка и разрешилась, — заявил ворон. — Ты голубоглазый, следовательно, тебя ни с кем не спутаешь, мой двуногий друг. Значит, ты мать дракона? Учти, кража яиц считается у драконов очень серьезным преступлением. Как и то, что кто-то выдает себя за мать. На твоем месте я бы впредь обходил стороной гнезда в горах.

Где-то около полудня птица оставила людей. Солдат и Спэгг продолжали бороться со снежными заносами, продвигаясь на запад к горам Священной Семерки. На склонах этих гор обитали колдуны, причем в таких количествах, в каких они не встречались больше нигде в Гутруме. Правда, надо уточнить, что для колдунов дюжина — это уже очень много. Им нравится жить ближе к богам, там, где воздух заряжен тайной и предрассудками. Колдуны редко стремятся к соседству с простыми смертными.

В горах Священной Семерки Солдат надеялся найти колдуна, который излечил бы его жену от безумия и, возможно, разрешил бы загадку его собственного беспамятства.

На следующее утро путники охотились за оленихой. Чувство голода, терзавшее их, стало невыносимым. Загнав благородное животное в густую рощицу, венчавшую пологий холм, Солдат и Спэгг разделились. Торговцу руками предстояло выгнать олениху из рощи. Солдат, смастеривший лук и стрелы из тиса и прутьев

ясеня, притаился на опушке, дожидаясь, когда выбежит вспугнутое животное. С луком Солдат обращался гораздо хуже, чем с арбалетом, но надеялся, что с близкого расстояния не промахнется.

Спэгг вошел в рощицу с противоположной стороны, колотя лезвием кинжала по чаше. Олениха выскочила на опушку.

Солдат припал на колено, и когда испуганное животное, двигавшееся очень быстро, несмотря на глубокий снег, поравнялось с ним, выпустил стрелу. Стрела впилась оленихе под левую лопатку, и раненое животное упало.

— Я ее убил — мы ее убили! — воскликнул Солдат.

Внезапно из расщепленного ствола дуба появилось еще одно существо — карлик, скрывавшийся в дупле от зимних буранов.

— Это моя добыча! — крикнул карлик. — Я ее подстрелил!

Подошедший сзади Спэгг дал карлику оплеуху.

— Да у тебя даже лука нет, маленький обманщик. Убирайся прочь, пока я не начал терять терпение!

Карлик убежал в лес, выкрикивая ругательства.

Тем временем Солдат бежал что есть сил, преследуя поднявшуюся с земли олениху. Когда он настиг раненое животное, оно было еще живо. Олениха лежала на боку, обагрив кровью белый снег. В больших карих глазах застыл ужас. Животное попыталось встать, брыкаясь, взбивая копытами тонкое покрывало снега, закрывшее наст утром... но, обессилевшее от потери крови, падало на землю.

— Бедняжка, — с сожалением пробормотал Солдат. — Какая же ты красивая!

Он не слишком сожалел о том, что убил это благородное животное, ибо они со Спэггом буквально умирали с голоду. И все же на него произвели впечатление страх и отчаяние раненой оленихи. Опустившись на колено, чтобы перерезать ей горло, Солдат обнаружил у нее на шее черный бархатный ошейник, усыпанный драгоценными камнями. На ошейнике была прикреплена серебряная пластинка с выгравированной надписью:

«Не смей трогать меня, ибо я принадлежу Цезарю».

— Что это? — воскликнул Солдат. — Ручной олень? Если у него есть хозяин, что он делает здесь, в этой глуши?

Нагнувшись, он вытащил стрелу из раны. Поскольку наконечник был прикреплен к древку наспех, тем, что подвернулось под руку, рана оказалась неглубокой. Стрела без труда вышла из нее, и олениха, вскочив на ноги, понеслась по заснеженному полю к виднеющемуся вдалеке холму.

Как раз в этот момент к Солдату подбежал Спэгг.

— О страшная чума и другие смертельные болезни! — разочарованно выругался торговец руками. — Возьмите меня прямо сейчас, ибо у меня больше нет сил, чтобы охотиться!

Он обессиленно повалился на землю рядом с Солдатом, все еще стоявшим на коленях, с лицом, залитым слезами.

— Что здесь произошло? — простонал Спэгг. — Мне казалось, добыча у тебя в руках!

— Да, была, была, — ответил Солдат, не в силах оторвать взгляда от удаляющейся оленихи. — Но это... это оказался ручной олень. У него ошейник с табличкой, на которой написано: «Не смей трогать меня».

— Знаешь, а на вкус они ничуть не хуже! — крикнул Спэгг. — Ручным он был или диким, его мясо пришлось бы по нраву моему желудку, в настоящее время жалующемуся так громко, что слышно, наверное, в Зэмерканде.

— Пойдем следом, — предложил Солдат, заметив цепочку капель крови. — Уверен, он рухнет, не пройдя и мили. Наш ужин никуда не денется.

Нехотя поднявшись на ноги, Спэгг побрел следом за Солдатом.

Они целый час тащились по глубокому снегу до ближайшего холма. Там их встретил коренастый дородный мужчина верхом на лошади. Густая черная борода скрывала пол-лица, голову венчала бархатная шапочка с приколотой красивой золотой брошью. Одежду незнакомца, сшитую из парчи и отделанную мехом горностая, не погнушался бы надеть и король, шею украшала толстая золотая цепь с массивной золотой бляхой. Ноги всадника были в лосинах из нежной оленьей кожи, перетянутые крест-накрест подвязками, высокие кожаные сапоги были настолько мягкие, что на лодыжках собрались элегантными складками. Седло на породистом белом жеребце представляло собой настоящее произведение искусства.

— Ты, случайно, не видел... — начал было Спэгг, но Солдат поднял руку, останавливая его.

— Кто вы, сэр? — спросил он, обращаясь к всаднику. — Это ваши земли?

— Я Цезарь, алхимик, и эти земли действительно принадлежат мне, — низким, грудным голосом ответил всадник. — Вы занимаетесь браконьерством.

— Каким браконьерством? — настороженно спросил Солдат. — Мы никого не убили.

— У тебя в руках лук. Вы оба выглядите голодными. Вы идете по кровавому следу.

— Признаю, мы действительно голодны, — согласился Солдат, — но мы не гнусные воры.

— Лесные карлики уже разворовали половину моей дичи. Они ловят ее в силки. Пойманное в силки животное умирает очень медленно. Это жестокое приспособление. Надеюсь, вы не пользуетесь силками?

— Нет, что вы, — ответил Солдат, — и капканами тоже. Мы честные охотники, бьем дичь из лука.

— В таком случае, господа, прошу пожаловать ко мне в гости. В моем доме вы найдете тепло и уют. Как раз сейчас моя жена готовит ужин, и скоро ваши желудки снова наполнятся, а кровь в жилах согреется.

С этими словами великан развернул своего коня.

Поднявшись на холм, путники увидели большое одноэтажное строение на берегу озера. Из крыши к небу, затянутому несущимися белыми облаками, поднимались двадцать высоких труб. По углам стояли невысокие круглые остроконечные башенки. Окна были узкие — такие делают для того, чтобы суровой зимой сохранять в доме тепло, а жарким летом — прохладу. Поднимавшийся над трубами дым наполнял воздух запахом сосновых дров.

— Вот мое жилище, — сказал Цезарь-алхимик. — Добро пожаловать, господа.

Спешившись, великан провел коня во внутренний двор и отдал поводья карлику-кучеру. Тот отвел породистого жеребца на конюшню. Хозяин и его гости прошли через двор, заваленный кучами конского навоза, к черному входу и попали сразу на кухню. Здесь пахло так вкусно, что изголодавшимся путникам показалось, будто они попали в рай.

— Сюда, сюда, — окликнул их Цезарь, указывая на дверь в глубине кухни. — Проходите в залу.

Солдат и Спэгг оказались в просторной зале. На стенах висели щиты и оружие как для охоты, так и для войны. Пол был вымощен черными плитами; стены и потолок обиты прочными досками красного дерева. Вокруг большого стола, изрезанного ножом, стояли массивные дубовые стулья с высокими спинками. Вместо гобеленов стены были завешаны выделанными шкурами, сохранявшими тепло. В огромном камине весело трещал огонь; на нем жарилась целая говяжья туша, насаженная на вертел. У камина стояла красивая молодая женщина в бархатном платье.

Подняв взгляд, она улыбнулась. У нее были большие, мягкие карие глаза. На плече под тонким зеленым бархатом виднелась повязка, на которой проступило красное пятнышко размером с

мелкую монету. Женщина была втрое моложе Цезаря, невысокая и стройная; ее овальное лицо с маленьким носом и тонкими алыми губами показалось Солдату одним из самых прекрасных женских лиц, которые ему доводилось видеть. Волосы ниспадали из-под небольшой зеленой шапочки пышными блестящими темными локонами.

Солдат обратил внимание, что корсет платья хозяйки перетянут крест-накрест.

— Дорогая, — сказал Цезарь, — эти люди проголодались. Я пригласил их разделить с нами трапезу.

— Хорошо, муж мой, — последовал ответ. — Гостеприимство является первым правилом нашего дома.

Солдат шагнул вперед.

— Госпожа, ведь вы ранены. Ваше плечо...

Женщина натянула платье на повязку.

— Ничего страшного. Пожалуйста, не обращайте внимания, сэр. Я укололась о шипы розового куста.

Шипы розового куста? Что она делала в розарии в такую погоду?

Солдат сделал шаг к хозяйке — и вдруг отшатнулся.

На шее у молодой женщины была черная бархотка с серебряной пластинкой. С такого расстояния Солдат не мог прочесть, что выгравировано на пластинке, но он и так догадался: «Не смей трогать меня, ибо я принадлежу Цезарю». Солдат устыдился того, что сделал с оленихой, и в то же время его напугала сила магии хозяина этого дома. Если стрела ранила женщину в образе оленя, что она делала, бегая по снежной пустыне? Откуда она появилась, когда охотники наткнулись на нее в рощице?

— Садитесь за стол, — распорядился хозяин, — а я отрежу вам куски от этой туши. Крессида, ты не могла бы сходить на кухню за хлебом? Захвати также овощей и, разумеется, кувшины с мальвазией и медом. Пожалуйста, подогрей мальвазию перед тем, как разливать ее по чашам: в холодную погоду от горячей мальвазии на душе становится приятно, ты согласна?

— Да... да, согласна, муж мой.

Крессида удалилась на кухню.

— Ваша... ваша жена, — смущенно кашлянул Солдат, — она ранена.

Хозяин дома, посмотрев вслед ушедшей, кивнул.

— Да-да, бедняга. Сегодня утром она поехала кататься верхом и вернулась с раной. Крессида уверяет, что укололась о ветку розы, но я подозреваю, что ее случайно ранили карлики-браконьеры. Она

всегда выгораживает этих созданий. Надо будет разобраться с ними. Следовало бы повесить негодяев на дубе, но, полагаю, к тому моменту, как они окажутся у меня в руках, мой гнев поостынет, и все ограничится хорошей взбучкой. Впрочем, не забивайте себе голову моими делами, прошу вас! Кушайте на здоровье! Чувствуйте себя как дома.

Солдат снова неуверенно кашлянул.

— Я... мы... то есть мы ведь тоже охотились в ваших владениях. Да хранят нас всемогущие боги, надеюсь, это не одна из моих шальных стрел...

Алхимик отчаянно затряс головой.

— Нет-нет, нет.

— Но ведь мы могли...

Казалось, Цезарь начинает сердиться.

— Я же сказал, сэр, вы тут ни при чем. Будьте добры, не спорьте со мной. Я знаю, что произошло с моей супругой. Меня обо всем информировали.

— Прошу прощения, — извинился Солдат. — Я не хотел вас обидеть сомнением. Просто мне невыносима мысль, что я, провинившись перед вашей женой, сижу за столом в вашем доме... По мне лучше покончить с этим неприятным происшествием. Я готов попросить прощения у вас и у вашей жены, и только когда вы примете мои извинения, я смогу пользоваться вашим гостеприимством... Однако, — поспешно добавил он, увидев, что алхимик снова начинает сердиться, — если мы ни в чем не виноваты, естественно, нет никакой надобности ворошить это дело.

— Вот именно, вот именно. Ага, хлеб и вино! — Голос Цезаря снова стал веселым и добродушным. — А также замечательные овощи; я заморозил их у себя на леднике. Хороший ужин снова превратит тебя в крепкого молодого парня.

— А меня? — поинтересовался Спэгг.

— А тебя в то, чем ты был перед тем, как стать закоченевшим трупом, — рассмеялся алхимик. — Кушайте, кушайте на здоровье! И пейте от души. Возблагодарим богов, что вы встретили меня до того, как обессилели от голода и упали в снег. Потом я покажу вам комнату, где я делаю золото из свинцовых чушек. Господа, обещаю, вы будете поражены. Этому мастерству я обучился в далеких восточных странах, в городах Садоне и Тарге, расположенных на берегах великих рек Эллпрата и Исгана. Лишь два человека на всем белом свете знают этот секрет — Фэг из Исгана и я.

Однако я отвлекаю вас от ужина. Пожалуйста, берите вилки. Выслушаем за едой ваш рассказ.

Глава двадцать первая

Солдат рассказал хозяину и хозяйке, что они со Спэггом ищут колдуна, который исцелил бы жену Солдата и ее сестру, королеву Зэмерканда, от приступов безумия. Крессида заметила, что только очень мужественный человек может отправиться в такое опасное предприятие сейчас, в смутные времена умирающего Короля магов. Цезарь поддержал жену, добавив, что он сам поступил бы так же ради своей супруги, если бы на нее было наложено подобное заклятие.

— Но вы кушайте, кушайте, — постоянно повторял хозяин. — А ты, Спэгг, чем занимаешься?

Как гости ни старались, им не удавалось донести угощение до рта. Как только они насаживали на вилки сочный кусок, хозяин задавал очередной вопрос, и правила вежливости и приличий требовали, чтобы на него ответили. В то же время сам хозяин уплетал за обе щеки, мясо и овощи исчезали с блюд с поразительной быстротой. В конце концов Спэгг, не выдержав, не ответил на последний вопрос Цезаря, набив рот мясом, картошкой и хлебом. Он затолкал туда столько, сколько поместилось за щеками, к большому раздражению хозяев.

— Сэр! — укоризненно воскликнула молодая женщина.

Солдат был рад вмешательству. Ему тоже удалось быстро проглотить кусок мяса, пока хозяин и его супруга выражали недовольство манерами Спэгга.

Трапеза продолжалась, однако очень трудно насытиться, непрерывно отвечая на поток вопросов, и Солдат встал из-за стола неудовлетворенным. Спэгг также шепотом пожаловался, что нисколько не наелся. Впрочем, путники постеснялись высказать свои замечания хозяевам, несмотря на то что кувшины с вином, два или три раза обошедшие стол, переходя от алхимика к его супруге, не остановились и даже не задержались перед гостями. Хозяева, похоже, этого не замечали, а гости были слишком смущены, чтобы на них обижаться.

— Пойдемте, я покажу вам комнату, где делаю золото, — воскликнул Цезарь, когда Солдат и Спэгг вытерли свои блюда корочками хлеба, чтобы собрать последние капли натекшего жира. — Пойдемте-пойдемте, не стесняйтесь.

Гостям пришлось встать, так как хозяйка буквально выдернула из-под них стулья.

Солдат и Спэгг прошли по коридорам мимо многочисленных дверей и наконец оказались в помещении, заставленном стеклян-

ными бутылями, бронзовыми инструментами и всевозможными измерительными шестами. Хозяин, вкратце введя их в курс алхимии, заявил, что, разумеется, не может рассказать, как превращать простые металлы в золото, ибо этот секрет должен принадлежать избранным.

— А здесь что? — спросил Спэгг, поднимая темно-зеленую бутыль и разглядывая ее содержимое.

— Болиголов.

Поставив бутыль, Спэгг тотчас же взял другую, наполненную густой, тягучей жидкостью.

— А здесь?

— Ртуть.

— Ну а это что? — спросил торговец руками, показывая небольшую бутылку.

Очевидно, алхимик собирался произвести впечатление на своих гостей; ему хотелось не только отвечать на вопросы, но и спрашивать самому. Он недовольно замахал рукой перед носом у Спэгга.

— Чистый спирт, — резко произнес Цезарь. — Ничего экзотического. А вот здесь очень редкий ингредиент. — Взяв пузырек, сделанный из ляпис-лазури, он протянул его Солдату. — Мускусное масло.

— И что вы с ним делаете? — спросил тот.

— Как что, использую в качестве духов, — ответил Цезарь, откупоривая флакон и смачивая парой капель свою бороду. — Во время охоты мускусное масло помогает приманивать оленей.

У него за спиной Спэгг тем временем обнюхивал и рассматривал бутылку со спиртом. Солдат увидел в бронзовое зеркало, как торговец руками вытаскивает пробку. От него не укрылось, что, когда Спэгг поставил бутылку обратно на полку, жидкости в ней было меньше. Значительно меньше.

— Слушайте, я совсем готов, — объявил Спэгг, когда они вышли в коридор. — Я так устал, что не могу идти прямо.

Цезарь нахмурился, что-то заподозрив, но так и не смог догадаться, что же произошло со Спэггом.

— Предлагаю вам выспаться на мягких кроватях, с одеялами и подушками, — сказал алхимик. — Я попрошу жену проводить вас в ваши спальни.

Хотя снаружи дом казался одноэтажным, в действительности в нем было два этажа. Спэггу отвели комнату на первом этаже, у деревянной лестницы. Рыночного торговца оставили отдыхать, а затем хозяйка проводила Солдата в уютную спальню в середине

дома. Застелив кровать, она задержалась в дверях, следя за Солдатом черными оленьими глазами. Тот смущенно переминался с ноги на ногу, дожидаясь, когда молодая женщина оставит его одного.

— Миледи, — наконец не выдержал он. — Если не возражаете, мне бы хотелось положить голову на подушку.

— Да, — просто ответила хозяйка, не двигаясь с места.

— Но... но я не могу лечь в кровать, пока вы здесь.

Она подняла брови.

— Почему?

— Это неприлично.

— Не представляю себе, с чего вы так решили, — довольно резко ответила хозяйка. — Однако если вам неприятно на меня смотреть...

— Нет-нет, у вас божественное лицо. С тех пор как я оставил жену в Зэмерканде, я не видел ничего столь прекрасного. В том-то все дело — полагаю, моя жена этого бы не одобрила. Как, думаю, и ваш супруг. Мы с вами случайные знакомые, миледи, мы ведь даже не друзья. Пожалуйста, я хочу умыться в этой лохани, но только чтобы за мной не подглядывали.

Молодая женщина недоуменно пожала плечами, признавая свое поражение.

— Раз вы настаиваете...

С этими словами она вышла из комнаты, оставив после себя чарующий запах мускуса. Солдат вспомнил, что первый раз встретил ее в облике оленя. Он вздохнул. Подойдя к лохани, Солдат налил в нее воды из кувшина и вымыл лицо и руки. Затем, тщательно заперев дверь, разделся и лег в постель. Вскоре он согрелся и крепко заснул.

Через какое-то время Солдат проснулся, услышав пение волшебных ножен. Он уселся в кровати, вспоминая, куда положил меч. В комнату вошел хозяин дома. И тут Солдат обнаружил, что рядом с ним в кровати кто-то лежит. Обернувшись, он с ужасом увидел, что это супруга хозяина, Крессида — крепко спит, свернувшись калачиком и положив голову на подушку. Поспешно прикрыв ее одеялом, Солдат сел так, чтобы скрыть от Цезаря эту половину кровати.

— Пора вставать! — крикнул стоящий в дверях алхимик. — Сегодня вечером я приглашаю вас поохотиться на оленя. Встречаемся внизу через час.

Пораженный Солдат проводил взглядом удалившегося Цезаря.

Солдат снова отдернул одеяло. Густые локоны, ниспадавшие с подушки, обрамляли прекрасное женское лицо. На колене Солдата лежала тонкая бледная рука, перебинтованная в плече. Нежная

белая грудь выступала из-под простыни, а ее близняшка вздымалась и опускалась в такт тихому дыханию Крессиды. К бедру Солдата прижалось что-то шелковистое.

Он пришел в ужас. Видел ли хозяин у него в постели свою жену? Хвала богам, он ни в чем не виноват.

— О чем ты думаешь?

Солдат повернулся на звук.

Крессида проснулась. Ее большие влажные глаза с удивлением смотрели на него.

— О своей жене.

— Как мило!

Усевшись в кровати, молодая женщина кокетливо зевнула. При этом ее шелковая ночная рубашка распахнулась, открывая верхнюю половину тела.

Застонав, Солдат отвернулся.

— Мы не... — начал было он. — То есть... как тебе удалось забраться ко мне в постель так, что меня не предупредили волшебные ножны?

— А, поющие ножны? Я слышала их песню. Должно быть, ты спал так крепко, что не проснулся.

— Я спал крепко, — с облегчением произнес Солдат. — Следовательно, мы только лежали рядом и не... не занимались...

— Не занимались чем?

— Друг другом — то есть чувствами друг друга.

Крессида надула губки.

— Я была очень расстроена этим. И нечего гордиться. Ты меня обидел. Я не смогла тебя разбудить. Сэр, ваши манеры оставляют желать лучшего.

Она игриво погрозила ему пальцем.

— Извини, — произнес Солдат, соскакивая на пол. Он обрадовался, узнав, что сохранил верность Лайане. — Я не хотел ответить неблагодарностью за твое гостеприимство.

Появившийся в дверях Спэгг, увидев Солдата, натягивающего рейтузы, также заметил, что в кровати находится обнаженная женщина, и печально покачал головой.

— Вот и верь тебе после этого. Не смог устоять перед смазливой мордашкой, да? Похоже, ты сошел с ума.

— Все обстоит не так, как ты думаешь, — попытался оправдаться Солдат.

— Ну конечно!

— Честное слово. Дама пришла ко мне после того, как я заснул. Я тут совершенно ни при чем.

— Мне бы так повезло!..

— Возможно, когда-нибудь повезет и тебе, Спэгг. Ну а до тех пор ты должен верить. У нас с этой дамой ничего не произошло. Мы с ней... мы с ней просто разделили ложе. Кстати, — продолжал он, склоняясь к самому уху Спэгга, — ее супруг ни о чем не догадывается; по-моему, он и дальше должен оставаться в полном неведении.

— Я возвращаюсь к себе, — высокомерно заявил Спэгг. — Спокойной ночи.

Спустившись в залу, Солдат нашел там хозяина, расхаживающего взад и вперед.

— А, вот вы наконец! — нетерпеливо воскликнул бородатый великан. — Пошли же скорее. Взошла полная луна. Я приготовил двух лошадей. Кстати, вы не видели мою жену?

— Госпожу Крессиду?

— У меня только *одна* жена.

Солдат поперхнулся.

— Да-да, конечно. Так, когда я видел ее в последний раз...

Он закатил глаза, словно напрягая память. Наконец у Цезаря лопнуло терпение.

— Ну ладно, ладно, забудьте об этом. Сегодня вечером мы найдем замечательного оленя. Надевайте меха, которые я вам приготовил — вот, в такую стужу надо одеваться теплее.

Хозяин дома подошел к дверям в конце залы и распахнул их настежь. На улице под ясным небом, щедро усыпанным звездами, стоял карлик-конюх, державший двух черных лошадей. Рядом стоял второй карлик с двумя арбалетами. Вскочив на коня, Солдат взял арбалет. Цезарь уже скакал вперед по заснеженному полю к темнеющему вдалеке лесу. Солдат последовал за ним. В ярком лунном свете вырывающийся у него изо рта пар казался снежным облаком.

Ночь действительно была прекрасная. Над снежной пустыней далеко разносилось гулкое тявканье лисиц. Горностай охотился на мышей и полевок. Зайцы-беляки сливались с белым фоном, и только их глаза сверкали в свете полной луны. Воздух был прозрачным и чистым. Среди молчаливых болот под коркой льда бурлили и пузырились ручейки. Древние каменные валуны возвышались заснеженными часовыми; лица одних были исчерчены магическими символами, другие оставались девственно-чистыми. Кривые деревья утыкались в сереющее небо черными прожилками ветвей.

Цезарь скакал впереди, трубя в охотничий рог.

Поднявшись на холм, охотники увидели костер, горящий посреди занесенной снегом лужайки. Вокруг костра плясали около

сотни карликов, мужчин и женщин, а между ними сновали дети. Все танцоры были в кожаных шапках с наушниками, хлопающими им по головам в такт барабанам и свирелям. Тела карликов были прикрыты грубыми шерстяными рубахами, а лосины сшиты из той же кожи, что и шапки. Обуты они были в большие деревянные башмаки.

— Свадьба карликов, — проворчал Цезарь. — Надеюсь, маленькие негодяи не спугнули оленя.

Карлики установили в снегу длинный деревянный стол, ломящийся от всевозможных яств. Повара в фартуках носились взад и вперед с подносами, уставленными снедью и питьем. В противоположных концах стола сидели мужчина и женщина. На женщине было одеяние из елового лапника, на волосах, груди и коленях висели шишки. Мужчина был в жестких доспехах, судя по всему, вырезанных из древесной коры. У него над головой оленьими рогами возвышались дубовые ветви. Мужчина и женщина, как и полагается новобрачным, смотрели только друг на друга.

— Хо! — крикнул Цезарь, пуская коня галопом.

Карлики испуганно застыли на месте, готовые броситься врассыпную. В их глазах появилась паника. По-видимому, пирующие были так увлечены весельем, что не заметили приблизившихся всадников.

— Спокойно, спокойно, — усмехнулся Цезарь, — сегодня я охочусь не на карликов. — По его зловещему смеху Солдат понял, что бывают и другие дни. — Мы с моим гостем собираемся загнать оленя. Отвечайте, бродяги, вы видели оленьи следы? Выкладывайте все начистоту, и мы тронемся дальше, а вы продолжите свою гулянку.

Вперед вышел пожилой карлик. На нем была куртка, сшитая из мешка из-под муки, с грубыми деревянными чурками вместо пуговиц. Старик ткнул пальцем в сторону.

— Вон там, господин, в Мистлемском лесу. Только сегодня утром я своими собственными глазами видел следы прекрасного оленя.

— Вижу, вы жарите на костре вместе с каштанами одного моего зайца...

Испуганно взглянув на костер, старик-карлик смущенно улыбнулся.

— Это всего лишь кролик, мой господин, а вовсе не заяц вашей милости.

— А, кролик! С такими длинными ушами? Ну ладно, я вас прощаю. Свадьба есть свадьба. Сегодня вы веселитесь, а завтра я буду охотиться на браконьеров. Гуляйте!

— В Мистлемском лесу, господин.

— Я тебя слышал.

С этими словами Цезарь тронул коня.

Солдат оглянулся на карликов. Казалось, веселье разом покинуло их.

— Я постараюсь убедить его, что это был кролик, — заверил карликов Солдат. — Так что не горюйте заранее.

Карлики недоуменно смотрели на него, словно на безумца.

— Кто ты такой? — наконец спросил старик.

— Меня зовут Солдат. Я гощу у Цезаря.

— Будь осторожен, Солдат. Ты даже представить себе не можешь, как часто меняется настроение у твоего хозяина. А его поступки такие же загадочные, как его мысли. Быть может, сегодня он считает тебя своим другом, но завтра все может перемениться. Постарайся не дать ему никакого повода.

— Повода к чему?

— Чтобы взвалить на тебя вину за то, что взбредет ему в голову.

Солдат догнал Цезаря на опушке большого темного леса.

— Мистлемский лес, — пробормотал алхимик. — Будем искать следы оленя.

— То мясо, которое жарилось на костре, — сказал Солдат. — Я присмотрелся к нему внимательнее. По-моему, это действительно кролик, а не заяц. Наверное, уши вытянулись, когда его освежевывали.

Прищурившись, Цезарь пристально посмотрел на гостя, но ничего не сказал.

Солдат, сделав все, что было в его силах, пустил коня шагом вдоль опушки. Вскоре ему удалось отыскать следы. Он окликнул алхимика, и тот примчался рысью. Охотники поскакали по следу, петлявшему по лесу мимо пруда на гребне пологого холма, через заросли папоротника и до края болота. Здесь они увидели могучего самца, щиплющего кустики камнеломки. Некоторое время охотники молча смотрели на оленя, восторгаясь его красотой. Солдат, как всегда, ощутил укол стыда. Какая жалость убивать такое прекрасное животное.

— Этот олень мой, — прошептал Цезарь. — А завтра будет ваш. — ХО! ХО! — закричал он, пуская коня галопом. — Оп, оп, оп!

Олень понесся в глубь болота.

Охотники получили огромное наслаждение от погони. Хотя Солдат и не собирался убивать благородное животное, его захватил охотничий азарт. Он упивался быстрым бегом коня, свистом ветра в распущенных волосах. Скакать верхом ночью очень опас-

но; конь в любой момент может попасть ногой в кроличью нору и сбросить своего седока так, что тот свернет себе шею. Но опасность, смешанная с восторгом погони, наполнила радостью сердце Солдата.

Охотники постепенно нагоняли оленя. Наконец Цезарь решил, что пора стрелять. Когда олень взмыл высоко вверх, перепрыгивая через замерзший ручеек, алхимик вскинул арбалет к плечу и выпустил стрелу.

Стрела попала под переднюю ляжку. Олень издал крик отчаяния; передние ноги подогнулись. Затем раненое животное медленно повалилось на бок и рухнуло в снег. Олень лежал, учащенно дыша, а у него из груди торчал черный стальной прут. Быстро соскочив с коня, Цезарь выхватил из-за пояса охотничий нож и одним взмахом перерезал добыче горло.

Подъехал Солдат. Лунный свет сверкал на рыжей шкуре оленя. Его глаза уже начинали стекленеть. Цезарь торопливо срезал рога, отделяя их от головы. Наконец окровавленные ветви остались у него в руках, роняя красные капли на снег.

— Замечательные рога, правда? — воскликнул Цезарь. — Только ради них уже стоит охотиться. Тушу мы оставим здесь и заберем утром. С ней ничего не случится. Карлики не посмеют ее тронуть, а поскольку ночь морозная, мясо не успеет протухнуть.

— А как насчет волков? — поинтересовался Солдат. — Вы не боитесь, что они сожрут оленя?

— В здешних местах волков нет.

— Нет?

— Нет. Я их всех перебил.

Солдат недоуменно заморгал. Перебить всех волков! Конечно, волки — не самые обаятельные существа на свете, но уничтожить всех до одного — великая глупость. Волки имеют свое место в природе, так же, как и зеленые кузнечики и жуки-навозники. Уничтожить полностью какой-то живой вид — значит проделать дыру в ткани мироздания. Солдат решительно настроился как можно быстрее покинуть дом Цезаря.

— Я опять о тех карликах, — начал Солдат по дороге назад. — Уверен, они не хотели охотиться на ваших зайцев. Буду вам очень признателен, если вы сделаете мне одно одолжение. Пусть этот заяц будет вашим свадебным подарком, хорошо? Не надо их наказывать. А для вас это такой пустяк!

Цезарь натянул поводья своего коня.

— Вы сказали, будто поверили карликам, что это был кролик.

— Да, поверил, но вы, похоже, им не поверили.

— Берегитесь, сэр, — тихо произнес Цезарь, и в его голосе прозвучала угроза. — Я не допущу, чтобы мне читали нравоучения.

— Что вы, я только попросил вас о маленьком одолжении.

— Вы и так злоупотребляете моим гостеприимством. Еще немного, и вы попросите позволения переспать с моей женой.

Солдат с шумом втянул воздух.

— Нет, не попрошу.

— Точно не попросите? — высокомерно спросил алхимик. — Это мы еще посмотрим. А сейчас мы подъезжаем к дому. Возьмите мою лошадь. А я еще немного побуду здесь, на свежем воздухе.

С этими словами Цезарь спешился и отдал Солдату поводья своего коня. Затем, прихватив оленьи рога, он отошел назад и остановился под старым кряжистым дубом. Солдат, оглянувшись, пустил своего коня шагом, ведя на поводу лошадь хозяина. Доехав до конюшни, он передал карлику лошадей, а сам осторожно прошел в дом и поднялся по лестнице.

Проходя мимо окна, Солдат не удержался и выглянул на улицу.

На освещенном лунным светом заснеженном лугу он увидел невероятное зрелище. Там был мужчина. По крайней мере *вначале* это был мужчина. Но прямо на глазах у Солдата на голове у этого человека выросли ветвистые рога, и он превратился в оленя-самца. И еще там была женщина. По крайней мере *вначале* это была женщина, бегавшая по двору. Но на глазах у Солдата женщина превратилась в олениху. Самец погнался за самкой, громко стуча копытами по твердой, мерзлой земле. Когда он настиг ее где-то в заснеженной дали, свершился акт неистового спаривания. Сильный аромат мускуса донесся до самого дома, до окна, приторный, удушливый, наполнивший мысли Солдата призрачными образами тел, сплетенных в порыве страсти.

От Солдата не укрылось, что на шее оленихи был бархатный ошейник.

В сильном возбуждении он лег спать, надеясь, что ему будет сниться его возлюбленная Лайана. Хотя перед этим Солдат крепко запер дверь, его не оставляло беспокойство, насколько надежны запоры.

Солдат проснулся среди ночи, услышав крик совы. У него на груди сидела обнаженная Крессида. В руках у нее были оленьи рога. Солдат попытался было усесться в кровати, но Крессида приложила рога к его вискам. Концы рогов накрепко приросли к голове.

— Ааайййй! — воскликнул Солдат. — Что ты наделала!

Оттолкнув от себя смутно белеющее в полумраке женское тело, он схватился за рога, пытаясь сорвать их с головы.

Они даже не шевелились, словно успели врасти в череп.

Крессида рассмеялась.

Солдат разглядел у нее на шее бархатную повязку с серебряной табличкой, на которой было написано: «*Не смей трогать меня...*»

Он пробовал сопротивляться.

Бесполезно. От рогов по всему его телу разлилась какая-то странная смесь необычных чувств. Казалось, он одурманен пьянящим зельем и в то же время очень остро ощущает все окружающее. Его рассудок словно ускользнул от него, уступив место первобытной способности заглядывать в самую суть диких существ. Рот Солдата наполнился вкусом грибов, древесной коры, мха и многих других лесных и луговых растений. В висках гулко стучала кровь, чувства обострились, он был на грани безотчетного ужаса, в то же время оставаясь внешне спокойным. Кровь понеслась по жилам, оживляя мышцы ног, рук, плеч, живота, наполняя до предела пах, готовый вот-вот лопнуть. Внутри вскипела неукротимая похоть.

— Да! — воскликнул Солдат, подаваясь к женщине. — Да! Сейчас!

Порыв сладострастия захлестнул все тело. Он не мог больше сдерживаться. Его заворожило первобытное желание, требующее немедленного удовлетворения. Солдат набросился на Крессиду, глубоко погружаясь в ее податливое чрево. Она распаляла его безумную страсть заверениями, что он своим ключом отпирает ее душу. Солдат чувствовал, что теряет самообладание, отдаваясь этой прекрасной молодой женщине. Она окружала, обволакивала, поглощала его. Его глаза горели вожделением, руки жадно ощупывали каждую выпуклость, каждую впадину ее тела. Солдат погружался все глубже и глубже, не заботясь о том, *что* теряет, настроенный только на то, чтобы утолить свою жуткую бездонную жажду. Наконец он разрядил свое напряжение, и в этот миг Крессида разорвала ночную тишину пронзительным криком, от которого содрогнулись в сырых могилах покойники.

Мгновение они молча лежали в постели, щедро орошенной их потом, сплетенные воедино.

— Ну наконец-то, — удовлетворенно произнесла Крессида.

Внезапно дом огласился ревом, в котором Солдат узнал вопль ярости и гнева. Муж Крессиды, хозяин дома, услышал крик наслаждения и догадался, что он означает. На лестнице раздался топот ног, и Солдат понял, что идет его смерть. С рогами на голове он выскочил из кровати, выпрыгнул в открытое окно и, упав с высоты нескольких футов в глубокий снег, побежал что есть сил, обе-

зумев от страха, голый, в ночную темень. А по пятам за ним несся оглушительный рев.

Отбежав далеко в поле, Солдат оглянулся и увидел Цезаря, скачущего следом. Значит, снова будет охота, только теперь добычей стал он сам. Черный арбалет в руках Цезаря красноречиво говорил о намерениях хозяина дома. Солдат судорожно глотнул ртом воздух. Хотя он не полностью превратился в оленя — на самом деле лишь ветвистые рога отождествляли его с благородным животным, — его мышцы наполнились силой молодого самца. С быстротой оленя Солдат бежал по заснеженным полям, перескакивая через кусты, спускаясь в овраги и поднимаясь на холмы, перепрыгивая через ручьи, к большому лесу, где обитали карлики.

И все же конь и всадник настигали его. Вдруг силы стали покидать Солдата. Когда он добежал до леса, рога внезапно свалились с его головы. Запас энергии быстро иссяк. Солдат устало остановился посреди залитой лунным светом лужайки, под удивленными взглядами лис и пучеглазых сов, ища, куда бы спрятаться. Цезарь поднимался по склону холма, громко трубя в рог, собираясь убить добычу. Послышался торжествующий крик, хруст ветвей, фырканье лошади: всадник въехал в лес. Шуршали раздвигаемые кусты, в воздух взлетали комья снега, поднятые конскими копытами.

— Тс-с! Сюда!

Солдат, уже приготовившийся к смерти, оглянулся.

— Сюда, сюда! — донесся недовольный шепот. — Быстрее! Сюда же! Иди скорее.

Наконец он разглядел в лунном свете зияющее дупло раскидистого дуба. Внутри этой своеобразной пещеры в стволе дерева стоял карлик. Подбежав к дубу, Солдат шагнул в дупло — и провалился в темный наклонный проход, глубоко под землю. Карлик полз впереди. Солдат не раздумывая последовал за ним. Они очутились в подземных коридорах, покрывших сетью владения Цезаря.

— Еще немного, — произнес карлик.

Наконец беглецы очутились в просторной пещере с земляными стенами и потолком из переплетенных корней, освещенной тусклыми фонарями. Повсюду копошились жуки и другие насекомые. Солдат разглядел змей, червей и всевозможных подземных жителей. В углах затаились огромные пауки. По потолку ползали сороконожки.

Кроме того, в пещере было много карликов, человек сто. Они сидели на корточках в центре.

— Иди к ним, — сказал карлик, приведший Солдата. — Ложись на землю.

— Зачем? Что нам угрожает?

— Цезарь. Сейчас он попытается выкурить нас. Дышать лучше всего у самой земли.

И действительно, через несколько минут пещера начала затягиваться дымом.

— Он травит нас, как барсуков, — недовольно пробурчал Солдат. — Почему Цезарь не спустится сюда и не сразится с нами в честном поединке?

— Потому что он знает, что это наши владения, — ответил лежащий рядом карлик. — Здесь ему не поздоровится. Да, кстати, а чем ты его так прогневал? Кажется, вчера вы были добрыми друзьями.

— Я... — простонал Солдат. — Мы с его женой...

Ему было стыдно за свое поведение — и не из-за ярости Цезаря, а потому, что он изменил Лайане, предал ее.

— Ты соблазнил его жену? Какие только игры не ведете вы, смертные!.. Что ж, назад к нему домой тебе дороги нет. Надо будет придумать какой-нибудь способ вызволить твою одежду и освободить слугу. Не беспокойся, это осуществимо. Главное — выжить в дыму.

— Почему вы мне помогаете? — спросил Солдат.

— Враг Цезаря — наш друг. Он обращается с нами, как с рабами, и убил многих наших охотников. Мы мстим ему при малейшей возможности. Если мы поможем тебе бежать, Цезарь очень разгневается, потому что считает себя непобедимым. Мы хотим, чтобы он стонал от отчаяния. Ради этого стоит помочь тебе.

Солдату стало не по себе от таких признаний.

— Я навлек на вас большие неприятности.

— Вовсе нет, — жизнерадостно заметил карлик. — Ты устроил нам отличное развлечение.

Глава двадцать вторая

Лайана проснулась после нескольких дней мучений. Все это время ей казалось, что у нее в голове растут колючие сорняки. Едва открыв глаза, она сразу же поняла, что Солдат изменил ей, и боль острием меча пронзила сердце. Усевшись в кровати, принцесса обнаружила, что окружена слугами, присматривающими за ней во время припадков безумия.

Она посмотрелась в зеркало. Последствия сумасшествия начинали сказываться на ее красоте. Лайана пришла к выводу, что через несколько лет будет выглядеть полной старухой, и тогда ей станет все равно, есть ли у нее на лице шрамы.

— Долго продолжался приступ? — спросила она.

— Трое суток, — ответил Офао.

Все служанки едва держались на ногах от усталости.

— Благодарю вас, — сказала принцесса. — В который уже раз.

Она отослала слуг, оставив при себе только Дриссилу и Офао, которые все равно никуда бы не ушли. Затем приняла ванну, переоделась в свежие, чистые одежды и спустилась по винтовой лестнице в библиотеку. Она попыталась читать стихи, чтобы не думать об измене Солдата, но это оказалось невозможным. Перед глазами стояли навязчивые картины. Принцесса видела, как под освещенным полной луной небосводом хохочущая красавица восседает верхом на ее супруге. Отдавшись безудержной похоти, Солдат сотрясал рогатой головой, проникая в чрево сластолюбивой незнакомки, и лунный свет искрился в его ветвистых рогах.

— Неужели он совсем меня забыл? — простонала Лайана, откладывая томик стихов. — Неужели он так быстро меня бросил?

Она не могла прогнать преследующие ее видения, причинявшие нестерпимые муки. Конечно, принцесса не знала, откуда пришел Солдат, кто были его предыдущие возлюбленные и были ли они вообще; Лайана полюбила его в тот самый миг, когда он спустился с холма и спросил ее насчет битвы. Вся предшествующая жизнь Солдата не имела для нее никакого значения. Его голубые глаза, открытое, честное лицо, его ранимость, сочетающаяся с силой характера, — вот что привлекло молодую принцессу. Ей было все равно, даже если бы он пришел из преисподней.

Однако теперь все обстояло иначе. Солдат стал ее супругом. Она была вправе требовать от него постоянства. Солдат сознательно предал ее.

— О Дриссила, — всхлипнула Лайана, заливаясь слезами. — Я только что увидела жуткий сон, но, что самое страшное, мне известно, что это правда. Я сердцем чувствую...

Принцесса поведала историю измены Солдата двум своим самым верным слугам, зная, что дальше это никуда не пойдет. Просто она должна была высказаться, переложить с плеч бремя. Лайана скорее умерла бы тысячью страшных смертей, только бы это откровение не достигло ушей других, в частности, капитана Каффа.

Закончив свой рассказ, Лайана вытерла глаза.

Дриссила поджала губы.

— Он не имел права так с вами поступать, моя госпожа.

Офао кивнул, выражая согласие, но затем добавил:

— И все же, госпожа, как знать, быть может, в случившемся виноват не он один? Эта тварь, жена тамошнего владельца, она ведь его соблазнила. Обманом заставила надеть рога. Часть вины лежит и на ней. Если бы не ее коварство, Солдат ни за что бы не предал вас.

— Неужели всегда и во всем будут винить женщину? — строго спросила Дриссила. — Почему, когда мужчина начинает гулять на стороне, его оправдывают, говоря, что у него не было выбора?

— Нет-нет, ты меня не поняла. Отчасти виноват Солдат. Однако не сомневаюсь, что теперь он сам терзается муками раскаяния. Но наша госпожа сейчас обдумывает какое-то бесповоротное решение, не так ли, миледи? Вы ведь собираетесь разорвать всяческие отношения с Солдатом и выйти замуж за другого?

Лайана внешне никак не показала, что Офао попал в самую точку — ни взглядом, ни жестом, — однако по ее молчанию слуги и так все поняли.

— Ой, госпожа, — прошептала Дриссила, судя по всему, опечаленная этой мыслью. — Солдат ведь только что стал вашим супругом. Двоих ваших мужей уже нет на свете. Третья утрата ожесточит ваше сердце, превратив его в камень. Вы больше никогда не испытаете любовь к мужчине.

— А разве это было бы так плохо? — спросила Лайана с горечью в голосе. — Пусть мое сердце высохнет и съежится.

— Это будет большим горем, — сказал Офао от лица обоих слуг. — Ибо вы созданы для того, чтобы дарить любовь. Вы хотите перекрыть поток этой любви сейчас, в самом расцвете жизни? Об этом невозможно и думать. Стремительный поток развернется, встретив препятствие, и уничтожит вас. Пожалуйста, дорогая моя госпожа, ради всех богов, подумайте о прощении. Если не ради Солдата, то ради вас самой.

— Я некрасивая, — пробормотала Лайана, — но на свете есть еще один мужчина, который согласится взять меня в жены.

— Даже не помышляйте! — простонала Дриссила. — Это очень жестокий и честолюбивый человек.

— И все же он меня любит. Я знаю.

— Но будет ли он *всегда* вас любить? Быть может, скоро вы ему надоедите, и он избавится от вас, возможно, даже поместит в сумасшедший дом. Он не моргнув глазом заявит, что сделал это ради вашего же блага, моя госпожа. Он прогонит нас, ваших преданных друзей, а затем во время одного из приступов безумия заточит вас в

какую-нибудь темную дыру, и вы больше никогда не увидите солнечный свет. А Солдат никогда не сделает ничего подобного. Он любит вас до беспамятства. Да, он сделал вам очень больно, но любовь его ничуть не ослабла.

— Его измене нет оправданий.

Офао кивнул.

— И все же вы обладаете даром прощения.

— У меня нет желания прибегать к нему.

Наконец слуги ушли, оставив Лайану наедине со своим горем. Принцесса испытывала смешанное чувство гнева и боли. Да, она видела, что Солдат стал жертвой двух коварных созданий, но все же она считала, что ему следовало бы принять все меры предосторожности. В его силах было избежать злых козней.

С другой стороны, Лайана сознавала, что Солдат представляет собой странную смесь силы и уязвимости. Когда она видела его в последний раз, в плену у ведьмы, он был совершенно беззащитен. Если бы она, Лайана, не обезглавила ведьму, Солдат покинул бы этот мир. Однако каким-то образом ему всегда удается остаться в живых, даже если рядом нет Лайаны, чтобы его защитить. «Если бы не мое безумие, — думала принцесса, — я была бы рядом с ним, оберегала бы его от таких существ, как этот господин и его жена».

Впрочем, если бы не ее болезнь, Солдат никогда не отправился бы в эту волшебную страну, в обитель всемогущих богов, в край чудовищ и извергов. Более того, если бы не ее безумие, вышла бы она за него замуж?

— Капитан Кафф, моя госпожа, — фыркнула появившаяся в дверях библиотеки Дриссила.

Вошел Кафф, в полном боевом снаряжении, держа в руке шлем.

— Сударыня, — учтиво поклонился он, — рад видеть, что ваша болезнь прошла.

— У нас по-прежнему зима? — спросила Лайана, глядя на комки снега, облепившие сапоги капитана. — Или пришло потепление?

— На улице вьюга. Я должен был присоединиться к красным шатрам, выступающим в поход на север. Снова на людей-зверей. Но погода резко ухудшилась. Говорят, еще до полудня земля будет скована льдом, и до оттепели дороги станут непроходимыми.

— О! — воскликнула Лайана, вставая со стула и подходя к окну. — Неужели все так плохо?

— Вы что, собирались идти гулять?

Принцесса покачала головой. Она думала не о том, чтобы выйти на улицу. Лайана пыталась представить себе, как сейчас в западных горах. Там переходят через перевалы Солдат и Спэгг. Бес-

страшным путникам грозит гибель от голода или от холода, они могут попасть в лапы какого-нибудь горного чудовища. Пока Лайана осуждала Солдата за измену, он находился в самых опасных, самых страшных краях, пытаясь найти исцеление от ее безумия. Принцесса еще не могла его простить, но — о! — она не могла не переживать за него.

— До сих пор нет никаких известий от вашего супруга, — сказал Кафф, не в силах сдержать злорадные нотки в голосе. — Подозреваю, он погиб.

— Нет, он жив, — резко возразила Лайана. — Пока что жив.

— Откуда вам это известно?

— Чувствую сердцем.

Кафф поднял брови. Однако он понимал, что, когда принцесса говорит с таким пылом, спорить с ней бесполезно.

— Надеюсь, вы правы. Сюда прилетал верхом на сове тролль. Он встретился с Малдрейком, Лордом-хранителем замков, и передал ему, что Солдат захвачен в плен.

Лайана нахмурилась.

— И что предпринял Малдрейк?

— Что? Естественно, ничего. С троллями нельзя иметь дело.

Повернувшись к капитану, принцесса выплеснула на него ту ярость, которую на самом деле испытывала к Солдату.

— Вы не хотите, чтобы мой муж вернулся домой живым! Была бы ваша воля, вы бы его убили! Не надо лицемерить.

Кафф покачал головой.

— Я не лицемерил. Да, я хочу, чтобы Солдат погиб. Но вы, миледи, хотите, чтобы он возвратился живым и невредимым. Я сказал это ради вас, а не ради себя.

Покинув библиотеку во Дворце Диких Цветов, капитан Кафф вернулся в кордегардию. Как всегда после встречи с принцессой, его охватило уныние. Лайана никак не желала выбросить из головы бредовую мысль о том, что она любит этого чужестранца, пришельца, именующего себя Солдатом. Кафф не мог понять, чем пленил Лайану Солдат. Принцесса спасла незнакомца, выйдя за него замуж. Сострадание каким-то образом трансформировалось: Лайана возомнила, будто любит человека, которого избавила от казни. Кафф был уверен, что все это не более чем разыгравшееся женское воображение.

— Почему заколдованная кольчуга не погубила его? — ломал голову Кафф. — Гумбольд уверял меня, что она отравит его, как только он ее наденет!

Капитан был в бешенстве. Он знал, что Лайана обладает даром ясновидения, когда речь заходит о близких ей людях. Раз она сказала, что Солдат еще жив, у Каффа не оставалось никаких сомнений, что это действительно так. Но чужестранец, отправившийся в западные горы, наверняка должен был столкнуться с какой-либо смертельной опасностью! Почему же он не надел свою кольчугу и не умер в считанные минуты с пеной на губах?..

Кафф ничего не понимал. Создавалось впечатление, что у Солдата не одна жизнь, а целая дюжина.

— Я сам приму меры к тому, чтобы Солдат никогда не вернулся в Зэмерканд, — пробормотал Кафф. — Надо связаться с Олгатом.

Приняв решение, капитан пожалел о том, что не подумал об этом раньше. Олгат, воин-колдун, наполовину волшебник, был все же в большей степени человеком, тем не менее обладал способностью превращаться в зверей и птиц. Олгат примет обличье какого-нибудь животного, лучше приспособленного к путешествию в плохую погоду, догонит Солдата и расправится с ним. Страдающий пагубным пристрастием к вину, воин-колдун жил в трущобах Зэмерканда. Этот сильный умный человек опустился на самое дно и посещал городские таверны каждую ночь, каждый день и почти все время в промежутках. Когда он был трезвым, в единоборствах ему не было равных. Пьяный, он сам страдал от собственных кулаков.

Взяв с собой стражников, Кафф, как и предполагал, отыскал Олгата в одном из кабаков.

— Эй, пьяная морда, — крикнул капитан, — выходи на улицу!

— Поцелуй меня в зад! — прорычал Олгат, потрясая громадными кулачищами.

После непродолжительной драки стражники стащили пьянчугу с лавки. Олгат заработал кулаками, валя каждым ударом одного из гвардейцев. Но стражников было слишком много. Кафф терпеливо дождался, пока они вытащили Олгата на улицу. Швырнув противника в сугроб, гвардейцы принялись колотить его ногами и древками пик.

— Все, достаточно, — остановил их капитан. — Он нужен мне невредимым.

Стражники с неохотой отпустили свою жертву. Испытав на себе могучие кулаки Олгата, мечтая поквитаться с ним, они схватили пьяного великана за руки и прижали его спиной к коновязи, готовые по первому слову капитана сломать ему хребет. Олгат рычал, плевался в своих врагов, выкрикивал пьяные ругательства и грозился разорвать всех на мелкие кусочки, как только его отпустят.

— Почему ты не превращаешься в медведя? — насмешливо спросил один из стражников. — Вот тогда бы ты осуществил свои угрозы.

Гвардейцам было прекрасно известно, что в теперешнем состоянии Олгат не способен на превращения. Алкоголь, отравивший кровь, лишил его возможности менять облик и творить волшебные заклинания. Только абсолютно трезвым Олгат мог достигать глубин своего разума, необходимых для магии.

Сверкнув глазами, Олгат уставился на Каффа.

— Что тебе от меня нужно?

— Есть одно дело. Такое, которое тебя обогатит, даст возможность напиваться каждый день в течение целого года. — Увидев недоумение Олгата, капитан улыбнулся. — Как ты смотришь на то, чтобы некоторое время побыть орлом? Полетать высоко в небе?

— И куда я должен буду отправиться?

— В горы, лежащие на западе.

— В обитель богов и всех злых духов и кровожадных тварей, когда-либо бродивших по земле? Думаю, я откажусь.

— А я думаю, ты согласишься. Кто из нас двоих прав, мы узнаем, остудив несколько раскаленных добела подков о твою спину.

Солдату и карликам удалось выжить в задымленной пещере. Все ограничилось тем, что они наглотались отравленного воздуха. Карлики знали, что Цезарь ничего не сможет добиться. Такое случалось уже не одну сотню раз. Карлики попадались ему в руки, лишь когда выходили на поверхность и ловили форель в ручьях или крали у него фазанов. Они бы охотились и на оленей с кабанами, если бы было подходящее оружие. Лесные карлики ловили добычу силками. Время от времени Цезарь заставал их за этим занятием, и тогда он вешал их на деревьях или таскал связанными за своим конем, а иногда обращал в рабство.

— Браконьерство — самое гнусное преступление под солнцем, — частенько говаривал он.

Карлики отвечали себе под нос:

— Вот почему мы выходим на охоту, когда светит луна.

Как только дым рассеялся, Солдат смог оглядеть подземное убежище карликов. Он увидел, как хорошо они оборудовали свое жилище. Глубоко под землей температура оставалась постоянной. Нельзя сказать, что здесь было особенно тепло, но в то же время не было и холодно. С корней под сводами свисали запасы копченого мяса и рыбы. На земле лежали кучи сушеных яблок. Карлики заготовили и лесные орехи. Если кто-то хотел есть, он просто подхо-

дил к куче и брал то, что нужно. Пол подземелья был устлан сеном и соломой. Когда карлики хотели спать, они ложились прямо посреди пещеры, а остальные перешагивали через них.

Вместе с карликами в паутине подземных ходов и пещер обитали барсуки и другие животные, судя по всему, в полной гармонии. По крайней мере Солдат не заметил никаких свидетельств обратного. В замкнутом подземелье звери вынуждены были вести себя хорошо, ибо лиса не гонялась за кроликами, а ласка не нападала на мышь-полевку. По-видимому, здесь действовало какое-то соглашение о перемирии. Если хищники хотели есть, они покидали царство карликов и поднимались на землю, чтобы поохотиться.

Под землей помимо основной пещеры находилось еще несколько помещений, соединенных друг с другом тоннелями. В основном эти помещения использовались для хранения различных припасов, хотя в одном был устроен музыкальный зал, где одаренные карлики занимались своим любимым делом, не мешая остальным. Солдат отметил, что карлики предпочитают маленькие скрипки, лиры с мягкими струнами, на которых играли языком, полые деревянные трубки, ударный инструмент, что-то вроде тамбурина, и огромный барабан, обтянутый оленьей кожей, чей звук разносился по всему подземелью, когда по нему с воодушевлением колотил кулаком или ногой коренастый мускулистый карлик.

В любое время дня и ночи кто-либо из карликов обязательно занимался в музыкальном зале.

Внешне карлики были весьма неказистыми созданиями. И мужчины, и женщины грубо обстригали свои жесткие волосы, торчавшие во все стороны. Карлики очень рано седели, но среди них не встречалось ни одного лысого. Уши у них были крупнее, чем у людей, вероятно, потому, что карлики из всех органов чувств в первую очередь полагались на слух. По мускулистым толстым рукам и ногам Солдат заключил, что карлики не всегда жили за счет браконьерства.

Он спросил об этом Кснопля, пожилого карлика.

Почесав голову, Кснопль ответил:

— Да, в прошлом мы были старателями. Нам принадлежали алмазные копи на противоположном склоне холма. Но Цезарь заставил нас покинуть наши исконные владения. Когда мы отказались продавать ему алмазы задешево, он захватил копи и передал права на добычу алмазов домовым.

— Домовым?

— Такой волшебный народец, обычно занимающийся ремеслами, вроде кузнечного или кожевенного. Домовые, хотя и при-

вычные к тяжелому физическому труду, по своей природе не являются старателями. Они ничего не смыслят в разработке алмазов. Домовые спустились в шахты с простыми свечами, а не с безопасными лампами, и произошел взрыв газа.

— И что с ними сталось?

— Их завалило под землей. Всех до одного. И все из-за того, что жадный Цезарь хотел получить алмазы подешевле. Теперь он не получает никаких. И винит в этом нас. Он говорит, что, если бы мы согласились продавать ему драгоценные камни по более низкой цене, никакого несчастья не произошло бы.

— Он очень плохой человек, — сказал Солдат. — Если бы у него не было жены и я бы его не оскорбил, я бы вызвал его на поединок. — Он вздохнул. — Впрочем, я гостил в его доме, а законы вежливости не позволяют гостям вызывать на поединок своих хозяев.

— Цезарь же травил тебя словно дикого зверя!

— Верно, но до этого он накормил меня, когда я был голоден, и к тому же предоставил кров. Таких людей, как Цезарь, рано или поздно ждет плохой конец. Если не я, то все равно когда-нибудь сюда приедет тот, кто сочтет за благо отрубить ему голову. Ладно. Поможете мне вызволить Спэгга?

— Ты имеешь в виду того человека, которого Цезарь сегодня утром прибил к железной виселице и вывесил в воротах своего дома?

Солдат вскрикнул.

— Он убил Спэгга!

— Нет, но твоего слугу ждет медленная, мучительная смерть.

— В таком случае я должен его спасти!

— Руки и ноги бедняги проткнуты стальными гвоздями, — сказал Ксноппль, — и он крест-накрест распят на железной виселице. Цезарь посыпал его кормом для птиц, и теперь скворцы цепляются острыми когтями за его подбородок и выклевывают зерна у него изо рта. Наверняка это западня. Цезарь хочет, чтобы ты попытался освободить своего слугу, и устроил ловушку с приманкой в виде человека.

— Бедный Спэгг! — с горечью произнес Солдат. — Торговец руками не представлял себе, что ждет его в этом путешествии.

— Торговец руками? — переспросил Ксноппль.

— У Спэгга есть место на рынке, — объяснил Солдат. — В лучшие времена он торговал руками повешенных, делая из них амулеты.

— Жуткое и страшное занятие.

— Но и весьма прибыльное, сказал бы тебе Спэгг.

Солдат знал, что должен спасти Спэгга. Он вздохнул, чувствуя щемящую боль в душе. Не впервые его мучил вопрос, кто он такой и что делает в чужом мире. Даже сейчас, когда Солдат глядел на свод пещеры, ему казалось, что корни образуют буквы, которыми начертано его имя, только неразборчиво. То же самое происходило с заснеженными ветвями деревьев, когда он оказывался в лесу. Сплетение веток образовывало надпись, рассыпавшуюся от порыва ветра, налетавшего на деревья, каждый раз, как только Солдат присматривался пристальнее и уже начинал что-то различать.

— Волкам известно, кто я такой, — простонал он. — А я сам ничего о себе не знаю.

— В чем дело? — спросил седобородый Кснопль. — Что ты сказал?

Солдат снова вздохнул.

— Так, ничего.

— Ты хочешь что-то узнать, так?

— Да, но ответ, похоже, не известен никому.

— Возможно, ты просто не задавал нужных вопросов, — сказал Кснопль. — Спрашивай меня. Я обладаю даром ясновидения. Быть может, у меня в голове возникнут какие-то образы. Что ты хочешь узнать, друг?

— Кем я был и с какой целью попал в этот мир.

— Никто не сможет сказать тебе, кто ты такой. Ответ на этот вопрос известен тебе одному. Но вот насчет того, зачем ты здесь... Можно выяснить, если присмотреться достаточно хорошо.

Встрепенувшись, Солдат вгляделся в изборожденное морщинами лицо старого карлика, напоминающего корень дерева.

— Ты думаешь?

Кснопль кивнул.

— Я пришел к выводу, что люди отправляются в незнакомые края по двум основным причинам: чтобы найти кого-то и чтобы затеряться самим.

— Не сомневаюсь, что я не собираюсь затеряться. Но в таком случае, кого же я хочу найти? — воскликнул Солдат.

— Того, кого любишь, или того, кого ненавидишь?

— Откуда мне знать?

Закрыв глаза, Кснопль помолчал, затем заговорил:

— Я вижу женщину, не из нашего мира. Это невеста, она в белоснежном платье, запятнанном алой кровью. Еще я вижу мужчину, также не из нашего мира, с мечом в руке. Сталь обагрена кровью невинной девы. Вот все, что я вижу.

Кснопль открыл глаза.

— Ну как, помогло?

— Что означают твои слова? — в отчаянии воскликнул Солдат.

— Я бы сказал, что ты ищешь или свою пропавшую невесту, или ее убийцу.

Солдату показалось, что на грудь положили тяжелый камень.

— В таком случае я ищу убийцу, ибо если девушка была убита...

— Я не сказал, что она была мертва — лишь то, что ее подвенечное платье было испачкано кровью. Возможно, это была не ее кровь? А может, девушка получила несмертельную рану и успела бежать в наш мир, прежде чем был нанесен заключительный удар? Не надо строить догадок. С другой стороны, не исключено, что убийца бежал от твоего гнева, покинув ваш мир и перебравшись в этот. Ты последовал за ним. Во время перехода вы оба потеряли память. Теперь вы не знаете, кто вы, почему вы здесь, кого вам нужно бояться.

— Да-да, я чувствую, что ты прав, — простонал Солдат, постигая смысл сказанного. — Это объясняет ту ненависть, злобу, что кипит в глубине моей души. Я здесь для того, чтобы настичь убийцу, не имеющего понятия, кто он такой и почему попал сюда.

— А может, ты ищешь перепуганную невесту?

— Нет. Нет, как я мог полюбить принцессу Лайану, если я уже люблю?

Кснопль недоуменно покачал головой.

— Несчастный глупец! Разве нельзя одновременно любить двух женщин?

— Только не я! — воскликнул Солдат, вспоминая Лайану. — Я не способен на подобное бесчестье.

Старый карлик поджал губы.

— Тебе лучше знать.

— Почему никто не говорил мне то, о чем сейчас сказал ты?

— Как я уже предположил, наверное, ты просто не обращался к тем, к кому нужно.

Солдат кивнул, признавая справедливость его слов. Задумавшись, он пришел к выводу, что в этом незнакомом мире он для того, чтобы отомстить убийце девушки в белом. Быть может, она, эта девушка в окровавленном платье, не была его невестой? Быть может, она его сестра или невеста лучшего друга? Впрочем, последнее маловероятно, учитывая, что ненависть переполняет его сердце. Да, он ищет убийцу. Этот человек находится здесь, в этом мире, и не догадывается, что на его руках кровь невинной девушки, возлюбленной Солдата. Не догадывается, что по его следу идет мститель.

И вдруг Солдат ощутил, как кровь отхлынула от лица; он осознал, что существует третья возможность. Вспомнив о том, что под внешним спокойствием у него в душе бурлит еще одно чувство.

Вина.

Страшная вина.

— В чем дело? — встревожился Кснопль, увидев внезапно произошедшую с ним перемену. — Не бойся, поведай мне.

— Меня только что осенила одна ужасная догадка. Ты об этом не упоминал. Возможно, я охочусь за убийцей...

— Да, — поддержал его карлик. — Продолжай.

— С другой стороны, — дрогнувшим голосом произнес Солдат, — возможно, именно я и являюсь убийцей.

Глава двадцать третья

За то короткое время, что Солдат провел у карликов, он узнал о существовании Старика, живущего в лесу. Кснопль сообщил, что Старик славится мудростью колдунов, оставаясь при этом простым смертным.

— Старик — человек миролюбивый, хотя обладает огромной силой. Все свое время он посвящает тому, что превращает железное оружие в плуги, а деревянное — в корабельные мачты. Ему помогают женщина и мальчик. Мальчик ходит и собирает мечи. Ночью он пробирается в шатры воинов и крадет у них оружие. Женщина раздувает горн, а Старик переплавляет орудия смерти и разрушения, вызывающие у него неприязнь и отвращение.

— Ты думаешь, Старик поможет мне найти колдуна, который бы исцелил мою жену от недуга?

— Будем надеяться.

Пока Солдат находился в подземном мире, карлики сшили ему новую одежду. Конечно, ткань была далеко не лучшего качества; карлики покупали только са́мую дешевую. Мужчины шили, а женщины проверяли стежки. Как только одежда была готова — что-то наподобие куртки и рейтуз, которые любили сами карлики; впрочем, другого фасона они не знали, — Солдат ее сразу же примерил. Вещи из грубой ткани натирали кожу, в них ему было неудобно, но они задерживали тепло, и им не было сносу.

Облачившись в новую одежду, Солдат спросил у Кснопля, как освободить Спэгга.

— Мы сами этим займемся, завтра же вечером бедолагу снимем. Завтра будет новолуние, и Цезарь не поедет на охоту. А ты тем временем отправляйся в лес и повидайся со Стариком. Скажешь, что тебя послали мы.

— А как же мои вещи? Они остались в доме Цезаря. В первую очередь, заколдованная кольчуга. Потом волшебные ножны. И еще мои меч и боевой молот. Чем я буду сражаться?

— Тебе придется раздобыть новое оружие, ибо этих вещей ты больше никогда не увидишь.

Солдат очень огорчился, но у него не было времени, чтобы спорить с Ксноплем.

— Если вы сегодня ночью сможете освободить Спэгга, я буду вам очень признателен. А сейчас, пожалуйста, скажи, где найти Старика. Думаю, мне нужно как можно быстрее встретиться с ним.

Ксноплъ объяснил Солдату, как найти дорогу в лесу. Солдат выбрался на поверхность земли по одному из тоннелей, оканчивающемуся чем-то вроде барсучьей норы под корнями раскидистого дуба. Оказавшись на морозном зимнем воздухе, Солдат направился вперед, руководствуясь указаниями старика-карлика. Он проверял, правильно ли идет, по приметам — зарубкам на деревьях, старым заячьим норам. Переходя от одной приметы к другой, Солдат в конце концов добрался до заросшей мхом пещеры в самом сердце леса. В местах, в которых он очутился, обитали таинственные силы и духи. Солдат то и дело останавливался, с опаской глядя через плечо, убежденный, что за ним следят.

Интуиция его не обманывала, хотя в действительности за ним наблюдали проявления его внутреннего «я». В этих волшебных краях часть его души, отделившись, приняла образ сгорбленного эльфа. Эльф шел по следам Солдата и поспешно отпрыгивал в сторону, когда тот оборачивался, поэтому Солдату так и не удавалось хорошенько разглядеть преследователя. Он чувствовал присутствие эльфа, но был недостаточно проворен, чтобы определить наверняка. В конце концов Солдат пришел к выводу, что ничего с этим не может поделать; оставалось только идти вперед, а эльф тихонько посмеивался над ним, и его смех сливался с шумом ветра. Солдат злился, что ему никак не удается увидеть крошечное существо.

Однако в одном месте у него появился настоящий преследователь.

— КЕРРОУУ! — радостно воскликнул дракон, когда они наткнулись друг на друга на поляне. — КЕРРОУУ!

— Я не твоя мать, — проворчал Солдат, когда огромная тварь стала тереться о его бедро здоровенной головой. Он похлопал чудовище по спине. — Иди ищи свою настоящую мать.

— КЕРРОУУ! — пронзительно вскрикнул дракон, успевший еще больше вырасти.

Было видно, что ему доставляют большое наслаждение ласки родителя.

Дракон отправился следом за Солдатом, оглашая лес своим воркованием.

— Уходи! — потеряв терпение, воскликнул Солдат. — Оставь меня в покое!

Дракон снова уткнулся в него носом, обдирая кожу с бедер грубым лбом и острыми ушами.

Они пошли дальше. Солдат продолжал гнать дракона прочь, тот не переставал мурлыкать. Но в конце концов они вынуждены были расстаться, так как лес стал чаще, и огромное животное не смогло пробираться между деревьями, не задевая за них крыльями. Оно поднялось в воздух, криками выражая свою любовь к матери в человеческом обличье.

Наконец, когда лесная чаща стала совсем густой, Солдат вышел на заболоченную поляну, покрытую кочками мха, где птицы с человеческими лицами летали задом наперед. Сначала Солдат увидел сову с лицом мужчины, следившую за ним с верхних ветвей белого дерева. Затем за ним погнался крошечный королек с миниатюрным свирепым личиком капризного ребенка, крутя головой по сторонам, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, что происходит в этом перевернутом вверх ногами мире. Потом вдруг ему чуть не выцарапал глаза козодой, напугавший своим жутким человеческим лицом, красующимся на пернатом теле с когтями.

В конце концов Солдат встретил настоящего мальчика, торопящегося по тенистому лесу с охапкой оружия в руках. Решив, что это тот самый мальчик, который прислуживает Старику, Солдат решил обратиться к нему.

— Мальчик! — окликнул он. — Я ищу твоего хозяина.

Услышав эти слова, ребенок, укутанный в женские платки, туго перетянутые ремнями, обернулся и посмотрел на Солдата.

— Дом моего господина находится за лесным забором. Тебе лучше пройти за мной, — крикнул он, снова трогаясь в путь, — иначе ты заблудишься.

И действительно, Солдату пришлось приложить все силы, чтобы не потерять из виду мальчишку, проворно пробирающегося между стволами. Солдат радовался, что давно не ел; в противном

случае он бы растолстел и не пролезал бы между деревьями. Оставив позади густые заросли, мальчик вышел на равнину, покрытую девственно-чистым снегом. Мягкие женские линии холмов ласкали взор. Солдат поймал себя на том, что ему хочется лечь в какую-нибудь лощину, занесенную глубоким снегом, и заснуть вечным сном. Он устал от долгого пути и пал духом, хотя и чувствовал интуитивно, что конец путешествия уже близко.

Наконец мальчик подошел к рощице, растущей на склонах небольшого холма. Там в густых зарослях папоротника, среди мха находился вход в темную пещеру. Над кучей земли возвышалась почерневшая труба, слепленная из бледной глины; время от времени из нее вылетали клубы черного дыма и сажи. Снег на вершине холма растаял, оставив зеленый островок посреди белоснежного океана. Мальчишка нырнул в пещеру, под длинные клыки сосулек. Солдат торопливо последовал за ним, опасаясь, что под землей находится лабиринт тоннелей и он может заблудиться, потеряв мальчишку на какой-либо из развилок. В конце концов Солдат очутился в кузнице, где было так жарко, что он несколько мгновений не мог дышать. Здесь он увидел остальных пещерных жителей, Старика и женщину, встретивших появление незнакомца удивленными взглядами.

— Это я его нашел, — заявил мальчишка, с грохотом бросая оружие к горну, — там, в лесу. Он шел со стороны пещеры карликов. Сказал, что хочет поговорить с тобой, дедушка.

Все три обитателя душной пещеры были одеты в убогие лохмотья, висевшие на их тощих телах словно одежда на пугале. Они казались уставшими и измученными, но Солдата нисколько не удивил их внешний вид, поскольку им приходилось работать в невыносимых условиях. Троица трудилась без перерыва: плавила металл, формовала, разливала его, пилила и сколачивала дерево, превращая мечи в лемеха плугов, а копья — в корабельные мачты. Этими мирными предметами была заполнена вся пещера; они свисали с крючьев под потолком, валялись грудами вдоль стен.

— И что вы с ними делаете? — спросил Солдат. — С этими орудиями и корабельной оснасткой?

— Как что, отдаем беднякам, — ответила женщина. — С их помощью крестьяне возделывают землю и добывают дары моря — и что самое главное, бедняки не имеют возможности превратить их обратно в оружие.

— Я восторгаюсь вашей работой, но, по-моему, это пустая трата времени. Люди всегда будут сражаться. Люди всегда будут убивать других людей. Такова человеческая природа.

Старик смерил его долгим взглядом.

— Значит, мы должны изменить человеческую природу, перековать ее. — Он окунул раскаленную докрасна заготовку в чан с водой, зашипевшей и забурлившей. — Люди еще дети, и их можно воспитать.

— Я почти ничего не помню о том мире, из которого прибыл сюда, но этот мир, похоже, порождает насилие каждой своей частицей. Одна его половина решительно настроена на то, чтобы уничтожить вторую. Я встречал самых разнообразных живых существ, странных и причудливых, о существовании которых даже не имел понятия, — и все нападают друг на друга, обуянные жаждой крови.

Оторвавшись от работы, Старик пристально посмотрел Солдату в глаза.

— Возможно, все обстоит не совсем так.

— Вряд ли я ошибаюсь.

— Ты просто смотришь на окружающий мир глазами, научившимися видеть в другом месте. Но что ты хочешь от меня? Тебя действительно прислали карлики?

Солдат подтвердил, что он был в подземном царстве крошечных сморщенных существ с большими носами, если, конечно, это ему не приснилось. Он объяснил Старику, что ищет колдуна, который смог бы исцелить его жену от недуга.

— На противоположной стороне большого озера, — сказал Старик, — начинается тропа. Если ты отыщешь ее и пойдешь по ней, никто не сможет сказать с определенностью, что будет ждать тебя в конце. Возможно, ты найдешь того, кто сумеет тебе помочь. Но тропа меняет свой маршрут каждый день, каждый час, каждую минуту. Быть может, ты придешь не в тот момент и найдешь не того колдуна или, может так статься, вообще никого не найдешь. Вполне вероятно, в конце пути ты увидишь лишь горсть смерзшихся опавших листьев, покрытых хрустящей корочкой льда.

— И это моя единственная надежда? Вот ради чего я претерпел столько лишений?

— В мире нет ничего определенного. Ты найдешь лишь то, что заработаешь. Как ты думаешь, ты заслужил определенность?

Солдат пожал плечами, злясь на себя самого не меньше, чем на Старика.

— Наверное, нет. Но я буду надеяться.

— Надежда — это все, что ты получишь; но привыкший к насилию ее не заслуживает.

— Ты считаешь меня человеком, привыкшим к насилию?

Продолжая говорить, Старик вернулся к работе. Женщина подбросила в горнило углей. Мальчишка куда-то исчез — по-видимому, отправился снова собирать оружие.

— Было ли у тебя время изучить этот мир, в который, судя по твоим словам, ты попал помимо своей воли? У тебя могло сложиться впечатление, что здесь правит зло, а добро пытается занять в нем хоть какое-то место. В действительности наш мир зиждется не на зле и не на добре, а на силе. В мире, где заправляет зло, ты не прожил бы и двух дней.

Солдат не знал, что ответить.

— Я попал сюда беспомощным.

Старик стал ковать заготовку раскаленного металла на большой наковальне. Из-под его молота водопадом света летели искры.

— Нет, ты пришел к нам, обладая достаточной силой, чтобы остаться в живых — в противном случае тебя бы давно уже не было на свете. Есть определенная сила в том, что ты являешься неизвестной величиной, что несомненно, поскольку ты голубоглазый в мире, где живут только люди с карими глазами. Ты не знаешь самого себя, но ведь и другие тебя также не знают. Тебе позволили жить, пока люди пытались разобраться, нужно ли тебя бояться, или тебя можно как-то использовать, или ты обладаешь какой-либо тайной, которая способна усилить их могущество. Бессмысленно уничтожать то, что может дать превосходство над окружающими. К тому же вначале никто не знал, не повлечет ли твоя смерть месть каких-нибудь темных сил, несущих гибель твоим убийцам.

Кроме того, у тебя есть опыт бывалого солдата, выручающий в самых сложных ситуациях. Ты обладаешь интуитивным знанием войны, ты в совершенстве владеешь искусством убивать. Конечно же, я это не одобряю, и все же твой опыт помог тебе выжить. Не надо сбрасывать со счетов и ножны, зарядившиеся волшебством во время путешествия между мирами. Постепенно, используя все имеющиеся в твоем распоряжении возможности, ты набрался сил. Похоже, тебе предопределено судьбой продолжать идти дальше, если только тебя не скосит что-нибудь непредвиденное, не задумываясь о том, есть ли в тебе какая-нибудь польза.

Взвесив слова Старика, Солдат пришел к выводу, что в них есть доля правды. Вот, например, королева получила свою власть по праву рождения. Канцлер Гумбольд обладает силой, отраженной от сияния королевской власти. За капитаном Каффом мощь армии. Некоторые люди достигают такого положения, что становятся неотделимы от власти.

— Сейчас мы переживаем плохие времена, — продолжал Старик, — что связано с близкой кончиной Короля магов. После его смерти начнется борьба за власть. Нам нужно надеяться, что победу одержит Добро, ибо в мире, где безраздельно правит Зло, вся власть сосредоточена в одних руках. И эти руки обращаются с ней как хотят: передают, отнимают, делятся, отбирают.

Солдат согласился и поблагодарил Старика и женщину. Те дали ему на прощание коробку с огнивом и трутами, без чего он наверняка бы погиб в скованном холодом крае зимы. Солдат выбрался из пещеры, по пути украдкой прихватив один из мечей в груде оружия, валяющегося у стены. Солдат не испытывал стыда за свой поступок, потому что, рассудил он, мальчишка тоже украл у кого-то этот меч. И все же, пробираясь по лесу, Солдат ощутил беспокойство. Старик ему помог, а он отплатил ему такой подлостью. С другой стороны, продолжал рассуждать Солдат, разве у него был выбор? Впереди ждут опасности, и он должен быть готов к ним.

Чем дальше на запад продвигался Солдат, тем сильнее ощущалось присутствие богов. Непостижимые создания, которых не видел ни один смертный, они обитали далеко друг от друга в неприступных цитаделях на затянутых дымкой скалистых вершинах. Солдат чувствовал себя так, словно на него сверху давит какая-то тяжесть. Он испытывал на себе неприязнь богов ко всем людям.

Солдат шел по глубокому снегу, дрожа от холода, чувствуя, как ледяной ветер проникает сквозь его тонкую одежду, и размышлял о богах. Вдруг рядом с ним на ветку опустился ворон.

Солдат остановился.

— Это ты?

Склонив голову набок, птица ничего не ответила.

— Нет — почему я так решил? На свете тысячи воронов. Я не могу отличить одного от другого. Вы для меня все на один манер.

Он тронулся дальше.

— Это потому, что ты не присматриваешься внимательнее, — с оттенком горечи произнес ворон. — Знаешь, все мы не похожи друг на друга, как и вы, люди. Разве ты не видишь, что мои перья более блестящие и красивые, чем у остальных моих сородичей? А как же размер моих глаз, длина клюва, то, что когти у меня острее, чем у других воронов?

Снова остановившись, Солдат усмехнулся.

— Значит, это все-таки ты? Боюсь, у меня не настолько острое зрение, чтобы различать мелкие детали.

— Ха! Так или иначе, я здесь не для того, чтобы спорить с тобой или обмениваться любезностями. Я хочу тебя предостеречь. Сюда летит орел.

— Орел?

— Орел, который на самом деле вовсе не орел.

— Любишь ты говорить загадками. Что это значит?

— Кафф послал волшебника по имени Олгат, чтобы тот тебя убил. Олгат не только волшебник, но и воин. Он разрубит тебя на мелкие кусочки.

Солдат кивнул.

— Не радуйся раньше времени.

— И все же я не могу удержаться от мысли, что это конец твоего жизненного пути. Только посмотри на себя! Одет как пугало, вооружен ржавым старым мечом!.. Что с тобой случилось? И где этот безмозглый мошенник Спэгг? У тебя кончились запасы еды, и ты его сожрал?

— В настоящий момент он висит на воротах дома одного тирана, и ему очень несладко. Но хватит о нем. Где я встречусь с этим Олгатом? Ты говоришь, он воин?

— Его мать была прачкой, и Олгат унаследовал ее мускулатуру, хотя мозгами пошел в отца. Какие они бывают, эти прачки! Ты видел их мясистые руки? Ладно, отвечаю на твой вопрос: понятия не имею. Я только знаю, что Олгат направляется сюда. Мне пришлось лететь как сумасшедшему, чтобы его опередить. Советую быть начеку. Ну а я очень проголодался. Все, что нужно, я тебе сказал; ты предупрежден. Больше мне делать нечего. — Ворон огляделся вокруг. — А здесь с кормежкой туго, да? Я не привык долбить лед клювом. Надо поискать запасы, заготовленные на зиму какой-нибудь белкой.

Как только птица скрылась в сплетении черных голых ветвей, Солдат тяжело вздохнул. Какая же ноша лежит на его плечах! И никто не может сказать, будет ли от этого прок. Он собирается убедить кого-то сделать доброе дело. Такое редко вознаграждается.

Разведя костер, Солдат натопил снега и сварил съедобные коренья, которые накопал из мерзлой земли с помощью меча. При этом у лезвия отломился кончик, что еще больше опечалило одинокого путника. Подкрепив свои силы, но не окрепнув духом, Солдат продолжил унылое путешествие по заснеженному лесу и наконец вышел на берег обширного замерзшего озера, со всех сторон окруженного деревьями. На противоположном берегу возвышался холм, а за ним уходили в небо высоченные горы общим числом семь, чьи вершины скрывались за облаками. Тени этих огромных

мрачных семи вершин падали на озеро, отчего оно казалось еще более холодным и угрюмым.

Набрав хворосту, Солдат связал его в охапку и закрепил на спине. Затем вышел на замерзшую поверхность озера, в холодную тень, отброшенную обителью богов. Ледяная стужа, страшнее самого лютого мороза, стиснула его сердце. Обжигающий холод тени проник в душу, повергнув в пучину отчаяния. Увидит ли он противоположный берег бескрайнего белого озера, не говоря о тропе, ведущей к колдуну, который, возможно, исцелит его жену?

Солдат шел вперед.

Он шел весь день и всю ночь.

Утром он решил, что преодолел половину пути, хотя горы, казалось, не стали ближе.

Солнце не взошло над горизонтом. Мир оставался серым и застывшим под мраморным куполом грозного неба.

В полдень высоко в небе показался орел. Опустившись на лед перед Солдатом, он мгновенно преобразился в могучего воина.

Это прилетел Олгат, с оружием и в боевых доспехах.

Солдат заморгал заиндевевшими на морозе ресницами. Его щеки, кисти рук, ноги, пройдя через боль, стали бесчувственными. Но теперь распаленное сердце разлило по всему телу волну ярости, и онемевшие члены, отогревшись, ожили покалывающей болью. Температура тела повысилась. Кто этот варвар, прилетевший в бескрайнюю пустыню, которую ему приходится преодолевать пешком?

С трудом пошевелив смерзшими губами, Солдат прохрипел:

— Прочь с дороги, болван! Во мне вскипает ненависть, раскаляющая мой рассудок до пределов, превосходящих представления простого смертного. Разве ты не слышал о том, как я сражался с воином-псом? Я расправился с ним с такой безудержной жестокостью, что даже наемникам из красных шатров, привыкшим к виду крови, стало тошно от отвращения. Если ты сейчас же не уйдешь с дороги и не дашь мне пройти, я выплесну ярость на тебя.

Презрительно фыркнув, Олгат со свистом рассек мечом воздух.

— У тебя нет доспехов, а этот меч, похоже, переломится пополам после первого же удара.

Солдат посмотрел на себя. Его противник говорил правду. Осознав, каким неравным будет предстоящий бой, Солдат отступил назад на сто ярдов и, сняв со спины вязанку хвороста, стал думать. Профессиональный воин, он обладал солдатской смекалкой. Пусть и не самое главное его качество, в подобных случаях

оно служило ему верой и правдой. Настоящий солдат всегда извлекает максимум из окружающей обстановки. Оказавшись безоружным там, где много камней, он мастерит себе пращу или использует тяжелые булыжники в качестве метательных снарядов, в лесу вооружается рогатиной или дубинкой. Что есть у него под рукой сейчас? Лед. Целое озеро льда. И надо *как-нибудь* использовать этот лед.

Повернувшись спиной к Олгату, спокойно дожидавшемуся своего противника, Солдат опустился на колени и с помощью сломанного меча принялся откалывать большие глыбы льда. Он поймал себя на том, что мысль о неминуемом поединке придала ему дополнительные силы. Его переполнял боевой пыл, позволявший осуществить то, о чем всего час назад он не мог и мечтать. Быстро нарезав пластины льда, Солдат проделал в них отверстия и с помощью веревок, скрученных из кусков одежды, навесил на себя эти импровизированные доспехи. Экипировавшись таким образом, наш герой повернулся лицом к наемному убийце и крикнул, вызывая его на поединок:

— Я назвал тебя болваном, и ты и есть самый настоящий болван! У тебя мозги комара и мошонка муравья...

Олгат не остался в долгу и тоже разразился потоком оскорблений. Подобный обмен насмешками может продолжаться довольно долго, прежде чем начнется обмен ударами, но в данном случае оба воина горели нетерпением вспороть сталью человеческую плоть. Ни Солдату, ни Олгату не хотелось затягивать свое присутствие в холодном и угрюмом краю, на озере под сенью богов.

— Давай скорее покончим с этим, — рявкнул Олгат.

Он нанес первый удар, огласив звоном меча сверкающий заиндевелый мир над застывшим озером. Стальное лезвие вгрызлось в доспехи Солдата, и во все стороны брызнули ледяные крошки. Услышав громкий боевой клич Олгата, раскатившийся над озером, лесами и горами, с деревьев взлетели перепуганные птицы. Спящие медведи беспокойно заворочались в берлогах. Горностай, преследовавший кролика, остановился, тревожно оглядываясь по сторонам. Волки, взобравшиеся на горные утесы, недоуменно обернулись. Все взгляды были прикованы к двум фигурам, темнеющим на белоснежном льду. Взгляды животных. Возможно, взгляды колдунов. Но ни один смертный не лицезрел этот поединок.

Солдат принялся наносить яростные удары по стальным доспехам противника, оставляя на них глубокие вмятины. Под его свирепым натиском Олгат попятился назад. Воин-волшебник вынужден был признать, что не ожидал встретить такое сопротив-

ление. Он понял, что Солдат искушен в единоборствах. Его движения, взгляд, обращение с оружием говорили о том, что ему не привыкать к подобным поединкам. Олгат усомнился в словах капитана Каффа, заверявшего его в слабости и неопытности будущего соперника. Высокомерный гвардеец сравнивал Солдата с женщиной.

Олгат отвечал как мог. Под градом стремительных ударов Солдат, в свою очередь, вынужден был отступить.

Противники стоили друг друга. Солдату предоставилась возможность проткнуть Олгату горло, но он не смог нанести смертельный удар, так как у его меча было отломано острие. Солдат обрушил проклятия на небеса и еще выше, жалея о том, что не стащил у Старика что-нибудь получше.

Поединок на льду продолжался весь день. К вечеру прилетел ворон и быстро надоел обоим противникам, летая между ними и громко подбадривая Солдата и выкрикивая свои советы.

— Следи! Следи за его левой рукой, Солдат! Он собирается ударить тебя кулаком. Вот так. Отступи назад, отрази удар, сделай выпад — нет-нет, руби! Ну вот, промахнулся... Переноси вес на заднюю ногу. Следи за его глазами. По ним ты всегда сможешь предсказать следующий шаг...

В конце концов соперникам надоела непрерывная болтовня птицы. По обоюдному молчаливому согласию они прекратили поединок, и Солдат обратился с укором к своему пернатому другу:

— Слушай, пожалуйста, лети отсюда!

— Я же хочу помочь! Олгат очень коварный противник.

— Ты мне только мешаешь.

— Ну вот и вся благодарность от тебя!

Солдат покачал головой.

— Ворон, я понимаю, что ты делаешь это от чистого сердца, но ты мне нисколько не помогаешь. Наоборот, из-за тебя меня могут убить...

— Или меня, — вставил Олгат.

— ...а если мне суждено умереть, то я хотел бы, чтобы это случилось по моей вине, а не по твоей.

— Ну хорошо, хорошо. Тогда я буду просто стоять в стороне и наблюдать.

— По мне лучше бы ты улетел отсюда, — сказал Солдат.

— Это несправедливо. Я прилетел издалека. Полагаю, у меня есть право зрителя.

— Ну ладно — только не мельтеши и не раздражай нас своими криками.

— Летать я не буду, — нахохлился ворон, — но молчать не обещаю, потому что я могу забыться. А что, если Олгат зайдет тебе сзади, а ты не заметишь? Я вынужден буду тебя предупредить. У меня не будет выбора.

— Полагаю, я как-нибудь сам справлюсь.

— Ха!

Солдату пришлось довольствоваться этим. Поединок продолжался всю ночь, под морозным небосводом, усеянным звездами. Снег и лед искрились так же ярко, как и днем. Волки бродили в темноте и выли, произнося настоящее имя Солдата. Отголоски их завываний отражались от окрестных холмов. Но Солдат не мог разобрать это слово, заглушаемое звоном стали.

Холодало. Противники вымотались, и им все чаще приходилось делать паузы, чтобы отдышаться и набраться сил. Перерывы в поединке становились все более длинными.

Взошла тусклая голубоватая луна. Бой продолжался. Наконец засерел рассвет, напоминая противникам о том, что нарождается новый день, и они прекратили поединок. Солдат сходил за хворостом, а ворон слетал за огнивом. Олгат, превратившись в орла, взмыл ввысь и вернулся с добычей. Разведя костер, противники зажарили зайца и позавтракали.

Олгат, снова принявший человеческое обличье, жадно жуя кусок мяса, высказал то, что было на уме у обоих:

— По-моему, мы достаточно сражались друг с другом. Несомненно, мы достойные противники. Продолжать дальше бессмысленно.

Солдат кивнул.

— Согласен, но не я настаивал на поединке. Что ты скажешь своему хозяину?

Облизав горячий жир, стекающий с пальцев, Олгат шумно вздохнул.

— Думаю, это я как-нибудь переживу. Я не собираюсь возвращаться в Зэмерканд. Перелечу через Лазурное море в Карфагу и поселюсь там. По-крайней мере в Карфаге климат теплее, не бывает таких суровых зим. — Он протянул руку. — Удачи тебе, Солдат. Ты гораздо лучший боец, чем кажешься с виду. Увидев тебя, я подумал: «Что за тощая корова? Я отрублю ей ноги и пешком вернусь на них домой!» Теперь я вижу, как ошибался.

Ворон присвистнул.

— Вы только послушайте! Братство взаимных славословий. Ну да ладно, лишь бы не целовались и не обнимались...

Но бывшие противники не доставили ему такой радости. Заключив друг друга в крепкие объятия, они трижды поцеловались, прижимаясь губами к заросшим грубой щетиной щекам, а затем снова пожали друг другу руки. После этого Олгат опять превратился в орла. Схватив в когти остатки тушки зайца, он взмыл в воздух.

Солдат проводил взглядом красивого пернатого хищника, пролетевшего над темнеющим в предрассветных сумерках лесом.

— Какая замечательная птица! — пробормотал Солдат, когда орел скрылся из виду.

— *Какая замечательная птица!* — прокаркал ворон, насмешливо передразнивая своего друга. — В этом ваша беда, беда людей: вы цените внешность превыше ума. Разве так важно, что у птицы большой размах крыльев и огромные когти или она способна как бог парить в восходящих воздушных потоках? Среди нас есть те, кто обладает острым умом и способен запросто обвести вокруг пальца этих небесных глупцов.

Обернувшись, Солдат улыбнулся.

— Ну конечно. Я многим тебе обязан, ворон, и всегда буду это помнить. Ну а теперь мне пора снова трогаться в путь. Прощай! Увидимся в городе, когда я вернусь.

— *Если* ты вернешься.

Поднявшись со снега, Солдат снял свои ледяные доспехи и устало побрел вперед под недремлющим оком богов.

Глава двадцать четвертая

На противоположном берегу озера Солдат отыскал тропу, поднимающуюся в горы. Так же быстро, как нагрянула зима, наступило лето. На крутые склоны обрушился знойный ветер, растапливавший по пути весь снег и лед. Выглянувшее жаркое солнце мгновенно высушило землю. Солдат старался держаться подальше от деревьев — с них срывались гигантские сосульки, вонзавшиеся глубоко в почву. Весь мир вокруг хрустел, скрипел и стонал так, что казалось, будто земля трещит по швам. Громадные глыбы льда, сорвавшись с высоких откосов, проносились мимо, грозя раздавить Солдата, и разбивались вдребезги о скалы внизу.

Повсюду появлялись расселины, откуда со свистом и шипением вырывались раскаленные газы, наполнявшие воздух удушливыми испарениями и покрывавшие камни желтовато-зеленым

налетом. Жар простирал свои щупальца из этих трещин в земле, а время от времени из них выползали омерзительные создания, не боявшиеся Солдата, но и не нападавшие на него. Кожа этих тварей была такой отвратительной, словно они не меньше тысячи лет не видели свежего воздуха, а печальные взгляды, брошенные через плечо перед тем, как неведомые существа таяли в утреннем тумане, были полны осуждения и требовали извинений.

Лед растаял, открывая ясно-голубые воды озера. Паводковые потоки весело струились по каменистым руслам и, сорвавшись с отвесных обрывов, вливались в озеро. Повсюду из трещин и щелей в поверхности земли вырывалась вода, в конце концов находившая дорогу в долины. Еще до того, как кроваво-красное палящее солнце поднялось в зенит, мир вокруг расцвел яркими, сочными красками.

— Ну вот, как раз когда я полез вверх, — задыхаясь, пробурчал под нос Солдат, терзаясь невыносимой жаждой.

Он напился воды из чистого горного ручья, распугав своим появлением стадо горных баранов. Дно потока было усыпано красными гранатами. Нагнувшись, Солдат набрал горсть, намереваясь как-нибудь потом сделать ожерелье для своей возлюбленной Лайаны, и продолжил подъем.

Отовсюду выползали, выбирались, вылетали птицы и звери, встречавшие наступление лета. Казалось, все живое только и ждало, чтобы при первых признаках потепления подобно распрямившейся пружине прыгнуть навстречу солнцу. Зазеленела буйная трава, почки деревьев и кустов раскрылись нежными молодыми листочками, набухли бутоны. Появились тучи насекомых, в первую очередь комаров и мошкары; ловя их, лягушки с кваканьем выбрасывали вперед длинные языки. В ручьях и протоках резвилась рыба, сверкая на солнце серебристыми дужками. В высокой траве шелестели семьи млекопитающих.

В одном месте тропа оборвалась, и Солдат подумал, что он заблудился, но тут ему помогли говорящие скалы.

— Куда мне идти? — обратился он к ним.

— Там, дальше есть скала, называющаяся Иглой судьбы. Ты должен пойти вдоль вон того ручья, ибо здесь тропа кончилась. Подойди к Игле судьбы и постучи по ней кулаком. Тебе обязательно ответят.

Поблагодарив скалы, Солдат последовал их совету.

Он нашел длинную тонкую скалу — грубо высеченный обелиск, четырехгранный, с тупой вершиной. С трех сторон камень был покрыт письменами и иероглифами; четвертая, девственно-

чистая, словно дожидалась своего часа: быть может, на ней высекут биографию какого-нибудь могущественного царя?

Солдат постучал по скале кулаком.

Тотчас же земля под ним разверзлась, и он слетел вниз по ступеням в подземелье.

Потом — когда Солдат снова выбрался на поверхность — он ничего не мог объяснить, но, провалившись в подземелье, он будто очутился в другой стране. Стоя на вымощенном каменными плитами полу, Солдат не мог разглядеть стены, терявшиеся где-то далеко за горизонтом. Здесь были моря, горы, равнины. Здесь текли широкие реки, а на полях росли дикие цветы. В лесу водились медведи, в океанах — гигантские киты. Солдат переплыл море в живом корабле, понимая, что если его разрезать, потечет кровь. Корабль ритмично дышал и пульсировал у него под ногами. Солдат стоял на палубе, глядя на три паруса, что надулись грудями и животом беременной женщины, и наслаждался прохладным ветром, трепавшим его волосы.

Мимо проплывали другие суда, и на палубе каждого стояло по одному существу. Иногда это были смертные люди, иногда — животные, встречались и мифические создания, вроде грифона или василиска. Взгляды всех мореплавателей были устремлены куда-то вдаль, и они не обращали внимания на попытки Солдата завести разговор. Некоторые, казалось, провели в плавании уже много лет, а то и столетий, пытаясь отыскать желанное. Один или два раза Солдату встретились корабли без пассажиров, и эти суда издавали проникнутые болью крики, отражавшиеся слабым эхом от далеких островов.

Наконец корабль пристал к пустынному берегу, и Солдат вышел на белый песок, усеянный ракушками и выброшенным из моря топляком, а также костями неведомых доисторических существ, еще не родившихся, не известных никому на земле. Прибой длинными лентами накатывался на отмель, оставляя на белом песке все новые и новые морские сокровища.

На берегу Солдат встретил бродягу в выцветшем халате — мужчину с мудрым лицом, окаймленным длинной растрепанной бородой и всклокоченными волосами. Босоногий бродяга держал в руке палку из эбенового дерева, его глаза были умными и загадочными, словно небо летним вечером. Весь облик человека свидетельствовал о миролюбии и доброжелательности.

Солдат спросил незнакомца, не колдун ли он. Ответом ему стал кивок. Затем Солдат объяснил, что проделал долгий путь в поис-

ках того, кто может исцелять болезни. Бродяга ответил, что обладает такой способностью, и предложил Солдату назвать свое желание. Солдат, не ожидавший этого вопроса, вынужден был отвечать не раздумывая.

— Моя жена и ее сестра поражены страшным недугом. Сможешь ли ты их вылечить?

— Тебе позволяется высказать лишь одну просьбу.

Солдат очень устал, и мысли его были в смятении.

— Не понимаю.

— Ты можешь просить исцеления или для своей жены, или для ее сестры, но не для обеих. Только одно желание. Или один вопрос, на который будет дан ответ. Выбор за тобой. Не торопись, подумай хорошенько.

Солдат не стал тратить время на размышления. Как гражданин Гутрума, он должен был бы в первую очередь позаботиться о рассудке правителя своей страны. Но Солдат слушался не разума, а чувств. Он любил свою жену и думал только о ней, не заботясь о последствиях. Перед ним не стоял выбор. Королеве придется подождать.

— Я хочу, чтобы ты вылечил мою жену, принцессу Лайану, от недуга, причиняющего ей столько страданий.

— Твое желание исполнено, — ответил бродяга и пошел вдоль берега, изучая богатства моря, выброшенные на песок штормом.

— Ты можешь сказать мне, кто я такой и откуда прибыл сюда? — крикнул ему вслед Солдат.

Но бродяга даже не обернулся. *Только одно желание. Или один вопрос.*

Солдат вернулся мимо куч морских водорослей и топляка к своему живому кораблю и снова отправился через океан, мимо прекрасных малахитовых островов, призывавших ступить на их берег. Солдат не обращал внимания на эти крики, торопясь домой. Впереди в небе появился золотой рог с высеченным на сверкающей поверхности его именем. Но как только Солдат достиг суши и поднялся по ступеням к каменному обелиску, он забыл имя, начертанное на золотом роге, и в полной мере ощутил на себе проклятие стертой памяти и потерянного сознания.

Встав перед обелиском, Солдат захотел опять вернуться в подземный мир и узнать свое имя. Он долго стучал по камню — стучал до тех пор, пока не разбил в кровь костяшки пальцев, — но лестница, ведущая вниз, перед ним больше не возникла. С тяжелым сердцем Солдат спустился с гор, мимо говорящих скал, к берегу

озера. Не имея под рукой ни дерева, ни веревок, чтобы соорудить плавательное средство, он огляделся вокруг. Его взгляд упал на стайку молодых угрей, копошащихся в зарослях саргассовых водорослей. Солдат составил из перепутавшихся вместе угрей плот, извивающийся и дергающийся, и переплыл на нем на противоположный берег.

К концу второй недели, открыв тайну горы колдунов, он снова очутился в пещере карликов.

Там его ждал Спэгг, переполненный чувством жалости к собственной персоне.

— Ты только посмотри на мои руки, на мои ноги! — воскликнул торговец, обращаясь к Солдату. — Какие шрамы! Я меченый до конца жизни!

Спэгг показал Солдату дыры в своих конечностях.

Солдат кивнул.

— Мы заставим Цезаря заплатить за преступления.

— Мсти за себя, — сказал Кснопль, — а не за этого хнычущего слабака.

— Нет-нет, передо мной алхимик ни в чем не виновен. Я совратил его супругу. Он имел полное право травить меня.

Кснопль фыркнул.

— Насколько я знаю эту дамочку, все произошло как раз наоборот. Это она тебя соблазнила. В том, что касается секса, ей нет равных; искусительница многих мужчин поставила на колени. Поговаривают, она не простая смертная, а коварная фея, безжалостно соблазняющая странствующих рыцарей.

Солдат вздохнул.

— Что ж, в любом случае я должен сразиться с Цезарем. Он мучил моего слугу.

— Я не слуга, — возразил Спэгг. — И предлагаю поспешить домой, а не задерживаться здесь. Бог с ним, с алхимиком. Давай не мешкая трогаться в обратный путь.

Но Солдат не желал и слышать об этом. Опоясавшись, он взял свой сломанный меч и поднялся из пещеры. Выйдя из леса, Солдат направился через поле к дому Цезаря. Спэгг следовал за ним на приличном расстоянии.

— Выходи на смертный бой, Цезарь! — громко крикнул Солдат. — Я хочу получить назад свои ножны и кольчугу!

Осененный внезапной мыслью, он обернулся к Спэггу:

— Что известно Цезарю о моей кольчуге?

— Ну как что — всё, — ответил Спэгг. — Он пыткой вытянул из меня всю правду. Я рассказал ему, что в этой кольчуге человек

становится неуязвимым. Он знает, что в ней ему будут не страшны твои удары.

— Благодарю, — язвительно заметил Солдат. — Теперь мне придется сразиться с непобедимым врагом.

— Всегда пожалуйста.

Солдату было неведомо чувство страха. Он повторил свой вызов. После третьего раза за зубцами стены, окаймляющей плоскую крышу, появилась Крессида, супруга владельца дома. Ветерок трепал муслин ее мантильи, и она с презрением смотрела на Солдата.

— Сейчас к тебе выедет мой супруг, — насмешливо крикнула Крессида. — Он снесет с плеч твою голову и насадит ее на кол перед воротами.

В это мгновение ворота распахнулись, повинуясь невидимым рукам. Солдат широко раздвинул ноги, готовясь встретить врага. Он еще не успел восстановить силы после долгого путешествия и поединка с Олгатом, однако выбора не было. Ему придется сразиться с неуязвимым противником.

Из внутреннего дворика пахнуло ароматом ромашки и мирта. В больших круглых кадках росли деревья мушмулы. На поле выехал Цезарь, облаченный в кольчугу, в шлеме с перьями, с обнаженным мечом в руке. Он пустил своего коня галопом, намереваясь рассечь Солдата пополам.

Но когда Цезарь поравнялся со своим противником, он уже был мертв. Верный конь продолжал нести его вперед на дерзкого пришельца. Смертельный яд из тысяч крошечных иголок размером не больше колючек на шерсти проник в кровь алхимика. Его сердце остановилось. По всему телу Цезаря разлилась волна невыносимой боли, и он стиснул стальной хваткой рукоятку меча и поводья. Мгновенно окоченевший мертвец оставался в седле, и Крессида не знала, что жизнь ее супруга отлетела в неведомые края. Она считала его живым, решительно настроенным расправиться с вероломным гостем.

Лошадь, не чуя поводьев, пронеслась мимо стоявшего неподвижно Солдата. Тот проводил ее взглядом, дивясь своему везению.

— Супруг мой! — взвизгнула Крессида. — Куда ты поскакал?

Через некоторое время Солдат и Спэгг отыскали коня, бродящего на опушке леса. Серый раздувшийся труп Цезаря был обнаружен в лесу — тот застрял в развилке засохшего граба. Сняв с него кольчугу, друзья увидели, что изнутри обшитый стальными пластинами бархат покрыт капельками свежей крови, похожими на крошечные ягодки шиповника и боярышника, алеющими осенью на этих колючих кустах. Несомненно, именно дос-

пехи убили алхимика посредством своих многочисленных отравленных игл.

Солдат понял, что был на волосок от гибели. У него на сердце стало тяжело от мысли, что его жена — или кто-то, воспользовавшийся ее именем — пыталась его убить.

— Ты только взгляни! — с ужасом промолвил Спэгг. — А ведь на его месте, Солдат, могли бы быть ты или я.

От яда труп Цезаря распух, и теперь он огромным гнилым грибом валялся под сенью деревьев. На убитом Солдат нашел свои ножны и меч Ксанандру. Забрав их с собой, он оставил кольчугу на груди мертвого алхимика. Спэгг снял с трупа кошелек, набитый золотом, и украшенный драгоценными камнями кинжал. Он даже оторвал с куртки Цезаря серебряные пуговицы и положил их в кошелек к монетам. На бархатной шапочке алхимика была брошь с опалом, а в мочке левого уха висела серьга с жемчужиной. Спэгг предложил эти украшения Солдату, но тот отказался, и они в конце концов также очутились в кошельке рыночного торговца.

— Это плата за путешествие в ад, обитель чудовищ и колдунов, — заметил довольный Спэгг, — а также за дыры в моих руках и ногах.

Солдат не винил рыночного торговца за то, что тот ограбил труп. Цезарь обошелся со Спэггом очень жестоко и заслуженно лишился драгоценностей. Конечно, их могла унаследовать вдова алхимика, однако Крессида и так была богата, ибо ей принадлежал не только просторный дом, но и вся его обстановка.

Карлики, вылезшие из подземных дыр и щелей, плевали в своего мертвого господина. Некоторые даже плясали джигу у трупа. Все восхваляли Солдата и Спэгга, называя их героями.

— Будьте милосердны, — в конце концов не выдержал Солдат. — Отнесите останки Цезаря вдове, чтобы она смогла достойно предать их земле. Не надругайтесь над трупом, не расчленяйте его. Любая смерть заслуживает уважительного отношения, даже если речь идет о таком человеке. К тому же не надо забывать о чувствах вдовы.

Но карлики его не слушали. Обзывая Крессиду шлюхой и неверной женой, они вырвали Цезарю руки из суставов, затем отрубили ноги. Связав конечности вместе, карлики утопили их в ближайшем пруду. Оторвав трупу голову, они повесили ее в прочных сетях гигантского паука, обитающего в этой волшебной стране, и, оттащив тело в поле, с бурной радостью скатили его вниз с холма, словно огромное яйцо.

Крессида стояла на крыше дома и угрюмо наблюдала за всем этим. Ее тонкий сжатый рот напоминал алый рубец, пересекающий бледное лицо. Наконец она не выдержала и спустилась в дом, скрывшись с глаз двоих путников. Солдат с тяжелым сердцем сел на коня Цезаря и усадил Спэгга позади себя.

Они тронулись в обратный путь.

Капитан Кафф заболел. В Зэмерканде свирепствовала эпидемия. С внезапным приходом лета на город обрушилась чума, уносившая каждый день жизни сотен людей. Хворь не всегда приводила к смерти — кое-кто из заболевших выздоравливал, — но она была очень заразной. Из троих пораженных чумой двое умирали. Стоило лишь побывать в помещении, где находится больной, чтобы заразиться. Иногда хватало сделать только один вдох дурного воздуха.

Желая защитить себя, придворных и советников, королева Ванда закрыла доступ во Дворец Птиц для всех посторонних. Разумеется, канцлер Гумбольд находился при ней. Узнав о скором возвращении Солдата, могущественный чиновник пришел в бешеную ярость. Однако он ничего не мог поделать. Не могло быть и речи о том, чтобы покинуть безопасный дворец и отправиться в город искать наемного убийцу. Гумбольд страшно боялся смертельной болезни, понимая, что она не пощадит и канцлера. Не мог он встретиться и с Каффом, метавшимся в лихорадке на кровати у себя дома. Кроме того, капитан имперской гвардии был в бреду и все равно ничем не смог бы помочь канцлеру.

Каким образом Солдату удалось совершить опасное путешествие и остаться в живых? Страна колдунов, высокие горы, обитель богов, бескрайняя пустыня — он прошел через все эти земли и теперь возвращается обратно? Канцлер не представлял себе, как такое возможно. А что же со всеми коварными планами, придуманными им самим и капитаном Каффом? Они окончились ничем. Солдат действительно очень опасный человек. Гумбольд ругал себя за то, что не расправился с неизвестным пришельцем в тот самый день, когда охотник привел его в город.

— Сейчас уже ничего не поделаешь, — пробормотал про себя канцлер, глядя в высокое окно дворца на раскинувшийся внизу город. — Ну да ладно, по крайней мере Солдат не выполнил поручение королевы. Рассудок Ванды нисколько не просветлел, и, значит, моей власти пока ничто не угрожает.

Перед глазами канцлера по улицам города бродили бедняки, находившиеся на разных стадиях болезни. Они падали и умирали,

и их трупы разлагались в сточных канавах. Первое время по городу разъезжали тележки, собиравшие мертвых, но теперь почти не осталось здоровых, кто мог бы заботиться о покойниках.

Красные шатры отошли от города, подальше от опасности. Впрочем, карфаганцы все равно не стали бы заниматься подобной работой. Они были воинами, а не врачами или могильщиками.

В противоположном конце сада, с другой стороны от башни, с которой канцлер смотрел на Зэмерканд, находился Дворец Диких Цветов. Он тоже был наглухо закрыт, но по другой причине. Принцесса Лайана только вчера заразилась чумой; чтобы уберечь слуг, она отослала из дворца всех за исключением своей горничной. Принцесса приказала слугам перебраться в башенку на крыше дома и летние помещения внизу, где они были бы изолированы как от нее, так и от окружающего мира. Гумбольд все это знал, так как, увидев вчера вечером поднятый над Дворцом Диких Цветов желтый флаг, знак чумы, расспросил выходящих из здания слуг.

— Значит, принцесса Лайана, вероятно, умрет, и защитить Солдата будет некому. После смерти сестры королева потеряет к чужеземцу всякий интерес. Может статься, что возвращение героя превратится в его похороны.

Улицы города кишели крысами. Мерзкие твари, забыв страх, вылезали из сточных труб. Корма было вдоволь. Крысы пожирали разложившиеся трупы и жирели на глазах. Они плодились и размножались. По приказу Гумбольда целая армия слуг убивала серых тварей, карабкавшихся вверх по стенам дворца. Поскольку башни были облицованы вулканическим стеклом, поверхность была очень скользкой, что существенно усложняло задачу крысам. Так или иначе, еда была внизу, в домах и на улицах, а не во дворце. Лишь самые любопытные из крыс пытались взобраться на стены.

— Что ж, — вздохнув, задумчиво произнес Гумбольд, — остается только ждать. Страшно представить себе, что чужеземец может с минуты на минуту появиться в городе, но, с другой стороны, ему придется столкнуться с чумой, косящей всех без разбора.

Эта мысль утешала.

Как только началась чума, про Утеллену и мальчика-колдуна забыли. Тюремщица заболела одной из первых и через три дня умерла. Присматривать за заключенными стало некому. Хотя в подземной темнице болезнь им не угрожала, они стали голодать. В конце концов прилетела птица, окрещенная Утелленой «вороном Солдата», и отперла клювом замок камеры. Затем Утеллена, в свою очередь, освободила остальных заключенных. Многие

поднялись на улицы города и в первую же неделю заразились смертельной болезнью. Сама Утеллена вместе с мальчиком покинула Зэмерканд.

Они ушли в лес и вернулись на то место, где когда-то разбивали лагерь. Отвратительный смрад болезни и смерти остался далеко позади.

— Мы должны оставаться здесь, — сказала Утеллена сыну, — и ждать возвращения Солдата.

— Да, мама.

Мальчик бросил на мать безучастный взгляд. В его глазах не было любви. Утеллена видела это и очень страдала, но она понимала, что ее сын колдун, и ему чужды человеческие чувства. В отношении мальчика к матери не было ни жестокости, ни злости. Для него она была просто женщиной, носившей его девять месяцев в своем чреве, а теперь ставшей ему преданной защитницей. Она хорошо знает этот мир, где он еще новичок, и сделает все, чтобы оградить его от беды.

Капитан Кафф, под присмотром преданных гвардейцев, ворочался и крутился в постели в здании кордегардии. В его глазах горел огонь, свидетельствующий о непреклонной решимости выжить. Капитан Кафф не собирался стать, подобно тщедушной девице, жертвой болезни, которую он считал вызовом своему мужскому достоинству. Теперь у него была металлическая правая кисть, сделанная из серебра; при каждом движении руки она поблескивала. И даже сейчас, в бреду, Кафф, видя эти отблески, вспоминал о ненависти к Солдату, о том, что ему нужно расплатиться с дерзким чужестранцем.

Глава двадцать пятая

Солдат и Спэгг ехали по длинной аллее из отсеченных голов, ведущей к воротам Зэмерканда.

Они были верхом на тех самых лошадях, на которых несколько месяцев назад тронулись в путь. Солдат обнаружил животных неподалеку от деревни с домами на вырастающих и опускающихся сваях. Путники оставили лошадь Цезаря наверху на плато, предоставив ей самой искать дорогу домой. Впрочем, быть может, она и не подумает возвращаться? По берегам реки луга после схода сне-

га покрылись сочной травой, так что голод благородному животному не грозил. Вполне вероятно, ему суждено просто одичать.

Теперь, уже зная о троллях, путники постарались избежать встречи с ними — ехали по северному берегу и тревожно оглядывались по сторонам, чтобы не наткнуться на шайку грабителей. Однако троллей нигде не было видно, и Солдату и Спэггу удалось пересечь плато без каких-либо происшествий. Оба были настолько измучены, что не смогли бы вступить в бой или спастись бегством.

Подъехав к Зэмерканду, путники обнаружили, что свежих отрубленных голов на шестах нет. От старых остались одни черепа, лишь кое-где прикрытые кусками полусгнившей плоти. Городские ворота стояли распахнутыми настежь, часовых не было и в помине.

Ворон, усевшийся на круп коня Солдата, по обыкновению делился своими мудрыми суждениями.

— Куда подевались красные шатры? — спросил Солдат у пернатого друга. — Неужели они бежали от чумы?

— А разве ты на их месте не поступил бы так же? — спросила черная птица.

Тут Спэгг остановил коня.

— Думаю, мне лучше отправиться погостить к своему кузену. У него небольшая ферма к северу от города. Не вижу смысла рисковать здоровьем и жизнью, раз здесь бесчинствует такая зараза. Джагг наверняка будет рад меня видеть, особенно теперь, когда я разжился кое-каким золотишком.

Солдат кивнул.

— Пожалуй, верно.

— А почему бы и тебе не отправиться со мной? — спросил Спэгг. — Джагг приютит нас обоих. Если не найдется места в доме, поселит нас в сарае.

— Нет, Спэгг, отправляйся один. А мне нужно повидаться с женой. Я слышал, она очень тяжело больна.

— Это-то я и имел в виду. Ты подцепишь от нее заразу.

Но Солдат твердо стоял на своем. Он поблагодарил Спэгга за помощь.

— Я, в свою очередь, тоже попрошу тебя об одной услуге, — проворчал в ответ торговец руками. — Если тебе еще раз придется совершить нечто подобное, не обращайся ко мне, хорошо?

С этими словами Спэгг уехал.

Солдат повернулся к ворону:

— Слушай, похоже, город никто не охраняет.

— Стражники или больны, или перепуганы до смерти.

— Что, все жители города не показывают нос на улицу?

— По крайней мере те, у кого есть голова на плечах.

Солдат въехал в ворота. Улицы Зэмерканда были пустынны, если не считать мух. Мухи кружились повсюду. А между разлагающимися трупами сновали серые тени.

— Крысы, — с отвращением пробормотал Солдат. — У них пиршество.

Он проехал по мощенной булыжником центральной улице, затем свернул на площадь, но так и не встретил ни единой живой души.

— Если бы сейчас враг напал на Зэмерканд, защитникам города пришлось бы тяжко.

— Разве те, кому ведомо чувство самосохранения, решат напасть на город, где свирепствует чума? — резонно заметил ворон.

Вскоре птица на время попрощалась с Солдатом и отправилась добывать себе корм. Солдат постарался не думать о том, чем будет питаться его пернатый друг: он и так догадался.

Спешившись, Солдат повел своего коня на поводу. Лошадь извергла на мостовую кучу навоза. Солдат обратил внимание, что свежих испражнений на брусчатке нет. Кое-где между булыжниками уже пробивались ростки сорняков. Двери домов были покрыты какими-то знаками, грубо выведенными красной краской. Он предположил, что эти магические символы призваны не пускать на порог чуму. Впрочем, возможно, их нанесли городские власти, желая проследить распространение болезни. Солдат, не знакомый с обычаями Гутрума, точно сказать не мог.

Часовые не стояли даже у ворот Дворца Диких Цветов. Солдат отвел свою лошадь в конюшню на заднем дворе и принес ей сена и воды. Миновав беседку в саду, попал во дворец через пустующую кухню. Оказавшись внутри, направился прямиком в парадную залу, а оттуда поднялся наверх. На лестнице его встретила Дриссила.

— Ваша жена больна, — сказала преданная служанка. — Лучше ее не посещать, пока она не поправится. Поживите где-нибудь в другом месте. В трактире, что ли, не знаю. А еще лучше, покиньте на время город.

— Я должен повидаться с ней, — твердо заявил Солдат, отстраняя Дриссилу. — За ней надо кому-то ухаживать.

— Сейчас она сама не своя от лихорадки. У нее жар, и я кладу ей на лоб холодные компрессы. В любом случае госпожа не желает никого видеть. Вас в особенности.

Солдат очень удивился.

— Чем я перед ней провинился? Что сделал не так?

— Сами узнаете.

Дриссила спустилась по лестнице. В руках у служанки был тазик с рвотой, источавшей зловоние.

Поднявшись наверх, Солдат отыскал дорогу в Зеленую башню. Дойдя до опочивальни Лайаны, он остановился перед дверью. Почему принцесса гневается на него? Неужели он никогда не сможет ее удовлетворить? Ведь благодаря ему она исцелилась от безумия, разве не так? Солдат понимал, что королева будет им очень недовольна, но Лайана-то должна оценить его старания? Ради нее он столько перенес — дошел до края света, заглянул в лицо смерти. И тем не менее Лайана по-прежнему держит на него зло?

Вдруг Солдат услышал слабый стон, и его захлестнули истинные чувства.

— Я очень хочу, чтобы она выздоровела!

Войдя в опочивальню, он увидел в противоположном углу кровать под балдахином, завешанную пологом из черного муслина. Приблизившись к кровати, Солдат увидел хрупкую фигуру своей возлюбленной супруги, прикрытую лишь тонкой хлопчатобумажной простыней. Ему не удалось разглядеть сквозь полупрозрачный полог никаких подробностей, поэтому он не смог определить, насколько тяжело протекает болезнь, миновал ли кризис.

До него донесся сильный запах пота, пропитавшего насквозь постель; он с трудом различил лишь волосы Лайаны, красивым веером разложенные вокруг подушки (несомненно, работа Дриссилы), но все равно тусклые и влажные. В комнате стояло отвратительное зловоние рвоты. Лайана дышала неглубоко и очень часто. У Солдата защемило сердце. О, какой исхудавшей и измученной казалась его возлюбленная даже сквозь слой ткани!.. Ужасно хотелось заключить ее в свои объятия, сказать, что он рядом и будет за ней ухаживать, дать знать, что он ее любит и больше всего на свете хочет, чтобы она поправилась.

Солдат протянул руку, собираясь отдернуть полог из черного муслина.

— Не смейте его трогать!

Приказ донесся не с кровати, а из-за его спины.

Обернувшись, Солдат увидел Дриссилу, державшую в руках большую банку с черными пауками.

— Не прикасайтесь к пологу! Он задернут специально. В глаза принцессы не должен падать прямой солнечный свет, иначе она ослепнет. Глаза больных чумой очень чувствительны к яркому свету.

— Извини, я не знал. А это зачем?

— Пауки? Они должны кусать госпожу. Их яд способствует выздоровлению.

Солдата передернуло от отвращения.

— Ты уверена?

Дриссила смерила его таким взглядом, словно перед ней был пятилетний несмышленыш.

— Это Гутрум, и я здесь родилась, кое в чем я разбираюсь. Мне потребовалось полтора дня, чтобы набрать этих пауков, — не без гордости добавила она. — Я знаю, в каких чуланах и подвалах их искать. Сейчас все жители города охотятся на пауков.

— Я останусь.

— Вам нельзя здесь находиться, иначе вы непременно заразитесь.

— Но ты-то ведь здесь.

— Я переболела чумой в детстве. Теперь болезнь мне не опасна. Вы же, напротив, чужой в здешних краях. Если подхватите чуму, то обязательно умрете. У вас нет врожденной защиты к такой заразе.

— И все же я останусь, — решительно повторил Солдат.

— Капитан Кафф не послушался моего предостережения — и посмотрите, что с ним случилось. Теперь ему самому приходится бороться за свою жизнь, а толку от его геройства никакого.

Солдат вскипел от ярости.

— Кафф был здесь?

— Он сидел у кровати госпожи, давал ей снадобья, вытирал лоб холодной мокрой губкой — делал все то же, что, несомненно, намереваетесь делать и вы, поскольку у вас нет ума и вы собираетесь бросить вызов смертельной болезни, — ответила Дриссила. — Но я не позволю вам рисковать жизнью. Один человек уже заразился от принцессы. Я не допущу, чтобы это произошло и со вторым.

Солдат проникся чувством зависти к своему сопернику. Теперь Лайану и Каффа объединяет болезнь! Значит, надменный капитан гвардии сидел у изголовья супруги Солдата, словно именно *он* был ее мужем и возлюбленным! Неужели в этом мире нет ничего святого?

— Будь проклят этот человек! — прорычал Солдат, терзаясь невыносимой болью. — Пусть он сгниет в какой-нибудь черной глуши, а его душа отправится прямиком в самый страшный уголок Потустороннего мира!

— Ну а тем временем, — невозмутимо произнесла Дриссила, — я должна покормить госпожу бульоном. Если вы остаетесь, то са-

дитесь в то кресло с высокой спинкой. А я зайду за полог, чтобы ухаживать за принцессой.

Дриссила занималась своими обязанностями, а Солдат сидел в углу и смотрел на нее. Не сдержавшись, он один раз произнес вслух имя Лайаны. Та медленно повернула голову на его голос, но Солдат не смог разглядеть выражение ее лица сквозь складки черного муслина. Потом больная снова откинула голову на подушку и забылась сном.

Солдат просидел в кресле целый день, а затем и следующий. Всю неделю он находился в покоях Лайаны или где-нибудь поблизости. Дриссила следила за тем, чтобы он ел. Поняв, что ей приходится также тратить время и на готовку, Солдат сменил преданную служанку на кухне, приготовив бульон и суп.

— Худшее уже позади? — ежедневно и ежечасно спрашивал Солдат у Дриссилы. — Она поправится?

Наконец настал тот день, когда Дриссила ответила сдержанным кивком. От облегчения Солдат едва не лишился чувств. Всем слугам было приказано вернуться во дворец, поскольку заразная стадия болезни окончилась. Первым возвратился Офао, за ним повара и стражники.

Солдат зашел в опочивальню Лайаны. Полог из черного муслина был раздвинут. Молодая женщина сидела в кровати. Обернувшись на звук шагов, она метнула на Солдата убийственный взгляд.

Увидев ее лицо, тот застыл на месте.

— Моя милая женушка! — радостно воскликнул он. — Твои шрамы исчезли! Все раны зажили! К тебе вернулась красота! Я так рад за тебя!

— Это тебе надо сказать спасибо, — с горечью в голосе произнесла Лайана. — Судя по всему, ты попросил именно это, но не просил, чтобы ко мне вернулся рассудок. Ты предпочел жену красивую жене в здравом уме, ведь так? Надоели насмешки твоих однополчан из красных шатров? Меня обзывали страшилищем, уродкой? А тебя дураком за то, что ты на мне женился? И ты, отыскав колдуна, согласного исполнить твою просьбу, решил разгладить шрамы на моем лице вместо того, чтобы разгладить искривления моего разума. Как же примитивно ты мыслишь!

Солдат был ошеломлен этими словами.

— Ты... ты по-прежнему страдаешь от безумия?

— Разумеется. Как раз перед самой болезнью, проснувшись утром, я обнаружила, что шрамы исчезли, но в голове снова властвуют демоны. Солдат, в моем сердце не осталось никаких чувств,

кроме ненависти к тебе. Как я была глупа, что поверила голубоглазому чужестранцу, человеку, пришедшему из ниоткуда! Мне следовало бы присмотреться внимательнее к своим согражданам. Тебе нужна та жена, с которой не было бы стыдно показаться на людях, а не та, что обладает здравым рассудком и могла бы разделить с тобой жизнь. Ты такой же, как все мужчины. Почему бы тебе снова не исчезнуть в никуда? Я не желаю больше тебя видеть. Оставь меня. Уходи отсюда!

Закрыв лицо руками, Лайана залилась слезами.

— В случившемся есть доля твоей вины, — с упреком произнес Солдат, вспоминая дословно то, что сказал колдуну. — Я просил о том, чтобы ты исцелилась от напасти, причиняющей тебе больше всего горя. Должно быть, в тот момент тебя беспокоила в первую очередь внешность и лишь потом твой рассудок.

Лайана побледнела, услышав эти слова.

— И еще, — продолжал Солдат, переполненный нестерпимой болью, — ты не забыла о смертоносной кольчуге, украшенной твоим гербом?

— Я ничего не знаю ни о какой кольчуге.

Солдат и Лайана долго в отчаянии смотрели друг на друга. Ни он, ни она не могли сказать, что в течение последних месяцев все их мысли были заняты лишь судьбой любимого человека. Если бы один не выдержал, второй тоже сломался бы; и они бросились бы в объятия друг друга, обливаясь слезами и бормоча нежные слова. Но у обоих была железная воля, и они держали свои истинные чувства наглухо запертыми.

Наконец Солдат, огорченный и разгневанный, стремительно вышел из комнаты. Он хотел объяснить Лайане, что, прося об ее исцелении, даже не думал о шрамах — только об умственном расстройстве. Он понятия не имел, что колдун вернет ей красоту, а не рассудок. Ему даже в голову не пришло уточнить свою просьбу. И вот теперь выяснилось, что он совершил это опасное путешествие впустую. Королева будет на него гневаться, а Лайана посчитает его лживым сластолюбцем. Выходит, теперь мерзавец Кафф отобьет у него жену?

Пробегая по коридору, Солдат крикнул во весь голос:

— Неужели я рисковал своей жизнью и жизнью другого человека ради того, чтобы меня отвергли с таким презрением?

Появившаяся из соседней комнаты Дриссила укоризненно посмотрела на него.

— Эх вы, мужчины, — мягко произнесла она. — Вы считаете, что всех женщин волнует только то, как они выглядят!

Солдат бессильно поднял руки.

— Дриссила, пожалуйста, поверь мне, я не сомневался, что излечил свою жену от безумия, а не избавил от шрамов!

— Что ж, как бы там ни было, теперь ни вы, ни я не сможем убедить ее в этом. Я слышала, что королева также вами недовольна. Вам лучше какое-то время пожить в Северной башне. Я никому не сообщу о том, что вы там прячетесь.

— Спасибо, Дриссила, — искренне поблагодарил преданную служанку Солдат. — Ты скажешь, когда мне можно будет предстать перед очами жены?

Однако вскоре после этого разговора у Лайаны снова случился приступ безумства. Она еще не успела полностью оправиться от болезни, и на этот раз помутнение рассудка проходило тяжелее, чем обычно. Дриссила совершила большую ошибку, рассказав Солдату о случившемся, и он сразу же покинул Северную башню.

Солдат настоял на том, чтобы находиться в Зеленой башне, подле жены, и помогать в тяжком испытании. Лайана яростно отвергла его. Трижды в течение ночи она пробиралась в спальню к Солдату, намереваясь его убить. Но каждый раз Солдата предупреждала песнь волшебных ножен. Ему удавалось выбить оружие из рук помешанной. Судя по всему, у Лайаны в опочивальне был припрятан не один десяток кинжалов, и даже в минуты помутнения рассудка она знала, где их находить.

— Если я не убью тебя сейчас, — прошипела Лайана, когда Солдат в очередной раз отбил удар смертельного лезвия, — я отравлю тебя потом. Рядом со мной ты никогда не будешь в безопасности. Ты умрешь в страшных мучениях.

После третьей попытки, уложив Лайану в кровать, Солдат вышел из ее опочивальни. Дойдя до конца коридора, он обнаружил там балкон и шагнул на него, чтобы подышать свежим воздухом и посмотреть на ночное небо.

Терзаясь отчаянием, Солдат вдруг увидел, что красные шатры вернулись. В ярком свете луны он разглядел коричневатые конусы за городскими стенами. Как ему захотелось снова оказаться в кругу боевых товарищей! Быть может, сказал он себе, лучше уйти из дворца и присоединиться к друзьям? Велион расскажет ему о минувших битвах. А он, в свою очередь, поведает о своих приключениях в стране богов и колдунов.

Но эта мимолетная мысль принесла облегчение лишь на краткий миг. Солдат понимал, что должен оставаться с Лайаной, по крайней мере до тех пор, пока у нее не пройдет приступ безумия.

Бедная Лайана! Каким бесполезным супругом оказался он для нее! Он отдал ей все, но его старания принесли ему не любовь, а лютую ненависть. Человек не может жить без любви. Ему требуется, чтобы кто-то считал его лучшим на свете. Ему нужно знать, что кто-то ценит его превыше всего.

Солдат стоял на балконе, погруженный в печальные размышления, и вдруг на город спустилась зловещая тень. Нахмурившись, Солдат стиснул перила. Какое-то мгновение ему почудилось, что земля вот-вот перевернется, затем все стихло. Солдат был в недоумении. Потом, поскольку вокруг опять воцарилось спокойствие, он решил, что произошло легкое землетрясение.

Внезапно луну и звезды снова заслонила гигантская тень.

Подняв взгляд, Солдат увидел силуэт огромной крылатой рептилии, скользящей по небу над городом.

— КЕРРОУУ! — донеслись изо рта пролетающего существа полные любви звуки. — КЕРРОУУ! КЕРРОУУ!

Солдат, мать дракона, грустно улыбнулся.

Похороны чародея

Посвящается Марку Лилли

Глава первая

Кто ни разу в жизни не видел сверкающих башен, величественных зданий и темно-зеленых куполов Зэмерканда, тот определенно пропустил величайшее чудо из чудес. Яркие лучи утреннего солнца проворно взбираются по высоким золоченым порталам, ослепляя путника, что бредет за много лиг от города. Гладкие лазуритовые изразцы, покрывающие неприступные зубчатые стены, сияют нестерпимо яркой синевой. Серебряные желоба отсвечивают, пуская солнечные зайчики, которыми вполне мог бы похвастаться волшебный меч какого-нибудь воинствующего божества. Сам город представляет собой огромный, геометрически правильный цветок. Он словно открывается навстречу утру, играя лучиком света, который перепрыгивает от шпиля к колонне, от колокольни к звоннице, со звонницы взбирается на высоченную башню, словно некий священный огонь, что спешит заполнить собой все грани жертвенной звезды.

На укрепленных стенах с бойницами стоит имперская стража: шлемы воинов сияют, наконечники копий поблескивают на солнце. Вокруг городских стен, которые образуют почти полный круг, если не считать рукотворного каменного тоннеля, стоят красные с охрой шатры наемной армии Карфаги. Армия эта охраняет земли Гутрума от канала до самого моря. Оружие карфаганского войска сияет тусклым светом. Карфаганские мечи частенько используются в пылу боя в отличие от мечей имперской стражи, которые вынимаются из ножен только для чистки перед парадами. Мечи карфагенцев потеряли блеск от постоянной работы: их поверхность поцарапана, края хоть и остры, но порядком изъедены регулярной заточкой, а выщербины на лезвиях дочерна протравлены кровью врага.

Богатый и могущественный, истекающий земными благами город, что расположен в южной части Гутрума и простирается на пять миль в длину и ширину...

На самом верху одной из зеленых башен с прекрасным видом на окружающий ландшафт стоял мужчина, проведший нескончаемую и полную тяжких мыслей ночь — Солдат, муж Лайаны, младшей сестры королевы.

Солдат заметил, что с запада от самых гор Священной Семерки, где живут боги и правят чародеи, приближается всадник. Он казался утомленным и покачивался в седле из стороны в сторону, а ноги его то и дело выпадали из стремян. Несколько карфаганцев, которые рано поутру направлялись к источнику за свежей прохладной водой, расступились, давая путь, а огромные деревянные ворота города, сияющие латунью и бронзой, распахнулись, будто всадника этого здесь ждали очень давно.

— Дриссила! — позвал Солдат, не сходя с балкона башни. — Твоя госпожа в себе этим утром?

— Боюсь, плохо дело, — последовал ответ. — Ночью ее посетили демоны и теперь находятся в ней.

Солдат глубоко вздохнул. Он любил свою жену всем сердцем, как может любить только человек, который однажды потерял возлюбленную, уступив ее темным объятиям смерти. Лайана была его будущим, прошлым и настоящим. За нее он пошел бы на смерть, за нее готов был убить.

— Она под опекой Офао?

— Да.

— Благодарю.

Всадник, который выехал на рыночную площадь, еле держался в седле от усталости и чуть не упал прямо на булыжную мостовую. К тому месту уже спешил капитан королевской гвардии Кафф. Дворцовые чиновники тоже проталкивались вперед, подхватив полы своих одеяний, дабы не запачкать их в помете лошадей и ослов. Среди собравшихся были канцлер Гумбольд, лорд королевской казны Квидквод, лорд замков Малдрейк, леди-хранительница лестниц Кинтара и маршал Крашкайт — верховный главнокомандующий Гутрума. Даже сама повелительница Гутрума, королева Ванда, покинула свой будуар и предстала перед всеобщими взорами на балконе башни во Дворце Птиц.

Пока Солдат рассматривал происходящее на улицах, возле его локтя приземлился Ворон.

— Ставлю десятку, что умер Король магов, — произнес Ворон. — Десяток горячих блинчиков, разумеется, поджаренных в превосходном кукурузном масле.

— Здесь с тобой никто спорить не собирается, — ответил Солдат.

— Король магов мертв! — воскликнул гонец хриплым голосом. — Где чародей, что займет его место?

— Ну вот, видишь? — сказал Ворон. — С тебя блинчики к завтраку.

— Мы не заключали пари, — напомнил ему Солдат. — И все-таки как ты узнал?

— Тебе-то чего удивляться? Я ведь по свету летаю, с ветрами разговариваю...

— Ты всю ночь просидел за моим окном.

— Ну и тупица же ты! Достаточно просто глаза раскрыть, чтобы заметить, как изменился мир. Видишь, как ярко сияет солнце? А эти горы! Синева сплошная! А раньше какими были? Уныние да серость. Вон как петух восторженно закукарекал! Все царство живых и мертвых перевернулось с ног на голову.

И в этом птица не ошиблась. Солдат был слишком поглощен собственными проблемами, чтобы заметить, насколько хороший выдался день по сравнению с тем, что было вчера, позавчера, тысячу дней назад.

Ворон поднялся в воздух и уселся чуть поодаль на головке флагштока.

Внизу, на площади, продолжался расспрос всадника.

— Кто наследует трон? — выкрикнул Гумбольд. — Кто был наречен новым Королем магов?

— Ах да, мне велели... велели... — Гонец буквально засыпал на ходу. Капитан Кафф встряхнул его, и тот несколько взбодрился. — Велели сообщить, что трон наследует сын некой женщины по имени Утеллена, проживающей в этом городе.

— В *этом* городе? — зашумела толпа, высыпавшая из своих лачуг да хибарок — под сверкающим плащом Зэмерканда скрывалась гнилая сердцевина.

Гумбольд прокричал:

— Кто знаком с некой Утелленой?

По толпе пронесся глухой шум и ропот.

Маршал Крашкайт громогласно потребовал:

— Кто-то должен знать ее!

Вслед за этим на булыжную мостовую опустились тишина.

— Неужели никто? — воскликнул капитан Кафф.

Тишина сгустилась.

И наконец последовало:

— Я знаю Утеллену.

Все глаза поднялись туда, откуда раздался голос.

Кафф медленно кивнул и скорчил недовольную мину. Гумбольд вздохнул. Торговец по имени Спэгг, что продавал руки повешенных, сплюнул в канаву.

Говорившим оказался Солдат.

— Ты? — удивился маршал Крашкайт — едва ли не единственный среди собравшихся, кто не питал вражды к человеку на высокой башне. — Она в Зэмерканде, Солдат? Где она?

— Одно время они с ребенком прятались в трущобах. Бок о бок с беднотой и попрошайками.

Послышалось ерзанье и шарканье среди чиновников. В обычаи Короля магов до сих пор не входило вмешиваться в делишки простого народа. Его занимали куда более важные вопросы. Он был наделен такой властью, что мог легко уничтожить любой город или даже целое государство. Лишь присущее ему чувство справедливости и меры сдерживали его руку, когда дело доходило до наказания неугодных.

Теперь и в самом деле пришел совсем новый Король магов. Будет ли он столь же неподкупен и честен, как прежний? Или новое правление начнется со сведения счетов, и он захочет покончить с прошлым и избавиться от былых обидчиков?

Теперь с балкона Дворца Птиц заговорила королева Ванда:

— Солдат, ты знаешь, каков здесь порядок вещей. Всегда есть бедные, богатые и те, что между ними в той или иной степени. То, что наследник вырос среди отребьев города, — вина социального устройства, а не правительства.

Солдат не был полностью согласен с данной точкой зрения, но понимал, что пререкания ни к чему не приведут.

— Этот мальчик, когда я видел его последний раз, не считал себя жертвой государства. В его сердце нет обиды. Хотя кто знает, что на самом деле творится в голове чародея?

Королева вздохнула. Ее узкое личико всегда бледнело, когда она готовилась принять какое-нибудь решение.

— Ты сможешь отыскать его?

— Думаю, да. Он где-то за городом.

— Тогда ты знаешь, что от тебя требуется. И знаешь, что тебе предстоит сделать. Канцлер, выдайте Солдату все, что он попросит для снаряжения поисковой экспедиции. Он найдет нового Короля магов и проинформирует его о смерти предшественника. Новый Король должен занять высокий пост как можно скорее.

С этими словами королева удалилась с балкона и фиолетовым облачком шифона и шелков упорхнула в свои палаты.

Солдата проинформировали, что в течение часа он должен представить отчет капитану Каффу.

Солдат направился в покои жены в надежде, что она все-таки узнает его.

Она узнала.

— Ах ты, скотина! — Она плюнула. — Пришел поглумиться надо мной, пока я не в своем уме. Что, не правда?

Бедняжка скорчилась в углу огромной кровати — той, что он редко делил с ней в последнее время. Возле хрупкой миниатюрной фигурки валялись скомканные простыни. Сердце Солдата обливалось кровью, когда он видел, как терзает ее недуг. Лицо принцессы, обычно оживленное и довольно прелестное с тех пор как сошли шрамы, исказилось от злобы, отчего у Солдата стало неспокойно на душе. Солдат знал, что в таком состоянии спорить с Лайаной бесполезно. Он просто пожелал ей всего хорошего.

— Мне нужно уехать по делам королевы. Я вернусь, как только смогу.

Офао, который также находился в комнате, пришлось сдерживать хозяйку, когда она бросилась к Солдату с изогнутыми, словно когтистые лапы, пальцами, готовая расцарапать в кровь лицо мужа.

— Скатертью дорога! Ждешь не дождешься, чтобы избавиться от меня! Ты спишь с моей сестрой? Вы, наверное, смеетесь надо мной вдвоем: ах, глупышка Лайана — муж-то ее королеву ублажает.

— Сестра твоя не меньше моего заботится о твоем благополучии, — сказал Солдат. — Между нами ничего нет. В душе ты сама это знаешь. Я уезжаю за новым Королем магов. Его нужно привезти для коронации в горном дворце. Я вернусь, как только смогу.

— И не думай возвращаться! — дико заверещала Лайана, пытаясь высвободиться из крепких объятий Офао. — Не стоит беспокоиться. — Ее лицо превратилось в злобную маску. — Ты и сам знаешь, что я тебя ненавижу. С какой стати возвращаться к жене, для которой ты дерьмо?

Солдат, как обычно, совершил очередную глупость и попытался увещевать жену, когда здравомыслие ее покинуло, упорхнуло, точно птичка из клетки.

— Так ты думаешь только сейчас, а когда... когда ты в себе, говоришь, что любишь меня.

Принцесса гадливо усмехнулась.

— Я говорю так, чтобы сбить тебя с толку, чтобы вселить в тебя пустую спесь. Я *сейчас* в себе. И говорю то, что по-настоящему чувствую. С чего это мне вдруг любить такого человека, как ты? Ты же урод, изгой с голубыми глазами. Ни у одного живого существа на земле — ни у человека, ни у зверя, ни у птицы — нет голубых глаз. Кто же ты тогда? Ты не знаешь своего имени, у тебя нет воспоми-

наний о прошлом, ты прибыл сюда без единой вещи, если не считать жалких обломков меча. Неужели ты и впрямь веришь, что я, принцесса, способна полюбить ничтожество...

Солдат поспешно покинул комнату, не дав жене возможности продолжить. Лайана в своем сумасшествии обладала огромной энергией и знала, как взвинтить Солдата до потери самообладания. Семь раз за прошлый год она пыталась убить его посреди ночи. И лишь благодаря ножнам, которые пели, предупреждая его о нападении, он остался жив. На ножнах было золотыми нитями вышито имя Синтра, а меч, который они когда-то покрывали, назывался Кутрама. Правда, Солдат прибыл в этот мир лишь с ножнами, потеряв меч где-то по дороге.

После встречи с женой Солдат направился в свои покои, обрядился в легкие доспехи и взял боевой молот, который в свое время вырвал из рук напавшего на него ханнака. Последний раз он виделся с Утелленой и ее сыном в лесу на севере, где они вместе прятались. По пути туда на него, вероятно, нападут ханнаки или какая-нибудь банда головорезов из тех, что шастают по пустырям да деревушкам.

Кое-что он успел уже узнать о себе. Оказывается, где-то в глубине его души теплился гнев, который беспощадной волной вырывался наружу на поле брани. Благодаря ему Солдат прослыл одним из самых безжалостных убийц, каких когда-либо видел этот мир. Солдата самого пугала ярость, которая взрывалась в нем в подобные моменты. Он боялся непреодолимой, захлестывающей злости не меньше, чем его враги. Солдат пытался понять, откуда происходит это глубинное чувство и что же такого стряслось с ним в далеком прошлом, отчего он теперь, в этой жизни, впадает в подобные состояния.

«Скоро я точно найду себя, — подумал он. — И что-то мне подсказывает, что встреча эта не принесет ничего хорошего».

Солдат вооружился и направился в апартаменты капитана Кафа, где его ожидал доблестный имперский гвардеец.

Кафф был одним из его заклятых врагов. Однажды Солдат отрубил на дуэли капитану руку, и теперь тот прикреплял к обрубленному запястью разных живых существ. Сегодня он выбрал ястреба-перепелятника. Зрелище грозное. Хищник неподвижно сидел на окольцованной серебром культе. Но как только Кафф вытягивал вперед руку, птица расправляла крылья, выпускала когти и начинала рвать воздух крючковатым клювом.

— У ворот для тебя приготовлена лошадь, — объявил Кафф. — Я обо всем позаботился и сам буду сопровождать тебя с ротой сол-

дат. Тебе потребуется защита на открытой местности. Там полным-полно ханнаков.

— Я еду один, — отрезал Солдат.

Кафф пристально взглянул на него, и ястреб забил крыльями.

— А ты глупец... впрочем, я не удивлен.

Солдат пропустил оскорбление мимо ушей.

— Я возьму с собой Спэгга.

Кафф фыркнул.

— Да уж, от этого идиота действительно будет много пользы, когда на вас нападут волки или что похуже.

— Не важно.

Собеседник пожал плечами.

— Поступай как знаешь.

— А ты держись подальше от моей жены.

Ни для кого не являлось секретом, что задолго до того, как Солдат появился в Гутруме, Кафф был тайно влюблен в Лайану. Кафф частенько посещал ее как друг и советчик. В старые времена Кафф не пытался предпринять чего-либо по поводу своей влюбленности, считая себя недостойным внимания принцессы. И вдруг сущее ничтожество, прибывшее с какой-то войны в каком-то неизвестном месте, женится на Лайане спустя всего несколько недель после своего появления в городе!.. Кафф был не просто взбешен; он был почти готов пожертвовать жизнью нового Короля магов — развязать войну, призвать на страну чуму или голод, если потребуется, — лишь бы только Солдат умер.

Капитан натянуто произнес:

— Время от времени принцесса Лайана нуждается в моей помощи.

— Попробуешь соблазнить ее — и ты покойник. Не посмотрю, что ты капитан имперской гвардии.

Кафф осклабился:

— Конечно, полагаешь, у тебя получится?

— Это будет гораздо проще теперь, ведь у тебя на одну руку меньше, — оборвал его Солдат.

Улыбка мгновенно испарилась с лица Каффа.

— Со дня на день ты у меня... — прошипел он, хватаясь за эфес шпаги.

— Просто спи в своей собственной спальне, Кафф, и не покушайся на права мужа.

С этими словами Солдат покинул казарму, где проживал Кафф, и направился на рыночную площадь.

Пока он неторопливо шагал вперед, ему на плечо опустился Ворон.

— Ну-ну, по-прежнему устраиваем потасовки с гутрумитскими гвардейцами, приятель? — сказал Ворон. — И как всегда умудряемся добровольно взвалить на себя очередную самоубийственную миссию. Так и тянет на смерть.

— А тебе не помешало бы заткнуться, — пробормотал Солдат, обеспокоенный, что кто-нибудь услышит, как он разговаривает с птицей, и посчитает его сумасшедшим.

— Я могу заткнуться... а могу и судачить, сколько душе угодно. По-моему, все зависит только от меня, не так ли? Я имею полное право составить о тебе свое собственное мнение, которое остается невысоким, как и всегда. Думаешь, Солдат — герой? Нет, Солдат — тупой! Тебя там могут убить, знаешь ли. Почему ты отказался от сопровождения?

— Ты где все время прячешься? — буркнул Солдат. — В печной трубе?

— Вообще-то я был за окном.

— Поостерегись, если не хочешь в один прекрасный день очутиться на запястье Каффа. А что касается сопровождения, так я Каффу меньше доверяю, чем своре бродячих драконов. Если ему поверить, немудрено однажды и с перерезанным горлом проснуться. Уж лучше отправиться в компании Спэгга. У него есть изъяны, но он боится меня, как самой смерти. А Кафф ничего, кроме презрения, ко мне не испытывает. Считает себя непревзойденным бойцом... А ты чем собираешься заняться? Полетишь с нами?

Если бы вороны умели морщить клюв от отвращения, Ворон непременно так бы и поступил.

— С этим-то зловонным мешком навоза, Спэггом? Да ни за что на свете! Пожалуй, я останусь здесь и вскрою клювом парочку замков. В чистом поле нет кладовых. А мне нужно о животе своем думать, знаешь ли.

Птица улетела.

В это время суток на рынке шла бойкая торговля. В одной части площади продавались овощи, в другой — мясо, в северо-восточном углу — скот. Животные пыхтели, толкали друг друга, роняли свежий навоз на высохшие лепешки вчерашнего дня. И наконец, в последнем углу, где мошенники находили легковерных покупателей, лицедействовали всякие оригиналы и разводили руками отмеченные лучами луны — предсказатели судеб, врачеватели (будто в наше время можно излечиться хоть от чего-нибудь!), — обустроились торговцы самоцветами, поставщики слоновой кости и продавцы забавных безделушек. Там же торговал и Спэгг.

Спэгг продавал руки мертвых людей. Впрочем, не всех подряд: только женщин, убиенных главным образом из-за любви, и мужчин, погибших в основном из-за денег, причем, судя по всему, в мире деньги встречались гораздо чаще, чем любовь. Убийцу вешали, а потом Спэгг, располагавший специальным разрешением, отрезал их руки и продавал как «руки славы» — амулеты из рук повешенных, — которые обладали магическими свойствами, к примеру, способностью делать человека невидимым. Клиенты частенько высказывали Спэггу свое неудовольствие, но он неизменно ссылался на то, что для успеха колдовства требуется вера, и, значит, чуда не произошло из-за неверия клиента, а вовсе не оттого, что «руки славы» негодны.

— Что? — встревоженно воскликнул приземистый волосатый человечек, завидя приближающегося Солдата. — Ну нет. Нет, нет и нет! Я уже однажды ходил с тобой в поход и снова идти не собираюсь. Мне и так чудом удалось вернуться. Вот уж я не собираюсь рисковать своей шкурой во второй раз.

— У тебя нет выбора, — жестко ответил Солдат. — Разве что ты предпочитаешь объяснять причину своей неохоты королевскому палачу.

Спэгг схватил со стола синюшную руку с распухшими костяшками и со всего размаху саданул ею по столу.

— Так нечестно, — захныкал он. — Я ведь собирался устроиться в храм на всю зиму.

— В этом году тебя все равно не примут. Я сказал им, что, когда мы путешествовали, ты осмеивал богов. Я сообщил, что ты поносил священников на чем свет стоит, сквернословил и богохульствовал.

— Врешь!

— Нет, не вру.

— Ну-ну, зря же ты сплетни наводил, доносчик поганый. Я просто разволновался тогда. Любой бы не выдержал и начал ругаться и сквернословить, когда за ним гонится шайка кровожадных троллей. Уверен, тут даже священник пропустил бы пару крепких словечек.

Солдат печально покачал головой.

— Вот видишь, именно из-за таких речей ты каждый раз умудряешься попадать в неприятности.

Спэгг медленно и неохотно накрыл свой прилавок и покатил его с рыночной площади.

— Не понимаю я тебя, — сказал он Солдату. — Я ведь тебе ужасно не нравлюсь. Зачем я нужен тебе в дороге?

— Мне весело в твоей компании.

— Ой, враль-то какой.

— Ну хорошо, скажем так: в Зэмерканде не много найдется людей, которых я бы захотел взять с собой, поэтому выбирать мне не приходится. Тебя я знаю. Я прекрасно осведомлен о твоей выносливости и храбрости — или скорее отсутствии таковых — и обо всех тонкостях твоего характера. Так почему я должен брать с собой человека, который является для меня полной загадкой? С ним я не пойму, когда бежать, а когда стоять и биться на смерть.

— Со мной тебе всегда придется бежать.

— Вот именно. Я знаю, что могу спокойно принимать бой или, если быть точным, давать деру.

— Ну и клоун же ты, — проворчал Спэгг. — Сейчас лопну со смеху.

Тележку с товаром Спэгг запер в конюшне.

— К тому времени, как я вернусь, они уже все сгниют, — проворчал торговец руками, — рассыплются в прах.

— А ты их замаринуй.

— Да уж. Тут парочка из них с проказой, не припомню которые. Если положить их в уксус, так только гнить быстрее будут.

Наши путники забрали подготовленных для них лошадей, что ждали за воротами, и поскакали между красных карфаганских шатров. По пути Солдат принял пару-тройку приветствий от боевых товарищей — среди наемников о нем были хорошего мнения, и не столько потому, что он один из них, да к тому же капитан, а потому, что он не был гутрумитом. Карфаганцы преданно защищали страну, но это не мешало им считать ее жителей жалкими и достойными сочувствия слабаками. Наемники были приземистыми людьми, темноволосыми и смуглыми, коренастыми, как маленькие бычки. Гутрумиты были повыше ростом, кожа побелее и к тому же отличались склонностью к худобе. Карфаганцев воспитывали воинами с колыбели. Гутрумитам приходилось становиться бойцами, такими, как капитан Кафф: их учили навыкам, которыми наемники из Карфаги были наделены от природы.

Солдат не принадлежал ни к одному из этих двух типов воинов. Его отличало некое врожденное умение обращаться с оружием да еще мастерство ведения боя, которому он обучился в каком-то ином месте. Его нетрадиционных приемов никто не мог предугадать. Где-то он научился разить людей без сожаления и такими способами, о которых никто в этом мире прежде не слышал.

* * *

С высокой точки на укрепленной стене Зэмерканда капитан Кафф наблюдал за удаляющимися всадниками.

Как только двое мужчин скрылись из виду, Кафф не теряя времени снял свой офицерский мундир, надел шелковую сорочку, бриджи и щегольскую шляпу, пристроил голубка на запястье и всунул в петлицу веточку мирта. После этого он спешно направился во Дворец Диких Цветов — пенаты принцессы Лайаны и ее недавно отбывшего мужа.

Сломив сопротивление слуг, он направился в покои Лайаны и потребовал аудиенции с принцессой.

Ему ответили, что госпожа не в состоянии принимать посетителей.

— Со мной она встретится, — сказал Кафф. — Она всегда рада меня видеть.

— Только не сегодня. Она не в здравом рассудке, — ответила Дриссила твердо. — В любом случае, когда хозяин вернется, он вас непременно убьет.

— *Если* вернется, — сказал вполголоса Кафф. — Ну хорошо, я загляну завтра.

— Возможно, завтра ей будет по-прежнему нездоровиться.

— Тогда на следующий день. Мне только нужно переговорить с ней. Я хочу быть уверен, что принцесса счастлива...

— Неужели принцесса может быть счастлива? Она ведь больна.

— Я имел виду, *с ним*.

Ворон явился молчаливым свидетелем этого разговора, умудрившись при этом остаться незамеченным. Он вылетел из замка, пролетел над городскими стенами и, нагнав Солдата, приземлился на круп его кобылы.

Птица прокаркала стишок:

Кафф сегодня приходил,
Убираться не спешил.
Запирайте крепче спальни,
К вашей Кафф спешит овчарне.

Солдат даже не взглянул на болтуна.

— Люди не живут в овчарнях.

— Я просто не сумел придумать рифму получше, — ответил Ворон, поклевывая спину лошади, отчего та перешла с ходьбы на трусцу. — А мне очень даже понравилось.

— Значит, он сейчас *там?*

— Ну.

Солдат замолчал, и долго еще был слышен только стук копыт по земле.

— Когда вернусь, — наконец промолвил Солдат, — убью его.

— Так Дриссила и сказала. Но, похоже, это не произвело на него впечатления.

— Произведет, клянусь семью богами, произведет.

Глава вторая

Солдат со Спэггом двигались по равнине, кое-где поросшей деревьями и усыпанной виселицами, на которых болтались повешенные. Тут и там на ветру трепетали ленточки и лоскуты, привязанные к деревьям в память об ушедших в мир иной. Гутрум переживал не лучшие времена, но теперь, когда прежний Король магов умер, у города появился шанс вернуться к более цивилизованному образу жизни.

Спэгг жадно посмотрел на урожай рук, хотя и знал, что, если он отделит их от запястий раскачивающихся на виселицах злодеев, добыча, по всей вероятности, сгниет еще до того, как торговец руками доберется до своего прилавка. И еще Спэгг заметил не без тошнотворного ощущения тревоги, что с многих тел были сняты скальпы и отрезаны нижние челюсти. И в этом повинны не вороны и галки, устроившие себе пир на более мягких частях тел. Тут явно постарались ханнаки.

В Гутруме не было дорог. Гутрумиты с подозрением относились к подобным вещам. Если ты строишь дорогу, говаривали они, банды грабителей — будь то ханнаки или кто другой — будут точно знать, где поджидать путника. Купцы и всякий путешествующий люд предпочитали передвигаться по стране разными маршрутами, выбирая случайные пути. Главное, чтобы было из чего выбрать. Порой в Гутрум наведывались иноземные техники, которые уверяли, что в таком богатом королевстве обязательно должны быть построены дороги, и жаждали немедленно приложить свои умения, дабы показать, на что они способны. Но обычно все эти попытки оканчивались тем, что горе-мастеров до смерти забрасывали камнями, а тела несчастных возвращали на родину.

Спэгг наткнулся на преданного мученической смерти священника — юношу с миловидным лицом. Он был прибит к дереву вверх ногами. Перевернутая голова священника висела вровень с головой проезжавшего на лошади Спэгга. Спэгг, пораженный растянутыми в улыбку губами над темными курчавыми волосами несчастного, внезапно остановился. Помимо воли его пристальный взгляд устремился в стороны, к ладоням. Руки священнослужителя были вытянуты вдоль ветвей и пришпилены к ним. Тонкие и белые, словно лепестки лилии, с ладоней безжизненно свисали белые пальцы, которым ведомы были одни лобызания, не знавшие тяжелой работы.

— Чему он радуется? — сказал сам себе Спэгг. — Посмотри только на эти руки — прекрасные руки, но ни к черту не годные из-за гвоздей... Ох, попадись мне тот, кто вогнал эти крючья в такую прелестную пару ладоней!

— Вероятно, тут поработали люди-звери, — заметил Солдат. — Мальчишка, окрыленный семью богами, видно, решил, что сможет обратить их в свою веру... Тогда и обнаружил, что люди-звери поклоняются более жестоким божествам, чем может предложить им такой город, как Зэмерканд.

Путники двинулись дальше, на север.

Время от времени Солдата посещало беспокойное чувство, будто их преследуют, но позади он никого так ни разу и не заметил. Конечно, оставалась вероятность, что его передвижения отслеживаются королевой. Королева Ванда не побрезговала бы и помощью какого-нибудь мага, прячущегося в облике живой зверюги, чтобы наблюдать за продвижением путников, однако Солдат ни разу не видел одну и ту же птицу или млекопитающее дважды и в итоге успокоился, отбросив все свои подозрения.

— Если пойдем дальше, — буркнул Спэгг, — попадем в страну людей-зверей.

Не успел он произнести эти слова, как Солдат поднял вверх руку. На горизонте показался охотник на лошади — нагой мужчина с лисьей головой. Один из племени людей-лисиц. Рыжая голова повернулась, и он увидел путников. С пояса этого странного существа свисали крепящиеся на кожаном ремне лук и длинный нож. Воин-лис смерил путешественников взглядом, обратил внимание на их внушительное снаряжение и ускакал вниз по горному хребту, где моментально затерялся.

Спэгг перевел дух.

— Вот уж повезло.

— Совсем не обязательно, — сказал Солдат, который и сам был несколько обеспокоен. Ему уже доводилось сражаться под знаме-

нами карфаганской армии с людьми с лисьими, волчьими и собачьими головами. Грозный это был враг. В отличие от ханнаков, чья глупость порой мешала им в битве, люди-звери были умны, да и ярости им было не занимать. — Не исключено, что он отправился за главной загонной сворой. Надо двигаться дальше, и чем скорее, тем лучше. Вон видишь, там уже и лес начинается...

Через час они были в относительной безопасности лесного сумрака.

Над головой высились деревья. В этом лесу Солдат последний раз виделся с Утелленой и ее сыном. Мальчика в Зэмерканде прозвали ведьмаком, но Солдат знал, что тот не имеет к колдовству никакого отношения. Отец его был чародеем, а мать — простой смертной. На лодыжках мальчика остались ожоги — следы пальцев ведьмы, которая помогала ему появиться на свет; только это и связывало ребенка с ведьмачеством.

— Не нравится мне здесь. — Спэгг, задрав голову, пристально вглядывался во мрак, царящий в вершинах. — Совсем не нравится. — Торговец снял шляпу и почесал в затылке.

Солдат удивленно воззрился на него.

— Глазам своим не верю! Да ты сбрил все волосы!

— Совершенно верно, — ответил Спэгг и водрузил потрепанную широкополую шляпу на ее обычное место. — Если встретим на пути ханнаков, я хотя бы скальп сберегу. А вот ты — вряд ли. Лишишься ты своих роскошных кудрей как пить дать. Представляю, как с тебя будут верхушку отколупывать. Вот потеха!

Солдат и сам прекрасно знал об особой страсти ханнаков к волосам. В свирепости этим жестоким варварам не было равных, но они все как один рождались лысыми. С самого детства они завидовали всем волосатым существам на этой планете и испытывали особую радость, срезая с вражеских черепов верхнюю часть. Если же поверженный враг носил бороду, то он непременно лишался нижней челюсти, и вскоре леденящий кровь шиньон закрывал позорную безволосость какого-нибудь ханнака. Дикари не слишком заботились об эстетике и потому не видели причин утруждать себя выскабливанием и просушиванием трофеев.

— Ты что, и вправду считаешь, будто ханнаки оставят тебя в живых просто потому, что у тебя нет волос?

Спэгг пожал плечами.

— Ну, я не знаю. Просто глупо искушать этих негодяев с лоснящимися черепушками роскошной шевелюрой.

— У тебя никогда и не было роскошной шевелюры. Твои волосы больше походили на серый сальный моток, который болтался у тебя за спиной, как хвост у осла.

Солдат остановил коня. Перед ним расстилалась широкая прогалина, где не росло ни единого деревца. Почва впереди не вызывала доверия. Спэгг со своей клячей остался на месте, а Солдат на лошади понадежнее двинулся вперед, пробуя болото палкой, которую заранее срезал в лесу. Палка ушла в зыбкую почву, и копыта лошади начали утопать в болоте. Солдат развернул мерина, направил его прочь от края прогалины и снова вернулся в заросли деревьев.

Все это очень странно. Когда Солдат ездил в лес в прошлый раз, никакого болота на пути не было. Казалось, сама лесная страна говорит: «Ни шагу дальше». Дух леса — или какая-то другая магическая сила — поместил преграду. Быть может, в мальчике внезапно проявился чародей? Вероятно, сын Утеллены просто защищает их таким образом от опасности. Или где-то поблизости обитает какое-то злое существо? Здесь, рядом с трясиной, ощущалось гнетущее присутствие чего-то зловещего, гибели, рока, и чувство это не имело никакого отношения ни к роящимся в воздухе полчищам мух и стрекоз, ни к гнилостному запаху болотного газа.

Солдат с большей радостью встретил бы на своем пути осязаемые земные препятствия. Ущелье, отряд вражеских воинов, даже чудовища или буря — все было бы лучше. Не переносил он присутствия магии.

Спэгг, по всей видимости, не предчувствовал опасности. Он срывал с какого-то дерева дикие яблочки и тихонько напевал: «Вот яблочная королевна...»

— Разобьем лагерь? — спросил Солдат.

Спэгг прекратил петь.

— А почему ты меня спрашиваешь? Сам нас сюда затащил...

— Хорошо. Остановимся здесь.

— Я сейчас пожарю эти дикие яблочки. Пробовал когда-нибудь жареную дикарку? Пальчики оближешь. Подожди чуток.

Когда повар подал обещанное, Солдат не мог не признать его таланта.

— Надо сказать, не так уж и плохо. Жарил в кроличьем жире? Возьму на заметку.

Спэгг самодовольно ухмыльнулся.

— Я попусту хвалиться не люблю.

Стали устраиваться на ночь на кучах мха. Солдат хотел было организовать ночное дежурство, разделив время поровну, так, чтобы, пока один спит, другой стоял на часах, но передумал, увидев, что Спэгг рухнул на одеяло и мгновенно заснул. Солдат какое-то время боролся со сном, но, сколько он ни пытался бодрствовать, усталость взяла свое — путь был неблизкий, дорога пыльная, — и

в конце концов Солдат погрузился в глубокий, полный видений сон. В какой-то момент сквозь сон до него донесся какой-то звук, пение, однако, на свою беду, Солдат спал слишком крепко и не проснулся. Звуком тем было пение ножен, которые предупреждали хозяина о приближении врага.

Когда Солдат проснулся, он уже был связан по рукам и ногам. В тусклом свете утреннего солнца суетились маленькие существа с непропорционально большими головами, украшенными огромными узловатыми ушами. Создания эти как раз обшаривали перекидные сумы Солдата.

Спэгг тоже не спал. Продавец рук не сводил угрюмого взгляда с существ, хозяйничающих в их лагере. Их было десятка два.

— Гоблины, — пробормотал Спэгг. — Сволочи ушастые.

Ближайший к нему гоблин повернулся и заговорил шуршащим голосом, напоминающий звук трения щетки о грубую дубовую кору.

— Ты, лысый, следи за языком, а то лишишься его ненароком.

Спэгг как здравомыслящий человек принял к сведению этот совет.

Солдат сказал:

— Прошу прощения, не могли бы вы объяснить, что вы там ищете? В перекидных сумках нет ничего по-настоящему ценного.

Один из гоблинов, тот, что был в красной шапочке и зеленом камзоле, приблизился.

— Да почем тебе знать, что ценно для гоблинов, а что нет?

— Я и не знаю, я только могу судить, что ценно для людей.

— Тогда захлопни пасть, пожиратель кроличьих потрохов.

— Я хотел помочь вам... Кстати, это вы здесь устроили болото? Хитро придумано.

— Да уж, точно, — кивнул Красная Шапочка.

Крупнее рта Солдат в жизни не видел. Ротовая щель, располагавшаяся на огромной голове гоблина, начиналась у одного уха и заканчивалась у другого.

— Хотите скажу, зачем мы сюда пришли?

— Не особо.

— Я ищу мальчика-ведьмака, который когда-то жил в лесу со своей матерью.

Красная Шапочка пожал плечами.

— А что в нем особенного?

— Он новый Король магов.

Услышав это, гоблины остановились, тут же потеряв к сумкам всякий интерес. Они застыли в тех позах, за которыми их застигло сообщение, и как один уставились на Солдата.

— Ты лжешь, — неуверенно сказал Красная Шапочка. — Уж я-то могу отличить ложь от правды.

— Если можешь, тогда сам знаешь, что я сказал правду.

Одна гоблинша обнаружила сковороду, к которой прилипли остатки вчерашнего ужина. Вместо того чтобы слизать языком жир и кусочки диких яблок, она вгрызлась в металл, засунув в рот сразу половину сковороды.

— Прекрати! — приказала ей другая гоблинша. — Ты что, не слышала? Новый Король магов.

Гоблинша со сковородой мигнула, а затем перебросила теперь уже никуда не годный предмет кухонной утвари через плечо.

Красная Шапочка сказал:

— Значит, правда?

— Да, — ответил Солдат. — Мне было поручено сопроводить нового Короля магов в Зэмерканд.

Путы Солдата перерезали, Спэгга тоже освободили. Гоблины развели огонь. Путники подсели к костру, стараясь согреться — холодно было лежать на покрытой изморозью траве. С болот, прокладывая извилистый путь меж стволов деревьев, в лагерь крался туман.

— Мальчика, — объяснил Красная Шапочка, — здесь уже нет. Мать перевезла его в другое место. В одну маленькую страну на северо-востоке. Знаешь Бхантан?

— Нет, — ответил Солдат.

— Неудивительно. Ты ведь не здешний, так? Я это по твоим голубым глазам понял.

Спэгг сказал:

— Я слышал о Бхантане. Там правят близнецы: Розовый и Белый принцы.

— Да, это то самое место, — сказал Красная Шапочка.

Солдат кивнул Спэггу.

— Я знал, что ты пригодишься. Не такой уж ты и невежда, как все говорят, да?

Гоблины просмотрели все, что везли двое людей, и позволили им продолжить путь. Кое-какие вещички, конечно же, пропали: расческа, зеркальце, моток бечевки, соль. Оружием и пищей — по крайней мере той, что едят люди, — гоблины не заинтересовались. Хотя их привлекла соль, ну и конечно, деньги. Гоблины не мастаки изготавливать рукотворные предметы и потому берут только то, что произведено людьми, да еще, пожалуй, одеяльце по случаю или рубашку. Человеческие штаны слишком длинны и узки для их коротких толстых ног, а ботинки слишком малы для безразмерных ступней.

Болото удалили таким же способом, каким и поместили сюда: с помощью магии. Все заключается в восприятии. В действительности, в ландшафте ничего не изменилось. Земля осталась в том же состоянии, что и прежде, но теперь выглядела твердой и не подавалась под ногами путешествующих смертных. Гоблины сняли чары, наложенные на это место, и Спэгг с Солдатом увидели его таким, какое оно на самом деле.

— Итак, — сказал Солдат, когда путники снова оказались в тени деревьев, — ты знаешь тот городок... Бхантан. Ты бывал там?

— Все знают Бхантан, — устало ответил Спэгг. — Кроме тебя. Пятилетний ребенок мог бы это сказать. Да, я знаю, где Бхантан, но никогда там не был.

— Что ж, тебе представилась возможность расширить кругозор.

— Лучше бы я остался дома и торговал руками повешенных.

Это замечание осталось без внимания.

— Расскажи мне все, что знаешь о Бхантане.

— Уже рассказал. Спроси своего проклятого Ворона. У него такой вид, будто он все знает.

Только тут Солдат заметил птицу, взгромоздившуюся на седло позади Спэгга.

— Что я знаю? — спросил Ворон. — Вас двоих нельзя оставить на минутку, как вы уже попадаете в плен к гоблинам.

— Бхантан... — промолвил Солдат, — бывал там?

— Пролетал над ним, приманивал пташек на его покатые крыши.

— И?..

— Бхантан — страна, которой правят принцы-близнецы — Розовый и Белый. В нем все подчиняются строго-настрого расписанным ритуалам. Придерживаться их должны даже правители, потому что так заведено. Все упорядочено — даже слишком, расписано до мелочей. В городе нельзя нос почесать, кроме как в положенное время и в положенном месте, в противном случае нарушителя арестуют и заставят написать объяснительную записку. А если он грамоте не обучен, его поставят к стене и нашпигуют стрелами.

— Правда? — встревоженно воскликнул Солдат. — Они настолько требовательны к соблюдению своих правил?

— Категоричны, — перебил Спэгг. — Дисциплина и точность. Горе тому, кто не знает, что, где и когда делать.

Ворон продолжил:

— Два года назад один из принцев умер. Розовый. Когда такое случается — а рано или поздно это должно произойти, если только

оба принца не падают замертво в один и тот же час, что, надо полагать, маловероятно...

— Продолжай, — оборвал его Солдат.

— Когда такое случается, брат покойного ходит в черном облачении и становится Черным принцем. Пока оба живы, Розовый и Белый принцы входят и выходят отовсюду только через свои собственные двери, помеченные розовым и белым. Однако когда один из них умирает, оставшийся Черный принц входит и выходит через третью дверь, окрашенную в темно-синий цвет. Не спрашивайте, почему *синий*, — я и сам не знаю. Просто так заведено, ясно?

Не так давно умер Черный принц. Последние несколько лет дворцовые вельможи готовили к управлению страной следующую по фамильному древу пару близнецов и пару, следующую за ними. Наследники тысячи раз прошли все ритуалы. Ведь если сами правители не способны выполнять их безошибочно, то глупо требовать этого от обычных граждан. Однако по стране прокатилась эпидемия кори, и Бхантан к своему немалому ужасу обнаружил, что природа не уважает ни дисциплину, ни порядки, ни ритуалы: смерть прибрала к рукам обе пары близнецов. Эпидемия унесла жизни и еще нескольких подготовленных про запас пар, более отдаленных по линии родства. В конечном итоге пришлось довольствоваться тем, что было. На трон возвели двух уличных сорванцов, обитателей сточных канав и очень далеких отпрысков королевской крови.

— Ну и поделом, нечего быть такими снобами, — заметил Солдат.

— Бхантанцы пришли к тому, — невозмутимо продолжал Ворон, — что их система правления — один принц для правления дома, в то время как другой отправляется на войну — рухнула. Они подозревают, что новые принцы, идентичные близнецы, меняются балахонами и ходят через двери, предназначенные друг другу, просто для смеха. Ужас! Кошмар! Как наведешь порядок, когда принцев никто не в силах различить? Ну, кроме, пожалуй, родной матери, которая настолько простодушна, что просто сидит и улыбается в ответ на потоки вопросов и предлагает отведать чашечку какао.

У ее сыновней нет ни дворцового воспитания, ни военной подготовки, которая требуется Белому принцу, ни навыков управления, нужных хорошему Розовому принцу, ни жеманства, ни любви к порядку. Хитрые пронырливые существа привыкли в огромных количествах запасаться без необходимости разными вещичками на случай, когда, по их мнению, они снова попадут в нужду. По отдельности братья при любой возможности пренебрегают ри-

туалами, и каждый обвиняет в этом другого, потому что никто не знает, кто из близнецов — кто.

Солдат сказал:

— Они мне уже нравятся.

— Страна в хаосе! — воскликнул Ворон. — Квадратный, огороженный стеной город с рядами милых домиков — по одной семье в каждом доме, четыре внутренние площади, четыре парка, восемь сторожевых башен, шестнадцать флагштоков, — и никто не знает наверняка, где ему надлежит быть, в какое время с кем встречаться и с кем торговать! Департамент Мер и Весов не может обрести равновесия, Комитет Прямых Улиц пошел вкривь и вкось, Совет Работников-Правшей панибратствует с Левшами. Ох уж эти чудовищные близнецы без должного воспитания и их слабоумная мамаша, которая сидит и лопает сладости дни напролет!

Поедая холодные пироги с холодной водой, Спэгг и Солдат покатывались со смеху.

Наскоро перекусив, они тронулись дальше в царство волков и медведей да, пожалуй, ягуаров, изредка встречавшихся на пути. По крайней мере в этой части мира можно было не опасаться ханнаков, потому что гладкоголовые мерзавцы не меньше других боялись диких зверей. И все равно требовалось постоянно быть начеку, а потому на каждом привале путники разводили костер. Ворон покинул их после переправы через третью реку, пообещав при этом когда-нибудь вернуться.

Три дня спустя путешественники перебрались через горный хребет, откуда к великому своему изумлению увидели раскинувшийся внизу город — геометрически правильный квадрат, огороженный ровной стеной. Повсюду царила симметрия. Даже горные козы прокладывали свои тропы в виде идеально ровных линий, которые красовались на склонах окружающих город гор.

Путники начали спускаться. Спэггу уж очень не хотелось идти в город, потому что так и не научился толком читать и писать и в случае ареста ему пришлось бы полагаться исключительно на помощь Солдата.

— Не горю желанием превратиться в подушечку для иголок, — вполголоса жаловался Спэгг, приближаясь к воротам. — Ты ведь не позволишь нашпиговать меня стрелами?

— Сделаю все, что в моих силах, — заверил Солдат.

— Стой! — прогорланил стражник на стене. — Животных к столбу по ту сторону стены! Потом в белый круг и говорите, зачем пожаловали!

Иноземцы сделали, как им было велено.

— Мы пришли сюда, — прокричал Солдат из самого центра очерченной зоны, — чтобы найти некую Утеллену из Зэмерканда, мать одного юноши.

— Что вам от нее нужно?

Солдат мрачно ответил:

— У нас к ней личное дело.

Стражник исчез. Чуть позже ворота, приводимые в движение системой цепей и противовесов, отворились. Солдат и Спэгг вошли и были подвергнуты трехчасовому дознанию. Клерк, который вел допрос, записывал ответы с поразительной медлительностью. Гусиное перо царапало бумагу так медленно, что казалось, будто оно и вовсе не двигается. Когда Солдат недовольно спросил, как долго еще продлится дознание, ответа не последовало, но его жалоба была старательно зафиксирована черными чернилами на сером пергаменте. Солдат понял, что, если он хочет, чтобы интервью вообще когда-нибудь закончилось, ему следует держать комментарии при себе и экономить на ответах. Весь этот фарс происходил в огромном подвале, стены которого были оборудованы небольшими отделениями для бумаг; в каждом из них покоился свиток пергамента, напоминающий тот, что был в руках у клерка.

Наконец Солдата со Спэггом отпустили, и они смогли войти в столицу Бхантана, которая носила то же название, что и страна, и отправиться на поиски Утеллены.

Утомившись от долгого пути, они первым делом отправились на постоялый двор, где каждому вручили полотенце, кусок щелочного мыла, жбан с водой и указали на две из двадцати аккуратно застеленных белым бельем кроватей.

— По одному на угол, — распорядилась слуга, молодая женщина, — на противоположных сторонах.

— Чтобы комнату уравновесить? — поинтересовался Солдат.

— Вы смеетесь над нашими обычаями? — недружелюбно спросила служанка. — Потому что если вы и впрямь...

— Я бы не посмел.

Бхантанская горничная приняла горделивую позу.

— Традиции, протокол, этикет — три кита, на которых зиждется порядок. Там, где нет порядка, наступает хаос. Мы, бхантанцы, никогда не путаемся, потому что каждый из нас знает, кто он и что ему делать в непредвиденном случае. У нас не бывает кризисов.

— Поговаривают другое, — сказал Спэгг. — Что там у вас за проблемы с принцами, которых вы недавно возвели на трон?

Служанка прикрыла глаза.

— Временно у нас...

— Некоторая неразбериха? — закончил за нее Солдат.

Служанка снова прикрыла глаза, стараясь сохранить душевное равновесие, и оставила гостей любоваться незамысловатой красотой их временных апартаментов.

Комната была и впрямь прелестна. Низкие потолки, стены из толстенных непокрытых бревен, изразцы на полу, небольшие окошки. Повсюду царила безупречная чистота: ни единой пылинки или паутинки, ни одной мертвой мухи на подоконниках. Кровати были аккуратно застелены большими, свисающими по сторонам покрывалами, накрахмаленные белые простыни туго натянуты, точь-в-точь кожа на барабане, круглые подушки на совесть взбиты.

— Добро пожаловать в королевство чистоты, — пробормотал Спэгг. — Один вопросик: куда здесь сплевывать?

— И не думай, если жить не надоело, — сказал Солдат и завалился на кровать прямо в одежде и обуви. — Тебе не мешало бы научиться вести себя в гостях.

— Ах какие нежности!

— Спэгг, отправляйся в другой конец комнаты. Поспеши, путь неблизок. Я занимаю этот угол.

— С тебя станется. — Спэгг нехотя потащился через длинную комнату, где на порядочном расстоянии от Солдатова угла обнаружил свою кровать.

Позднее, когда постояльцы поели и отдохнули, вошел слуга и сообщил, что за дверью ожидает Утеллена.

Солдат поспешил ей навстречу.

— Утеллена! — воскликнул он, хватая ее за руки. — Ты по-прежнему хороша, как девица!

— Врунишка, — сказала женщина, и лицо ее озарилось мимолетной улыбкой.

Конечно, время на ней отразилось: в волосах появились седые прядки, под глазами залегли морщинки — следствие забот и беспокойства за родимое дитя. Однако лицо было румяным, а не бледным и изможденным, как раньше, к тому же теперь она казалась полнее. По правде говоря, со зрелостью к Утеллене пришла иная красота — та разновидность прелести, при виде которой пожившие мужчины вздыхают об упущенных возможностях.

Солдат смотрел на Утеллену, держал в ладонях ее мягкие руки, и сердце в который раз разрывалось на части. Он любил свою жену, любил всей душой, но в присутствии Утеллены ему приходилось постоянно напоминать себе об этом. Эта женщина была ему очень дорога. До сих пор они не сошлись лишь потому, что подавляли естественное влечение друг к другу. Если бы вдруг они пошли на поводу у желаний, данных человеку самой природой, оба давно стали бы клятвопреступниками.

— Где мальчик?

— Ему дали имя. Его зовут ИксонноскИ.

— Великолепный перевертыш, — с удовлетворением заметила проходившая мимо слуга-бхантанка. — Как удивительно симметричен мир чародеев!

— И он уже давно не мальчик, — продолжила Утеллена с улыбкой. — Ему восемнадцать. Скоро вы увидитесь. Вы приехали, чтобы забрать нас в Гутрум?

— В общем-то да. Однако нам потребуется сопровождение. Как полагаешь, бхантанцы выделят сопровождающего?

— Не сомневаюсь.

Солдат заметил плетеную корзинку, которую Утеллена держала на руке.

— А что у тебя там?

Она улыбнулась.

— Фрукты. Так заведено. Подарок другу по случаю встречи. Я купила их на гоблинском рынке.

— Я рад, что ты считаешь меня другом.

С противоположного конца комнаты добрался Спэгг.

— Еда? Хм-м-м... Я бы предпочел жареную свиную ногу, но фрукты тоже сгодятся.

Все трое уселись к столу.

В корзинке лежала айва, терпкие ягоды терна, черника, подрумяненные солнцем тутовые ягоды, ежевика, сладкие персики, барбарис, крыжовник, ярко-красная вишня, мушмула, слива и яблоки. Ели, обливаясь соком. Солдат чувствовал, что плоды дарят ему силу, словно по жилам потек солнечный свет. Утеллена рассказала, что такие сочные и душистые ягоды собирают только гоблины Черного леса.

— Нам на пути тоже попалась шайка гоблинов, — пробормотал Спэгг. — Ничего они не умеют, кроме как грабить.

— Гоблины разные. Всякие встречаются, как и у смертных, — объяснила Утеллена.

— Славное угощение! — сказал Солдат, потрясенный разнообразием содержимого корзины. — И это все на троих? А как же Икс... м-м-м...

— ИксонноскИ? Он ушел в лес, за город.

Солдат поднял на нее полный тревоги взгляд.

— Надо найти его, — воскликнул он, вскакивая с места. — Я еще не сказал тебе, зачем мы сюда приехали. ХуллуХ умер. Твой сын избран следующим Королем магов. Возможно, ему угрожает опасность. Что ему надо в лесу?

— Он практикуется в волшебстве... Но нет же, не может быть, чтобы выбрали его, — сказала потрясенная Утеллена. — Мальчик еще не готов к подобным вещам, он только начал познавать себя. Ему надо подрасти, набраться ума-разума. Наверняка есть какой-нибудь другой чародей, постарше и помудрее, который больше заслуживает подобной чести.

— ХуллуХ изъявил свою последнюю волю: следующим Королем магов будет сын женщины по имени Утеллена. Но почему ты плачешь? Ведь не только из-за того, что сын молод и неопытен? Есть иная причина?

Утеллена с трудом выдавила из себя слова:

— Я потеряю его.

— Потеряешь его? — пробормотал Спэгг, который терпеть не мог женских слез. — Ты никак не потеряешь его. Любой знает, где живет Король магов — в горах Священной Семерки.

Плачущая мать обратила на Спэгга полный отчаяния взгляд:

— Когда мой сын станет Королем магов, он перестанет для меня существовать. Зачем нужна мать самому могущественному колдуну? Я не смогу больше с ним видеться. — Она умолкла и снова принялась всхлипывать. — Ему всего восемнадцать. Я не хочу, чтобы он ушел в иной мир.

Спэгг, которому не ведомо было ни сочувствие, ни сострадание, воскликнул:

— Да что ты! Волшебники живут лет по семьсот, так ведь? Ты окочуришься задолго до того, как настанет его черед, уж поверь мне.

— Утеллена не хочет, чтобы он жил другой жизнью, в другом мире, — пояснил Солдат. — Слушай, Спэгг, нужно не теряя времени отправляться в лес и разыскать мальчишку. Как бы с ним чего не случилось. Давай собирайся. И нечего ворчать, я не в настроении.

— Я с вами, — заявила Утеллена, взяв себя в руки. — Я знаю, где его искать.

Глава третья

Как и предполагала Утеллена, ИксонносКИ оказался в лесу. Он болтал с эльфами.

Солдат недолюбливал эльфов; к нему явно питали слабость дроты — феи, которые вонзают свои зубки в плоть простых смертных и лакают их кровь жесткими маленькими язычками.

Наконец мальчик-ведьмак оставил эльфов и присоединился к матери, Солдату и Спэггу.

— Я знаю, зачем вы пришли, — сказал он, кивнув Солдату, и добавил, обращаясь к матери: — Прости, меня призвали.

— Не о таком будущем я мечтала.

— Знаю, мама, но такова моя доля. — Он глубоко вздохнул. — Правда, ХуллуХ умер слишком рано. Мне нужно подготовиться. Я взойду на трон и стану Королем магов после того, как состоятся похороны. Это дает еще немного времени, за которое я должен созреть духом для предназначенного мне поста. Сначала я побываю в Зэмерканде — городе, где появился на свет, — и встречусь с остальными магами. Там общий сбор; они уже идут, пока мы здесь разговариваем. Инаугурация должна состояться в городе моего рождения под председательством Братства Чародеев.

Все это было абсолютным откровением для Солдата.

— Ты уверен?

ИксонноскИ устремил на Солдата проницательный взгляд.

— Я могу угадать твои мысли. Тебе интересно, чему я уже успел научиться. Владею ли я даром предвидения? Умею ли читать чужие мысли? В состоянии ли призвать на свою защиту сонмища демонов, джиннов и великанов? Ответ прост: нет. Я почти столь же беззащитен, как и в день, когда родился на свет. Пока что меня хватает только на мелкие чародейские проделки вроде воскрешения мертвецов и прогулок по воздуху, да еще могу вызвать затмение какого-нибудь светила. Мои главные способности придут ко мне разом, в один миг, и состоится это на церемонии инаугурации. А до тех пор я столь же уязвим, как и любой из вас.

— Тревожные вести, — вздохнул Солдат. — Ты находишься под моей защитой до самого Зэмерканда. Думаю, пора отправляться, и чем скорее, тем лучше. Весть о смерти ХуллуХ'а скоро распространится повсюду. Многие захотят воспользоваться сложившейся ситуацией.

— Согласен.

Солдат был поражен произошедшим в мальчике переменам, ведь когда они виделись в прошлый раз, внешне мальчуган был совсем другим. Тогдашний ИксонноскИ — неуклюжий, бесформенный подросток с угловатыми движениями, тощими коленками и выставленными в стороны локтями — превратился в удивительно ладного парня: мускулистого, прекрасно сложенного, обладателя крепкого костяка. Прежде Солдат не сомневался, что мальчик с возрастом превратится в сгорбленного ссохшегося старца. И вот он — высокое привлекательное создание с телом бравого

воина. Не иначе как свершилось потрясающее превращение гадкого утенка в лебедя.

ИксонносКИ перехватил взгляд Солдата.

— Ты внезапно увидел льва вместо страусенка, — сказал он, добродушно улыбаясь. — А дело все в том, что я умею менять облик по своему желанию. Незрелость не замечают, порой жалеют. Мужчину боятся. Оба тела я использую с одинаковой выгодой для себя в зависимости от ситуации. Мне не нужны ни обаяние, ни крепкая мускулатура, но в окружающих смертных они способны вселить страх, любовь или иные чувства. И ты не исключение.

Солдат признал, что мальчик прав.

По пути к квадратному городу Спэгг шепнул Солдату:

— Мы внакладе не окажемся! Чародей, да не простой, а сам Король магов, теперь наш друг. Мы будем богаты, мы оба. В золоте купаться будем. Мы врагов в порошок сотрем, будем давить их ногами, как перезревшие сливы. — Спэгг аж хохотнул от переполнявшего его ликования. — Ну, погоди, капитан Кафф! Мы с тебя кожу снимем и в углях запечем, а потом скормим Ворону! Канцлер Гумбольд полетит в сточную канаву. Я буду канцлером вместо него. А еще я буду Лордом-распорядителем королевской казны и Хранителем обеих Башен.

— А может, тебе удовольствоваться скромным местом королевы? — съязвил Солдат.

— Да, я об этом не подумал, — ответил Спэгг, потирая твердые ладони. — Я назначу тебя главнокомандующим гутрумитской армии, если захочешь.

— Как ты великодушен!

Путники вошли в Бхантан.

Страна переживала нелегкие времена.

В тот самый день рано утром придворный поцеловал одного из принцев-близнецов в щеку. Но перед этим втайне от принца слуга нанес на губы красную краску, и теперь на щеке царствующей особы красовалась отметина. Благодаря этому удалось доказать, что близнецы менялись одеяниями и покидали дворец через выходы и входы, предназначенные друг для друга. Протокол нарушен! Традиции осмеяны! Подорваны культурные устои! Государство пошатнулось. Принцы-близнецы смеются над бхантанскими традициями! А это — самое серьезное преступление, которое только может совершить житель Бхантана.

Знать была перепугана, вельможи раздосадованы и потрясены до глубины души. Среди горожан начались волнения.

— Тысячелетия безукоризненного соблюдения предписанных ритуалов и правил пошли коту под хвост, — воскликнул Первый

лорд города, обращаясь к причитающей толпе. — Нас предали двое сорванцов в королевских мантиях. Подлые низменные создания! Хуже ящериц!.. По моему мнению, их нужно изгнать! Выслать из города! Отправить в глушь. Пусть живут там среди волков и себе подобных! Долой!

Два принца, не старше четырнадцати лет от роду каждый, стояли на ступенях дворца и презрительно оглядывали толпу. Розовый принц махнул оратору рукой, будто отмахиваясь от его слов. Белый принц не отводил высокомерного взгляда от Первого лорда.

— Мы здесь правители, — заявил Белый принц.

— Мы устанавливаем здесь обычаи и ритуалы, — заявил Розовый принц.

— Мы правим законом на этой земле, — продолжили они в унисон. — Мы решаем, кого изгонять, а кого оставлять.

Толпа колебалась. За кем же последовать? За Первым лордом, который знает все правила? Или за принцами, которые, по их собственным словам, являются законными правителями? Непросто тут разобраться.

Судьи в напудренных париках, прелаты, придворные — все стали на сторону Первого лорда. Их выбор был предрешен. Нянька и мать остались с близнецами. Им выбирать было не из чего.

— Право царствовать даровано нам по рождению, — воскликнули близнецы в один голос, — и мы проследим за тем, чтобы наши сады были превращены в общественные парки. Мы построим в бедном квартале четырехугольный театр. Мы раздадим вам монеты. Хлеб и вино...

Принцы добились желаемого: толпа одобрительно загудела. Однако опытных бюрократов так просто не сломить. К площади из боковых улочек и переулков стала подтягиваться кавалерия. Двигалась конница беззвучно: копыта лошадей были обмотаны рогожками. Кавалеристы окружили площадь и стояли на месте в ожидании приказа к наступлению. Собравшимся горожанам лучше было убираться подобру-поздорову, иначе по улицам хлынет кровь.

Как раз в тот момент, когда недовольный и притихший народ стал с ворчанием уходить по домам, Солдат и его друзья вошли в городские ворота.

Близнецы потерпели поражение. Они отправились во дворец упаковывать вещички, стараясь по случаю набить в походные мешки побольше добра из королевских апартаментов, пока их не вытурили из столицы.

Солдат без стеснения воспользовался положенными ему привилегиями капитана карфаганской армии и получил аудиенцию у Первого лорда Бхантана. У этого выдающегося человека было предостаточно своих забот, но он уделил Солдату время, внимательно выслушал его и в конечном итоге выделил отряд кавалеристов, которые будут сопровождать ИксонноскИ, будущего Короля магов, до самой границы Бхантана с Гутрумом. Солдат поблагодарил лорда от имени королевы Ванды и немедленно начал готовиться к отъезду.

Кавалерия скакала в форме безупречного квадрата, ИксонноскИ с матерью и телеги с провиантом ехали в самом центре. Солдату это все казалось чересчур формальным, но он решил не спорить. В конце концов отряд находился не под его командованием и вообще принадлежал иностранной державе. Если бы здесь распоряжался Солдат, он выслал бы пару всадников вперед, и еще по двое скакали бы по холмам на флангах; не помешала бы и пара замыкающих. Но лейтенант кавалерии заявил, что в подобных мерах нет необходимости: он знает свою территорию досконально, и опасаться здесь нечего.

По пути они увидели двух юных принцев, которые плелись по долине, волоча за собой мешок с серебряными кубками и блюдами. Лейтенант никак не мог решить, приветствовать ли ему бывших правителей или не обращать на них внимания, и в конце концов пришел-таки к компромиссу с самим собой: коротко кивнул изгнанникам. Утеллена спросила, нельзя ли пустить несчастных в один из фургонов, но лейтенант отказал. На этот счет у него было особое распоряжение: не оказывать содействия принцам на пути из Бхантана.

— Я обязан конфисковать серебро, которое они с собой тащат, — добавил лейтенант, по природе своей добрый человек, — но никак не могу преодолеть чувства, что это послужит им маленькой компенсацией за все, чего они лишились. Если ты правил страной, думаю, ты имеешь полное право прихватить ее частичку с собой.

Утеллена сказала Солдату:

— Знаешь, мне жаль этих ребят. Они ведь просто мальчишки, дети. Выросли в трущобах. Разве можно винить их в том, что они сделали? Если бы им дали время подрасти и повзрослеть, получить должное образование и воспитание, из них вышли бы мудрые и справедливые правители.

— Пожалуй, — согласился Солдат, — только сейчас правда на стороне лейтенанта. Нам нельзя рисковать, ведь на карту поставлено благополучие твоего сына. Если взять с собой принцев, могут

возникнуть разные осложнения. Ведь нам неизвестны их намерения, мы не знаем, что это за люди.

— Думаешь, принцы смогли бы предать нас?

— Понятия не имею. И вряд ли стоит экспериментировать.

Утеллена приняла слова своего защитника и сопровождающего как должное, хотя ее сердце кровью обливалось при виде несчастных мальчишек, согнувшихся под тяжестью мешков. Нелегко брести по песку, разбирая дорогу среди камней и скал, мучиться от жажды и голода...

На третий день пути кавалерия со своими подопечными вышла из горного перевала, перестроилась в неизменный равносторонний прямоугольник и подверглась нападению ханнаков. Волшебные ножны Солдата запели, предупреждая об опасности, но он никак не мог понять, с какой стороны ожидать нападения. А дело обстояло следующим образом: так называемые варвары да-тичеты изготовили из человечьей кожи крылья на рамах и спланировали на этих импровизированных аэропланах в самый центр конницы. Бхантанские воины, обученные отбивать атаки извне, оказались в полном замешательстве, когда враг неожиданно стал нападать на них изнутри.

Ханнаки, обильно смазанные жиром, проворно размахивая палицами, булавами и кривыми ножами, безжалостно прорезали себе путь в построении конных всадников.

Бхантанский лейтенант пал одним из первых: его сердце пронзил кривой нож; минуту спустя его голова осталась без скальпа. Но не успел кровожадный дикарь покрасоваться во вновь обретенном парике, как его зарубил Солдат.

На время все смешалось. Ханнаки не гнушались ничем. Они убивали любых двуногих существ, что подворачивались под руку, создавая невероятный шум и гвалт, набрасывались на врага с неудержимой энергией. На спинах дикарей развевались рваные края накидок из кожи побежденных в прошлом врагов, головы венчали чудовищные шлемы из черепов. Варвары исторгали оглушительные боевые кличи, что объяснялось их почти полной глухотой, так как природа по скупости своей одарила их крошечными, не больше речной ракушки, ушами.

Солдат сражался боевым молотом, раскраивая черепа, сминая головы, калеча тела. Ножны много раз спасали ему жизнь, предупреждая о нападения со спины или сбоку, когда он смотрел в другую сторону. Вдруг с соседних холмов, сминая все на своем пути, хлынула новая волна: ханнаки на степных лошадках — подкрепление. Они легко потеснили кавалерию Бхантана и вывели телеги

с продовольствием и фургоны из квадрата. Битва закончилась. Кое-кто из варваров остался добивать раненых и собирать урожай скальпов. Лошадей бхантанской кавалерии тоже прибрали к рукам. Эти животные пойдут на продажу — ханнаки предпочитают исключительно приземистых степных лошадок особой породы с мохнатыми ногами.

Вскоре стало ясно, что Солдат — единственный уцелевший после этой мясорубки. Он стоял, окруженный дикарями, под прицелом ножей и дубинок. Впрочем, скоро варвары заметили, что товарищи вовсю заняты сбором добычи, и потеряли к нему интерес. Ханнаки оставили Солдата и отправились на поиски трофеев: оружия и лошадей.

В слаборазвитой культуре варваров не было ритуалов захоронения павших. Мертвые ханнаки так и остались лежать на поле битвы.

Вдруг какой-то ханнак верхом на лошади стремительно помчался прямо на Солдата, раскручивая на длинном кожаном шнуре, прикрепленном к запястью, костяную клюку. Все произошло очень быстро. Солдат ощутил резкий удар по голове, клюка промелькнула у его виска, и он провалился во тьму беспамятства.

Наконец Солдат пришел в себя. Он открыл глаза и увидел вокруг волков. Звери пожирали мертвецов. Инстинктивно они сторонились Солдата, нутром чуя, что он пока дышит. Нападать на живую добычу всегда опасно. Да и ни к чему это, когда вокруг и так предостаточно мяса.

Солдат с трудом встал на ноги, покачиваясь точно хмельной, и звери боязливо подались в сторонку. Превозмогая боль, он побрел к бьющему из земли ключу, припал к источнику и долго пил, а затем омыл раны.

Порядком отдохнув, Солдат наконец почувствовал, что способен продолжить путь. Его сердце переполняло отчаяние, потому что ханнаки увели с собой и фургоны, в одном из которых ехали Утеллена с сыном.

— Что я скажу королеве? — сокрушался он.

— Да уж, сказать нечего.

Солдат повертел по сторонам головой и обнаружил Ворона, восседавшего в рогатине засохшего дерева.

— И ты здесь! Почему ты вечно прилетаешь в такие минуты и издеваешься?

— Прилетаю и издеваюсь? Я просто услышал, что здесь можно мясном поживиться, и тотчас прилетел. Я птица-падальщик, не забывай.

— Где это ты услышал?

— Молва путешествует со скоростью ветра.

— Ладно, — сказал Солдат, — значит, в Зэмерканде еще не знают, что здесь случилось? Я имею в виду людей.

Ворон прищелкнул клювом.

— А ты, похоже, в передрягу угодил. Да, сильно тебе досталось.

— Досталось — еще мягко сказано. — Солдат уселся на берегу ручья и обхватил голову руками. — Я опозорил Красные Шатры. Потерял человека, которого должен был охранять, глаз с него не спускать... Спэгг тоже исчез. Наверное, убили.

— Невелика потеря. Хватит о мелочах. Рассказывай, что здесь случилось.

— Ну, почему я не смотрел по сторонам? Лучники сняли бы тех воздушных змеев, если бы мы только вовремя засекли их. Попадали на нас прямо с неба.

— Что, будем теперь сидеть и сокрушаться?

Солдат, прищурившись, уставился на Ворона.

— А ведь меня предали, — пробормотал он. — Точно!

— И нечего на меня так смотреть. Я никого не предавал с тех пор, как пожаловался матери на старшего брата. Сказал, что он кукушонок. А она взяла и выкинула его из гнезда.

— Ты никогда не был птенцом, — прервал его Солдат, потихоньку приходя в себя. — В младенчестве ты был человеком, и ведьма превратила тебя в птицу. Как там ее звали?.. Если только ты и об этом не наврал.

— Нет, нет, я просто проверял, в своем ли ты уме.

— Я не в настроении шутить. О боги вездесущие, что же мне теперь делать? Я же не могу в одиночку перебить всех ханнаков. Придется идти за помощью, что означает рассказать о своем позорном поражении. Королева не позволит мне выручать мальчишку самому. Пошлет этого идиота Каффа.

— И все же тебе придется вернуться домой... Ого! Смотри, кто к нам пожаловал!

Птица глядела в сторону горного перевала. Солдат обернулся и увидел, что его нагоняют изгнанные близнецы.

— Что у вас здесь случилось? — спросил один из братьев. — Свалка? Бока наломали?

Солдат заскрежетал зубами.

— Не свалка, а сражение.

— А-а, вот как, — сказал другой брат, кивая. — И ты один уцелел? Вот повезло. А может, кое-что другое?

— Что ты хочешь этим сказать?

Ворон шепнул Солдату на ухо:

— Он хочет сказать, что ты струсил.

— Я не трус, — отрезал Солдат, обращаясь к близнецам. — Глядите, мне по голове попало.

Солдат начал собирать кое-какую поклажу. Мальчики сидели и наблюдали за ним. Солдат выбрал несколько баулов из козьих шкур, которые по счастливой случайности избежали стрел и копий, и доверху наполнил водой четыре кожаных мешка. Затем вручил близнецам по одному баулу, а оставшиеся два перекинул через плечо.

— Если хотите, идите со мной, — предложил он. — Так будет безопаснее.

— А ты куда направляешься? — спросил один из братьев.

— В Зэмерканд.

— Годится, — кивнул другой брат. — Только не думай, что тебе перепадет что-нибудь из наших сокровищ.

— Оставьте их себе, — сказал Солдат. — Мне от ваших безделушек толку никакого. Я женат на принцессе. У меня и так предостаточно богатств. Единственное, в чем я испытываю надобность, — моя личность. И в вашем мешке ее уж точно нет.

Такой ответ поверг мальчишек в полное недоумение, они обменялись взглядами и, пожав плечами, поплелись вслед за своим новым вожаком. Ворон полетел вперед. Мальчики посмотрели ему вслед, озадаченные очевидной связью птицы с Солдатом, а затем, что вполне в духе юных созданий, попривыкли и перестали удивляться.

Солдат вскоре обнаружил, что за близнецами не придется особенно приглядывать. Мальчики были хорошо развиты и выносливы. Они относились к тем, кто привык выживать при любых обстоятельствах. В прошлом им приходилось жить в бедняцких кварталах, заполоненных крысами. И в дороге, на равнинах у реки Скалаш, они показали, что умеют приспосабливаться. За целый год, проведенный в королевских палатах, сорванцы ни на йоту не стали слабее и уступчивее.

По пути Солдат учил их навыкам выживания на равнине. Он заметил, что мальчики — способные ученики. Вскоре они научились ставить силки не хуже его самого и знали, как припорошить ловушку придорожной пылью, чтобы отбить запах человеческой руки. Они охотно выполняли свою часть работы: ходили за хворостом, таскали воду, потрошили кроликов и снимали с них шкурки. Солдат учил их рыбачить, пользоваться рогатиной, учил выбирать ветку для копья и изготавливать орудия охоты. Мальчишки с удо-

вольствием выполняли поручения. Казалось, они прирожденные охотники и рыболовы. Они отправлялись по грибы-ягоды с пустыми руками и возвращались с мешками, битком набитыми орехами, фруктами, съедобными корешками, грибами, а бывало, приносили даже птичку или зверушку для похлебки. Молодости неведом страх, боязнь ошибиться. Юные с жаром бросаются в неизведанное. И пока им нравится занятие, ничто не способно их отвлечь.

— Меня зовут Гидо, — представился один из братьев на привале.

— А меня Сандо, — добавил другой.

Солдат вытащил из остывшего костра обуглившийся прутик и пометил черточкой жилет мальчика, который представился первым.

— Гидо, — сказал Солдат. — Я должен знать, с кем разговариваю. Только, пожалуйста, пообещайте, что не станете меняться жилетами.

Мальчики кивнули.

— Обещаем, — сказали они в один голос. — Нам уже преподали один урок.

Сандо сказал:

— Ты нам по нраву. Одно дело — морочить старых бхантанских пердунов, другое — обманывать тебя.

Солдат поверил мальчишкам. Не станут они водить его за нос. И еще Солдат уже успел заметить, что каждому из них нравится, когда его хвалят за то, что сделал именно он. И ни один из них не станет радоваться незаслуженной похвале. Быть может, в этом и состояла главная ошибка бхантанских чинов? Может, они воспринимали мальчиков как единое целое и не задумывались о личности каждого из них?

— Зачем тебе эти мальчишки? — спросил Ворон. — Да им ни на йоту нельзя доверять. Вот попомни мои слова, они еще себя покажут, увидишь.

— Ну, чему быть, того не миновать.

— Боже мой, какие мы мученики!..

Как-то раз один из братьев, а именно Сандо, убил на охоте антилопу. Он ликовал в полнóй уверенности, что для радости есть неплохой повод. Гидо неимоверно завидовал, но довольно успешно скрывал это. Однако Солдат ни капли не радовался, поскольку на троих этого мяса было слишком много, и значительная его часть пропала бы или пошла на корм падальщикам. Солдат всегда считал, что если убивать, то не ради охоты, а ради пропитания. И брать у природы больше, чем тебе нужно, — непозволительное расточительство.

Впрочем, на первый раз он ничего не стал говорить Сандо; не настало еще время критики. Пока мальчики слишком ранимы и чутко воспринимают любое замечание. Для Сандо такой серьезный упрек будет сокрушителен, да к тому же, по правде говоря, Солдат сам виноват: не предупредил вовремя. Позже, когда все немного подзабудется, Солдат обязательно научит мальчиков любить природу и бережно относиться к ее дарам.

Только-только закончили разделывать тушу, как с неба, со стороны гор, на них стало круто разворачиваться какое-то крылатое существо размером с крупного медведя.

— КЕРРОУУ! — закричало существо. — Слахггус. Слахггус.

Близнецы перепугались до смерти — перед ними предстал дракон. Любой деревенский мальчишка на их месте тут же понял бы, что это самый обыкновенный двуногий зеленый дракон-красногрюк, а бесплодные пустоши и горы к югу от Фальюма — естественная среда его обитания. И этот экземпляр был явным представителем своего вида. Самцом.

Пасть дракона распахнулась, и он повторил те же слова.

Солдат не двинулся с места, расслабленно откинувшись на локтях.

— Спокойно, парни. Подкиньте ему парочку шматков мяса. Поест — улетит.

С некоторым недоверием и неуверенностью в движениях Гидо наклонился, взял ляжку антилопы и швырнул ее дракону. Широкая пасть благодарно отверзлась, хватая на лету огромный кусок мяса. Челюсти, полные крепких коричневых зубов, с клацаньем сомкнулись. Дракон начал шумно есть, раздрабливая зубами кости, а затем проглотил пережеванную пищу тремя-четырьмя огромными глотками.

— Слахггус! — проворчал дракон, и его необычные глаза прищурились от удовольствия.

— Что он сказал? — спросил Сандо, который застыл на месте, точно дерево.

— Просит еще.

Сандо швырнул существу половину грудины, и она разделила участь антилопьей ляжки.

Наевшись, дракон встал на задние лапы, балансируя на самых кончиках когтей. Раздался страшный хруст, будто кто-то встряхнул старые кожаные шкуры, — дракон расправил огромные крылья, сквозь которые просвечивал солнечный свет. Бестия приблизилась к Солдату и, склонившись над ним, чуть-чуть помурлыкала. Казалось, дракон вот-вот лизнет Солдата в лицо... но зверь по

какой-то причине передумал, развернулся, с проворством страуса потрусил по безлесой равнине и взмыл в небо. Гигантские крылья поймали восходящий поток теплого воздуха, дракон воспарил, немного покружился, помурлыкал, а затем исчез в ослепительно синем небе.

Близнецы стали потихоньку приходить в себя.

— Что это было? — спросил Гидо.

— Мой отпрыск, — ответил Солдат и засмеялся. — Он считает меня своей матерью с того самого момента, как вылупился из яйца. Я был первым, кого он увидел в своей жизни. Лишний ручной дракон не помешает.

— Вот это да! — воскликнул Сандо.

Мальчики были так взволнованы, что буквально засыпали Солдата вопросами. Солдат отвечал, изо всех сил стараясь поспевать за юными любознательными умами. Он поведал им, как отправился совершать обряд посвящения, как выкрал яйцо в полной уверенности, что это яйцо орла, а остальное сделал солнечный свет.

Теперь Солдат не переживал об убитой впустую антилопе. Мясо пошло на пользу. Все равно ведь дракон навещает Солдата время от времени, и порой бывает полезно иметь для него под рукой угощение. Мать всегда присматривает за сыном, заботится о нем. Конечно, дракон уже вырос и способен сам прокормиться — с его-то способностью пикировать с высоты и хватать на лету самых больших зверей в мире, кроме, пожалуй, синебрюхого дракона-красноспинки. Но ведь любому приятно знать, что родитель любит его и заботится о нем.

— Хорошо, что он передумал лизать тебя в щеку, — сказал Солдату позднее Ворон так, чтобы молодежь не услышала. — У тебя на лице ни клочка мяса не осталось бы.

И он не слукавил. Язык дракона такой шершавый, что им с успехом можно ошкуривать дубовые стволы. Солдат поморщился, представив, чего он избежал. Да, похоже, дракон понял, что его ласка повредит матери, раз передумал в самую последнюю минуту. Значит, дракон — разумное существо? Или просто действовал инстинктивно? Как мало все-таки известно о застенчивых и пугливых существах, драконах, населяющих этот мир. Ни один философ не изучил их жизнь и поведение во всех подробностях. Известно, что порой драконы прилетают в деревни и воруют скот, а крайне редко, из баловства, могут утащить парочку людей. Но по большей части они проживают в безлюдных районах, где не ступает нога философа.

Наконец настал день, когда в поле зрения наших путников показались башни и шпили Зэмерканда. Солдат тяжело вздохнул. Теперь ему предстоит держать ответ. И радости это не сулит. Уж Кафф выжмет из сложившейся ситуации все возможное. Вместе с Гумбольдом. В этом сверкающем городе у Солдата много врагов, и каждый из них будет злорадствовать. Хорошо бы встретиться с королевой Вандой с глазу на глаз и обговорить с ней положение дел. Надо поведать ей свое видение событий до того, как стая стервятников слетится на неминуемую расправу.

— Дошли? — воскликнул Сандо, догоняя Солдата. Мальчик восхищенно созерцал великолепный огромный город. — Раз в сто побольше Бхантана будет!

— В тысячу, — восторженно завопил Гидо. — Похоже, поселимся!

Какой-то всадник выехал из ворот города и стал приближаться к путникам. Его лошадь взбивала копытами клубы пыли. Солдат узнал охотника, которого встретил, очнувшись на этом самом склоне к югу от Древнего леса, возле окаменелых прудов Ян. Охотник умудрился сохранить стройный гибкий стан и не раздался вширь, как случается со многими мужчинами по достижении зрелости. Солдат принимал этот недостаток охотника как данное. Он был обязан охотнику своей жизнью, и не один раз.

На этот раз охотник был без сокола. В шаге лошади чувствовалась спешка. Явно что-то стряслось.

Глава четвертая

Лицо охотника скрывало неизменное небесно-голубого цвета одеяние из холстины. Его голос, которого Солдат не слышал уже несколько лет, звучал странно. Словно говорящий хотел скрыть, кто он есть на самом деле.

— Уезжай, — сказал охотник, едва переведя дух. — Поворачивай назад. Беги отсюда. Известия о поражении прилетели раньше тебя и достигли ушей королевы. Она очень недовольна.

— Ничего не поделаешь, — ответил Солдат — скорее раздраженный, чем напуганный. — Кстати, кто принес вести? Мы передвигались так быстро, как только возможно. Кто мог видеть, что произошло, и опередить нас?

— Не знаю. — Его беспокойная пегая кобыла забила копытами. — Очень советую тебе куда-нибудь смыться.

Солдат распрямился в седле и вздохнул.

— К сожалению, я не могу так поступить. Надо отвечать за свои поступки. Я провалил задание, верно. Но не в моих правилах бежать от неудачи. — Он немного помедлил и добавил: — А кроме того, я хочу повидаться с женой.

Охотник прыснул.

И снова Солдат почувствовал к нему неприязнь.

— Ты находишь это смешным? То, что я соскучился по жене?

— Я скорее поверю, что тебе не терпится избавиться от этой сумасшедшей женщины.

Солдат гневно шагнул вперед, затем вспомнил, что у него есть дела и поважнее потасовки.

— Никогда, — сказал он, задыхаясь от гнева, — не смей говорить о принцессе Лайане подобным тоном, иначе мне придется призвать тебя к ответу.

Взгляд охотника, казалось, стал мягче, когда он услышал угрозу, что тоже показалось Солдату необычным.

— Я не шучу! — сказал Солдат. — И не посмотрю ни на что, будь я хоть стократ твой должник.

С этими словами он развернулся и пошел своей дорогой.

Близнецы на миг задержались, с любопытством разглядывая охотника.

— Кто вы? — спросил охотник.

— Мы — правители королевства Бхантан, — ответил Гидо.

— В прошлом, — напомнил Сандо брату.

— Почему вы идете с ним?

Сандо кивнул в сторону Солдата:

— Он помог нам. И теперь он наш друг.

Солдат тем временем приближался к воротам. Близнецы поспешили за ним. Все трое были встречены отрядом имперских гвардейцев во главе с капитаном Каффом.

— Следуйте за нами, — велел Кафф.

Сейчас на культе его запястья с помощью серебряной скобы была закреплена живая крыса. В манере Каффа не слышалось ни особой злобы, ни триумфа, скорее простое удовлетворение, что наконец-то мир убедился в его правоте. Этот чужестранец, называющий себя Солдатом, является всего-навсего бесполезным ничтожеством, которому нельзя поручать важные задания. И теперь все поймут, что подобных дураков надо бросать в сточную канаву, как только их нога коснется земли Зэмерканда.

Канцлер Гумбольд гнусно заулыбался, когда Солдат вошел во дворец и пал ниц перед королевой.

Королева Ванда залилась густым румянцем гнева.

— Солдат, я очень в тебе разочарована.

Разочарована? Гумбольд и Кафф обменялись взглядами, не в силах поверить своим ушам. Они ожидали, что из уст королевы извергнется нечто более грозное. Они даже не сомневались, что Ванда почти потеряет здравомыслие от ярости. Они бы предпочли услышать такие слова, как «неимоверная глупость», а потом «темница» или «немедленная казнь».

— Милостиво прошу ваше величество простить меня за оплошность. На выходе из Кермерского прохода мое войско было атаковано ханнаками. Меня сопровождала рота бхантанской кавалерии. Они полегли все до одного. Я единственный пережил бойню. Нареченного Короля магов отбили, и теперь он с матерью находится в плену у ханнаков.

— Ты единственный остался в живых? — выпалил Гумбольд. — Скажи просто, что ты бежал. Трусость карается смертью, ваше величество. Я предлагаю...

— Тихо, Гумбольд, — отрезала королева, более взбешенная непрошеным вмешательством Гумбольда, чем провалом Солдата. — Ты бежал с поля боя, Солдат?

Солдат поднялся с колен и застыл в почтительной позе.

— Меня ударили, и я потерял сознание.

— Да, так и было, так и было, — пропищал фальцетом Гидо. — Мы все видели, скажи, братишка.

— Да, — закричал Сандо. — Мы стояли на гряде и видели, как все происходило. Солдат сражался как настоящий герой. На него напал ханнак, как трус, из-за спины.

— Молчать! — проревел Гумбольд. — Как вы смеете говорить перед королевской особой без разрешения?!

— Мы тоже королевские особы! — закричали близнецы в один голос, обернувшись и сверля Гумбольда бешеными взглядами. — Мы законные правители королевства Бхантан. А ты просто придворный лакей! Прихлебатель. Мы — *принцы*. Если захотим, прикажем отрубить тебе голову.

Придворные как один выдохнули.

— Нас изгнали, — продолжил Сандо, доверительно обращаясь к королеве.

— По ошибке, — добавил Гидо и усердно закивал.

Солдат объяснил:

— Они разыграли целый город. Нарушили протокол. По всей видимости, это считается в Бхантане чудовищным преступлением. Принцев свергли с трона и изгнали. По мне — это просто па-

рочка шаловливых сорванцов, которым самое время проказничать и озорничать. Но они сказали вам правду, как бы нескромно с моей стороны это ни звучало. Я был атакован одновременно с нескольких сторон и получил удар со спины.

Двор не сводил глаз с мальчишек. Маршал Крашкайт, который до сих пор оставался на заднем плане, выступил вперед.

— Настоящие принцы или простые беспризорники, — запыхтел он, — мне безразлично, ваше величество. У них есть глаза — вот что имеет значение при сложившихся обстоятельствах. Главное, что они являются свидетелями произошедшего.

— Но можно ли им верить? — сказал Гумбольд вкрадчивым голосом. Он все еще не мог оправиться от отчаянного отпора, что дали ему мальчики. — Из Бхантана не поступало известий о низведении с трона Белого и Розового принцев. Они с такой же легкостью могут оказаться уличными воришками, подобранными Солдатом в пустыне. И они очень неплохо служат его целям...

Капитан Кафф, которому не терпелось поучаствовать в споре, чуть не взорвался — так его распирало от желания вставить свое словцо. И все же ему приходилось сдерживаться. При дворе, полном знати, он не имел должной репутации. Подумаешь, вояка без титула! А вот его начальник на подобных собраниях занимал положение повыше и имел право голоса. К сожалению, маршал Крашкайт твердо встал на сторону Солдата. Наверное, оттого, что Солдат слеплен из той же глины, что и он; хотя скорее им двигала личная неприязнь к Гумбольду.

Королева, похоже, растерялась. Она плотно сжала губы, а это было верным признаком того, что она вот-вот сделает какое-то нехорошее объявление. Внезапно Квидквод, Лорд-хранитель королевской казны — фигура могущественная, несмотря на возраст и физическую хрупкость, — заговорил в присущей ему спокойной и рассудительной манере:

— Мне кажется, ваше величество, что слишком многие из присутствующих торопятся найти виноватого и мало кто выступает с конструктивными предложениями. Новый Король магов находится в данный момент в руках ха̀ннаков. Он всего лишь мальчик и не будет наделен полагающейся ему великой властью чародейства до самой инаугурации. Посему следует полагать, что он беззащитен в руках похитивших его северных варваров. Нам нужно снарядить спасательный отряд. Я предлагаю, чтобы Солдат во главе роты имперских гвардейцев отправился в военную экспедицию и вырвал Короля магов из лап дикарей. Тем самым он искупит свою вину. По возвращении — а он вернется, ибо, на мой взгляд, как никто

другой достоин возглавить эту экспедицию и способен довести ее до успешного завершения, — он подвергнется испытанию за допущенную ранее некомпетентность.

Кафф не мог больше молчать. Он заговорил взахлеб:

— *Я* капитан имперской гвардии! Ваше величество, все экспедиции с участием моих людей должен возглавлять я!

И снова тихим голосом заговорил Квидквод:

— Капитан Кафф — хороший солдат, спору нет. Но он привык к муштре и парадам, а не к войне, в особенности к партизанской войне. Нам нужен человек, способный возглавить поисковую операцию. Солдат, который, напомню вам, *тоже* является капитаном, неоднократно участвовал в сражениях и с ханнаками, и с людьми-зверьми, и многими другими врагами империи. Более того, в боях он проявил себя воином исключительной отваги, доблести и...

— И свирепости, — перебил Гумбольд. — Да он же сам варвар. Разве можем мы доверять ему в таком важном деле? Им будет двигать жажда мести, а не желание спасти Короля магов. Капитан Кафф — напротив, офицер, чья верность интересам государства не вызывает сомнений.

Солдат сказал:

— Кто-то выдал нас ханнакам.

Глаза Гумбольда широко распахнулись.

— Ты обвиняешь капитана Каффа?

Солдат осознал, что с его стороны было бы глупо настаивать на подобном утверждении, не имея под рукой должных доказательств. Рассудком он допускал, что Кафф выслал на север шпионов, которым велел следить за передвижениями Солдата, и те вспугнули ханнаков. По всей видимости, ханнаки заранее знали, что Солдат и ИксонносИ вот-вот появятся из перевала. Кто-то предал отряд варварам. И Солдату не приходила в голову более подходящая кандидатура, чем капитан имперской гвардии.

— Я сказал: «Нас *кто-то* предал».

— Посему повелеваю отправиться *обоим*, — изрекла королева, прервав дебаты одним из характерных для нее импульсивных решений. — Солдат возьмет на себя командование экспедицией. Она будет состоять из роты имперских гвардейцев и роты воинов Солдата из Шатра Орла, наших друзей и защитников, карфаганской армии. Таково мое решение.

И Кафф, и Солдат шумно вздохнули. Решение королевы могло привести к катастрофе, но они не посмели возражать. Ее глаза в тот момент походили на кремень; единой искорки хватило бы, чтобы воспламенить ее ярость, и тогда с плеч полетят головы.

Королева поднялась, намереваясь удалиться, и покачала головой, глядя на Солдата.

— Я *сильно* разочарована, — повторила она. — Без сомнения, сестра будет столь же недовольна тобой, как и я. Когда — скорее *если* — ты вернешься, Солдат, тебе предстоит пройти Испытание судом божьим. Ты можешь сделать выбор сейчас, если пожелаешь. По правде говоря, я даже настаиваю. Огонь, вода или поединок?

— Огонь, ваше величество.

Ее глаза чуть расширились.

— Не поединок? Ты исключительно сильный боец.

— В поединке будет участвовать другой человек — доблестный воин, которого выберет суд. Не исключено, что этот человек будет убит или покалечен без вины. Я потерял Короля магов, и вина за это лежит всецело на мне. А потому я выбираю испытание огнем.

— Да будет так. Тем временем я провожу бывших правителей Бхантана в их апартаменты. Гумбольд, ты отнесешься к ним с уважением, достойным королевских особ, и предоставишь все привилегии, которые полагаются знатным гостям. Мне бы хотелось верить, что если *я* когда-нибудь окажусь на их месте и буду, свергнутая с престола, искать прибежища в иностранной державе...

— Похороните эту мысль, ваше величество, — еле слышно сказал Гумбольд.

Бывшие принцы подняли на него глаза и мило заулыбались.

— Гравбульд, — промурлыкал Гидо.

— Гравбульдог, — сладкозвучно подчеркнул Сандо, дабы не упасть в грязь лицом в сравнении с братом.

Канцлер одарил их таким взглядом, которого с лихвой хватило бы, чтобы убить двух взрослых слонов-близняшек.

Кафф и Солдат покинули зал вместе. Крыса Каффа неистово дергалась, щелкая в воздухе зубами. Капитан вырвал ее из крепления на запястье и швырнул в сад, где она поспешно скрылась. Затем он повернулся к Солдату, потрясая культей:

— Почему ты не выбрал поединок в качестве Испытания? Я бы дрался с тобой снова, на законных основаниях. Последнее слово не за судом. Ты как обвиняемый имеешь право сам выбрать соперника.

— Знаю, — сказал Солдат. — Я не питаю к тебе ненависти, пока ты держишься на должном расстоянии от моей жены.

— Ты обвинил меня в предательстве страны! — жарко воскликнул Кафф. — И не смотри на меня так. Я знаю, что ты имел в виду меня. Я скажу тебе кое-что, Солдат, дабы уберечь тебя от грядущего разочарования и сэкономить твое время. *Я никогда не предам свою*

страну и королеву ради таких, как ты. Ты понял? Ты не стоишь моей чести.

— Как скажешь.

— Да, так.

Солдат пожал плечами.

— Сейчас это к делу не относится. Нам предстоит совместный поход. Давай не будем совершать ошибок. Я — главный. Любая операция терпит только одного лидера, поэтому ты будешь подчиняться мне беспрекословно, как если бы ты был капралом, а я маршалом. Понятно?

— Абсолютно, — ответил Кафф. Его здоровая рука упокоилась на эфесе меча. — Я получил приказ от королевы. Нет необходимости напоминать мне о нем. Ты — командуешь, и ты несешь ответственность в случае провала. Твоя слава, если все пройдет гладко. Я всего лишь пешка.

— Славы не будет. Я просто исправляю ошибку.

Кафф кивнул не без удовлетворения:

— Конечно, ты прав. Ты в безвыходном положении. Я выделю лучших пехотинцев из моей гвардии. Сотню, пойдет?

— Нет, не целую роту. Пятьдесят человек. Но все должны быть правшами.

Кафф выглядел удивленным.

— У меня все гвардейцы правши.

— Понятно, но мне нужны правши *от рождения*, а не левши, которых *выучили* драться с праворукими. Да, и еще дюжину первоклассных лучников, капитан Кафф, рука не имеет значения. Мне понадобится кавалерия — всадники на быстрых скаковых лошадях.

— Как пожелаешь. Сколько берешь карфаганцев?

— Столько же.

— Хорошо.

Они расстались.

Солдат направился к городским воротам. Он шел к красным шатрам, расположившимся за стенами города.

И хотя Солдат умело скрывал свои чувства, на душе у него было скверно. Идти на ханнаков целой армией — при желании это вполне осуществимо — все равно что выслать вперед гонца с предупреждением врагу. Получится трудный поход с таким же количеством запряженных волами телег с припасами, как и пеших солдат. С другой стороны, малыми силами можно передвигаться быстро и нанести неожиданный удар. Если же наступать целой армией, ее намерения будут сразу понятны. Тогда ханнаки скорее всего просто убьют заложников и подадутся в горы.

И все же удастся ли обойтись малой силой? Всего-то рота или около того... Один или двое — слишком мало для такой сложной операции. Десять тысяч человек — гарантированная потеря заложников. Придется обойтись сотней с малым воинов на быстрых лошадях.

Солдат направился прямо к своему шатру — Шатру Орла.

— Лейтенант Велион, — подозвал он женщину-офицера, которая в тот момент наблюдала за учебным боем на коротких мечах. Арена для тренировок была разбита чуть поодаль от шатров. — Мне нужен доброволец, который поможет отобрать пятьдесят воинов для смертельно опасного задания.

— Я в твоем распоряжении, — широко заулыбалась она. — Только разберусь с этими.

Она отдала приказ крепким коренастым мужчинам и более высоким и стройным женщинам, которые изо всех сил кромсали мечами деревянные чушки. Воины прекратили сечу и отправились к берегу реки смывать пыль и пот со смуглых тел. Затем Велион подошла к Солдату, обхватила ладонью протянутый ей кулак и пожала его в особом приветствии.

— Как дела? Куда отправляешься?

Они знали друг друга с тех пор, когда оба служили рядовыми пехотинцами в одном шатре. Их дружба зародилась в те времена, когда Солдат записался в армию, отчаянно пытаясь обрести хоть какую-то опору на земле, где его никто не знал. Он был загадкой не только для окружающих; единственный в этом мире человек с голубыми глазами и отсутствием прошлого, он и сам себя не знал. Велион отнеслась к нему по-доброму.

Между ними не было романтической связи. Братья по оружию, на войне они прикрывали друг друга, а в мирное время вместе охотились, упражнялись и тренировались бок о бок. Солдат вскоре женился. Велион же с легкостью вступала в близкие отношения с разными мужчинами и женщинами, предпочитая главным образом последних. Велион с Солдатом доверяли друг другу безоговорочно.

— Отправляюсь в логово ханнаков, — объяснил Солдат. — Я завалил одно задание. Под моей ответственностью находился новый Король магов, и его у меня отбили. Теперь нам предстоит вернуть его. Я не упрекну, если не захочешь идти со мной. В случившемся виноват я один. Погибло и так много народа из-за того, что я потерял бдительность.

— Будто никто из нас никогда не ошибался. Я с тобой.

— Хорошо. Мне нужны всадники — быстрые всадники. Все от природы левши. Да, и еще с дюжину лучников. Из тех, кто выпускает в воздух тридцать стрел за минуту. И еще десять воинов из

того района Карфаги — как он называется? Джундра? — те бойцы, которые управляются мечом с одинаковой ловкостью обеими руками и идут в бой с двумя мечами, по одному в каждой руке, используя их как ножницы.

Велион кивнула.

— Поняла. Теперь насчет левшей, о которых ты говорил...

Солдат объяснил, как он собирался их использовать.

— Ты постоянно выдумываешь что-нибудь новенькое, — сказала она.

Они дали команду на построение и прошлись вдоль шеренги. Солдат разбил воинов на пары и приказал драться друг с другом на мечах. Он знал, что ищет. Как только какой-нибудь воин проявлял еле заметную неловкость в обращении с оружием, Солдат вызывал его вперед и задавал один единственный вопрос.

— Ты от рождения левша?

Если следовал утвердительный ответ, как неизменно и происходило, он отправлял этого воина в сторону, к лейтенанту Велион. Солдат знал, что в большинстве армий — если не во всех — левшей переучивают сражаться правой рукой. Чтобы в бою строй действовал слаженно, каждый воин носит копье и меч с одной, общей для всех, стороны — таким образом он не мешает рядом стоящему. Однако если весь личный состав состоит из левшей, то вполне можно выбрать за главную и левую руку.

Набрав достаточно воинов, Солдат попросил Велион поучить их владению оружием левой рукой.

— А ты куда сейчас? — спросила она.

— Повидаться с женой.

Лайана поняла, что Солдат вернулся в Зеленую башню, когда услышала, как он тихо спрашивает Офао, дома ли госпожа. На самом деле Солдата скорее интересовало, в здравом ли она сейчас рассудке.

— Госпожа чувствует себя хорошо, хозяин, — послышался голос Офао. — Она ожидает вас в Белой комнате.

Мгновение спустя Солдат уже стоял в дверях: высокий поджарый атлет с ниспадающими по плечам черными кудрями.

— Супруг мой! — воскликнула Лайана, бросаясь в его объятия.

Он поцеловал ее лицо раз сто, ни разу не остановившись, чтобы перевести дух. Затем сжал ее в своих объятиях, да так, что воздух с силой вырвался из груди женщины.

— Не знаю, что бы я делал, если бы ты была больна, — шепнул он ей на ушко. — Ты мне сейчас так нужна.

— Только сейчас? — поддразнила она.

— На веки вечные, — сказал он. И отстранил ее на вытянутых руках, чтобы получше рассмотреть. — У тебя волосы так пахнут... Что это? Розмарин? Жасмин?

Лайана рассмеялась:

— А ты, как всегда, путаешься в ароматах и благовониях. Это мускусное масло.

— Ах да, конечно. Как ты поживаешь? Выглядишь превосходно. Как ты хороша сейчас! Кафф не разнюхивал здесь? Я просто обязан убить эту собаку. Ты отослала его прочь?

— Нет, он интересный собеседник, на мой взгляд. Я знаю, что ты его ненавидишь, но он не позволяет себе лишнего и рассказывает много интересного и поучительного.

Солдат удивленно поднял брови:

— Ты находишь его россказни интересными и поучительными? Видимо, я знаком с каким-то другим Каффом.

— С тем же самым. Ты просто не видишь в нем положительных сторон. Вы оба только и делаете, что рисуетесь друг перед другом, как бойцовые петухи. Потому и не можете разглядеть друг в друге что-нибудь хорошее. Он тоже ненавидит тебя. Разумеется, за это я порицаю его, потому что ты — мой любимый муж, и ни одного мужчину на этой земле я не люблю сильнее и самозабвеннее.

Он снова обнял ее.

— Как я соскучился!

— Докажи, — сказала она, развязывая пояс своего одеяния.

Потом они попросили Офао принести горячего чаю, который неторопливо попивали за разговором.

Солдат лежал на диване, а Лайана уютно устроилась возле него.

— Я потерял Короля магов. Теперь надо вернуть его.

— Я слышала, — сказала она, потягиваясь на шелковых подушках. — Это очень опасно. Пожалуйста, побереги себя и возвращайся. Я... я хотела бы поехать с тобой, но...

Из-за сумасшествия она не могла этого сделать.

— Знаю. Даже если экспедиция увенчается успехом, по приказу королевы я подвергнусь испытанию. Испытанию огнем.

При этих словах Лайана села на кровати.

— Что?

— В качестве наказания за то, что потерял мальчика. Так будет справедливо.

— Это *чудовищно*. Мой муж? Испытанию огнем? Я непременно поговорю с сестрой. Я потребую...

— Не надо, — перебил ее Солдат и нежно добавил: — Я должен через это пройти.

— Нелепость какая-то. Что от тебя требуется?

— Я возьмусь рукой за раскаленное докрасна железо. Я мог бы прогуляться по горячим углям, но об этом даже подумать страшно. У меня такие чувствительные ступни. Должно быть, в прошлой жизни я был принцем. У меня челюсти сводит, когда наступаю на что-нибудь грубое, только шерсть годится... На испытании я возьмусь за раскаленную кочергу, подержу ее положенную минуту, а потом ты будешь накладывать бальзам на мои бедные обожженные руки и остужать горящую кожу слезами.

— Я не стану плакать о тебе, — твердо ответила Лайана. — Я не из таких женщин, и для тебя это не секрет, но я буду очень зла на сестру. Ах, дорогой мой, твои руки будут выведены из строя так надолго. Ненавистники станут вызывать тебя на дуэли, а ты не сможешь отказать — уж я-то тебя знаю.

Солдат фыркнул:

— Погляди на меня. Я похож на дурака? Вот когда мне полегчает, — он прищурился, — тогда я сам пойду и вызову желающего на дуэль, и посмотрим, кто из нас трус, а кто нет.

Глава пятая

К радости Солдата, Лайану не покидал здравый рассудок до самого его отъезда. На рассвете за капитаном зашла Велион, которая должна была возглавить левшей-карфаганцев. Лайана прошептала лейтенанту на ушко:

— Присмотри за моим муженьком, ладно? Ты же знаешь, когда решается вопрос жизни и смерти, его импульсивность граничит с безрассудством.

— Нам кажется, что он действует спонтанно и необдуманно, — тихонько ответила ей Велион, — но на самом деле он просто очень быстро соображает. Конечно, я присмотрю за ним; не сомневайся, мне он тоже дорог, как друг.

— Спасибо тебе.

Ворон вернулся после длительного отсутствия, и тут до него дошли слухи, что Солдату предстоит возглавить спасательную операцию.

— Ты что удумал? — воскликнул Ворон, приземляясь на круп лошади Солдата. — Ты в своем уме? На своей земле ханнаки неуязвимы. Тебя на куски порежут.

— Я совершил ошибку. Мне ее и исправлять.

— Послушай... а правда королева так уж зла на тебя? Почему она не послала на этот раз Каффа? Очень глупо с ее стороны. Кафф наверняка способен убедить ее, что ты не в состоянии командовать войском. Разве он не выдвинул свою кандидатуру в качестве наилучшего командира?

Ворон недоумевал, не в силах понять решения королевы.

— Я знаю, что *ты*, Ворон, невысокого мнения о моей доблести, однако не все с тобой согласны, в том числе и королева, хвала богам.

— Не спеши благодарить богов, — воскликнул Ворон, улетая. — Скоро представится возможность сделать это лично, когда тебя убьют ханнаки!

Капитан Кафф стоял у ворот во главе отряда имперских гвардейцев в полной готовности выступать. На запястье его правой руки в этот раз крепилась орлиная лапа: какой-то практикующий маг срастил сухожилия и связки птичьей лапы с тканями Каффа. Сращение было выполнено на совесть — лапа приросла к человеческой плоти намертво, и у Каффа появилось дополнительное личное оружие, которое он мог использовать как кинжал и короткий меч.

Кафф подъехал к Солдату.

— Знаешь, я благодарен тебе за то, что ты лишил меня кисти. Эта лапа во многом ее превосходит.

— Очень рад, — сказал Солдат. — Впрочем, не ожидай, что я поверю, будто ты не затаил на меня зла.

— У меня и без того хватает причин посчитаться с тобой.

— Я так и думал. И все-таки не забывай, что командую здесь я. Я могу поинтересоваться твоим мнением, и все. Мое слово — закон. За неподчинение прикажу повесить и не посмотрю, рядовой это или капитан. Я понятно выразился?

— Куда как, — хладнокровно ответил Кафф. — На месте командующего я стал бы требовать от своих подчиненных того же.

Солдат коротко кивнул:

— Хвала богам, что ты тоже военный, а не слизняк наподобие Гумбольда. И не сомневаюсь: будь он на твоем месте, мы беспрестанно обменивались бы пикировками и петушились друг перед другом из одной только личной неприязни. А так у нас есть некоторые шансы на успех операции. Очень тебе признателен.

На третий день пути лагерь разбили у подножия горного кряжа. Солдат поднялся на хребет, осмотрел простирающуюся вперe-

ди местность, а заодно и поразмышлял в одиночестве. Все его мысли сводились к одной извечной проблеме: кто он такой и как оказался в чужой стране. Солдат знал — точнее сказать, у него было чувство, — будто он не единственный пришелец из другого мира. Здесь есть по крайней мере еще один человек из его родных земель. Не исключено, что и больше. Интересно, а тот, другой, тоже не имеет представления о том, кто он такой, и не помнит своего происхождения? Есть какой-то смысл в том, что их сюда занесло? Может, они должны что-то выполнить? Ищут они друг друга или, наоборот, избегают? Так много вопросов и так мало ответов...

Солдат пытался убедить себя, что ему безразлично, кто он и откуда родом. Он вполне сносно устроился и здесь, на этой земле, и если существует другая, так и пусть себе варится в своем собственном соку. Но подобный взгляд на вещи годился лишь временами. И еще Солдату было стыдно, что порой ему приходится лгать Лайане. Он утверждал, что он любит и любил только ее. Солдат действительно любил жену всем сердцем, это правда. Но тот, другой человек, из мира, которого он никак не мог вспомнить, в свое время тоже кого-то любил.

Она, это неизвестная теперь женщина, ютилась в потаенных уголках его сознания, и все-таки ее присутствие было весьма ощутимым. Это чувство сопровождалось лишь одним туманным воспоминанием: она отбрасывает с безупречного лба золотисто-каштановые волосы, стройная фигура неторопливо бредет по берегу ручья, зеленовато-карие очи не отрываясь смотрят в его глаза. Воспоминания заливали призрачные волны света, и когда казалось, что он вот-вот увидит и узнает, они рассеивались.

И еще в сердце Солдата таилось очень много необъяснимой ненависти, больше, чем может вынести один человек. Солдат принес эту ненависть, этот гнев, эту горечь из того, другого мира. Иногда, когда его переполняла страсть — в пылу битвы или на ложе любви, — это чувство вскипало кроваво-красной волной и выливалось через край. Те, кто видел, как Солдат расправился с человеком-псом Вау, остерегались его. Никто не хотел стать очевидцем очередного пробуждения спящего вулкана. Какая-то чудовищная несправедливость свершилась с Солдатом в прошлой жизни, а расплачивались за нее уже здесь. Впрочем, людей, павших от руки Солдата, нельзя было назвать невинными жертвами вспышек ярости безумца, но в том преступлении, за которое они несли наказание, была не их вина. В такие моменты глаза Солдата застилала красная пелена, и он не думал ни о чем, кроме мести. Когда же страшные чары сходили с него, он едва отдавал себе отчет в содеянном.

«Ну почему я не могу быть доволен жизнью? — говорил он себе, взяв пригоршню земли и рассеивая ее по ветру. — У меня жена, положение в обществе, меня уважают — все как с неба упало. Я пришел в лохмотьях, с выщербленным мечом в руках, и теперь я — капитан, муж принцессы, о моей доблести слагают легенды. Я — мать дракона, приемный отец колдуна, да не простого, а самого Короля магов. Мне завидуют как никому. Почему я не могу быть счастлив тем, что имею, и не думать, не гадать, какое оно — прошлое? Быть может, другой мир — иллюзия, и я родился здесь, чудо природы с голубыми глазами?»

Вот такими отговорками тешил себя Солдат, хотя прекрасно понимал, что ему не избавиться от цепких объятий несуществующего мира, в котором он был единственным обитателем.

Стараясь отвлечься, он стал рассматривать раскинувшийся перед ним пейзаж. Внизу лежала чудесная плодородная долина. Под крутым утесом стояла изба. Фермер, который при ближайшем рассмотрении оказался здоровяком, держался за плуг. Две крупные лошади выполняли его команды. Крестьянин как раз пропахал очередную борозду и разворачивал плуг, когда к нему подошел Солдат. Толстый потрепанный ремень из кожи был перекинут через правое плечо крестьянина и уходил под мышку, образуя подобие упряжи. В левой руке землепашец держал поводья, а правой сжимал рукоятку плуга. Солдат залюбовался его осанкой и движениями и решил подойти поближе, чтобы познакомиться. В некотором смысле он завидовал человеку, избравшему себе такое мирное занятие.

— Сэр, — обратился он к фермеру, — вы так сноровисто управляетесь...

Крестьянин прервал работу. Солдат явно вмешался в его раздумья. На лоне природы крестьянин предавался размышлениям о своей мирной жизни. Он приподнял шапку и отер лоб.

— Спасибо. Только ведь я с самого детства на земле. Неудивительно, что получается хорошо.

Жирные черные борозды вспаханного поля убегали далеко вперед. Солдат с крестьянином любовались сделанной на совесть работой: землю будто кто-то причесал. Пара белых меловых валунов слепили глаз на свету. Отовсюду слетались птицы — в основном чайки и грачи, которые высматривали вынесенную на поверхность пищу. Вдоль оврага крадучись бежала лиса; подобно рыжему призраку она скользнула вниз и исчезла из виду.

— Мне показалось, что ты размышлял о чем-то, — сказал Солдат, — когда я подошел к тебе. Прости, я нечаянно прервал твои думы.

— Я верующий человек, — негромко ответил фермер. — Только я молюсь не богам. Я прислушиваюсь к гласу окружающего меня мира, слушаю, как бьется сердце земли. Чувствую, как наши души сливаются. Мне хорошо от этого.

— Немудрено при такой тихой жизни стать философом. Что ты думаешь о войне и воинах? Посмотри на меня. Я командир. Я веду в бой живых людей и порой возвращаюсь с мертвыми. Ты презираешь таких, как мы, — тех, кто пускается на поиски славы, вместо того чтобы слушать песнь мироздания?

Фермер некоторое время сосредоточенно размышлял.

— Я не презираю тебя, потому что не знаю, какой ты, и не ведаю того, что заставляет тебя искать ту самую славу. Я могу сказать одно: мне неинтересны такие вещи. Все зависит от того, к какому внутреннему голосу тебя научили прислушиваться. В одних из нас живет голос, который учит радоваться окружающему миру, заимствовать на время его часть и выращивать себе пищу. Другим их внутренний голос велит отправляться на поиски приключений; таким людям не терпится узнать, что там за горизонтом, хочется *изменить* мир, завладеть им. Если ты следуешь велениям второго голоса, твоя дорога — война.

— Я направляюсь туда, где буду убивать других людей, или сам буду убит, — сказал Солдат. — Я смотрел на тебя и завидовал. Ты сливаешься с окружающим ландшафтом, а я торчу на нем, как увешанный броней истукан, ощетинившийся оружием. Мне хочется походить на тебя.

— А мне жаль, что я не вижу всего того, что видишь ты, — ответил крестьянин. — Тебе довелось побывать в разных странах, разных краях. Однако тебе приходится расплачиваться за свои чудесные приключения. Я не смог бы окропить свою душу кровью другого ради того, чтобы получить все то, чем владеешь ты, вкусить доступные тебе блага.

Фермер снял мех с водой с рукояти плуга и протянул его Солдату. Оба пили большими глотками. Фермер отер губы тыльной стороной ладони, а потом поделился откровением.

— Как-то раз, — сказал он, — я решил, что смогу изменить мир. Мне хотелось сделать так, чтобы окружающие предметы подчинялись моей воле. Однажды, когда я был совсем молод, я бродил по пляжу и слушал, как поет море. Волны играли галькой на берегу. Сотни и тысячи камешков шуршали, издавали разные звуки, ударяясь друг о друга. Их было так много, и все они были такими разными, что от их соприкосновения рождалась чудесная симфония самой природы.

И я решил, что сам смогу создать такую удивительную музыку. Я принялся за работу. Целый год я раскладывал камешки в определенном порядке, отгородив их от волн песчаной насыпью. Я сортировал их по видам и размеру, так, чтобы они издавали разные ноты в некоем подобии музыкального ряда. Я возжелал создать узнаваемую мелодию из их перешептывания, песню моря и камня, которая понравится другим людям.

Тут фермер вздохнул и поглядел в даль.

— Только я не принял в расчет необузданности исполнителя. И вот наконец инструмент был готов. Он ждал, когда я дам ему произвести нужные звуки. Только океан не захотел подчиниться. Я снес песчаную насыпь, и волны хлынули с разной силой, они были разной высоты, изменяли направление с каждым днем, часом, минутой. В результате получилась обычная беспорядочная какофония природной стихии.

Солдат посочувствовал:

— Жаль, что твоя задумка не удалась. Все равно это была хорошая мысль, пусть даже и реализовать ее оказалось невозможно.

— Но мне этого было мало! — воскликнул фермер, отчаянно взмахнув рукой. — Я во второй раз сделал ту же самую ошибку. Однажды утром я услышал предрассветный хор птиц. Никогда прежде не слышал я пения более прекрасного. Но тут же мне захотелось большего. Я и не сомневался, что в этот раз все получится как надо, ведь теперь моими исполнителями будут живые существа, а не изменчивые и непредсказуемые явления природы. Я решил разделить птиц на отдельные группы и научить их петь определенные мелодии. Представь, тут звучат певчие дрозды, там вступают соловьи, следом гогочут гуси с длинными шеями, потом к ним присоединяются все остальные... Увы, птицы утомились и очень скоро затянули свои обычные песни. Им нужно было снова ощутить свободу и непринужденность, чтобы почувствовать индивидуальность, ощутить радость творения, реализовать потребность импровизации.

С тех пор я никогда больше не вмешивался в песнь земли. Да и можно ли заставить ветер петь примитивные сочинения человека? Нет. Я с радостью беру то, что мир дает мне сам, принимаю его дары с благодарностью. Я просто иду туда, куда мир ведет меня за руку, точно мать — дитя.

Двое мужчин пожали друг другу на прощание руки, и Солдат направился обратно к горному кряжу. Когда он взглянул вниз с гребня горы, фермер уже вернулся к своему занятию и работал, крепко сжимая в руках плуг. Солдат подумал: «Ведь этот человек

настоящий поэт, хоть и не написал на бумаге за всю жизнь ни единого слова. Этот человек ласкает тело мира, его корни на земле, и он держится за нее, точно дерево за родимую почву».

Отряд двинулся дальше в сторону земли Да-тичетт, родины ханнаков. Да-тичетт отделяют от Фальюма и Гутрума две непролазные горные гряды, и пройти туда можно, только отыскав потайные переходы и перебравшись через высокие седловины. Гутруму никогда не удавалось подолгу удерживать Да-тичетт в своей власти. Хотя в истории бывали моменты, когда гутрумиты захватывали родину ханнаков, земля эта слишком удалена от империи, люди в ней жили слишком дикие и необузданные, и подолгу удерживать страну в своей власти без полной военной оккупации оказалось невозможным. Тут не удавалось править, как любым другим государством, с помощью назначенного губернатора и символического присутствия войск. Ханнаки представляли собой на редкость твердолобый и упрямый народ, который действовал по принципу: сначала бей, а потом разберешься. Они убивали друг друга, нисколько не мучаясь угрызениями совести, да и особого уважения к властям не испытывали, даже если за властью стояла сила. Силу они уважали, однако с радостью бросали вызов сильнейшему и не слишком-то задумывались о последствиях, а потому и страха не испытывали.

Среди ханнаков ходила поговорка, что когда в Да-тичетте устроят библиотеку, значит, умер последний ханнак.

Войско как раз переходило горы, когда Солдата навестил Ворон.

— У тебя еще есть время повернуть обратно. Пожалуйста, не отмахивайся сразу от моих слов. Не слишком-то у тебя войско крупное для такого дела. Пошли вперед Каффа. Пусть он примет первый удар на себя.

— Отстань, — буркнул Солдат, — не то кто-нибудь услышит.

— Ну хорошо. Сдаюсь.

Ворон взмыл в небо.

Горный переход не охранялся. Ханнаки были уверены в своей безопасности, потому что, когда в прошлый раз их попытались подчинить, они перебили весь оккупационный отряд, не оставив ни единой живой души, сожгли трупы и все хозяйство колонистов и водрузили обугленные человеческие останки на шесты на летней границе вечных ледников.

Эти шокирующие объекты по-прежнему висели там — угольно-черные фигуры мужчин и женщин на фоне белого снега. Они

безмолвно разевали черные рты, пялились пустыми глазницами. Их тонкие хрупкие конечности переламывались, точно прутья при первом прикосновении. Обугленные кости завывали на ветру. Посланники из мира огня, молчаливое напоминание о равнодушии и презрении, с которым ханнаки отнеслись к пленникам и их семьям.

Путь лежал через горы: туда, где почти не было пригодной для земледелия почвы. При одном взгляде на скудный почвенный покров становилось понятно, почему ханнаки вели такой образ жизни — совершали набеги, жили грабежом, отнимая нажитое тяжелым трудом добро у соседних племен.

Ханнаки, как троглодиты, жили в пещерах. Отвесные стены утесов снизу доверху были испещрены их жилищами, выдолбленными в известняке. Напротив входов в пещеры располагались загоны для скота, где ханнаки держали диких лошадок. Рядом виднелись кострища, по большей части огонь в них не горел; казалось, земля испещрена черными волдырями, которые, лопнув, выплеснули наружу черную жидкость. Через долину протекала мутная от испражнений пони и местного люда речушка. Питьевую воду собирали в огромные шкуры, которые натягивали на козлы. В сооруженных таким образом огромных сосудах купались дети. Они плавали и плескались, а их радостный визг эхом отдавался в вершинах окружающих поселение гор.

Солдат собрал офицеров на совет.

— Что ты думаешь? — обратился он к Велион. — Где держат пленников?

— Может, в одной из тех больших пещер?

Кафф сказал:

— Видел хижину без единого окна? Внизу, у второго загона? Подозреваю, что они там. Зачем вообще нужна хижина без окон? Такое сооружение не пригодно для хранения зерна и съестных припасов; без постоянного притока воздуха все испортится. Не исключено, что там держат скот, хотя сомневаюсь — слишком низкий потолок, не уместишь никого.

Солдат кивнул. Он был впечатлен наблюдательностью Каффа.

— Если пленники там, тогда они сидят на корточках, потому что потолок не выше метра от пола.

— Неплохо деморализует, — согласилась Велион. — Ишь как придумали: держать узников в полной темноте, да еще в такой позе!

Кафф добавил:

— Они после такого не разогнутся и бежать не смогут. Значит, тайное ночное похищение отпадает. Придется использовать лошадей.

— Поскачем по двое, — согласился Солдат. — Ты прав. Лучше всего было бы прокрасться туда незамеченными и выпустить их. Однако это слишком рискованно. Ханнаки известные глухари, ушки-то у них крохотные, зато зрение!.. Итак, идем открыто. Ханнаки, как вы знаете, не замедлят среагировать на угрозу, так что действовать надо быстро и наверняка.

Велион согласилась. Кафф кивнул. Возражений не было ни у кого.

Два отряда кавалеристов заняли соответствующие места: правши — с правого фланга, левши — с левого. Велион — во главе своих карфаганцев, Кафф вел имперских гвардейцев. В центре построения двигалась группа из Джундры, состоящая главным образом из женщин, которые с одинаковой ловкостью владели обеими руками. Они дрались двумя мечами, отчего создавалось впечатление, будто в руках у них гигантские ножницы. План состоял в том, чтобы стечь вниз единой волной, разделиться в центре и поглотить хибарку. Затем вывести пленников, посадить их позади наездников Джундры и возвращаться к высокогорным перевалам верхом.

— Мне нужны лучники. Они будут стоять наверху, в полной готовности, и прикрывать отступление, — сказал Солдат. — Каждый лучник выпустит по шестьдесят стрел в песок прямо перед ханнаками и без промедления снова начнет стрелять. Надо снять ведущих ханнаков или их лошадей, чтобы они падали прямо на пути у следующих за ними, создавая живую преграду. Ясно?

Лучники кивнули в знак согласия и заняли позиции на выступе над склонами.

— Все, — сказал Солдат. — Пошли.

Воины потекли по склону.

Почти тут же прозвучал вражеский рожок, и ханнаки выбежали из пещер, а те, что были уже на улице, побросали дела. Вопреки ожиданиям, они не помчались к пони, а побежали защищать свою территорию как были пешими. Когда колонна приблизилась к атакуемой зоне, воздух внезапно заполнился стрелами ханнаков.

Солдат видел детей, широко раскрытыми глазами наблюдающих за происходящим прямо из своих передвижных бассейнов. Ханнакские женщины спешно собирали драгоценные горшки и со всех ног мчались к пещерам. Всадники неслись прямо на тех ханнаков, которых нападение застигло врасплох. Фланги ощетинились мечами. В голове колонны, точно лопасти ветряной мельницы, вращались стальные клинки. Проникнуть внутрь построения было невозможно. Левши, правши, обоерукие — всадники были защищены со всех сторон.

Атакующее войско окружило низкую хижину. Солдат быстро спешился, подскочил к двери. Она оказалась незапертой. В ушах зазвенело предупреждение об опасности. Из хижины исходил сильный запах скота. Стоило Солдату открыть дверь, как изнутри раздался истошный поросячий визг. Свиньи бросились наутек, к солнечному свету, пробегая меж ног лошадей и вызывая всеобщую панику. Они наталкивались на ханнаков и сшибали с ног, но то были счастливцы. Их товарищей начали рубить нападающие. На глазах Солдата Кафф размахнулся своей орлиной лапой и резанул ею по лицу ханнака, раскроив плоть до самой кости. Велион так и рубила врага мечом, целясь в плечи и шеи. Но было и по-другому. Кое-кого из атакующих уже выбили из седел, а лошадей без седоков уводили прочь ханнакские женщины.

Свиньи носились среди кровопролития, с истошным визгом шмыгали взад и вперед, перепуганные и сбитые с толку.

— О боги! — воскликнул Солдат. — Да это же свинарник!

И лишь только им начало овладевать отчаяние, как на плечо ему приземлился Ворон и прогорланил в самое ухо:

— Видишь тотемы? Они там!

Солдат взглянул на курган, что возвышался на самом краю пещерной деревни. В центре его стояли высокие резные монолиты из камня. Они были прикрыты основанием горного хребта, который врезался как шпора в округлое плато прямо напротив пещер.

Солдат снова вскочил на лошадь.

— За мной! — донесся в общей неразберихе его зычный голос. — На курган!

Он развернул лошадь. За ним тут же последовали Кафф и Велион, и вся колонна направилась к каменным стоякам. Вот теперь и Солдат увидел пленников, привязанных к основаниям тотемов. Они были наги и, казалось, совсем пали духом. Не нужно было проявлять чудеса маневренности, чтобы подскочить на полном ходу к камням и перерезать связывающие пленников ремни. Утеллена прыгнула на лошадь позади Велион, ИксонноскИ подсадили к Каффу. А Спэгг... Где Спэгг? Торговец схватился за ближайшего к нему ездока и довольно проворно для человека своего возраста вскочил на круп лошади.

— Вперед! Вперед! — подгонял Солдат, направляя свое войско к склонам, ведущим к высокогорным перевалам.

Ханнаки уже вскочили на приземистых лошадок и бросились в погоню.

Солдат уходил с группой прикрытия, то и дело разворачивался и встречал ханнаков лицом к лицу, позволяя передней части ко-

лонны втянуться в горы. Вскоре вступили в бой лучники. Они сняли первые ряды ханнаков, как и было приказано, и тела упали под копыта скачущих следом пони. Некоторые лошадки спотыкались и заваливались набок.

Наконец отряд достиг перевала. Те, кто вез узников, не останавливаясь двигались вперед меж высоких каменных стен, предоставив другим прикрывать их отступление.

Держать оборону на узкой тропе было несложно. Как только все прошли через перешеек, два или три воина спокойно могли бы противостоять тысячному войску. Некоторые из лучников спустились с утеса и теперь палили в полчище разъяренных ханнаков, которые пытались силой прорваться в перешеек. На тропе между утесами скапливались груды тел, что представляло собой дополнительное препятствие на пути ханнаков. Оставшиеся наверху лучники поливали толпы преследователей дождем стрел. Наконец и они начали отступать вниз по склонам.

Солдат знал, что хозяином положения он стал лишь на время. Ханнаки наверняка знают обходные пути и не преминут ими воспользоваться. Если колонна теперь останется на месте, еще до заката ее окружат. Надо не теряя времени двигаться дальше, и чем быстрее, тем лучше.

— Оставь кое-кого из лучников на прикрытие, — посоветовал Кафф. — Пусть обороняют переход, пока остальные отходят.

С точки зрения капитана имперской гвардии с потерями в живой силе можно было не считаться. Главное — успешное завершение боевой задачи. Людьми в случае необходимости пренебрегают. Маршал Крашкайт также одобрил бы подобную тактику. Не было сомнений, что и королева посчитает потери оправданными. Да и сам Джаканда, военачальник карфаганцев, кивнул бы в знак согласия.

Но Солдат не мог оставить мужчин и женщин на верную погибель.

— Уходим прямо сейчас, — решил он, — все. Придется отступать с боем. Все равно у нас есть шанс выбраться.

Кафф хотел было возразить, но все-таки смолчал — возможно, вспомнил о своем обещании безоговорочно повиноваться Солдату. Он зычным голосом дал своим людям команду отходить, и его лучники вскочили в седла, а несколько мгновений спустя их примеру последовали и карфаганцы. Отступающие всей колонной двинулись по горной тропе. Ханнаки еще не поняли, что проход оставлен без обороны. Впрочем, скоро они об этом догадаются.

Колонна медленно, но верно пробиралась по горным переходам, зная, что ханнаки следуют за ними по пятам. У самой грани-

цы Гутрума войско сделало привал у реки, где воины освежились и утолили жажду. Бывшим пленникам выделили одежду, лошадям дали короткий отдых. Солдат подозвал офицеров.

— Уходим или остаемся и принимаем бой?

Кафф хмыкнул:

— Ты здесь решаешь.

— Шансы примерно равны. Если останемся и примем бой, нас измотают и возьмут численным превосходством. Если будем уходить, нас будут потихоньку подбивать с тыла. По мне — лучше двигаться. В стационарной обороне есть что-то деморализующее. Когда движешься, хотя бы окрестности меняются, шансы уйти увеличиваются, да и вообще лучше двигаться, чем стоять и ждать.

— Согласен, — кивнул Кафф.

— Я тоже, — сказала Велион.

Так началась битва с отступлением, продолжавшаяся почти до самых ворот Зэмерканда. Дикобраз Солдата, как прозвали колонну, двигался вперед, ощетинившись оружием со всех сторон. С флангов колонну защищали лево- и праворукие мечники, по фронту и с тыла — воины-ножницы, лучники стреляли из центра в атакующего врага. Во время этого отчаянного отступления по пустоши Солдат потерял больше имперских гвардейцев и карфаганских воинов, чем за всю операцию. Одним богам известно, сколько полегло ханнаков, потому что атаковали они независимо от силы и позиции колонны.

За каждого павшего гвардейца, каждого погибшего воина-карфаганца Солдат чувствовал личную ответственность. Это он потерял Короля магов, и, значит, все смерти ложились на его совесть. Однако то, что Спэгг остался жив, оказалось для Солдата полной неожиданностью. В голове его начали зарождаться подозрения. Как только дикобраз вошел в ворота Зэмерканда, Солдат решил задать торговцу руками пару неприятных вопросов.

Глава шестая

— Знаешь, меня не покидает мысль, что нападение у выхода из ущелья было неслучайным. Ханнаки нас явно поджидали, — сказал Солдат Каффу, когда они вошли на территорию шатров. — Похоже, враг знал, что мы везем с собой нареченного Короля магов. Думаю, ханнаков кто-то поставил в известность о наших пе-

ремещениях, поэтому, едва мы показались на дороге, на нас напали.

Капитан Кафф откинул голову, и глаза его превратились в желтовато-коричневые щелочки.

— Ты снова обвиняешь меня в предательстве?

Солдат нахмурился.

— Нет, не тебя. Спэгга. Я уверен, что продавец рук выдал нас ханнакам.

Кафф моментально остыл. Он пожал плечами.

— А зачем это Спэггу?

— Его брат, человек по имени Джагг, держит ферму к северу от Зэмерканда, на незащищенной территории — ее не охраняют карфаганцы. На ферму частенько наведываются непрошеные гости. Брат Спэгга даже покупает амекнийских рабов у торговцев из Уан-Мухуггиага — использует их как охрану. Не исключено, что Спэгг пошел на сделку с ханнаками, выставив условие: если они согласятся оставить в покое ферму его брата, он приведет мальчика-ведьмака прямо им в руки.

Но зачем? Зачем ханнакам понадобился мальчишка, которому назначено стать следующим Королем магов? Тут что-то не вяжется, и Солдат твердо решил выяснить, в чем дело.

— Он будет арестован и подвергнется пыткам, — сказал Кафф, разминая свою руку — орлиную лапу. — Быстро правду из него вытащим. Когда выжигаешь проходимцу глаз раскаленным прутом, правда так и прет, аж удивительно. Больно это — глаз раскаленному клейму отдавать. А будет упорствовать — разобьем мошонку камнями. Помню одного старика... Никак сознаваться не хотел. Хотя, если по правде, он так ничего и не сказал — язык-то мы ему вырезали и ящерицам скормили. Чего только с ним не делали...

Кафф отвел задумчивый взгляд в середину комнаты и стал предаваться воспоминаниям о пытках.

— Я бы хотел сначала его допросить, если ты не против.

Капитан имперской гвардии пожал плечами:

— Да пожалуйста, допрашивай. Но я тебе гарантирую, что ты ничего из него не вытянешь без специальных приспособлений.

— И все-таки я попробую.

Послали за Спэггом. Он прибыл, всем своим видом выражая недовольство.

— В чем дело? Мне нужно на рынок, пора снова зарабатывать свои скромные гроши. Выкладывай, что там у тебя, да поскорей.

Солдат холодно начал:

— Тебе сильно повезет, если ты увидишь свой прилавок в скором времени.

— Что?

— Ты предал нас! — вспыхнул Солдат, нисколько не сомневаясь теперь, глядя Спэггу в лицо, что тот виноват. Поведение торговца руками, весь его вид просто кричал о предательстве. — Ты продался ханнакам. Признавайся! Засаду устроили неспроста, они знали, что мы едем. Выбирай: или сейчас все расскажешь, или позже, в камере пыток.

Кафф, который сидел в это время в тускло освещенном углу кордегардии, где учинялся допрос, царапал когтями скамью. Этот скрежет не на шутку стал действовать Спэггу на нервы. Торговец уставился на Каффа, потом перевел взгляд на Солдата. Теперь Спэгг и вправду струхнул — понял, в какую угодил передрягу.

— Меня обвиняют в измене? — закричал он, изо всех сил изображая негодование. — Я правильно понимаю?!

— Совершенно правильно, — пробормотал Кафф. — Слышишь?

Спэгг притих и стал слушать, но ничего не услышал, кроме грохота проезжающих за окном телег, и потому решил уточнить:

— Что слушать?

— Слышишь, внизу, в подвале, уголь в жаровни насыпают? — спросил с улыбкой Кафф. — Нет? А я слышу. Подвальный люд к долгим посиделкам готовится. Да уж, гляжу я, подручным Лордапоимщика воров не удастся ночью как следует прикорнуть. Как думаешь? Не очень-то им это по нраву. Они хотели провести вечерок в таверне, пропустить по паре кружечек эля с пирогами из куропатки.

Спэгга пот прошиб. Он стал взывать к милосердию Солдата:

— Солдат, ведь мы с тобой столько пережили вместе! Я никогда и не подумал бы предавать тебя. Почему меня привязали к тем каменным истуканам? Ответь, пожалуйста. Я угодил в ту же передрягу, что и мальчишка с матерью. Ты не можешь так со мной поступить. Если меня заберут в темницу, они заставят меня признаться, но я этого не делал. Человек что угодно скажет, если ему причинить боль. В какой-то момент начинаешь мечтать о смерти.

Тут он был прав, Солдату и самому не слишком-то хотелось передавать Спэгга в руки Каффа, но он считал предательство самым гнусным преступлением. Трусость при виде врага, убийство той или иной тяжести, кража собственности, изнасилование и мародерство — все это не идет ни в какое сравнение с предательством.

— Ты отказываешься сознаваться? — спросил он и отвел в сторону глаза.

— Я не делал этого, не делал!

— Хорошо, — Солдат вполголоса обратился к Каффу, — он твой.

Спэгг крепко вцепился в подлокотники кресла, и лицо его стало белее полотна. Торговец обвил ногами ножки стула в тщетной надежде остаться на месте, используя стул как якорь.

— Я никуда не пойду! — взвизгнул он. — Я не сделал ничего дурного! Помогите! Убивают! Не поступайте так со мной. — Его голос сорвался, и он зарыдал. — Солдат, если меня туда отведут, обратно я уже не выйду.

— Раньше надо было думать, — огрызнулся Солдат, злой на себя не меньше, чем на Спэгга, — теперь поздно.

Пришли стражники и поволокли Спэгга вместе со стулом к каменным ступеням, ведущим в подземелье под кордегардией. Кафф шел следом. Под землей город пронизывали тоннели, точно червячные ходы. Один из этих тоннелей вел в камеру пыток, где крепко сбитые молодчики играли в уродливые железные игрушки. Солдат втайне надеялся, что Спэгг расскажет всю правду по пути в камеру пыток.

Спэгг так отчаянно бился в крепких руках конвоиров, так отчаянно взывал о помощи, что сердце Солдата сжималось от сострадания. Оставалось лишь уповать на то, что торговец руками скоро одумается и сам во всем сознается. Солдат ни на йоту не сомневался в виновности Спэгга. С какой стороны ни посмотри, никто, кроме него, выдать их не мог. Все факты говорили о том, что предатель — кто-то из своих. Солдат исключается. Утеллена точно не стала бы выдавать сына ханнакам, ставя под угрозу его и заодно свою жизни. Оставались только эскорт, выделенный Бхантаном, но какой им с этого прок, их ведь самих всех до одного перебили. Итак, Спэгг. Скорее всего он подал ханнакам сигнал с помощью зеркальца, этим и объясняется их столь неожиданное появление.

— Торгаш тут ни при чем.

Кто-то стоял в дверях кордегардии — темный силуэт в ослепительном дневном свете. Солдат не видел говорящего, зато узнал его по голосу. ИксонноскИ.

— Что ты сказал?

— Торговец руками не предавал нас.

— Кто же тогда?

— Ворон.

Солдата точно молнией ударило при этих словах. Как же он сам не понял! Ворон летел вслед за ними. Он превосходно умеет сливаться с ландшафтом. Его не разглядишь, если только он сам

не пожелает выдать своего присутствия. Ворон мог подать сигнал ханнакам с огромной высоты и выдать Солдата с сопровождающими.

Ворон! Но почему?

— Ему пообещали свободу.

Солдат не произносил вопроса вслух, лишь проговорил его мысленно, однако получил на него ответ.

— Какая свобода? Он и так свободен.

— Тот мальчик, что заперт внутри, хочет освободиться. Я думаю, кто-то из колдунов пообещал Ворону превратить его обратно в человека, если он выдаст меня ханнакам. Кстати, ты и представления не имеешь, как вовремя нагрянул со своим отрядом. Ведь нас в ту ночь собирались прикончить. Всех, включая Спэгга. Ханнакам дали приказ, и они готовы были его исполнить.

— Я думал, за тебя будут требовать выкуп.

— Нет, меня хотели убить.

— Бессмыслица какая-то, — пробормотал Солдат.

— Подожди, сейчас все поймешь. Мой отец, ОммуллуммО, еще жив. Он где-то скрывается, твердо вознамерившись стать следующим Королем магов. Считает, что это право ему положено по рождению. Он четыреста лет ждал, когда умрет его брат, ХуллуХ, чтобы занять трон, а тут вдруг я. Только... по какой-то причине он не может свободно передвигаться, он заперт. Вместо этого он посылает разных существ с поручениями. Один такой посланец и встретился с твоим Вороном и в конечном итоге уговорил его на предательство.

— Почему ОммуллуммО не попытался войти в контакт со мной? Почему не послал ко мне визитера?

— А потому что ты — черная лошадка, не здешний. Неизвестная величина. Всегда легче иметь дело с проверенным материалом.

— Значит, у ханнаков тоже был гость? Посланник чародея-отступника, твоего отца?

— Да. Варвары решили, что он — мессия, посланный одним из почитаемых ими темных богов. Скорее всего явился им посреди ночи в виде соломенного чучела или дикой твари. Погулял перед ними на задних лапах, поболтал на их языке, нашептал в крошечные ушки про кровь, про смерть...

ИксонноскИ замолчал, когда по подземелью пронесся ужасающий хриплый визг.

— Боги и демоны! — воскликнул Солдат. — Это же Спэгг!

Он тут же сорвался с места, схватил на ходу свечу и вприпрыжку побежал вниз, перескакивая на бегу по три-четыре ступеньки.

Спустившись, направился прямо по коридору. Пламя свечи дрожало на сквозняке. Наконец впереди показалась комната, залитая ярким светом. В помещении стояла невыносимая жара. Один из находившихся там мужчин поддувал в печь воздух мехами, отчего угли регулярно вспыхивали, заливая комнату красным светом. Другой держал раскаленный докрасна железный прут и нагревал один его конец. Рукавицы, сшитые из толстой холстины, дымились от жара. В воздухе повис терпкий запах обожженной плоти.

— Стой! — крикнул Солдат. — Этот человек невиновен.

Палач — невысокий, крепко сбитый, со светло-карими глазами — удивленно посмотрел на Солдата. Он стоял, сжимая в руке изогнутый, раскаленный добела железный прут. На его лице однозначно читалось: «Ну и что с того?»

Виновен, невиновен... Для знающего свое дело специалиста это не имеет значения. Основной показатель на совесть выполненной работы — признание. Ну, представьте, разве мальчишку, гоняющего мяч по футбольному полю, волнует, *каким именно образом* мяч попадает в ворота. И не важно, сколько труда и сил вложил противник, чтобы этому помешать. В счет идет только результат. Испытуемый невиновен? Какая разница? Так даже интереснее — лишь выдающийся палач способен достигнуть своей цели при неблагоприятных обстоятельствах.

— Приказываю освободить заключенного. Где капитан Кафф? Он должен быть здесь.

— Отправился во дворец, там у него какая-то встреча, — ответил палач, который и не подумал повиноваться и по-прежнему колдовал над лицом Спэгга с раскаленным прутом в руках.

— Во дворец? Какой именно?

— Капитан ушел во Дворец Диких Цветов, где проживает принцесса Лайана.

Солдат точно невменяемый рванулся было к выходу из комнаты.

— Отсюда можно пройти во Дворец Диких Цветов?

— Рукой подать, — сказал палач и довольно крякнул. — А теперь, капитан, если позволите... Мне все же надо работать. Жаль вас разочаровывать, но приказывает здесь только заказчик. Так что сначала вам придется отыскать капитана Каффа.

Солдат обнажил меч.

— Клянусь, палач, если ты сейчас же не освободишь этого человека, увидишь, как твои кишки падают к твоим ногам.

Палач понял, что шутить не время, с большим сожалением извлек откуда-то ржавый ключ и снял со Спэгга кандалы. Страдалец, с черной дырищей посреди лба — не очень глубокой, но све-

жей и дымящейся, — мигом погрузил голову в стоящую поблизости бадью с водой, а затем поспешил следом за Солдатом, прочь из камеры пыток. Правда, он не сумел отказать себе в удовольствии задеть недавнего мучителя острым словцом и бросил через плечо:

— По тебе виселица плачет. Вот когда придет твой черед, я добьюсь разрешения отрезать тебе руки до того, как на шею накинут веревку.

— В следующий раз, когда сюда ступит твоя нога... — Палач тоже разразился какой-то подобающей случаю репликой, но слов его никто не услышал, так как из заднего прохода Спэгга изверглось гулкое раскатистое ржание. Очевидно, звук этот он умел испускать при первой необходимости.

Спэгг и Солдат шли по тоннелю молча: Спэгг совсем обессилел и был близок к полному истощению — как моральному, так и физическому. А Солдат в очередной раз поражался коварству Кафа. Ловко он придумал: он навестит Лайану первым, в то время как муж пропадает неизвестно где. Догадается ли Лайана, что это просто коварный план? Или решит, что муж не особенно-то балует ее своим вниманием, отдавая приоритет другим делам? Женщине нравится быть для мужа во всем первой... И вот опять Солдат оказался позади своего старинного соперника в борьбе за благосклонность Лайаны. Невесело.

«С какой стати я должен оспаривать у кого-то расположение собственной жены?» — терзала Солдата неотступная мысль.

Но нельзя же было позволить Спэггу принять смерть от изощренных инструментов палача.

Когда оба вышли на свет божий, Солдат сказал:

— Отправляйся домой и отдохни как следует.

— Да-да, — торопливо согласился торговец, обессилевший и на удивление покорный. Солдат ожидал, что на него обрушится поток негодования, однако злых упреков не последовало. — Надо бы соснуть чуток. Притомился уж больно.

Солдат безотлагательно направился во Дворец Диких Цветов. У дверей его встретил Офао. Слуга помог ему снять нагрудник, который бережно поставил в угол прихожей. Затем с полной чашей благоухающей воды выплыл амекнийский раб. Солдат омыл руки и лицо. Подали гребешок со щеткой для волос и чистое белье. Солдат ополоснул ноги в остатках воды и обулся в свежие сандалии. Вот теперь он готов увидеться с женой.

Солдат вошел в покои принцессы и был встречен неодобрительным взглядом Дриссилы.

— Приходил Кафф, — шепнула она. — До вас.

— Знаю, знаю, — ответил вполголоса Солдат.

Лайана, расположившись на софе, глядела в окно. Увидев Солдата, она вскочила и обвила его шею руками.

— Живой? Ты цел? Как ты прекрасен, муженек! Я соскучилась.

Ни упреков, ни укоров. Солдат вздохнул с облегчением, хотя и ощущал себя несколько провинившимся.

— Я бы пришел раньше, любовь моя, но мог пострадать невинный человек, и мне пришлось этому помешать.

Принцесса поглядела ему в глаза:

— Молчи. Не надо объясняться.

— Нет надо. Я знаю, тебя успел навестить Кафф.

— Естественно, что он прибыл первым. Ты возглавлял поход и должен нести ответственность за все организационные вопросы: разместить людей, подать рапорт и сделать все то, что обязан сделать командир, прежде чем вернуться домой к жене. Я это прекрасно понимаю. Напротив, если бы ты сбежал домой, ко мне, позабыв о долге, мне было бы за тебя стыдно. А так... я неимоверно горда тобой, муж. Ты вернулся победителем.

— Я всего лишь исправил свою ошибку.

— Никто не застрахован от ошибок. Я могу назвать тебе генералов, которые бросали войска на заведомую гибель и возвращались домой с пустыми руками. Солдаты гибли тысячами по глупости командования. Я знавала судей, которые по ошибке приговаривали к смерти невиновных. Их статуи до сих пор украшают центральные площади городов. Важно уметь исправлять свои промахи. Ты спас мальчика с матерью?

— Да, им теперь ничто не угрожает.

— Вот об этом я и говорю. Да, ты их не уберег сначала, но потом сам их отыскал и спас, несмотря на опасность. Ты не стал сваливать последствия своих действий на других. Ты сам со всем справился.

— Погибли хорошие люди, доблестные воины.

— Не забывай, они были *воинами*. Делали свое дело. Ты не бросал их на жертвенник. Встретишься с их женами и матерями, мужьями и семьями. Ты расскажешь им о том, что искренне сочувствуешь их горю. В армию не идут по принуждению. У солдат есть работа, и они ее выполнили до конца. Солдаты гибнут каждый день, патрулируя стены города. Едва ли кто-то задумывается о них. Эти воины не стали бы винить в своей смерти тебя.

— Меня никто не винит — я сам себя не могу простить.

— Бесполезно сейчас убеждать тебя в обратном.

Солдат решил перевести разговор на другую тему.

— Кафф давно ушел?

— Пару минут назад.

Лайана поглядела на дверь, через которую, должно быть, совсем недавно удалился Кафф, и в глазах ее блеснул недобрый огонек.

— Презираю таких — бросают дела, только и думая, как бы опередить человека, которому они, напротив, должны помогать.

Солдата переполняло ликование. Вот так. Бедняга Кафф. Сам в свою ловушку и угодил. Позабыл, видать, что принцесса, как никто другой, понимает всю важность долга перед страной.

Солдат не пробыл с женой и часа, как вдруг прибыл гонец и сообщил, что Солдату назначена аудиенция у королевы.

Канцлер Гумбольд на встрече не присутствовал — занимался какими-то важными делами. Зато пришли Кинтара — Хранительница лестниц, и Малдрейк — Лорд-хранитель замков.

Королева Ванда поздравила Солдата с успешным завершением похода, однако не преминула еще раз напомнить, что при конвоировании нового Короля магов нельзя допускать расхлябанности.

— Теперь можешь идти, — подвела она итог, уже смягчившись. — Я довольна тобой. Наказание отменяется.

— А как же Испытание огнем?

— Сейчас я его отменяю, но если ты снова совершишь проступок, тебя зажарят целиком.

Солдат облегченно вздохнул.

— Я понял.

Когда он вышел из Дворца Птиц, стояла ночь. Ему вдруг захотелось прогуляться по мощеным улочкам до самого дворца принцессы, сестры королевы. Солдат решил немного срезать путь и пошел по аллее среди деревьев. На небе светила полная луна, и он обратил внимание на необычную крысу. Собственно, крысой на аллее, да еще ночью, никого не удивишь. Но это существо совершенно очевидно игнорировало объедки, которые недавно выбросил слуга. Зверек сидел на задних лапах, и его глаза светились, точно маленькие красные огоньки. Солдат с опаской обошел грызуна: крысы, как и люди, подвержены припадкам безумия, чего доброго, еще расцарапает...

Крысы. По своему физическому строению они очень близки к человеку: то же количество и тип костей. Никто не знает, сильно ли они отличаются от человека устройством ума. Может, они и помойщики, зато замечательно приспосабливаются к любым обстоятельствам. Их инстинкты сильно развиты, что тоже роднит их с людьми. Не зря все же во все времена у всех народов поговаривали, что от человека до крысы рукой подать. Так что, несмотря на обоюдную ненависть, у крыс и людей масса общего.

Солдат собрался пройти мимо, как вдруг крыса заговорила.

— Кое-кто шлет тебе весточку. Ему очень не все равно, жив ты или мертв, — пропищал зверек.

Солдат в страхе отшатнулся, но быстро взял себя в руки. В этом мире разговаривают вороны и камни. Почему бы и крысам не поболтать чуть-чуть? Солдат тут же вспомнил обо всем, что рассказывал ИксонноскИ. О том, что его отец посылал гонцов тем, кто мог ему пригодиться. Это что, тоже посланник ОммуллуммО?

— Что тебе надо? — обернулся Солдат к сидящему на задних лапах грызуну, который не сводил с него глаз-угольков. — Здесь есть еще посланники?

— На первый твой вопрос я отвечу, что у меня к тебе парочка слов. А на второй ответишь сам, если представишь, сколько в округе крыс и пауков.

Крысы и пауки? Канализация и тоннели под городом ими кишат. Значит, ОммуллуммО скрывается в подземной части Зэмерканда. Если он так близко, значит, может вступить в игру в любое время. ИксонноскИ в смертельной опасности. ОммуллуммО убьет сына, собственного ребенка, не моргнув и глазом. С него станется, ведь он уничтожал свое потомство веками. Похоже, однажды ступив на дорогу зла, чародей начинает совершать бесчисленные зверства, лишь бы добиться власти.

— Что за слова тебе велено передать? — спросил Солдат крысу.

— Хозяин спрашивает, станешь ли ты его правой рукой, когда он снова восстанет на этот свет?

На свет!.. Точно, он внизу.

— Я играю на стороне единственного человека, которому верю. Это я сам.

— Я должен сказать повелителю, что ты против него? Только «за» или «против». Посередине ничего нет.

— Против. Где он, хозяин твой? Я сам с ним поговорю.

— Э нет, так ты меня не обдуришь, — пропищала крыса и шмыгнула в тень. — У тебя был шанс. Теперь ты разделишь вместе со всеми страшную участь, которую уготовил для вас повелитель. Скоро он обретет власть. Готовься к четвертованию. Готовься к перебитым костям. Готовься к смерти, Солдат.

— К смерти... Нашел, чем пугать, — сказал Солдат, обращаясь в опустевшую тьму. — Все мы ее рано или поздно встретим.

И все-таки он был встревожен. ОммуллуммО начинает собирать сторонников. В любом обществе найдутся мерзавцы, которые не упустят возможности узаконить свои злодеяния. И когда у негодяев будут развязаны руки и действовать они смогут под прикрытием

закона, начнется абсолютный террор. Убийство больше не будет считаться убийством; оно станет законным умертвлением. Невинных будут горстями бросать на жертвенники жестокости и бесправия.

Должно быть, первая крыса доложила о результатах разговора с Солдатом очень быстро, потому как почти тут же — не успел тот дойти до дома — ОммуллуммО выслал следом другую, чтобы нагнать ужаса.

— Готовься встретиться с Князем Ужаса! — пропищала крыса.

Солдат остался безучастным.

— *Я* здесь Князь Ужаса, ясно? — проговорил он и мечом разрубил крысу надвое.

Лайана по-прежнему была в здравом рассудке, и они провели божественную ночь. С утра Солдат отправился на рынок, чтобы разыскать Спэгга. Продавец рук стоял у своего прилавка. Солдат не мог не восхититься его изобретательностью и умением обернуть самые неблагоприятные обстоятельства в свою пользу: Спэгг втиснул в дырку на лбу полудрагоценный камень и выхаживал, красуясь перед другими торговцами.

Какая-то птица порхнула над площадью и уселась на флюгер высоко на крыше. Солдат плотно сжал губы и прямиком направился к Спэггу.

— У тебя праща с собой?

Спэгг поднял взгляд. Он превосходно обращался с этим пастушьим оружием, чему Солдат уже однажды явился свидетелем.

— Всегда при мне. Вот.

Спэгг вытащил пращу. Солдат склонился, поднял с земли кусочек кремня и протянул его со словами:

— Видишь ту птицу? Там, на флюгере. Подстрели ее.

Спэгг посмотрел наверх и увидел мишень.

— Ворон? — спросил он. — Хочешь, чтобы я ворона убил?

— Именно так, — твердо ответил Солдат.

Спэгг раскрутил над головой пращу. Птица, заметив его движения, взмыла вверх, но Спэгг сделал на это поправку. Камень просвистел в воздухе и угодил ворону в голову, прямо в основание клюва. Птица упала на черепичную крышу. Несколько мгновений она лежала там, ветер ворошил ее перья, а затем трупик скатился к краю крыши и шлепнулся на мостовую. Солдат подошел к нему и как следует придавил ногой. Так, для надежности.

— Вот тебе, — сказал он, — предатель.

На булыжнике осталась лежать размятая в лепешку черно-красная кучка.

Спэгг сложил в трубочку губы.

— Да уж, ты не из тех, кто легко прощает. Что такого натворила птичка?

— То, в чем я обвинял тебя.

— Он выдал нас ханнакам? — воскликнул Спэгг вне себя от ярости. — Я сейчас на него тоже наступлю.

Когда деяние было совершено, Солдат ощутил некоторую жалость, даже сочувствие к бедному погибшему созданию.

— В этой птице жил несчастный мальчик. Хотя, если говорить по правде, лишь благодаря тому, что он был заключен в тело ворона, он оставался тем, кем был, — уличным постреленком. А то давно бы вырос. — И все-таки Солдат раскаивался. — Может, я чуток поспешил. Подождал бы, поразмыслил... Следовало дать ему объясниться, может, и извинения выслушать.

— Жаль, что ты так не поступил, — согласился Спэгг, который тоже стал жалеть о содеянном. Как-никак, много они с Вороном вместе пережили. — Я всегда говорил, что ты слишком торопишься, Солдат.

— Это же ты его убил.

— Да потому что ты мне сказал.

— Ты всегда делаешь, что тебе говорят?

Спэгг кивнул и уверенно ответил:

— Ты — капитан. Если скажешь пойти и броситься в озеро, я так и сделаю. Вот в чем проблема с вами, вожаками. Как только что пойдет не так, вы во всем начинаете винить войско. Я не собираюсь брать на себя вину за этого ворона. Ты сказал: «Достань пращу. Убей того ворона». Я так и сделал. Приказ выполнен. Вся ответственность лежит на тебе. Я всего лишь рядовой.

Солдат собирался что-то возразить торговцу руками, как вдруг на его плечо опустилась птица.

— Что у вас здесь происходит?

— Ворон? — воскликнул Солдат. — А это — там, на булыжнике — разве не ты?

— Ты о ней? Нет, просто хорошая знакомая.

Глава седьмая

После личной аудиенции с самой королевой Утеллена тайно вывезла сына из города. Посреди ночи, под видом нищей старухи, она покинула Зэмерканд, волоча за собой телегу, на которой под

кучей тряпья прятался ИксонноскИ. Жалкая старуха с повозкой направлялась в тот самый лес, где много лет назад Утеллена и сын прятались вместе с Солдатом. Королева Ванда отнеслась с полным пониманием к тревогам Утеллены и согласилась, что до самой инаугурации ее сын находится в постоянной опасности. Зэмерканд, как и любой другой изолированный город того времени, кишел шпионами, головорезами и агентами иностранных держав. В смутные времена найдется масса желающих вырвать из рук мальчишки власть, и потому ИксонноскИ был по-прежнему чрезвычайно уязвим. И не раньше, чем он взойдет на трон в горах Священной Семерки, получит он полную защиту и покровительство богов.

— Вся проблема в том, — ворчала Утеллена себе под нос, — что у этих богов вообще нет понятия о морали. Им все одно: правит миром добро или зло или то и другое...

Только удалившись от города на добрые несколько миль, Утеллена с ИксонноскИ оставили маскировку. Наконец путники добрались до леса, в который редко ступала человеческая нога. Люди боялись туда ходить — там завелся огромный вепрь по имени Гарнаш. Утеллена успокоилась, потому что теперь они были в безопасности. Больше всего она боялась ОммуллуммО, могущественного колдуна, отца ИксонноскИ. Но даже ему теперь придется хорошенько постараться, чтобы разыскать их здесь. Утеллена понимала: чем меньше им на пути попадется животных, сверхъестественных созданий, птиц и, что самое главное, людей, тем меньше у ОммуллуммО шансов на успех.

— Где отец? — спросил вслух ИксонноскИ, когда они ступали по чудесному сочному лугу, направляясь к величественной стене леса. — Знать бы, где он!

Мальчик раз сто задавал матери один и тот же вопрос и столько же раз получал один и тот же ответ: она не знает и знать не может. Правда, у нее есть *ощущение*, что ОммуллуммО где-то в Зэмерканде или в непосредственной близости от города, но это не больше чем неосознанная тревога, свербящая в глубинах ее сознания. Если бы старый колдун был где-нибудь в Гвендоленде, по ту сторону Лазурного моря, или на севере, в Непознанных землях, она позволила бы себе чуточку расслабиться. Однако теперь ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. Вот когда состоятся похороны Хуллу-Х'а, и ИксонноскИ взойдет на трон, можно будет и вздохнуть спокойно, а пока — рано.

Их лесное убежище — сказочной красоты поляна — находилось в самом центре сплошного лесного массива, протянувшегося на сотни миль в каждом направлении. Когда они наконец добра-

лись туда, Утеллене вспомнился Солдат, и на сердце у нее стало теплее. Одно время, когда они вместе прятались в лесном тайнике, она была влюблена в Солдата; теперь чувства ее плавно вылились в нежное доброе ощущение теплоты и любви иного рода.

Она знала, что Солдат навсегда останется для нее самым дорогим другом. Если бы он не женился на принцессе, они жили бы вместе, в счастье и согласии. Но по иронии судьбы он оказался там, где оказался, — в постели принцессы. Однажды Утеллена предала Солдата — там, на рыночной площади, вскоре после их первой встречи. Солдат просил ее выйти за него замуж и спасти тем самым от смерти. Эти воспоминания причиняли Утеллене нестерпимую боль, муку, которая переполняла ее порой настолько, что ей едва удавалось держать себя в руках.

Она отказала ему, отвернулась. Почему? Ну, это понятно: чтобы защитить свое дитя. Ей пришлось выбирать, хотя и выбора-то как такового не было: спасти жизнь Солдату и поставить под угрозу жизнь слабого и беззащитного существа, своего ребенка.

И все-таки Утеллену не покидало чувство, будто она совершила предательство, отвернулась от протянутой к ней в мольбе руки. И это воспоминание временами точно стрелой пронзало сердце.

Судьба — злодейка. Если бы над Утелленой не надругался колдун, если бы теперь ее сын не находился в смертельной опасности, если бы она была свободна, она бросилась бы Солдату на шею и никогда бы его не отпустила.

Голубые глаза... как же испугалась она их в первый раз! Ни у кого на этой планете, будь то человек, колдун, фея или великан, нет синих глаз. Откуда они взялись? Солдат считает, будто пришел сюда из какого-то иного мира; вероятно, оттуда, где у всех голубые глаза. И если это так, то другой человек с такими же глазами прибыл оттуда же. Утеллена не стала рассказывать Солдату о том, что в Уан-Мухуггиаге живет еще один выходец из иного мира. Правда, ей было неизвестно, мужчина это или женщина.

Лодочник нашел незнакомца на необитаемом острове Стеллы, что лежит к северу от вереницы островов, к которым принадлежали Амекни, Бегром и Реф. По словам лодочника, он ничего и не разглядел в нем, кроме голубых глаз: человек был плотно укутан в холстину, и разглядеть его очертания, угадать пол было невозможно. Голубые Глаза, как назвал чужака старик, поведал, что он потерпел крушение.

Лодочник привез чужестранца в землю Гвендоленд, на которой бок о бок стоят Уан-Мухуггиаг и Карфага, и Голубые Глаза затерялся в ныне разрозненной стране. Все это Утеллена услыша-

ла не от самого лодочника, который утоп; историю лодочника принял с губ умирающего какой-то блудный призрак, а уж его-то и встретила Утеллена в стране фей, посещаемой ее сыном.

ИксонноскИ выслушал рассказ призрака, а затем попросил существо забыть все, что оно услышало. А когда мальчик-ведьмак приказывал таким существам, как призраки, они беспрекословно подчинялись. Информация перешла от одного существа к другому, оставив после себя пустое место в памяти прежнего хранителя. Теперь этот секрет принадлежал только двум людям: ИксонноскИ и его матери. Утеллена получила ясное указание от сына не делиться тревожной новостью с Солдатом. Она не знала, чем мотивировалась просьба сына — он редко давал ей отчет в своих решениях, — но она уважала то знание, что происходило из источников, неподвластных простому смертному.

— Мама, ты когда-нибудь выйдешь замуж?

ИксонноскИ задал этот вопрос, когда они вместе с матерью собирали хворост для ночного костра.

Она остановилась, обеспокоенная, потому что знала, что сын задал вопрос не из простого любопытства.

— А что?

— Не жди Солдата. Он не будет твоим.

Ей не понравилась уверенность сына.

— Никому не ведомо, что произойдет в будущем, — ответила она, — в том числе Королю магов.

Слова ее прозвучали резко, однако ИксонноскИ не обиделся.

— Верно. Но даже если принцессе Лайане суждено умереть завтра, Солдат все равно не сможет жениться на том, на ком хотел бы. Его дорога предначертана, судьба предопределена — до тех пор, пока он не достигнет момента своей жизни, когда станет свободен. То, какой он сделает тогда выбор, решит судьбу мира, а он познает самого себя. Солдат станет кем-то другим, принадлежащим другому месту.

— Мне все равно, как звать его. Будь он Солдат или кто иной...

— Дело не в имени. На него нахлынут старые воспоминания. Он вспомнит детство. Юность. Возможно, прежних возлюбленных. Я ничего об этом не знаю, мама, чародею не дано постичь эмоций смертных. Но я многое понимаю, я наблюдаю за тем, что происходит среди людей, и могу рассчитать вероятный ход событий. Солдат покинет нас, как только к нему вернется память, и на его месте окажется другой, который будет выглядеть как он, говорить как он, но и только. Это будет не *он*.

Утеллена почувствовала, как к глазам подступают слезы.

— Ты жестокий человек, сынок.

— Я не знаю, что такое жестокость. Я стараюсь не делать тебе больно, хотя не знаю, что такое боль. Я такой, какой есть. Я вышел из твоего чрева, однако я не часть твоего тела. Я — чародей. Я знаю, как устроен высший мир; чувства же смертных для меня — что птичье чириканье для людей. Мне очень хочется увидеть тебя в том состоянии, которое ты называешь счастьем, но разделить его с тобой я не смогу.

Утеллена понимала, что мальчик говорит правду, и от этого ей становилось еще горше и тоскливее. Тот, кого она любит, никогда не испытает к ней взаимного чувства, никогда не сможет любить ее, даже будь он свободен. Не любил ее и родной сын, потому что просто не мог.

Она зарыдала.

— Мне жаль, мама, — промолвил ИксонноскИ, хотя и не мог, не умел сожалеть искренне. Он просто сказал то, что она хотела услышать. Кормилица научила его, что матери и всем остальным людям нравится, когда им сочувствуют.

Утеллена приняла его слова так же, как хозяин принимает выражение любви своей собаки, и с некоторым усилием взяла себя в руки.

В ту ночь они жгли в лесу костер. Утеллена, хотя она и не способна была понять сына, с удовольствием делила с ним будничную суету. Они напоминали двух зверушек, которые дурачатся, занимаясь забавной игрой. В четырех стенах Утеллена чувствовала себя как в ловушке и потому вечно стремилась к ветру, солнцу, ночному небу. Ей нравилось, когда дождь мочит ее волосы, ласкает лицо. Свежий воздух, россыпи полевых цветов вдоль берега реки, семейка ярких грибов, мягкие звездочки мха под ногами, дурманящий запах перезрелых ягод — все это было дорого ей, и она ценила это, как старики ценят здоровье и молодость.

В первую ночь на воле она лежала под звездами. Звуки леса не давали заснуть, и тогда она начала сплетать звездное ожерелье, собирая звездочки на воображаемую нитку. Утеллена смотрела на пыльную луну сквозь паутину, образованную переплетающимися над головой ветвями. Подобно мягкой желтой пыли на душистую травяную подушку падали лунные лучи, в которых играли светлячки. В такие минуты она была счастлива, как может быть счастлива женщина, которая дала жизнь особенному ребенку, но лишилась при этом простых земных радостей.

Канцлеру Гумбольду не давало покоя присутствие бхантанских принцев. Они заткнули его за пояс, разнесли на глазах у придворных! Мальчишки беспрестанно шептались, обмениваясь оскорби-

тельными замечаниями о самом канцлере и его методах ведения дел. Причем делали они это, находясь в пределах его слышимости. Но что хуже всего, они исподтишка таскали разные вещички из его палат. Мелкие предметы: шляпу, несколько перьевых ручек, пресспапье из драконьего зуба. Украли миниатюру Министралуса, на которой канцлер был изображен в парадном облачении. Ценная, кстати, вещица. Когда Гумбольд довел это до сведения королевы, она лишь снисходительно улыбнулась.

— Простые мальчишки, сорванцы, не берите в голову.

Но Гумбольд уже «взял в голову». Как-то раз, столкнувшись с ними в коридоре, он влепил каждому по хорошей затрещине. Те в ответ как следует попинали его в голени и пообещали отомстить при первой возможности.

— Однажды мы вернем себе свою страну, — сказал Гидо, — и тебя вышлют к нам послом.

— Мы будем настаивать на твоей персоне, — подхватил Сандо, — и королева не сможет отказать нам, иначе ее обвинят в несоблюдении правил приличия.

— Мы набьем в твою задницу кроличьих потрохов и бросим в волчью яму, — сказал Гидо.

— Или лучше набьем ему нос и уши сахарной пудрой, — сказал Сандо, — и выставим на королевской пасеке.

— Мы пока не решили, — сказал Гидо.

— Тут одно из двух, — сказал Сандо.

— Не исключено, что и то, и другое, — завершил Гидо.

Гумбольд был вне себя от ярости, только в своих палатах ему удалось успокоиться. Его грандиозный план уже начал воплощаться в жизнь. Очень скоро ему не придется бегать по поручениям королевы. Ее не будет. Королем Зэмерканда станет он сам. Этот час стремительно приближался. И тогда-то проклятые мальчишки полюбуются на свои головы со стороны. Гумбольд уже связался с Бхантаном и выяснил, что принцев изгнали навсегда, никто в этой маленькой и далекой стране не хочет даже слышать о них. Так что скучать по ним не будут. Их мать и нянька «неожиданно исчезли». Великолепное правило у властей Бхантана, таким стоит руководствоваться: никогда никого не прощать, особенно своих.

Лайана отсутствовала во дворце целый день. Носильщики паланкина под командованием капрала Транганды отвезли ее навестить кузнеца Бутро-батана. Сын кузнеца, Сим, теперь превратился в крепкого молодого человека и дюжинами похищал сердца горничных из таверны. Он привел тайную собственность принцессы,

пегую лошадь по имени Плакучая Ива. Когда Лайана была здорова, она не отказывала себе в удовольствии поохотиться. В этом занятии ее привлекало не столько убийство — хотя она и не видела в этом ничего зазорного, коль скоро добыча шла на еду и убийство свершалось не ради одного азарта; главное, что влекло Лайану, это свежий воздух и ощущение свободы. На протяжении всей жизни принцесса, по сути, находится в заточении, она пленница просто по факту своего рождения. Лайана скакала по лесам и полям южного Гутрума, свободная и легкая, ее волосы развевались на ветру.

Капрал Транганда и Бутро-батан сильно рисковали, помогая Лайане. Если бы королева только узнала о том, что ее сестра тайком уходит из Зэмерканда и гуляет одна в опасном мире за пределами города, она была бы чрезвычайно недовольна. Королева Ванда привыкла считать Лайану младшей сестренкой, нуждающейся в опеке. Еще не было случая, чтобы сама королева выходила за пределы городских стен без многочисленного сопровождения; она ожидала того же от сестры, ведь Лайана была единственным родным человеком, который у нее остался.

И все-таки Лайана, посадив на запястье своего ястреба, укутывалась в синий холщовый балахон, а порой облачалась в легкие доспехи, изготовленные Бутро-батаном, и ехала любоваться настоящим миром. Именно в одну из таких вылазок она и повстречала Солдата — тот сидел, ошарашенный, беззащитный на склоне холма. Тогда она и привела его в Зэмерканд.

До самого полудня Лайана охотилась в своем любимом местечке возле окаменевших прудов Ян, что к западу он Древнего леса. Но едва перевалило за полдень, на небо вышла мертвая луна. Наступило солнечное затмение. За считанные минуты стемнело, и стало очень холодно. Лайана предположила, что явление это имеет непосредственное отношение к смерти ХуллуХ'а.

— Но! Но! Вперед, Плакучая Ива! — подгоняла она лихую лошадку. — Пора возвращаться во дворец, да к мужу под крылышко.

Солдат и ведать не ведал о верховых прогулках жены. По правде говоря, она пару раз спасла его от смерти, просто оказавшись рядом в нужное время. Естественно, он знал о существовании «синего охотника», но личность всадника оставалась для него тайной за семью печатями.

Принцесса некоторое время постояла у окаменелых прудов Ян. Пруды эти на самом деле были янтарными разработками, где хуккарранские человекоподобные гиганты добывали янтарь. Лайана вскоре поняла, что просвета на небе не ожидается и пора что-нибудь предпринять самой. От закрытого солнца исходило слабое

свечение, явно недостаточное, чтобы найти дорогу к Зэмерканду. Лайана обычно ориентировалась по козьим тропам, однако сейчас, в наступившей темноте, рассмотреть их было невозможно.

Хуккарранские человекоподобные гиганты отличались определенным дружелюбием. Конечно, они не шли ни в какое сравнение с *людьми* и все же были не столь злобны, как эльфы, и не столь воинственны, как великаны нормального роста. В высоту они были всего с десять футов и казались вырезанными из камня. Литые мускулы и мощный крепкий костяк придавали им схожесть со скульптурами. В общую картину прекрасно вписывались коротко остриженные волосы, квадратные руки и короткие пальцы-бочонки.

Этими своими пальцами, пользуясь мускульной силой одних рук, хуккарранские гиганты способны были стереть в порошок камень. Они только и делали, что добывали минералы и самоцветы, которые затем продавали скупщикам и шлифовальщикам за бесценок. Великаны откалывали целые глыбы янтаря из каменных бассейнов и еще умели найти синий камень, халцедон, сердолик, лазурит, знали, где взять огненный опал, яшму, хризоберилл, гиацинт.

Запросы работяг были нехитрыми. Они жили в шахтерских хибарах на краю карьеров, где добывали камень.

Среди этих великанов все же находились и такие лентяи, которые вовсе не разделяли идею всеобщего горнодобытчества. Одним из них был Хапа по прозвищу Мечекрад; он зарабатывал себе на жизнь тем, что подбирал оружие после сражений, пользуясь моментом, пока непосредственно вовлеченные в это дело армии собирались с мыслями. Оружие Хапа продавал за малую долю его настоящей стоимости, потому как был типичным представителем своего племени и совсем не умел вести дела. Не гнушался он и кражей частной собственности: без зазрения совести брал мечи и кинжалы у путников, встречающихся ему в чистом поле, не спрашивая на то разрешения. Вообще-то он обращался к ним с просьбой, которую вполне можно счесть вежливой, но за ней неизменно стояла скрытая угроза.

В самом разгаре затмения он наткнулся на Лайану, которая брела, спотыкаясь в темноте, по краю одного из янтарных бассейнов.

— Дай, пожалуйста, арбалет, — обратился к ней полуголый Хапа, преградив своей массивной фигурой дорогу Плакучей Иве. — И еще кинжал. Спасибо.

Лайана пристально посмотрела на представшее перед ней в тусклом свете луны создание и тут же узнала представителя клана человекоподобных гигантов. На другой стороне янтарного пруда

зажгли огни, чтобы хуккарранцы могли спокойно работать в их свете. Там, похоже, вовсю кипела работа.

— Не собираюсь я тебе ничего отдавать, — ответила Лайана, которая тут же смекнула, что к ней привязался великан с большой дороги, с парой оговорок, правда. Во-первых, здесь не было больших дорог, а во-вторых, этот простофиля тянул только на недомерочного великана. — А поеду я своей дорогой.

— А я тогда... а я... — запыхтел великан, — заломаю твоей лошаке голову. И тебе тоже.

— А я тогда, — огрызнулась Лайана, — натравлю на тебя вот этого самого ястреба, и он выцарапает твои выпученные глазенки.

Хапа уставился на восседавшего на запястье Лайаны ястреба, а затем бережно коснулся век своими короткими толстыми пальцами, будто пытаясь постичь возможность подобного покушения на свою персону. Лайана прекрасно понимала, что даже хуккарранцы боятся слепоты, ведь зрение — наиболее драгоценная вещь в мире, полном бандитов и грабителей. Без руки или ноги или еще какой более интимной части тела можно обойтись, а вот без глаз — никак.

— Он не нападать мои глаза.

— *Она* нападет, уж будь уверен. Специально натаскана бросаться в лицо и вырывать когтями глаза. Ты даже руками загородиться не успеешь.

И снова Хапа принялся ощупывать глаза. Затем наконец он отступил в сторону, позволяя Лайане ехать дальше. Когда девушка проезжала мимо, Хапа задал ей один вопрос:

— А надолго солнце зашло?

Лайана покачала головой.

— Откуда мне знать.

— Что хочешь делать? Спать улица? Змеи много. Волки много. Медведи много. Иди остаться у Хапа.

Он махнул рукой, и Лайана с трудом разглядела в указанном направлении односкатную хижину, пристроенную к скале. Хижина больше походила на застрявший в дамбе в наводнение затор из сучьев, чем на дом. И все же какое-никакое, а тоже укрытие. Хапа прав. Вокруг слишком много диких тварей. И хотя Лайана в последние годы охотилась в этих местах несчетное количество раз, она ни разу не проводила здесь ночь. Вряд ли стоило надеяться, что ей удастся добраться до Зэмерканда во мраке.

Однако в ее голове зародились вполне оправданные опасения.

— А откуда мне знать, что ты не убьешь меня и не своруешь все мое добро, когда я попаду в твое... хм... жилище?

— Никогда делать больно человек дома. Друг не разрешать.

Хапа имел в виду свою подругу, и Лайана это сразу поняла. У гигантов не было такого обряда, как церемония венчания. Они сходились на всю жизнь, но это представляло собой скорее подобие негласного соглашения, которое утрачивало силу только после смерти одного из супругов. Женщины едва ли отличались от мужчин: так же коротко стригли волосы, имели такое же литое строение, а грудь у них вообще отсутствовала — с самого момента появления на свет молодняк кормили пюре из дикой кукурузы на козьем молоке. Так продолжалось миллион с лишним лет, и в итоге эволюция избавила самок от молочных желез. Одни только хуккарранцы могли отличить самок от самцов среди себе подобных.

— Принимаю твое приглашение, — кивнула Лайана.

— Можешь расплатиться одним кинжалом, — предложил Хапа с надеждой в голосе, — иногда так случается, да?

— Может быть. Посмотрим.

Хапа возвышался над Плакучей Ивой точно башня, а лошадка смотрела на него такими ошалелыми глазами, что становилось ясно: этому незнакомцу она не доверяет. Великан взял поводья и повел лошадь к своей хижине. Кобыла позволила привязать себя к высохшему разбитому дереву у самого входа, а Лайана тем временем спешилась. Великан притащил грубо сработанный ящик и жестом попросил девушку посадить туда ястреба. Она так и поступила, прекрасно осознавая при этом, что лишается своего главного оружия. Хапа, однако, умел держать слово и без всяких осложнений провел гостью в свою хибару.

Вошли в жилище, и хозяин зажег лампу. Мебели не было, только на полу валялись толстые необработанные шкуры, заменяющие жильцам постели. Хапа повесил лампу над квадратным очагом, расположенным прямо посреди комнаты. Затем подошел к почерневшему от копоти котелку, что стоял в золе потухшего кострища, взял черпак и положил по паре ложек кукурузного пюре в две деревянные плошки. Одну из них он протянул Лайане, а другую взял сам. Лайана поблагодарила его и сняла пробу: в пюре был добавлен мед. На запах пища казалась вовсе недурна.

В самый разгар трапезы шкура, висящая над дверным проемом вместо двери, приподнялась, и на пороге показался двойник Хапы.

— Здоровеньки, друг Нюня.

— Здоровеньки, друг Хапа.

Некоторое время они обменивались нежными взглядами. Лайане сразу стало ясно, что эти два куска мяса души друг в дружке не

чают. Еще Лайана пришла к выводу, что подруга Хапы работает на янтарных разработках в каменных бассейнах — под ее обломанными, выщербленными ногтями скопилась масса грязи. За поясом Нюни был заткнут резец, в руке она держала молот.

Нюня обернулась к Лайане и некоторое время разглядывала ее. Наконец хозяйка вошла в хижину, и завеса-дверь вернулась на место.

— Улица темно, — изрекла Нюня. — Нет работать темно.

— Я нет работать светло *и* темно, — воскликнул Хапа.

Оба нашли эту шутку такой смешной, что стали покатываться со смеху.

— Ты нет работа всегда! — Нюня повизгивала от удовольствия.

Веселье продолжалось еще довольно долго. Нюня даже свалилась на пол, где радостно перекатывалась со спины на живот и обратно.

— Ты не находишь ничего плохого в том, что Хапа бездельник? — спросила Лайана, когда шум немного поутих.

— Жалко Хапа, да. — Нюня положила в остывшую золу бревно и уставилась на него так, будто ожидала, что оно вот-вот запылает ярким пламенем. — Бедный Хапа никогда не работать.

— Тебе жаль его? Но ведь он сам так хочет.

— Да, очень жалко, — кивнула Нюня. — Ну и что, я работать. Хапа — великий вор. Он красть меч. Тяжело Хапа.

Лайане было трудно уловить во всех этих рассуждениях логику, но она списала свое непонимание на то, что находится в чужом обществе со свойственной ему специфической культурой. Нюню, похоже, совсем не интересовало, кто такая Лайана и что она делает в ее доме. Она не задавала вопросов, кроме тех, что касались удобства гостьи. Наелась ли она? Не замерзла ли? В каком углу комнаты предпочитает спать? Затем последовал настоящий каскад вопросов на отвлеченные темы: долго ли продлится затмение? придет ли следом непогода? не стало ли, на ее взгляд, прохладнее, или это только кажется?

Все указывало на то, что затмение пришло надолго. Лайана вышла на улицу, чтобы устроить на ночь лошадь: распрягла ее и привязала за поводья с южной стороны хижины, куда не задувал ветер. И впрямь надвигалась непогода. Это чувствовалось. Лайана стала гадать, уж не Каллуум ли приближается — холодный сухой ветер, который дует из-за гор Священной Семерки и несет с собой разрушения и смерть. Каллуум был не простым сезонным ветром; он приходил внезапно, из ниоткуда, и бесновался, уничтожая все вокруг, неделю, а то и больше, а потом пропадал.

На языке ойтледатов «каллуум» значило «дыхание бога». Ойтледаты жили на острове в океане за горами Священной Семерки. Великий ветер двигался по кругу. Сначала он сметал все на своем пути на западе, затем сворачивал на дальнее побережье и достигал острова Звезды, а затем возвращался в Лазурное море, шел на юг по побережью, в конечном итоге обрушиваясь на западный остров Ойтледат. На долю аборигенов приходился основной удар: как только приходил ветер, остров превращался в ледяную глыбу.

Только Лайана приготовила укрытие для Плакучей Ивы, как вдруг налетел Каллуум и ударил в самую хижину. От бревен стали разлетаться в разные стороны гнилые щепки, жалящие лицо. Лайана прикрылась руками и стала на ощупь пробираться к двери, превозмогая ледяные порывы ветра. Она едва успела зайти внутрь, когда ураган ударил в хижину и начал ее раскачивать. Нюня и Хапа испуганно скорчились в углу, а ястреб Вольный Ветер заверещал, изо всех сил уцепившись когтями за свой ящик.

Лайана бросилась в самый дальний угол хижины и забралась под ворох зловонных шкур, пытаясь укрыться от завываний морозного ветра, который явно вознамерился прибрать к рукам парочку живых душ.

Глава восьмая

Тот день Солдат посвятил тренировкам воинов из Шатра Орла на поле по ту сторону городских стен Зэмерканда. Не считая горстки зеленых новобранцев, совсем недавно прибывших на суденышке из Карфаги, его воины были закаленными в бою мужчинами и женщинами. К рекрутам приписывали наставников из числа опытных бойцов, и именно в задачу этих воспитателей входило доведение до ума неоперившихся юнцов и юных дев, чтобы, когда придет время отправляться в боевой поход, они были уже отменными бойцами. В том, что касалось подготовки, новичкам не делалось поблажек: им приходилось бегать, прыгать и падать так же быстро, высоко и ловко, как и учителям.

— Они недурны, — обратился Солдат к Велион, лейтенанту под его началом.

— Да у них и выбора нет: их тренируют Юск с Исманом. А кроме того, они довольно жесткий отбор проходят у себя в Карфаге. Из тысячи обратившихся в лучшем случае сотню выберут. Потом

их то и дело подвергают пробным тренировкам на Большой земле. К тому времени, как они попадают к нам в руки, они просто *обязаны* быть недурны.

— Кое-кто еще покачивается на ногах после путешествия по морю. Я видел, что у многих морская болезнь. Бесконечный, кошмарный переезд по каналу от моря на лодке, в кромешной тьме, со свечами, когда и дороги-то не видно... Думаю, по меньшей мере некоторые из них ругают себя, что вообще записались в Красные Шатры.

Велион отрицательно покачала головой:

— Нет, карфаганцы не из таких.

— У карфаганцев, как и у всех остальных, есть и матери, и уютные гнездышки, да и по братьям-сестрам они наверняка скучают.

— Каждый карфаганец семи лет от роду уходит из дома и вступает в общину. Дети вместе ходят в школу, вместе едят, спят в общих спальнях. Родителям разрешено посещение три раза в год: в день рождения воспитанника, на один час во время фестиваля Каф и на недельные каникулы на седьмой лунный месяц Уска.

Солдат печально покачал головой.

— Да уж, никакого семейного уюта.

— А откуда тебе знать? Ты ведь не помнишь своей жизни.

— Я *чувствую*, что у меня было счастливое детство. В памяти всплывают образы: мальчики, что рыбачат у речушки, плещутся в воде, лазают по деревьям и бредут домой в конце дня, усталые, но счастливые, и забираются в чистую постель с белыми простынями...

Велион прыснула:

— Да ты выдумываешь! Такого на самом деле быть не может. Ни у одного ребенка нет такого детства. Мы все только *мечтаем*, как должно быть, но в действительности все обстоит совершенно иначе. Кровать с белыми простынями!.. Хорошо, если есть соломенный матрас, полный лошадиных блох. А то, что ты описал, больше похоже на жизнь неженки-принца. Ты был принцем в другой жизни, Солдат?

В этот момент погасло солнце. Тут же повалил град величиной с куриное яйцо. Ледяные камни падали на оставшихся без укрытия воинов и гражданских. У кого были щиты, поднимали их над головами, и градины лупили по ним с таким шумом и перезвоном, что казалось, будто начался какой-то религиозный праздник. Поблизости падали воины, у которых не было при себе щита; сначала они падали на колени, а потом и вовсе оказывались на животе.

Солдат, которого прикрывала щитом Велион, потащил одного из людей под небольшое укрытие.

Град продолжался недолго. Однако тьма не отступила, даже когда твердые точно камень шарики прекратили падать на землю.

Некоторое время спустя из городских ворот вышел пеший гонец с пылающим факелом в руках. Он огляделся, затем побежал в направлении Шатра Орла.

Солдат узнал одного из слуг Дворца Диких Цветов.

— Хозяин! Хозяин! — завопил гонец, увидав Солдата. — Подойдите! Живее!

Солдат большими шагами заспешил к нему.

— Что такое?

Слуга постучал себя по лбу кулаком и сказал:

— С хозяйкой беда, с принцессой. Она не вернулась во дворец.

— Не вернулась во дворец? А куда она уходила?

— Этим утром она выехала в своем паланкине. Обычно в таких случаях хозяйка возвращается к полудню. А сейчас ее и след простыл.

День близился к концу.

Земля была усыпана белыми шариками льда. Люди поскальзывались и падали, перекликались друг с другом в темноте — луна по-прежнему заслоняла солнце. Воины, народ сообразительный, зажигали огни, но теперь, когда ледяная буря стихла, поднялся сильный ветер, который разрывал факелы в клочья прямо в руке.

— Каллуум пришел! — кричал слуга. — Госпожа попала в недобрый ветер!

Те, кто находился поблизости, раздобыли масляные лампы, которым не страшна буря, и вновь в распоряжении людей появился свет.

Солдат грубо схватил слугу за шиворот.

— Ты в городе все обыскал? Где она может быть?

— Нет, мы не обыскивали город. Офао считает, что нужно ваше разрешение, чтобы выйти в город и начать прочесывать улицы. Известие об исчезновении принцессы немедленно достигнет ушей королевы. Что тогда начнется при дворе, и подумать страшно. Когда такое случилось в прошлый раз, королева пригрозила, что запрет принцессу во Дворце Птиц, где за нею будут непрерывно следить.

— Ты сказал, такое уже случалось раньше?

— Да, дважды.

— Почему я ничего об этом не знаю?

— Вас здесь не было, хозяин. Вы уезжали по службе.

А ведь верно, Солдат часто выезжал за пределы Зэмерканда. Красные Шатры регулярно выходили на военные операции; кроме того, Солдат выполнял особые поручения королевы.

— Кто с ней?

Слуга ответил:

— Капрал Транганда всегда сопровождает госпожу, когда она покидает город, и, кроме того, как полагается, охрана.

У Солдата немного отлегло от сердца. Транганда — хороший человек. Бесстрашный. Надежный.

— Капрал тоже отсутствует?

— Да, господин.

— Сейчас же собрать поисковые отряды, — распорядился Солдат, быстрым шагом направляясь к воротам города. — Группами по шесть человек.

К тому времени как по приказу Солдата были сформированы спасательные команды, в этом уже отпала необходимость. Прибыл капрал Транганда, которому удалось добраться до города при свете лампы. Он сказал, что ему необходимо переговорить с Солдатом наедине.

— Говори, что случилось? — воскликнул Солдат. — Госпожу похитили? Почему на тебе ни капли крови? Ты пытался защитить ее и не получил ранений? Почему ты не лежишь у дороги полумертвый?

Капрал возвел кверху руки.

— Госпожа не в городе.

Солдат был потрясен.

— Она не в Зэмерканде?

Капрал повинился:

— Госпожа часто выезжает одна на своей лошади на соколиную охоту...

— Одна? И ты ей позволяешь? — заорал Солдат, с трудом сдерживаясь, чтобы не пустить в ход руки. — С твоего ведома принцесса выезжает одна без сопровождающего?!

— Сэр, — ответил капрал, и холодная сталь сверкнула в его глазах, — принцесса поступает как соизволит.

Капрал, конечно, прав. Если Лайане вздумалось выехать поохотиться в одиночестве, ни один чин в целой дворцовой охране не в силах ей помешать. Он может доложить о ее выходке по возвращении во дворец, но это будет уже сродни доносительству. Солдат терпеть не мог измены. Его уже предал Ворон; когда Солдат попросил дать объяснения своему поступку, птица ответила: «Потому что на мне перья, а на тебе — кожа». Солдату по-прежнему

причиняло боль предательство птицы, но он не стал убивать ее, хотя и поклялся сгоряча. Вместо этого Солдат просто отпустил Ворона, добавив при этом, что не желает больше его видеть.

— Все верно, ты прав, — наконец заключил он, обращаясь к стоящему перед ним безрадостному стражу. — Ты все равно не сумел бы помешать ей. Да и пытаться не стоит. У принцессы своя голова на плечах, и в поступках своих она ни перед кем не должна держать ответа. Что намерен предпринять? Думаешь, принцесса заблудилась в непроглядной тьме?

— Именно так, — сказал капрал Транганда. — Я предполагаю, что она охотится где-то в окрестностях Древнего леса. Нужно искать ее в тех местах. А тем временем, сэр, нам стоит переговорить со слугами и сказать им, чтобы держали язык за зубами. Если эти вести достигнут ушей королевы...

— Да уж.

Офао с перепуганными глазами вошел в комнату.

— Капитан Кафф, — объявил он, побледнев от беспокойства. — Капитан Кафф пришел, он хочет встретиться с вами, сэр.

В ту же секунду в комнату вошел Кафф. Он, как и большинство окружающих мужчин, держал в руке лампу. На голове его была рана, по лицу стекала кровь. Кафф старательно заглянул в каждый угол комнаты, выставляя вперед фонарь, будто выискивал что-то.

— Капитан, — обратился к нему Солдат, оправившийся от неожиданности, — ты ранен!

Кафф коснулся раны как бы между делом.

— Там весь мир сошел с ума. — И снова принялся вглядываться в затемненные углы комнаты.

— Ты что ищешь? Пауков?

— Принцессу, — отрезал Кафф. — У меня есть все основания полагать, что она пропала.

— Даже так? А каким образом это тебя касается?

Кафф одарил Солдата презрительным взглядом.

— Благополучие принцессы является для меня задачей первостепенной важности.

Солдат холодно заметил:

— У нее есть муж, который вполне способен позаботиться о благе принцессы. Ты лезешь в чужие дела, капитан. К твоему сведению, принцесса не расположена сейчас принимать посетителей. Ей нездоровится. Понимаешь, что это означает во дворце с обитыми гусиным пухом стенами и зарешеченными окнами?

— Ты хочешь сказать, что принцесса в своих покоях? Не в себе?

Тут вмешался Офао:

— Мы не пользуемся подобными словами, когда речь идет о принцессе...

Кафф полоснул когтями своей руки-лапы по голове преданного евнуха, расцарапав до крови. Офао покачнулся и едва не упал. На ногах он остался лишь благодаря капралу Транганде, который придержал слугу в вертикальном положении.

Солдат прищурился, видя такое нарушение этикета в своем доме. Однако Кафф не стал продолжать измывательств над прислугой, а прошипел Офао в лицо:

— И впредь не вздумай меня поучать!

— А зря, тебе обязательно надо кое-чему поучиться, — вмешался Солдат. — Ведешь себя как свинья.

Кафф принял замечание спокойно, поглаживая орлиную лапу на запястье.

— У меня нет времени на споры, Солдат. Я хочу знать, где принцесса. Если она не пропала, тогда что здесь делать капралу Транганде? О чем вы разговаривали? Капрал — неизменный сопровождающий принцессы в ее прогулках.

Терпение Солдата лопнуло. Он выбросил вперед правую руку и ударил Каффа по челюсти кулаком. Капитан опрокинулся навзничь, словно на него на полном ходу налетела лошадь в железной броне.

Солдату с Трангандой предстояло отправиться вдвоем на поиски принцессы и обыскать окрестности Древнего леса и окаменелых прудов Ян. Офао должен был запереть за ними ворота дворца, а затем и ворота города. И если, придя в себя, Кафф начнет рваться во дворец, в распоряжении Офао было разрешение Солдата пригрозить ретивому капитану котлом раскаленного масла.

— Не потерплю, чтобы этот человек шастал у меня в доме, — взревел Солдат, — и если он живьем сварится по своей собственной глупости, туда ему и дорога. Я предупредил. Если что — вину беру на себя.

Офао, естественно, очень надеялся, что с Солдатом тем временем ничего не случится, иначе вся ответственность ляжет на него.

Солдат и Транганда тронулись в путь на резвых лошадках. Однако, очутившись в чистом поле, вдали от высоких стен и городских огней, товарищи поняли, что им придется поубавить пыл и идти шагом. Вокруг завывал ветер, едва не сдувая ездоков с лошадей и поднимая в воздух обломанные ветки, камни и прочий мусор. Лошади в любой момент могли получить травму. Они и без того то и дело попадали копытами то в кроличью, то в лисью нору.

В кромешной тьме двое воинов продвигались на юг, следуя за слабым мерцанием узкой речушки. Наступила ночь, но луна попрежнему оставалась темной, словно на небесах кто-то пролил целую лужу спекшейся крови. Натерпелись они жути по пути: ветер не на шутку разыгрался и с завыванием бил навстречу, а затем стихал, оставляя после себя лишь мертвенную тишину.

В темноте появлялись демоны, прятавшиеся за скалами, которые стоят здесь с незапамятных времен. Дикие твари обезумели от затмения. Чтобы отпугнуть их, Транганда проткнул кинжалом свой шлем в нескольких местах, в результате получилось нечто напоминающее походную жаровню. Затем он наполнил ее горючими материалами и поджег. Насадил этот пылающий котел верхушкой к небу на конец своего копья, а копье закрепил в кожаную выемку в седле. Так и ехал, удерживая древко левой рукой, а поводья — правой. Теперь у всадников появился факел, освещающий путь. И хоть пламя было неярким из-за сильного ветра, это отпугивало демонов и держало на приличном расстоянии хищников.

К тому времени как они добрались до Древнего леса, солнце стало потихоньку отпускать луну. Уже при свете путники наткнулись на след Лайаны и прошли до самой хижины, где жили Хапа и Нюня. Там они обнаружили пегую кобылу, которая спокойно стояла в загоне на заднем дворе. Транганда узнал в ней охотничью лошадь Лайаны.

— Это она? — удивился Солдат. — Богами клянусь, я эту кобылу уже где-то видел...

Однако он был слишком расстроен, чтобы уделить достаточно внимания посетившей его мимолетной мысли. Солдат решил, что Лайана похищена, и немедленно направился к двери хижины. Одним ударом отворил дверь и что есть мочи закричал:

— Лайана, в сторону! Это я, Солдат.

Он ворвался в комнату, размахивая Ксанандрой — мечом, который выковал специально для него один уважаемый оружейник.

Солдату никогда прежде не доводилось видеть человекообразных гигантов живьем. В углу комнаты стояли два существа, которые, на его взгляд, скоре походили на гранитные статуи, чем на живые существа. У них были большие лица и огромные рты, украшенные двумя рядами крепких ровных зубов. Солдат осторожно шагнул вперед в полной уверенности, что великаны вот-вот набросятся на него. Затем он заметил, что обитатели хижины стараются держаться по другую сторону очага, так, чтобы от Солдата их отделял огонь. Они сгорбились и приняли защитные позы, почти це-

ликом втянув головы в плечи и выставив вперед огромные, похожие на клещи руки. Словно демоны без шей, готовые напасть в любой момент.

Солдат гортанно зарычал.

— Ах вы, звери, — взревел он. — Вы похитили мою жену!

— Злой дух! — закричал один из демонов. — Помогите. А-а-а!

— Что вы сделали с моей женой? — Солдат бешено озирался по сторонам. Никого, кроме великанов, в комнате не было. — Сожрали ее? Дикари! Отдайте мне ее драгоценные кости! Где она? Там в костре ее одежда?! Да я вас сейчас на кусочки порублю, да пребудут со мной боги! Я сейчас поджарю вас, как куропаток!

Транганда успел подойти к Солдату, встал за самой его спиной и прошептал на ухо:

— Это обычные рудокопы. Простые работяги. Не дикари они. Вы до смерти их перепугали, сэр.

— Да я эту хибару дотла сожгу, если они не скажут мне сейчас же, где моя жена! — крикнул вконец обезумевший Солдат. — Почему они не говорят?

Две пары гигантских глаз метнулись в дальний угол комнаты. На полу лежала какая-то куча. Странная куча зашевелилась.

— Р-р-р... — проревел Солдат. — Ее похоронили заживо!

Затем, когда глаза чуть привыкли к тусклому освещению хижины, он заметил, что на пол несколькими слоями накиданы невыделанные звериные шкуры. Из-под них внезапно выбралась Лайана. Она все еще покачивалась на ногах со сна, потом поморгала и стала внимательно осматриваться по сторонам. Наконец взгляд ее остановился на Солдате.

— Муженек? — молвила девушка, и медленная улыбка с ленцой растянулась на ее устах. — Отчего так рано разбудил?

Затем, когда сонная пелена начала потихоньку сползать с ее разума, она припомнила, где находится и что здесь делает.

— Ах, значит, все-таки попалась...

— Да, попалась. — Солдат кивнул, но лицо его просветлело, и он добавил: — Что значит «попалась»?

Теперь Лайана встала в полный рост, и стало видно ее облачение. Тот самый охотник? Ну да, кобыла тоже принадлежала щуплому юноше — первому человеку, которого Солдат повстречал в этом мире. Тот же самый охотник спасал его не однажды. Выходит, охотник — его собственная жена Лайана? Невероятно.

— Эх, — она снова улыбнулась, замечая по лицу мужа, что он начинает понимать что к чему, — теперь я и *вправду* попалась. Ладно, не бери в голову. Я многие годы хранила мою тайну. А ты туго-

дум, Солдат. Для человека, с которым проводишь большую часть ночей, ты раскусил меня очень поздно.

— Но зачем делать из этого секрет? — спросил наконец Солдат, пытаясь сообразить, каким образом все происходящее связано с обитателями хижины.

Лайана пожала плечами:

— Так уж повелось с самого начала. Мне нравилось изображать загадочного охотника — простое ребячество.

— Не знаю, что тут и добавить... Я тебе задолжал гораздо больше, чем думал раньше.

— Разве любящие могут быть должны друг другу? — мягко укорила она.

В дверях кто-то отрывисто кашлянул: Транганда напомнил супругам, что они не одни.

— Я не обижать она, — закричал Хапа, когда Солдат снова обвел взглядом помещение. — Она кушать, спать, хорошо.

Солдат понял, что настало время убедить владельцев этого дома, что он не собирается сжигать дотла их ветхую собственность и, более того, не будет рубить им головы. Попутно выяснилось, что эти два существа — разнополые человекообразные гиганты, которые занимаются добычей драгоценного янтаря в окаменелых прудах Ян.

К тому времени как все присутствующие вновь обрели самообладание и полностью успокоились, на небосводе уже вовсю сияло солнце. Настало время трогаться в путь, чтобы доставить Лайану в Зэмерканд, пока сестре не стало известно об ее исчезновении. Лайана подарила Хапе свой кинжал и арбалет и поблагодарила обоих великанов за гостеприимство.

Хапа с радостью принял дары. А Нюне хватало и того, что он счастлив.

На обратном пути Солдат признался Лайане, что и представления не имел о том, что охотник в синей холстине — его собственная жена.

— Пусть все продолжается, как раньше. Естественно, когда я увижу за городскими стенами всадника на пегой кобыле, я пойму, что это ты, но притворюсь, что не узнал. Ради тебя.

Она согласилась, что действительно лучше сделать вид, будто никакого открытия не состоялось. Теперь Солдат просто стал одним из тех, кто хранит ее секрет, как Бутро-батан и капрал Транганда. Лайане нужно было время от времени вкушать и иную сторону жизни, чтобы позабыть о долгих часах, проведенных во Дворце Диких Цветов в здравом уме и во власти безумия.

* * *

А тем временем Офао приказал слугам отнести капитана Кафа домой. Там доблестного гвардейца положили у входа, где он лежал и созерцал невидящими глазами темные небеса. Придя в себя, Кафф не сумел припомнить ничего из того, что с ним стряслось. Он знал, что пошел во Дворец Диких Цветов, дабы выказать Солдату свое недовольство... остальное скрывалось во мраке. Вот только челюсть сильно болела. Видно, он по какой-то причине упал и ударился лицом. Обморок? Кафф вспомнил, что там еще был Транганда, Офао, да и, собственно, Солдат, но, сколько усилий он ни прилагал, никак не мог составить ясную картину произошедшего. Почему его положили здесь, на ступенях собственного дома?

Тут Кафф вспомнил кое-что другое.

— Принцесса! — внезапно воскликнул он.

И снова направился во Дворец Диких Цветов, а там вызвал Офао. Слуга дрожал, мычал и на все вопросы отвечал отрицательно. Поскольку Офао отказался открыть ворота, Кафф отправился в кордегардию, разбудил кое-кого из стражников и отдал приказ прочесать город.

— Мы должны найти принцессу, — сказал он.

Вскоре посланный поисковый отряд доложил, что принцесса замечена у окна Зеленой башни, откуда она преспокойно выглядывала. Кафф поспешил взглянуть на все своими глазами. И впрямь, принцесса была там. Подобно шелково-муслиновому облачку, она проплыла за высоким решетчатым окном. Затем ее фигура исчезла в глубине комнаты, а у окна показалось другое лицо, суровое и недружелюбное. Оно принадлежало Солдату. Чужеземец поглядел вниз, на улицу, и смерил капитана жестким взглядом, а затем захлопнул ставни.

Раздираемый противоречивыми чувствами Кафф медленно направился домой, в казармы, что размещались у западной стены города.

На балконе за дверью в комнату Солдата приземлился Ворон. Он постучал клювом в окно, и Солдат, услышав стук, в конечном итоге решил выяснить, что же Ворону понадобилось.

— Знать тебя не хочу, — сказал Солдат с холодком в голосе. — Я с предателями дел не вожу.

— Не моя в том вина, Солдат, — ответил Ворон. — Меня заставили нечестные люди.

— Лжец! Ты просто захотел вернуть себе прежний облик.

— А ты на моем месте не хотел бы?

Солдат ответил:

— Я бы ни за что не променял своих друзей.

— Что ж. — Птица поскребла лапкой подоконник, понуро свесив голову, затем сказала: — Как бы там ни было, ты убил мою подругу. Теперь мы квиты. Невинная зевака... а ты велел Спэггу свалить ее из этой дурацкой пращи.

— Что-то я сомневаюсь, что ты вообще был знаком с той птичкой. Мне прекрасно известно, что ты не умеешь разговаривать по-вороньи. Тебя вороны сторонятся, они чувствуют в тебе чужака. Знают, что ты человек в птичьем облике.

— Ну что же мне делать? — жалобно спросил Ворон. — Пойти к Гумбольду и записаться к нему на службу?

— Мне все равно. Ты предал своих друзей. Поступай как знаешь.

— Нет, я ни за что не пойду к нему, — сказал Ворон совсем понуро. — Мне он не нравится.

Солдат пристально уставился на птицу. Она олицетворяла собой неподдельное раскаяние. Солдат, по натуре человек добросердечный, не мог подолгу сердиться. А когда кто-то искренне раскаивался, Солдат был склонен прощать оступившегося. Конечно, он никогда больше не сможет доверять Ворону безоглядно. Предательство так просто не забывают. Вопреки всему Солдат чувствовал, что просто обязан дать пернатому еще один шанс. В конце концов Ворон был рядом с тех самых пор, как Солдат появился в Гутруме. И хотя мальчик-птица — на редкость надоедливое существо, порой он приносил немалую пользу. Частенько, когда Солдат попадал в ту или иную переделку, пернатый проныра вскрывал замки и развязывал путы. А уж это кое-чего да стоит.

— Хорошо, — наконец вымолвил Солдат. — Только не вздумай опять меня продать кому-нибудь. Второй раз пощады не жди. Друзья должны быть достойны доверия. В нашем безумном мире можно выжить, только когда знаешь, кто друг, а кто — враг.

— Я друг, — каркнул Ворон. — Друг!

— Вот им и оставайся.

В этот миг в дверь Солдата начали громко барабанить. Он попрощался с Вороном и отправился открывать. На пороге стоял запыхавшийся гонец и протягивал какую-то записку. Это было письмо королевы. Она желала срочно видеть Солдата.

Солдат начал собираться и тем временем рассказал Лайане о том, что его вызывает королева. Принцесса обеспокоилась.

— Думаешь, Ванда прослышала о моих прогулках?

— Не знаю. Единственный способ все выяснить — встретиться с королевой.

— К тому же выбирать тебе не приходится.

При входе во дворец Солдата встретил встревоженный канцлер Гумбольд.

— Следуй за мной, — велел придворный и быстро засеменил впереди, полируя пол краями своего пышного одеяния.

Королева одарила Солдата мрачной улыбкой, но не из-за происшествия с Лайаной. Дело было в нем самом. Оказалось, что Солдат приглашен на похороны Короля магов: на погребальную процессию и поминки, что последуют за ней. Все во дворце были потрясены. И в особенности королева.

— Приглашение доставили сегодня утром, — сказала она. — Очевидно, ХуллуХ лично пожелал, чтобы ты присутствовал на церемонии погребения его останков. Он сообщил об этом перед самой смертью. Никто не знает почему. Никто из нас и не подозревал, что чародею вообще известно о твоем существовании. Все это очень странно... чрезвычайно странно.

— А почему это *настолько* странно, ваше величество? — спросил Солдат.

За королеву ответил канцлер Гумбольд, который, похоже, сильно волновался:

— Потому что за все существование нашей истории нет записей о том, чтобы смертный когда-либо был приглашен на похороны чародея.

— Ты, — добавила королева, — первый.

Глава девятая

По заснеженному ландшафту двигалась огромная платформа, составленная спинами тесно прижавшихся друг к другу кротов. Эти слепые существа, будто сотканные из темного бархата, столь символичного для похорон, несли на себе останки великого колдуна: груду костей да черные волосы. Длинные прямые локоны колдуна развевались по ветру, словно устрашающий стяг мертвеца, кости с клацаньем ударялись друг о друга. Похоронная процессия вздымалась и опускалась в ритме прибоя, покрывая рябью мерзлую землю.

Процессия шла позади ночи. За ней следовали тысячи черных лошадей, запряженных закатом. Они двигались тихим похоронным

шагом через всю равнину и тянули за собой утро. Брезжил рассвет, заплетенный в их длинные черные космы. На головах жеребцов возвышались темные султаны, которые даже не колыхались на ветру. В глубоких темных глазах играли искры колдовского пламени.

На помост бросали прощальные дары. Разноцветные плоды, большая часть которых незнакома простому смертному. Раковины морских моллюсков — такого экзотического вида, что человек поражался их красоте. Семена, орехи, панцири жуков, яичные скорлупки. Кое-что из подношений было плодом природы, что-то определенно происходило из места иного, отличного от Земли. Там были разрисованные деревянные тотемы всяких чудовищ и вырезанные из камня фигурки чертенят. Были и лунные мотыльки, сотнями тысяч порхающие вокруг катафалка, — их, будто пламя свечи, привлекали желтые кости мертвого колдуна.

Кроваво-красная луна занимала полнеба. Чуть ниже луны мерцала черная пелена: грачи и галки скопились над процессией в неимоверных количествах. По лоскутам снега вдоль живой платформы двигались демоны, духи, привидения, великаны-людоеды и гиганты всевозможных разновидностей. Там были ходячие мертвецы, кровопийцы, драконы — большие и малые, — улдры, что обитают в холодных подземельях, вендиго, зальты, охды из жарких пустынь Гвендоленда, сравнительно непримечательные гномы, живущие в шахтах, и гремлины из самых ворот преисподней.

Там были ведьмы и ведьмаки.

Но больше всего на похоронах собралось представителей плодовитого эльфийского народца: эльфы, карлики, феи, домовые, тролли (с заокеанских островов), гоблины, лепреконы, гномы, болотные духи фенодеры, клариконцы, лешие и столь нелюбимые Солдатом пакостницы-дроты.

Среди всех этих сверхъестественных существ присутствовал только один смертный, один человек — Солдат. Он брел рядом с передвижным плотом, образованным спинами кротов, и не представлял себе, что обо всем этом и думать. У самой его головы хлопали крыльями летучие мыши, которые, должно быть, слетелись сюда с доброй половины зёмного шара. Мимо торопливо пронесся дьявол, а ужасный великан-людоед (идиот от рождения) стоял и разглядывал процесиию, разинув рот.

Солдат едва понимал, где находится. Ему чудилось, что все происходящее — сцена из призрачного спектакля. Он чувствовал себя наблюдателем, который по воле случая оказался в чужом сне и гуляет теперь среди каких-то невероятных созданий. Порой по коже бегали мурашки, иногда хотелось рассмеяться, но в основ-

ном увиденное просто не укладывалось в голове. На этих похоронах человеку явно не место.

Солдат смотрел на то, что осталось от самого могущественного колдуна мира: груда костей да пучок волос. Останки двигались, повинуясь еле заметному ритму, то поднимаясь, то опускаясь, будто колдун пытался вдохнуть в себя новую жизнь. Казалось, чародей умер не вчера, а тысячу лет назад, но все равно из последних сил держится за жизнь.

Внезапно, на ходу, волосы чародея воспламенились и загорелись синим, зеленым и оранжевым пламенем. Временами языки пламени бросались кверху, чтобы лизнуть перья ворона или грача. Затем загорелись кости. Солдат задумался, что остальные думают об этом интересном явлении. Однако никого возгорание останков не взволновало и уж тем более не обеспокоило, и меньше всего — кротов, которые несли костер из костей мертвого чародея.

Среди прочих шел демон с длиннющими веками, спускавшимися до самых его щек, как обвислые собачьи уши; из его макушки, подобно черному фонтану, произрастал конский волос. Похоже, демон только сейчас заметил Солдата — пожал плечами, украшенными шипообразными наростами, и с недоумением скривил большое обрюзгшее лицо цвета серы. Потом он, по всей видимости, оскорбился, что на него смеет смотреть человек.

— Как ты сюда попал? — прорычал демон, и его красный раздвоенный язык заколыхался у самого лица Солдата. — Ты смертный.

— Я приглашен. В некотором смысле я тоже из иного мира.

Демон сразу же потерял к собеседнику всякий интерес.

— Останки горят, — продолжал Солдат.

Демон мельком взглянул на погребальный плот; тот за последние двадцать минут продвинулся всего на три-четыре ярда.

— Такое случается. Когда доберемся до особняка, и посмотреть-то не на что будет.

— Что за особняк?

— Вон там, наверху.

Солдат окинул взглядом шествующее впереди море необычайных существ и увидел впереди какие-то утесы.

Посреди совершенно отвесной стены находился выступ, на самом краю которого стоял внушительного вида особняк с рыжими стенами. Солдат долго ломал голову, но так и не понял, каким образом занесло сюда это сооружение. Вероятно, его выстроили для своего религиозного предводителя, ХуллуХ'а, какие-то летающие существа. А теперь маг возжелал провести в этих стенах веч-

ность. Здание казалось вполне милым и уютным: закругленные угловые комнаты, черные сланцевые крыши. Солдат насчитал шестнадцать спиральных дымоходов и несколько десятков окон. Необычайного вида флюгера торчали на верхушках башенок, каждый из них вращался на порывистом утреннем ветру точно юла. Тяжелые деревянные двери, обитые гвоздями с квадратными шляпками, были открыты и готовы к приему останков, которым особняк станет теперь родным домом.

У самого входа, возле дверей, стоял лукавого вида демон в рясе священника.

Гоблины торопливо набили урну тем, что осталось от праха, чтобы спасти хотя бы это. По всей видимости, прах чародея нельзя было развеивать по ветру.

— Понял, о чем я говорил? — спросил демон. — Ничегошеньки не осталось.

Внезапно тысячи лошадей, что шли позади Солдата, остановились. Рассвет замер. В рыжеющем небе повисли оборванные облака. Крылатые феи внезапно поднялись в воздух, разгоняя стаи ворон и грачей. Тонкая призрачная материя расцветила красками небо, застывшее в ожидании восхода.

Барабанный бой! Трубный глас! Вступают флейты!

И вот послышалось жутковатое пение тупомордых змей. В исключительных случаях, как, скажем, похороны чародея, их шипение превращалось в подобие музыки.

Звезды прочь — его глаза.
Ногти — прочь с его стопы.
С чресел капает вода,
Орошая плоть земли.
Самый лучший из плохих,
Самый первый из живых.
Ветры страшные легли,
Осушились пузыри...

Бархатный плот достиг подножия утеса, и взору предстал узкий склон, ведущий в пропасть. Кроты рекой потекли вперед, в расщелину, под землю. Призраки разнуздали и увели лошадей, на которых ехал рассвет. А черные ленты остались свисать с края и колыхались на ветру, подобно печальным теням. Урну с прахом забрали крылатые феи, подняли вверх и вручили черту-священнику, облаченному в черный с серебром наряд и высокую пурпурную митру. Тот принял урну двумя руками, развернулся и направился в

особняк. Раковины, плоды, яичная скорлупа — все исчезло вместе с кротами под землей.

Какой-то плод выкатился из общей груды и избежал смыкающейся пасти ущелья.

— Лунное яблоко, — сказал демон, с которым беседовал Солдат, в ответ на его негласный вопрос, — с булочного дерева.

Какой-то эльф, лукавый спригган, судя по длинному носу и отвислым ушам, бросился вперед, схватил яблоко и тут же отправил его в рот.

— *Полагаю*, это не нарушает правил, — пробормотал демон, тоном указывая, что вовсе не уверен в сказанном.

Змеи прекратили свои нечестивые потуги.

Казалось, все, включая Солдата, замерли на дне ущелья в ожидании, устремив вверх взоры. Наконец появился демонический священник, возвел кверху руки, и толпа вокруг Солдата зароптала. На уступе с лицевой стороны скалы отворился квадратный вход в пещеру, и особняк с грохотом покатил назад, в открывшийся проем. Как только он полностью ушел внутрь, над проемом сомкнулись скалы, и дворец оказался запертым. Снаружи не осталось ни шва, ни трещины, которые свидетельствовали бы о происшедшем. Как будто ХуллуХ'а вообще никогда не существовало.

Солдат удивился, с какой быстротой рассеялась погребальная процессия. Эльфы исчезли моментально. Демоны провалились сквозь землю, не сходя со своего места, как и похоронный плот. Странные существа и мифические монстры сгинули следом. Последними уходили великаны: разбредались в разные стороны в близлежащих горах.

День и ночь остались недвижимы.

Солдат стоял на пустоши совсем один. Ветер с каждой минутой слабел. Солдат побрел к Зэмерканду, и время вновь ожило для него. В ту минуту, когда он входил в ворота города, были по-прежнему сумерки, хотя прошло много часов. Солдат тут же направился в постель, отложив визит к королеве на утро, и погрузился в беспробудный, как сама смерть, сон.

Его разбудил поцелуй и луч настоящего солнечного света.

— Ах, ты в добром здравии, — сказал Солдат жене. — Как хороша порой жизнь.

— Муж мой, ты знаменит. Ты первый, кто присутствовал на похоронах чародея. Должно быть, в тебе есть нечто особенное. Для меня ты, конечно, и так особенный, но теперь и другие начнут считать тебя таковым!

— Зима еще не закончилась? — спросил он и покосился в окно.

— Зима была вчера. Сегодня — уже лето.

— Это хорошо. Видимо, ее специально заказали на похороны. Теперь жизнь начинается сначала. А новый Король магов уже в своем дворце в Семи горах?

— Я не знаю. Кстати, погляди, доставили вчера; посылка опоздала на каких-то пару минут — ты успел уехать. Наверно, это предназначалось для церемонии.

Лайана поднесла мужу стеклянный ларец, скрепленный печатью. Там лежал хитон из тончайшего красного шелка с огненными фениксами. Надпись на стеклянной крышке гласила, что мантии можно касаться лишь бархатными перчатками, потому что шелк чрезвычайно тонок и непокрытых рук не терпит. В специальном отделении ларца лежала пара перчаток. Солдат надел их, открыл стеклянную дверцу и осторожно вынул хитон из ларца.

— Какая прелесть! — выдохнула Лайана, когда чудесный наряд заколыхался в руках Солдата на легком сквозняке. — Ты счастливчик!

— Знать бы, кто прислал, — недоуменно произнес Солдат.

— Думаю, какой-нибудь иноземный принц. Тут и сомнений нет. Или волшебник из числа друзей королевы...

— Или какой-нибудь колдун, который позавидовал, что меня пригласили на похороны, а его нет. Помнишь, как было с кольчугой?

Лайана окинула подарок оценивающим взглядом.

— Вряд ли здесь можно спрятать отравленные волоски. Смотри, какая невесомая ткань, так и колышется на ветру.

Солдат не мог не согласиться. Он принял ванну и, пользуясь моментом, описал своей жене все, что видел на похоронах чародея. Рассказ Солдата поверг принцессу в немалое удивление. Пока он говорил, Лайана омывала его кожу, натирала мылом и маслами, смывая пыль дорог, отчего все его тело розовело и пощипывало. Теплая благоухающая вода каскадом ниспадала из ртов русалок, смывая грязную воду из мраморной ванны и заменяя ее свежей.

Наконец Солдат выбрался из ванны: прекрасно сложенный, с пылающей румяной кожей, он источал аромат весенней розы. Лайана надела бархатные перчатки и подняла хитон, придерживая его двумя руками. Солдат встал спиной к одеянию и протянул руки, уже собираясь сунуть их в широкие рукава, как вдруг раздалось пронзительное верещание, и какая-то птица порхнула в окно.

Лайана все еще держала в руках наряд, когда птица влетела в комнату и клювом выхватила одеяние из ее рук.

— Эй!

Это был Ворон. Он ринулся к окну и пролетел между решетками вместе с подарком Солдата. Тончайший шелк зацепился за резную оконную решетку и порвался. Ворон разинул клюв, и невесомый шелк полетел вниз. Одеяние медленно опускалось на землю, точно цветастое привидение, которому вздумалось вылететь из дворца. Наконец шелка угодили в лошадиную кормушку, что стояла на улице, и повисли на железной рукояти водяной помпы.

В этот самый момент какой-то полуголый бродяга вынырнул из-за угла. Видно, парящее одеяние он заметил с самого начала. Воровато озираясь, нищий направился прямиком к водокачке и взял шелка в руки.

Солдат собирался уже окликнуть его, но, немного поразмыслив, решил, что кричать из окна дворца несколько неучтиво.

Поэтому им с Лайаной оставалось лишь молча наблюдать, как нищий натягивает дорогое облачение.

А в следующий миг несчастного объяло пламя. Он завопил от боли и нырнул в ближайшую конскую кормушку. Бедняга плескался в воде, но пламя не гасло; напротив, оно продолжало гореть с каким-то сверхъестественным упорством. Наконец бедолага замертво упал в помои на дне конской кормушки. Пламя все еще полыхало на его теле.

Солдат бросился вниз по ступеням Зеленой башни и выбежал на улицу. Обугленные останки нищего плавали в кормушке и портили воду. Офао послал слугу забрать труп и бросить на мусорную кучу на заднем дворе. Больше они ничего не могли сделать для жертвы дьявольского заговора. Кладбищ в пределах города было раздва и обчелся — и потому большую часть умерших попросту клали в тростниковые лодчонки и пускали в канал. Искусственная река относила их в открытое море и отдавала на милость течения.

Когда Солдат возвращался к воротам дворца, Ворон уселся ему на плечо.

— А ведь на его месте мог оказаться ты. Остались бы одни угли. Зато факел из тебя вышел бы куда ярче — на тебе жира побольше, чем на том нищем. Вспыхнул бы, как церковная свеча.

Солдат выразил Ворону свою признательность:

— Спасибо, что спас мне жизнь. Теперь, думаю, с тебя снято позорное клеймо предателя.

— Да, я этого и хотел... Ну и разумеется, тебя спасти тоже.

— Надеюсь, ты не иронизируешь.

Птица захлопала крыльями.

— Я ведь просто мальчишка с перьями. Не образованный. Сэр.

— Ты все прекрасно понимаешь. Скажи лучше, откуда взялся этот волшебный наряд?

Ворон покачал головой, не сводя с Солдата черных бусинок-глаз.

— Не знаю. Клянусь. Это фокус какого-то старого чародея. Я как увидел, что принцесса его в перчатках держит, так сразу все и понял.

— Но ведь это и вправду мог оказаться нежнейший шелк.

— Не сомневаюсь, что так и было. Нежнейший шелк, обработанный какой-то жидкостью, которая воспламеняется при соприкосновении с кожей.

— И ты еще называешь себя мальчишкой-простачком в перьях!

Ворон сделал заключение:

— Просто летаю по свету: тут что-нибудь услышишь, там... И так год за годом. Знаешь, а я все-таки рад, что не ошибся. Ты бы мне не простил, если бы шелка и впрямь оказались подарком доброжелателя.

— Правильно сделал. Перестраховаться никогда не вредно. Лучше лишиться подарка, чем жизни.

Птица посерьезнела.

— Мне надо кое-что рассказать тебе. Тот колдун, кто уговорил меня выдать тебя, бахвалился, что для хороших людей скоро настанут плохие времена. Вернется его хозяин. Ничего не знаю наверняка, могу лишь строить предположения. Хозяин его — злой чародей, который вознамерился вырвать власть из рук мальчишки, ИксонноскИ. У тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— Думаю, козни строит ОммуллуммО. Утеллене кажется, что он уже рядом.

— И вот еще что... Помнишь круглую темницу, на которую мы наткнулись в подземельях, когда приходили проведать Утеллену с сыном? Там кто-то заперт. Я однажды спускался вниз, и кто-то говорил со мною в моей собственной голове. Не словами, конечно, а понятиями. Тот, кто там спрятан, просил меня выпустить его.

Солдат внутренне подобрался.

— Кое-что помню, очень смутно... Ах да. Вспомнил. Мы оба удивились, зачем здесь такая большая камера, и решили выяснить, кто там сидит в заточении. Сошлись на том, что в ней не может находиться живой человек. Сам посуди: ни видимого прохода для воздуха, ни какого-нибудь окошка для приема пищи и воды. Кто бы там ни был замурован, он мертв многие годы. Даже сами тюремщики так думают.

— Я просто сказал тебе, что чувствую.

— Кто он?

— Понятия не имею. У меня сложилось впечатление, что он знает тебя. Может, кто-то из твоего прежнего мира? Я пришел к выводу, что ты оказался здесь не случайно. А вдруг этот узник послал за тобой, чтобы ты его освободил?.. Я лишь подбрасываю тебе свои догадки, сею их, как бедный фермер сеет незнакомые семена в надежде, что из них вырастет что-нибудь полезное. А уж тебе решать.

После этого разговора Солдат серьезно призадумался. Он тоже считал, что оказался в этом мире не случайно. Быть может, ему предстоит найти здесь кого-то и освободить его? Может, своего короля? Или кого-то близкого: брата, сестру или даже жену? Не дай бог! Что станется с Лайаной, если внезапно появится другая жена? Да еще эти сны: невеста в перепачканном кровью свадебном венке и белом платье... Нет, определенно не невеста. Будь это возлюбленная, он не смог бы снова так сильно увлечься. Его сердце не позволило бы этого. Невеста отпадает. Может, какой-то старинный друг? Очень дорогой, который взывает к нему сквозь пространство и время?

— А почему ты думаешь, что там заперт не тиран? Деспот, лишенный свободы вполне заслуженно? Или взбунтовавшийся маг из прошлых веков?.. Бог ты мой! — Солдата потрясла внезапная мысль. — А если это ОммуллуммО? Может, там заперт отец мальчика?

— Думаешь, такой сильный маг позволит так просто запереть себя в подземелье?

Солдат призадумался.

— Верно. Если только его каким-то образом не лишили сил. Хотя бы на короткое время, чтобы затащить в камеру...

— Тогда лучше оставить его там и не трогать.

Солдат разочарованно покачал головой.

— И все-таки тот, кто заперт в подземной тюрьме, нуждается в моей помощи...

— Тебе, дружище, придется выбрать из двух зол меньшее. Я не могу подсказать, как поступить. Ты должен сам принять решение.

Солдат знал, что он будет долго обо всем размышлять, пока не решит, что же ему делать. С Лайаной такие вещи он обсуждать не хотел. Любой разговор о его предыдущем существовании она воспринимала как угрозу их счастью. И все же Солдат чувствовал, что, даже если бы его прежний мир открылся бы для него снова, он все равно предпочел бы остаться с Лайаной. Неужели любовь так хруп-

ка? Неужели ее можно выбросить, как старый ботинок, просто оттого, что где-то в другом месте жить лучше?.. Определенно, зов прежнего мира, который он знал по своим глубинным воспоминаниям и который оставил в его душе глубокие раны, не мог пересилить любви к Лайане. Гутрум несовершенен, далеко не совершенен. Да и есть ли где-нибудь совершенство? Совершенства не существует. Если бы оно существовало, отпадала бы потребность в религии, в добре и зле, да и потребность в самой жизни.

— У тебя много врагов, муж мой, — сказала Лайана, когда он вернулся в палаты. — Ты мог сгореть заживо. Думаю, на время тебе стоит уехать из Зэмерканда и переждать где-нибудь тяжелые времена. А там на трон взойдет новый Король магов, и все наладится.

— А как же ты?

— Меня никто еще не пытался убить. Зато тебя хотят уничтожить.

— Может, это просто очередная попытка Каффа убрать меня с дороги?

Лайана покачала головой?

— Нет, вряд ли. Он знает, что я его убью, если он тебя хоть пальцем тронет. В самом начале, в первые дни нашего брака, у него, может, и был повод тешить себя иллюзиями. Но только не сейчас. Более того, я не думаю, что к покушению причастен Гумбольд. Уж слишком изощренный план, похитрее кольчуги, из-за которой я чуть было не лишилась тебя.

Солдат поразмыслил и в итоге согласился с женой.

— Я буду сильно скучать по тебе, — сказал он, заключая ее в объятия. — Мы и так постоянно в разлуке.

— Ничего. Как только в королевстве вновь воцарятся мир и покой и злу места не останется, мы будем неразлучны.

Солдат вспомнил об ИксонноскИ.

— Мальчику нужна защита. Я бы наведался в его убежище. ИксонноскИ потребуется крепкая охрана для сопровождения в горы Священной Семерки.

— Мне тревожно, муж мой. Королева не доверит тебе задания, которое ты однажды провалил.

— Я не нуждаюсь в поручении королевы. Обойдусь своими силами.

Солдат покинул Лайану и направился к королеве, чтобы проинформировать ее обо всем, что происходило на похоронах чародея. Даже канцлер Гумбольд задержался во дворце, желая послушать его рассказ. Там же собрались и придворные: Фринстин — Хранитель башен, Малдрейк — Лорд замков, Леди-хранительни-

ца канализации, Хранитель дымовых труб, и много еще кто. Одним словом, все, кто способен был самостоятельно передвигаться и выдержать долгий рассказ, собрались послушать Солдата.

Аудитория жадно внимала повествованию. Солдат умел зачаровать слушателей и знал, как преподнести историю в лучшем свете. Капитан Кафф, который в то время был на службе, не мог присутствовать лично и очень жалел об этом. Слушатели замирали, вздрагивали, охали и ахали, перешептывались, приглушенными голосами обменивались мнениями. Когда Солдат закончил, королева поблагодарила его за добрую службу.

Королевский писарь аккуратно излагал повествование Солдата на пергаменте, писал с остервенением, порой бросая на Солдата гневные взгляды, когда тот говорил слишком быстро, а временами сам так увлекался историей, что и вовсе забывал водить пером по бумаге и впоследствии вынужден был нагонять. Сейчас фиксировался отчет на все времена. Позже, когда монахи перепишут документ красивым почерком — а не такими каракулями, что в спешке царапал на бумаге королевский писарь — с выделенными заглавными буквами, цветными гравюрами, выполненными серебром и золотом, — слова Солдата будут увековечены навсегда. Поля книги украсят рисунками демонов, монстров, фей, гигантов и мифических бестий. Всего будет три тома: один для королевы, второй для большой библиотеки, а третий спрячут под замком в потайном месте, надежно защищенном от пожаров, на тот случай, если на город нападут варвары и сровняют его с землей.

Закончив повествование, Солдат покинул королевский дворец и направился в Красные Шатры навестить сослуживцев и подчиненных.

И вновь послушать его рассказ собрались не только Велион и воины Шатра Орла, но и половина карфаганской армии.

— Вот это да, — сказала Велион, когда они направлялись на пир, огибая огромные рыжие шатры некоторое время спустя. — Ты замечательный рассказчик.

Солдат смутился.

— Ну не знаю...

— Да, да, не скромничай. Я заметила за тобой такой дар, когда ты перед боем говорил с солдатами. Ты вдохновляешь их, придаешь им уверенности в своих силах. Вот за это я тебя очень уважаю.

Не слишком-то трудно произвести впечатление выдающегося оратора среди людей, которые отдают предпочтение физической стороне жизни и бегут от учебы как от чумы.

— Это дар от природы, а вовсе не моя заслуга.

— И все-таки... Ну, вот мы и на месте.

Тысячи воинов уместились за длинными, грубо сработанными столами и рядами лавок по обе стороны. Они стали колотить по крышкам столов рукоятями ножей, когда появились Велион и Солдат, и воздух наполнился громким «Зззззззззззззз». Так воины чествовали своего нынешнего героя, Солдата. Он ответил на шум широкой белозубой улыбкой и возвел руки к небу, что вызвало восторженный рев присутствующих. Затем уселся во главе стола своего шатра.

Его воины важничали, точно петушки среди стайки незадачливых курочек. Это *их* капитан присутствовал на похоронах самого могущественного создания в мире. И Орлов переполняла невероятная гордость.

— Что тут у вас поесть? — спросил Солдат, оглядывая пищу на столах. — Я внезапно почувствовал, что умираю от голода.

— Для начала наши традиционные овсяные лепешки, — молвила вполголоса Велион, — вымоченные в жиру и поджаренные с одной стороны.

Внезапно Солдат почувствовал, что не так уж и голоден.

— Очень мило, — сказал он без особого энтузиазма. — А мяса нет?

— Чуть-чуть, — улыбнулась Велион, которая прекрасно знала, что ее капитан недолюбливает жареные овсяные лепешки, — но его подадут гораздо позже, когда набьем животы. Тогда съешь его не слишком много. Мясо вредно для здоровья. Забивает кишки. А вот овсяные лепешки — совсем другое дело. Гляди, из них так и сочится маслянистый жир, такой полезный. Только съешь — и сразу силы набрался.

Солдат и хотел бы проникнуться этим чувством, но ничего не выходило.

Глава десятая

Не один час провел Солдат в размышлениях. Ему не давал покоя разговор с Вороном. Что же за узник томится в круглом подземелье? А если там заперт человек из прежнего мира Солдата? А если человек этот обладает настолько сильным разумом, что сумел дотянуться до другой земли и перетащить оттуда Солдата, чтобы тот освободил его? Быть может, потеря памяти — естественный резуль-

тат перехода из одного мира в другой? И, выполнив свою задачу, Солдат вернется туда, откуда пришел? Быть может, воспоминания обрушатся на него неудержимым потоком?

— Ходят слухи, что ОммуллуммО в Гвендоленде, — сказала Лайана Солдату, едва оправившись от очередного приступа своей болезни. — Поговаривают, будто он собирается переправиться через море, чтобы найти ИксонноскИ. Я слышала, ОммуллуммО собрал целую армию на южном континенте и планирует высадиться на берег за горами Священной Семерки.

ИксонноскИ по-прежнему скрывался. Солдат с уважением отнесся к желанию Утеллены соблюдать секретность и не пошел на поляну в лесу, опасаясь слежки. Мальчику действительно нужно чуть подрасти и окрепнуть, перед тем как он займет место ХуллуХ'а.

— С нашими-то Красными Шатрами можно было бы такую защиту обеспечить...

— Это всего лишь слухи. Мы ничего не знаем наверняка.

— Королева, наверное, разослала повсюду шпионов. Может, лучше подождать, пока не станет известно что-нибудь более определенное.

Слухи о том, что злой чародей находится где-то в Гвендоленде, подтверждали многие источники. Купцы, моряки и прочий странствующий люд каждый день докладывали о том, что колдуна видели то здесь, то там. Солдат стал уже понемногу верить, что ОммуллуммО бежал за море еще во времена матери королевы Ванды. Это было вполне логично. Южный континент, большая часть которого оставалась неизученной, мог стать гораздо более надежным убежищем для колдуна, чем северный. И хотя по эту сторону океана тоже были никем не разведанные Непознанные земли, Солдат — окажись он на месте человека, бегущего от королевского гнева, — все же предпочел бы, чтобы между ним и преследователями лежало широкое море. Нередко океан оказывался более серьезным барьером, чем болота или горные гряды.

Если ОммуллуммО переправился за море, значит, в подземной темнице замурован кто-то другой. С тех пор как Солдат начал всерьез задумываться над этим, его стали посещать яркие сновидения о самопожертвовании и несправедливом заточении, о несчастном создании в кандалах. Солдат просыпался, выкрикивая в полудреме что-то неразборчивое. Кто-то явно хотел войти с ним в контакт через мир снов, и, сколько Солдат ни пытался игнорировать неосознанные страхи, они неминуемо влияли и на его бодрствующий мозг.

Наконец Солдат решил, что пришло время выяснить, кто же скрывается в круглом подземелье. Если там заключен пославший за ним человек, Солдат все равно не обязан возвращаться с ним в свой мир. Он сам себе хозяин, и любая попытка принуждения встретит жесткий отпор. Существует много мест, где Солдат в случае чего может укрыться и переждать, пока освобожденный не покинет эту землю. Гутрум стал для Солдата домом. К этому миру он привязан всем сердцем. Не нужно бояться того, что его будут убеждать или запугивать; он твердо стоит на ногах и уверен в своей правоте.

Солдат отправился на встречу с королевой Вандой и попросил ее дать разрешение открыть злополучную камеру. Она обещала подумать — и, кстати, найти куда-то запропастившийся ключ. Хотя вроде бы мать строго-настрого запретила освобождать того, кто сидит в потайной подземной темнице с люком...

Гумбольд советовал не трогать темницу: лучше оставить все как есть.

— Королевам не пристало напрягать ум заботами об отбросах, запертых в каталажках. Королевы занимаются более серьезными вещами, вопросами государственной важности. Заключенные находятся в ведении Лорда-поимщика воров и его приближенных.

Следующим делом Солдат отправился повидаться с Лордом-поимщиком воров.

Ключа так и не нашли. Мало кто из тюремщиков вообще знал о существовании круглой темницы. Один или два смутно припоминали камеру, подходящую под описание Солдата, и говорили, что она находится в самом глубоком рукаве лабиринтов.

Лорд-поимщик воров, которого так и не удалось убедить в том, что камеру вообще нужно отпирать, поставил Солдата перед фактом: она останется закрытой.

— Там все равно никого нет, — заявил лорд. — Мы найдем лишь зловонный труп.

Солдат решил действовать своими силами.

— Послушай, Ворон, — обратился он к птице, — тебе придется проникнуть туда, вниз, и вскрыть замок своим сноровистым клювом.

— Ты серьезно?

— А ты сомневаешься?

Пернатый взъерошился.

— Да, собственно, причины для сомнений у меня нет, кроме того, что тебя, вероятно, повесят, колесуют и четвертуют, если что-нибудь пойдет не так.

Солдат надолго задумался. Ворон говорил дело. Если по его приказу откроют темницу и в результате случится что-нибудь ужасное, он будет иметь дело с самой королевой Вандой. А с другой стороны, вдруг там заперт ни в чем не повинный, совершенно безвредный человек?

Ворон улетел, а Солдат остался на своем любимом месте, балконе Зеленой башни, наблюдая с высоты за происходящим на рынке. Там внизу Спэгг продавал руки повешенных людей. Похоже, торговля шла бойко, принимая во внимание природу его товара. В другом углу площади Бутро-батан занимался своим кузнечным делом — подковывал лошадей. Им с Солдатом еще предстоит серьезный разговор насчет прогулок Лайаны. Бутро-батан на вид человек надежный, верный, но по наружности никогда нельзя судить. Как ни странно, капрал Транганда тоже был поблизости, сидел у таверны с какими-то стражниками и попивал эль.

В этот самый миг с запада пришла буря. Ужасный ветер набросился на город, горожан сбивало с ног и разбрасывало в стороны. Громовые раскаты сотрясали дома. Молнии убивали людей на улицах. Огромная лошадь-тяжеловоз, которую подковывал Бутро-батан, взмыла в воздух и рухнула на бок. Тяжелая телега, груженная сеном, ударилась о стену Зеленой башни.

Люди, панически крича, бежали с площади. Солдат вцепился в решетки выходящих на балкон окон, а ветер пытался оторвать его от спасительного «якоря». Внизу, на улице, в воздух подбросило женщину: ветер забрался ей под юбки и поднял несчастную до самого пика башни. Подобно воздушному змею, который реял на потоке воздуха и вдруг потерял его, она устремилась к земле, а ее юбки вывернулись наизнанку и больше не удерживали тело в воздухе.

Затем пошел дождь. Он хлестал по городским стенам, башням, куполам и зданиям. Ледяные капли частили с неимоверной силой, будто обрушилась сплошная стена воды.

Солдат уперся в балконные перила и, аккуратно переступая, дюйм за дюймом долез до окна комнаты на верхнем этаже. Там Офао как раз пытался закрыть ставни, когда, к своему ужасу, увидел карабкающегося за окном Солдата. Слуга подхватил господина под руки и втащил внутрь.

— Быстрее, сэр, закрывайте двери и окна!

По спиральной лестнице в комнату поднялась Лайана.

— Что происходит? — воскликнула она. — Такого в природе не бывает. Это что-то неестественное.

— Не знаю, — ответил Солдат. — Все случилось слишком быстро. На небе не было ни облачка, ни тучки. Вдруг откуда ни возьмись такой ураган.

Солдат прислонился к окну и стал выглядывать на улицу сквозь вырезанное в ставнях сердечко. Деревья выкорчевывало с корнем, с домов срывало крыши, людей сбивало с ног. С небес сыпались шаровые молнии в несметных количествах. Сточные канавы переполнились водой, и потоки воды стремительно неслись по улицам. Каналы вышли из берегов.

А с небес все лило и лило.

Через потайной глазок Солдат увидел нечто странное. От открывшегося его взгляду зрелища кровь стыла в жилах. Какой-то человек, судя по походке — пожилой, шагал сквозь непогоду, будто огражденный какой-то дарованной ему одному стеной. Струйки дождя текли по бледному лицу с крючковатым носом, вода капала с длинных редких волос, вымокшее насквозь пальто развевалось на ходу, но человек этот оставался неподвластен беснующемуся ветру. Стихия хлестала людей точно плетью, разбрасывая их, как невесомых тряпичных купол, а загадочный незнакомец оставался неуязвим перед бушующей вокруг стихией. В его походке чувствовалась огромная сила. Он целеустремленно шел вперед. У Солдата сложилось впечатление, что представшему перед ним человеку не страшны никакие испытания: стихии над ним не властны!

А следом за странным незнакомцем плыл черный ковер из крыс. Грызуны следовали за ним, будто длинный черный шлейф. Этим существам безумство бури не причиняло никакого вреда. Когда порывы ветра становились невыносимыми, крысы, что шествовали впереди, хватались за узкие брюки человека, а те, что шли следом, крепко хватались за хвосты передних, и так они на самом деле превращались в чернос свадебное шествие, волочась позади незнакомца на разрушительном ветру, который пришел из ниоткуда.

Ниоткуда!

Солдату вспомнились похороны.

Такие ветры связаны с чародеями.

Покидая площадь, загадочный человек задержался и посмотрел вверх, на Зеленую башню, будто знал, что за ним наблюдают. Солдат был потрясен твердостью его взгляда. Затем улыбка на лице незнакомца перешла в усмехающуюся гримасу. Глядя прямо на щель, к которой приник Солдат, он воздел свой костлявый кулак в подобии приветствия. Наконец непоколебимая фигура исчезла в

пелене проливного дождя, который задрапировал площадь покровом тьмы.

Вдруг из камина дыхнуло облачком сажи.

Послышалась возня: кому-то нелегко давался спуск по каминной трубе.

— Что это? — заголосил Офао. — Упыри! Гремлины!

Слуга ринулся к камину и, схватив кочергу, занес ее над головой. Однако взорам присутствующих предстал не злой дух и не гремлин, а всего-навсего черный ворон, ставший еще чернее от сажи. Птица захлопала крыльями и брезгливо взъерошилась. Солдат подоспел как раз вовремя, чтобы остановить Офао, который чуть было не огрел несчастное создание кочергой.

Ворон закашлялся и заговорил:

— ОммуллуммО! Это он.

— Где?

— Там, в круглом подземелье.

В комнате настала тишина, когда ужасная новость дошла до сознания присутствующих. Затем принцесса издала исполненный муки стон.

Солдат гневно воскликнул:

— И ты его освободил?! Я не давал приказа открывать темницу!

— Давал же, давал! — закричал Ворон. — Ты сказал, что запертый нуждается в помощи.

— Да нет же, нет. Я просто продолжал думать. Мысли вслух. Просто думал и говорил... — Он замычал. — О боги, что ты наделал! Что *я* наделал!

— Беда на мою голову! — воскликнул Офао, заразившись отчаянием Солдата.

— Беда на все наши головы, — сказал Ворон, чистя клюв лапкой. — Или правильнее сказать «беды»?

Первой от потрясения оправилась Лайана. Она тут же поняла, что теперь надо защищать мужа. Уже спокойным голосом принцесса посоветовала Солдату, как поступить:

— Тебе придется покинуть страну. Отправляйся прямо сейчас, пока сестра не знает, что ты натворил. Ну зачем ты полез в дела, в которых ничего не смыслишь?

Ворон сказал:

— Не больно-то интересно вмешиваться в дела, в которых *все* смыслишь. Слишком легко предсказать конечный результат.

— Муж, почему бы тебе не заставить эту птицу заткнуться! Я пытаюсь сосредоточиться. Надо как можно скорее сообщить обо всем ИксонноскИ.

— Я сообщу ему, — сказал Солдат, направляясь к двери. Там он обернулся. — Я очень раскаиваюсь.

— Знаю. Иди же.

Солдат, перепрыгивая через две ступени, выбежал на улицу. Буря пока бушевала, хотя и без прежнего неистовства. Это был лишь хвост подвластной колдуну стихии, удаляющийся вместе с ним. Солдат, сопротивляясь пригибающему к земле ветру, направился к конюшням, оседлал лошадь и тронулся в путь. Проезжая с внешней стороны ворот, он увидел, что сторожка пуста. Вскоре ему стало ясно, какая участь постигла стражников: от них осталась лишь кожа, свисающая с шипов на городских воротах.

За стеной, окружающей Зэмерканд, у карфаганцев царил хаос. Часть шатров унесло прочь, кое-какие упали, но большую часть шатров сорвало с места, и теперь они медленно ползли через пески подобно гигантским морским крабам.

Солдат увидел усталую, вовсю занятую делом Велион и крикнул ей:

— Колдун на свободе! ОммуллуммО! Я должен предупредить мальчика!

Она кивнула и помахала рукой.

Стояла глубокая ночь, когда Солдат добрался до опушки леса. Он взглянул вверх и увидел серебряные звезды, которые гасли в огромных количествах, пока небеса не превратились в непроглядную темень, в которой испускала тусклое пунцовое свечение уродливая луна. Она бросала лучи на землю и, не отрывая хищного взгляда, следила за скачущим внизу Солдатом.

В небесах больше не было красоты.

Оказавшись под защитой леса, Солдат заметил всадника, который въехал в лесную чащу с юго-запада следом за ним и быстро приближался.

Ханнак? Человек-зверь? Однако ножны не запели предупреждающую песнь.

Тем не менее Солдат вынул меч, Ксанандру, и придержал лошадь, пока не узнал наконец всадника. Это был Голгат, имперский гвардеец, младший брат капитана Каффа. Солдат не стал убирать меч в ножны, опасаясь, что им скоро придется воспользоваться. Не исключено, что Кафф послал своего братца взять Солдата в плен и притащить его обратно в Зэмерканд для разбирательства перед королевой.

— Что тебе надо? — рыкнул он, когда Голгат приблизился на достаточное расстояние.

— Что это? Меч? — воскликнул тот. — Тебе он не понадобится, друг!

— Мы что, друзья?

— Помнишь, ты однажды спас меня от неминуемой гибели? Бились мы тогда с людьми-лошадьми, и один из них собирался отрубить мне голову, уже взмахнул боевым топориком, когда ты направил свою лошадь прямо на него, и он погиб под копытами! Я поблагодарил тебя тогда, а вскоре после этого меня послали за море. С тех самых пор я находился в Карфаге как посол.

Теперь Солдат начал что-то смутно припоминать. В пылу битвы, когда люди все как один в шлеме и латах, до его сознания не дошло, что спасенный воин — брат смертельного врага. Солдат и теперь не слишком-то доверял этому человеку. Как ехать дальше на поиски ИксонноскИ с чужаком? Нельзя допустить очередной оплошности. Теперь на карту поставлена не только жизнь ИксонноскИ. Весь мир летит кувырком.

— Я не могу позволить себе роскошь доверяться незнакомцам, — сказал Солдат напрямик. — Тебе придется вернуться.

— Я все равно теперь знаю, где прячутся твои друзья. Глупо было бы на твоем месте просто отослать меня прочь. Если бы я был врагом, мне бы осталось только доложить брату о твоем местопребывании, и все.

Да, что верно, то верно.

— Вы с братом очень близки? — спросил Солдат.

— Конечно, по-братски я его люблю. Но ему я ничего не должен. А вот ты спас мне жизнь. Я обязан тебе всем. Если бы не ты, лежать мне уже в земле сырой.

Голгату от рождения досталась фигура, которой позавидовал бы любой воин. И если он не обманывает, то станет незаменимым спутником. Солдат во все странствия брал с собой Спэгга, хитрюгу, каких свет не видывал; тот, конечно, отлично метал нож, однако в случае опасности так же мастерски удирал. Солдату не помешал бы товарищ, на которого не страшно положиться. Но брат Каффа? Вот сейчас Солдат очень пожалел, что нельзя переговорить с Лайаной и спросить ее совета. Она уж наверняка знает обоих братьев.

— Думаю, все обстоит именно так, как ты сказал. У меня действительно не остается выбора. Придется взять тебя с собой. Значит, так, слушай внимательно. Если я только заподозрю хоть на самую малость, что ты — предатель, твоя жизнь окончится в тот же миг на том же месте.

Голгат улыбнулся:

— Думаешь, тебе это удастся?

— Я не думаю, я знаю.

Солдат говорил смело и без колебаний, хотя оба прекрасно понимали: случись что — исход поединка может оказаться каким угодно. Козырь Солдата — неукротимая ярость; пытаться остановить его в такие моменты — все равно что бороться с ураганом. Кроме того, на стороне Солдата немалый боевой опыт. Голгат тоже имеет преимущества: здоровяк, искушенный знаток всевозможного оружия, великолепный наездник — одним словом, человек той породы, которая хороша как в строю, так и в битве один на один. Кроме того, он был из тех людей, которые славятся самообладанием и мужеством.

Солдат тешил себя мыслью, что как-нибудь выкрутится благодаря изворотливому уму и смекалке. Впрочем, Голгата тоже глупцом не назовешь. Солдат слышал историю о том, как младший брат Каффа сумел помешать карфаганцам сжечь библиотеку, когда мародеры грабили только что побежденный город. Говаривали, он вывез сонмища книг. При этом Голгат обращался с украденным с большим трепетом и перечитал все до единой книжки еще до того, как путешествие подошло к концу. Он называл себя поэтом (впрочем, так поступали все придворные, хотя большинство из них не могли сочинить и двустишия, не заглянув в словарь рифмоплета), ученым-астрофилософом, интересовался возведением мостов и был лучшим среди себе подобных предсказателем исхода боевых баталий.

Если между этими двумя воинами вдруг состоится стычка, посмотреть на дуэль соберутся боги, люди и звери.

Солдат также обнаружил по мере продвижения в глубь леса, что его спутник воспитан гораздо лучше своего брата.

— Ты выехал из Зэмерканда позже меня, — начал Солдат. — Расскажи, что там с королевой.

— Она вне себя от ярости. Окажись ты под рукой в тот момент, точно лишился бы головы. Так что правильно сделал, что сбежал.

— Я не сбежал. Я отправился на поиски ИксонноскИ.

— Тебе виднее. Так или иначе, ОммуллуммО уже наслал чуму на город, который так долго был его тюрьмой. По Зэмерканду ползет зеленый гриб. Он гноит дерево и выгрызает камень. Распространяется с чрезвычайной быстротой, буквально проползает сквозь дома, течет по улицам, разлагая все на своем пути. Насекомые, мыши и прочие вредители расплодились невероятно. Подозреваю, что следом придет мор, как обычно.

— Ты видал такое прежде?

— Я уже бывал свидетелем неудовольствия чародея. ХуллуХ не всегда благоволил к Зэмерканду. Учти, ОммуллуммО не преминет выслать нам вдогонку своих подручных, да несметными полчищами. Нужно торопиться.

— Сам знаю.

Наконец путники дошли до поляны, где обустроились Утеллена с мальчиком. ИксонноскИ присутствие незнакомца, по всей видимости, не обеспокоило; юный маг умел интуитивно отличать друга от врага.

— Приветствую, Солдат и Голгат, — сказал мальчик. — Мать даст вам пищи.

ИксонноскИ уже было известно о том, что отец отобрал принадлежащий ему по праву трон.

— К горам Священной Семерки ведут отпечатки его ног. Я это вижу и с моими малыми способностями.

— Тебе еще долго готовиться? — спросил Солдат.

— По меньшей мере год.

— Год?! У меня создалось впечатление, что ты вот-вот займешь место своего дяди и станешь Королем магов.

Мальчик улыбнулся:

— Сейчас мне нужно каким-то образом оставаться в живых до тех пор, пока я не стану достаточно ловок, чтобы одолеть отца. Тогда мне понадобишься и ты, Солдат. Я хочу, чтобы ты возглавил мою армию.

Теперь Солдат осознал, что это будет не простой поединок между двумя чародеями, а настоящая война. Война, которая разделит мир пополам.

— Неужели необходимо вовлекать в свою борьбу людей?

— По случайному совпадению Священная Семерка расположена рядом с Гутрумом, — объяснил ИксонноскИ. — Король магов правит повсюду, на всех ближних, дальних и срединных землях. Ты думаешь, что пришел из другого мира? Может, и так, но переходить можно только из миров, находящихся в непосредственной близости друг от друга. Все, что происходит здесь, обязательно отзовется на твоей земле, Солдат. Если этим миром следующие несколько столетий будет править зло, ход истории в твоем родном мире исказится. Не исключено, что ты — связующее звено между двумя мирами, человек, посланный из одного места в другое для того, чтобы спасти оба.

Солдату от такой мысли стало не по себе. На него неожиданно взвалили такую серьезную ответственность, такую непосильную задачу. Спаситель мира? Может, двух или более миров? Нет уж.

Он самый обычный человек с ограниченными способностями, человек, у которого столько же недостатков, проблем и желаний, как и у любого другого. Ну почему он должен нести такую тяжкую ношу? Ведь на свете наверняка есть более способные и достойные.

Голгат смотрел на него с суеверным ужасом и трепетом.

— Я не хочу браться за это дело. Вы не того выбрали, — сказал Солдат.

ИксонноскИ отмел все возражения:

— Здесь не может быть того или не того. Это просто ты.

— Но... но если меня послали сюда с какой-то целью неведомые силы, они наверняка позаботились бы о том, чтобы все прошло гладко. А на самом деле меня сразу же едва не казнили, причем Утеллена и пальцем не пошевелила ради моего спасения. Ты сам ничего не предпринял. Я уверен, что, если бы все было предопределено, я бы женился на Утеллене и смог бы постоянно держать тебя под присмотром, пока ты рос, охранять тебя, быть для тебя наставником. Вместо этого я женился на умалишенной принцессе — женщине, у которой демоны отобрали рассудок. Я не спаситель, порой меня переполняет необузданная ярость.

ИксонноскИ кивнул:

— Конечно, у тебя есть недостатки, как и у всех. А в особенности один, который заложен в человеческой природе и потому неистребим: способность любить. Думаю, ты влюбился бы в принцессу Лайану, будь она хоть простой пастушкой. Уж к такому типу людей ты принадлежишь. Слушаешь веления своего сердца. Если бы такой человек, как ты, повиновался голове, он захотел бы стать повелителем мира.

Когда Солдат остался один и молча сидел на берегу ржавого лесного озерца, его навестил Ворон.

— Эгей, старина! Что невесел? Да, знаю, мир распадается на части, все вокруг загнивает, на куски разваливается. И что с того? Разве стоит грустить? Взбодрись! Знаешь, когда полетаешь по странам, такого насмотришься!.. И хуже бывает.

— Только не для меня, не для меня, — пробормотал Солдат.

— Да, заварил ты кашу. Выпустил великого творителя всех зол на свет божий. Навел чуму и мор на земли. Стал виной тысяч, а то и миллионов смертей. У нас и впрямь проблемы! — воскликнул Ворон.

— Очень прошу, оставь меня в покое, — сказал Солдат.

— Вот она, твоя благодарность. Я прилетаю, пытаюсь его взбодрить, а он попросту отсылает меня обратно! Замечательно! Да, кстати, твоя жена умерла.

— Что? — Солдат вскочил на ноги. — Дорогая моя жена? Мертва?

— Ну, вообще-то не совсем, — заклокотал Ворон. — Смотри, вот ты уже и не так расстроен. Думал, принцесса умерла? Могу тебя заверить, что она жива, хотя и нельзя сказать, что в добром здравии. Неужели ты не вздохнешь теперь с облегчением? Все познается в сравнении, верно?

Солдат стоял в тихом сумеречном лесу и, прищурив глаза, смотрел на Ворона.

— Ну, ты у меня дождешься. Клянусь, дождешься!

— Ладно, некогда мне здесь с тобой болтать. Нужно еще с птицами встретиться, делишки кое-какие провернуть. В следующий раз, когда прилечу, будь поприветливей, нам надо серьезные вещи обсудить. А теперь пока. Многие хотят с тебя шкуру содрать. ОммуллуммО нашлет на тебя демонов, нечисть всякую. Будь наготове. Или беги отсюда. Это, пожалуй, самое верное. Ну а я полетел.

Ворон расправил крылья и скрылся в тени деревьев, а Солдат вновь остался в одиночестве.

Он, конечно, злился на птицу, но не мог не признать, что пернатый чертенок во многом прав. Выбор невелик: либо оставаться, либо бежать. Второе кажется самым разумным. Одно дело — сражаться в честном бою, где враг стоит к тебе лицом и ожидать подвоха неоткуда. А другое дело — вести скрытую войну, притом долгую. ОммуллуммО решил покончить с ИксонноскИ, а это проще всего сделать руками подосланного убийцы.

Глава одиннадцатая

Солдат привел своих подопечных в болотистую низину в Непознанных землях. Как преследуемый лисой заяц по наитию выбирает открытые места, так и Солдат чувствовал, что ему лучше держаться открытой местности с хорошим обзором во все стороны. Путники разбили лагерь, соорудили из высокого камыша шалаши — собирали камыш в снопы, перехватывали сверху бечевками и вырезали внутренние стебли; получался пустой конус. По болотам расставляли ловушки и капканы на кроликов, удили рыбу в небольших прудиках. Тем и кормились. Порой кому-то удавалось принести утку, в другой раз — цаплю, а однажды попался лебедь.

Тем временем ИксонноскИ практиковался в своем ремесле. С собой он нес зловонный мешок, наполненный различными отвратительными вещами, которые подбирал в разных местах: высушенные поганки, мертвые птицы, слизни, улитки, вонючие жабы, помет животных, представленный в большом разнообразии, слизь из ноздрей животных покрупнее, таких как коровы и лошади. Перья, лягушачья икра, мышиные внутренности — чего только не было в его коллекции. С помощью этих экспонатов ИксонноскИ учился колдовать. Солдат и Голгат беспрестанно жаловались на душок, но ИксонноскИ только с улыбкой качал головой.

Пока ИксонноскИ был просто зеленым юнцом и мало что умел. Солдат удивлялся, как этого мальчишку — явно новичка — выбрали Королем магов, самым могущественным чародеем мира. Он поделился своими соображениями с Голгатом.

— Да нет, дело не в нем — просто со временем не подгадали, — сказал Голгат. Превосходный дипломат, он умел с королевским достоинством преподнести даже самые неприглядные вещи. — Давай взглянем на вопрос так: к примеру, умирает король, и королевством остается править младенец — его сын. Естественно, мальчик и понятия не имеет о том, как вести государственные дела. Ему потребуются советники, дядюшка-регент, обучение. Все пойдет впрок. Первые годы мальчик будет находиться в смертельной опасности; жаждущая власти знать и иноземные недруги — все хотят занять его место. В конце концов наследник обретет почву под ногами, и чем скорее, тем лучше, иначе не выжить. Тогда только он оценит, какая великая власть оказалась в его руках.

Многие короли и королевы в раннем детстве с успехом переняли науку дворцовых уловок и хитростей и стали прекрасными правителями — наука пошла им на пользу. Когда же монархом становится взрослый, который по обычаю пребывал в благости и благодати, под теплым крылышком отца-короля или матери-королевы, вплоть до самой коронации, дело обстоит совсем иначе. Вдруг, к своему немалому испугу, он обнаруживает, что теперь ему необходимо принимать решения, брать на себя ответственность, самому отличать друзей от врагов.

Так же и с чародеями. Мы нужны мальчишке; никто другой его не защитит. Он должен парочку лет побыть в изоляции, созреть, *вырасти* в могущественное создание. А ОммуллуммО тем временем попытается покончить с ним, чтобы помешать чудесной трансформации.

Интересно было наблюдать, как мальчик учится обращаться со своим магическим даром. Порой результаты его манипуляций вызывали смех, порой граничили с трагедией.

В один полночный час путники стали свидетелями воскрешения мертвеца.

Поскольку человеческих трупов на болотистых задворках страны не нашлось, ИксонноскИ пришлось удовольствоваться мертвым животным. Он нашел где-то дикую лошадь — несчастное существо угодило в трясину и погибло. Лошадь была мертва вот уже десять дней. Труп невыносимо вонял, на нем копошились насекомые, которые выедали глаза, десны и мягкие ткани. Шкура облезла, а из гривы и хвоста волосы выпадали пучками.

Солдат и Голгат устроились на некотором расстоянии от ИксонноскИ и наблюдали за его манипуляциями. Мальчик обложил труп камнями, вырезал деревянных идолов, поместил их на заостренные колья, которые стал вонзать в раздувшийся труп. Из отверстий, которые он проделывал в шкуре животного, с шипением вырывался гнилостный воздух. Местами проглядывали голые ребра. Труп осел.

Наконец все было готово. Ночь — время, когда вершится магия, а в особенности — воскрешение. Большое значение в волшебстве имеет обстановка. Магия — вещь неосязаемая, она подчиняется своей собственной логике и законам сверхъестественного мира. Философия почти противоположна ей по природе, потому что действует по четко заданным правилам. Магия черпает свои законы из окружающей среды, впитывает их так же, как папье-маше поглощает влагу воздуха.

Силуэт мальчика выделялся на фоне кровавой луны: обнаженный, блестящий от пота, тускло мерцающий в неярком свете. Утеллена не пожелала наблюдать за всеми этими фокусами и пораньше ушла спать. Солдат дрожал, но не от холода, — его знобило в ожидании предстоящего действа. Казалось, будто из всех укрытых от дневного света уголков выползла тьма и устремилась сюда, собралась вокруг молодого чародея. Затем зазвучали слова, странные, невоспроизводимые, неповторимые уже спустя мгновение. Слова изобиловали шипящими звуками и протяжными гласными. Они проникали в сознание подобно раскаленному железу и обжигали мозг, делая его совершенно невосприимчивым к их значению.

Глазам предстало ужасное зрелище.

— Получилось! — кричал ИксонноскИ. — Получилось!

Труп лошади поднялся на ноги, помотал головой, будто пытаясь сбросить пелену с пустых невидящих глазниц. Мертвец был

слеп и глух. Его глазницы и язык пожрали черви. С боков сыпались куски шкуры. Гниющие внутренности торчали из дыр в теле несчастного создания. С трупа капала жидкость, вываливались волосы.

Околдованная зверюга, спотыкаясь, заковыляла вперед, затрусила, перешла на легкий галоп. И наконец понеслась во весь опор. Она бежала по кругу, и с каждым разом круги становились все шире и шире. Пасть разверзлась, из пустой утробы вырывалось глухое ржание, искаженное из-за отсутствия у твари языка.

— Боги и демоны, уберегите! — Голгат отшатнулся, когда мимо промчалось обезумевшее животное. — Поглоти земля это исчадие ада!

Грязь и болотная трава разлетались в разные стороны. Лошадь взбивала землю, разбрасывая комья глины. Существо обрело живое тело и с грохотом носилось вокруг. Копыта колотили по сухому торфу, точно молоты. Солдат кинулся прочь, чтобы уйти с дороги слепого обезумевшего животного, но не успел, и лошадь ударила его грудью. Солдата отбросило в самую трясину, и он тотчас же погрузился по пояс.

— Держись, я иду! — закричал Голгат. Он утопал по лодыжки в грязи и с трудом держался на ногах. — Иду! — Ноги Голгата начало засасывать в бездонную топь, а он тем временем пытался дотянуться до Солдата. Одновременно ему приходилось уворачиваться от лошади, которая носилась во весь опор по болоту. Она ничего не видела и мчалась напролом через карликовые деревья и заросли камыша.

Неуправляемая кляча пронеслась мимо Голгата, стегнув его хвостом по лицу. С трудом удерживаясь на ногах, он умудрился дотянуться до утопающего Солдата.

— Руку давай! — закричал Солдат, который увяз в болотной жиже по самые плечи. — Есть веревка, хоть что-нибудь?

Голгат запаниковал, выхватил меч и протянул его лезвием вперед Солдату, лишь потом сообразив, что делает.

Тогда он расстегнул ремень и протянул ножны. Солдат крепко вцепился в ножны, а Голгат изо всех сил уперся пятками в землю. Богатырь тащил Солдата из хлюпающей жижи, точно бурлак. Медленно, мало-помалу Солдат освобождался от затягивающих объятий болота. А тем временем мертвая лошадь продолжала носиться вокруг, едва не сшибая Голгата с ног. Затем кобыла устремилась прямиком к шалашу Утеллены.

Солдат поднялся на колени и закричал:

— Утеллена, проснись! Спасайся!

Слишком поздно. Утеллену выбросило из постели в чем мать родила. Женщина полетела кувырком, но, к счастью, серьезно не пострадала. На четвереньках она добралась до своего разгромленного шалаша и, раздобыв одеяло, прикрыла наготу.

А мертвая кляча все не унималась; круг ее стал гораздо шире. На самом краю болота стоял огромный старый дуб с толстенным стволом. Кобыла врезалась в него со всего размаху, ударившись лбом прямо о сучковатое тело древнего великана, который, как и полагается уважаемому древнему дубу, стойко выдержал удар. Лошадь буквально сложилась гармошкой по самые нижние ребра, а затем словно взорвалась тысячей мельчайших косточек и шматков. Над насыпью, облюбованной старым дубом, в разные стороны разлетелись куски и лохмотья. На ветвях повисли клоки шкуры. Копыто, бешено вращаясь, отлетело в сторону и с плеском шмякнулось в болотную жижу. Огромная безглазая голова застряла в развилине — хребет, который служил ей шеей, переломился, и голова рассталась с туловищем.

— Получилось! — ликовал ИксонноскИ. — Получилось!

Похоже, его ничуть не беспокоил тот беспорядок, который он сотворил. Мать ранена, друг и защитник Солдат едва не утонул в болоте — и все равно начинающий чародей не извинялся и не сожалел о плохо проделанной работе. Воскрешение произошло. Цель оправдывала средства.

— Ох уж эта нынешняя молодежь, — ворчал Голгат. — Полнейшая безответственность. Эгоизм, сплошной эгоизм. Во времена моей молодости все было иначе. Уж я-то прекрасно помню. Я уважал права других людей, а в особенности старших и более достойных...

Все-таки путники умудрились немного поспать той ночью. Утром их навестил Ворон.

— Там такое творится! — сообщил Ворон. — Честной народ идет грабить и убивать, а об остальных и говорить не приходится. Вода отравлена, скот бродит без присмотра, полумертвый от голода и слабости. В стране творится что-то явно недоброе. Трава вянет от зловония. Деревья на корню гниют. Птицы с неба замертво падают. Люди-змеи, которых изгнали в Пустые Земли, вернулись. Никогда на них управы не было, а теперь и подавно.

— Ты о хорошем лучше расскажи, о хорошем, — попросил Солдат.

— Да ничего хорошего. Хотя нет, есть и кое-что забавное.

— Говори.

— Прошлой ночью воскресли несколько мертвых лошадей и пошли топотать по округе. Такого натворили! Сущий ад! Некоторые трупы были такими старыми, что рассыпалась прямо на бегу.

Солдат от удивления приподнял брови.

— У мальчика гораздо больше сил, чем он сам подозревает. А что это за люди-змеи? Голова змеи, тело человека?

— Вот-вот, они. Демонический огонь в глазах, в голове дьявольские мысли. Вот там один из них, видишь? Хочет поговорить с тобой. Говорит, что посланец, под белым флагом. Я бы на твоем месте не слишком-то ему доверял. Никому и ничему не верь.

Солдат взглянул в направлении, куда быстрым кивком указал Ворон, и увидел восседающее на лошади существо. Человек-змея смотрел на Солдата и терпеливо ожидал, когда его заметят и подзовут.

— Ты его сюда привел?

— Да, он ведь один. Он поймал меня в ротанговую клетку — заманил лакомым кусочком, кошачьей печенкой. Ты когда-нибудь пробовал свежую кошачью печенку? Нет? За нее и жизнь не жалко отдать. Я чуть своей не лишился. Человек-змея сказал, что ему надо поговорить с тобой и что это для твоего же блага. И еще пригрозил, что, если я не покажу ему, где ты прячешься, он свернет мне шею и поджарит на медленном огне.

— Похоже, именно поэтому ты и согласился ему помочь.

— Верно.

— Иди сюда, только медленно! — обратился Солдат к всаднику и крепко сжал боевой молот, хотя и заметил, что поющие ножны не посчитали нужным предупредить его о приближении незнакомца.

Приблизившись, чудовищное существо с головой рептилии впилось в Солдата взглядом. Раздвоенный язык беспрестанно мелькал между двумя острыми белыми клыками. Желтыми глазами человек-змея холодно взирал на Солдата сверху вниз. Воин был вооружен луком и огромным мечом, гордо восседал в седле, и его чешуйчатое лицо резко контрастировало с загорелой кожей рук, ног и груди. Человек-змея был наг, если не считать набедренной повязки, прикрывавшей нижнюю часть его тела, которое почти целиком было исколото рисунками. Речь его походила на журчание горной речушки, потому что звуки он издавал частично ртом, а частично через прорези ноздрей.

— Тшшии отташшь мальчишшшшку.

Это был не вопрос, а приказ.

Всадник сообщил, что он является представителем ОммуллумМО, а затем начал перечислять все блага, которые получит Солдат за передачу ИксонноскИ людям-змеям. Земли, замки, титулы, слава, деревни, города, бесчисленные стада, озера и даже одну гору.

Солдат остался равнодушным и попросил змея-воина уйти, иначе им придется сразиться один на один на этом неверном клочке суши.

— Ты когда-нибудь слышал о воине-псе Вау? Он пал от моей руки. Говорят, что эту историю передают из уст в уста в отрядах воинов-зверей.

— Тшии?

— Да, его убил *я*.

Змеиная голова медленно качнулась, в глазах читалось уважение.

— Шшшто, есссли врутшшш?

— С чего вдруг им понадобилось сочинять байки о собственном поражении? Если бы Вау убил меня с легкостью и хвастался направо и налево, у тебя был бы повод усомниться в его правдивости. На самом деле я убил его умело, быстро, беспощадно. По правде говоря, поговаривают, что это было самое безжалостное и кровожадное убийство из тех, что люди-звери когда-либо видели.

— Сскассывают такшш.

— Тогда ты и сам понимаешь, что одолеть меня — дело нелегкое. Так что уходи.

Человек-рептилия смерил его напоследок взглядом, бесстрастно прикидывая шансы на победу. Как многие люди-звери, которым доводилось встречаться с Солдатом лично, он не мог понять, каким образом этот человек заслужил свою репутацию. На взгляд всадника с головой пресмыкающегося Солдат был так же уязвим, как и любой другой человек. И все же факт оставался фактом: пса-главый Вау был выдающимся воином, и если это существо победило Вау и других равных ему, значит, у него есть качества, которые глупо было бы игнорировать.

Наконец змееголовый поворотил лошадь и поскакал галопом на запад.

Солдат понял, что теперь придется искать новый лагерь. Неплохо бы спрятать мальчика на одном из мелких островов, удаленных от береговой линии Гутрума. Либо Ойтледат на западе, либо Стеллы, Амекни, Бегром или Риф на востоке. Эти острова были едва ли не последним, что осталось от империи. Они по-прежнему платили дань гутрумитской монархии. Граждане островов были подданными гутрумитской королевы так долго, что о былой независимости остались лишь туманные воспоминания. Жители маленьких островов прекрасно существовали в составе империи, и на тот момент любая мысль о том, чтобы обрести свободу, уходила на второй план. Благодаря наличию хороших торговых путей с дву-

мя континентами на островах царило благоденствие. Кроме того, в казну поступала прибыль от местных торговцев и бюргеров, чье богатство просачивалось и в более низкие слои населения.

Однако, чтобы добраться до порта, Солдату пришлось бы пуститься в путь с мальчиком-чародеем и пересечь всю страну, а это очень небезопасно. Лучше остаться в Непознанных землях, что за рекой Скалаш, и спрятать мальчика в болотах либо в дремучих лесах.

Путники обнаружили расщелину меж двух пустошей, где росли лишь покрытые лишайниками дубы. По обеим сторонам багряных пустошей далеко простирались плато, прерываемые разве что случайными скоплениями каменистых холмов. Впереди виднелись небольшие каменные жилища — дома гоблинов, так сказали Солдату, — но эти гоблины никогда не удалялись от своих хозяйств больше, чем на милю. Следовательно, здесь, под прикрытием горной гряды, которая спускалась к глубокой долине в расщелине, подопечные Солдата будут находиться в безопасности. Там была чистая вода, кое-какие представители живой природы, а кроме того, их убежище было надежно защищено зарослями лишайников, свисавших с ветвей дубов.

Ночью под прикрытием темноты Солдат с Голгатом отправлялись на охоту. Во время одной из таких вылазок их навестил Ворон. Они не заметили, как Ворон спланировал в полутьме. Воины ехали в тусклом свете кровавой луны, и птица цвета полуночи бесшумно села на избранную жердочку-насест.

Лошадь Голгата неторопливо шла, выбирая дорогу среди камней, как вдруг всадник ощутил, как что-то мягко опустилось на его плечо.

— А-а-а! — испуганно завопил Голгат и махнул над плечом перчаткой.

Ворон подпрыгнул и увернулся от удара, затем снова приземлился на свой насест.

— Не делай так, — шепнул он Голгату на ухо.

— А-а-а! — завопил Голгат. — У меня на спине демон, когтями прицепился. Причем говорящий!

— Демон? — закричал Солдат и вынул из ножен меч. — Замри, сейчас я его разрублю напополам.

— Стой, стой! — закричал Ворон, улетая подобру-поздорову на безопасное расстояние. — Это же я, тупицы, Ворон. Я хотел вас предупредить... О нет, уже поздно, он здесь, рядом, совсем рядом. Бегите! Прочь! Прочь!

В этот миг волшебные ножны Солдата запели жуткую песню, что однозначно говорило о засаде.

— Поворачивай! Быстро! Но! Но!

Голгат достаточно хорошо знал Солдата и предпочитал не оспаривать внезапных решений, поэтому быстро направил свою лошадь вслед за товарищем.

Когда друзья удалились на порядочное расстояние от того места, где притаилась опасность, Солдат натянул поводья. Голгат поравнялся с ним. Бока лошадей тяжело вздымались, а двое мужчин, которые всю дорогу напряженно высматривали путь в кромешной тьме, дрожали от усталости и чувствовали себя одинаково вымотанными.

Ворон опустился на плечо Солдату, и тот не испугался, ощутив знакомую ношу.

— А, это ты... О какой опасности ты говорил?

— ОммуллуммО послал к тебе василиска. Он волочит свой уродливый хвост по пустоши позади нас и ищет тебя. Это существо оставляет за собой кровавый след.

— Кровавый след?

— Любое живое существо при одном взгляде на василиска погибает. Все, кто почует его смрадное дыхание или услышит его шипение, умирают в страшных муках. Не действуют его чары лишь на горностая.

Голгат отнесся к сообщению с недоверием.

— Ты уверен, что оно идет сюда? Откуда тебе знать, если ты не слышал, не видел и не чуял его?

— Мне сказал горностай.

— Тогда, пожалуй, верю.

— Как его убить? — спросил Солдат.

Ворон ответил:

— Сам решай. Я скажу тебе одно: от его дыхания вянет трава, один только взгляд на него смертелен, его шипение губит живые уши. Коснувшись его кожи, человек высохнет и превратится в пустой кокон. Если воткнуть в василиска какое-нибудь оружие — ну, скажем, меч или копье, — смертельный яд животного перетечет по древку прямо в тело нападающего, и сердце несчастного перестанет биться. Мне очень хочется посмотреть, как ты расправишься с этим исчадием ада.

Солдат кивнул:

— Охотно верю. Тварь знает, где наш лагерь?

— Пока нет, но василиск сумел выследить тебя. На рассвете он снова тронется в путь, пойдет по твоему следу. Твоя смерть — лишь вопрос времени. Осталось несколько часов. Вы все обречены.

— Только не надо слишком радоваться, — процедил Солдат сквозь зубы. — Ну, Голгат, — обернулся он к спутнику, — что скажешь?

— Есть кое-какие мысли насчет оружия, — ответил Голгат. — Нужно использовать метательный снаряд: стрелу или копье.

— Да, а кроме того, можно попробовать яму с кольями.

— О-о-о, — протянул Ворон, — неплохо для начала.

— Помолчи, — распорядился Солдат. — Как выглядит это чудище?

Птица не проронила ни слова.

— Ладно, — устало пробормотал Солдат, — можешь говорить со мной, если пожелаешь. Опиши, пожалуйста, физическую природу нашего врага.

— Приблизительно два фута в длину, — ответил Ворон, — тело петуха, хвост змеи. Весь желтый, включая крылья, глаза как у жабы. Мне сказали, что иногда он загибает свой отвратительный хвост на спину и держит его кольцом. Взглядом василиск раскалывает камень. Я видел, какие разрушения он причиняет: по его следу тянется полоса пустыни, заваленная обломками и трупами. Говорят, ОммуллуммО создал его из яйца петуха. Яйцо — это корень, из которого вырастает василиск. Петушиные яйца, как известно, очень редки. Если ты убьешь этого монстра, сомневаюсь, что колдуну удастся быстро состряпать ему замену.

Солдат и Голгат вернулись к обсуждению возможных способов умертвления василиска до того, как он покажется в пределах видимости, слышимости, обоняния или осязания. Задача казалась невыполнимой! Как подобраться к монстру на нужное расстояние и при этом не погибнуть?

Ворон терпеливо ждал завершения дискуссии и наконец поведал стратегам, как осуществить задуманное.

— Горностай, — сказала птица. — Вы забыли, о чем я вам только что рассказывал. Горностай — единственное живое существо, которому не страшны смертоносные чары василиска. Горностай нападет на чудовище, как только увидит его. Все равно что мангуст и змея. Василиск и горностай — смертельные враги.

— Надо его поймать, — сказал Солдат. — Как я понял, подойдет любое подобное животное: ласка, куница? А хорек?

— Не уверен, но думаю, это все равно, — ответил Ворон. — Терять нам нечего. Если не поймаешь горностая, придется обойтись лаской или хорьком.

— Что будет приманкой?

Голгат предложил Ворона.

— Очень смешно, — заклокотал Ворон. — Кролики в последнее время попадались? Или мыши? Или полевки?

На заре воины добрались до дубравы и увидели, что Утеллена с сыном уже давно на ногах.

— ИксонноскИ, — крикнул Солдат, спрыгивая с коня, — ты можешь что-нибудь создать? Я имею в виду, ты воскрешаешь мертвых — это мы видели, — но можешь ли ты создать существо из ничего, прямо из воздуха?

— Из воздуха не могу. А что тебе нужно?

— Ласка, горностай или хотя бы хорек.

Мальчик засветился от удовольствия.

— У меня припасена тут, в мешке, мертвая ласка. Несчастная потрепанная зверушка висела на заборе на одной ферме на окраине Бхантана. Я там еще много чего насобирал. По правде говоря, — он открыл мешок и начал копаться, прищурившись, в своих сокровищах, — у меня тут есть кроты, белки и даже один дохлый лисенок! Хотите я их всех оживлю?

Воспоминания о воскрешении мертвой лошади живо предстали в умах двоих мужчин, и потому Солдат на миг заколебался, но потом вспомнил, насколько срочным было дело, и надобность перевесила все сомнения.

— Только ласку, — сказал Голгат.

На превращение мертвой ласки в живую ИксонноскИ потребовался один час. А в это время возбужденный Ворон тараторил без умолку, говорил, что уже чует василиска, что тот совсем рядом и что лучше мальчишке-чародею пошевеливаться, иначе всем настанет конец. Он хлопал крыльями, взлетал и приземлялся, вышагивал из стороны в сторону и в итоге настолько надоел, что Солдат попросил его не отвлекать ИксонноскИ, а то будет хуже.

— Ты мне угрожаешь? — воинственно воскликнул Ворон. — Что, сразишься со мной? Один на один? Давай. Я самый лучший боец! Я отправил в могилу двух воронов, трех галок и с десяток грачей. Быстрее меня в полете не сыщешь. Да я выклюю тебе глаза, ты и моргнуть не успеешь! Что, желаешь проверить? Я здесь лучший боец, я!

— Почему бы тебе не сразиться с василиском? — сказал Голгат и тем самым произвел желаемый эффект: птица умолкла.

Наконец ласка ожила и стала бегать по своей хлипкой клетке с такой скоростью, что затрещали стенки. Но ивовая тюрьма оказалась достаточно крепка. Все как один воззрились на ласку. В ее шубе виднелись дыры, одного уха недоставало, на задних лапах сквозь пахнущий мускусом мех просвечивали кости

суставов. К тому же у нее самым позорным образом отсутствовал хвост. Оставшись без руля, ласка временами теряла направление.

— Ты уверен, что она сгодится на что-нибудь? — спросил с некоторым сомнением Солдат.

ИксонноскИ был безмерно горд своим творением.

— Конечно. Она ничем не хуже любой живой ласки. Я хотел сказать — ласки, которая перед этим не умирала. Итак, кому-то придется отнести клетку с лаской к василиску. Для храбреца я изготовил специальное приспособление, которое он наденет.

Утеллена устремила взгляд на изобретение сына. Маска с прорезями для глаз вполне подходила для разбойника или грабителя; ИксонноскИ соорудил ее из камыша. Но что в ней было необычного — так это то, что на узкие глазные щелки была натянута тончайшая пленка.

— Носить надо так, — сказал мальчик-чародей и надел маску. Теперь он стал похож на божество племени дикарей.

Потом маску примерил Солдат. Маска слегка искажала окружающие предметы. Он видел их очертания сквозь глаза ласки, точно сквозь прозрачную пелену — все было нечетким, размытым.

— А из чего ты это сделал?

Солдат хотел было коснуться одного глаза маски, однако ИксонноскИ пронзительно завопил:

— Нет, не трогай!.. Они очень тонкие, но, если отбросить в сторону брезгливость, способны защитить от смертельного взгляда василиска. Из всех живых существ только ласка может спокойно, не подвергая себя опасности, смотреть на василиска. Думаю, мы можем с таким же успехом воспользоваться ее глазами.

— А как это устроено? — недоверчиво спросил Солдат, с сомнением изучая мембраны.

ИксонноскИ не без гордости заявил:

— Я снял пленки с глаз и с помощью паучьей нити закрепил их на маске.

Голгат с недоверием покачал головой.

— Наверняка не сработает. Лично мне не верится, что пленки с полусгнивших глазниц какой-то мертвой ласки спасут меня и я не сгорю дотла. А ты что скажешь, Солдат?

— По правде, мне этот план тоже кажется сомнительным.

— А так ли уж эти ласки неуязвимы? — спросил Голгат мальчика-чародея. — Они всегда берут верх?

— Понятия не имею, — радостно ответил ИксонноскИ. — Может, ты знаешь, Ворон?

— Если их когда и убивали василиски, то они тут же обращались в прах, так что наверняка ничего не известно.

— Что-то мне это не нравится, — пожаловался Солдат.

ИксонноскИ посерьезнел.

— Иного выхода нет.

Внезапно Утеллена выхватила маску из рук сына.

— Я пойду.

— Ты?.. Ты что? — поразился Солдат.

— Отнесу ласку к чудовищу, которого надо убить.

Устыдившись, что единственная женщина вызвалась добровольцем, двое мужчин тут же стали отговаривать ее и убеждать, что не женское это дело — с василисками сражаться. А потому пойдет один из них.

Утеллена ответила, что не так уж это и очевидно, потому что она может справиться с задачей не хуже любого мужчины. От нее требуется лишь отнести клетку и выпустить запертое животное.

Мужчины выдвигали свои аргументы, Утеллена — свои. Спор набирал силу, и наконец решено было тянуть жребий. Жребий пал на Солдата.

Принялись за работу.

В уши Солдату набили воск и тем же самым материалом нашпиговали его ноздри. Он лишился слуха и обоняния. Уши болели, нос болел. Солдат пожаловался, что воска слишком много, и попросил вытащить часть. Друзья хмурились и двигали губами; он понял — отказ. Затем ему вручили плетеную камышовую маску. Наконец Солдат взял в руки клетку, в которой по кругу носилась безумная ласка, и отправился навстречу начинающемуся дню. Остальные кричали ему на прощание, желали удачи... Впрочем, все добрые пожелания прошли мимо набитых воском ушей. Солдату было очень одиноко в мире полной тишины.

В полдень он наткнулся на мертвую полосу, пересекавшую ландшафт, — широкий шлейф увядших растений и поникших деревьев. Повсюду были разбросаны неподвижные тела зверей и птиц. Прямо на глазах с небес камнем рухнул орел и с глухим стуком упал на землю. То, что послужило причиной его гибели — запах, вид или звук, — находилось впереди, за утесами.

У Солдата бешено заколотилось сердце. Он натянул маску. Тут же мир стал расплывчатым и туманным. Солдат осторожно двинулся вперед, крепко вцепившись в рукоять клетки. Теперь уже и ласка, вся потрепанная, прекратила кружиться по часовой стрелке вдоль стенок своей тюрьмы, встала на задние лапки, словно столбик, и напряглась — животное приготовилось к встрече. Вытянув

вперед шею, ласка быстро поворачивала голову из стороны в сторону и пристально вглядывалась. Она знала. Шерсть встала дыбом на загривке.

Острые чувства предупредили зверька о том, что враг находится где-то рядом.

Солдат обогнул горный кряж, и по спине у него побежали мурашки. Перед ним предстало небольшое и очень странное существо с крыльями и мерзким толстым хвостом, который волочился следом. Заметив Солдата, существо остановилось и начало пристально в него вглядываться, а затем разинуло отвратительный клюв. Если оно и издало какой-то звук, Солдат его не услышал. Как не почувствовал и смертоносных паров, которые источало чудовище. Шипение, отравляющий газ — все пошло впустую. Ничто не могло тронуть «ласкоглазого» Солдата.

Однако этого не скажешь о восставшей из мертвых ласке! Она в ярости бросилась на стенку своей плетеной клетки и пробилась сквозь ненадежное плетение. Ласка быстро покрыла расстояние, разделяющее ее от самого смертоносного существа на земле, и вцепилась прямо в морду неприятеля. Между двумя древними врагами вспыхнула ненависть, что существовала меж ними испокон веков. Причина этого противоборства давно уже позабылась, но вражда вскипала и перехлестывала через край, лишь только противники попадались друг другу на глаза. На траве, песке пустыни, на каменной горе или лесистом склоне они тут же кидались друг на друга, превращаясь во взбешенный кусающийся шар, из которого летят пух и перья.

Битва столь жестоких созданий не предназначалась для человеческого глаза. Атаки были молниеносны и безжалостны, ранения — страшны. Солдата до глубины души потрясла ярость поединка. Человеческому рассудку принять такое было невозможно: тошнота подступала к горлу, становилось дурно до головокружения. Солдат решил, что лучше будет отвернуться и не смотреть.

И все-таки отвернуться он не мог, не мог отвести глаз и следил за жуткой битвой как зачарованный. Солдат оцепенел, объятый ужасом.

Наконец из тучи пуха и перьев показался победитель. Ласка вылизывала раны красным язычком, удовлетворенная очередной победой, которую она одержала над своим сверхъестественным извечным врагом. В ее поступи было столько гордости, столько высокомерного величия в шаге, что Солдат понял: ласки привыкли одерживать победы в подобных встречах.

Зверек скользнул прочь, за валуны, а оттуда скрылся на расстилающейся позади равнине. Он вышел победителем и получил в награду новую жизнь от мальчика-чародея, будущего Короля магов.

Василиск с разодранной глоткой лежал в луже своих собственных кислотных жидкостей и разлагался. Солдат был заранее предупрежден и не стал смотреть на труп несущего смерть существа незащищенными глазами. Нельзя было и вынимать воск из ушей, потому что, умирая, василиск способен испускать смертоносное шипение. А потому Солдат попросту развернулся и ушел. И лишь оказавшись в лагере, он вынул из ушей и носа затычки. А когда он сообщил о победе, друзья, едва сдерживая радость, попросили описать бой.

— Никогда, — наотрез отказался Солдат. — Я никогда не смогу этого пересказать.

Глава двенадцатая

Тем временем жизнь в Зэмерканде шла своим чередом. После того как ОммуллуммО вырвался на свободу и направился к горам Священной Семерки, в стране наступил всеобщий хаос, и канцлер Гумбольд поспешил воспользоваться им в своих интересах.

В полночный час к маршалу Крашкайту, мирно почивавшему в своих палатах, вошли два наемных убийцы и нанесли ему двенадцать ударов в сердце. Убийцы поднимали и опускали кинжалы одновременно с ударами часов. Маршал был уже мертв, когда пробило полночь. Наемники вернулись к Гумбольду и доложили о содеянном. Он оплатил их услуги и отправил в путешествие на другой берег Лазурного моря. Капитан корабля, на котором плыли убийцы, ничего не знал; он просто получил от Гумбольда распоряжение выкинуть их за борт посреди моря. Капитан решил, что это уличные бандюги, которых нельзя привлечь к ответственности за их злодеяния по закону, и с радостью сыграл роль палача в полной уверенности, что вершит правосудие.

Затем Гумбольд отправился навестить капитана Каффа.

— Крашкайт мертв, — сообщил он капитану. — Убит прошлой ночью.

При этих словах Кафф так и сел на кровати. Птичья лапа его запястья вцепилась в простыни.

— Убит?

— Я хочу, чтобы вы приняли на себя командование армией. Для начала в звании полковника. Позже вас назначат генералом — когда мы получим... э-э... одобрение королевы.

Кафф удивился:

— Вы хотите сказать, что на нынешнее назначение королева согласия не давала?

— Королева безумна, — сказал Гумбольд, прищурив глаза. — Вы разве этого не знали?

Кафф некоторое время молчал.

— Это законно? Я спрашиваю из простого любопытства.

— Законно. — Гумбольд присел на край кровати Каффа. — Я могу назначать людей на посты по своему усмотрению — я канцлер. Традиционно принято временами спрашивать согласия королевы, но это лишь требование этикета и не имеет ничего общего с правилами и законами. Все зависит от канцлера, то есть от меня.

— Вам виднее, — сказал Кафф и начал одеваться. — Я присоединюсь к вам очень скоро.

Новости о повышении по службе неплохо бодрят, особенно рано поутру. Вот уж невиданно! Заснул капитаном, проснулся генералом.

Канцлер Гумбольд ушел, и Кафф, полный ликования, принялся старательно натягивать сапоги. Полковник — почти генерал, и на горизонте, точно солнце, сияет маршальский шлем. Так у него гораздо больше шансов добиться расположения оставленной в одиночестве принцессы, мужем которой недовольна сама королева.

Гумбольд направился прямо к Дворцу Птиц.

— Где королева? — спросил он ее ближайших слуг. — Она уже встала?

— Да, господин канцлер, королева поднялась, но рассудок ее все в том же состоянии.

Это хорошо. С тех пор как взбунтовавшийся чародей оказался на свободе, королеву не покидает безумие. Сегодня она по-прежнему невменяема. Все идет гладко. Пора отправить ее в обитую гусиным пухом камеру в подземелье. Лорд-поимщик воров — один из людей Гумбольда, как, впрочем, и основная масса придворных. Вот только Фринстин — Хранитель башен, да Квидквод — Лорд королевской казны, пока стоят на пути.

Вскоре прибыл Кафф.

— Выдели мне пару гвардейцев, — приказал Гумбольд, — из своих людей. Скоро прибудут люди от Лорда-поимщика воров. Необходимо отправить королеву в местечко побезопаснее.

— Куда именно? Что происходит?

— А ты что, сам не понимаешь? Чародей на свободе. Королева нуждается в защите. В таком состоянии, как сейчас, она очень уязвима. Любой может отнять у нее королевство. Для ее же собственной безопасности необходимо поместить королеву в более надежное место и поставить у дверей стражу.

Гумбольд с непроницаемым лицом наблюдал, как воспримет все вышесказанное полковник Кафф.

Кафф немного растерялся. Теперь он начал понимать, что же происходит на самом деле. А происходил самый обыкновенный государственный переворот. Гумбольд убрал с трона монарха и освободил дорогу себе. Сумасшедшую королеву нужно защищать только от нее самой. Все королевство знало о недуге повелительницы — от крестьянина до последнего лакея, и Гумбольду оставалось лишь сказать, что из-за побега колдуна, который когда-то навлек на королеву ужасный недуг, королеве стало хуже. Можно держать ее взаперти сколько угодно долго, приставив к двери верных Гумбольду людей, — и все ради собственного блага больной. Мало кто попытается помешать воплотить Гумбольду его замысел. Ну, разве что Фринстин да, пожалуй, Квидквод.

— Но как же королева? Я хотел сказать, как только ее величество придет в себя, она сразу же...

— Когда она придет в себя, — зарычал Гумбольд, — рядом будут только крысы и пауки. Соберитесь, полковник. Власть сама просится вам в руки. Мне нужны гвардейцы. А я тем временем встречу тюремщиков. Запрячем Ванду подальше, пока она своим завыванием весь город не перебудила.

Кафф кивнул:

— Вы правы. Королева действительно нуждается в присмотре...

Кафф вышел и вернулся уже не один. С ним были его самые верные люди.

Едва ли королева отдавала себе отчет в происходящем. Ей накинули на голову пустой холщовый мешок и силой выволокли из покоев. Королева кусалась, царапалась, кричала, звала на помощь... Ее криков никто не услышал. Ванду быстро стащили вниз по лестнице, запихнули в карету, что стояла наготове во дворе, и доставили в камеру.

Слуги хотели помешать тюремщикам забрать королеву, кричали, кое-кто бросился в бой. Особо ретивых заступников пронзали мечами. После отделались и от тел.

Уцелевшие слуги и рабы, молча созерцавшие участь своих собратьев, быстро смекнули, что на их глазах происходит смена влас-

ти. Большая их часть тут же переметнулась на сторону врага. Другие бежали. Вскоре тех, кто хотел противиться заключению королевы, не осталось. Во всяком случае, из числа дворцовой обслуги.

Очень скоро в собственных апартаментах арестовали Квидквода. Фринстина зарезали на улице «неизвестные убийцы», когда он направлялся в одну из башен, чтобы убедиться, что с королевой все в порядке. Его тело сбросили в канал.

Еще до наступления полудня все было кончено. Ни слуха не просочилось на улицы города. В полдень на перекрестки вышли глашатаи и зычными голосами объявили новости. Королева серьезно больна. Канцлер Гумбольд взял на себя полномочия регента и будет временно исполнять обязанности царствующего монарха до тех пор, пока королева Ванда не придет в доброе здравие. Маршал Крашкайт мертв; по слухам, его убил бежавший чародей. Полковник Кафф, который вскоре будет назначен генералом, занимает сопряженную с немалым риском должность верховного главнокомандующего Гутрума.

Когда Джаканда, военачальник карфаганской армии, услышал эти новости, он решился нарушить многовековые устои и ввел войска в защищаемый город.

Затем предстал перед Гумбольдом и потребовал встречи с королевой.

— Это тебя не касается, карфаганец. Ваши полномочия ограничиваются городскими стенами.

Джаканда выслушал Гумбольда, а потом высказал свою точку зрения:

— Трон не передается людям некоролевского происхождения. Если королева и впрямь так занемогла, как следует из ваших слов, у нее есть сестра, которая вполне способна заместить ее до тех пор, пока королеве не станет легче.

— Вы говорите о принцессе Лайане? — спросил Кафф, который стоял за спиной Гумбольда. — Да она так же больна, как и сама королева. ОммуллуммО наслал проклятие на всю королевскую семью. Канцлер Гумбольд милостиво согласился взять на себя заботу о королевстве, и имперская гвардия его полностью в этом поддерживает. Королева, как и ее сестра, бездетны. Кроме того, у них нет ни племянников, ни племянниц. Все прочие родственники связаны с ними столь дальним родством, что практически не имеют права на трон. Править будет Гумбольд.

Джаканда понял, что спорить бессмысленно. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что при желании сможет взять город силой. Имперская гвардия и в подметки не годилась карфаганцам.

Однако прежде чем приступать к конкретным действиям, он решил в последний раз попросить о встрече с королевой. На этот раз Джаканда получил согласие, и его проводили в подвальные этажи и впустили в камеру королевы. Безумная Ванда набросилась на военачальника карфаганцев и попыталась выцарапать ему глаза. Джаканда никогда еще не видел королеву такой — во время приступов она никого не принимала — и потому представления не имел, что такое состояние для нее вполне нормально, случается ежемесячно и длится по два-три дня.

— Да, королева и впрямь больна, — признался он ожидающему у дверей Каффу. — Я и представления не имел, что ей так плохо. Я возвращаюсь в Шатры к выполнению своих повседневных задач. — Он кивнул в сторону камеры. — Мне искренне жаль. Надеюсь, ей удастся освободиться от безумия. Я слышал, демоны иногда овладевают ею, а затем выходят по своему усмотрению. У вас есть основания полагать, что в этот раз они вселились в нее надолго?

— Думаем, что так, — ответил Кафф и состроил исполненную сочувствия мину. — Попробуй разбери, что на уме у этих темных существ. Похоже, они особенно предпочитают королевские мозги. Думаю, когда духи отпустят королеву, ее разум будет начисто испорчен.

Военачальник Джаканда ушел, предоставив верховного главнокомандующего Гутрума самому себе, и вернулся к стоящим за городскими стенами Красным Шатрам.

Далее состоялся суд над стариком Квидкводом.

— Вас обвиняют, — начал Гумбольд, восседающий на королевском троне в мантии регента, — в прикарманивании королевской казны. Вы признаете свою вину?

— Я невиновен, — громогласно заявил старик. — Будьте вы прокляты! На этом свете или на том!

Его, разумеется, признали виновным и приговорили к повешению, чем канцлер остался очень доволен. Гумбольд не стал избавляться от старика тотчас же. Пока население слишком неспокойно. Людей надо одурманивать постепенно, если начать казнить придворных на столь ранней стадии узурпации, можно все испортить. А вот что касается принцев-близнецов Сандо и Гидо, так они вообще не граждане Гутрума, не говоря уже о том, что не принадлежат к знати столицы. Гумбольд приговорил их к повешению.

— Бросить тела за городские стены, — приказал Гумбольд, — ни к чему нам в городе мусорить. И своих трупов хватает.

— Вы уверены, что это стоит делать? — прошептал Кафф. — Что скажет Бхантан?

— А что Бхантан? — спросил Гумбольд и добавил, тщательно проговаривая каждое слово, точно смакуя: — Принцев изгнали.

— Да, но это их личное дело. Можно как угодно ругать свою собственную семью, поносить домочадцев на чем свет стоит, однако пусть только попробует кто-нибудь другой так себя вести. Как вы отреагируете? Сейчас необходимо держаться за любого союзника. Даже за такую мелочь, как Бхантан. Всякое может случиться. Ни к чему их злить. Я предлагаю запрятать мальчишек подальше вместе с Квидкводом.

— Хорошая мысль. Они своей болтовней старика с ума сведут. В кандалы их — и на стену. За все ответят. Отправьте агентов в Бхантан, пусть слушок пустят, что близнецы находятся под домашним арестом по подозрению в подстрекательстве к бунту против законного правителя Зэмерканда. Пошлите подарки кому надо. Ну, что-нибудь вроде договора об уважении прав Бхантана и возобновлении мирных договоренностей.

— Мудрое решение, — вкрадчиво проговорил Кафф.

Вот так Гумбольд занял трон. И хотя никаких кардинальных мер наподобие массовых казней вельмож не предпринималось, для простых жителей страны началась совсем другая жизнь. Времена правления королевы Ванды были довольно тихими и спокойными, что вполне в духе абсолютной монархии. А вот Гумбольд оказался совсем другим правителем. Воров приказано было вешать без суда, коль скоро на месте происшествия присутствует хотя бы один представитель имперской гвардии; он же и приводит приговор в исполнение. Тем, кто совершил супружескую измену, отрезали средние пальцы обеих рук. Это входило в обязанности мясника ближайшей к дому рогоносца лавки. Убийц живьем сжигали на кострах — на потеху толпе.

— Да что он творит! — кричал негодующий Спэгг, услышав последнее постановление. — Кто ж станет покупать амулеты славы, если они сожжены? Никто не станет!.. Прощай, моя торговля!.. А все Гумбольд.

После таких речей Спэггу немедленно пришлось податься в бега, потому что четвертый указ гласил следующее: любой человек, который будет поминать канцлера недобрым словом, оскорблять его или выказывать неуважение к новому правителю страны словом либо жестом, будет ослеплен посредством иглы, а его печень вынут через пупок с помощью вязального крючка. Если на тот момент он все еще будет жив, его привяжут за руки и ноги к четырем скаковым лошадям и подвергнут четвертованию.

В суд вызвали принцессу Лайану. Она стояла, непокорно и горделиво вздернув подбородок. Глаза ее горели ненавистью и презрением.

— Я присоединюсь к сестре, — спросила она, — или меня казнят сразу?

— Ни то, ни другое, — устало ответил Гумбольд. — Мне здесь не нужен Солдат во главе какой-нибудь иностранной армии, разметающий все в пух и прах. А ведь так он непременно и сделает, если только прослышит, что с его женой что-нибудь стряслось. Я с ним позже разберусь. А пока пусть чуток в своем собственном соку поварится. Я посылаю тебя в путешествие по Лазурному морю. Наш герой, несомненно, отправится за тобой. А я тем временем все подготовлю для его торжественной встречи.

— А ты не дурак, Гумбольд.

— Согласен.

От вновь испеченного регента не ускользнуло, каким взглядом смотрел на Лайану Кафф.

— Она будет твоей, когда покончим с Солдатом. Просто потерпи чуть-чуть и делай, что скажут.

Кафф кивнул и отвел глаза от принцессы.

— Подлец, — еле слышно произнесла она. — Я считала тебя своим другом.

— Я никогда не был тебе другом, — ответил Кафф. — Я любил тебя.

— Так знай: я не способна полюбить труса и предателя.

— Я не трус. А что касается предательства, так еще вопрос, кто здесь предатель. Твой родной дед отобрал королевство у другого правителя, и притом между ними не было никакого родства. Разве это не измена? Как по-твоему? Кто сильнее, тот и прав. Так было и будет всегда.

— Ты мне гадок.

Лайана наградила Каффа звонкой пощечиной. На глазах у него выступили слезы, а лицо онемело от удара. Он был потрясен до глубины души и лишь сейчас осознал, как далеко зашел. Если раньше перед ним и брезжила хоть какая-то слабая надежда быть с принцессой Лайаной, теперь он ее лишился. Лайана испытывает к нему не просто ненависть: она его презирает. Невыносимая боль пронзила грудь Каффа, точно ему в сердце вбили кол. Из горла вырвался стон, и он поспешил убраться восвояси.

Принцессу вывели из дворца и отвезли к докам. Своему личному колдуну Гумбольд отдал секретное распоряжение: поместить Лайану в место под названием Город Песков. Все, кто туда попадал — по воле случая или по злому умыслу недоброжелателя, — навсегда забывали свое имя. Иногда город обращался в камень, который тонул в песках пустыни и лежал там неограниченное время;

тогда его обитатели становились мраморными статуями. Порой страшный город внезапно поднимался из песка и представал на солнечный свет, его пленники вновь становились людьми и пускались в нескончаемый поиск самих себя. Несчастные блуждали по улицам и пытались выяснить у других жителей этого гиблого места свои имена. Выйти из него мог лишь тот, кто вспоминал, как его зовут, но такого никогда не происходило.

Пири — хозяева Города Песков — продавали узников работорговцам, если те предлагали достойную цену. Одним словом, лучшего места для изгнанной принцессы не придумать.

К тому времени как Солдат и его друзья прослышали о деяниях Гумбольда, тот уже укрепил свое положение. По его заказу началось строительство нового дворца, который он собирался назвать Дворцом Львов. Это роскошное сооружение воздвигалось в парке, вот уже двадцать лет с легкой руки Квидквода находившемся в общественном ведении. Теперь он стал частным садом Гумбольда, и любой горожанин, который случайно заходил в эти прежде общественные владения, предавался немедленной казни. Статуи королевы и ее сторонников стали исчезать с пьедесталов по всему Зэмерканду, а на их месте возникали огромные бронзовые фигуры строгого, но справедливого регента Гумбольда, восседающего на гигантской, раздувающей ноздри кобыле.

До сих пор в государстве не существовало символов королевской власти. Гумбольд быстро смекнул, что введение их несравнимо упрочит его позицию. И заказал знаменитому мастеру Кульпернику украшенный драгоценными камнями меч. Вышел декрет: с этих самых пор любой правитель Гутрума должен осуществлять правление посредством сего меча. Клинок знатного оружия вспыхивал как огонь, когда его вынимали из выложенных самоцветами ножен. Гумбольд носил меч только по особым случаям, в обычные же дни символ королевской власти покоился на красной бархатной подушке у ног владельца. Обладатель этого меча становился правомочным правителем переживающей не лучшие времена империи.

Солдат оставил Голгата в лагере, а сам повез Утеллену с ИксонноскИ в пещеры к горам на востоке, где селились только орлы и драконы. Эти горы были родимым домом гигантского желтого дракона, длинного, как военный корабль, но доброго и безобидного — если, конечно, его не трогать. Желтые драконы почти вымерли — не без помощи охотников-ханнаков, — и теперь чуть ли не единственным местом их обитания стало предгорье длинного хребта на северной границе Гутрума с Фальюмом.

— Я направлю к вам для защиты кого-нибудь из Красных Шатров, — сказал Солдат матери с мальчиком.

ИксонноскИ покачал головой:

— Нет. Пусть лучше никто не знает о том, где мы прячемся. А пара воинов все равно отца не остановят. Если он только обнаружит меня, то найдет способ со мной разделаться, и тут уж любая охрана окажется бессильна. Я прошу тебя никому не рассказывать об этом месте.

— Тебе виднее.

С этими словами Солдат оставил своих подопечных и вернулся к Голгату, который ожидал его в лагере в двух днях пути верхом.

Они с Голгатом, не медля ни минуты, направились в Зэмерканд. Страна кишела людьми-зверьми. По пути встречались отряды воинов-псов, лошадиного народца и людей-лис. Солдат еще не привык к этим странным существам и при виде их всякий раз испытывал отвращение — так странно на человеческом теле смотрелась звериная голова. Солдат то и дело задавался вопросом, как мыслят люди-звери. Похож ли их разум на разум человека, или по образу своих мыслей они ближе к животным. А может, они — отдельно стоящая раса, раса полулюдей-полуживотных, обладающая своим собственным складом ума?

Друзья передвигались главным образом по ночам. На небе не было звезд, дорогу освещал лишь тусклый свет зловещей луны. На тропах извивались клубки змей. От куста к кусту незаметно перебегали огромные пауки, чьи движения были так невесомы и быстры, что заметить их удавалось лишь боковым зрением. Крысы дюжинами собирались в круги и неуклюже шествовали за многоглавыми крысиными королями. Они-то ничего не боялись, без страха двигались прямо по открытому пространству. Круг был неуязвим — сплошное колесо зубастых злобных голов.

Мир стал страшным местом, где ни человеку, ни зверю, ни птице больше не было спокойно. Живые существа пугались собственной тени.

Ворон принес вести о последних событиях в стране.

— Гумбольд пришел, Ванда ушла.

— Что? Говори понятнее, — попросил Солдат.

— Канцлер пришел, королева ушла.

— Птица, я тебя сейчас придушу!

— Что тут непонятного? Государственный переворот! Королева Ванда сослана в обитую пухом темницу. Квидквод и бхантанские близнецы там же. Крашкайт и Фринстин мертвы. Гумбольд захватил власть и прирос задницей к трону...

Птица рассказала все, что произошло с тех пор, как Солдат ушел из Зэмерканда.

— А жену твою...

— Что?! Что с ней?! — закричал Солдат. Его сердце неистово заколотилось.

— Ее отправили в Уан-Мухуггиаг. Никто не знает, куда именно. Изгнали. Возможно, в какой-нибудь иноземной тюрьме — там, насколько мне известно, вовсю процветают всевозможные грибки и инфекции — валяется с гниющими ногтями.

— Типун тебе на язык, Ворон!

Голгат сказал:

— Что намереваешься предпринять, дружище?

Солдат встряхнул головой, чтобы отогнать неукротимую злобу, которая начала закипать где-то глубоко внутри.

— Я... Разумеется, я должен поехать за море. Сначала надо отыскать жену. А когда буду уверен, что она в безопасности, можно заняться и Гумбольдом.

Он ехал и молчал, безвольно осев в седле и предаваясь нелегким мыслям. Огромная мощная лошадь не привыкла возить расслабленное отяжелевшее тело и время от времени оступалась в полутьме. Однажды из земляной норы выскочил гном-попрыгун и напугал верную и надежную кобылу. Она встала на дыбы, и Солдат упал. Он молча поднялся и снова сел на лошадь. Гном — неутомимый проказник, как и все члены его клана, — стал плеваться огнем. Солдат попросту не обратил внимания на его выходки и поехал дальше, снедаемый тяжкими думами.

Добравшись до Зэмерканда, Солдат поскакал к карфагенскому лагерю, чтобы встретится со своим генералом.

— За твою голову назначена награда, — сказал Джаканда. — Несмотря на мой протест, ты объявлен вне закона.

— Я не удивлен. Только почему ты поддерживаешь этого деспота? Вы же верны королеве.

Джаканда покачал головой.

— Я верен тому, кто мне платит — правителю Гутрума, — и не имею права вмешиваться во внутренние дела. Ты же знаешь, мы наемники. Нельзя мне поддерживать ту или иную сторону, я ведь генерал иностранной державы. Ни один карфаганский военачальник, находящийся на службе Гутрума, не входил в Зэмерканд во главе своей армии, и не важно, какая политика или дворцовые игры происходили за стенами. Тебе лучше отсидеться где-нибудь в глуши, спрятаться в горах, а когда положение изменится — вернешься.

— Можно и так, — сказал Солдат, — а можно и по-другому.

Солдат был разочарован этой встречей. Избавившись от лошадей — их отдали лейтенанту Велион из Шатра Орла, — друзья переоделись в лохмотья и под видом паломников прошли в ворота Зэмерканда. Солдат решил переправиться на барже по крытому каналу и выйти в Лазурное море, а там уже пересесть на судно, направляющееся в Гвендоленд. Однако по пути к докам он наткнулся на какого-то дородного человека.

— Смотри, куда идешь! — прорычал человек и склонился над сточной канавой, откуда извлек кочерыжку. — Чуть на мой ужин не наступил!

Затем незнакомец поднял голову и воскликнул:

— Клянусь богами! Солдат, ты?!

Солдат зажал рот Спэгга ладонью и пригрозил кулаком.

— Молчи. Выдашь меня, шею сверну. Ночью уходим из Зэмерканда, и если за мной будет погоня...

Спэгг схватился за поношенную рясу, в которую был облачен Солдат, и повис на вороте.

— Куда ты идешь? Возьми меня с собой! Я больше не могу. С тех пор как Гумбольд пришел к власти, я умираю с голоду. Видишь, до чего дошел: еду по помойкам собираю. От этой дряни у меня живот пучит, будто я червей наглотался, и с задницей просто беда. Гляди. — Он открыл рот, и Солдата обдало несвежим духом. — У меня недавно еще два зуба выпало. Вот невезуха. Один просто вывалился, а другой я во сне проглотил. Можно мне с тобой? Я знаю, тебе нужен слуга. Ты сам и латы толком не наденешь. А я еще и готовить умею. — Спэгг пошуршал подушечками своих грязных пальцев, будто тесто замешивал. — Я буду за тобой одежду стирать, твои грязные сапоги языком вылизывать, волосами натирать. Я всех вшей на тебе переловлю своими собственными зубами. Я блох на твоем пальто передавлю. Я буду самым лучшим на свете слугой, только забери меня отсюда.

Голгат пробормотал:

— Что это за мерзкий карлик?

— Одно время я на него работал, — ответил Солдат, — когда еще не был гражданином. Ладно, Спэгг, пошли с нами. Но знай, как только я заподозрю, что ты хитришь, будешь болтаться вверх ногами на копье Голгата. Ясно?

— Ясно, — с готовностью выпалил Спэгг.

— Да мне на этого омерзительного гнома даже копья жалко, — вставил свое слово Голгат. — Я просто разотру его ногой.

— Милый у тебя дружок, — пробормотал Спэгг, покосившись на Голгата. — Не очень-то церемонится с обещаниями.

Все трое дошли до доков и сговорились с владельцем одной посудины довезти их до побережья за пять золотых монет. Только в пути, когда баржа тихо покачивалась на волнах направленной в канал реки, Солдату удалось успокоиться. Он откинулся на мягкие ватные тюфяки и, задрав голову, разглядывал каменную кладку тоннеля. Наверху было множество зарешеченных отверстий, сквозь которые виднелось ночное беззвездное небо. Мир без звезд кажется таким странным... То есть, конечно, понятно, что от звезд толку не много — это просто бусины, вплетенные в черный окутывающий землю плащ, — но без них небо мертво, пустынно, будто лицо, с которого смыли все черты — нос, глаза, брови, — оставив пустую невыразительную плоть.

К Солдату приблизился Голгат, и он рассказал другу, о чем думал.

— По-твоему, звезды бесполезны? — воскликнул Голгат. — Ничего подобного. Я постоянно пользуюсь звездами.

— Когда путешествуешь по морю?

— Не только. Звезды образуют магические рисунки, по которым я предсказываю судьбу. Это то же, что навигация, только передвигаюсь я не по морю, а по времени. Я волшебник-астроном.

— Понятно. И что говорят звезды?

Голгат вскинул руки:

— У нас нет будущего.

Вдруг Спэгг разразился потоком красноречия:

— Я всегда хотел схватить звезду зубами. Они такие холодные и хрустящие на вид, правда? Готов поспорить, они вкусные, по крайней мере были. Пища богов. Так и просятся в руки: мол, сорви нас поскорее с черных ветвей! Я пытался, ой как пытался. В некоторые ночи кажется, что они совсем близко. Только не дотянуться до них, как ни старайся. Я уж и на деревья залезать пробовал, и на башни, и на шпили. Но так легко они не даются. С другой стороны, они вроде бы сами должны упасть, когда созреют. Ан нет! Попробуй-ка отыскать на земле упавшую звезду. Не знаю, может быть, они лопаются, как каштаны, и от них остается только ядро? Я об этом не думал. Да, пожалуй, когда снова обрету почву под ногами, послежу, как лопаются звездные орешки.

Голгат изумленно покачал головой и сказал Солдату:

— Ты уверен, что из этого дурака получится слуга?

Спэгг нахмурился.

— Эй!

— Получится, — кивнул Солдат. — Главное — хорошенько за ним присматривать.

— Как обидно! Я спас тебе жизнь, и не раз.

Баржа скользила по водной глади извивающейся змеи-реки, чей долгий путь лежал к морю, и уносила путешественников все дальше и дальше от города. Стояла тишина, изредка прерываемая тупыми ударами шеста барочника о стены, к которым баржу порой прибивало течением. На каменном потолке тоннеля взад-вперед раскачивались лампы, и желтый свет играл на скользкой каменной кладке. На редких выступах сидели какие-то животные, которых выдавал лишь свет, отраженный от их блестящих глаз, — в основном ящеры, которые питались вездесущими крысами. Под водой — сбоку, а то и перед самым носом суденышка — скользили серебристые очертания рыб. В тоннеле, что шел от сердца столицы к самому морю, кипела своя жизнь. Солдат не раз задавал себе вопрос: не проезжала ли по этому самому водяному пути его жена всего несколькими часами раньше.

Порой он готов был поклясться, что в воздухе витает легкий аромат ее духов.

Глава тринадцатая

Когда баржа наконец выплыла из тоннеля, взорам пассажиров предстала бухта, битком набитая кораблями.

Наступило утро. Огромное тусклое солнце с трудом пробивалось сквозь слой облаков. На покрытой рябью поверхности океана, в который выходила бухта, виднелись корабли всех мыслимых размеров и форм. Проворные лодочки с прямоугольными рейковыми парусами и треугольными латинскими парусами, ялики и достроенные до кечей парусные баржи. Прекрасные трехмачтовые шхуны горделиво и важно входили в бухту и выходили из нее. Пятимачтовые барки, с доверху груженными добром палубами и полными трюмами, легко качались по пляшущим волнам. Отважные бригантины проплывали прямо перед носами судов покрупнее и выслушивали в свой адрес поток ругательств от капитанов последних. Одним словом, в порту кипела самая оживленная деятельность, какая только возможна в обитаемом мире.

— Ну как, впечатляет? — обратился Голгат к спутникам, которые стояли, разинув рты от восхищения. — По первому разу — особенно.

— Неудивительно, что город так богат, — ответил Солдат. — Я никогда еще не видел свидетельств такой бурной торговли.

— Раньше здесь всего было раза в два больше.

— Ну, беднякам от этого не легче, так ведь? — проворчал Спэгг. Разочарование не заставило себя долго ждать и быстро сменилось негодованием.

Они обошли гавань, торгуясь с капитанами и владельцами, стараясь найти того, кто согласится перевезти их на ту сторону Лазурного моря. Голгат почти уже договорился с капитаном брига, который предложил хороший маршрут, но в конечном итоге сошлись в цене с владельцем одной каравеллы — суденышка не столь щеголеватого, как чуть превосходящий ее размерами бриг. Каравелла, которая по неизвестной причине называлась «Крылатая барабулька», имела более кокетливый изгиб корпуса и дополнительные маленькие паруса в самых неожиданных местах. Выхаживая по палубе, Голгат определил, что доски под ногами крепкие, и успокоился.

Спэгг уже испытывал сильнейшее недомогание и, перевесившись через борт корабля, изрыгал содержимое своего желудка в море, несмотря на то что судно было все еще крепко пришвартовано к пристани.

— Ненавижу море, — простонал он.

— Откуда тебе знать, ведь ты в жизни еще никогда не плавал, — пытался увещевать его Солдат.

— По настоящему-то — первое, однако мне доводилось бороздить океаны во сне, и каждый раз меня выворачивало наизнанку.

Каравелла была загружена полными мешками каштанов. Не успели поднять паруса (некоторые каштаны, выкатившиеся из мешков, начали лопаться), как наши путники уже знали, что очень скоро, едва добравшись до берегов Уан-Мухуггиага, они уже на эти каштаны смотреть не смогут.

На рассвете следующего дня каравелла при попутном ветре пустилась в плавание. Впереди расстилались серебристые воды моря. Путешественники облегченно вздохнули: теперь они на воде, и опасность, которая могла угрожать им с разных сторон света, миновала.

Море плавно покачивало судно. Солдат радовался. Если он прежде и плавал на корабле, то это полностью стерлось из его памяти и даже из глубин подсознания. Точно сорванец, гонимый в путь духом авантюризма, он с радостью вдыхал запах соленого ветра и любовался пенистым хвостом за кормой. Временами на мачты и шпангоуты садились птицы — обитатели прибрежных просторов, — но в конце концов исчезли и они. Солдат оглянулся и увидел на самом горизонте лишь темнеющую ухмылку суши. Впрочем, в мгновение ока и этот клочок земли исчез с глаз.

Теперь их окружала лишь вода; все нити, что связывали с землей, были порваны. Но это не страшило. В тот момент Солдат мог бороздить синие просторы вечно, нисколько не жалея об оставшейся позади суше.

— Здорово, правда? — сказал он Голгату. — Что за воздух! Чистый. Свежий. Я сегодня буду спать без задних ног.

— Не все в таком восторге, — ответил Голгат, удерживаясь за опору правой рукой и указывая на Спэгга левой: бедняга только что покрыл море грибами, которые съел на завтрак.

Спэгг улегся на спину, невзирая на опасность быть растоптанным снующими взад-вперед матросами, и беспрерывно стонал. Наконец какой-то крепкий матрос с просмоленной косичкой подхватил его на плечи, отнес к моткам канатов и совершенно бесцеремонно свалил туда, чтобы под ногами не мешался.

— Спасибо, парень, — со стоном выдавил из себя Спэгг и уселся, прислонившись спиной к основанию мачты. — Будь понежнее в следующий раз, ладно?

— Обещаю, я буду с тобой нежной, — заверил благодетель.

Плотно сбитая фигура, бугристые мускулы, на удивление высокий мелодичный голос... До путешественников внезапно дошло, что они имеют дело с женщиной. Ее глаза пылали над крупным широким носом и квадратным подбородком, внимательно изучая бесформенное тело торговца руками.

— Немного мягкотелый, жирноват... но в целом ты мне по нраву, — сказала морячка, широко скалясь. — Пара встреч на баке, и от этих складок ничего не останется.

— Маракешка! — гаркнул хозяин судна. — За работу принимайся, похотливая скотина!

— Да, хозяин, — крикнула она в ответ и ушла, не сводя глаз с промежности Спэгга. — Иду, сэр. — Она отвела Солдата в сторонку и с презрением прошептала, кивая в сторону шкипера: — Его кусают собаки и обманывают женщины!

Несколько мгновений спустя Маракешка уже тащила парус; ее мускулы перекатывались под кожей, а с толстых губ летела веселая хоровая песенка.

Солдат и Голгат уставились на Спэгга. Казалось, этот маленький человечек начал оживать. К своему удивлению, друзья заметили, что его лицо светится от радости.

— И на мою долю выпало счастье! Вы, нищенские дети, будете обходиться просоленными снами, лежа в гамаках и глядя на качающуюся в темноте лампу. А у меня теперь есть с кем проводить ночи.

— Джинны и духи, Спэгг, она ж тебя целиком проглотит! — воскликнул Голгат.

Спэгг окинул его нервным взглядом и сдавленно рассмеялся:

— Да вы оба просто завидуете. У вас на лицах это написано, парочка...

Договорить ему не удалось. Его щеки надулись, и через миг он уже смотрел в воду, перегнувшись через борт и расставаясь с содержимым желудка.

От этого зрелища Солдату стало не по себе, и вскоре он тоже последовал примеру приятеля. Голгат отошел от них в сторонку глотнуть свежего воздуха.

Перед самым закатом, когда Солдат чувствовал себя уже немного лучше, один из матросов громко прокричал:

— Дракон по левому борту!

Все, кроме Спэгга, который висел в это время на леере правого борта и не мог отличить, где какая сторона, поглядели влево. В багровом свете заката совершенно ясно были различимы крылатые очертания направлявшегося к судну животного. Черный силуэт на фоне неба напоминал крупную и очень откормленную летучую мышь.

— Что предпримем, капитан? — спросил Солдат, который успел присоединиться к остальным. — Он собирается напасть?

— Обычно они не трогают корабли, — ответил шкипер, пристально глядя на животное. — Драконы не приспособлены для приземления на воду и устают от долгих перелетов. У него не хватит сил атаковать судно, а кроме того, он сильно рискует, потому что, если мы перебьем ему крылья, он не доберется до того берега.

Обычно. Но этот дракон, похоже, направлялся прямиком к каравелле. Шкипер приказал команде готовить гарпуны, надеясь, что демонстрация силы отпугнет крылатое существо. Однако дракон, по всей видимости, твердо вознамерился попасть на корабль и не отклонялся от курса ни на дюйм.

— Оголодал, что ли? — пробормотал шкипер и сказал уже громче: — Ребята, готовсь. По моему приказу...

Матросы подняли гарпуны на уровень плеча, будто метательные копья.

— Подождите! — закричал Солдат. — Слышите?

Дракон, опускаясь на судно, издавал еле слышный звук, который раньше заглушал ветер:

— КЕРРОУУ. КЕРРОУУ.

— Не убивайте! — взмолился Солдат. — Это мой дракон. То есть он опускается ко мне. Я его хозяин.

— У тебя есть собственный дракон? — Голгат удивленно вскинул брови. — Еще не встречал людей с ручными драконами... Ну, ты даешь!

Тут свое слово сказал шкипер:

— Я не могу рисковать.

— Прошу вас, капитан. Пожалуйста. Под моей опекой это существо совершенно безвредно. Ведь он мне как родное дитя.

Казалось, капитан засомневался, но после некоторых размышлений все-таки не стал командовать «Пли!», даже когда крылатый гость приблизился к борту корабля и был уже почти у самой воды. Послышалось неуклюжее царапанье когтей о леер. Зверь опустился, прижал крылья к телу и стал устраиваться поудобнее на кормовом леере, стараясь ухватиться покрепче за перекладину. Теперь корабль заметно глубже сидел в воде.

— КЕРРОУУ.

Солдат подошел к дракону и начал с ним о чем-то тихо разговаривать. Матросы, вывернув шеи, пытались услышать, о чем же они там шепчутся, но Солдат просто-напросто воспроизводил звуки, не проговаривая конкретных слов. Он пытался успокоить дракона. Тот потоптался на перекладине и снова уселся. К счастью, леер был достаточно крепким, добротным — построили корабль на верфи в Уан-Мухуггиаге. Двуногий зеленый дракон-краснобрюх не уступал по размерам крупному медведю, хотя отличался облегченным костяком. И все же леер время от времени потрескивал.

Наконец Солдат отошел от животного, которое теперь выглядело вполне спокойным и умиротворенным и попросту восседало на своем насесте, разглядывая проплывающий за кормой океан.

— Что он тебе поведал? — взволнованно поинтересовался Голгат. — Он едет с нами?

— А кто его знает? Я не понимаю, что он говорит. И вообще у самцов этого вида очень мало слов. Зато самки у них поболтать любят. Спроси Спэгга, он специалист, все тебе расскажет о драконах.

— Ладно. А почему он привязан именно к тебе?

— Я... хм... Я его мать.

Голгат посмотрел на Солдата с нескрываемым отвращением.

— Никогда бы не подумал, что ты падешь жертвой таких адских желаний. Бесстыдство какое! Заниматься любовью с драконом! Уму непостижимо!..

— Да нет же, ты не понял. Я ему не родная мать. Ах ладно, ну, как ты предположил, не родной отец. — Солдата передернуло от представившейся картины. — Просто я случайно оказался побли-

зости, когда он вылупился из яйца. Я был первым существом, которое он увидел, и потому малыш предположил, что я его мать. С тех пор мы поддерживаем тесные отношения, хотя встречаемся нечасто.

Капитан, несколько обеспокоенный присутствием дракона, все-таки согласился не прогонять животное. И правильно: ссориться с драконом — что с огнем играть. Матросы занимались своими делами и вскоре вовсе перестали обращать внимание на дракона, который огромной грушей восседал на леере. Потом люди начали подкармливать его, размахивая перед длинным носом и огромной пастью рыбой и объедками. Кое у кого даже хватило наглости нахлобучить на голову дракону матроску. Лишь успел матрос отвернуться, дракон, не будь дураком, резко мотнул головой, и головной убор упал за борт. Дракон Солдата — не клоун!

Однажды вечером, когда Солдат стоял на палубе рядом со своим приемышем, к ним подошел капитан.

— Мы держим верный путь? — спросил Солдат.

К немалому удивлению Солдата, капитан лишь пожал плечами и возвел взгляд к небесам.

— Не знаю. Без звезд курс не определишь.

— Что?

Капитан осклабился:

— Шучу. Обычно я определяю курс по звездам, но и без них можно обойтись. Я этот путь знаю очень хорошо. Можно сказать, нутром чую.

Солдат вздохнул с облегчением:

— Рад слышать. Так, значит, вы не пользуетесь никакими навигационными приборами?

— Форма волн, цвет моря, рябь на воде, прибрежные птицы, морские птицы, направление ветра, отмели, косяки рыб...

— Хорошо, хорошо, — усмехнулся Солдат, — в целом я понял.

Дракон заметил, что Солдат улыбается, и издал клокочущий звук, исходящий из самой глубины его глотки.

— Интересная у тебя зверюга, — промолвил капитан, кивком указывая на животное. — Раньше я их только мельком видел. А если приглядеться, не такие уж они и опасные.

Дракон разинул пасть, собираясь зевнуть, и хозяин корабля сразу же изменил свое мнение.

— Ну и зубы!.. — пробормотал он и, вспомнив о каком-то важном деле, неспешно направился на нос корабля.

Безбилетный пассажир мигнул, а затем с хрустом, который перебудил почти всю команду, стал почесывать подбородок.

Присутствие дракона оказалось очень полезным: на следующий день путешественники повстречали двух морских чудовищ.

Первое было просто безвредным чудом природы, которое не оставило равнодушным ни одного из пассажиров и не предпринимало никаких враждебных действий по отношению к бригантине. Это существо, которое капитан называл аспидоцеллоном, выглядело точь-в-точь как скалистый, покрытый лишайниками остров. Непосвященный и впрямь принял бы его за кусок суши. И лишь матросы, которые были о многом наслышаны, узнали в нем живое существо огромного размера, медленно дрейфующее в океане. Когда аспидоцеллоны только начали появляться в этой части океана, матросы по ошибке пришвартовывали к нему шлюпки, разводили на его спине костры и готовили рыбу, которая водилась в его озерцах. И очень скоро аспидоцеллон давал нежеланным гостям понять, что их здесь не ждали и терпеть не станут, и погружался вместе с ними на совершенно непригодную для жизни человека глубину.

— Какая красивая рыбина, — восхитился Голгат, — морская богиня, что греется в теплых солнечных лучах!

— А по мне, так ленивая хавронья, — фыркнул Спэгг.

В полдень они приблизились к величавому чудищу. Рыбина раскрыла гигантский глаз и принялась изучать вторгшееся на ее территорию судно. У Спэгга перехватило дыхание, и он, потрясенный, отпрыгнул.

— Что он на меня уставился?

— Если у него такой большой глаз, — заметил Голгат, — то уши, наверное, тоже безразмерные...

— А «хавронья» — не ругательное слово! Ведь правда?

— А ты бы назвал свою корабельную подружку хавроньей?

Чуть раньше, утром того же дня, Спэгг был обнаружен под брезентом в шлюпке, где он «боролся» с Маракешкой. Оба лежали обнаженными и зрелище — по словам помощника капитана, который и наткнулся на них, — производили пренеприятное, а для любителя природы и животного мира — так и вовсе отталкивающее. Маракешку капитан высек. А Спэгга, поскольку он был пассажиром, предупредил, что, если он снова попытается совратить члена экипажа, его вместе с товарищами высадят на первом клочке суши.

— Я здесь ни при чем, — жаловался Спэгг Солдату и Голгату, — она сама. Она просто ненасытная. Знаете, чем она зарабатывала на жизнь, пока не стала матросом? Она...

Но никто не интересовался секретом, о котором не терпелось поведать Спэггу. От него ждали лишь заверений, что впредь он бу-

дет вести себя прилично. Солдату вовсе не хотелось пропадать на каком-нибудь необитаемом острове.

Морской великан удовлетворил свое любопытство, глядя на проплывающий мимо корабль, закрыл глаз и стал дрейфовать по течению.

Второе чудовище было его прямой противоположностью.

На следующий день после встречи с живым островом матрос, что сидел на топе мачты, прокричал:

— Черные паруса!

Не успел он закончить фразу, как корабль уже превратился в термитник, подвергшийся нападению муравьеда. Капитан показался на мостике почти мгновенно, в ночной рубашке и колпаке, и, приставив к глазу подзорную трубу, напряженно всматривался в морской ландшафт. Матросы похватали абордажные сабли, которые мигом притащили откуда-то снизу. Другие вооружались зловещего вида крюками, пиками и всякими продолговатыми орудиями.

Капитан со щелчком захлопнул крышечку подзорной трубы.

— Приближаются быстро, — сказал он, — нам не оторваться. Принимаем бой.

Солдат пристально глядел на плывущий в отдалении корабль. Это элегантное судно с множеством завитушек и выступов напоминало, на взгляд Солдата, экзотическую туфлю султана с загнутым вверх носком. Палубы ощетинились металлическим оружием — там стояли вооруженные мореходы. Черный, как сама ночь, корабль медленно шел по воде, явно намереваясь протаранить «Крылатую барабульку», если не случится ничего непредвиденного.

— Кто они такие? — спросил капитана Солдат.

— Амекнийские пираты, — последовал ответ.

— С ними можно сторговаться?

— Нет. Они истребляют все живое, что есть на борту, а затем затопляют разгромленное судно. Милосердие им неведомо. Ни разу я не слышал, чтобы они брали пленников. Так у них заведено.

— На мой взгляд, это неразумно. Ведь можно взять заложников и выудить из их родственников и друзей неплохие деньги. Ты сказал, они не берут пленных?

— Вот именно. Раньше они были рабами. Озлобились, возненавидели весь свет. Они не стремятся к наживе. Нападая на суда, пираты утоляют жажду крови и мести. Впрочем, здесь одно другому не мешает, потому что, перед тем как затопить корабль, они выносят с него все ценное.

Слушая эти объяснения, Солдат пристально смотрел на своего дракона. Тот не сводил глаз с приближающегося судна. Черный парус с жар-птицей на самом верху явно пришелся зверю не по нраву. Когда корабль пиратов был уже совсем близко, капитан «Крылатой барабульки» дал команду стрелять. Тяжелая катапульта, которую выкатили на корму бригантины, выстрелила, но не попала в цель. Заряды угодили в море, даже не задев пиратов. Затем матросы метнули пропитанный дегтем моток веревки, запаленный с одной стороны. Тот просвистел над самым носом вражеского корабля и упал в океан.

Вися на такелаже корабля и гогоча, как сумасшедшие, пираты праздновали победу. Размахивая оружием, они, не стесняясь в выражениях, оповещали команду каравеллы о своих намерениях разделать матросов, как рыбу, отрезать конечности, вытащить из голов глаза и повесить на нок-рею за языки сушиться.

— Набьем им глотки черепашьим дерьмом! Натопим жира из них — пойдет якорную цепь смазывать.

Матросы «Крылатой барабульки» с ужасом готовились к неминуемому абордажу.

Когда враг приблизился на расстояние трех корпусов, дракон неожиданно взмыл в небо, направился прямиком к вражескому кораблю и яростно набросился на изображенную на парусе жар-птицу. Как известно, на земле не существует животного, походящего на жар-птицу, которая полыхает вечным пламенем, сжигая все, что к ней прикасается. Но независимо от того, существуют такие птицы в реальности или принадлежат миру мифов, драконы, по всей видимости, их недолюбливают.

За считанные секунды дракон Солдата порвал черный парус в клочья. Пираты торопливо убирались с такелажа. Корабль резко крутануло в сторону и подветренной волной сбило с курса. Люди падали с палубы за борт, словно черви из куска тухлого мяса. «Крылатая барабулька» на полном ходу пронеслась мимо терпящего бедствие судна, пока пираты предпринимали экстренные меры по спасению положения. Море не штормило, но ветер гнал тяжелую волну, и некоторые волны явно докучали кораблю, который неожиданно потерял ориентацию.

Дракон Солдата не стал возвращаться на каравеллу, а направился к виднеющейся впереди бурой полоске суши. Он испустил оглушительный крик. Звук был настолько пронзительный, что его наверняка слышали и на более отдаленных материках. На обоих кораблях люди схватились за головы, зажав руками уши. Из глаз катились слезы.

Дракон летел над самой водой и довольно скоро уменьшился до размеров шмеля.

Первым пришел в себя рулевой пиратского судна. Он поймал нужную волну, и корабль выправил крен. Через считанные минуты пираты достали из трюма запасной парус и начали натягивать его на мачту, как вдруг на них снова обрушилось несчастье.

Первым недоброе заметил Солдат. Казалось, поверхность воды рябит легкий ветерок. Но в это время под водой возникла огромная черная тень. Солдат указал команде своего корабля на это странное явление. Некоторые подняли головы, ошибочно предположив, что тень отбрасывает большое облако. Другие вцепились в рукотворные безделушки, олицетворяющие их веру — маленькие амулеты, что висели на шеях, — полагая, что вот-вот перед ними предстанет какое-нибудь божество.

Тень продолжала двигаться под водой и явно приближалась к пиратскому судну. Мелкие рыбешки начали выскакивать из воды, как они обычно делают, когда их преследует хищник. Казалось, с неба падает серебряный дождь. Затем вода вспучилась, будто закипела изнутри.

Хозяину все это показалось знакомым.

— Подводный вулкан, — уверенно произнес он.

Но то, что возникло из воды, не походило ни на струи воды, ни на огненные брызги. Огромный морской змей, вероятно, призванный из морских глубин криком дракона, поднялся в шипящих струях пены. Он обернулся кольцами вокруг корабля с черными парусами и начал крушить его.

— Гром и молния! — воскликнул Спэгг, выпучив глаза.

Вся команда «Крылатой барабульки» в ужасе смотрела, как пиратский корабль разваливался на куски в мощных объятиях бестии. Мачты срывались с кильблоков и с грохотом рушились на палубы. Доски вздувались и вылетали, раскалываясь на куски и взрываясь фонтанами щепок, которые точно клинки вонзались в лица пиратов. Чешуйчатые кольца гигантского морского змея, источая зловоние травы и тысячелетнего ила, размалывали людей. Чешуйчатый монстр не ведал пощады. Он потащил разрушенный остов в нору на самом дне океана, между делом втягивая в себя тела отчаянно борющихся за жизнь мореплавателей. Только обломки и всякий сор на водной глади, где совсем недавно был целехонький корабль, говорили о недавней трагедии.

— Гром и молния, — прошептал Спэгг.

Все, кто явился свидетелем этой расправы, пережили жестокое потрясение. Конечно, пиратов обуревала жажда крови,

они перебили бы всю команду «Крылатой барабульки» вместе с ее пассажирами, не случись беды. Но та внезапность, с которой дракон на пару с морским змеем разобрались с целой командой корабля — а было их человек шестьдесят или семьдесят матросов, — причиняла немалое беспокойство. Сразу вспомнилось, как хрупка человеческая природа. Будто мрачная старуха с косой поцеловала в щеку да напоследок поддала пинка сзади. Жизнь слишком дорогая монета, чтобы разменять ее так дешево, быстро и бездумно.

Матросы вернулись к своим обычным делам под впечатлением от зрелища, которое им пришлось увидеть, двигаясь несколько механически.

Пассажиры занимались тем, что разглядывали далекий берег и ломали голову, что за судьба уготована им за каменистыми склонами.

Наконец каравелла вошла в гавань Сизада, главного города-порта Уан-Мухуггиага.

Открывшаяся взгляду картина кардинально отличалась от происходящего по ту сторону океана. Гавань полнилась судами, вся береговая линия кипела деятельностью. На рынках под открытым небом прилавки ломились от пестрых экзотических товаров. Мальчишки таскали на головах корзины фруктов. На рогожках лежали восхитительные морские раковины. Лотки торговцев были завалены пернатой дичью с таким ярким оперением, что фазан при виде ее устыдился бы своего скудного покрова. На берегу на высоких шестах висели серебристые шубы из волчьих шкур, штаны из рыжего волка, черные волчьи шапки. Там же стояли клетки со всякими живыми зверушками на продажу: ручными летучими мышами, игривыми лисятами, огромными ящерами на цепях, нашейными амулетами из живых скорпионов с пробками на жалах, украшениями из живых пауков, которые надо носить в хорошо взбитых волосах.

По воде сновали лодчонки, груженные тканями, резными изделиями, пастушьими кнутами, ножами и разным товаром, который предлагался пассажирам крупных судов, стоящих в гавани. Перед рынком по всему берегу занимались кораблестроением: без единого гвоздя собирали крупные пузатые лодки под названием «дхундисы», скрепленные клиньями и просмоленные растительными маслами. В воздухе стоял острый можжевеловый дух, аромат сандалового дерева, кедра и сладкий запах свежей сосны.

Солдат, Голгат и Спэгг сошли с «Крылатой барабульки» на берег. Теперь им пришлось приспосабливаться к земной тверди. Когда ты находишься на борту корабля и палуба ходит ходуном, поддаваясь накатывающим волнам, привыкаешь балансировать. После этого на суше приходится трудно. Спэгг дважды падал прямо на рынке, чем немало позабавил местных — закутанных по самые уши людей. Каждый раз он поднимался на ноги с большим достоинством и посыпал обидчиков отборными гутрумитскими ругательствами, которые, даже если местный люд их и понимал, не производили ни малейшего впечатления. Кроме того, у Спэгга осталась весьма постыдная привычка внимательно разглядывать руки встречных, буквально поедая их глазами.

— Здесь попадаются неплохие образчики, — поведал он Солдату. — Надо будет прихватить с собой парочку.

— А я думал, что ты торгуешь руками повешенных.

— Ну ты же сам видишь, что здесь собрались одни головорезы и негодяи. Только погляди на их лица. Вот покажи на любого, и я тебе состояние выложу, если он не убил свою бабку за вязанку хвороста.

— Как ты прекрасно информирован. Твои суждения основаны на реальных фактах, — заметил Голгат. — Ты чрезвычайно объективен в своих заключениях.

— Видишь ли, — ответил Спэгг, совершенно не замечая иронии, — матушка научила меня принимать решения, а не на заборе сидеть да по сторонам поплевывать.

— Прекрасно продуманные решения.

— Верно.

— Мудрейшая женщина.

— Мудрее не бывает.

— Жаль, что я не был с ней знаком. Может, мне удалось бы предупредить трагедию.

Спэгг нахмурился:

— Какую еще трагедию?

— Рождение сына.

— Так ты насмехаешься?

— Кто — я? — воскликнул Голгат, приложив руку к сердцу. — Да как ты можешь обвинять своего спутника в такой низости?

— Нет? Ну-ну. А то я уж было подумал...

Солдат не стал ждать продолжения занимательного диалога и отправился разыскивать место для ночлега. Покончив с этим, он намеревался навести справки о местонахождении своей жены.

Глава четырнадцатая

В одной таверне в районе Камала нашлась свободная комната. Вообще-то в заведении было много свободных комнат, потому что прямо у таверны размещались общественные верблюжьи конюшни. Запах навоза подавлял все остальные запахи, и местные мухи вырастали до размера шершней. Такое место Солдат выбрал не в целях экономии, а потому что не хотел привлекать к себе особого внимания, пока ищет Лайану. Лучший способ стать заметным в незнакомом месте — тратить много денег.

Спэгг, от которого нередко несло как от помойки, имел наглость пожаловаться на смрад.

— Что за вонь!

— Да, это я уже слышал сегодня, — сказал Голгат, — от верблюдов.

— Что ты хочешь сказать?

Солдат, выглянув из окна, рассматривал побеленные здания, которыми изобиловала эта часть города. За ними простиралась в неведомую даль пустыня, а далеко на горизонте высились горы. Уан-Мухуггиаг — огромная страна. В ней есть пустыни, широкие озера, горные гряды, редкие зеленые долины и пастбища. И небо здесь совершенно особое. Оно ярче и синее, чем в Зэмерканде, облака белее и пышнее. Порой они похожи на гладкие белые камешки горной речушки, порой — на высокие темные столбы. Как охряно-рыжие карфаганские шатры отличаются своим необычным насыщенным цветом на фоне блеклого пейзажа Гутрума, здешнюю землю покрывают земные цвета. В Уан-Мухуггиаге не встретишь ярко-красного, желтого, коричневого, синего или зеленого. Оттенки здесь сложнее: красновато-коричневый, янтарный, бурый, баклажанный, рыжевато-коричневый и гагатовый.

Звуки и запахи тоже особые, более насыщенные. Запах верблюжьего навоза, пресного хлеба, что печется в глиняных печах, древесной стружки из ближайшей плотницкой мастерской — все это пахло сильнее, чем запахи лошади, металлической печи и мастерской городского плотника. Ухающий горловой кашель верблюда, выкрики торговца лампами, расхваливающего свой товар, позвякивание колокольчика на шее козы — все звучало более мелодично, чем то, к чему привыкло ухо Солдата.

Ему нравилось это необычное экзотическое место. Здесь было легко и радостно — гораздо радостнее, чем в Гутруме. И душа Солдата обрела покой.

— Пойду на базар, — сказал он своим спутникам. — Хочу прогуляться в одиночестве. Вы чем займетесь?

— Я поем, — не колеблясь ответил Спэгг.

— А я почитаю, — сказал Голгат. — Обнаружил на прикроватном столике в своей комнате книжку со стихами. Буду изучать искусство.

Солдат оставил приятелей и вышел из дома. На пыльных улицах не было ни булыжников, ни каменных плит — под ногами лежала голая земля. Солдат направился на базар, где стояли целые ряды прилавков, усыпанных разными поделками из золота, серебра, слоновой кости, тканями и самоцветами. Каждый ряд торговал одним товаром. Солдат не спеша прошелся по Золотой аллее, потом по Серебряному переулку и побродил по Рубиновой площади. Он обнаружил длинный узкий пассаж, в котором продавались только птицы: попугаи простые и длиннохвостые, певчие птицы, попугайчики-неразлучники. Торговцы и покупатели были одеты как обитатели пустыни — тюрбаны, свободные балахоны, плащи из верблюжьей кожи, капюшоны, паранджи...

Солдат неторопливо прогуливался по базару и наводил справки. Все, что он узнал, вело его к одному человеку, султану Офирии — повелителю пустыни и королю племен кобальтов. Как выяснилось, эти люди жили главным образом грабежом.

Султан оказался очень влиятельным человеком, потому что Офирия простиралась на огромную территорию в пустынях Уан-Мухуггиага, а его воины были столь же беспощадны в бою, как и карфаганцы. На самом деле эти народы относились друг к другу с огромным почтением. Единственная состоявшаяся между ними битва, которая вошла в историю, не закончилась ни поражением, ни победой, потому что на поле боя среди моря трупов остались стоять два человека. Эти двое решили между собой, что кто-то должен отнести вести в родные земли, и договорились пойти в противоположных направлениях. Когда каждый из них прибыл на родину, их пристыдили за то, что они живыми покинули поле боя, и изгнали обоих воинов из родных земель. Люди их родных земель считали, что, если бы два воина все-таки сразились между собой, один ушел бы победителем. Легенда гласит, что выжившие встретились снова и вместе со своими женами отправились искать необитаемый остров. Они нашли его, стали королями и основали два новых государства. Один — в северной части острова, другой — в южной. К сожалению, они не допускали браков между двумя своими народами. В результате каждое из королевств захотело стать обладателем целого острова, и начались нескончаемые войны. К тому времени воины-осно-

ватели были давно погребены, и народы острова утратили воспоминания о прошлом, связывающем их друг с другом.

Наведя определенные справки, Солдат решил переговорить с султаном Офирии, который располагал целой сетью шпионов, действующих в разных уголках Уан-Мухуггиага.

Вернувшись в таверну, Солдат, к своему немалому изумлению, обнаружил Голгата во главе целого отряда карфаганцев.

— Тебе нужно скорее вернуться домой, — заявил Голгат.

— Почему? Мы только приехали. Я должен разыскать жену.

— Эти люди, — Голгат показал на небольшую группу воинов, — прибыли сюда из своей собственной страны. Королева Карфаги Нуфитити получила известие о том, что объединенное войско ханнаков и людей-зверей готовится напасть на Гутрум. Красным Шатрам требуется подкрепление. Мы должны вернуться и встать на защиту родины.

Солдат призадумался. Где его родина? Гутрум стал для него родным домом после женитьбы на Лайане. Ни о каких других странах у Солдата воспоминаний не осталось. Да, он видит другую жизнь во сне, но кто может поручиться, что она на самом деле существует, а не является плодом его воображения? Человек не в силах жить без родины.

С другой стороны, что станет с Лайаной, пока он будет сражаться где-то далеко отсюда? Вдруг она уже страдает и ждет освободителя?

Солдат рассказал о своих сомнениях Голгату. Перед ним стоял непростой выбор: либо отправиться в Карфагу и воссоединиться с братьями и сестрами по оружию, либо продолжать поиски жены.

По мнению Голгата, Лайана предпочла бы, чтобы Солдат первым делом выполнил свой долг, а затем уже занимался личной жизнью. «Принцесса, — с уверенностью сказал Голгат, — отличается великой изобретательностью». И в этом он был прав. Лайана могла спланировать и осуществить побег своими силами. Такая женщина, как она, не нуждалась в помощи мужчины, даже собственного мужа. Ведь муж не ждет, что ему на выручку придет жена; так и она не стала бы полагаться только на него. И если бы она знала, что Солдату приходится выбирать между ее спасением и спасением своей страны, Лайана предпочла бы, чтобы он выбрал последнее.

— Выезжаем немедленно, — решил Солдат. — Надо побыстрее разобраться с агрессией, чтобы я мог вернуться и продолжить поиски.

Друзья вошли в таверну, чтобы забрать вещи и затем присоединиться к ожидающим их карфаганцам.

Спэгг наотрез отказался ехать.

— Нет уж, я обратно не поеду. Меня будет выворачивать наизнанку каждую морскую милю. Я могу и здесь вас подождать. Да и Маракешка ко мне сегодня заглянуть собиралась. — Спэгг одарил своих спутников темнозубой улыбкой. — Она постучится в ставни и залезет по лианам в комнату. Тогда не придется платить за двойной номер. Мы выпьем медового напитка... ну и шурымуры. А ехать по морю для того, чтобы принять участие в кровавой битве, да потом еще и обратно возвращаться? Нет уж, увольте. Вы, похоже, не в своем уме. Я остаюсь. Вот мое последнее слово.

Таким образом, Спэгга оставили заниматься «шурами-мурами».

Черные военные корабли ожидали друзей в одной из бухт — гавань Сизада оказалась слишком мала для них. В полночь Солдат с Голгатом ступили на борт, и уже через час флот вышел в открытое море. По времени путешествие оказалось гораздо короче, чем на каравелле, потому что эти обтекаемые суда были специально спроектированы так, чтобы развивать большую скорость. Кроме того, корабли были снабжены несколькими рядами парусов, и благодаря попутному ветру и опытным матросам путешествие завершилось быстро и прошло без приключений. Казалось, боги готовились к более важным делам, чем мучить несчастных мореплавателей штормами и пугать их подводными монстрами. Боги имели свой интерес в исходе крупных войн, которые вели между собой смертные, и договорились на время придержать проявления божественного недовольства.

Флот встал на якорь в небольшой заводи у окаменелых прудов Ян. Войска высадились и совершили сухопутный марш-бросок. Вскоре они уже стояли у ворот Зэмерканда.

Красные Шатры готовились к войне. Солдат вернулся в Шатер Орла и принял командование у лейтенанта Велион. Воины встретили его радостно.

Голгат направился в город. Не карфаганец, он не мог сражаться бок о бок с Солдатом. Тем не менее Голгат уверил товарища, что они еще встретятся, а тем временем ему надо присоединиться к гвардейцам и столь нелюбимому брату.

Солдат не стал заходить в город, прекрасно понимая, что за городскими стенами ничто не помешает Гумбольду с ним расправиться. И хотя на тот момент ситуация несколько изменилась и у узурпатора имелись дела и поважнее, чем сводить старые счеты, он все-таки не слишком стремился расхаживать по улицам Зэмерканда, так и напрашиваясь на нож наемного убийцы. Так что Солдат решил остаться в окружении своих воинов — в шатре, где он был практически неуязвим.

Правда, Солдату нанес визит новый маршал имперской гвардии — брат Голгата Кафф.

— Что ж, — сказал маршал Кафф, откидывая полу завесы над закутком Солдата в огромном Шатре Орлов, — значит, хоть немного совесть тебя мучает.

Кафф вошел в сопровождении пяти офицеров — все как один держали руки на рукоятях мечей. Солдат узнал шепелявого кавалерийского офицера, который однажды привязал его к колесу телеги и выпорол. Среди них был и еще кое-кто из старых врагов. Солдат без особой радости взирал на это нечестивое сборище, меряя каждого взглядом. Наконец он обратил свое внимание на Каффа, который изучал жилище Солдата с едва скрываемым отвращением.

— Я приехал с твоим братом. Судьба нашей страны так же важна для нас, как и для тебя и твоих воинов.

— Ах да, мой маленький братишка... Как он поживает?

— Спроси его сам. Он записался в ряды твоей армии.

Кафф был роскошен в серебряных доспехах с золотым маршальским знаком, изображенным на гербовом щите нагрудника, — поднявшимся на задние ноги быке. На шлеме раскачивались пунцовые перья, на поясе висел меч. Лайковые перчатки с крагами держала в зубах свирепого вида куница — голова этой бестии заменяла Каффу недостающую кисть правой руки.

Одним словом, не простой человек, а воплощение великого полководца. Солдат про себя радовался, что Лайана сейчас не видит Каффа, иначе она не устояла бы перед великолепием его мундира.

Солдат сказал с плохо скрываемой иронией:

— Ты, похоже, неплохо о себе позаботился.

Кафф покраснел — все-таки на это у него хватило порядочности.

— Да, я проявил некоторую сноровку, верно. Но ты не знаешь традиций нашего народа настолько хорошо, чтобы так говорить. Власть достается тому, кто ее не побоится взять. Предки королевы Ванды завладели троном в смутные времена, так же как Гумбольд и я. Они не видели ничего дурного в своем поступке, зачем же стыдиться нам? Именно так народ получает своих королей и королев. Ты думаешь, что все должно происходить по праву родства? Ты за семейную преемственность? Я не разделяю такого подхода.

— Тебе виднее, — ответил Солдат. — И все-таки я бы не советовал полностью доверять свою судьбу новому королю и хозяину. Он не задумываясь сотрет тебя в порошок, если потребуется.

— Чушь! — воскликнул Кафф. — Слушай, у нас начинается война. Может, мы умрем в предстоящих битвах, и этот мир со всеми его недостатками вообще перестанет интересовать нас. Может,

ты и я будем лежать в одной луже крови, как братья по оружию, не дожив до рассвета следующего дня. Или нас похоронят в братской могиле, в холодных объятиях друг друга.

— И не мечтай, — сказал Солдат, скрестив на груди руки.

— Я лишь пытаюсь представить возможные события. К чему беспокоиться о делах государства, когда сейчас главное — пережить военный конфликт?

— Да ты к тому же и философ?

В этот момент в апартаменты вошел Голгат и помедлил на пороге, заметив некоторых бывших коллег и старшего брата. Настроен он был очень решительно.

— Что тебе здесь надо?

— Дорогой братишка, — Кафф наклонился, целуя Голгата в щеку, — ты все так же горяч... Вот же сварливый характер!.. У меня так и не зажил шрам на голове после того, как ты огрел меня в детстве раскаленной кочергой.

Каждый, естественно, уставился на макушку Каффа, но никаких шрамов видно не было, потому что голову закрывал шлем.

Солдат подчеркнуто вежливо обратился к Каффу:

— Благодарю за визит, маршал.

— Ах да, мне пора. Однако, прежде чем уйти, хочу попросить вас об одной услуге.

— Слушаю.

Кафф отвел Солдата в сторонку и доверительно зашептал ему на ухо, всем своим видом выражая неподдельное беспокойство:

— Касательно принцессы Лайаны... — При этих словах его голос дрогнул. — Пожалуйста, скажите мне, обнаружили ли вы ее местонахождение и все ли с ней в порядке.

Солдат был потрясен.

— Да ведь твой собственный хозяин выслал бедняжку из города!

— Он отказывается сообщить мне, где и кто ее держит, — честно ответил Кафф. — Я повсюду разослал шпионов, во все стороны света, но они по-прежнему не напали на след. Умоляю, скажи, где принцесса, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы ее освободить.

— Ты пойдешь против Гумбольда, готов рискнуть головой?

— Что угодно.

Солдат поверил. Самое неприятное, что этот человек *искренне* привязан к его жене, ведь Кафф любил Лайану задолго до того, как Солдат попал в Гутрум. Если бы она была нужна ему только из-за денег или положения в обществе, Солдат смог бы как-то понять это разумом. Но когда знаешь, что твою жену безумно любит другой, чувствуешь себя не очень-то уютно. Человека ведь не упрек-

нешь в чувствах, пусть даже они и неуместны. Кроме того, Солдату не давала покоя мысль, что у Лайаны есть надежное пристанище, где можно найти утешение в минуты горя. Солдат боялся, что, случись между ним и Лайаной серьезная ссора из-за какого-нибудь пустяка — обычное дело в любой семье, — она решит, что Кафф ей подходит больше, и уйдет к нему. Такую вероятность исключать нельзя. А Кафф даже слышать не хочет о том, чтобы жениться на другой.

— Я не стану тебе ничего объяснять, — ответил Солдат. — Все, что связано с моей женой, касается только меня. Ты к нашим семейным делам не имеешь никакого отношения.

Кафф смерил Солдата долгим взглядом, затем развернулся на каблуках и торопливо вышел. За ним последовал жеманный офицер кавалеристов со своими закадычными дружками, кое-кто из которых, уходя, не преминул одарить Солдата презрительной ухмылочкой.

Вскоре после ухода Каффа зазвучали трещотки и трубы. Барабанщики забили тревогу. Приближался враг.

— Мне пора возвращаться к своим, — сказал Голгат, и они с Солдатом попрощались. — Удачи тебе, друг.

— И тебе. Стой на стене и смотри в оба. Я на тебя рассчитываю.

— Хорошо.

Голгат ушел.

Солдат повел Шатер Орла на холм у городских стен, где Орлы воссоединились с остальными шатрами. Вся армия карфаганских наемников выстроилась, готовая принять бой. По левую руку от Орлов стоял Шатер Волка, по правую — Шатер Дракона. Солдат знал, что оба командира и их люди готовы стоять насмерть. Вся армия будет драться до последнего человека.

В тусклом свете сумерек по темнеющей равнине двигались орды варваров — сотни и тысячи воинов-зверей: люди с лошадиными, собачьими, змеиными головами и много других. По правую руку от них скакали конные эскадроны ханнаков, облаченных в плащи из человеческой кожи и украшенных челюстями поверженных врагов. Там же пестрел и смешанный отряд людей-зверей из горных и пустынных районов.

Варвары приближались сначала тихо, двигались по пустоши точно тени. Казалось, им нет числа. Они нахлынули словно море. Вооруженные бестии волочили за собой тараны, катапульты и гигантские луки, чтобы обстреливать город огромными огненными стрелами. Впрочем, полевых орудий было не слишком много: ханнаки и люди-звери жили набегами и предпочитали идти в битву

налегке. Подвижные пешие воины и ловкие всадники молниеносно нападали и так же быстро скрывались.

Однако сейчас их было так много, что они могли испугать самого смелого врага одной своей численностью, безбрежной рекой выливаясь на равнину.

Карфаганцы стояли во всеоружии и были настроены решительно. Такова их работа: стоять и сражаться, защищать Зэмерканд от варварских орд. На стенах города собралась имперская гвардия маршала Каффа, также готовая к обороне. Гутрумиты принимали бой на городских стенах, готовые с высоты осыпать неприятеля градом стрел, закидать камнями и залить кипящим маслом, если неприятелю удастся пробиться к каменной кладке сквозь ряды карфаганцев.

Варвары не стали дожидаться утра, вопреки всякому военному обычаю, и, повинуясь какой-то особой логике, напали в сумерках. Что-то вселяло в них уверенность в победе, веру в собственную непобедимость. Они шли, яростно барабаня по щитам, накатывались огромной волной. Как гигантский рой, они невиданной прежде силой набросились на построения Красных Шатров. Теперь у них был новый предводитель, и варвары знали, что час пробил. Настал их черед править миром, строить империи, выращивать династии, уничтожать соседние государства. Их черед разорять города, втаптывать врагов в грязь.

И вот началось.

Под ответственностью Красных Шатров находилась городская стена по всей своей протяженности. Войско растянулось в одну линию, в некоторых местах весьма тонкую. В довершение всех неприятностей по правому флангу линия прерывалась из-за невыгодного расположения двух гутрумитских кладбищ, самых крупных в городе.

Именно туда стали теснить карфаганцев варвары. Воины Красных Шатров спотыкались и падали на могильные плиты. Единственный эскадрон конных ханнаков прорвал линию обороны, и фланг стал отступать. В рядах защитников теперь зияла брешь. Линия растянулась еще больше, чтобы закрыть эту брешь; в центре воин не мог дотронуться до плеча соседа вытянутой рукой. С этого момента оборона была обречена.

Удар первой волны варваров сдержали, но за ним последовал второй, третий и четвертый, а это было уже слишком. Варвары шли с твердым убеждением в собственной непобедимости. С губ их срывался крик «ОммуллуммО!». Узурпировавший трон новый Король магов пообещал варварам легкую победу, и они ему верили.

Вот и последнее столкновение: несчетная волна кричащих воинов-северян бросилась на ряды Красных Шатров и прорвала их. Наступающие полились во все увеличивающуюся брешь на правом фланге обороны и начали атаковать с тыла.

Это был не разгром; это была резня. Души карфаганцев кричали «Спасибо!» и взмывали ввысь. Воздух наполнился благодарными духами, направляющимися в небо. Только Солдат не мог их слышать.

Неприятель оттеснил Красные Шатры к самым стенам города. Нервы имперских гвардейцев были уже на пределе, и воины раньше времени начали швырять вниз камни. Многие из этих снарядов убивали своих же — карфаганцев. Солдат во главе группы однополчан из Шатра Орла был вытеснен к небольшой рощице, где они сражались как тигры. Но все было бесполезно. В этот день победа осталась за неприятелем. Люди-звери и их союзники сломили карфаганскую армию с поразительной легкостью и быстротой, и теперь улюлюкающие варвары праздновали победу, выбивая мозги из раненных в бою врагов.

Если бы не наступление темноты, никому не удалось бы спастись. Вслед за вечером пришла ночь. В первые часы наступающих сумерек много врагов полегло от рук соплеменников, товарищ по ошибке убивал товарища, кровопролитие обрело собственную жизнь, и остановить его было непросто. А тем временем небольшие отряды выживших воинов Красных Шатров пробирались прочь, убегали, спотыкались и, падая, вновь поднимались на ноги и спешили к кораблям. С собой они несли знамена Шатров — Медведя, Волка, Ястреба, Орла. К немалому стыду армии некоторые знамена захватил враг. Потеря знамени была хуже потери любимого командира или дорогого друга. Знамя считалось душой Шатра, и воины тяжело переживали его пленение.

Отвратительные варвары стояли у самых ворот. Король Гумбольд и граждане его страны не могут быть спасены теми, кто находится за городскими стенами.

В третий раз за эти недели Солдат пересекал Лазурное море. Черные военные корабли были почти пусты. Большая часть карфаганцев полегла на поле брани у ворот Зэмерканда. Некоторым удалось спастись и затаиться на севере, западе и востоке, в глубине материка. Солдат оглянулся и увидел только горящие вокруг Зэмерканда костры варваров. Он не мог разобрать, взят город или нет.

Солдата переполняли грусть, чувство вины, стыд.

В первый раз за много веков карфаганцы не смогли сдержать орды варваров. Этого не должно было случиться. Враг сильно превосходил карфаганцев численно, верно, но так уже бывало прежде,

и не один раз, и всегда карфаганцы шли в бой с уверенностью в собственной победе. А сейчас сила духа будто покинула войско. Может быть, виной тому стало беспрестанно повторяемое врагом имя чародея, что продал душу дьяволу? Или тот факт, что сражение происходило в тусклом свете сумерек, когда ночь побеждает день?

В прошлом карфаганцам не раз удавалось повернуть ход битвы в свою сторону. Каким-то образом они обретали почву под ногами, укрепляли свои позиции и предпринимали контратаку, одерживая в итоге решительную победу. Однако в этот раз не было ни ободряющих призывов, ни обычных криков «За мной, карфаганцы!». Была молчаливая отчаянная бойня, раздавались стоны падающих воинов, освобожденные из темниц тел души благодарили врага, слышались предсмертные стоны. Воины дрались отчаянно и торопливо. Ряды карфаганцев качнулись, смешались. Стойкость покинула солдат, и они неожиданно для себя вынуждены были постоянно отступать. Карфаганцы двигались не вперед, а назад, теряли свои позиции и отступали, отступали, отступали...

Солдат закрыл лицо руками. Это поражение вытаскивало из недр его беззащитной души тень воспоминания о другом поражении, которое произошло в позабытом прошлом. Горечь сдавливала его горло. Стон сорвался с губ. Он хотел умереть. Ну почему, почему снова?.. Солдат был уверен, что именно поэтому он покинул родной мир — рассудок не выдержал и полетел прочь, избавившись от мучений. Если бы только он взял себя в руки, воззвал к воинам, велел им сплотиться... Но он не сделал этого, и никто другой не сделал. Ни один офицер, ни один сержант — никто не воодушевил строй. Когда варвары бросились в наступление в третий раз, на глазах Солдата под боевым молотом дикого воина-пса пал полководец Джаканда. Никто не встал на его место, не приказал трубить построение, бить в барабаны, что привело бы врага в замешательство.

Карфаганцев истребляли быстро и беспощадно. Бесчисленные племена людей-зверей, где воспитание боевых навыков являлось неизменной частью взросления, ползли на неприятеля, с легкостью восполняя потери. Они впитывали поражение как губка и без лишних размышлений высылали в бой новые орды. Психологический аспект поражения не сказывался на них. Они привыкли проигрывать. Им неведом был стыд. Проиграв, они лишь набирались решимости отомстить врагу. Варвары собирались, пополняли свои ряды и не теряя времени снова бросались на неприятеля.

Карфаганцы же, напротив, ожидали легкой победы. Их армия состояла из самых дисциплинированных и вышколенных воинов. На создание такой армии требовалось много времени и труда. По-

бедить ее было практически невозможно, и потому, когда это все-таки произошло, люди были потрясены до глубины души. В голове свербила одна и та же мысль: свершилось немыслимое — а с этим не так-то просто жить. Прямо на поле боя, когда исход битвы стал очевиден, многие офицеры и простые солдаты пали от своих собственных мечей. Другие — те, кто умел готовиться к непредвиденным событиям заранее, — приняли яд, который держали на подобный случай в перстнях и медальонах.

Жалкое это было зрелище. На палубе рыдали и женщины, и мужчины. Один или два воина бросились в темные морские волны. Никто не попытался остановить их, никто не закричал, что за бортом люди. Несчастные не хотели, чтобы их спасали. Воины ушли под темную воду с благодарностью за то, что им не придется смотреть в глаза своим семьям и друзьям, что остались в Карфаге. Души, освобожденные хозяевами, шептали слова благодарности, направляясь к небесам.

Когда флот прибыл в Карфагу, люди уже знали о том, что случилось. Поражение предсказывали пророки местных храмов, и в городах и деревнях скорбели. Воздух наполнялся плачем живых, которые оплакивали прежде всего разгром своей армии, а уж потом гибель родных и любимых. Люди рвали на себе волосы, сбрасывали сандалии и ходили по кактусам или раскаленному камню, чтобы через страдание облегчить душевную боль. Смотреть, как они переживают унижение, было невыносимо. Женщины посыпали себя прахом и в таком виде бегали с безумными глазами по улицам. Мужчины били себя дубинами и стегали плетками до потери сознания. Дети лежали, прижавшись к земле, и рыдали, не понимая, почему вдруг наступил конец света. Карфаганцы приносили в жертву собак и голубей, забрасывали улицы увядшими цветами, заколачивали досками окна, чтобы в дома не проникал солнечный свет.

Творилось нечто ужасное.

При первой возможности Солдат направился к границе Карфаги, чтобы переправиться в Сизад.

Глава пятнадцатая

Теперь над южной частью материка Гвендоленд появились звезды. Шагая по единственной дороге к Уан-Мухуггиагу, Солдат задумался, что бы это могло означать. Видимо, власть ОммуллуммО

распространялась не повсюду. Под его контролем находилась только северная часть страны и, вероятно, южная оконечность континента. Возможно, чародей просто решил, что не имеет смысла держать в кулаке весь Гвендоленд, поскольку не собирался распространять свое влияние на страны по ту сторону океана.

Покрытая желтой коркой дорога извивалась по сильно пересеченной местности. Ветер постепенно крепчал, набирая силу и поднимая пыль. С востока тянуло горячим воздухом. Погода переменилась, но Солдат не придал этому особого значения. На его сердце лежала тяжесть. Сейчас он мог думать лишь о поисках жены. А что касается судьбы Зэмерканда — так это теперь в руках Гумбольда. Возможно, находящиеся под его подчинением имперские войска удержат город, а может, и нет. Наверняка найдутся предатели, которые откроют врагу ворота. С другой стороны, город не так-то просто взять осадой. По крытому каналу будут доставлять припасы. Если только варвары не обоснуются у морского выхода из канала, ждать капитуляции Зэмерканда им еще очень долго.

Сквозь водовороты песка Солдату удалось разглядеть небольшую рощицу чуть поодаль. Деревья откидывали в лунном свете тени на дорогу. С другой стороны рощи в черные решетки теней въехал всадник. У него на плече сидела птица, как показалось Солдату — сова. Человек с птицей ехал прямо навстречу, по той же стороне дороги. Лошадь двигалась неторопливым шагом.

Солдат взялся за меч и приготовился при первой необходимости им воспользоваться. Не стоит доверять незнакомцам, бродящим посреди ночи вдали от людского жилья. Однако всадник и не думал хвататься за оружие. Он был весь укутан в охотничье облачение, и единственным оголенным участком тела оставались глаза — сквозь узкую щелку всадник смотрел на дорогу. Солдат отступил вправо, пропуская лошадь незнакомца, поскольку сам всадник не выказывал намерения его объезжать.

Солдат и незнакомец миновали друг друга, не проронив ни слова. В последнюю секунду Солдат взглянул на лицо незнакомца. Лошадь вместе с ездоком и совой миновала Солдата, клацая копытами по сухой земле.

Ветер крепчал, песок бил по спине. Солдат втянул голову в плечи и стал размышлять, где бы ему укрыться от бури. Справа от дороги виднелось скопление крупных валунов. К тому времени, как он добрался до убежища, видимость снизилась до сотни ярдов.

Внезапно Солдат остановился — его осенило! Он обернулся и стал пристально смотреть на дорогу. То же самое сделал и встреченный несколькими мгновениями раньше ездок. Сложно было

рассмотреть что-нибудь вдали из-за темноты и висевшего в воздухе песка, фигура всадника едва вырисовывалась на фоне окружающего ландшафта. Очевидно, незнакомца посетило то же открытие, что и Солдата, только раньше. Теперь они оба что-то знали, и всадник возвращался, без всякого сомнения, вооруженный. Он надеялся застать Солдата врасплох, подкравшись сзади.

Это было последнее, что увидел Солдат, — потом все скрылось в порывах разбушевавшейся песчаной бури. Солдат нашел расщелину между двух камней, развернул плащ и устроил подобие навеса, защищавшего от пыли и песка. Все это время он думал о наезднике, укутанном в холстину, и о том, кто может скрываться под слоями ткани. В первые часы ночи волшебные ножны дважды предупреждали его о присутствии врага, но в итоге так ничего и не произошло, а когда забрезжил рассвет, предупреждения прекратились.

Несколько часов спустя, когда непогода улеглась, Солдат вышел из-за скопления валунов и стал искать следы всадника. И ничего не нашел. Все скрыла буря.

Солдат снова тронулся в путь и два дня спустя добрался до Сизада.

Отыскав таверну, где оставался Спэгг, Солдат обнаружил там не только торговца руками, но еще и Голгата. Оба несказанно обрадовались при виде целого и невредимого товарища. Их самые страшные опасения не подтвердились, он вовсе не пал с другими братьями по оружию на поле боя. Солдат вкратце рассказал о том, как переправился через море и какое царит в Карфаге несчастье. Наконец повествование подошло к концу, и Спэгг протянул ему чашу с вином.

— Друзья, — сказал Солдат, — какой ужасный день.

Спэгг кивнул, оглядывая товарища с ног до головы.

— Да уж, тебя здорово потрепало. Только взгляни!.. Меч побит не хуже сковородок моей мамочки, одежда в сплошные лохмотья превратилась, а в волосах пыль с доброй половины материка собралась, остальная — к лицу прилипла. Тебе неплохо бы желудок прочистить. Я бы предложил еще и молоденькую дамочку в придачу, но знаю тебя и твои странные принципы — для жены себя бережешь или как ты это там называешь...

Солдат покачал головой:

— Да уж, повеселился на славу. Если говорить по правде, я бежал. Бежал с поля боя. Настоящий воин остается с товарищами и погибает в бою со своим шатром. А я бежал.

— Битва была проиграна, командующий пал, все закончилось, — твердо возразил Голгат. — Не терзайся. Никому бы ты не

помог, если бы остался на поле, когда варвары добивали раненых. Назови это отступлением.

— И все же я бежал.

— Знаешь, тебе неплохо было бы отдохнуть, — сказал Голгат. — Нам всем сейчас несладко. Одно утешение — город не сдался. Канал все еще открыт. Я по нему и выбрался. Брат назвал меня трусом, но я все равно поехал, потому что знал: если ты жив, тоже направишься сюда.

Солдат по-дружески сжал его кулак и отвел взгляд.

Вконец измотанный, он откинулся на тахту в углу комнаты и разрешил Спэггу снять с него доспехи.

— Пару ночей назад мне по пути встретился один человек. На дороге в Карфагу.

— И что? — спросил Голгат.

— Я заглянул в его лицо, освещенное лунным светом, когда мы миновали друг друга. Я не сразу понял, в чем дело. А когда понял, было поздно — началась песчаная буря. Похоже, он тоже кое-что заподозрил, даже раньше меня, потому что развернулся и стал возвращаться.

Спэгг глядел на Солдата, разинув рот. Голгат кивнул.

— И что вы оба увидели?

— Это был призрак, — осенило Спэгга, — он хотел сожрать тебя.

— Нет. Голубые глаза. У него были голубые глаза.

— А я думал, что ты в этом мире один такой голубоглазый, — сказал Спэгг. — Ты хочешь сказать, что незнакомец прибыл из твоего мира?

— Не знаю, — устало ответил Солдат. — Если да, то мы враги. Я не могу этого объяснить, я просто чувствую, уверен. А теперь мне надо поспать. Простите, друзья, я столько дней...

Предложение он не закончил. Спэгг укрыл Солдата одеялом и приложил к губам палец, но Голгат и сам понял, что лучше не шуметь. Гутрумитский воин вышел из комнаты и направился вниз, чтобы выпить и поразмыслить, что к чему.

Ястреб камнем падал на Ворона. Черная птица резко свернула в сторону и бросилась вниз, к волнам. Дул сильный ветер, и высокие волны катились по беспокойному, белому от пены морю. Внизу было небезопасно: у самой поверхности охотились хищные рыбы. Они выпрыгивали из воды, хватая птиц на лету. Ворон частенько видел, как это происходит. Чайки и глупыши исчезали в глотках акул и морских щук. Глядишь, вот он, летит свободный и вольный, а в следующий миг его уже утащили под воду и съели.

Ястреб вырулил из траектории падения и взмыл вверх, держась над Вороном, но теперь не торопясь нападать.

— Ага! Испугался промахнуться! Да уж, водица-то близко, — поддразнивал его Ворон. — Как же хозяин не наделил тебя особыми способностями вроде храбрости и дерзости?

Ворон уже понял, что ястреба послали с ним расправиться. ОммуллуммО приказал хищникам — орлам, ястребам, соколам — уничтожить всех воронов в мире, полностью истребить их как вид. Однако хитрые вороны умеют выживать. Будет жестокая бойня, но многие спасутся от уготованной им участи.

Ворон взмывал вверх и опускался к водным кручам, не забывая следить за летящим в небе преследователем. Обе птицы уже начали уставать и подверглись нападению чаек, когда летели над побережьем. Морским птицам не нравится, когда на их территорию вторгаются птицы континентальные. Подобная агрессия сплачивает их, и они, отбросив на время мелкие дрязги, объединяются и атакуют нарушителя границ своих владений. Большого ястреба и ворона долго еще преследовали в море, пока наконец чайки не устали и не повернули к берегу.

Пена и брызги летели в глаза и мочили перья Ворона. Он намок и теперь стал тяжелее, чем раньше. Ему требовалось немало сил, чтобы продолжать полет, не сбиться с курса. Ястреб поначалу отстал, но теперь снова умудрился нагнать Ворона и летел высоко над ним, придерживаясь правой стороны.

Вскоре впереди показалась небольшая группа островов. Ворон боролся с искушением опуститься на клочок суши и перевести дух, собраться с силами, прежде чем совершить последний рывок до Гвендоленда. И все же он пролетел мимо этих островков песка и камня, прекрасно сознавая, что, лишь только он попытается приземлиться на какую-нибудь подходящую ветку, на него тут же спикирует ястреб.

Наконец показался долгожданный континент. Ястреб стал снижаться и попытался применить стратегический маневр, который используют гончие псы. Он молнией пронесся над гребнями вздымающихся волн и, резко развернувшись, подрезал Ворона в полете. Но ястребу не хватило простого мастерства собрата по охоте — гончего пса. Для смертельного удара ястребу требовалось увеличить свой вес за счет ускорения, которое он приобрел бы, спикировав с высоты.

И потому хищник начал подниматься в небо, чтобы предпринять последнюю попытку убить Ворона.

Он достиг только половины желаемой высоты. Полет давался ему с трудом, ястреб поднимался все медленнее и медленнее, ос-

тановился в воздухе и завис в кобальтовой сини. Затем крылья хищника сложились, он камнем полетел вниз и рухнул в море. Обессилевшая птица билась в воде, изредка хлопая крыльями. Жизнь медленно покидала ее. А затем произошло неизбежное: из морских глубин вынырнула полная острых зубов пасть и прекратила страдания неудавшегося охотника. Одинокое серое перышко колыхалось теперь на водной глади, напоминая о случившемся.

— Поделом тебе, когтистая куча перьев.

Ворон, довольный, что отделался от преследователя, полетел вдоль береговой линии, где его вновь некоторое время преследовали чайки, а затем нашел деревце, на котором можно было спокойно присесть и передохнуть.

— У меня послание. ИксонноскИ просил передать тебе, что находится в безопасном месте. Ему жаль, что вы проиграли; как только он станет Королем магов, дикие племена северян вновь будут подавлены. Так, что еще? — Ворон почесал голову когтистой лапкой. Трое зрителей взирали на этот акробатический номер раскрытыми от изумления глазами. — Ах да, еще он рад, что тебе удалось спастись, и желает удачи в поисках жены.

Солдат кивнул:

— Значит, насколько я понял, он не побоялся рассказать тебе, где прячется?

— Только потому, что я однажды предал тебя, не надо думать, будто я буду теперь предавать всех и вся.

— Нет, конечно. Но не исключаю, что ты на это способен. — С некоторой долей разочарования Солдат добавил: — Значит, тебе он доверился, а мне — нет.

— Я посланник. Я должен знать, куда доставлять почту. Слушай, ты все никак не можешь забыть о том, что я тебя предал. Так вот знай, что я жизнью рисковал, доставляя тебе это послание. ОммуллуммО выслал за мной ястреба. Кровожадная бестия хотела выпустить мне кишки. И вот вся твоя благодарность?

Спэгг спросил:

— А что случилось с ястребом?

— Умер у меня на глазах — не выдержал гонки. Рухнул с неба камнем. Застрял в пищеварительном тракте акулы. Если тебя кто-нибудь спросит, кто из птиц сильнее, ястреб или ворон, можешь смело говорить, что вороны способны творить чудеса, когда надо показать стойкость духа, а ястребы вообще ни на что не годны.

Ворона поблагодарили за послание, накормили и отправили на все четыре стороны.

Солдат все еще был подавлен из-за поражения, хотя и начал потихоньку смиряться. Он решил, что нельзя забивать себе голову такими проблемами в то время, как жена сидит где-то замурованная в темницу, а может, даже страдает от жестокой руки деспота. Пора браться за дело.

Голгат организовал встречу с офирийским султаном. Спэгг остался в таверне, а Солдат и Голгат взяли провожатого и направились к оазису, что располагался вдали от города, в самой пустыне. В первый раз Солдат путешествовал на верблюде.

— На верблюде надо ехать, перекатываясь, — объяснил Голгат. — Представь, будто ты на корабле.

— Стараюсь, — ответил Солдат, который не испытывал особого восторга от езды на верблюде, — но каждый раз, когда эта бестия поворачивается вправо, я качусь влево. Горб слишком мягкий, удержаться на нем невозможно. Такое чувство, что я вот-вот упаду.

— Привыкнешь.

Верблюд, на котором восседал Солдат, повернул голову, взглянул на своего неловкого седока и с чувством плюнул огромным шматком жвачки в стену ближайшей хижины. Слюна с силой ударила в дверь, обдав ее брызгами. Заметив это, взбешенный обитатель жилища выглянул из окна и наградил Солдата жестом, который в любой культуре истолковывается однозначно. Солдату очень хотелось послать тому ответное пожелание, но Голгат вовремя его остановил:

— Все закончится потасовкой, а у нас еще полно дел.

День был в самом разгаре, когда друзья добрались до дрожащего в горячем воздухе оазиса. Из-за пальм вышел огромный золотой зверь, сверкавший так ярко, что у Солдата защипало глаза. Это существо бежало и трубило огромным длинным хоботом, будто предупреждало о том, что вот-вот протаранит приближающихся верблюдов. Сопровождающий тут же дал деру, оставив своих подопечных на милость атакующего слона. А поскольку верблюды не подчинялись им, Солдат с Голгатом были беспомощны. Они просто сидели и ожидали неизбежного.

Неизбежное оказалось лучше, чем можно было предположить. Прямо перед ними слон резко остановился, по-прежнему трубя и топая ногами. Теперь стало ясно, что он изготовлен из желтой меди и весь покрыт странными символами, а яростный огонь, что пылал в его глазах, оказался искусственным.

На спине механического чудища крепился удивительной красоты латунный паланкин — воистину произведение искусства — с зарешеченными оконцами и четырьмя роскошными флагштоками, на каждом из которых крепился цветной треугольный флажок. Как и сам слон, паланкин был отполирован до блеска. При бли-

жайшем рассмотрении на металлической «шкуре» слона стали различимы маленькие дверцы без ручек — без сомнения, ячейки, за которыми скрывалось секретное содержимое. Ноги слона — округлые медные ножны, точно подогнанные друг к другу, которые складывались наподобие подзорной трубы, так что ноги машины сгибались и разгибались при ходьбе.

Одно из окошек паланкина открылось, и из него высунулся толстый улыбающийся человек. Тут же поднесли золотую лестницу, по которой человек спустился со спины латунного слона. Заметив, какое впечатление его транспорт произвел на странников, обладатель желтого слона рассмеялся.

— Восхитительная игрушка, правда? Из самого Ксиллиопа, города латуни, что лежит в жарких песках пустыни Джа-джа. В Ксиллиопе все сделано из латуни. Там есть маленькие-маленькие игрушки и большие-большие часовые механизмы. Тамошним литейщикам и плавильщикам нет равных. Они могут сравниться в мастерстве с великим Создателем мира — богом, который сделал всех людей и зверей на суше, птиц в небе и населил рыбами все десять внешних морей и два внутренних.

Голгат сразу понял, что их пытаются вызвать на спор: один бог создавал мир или несколько. И если он все-таки позволит втянуть себя в дискуссию, то укажет на то, что сотворение мира — работа слишком большая для одного бога. Идея, что мир вообще был сотворен, кажется нелепой образованному человеку. Самые рациональные философы сошлись во мнении, что мир уже существовал, когда на него прибыли боги и обосновались на горных вершинах, а потом сделали людей и заселили ими долины и низменности. А если мир и был кем-то сотворен, как заявляли величайшие из философов, тогда его выплюнула гигантская ильная рыба.

— Прекрасный зверь, — сказал Солдат и провел ладонью по латуни, горячей, как раскаленная плита. — Вы просто счастливчик.

Владелец замечательного слона просиял от удовольствия.

— Идите сюда. Я султан Офирии. Приглашаю вас в свой шатер. Составьте мне компанию. Попьем горячего-прегорячего чаю с сухим печеньем.

Султан был одет в зеленые воздушные шелка, на голове его возвышался огромный белый тюрбан, к которому был пришпилен драгоценный камень размером с кулак Солдата. Пальцы босых ног султана были унизаны кольцами, лодыжки были украшены бусами. На золотом поясе болтался инкрустированный алмазами клинок. В ямочке на подбородке сиял изумруд.

Одна рука султана была сделана из чистого золота, внутренние части ее были механическими. Голгат успел поведать Солдату,

что руку откусил крокодил, когда султан еще ребенком играл в протекающей по дворцовому парку реке. Теперь тот самый крокодил был его домашним животным, и султан с ним никогда не расставался. Он возил его с собой повсюду в хрустальном аквариуме, который стоял на повозке, запряженной шестью прекрасными буйволами мышастой масти.

Никто не мог сказать, какие отношения связывали султана с его питомцем. Кто-то говаривал, что владыка день и ночь пытает несчастное существо. Другие считали, что, поскольку в крокодиле находится часть самого султана, то он по праву должен пользоваться всеми правами, положенными правителю Офирии. Одно было известно наверняка: султан никогда не скармливал крокодилу врагов — это была привилегия его излюбленных собак. И потому логично было бы предположить, что близость султана и крокодила завязана на мистическом родстве душ.

Султан направился к своему шатру, и вокруг владыки засуетились слуги и рабы — точь-в-точь деловитые муравьи. Они безмолвно создавали удобства на пути султана: мужчины несли над его головой огромные зонтики от солнца, женщины разворачивали под его ногами ковры, чтобы украшенные драгоценными камнями стопы не касались земли. Рядом бежали дети с прозрачными, покрытыми капельками росы освежителями воздуха и дули в антилопьи пузыри, прикрепленные к проколотым бамбуковым шестам.

Шатер был огромен — почти такой же величины, как военные шатры карфаганской армии; его темно-синюю ткань украшали колокольчики, которые на разные голоса позванивали на легком ветерке. От края шатра на двадцать метров в стороны отходили навесы, дававшие тень прекрасным мужчинам и женщинам, чьи пышные одеяния говорили об их принадлежности к знати.

Едва друзья поравнялись с деревьями, Солдат стал свидетелем одной смерти.

Телохранители султана крепко схватили какого-то человека, зажав руками его рот и нос. Несчастного держали так до тех пор, пока его глаза не вылезли из орбит, а лицо не посинело. Затем, к немалому потрясению Солдата, в глотку пленника быстро втиснули осиное гнездо, единственным отверстием внутрь. Бедолага сделал рефлекторный вдох и с силой втянул в себя воздух, а вместе с ним целый рой ос. Насекомые тут же стали жалить его в глотку и легкие.

Человека швырнули на землю; он некоторое время бессвязно стонал и вскоре задохнулся от того, что внутренние органы раздулись до чудовищных размеров.

— Что он сделал? — спросил Солдат.

Султан плюнул на тело и прошипел:

— Он смотрел на мою жену.

— И только?

— Моя драгоценная Лунна Лебяжья Шейка купалась. Этот дьявол сделал себе костюм из собачьей шкуры и прокрался к краю бассейна. Она приняла его за одну из гончих. Мерзавец увидел мою дражайшую, в чем ее родила замечательнейшая из матерей. Знал ведь, что умрет ужасной смертью, и все равно не мог устоять перед чарами Лунны! Она так прекрасна, что мужчины теряют головы и все готовы отдать, лишь бы взглянуть на нее хоть одним глазком. Это произошло год назад. С тех пор нечестивца каждый день понемногу пытали. А сегодня по доброте душевной я даровал ему избавление от мук.

С неподдельной искренностью в голосе Голгат сказал:

— Вы очень добры, о повелитель.

Султан развел руки.

— Ну конечно же. Ведь я султан.

— Совершенно верно.

Султан проводил гостей в шатер и пригласил их рассаживаться. На каждый из многочисленных ковров можно было купить маленькое королевство. В тени, в глубине шатра, виднелись тусклые очертания продолговатой хрустальной емкости, из которой иногда доносился плеск воды.

Потягивая чай, Солдат попросил султана об услуге, объяснив, что его дорогая жена находится в плену в Уан-Мухуггиаге и ему требуется помощь султана в ее поисках.

Султан с энтузиазмом откликнулся на просьбу Солдата.

— Сами звезды послали тебя ко мне с этой бедой, — начал он взволнованно, — потому что моя собственная милая любимая жена тоже пропала и находится в плену у этого разбойника, у этой свиньи, Халифа Сильнейшего. Он устроил налет на мой дворец, когда меня не было. Той ночью я вырвал на себе все волосы и поклялся, что он умрет. Помоги мне вернуть мою любимую женушку, и я помогу тебе найти твою.

Солдат не слишком долго обдумывал это предложение, потому что знал, что от него ожидают быстрого ответа.

— Я сделаю все возможное, чтобы вырвать вашу жену из лап вора и похитителя Халифа.

— Сильнейшего. Халифа Сильнейшего. В пустыне очень много Халифов. Ты должен найти именного того, кого нужно, иначе мне попадется уродливая жена, и я не буду знать, что мне с ней делать. Если ты украдешь наложницу Халифа Лютого, мне придется отослать ее обратно, что будет унизительно для нас обоих. Если возьмешь любовницу Халифа Рыжего, мне придется бросить

ее на съедение крокодилам, что ранит мои нежные чувства. Если украдешь возлюбленную Халифа Мучителя, моего брата, ты навлечешь на мою семью войну, и много людей падут жертвами меча. Нет-нет. Моя Лунна Лебяжья Шейка, самая прелестная женщина в мире, именно у Халифа Сильнейшего.

Солдат мельком взглянул на Голгата, на лице которого застыло блаженное выражение паломника, только что вернувшегося из похода по святым местам.

— Запомнил: Халиф Сильнейший. Я найду твою жену Лунну. А Лунна только одна, или их тоже много? Лунна Газелья Шейка, к примеру?

Султан был потрясен.

— Нет, конечно же, нет! Есть только *моя* Лунна.

— А в каком направлении лежат владения Халифа Сильнейшего?

— К западу. — Султан пристально посмотрел на лицо Солдата. — Да, я слышал, что у тебя синие глаза, каких не сыскать. Странно, очень странно. Хотя на прошлой неделе я слышал о человеке с точно такими же глазами, который ехал на восток. Караванщики встретили его по пути. Он говорил на странном-престранном языке. Ты слышал о нем?

— Я слышал о нем, но его личность остается для меня загадкой. Я даже видел его. Думаю, он хотел меня убить.

— Да, говорят, что он ищет человека с такими же глазами, как у него. Но все равно он направился на восток, а ты отправляешься на запад. Скорее всего вы никогда больше не встретитесь. Мне рассказывали, что у него жестокое-прежестокое лицо — не такое, как у нас с тобой, а преисполненное злобой. Горькие мысли исказили его черты. Его сердце, мне сказали, полно ненависти.

— Не такое, как у нас с вами, мой повелитель.

— Нет. Мы милейшие из людей и ни на кого не держим зла. Мы исполнены добротой, как эти кубки наполнены вином. Впрочем, пора. Так пей же, пей, ведь облака, что ввечеру плывут, охотником накинут петлю света на башню во дворце султана.

Трое мужчин поднесли к губам золотые кубки и испробовали вино, которое заставило бы и соловья петь ради еще одной капли.

— Последние твои слова... — промолвил Солдат. — Кажется, я где-то их уже слышал. Похоже на стихи. Мне это что-то смутно напоминает, что-то пробуждается в глубине сознания...

— Мне тоже, — пробормотал Голгат, и глубокая морщинка прорезалась между его бровей.

— И мне, — сказал потрясенный султан, — а ведь у меня плохая память на стихи.

Все трое стали размышлять о величии прекрасных слов. Затем последовали три глубоких вздоха — ни один из присутствующих не смог вспомнить, где услышал эти строки в первый раз. Султан сказал, что здесь кроется одна из величайших загадок жизни и, без сомнения, один из них проснется посреди ночи и выкрикнет имя поэта, но забудет его еще до того, как утро выкатится из темного кубка ночи.

И вновь все трое потрясенно замолчали, погруженные в раздумья.

Солдат проснулся незадолго до рассвета и понял, что заснуть не сможет. Ему снилась Лайана, и он очень расстроился, не обнаружив ее рядом.

Остальные пока спали, и он пошел прогуляться по песчаным дюнам. Как только лучи солнца коснулись высокой дюны, Солдат увидел двух демонов, которые шагали по самому гребню. Они шли не спеша, рука в руке, и весело потешались над забавным случаем — один из демонов вошел в человека и заставил его броситься со скалы.

Демоны подходили ближе, и глаза их превратились в желтые щелочки на длинных страшных мордах. В подобных обстоятельствах человек должен быть готов к тому, что его разорвут на куски. Демонам не нравится, когда их прогулки прерывает своим появлением смертный.

Но когда они приблизились, выражение лица одного из демонов изменилось, и он бросил мимоходом:

— Я не видел тебя случайно на похоронах чародея?

— Видел, — уверенно ответил Солдат, понимая вдруг, насколько ему повезло. — Помню, мы даже перекинулись парой словечек.

— Да, я тебя сразу узнал. У меня хорошая память на лица.

И с тем демоны продолжили прогулку, все еще посмеиваясь над недавней встречей, которая закончилась самоубийством глупого человечишки. А Солдат пошел своим путем, удивляясь собственному везению и любуясь наступающим днем.

Глава шестнадцатая

Спэгг отказался присоединиться к отважным искателям приключений, и они отправились вызволять Лунну Лебяжью Шейку вдвоем.

— Мне уже довелось с ним попутешествовать, — сказал Спэгг и указал на Солдата вилкой, на которую до самого верха были на-

цеплены ломтики баранины. — Признаюсь, не слишком-то это напоминало приятную загородную прогулку.

Вилка отправилась в рот, и баранина исчезла в глотке.

— Тогда оставайся здесь, — сказал Солдат, — на случай если вернется Ворон и принесет весточку от ИксонноскИ. А мы тем временем...

— А я тем временем неплохо повеселюсь.

Солдат с Голгатом удалились, оставив Спэгга нарезать баранину. В этом теплом благодатном климате продавец рук наращивал жирок и был несказанно доволен жизнью. Товары здесь были гораздо дешевле, чем в Зэмерканде, в особенности баранье и козье мясо, которое так обожал Спэгг. Правда, с пшеничным хлебом дела обстояли плохо, зато продавалась масса мучных изделий из прочих злаков: к примеру, кукурузный и рисовый хлеб. А еще тут всегда можно было купить какие-нибудь фрукты по сезону. Одним словом, желудок Спэгга никогда не пустовал. Кроме того, к Спэггу порой забегала его дородная возлюбленная. Она мчалась к нему, едва только корабль швартовался в порту. От прошлых походов у Спэгга на руках и ногах остались рубцы. В минуту слабости он похвастался своим друзьям, что когда они с Маракешкой занимаются любовью, она просовывает указательные пальцы в дырочки на его руках. И еще он поведал, что это ее сильнее возбуждает, чем поверг друзей в крайнюю степень отвращения.

Солдат уже начал привыкать к своему верблюду. Поначалу он пытался ездить на нем, как на лошади. Но потом все-таки смирился, решив, что животное имеет полное право ходить вразвалочку и важничать, и научился балансировать на спине животного в такт с его движениями.

Друзья хорошо подготовились к путешествию по пустыне: следом шли два груженных припасами верблюда. К тому же они обзавелись парочкой астролябий на случай, если потеряются во время песчаной бури, которыми так изобилует этот район. Основная проблема, с которой сталкиваются путешественники в пустыне, — нехватка воды. Султан снабдил друзей картой колодцев; впрочем, источников было мало, они представляли собой лишь эпизодические крошечные точки на необъятных просторах, а потому друзья предусмотрительно прихватили несколько запасных бурдюков.

Солдат и Голгат с ног до головы были закутаны в одежды, какие обычно носят обитатели пустынь, и на расстоянии их можно было принять за кочевников.

— Тебе, мой друг, — начал Солдат, — не стоило отправляться со мной. Я сам отыщу эту женщину.

— Ты спас мне жизнь, и я твой должник.

— Пойми меня правильно, я рад иметь такого спутника, только ты ведь не всю жизнь должен со мной расплачиваться. Человек спасает многих на поле боя, просто вовремя оказавшись рядом. Сколько еще ты собираешься быть моим должником?

— Когда я решу, что отплатил тебе сполна, я сообщу. Я ценю свою жизнь дороже, чем ты думаешь. А кроме того, я люблю приключения. Вот для моего брата главное амбиции. Ну и пусть сидит дома и подбрасывает поленца в сигнальные костры на стенах Зэмерканда. А я уж лучше поищу легендарный город Ксиллиоп, из которого происходят такие чудеса, как слоны из желтой меди. Там есть двухголовые леопарды и крылатые львы, там цветет белая каменная роза, наполняя воздух чудесным благоуханием. Почему я должен спешить домой к ворчливой жене и капризным шалопаям, когда могу быть здесь, дышать знойным воздухом пустыни и занимать ум размышлениями о странных поэмах?

— У тебя нет жены, не говоря уже о детях.

— Могли бы быть, если бы я остался дома. Скучающий человек что угодно сделает, лишь бы хоть чуть-чуть скрасить будни.

Солдат никогда прежде не попадал в настоящую пустыню. Уже в пути он удивился разнообразию местной фауны. Там были змеи, ящерицы, скорпионы и с дюжину разных мелких млекопитающих. Нередко радовали глаз газели. А еще канюки — крохотные пичуги, которые снуют туда-сюда в поисках жуков и пауков, выползающих в ночные часы из-под камней.

Дни стояли жаркие, солнце безжалостно припекало головы. Зато по ночам температура падала ниже нуля, превращая воду в бурдюках в лед. От такой резкой смены температуры трескались камни, издавая звук подобный удару хлыста. Порой Солдату не удавалось заснуть из-за этого треска, пронизывающего холода, от которого ломило кости, да шороха ночных обитателей пустыни.

Как-то вечером путники разбили лагерь у пресноводного источника. Вдали темнели сгорбленные очертания гор. Путники сильно утомились в тот день и не могли идти дальше. Вдруг на небе стали образовываться необычные скопления облаков, и Солдат встревожился, как бы не случилась буря.

— Я раньше думал, что пустыня — безжизненное, одинокое место, — поделился он с Голгатом. — Как же я ошибался в первом и как был прав насчет одиночества. Не удивлюсь, если на этих позабытых богом песчаных просторах поселился какой-нибудь отвергнутый ангел.

— Интересно. Гляди, как далеко уходит горизонт. Так можно решить, что мир пуст. Но мы-то знаем, что далеко отсюда распол-

заются вширь города, в которых кишат люди, словно личинки в тухлом мясе. Как все-таки полезно пожить иногда вдали от суеты и толкотни. А что такое *ангел?*

Солдат удивился.

— Ты не знаешь, что такое ангел? Вероятно, в вашем мире ангелов нет... Ангел — очень необычное существо. Некоторые называют ангелов крылатыми посланниками бога, которые приносят людям вести в виде слов, а также насылают на смертных огонь и гибель. Они исполнены доброты и справедливости.

— Да уж, судя по твоему описанию, — сказал Голгат. — Особенно мне понравились огонь и гибель.

— Это лишь для дурных людей. Ангелы — прелестные создания, которые стоят у рыцаря на плече, когда он сражается с врагами.

— И оказывают ему неоценимую помощь, — фыркнул Голгат. — Большой жирный ангел забирается к тебе на спину, чтобы тебе тяжелее было драться.

— Ангелы — легкие воздушные существа, скорее дух, чем материя. Похоже, ты сейчас настроен высмеивать все и вся, — сказал Солдат. — Непонятно зачем.

Порядком повозившись с трутницей, Голгат развел костер и отступил на пару шагов, удовлетворенно глядя на пламя.

— Да, сюда бы твоего ангела — не пришлось бы мне так потеть. Ангелы-то еще ладно, но вот твоя теория о всеобщем едином боге ни в какие рамки не лезет! Такого просто не может быть... — И Голгат принялся объяснять, что один бог не способен обеспечить порядок в мире. Ведь надо и за погодой присматривать, и следить, чтобы моря не переливались, отводить лишнюю воду в реки, и все такое... Одному существу не справиться со столькими обязанностями, да еще когда к нему восходит столько молитв. Ведь Солдат никак не поймет очевидного: чтобы выполнять великое множество разнообразных дел на земле и небесах, нужно много богов.

— Все зависит от того, сколько в божественной сущности сосредоточено энергии.

Так они и продолжали спорить. Солнце зашло час, а то и два тому назад, и холод заполнил собой бесконечные просторы пустыни. А потом друзья заснули почти одновременно. В первые часы рассвета случилась буря. Путешественники, съежившись, сидели под самодельными укрытиями, прячась от летающего в воздухе песка вместе со своими животными. Наконец утреннее солнце пригрело их палатку мягкой теплой ладонью. Голгат первым вышел из тента и испустил такой возглас удивления, что Солдат тут же вскочил на ноги.

— Ты только посмотри! — выдохнул гутрумит.

Солдат и сам уже смотрел на чудесное зрелище, не в силах отвести глаз. Целый город сверкал в лучах солнечного света. Башни, большие и малые, шпили, купола — совсем как Зэмерканд. Вообще-то город отличался от Зэмерканда, в частности, тем, что его не окружала стена и не охраняли стражники, лишь у главных ворот стояли караульные. Без сомнения, это был Затерянный Город, который прибывал и убывал, точно луна, вместе с зыбучими песками вечности. Буря прошедшей ночи раскрыла его глазам людей. И возможно, сегодня ночью его снова скроет буря, оставив над песком лишь шпили самых высоких сооружений, которые будут гордо выситься на спине мира, как иглы дикобраза.

— Там какое-то движение, — удивленно сказал Голгат. — Я вижу на улицах людей и в окнах тоже. Непростой это город, явно заколдованный. Сказочная страна. Надо скорее уходить отсюда. Давай садимся на верблюдов, и поехали.

— Подожди, подожди, — ответил Солдат, поддавшийся очарованию города. — Уйти еще успеем, сначала надо все выяснить. Вдруг какую пользу из этого извлечем.

— Это не небесный город, в котором полным-полно твоих ангелов. Думаешь, город так прекрасен, оттого что у него золотое сердце? Вот уж нет. Это только чтобы глупцов заманивать. Приманка. Яркое перышко, блестящий камешек, привлекающие любопытствующих глупцов. Давай уходить. Сразу видно, что это ловушка. Почему город появился именно сейчас, будто специально для нас? Ничего хорошего из этого не выйдет, попомни мое слово.

— Нет, я хочу зайти туда. Возможно, там слышали о Лайане. Жди меня здесь, Голгат. Если не вернусь к полудню, приведи помощь.

— Привести помощь?! — закричал расстроенный гутрумитский воин. — Откуда, интересно, я приведу тебе помощь?

— Не важно, — сказал Солдат, не в силах отвести глаз от сверкающих зданий. — Я скоро вернусь.

С этими словами он побежал к загадочным зданиям.

Последовать за ним, дать ему хорошую затрещину и силой притащить обратно? Нет, Солдат стройнее и потому в беге проворнее. Голгату оставалось лишь беспомощно наблюдать, как его друг мчится к явной западне.

«Иногда Солдат наивен, как младенец. А последовать за ним в паутину прекрасной архитектуры, отказавшись от шанса на помощь, — еще большая глупость». Голгат хмуро и раздраженно ждал, надеясь, что Солдат выйдет живым и невредимым до того, как яркий язык солнца лизнет вертикальную отметку полудня.

* * *

Солдат вошел в город мимо стражников, что стояли у входа.

— Помни! — предупредил ближайший к нему стражник.

— Что помнить?

— Не забудь.

Все это показалось Солдату полной чушью, как и слова, выгравированные на мраморной арке:

ВОЙДЕШЬ С ИМЕНЕМ — УЙДЕШЬ НИКЕМ

Солдат миновал первое здание, затем второе и оказался на центральной площади, которая представляла собой что-то вроде парка, где деревья были сделаны из оникса и яшмы, и росли опаловые цветы со стеблями и листьями из малахита. Казалось, сама природа обратилась в этом заколдованном городе в камень, чтобы ее красота не погибла под песками. Птицы, сделанные из хризолита, агата и нефрита, мило посвистывали на ветвях и собирались стайками на статуях из гагата с халцедоновыми глазами. Похожие на изумруды жуки карабкались по выложенной плитами мостовой, повсюду носились бабочки с хрупкими хрустальными крылышками. Под ногами хрустела прошлогодняя листва, трескаясь, точно фарфор.

Площадь была переполнена людьми, и Солдат решился завести разговор.

— Сэр...

Человек, к которому он обратился, вперил в него безумный взгляд.

— Кто я?! Скажи, кто я!

— Я не знаю, — ответил Солдат, пытаясь отцепить пальцы незнакомца от своей одежды.

— Помоги мне найти свое имя!

— Я не могу.

Человек оставил его в покое и направился к кому-то другому, спрашивая об одном и том же и получая в ответ тот же вопрос.

Солдат решил, что ему просто не повезло, попался сумасшедший. Тогда он подошел к какой-то женщине, которая впилась в него таким же напуганным — и пугающим взглядом.

— Скажи, кто я? Я отдам тебе свое тело. Смотри, я привлекательна, ведь правда? Видишь, какая у меня тонкая талия и крутые бедра, красные губы, румяные щеки. Мне надо знать, кто я, иначе я сойду с ума. Может, уже сошла. Я здесь так долго, что даже не знаю, как давно сюда попала. Только я не могу уйти, пока не найду своего имени. Как мне найти его?

В ее волосах, одежде, на коже — везде был песок.

Солдат огляделся. Все жители этого пышного города точно зачарованные бродили вокруг без всякой видимой цели. На искаженных от горя лицах читалось отчаяние. Солдат входил в чудесный город с надеждой, что ему здесь помогут, а вместо этого попал в место, где все сами нуждаются в помощи. Люди здесь были обречены. Они считали себя загнанными в ловушку, хотя любой мог свободно пройти мимо часовых и бежать без оглядки. Разве нет? Солдат так и поступил. Он вышел тем же путем, что и вошел, оставив чудо-город позади. Никто не остановил его.

Вдалеке он увидел Голгата; воин помахал ему. Солдат махнул в ответ, а затем, к немалому ужасу друга, снова вошел в заколдованный город. Ведь секрет города так и остался не раскрыт, и Солдату ужасно хотелось во всем разобраться. Ну и задачку подкинул ему случай.

— Пожалуйста, помоги мне узнать свое имя, — взмолилась другая женщина и, притянув к себе Солдата рукой, усадила его рядом с собой на парковую скамейку. — Я сойду с ума.

Солдат не стал говорить ей, что она и так уже сумасшедшая.

— А сколько здесь всего людей? — спросил он, осматриваясь. — Почему никто не уходит?

— Сотни, может, тысячи. Они не могут уйти, пока не отыщут свои имена. — Она стала пристально вглядываться в его лицо. — А ты ведь не такой, как мы, да? Ты не представляешь, как тебе повезло.

Маленькая агатовая птица присела на краешек скамейки и начала чирикать. Казалось, она чем-то недовольна. Птица стала поклевывать тонким, точно игла, клювом руку женщины. Из ранки выступила капелька крови, которая засияла как бусина. Женщина с мольбой взглянула на птицу и отогнала ее прочь.

— Пири недоволен, что мы не расхаживаем бесцельно вокруг, как здесь полагается. Пири — хозяева города. Они изобрели его специально, чтобы пытать людей. Послушай, а ведь если на тебя и впрямь не действуют чары этого проклятого места, ты мог бы устроить пожар. Сожги нас всех. Ты не представляешь, какую окажешь этим услугу...

Пока женщина говорила, Солдат, повинуясь безотчетному порыву, обернулся и мельком заметил очертания другой женщины, которые показались ему удивительно знакомыми. Увы, она затерялась среди аметистовых деревьев, что, склонив ветви, стояли над блестящим гиацинтовым озером, по поверхности которого скользили два великолепных лебедя из турмалина. Лучи солнца играли на воде, сверкали на деревьях, свет тонул в общем мерцании и искрился, перепрыгивая среди всех этих прикрас. Яркие, прозрачные

точно хрусталь краски вспыхивали и гасли, мерцали, очаровывали, завораживали. Блеск драгоценных камней ослеплял и обманывал...

Солдат встряхнул головой, и в ней немного прояснилось. Одного взгляда на какую-то случайную женщину — одну из многих, блуждающих по площади и в парке, — было достаточно, чтобы... Что? А вдруг этот странный город дурачит его? Вдруг его и впрямь заманивают в ловушку, из которой не выбраться? А если он встанет и пойдет за промелькнувшей вдалеке женщиной? Если от него именно этого и ожидают? Может, ее и нет на самом деле, а он будет блуждать по городу целую вечность?..

Солдат взял собеседницу за руку.

— Мне пора идти. Прости, я не могу помочь тебе.

Она посмотрела ему в глаза.

— Ты хороший человек.

— Я мог бы, — сказал он, поддавшись внезапному порыву, — вывести тебя из города и показать тебе дорогу к людям.

Собеседница решительно покачала головой.

— Только когда найду свое имя.

— Как хочешь.

Солдат еще раз окинул взглядом площадь с толпящимися на ней людьми и пошел прочь по длинной узкой аллее.

Выходя из города, Солдат поймал на себе удивленный взгляд часового. Только теперь Солдат заметил, что перед ним стоит не живой человек, а механическое устройство, состоящее их неодушевленных двигающихся частей. Невзирая на это, часовой заговорил:

— Уходишь? Без памяти? Без имени? Никогда еще такого не видел.

Солдат мрачно усмехнулся:

— Я и раньше не знал, кто я такой. Так что город не имеет надо мной власти.

— Счастливчик.

— Может, и так.

Наконец Солдат вернулся к заждавшемуся Голгату.

— Как же это было глупо с твоей стороны. Ты мог застрять там навсегда, — сказал Голгат, когда Солдат поведал ему о своих приключениях. — Мне пришлось бы идти тебе на помощь.

— А вот это точно было бы глупо.

Голгат с Солдатом собрались в дорогу, не прекращая споров, и отправились дальше, на запад. По пути они оглядывались — на глазах город прятался под рыжевато-коричневыми песками. Постепенно пустыня добралась до самых вершин восхитительных башен,

которые теперь торчали из песка, точно растопыренные пальцы утопающего гиганта. Наконец самые высокие из вершин скрылись под песками, не оставив и следа. Далеко-далеко простиралась ровная, ничем не нарушаемая пустыня, одинокая и однообразная. И только легкий ветерок колыхал поверхность песков, точно по дюнам пролетали вздохи погребенных под ним людей.

Солдат с Голгатом лежали на земле, припав к песку и наблюдая за уходящим к горизонту караваном верблюдов.

— Обычный торговый караван, — сказал Голгат. — Нечего бояться.

— Почем знать, может, с ними охрана. Вдруг они настроены враждебно?

— Разумеется, с ними охрана, только не для того, чтобы нападать на таких, как мы. Они опасаются воинственных племен. Нам тоже стоит их поостеречься. Хотя караванщикам в отличие от нас есть что терять. У них полно добра... Смотри, остановились. Похоже, собираются разбить лагерь на ночь. Можно спуститься и перекусить с ними. Думаю, эти торговцы, перевозящие свой товар, — саманиты. Спокойный мирный люд, который заботится только о собственном благополучии.

Внизу, у подножия высокой дюны, начали разворачивать шатры — огромные черные сооружения со сложным набором клиньев и крепких канатов. Их устанавливали знатоки своего дела. Через полчаса на песке горели костры и в котлах побулькивало варево. Люди заходили друг к другу в гости, как поступают соседи, переехавшие в новое место.

— Как думаешь, стоит их навестить? — спросил Голгат.

Солдат засомневался.

— А это безопасно?

— В нашем мире нет ничего безопасного, друг мой. Уж не говоря о твоем походе в Город Забвения. Знаешь, там что-то вкусненькое готовят. Я спускаюсь.

— Ну ладно, пошли.

Друзья повели своих верблюдов вниз по склону, утопая по щиколотку в песке. Они услышали окрик со стороны лагеря и поняли, что их заметили. Вскоре к ним примчался мальчишка. Он запыхался, но улыбался до ушей.

— Отец просит вас отведать с ним чаю.

Голгат сказал:

— Сообщи отцу, что мы почтем за честь. Ты из какой семьи?

— Отца зовут Маалиш, а меня — Бак-лан-Маалиш.

— Сын Маалиша, — пояснил Голгат и обратился к мальчику: — Где нам помыть руки?

— Позади шатра стоит бочонок с водой, — радостно сообщил Бак-лан-Маалиш.

— Тогда мы сейчас же направляемся к твоему отцу.

К мальчику подоспели с полдюжины воинственно покрикивающих приятелей и девчонок, которые визжали одна звонче другой, и он убежал вместе с ними.

Гости омыли руки в медном бочонке, установленном на треноге у самого входа в шатер. Затем из шатра вышла женщина в паранджи и пригласила их войти.

В шатре было чрезвычайно уютно. Повсюду лежали ковры, со стен свисали сотканные вручную гобелены. Во мраке помещения горели источающие благовоние свечи. Нельзя сказать, что внутри было прохладно — особенно возле каменного очага с горящими дровами, — но все лучше, чем под нещадно палящим солнцем. Сидевший в углу юноша играл на струнном инструменте какую-то мелодичную песню. Мужчина постарше сновал из одного закутка в другой, разнося пиалы на медных подносах. Шатер делился на множество маленьких отделений, каждое из которых было закрыто непроницаемыми завесами.

— Приветствую! Пожалуйста, усаживайтесь.

Слова исходили от женщины без паранджи, сидевшей рядом со средних лет мужчиной. Хозяева были симпатичными людьми с открытыми лицами и красивыми здоровыми зубами. Мужчина стал разливать по пиалам чай из горшочка экзотического вида и внезапно поднял взгляд на гостей.

— Вам сладкий?

— Мне — нет, — ответил Голгат.

Солдат, который ни разу прежде не пробовал чай, не мог решить, что выбрать, и на всякий случай последовал примеру Голгата. Когда Солдат попробовал этот напиток — не слишком терпкий на вкус, — он понял, что сахар был бы лишним.

— Первый раз чай пробую. Очень освежает.

Хозяйка удивилась:

— В ваших краях нет чая?

Голгат решил сам ей все объяснить.

— Видите ли, в Зэмерканде есть чай. Только в основном там пьют разбавленное вино или густое пиво. А если нет ни того, ни другого, обходятся простой водой.

— Вода — тоже неплохо, — кивнула женщина. — Меня зовут Петра, а это мой муж, Юн Маалиш. Мой караван перевозит в Си-

зад сандаловое дерево, шелка, ткани с золотыми и серебряными нитями и много еще чего.

Неожиданно запели ножны Солдата. Он вскочил на ноги и обнажил меч. В то же время из разных занавешенных закутков вышли несколько вооруженных мужчин и взяли Солдата в полукольцо.

Голгат как ни в чем не бывало продолжал попивать чай.

— Мы одни, — сказал он, обращаясь к женщине. — Нам не нужен караван и добро, что вы везете. Вы нанесли бы глубокое оскорбление богам, если бы приказали зарубить двух невинных людей, мирно наслаждавшихся вашим гостеприимством.

— Часто, — начала Петра, — грабители используют такую тактику: посылают к нам одного или двух своих, которые выдают себя за путников, между делом разведывают, что здесь и как, а потом вся банда нападает. Обычно как раз на закате.

— Да, я знаю. Я наслышан о том, как водят караваны, и о том, что подстерегает караванщиков в пути, чего вы опасаетесь и как попадаете в ловушки. Я уже много раз бывал здесь. А вот мой друг в этих местах впервые. У него с собой волшебные ножны, которые предупреждают об опасности. Как раз их пение вы и слышали. Ножны запели, Солдат решил, что на него нападают, и тут же вскочил на ноги. Поверьте, нас не нужно бояться. Мы просто одинокие странники, ищем одну женщину. Возможно, вы слышали о ней, знаете, где она находится. Это жена султана Офирии Лунна Лебяжья Шейка. Мы были бы чрезвычайно признательны, если бы вы помогли нам. Мы можем заплатить.

При этих словах Солдат спрятал меч в ножны и уселся на место, повернувшись спиной к вооруженным мужчинам. Петра дала им знак, и они растворились в сумраке шатра.

Юн обратился к жене:

— Ты уверена?

— Думаю, они говорят правду.

— Ну раз так...

Он снова принялся потягивать чай. Затем, к удивлению Солдата, достал короткий кусок просмоленной веревки откуда-то из складок одежды и, положив ее в рот, зажег другой конец от свечи. Он стал посасывать веревку, втягивая дым в легкие. Затем улыбнулся Солдату, заметив выражение его лица, и выдохнул облако дыма.

— Ни чая, ни табака?

— Что такое «табак»?

— Держи, — хозяин протянул тлеющий кусок веревки, — это делают из травы. Пахнет вкусно. Хочешь попробовать?

Солдат поежился и покачал головой:

— Нет, что-то не тянет.

— А я не откажусь. — Голгат взял зажженную веревку, втянул полные легкие дыма и закашлялся. — Давненько не пробовал...

Петра сказала:

— Я слышала, что Лунну Лебяжью Шейку похитил Халиф Сильнейший и держит ее в своей крепости посреди пустыни. Вы хотите ее спасти?

— Да, — ответил Солдат, поднимая глаза на хозяйку, — именно за этим мы туда и направляемся.

Юн сказал:

— А если она не хочет, чтобы ее спасали?

Солдат был потрясен.

— Да нет же. Хочет. Она ведь жена султана.

— А может, султан бил ее? Может, она его не любит? А любит как раз Халифа? Может, она ждет ребенка, ребенка Халифа? А может, еще что-нибудь?

Солдат растерялся.

— Ты заберешь ее силой? — спросила Петра.

— Нет. Да. Не знаю, вы меня запутали. Я надеюсь, что Лунна Лебяжья Шейка желает вернуться обратно.

— Что ж, надеяться не запретишь, — заметил Юн.

Затем подали еду: козлятину, верблюжий йогурт, свежие огурцы, сыр из собачьего молока, яйца, пустынную перепелку и хрустящих поджаристых горных жуков. Путники наелись до отвала. Принесли молоко и медовые соты, а за ними — горячий яблочный сок с приправами. По случаю такого пиршества открыли входную завесу шатра, чтобы любоваться уходящим за далекие дюны солнцем.

— Закат, — сказал Голгат, вонзаясь зубами в перепелиную ножку, — и никто на вас не напал.

— Верно. Может, разбойники прискачут ночью, пока мы будем спать, — ответил Юн.

— Если так, — сказал Солдат, — мы сразимся бок о бок с вами, уж будьте уверены.

Наконец ночной холод начал вползать в шатер, и завесы опустили. Друзей проводили в разные отделения шатра. Солдат был доволен, сыт, порядком устал, и ему не терпелось отойти ко сну.

Спустя какое-то время он почувствовал, как кто-то скользнул под его одеяла. К своему немалому ужасу, он ощутил обнаженное женское тело. Хуже того, оказалось, что это не просто какая-то незамужняя женщина, которую ему прислали в знак гостеприимства, а сама Петра.

— Не тревожься, — шепнула она. — Такова традиция. Мой муж этого ожидает.

Солдат моментально сел на кровати, недоумевая, почему волшебные ножны не предупредили его об атаке. Боком он ощущал мягкие груди Петры. Ему с трудом удавалось сохранять хладнокровие. В чреслах уже началось зловещее движение. Нужно действовать быстро и решительно.

— Я не свободен. Пожалуйста, если это обязательно, лучше навести моего друга. Не сомневаюсь, он охотно составит тебе компанию, а у меня — жена.

— Ты не один, у кого жена. Кроме того, я предпочитаю тебя. Ты хочешь обидеть хозяйку дома?

— Нет же, нет, — промычал Солдат. — Ты красавица. Просто моя жена... видишь ли, она не такая *понятливая*, как женщины твоего склада. Я не умею хранить подобные вещи в секрете. Мы с ней верим в супружескую верность, в особенности она, я не могу ее расстроить.

— Она сдерет с тебя кожу?

— Разберет до косточек.

— Ревнивица. Понимаю.

Петра удалилась.

Выходя из комнаты Солдата, она спросила:

— Как в твоей стране помогают отвергнутым в любви?

— Яблоками.

Петра нахмурилась, и до Солдата дошло, что в голове ее возникла неправильная картина.

— Это поговорка такая. Мы готовим из яблочного сока пьянящий напиток и поим их допьяна.

— А-а. — Она поняла.

Вскоре после ухода Петры в кровать Солдата проскользнуло еще одно нагое тело.

Солдат зарычал:

— Ну, кто там опять?

— Я, — послышался удивленный голос Юна. — А кто был в прошлый раз?

Солдат снова подскочил в кровати.

— Что ты делаешь в моей постели?

Юн нежно погладил Солдата по щеке.

— Разве сам не догадываешься? — спросил он с улыбкой.

— Прошу, уходи сейчас же.

— Ты меня обижаешь.

— Прости.

— В некоторых местах за подобное оскорбление могут убить.

— Прости, я женат.

— Я тоже.

— Но... я не люблю мужчин... в таком смысле.

Юн прищелкнул языком и расстроенно покачал головой.

— Да, я слышал, что бывают такие в цивилизованном мире. Странно. Ладно, тогда схожу проведаю твоего друга. Он, правда, не такой милашка, зато, может, не так разборчив.

— Нет, нет! — закричал перепуганный Солдат. На самом деле, несмотря на заверения Петры, он сомневался, что супруги знают о похождениях друг друга. — Почему бы тебе не побыть чуть-чуть со мной...

— Вот так-то лучше.

— Давай просто поговорим.

— Поговорим? Мы разговаривали за чаем и обсудили все, что только можно. О чем еще говорить?

— Ну, мы не говорили о философии.

— Скучно. Философия — это для болтунов.

— Значит, не останешься? — Солдат сделал все, что было в его силах, дабы предотвратить возможную сцену. — А может, хочешь поспорить о копье ангела Исфуриеля, одно прикосновение которого изобличает обманщика? Думаю, как раз такое припрятано у жены в шкафчике, и когда я сплю, она меня им проверяет.

Юн зевнул.

— Спокойной ночи.

Хозяин удалился.

Солдат некоторое время прислушивался. Ни шума, ни звуков потасовки не последовало. Наконец под храп и фырканье верблюдов по ту сторону завесы шатра он снова погрузился в сон.

ИксонноскИ оставил мать и отправился в пустыню один. Остерегаясь ястребов и коршунов — здесь любая птица могла оказаться посланником ОммуллуммО, — мальчик-чародей поднялся на гору и семь часов просидел на уступе. В это время он созерцал необъятные просторы, что раскинулись в его воображении, путешествовал в своей фантазии, набирал силу из самого себя. ИксонноскИ пожинал знания, заложенные в него предками — чародеями разных времен и разных миров. Он вошел в мир животных и позаимствовал хитрость и ловкость зверей, взял изворотливость мужчин, интуицию женщин, зрение птиц, многие свойства изобилующих талантами змей и ящериц, чьи уши находятся так близко к земле.

Он искал секреты камней, пытался постичь ощущения дерева, невесомость огня, силу воды, загадочный нрав воздуха.

ИксонноскИ стал ближе к природе горы, на которой сидел, и пытался понять душу земли.

Через семь часов он спустился с облаков.

Оказавшись на уровне моря, ИксонноскИ подошел к валуну и бесстрашно погрузил кулак в центр огромной глыбы гранита. Мальчик подержал руку в камне некоторое время и вытащил ее, точно меч из тыквы. Камень поддался так легко, как будто это был не гранит, а мягкая глина.

Теперь ИксонноскИ мог повелевать камнями. Завтра он заберется на огромный дуб и поучится понимать мысли дерева через шелест листвы, мощь огромного ствола, сеть корней.

И если мальчику повезет и ему хватит времени, он успеет познать все окружающие вещи до того, как состоится решающее противостояние между ним и отцом — врагом, чародеем-отступником, разрушающим Добро.

Когда Солдат проснулся, он увидел, что край шатра приподнят и внутрь вошло какое-то сказочное существо. Оно подкралось к горшку с молоком, который стоял в самом центре шатра, и сделало глоток.

— Привет, — обратился Солдат к сидевшей на корточках фигуре.

Домовой — а это был именно он — вздрогнул, внимательно посмотрел на Солдата, и его перепачканный молоком рот растянулся в широкой улыбке. На усах висели белые клочья пены.

— Ты, случайно, не был на похоронах чародея?

— Был. Я видел, как ты стащил лунное яблоко.

— Ах да, — ответил домовой. — Ты же знаешь, какие мы, сказочный народец, обязательно что-нибудь стащим.

— Молоко теперь свернется?

Домовой посмотрел в сосуд, который держал в руках, зная, что молоко действительно свернется именно потому, что из него попило такое существо, как он.

— Да, уже сворачивается.

— Тогда почему бы тебе его попросту не допить?

Домовой снова поднял на Солдата глаза и улыбнулся:

— А ведь верно.

Он выпил все до последней капли и поставил горшок на место.

— Спокойной ночи.

— Бывай.

Домовой удалился.

Глава семнадцатая

Последний из клана Драммондов был посвящен в рыцари за доблестную службу и храбрость, проявленную в войне против иностранного завоевателя. Рыцарю были дарованы права на земли вдоль всей границы государства, и он командовал внушительного размера армией. Теперь, когда он стал влиятельным человеком и мог шепнуть нужное словцо самому королю, на его сторону встали и другие рыцари, послабее. Некоторые делали это по расчету, другие — потому что у них просто не было выбора. Но главное, что привлекало знать в ряды сторонников Драммонда, — его вражда с рыцарем Валехором. Очень многим не терпелось свести счеты с этим могущественным человеком, в подчинении которого тоже находилось немало рыцарей.

Король не вмешивался в подобные передряги. Когда один рыцарь убивал другого, он закрывал на это глаза, если только убийца не допустил вопиющего нарушения законов рыцарства и бой был честным. Люди всегда будут ненавидеть друг друга — так уж устроено. И всегда найдется тот, кто пойдет на убийство из зависти, ревности или из мести. Девиз короля применялся по всей стране: *Люби всем сердцем. Ненавидь всей душой. Служи богу. Не бойся человека.*

Теперь семьи и кланы знали, что Драммонд вернулся и сердце его переполняет злоба. Он будет мстить. Валехор истребил всю его семью во время страшного побоища на Черной пустоши, что граничит со Скалами Сумасшедших. Кровь Драммондов пролилась и напоила торфяники. Это стало расплатой за убиенную невесту, которая сама была из Драммондов и бежала из клана, дабы обвенчаться с ненавистным врагом. Ее зарубили прямо в белом подвенечном платье и оставили лежать в заснеженном лесу. Девушка сжимала бледными пальцами свадебный венок, будто хватаясь за последнее кольцо надежды, и глядела на мир широко раскрытыми удивленными глазами. Наконец переполняющая их любовь угасла.

Оставшийся в живых Драммонд был ее кузеном. Именно он завел девушку в лес, пообещав устроить ей встречу с возлюбленным, чтобы они могли тайно обвенчаться. Возлюбленного звали рыцарь Валехор. Однако вместо этого Драммонд привел сестрицу к братьям, которые поджидали с мечами наготове. Они и зарубили свою единственную сестру как предателя. Те самые братья, что таскали друг друга за волосы в детстве, разозлившись на сестренку, теперь держали в руках смертельное оружие, и непоправимое свершилось.

Впоследствии нашли виноватого. Обвинили не невесту, не братьев и кузенов, забравших у нее жизнь; виновным стал человек, околдовавший девушку своими льстивыми речами. Валехор. Соседский ублюдок, ворующий землю и поджигающий церкви. А если не он сам, так его отец, если не отец — так дед. Все одно. Драммонды страдали веками. Правда, в отместку они тоже поджигали стога и амбары, убивали забредших в их леса крепостных, воровали лошадей и скот. Впрочем, так поступали *все* граничащие друг с другом кланы. Таков был образ жизни и путь к смерти. Но увести девушку из родного гнезда, из семьи, да не силой, а льстивыми словами и золотыми обещаниями?.. Неслыханно! Разве можно такое стерпеть? Драммонды такого не прощали, они крепко держались за своих.

А теперь... Теперь Драммонд гулял по королевским садам, держа за руку самого короля. Теперь Драммонд смеялся над сальными королевскими шуточками и принимал небрежный поцелуй монарха в щеку, а увитые драгоценностями ножки королевы щекотали его бедра под большим банкетным столом. Теперь Драммонд не спал с грязными кухонными девками; он вкушал прелести утонченных заграничных дам, плененных жен баронов и герцогов. Теперь Драммонд мог взять себе в жены прекрасную принцессу, обвенчаться с ней, делить с ней ложе, распоряжаться ею как своей собственностью. Драммонды заняли видное положение в свете, стали влиятельными фигурами в мировых делах. Теперь Драммонд мог залечь в каком-нибудь лесу и поджидать Валехора с мечами и факелами. Никто не призовет его к ответу перед законом и не выкажет авторитетного недовольства. Теперь, именно теперь бог и все ангелы стоят на стороне Драммонда.

— Вверх, на дубы, держитесь за сучья, — приказал Драммонд. — Они уже приближаются. Через час самое позднее будут здесь. Никого не выпускать живым. Бить беспощадно и хладнокровно. — Драммонд вполголоса обратился к своему лучшему рыцарю: — Он приказал выпороть меня на рыночной площади, с меня кожа клочьями летела... Теперь я сниму с него шкуру и сделаю из нее боевое знамя.

Сказано — сделано.

Валехор, утомленный недавней битвой с береговыми налетчиками, неспешно ехал со своими рыцарями и интендантами по узкой лесной тропе. Вдруг раздались крики, и сверху, с деревьев, на всадников стали падать какие-то люди. Наступила полнейшая неразбериха. Кровь текла ручьем, крики наполняли воздух. Валехор бился яростно, не зная имени врага, не понимая, за что он подверг-

ся нападению на своей собственной земле. Он дрался до тех пор, пока все до последнего рыцари не полегли на поле брани и оставаться было уже незачем. Рыцарь понесся прочь на черном лихом скакуне и скрылся в сгущающихся сумерках. Он направился в город, носящий его имя.

Драммонд, вне себя от ярости, ударил ногой распростертое на земле тело.

— Мне не эти трупы нужны. Они просто стояли на пути того единственного, ради кого все это было подстроено. Опять он ускользнул. А ведь почти был в моих руках. В следующий раз состоится настоящее сражение, армия пойдет против армии. И ни один человек не покинет поле боя, пока последний из Валехоров или Драммондов не будет держать в руке сердце врага.

От слова до дела — один шаг.

Затем Драммонд занялся погибшими из числа нападавших и, к своему ужасу, обнаружил среди трупов свою новую суженую. Пламенная принцесса-воительница втайне от Драммонда облачилась в доспехи и отправилась помогать будущему мужу в борьбе с его смертным врагом. Из глазного отверстия ее забрала торчал клинок с личным гербом Валехора на эфесе. Список злодеяний Валехора пополнился еще одним: он беспощадно убил невесту Драммонда.

Драммонд рухнул на землю, обхватил лицо руками и зарыдал, оплакивая ту, кого любил всем сердцем, — темноволосую черноглазую девушку с чужих берегов, которую безжалостно отобрал у него этот ублюдок и сын ублюдка Валехор.

Рано утром над головой пролетела стая крылатых львов. Караванщики запаниковали, опасаясь потерять верблюда, а может, и двух, а может, даже ребенка. Впрочем, львы, не отклоняясь от курса, летели к какой-то своей цели — наверное, на водопой к отдаленному озеру, — и не обратили на людей никакого внимания.

— Передай кукурузный хлеб.

Голгат невозмутимо продолжал трапезу. Он казался всем довольным и, не испытывая ни малейшего неудобства, сидел рядом с хозяевами у костра и потчевался их угощением. Юн и Петра тоже выглядели вполне умиротворенными.

Солдат был озадачен. Интересно, что же произошло прошлой ночью? Или он здесь единственный, кого заботят соображения морали? Может, в этом мире он всем кажется ханжой и недотрогой, педантом, достойным жалости и осмеяния, изгоем, на которого показывают при встрече пальцем?

— Ночью мне снился сон, — сказал он вслух.

Все как один замерли и взглянули на него.

— Мне снилось, что мир... что все в мире перевернулось с ног на голову.

Сотрапезники смотрели на него, тщательно пережевывая пищу.

— Мне снилось, будто мужчины и женщины делают все, что пожелают. В сердечных вопросах не существует различий между Добром и Злом. Романтической любви нет. Люди просто получают друг от друга удовольствие.

Голгат встал.

— Пора трогаться. Я сниму путы с верблюдов. А ты собирай вещи.

Юн и Петра присыпали песком костер и начали упаковывать кухонные горшки и прочую утварь. Караван зашевелился, собираясь в путь. Вскоре все было готово, и пришло время прощаться.

— Спасибо за гостеприимство.

— Это *тебе* спасибо, Солдат. И тебе, Голгат, — за компанию. Желаю поскорее отыскать потерянную женушку. Печальная история. Надеюсь, в Гутруме скоро вновь воцарятся порядок и спокойствие. Я слышал, там на деревьях уже места не хватает, и людей вешают как попало.

Две группы странников направились своими дорогами. Солдат и Голгат пошли на запад, а караван продолжил путь на восток. Горячее утреннее солнце начало нелегкое восхождение на небо. Ехали молча. Солдату нестерпимо хотелось расспросить друга о событиях прошлой ночи, но по той же причине, по которой он не смог воспользоваться желающей любви женщиной, он не стал расспрашивать друга о его ночных приключениях. К полудню всадники накинули на головы капюшоны и погрузились каждый в свой собственный мир. А вечером ворошить события прошлой ночи было уже слишком поздно.

Ворон тем временем строил свои собственные планы. Предав Солдата, он страдал гораздо сильнее, чем показывал. Мальчик, заключенный в тело птицы, получил воспитание среди отбросов общества, в мире сточных канав, и потому мыслил не так, как Солдат, и подчинялся другим правилам морали. Все его детство прошло под гнетом закона джунглей: если я не съем, то съедят меня. Предательство в таком мире было делом обычным: ради выживания люди не гнушались ничем. И это понимал каждый уличный мальчишка, каждый сосунок. Честь и верность — привилегия богатых и наделенных властью. Поначалу Ворон думал, что он довольно легко переживет урон своей репутации, сумеет как-то уго-

ворить себя самого, найти оправдание безнравственному поступку, но не тут-то было.

Солдат смотрел на вещи другими глазами, да и Ворон, начавший понемногу понимать образ мыслей иноземца, тоже стал смотреть на такие вещи, как предательство, несколько иначе. Никогда в жизни он больше не согласится предать этого рыцаря. Солдат спас ему жизнь, убив змею, без него Ворон был бы уже давно мертв.

Естественно, от Ворона не ускользнули и недостатки рыцаря. Солдат наивен, временами вспыльчив, а порой и вовсе полный дурак. Скажем, не глупо ли носиться по свету из-за одной самки, когда целый Гутрум напичкан ими? Ведь дел-то по горло. Надо, к примеру, свергнуть узурпатора... От внимания Ворона ничего не ускользало, и потому он прокрался в подземные темницы и отыскал камеру королевы.

— Ваше величество, я пришел освободить вас, — прошептал он сквозь решетки. — Я отопру замок своим клювом.

Громыхая цепями на кандалах, к двери подошли близнецы: Сандо и Гидо.

— Королеву перевели в другое место, — сказал Сандо. — Вместе со стариком. Теперь мы здесь одни.

Ворон ненадолго задумался.

— А что вы сделаете, если я выпущу вас?

Гидо ответил:

— Пойдем к Гумбольду и плюнем ему прямо в лицо.

— Оттопчем ему ноги, — закричал Сандо.

— Очень мудрая идея.

— Ну хорошо, — вздохнул Гидо. — А если так? Слушай, в лесах прячутся повстанцы, которые бежали из Зэмерканда. Мы убедим их вернуться с нами в Бхантан, прогоним нынешнего правителя, вернемся сюда с солдатами и убьем Гумбольда.

— Да так, чтобы умер, — сказал Сандо.

— Уже лучше... Только за городскими стенами засели орды людей-зверей и ханнаков.

Сандо и Гидо уставились на Ворона.

— Может, убить его как-нибудь или еще что, — наконец сказал Сандо. — У меня есть знакомый, который может превратить мертвого ребенка в ходячего убийцу.

— Никто не заподозрит ребенка, — сказал Гидо.

— Мертвые дети злобны, как черти. Немудрено: у них всю жизнь отобрали.

— У мертвых детей нет совести.

— Гумбольд нагнется над колыбелькой — и получит нож в глаз.

— Зубы вопьются ему прямо в глотку.

— Ребенок может прокрасться в его спальню и насыпать в рот яду.

— Натолкать в нос.

— В уши.

— В другие места.

— Юркнет под кровать, когда вбежит стража.

— Свернется комочком под диваном.

— Спустится из окна.

— Проползет по сточной канаве.

— Спрячется в водосточной трубе, когда поднимется крик и начнется беготня.

— Зальется журчащим смехом, звонким, как ручеек, когда люди будут изо всех сил обшаривать нижние сады.

— А когда выпи заревут на болотах, его уже и след простынет.

— Никто и глазом моргнуть не успеет.

— А потом он будет свободен как ветер, как птица в небе.

— Как Ворон.

Птица, о которой шла речь, издала подобие вздоха и покачала покрытой перьями головой.

— Не уверен, что нужно вас выпускать. Знаете, лучше вам выйти из города по морскому каналу. Прокрасться на баржу или судно какое-нибудь. Как только выберетесь, идите к человекоподобным гигантам вин. Защищать вас они не станут, потому как дерутся только за себя, зато на их территорию не проникнет ни один ханнак. Вин тяжело одолеть, когда они почуют неладное. Собственно, только благодаря им звери-воины и ханнаки не захватили тот конец канала. И тем, и другим уже приходилось испытать силу молотов хуккарранских человекоподобных гигантов на собственной шкуре, и не слишком-то это им пришлось по нраву. В общем, когда будете на территории вин, ищите человека-птицу, что живет там.

— Человека-птицу? — спросил Сандо. — Он из... людей-зверей?

— Ее зовут Крааак. Женщина-ястреб живет в штольне вот уже тридцать лет. Птицы-люди и звери-люди не слишком-то ладят друг с другом, так что она с радостью проводит вас до лесов, где прячутся уцелевшие воины из карфаганской и гутрумитской армий. А оттуда вы сможете добраться до Бхантана. Думаю, ваш первоначальный план верен. Верните себе свою страну, а затем уже будете думать о том, чем помочь здесь.

— Здорово! — воскликнул Гидо. — Так и сделаем!

— В городе комендантский час, так что смотрите не попадитесь, — предупредил Ворон. — Уже поздно, на улицах полным-полно поимщиков воров.

Ворон вскрыл своим талантливым клювом замок в двери камеры, а затем и замки на ручных кандалах с цепями, которые крепились к стенам темницы. Пернатый провел мальчиков по хитросплетению тоннелей и вывел к канализации. А уж оттуда близнецы и сами смогут найти выход на улицу.

Стояла ночь. Братья торопливо шли по сырым мощеным аллеям, то и дело пригибаясь и оглядываясь. Повсюду виднелись следы жестокого правления Гумбольда. С арок свисали клетки с полумертвыми людьми и трупами. Тела на виселицах раскачивались как маятники на ночном ветерке. Тут и там с шеста таращилась отрубленная голова. Часовые с дубинками в руках патрулировали улицы группами по десять человек.

Однажды близнецы едва не наткнулись на поимщиков воров. Пришлось укрыться в башне. Мальчишки взобрались на самый верх, чтобы посмотреть оттуда, что делается по ту сторону городских стен. За городом горело поразительно много сторожевых костров. Казалось, здесь собрались варвары со всего мира. Гидо пожаловался на сильный запах невыделанных шкур, что повис в воздухе.

— Это потому, — объяснил Сандо, — что варвары делают палатки из сырых шкур, которые даже не выскребли.

— Какой догадливый, — сказал брат.

— Да уж, я такой, — согласился Сандо.

— Но, — выдвинул следующий аргумент Гидо, — люди пахнут так же скверно, как и эти палатки. Ведь мыться тоже надо.

Сандо заметил:

— Как любила говаривать наша матушка, покажи ханнаку кусок мыла, и он съест его ровно за десять секунд.

— Наша мама, — добавил Гидо, — говаривала: «Покажи человеку-зверю таз с водой, и он окунет в него свои ботинки».

— Глупость, никогда она так не говорила!

— Говорила!

— Я такого не слышал!

— Ты вообще никого не слушаешь!

— Задница ты разумная!

— Да, разумная.

Близнецы спустились с башни и направились дальше, к каналу. Они перебегали от одной тени к другой и наконец добрались до пристани, где стояли пришвартованные баржи.

Глава восемнадцатая

Стоял скучный знойный день. Жара опустилась на поверхность озера, которое, сказать по правде, правильнее было бы назвать зловонным прудом. Оно не имело сообщения с рекой, и дождей в этой части страны выпадало очень мало. По окрестностям распространялся запах гнилых водорослей и протухшей рыбы. Что хуже, воздух стоял неподвижно, даже легчайший ветерок не колыхал атмосферу. Повсюду гудели мухи — поскольку птицы в округе тоже не селились, насекомые плодились и множились сколько душе угодно.

Солдат и Голгат решительно шагали вперед. Прошла уже большая часть дня; хотя друзья окончательно выбились из сил, обошли они только половину озера.

Солдат сказал:

— Давай-ка лучше сейчас отдохнем, а ночью двинемся. Когда стемнеет, будет прохладнее.

— Так и сделаем.

Развели костер — не для тепла, а чтобы отогнать диких зверей. Солдат насобирал поблизости пиретрума и подбросил в огонь несколько веточек, чтобы отогнать мух и комаров. Этому его научил Спэгг, и, похоже, толк и впрямь был. Голгат подложил в костер какого-то медленно горящего дерева — красные угли будут теперь весь день тлеть и, как он надеялся, отпугивать тех местных животных, которые заинтересуются лагерем.

Путники не стали раскладывать одеяла, а просто улеглись на берегу озера, подложив под головы вместо подушек походные мешки. Вскоре оба погрузились в сон и проспали до самого утра, хотя и собирались ночью идти.

В туманном мареве рассвета Солдат проснулся и вскрикнул, увидев нечто жуткое. Вокруг лежали тюки вонючих лохмотьев. Кто их сюда принес? Это что — шутка? Солдат прищурился и стал внимательно осматривать оставшиеся позади холмы, однако ничего и никого там не заметил. В округе вообще не было никакого движения.

— Что происходит? — спросил Голгат, едва пробудившись.

— Не знаю, я сам только что проснулся.

Пока друзья разговаривали, пытаясь понять что к чему, один из тюков зашевелился. Затем еще один. Внутри куч тряпья угадывались тела. Странные существа, просыпаясь, садились на землю. Самый ближний к Солдату незнакомец уставился прямо на него. Лицо этого человека, чей пол определить было невозможно, представляло собой страшную изъеденную язвами маску. Куски плоти

свисали со скул, губы были начисто съедены гнилью и отвалились, глаза, лишенные век, лихорадочно горели во впалых глазницах.

Существо заговорило. Слова давались несчастному с трудом и были искажены — без сомнения, его рот, как и остальные части тела, был покрыт язвами.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — ответил Солдат. — А за что?

— За огонь. Хищники тут ходят. Леопарды. Нападают на нас.

Голгат без обиняков сказал:

— По мне, так я бы почел это за благодеяние. Вы ведь прокаженные, да? Неужели вам не хочется умереть поскорее?

— Нет, — присоединился к разговору другой прокаженный. — Проказа убивает медленно. А нам хочется жить, как и всем остальным. Кто же станет мечтать, чтобы его хищник разорвал? Даже представить страшно. Когда придет время, я брошусь с какой-нибудь высокой скалы. Но не сейчас, нет, не сейчас.

Прокаженные рассказали друзьям, что те попали в страну прокаженных, место, куда изгоняют всех страдающих этим страшным заболеванием.

— Сюда никто не заходит, — сказал первый говоривший. — Мы удивились, когда увидели ваш костер.

Солдат сказал:

— Мы ищем крепость Халифа Сильнейшего.

— Тогда вы правильно идете. Его земля начинается по другую сторону Стоячего озера.

Солдат с Голгатом по вполне понятным причинам сторонились прокаженных. У одних была сухая проказа, у других мокрая. Самой заразной была вторая. И те, и другие оставляли на месте ночевки куски своих тел: там кусок пальца, там — мочка уха. Прокаженные поднялись, помогая друг другу встать на ноги, и поплелись прочь, старательно избегая двух здоровых людей. Солдату было очень жаль несчастных. Его собственные проблемы сразу отошли на второй план и стали казаться ничтожными по сравнению с бедой этих людей. Им приходилось как-то добывать себе пищу и питьевую воду, беречься диких зверей и, что немаловажно, не погрузиться в бездну отчаяния, подстерегающую любого, кто имел несчастье заболеть смертельным недугом.

На этом берегу озера путники еще не раз встречали прокаженных. Солдат полагал, что люди эти должны были бы затаить злобу на весь мир из-за того, что болезнь постигла именно их. Он считал, что прокаженные обязательно винят кого-то в душе, потому что наверняка стали жертвами того или иного колдовства. Злодей

или завистник призвал дьявольские болезни войти в их тела и превратить обычных здоровых людей в ходячие трупы. И все-таки прокаженные по большей части смиренно принимали свою судьбу — по крайней мере они не восставали против всего мира. Может, некоторые из них втайне и питали ненависть к людям, которых считали виновными в своей болезни, но Солдат и Голгат к числу последних не относились.

Впрочем, и здесь были исключения. Однажды к путникам приблизился прокаженный, которому очень хотелось с ними пообщаться. Нарушителю пригрозили мечом, и тот, наполовину обезумев от тоски и горя, удалился, выкрикивая нечленораздельные ругательства.

На третью ночь пути друзья, как обычно, развели костер. За день их так успели накусать насекомые, что терпеть не было сил. Кожу покрывали огромные красные шишки. Москиты предпочитали нижнюю часть ног, комары и другие летающие насекомые выбирали более мягкие места — шею, лицо, тыльные стороны ладоней. Какие-то бескрылые насекомые заползали под туники и оставляли на бедрах и животах массу волдырей. Чего только не перепробовали путники! Однажды они даже попытались зайти в воду, преодолев брезгливость, и некоторое время шли вдоль берега. В итоге их сплошь обвешали пиявки. Пришлось остановиться, развести костер и прижигать пиявок раскаленным прутом — так крепко держались кровопийцы.

Плохие это были места, недобрые. Неудивительно, что прокаженных сослали именно сюда.

Солдат проснулся, когда мертвенно-бледный рассвет коснулся его лица, и обнаружил, что кто-то спит с ним в обнимку. «Ночью под одеяло залез прокаженный!» — с ужасом подумал Солдат. И вскочил с перепугу, удивляясь между делом, какая у прокаженного холодная кожа.

Однако, поднявшись, он понял, что ложе с ним делил отнюдь не прокаженный. Солдат никогда прежде не видел таких людей. Человек был с головы до пят укутан в бесформенное черное одеяние, страшное лицо наполовину скрывал черный капюшон.

Странный незнакомец встал на ноги и оказался на добрых три фута выше Солдата. Впрочем, Солдат уже не мог ничему удивляться. Его обуял безграничный ужас, в мыслях наступил полный хаос, сердце оцепенело.

— Что, испугался? — спросило существо голосом, который отражался многократным эхом в неведомых горах. — Смерть никогда не видел? Мы ведь наверняка уже встречались в воображении или снах.

Смерть уставилась на Солдата бездонными глазами — глубже и чернее пещер на самом старом утесе. Ее губы были покрыты трещинами и язвами, как кора древнего дуба. Кожа на лице — если можно это назвать кожей — была испещрена дырами, в которых копошились черви и личинки мух.

— Никогда. — Солдат оцепенел от страха и отвращения. — Нет, еще никогда.

— А почему ты так на меня смотришь? — спросила Смерть.

— Да любой будет так на тебя смотреть. Вот уж не подумал бы, что буду глядеть в лицо Смерти. По крайней мере не сейчас. Оказывается, ты тоже иногда спишь.

Смерть нетерпеливо фыркнула.

— Мне приходится отдыхать, как и всем остальным. Даже Великий Создатель отдыхал после трудов праведных.

Смерть говорила, и слюна падала из ее рта прямо на землю, откуда тотчас пускались в рост желтовато-зеленые чахлого вида растения. Они засыхали, едва достигая высоты лодыжки.

Солдат поглядел на Голгата, который лежал и не просыпался. Страшная мысль сжала его беспокойно колотящее сердце стальными пальцами.

— Ты пришла за ним? Забрала моего друга?

Смерть поглядела на человека, мирно почивавшего по ту сторону костра, и покачала головой.

— Нет, нет. Мне нужен кое-кто из крепости Халифа Сильнейшего. Но раз уж мы встретились... я все равно приду за тобой через два дня, в полночь, так почему бы тебе не пойти со мной сейчас — сбережем друг другу время и нервы.

— Ты должна прийти за мной? — простонал Солдат упавшим голосом. — А кто меня убьет?

— Никто тебя не *убьет*. Ты умрешь от старости. Хватит, Мукара, пожил свое. — Смерть стала осматриваться по сторонам. — Нехорошие это места, Мукара из Олифата. Что делает правитель в таком месте с единственным слугой, да еще в преддверии своего конца? Какой демон овладел твоим рассудком настолько, что ты решился покинуть смертное ложе?

— Как? — воскликнул Солдат. — Как ты меня назвал?

— А то ты сам не знаешь, как тебя зовут, султан Мукара!

Солдат засмеялся, едва не впадая в истерику.

— О хвала небесам, ты ошиблась! Я не султан. И зовут меня не Мукара. Ты не того нашла.

Смерть сощурила глаза и так широко открыла рот, что Солдат увидел в нем неописуемые ужасы: голые тела мужчин и женщин

извивались и сплетались в узлы; целые королевства косили чума и мор; голод и войны опустошали страны.

— Я никогда не ошибаюсь, — буркнула Смерть.

— Я что, похож на старика? Я кажусь тебе больным? — закричал Солдат.

Смерть внимательно рассматривала Солдата, плотно сжав губы.

— Глаза мои стары, их замутнило нескончаемое время. Кроме того, все на самом деле обстоит совсем не так, как видят глаза. Ты тот, кто ты есть. Ну скажи, если ты не Мукара, тогда кто?

Тут Солдат понял, в какой переплет угодил.

— Меня зовут Солдат.

— Это не имя, а занятие. Скажи свое *имя*.

— Я не знаю. Забыл.

— Ну, тогда почем тебе знать, что ты не Мукара из Олифата? — поинтересовалась Смерть, сделав вполне разумное заключение.

— Потому что Мукара принадлежит этому миру, а я — нет. Я пришел из другого места.

— Из какого?

— Я... я не знаю. Посмотри на мои глаза. Видишь, они голубые.

— Я слышала, что у некоторых птиц и рептилий тоже голубые глаза.

— Но у людей таких нет.

— Мне неинтересно, какого цвета у тебя глаза. Я все равно вижу только черное и белое. Я — *Смерть*. Ты не знаешь, кто ты, откуда пришел. Ты что, сумасшедший? Нельзя же просто взять и забыть, кто ты такой, ради того лишь, чтобы избежать смерти. Вспомни свою жизнь! Вспомни бесчисленные казни; мужчины, которые оскорбляли тебя, не вовремя испустив газы или высморкавшись; женщин, которые отказывались спать с тобой и со слезами молили о пощаде; детей, чей плач приводил тебя в бешенство. Ты истреблял своих подданных тысячами, когда они жаловались на высокие налоги. Ты посылал солдат на неминуемую гибель, сбрасывал их со скал, только чтобы доказать, что твоя власть не знает границ. Ну и заставил же ты меня попотеть.

— Но...

— Достаточно. Пора идти. Твое последнее слово... Учти, я терпеть не могу предсмертных криков и банальности. Придумай что-нибудь оригинальное.

Солдат стоял и молчал. Тишина была невыносима.

Смерть вздохнула.

— Ну хорошо, попробуй так: «Недуг не хочет выпускать меня безумно любящей подругой, совокупляясь с сердцем в сотый раз...»

— Подожди! — перебил ее Солдат. — Голгат не проснулся, а его давно уже разбудили бы наши крики и споры. Значит, это сон. Сейчас я откачусь в тлеющие угли и проснусь от боли. Изыди с глаз моих.

Смерть сложила на груди руки.

— Тебе все равно не избежать меня, пойми. Я приду за тобой через два дня, в Олифат.

— И тогда поймешь, что ошиблась.

— Надейся. Прощай, до скорой встречи.

— Хотел тебя спросить, — промолвил Солдат, припоминая неясную тень, которая шла следом за костями и волосами ХуллуХ'а.

Смерть удивленно на него посмотрела.

— Да?

— Я не тебя видел на похоронах чародея?

Смерть сложила трубочкой губы и покачала головой:

— Нет, это была моя сестра, Забвение.

Солдат проснулся от резкой боли, вскрикнул и уселся на земле, потирая обожженную ладонь. Должно быть, во сне он случайно откинул руку и попал ладонью в тлеющий костер.

— Что такое? — всполошился Голгат.

— Руку обжег. Во сне в костер попала.

— Нужно ложиться подальше от... Богиня Кист, волки!

Солдат заметил, что Голгат бешено озирается. Вокруг лагеря виднелось множество отпечатков лап. Больше двух дюжин огромных волков всю ночь ходили вокруг спящих кругами. Звери старались подобраться ближе, постоянно сужая круги. Но на людей они так и не напали — в самый последний момент их, видимо, что-то отпугнуло. Голгат стал смотреть в небо — нет ли где поблизости крылатого льва.

— Интересно, что их напугало?

Солдат, потирая ладонь, торопливо поднялся.

— Нам давно уже пора идти. Давай, собираем вещи. Осталось совсем немного.

Голгат кивнул.

— Тебе надо наложить на ожог масло — это лучшее средство. И перевязать чем-нибудь сухим.

— Я сам знаю, как лечить ожоги, — раздраженно ответил Солдат. — Только в этой глуши масло разве раздобудешь?

Спутники выкопали несколько корешков и пожевали их, чтобы чуть утолить жажду и голод, а потом снова пустились в дорогу.

Наконец они дошли до высокого утеса, рассеченного единственной продолговатой щелью. Этот естественный проход охра-

няли с два десятка вооруженных до зубов солдат. Они остановили друзей и спросили, по какому делу те пожаловали. Солдат сообщил стражам, что два закаленных в боях воина пришли записаться в армию Халифа Сильнейшего.

— Закаленных в боях, говоришь? — сказал огромный, покрытый шрамами человек — видимо, главный. Он неожиданно сделал выпад коротким мечом, целясь в шею Солдата. Солдат отскочил в сторону, уворачиваясь от удара, и одновременно ударил здоровяка по ногам. Тот свалился прямо на спину в пыль, чем немало позабавил своих товарищей.

— Закаленных, — подтвердил Солдат.

Не получив повреждений, если не считать задетого самолюбия, глава охраны отряхнулся и сказал путникам, что те могут проходить. Им выделили пятерых сопровождающих, и все семеро направились в длинный, извивающийся между утесами проход. Между двумя отвесными совершенно гладкими скалами, будто рассеченными гигантским мечом разгневанного божества, змеился проход шириной в две вытянутые руки и длиной в милю.

Наконец путники в сопровождении охраны добрались до другой стороны ущелья. Перед ними раскинулась пологая равнина, простирающаяся на две мили в длину и милю в ширину. Со всех сторон ее окружали высокие стены утеса, в которых были вырезаны дома-пещеры с декоративными входами. Дома, что размещались выше остальных — приблизительно на середине стены утеса, — соединялись с другими широкими каменными мостами, а вырезанные в скальной породе ступеньки вели от входов к земле.

Солдат мимоходом заглянул внутрь одного из домов. Убранство здешних жилищ было достаточно простым: в мягкой породе вырезали одну-две комнаты, часто посередине разбивали очаг. Зато снаружи дома выглядели настоящими произведениями искусства.

У входов бродили козы и собаки, пожирая отходы, которые могли привлечь крыс. Среди животных с визгом и криками бегали дети.

Посреди долины стоял форт из прочного красного песчаника; его башни доходили до середины утесов. Единственными отверстиями, через которые проникал дневной свет, были узкие высокие бойницы на укрепленных стенах. На флагштоках развевались черно-красные знамена. Вход представлял собой маленькое полукруглое отверстие, сквозь которое можно было пройти лишь согнувшись. Солдат не заметил никаких других ворот или дверей.

И действительно, когда друзья приблизились к форту, сопровождающие заставили их встать на четвереньки, и, протиснувшись сквозь отверстие в стене, Солдат с Голгатом оказались во дворе форта.

Им навстречу вышел воин — явно офицер.

— Что такое?

— Новые рекруты, — ответил один из сопровождающих.

Стража удалилась, оставив Солдата и Голгата на попечении офицера из караула.

— Вы откуда? — последовал вопрос.

Голгат сказал:

— Я дезертировал из имперской армии Гутрума. А он — нездешний.

— Я так и подумал, — сказал офицер, с любопытством рассматривавший лицо Солдата. — У него глаза цвета неба. Ты с неба, воин? Из королевства на облаках?

— Да, — ответил Солдат. — Но я служил офицером в Красных Шатрах.

— А-а, понял. Карфаганская армия? Ну что ж, вам придется заслужить место в армии Халифа Сильнейшего... Мне всегда было интересно, какие они, люди с неба. Я постоянно спорю со своими соседями по бараку о небесных воинах. Кое-кто считает, что их не существует, но наконец-то я нашел доказательство. — Офицер довольно кивнул и обратился к Солдату: — А ты с какого облака? Где твои крылья?

— Отвалились. Когда проводишь слишком много времени внизу, на земле, они опадают с плеч, как осенние листья.

— Понимаю. Да, так и должно быть. Вероятно, сморщились и потемнели. Какая жалость. Вот если бы они увидели крылья, точно поверили бы. Ну да ладно. У тебя же синие глаза.

— Можно встретиться с вашим правителем? — сказал Солдат, который уже начал терять терпение.

— В этом нет необходимости. Я здесь решаю, кого принимать, а кого нет. Я вас поселю в барак...

— У нас есть новости из внешнего мира, — пояснил Солдат. — Я уверен, что Халиф захочет знать, что творится за пределами его королевства.

— Скажи мне, а я ему передам. Эй! — Офицер подозвал проходящего мимо стражника. — Вот небесный воин. Я же говорил, что они настоящие. Если есть летающие львы, значит, есть и летающие люди. Теперь я вам доказал.

Стражник покачал головой и пошел дальше.

— У него же *синие* глаза! — пронзительно закричал офицер из караула. — Глаза цвета неба!

Стражник лениво отмахнулся, даже не обернувшись.

В этот момент откуда-то сверху донесся голос. В голосе звучали музыкальные нотки — должно быть, в прошлой жизни он принад-

лежал певчей птице. Наши друзья и офицер караула как один подняли головы. И тут глазам Солдата предстало самое красивое лицо, какое он видел в жизни. Чудесный лик украшал длинную шею, которая грациозным изгибом уходила в белые, точно лепесток лилии, плечи с тонкими изящными ключицами. Темные завитки волос с вплетенными в них золотыми нитями обрамляли белоснежное лицо с рубиновыми губами и безупречным носом. Два темных бездонных глаза внимательно изучали троих стоящих внизу мужчин.

— Кто с неба?

Некоторое время офицер караула не отвечал — стражника захлестнула внутренняя буря. Когда он заговорил, его голос звучал хрипло и взволнованно:

— Моя госпожа, с неба этот человек. У него глаза цвета лазури.

— В самом деле? Могу ли я с ним поговорить? Приведи его в мои палаты.

Как только лицо в окне исчезло, офицер начал приходить в себя. Казалось, он не знает, как поступить.

— Я не смею ослушаться, — сказал офицер, обращаясь больше к себе, чем к двум рекрутам. — Но, если султан увидит меня в ее комнате, не сносить мне головы. Проклятая женщина.

— Не пристало рыцарю так говорить о даме! — зарычал Солдат, у которого голова пошла кругом от увиденной в окне красоты.

— Ты просто не знаешь, — ответил расстроенный офицер, — не знаешь, что она может сделать, просто будучи самой собой. Ну, придется вести вас туда. Проклятый мой язык. Ну зачем я так орал. Если *он* нас там поймает...

Солдат и Голгат поняли, что под словом «он» офицер имел в виду своего владыку.

Друзей разоружили и повели в башню. Оказалось, что в башню встроена винтовая лестница. Свет туда почти не проникал, и потому восхождение в палаты госпожи далось нелегко.

Друзья сразу догадались, что прекрасная госпожа — и есть Лунна Лебяжья Шейка, и поверить не могли своему везению. Сейчас им представится возможность переговорить с женщиной, ради которой они сюда прибыли. И все же кое-что вызывало подозрения. Почему до нее так легко добраться? Где замки, где решетки? Судя по всему, Лунна Лебяжья Шейка находится здесь не в заточении, а по собственной воле.

Солдата с Голгатом препроводили в комнату, располагавшуюся на самом верху башни. От наполнявшего воздух аромата у Солдата закружилась голова; он чувствовал, что пьянеет, точно от вина. Затем в комнату порхнула тень — шелест одежд объявил о ее при-

ходе. Перед друзьями предстала грациозная и стройная Лунна Лебяжья Шейка. Ее губы, грудь, фигура — все было воплощением божественной красоты, с которой могли поспорить лишь черты ее восхитительного лица. Маленькие изящные ножки были обуты в золотые сандалии, а округлые ноготки были раскрашены пейзажами и морскими видами с запечатленными в полете мифическими существами.

Каждый из троих мужчин, что находились в комнате, боролся с желанием заключить в объятия этот удивительный образчик женственности и красоты. Хотелось защищать ее ото всех зол, целовать ее сладкие уста, чело, ланиты... Каждый мечтал с ней слиться, держать ее вечно и не позволять ей даже мимоходом коснуться другого смертного. Мужчины сходили с ума, мечтая о шепоте ее губ, аромате ее пьянящего дыхания.

— Человек с неба?.. Да, у него синие глаза, я вижу. Но чем это доказывает его небесное происхождение? Он с таким же успехом мог выйти из океана или горного озера.

— Я... Да, моя госпожа, я думаю, вы правы. Где доказательства? Этот человек говорит, что он с неба, но он может быть откуда угодно. Я так легковерен. Я должен обнимать... я хотел сказать, *отвыкать* верить всему, что слышу... Я хотел сказать... А где мой повелитель?

Офицер дрожал. Солдат не мог понять, отчего так взволнован провожатый — то ли от переполнявшего его трепета перед неземной красотой, то ли от страха, что хозяин поймает его в опочивальне своей жены. Определенно офицер был настолько потрясен, что мысли его путались в присутствии Лунны Лебяжьей Шейки, земной богини, которая, на взгляд Солдата, как никто другой приближалась к образу ангела. И тут Солдат заметил, что уже с ней разговаривает:

— Моя госпожа, вы сама с неба.

Красавица залилась переливчатым смехом, и Солдат ощутил, как волна удовольствия пролилась по его телу, зазвеневшему с головы до пят.

Он заулыбался до ушей, точно слабоумный.

— Нет, я не с неба.

— *Что здесь происходит?*

Все трое повернулись и увидели крепкого коренастого человека с черной бородой и в кольчуге, который огромными шагами приближался к ним. Вообще-то его ноги в тяжелых доспехах производили массу шума, но спутники не услышали шагов.

Вслед за бородатым толстяком в комнату ворвались пять личных телохранителей.

— Мой повелитель! — закричал испуганно офицер. — Мне приказали!

— Тебе что?.. Жеманный дурак! Возвращайся на свое место. Кто эти идиоты, что таращатся на мою жену?

— Рекруты, — запинаясь, ответил офицер, торопливо покидая палаты Лунны. — Дезертиры.

Халиф Сильнейший — а это, вне всякого сомнения, был он — повернулся к двоим мужчинам, которые, не скрывая вожделения, глядели на его возлюбленную.

— Вы что уставились! А ты, — он повернулся к Лунне Лебяжьей Шейке, — пойди и прикройся.

— Я укрыта, — с достоинством сказала она. — Ты сам выбрал утром это одеяние.

— Оно предназначено только для моих глаз. У тебя груди просвечивают через ткань.

Гордо вздернув подбородок, Лунна покинула комнату, разбив присутствующим сердца.

— Так, — воскликнул Халиф, — что вы скажете в свое оправдание перед смертью? Вы женаты? Помолвлены? Интересно, вашим женам понравилось бы, что вы алкаете жену другого мужчины? Она моя, и только моя. Любой, кто когда-нибудь... — Халиф побагровел, его захлестнули ужас и негодование от одной мысли, что Лунна будет лежать в постели с другим мужчиной. Совершенно ясно, что он безумно ревнует, и ничто не спасет Солдата с Голгатом от меча, хотя они виновны лишь в том, что восхищались красотой. Именно об этом Солдат и сказал Халифу.

— Мой повелитель, я не согласен. У меня есть жена, и я люблю ее всем сердцем. Я признаю, что красота Лунны Лебяжьей Шейки способна поразить человека с первого взгляда, но...

Халиф обнажил меч. Судя по всему, он был силен. Крупные черты лица и полные губы выдавали в нем упрямого, жестокого человека. Перед друзьями стоял безжалостный владыка, которому ничего не стоило убить человека. Весь вид его свидетельствовал о распущенности, недобродетельной и похотливой натуре.

— Женат, да? Ну что же, сделаем из твоей шлюхи вдову.

Внезапно выражение лица Солдата изменилось. Он почувствовал, как в груди вскипает ярость. Назвав Лайану шлюхой, Халиф подписал себе смертный приговор. Наружу вырвалась неукротимая, древняя как мир злоба. Она поднялась изнутри как желчь, и одолеть ее Солдату было не под силу. Халиф вот-вот разделит участь псоглавого воина Вау и пары-тройки других жертв необузданного гнева Солдата.

— Ах ты грязная скотина, — сказал Солдат.

Тут же над его левым плечом просвистел меч, но Солдат молниеносно уклонился от удара, иначе лишился бы головы. В тот же миг он выхватил клинок из-за пояса Халифа и погрузил его в брюхо великана. Тонкая полоска стали проникла под кольца витой кольчуги. У Халифа сперло дыхание, он выпучил глаза. Движение Солдата было столь молниеносно и точно, что телохранители даже не успели заметить неладное.

Халиф пошатнулся, схватился за рану... Меч с лязгом выпал у него из рук. Голгат подхватил оружие и полоснул им по плечу стоящего рядом телохранителя, который по-прежнему озадаченно глядел на своего хозяина.

Солдат схватил со столика ониксовую чашу и размозжил ею лицо второго телохранителя. Теперь остальные стражи всполошились. Вынимать мечи было некогда; двое из них бросились вперед и схватили Солдата, пытаясь повалить его на землю. Голгат дрался с пятым охранником, который успел-таки обнажить меч, потому что стоял позади остальных.

Халиф упал на колени, крепко зажав руками рану на животе, и звал Лунну, просил ее прийти на помощь. Он кое-как вытащил из живота стилет, что было нелегко, потому что оружие постоянно цеплялось за кольца его плетеной кольчуги, и кровь хлынула из раны.

— Я сейчас истеку кровью и умру...

Телохранитель, которого Голгат ударил первым, качаясь, вышел за дверь на укрепленную стену форта. Солдат тут же понял, что он собирается позвать на помощь, однако его было не остановить. Глаза Солдату застилала кровь, что потекла из рваных ран на лбу. Он оттолкнул от себя ногой только что задушенного охранника, захватил второго ногами под колено, и тот с грохотом рухнул на пол. Солдат подпрыгнул и приземлился на нос несчастному, перенеся всю тяжесть тела на пятку. Послышался хруст, стражник застонал и, перевернувшись на бок, замер.

Разделавшись с этими двумя — один лежал мертвый, другой без сознания, — Солдат поспешил на помощь Голгату, но тому ловкости было не занимать, и он сам уже успел расправиться с соперником.

Голгат выскочил наружу. Успевший выбраться стражник старательно полз к бойнице. От боли глаза его были затуманены. Кусок кольчуги застрял в ране от мощного удара Голгата, и теперь несчастный пытался аккуратно вытащить его. Скоро он начнет звать на помощь... Голгат ударил его кинжалом под шею; клинок прошел между ключицей и грудной клеткой и с силой вонзился в сердце. Охранник умер мгновенно.

Голгат осмотрелся. На соседних башнях и укреплениях стояли воины, но, к счастью, ни один из них не глядел в сторону Голгата. Он быстро вернулся в комнату, где происходила драка.

И увидел, как Солдат на глазах перепуганного телохранителя, все еще пытавшегося перекрыть поток крови из бедра, снес Халифу голову.

Лунна Лебяжья Шейка вошла комнату в тот самый миг, когда голова упала на пол и подкатилась к резному сундучку.

Лунна и бровью не повела. Она тут же принялась бранить Солдата:

— Ты зачем это сделал?

— Он назвал мою жену шлюхой.

— А ты сразу его убил?

Солдат негодовал:

— Он собирался убить меня!

— И ради чего все это затеяно? — Казалось, она кипит от злости. — Вы зачем вообще сюда пришли?

Солдат никак не мог принять того факта, что Лунна раздосадована смертью Халифа.

— Но ведь он такой противный, тщеславный, самодовольный... Ведь ты же не любишь его?

Лунна покачала головой.

— Что ты знаешь обо мне? Ты не можешь читать мои мысли. У меня свои причины, которых ты не поймешь. Вы пришли сюда и все испортили. Теперь ясно — тебя послал муж. Но ты спросил *меня*, хочу ли я возвращаться в Офирию? Нет, ты просто пришел и сделал то, что собирался, даже не удосужившись посоветоваться со мной. — Она деловито огляделась. — Ну ладно, дело сделано, можно отправляться домой, раз так.

— Как нам отсюда выйти? — спросил Голгат.

— Я знаю секретный ход, он ведет в Большой зал, там за очагом. Я отведу вас туда, только сначала надо помочь раненому.

Раненый телохранитель по-прежнему пытался пережать разрубленную артерию и слабел с каждой минутой. Лунна заглянула в небольшую примыкающую комнатушку, где стояло множество склянок и коробочек, взяла какую-то маленькую бутылочку и подошла к пострадавшему от руки Голгата юнцу. Через несколько секунд рана стала значительно меньше.

Солдат потрясенно спросил:

— Как тебе это удалось?

— Я та, кого в этой стране называют марабут.

— Ведьма, — объяснил Голгат.

Лунна гневно взглянула на него.

— Не совсем ведьма.

Голгат пожал плечами.

Когда лицо молодого человека стало потихоньку розоветь, Лунна сказала ему:

— Твой повелитель мертв. Нет смысла мстить за такого человека, деспота и тирана. Пожалуйста, полежи тихо, пока мы не выйдем из долины. Иначе моим спутникам придется убить тебя. А я не хочу, чтобы ты умер. Ты сделаешь так? Ради меня?

Он поглядел ей в глаза и потерялся там.

— Я все сделаю.

— А если этот очнется, — сказал Солдат и пихнул ногой человека без сознания, — скажи ему, что Лунна Лебяжья Шейка, марабут, наложила на него и его семью проклятие, и они все покроются пузырями и умрут ужасной смертью, если он нас предаст.

— Я скажу, скажу ему, — пробормотал юноша, не отводя глаз от лица Лунны, — я не позволю ему предать тебя.

Лунна нежно поцеловала юношу в губы, а затем кивком позвала за собой Солдата и Голгата. Перед тем как они вышли из комнаты, раненый заплакал и спросил, вернется ли Лунна когда-нибудь и разрешит ли она поехать за ней в Офирию, когда его рана заживет. Лунна одарила беднягу обворожительной улыбкой, но не сказала ни слова.

Прекраснейшая женщина на земле повела своих спасителей вниз по винтовой лестнице, в коридор, выходящий к Большому залу. В зале стояли чучела людей: некоторые восседали на спинах лошадей, один даже на слоне. Чучела глядели на людей стеклянными глазами из тюрем собственных тел.

— Надо думать, таксидермисту здесь хватало работы, — сказал Голгат, глядя по сторонам на страшные экспонаты. — Мне больше по душе статуи и резьба.

— Халифу нравилось унижать своих врагов, — объяснила Лунна. — Каждую ночь перед сном он приходил сюда и посыпал их отборными ругательствами.

— Чудовище, а не человек, — заметил Солдат.

— Со странностями, — ответила Лунна, и в голосе ее прозвучала стальная нотка, — но он никогда не был наемным убийцей.

Солдат принял это оскорбление молча.

У самого входа в потайной тоннель Лунна вручила друзьям синие одежды, в которых они смогут сойти за караванщиков. Затем взяла в руку факел и повела их вниз по вырезанному в теле скалы коридору. Все трое вышли на другую сторону через пустой дом в

скале и торопливо зашагали к окружающим долину стенам. По пути зашли в конюшню. Лунна резко отдавала приказы одному из мальчишек-конюхов, который, не задавая вопросов, запряг трех лучших коней и вывел их из стойла.

— Иногда я езжу верхом, — объяснила Лунна, легко прыгнув в седло, — и мальчишки знают мой голос.

— Ты ни разу не пыталась бежать? — спросил Солдат.

— Я же сказала, мне все равно, где я, пока со мной хорошо обращаются и дают все, что я хочу. Все мужчины относились ко мне как к принцессе. Я, кстати, и есть принцесса. Мне все равно, чью постель делить. Я одинаково презираю всех мужчин.

Голгат не поверил своим ушам.

— Ты презираешь мужчин?

— Ну конечно.

— Кусаешь руку, что тебя кормит?

— Нет, я даю им пользоваться своим телом. Я ничего никому не должна. Все, что мне дали, с лихвой оплачено между потными простынями. Я буду совершенно счастлива, если ни один мужчина вообще меня больше не коснется. Только вот, похоже, они не могут жить без того, чтобы не творить со мной разные вещи. И я позволяю мужчинам делать, что им хочется, пока за мной хорошо ухаживают, выполняют просьбы и не слишком часто беспокоят.

Солдат был потрясен.

— Ты никогда не любила?

— Никогда.

Голгат сказал:

— Однажды ты повстречаешь человека, которого полюбишь, и захочешь разделить с ним ложе.

— Такого никогда не случится.

Друзья не верили своим ушам.

— Ведь есть же на свете прекрасные юноши? Разве тебе не хочется молодого тела? Разве тебя не приводил в волнение образ красивого стройного охотника?

— Никогда. Ему нечего мне дать. Все, что есть у таких людей, — они сами.

— Но все, что есть у тебя, — ты сама.

— Да, но меня хотят все, — вполне справедливо заключила Лунна.

Наконец всадники выехали из долины.

— Поедем через место под названием Олифат, — решил Голгат, который лучше других знал эту местность.

Глава девятнадцатая

— Ну уж нет, я туда не пойду.

— Солдат, разве можно настолько доверять снам? Все видят сны о смерти. Это выдумки. Не ищи скрытого смысла там, где его нет.

Солдат по-прежнему сомневался.

— Толкователи снов в Гутруме зарабатывают немалые деньги. Почему, как ты думаешь? Если сны ничего не значат, толкователи голодали бы, а они, между прочим, ездят по городу в роскошных паланкинах и владеют целыми конюшнями породистых лошадей.

— Шарлатаны! — презрительно воскликнула Лунна Лебяжья Шейка.

Прибыл Ворон и добавил к всеобщей сумятице:

— Я только что спасся от смерти.

Солдат завертел головой направо и налево.

— Где? Где она?

— Там, наверху, — ответил Ворон, указывая клювом в небо. — Гарпия. Огромная такая! Упала на меня как гром среди ясного неба, едва увернулся. ОммуллуммО ведет нечестную игру. Разве у меня есть против нее шансы? Это же самый крупный хищник в царстве пернатых! Я только и выжил благодаря смекалке да везению. Я как раз тогда пролетал под каким-то деревом — так она когтями в ветку попала. Иначе простился бы я со своей головой.

— Значит, ты не видел самой Смерти? Ну, старухи с косой?

— Кого-кого? — спросил недоумевающий пернатый и обратился к Голгату: — Он заболел?

— Вбил себе в голову, что в Олифате за ним придет Смерть... Послушай, Солдат, ты же сам сказал, что Смерть хочет забрать султана, а не тебя. В Олифате есть султан. Смерть придет за стариком.

— А как она узнала, что и я буду там? — возразил Солдат.

Голгат устал от препирательств.

— Я тебя не понимаю, — сказал он и зашагал прочь. — Как можно быть таким трусом? Тебе привиделась какая-то темная фигура — а мы теперь должны делать крюк в сотню миль! Ты в такие переделки попадал в бою, я видел, как ты шел на врага с торжеством в сердце и побеждал не моргнув глазом. И вдруг испугался ночного кошмара! В голове не укладывается.

Зато Ворон поддержал Солдата:

— Больше всего боятся того, что не поддается объяснению. На Солдата можно смело положиться, когда дело имеешь с осязаемым

врагом. Но если столкнешься с чем-то хоть самую малость сверхъестественным, тут уж держись...

— Ну хорошо, хорошо, — взорвался Солдат, — пойдем через Олифат. Только не будем там задерживаться — никакой ночевки, даже если очень устанете. Не больно-то хочется туда идти, однако, похоже, придется. И хватит об этом. Ворон, расскажи, как дела в Гутруме, да и вообще в мире?

— Осаду не сняли. Правда, ханнаки и люди-звери уже начали проявлять нетерпение. Не особенно-то они любят выжидать. Покажи им битву в полном разгаре, и они туда сломя шею понесутся, но топтаться на месте и ждать чего-то... Одни играют в карты или бросают кости. Другие выходят к стенам Гутрума и зазывают гутрумитских воинов сразиться один на один. И кое-кто выходит. За стенами ведь тоже скукотища, да еще мор да чума, и власти свирепствуют.

— Кто-нибудь одержал победу? — спросил Голгат, заинтересовавшись. — Я о поединках.

— Был там один ханнак, вроде Махаджераг его звали... Расправился с несколькими особо ретивыми смельчаками, которые отважились выйти к нему за ворота. Так он стал привязывать обезглавленные трупы к лошади и скакал перед воротами взад-вперед, улюлюкал и вызывал на бой новых смельчаков. Неприятное зрелище.

Очнулся и Солдат.

— Вот бы до него добраться.

— Ты опоздал. Маршал Кафф не мог больше терпеть этого хвастуна и сам вызвался с ним сразиться. Махаджераг не знал, что у Каффа на правом запястье кое-кто припрятан. В латной перчатке сидела змея — бархатный капюшон. В самый разгар боя, когда они, скрестив мечи, стояли, упершись лбами, Кафф сдернул перчатку и сунул змею прямо под нос сопернику. Змея вцепилась ханнаку в переносицу, потом в горло. Губы, щеки — все было в укусах. Махаджераг посинел, пару минут его трясло, а потом он испустил предсмертный хрип и помер. Кафф ушел с поля боя победителем.

У Солдата стало горько во рту. Он посмотрел на товарища.

— Хорош твой братец.

— Да, он всегда был таким...

Тут вступила в разговор Лунна Лебяжья Шейка:

— Мне удивительные вещи рассказывали про маршала Каффа. Ведь он совсем недавно был простым капитаном? А теперь поднялся по служебной лестнице, да еще на самый верх. Видимо, он действительно великий воин.

— Народ тоже так подумает, — сказал Солдат. — Что еще, Ворон?

— Ну так вот, Кафф забрал тело Махаджерага и распял его с внешней стороны стены...

— Ты не мог бы рассказать что-нибудь новое? — перебил раздраженный Солдат.

— Ах да, помнишь близнецов, Сандо и Гидо? Так вот, их снова назначили правителями Бхантана.

Этой новостью Солдат по-настоящему заинтересовался.

— Что, разве Гумбольд их выпустил?

— Нет, я помог им бежать — вскрыл клювом замок. Они сразу направились на север, сколотили там армию из повстанцев. Набрали в нее фей, гоблинов, эльфов да всякой всячины с полей и лесов и вошли в Бхантан. Перебили всю знать, которая их изгнала, скинули с трона новых близнецов. Так что Сандо с Гидо вернулись туда, откуда и пришли, и шлют тебе привет. Просили передать, что когда ты поведешь армию против ханнаков и людей-зверей, армия Бхантана будет драться на твоей стороне.

— Уже кое-что, — кивнул Солдат. — А зачем им понадобилось убивать знать?

— Наверное, не все заладилось... А они, к твоему сведению, не самые милые на свете мальчики. Слышал бы ты, что они о Гумбольде говорят и какую участь ему уготовили.

— Надеюсь, мальчишки повзрослеют к тому времени и поумнеют, — неуверенно сказал Солдат.

Птица провела с друзьями весь день, подкармливая их обрывками новостей. Главное, ИксонноскИ был жив и находился в безопасном месте.

Солдат и Голгат ехали справа и слева от Лунны, изо всех сил стараясь привлечь к себе внимание красавицы. Она отвечала на вопросы своих сопровождающих, но сама редко начинала разговор. Мужчины наперебой предлагали ей помощь. Не накинет ли Лунна второе пальто? Не замерзла ли? Не вспотела ли? Хорошо ли подогнаны стремена? У Солдата с собой запасная пара чистых носков, он мог бы одолжить их Лунне, чтобы ноги не мерзли. Какие нежные руки, надо защитить их от безжалостного солнца — Голгат непременно одолжит ей свои перчатки. У Солдата с собой кусок ткани, из которой можно соорудить импровизированную шляпу. У Голгата запасной мех воды, она могла бы остудить лоб. Когда Лунна очень устанет, может подсесть на лошадь Солдата и ехать, обхватив его за талию. Нет же, запротестовал Голгат, леди должна разделить именно его лошадь, потому что он не женат. Солдат сказал, что это не имеет значения, потому что Лунна тоже замужняя женщина, и он не предлагает ей заниматься любовью. Он просто

предлагает ей прокатиться. У него крепкая, сильная лошадь, так что вполне разумно, если они поедут вдвоем...

— Меня от вас тошнит, — сказал Ворон. — Счастливо оставаться.

И улетел, переполняемый отвращением к людям.

Лунна ничего не говорила, лишь отказывалась от предложенного. Она превосходно себя чувствует, и нечего вокруг нее суетиться. Но они не суетятся, последовал ответ. Джентльмены всегда заботятся об удобствах дамы. У Голгата в переметных сумах есть конфеты, не желает ли она? Нет, ни в коем случае, она только захочет пить. А пакетик шербета, что у Солдата в кармане? Он везет его с самой Карфаги...

В полдень сделали двухчасовой привал.

— Нужно сходить к источнику за водой, — сказал Солдат, которому очень не хотелось оставлять Лунну и Голгата наедине.

— Я схожу, — вызвалась Лунна.

— Я с тобой, — подхватил Голгат. — Не помешает размяться.

— В таком случае можешь сам принести воды, — сказала Лунна.

Солдат улыбнулся и бросил товарищу меха для воды.

— Отправляйся.

Голгат сел на место.

— Я передумал. Что-то старая боевая рана разболелась. И правую ногу я натер. Сходи лучше ты.

— Лунна, пойдешь со мной?

— Да, если хочешь.

Они отправились за водой, но вскоре их нагнал Голгат.

— Я передумал, — сказал он, поравнявшись со спутниками. — Все же надо размяться.

— Ну, здесь явно кто-то лишний, — сказал Лунна. — Я возвращаюсь.

— Я с тобой.

— Вот незадача, опять нога...

Наконец прибыли в Олифат. Город встретил их трауром. Султан при смерти. Мешковину и пепел уже приготовили, и теперь ремесленники запасались цепами. К смерти здесь относились очень серьезно, а в особенности к смерти владыки. Жители облачатся в холстину, станут посыпать себя пеплом и нещадно хлестать себя цепами, пока старик не отбросит позолоченные сандалии и, взяв Смерть за руку, не отправится в мир иной. Будут напыщенные речи и стенания, люди падут ниц, объявят пост, будут звонить колокола, звучать гонги, бить барабаны, греметь трещотки и кости. Мало кто ожидал хорошего в ближайшие недели, и потому, когда увиде-

ли, кто прибыл в город, послали делегацию из старейшин, знати, богатейших из купцов и членов разнообразных советов.

— Лунна Лебяжья Шейка, — хором заголосили они. — О твоей красоте слагают легенды во всех известных мирах. Говорят, что из-за твоего лица тысячи армий рвались в бой. Твои портреты украшают стены замков королей в странах, которые еще не открыты. В неизведанных краях твое имя твердят на удачу. Говорят, что оно начертано на золотой чаше Грааля, которую ищут и никак не могут найти. В честь твоей красоты возводят храмы. Одинокие принцы, не жалея жизни, протаптывают тропинки к твоим дверям. Покажись нашему умирающему султану. Открой ему свою великую красоту. Быть может, вид твоих прелестей оживит его, освободит от болезни, поднимет со смертного ложа. Владыка любим народом. Мы не хотим, чтобы он умирал.

— Мы очень спешим, — ответила Лунна с непроницаемым лицом. — Как видите, мои друзья хотят поскорее отправиться в путь и выйти из города с противоположной стороны.

— Мы проследим за тем, чтобы тебя наградили жемчугами, сапфирами и слоновой костью.

— Ах вот как? Жемчугами, сапфирами и слоновой костью? — промурлыкала Лунна.

— Ну, что я говорил! — воскликнул Солдат. — У них действительно умирает султан. Это не просто сон. Пока все сбывается.

— Может, ты это где-нибудь по дороге услышал и, сам того не подозревая, запомнил, а потом во сне увидел, — ответил Голгат.

— Вряд ли. Помнишь, ты обещал: мы не будем останавливаться.

— Но если я не помогу старому умирающему человеку, — сказала Лунна, — то пренебрегу своим долгом.

— Перед кем? — закричал Солдат. — Перед чем?

— Перед человечеством, — ответила она. — Перед жизнью!

— Ты просто хочешь получить обещанные дары, — отрезал Солдат. — Тебе абсолютно все равно, умрет старик или нет.

Тут на лице Лунны появилось такое страдальческое выражение и произошло это так неожиданно, что Солдат теперь точно знал, что она притворяется.

Красавица сказала:

— Как ты можешь такое говорить? Ты совсем не знаешь меня. Ты составил обо мне ложное представление. Посмотри на тех людей, как они меня умоляют. Разве я могу отказать их просьбам? Решено, я иду к султану. Я *все* сделаю, чтобы вернуть ему силы.

— О, жажда богатства!.. Сколько ему лет? Сто восемь? В этом ссохшемся теле страсти не больше, чем в дохлой ящерице. Ты думаешь, он вскочит при одном твоем появлении?

Голгат сказал:

— По-моему, это несправедливо. Лунна просто хочет попробовать. А ты сам отказал бы старику?

— Да.

Но спорил Солдат тщетно, и вскоре друзей препроводили к смертному ложу больного султана Мукары. Солдат заметил, что, судя по песочным часам, до полуночи оставался час. Еще есть время, чтобы попробовать воскресить больного и уйти до того, как за жертвой явится Смерть.

Лунну подвели к кровати владыки.

— Где жемчуга? — спросила она.

Горожанин указал на ларец у двери:

— Здесь.

Со смертного ложа на Лунну воззрились слезящиеся глаза. К шелковым подушкам был прислонен султан — костлявое туловище, с которого желтыми складками свисала кожа. У него ввалились щеки, глаза были тусклы и безжизненны, а волосы свисали спутанными липкими пучками. Комнату наполнял тошнотворный запах, от которого выворачивало наизнанку. В воздухе висело зловоние смерти.

При виде Лунны Лебяжьей Шейки в гноящихся глазах умирающего скелета и впрямь засветился огонек. Ослабевшая рука на целый дюйм приподнялась над простыней, будто старик пытался дотянуться до земной красоты. С губ старика слетел шуршащий звук, напоминающий шелест бумаги. Затем он, очевидно, снова резко погрузился в себя, уничтожив то малое возбуждение, которое уже было начало созревать в его ссохшемся мозгу.

— А если мне снять одежду? — спросила Лунна, не сводя со старика глаз. — Быть может, тогда султан ощутит некую легкость бытия?

— Да, — хором заревели горожане, — это *определенно* поможет.

К всеобщему разочарованию, посторонних попросили покинуть комнату.

Последовали реплики возмущения.

«Нет же, нет, она не танцовщица семи вуалей и не собирается раздеваться на потеху толпе! Она врач и пытается излечить старого человека. В комнате останутся только ее спутники — Солдат и Голгат — для охраны, ну и разумеется, больной. Всем остальным придется подождать за дверью». Горожане с ворчанием вышли, украдкой кидая через плечо взгляды в надежде, что Лунна начнет лечение до того, как закроется дверь.

Когда все вышли, у дверей началась безмолвная, но ожесточенная борьба за лучшие места у замочной скважины и щелей. Возмож-

но, кого-нибудь и убили бы в начавшейся свалке, если бы только вельможи не отдавали себе отчета в том, что необходимо соблюдать полную тишину. По рукам пошли толстенные пачки денег, многих дочерей в те минуты пообещали в жены. Земли превратились в средство обмена, припомнились прежние заслуги и старые долги.

А в это время в комнате напротив изголовья больного Лунна Лебяжья Шейка сняла одежды.

Одновременно прозвучали два стона, которые исходили не от султана, а от ее защитников.

Глаза старика загорелись. Он сел на кровати.

— Га! — сказал он, вытянув вперед костлявые, искривленные артритом пальцы, будто ребенок, собирающийся схватить конфетку. — Гхаааааа!

— Получается, — сказала Лунна, сохраняя полное спокойствие. — Интересно, сколько приготовлено ларцов с драгоценностями?

В этот момент в углу комнаты сгустилась тьма и на глазах перепуганных очевидцев приобрела размытые контуры человека. Перед ними, стряхивая с себя пыль, стояла Смерть.

Смерть подняла голову и стала рассматривать четырех собравшихся в комнате людей. На ужасном лике не проявлялось ни единой эмоции, когда Смерть переводила взгляд от одного человека к другому. Однако при виде обнаженной Лунны Смерть сложила трубочкой губки. Наконец она кивнула Солдату:

— Ну, теперь ты готов? Я же говорила, что мы встретимся. Вечно мне не верят. Люди думают, будто могут сбежать от Смерти. Только все равно они окажутся в нужном месте в назначенный час. Прибьет ли их туда течением, взбесившаяся лошадь принесет, если надо, да хоть на воздушном змее прилетят — так или иначе, в последний путь не опоздаешь.

— Не я, не я тебе нужен, — затараторил Солдат. — Ты за ним пришла, вон за тем, в постели.

Смерть перевела взгляд на высохшего до самого скелета султана, который, издавая слабые хрипы, сидел в постели и пытался дотянуться до обнаженной Лунны Лебяжьей Шейки.

— Так ты идешь или нет?

— Нет, — твердо ответил Солдат.

— Ладно, подожду до полуночи. Тогда тебе просто *придется* пойти.

Все стояли и ждали. Наконец песок в часах истек. В этот миг султан издал сдавленный крик и замертво повалился на кровать. Смерть в удивлении уставилась на Солдата, будто ожидала от него того же. Когда этого не произошло, она склонилась над ложем ста-

рика и, схватив труп, стала нещадно его трясти, пока душа не вывалилась через рот. Душа изо всех сил корчилась, пытаясь заползти под кровать. Смерть ловко подхватила ее и засунула за полу своего облачения.

— Я никогда раньше не ошибалась...

Солдат сказал:

— Откуда тебе знать? Может, другие просто не сопротивлялись, как я.

— Не думаю.

В этот самый момент дверь распахнулась, и в комнату ввалились уважаемые горожане Олифата. Они в ужасе смотрели на распростертого на кровати мертвеца.

— Султан умер! — заголосил один из них. — У Лунны не получилось.

— Не то чтобы у меня не получилось, — ответила Лунна, одеваясь за дверью гардероба. — Вы бы видели, как он пытался дотянуться до меня!.. К сожалению, силы покинули его. Думаю, мне все же придется забрать жемчуга, сапфиры и рубины.

— Слоновую кость, — сказал главный горожанин. — Жемчуга, сапфиры и слоновую кость.

— Да-да, спасибо, — ответила Лунна.

Все остальные с перекошенными от ужаса лицами смотрели на Смерть.

Смерть, в свою очередь, уделила особое внимание одному из горожан.

— Ты, ремесленник. Через три дня я явлюсь за тобой. Может, пойдешь сейчас, чтобы мне лишний раз не ходить? Так нам обоим будет лучше.

— Не ходи, — пробормотал Солдат человеку на ухо, — Смерть тоже может ошибаться — уже проверено.

— Я? — воскликнул ремесленник. — Я в полном порядке. Мне всего сорок восемь лет, у меня жена и дети.

— И племянник, который зарубит тебя мясницким топором, — сказала Смерть. — Вот и он, как раз за твоей спиной. Да-да, юнец с прыщами.

Ремесленник повернулся и набросился на племянника:

— Убить меня вздумал?! Ах ты неблагодарный щенок! Я приютил тебя, кормил и поил после смерти брата. Я же тебе больше чем дядя — я для тебя как отец!

Юноша понуро потупил взор.

— Но ты не позволяешь мне жениться на своей дочери Друсилле. Думаешь, я ее недостоин.

— Дело не в том, чтобы позволить или не позволить. Можно подумать, я — злой отец, разлучник влюбленных. Послушай, Друсилла тебя на дух не переносит, а я не собираюсь заставлять свою дочь выходить замуж за того, кого она не любит. Я добрый и заботливый родитель. Пойди лучше поищи другую, пусть она тебя полюбит, тогда и приходи ко мне за благословением.

— Мне нужна Друсилла.

— Зато ты ей не нужен.

Смерть сказала:

— Ну, все это пустые разговоры. Нельзя изменить Судьбу, даже если знаешь о ней заранее. Факт остается фактом: ты скоро умрешь, а ты скоро убьешь. Если подумать, вы можете оба пойти, потому что племянника все равно казнят за убийство...

На этом месте Солдат, Голгат и Лунна Лебяжья Шейка тихонько вышли из комнаты. По пути Лунна захватила маленький ларец, который стоял на постаменте у двери. Она проверила его содержимое и удовлетворенно кивнула.

Через полчаса друзья были уже в пути и направлялись к Лазурному морю. Оказавшись в пустыне, мужчины снова вернулись к своим повседневным заботам. Отдыхали днем, передвигались в основном по вечерам, а на ночлег устраивались после полуночи. В первую ночь пути они так утомились, что едва хватило сил стреножить лошадей. Сразу после этого все трое опустились на песок и заснули прямо на месте.

На вторую ночь все было по-другому. Разожгли костер для тепла и чтобы отпугнуть хищников. Солдат положил одеяло по одну сторону костра, Голгат — по другую. Они не сводили друг с друга глаз и, снедаемые ревностью, следили, где устроит себе постель Лунна. Она легла с третьей стороны, образовав тем самым некое подобие незаконченного квадрата. И все равно мужчинам было не до сна — они бодрствовали на случай, если кому-нибудь из них вздумается придвинуться к Лунне поближе. Сама же Лунна спала как сурок.

Наутро мужчины были уставшими и раздраженными. Один из них чистил лошадь Лунны, а другой ревностно следил за каждым его движением. Пока один готовил Лунне завтрак, другой, в свою очередь, пристально наблюдал за ним. Скакали они по обе стороны от Лунны: Солдат — справа, Голгат — слева. Наконец мужчины подъехали к ней так близко, что Лунна пожаловалась: мол, она чувствует себя как сельдь в бочке.

— Отодвинься от нее, дурак, — сказал Солдат. — Что ты так к ней прижался?

— Это я-то? — завопил Голгат. — А ты не прижался? Да ты ей продохнуть не даешь. Отодвинься, не выставляй себя на посмешище.

— Это я-то посмешище? Если здесь и есть посмешище, так оно сидит слева.

— Ты хотел сказать — справа. Ты даже право от лева отличить не можешь.

— Я прекрасно могу отличить, где лево, а где право.

— Ты пытался меня одурачить.

— А тебя не слишком-то сложно и одурачить.

— Что, руки чешутся? Если так, я к твоим услугам.

— Тогда слезай с лошади.

— Джентльмены! — закричала Лунна Лебяжья Шейка. — У меня от вас уже голова кругом идет. Отодвиньтесь от меня оба! Вот так, хорошо. Вы прямо как мальчишки двенадцатилетние. Похоже, все мужчины такие.

Мужчины подались чуть в сторону от Лунны, все еще обмениваясь яростными взглядами через круп ее лошади. Если бы у одного в руках оказался сейчас лук, то другой был бы уже мертв. Каждый из них мечтал, чтобы соперник оказался где-нибудь за миллион миль отсюда, на другой звезде.

Лунна невозмутимо ехала вперед, явно не замечая разгорающейся между двумя ее спутниками ненависти.

— Сегодня я буду спать в горах, — объявил Солдат. — Ты присоединишься ко мне, Лунна? Так ты будешь в большей безопасности. Кое-кто тут не умеет ценить женскую целомудренность.

— Лунна останется со мной, — огрызнулся Голгат. — Если тебе хочется спать в камнях, сам туда и отправляйся. И вообще почему бы тебе не оставить нас в покое и не искать свою жену? Уверен, она по тебе скучает.

Солдат, раз уж сказал, что будет спать в другом месте, не мог поступить иначе. Внутри он кипел от злобы и ненависти к своему бывшему другу. Теперь он удивлялся, как не раскусил Голгата сразу, не говоря уж о том, что принял его за друга. Ведь он же брат его заклятого врага и соперника маршала Каффа.

Солдат отъехал на возвышенность и расстелил одеяло меж двух валунов. Однако к середине ночи под унизанными звездами небесами негодование Солдата достигло той точки, когда он уже не мог сидеть сложа руки. Он решил убить Голгата, пока тот спит. Солдат был уверен, что окажет всем большую услугу, избавив мир от такого паразита.

Солдат пробирался меж валунов с ножом в руках, как вдруг столкнулся лицом к лицу с человеком, которого как раз собирался

убить. Голгат с ножом в руке пробирался к скалам. Они уставились друг на друга в свете звезд, зарычали, обменялись парочкой ругательств и бросились один на другого. Соперники возились в пыли до тех пор, пока от шума не проснулась Лунна Лебяжья Шейка. Она была женщиной здравомыслящей и тут же смекнула, что если ее спутники сейчас друг друга поубивают, то она окажется одна в пустыне, где бродят хищные звери и творят бесчинства кочевники.

— Прекратите! — что есть мочи закричала красавица. — Прекратите сейчас же, иначе я перестану с вами разговаривать!

Прозвучала единственная угроза, способная привести в чувство соперников, которые тут же разошлись в разные стороны.

— Мерзавец! — рявкнул один.

— Свинья! — прорычал другой.

— Прекратите немедленно перепалку! — приказала Лунна. — Вы что себе позволяете? Вы же вроде бы друзья.

— Друзья? — закричал Солдат. — Да я лучше с крокодилом дружить буду.

— Я с радостью стану для тебя крокодилом и откушу твою тупую голову.

— Ты за грош меня продать готов.

— Вот тебе грош. Забирай и катись отсюда, — сказал Голгат и швырнул Солдату под ноги монету.

— Дети, дети, — взмолилась Лунна, которая уже привыкла к тому, что все мужчины в ее присутствии начинают потасовки.

Солдат, прищурившись, поглядел на Лунну.

— Что, боишься, что я твоего любовника побью?

Голгат прошипел:

— Это о тебе она грезит. Лунна с тебя глаз не сводит. Смотреть противно. — Он схватил клинок. — Я достаточно здравомыслящий человек, чтобы...

— Прекратите сейчас же! — заорала Лунна. — Ты — отправляйся спать в камнях, а ты — иди и спи там. А я останусь у огня, чтобы на меня змеи и пауки не напали. Сами друг друга развлекайте в темноте. А мне не нужен ни тот, ни другой, ясно? Да я скорее верблюда полюблю, чем таких простофиль, как вы. А теперь спокойной ночи.

Недавние соперники уставились на нее, плотно сжав губы.

Солдат стал озираться в темноте.

— У тебя, наверно, кто-то есть. Какой-нибудь пастушок, так ведь? Конечно! Хочешь избавиться от нас, а сама к любовнику побежишь. Ну так вот, я и не подумаю отсюда уходить.

— И я не уйду, — сказал Голгат, принимая ту же позицию.

— Тогда я буду спать, — вздохнула Лунна. — И мне наплевать, если вы двое умрете стоя.

Путешествие могло превратиться в ад.

И превратилось бы, если бы им на пути не встретился юноша с золотыми волосами.

Глава двадцатая

Следующие дни и ночи прошли без изменений. Бывшие друзья сгорали от желания перерезать друг другу глотки. Только благодаря какому-то чуду не произошло убийства — исключительно из-за переполняющей их слепой ярости ни одна из попыток не увенчалась успехом. Если бы соперники сохраняли хладнокровие, один из них к этому моменту точно уже был бы мертв, а может, и оба. Мужчин так распирало от ревности, что они походили на два действующих вулкана. Лунна Лебяжья Шейка уже и не знала, что ей делать.

К счастью, некое происшествие все коренным образом изменило.

В пустыне путешественникам встретился златовласый юноша в сопровождении какой-то женщины. Наши путники спускались с дюны, когда заметили юношу, который, припав на колено, целился из арбалета в воздух. На глазах у них он выпустил стрелу, и несколькими мгновениями позже к земле устремился крылатый лев. Зверь рухнул на песок с тяжелым хлюпающим звуком и остался лежать на месте — распростертый, разбитый, безжизненный. Юноша испустил радостный крик, подошел к мертвому зверю и пнул его. Потом сложил арбалет и убрал его в ножны, свисавшие с седла лошади.

Молодому человеку было не больше двадцати. Бронзоволицый, мускулистый, великолепно сложенный: стройные бедра, крепкие ноги, широкие плечи. От палящего пустынного солнца его кожу закрывали одни лишь обтягивающие рейтузы. Он двигался и держался как настоящий атлет. Золотые локоны лежали на плечах завитками, обрамляя довольно привлекательное лицо. Впервые Солдат увидел столь прекрасного юношу, обладающего такой крепкой мускулатурой.

Но внимание его привлек не юноша.

Взгляд Солдата приковала сопровождающая незнакомца женщина.

Эта была принцесса Лайана, его дорогая любимая жена.

— Лайана! — обрадованно окликнул ее Солдат, и все мысли о Лунне мгновенно испарились. — Нашлась!

— Наконец-то, — буркнул Голгат. Он тоже начал приходить в себя при виде людей из внешнего мира. — Теперь здесь воцарится долгожданное спокойствие.

Солдат поскакал вниз.

Приблизившись к Лайане, он спрыгнул с лошади и заключил жену в объятия, но, увидев ее пустое, ничего не выражающее лицо, понял, что стряслось ужасное. Лайана его не узнала и глядела на Солдата удивленными глазами.

Принцесса была грязна и растрепана, лицо заляпано грязью, волосы спутаны. Платье на ней было порвано, а сандалии стоптаны. Она выглядела так, как выглядит женщина, переживающая не лучшие времена.

— Лайана, ты не узнаешь меня? — горестно закричал Солдат, отстранив ее от себя. — Дорогая моя, милая, пожалуйста, узнай меня!

Тут к Солдату приблизился юноша. Он протянул руки и сильными пальцами отцепил руки Солдата от Лайаны. Потом заслонил ее своей спиной, будто защищая, и сказал:

— Держи свои лапы подальше от моей служанки, Синие Очи.

— Служанки? Это принцесса Гутрума Лайана! Она моя жена. — Настроение Солдата резко изменилось. Он обнажил меч. — В сторону, мальчишка, иначе я тебя ломтиками нашинкую!

— И очень зря, — сказал юноша. — Ты пожалеешь об этом, потому что я не сделал тебе ничего дурного. Эта женщина — моя. Я заплатил за нее звонкой монетой. Кем бы она ни была прежде, теперь она принадлежит мне. Я купил ее два дня назад у караванщика, перегонявшего рабов. Мне сказали, что они спасли много народу из того волшебного города, и люди эти не помнят своего имени. Погонщики вели целый караван таких же рабов с пустыми лицами. Нужно было получше за своими женами приглядывать. Она теперь моя, и я могу делать с ней все, что пожелаю. У тебя ведь наверняка есть и другие.

Разъяренный Солдат занес над юнцом оружие.

— Ты пожалеешь, — сказал златовласый, глазом не моргнув. — Ты не прав, и сам это прекрасно понимаешь.

Внезапно оказавшийся рядом Голгат отстранил Солдата:

— Дай я разберусь.

Он повернулся к юноше:

— Мы — Солдат и Голгат, два офицера иностранных армий. Та женщина — Лунна Лебяжья Шейка, жена султана Офирии. А кто вы, сэр?

— Принц Паладан из далекого Ксиксифара, что в юго-восточной оконечности Уан-Мухуггиага. Мой отец — король Ксиксифара. Я направляюсь домой. Я скажу вам, сэр, то же самое, что уже сказал вашему другу. Я купил эту служанку у караванщика, перегонявшего рабов на юг. Заплатил за грязнуху золотыми луидорами. Она — моя, и я буду обращаться с ней, как пожелаю. Однажды мне уже пришлось ее побить, когда она сожгла мне яичницу на завтрак, и я снова так сделаю, если потребуется, — будь она женой того грубияна или дочерью самого Царя Гороха. Кем она была раньше — не имеет никакого значения. Сейчас она — моя рабыня.

— *Грязнуху?* — завопил Солдат. — Я покажу тебе *грязнуху!* Бил мою жену? Я твою башку стервятникам скормлю, златошкурый хомяк-выскочка, масляные глазки.

И вновь Голгат удержал взбешенного Солдата.

— Правда на его стороне, не забывай, — сказал он товарищу. — Лайана взрослая женщина, которую спасли из города в песках и законно продали на рынке рабов. Если бы она сказала, что ее забрали против воли, тогда дело другое. А сейчас что? Посмотри на нее. Она же не знает, какой сегодня день недели!

— Лайана, — взмолился Солдат.

— Ты по виду хороший человек, — впервые заговорила Лайана, — но я тебя не знаю. Я и себя-то не знаю. Однако я благодарна тем, кто вывез меня из жуткого города, где никто не знает своего имени. Я снова могу дышать чистым воздухом, я снова на свободе. Меня откопали из песка полуживую. Как хорошо снова оказаться целой и невредимой. И если за это нужно служить до конца своих дней, то я буду служить. Все лучше, чем быть погребенной заживо.

— Я там был, в этом городе, — замычал Солдат. — Почему я тебя не видел?

— Там много людей. Спаслись лишь немногие. Все мы благодарны спасителям и счастливы, что свободны.

— Ну, хватит болтать, — сказал принц, — берись за работу, растяпа. Сходи к ручью за водой, омоешь мне ноги. А потом освежуешь крылатого льва, ощиплешь его крылья, и будем на ночь устраиваться.

Голгату пришлось силой оттаскивать Солдата от лагеря мальчишки. Он шепнул другу на ухо:

— Только не сейчас, потерпи. Давай чуть выждем и понаблюдаем за ним. Не спеши.

Солдат, не отводя глаз, смотрел на удаляющегося зазнайку, не удостоившего его напоследок даже взглядом. У Солдата перехва-

тило дыхание, когда он увидел Лайану: она, набрав воды, омывала грязные ноги Паладана так, будто души не чает в этом юном чудовище. Более того, ей было приказано осушить ноги принца своими волосами, и она безропотно повиновалась.

— Я его убью!

Солдат изо всех сил старался понять, что ему еще не нравится в этом юнце, и с удовольствием обнаружил несколько недостатков. Среди всего прочего принц явно пренебрегал правилами охоты.

— Он убил крылатого льва просто ради забавы.

— Он убил крылатого льва ради его шкуры, — указал Голгат, — что абсолютно законно.

— Он убил крылатого льва, — трепетно произнесла Лунна таким голосом, какого еще не слышали ее спутники, — чтобы подарить шкуру даме сердца.

Солдат и Голгат как один уставились на Лунну. Впрочем, она их взоров не замечала. Красавица безотрывно смотрела на златокудрого Паладана. В ее глазах витало мечтательное выражение. Жадно ловя каждое движение принца, она глубоко вздыхала и покусывала белыми зубками нежную верхнюю губу, отчего казалась беззащитной и еще более желанной. Правая рука Лунны была стиснута в кулак, а ладонь левой покоилась на груди. Казалось, в ней расцвела сама благодетель, приправленная чем-то более плотским.

— Как он элегантен, — прошептала красавица чуть слышно. — Такой гибкий, такой сильный... Мужественный.

— О боги, — промычал Солдат, закрывая лицо руками, — она влюбилась.

— Вы в какую сторону направляетесь? — окликнул принц троих путников. — На восток или запад?

— Нам на северо-запад, — ответил Голгат.

— В самом деле? Я и сам иду туда. Не лучше ли вам присоединиться ко мне, на случай нападения разбойников? Я могу вас защитить. У меня есть пища и вода. Можете поделиться с этой... м-м... дамой... Кстати, почему она на меня так смотрит? Разве она не слышала о хороших манерах? Пусть прекратит!

— Лунна, прекрати, — сказал Голгат.

Лунна ухмыльнулась, но не отвела глаз.

— Меня это неимоверно смущает, — сказал Паладан. — Она что, слабоумная?

— Обычно — нет, — ответил Солдат. — Но неужели вы не заметили, насколько она прекрасна? Если хотите, поменяемся. Ее на вашу... служанку. Пойдет? Это выгодный обмен: у нее стройная фигура и нежные мягкие руки, а цвету ее лица позавидовал бы и ребенок.

— Нет, спасибо. Я предпочитаю свою рабыню; ваша, похоже, глуповата. Мне не нужна идиотка.

— Зато она хороша собой.

— Да не настолько, — зевнул юноша. — Я и получше видал. В ней, надо отдать должное, что-то есть, но я, пожалуй, предпочитаю свою рабыню. Если находите ту леди такой красивой, так и оставляйте себе.

Солдат не на шутку расстроился. Как же так, вот он нашел жену и теперь больше всего на свете хотел бы забрать ее, спрятать в надежном месте и тогда заняться другими делами. Ведь еще нужно помочь ИксонноскИ отнять у его отца, ОммуллуммО, то, что принадлежит мальчишке по праву. А вместо этого они застряли здесь в какой-то глупой, никому не нужной передряге.

Дело близилось к вечеру. Лайана уже сняла со льва шкуру и ощипала крылья. Теперь, в последние предзакатные часы, она усердно трудилась, выскабливая для хозяина огромную шкуру. Перья, ценные сами по себе, были связаны в пучки и развешены на вычурном кожаном седле.

Паладан тем временем воспевал какого-то прославленного охотника, всеми любимого и почитаемого за красоту, доброту и ловкость. Солдат затачивал край меча о камень и посылал яростные взгляды сквозь снопы искр. Голгат помешивал дрова в костре и глядел на пламя. Лунна Лебяжья Шейка мурлыкала под нос мадригал.

Терпение Солдата лопнуло. Подумать только, с его собственной женой обращаются хуже, чем с судомойкой! Он заскрежетал зубами и дал себе обещание перерезать молодчику горло этой же ночью.

Однако Голгат угадал намерения Солдата и не спускал с него глаз. Едва Солдат поднялся, чтобы уйти, Голгат тут же направился следом.

— Если ты попытаешься убить мальчишку во сне, — предупредил Голгат, — я разбужу его криком.

— Зачем тебе это? Почему ты его защищаешь?

— Потому что я не могу понять, как он здесь оказался и почему решил взять нас с собой. Обожди чуток. Я знаю, что тебе больно видеть его со своей женой...

— С моей женой? — прорычал в бешенстве Солдат, когда, обернувшись, заметил, что принц с Лайаной лежат под одним одеялом. — Да я его сейчас убью!

— Нет, подожди. Подумай обо всех нас, обо мне и Лунне. К тому же вряд ли они чем-нибудь занимаются под одеялом, это скорее просто для тепла. Я так думаю.

— Ты *думаешь?* До чего я дошел! Да ему глотку надо перегрызть, — простонал он. — Я ревную, Голгат. Ты же знаешь, я ревнивый. Я этого не вынесу.

И все-таки по какой-то причине Солдат последовал совету Голгата. Смутное предчувствие не давало ему покоя. Он забрался обратно под одеяло и попытался подумать о чем-нибудь другом. Что-то здесь было не так, концы с концами не сходились. Почему знатный молодой юноша путешествует один по пустыне, где подстерегает множество опасностей, да еще с кошельком, набитым золотыми монетами? Принц, хлыщ, птенец с ярким оперением. Всему этому должно быть какое-то объяснение, оно обязательно всплывет. Голгат тоже почуял неладное: это чувство трудно объяснить. Остается надеяться, что утром ситуация представится в каком-нибудь новом свете.

Солдат один раз проснулся — в сумрачные ранние часы — и заметил, что Голгат лежит под одним одеялом с Лунной. И только он, Солдат, — в полном одиночестве. Снова этот сумасшедший мир оставил его не у дел. Солдат ощутил себя чужаком, незнакомцем, существом, которому здесь не место. А может, он сам придумал весь этот кошмар? Или его затянуло в мир, который подвергает его изощренным пыткам просто за то, что он чужак?

Он разбудил Голгата.

— Я же говорил, что ревную.

— Ты ревнуешь? Я тоже ревную. Думаю, за последние несколько дней нам представился случай в этом убедиться. Просто чудо, что ни один из нас не лежит сейчас с ножом в сердце, несмотря на все попытки. Мне, например, за себя очень стыдно.

— Мне тоже, — сказал Солдат. — Я искренне прошу у тебя прощения. Не знаю, что на меня нашло. В конце концов Лунна не *настолько* красива.

— К сожалению, это неправда.

Солдат вздохнул:

— Да, она прекрасна. Ты прав. Я просто хочу позабыть обо всем этом. В конце концов, что такое красота? Просто видимость. Сияющие озера, девственные снега. А что под ними? Хитрое расчетливое сердце и пустая холодная душа, бесплодная, как пустыня? Хотя кто знает. Лунна в общем-то неплохой человек, просто у нее нет духа моей Лайаны.

— Только она все равно прекрасна. Ведь алмаз тоже не имеет реальной ценности — обыкновенная стекляшка. Но человек способен убить и умереть за алмаз. Нельзя сбрасывать кого-то со счетов только потому, что в нем нет *ничего, кроме* красоты. Красота — сама по себе сила.

— Наверное.

И все-таки в ту ночь Солдату удалось чуть-чуть вздремнуть.

На следующее утро все поднялись и собрались в дорогу. Тронулись в путь. Принц Паладан ехал первым, Лайана трусила следом, схватившись руками за хвост его кобылы. За ними ехал Солдат. Он скрипел зубами от отчаяния, глядя, как обращаются с Лайаной. Следом — Лунна. Голгат завершал процессию. Путники поднялись на гребень песчаной дюны и с высоты увидели уходящий к горизонту лагерь огромной армии. Войско тоже готовилось в путь. Вдруг закутанные в черное воины поднялись как по команде и издали громкое приветствие своему принцу — армия, от которой путешественников отделяла какая-то пара сотен ярдов, принадлежала ему.

Принц Паладан махнул в ответ.

— Ну вот, видишь, — сказал вполголоса Голгат, — чего я и боялся. Хорошо, что не убили его, иначе закончилось бы наше путешествие раньше времени. Привязали бы нас за щиколотки к лошадям да погнали пересчитывать затылком камни.

Солдат промолчал, кипя от злости.

— Негодяй умрет, — повторял он сам себе, — умрет.

— Не сейчас! — предупредил друг.

Через некоторое время Солдату все же удалось подавить злобу, и он поравнялся с принцем.

— Итак, в вашем распоряжении была целая армия, принц.

— Ах, теперь уже принц. Что же не хамите больше?.. Все верно. Просто это было моим маленьким секретом.

«Зазнавшаяся обезьяна», — подумал Солдат, а вслух сказал:

— Да, вы поставили меня на место.

— Действительно поставил. А эту женщину я, может быть, отдам тебе, когда доберемся до Сизадского порта, если, конечно, будешь хорошо себя вести по дороге. Ты, похоже, очень стремишься заполучить ее назад. Почему только, ума не приложу. Загадка какая-то. Офицер наемной армии может легко иметь много таких, как она. У меня дома тысячи женщин и получше. Она, на мой взгляд, не слишком опытна. У меня семь сотен отличных натирательниц полов, каждая из которых способна гораздо лучше обо мне позаботиться. Еще у меня шесть жен и три сотни любовниц. Так на что мне сдалась какая-то старая кляча?

Старая кляча? У этого несносного мальчишки слишком большой рот. Больше самого Лазурного пролива. Солдату очень хотелось заткнуть его кулаком, однако внешне он хранил спокойствие.

— Было бы очень благородно с вашей стороны.

— Я бы сказал, по-королевски, — согласился Паладан, искоса поглядывая на Солдата. — Я же все-таки *принц*.

— Да, да, конечно. Я вам очень обязан, принц.

— Эй, я ничего не обещал. Могу и передумать. Я потратил на нее уйму денег. Отец не разрешил взять с собой служанку. — Юнец насупился. — Он сказал, что хочет сделать из меня настоящего мужчину — мол, женщины меня только портят. Так что я ушел без единой женщины и обходился без них три недели, просто чтобы доказать ему, что я на это способен. А потом, когда мимо проходил караван с рабами, я подумал, а почему бы, собственно, не взять себе служанку? Вот и купил ее.

— Но вы могли запросто прийти и забрать любую. У вас же целая армия.

— Не важно. У меня и деньги есть.

Просто прихоть. Заплатить, взять — для богатых принцев все едино. Поступить по настроению, лишь бы не утруждаться.

— И все же вы упомянули о цене?

Принц мило улыбнулся Солдату.

— А, ты об этом... Если хочешь забрать жену, я, может быть, соглашусь ее продать тебе, чтобы вернуть свои деньги, — разумеется, с небольшим процентом. Ведь я ее многому научил. Вот закончу воспитание, и из нее получится неплохая кухонная девчонка. Парочка своевременных ударов клюкой — и она, возможно, станет сносной горничной. Правда, в том, что касается постели, она на редкость глупа. Прошлой ночью я велел ей согреть мое ложе, справедливо полагая, что она заберется ко мне под одеяло. И что? Эта простушка накидала на железную сковороду горячих углей и засунула ее под одеяло. Как вам это нравится? Естественно, через какое-то время угли остыли. Мне пришлось затянуть под одеяло ее, чтобы защитить свои бедные косточки от морозного ночного воздуха.

Женщины прекрасно умеют сохранять тепло, знаешь ли. В этом смысле они незаменимы. В остальном проку от них никакого. Что же касается сохранения тепла, полагаю, эта особенность объясняется их склонностью наращивать жир. Когда прикасаешься к женщине, что я и делал время от времени, ощущаешь мягкий, пухлый слой, которым покрыты кости. Вот поэтому они так хорошо согревают постели.

— Я вижу, у вас пытливый ум, как у моего друга, что скачет позади.

— Да, я и сам горжусь своей неиссякаемой жаждой познания.

— Вы ведь... вы не воспользовались тем фактом, что она женщина, чтобы удовлетворить свои плотские потребности?

Рука Солдата непроизвольно потянулась к рукояти меча.

Принц сморщил нос.

— Фу, только посмотри на нее. Ляжки жирные. Грязнуля. Пахнет как свинья. — Принца передернуло. — Одно дело — велеть неряшливой служанке согреть твою постель, и совсем другое — вставить свой меч в ее ножны. Если бы ее отмыть... только все равно она ведь совсем старуха. Думаешь, что из-за своей красоты я должен постоянно иметь женщин? Ну так вот, ты ошибаешься. Я в состоянии при необходимости воздерживаться. Знавал я кое-кого из монахов, которым воздержание давалось гораздо труднее. Ну, возьмем, к примеру, ту простушку, что с тобой путешествует. Чиста как горная река, только туда тоже не особо тянет нырнуть. Она глупа. Обычная пустышка.

— О, тут вы совершенно правы. Такому интеллектуальному мужчине, как вы, принц Паладан, нужна женщина равного ума.

— Опять ошибаешься. Женщина никогда не сравнится с мужчиной по уму. Все ее мысли только о безделушках, ярких тряпках и кружевах. Сплошная вышивка да мишура. Хотя неглупых женщин отыскать все-таки можно. Кому знать, как не мне. Правда, на свете их раз-два и обчелся. Редко попадаются.

Довольный, что над его женой не было совершено насилия, Солдат потихоньку отстал. Проезжая мимо Лайаны, он коснулся ее волос. Сердце сжалось от невыносимой муки. Лайана подняла голову, обратив на него грязное лицо, которое показалось ему милей самой прекрасной картины. Ему хотелось заключить ее в свои объятия, сказать, что все будет хорошо, обрадовать ее. Но Солдат прекрасно понимал, что сейчас он для нее чужой. От этого делалось еще больнее. Как вернуть память ей, если он не может вернуть память себе?

Теперь их связывало нечто большее: они оба не знали, кем являются. Во всем этом заключалась некая ирония; Солдат, может, и рассмеялся бы, если бы не было так горько.

— Мило поболтали? — спросил Голгат, нагнав Солдата.

— Информативно. Теперь мне гораздо легче.

Лунна тут же не преминула спросить:

— Принц что-нибудь говорил обо мне?

— Ни слова.

Она надулась.

— Но ведь хоть *что-то* он должен был сказать?

— Ах да, он назвал тебя простушкой.

Ее лицо прояснилось.

— Видишь! Значит, он обо мне все-таки думает.

Мужчины переглянулись и недоуменно подняли брови.

Глава двадцать первая

Солдат терпел общество принца Паладана до самого Сизада, где по-прежнему стоял лагерь офирийского султана, ожидающего новостей о похищенной женушке. Солдат с Голгатом везли Лунну, которая пользовалась своей лебяжьей шейкой по ее прямому назначению. Она изгибала эту часть тела под немыслимым углом, стараясь углядеть постепенно скрывающегося за хребтом дюны принца. Когда принц исчез из поля зрения и путники стали спускаться к раскинувшемуся внизу оазису, Лунна вернула шею в исходное положение и зарыдала.

Мужчинам было жаль девушку. Они совсем недавно сами испытали то, что сейчас чувствовала красавица. Впрочем, друзья прекрасно понимали, что скоро у нее все пройдет. По приблизительным подсчетам Солдата, через пару недель Лунна уже и не вспомнит о златокудром принце с характером жабовидной ящерицы и душой слизня.

Муж Лунны давно прослышал об освобождении возлюбленной и ожидал ее возвращения, сидя на паланкине, крепящемся на спине латунного слона. При приближении красавицы султан потянул за рычаг специального, спрятанного внутри слона духового инструмента, и слон воздел к небу хобот, оглушительным ревом возвещая радость султана. Нестройным хором откликнулись горны его армии. Затем, приведя в движение соответствующие механизмы чудесной машины, пышнотелый султан заставил слона опуститься на колени и мигом очутился на земле, готовый принять свою божественную супругу в распростертые объятия.

Лунна Лебяжья Шейка приблизилась к мужу и склонилась перед ним на колени, что было очень мудро с ее стороны, поскольку она была на целую голову выше султана, облаченного в широкие панталоны, выдающийся на животе балахон и широкие золотые сандалии. Лунна опустила голову, посмотрела на его маленькие жирные пальцы и пухлые стопы и разразилась потоком слез.

— Ах, дражайшая моя, — сказал султан, приподнимая рукой ее подбородок, так что теперь она видела его круглое лицо, увенчанное огромным тюрбаном, — не нужно слезы лить. Ты теперь в безопасности. Со своим любимым-прелюбимым муженьком. Давай-ка лучше поедем в Ксиллиоп на моем милом-премилом слонике и подберем тебе золотистого-презолотистого верблюдика, чтобы у слоника была пара.

Ее голова, которая по-прежнему покоилась в руке султана, обернулась назад, поглядела куда-то вдаль, и Лунна снова разрыдалась, захлебываясь от слез.

— Я хочу в Ксиксифар.

— Нет, нет, прелесть моя, — снисходительно заулыбался султан, — не в Ксиксифар. Надо говорить «Ксил-ли-оп».

Она обернулась к нему с горящими злобой глазами и прорычала:

— Я хочу в Ксиксифар, а не в Ксиллиоп, понятно тебе, жирная обезьяна?!

Радость султана разбилась как стекло. Он вгляделся в лицо Лунны. Что-то страшное произошло с его дорогой, милой супругой, что-то такое, отчего она перестала быть божественным созданием.

Султан поднял глаза на стоящих чуть поодаль воинов, что привели его ненаглядную вторую половину. Казалось, мужчин что-то беспокоит, особенно того, с голубыми глазами. Разве можно было доверять им свою жену! Ну конечно, одни в пустыне, с самой прекрасной женщиной в мире... Они не смогли устоять перед ее чарами. Негодяи надругались над его женой! Так вот почему она так несчастна! Не муж послужил тому причиной, нет — эти двое! Она, видимо, никак не оправится от произошедшего, бедняжка почти на грани помешательства, раз такое сказала ему, любимому мужу. Мерзавцы сейчас за все ответят!

Наглецы улыбались! Стояли и улыбались! Это уже слишком! В пять шагов султан покрыл расстояние, отделявшее его от негодяев, и с размаху ударил увитым кольцами кулаком воина с голубыми глазами, которого называли Солдатом.

— Прекрати улыбаться! — проревел он.

Солдат, вначале ошеломленный, пришел в себя через секунду и уложил бы обидчика на месте, если бы между ними не встал Голгат, которому тут же самому досталось от султана.

— Да что это такое? — воскликнул Голгат, отводя рукой очередной удар взбешенного владыки. — Поберегись, а то мой друг тебя зарежет, будь ты хоть царем мира.

Это предупреждение слегка отрезвило разгневанного супруга. Султан отступил на несколько шагов и направился к своим солдатам.

— Вы надругались над моей женой! — огласил он воздух пронзительным криком.

Солдат не на шутку удивился.

— Это Лунна так сказала?

— Нет, просто я вижу, как она опечалена.

— Это потому, что она влюблена в принца ксиксифарского, болван! — закричал Солдат. — Мы тут ни при чем.

Весь боевой пыл султана как рукой сняло, и он на глазах поник, словно воздушный шар, из которого выпустили воздух.

— Ксиксифар? Ах да, Ксиксифар. Так вот в чем дело... Вы имеете в виду принца Паладана? Этого шута?! Этого прыщавого выскочку с кудрявой головой и личиком шестилетней *озорницы?* Моя Лунна влюблена в *него?* — Глаза султана сузились. — Где она с ним познакомилась?

— Мы случайно встретили его в пустыне, — ответил Солдат. — Лунна взглянула на принца и тут же влюбилась без памяти. Он, может, и впрямь хорош собой, но я совершенно уверен, что она забудет его уже через неделю. Это просто мимолетное увлечение.

— Где Паладан?

— Примерно в миле отсюда, — ответил Голгат, — по другую сторону дюны. Только его сопровождает армия. Закаленные в боях воины, облаченные во все черное, которые называют себя Бессмертными. Для вашего войска это слишком крепкий орешек.

Ноздри султана задрожали. Он смерил взглядом огромную возвышающуюся над оазисом дюну и отвернулся.

— Мы не заслужили благодарности? — окликнул его Солдат.

— За что? — взвизгнул в ответ султан. — За то, что не оградили мою ненаглядную от распутника? Вы от меня и гроша не получите. Отправляйся на поиски своей жены. Надеюсь, она тоже влюбится в принца ксиксифарского, и ты сам поймешь, каково это. Думаю, вы тоже не сводили с Лунны глаз, вы оба. Наверняка бедняжка умоляла вас не распускать руки. Отправляйтесь, а не то прикажу солдатам выпотрошить вас прямо у нее на глазах. Прочь!

Солдат шагнул вперед, но Голгат сказал:

— Не обращай внимания. Главное, нам известно, где твоя жена. Некоторым неведома благодарность. Мы отыграемся рано или поздно. Такие люди, как он, тоже от неприятностей не застрахованы.

Голгат с Солдатом вернулись к лагерю принца. Друзья прибыли уже к вечеру. Солнце тонуло за темно-рыжими дюнами, окрашивая воздух золотом. Паладан сидел у входа в шелковый шатер, ему прислуживала Лайана. Однако не успели путники подойти к принцу, как что-то неладное стало происходить в небе. Принц вскочил на ноги и отбежал от шатра на несколько шагов, а потом вновь поднял вверх испуганный взгляд.

— Смотри, — закричал Солдат, указывая пальцем на кружащее над головами животное, — самец крылатого льва!

Зверь кружил над головой принца. Темная грива развевалась на ветру, мех шел рябью от потоков воздуха, создаваемых его крыльями. На морде застыло выражение предельной ярости. Без всякого сомнения, бестия была исполнена ненависти к принцу. Крылатый лев сложил крылья и, подобно ястребу, камнем бросился вниз. Он спикировал прямо на принца, пытаясь схватить его когтями. Принц подался в сторону и присел. Он пронзительно кричал, призывая на помощь. Хлопая огромными крыльями, лев взмыл вверх, развернулся и вновь начал пикировать.

Голгат сказал:

— Я, кажется, понял, что происходит. Это приятель той крылатой львицы, которую принц застрелил из арбалета. Зверь прилетел, чтобы отомстить.

Вся армия высыпала из шатров. Воины стояли в сгущающихся сумерках словно зачарованные и безмолвно смотрели, как крылатый лев нападает на их принца. Никто не шелохнулся, чтобы помочь своему господину. Солдаты стояли разинув рты, кто-то показывал пальцем, но большинство не в силах были пошевелиться и только в ужасе наблюдали за разворачивающимся перед ними действом.

— Помогите! — пронзительно кричал принц, распластавшись на земле и обхватив руками голову. — Спасите!

Разгневанный лев спикировал на тело Паладана и полоснул его когтями, вырвав из головы пук золотого пуха.

— Ай! Больно! У меня кровь!

Никто не знал, что делать. Один или два лучника пускали стрелы в безумно кружащего льва, но безнадежно промахивались. Это была не та несчастная львица, что медленно летела по прямой. Крылья разъяренного самца были в два раза сильнее, чем у его незадачливой спутницы жизни. Он неистово маневрировал в небе, и в него практически невозможно было попасть. За то время, которое требовалось на полет стрелы, лев уходил в сторону. Даже лучший лучник страны не смог бы подстрелить зверя, кроме как по счастливой случайности. И когда казалось, что принцу грозит неминуемая смерть, из шатра вышла Лайана. В руке она держала длинный пастуший кнут. Не задумываясь о своей собственной безопасности, девушка твердо встала рядом со скорчившимся на земле принцем. Она стояла, смелая и восхитительная, в лучах заходящего солнца, и щелкала длинным кнутом перед самым носом пикирующего зверя. От резких звуков лев терял ориентацию.

Хищник был сбит с толку. Три или четыре раза подряд он подныривал в воздухе, пытаясь напасть на женщину, которая, широ-

ко расставив ноги, крепко стояла на земле. Каждый раз, когда лев опускался, Лайана ловко щелкала кнутом над самой головой зверя, даже не касаясь его, но заставляя менять направление. Некоторое время лев продолжал атаковать, но, когда стало уже совсем темно, отступился и направился в звездную высь. Люди смотрели на парящий на фоне луны силуэт и гадали, вернется ли он.

Солдат немедленно подошел к жене.

— Здорово придумала. Ты очень храбрая.

— Нужно было хоть что-то предпринять.

— И ты решила взять это на себя. — Солдат подхватил Лайану на руки и поцеловал. Девушка несколько смущенно поцеловала его в ответ. Она сомневалась, имеет ли она право обнимать этого человека — незнакомца, который всего несколько дней назад вошел в ее жизнь. Но ей было приятно лежать в крепких объятиях, и она не стала сопротивляться. В груди Лайаны потеплело — такого чувства она не испытывала уже очень давно. Ей нравилось, как пахнет его кожа, причем его запах был до странного знакомым. Лайана предавалась неге.

Принц Паладан неловко поднялся на ноги, ощупывая ссадину на голове — там, где волосы были вырваны с корнем. Он с тревогой обнаружил на пальцах кровь.

— Ну хватит, — резко сказал принц, отряхиваясь. — Девчонка, быстро в мой шатер. Сбегай принеси бальзам или какую-нибудь лечебную мазь. Что, не видишь — я ранен. Только о себе думаешь, растяпа!

— Все, — прорычал Солдат, — с меня достаточно. Это моя жена. И тот факт, что она обо всем забыла, ничего не меняет. Мы уходим. Прямо сейчас.

— Нет, никто не уходит. Я сейчас... Ай!

Солдат подошел к обидчику, вытащил его собственный меч и вонзил меч в ногу принца, пришпилив его к земле. Паладан заверещал, как перепуганная лесным пожаром обезьянка. Бессмертные сгрудились и двинулись вперед, на защиту господина, но Солдат, схватив Лайану за руку, огромными шагами скрылся вместе с женой в темноте. Голгат поспешил следом, готовый прикрывать их отступление.

Принц продолжал громко кричать нечто нечленораздельное, требуя предать Солдата смерти. Воины кинулись за удаляющейся троицей, которая торопливо взбиралась на хребет. За ним открывался оазис султана. Воины принца рекой вылились из лагеря, они торопливо взбирались по песчаной дюне. Казалось, беглецов нагонят, не успеют они и полмили пройти.

Так и случилось бы, если бы не одно обстоятельство. По другую сторону дюны к гребню взбиралась другая армия — армия султана. Они шли войной на принца Паладана.

В отсутствие Солдата и Голгата султан долго сидел, снедаемый ревностью, а Лунна Лебяжья Шейка всхлипывала не переставая и требовала, чтобы ее пустили к принцу, ни на миг не сомневаясь, что он — ее вторая половина. Наконец злоба пышнотелого султана перелилась через край. Загудели рожки, забили барабаны, на равнине перед оазисом собралась армия. Воины были в некотором замешательстве — дело шло к ночи, и вдруг они должны совершить боевую вылазку. Бессмыслица какая-то.

Старшие офицеры настоятельно рекомендовали султану не предпринимать наступления ночью, мотивируя это тем, что в темноте сильно снижается видимость и подчас две роты одного полка сражаются между собой. Уже известны случаи, когда битва заканчивалась тем, что армия побеждала сама себя. Но султан был непреклонен. Он не мог ждать до утра, ему хотелось покончить с этим златовласым шутом немедленно. Принц околдовал возлюбленную Лунну и поплатится за это. Султан не готов смириться с тем, что его жена плачет по другому мужчине. Ни за что. Его армия нападет сегодня же. Они воспользуются эффектом неожиданности.

Он не будет высылать ни послов, ни герольдов. Враг ничего не должен знать о готовящейся войне.

— Никого не посылаем, никакого предупреждения. Бить без пощады, пленных не брать, — заявил решительно настроенный султан. — Перережем их в постелях, они даже не поймут за что. Принц горько пожалеет, что сделал меня рогоносцем. Я вырву его сердце, вытащу его через рот и насажу на свое копье. Заниматься любовью с моей женой?! — Султан едва не захлебнулся от ярости.

— Но он меня и пальцем не коснулся, — заплакала Лунна. — Даже не посмотрел на меня ни разу. Сказал, что я чистенькая и гладкая и на вид ничего, но ему не нужна...

От этих слов султан разъярился еще сильнее. Его жена, самая прекрасная женщина в мире, с презрением отвергнута каким-то высокомерным мальчишкой, который и шматка грязи на ее сандалиях не стоит!

— Бейте в цимбалы! — кричал султан, выхватывая свою кривую саблю. Множество рук тем временем подхватили его и водрузили в седло белого боевого коня. — Раскручивайте трещотки! Мы выступаем!

Далеко идти не пришлось. По пути армии султана встретились Солдат с Лайаной и Голгатом, которые спускались навстречу по

склону огромной дюны. Лучники тут же открыли огонь по тем, кто преследовал беглецов. Попав под град стрел, солдаты принца быстро сообразили, что на них напали. Кое-кто повернулся и побежал обратно в лагерь, с губ их слетал призыв хватать оружие. Многие падали, зарубленные насмерть, не добежав до своих какие-то считанные метры. Обе армии зажгли факелы, и вскоре два океана огненных светлячков сошлись вместе.

Солдат, Лайана и Голгат некоторое время наблюдали за происходящим с вершины дюны. Приторный запах крови поднимался на песчаный холм, где в тишине теплого вечера стояли путники. Если бы они сами участвовали в той бойне, все воспринималось бы совсем иначе, но они были только сторонними наблюдателями, а не обезумевшими от страха и возбуждения воинами. Друзья в ужасе смотрели на кровавое побоище, освещенное огнем пылающих шатров, слышали крики, видели, как мужчин и женщин накалывают на острые предметы, отсекают головы... Когда стоишь на чистом воздухе, наполненном ароматами целебных трав, и любуешься приятным вечером, такое зрелище кажется особенно отвратительным.

— Пошли, — сказал Солдат и взял Лайану за руку. — Переночуем в Сизаде, а утром двинемся в Карфагу.

Той ночью Солдат с Лайаной не спали. Они сидели у костра, и Солдат рассказывал жене обо всем, что произошло в ее отсутствие. Он поведал, кем Лайана была раньше и какое бедствие снизошло на родной город. Она внимательно слушала, старалась все понять и осмыслить, но сама ничего не помнила.

— Ты мне нравишься, — сказала Лайана, — думаю, я могла и влюбиться в тебя, несмотря на твои странные глаза, которые проникают в самую душу. Мне нужно заново все постигать — только постепенно, — и тогда я снова стану самой собой.

Во всем произошедшем был и положительный момент. Приступы безумия ее больше не беспокоили. Болезнь покинула Лайану вместе с памятью. И это свидетельствовало о том, что причиной так долго мучавших ее приступов помешательства являлось проклятие. Ведь излечить болезнь ума не просто, это не случается в один день, как произошло с Лайаной. А вот проклятие, напротив, может быть снято разом.

— Мы теперь с тобой одинаковые, — сказал Солдат; они сидели, обнявшись, и глядели на яркие звезды. — Мы оба потеряли прошлое. Я не помню, что было со мной до того, как я попал в Гутрум. Ты потеряла память совсем недавно, и теперь нас связывает отсутствие воспоминаний. От этого мы еще ближе друг другу.

— Я действительно хочу приблизиться к тебе, мне с тобой спокойно, хотя я не до конца тебе доверяю.

— Ты правильно сказала: постепенно все придет. Сердце само подскажет тебе дорогу.

— Когда ты так говоришь, я и впрямь начинаю в тебя влюбляться.

Спэгг несказанно обрадовался возвращению друзей. Он успел утомиться от своей дородной возлюбленной, или, скорее, она успела утомить его. Спэггу не терпелось двинуться в путь.

— Я ужасно здесь мучился, — сказал он друзьям. — Блохи, жара, пыль. Вы-то неплохо провели время. Представляю себе: скачешь по пустыне, окрестности рассматриваешь... не то что я. Посмотрите на эту комнату, по одному ее виду можно понять, как плохо здесь обстоят дела. Да в этом городе найти прачечную — все равно что искать золотую пыль в кармане у нищего. А еда и вовсе гадость.

На следующий день все четверо — Солдат, Спэгг, Голгат и Лайана — тронулись в путь, в Карфагу. По прибытии они обнаружили, что население решительно настроилось дать отпор неприятелю. Люди начали отходить после первого потрясения, когда карфаганская армия была разгромлена ордами варваров. Мужчины и женщины активно тренировались с тех пор, как Солдат уехал на поиски Лайаны. Новая армия заметно помолодела. В рекрутах недостатка не было, потому что почти каждого юного карфаганца с самого рождения воспитывали воином. Эта профессия считалась самым благородным занятием; затем следовали художники, купцы и ремесленники были на третьем месте, а в последних рядах уважаемых профессий стояли доктора, кудесники и артисты.

Однако у карфаганцев была одна проблема: старый военачальник Джаканда погиб в битве у ворот Зэмерканда, и теперь требовался новый главнокомандующий. Сенаторы никак не могли решить, кого назначить. Одни были слишком юны, другие слишком стары, а всем прочим недоставало опыта. Карфаганские вельможи были наслышаны о Солдате и его подвигах, а также о его заслугах в Красных Шатрах. И потому, когда до сенаторов дошли известия о том, что Солдат вернулся в Карфагу, за ним немедленно послали. Он предстал перед сенатом, и его попросили подробно рассказать о своем боевом опыте.

— Я не могу рассказать вам всего, — начал Солдат, — ибо первая половина моей жизни стерта из памяти. Но я точно знаю, что в прошлом был воином. Я солдат всю свою жизнь.

Сенаторы, вполне удовлетворенные словами Солдата, спросили, не согласится ли он возглавить военную операцию по освобождению Гутрума.

— Мы должны вернуть утраченную репутацию, — объяснили сенаторы. — Мы — военная держава. Войной мы зарабатываем себе на жизнь. Клеймо позора нелегким грузом лежит на наших плечах. Как государства теперь будут доверять нам охрану своих границ? Уничтожить армию, которая сейчас осаждает Зэмерканд, — для нас дело чести.

— Я согласен возглавить операцию, — сказал Солдат. — Но почему выбрали меня?

— Я сказу тебе честно, Солдат, — ответил старший из сенаторов. — Мы выбрали тебя, потому что ты иноземец. Если ты проиграешь, это будет твоя вина, а не вина карфаганской армии. Только ты несешь ответственность за поражение. Ты один.

— А если я одержу победу?

— Это будет победа воинов, которых ты поведешь в бой, Красных Шатров. Тогда все узнают, что карфаганцы — лучшие солдаты на земле, потому что любой может победить с такими воинами, как они, даже иноземец.

— Так что неудача — моя, а слава — ваша.

— Именно так.

Сенаторы ждали ответа, даже не сомневаясь, что Солдат откажется.

— Я принимаю ваши условия, — тихо произнес он после некоторого раздумья. — Мы должны уничтожить армию ОммуллумМО и возвести на трон его сына.

Сенаторы, удивленные таким решением, молча кивнули. Главный сенатор протянул ему маршальский жезл. Теперь Солдат командовал Красными Шатрами.

Голгат возликовал, услышав новости.

— Ну все, мы вернемся и разгромим ханнаков!

— Или сами погибнем, — сказал не столь окрыленный Солдат, у которого было время поразмыслить. — Не забывай, однажды варвары нас уже разбили, когда ОммуллуммО воодушевил их своим появлением. Сначала нужно одержать победу в сердце.

Лайана не стала предсказывать исход битвы. По правде говоря, она вообще очень мало говорила. Единственное, что она сказала, звучало как требование:

— Я хочу купить доспехи.

— Что? — переспросил Солдат.

— Я тоже хочу сражаться со всеми...

— Уж увольте, ваше высочество, — воскликнул Спэгг, — меня не считайте, я не собираюсь во всякую заварушку лезть с этими сумасшедшими.

Лайана упрямо вздернула голову.

— Я все равно намерена драться.

— Не стоит, — сказал Солдат, — ведь у тебя нет никакого опыта.

— А откуда тебе знать?

— Я знаю только...

— Помнишь, ты сам говорил, что просто почувствовал, что раньше был воином. Я тоже *чувствую*, что пригожусь в бою.

— Но тебя могут убить.

— Тебя тоже.

Какие бы Солдат ни выдвигал аргументы, ни один из них не мог сломить решительного настроя Лайаны. Наконец Солдат отвел ее к оружейнику, и тот подобрал принцессе специальную карфаганскую кольчугу. Она была не единственной женщиной в армии. Среди карфаганок было много рядовых и младших офицеров. Солдат сказал Лайане, что она будет при нем в штабе, но шатер под ее командование не выделят.

— Все карфаганцы, записываясь в армию, начинают рядовыми. И со мной так же было. Поэтому ты для начала побудешь обычным солдатом. От меня не отходи ни на шаг, чтобы мы могли друг за другом приглядывать.

— Надеюсь, ты не станешь ограждать меня от битвы?

— На это времени не останется, даже не сомневайся. Дел будет по горло, только успевай рубить направо и налево. Если выживем — считай, повезло. Ханнаки и люди-звери в Зэмерканде укрепились, и победить их не так-то просто.

— Что-нибудь еще?

— Я связался с бхантанскими принцами и пообещал им выдать голову Гумбольда, если они нападут на врага с тыла и отрежут варварам пути к отступлению.

— Да, это самое меньше, что ты мог сделать.

Так и решили. Солдат отправился в гавань, чтобы проконтролировать погрузку военных кораблей, на которых его армия переправится на другую сторону Лазурного моря и пристанет к берегам Гутрума.

Несколько дней спустя, когда флотилия уже была готова к отплытию, прилетел Ворон.

— Вы только поглядите! Маршальский жезл тебе к лицу. Только не зазнавайся. Тебя нелегко отыскать в последнее время.

— А где ты меня искал?

— Я все до последнего ярда обшарил в Уан-Мухуггиаге, побывал в Сизаде и сразу направился сюда.

— Что нового?

— Ханнаки и люди-звери сошли с холмов, собрались у города и готовятся к обороне. А ведь из нор вытянуть их может только запах предстоящей битвы.

— Им известно, что я возглавляю военную экспедицию?

Ворон покачал черной пернатой головой.

— Нет, этого даже я не знал. Я случайно в Сизаде услышал об их маневрах.

— А что там нового?

— Султан Офирии разгромил войско Паладана. Теперь голова принца красуется на палке возле большого оазиса. Он просто милашка.

— А Лунна Лебяжья Шейка как себя чувствует?

— Умерла от разбитого сердца.

Солдат был потрясен, для него эта новость оказалась полнейшей неожиданностью. Он не сомневался, что Лунна немного поплачет и успокоится, а тут...

— Умерла?

— Впала в меланхолию и угасла за неделю.

— Люди даже от голода за неделю не умирают. Странники — те месяцами постятся.

— Ее что-то глодало изнутри. Глаза Лунны перед смертью совсем ввалились и помутнели, тело высохло, она постоянно плакала. Говорят, сквозь ее ладонь просвечивала зажженная свеча. И однажды утром жизнь просто покинула бедняжку. Султан места себе не находит от горя. Приказал положить ее в хрустальный гроб, из которого удалили воздух, чтобы тело не разлагалось. Хрустальный гроб стоит в гробнице со стеклянными стенами, и он возле него днюет и ночует. Сам стал худым, как зимняя лисица. Вокруг этой печальной пары потихоньку сооружают парк, полный экзотических деревьев, кустарников и цветов. Султан посылает во все четыре стороны света за обезьянами, фазанами и леопардами, чтобы заселить его.

Солдат покачал головой:

— Никогда бы не подумал.

— Видишь, не все на свете ты знаешь.

Глава двадцать вторая

Военная флотилия уже готовилась к отплытию, когда из какого-то неизвестного источника прибыл подарок для Солдата: цветок в горшке. Чрезвычайно экзотического вида, с великолепным бутоном, который пока оставался закрытым, но вот-вот должен был распуститься. Когда развернутся лепестки, этому пунцовому бутону по красоте не будет равных.

— Да тут один горшок целого состояния стоит! — воскликнула Лайана. Горшок был отделан золотом и серебром, выложен слоновой костью и черным деревом. — Гляди, какая-то надпись...

Надпись гласила: «Подарок Богов доблестному воину Солдату, чья добродетель указывает путь каждому из нас».

— Добродетель? Никогда не подумал бы, что я особенно добродетелен, — заметил Солдат. — Да, я верен своей стране, готов за нее пойти на смерть, однако очень часто моими поступками движет обычный эгоизм.

— Кто-то считает тебя воистину уникальным, — ответила Лайана. — Не знаю, что это за цветок. Может, он и впрямь произрастает в божественных садах?

В душе Солдат был рад подарку, в особенности тому вниманию, что за ним стояло. Вообще-то Солдат не так чтобы очень любил цветы. Он знал, что в этом мире роза с росой на лепестках вызывает такой же трепет, с каким он сам смотрел на восхитительно слаженные движения бегущего леопарда. С тем же восторгом, с каким Солдат наблюдал за работой мышц прекрасного дикого зверя, житель Гутрума, Уан-Мухуггиага или Карфаги любуется бескрайней равниной, поросшей нарциссами, что танцуют в легком дуновении бриза. Ну а поскольку лично Солдату никогда не была свойственна любовь к зелени, он, ни слова не говоря Лайане, отослал цветок в драгоценном горшке султану Офирии с просьбой поместить его возле гробницы Лунны рядом с остальными экзотическими растениями.

Султан сходил с ума от горя. Он рвал на себе волосы и разрывал в клочья одежду, едва только его переодевали преданные слуги. Наконец султан вырвал себе язык собственными руками и выколол бы глаза, если бы ему не помешали.

Подарок Солдата установили в изголовье хрустального гроба. Султан сидел у гроба, когда цветок распустился — огромный пунцовый рупор, каждый лепесток которого был размером с челове-

ческую ладонь, — и умер мгновение спустя от ядовитого аромата. Цветок относился к редкому, смертельно опасному виду, произрастающему в диких джунглях, куда может добраться лишь самый безумный искатель приключений. В естественной среде своего обитания цветок так ядовит, что его смертоносные миазмы убивают любое животное, которое по неосторожности подойдет слишком близко. Теперь его жертвой стал султан. Распластавшегося владыку нашли на крышке гроба безвременно увядшей жены. Но больше всего слуг поразило то, что их опередили воры — у султана больше не было золотой руки.

Флотилия отчалила.

Когда корабли прошли с добрую половину Лазурного моря, налетел страшный шторм. В пути потеряли семь кораблей из трехсот. Плыли в кромешной тьме, сквозь шквалы и порывистые ветры. Когда наконец добрались до другого берега, на небе по-прежнему не было звезд. Ориентироваться в море без звезд — задача непростая, но, к счастью, среди матросов были те, кто хорошо знал море. Эти люди могли с большей или меньшей точностью определить местоположение корабля по температуре, просто опустив руку в воду. В конечном итоге флот пристал к берегу материка чуть юго-западнее острова Стеллы. Это место представляло собой дикую полосу песка, а береговая линия была сплошь усеяна огромными скоплениями лесатопляка, зловонными водорослями и мертвыми моллюсками.

Лодки вытащили на берег и старательно прикрыли топляком и водорослями.

Затем армия предприняла марш-бросок на восток. По дороге Солдата навестил Ворон, который принес новости от Гидо и Сандо: близнецы со своим войском стояли лагерем у Кермерского прохода в полной готовности отправиться на юг в сторону Зэмерканда. Солдат послал ответное сообщение о приблизительном времени прибытия под стены города, с тем чтобы обе армии могли предпринять согласованную атаку: одна с востока, другая — с севера.

В предзакатные часы, когда предметы отбрасывают самые длинные тени, армия Солдата остановилась в миле от Зэмерканда. Разбили лагерь: вырыли траншеи, возвели терновые ограждения, поставили часовых. Когда все было готово, Солдат поскакал вперед, чтобы изучить поле, где скоро состоится сражение.

Он приближался к шпилям, башням, стенам с бойницами и куполам Зэмерканда, и его переполняло чувство выполненного долга. На опушке леса в черной решетке теней, что отбрасывали

деревья, Солдат неотрывно смотрел на древние городские стены. Вот он вернулся в свой приемный дом — маршалом; за ним — хорошо укрепленный лагерь, Красные Шатры. А ведь всего пару лет назад он чужаком попал в совершенно незнакомый ему мир. Его прошлое было стерто из памяти, и только внутренний голос подтолкнул записаться в армию. Теперь эта армия идет за ним, своим верховным главнокомандующим.

— Мой дом, — пробормотала Лайана, поравнявшись с Солдатом. — Я здесь живу.

Он обернулся в седле.

— Ты узнала?

— Да, я знаю это место.

Она взяла его за руку.

Одна из первых радостей влюбленных — нежно коснуться пальцами ладони избранника. Много восхитительных таинств и чудесных мгновений раскрывается перед ними после, но держаться за руки в первый раз, когда переплетаются пальцы, — воистину волшебный миг.

Солдата переполняли чувства. Так давно ему не доводилось испытывать столько нежности, что он едва стоял на ногах. Они снова вместе...

День стремительно приближался к закату, а влюбленные не спешили уходить и стояли, соприкасаясь ладонями, пока лошади нетерпеливо били копытами землю.

Той ночью ханнаки и люди-звери ликовали в предвкушении битвы, оглашая воздух адскими криками и громом барабанов. Множество костров горело вокруг Зэмерканда на холмах и в оврагах. И у Солдата, и у его подчиненных создавалось впечатление, что врагу неведом страх. Впрочем, вражеские армии всегда кажутся противнику более грозными, чем они есть на самом деле.

С первыми лучами солнца карфаганские лучники выпустили в небо тучи стрел. Каждая десятая стрела была огненной. Лагерь и поклажа вражеской армии запылали алым пламенем. Ханнаки и люди-звери рекой полились из мест, охваченных огнем, точно блохи, которые удирают со шкуры купающегося медведя. И вот тут-то их поджидала армия Солдата. Пешие воины стояли в три шеренги, сформировав несминаемый полукруг, ограждавший северную часть столицы. По флангам от нападения случайных отрядов врага пехотинцев защищала кавалерия.

С северо-запада наступала меньшая по численности армия, возглавляемая Гидо и Сандо. Близнецы, пятнадцатилетние маль-

чишки, облачились в броню: один — в белые доспехи, другой — в розовые. Гарцуя на черных лошадях, братья привели своих воинов к тому самому хребту, на котором Солдат, работавший тогда на Спэгга, обнаружил болтающееся на виселице тело великана Джанкина. Именно здесь Солдат отрубил руки Джанкина и сложил их в мешок, а потом был атакован бродячим ханнаком — первым в жизни. Теперь на этот самый хребет, навстречу маленькой бхантанской армии, поднимались пять тысяч ханнаков.

— Бежать только вперед! Смотреть вперед! Бить без пощады! — кричал Сандо.

По протоколу ему отводилась роль мирного принца, которому надлежит оставаться дома, когда брат уходит на войну. И все же он не мог усидеть на месте и в предвкушении битвы стоял бок о бок с Гидо.

Гидо обнажил меч.

— За прах ХуллуХ'а и законное право ИксонноскИ!

Один из генералов подхватил клич:

— За Сандо и Гидо! За храмы наших богов! За честь!

Первая волна ханнаков столкнулась с бхантанцами, и началась схватка.

В то же самое время первая шеренга карфаганцев стойко выдержала натиск основного удара ханнаков и людей-зверей. По рядам воинов, вооруженных длинными копьями, пробежала дрожь, построение заколыхалось, пошло рябью, встречая удар тысяч кричащих полуголых воинов. Копья вонзались в человека и зверя. Боевые молоты, мечи и секиры с оглушительным грохотом ударялись о металлические щиты. Как только первые ряды карфаганцев приняли главный удар, те из них, кто остался в живых и мог стоять на ногах, распластались на земле лицом вниз, пропуская вперед вторую шеренгу. Солдаты шагали вперед и вперед, не колеблясь, шли по спинам товарищей по оружию. Второй поток карфаганцев начал теснить неприятеля. В их глазах сиял стальной блеск, рука была тверда. Они действовали единой слаженной машиной и решительно наступали, тесня орды дикарей.

Ханнаки и люди-звери начали отходить. Когда вторая шеренга карфаганцев поредела и ослабла, пошла третья шеренга воинов. Тем временем остатки первой шеренги восстановили силы и последовали за третьей. Врага постепенно теснили все дальше, до самых стен Зэмерканда. Теперь неприятелю деваться было некуда. Солдат прижал варваров к камню, как он уже сделал однажды с другим врагом в другом месте и в другом времени; то укрепление называлось Стеной Адриана — хотя воспоминания о древней битве были надежно упрятаны в потайных уголках его сознания.

Гутрумиты, занимавшие позиции на зубчатых стенах и башнях Зэмерканада, начали посыпать врагов градом камней и поливать кипящим маслом. Их так долго осаждали в умирающем городе, что теперь они с радостью истребляли тех, кто был повинен в их вынужденном заточении.

Ханнаки и люди-звери сражались отчаянно. Одни кричали, умирая, другие лаяли, кто-то выл, некоторые шипели, принимая смерть... Они оставили о себе достойную память, потому что среди них почти не было трусов, и освобожденные души карфаганцев, улетая, благодарили их.

Лайана дралась бок о бок с Солдатом. Влюбленные присматривали друг за другом и подстраховывали один другого, и ни один из них не знал, доживет ли он до победы.

В самом разгаре битвы небеса потемнели, и туманный силуэт подобно грозовому облаку пронесся над землей. Это событие наполнило страхом сердца карфаганских воинов, поскольку они знали, что ОммуллуммО однажды уже посылал свою тень, чтобы воодушевить армию. Действительно, увидев знак, ханнаки и люди-звери стали драться с особым остервенением.

Казалось, исход битвы предрешен... как вдруг Лайана, подвергая свою жизнь огромной опасности, поскакала вдоль рядов карфаганской армии, призывая продолжать бой. «Помните, кто вы? — кричала она. — Подумайте о своих предках и павших товарищах, которые взывают к вам из могил с просьбой об отмщении. Так уничтожим врага!»

Не столько громкие слова и пышные фразы сделали свое дело, сколько вид бравой воительницы, что гарцевала на горячем скакуне. Карфаганцы с новой силой пошли в бой. Слова терялись в завываниях ветра, но задор и решимость Лайаны заражали всех, кто ее видел. Карфаганцы нашли в себе мужество и встретили очередное нападение северян непробиваемой стеной щитов, мечей, боевых молотов. Спустя час тень исчезла с неба и направилась обратно в горы, оставив дикарей на неминуемую гибель.

К полудню основание городской стены было покрыто толстым слоем тел. Люди-звери и ханнаки в больших количествах бежали с поля боя, направляясь в Фальюм и Да-тичетт. Официальной капитуляции не предвиделось. Ханнаки не имели представления о таких вещах, в их языке даже не было подобного слова. А люди-звери скорее согласились бы глотать кипящую смолу, чем сложить оружие. Битва продолжалась, пока те враги, которые были в состоянии бежать, не бежали, а раненые не были обезоружены. Только наступление темноты положило конец сражению.

— Мы победили, — сказала Лайана. Она сняла шлем, и огни сторожевых костров на высоких стенах города заиграли на металле. — Все кончено.

— На время, — согласился Солдат, глядя на мерцающие в темноте лужи крови, пролитой на камни Гутрума. — Завершилась еще одна кровавая битва.

— Ты исправил свою ошибку, муж.

Солдат действительно исправил ошибку, стер с себя пятно позора. Он не ответил, но, даже несмотря на раскиданные вокруг трупы, на тошнотворный запах крови, его переполняла радость. Он повел армию в битву с врагом, который совсем недавно нещадно разгромил ее. Справедливости ради нужно отметить, что карфаганское войско было слабее неприятеля как физически, так и по духу — ведь совсем недавно оно потерпело поражение. И все-таки Солдату удалось поднять воинский дух армии тихим словом и силой характера. Он сказал своим воинам, что час пробил. И повел их — сам в первых рядах — прямо на старейшего врага. Стратегию Солдат применил простую, это даже нельзя назвать планом, — остановить врага и оттеснить его к непроходимому препятствию.

План сработал благодаря тому, что по природе своей дикие существа отлично сражались в чистом поле, но терпеть не могли замкнутые пространства. Загнанные в угол, они бились с отчаянием, граничащим с истерией, и основной их целью было вырваться из железных тисков, когда о победе уже и не думаешь. Побеждает обычно тот, кто действует с холодной головой, а не тот, кто с безумными глазами напропалую размахивает мечом. Воины Солдата дрались хладнокровно. Они поставили силки и предоставили врагу самому затянуть на своей шее петлю. Победа такой ценой не вызывает особого восхищения, но триумф обычно приходит к умному, а не к тщеславному.

Солдат был доволен исходом битвы.

Воины ликовали. Они вернутся в Карфагу первыми вестниками победы. Уже сейчас к берегам бегут посланцы, высматривая суда, что пересекают Лазурное море, в надежде принести на улицы Карфаги известия о победе.

— Победа!

— Отомстили!

— Победа!

Радостные люди высыпали на улицы. На площадях и в парках ставили столы. Вино потечет рекой. Будут жарить быков, будут бить в барабаны, будут трубить трубы. Весь материк узнает, что в Кар-

фаге праздник. А такие неистовые празднества устраивают только по одному поводу: по случаю победы.

Солдат был доволен.

— Ты герой! — закричала Велион, обхватив его перепачканными кровью руками.

— Это твоя победа! — закричал Голгат.

Его приветствовали усталые воины.

Солдат пошел к лагерю Гидо и Сандо, чтобы поблагодарить союзников. Это была и их победа.

Глава двадцать третья

Самым радостным событием после одержанной победы было возвращение утерянных стягов. Шатры Волка, Крокодила и Дракона стерли с себя позорное клеймо отдавших шатровое знамя врагу. Флаги снова были в руках карфаганцев, и многие воины со слезами радости на глазах подходили к знаменам.

На следующий день состоялась встреча глав двух армий.

— Приветствую, маршал Кафф.

— Здравствуй, Солдат.

Кафф вышел во главе личного состава имперской гвардии. Он стоял напротив Солдата с непреклонным выражением лица, великолепный в своих сверкающих доспехах из золота и серебра, с пышным маршальским знаком на нагруднике. В креплении на обрубленном запястье Каффа сидел голубь.

Солдат был по-прежнему в боевом облачении: нагрудник без вычурных эмблем, кожаные доспехи, оплечье лат и сандалии. Он едва успел ополоснуться после битвы. Рядом стояла Лайана в доспехах.

— Мое почтение, принцесса, — пробормотал Кафф, склонив голову. Он было потянулся за рукой Лайаны, чтобы поцеловать ее, но безуспешно. Принцесса гневно взглянула на него.

— Кто он такой? — спросила Лайана, не сводя с Каффа глаз. — Почему так вожделенно на меня смотрит?

Кафф был потрясен. Ведь он ничего не знал о том, что Лайана потеряла память. Маршал отступил на шаг и попытался найти какие-нибудь подходящие слова — эта женщина определенно считала его совершенно незнакомым человеком.

— Он на всех смотрит с вожделением, дорогая, — сказал Солдат не без злорадства. — Не обращай внимания.

Лицо Каффа вытянулось.

— Очевидно, принцессу Лайану либо околдовали, либо с ней произошел какой-то несчастный случай. Она перестала узнавать друзей. Не позволите ли сопроводить вас в Зэмерканд, ваше высочество? А ты, разумеется, — добавил он, обращаясь к Солдату, — как глава иностранной армии имеешь право входить в город лишь по специальному указу правителя. Такой указ не издан, и потому тебе надлежит остаться за городскими стенами.

— Я только что спас твой город, — прошипел Солдат. — И принцесса Лайана не пойдет туда, где она может разделить участь сестры.

— Я лично гарантирую ее безопасность.

— Вы, маршал, находитесь в полной зависимости от решений Гумбольда.

Кафф побелел от злости.

— Я сам себе хозяин!

Солдат сказал:

— Тогда приведи сюда королеву. Если ты не сделаешь этого, я пойду и сам заберу ее.

— Не посмеешь! За всю историю Гутрума карфаганская армия никогда не входила в Зэмерканд. У нас могут быть разногласия, но вы — в нашем подчинении. Мы ваши хозяева, вы — наемники. Существует негласный кодекс, по которому наемная армия не вправе входить в охраняемый город. И уж тем более входить в город с намерением вмешаться в местную политику. Это уже называется вооруженным вторжением, и мы будем противостоять силой любому враждебному действию. Я понятно излагаю?

Солдат поднял брови.

— Хочешь натравить имперскую гвардию Гутрума на Красные Шатры Карфаги? Ты не в своем уме.

— Мы несколько месяцев сдерживали напор людей-зверей и ханнаков. Сдержим и Красные Шатры. И кстати, еще неизвестно, сможешь ли ты их заставить пойти на город. Похоже, ты не понимаешь, что поставлено на карту. Введи войско в город — и навлечешь на него такой позор, какого еще не видела Карфага. Это будет пострашнее, чем проиграть в бою племенам варваров. Назад твоим солдатам дороги уже не будет. И они прекрасно это знают. Они никогда не смогут вернуться домой, к семьям. Их будут считать отступниками.

— Это правда? — спросил Солдат у Велион. — Вас объявят вне закона?

— Может, и да, — тихо сказала она, — но сейчас эти воины, не задумываясь, пойдут за тобой хоть на край света.

— Маршал Кафф, — сурово произнес Солдат, — если к рассвету следующего дня вы не выдадите Гумбольда и не выпустите за ворота королеву Ванду, мне придется брать стены штурмом. Мы не варвары, у нас есть орудия и специальные военные машины. Мы способны проложить себе дорогу силой. А когда мы поднимемся на стены и выбьем ворота, я лично отыщу вас и с удовольствием повешу рядом с Гумбольдом.

Кафф развернулся на каблуках и замаршировал прочь со свитой друзей и солдат имперской гвардии.

Велион спросила:

— Ты на самом деле станешь штурмовать город?

— Не знаю. Честно, не знаю.

— Какое бы решение ты ни принял и каковы бы ни были его последствия, муж мой, — сказал Лайана, — Гутрум не должен терпеть деспотов, подобных Гумбольду. Я слышала, он изготовил себе меч, украшенный драгоценными камнями, как символ своих прав на королевскую власть. Если Гумбольд устанавливает здесь свои собственные правила, ты имеешь полное право поступать так же.

Спэгг, который прибыл к месту событий в числе тех, кто шел вслед за войском, хотел уже вернуться домой. Но теперь глядел на ворота Зэмерканда в нерешительности. За его спиной висел какой-то мешок.

Спэгг обратился к Солдату:

— Может, мне и не ходить туда, раз уж вы все равно собираетесь штурмовать город? Там, за городскими стенами, я тоже буду считаться врагом?

— Когда идет битва, трудно отличить друга от врага. Такая природа войны. Немудрено и ошибиться. Но все же, если мы пойдем на штурм, я намерен запретить мародерство и поджег частой собственности. Запрись в доме и не показывай носа на улицу, пока все не закончится. Тогда, думаю, наверняка уцелеешь.

Спэгг кивнул и направился в сторону ворот.

Солдат окликнул его:

— Погоди-ка, а что у тебя в мешке?

Спэгг тут же насупился.

— Открой мешок.

Торговец руками неохотно размотал свою поклажу.

Лайана удивленно воскликнула:

— Золотая рука султана Офирии!

— Вот позор-то, — сказал Голгат, поравнявшись с ними. — Как не стыдно красть у мертвых!

— Украли другие. А я украл у них.

— Ты их убил? — потребовал ответа Солдат.

— В некотором смысле.

— Тренировался на них в метании ножей?

— Можно сказать и так. Их было двое. Головорезы, мошенники, может, еще и убийцы в довершение всего прочего. Без них мир будет спать гораздо спокойнее... как и без деспотов вроде Гумбольда.

Солдат покачал головой, поражаясь наглости торгаша.

— Если тебя когда-нибудь поймают офирийцы, ко мне за помощью не обращайся.

— Я и не собирался, — ответил Спэгг, водружая мешок на плечи. — Теперь я богат. Ладно, пора мне, увидимся как-нибудь. Хотя не слишком-то и жажду.

Он ушел. Голгат остался. Он пришел, чтобы убедить Солдата не предпринимать против столицы никаких действий и уж тем более не пытаться ее штурмовать.

— Гумбольд не стоит того. Сами от него как-нибудь избавимся.

На рассвете следующего дня получили ответ Каффа.

По заведенному обычаю ворота города отворялись на рассвете. Сегодня они остались запертыми. Вскоре после восхода солнца через зубчатые стены перекинули сообщение. Только это был не пергамент и не грифельная доска. Ответ был завернут в грязные окровавленные лохмотья. Сверток упал на землю и отскочил от нее, как набитый песком мяч. Когда тряпку развернули, обнаружили в ней отрубленную голову.

На карфаганцев взирали мертвые глаза королевы Ванды.

Песнь ножен

Глава первая

Странная магия витала в воздухе. Она переливалась яркими, насыщенными цветами — красным, желтым, оранжевым, лиловым, черным, вырисовывая причудливые узоры среди облаков. Она текла словно лава из вулкана — горячая, опаляющая магия, прожигая себе путь в лазури небес. Те, кто видел ее, замирали на месте, пораженные дивной картиной. Те, кто не смотрел вверх, вскоре поднимали головы, желая полюбоваться невероятным зрелищем. Небесные краски отражались от земли, и солнце переливалось тысячами фантастических оттенков на холмах и травах долины...

— Что это? — спросил Солдат у своей жены, принцессы Лайаны. — Погодное явление?

— Погодное явление! — передразнила Лайана, улыбнувшись ему. — В твоем родном мире люди все списывают на погоду. Нам здесь это бы и в голову не пришло, а ты рассуждаешь о погоде десять раз на дню... Нет. Ни дождь, ни ветер, ни солнце здесь ни при чем. Это юный волшебник наконец-то расправил крылья — выражаясь фигурально, разумеется. Он направляется в родное гнездо.

Лайана вела себя так, словно была абсолютно здорова. На самом же деле принцесса утратила память и ничего не ведала о прошлом. Да, теперь она была осведомлена о своем происхождении и прежней жизни, но знала об этом исключительно со слов других людей. Впрочем, она сохранила некоторые прежние черты, присущие королевской особе: величавую походку, великолепные манеры и немного надменную речь.

Некогда проклятие, поразившее семью Лайаны, ввергло принцессу в безумие, но теперь оно исчезло — вместе с утраченной памятью. Солдат часто думал: если память однажды вернется, то все начнется сызнова. Жуткая болезнь разума заставляла Лайану вновь

и вновь пытаться убить собственного мужа и изводила ее ночными кошмарами...

— Направляется в родное гнездо? Чтобы сразиться с узурпатором ОммуллуммО?

— Именно так, — отозвалась Лайана. — Наш ведьмачонок наконец-то вырос.

Предыдущий Король магов назвал ИксонноксИ своим наследником. Теперь ему предстояло занять место Великого Чародея, обязанного контролировать все магические силы мира и блюсти равновесие между Добром и Злом. Но когда предыдущий Король магов покинул бренное тело, ИксонноксИ был еще слишком юн и не сумел противостоять своему отцу — узурпатору ОммуллуммО, самовольно занявшему его место. Лишь благодаря Солдату молодой маг скрылся от злобного чародея. Теперь же он обрел мощь и был готов к битве с отцом, который лишился рассудка, проведя несколько столетий замурованным в темнице. И магия, залившая небеса, была посланием ИксонноксИ. Вестью, гласившей, что он направляется к трону узурпатора в Семи Пиках...

Впрочем, Солдата занимали и другие, не менее важные проблемы. Несколько дней назад голову королевы Ванды, сестры Лайаны, вышвырнули за городскую стену. Еще один узурпатор — канцлер Гумбольд — предал казни королеву Зэмерканда, тем самым декларировав свой отказ открыть ворота и впустить Солдата. Вот почему карфаганцы — Красные Шатры, — которыми командовал Солдат, разбили лагерь подле городских стен.

То была армия, принадлежавшая иностранному государству. Наемники, традиционно охранявшие богатый город Зэмерканд от врагов — ханнаков, зверолюдей, варваров Фальюма, Да-тичетта и Неведомых Земель. Не так давно Красные Шатры под командованием Солдата разгромили орды, посланные ОммуллуммО. Захватчики нашли здесь свою погибель. Честь Карфаги была восстановлена. Для государства, чьи жители славились своими воинскими умениями, это было необычайно важно.

Солдат созвал капитанов на военный совет. Он происходил в одном из огромных красных шатров, обычно служивших жилищем для целого полка карфаганской армии.

Лайана отказалась присутствовать на собрании, рассудив, что это — внутреннее дело карфаганцев. Она решила так, хотя исход совещания неизбежно должен был повлиять и на ее будущее. Солдат уважал выбор жены и радовался ему. Он не хотел, чтобы наследница трона Гутрума слушала препирательства.

Первое слово взяла Велион, капитан Орлов — старейшего из Шатров армии Солдата.

— Никогда прежде в истории Карфаги наемники не позволяли себе вторгаться в город, который взялись охранять. Никогда они не вмешивались в политику. Наши старейшины придут в ужас при одной мысли об этом. И даже если королева Ванда была законной правительницей, а узурпатор Гумбольд — всего лишь безродный выскочка, это не наше дело. Мы обязаны защищать город от внешнего врага. То, что происходит внутри его стен, — забота гутрумцев, а не карфаганцев.

Окончив речь, Велион уселась на свое место среди других капитанов и скрестила руки на груди, давая понять, что ей более нечего сказать. Велион знала, что ей не позволят заговорить во второй раз. Таково правило: каждый капитан имел возможность высказаться лишь единожды, выразив одобрение или же порицание планам главнокомандующего. Позже он был обязан хранить молчание. Так пресекались долгие и бессмысленные дискуссии ни о чем. Ты выразил свое мнение — теперь замолчи и дай сказать другим.

После Велион поднялся капитан Шатра Тигров. Впрочем, он привел те же аргументы, что и предыдущий оратор. И следующий за ним капитан говорил то же самое...

Солдата снедала досада. Он негодовал на Велион, которая всегда была ему добрым другом и верным соратником, а на сей раз выступила против него. Впрочем, Солдат знал, что ему следует смирить свой норов. Иногда страсти преобладали над его рассудком, и он впадал в неистовую боевую ярость, снискавшую ему славу на поле брани. Однако Солдат предпочитал сохранять контроль над разумом.

Он явился из иного мира — прошел через некое окно, соединявшее реальность с этим необычным местом, где обитали невиданные существа и велись странные войны. Некогда, в прежней жизни, кто-то причинил ему огромное зло. Или, возможно, это он причинил зло кому-то... Произошло нечто, поселившее в его сердце горечь и ненависть. Вдобавок он не помнил ни себя, ни своей родины и жил здесь под прозвищем Солдата. Единственная ниточка, связывающая его с прошлым...

— Как же так? — наконец подал голос Солдат. — Или я не вернул вам былую славу? Разве не помог я победить тех, кто унизил вас, разгромив в битве? Мне удалось преуспеть лишь благодаря помощи моей жены. И теперь, когда ее сестра приняла жестокую смерть от рук Гумбольда и его ставленника Каффа, именно она является законной правительницей Зэмерканда.

Капитан Шатра Волков поднялся на ноги и взял слово.

— Ты неверно понял, генерал. Мы бесконечно благодарны за то, что ты повел нас в бой. Ты и впрямь восстановил честь нашей

армии, и потому мы преданны тебе душой и телом. Но ты просишь, чтобы мы вторглись в Зэмерканд с оружием в руках. Между тем подобный образ действий — против всех наших законов. Наши войска не сумеют найти работу в других странах и городах-государствах, если люди уверятся, что те, кому они платят за охрану, в любой момент могут напасть на них. Жители Зэмерканда должны сами свалить самозваного короля, коли он им не по душе. Мы не имеем права атаковать город. Это станет пятном на репутации карфаганских наемников во всем обитаемом мире.

— Надо ли понимать, что вы готовы повиноваться приказам Гумбольда? — спросил Солдат. — Подчиняться тирану и деспоту? Он правит городом силой оружия — с помощью своей имперской стражи. Он взошел на трон, запугав горожан. А тех людей, которые пытаются противостоять ему, Гумбольд предает казни, бросает в застенки и подвергает пыткам. Как может обычный городской люд восстать против тирана, если того защищает имперская гвардия? Вы тоже готовы подчиниться этому подонку? Вы видели, как он убил законную королеву. Между тем именно она вас наняла. Она, а не Гумбольд.

— Мы не принадлежим ни Гумбольду, ни армии любого иного короля. Мы служим *городу*. Если желаешь — скомандуй отступление, генерал. Это твое право. Мы можем отправиться домой, бросив Зэмерканд и всех гутрумцев на произвол судьбы. Так будет лучше, командир?

Солдат ощутил жестокое разочарование. Смертельный враг его жены угнездился за стенами, через которые можно пробиться лишь силой оружия. Ясно, что карфаганцы не станут штурмовать Зэмерканд. И даже если ненавистный генерал Кафф выйдет со всей армией за городские ворота, Красные Шатры не двинутся с места. А если Солдат уведет свои войска от стен, вернутся ханнаки и люди-звери. Дикие орды ворвутся в город и перережут всех — и виноватых, и правых... Солдат не мог этого допустить. Он не отдаст ни в чем не повинных людей на растерзание диким варварам. Будучи генералом карфаганской армии, он даже не имел права вызвать Каффа на дуэль — по тем самым причинам, которые капитаны огласили сегодня на совете... Это было невыносимо. Как сказать Лайане, что убийцы ее сестры не понесут наказания? Что враги по-прежнему будут смеяться над ней, прячась за прочными городскими стенами?

— Благодарю за терпение, капитаны, — сказал Солдат, когда все желающие высказались. — Да будет вам известно, что после этого совета в моем сердце остались лишь боль и горечь, но я сознаю, что не в силах вас переубедить. Это тяжелый удар, остается

только надеяться, что правосудие так или иначе восторжествует. Возмездие настигнет Гумбольда и его клику... Благодарю вас.

У выхода капитан Велион положила руку на плечо Солдату, словно бы прося прощения. Он кивнул, хотя его лицо по-прежнему было мрачно, и Велион заметно погрустнела. Они давно уже числились закадычными друзьями; именно Велион помогла Солдату подняться от безымянного рядового до генерала армии Карфаги. Бессчетное число раз они спасали друг другу жизни. На войне они были братьями по оружию. В мирной жизни — добрыми товарищами. Солдат был уверен, что Велион скорее согласится умереть, нежели пойти ему наперекор. Но последний совет расставил все по местам...

Наконец все ушли, и Солдат остался один в просторном шатре, пропахшем козьим сыром, кашей и свиным салом. Сквозь распахнутый полог влетел ворон и сел ему на плечо. Ворон был первым живым существом, встретившимся Солдату в этом необычном мире. Говорящую птицу он считал одновременно и бичом, и даром богов. Ворон был словно ребенок. Мальчишка в перьях... Да что там! Он и *был* мальчишкой в перьях. Ворон служил Солдату глазами и ушами в большом мире, но беспрестанно подтрунивал над ним.

— Так-так. Получил ответ на свой вопрос, а, генерал? Неблагодарные твари. Ты отдал им всего себя без остатка, а в ответ они ткнули тебя мордой в грязь. Каково?

— Ты передергиваешь. Все было совсем не так, — ответил Солдат. Он по-прежнему чувствовал себя неуверенно, общаясь с птицей так, словно она — человек. — У этих людей нет выбора.

— *Эти люди* утверждают, что готовы отдать за тебя жизнь. — Ворон взмахнул крыльями и перелетел на распорку шатра. — Гумбольд и Кафф смеются над тобой. Ты спас их от орд варваров, посланных ОммуллуммО, а теперь не можешь добраться до них. Близнецы бы тебе помогли. Почему не обратиться к ним?

Ворон говорил о Белом и Розовом принцах — Сандо и Гидо. То были правители Бхантана, города, известного древними традициями, ритуалами и обрядами. Юные принцы-близнецы маленького города-государства пришли со всей собственной армией, чтобы помочь карфаганцам победить варваров. Скорее символический жест, нежели реальная подмога, поскольку армия Бхантана была небольшой, не слишком хорошо снаряженной и обученной. В свое время Солдат помог принцам вернуть их владения, и с тех пор они были преданны ему.

— Не сомневаюсь, что они пришли бы к нам на помощь, — сказал Солдат, — но я не могу их об этом просить. Бхантан вынужден

оборонять собственные границы от ханнаков. Если они оставят город без защиты, покуда ханнаки стоят в Да-тичетт, то потеряют все...

— Что ж, стало быть, у тебя большие проблемы, командир. Кафф ходит по Зэмерканду с крысой в запястье и рвет глотки всем горожанам, которые до сих пор осмеливаются противостоять Гумбольду. А у тебя связаны руки, да? Ну ладно. В городе будет полно трупов, но тем лучше для меня. Сколько мертвых глаз, которые можно выклевать! Сколько чудесных подгнивших тел! Воронам будет чем поживиться...

— Замолчи, бессердечная тварь!

Это сказала Лайана. Принцесса тихо вошла в шатер, не замеченная никем из собеседников. Услышав ее резкие слова, ворон возмущенно завопил:

— Тебе следовало бы напомнить жене, что женщины должны помалкивать, когда разговаривают мужчины.

— Я скорее склонен напомнить *тебе*, — сказал Солдат, — что ты — всего лишь птица.

— Когда-то я был человеком, — печально отозвался ворон. — Да, не взрослым. Всего лишь мальчишкой... И если б не та ведьма, чье тело давно уже сгнило в земле, я бы оставался человеком и поныне. Но я — ворон, ибо только она могла вернуть мне прежний облик. Увы! Эта женщина так же мертва, как мозговые клетки ханнаков.

— Иногда я жалею, что я не птица, — пробормотал Солдат. — Мне бы не приходилось решать столько проблем.

— Ну, взамен у тебя бы возникли иные затруднения. Например, ты думал бы о том, где добыть пропитание, как скрыться от людей с пращами, куда деваться больным воронам — ибо птичьих лекарей в природе не существует... Постоянно прятался бы, страшась попасться на глаза ястребу... О! Сюда идет Спэгг. Это единственный известный мне человек, который пахнет, как труп, но отчего-то продолжает ходить. Ладно, я полетел. Полакомлюсь падалью на улицах Зэмерканда.

Ворон выпорхнул в дверной проем, едва не задев макушку коренастого, заросшего волосами человека с повязкой на одном глазу. То был Спэгг, торговец «руками славы», с некоторых пор ставший товарищем и помощником Солдата.

Лайана сказала:

— Клянусь богами, однажды мы приготовим из этой птицы воскресный обед... Муж мой, я пришла сказать, что буду ждать тебя в своем шатре. Если ты пожелаешь меня... — Невзирая на присутствие Спэгга, Лайана заговорила об интимных вещах, произнося слова, предназначенные только для ушей мужа. Лайана провела всю

жизнь в окружении рабов и слуг, заполонявших комнаты ее дворца, и не обращала внимания на присутствие столь низменных существ, как Спэгг. Она относилась к подобным субъектам так, словно их вовсе не существовало, словно они были пустым местом.

Спэгг что-то тихо бормотал себе под нос, пока принцесса убеждала мужа явиться к ней в опочивальню и заняться любовью.

— Сердце мое, — закончила она сладким голосом, — я буду принадлежать тебе, если ты хочешь меня.

Бормотание Спэгга сделалось несколько громче.

— Замолчи, Спэгг, — сказал Солдат, — ты мне мешаешь... Лайана, умоляю! Не надо говорить такие вещи на людях.

— На людях? — повторила Лайана, приподнимая брови. — А, ты имеешь в виду Спэгга?.. Ладно, если я понадоблюсь, ты знаешь, где меня найти.

С этими словами она вышла из шатра. Нельзя сказать, что Лайана была злым человеком. Напротив. Она вышла замуж за Солдата, даже не зная, кто он таков, — просто чтобы спасти его от казни. У принцессы было доброе сердце, однако ее высокородное происхождение накладывало отпечаток на поведение. С самого детства ей внушили, что плебеи недостойны внимания, и Лайана не могла избавиться от этих предрассудков. Солдат любил ее до безумия, знал наперечет достоинства и добродетели принцессы, которым не было числа. Однако подобные выходки до сих пор обескураживали его.

— О чем это толковал ворон? — обиженно спросил Спэгг. — Я пахну так же, как и все прочие люди.

— Давай-ка сменим тему... — Солдат глянул Спэггу в лицо и невольно осекся. — Что с тобой стряслось? Можно узнать?

Спэгг скривил губы, покрытые толстым слоем розовой мази.

— Обжег рот.

— И сильно обжег, я погляжу. У тебя все губы в волдырях... — Зная, как жаден Спэгг до еды и выпивки, Солдат предположил: — Пытался съесть мясо, не дожидаясь, пока оно остынет?

— Если бы! Я пытался поцеловать ведьму... Нет. Я *поцеловал* ведьму.

Вопреки обуревающим его мрачным думам Солдат рассмеялся:

— Как тебе это удалось? Ведьмы — самые отвратные твари во всем Гутруме! Или тебе нравятся бородавки? Во имя семи богов, Спэгг!.. Ты не перестанешь меня изумлять!

— Там было темно! — воскликнул Спэгг. — Откуда я мог знать, что это ведьма? Проклятая Гнарлгтут! Она спряталась среди шатров. Я-то решил: шлюха ищет клиента. Подошел, прижал ее и говорю: «Вот он я, крошка». Ну и чмокнул прямо в губы... — На лице

Спэгга появилось виноватое выражение. — Ну да, я порядочно выпил... Сперва я решил, что мы с этой женщиной просто созданы друг для друга... пока не почуял запах паленого мяса. Моего мяса! Я насилу вырвался! Оставил у нее на губах изрядное количество собственной кожи. А она смеялась, паскуда! Каркала, как ворона, а потом ушла — и все облизывала, облизывала рот... Проклятые ведьмы!

— Ты меня развеселил, — сказал Солдат. — Мне нужно было немного отвлечься от проблем. Как же вышло, что тобой овладело столь яростное желание секса? Ты всегда выказывал замечательную сдержанность в этой области. Еда и выпивка — это да, здесь ты ни в чем себе не отказывал. Деньги... что ж, безопасность им не грозит, если ты оказывался поблизости. Но с женщинами проблем не возникало, насколько я помню.

— Понимаешь, вечером я сидел с Голгатом и несколькими твоими офицерами. Они рассуждали о капитане Коссаоне, восхищались им. Говорили: его хватает аж на две лампы... А я был уже изрядно навеселе... ну и взревновал... А что? Они все ему завидовали. Голгат говорил, что всяк рад был бы оказаться таким же неутомимым в постели, что женщины без ума от этого Коссаоны... Ну и тогда я тоже захотел этакой славы. Чтобы обо мне рассуждали, как об этом капитане. Чтобы мной тоже восхищались...

— Постой минутку. Погоди. Боюсь, я потерял нить. Во имя Тега! Что значит фраза: «Его хватает на две лампы»?

Спэгг округлил глаза. Уже не в первый раз Солдат проявлял невежество в тех вещах, которые были известны каждому гутрумцу.

— Две лампы? Ну как же! Все очень просто. Некоторые женщины требуют от своих любовников, чтобы те продолжали, пока не прогорит лампа... Продолжали... ну, сам понимаешь, что именно продолжали...

Кажется, Спэгг смутился, и Солдат пришел ему на помощь:

— Пока они не достигнут оргазма?

— Оргазма? Я не знаю, какое слово тут правильно употреблять. Я знаю только грубое. Да, так и есть. Ты же знаешь, женщины могут делать это много раз, в то время пока мужчина — только один. И вот для того, чтобы удовлетворить женщину, мужчина должен делать это много раз без оргазма. Так что женщины наполняют лампы маслом, раздеваются, ложатся на шелковые подушки и говорят: «Трудись, трудись, мой милый. Работай, пока не прогорит фитиль и не потухнет свет. А уж тогда ты и сам можешь получить удовольствие...»

— Стало быть, этот капитан может продолжать, пока не выгорит масло в двух лампах? — Солдат был заинтригован. — А как насчет размера ламп?

— Обыкновенный. Стандартный размер. Вряд ли можно принести в комнату лампу размером со слона, верно? Я хочу сказать, все должно быть по-честному. И вот все эти разговоры заставили меня...

— Возбудили тебя.

— Ты знаешь правильные слова, да? Что ж, верно. Они меня возбудили, и я отправился искать себе женщину. Которая готова была бы со мной пойти, разумеется. Я не насильник.

— Уж надеюсь. Я вешаю своих солдат за такие дела.

— И совершенно правильно поступаешь, генерал. Нет, я искал женщину, которая согласилась бы. И увидел эту деваху. Она бродила по лагерю и заглядывала под пологи шатров — точно зазывала клиента. И у нее были вполне себе аппетитные формы, так что я сграбастал ее и поцеловал... Это ведь нельзя считать принуждением, верно?

— Можно сказать, что это было слишком вольное обращение с незнакомкой, Спэгг, и если бы она оказалась не старой каргой, а юной девицей, у тебя могли возникнуть крупные неприятности. И вообще говоря, полагаю, что ведьма тоже имеет право пожаловаться на домогательства. Но поскольку Гнарлггут этого не сделала, на сей раз можешь быть свободен. Пусть это послужит тебе уроком, Спэгг: не надо набрасываться... и не смотри на меня так... не надо набрасываться на женщин. Сперва спроси согласия. Что, если бы это оказалась моя жена?

— Моя голова уже торчала бы на заостренном колу.

— Именно. Или украшала бы изголовье моей кровати. Думай, прежде чем делать. Ты можешь присвоить все кремовые торты и пивные бутылки в королевстве, но не приставай к женщинам — молодым ли, старым ли. Иначе дело может кончиться чем-нибудь похуже, чем обожженные губы.

— Я уже жалею, что поделился с тобой. Мне нужно было сочувствие, а не наставление. Я мог сказать, что обжегся горячим супом. Ладно, спасибо и на том, генерал. Пойду-ка я пройдусь. — Он бросил нервный взгляд на проем шатра. — Надеюсь, эта ведьма не шатается где-нибудь поблизости. Ей мог понравиться мой вкус. Знаешь, ведьмам нельзя доверять, им наплевать на все законы. Они как тигры-людоеды: только б единожды узнать вкус человечьей плоти!

Поговорив со Спэггом, Солдат и сам вышел на прогулку, чтобы поближе взглянуть на стены города, возвышавшиеся над красными шатрами его армии. Увы! Хотя положение за этими стенами было совсем не по нраву горожанам, страдавшим под гнетом тирана, Солдат не имел возможности вмешаться. Это был не его путь. Отнюдь

не его путь... Разломать ворота и ввести своих воинов в город — вот что хотел бы сделать Солдат. Выволочь Гумбольда и Каффа на улицу и отрубить им головы, как они поступили с законной королевой. Проклятая политика! Карфаганцы избрали путь справедливости, в то время как Солдат разрывался от желания обезглавить мерзавцев Гумбольда и Каффа, а потом швырнуть их останки псам.

Кафф! Этого человека он с удовольствием вызвал бы на смертный бой в любое время дня и ночи и ни на миг не пожалел бы о своем решении. Еще в бытность свою капитаном имперской гвардии Кафф влюбился в Лайану — и любил ее до сих пор. А жена Солдата так и не отказала ему окончательно и бесповоротно в праве любить ее. О нет, она не отвечала взаимностью, но всегда считала капитана Каффа одним из своих друзей и защитников. Что ж, теперь ясно, что он за друг...

Когда Солдат винил Каффа в смерти королевы Ванды, Лайана сказала: «Мы не знаем, он ли это сделал. Возможно, приказ о казни отдал Гумбольд». Она по-прежнему находилась под обаянием этого мерзавца — смертельного врага Солдата. Он не сомневался в верности жены и знал: она любит его горячо и преданно. Но Лайана продолжала верить, что Кафф — не такой уж плохой человек. Вдобавок некогда она даже подумывала о браке с ним. Солдат полагал, что именно поэтому Лайана сохранила нежность в своей душе. Лайана не могла поверить, что человек, который прежде ей нравился, может быть столь ничтожным и злобным, — пусть даже она потеряла память и знала о своем прошлом только то, что рассказывали ей другие.

— О глупость нашей лояльности, — пробормотал Солдат, обходя могилы товарищей, недавно погибших в сражении. — Она не позволит нам узнать правду.

Некогда Солдат отрубил Каффу кисть руки. Теперь капитан приделал к запястью металлическое крепление, в которое вкладывал различное оружие или живых зверей вроде крыс и ястребов. Их огузки удалялись, и серебряная винтовая нарезка, заменявшая им задние части, удерживала животных на запястье Каффа. Капитан использовал эту свою особенность, чтобы вселять ужас во врагов.

«В следующий раз я отрежу ему голову, — подумал Солдат, — и посмотрим, что он сумеет ввинтить на *ее* место». Эта мысль немного примирила его с реальностью, пока он не рассудил, что Каффу, чего доброго, удастся приделать себе голову тигра или орла, и мечты опять обернулись кошмаром.

Солдат подошел к воротам города и вызвал Каффа.

Заставив его прождать долгое время, капитан подал голос из-за решетки:

— Ты опять явился?

— Да, трус. Встретимся в оговоренном месте. Один на один.

Кафф скрипнул зубами.

— Я не трус, и тебе об этом отлично известно. Но генерал не принадлежит себе. Это ты тоже знаешь. Теперь я больше не имею права рисковать собой в идиотских играх. Я командую армией и несу за нее ответственность. Мне уже намекнули, что моя жизнь слишком ценна, чтобы рисковать ею на дуэлях.

— Я тоже командую армией. Однако я желаю встретиться с тобой на поединке. Ты — генерал. Никто не может тебе приказывать. Ты сам устанавливаешь правила.

Говоря все это, Солдат отдавал себе отчет, что ничего не добьется. Он знал: Кафф кто угодно, но только не трус. Для него было истинной пыткой сидеть за стенами Зэмерканда, не отвечая на вызов Солдата. Особенно учитывая, что Солдат и его люди денно и нощно потешались над ним. Гумбольд был единственным человеком в городе, кто имел власть запретить Каффу выйти на бой с Солдатом. Наверняка он так и поступил. Потерять Каффа — значило потерять свою правую руку. Королю-узурпатору нужна была сильная правая рука, чтобы держать людей в подчинении. Возможно, Гумбольд пообещал Каффу, что в один прекрасный день он получит голову Солдата на блюде.

— Я вернусь завтра, — сказал Солдат.

— Ты получишь тот же ответ.

— И тем не менее. Хочу услышать его от тебя.

Солдат отошел от ворот, так ничего и не добившись.

По мере того как разгорался день, магия на небесах начинала выцветать. Солдат задумался, скоро ли явится ИксонноксИ, дабы начать войну... Война между чародеями! Как это будет происходить? Маги сойдутся в поединке — или же юному ИксонноксИ потребуется армия? Последуют ли карфаганцы за Солдатом в бой против врага ИксонноксИ, дабы возвести на престол нового Короля магов? Солдат надеялся, что да. Судьба их собственной страны за Лазурным морем была в тех же руках. Присутствие Короля магов оказывало влияние на весь мир, а не только на отдельное государство. Король магов был важной птицей для всех смертных.

Наверху в сторожевых башнях вспыхнули огни. В лагере Красных Шатров зажглись светильники и факелы. На Зэмерканд и его окрестности спустилась ночь. Ветер пропах ароматическим маслом и горящим хворостом. Чудесные запахи летнего дня...

Пока Солдат шел к своему шатру, какая-то мошка настырно звенела у него над самым ухом. Казалось, она что-то говорит ему,

и внезапно Солдат почувствовал, как пустые ножны оттягивают пояс. Волшебные ножны не раз спасали ему жизнь, начиная петь, когда приближался враг. Ножны именовались Синтра. Это имя было вышито на коже золотой нитью, и здесь же было еще одно имя: Кутрама. Имя меча. Но Солдат не мог вспомнить, держал ли он в руках этот меч, и не имел ни малейшего представления, где тот может находиться. Он только знал, что Синтра тоскует по нему, и надеялся, что в один прекрасный день они воссоединятся.

— Я должен разыскать мой утерянный меч, — сказал Солдат Лайане, войдя в шатер. — Мошка сказала мне, что время пришло.

— Мошка?

Лайана приняла ванну, припудрилась и надушилась. Теперь она лежала на шелковых простынях, ожидая возлюбленного мужа. По счастью, для любви не обязательно нужна память. Вернувшись из пустынного города, Лайана вскоре поняла, что испытывает глубокие чувства к этому мужчине, который, как ей сказали, некогда был ее мужем. Она любила его всем сердцем, и сейчас ей категорически не хотелось говорить о делах.

— Во имя Семи Пиков, что еще за мошка такая?!

Солдат моментально опомнился.

— О... ну да, точно. В этом мире я ни разу не видел мошек. Они явились из моего прошлого. Это существо, должно быть, пришло из старого мира — где бы тот ни находился...

Солдату было нелегко, поскольку он тоже утратил память о своем прошлом и о том мире, откуда явился...

— Мы — замечательная пара, верно? — жизнерадостно добавил он, снимая нагрудник и скидывая сандалии. — Оба ничего не помним. Я не знаю, кто я и откуда пришел, а теперь и ты присоединилась ко мне в этом аду пустоты. Впрочем, я уверен, что тебя можно исцелить, но не хочу, чтобы вместе с памятью вернулось безумие, так что надо быть очень осторожными. И посоветоваться со знающими людьми, прежде чем что-либо предпринимать.

— Ты идешь в постель или как? — нетерпеливо пробурчала Лайана. — Хватит с меня мошек и воспоминаний на эту ночь. Может, поищем твой меч завтра? Я знаю того, кто тебе поможет...

На следующее утро Лайана исполнила обещание.

— Недавно я говорила с одним крестьянином, который поставляет нам кур. Он рассказал мне о некоем искателе утраченных мечей, — сказала Лайана, надевая платье через голову.

Солдат, все еще лежавший в постели без сил после ночи любви, удивленно посмотрел на жену.

— Почему он это сделал?

— Потому что я его спросила. С тех пор, как я встретила тебя несколько месяцев назад...

— Много лет назад.

— ...ты очень сокрушался о своем мече по имени Кутрама и хотел разыскать его.

— У меня есть ножны. Они хотят, чтобы в них вставили клинок.

— Я понимаю их чувства. Вчера вечером мне хотелось примерно того же... Короче говоря, я решила поспрашивать насчет искателя мечей. И мне сказали, что самый лучший из них живет среди людей-собак.

Солдат приподнялся на локтях.

— Люди-собаки!

— Отчего ты так взволновался, муж мой?

— От того, что все племена зверолюдей, а в особенности люди-собаки, испокон веков были непримиримыми врагами гутрумцев.

— Да? А почему *в особенности* люди-собаки?

— Потому что... потому что... — Солдат сел на кровати, погладил жену по волосам и заглянул ей в глаза. — Потому что один из них... он... напал на тебя и сильно изувечил. Позже я убил его. Я отрубил ему голову, поднял ее и показал всей армии зверолюдей. Я высмеивал его... Эти твари презирают всех гутрумцев, а меня они яростно ненавидят. Если я войду на их территорию...

— Понятно, — сказала Лайана. — Может быть, я схожу вместо тебя?

— Нет уж. Ты славно сражалась в бою, но негоже тебе делать то, что является моей прямой обязанностью. — Солдат принял решение. — Я пойду туда с Голгатом и Спэггом, если они согласятся.

— Разве Голгат — не брат генерала Каффа?

— Да, но я для него ближе, чем его родственник. Он терпеть не может Каффа.

— Никогда не следует недооценивать силу кровных уз, муж мой.

— Я запомню это, любимая.

Солдат обратился к Голгату, и тот согласился сопровождать друга в земли псоглавцев на севере Фальюма. Спэгг же заворчал и спросил, не считает ли Солдат его сумасшедшим. Они долго спорили; в конце концов Спэгг пошел с ним.

Трое всадников пустились в путь рано поутру. Они направлялись в земли, населенные драконами, людьми-змеями, людьми-лошадьми, людьми-волками и прочими подобными тварями. В этом краю боги слили воедино человеческие и звериные черты. На плечах человеческих тел сидели головы животных, и настоящих людей там не привечали. Псоглавцы были среди тех орд, которые Солдат и его армия недавно разбили под стенами Зэмерканда.

На первую ночевку они остановились в пещере старого траппера, охотника на кроликов, который жил, продавая мясо и шкурки. Старик ходил обнаженным, словно зверь. Длинные, густые сальные волосы оборачивали все его тело, как плащ, и согревали по ночам. Он наградил своих гостей чернозубой гримасой и пригласил в пещеру.

— Хе! Это старое жилище желтого дракона, — объяснил он. Все стены в пещере были черны от сажи и копоти. — Щас их уже немного осталось. Вот на этом булыжнике они точили кохти. Видите следы, а? Коварные они ублюдки, эти желтые.

— Я в свое время убил нескольких лично, — похвастался Спэгг. — Так что можешь не рассказывать мне о драконах.

— Спорим, ты не убил ни одной ведьмы? А?

— Ведьмы? Я их жую и выплевываю. А как насчет тебя?

Голгат глянул на Солдата, подняв брови и будто говоря: «У нас есть парочка прямо здесь».

— Ну да. Убил однажды ведьму. Ее звали Спарлггрот. Она поймала меня в сеть, а я тогда снес ей голову. Эта голова укусила меня, а потом закатилась в кроличью нору. Я, конечно, не заболел, но с досады сжег ведьмино тело. Голова осталась неприкаянной и начала скитаться по подземным туннелям кроликов, кротов и прочих им подобных. Лорды и крестьяне, которые охотятся в тех местах, говорят, что иногда они слышат ее вопли из-под земли. А еще поговаривают, что трапперов вроде меня порой здорово кусают за руки, если они засовывают эти самые руки в кроличьи норы. Если тебя укусит ведьма, ты будешь вонять, как пузырь с черной желчью, и взорвешься изнутри, если не получишь магической помощи. Нет ничего хуже, как укус ведьмы. От него человек начинает гнить, как прошлогодняя слива.

— Я так понял, больше тебя не кусали? — спросил Спэгг. Вопреки обыкновению он был впечатлен рассказом.

— Я — тот, кто ее убил, — гордо сказал старик. — Она больше не может меня тронуть. Это как заразная болезнь. Если ты однажды переболел, она тебе не страшна. Меня уже один раз укусила ведьма.

— И так далее, и тому подобное, — пробормотал Голгат, разворачивая свое одеяло. — Фанфароны!

Эту ночь они провели в пещере старика, а утром продолжили свой путь. И впрямь раньше в северных землях водилось множество драконов — желтых, зеленых и красных, но теперь они были очень редки. Ходили слухи о великом белом драконе, живущем в Неведомых Землях к северо-западу от болот за Фальюмом, однако никто не мог ни подтвердить их, ни опровергнуть.

Размах крыльев великих драконов достигает сотни ярдов, и они могут преследовать жертву, пока та не упадет от изнеможения. Их передние ноги — маленькие и изящные, так что они способны засунуть когти в любую щель. Великие драконы необычайно прожорливы и поедают добычу вместе с костями. Так что если ты увидел одного из них, то вряд ли вернешься, чтобы поведать об этом.

Еще два дня товарищи двигались к северо-западу, держа путь в земли псоглавцев, и наконец увидели первых ее обитателей. Никто не сомневался, что люди-собаки обнаружат их и что стычка неизбежна. Они проехали полпути по долине, когда отряд из двенадцати людей-псов ринулся навстречу, вздымая тучи пыли. Полузвери лаяли, визжали и размахивали копьями. Возможно, они полагали, что трое людей просто заблудились, но тут Солдат развернул бело-голубой штандарт перемирия. Даже люди-собаки признавали этот флаг и до некоторой степени уважали его. По крайней мере они соглашались выслушать чужака и лишь потом убивали и съедали его...

— Что тебе нужно на моей земле, синеглазый? — проворчал предводитель собак.

— Мне нужен воин по имени Ву, — ответил Солдат. — Искатель мечей. Моя жена, принцесса Лайана, сказала, что он лучший в своем деле. Я хочу, чтобы он помог мне обнаружить некий меч.

Рот псоглавца распахнулся, являя ряд клыков. Язык вывалился наружу, и покрытая шерстью морда приобрела недоверчивое выражение. Затем полузверь уверенно кивнул.

— Я узнал тебя! Ты — синеглазый Солдат, генерал карфаганцев! Убийца нашего сородича — благородного Вау.

В мире, где ныне пребывал Солдат, у всех людей и всех тварей глаза были карими. И потому голубые глаза Солдата выдавали его личность повсюду, куда бы он ни шел.

— Вау? — Солдат выплюнул это слово. — Пусть он гниет в своей могиле. Не знаю уж, каким был ваш Вау, но только не благородным. Эта низкая, бесчестная тварь изувечила мою жену. Он изорвал ей лицо своими зубами, растерзал от брови до самой скулы. Его голова была малой платой за такое деяние.

— Так ты признаешь, что убил Вау?

— Я бы убил его снова — и дважды, и трижды. И был бы счастлив.

Предводитель псов оглядел свой отряд. Язык снова вывалился наружу; но теперь пес, казалось, забавлялся. Люди-собаки переглянулись и завыли.

— Мы поймали Солдата! Убийцу наших сородичей!

Солдат вынул меч, Голгат сделал то же, а Спэгг поспешно вооружился парой кинжалов, нервно оглядываясь по сторонам.

— Может быть, вы и убьете кого-нибудь из нас, — сказал Солдат предводителю отряда, — но и сами умрете — все до одного. Вы видели мою схватку с мерзавцем Вау. Вы видели, сколько ваших воинов я убил во время битвы. Вот это Голгат, брат моего заклятого врага, генерала Каффа. Он так же искусно владеет мечом, как и я сам. А это Спэгг, он дорежет всех раненых... Так как же мы поступим? Поедем к Ву или будем биться?

Предводитель закрыл один глаз, будто раздумывая, а потом развернул лошадь и проговорил:

— Следуй за мной.

Он поскакал галопом, повизгивая, как щенок, а отряд несся следом. Солдат и его спутники поехали за ними — несколько медленнее, но не теряя провожатых из виду. Наконец они оказались в долине, заполоненной людьми-собаками. Спэгг пришел в ужас. Он уже успел пожалеть, что согласился сопровождать Солдата и Голгата.

Охотничий отряд несся вперед, лая и визжа, и вскоре трое людей были окружены сотнями, если не тысячами псоглавцев. Их глаза горели яростным огнем. Щелкали челюсти. Воздух был горяч от смрадного собачьего дыхания. Их безволосые тела, такие же бледные, как и тело Солдата, казались неуместными под собачьими головами. Это и впрямь были кошмарные создания со стоячими шерстистыми ушами, слюнявыми пастями, полными острых зубов, и сильными, жилистыми человеческими телами.

— Так что же мы будем делать? — крикнул Солдат, стремясь показать, что не испытывает страха перед этими тварями. Раболепствующих трусов псоглавцы разрывали на куски. — Может быть, воин по имени Ву, искатель утерянных мечей, согласится поговорить со мной?

От толпы отделилась высокая худощавая бестия.

— Я есть Ву, — сказал он. — Что ты хотеть от Ву?

— Я Солдат, главнокомандующий карфаганской армии. Я ищу меч, который пропал у меня много лет тому назад.

— Почему ты пришел к Ву? Я — враг Солдата. Как все здесь. — Он обвел рукой толпу псоглавцев, буравивших пришельцев свирепыми взглядами. — Большие враги Солдата. Ты безумен, если пришел к нам. Ты убил много людей-собак. Ты забрал голову благородного Вау. Мы разорвем тебя на куски теперь, когда ты явился к нам в логово. Я съем твои глаза. Я съем твою печень. Я съем твое сердце.

После этой речи раздался многоголосый вой. Некоторые воины помоложе скакали вокруг на четвереньках, как настоящие собаки, визжа высокими голосами.

— Да неужели? — сказал Солдат, готовый к такому повороту. Он порывисто спрыгнул с лошади. — Что ж, я вызываю тебя на

поединок. Ты не имеешь права отказаться. Это один из неписаных законов, который вы наверняка чтите.

— Что? — вскричал Ву, отступая назад и изумленно глядя ему в лицо. — Что ты говорить?

— Ты слышал. Я согласен сойтись в поединке с любым из вас. С каждым из вас. По очереди. Если первый противник меня убьет — да будет так. Но я полагаю, что этого не случится. Скорее это я убью по крайней мере сотню воинов, прежде чем устану. Вы видели мою схватку с Вау? Он был вашим лучшим бойцом, вашим чемпионом. Я убил его с такой легкостью, что вы рыдали при виде этого зрелища. Вы, воины-псы, хороши в отрядах, однако поодиночке не сможете меня победить. Помните Вау? Он был знатный фанфарон, но плохой боец. Я снял ему голову с плеч, поднял и показал всем! Итак, выходите один за другим. Вы не можете отказаться, иначе я спрошу: где ваша гордость? где ваша честь?

Псоглавцы снова завыли, на сей раз в их голосах слышались нотки отчаяния. Солдат вынул меч и рубанул воздух.

— Или деритесь со мной! — крикнул Голгат, выпрыгивая из седла. — Идите сюда! Я тоже вызываю вас на поединок.

— И... — сглотнул Спэгг, дрожа всем телом, — я...

— Ву, ты первый, — сказал Солдат.

Но тут вперед выскочил молодой воин и кинулся на Солдата, размахивая дубинкой. Солдат увернулся от удара, нацеленного ему в голову, и рубанул дубинку у рукояти. Оружие развалилось на две части. Молодой воин ошалело созерцал обрубок, зажатый у него в пальцах. А вслед за этим он осознал, что острие меча Солдата приставлено к его горлу. Юнец завыл песню смерти, ожидая неминуемого конца, но Солдат удержал руку.

— Мы пришли не для битвы, а чтобы отыскать меч. Я не хочу смертей. Хотя я убью, если меня к тому вынудят.

Крупный псоглавец, окруженный большой свитой, что-то пролаял в сторону Ву. Несомненно, это была шишка среди людей-собак — если не сам король. Казалось, Ву пытается возражать. Лай короля собак сделался громче и настойчивее. На миг искатель мечей опустил голову, а затем поднял взгляд. Ему отдали приказ.

Ву кивнул Солдату:

— Нет смертей. Ты очень умный человек, что вызвал на поединок, пока мы не нападать скопом. Очень умно. Если бы мы навалились на тебя разом, ты бы умер быстро. Но мы видеть, как ты сражался один на один, и знать, что ты плохой человек внутри. Очень плохой. Я думать, ты убил многих воинов в поединке. Да, в конце концов ты умрешь, но только после многих из нас. Как ты

узнать, что мы скажем «да» на поединок? Очень умно. Я поищу для тебя. Потом ты уедешь, мы пойдем за тобой, поймаем тебя у границы и зарежем. Ву надеется, что тебя разорвут на куски.

— Большое спасибо.

Солдат, Голгат и Спэгг разбили лагерь у ручья, подальше от логовищ и земляных жилищ псоглавцев. Первым делом Голгат прошелся по берегу ручья, собрал ароматические травы и разбросал их вокруг лагеря. Он желал перебить вонь влажной шерсти, которая доводила до безумия всех троих — даже Спэгга, хотя он и сам не особенно благоухал. Хорошо еще, что спутники расположились с наветренной стороны от людей-собак, но стоило ветру перемениться, и удушающий «аромат» псины становился невыносимым.

В первую ночь они распределили караулы: Спэгг стоял первую стражу, Голгат — вторую, а Солдат был последним часовым маленького лагеря. В поселении до восхода горели сторожевые огни; свет отражался от низких облаков и затмевал звезды.

Люди-звери нисколько не интересовались тем, что происходит у них над головами. Как и большинство животных, они были прожорливы и в те моменты, когда не ели, охотились или собирали еду. Одно-единственное нервное взлаивание, раздавшееся в ночи, могло породить целый хор, зачастую перераставший в многоголосый вой. Тогда стражник обходил земляные жилища и колотил в двери палкой, чтобы восстановить тишину.

Может, всему виной собачья натура, думал Солдат. Трудно жить, когда ты наполовину человек, а наполовину — зверь...

Лишь занялся серый рассвет, и Солдат решил пройтись, чтобы размять затекшие ноги. Окружающий пейзаж был скуден и жалок. Жесткая земля поросла колючим терновником и низким кустарником. У зверолюдей были самые бедные почвы в этой части света. Здесь не росли зерновые, а из дичи встречались лишь птицы да кролики. Подобные суровые условия могли породить только диких, агрессивных существ — какими и были люди-псы. Набеги и грабежи — вот их единственный способ добывать себе пропитание.

Внезапно в голову Солдату пришла новая мысль, и он резко остановился на полушаге. Безумная идея, что и говорить, но он отчаянно желал проникнуть за стены Зэмерканда. Солдат решил огласить свой план Голгату и посоветоваться с ним.

Пока Солдат размышлял, ему на глаза попалась змея, схватившаяся с цаплей. Спустя несколько секунд он осознал, что змея попала в беду: цапля намеревалась съесть ее. Солдат ринулся вперед; напуганная птица отпустила добычу и взмыла в воздух. Змея заструилась прочь, поднимая пыль, пока не добралась до большо-

го камня. Солдат и сам не мог понять, отчего он кинулся на подмогу. Это было сугубо рефлекторное движение, но, разумеется, змея оценила его. Она проговорила:

— Я — любимица богини Кист, и за мое спасение ты получишь награду. Она такова: ты можешь отдать по одному приказу насекомым, птицам и рептилиям. Используй их мудро, воин. — С этими словами тварь исчезла под камнем.

— Вот так-то, — весело сказал Солдат сам себе. — Пошел прогуляться и вернулся с наградой.

Он понятия не имел, когда и как станет использовать эти приказы, однако был уверен, что рано или поздно награда ему пригодится.

Вернувшись в лагерь, Солдат обнаружил, что его поджидает ворон.

— А, вот и ты. Я уж подумал, что воины-псы приготовили из тебя рагу.

— Да нет, все в порядке. Спасибо за заботу.

— Лиловая цапля сказала мне, что ты спер ее завтрак. Это плохо. Не стоит наживать врагов среди нас, птиц. Мы правим воздухом. Теперь каждая птица — отсюда и до Лазурного моря — попытается обгадить тебя.

Солдат проигнорировал угрозу.

— Лучше скажи, как поживает моя жена? Много ли от тебя пользы, если ты не приносишь мне вестей из дома?

— С Лайаной все в порядке. Кафф заходил ее навестить.

— Ты всегда так говоришь, стоит мне уехать.

— Такова правда. Кафф пришел, намереваясь соблазнить принцессу Лайану, однако она дала ему от ворот поворот.

Солдат помрачнел.

— Почему никто его не пристукнул?

— Флаг перемирия и все такое...

— К черту флаг перемирия! Я бы зарубил его на месте.

— Именно поэтому он и дождался, пока ты уедешь, прежде чем высунуть нос из-за стен. Он говорит, что получит твою голову на блюде еще до конца года. Гумбольд, само собой, с ним не пошел — он слишком занят казнями гутрумцев. Если этот старый хрен продолжит в том же духе, то скоро в городе вообще никого не останется.

— Мы должны попасть в Зэмерканд, — пробурчал Солдат. — И непременно попадем, помяните мое слово. — Он подошел и слегка пнул Спэгга, чтобы разбудить его.

— А-а? — вскрикнул Спэгг, перекатываясь на спину. — Что стряслось?

— Пора готовить завтрак. Скоро придет Ву.

Голгат зашевелился и сел. Его взгляд упал на ворона.

— Эта чертова птица опять здесь?

— Да, спасибо за заботу, — отозвался ворон, передразнивая Солдата. — А ты как поживаешь, обалдуй?

— В один прекрасный день я ощиплю тебя живьем, пташка.

Голгат встал и пошел к ручью умываться. Когда Спэгг поднялся вверх по ручью, намереваясь справить нужду в ту же самую воду, протестующий рев Голгата едва не опрокинул его. Спэгг вернулся смущенный.

— Куда ж еще человек может сделать свое дело, — проворчал он, — если не в ручей?

— Если тебе надо облегчится, спустись ниже по течению, — сказал Солдат. — Но почему именно в ручей?

— Вообще-то нормально делать это в текущую воду.

Ворон сказал:

— Я погляжу, ты и твоя компания по-прежнему процветаете, Солдат. Все хорошо организовано и эффективно работает. Кто сказал, что ты варвар?.. Ладно, я улетаю. Если ты меня не видишь, стало быть, никаких перемен не произошло. Если ты меня видишь — это не значит, что я принес плохие новости, но все равно — приготовься к ним.

И черная птица взмыла в небеса.

Через некоторое время в лагерь явился Ву.

— Теперь я пришел говорить. Мы ищем твой меч.

Он уселся на землю, скрестив ноги, и опустил голову.

— Тяжелая ночь? — спросил Солдат.

— Я плохо спал, — не стал скрывать воин. — Слишком много воя. Люди-собаки нервничать, когда поблизости люди. Они чувствовать вонь человеческого пота и дыхания. Это их беспокоит. Тогда Ву выпил йисип, чтобы заснуть, но только опьянел, а заснуть не смог.

— Это мы-то воняем? — пробормотал Спэгг. — Ну ничего себе!

— Йисип? — переспросил Солдат.

— Перебродивший кактусовый сок, — объяснил Голгат. — Странно, что он вообще соображает после того, как выпил это дерьмо.

— Теперь, — перебил Ву, — к делу. Ты знать имя меча, который надо находить?

— Да. Кутрама. А вот здесь, у меня на поясе, — его ножны. Их имя Синтра.

— Хорошо. Именованный меч проще находить. Дай мне твои ножны, Солдат.

Ву протянул руку, но Солдат заколебался. Ему не хотелось отдавать чужаку дорогого друга — поющие ножны, которые столько

раз спасали его от врагов. В конце концов он церемонно протянул ножны псоглавцу. Ву заметил это и одобрительно кивнул.

— Ву понимает. Хорошо, что ты дорожить Синтрой. Эти ножны — верный друг своему хозяину. Хорошо, что ты обращаться с ними бережно. Теперь я возьму их в руки и получу из них песню.

— Они поют только для меня, — объяснил Солдат, — и лишь тогда, когда мне угрожает опасность. В такие моменты начинает звучать волшебный напев, слова которого никто не может поня... — Он осекся на полуслове, потому что ножны вдруг начали петь — тихую приглушенную песню, которую он никогда раньше не слышал.

Ножны лежали на ладонях Ву. Глаза его были закрыты, а лицо обращено к небу. Песнь ножен была лиричной и мелодичной, как и всегда, однако слова казались не такими чужими, как раньше. Солдат разобрал среди них одно или два. Он зачарованно смотрел на Синтру, которая слегка вибрировала во время пения. Казалось, Ву прислушивается к этому трепетанию не меньше, чем к словам. Неожиданно песня стихла, и псоглавец вернул ножны — так же бережно и осторожно, как они были переданы ему.

— Под Семью Пиками есть пещера, — сказал воин-пес. — В ней расположено подземное озеро. На дне ледяного озера лежать Кутрама...

— И что дальше?

— Тебе надо ехать туда, генерал.

— У меня есть вопрос к Ву, — сказал Голгат. — Почему ножны поведали именно тебе, где лежит меч? Тебе — а не одному из нас? Почему тебя называют искателем мечей? Какую силу ты имеешь над потерянными клинками?

Псоглавец вывалил язык набок, что у него и ему подобных обозначало улыбку.

— Мой отец быть путешественником и создателем мечей, а до того — его отец, а до того — его мать, а до того — ее мать. Все мои предки быть путешественники — мужчины и женщины, с тех пор, как семь богов сотворили мир из коровьего навоза и соломы. Ву имеет особое чувство мечей и их ножен. Они говорят с ним, как камень говорит с холмом или дерево — с землей у его корней. Они доверяют Ву найти их настоящих хозяев.

— С какой стати они доверяют псоглавцу? — спросил Спэгг. — Я бы не стал.

— Хватит! — рявкнул Солдат, бросив яростный взгляд на Спэгга. Затем он обернулся к Ву: — Прости этого грубияна. Он ничего не смыслит. У меня есть еще одна просьба: не согласишься ли ты пойти со мной — дабы забрать то, что принадлежит мне по праву?

Ву резко вскинул голову, его зрачки расширились от изумления.

— Что? Воин-пес и Солдат, идущие одним путем?

— Почему бы нет? — спросил Солдат. — Может быть, если люди увидят нас вместе на одной дороге, это заставит их задуматься? И твоих сородичей — тоже? Почему два разных существа на одной земле не могут путешествовать вместе, как товарищи? Нам не обязательно друг друга любить. Нам не обязательно даже друг другу нравиться. Все, что от нас требуется, — уважать друг друга. Я очень уважаю тебя, Ву. Тебя и твои умения. Если ты можешь найти в себе силы доверять мне — тогда я не вижу в этом предприятии ничего, кроме пользы. Что скажешь?

— А как насчет этих двоих? — Ву указал на Голгата и Спэгга.

— Они вернутся в Зэмерканд.

Спэгг принялся протестовать, но мрачный взгляд Голгата заставил его утихомириться.

— И какова же будет моя награда?

— Когда я вырву Зэмерканд из рук канцлера Гумбольда, который нынче называет себя королем, я отправлю к вам инженеров. Они соорудят насыпи плодородной земли на холмах вокруг этой долины и ирригационную систему, где будет использоваться вода из ручьев. Как только все будет готово, я пришлю вам семена злаковых — и прочих растений, какие смогут здесь прижиться. А потом разыщу в Зэмерканде строителей, и они возведут здесь два огромных амбара. В них вы сможете хранить свое зерно. Один амбар для овса, другой — для пшеницы. Что скажешь?

Зрачки Ву расширились.

— Все это время мы собирали дикие злаки, чтобы делать хлеб. Их непросто находить, и они грубые. Хлеб получается жесткий и нехороший на вкус... Выращивать собственное зерно?.. Ты сделаешь все это для Ву только потому, что он пойдет с тобой?

— Кутрама очень важен для меня. Я хочу вернуть его любой ценой и желаю сократить до минимума все непредвиденные обстоятельства. У тебя есть опыт подобных поисков. Ты знаешь географию здешних мест лучше, чем любой гутрумец или карфаганец. Я буду чувствовать себя более уверенно в компании помощника, который понимает, что делает. Слишком часто в этом мире я совершал ошибки, и меня спасала только удача. Я больше не хочу полагаться на одно лишь везение. Предпочитаю учесть все неожиданности и выбрать самый безопасный путь.

Ву вскочил на лошадь.

— Если мой вождь говорить «да», тогда я говорить «да» тоже.

Он ускакал галопом, направляясь в сторону поселения людей-собак. Вскоре Ву вернулся, сидя на пегом пони. Он радостно тяв-

кал, подняв голову к небу. Видимо, вождь согласился — какова бы ни была тому причина. Возможно, он тоже полагал, что людям и псоглавцам пришло время объединиться. Или просто думал о полях зерна и амбарах — один для овса, а другой для пшеницы...

— Ты знаешь мое мнение на этот счет, — сказал Спэгг, пакуя вещи. — Впрочем, на меня никто никогда не обращает внимания.

— Я тоже не уверен, что идея хорошая, — тихо добавил Голгат, нагнувшись к уху Солдата. — Впрочем, я знаю, что ты все равно поступишь по-своему. Что делать мне?

— Возвращайся в Зэмерканд и попроси Велион принять командование армией. Я дам тебе свой жетон, дабы подтвердить: приказ исходил от меня. И еще одна просьба: приглядывай за своим коварным братцем... Скажи Лайане, что я люблю ее и вернусь, как только смогу. Она поймет... надеюсь. Да, Голгат, вот еще: позаботься о том, чтобы мое обещание было выполнено. Отправь плотников строить амбары для людей-собак. Доставь зерно и несколько плугов и пришли двух фермеров — пусть научат псоглавцев ими пользоваться. Ладно?

— Считай, уже сделано.

Тем же утром Голгат и Спэгг собрали вещи и отбыли на юг. Солдат и Ву некоторое время ехали вместе с ними, но вскоре расстались на развилке дорог. Голгат и Спэгг направились в Зэмерканд, а Ву и Солдат свернули на юго-запад, к Семи Пикам. Когда они добрались до пещеры траппера, Ву при помощи лески с крючком взялся выловить голову ведьмы, о которой рассказывал старик. В качестве наживки он насадил на крючок ядовитую поганку в форме человеческого уха. В седьмой по счету кроличьей норе голова ухватила приманку, и воин-пес вытянул ее на поверхность. Оказавшись снова на свету, окруженная немагическими существами ведьма пришла в ярость: каталась туда-сюда и щелкала своими жуткими смертоносными челюстями, покуда яд не возымел действия. Он не убил ведьму, но парализовал ее на некоторое время, так что Ву успел засунуть голову в развилку дерева.

Пока Ву укреплял голову в развилке, она пела песни. Грибные галлюциногены заставили ее грезить о черных кораблях среди высоких волн и горах из белого алмазного льда...

— Теперь ты будешь видеть мир вокруг тебя, — сказал Ву, когда ведьма очухалась. — Можешь зарабатывать себе на жизнь как дорожный указатель и посылать путников не в ту сторону, если они откажутся напоить и накормить тебя.

Странное дело: кажется, ведьма не слишком-то огорчилась. Впрочем, она заметила, что чувствует себя несколько уязвимой, будучи зажатой в развилке старого дуба.

— Ну, одно оружие у меня еще осталось, — проскрипела она. — Я могу плевать ядом в глаза тем, кто меня обидит.

Путники расстались. Солдат и Ву отправились к Семи Пикам, где обитали семеро богов, управляя делами мира и погодой. Солдат обнаружил, что путешествовать в компании человека-пса несколько сложнее, чем он полагал. Их обычаи и традиции сильно отличались друг от друга. Многие из них вызывали отвращение и неприязнь то у одного, то у другого. Запах тела каждого из товарищей был неприятен второму. Однако им удавалось держать свое мнение при себе, и оба старались бороться с предрассудками. Если они обменивались мнениями на этот счет, то в таких беседах не было враждебности.

Ву, который с каждым днем говорил на человеческом языке все лучше и лучше, выказывая немалый ум, однажды спросил Солдата:

— Почему ты носишь одежду? Шерсть мертвой овцы и шкуры мертвых коров? Я не могу так поступать из религиозных соображений, ведь это покровы моих братьев-зверей. Однако дело не только в этом. Мертвые кожи быстро пачкаются, за какой-нибудь час, а ты носишь их на теле целый день, а иногда и следующий. Омерзительно! Знаешь, как ты выглядишь, когда мертвая кожа свисает с твоей головы, плеч и бедер?

— Таковы наши обычаи, — ответил Солдат. — Насколько я знаю, ты скорее согласишься замерзнуть до смерти, чем станешь носить одежду. И еще ты никогда не моешься в воде, а вылизываешь себя. И весь пот, пыль и грязь попадают тебе в желудок. Меня начинает тошнить при одной мысли об этом...

Невзирая на подобные перепалки, они сумели понять и принять друг друга.

По крайней мере Ву не метит территорию подобно зверю, подумалось Солдату. С этим было бы трудновато смириться.

По мере их приближения к горам, где боги восседали на высоких тронах, окружающий пейзаж становился все более странным и неестественным. В этом краю жили великаны и карлики, феи и гоблины, чародеи и колдуны. Здесь росли самые невероятные цветы: вместо семян они могли содержать острые дротики, а их запах был ядовитым. Песня маленькой пичужки обращала человека в камень. Старики не были дряхлыми и немощными: они бегали быстрее оленя и прыгали выше антилопы. Зима здесь иногда наступала в середине лета, обрушиваясь на землю каскадами снега и льда. Откуда ни возьмись прилетали ветры и раздирали мир на части. Внезапное наводнение способно было затопить долину за несколько секунд, а часом позже она становилась сухой и безводной, как пустыня. Самые невероятные и невозможные вещи были здесь нормой.

Двое воинов уходили все дальше и дальше в непостижимые леса и болота, в мир ночных кошмаров, где терялся даже псоглавый Ву, хотя неоднократно бывал здесь прежде. Солдат заходил сюда лишь единожды и чуть не распростился с жизнью. Неудивительно, что они продвигались вперед с невероятной осторожностью, ощупывая копьями землю впереди. Лошади были напуганы и готовы бежать от любой твари, шуршавшей в траве. Солнце светило как масляная лампа в густом тумане. Луна и звезды тускло мерцали сквозь дымку. Водоемы были затхлыми и вязкими. Фрукты гнили на ветвях деревьев. Лягушки под копытами коней взрывались, разбрызгивая по сторонам желтоватую гнойную жидкость, издававшую гнилостную вонь...

Более нелепого и жуткого места Солдату видеть не доводилось.

Глава вторая

Солдат и Ву разбили лагерь в лесу на склоне горы. На земле лежал толстый слой снега, а ветви деревьев прогибались под его тяжестью. Время от времени раздавался мягкий приглушенный хлопок, когда снежная шапка падала с ветки сосны. Повсюду виднелись лисьи, волчьи, кабаньи и оленьи следы. Дичь в изобилии водилась в этих местах, защищенная от охотников присутствием богов и фантастической природой самой земли. Немногие люди отваживались войти в границы магической ауры, окружавшей Семь Пиков. Человеческие существа предпочитают определенный порядок и предсказуемость мира, а здесь то и дело происходили невероятные события. Люди, осмелившиеся прийти сюда, вели себя настороженно, зная, что нужно готовиться к любой неожиданности...

Ву развел огонь, а Солдат отправился на охоту. Когда он вернулся, неся с собой зайца, Ву спросил:

— Это все, что ты смог добыть? В местах, кишащих дичью?

Солдат пожал плечами.

— Вепри бегают быстро, а олени — еще быстрее. Да и на что нам двоим целый олень или кабан? Большую его часть придется выкинуть.

— Но заяц! Его мясо очень скоро станет жестким и жилистым.

— Тебя это беспокоит? С твоими-то зубами?

Ву криво ухмыльнулся:

— Правда. Я могу без труда разгрызть лопатку буйвола. Но сейчас мы обсуждаем твое умение охотиться.

— Я солдат, а не охотник.

— А разве нельзя быть тем и другим одновременно?

Солдат поморщился:

— Как утверждает моя жена, я — всего лишь мужчина и, следовательно, могу делать только одну вещь единовременно. Дай мне конкретное задание — и я его выполню. В настоящий момент я ощущаю себя воином и не могу уделять внимание навыкам охоты.

Заяц оказался недурным блюдом; всю свою жизнь он провел на горных лугах и был большим и жирным. Солдат отдал Ву белоснежную шкурку, которой предстояло превратиться в футляр для ножа или кошелек. Они сидели возле огня, набивая животы горячим жарким, приправленным травами. Есть что-то притягательное в огне, горящем в лесу среди снегов. Существуют люди, на которых созерцание костра навевает покой и умиротворение. Солдат относился к их числу. Белый дым поднимался к древесным ветвям и исчезал в черноте, усеянной звездами. Запах горящих сосновых иголок и веток приносил чувство покоя и расслабленности.

В полночь из дупел деревьев начали вылезать какие-то странные существа. Они походили на фей, но были аспидно-черного цвета с оранжевыми глазами, горящими будто пламя свечей. Ву разъяснил Солдату, что это безобидные твари, и в отличие от дротов они не питаются кровью людей и животных. Запах дыма выгнал их из жилищ в древесных стволах, и они просто сновали туда-сюда, размахивая кожистыми, как у летучих мышей, крыльями. Они летали сквозь вздымающиеся снопы искр. То и дело кто-нибудь опускался чересчур низко и, съежившись, падал в огонь, где вспыхивал сине-зеленым пламенем. Когда Солдат выразил тревогу по этому поводу, Ву сказал ему, что маленькие создания живут только одну ночь, и преждевременная смерть не будет большой утратой для их племени.

— Они — мотыльки сверхъестественного мира, — сказал Ву. Он уже хорошо говорил на человеческом языке, что свидетельствовало о высоком интеллекте воина. — Много ли значит мимолетная жизнь, если душа существует вечно? Мы приходим в этот мир только затем, чтобы предоставить душе возможность запечатлеть себя. Иногда мне кажется, что лучше бы мы тоже были такими преходящими созданиями. Нет нужды в жилье, еде, питье... или войнах. Все это не имеет значения для существ со столь короткой жизнью.

— А ты уверен, что есть нечто за гранью смерти?

— Уверен. Иначе какой смысл во всем этом — если *там* нет ничего?

— Ну знаешь ли... философы спорят тысячи лет. Впрочем, сегодня у меня нет настроения дискутировать на эту тему.

Они улеглись спать возле костра, и на протяжении ночи здесь побывало немало удивительных существ. По большей части это были серые призраки — бестелесные создания, выплывающие из темноты. Пару раз к костру выходили страшилища, которые переворачивали бревна — кто рогом, кто когтем. Они обнюхивали спящих товарищей, стряхивали росу с кожистых крыльев или похожих на кнуты хвостов, а потом шли своей дорогой, не тревожа пришельцев. Одна причудливая бородавчатая тварь приблизилась к костру и принялась поедать дымящиеся угли. Но по большей части пришельцы были просто фантомами, бродившими по теням на гранях миров. Они обитали на границе сна и яви и не существовали бы вовсе, если б люди просто закрывали глаза и ни о чем не грезили с сумерек до рассвета. Эти ночные мороки страны чудес были плодом воображения людей; они проявлялись в причудливых формах, рожденных человеческими снами.

Товарищи проснулись с первыми лучами солнца, и хрупкая граница между реальностью и фантазией отодвинулась к самому горизонту.

— Далеко ли до места назначения? — спросил Солдат искателя мечей. — Сколько нам еще идти?

— Почти нисколько, — отвечал Ву. — За следующим гребнем, вон за тем, поросшим соснами, находится пещера Гилкристы и Уиландоу, драконов-близнецов, стражей входа. Внутри пещеры располагается хрустальная каверна, а на дне ее — подземное озеро. Там и лежит твой Кутрама.

— Как мне пройти мимо драконов?

Тем же тоном, которым говорил Солдат прошлым вечером, рассуждая об охоте и воинском искусстве, Ву ответил:

— Я нахожу мечи, а не добываю их. Тебе придется самому придумать, как миновать драконов. Если помнишь, я здесь никогда не был. Это всего лишь место, которое я узрел в видениях, когда искал твой меч. Я понятия не имею, как поступить с Гилкристой и Уиландоу. Даже не знаю, свирепы ли они... впрочем, думаю, свирепы. Иначе почему именно они охраняют вход в пещеру?

Солдат был несколько выбит из колеи.

— А что, в этой пещере лежат сокровища?

— Понятия не имею.

— Немного же толку от твоей помощи.

— Еще раз повторяю: я разыскиваю мечи, а не возвращаю их владельцам. В любом случае сомневаюсь, что меч позволит мне хотя бы легкое прикосновение. Я видывал, как руки воров охватывало пламя, если они касались поименованных мечей. Я видел, как гра-

бители сгорали подобно мотылькам в пламени, стоило им тронуть рукоять волшебного клинка. Нет, уволь. Это твой меч — и твоя забота. А я уж понаблюдаю со стороны.

— Видимо, ты прав, — пробурчал Солдат. — Тем не менее мне понадобится кое-какая помощь, если ты не решил просто-напросто поджать хвост.

Ву послал ему мрачный взгляд.

— У меня собачья голова, а не задница.

Солдат вытаращил глаза, немало озадаченный этой отповедью, но затем понял, что огорчил Ву.

— О, это... просто выражение такое — поджать хвост. Я мог бы сказать его любому человеку. Не надо воспринимать мои слова буквально.

Ву смягчился.

— Тогда ладно. Нет, я не подожму хвост. Буду сопровождать тебя, пока есть такая возможность.

— Хорошо. Спасибо.

Собрав лагерь, друзья направились к пещере драконов-близнецов и, подойдя ближе, увидели стражей, стоявших по обе стороны от входа в подземелье. Один из драконов был красным, второй — зеленым. Они не походили на маленького кожистого дракончика — зеленого с красным брюшком, считавшего себя отпрыском Солдата. Солдат находился рядом, когда это создание вылуплялось из яйца, и был первым живым существом, которое увидел малыш, появившись на свет. С тех пор он называл Солдата мамой на своем собственном языке и временами сопровождал его в путешествиях. Иногда Солдат встречал своего «приемного сына»; они тепло приветствовали друг друга, радуясь встрече, а затем их пути снова расходились.

Однако эти два дракона были совсем иными. Их шкура была блестящей и шелковистой, а головы — небольшими и изящными. И если бы у драконов существовала королевская власть, этих двоих можно было бы по праву считать принцами драконьего мира. У них были длинные, загнутые атласные ресницы и наманикюренные когти. Солдат не заметил никаких опухолей и шишек на хвостах, а ведь их драконы часто набивают, когда хлещут хвостами по скалам и деревьям. Высокие надбровные дуги свидетельствовали о значительном уме. Заостренные уши напоминали наконечники копий. У красного дракона они стояли торчком, а у зеленого были немного наклонены в стороны. Брат и сестра, два стража подземного мира. Оружием им служили острые когти и длинные вилкообразные хвосты. В их глотках не водилось ни огненного дыхания, ни огромных клыков. Судя по зубам, драконы были травоядными.

— Пожалуй, мне нет нужды идти с тобой дальше, — сказал Ву. — Драконы кажутся довольно мирными.

— Да? — пробормотал Солдат, снимая вязанку хвороста с седла лошади. — А ты смотрел им в глаза? С виду они кроткие и добродушные, но глаза у них ледяные. Похоже, меня ждет холодный прием.

— Так и будет, если ты не покажешь свои верительные грамоты.

— Какие еще грамоты?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Ву. — Им виднее.

— Ну да, все ясно... Куда подевалось мое огниво?

— Висит у тебя на поясе.

— А... Спасибо.

Твердым, уверенным шагом Солдат направился ко входу в пещеру. Проем был закрыт занавеской вроде тех, что вешают в карфаганских шатрах, готовя пищу, чтобы не налетели мухи. Как же странно видеть такой занавес здесь, в глуши, подумалось Солдату. Это было слишком по-домашнему и казалось необычным в диких, пустынных землях. Необычным, если не сказать — невероятным. Затем взгляд Солдата упал на сгорбленную фигуру старой женщины в плаще с накинутым капюшоном. Старуха копошилась в огромной куче костей, не обращая на Солдата ни малейшего внимания.

Кости валялись повсюду — большие и маленькие. Груды круглых и удлиненных черепов; разломанные грудные клетки; лопатки; кости рук и ног, торчащие из земли вокруг драконов подобно жутким растениям. Холод пронизал Солдата, когда он понял, из чего сделан занавес. Позвонки! Спинные позвонки воинов, явившихся в это место, но не прошедших испытание. В яме, располагавшейся неподалеку, Солдат увидел кучу ржавеющих доспехов — шлемы, нагрудники, лошадиная упряжь, кольчуги и щиты. Здесь же лежало оружие: копья и пики, несколько кинжалов и мечей, пара арбалетов. Кладбище неудачников — и старуха в роли могильщика.

— Мария, о, Мария, ах как красив твой сад! — пробормотал Солдат. — Вот кости рук, вот кости ног — все высажены в ряд...

Старуха подняла взгляд, глянула на Солдата и хихикнула, а затем принялась нахально разглядывать его.

— Неплохо, неплохо. Но самое лучшее я отсылаю волшебному народцу, — сказала она. — Грудные клетки — гномьим фермерам на бороны. Лопатки — гоблинам; они делают из них лопаты. Черепа — водоносам. Тазовые кости идут на кубки и вазы. За твои кости феи заплатят золотом, путник.

Не обращая внимания на ржавые доспехи и кости, Солдат направился к драконам. Коль скоро он решился пройти мимо них, нет смысла бродить вокруг да около. Драконы убьют тебя — бу-

дешь ты нервничать, нет ли... На миг ему показалось: драконы пропустят его, не шевельнув и когтем... но стоило ему подойти к пещере, как чудовища встали бок о бок, перегораживая дорогу.

— Ты желаешь войти в пещеру? — спросила Гилкриста, красный дракон.

— И с какой целью? — добавил Уиландоу, зеленый.

— Я разыскиваю свой меч, — отвечал Солдат. — Человек-пес по имени Ву, который сейчас трусливо прячется у меня за спиной, сказал мне, что он находится здесь, в этой пещере.

— А имя твоего меча? — спросила Гилкриста.

— Кутрама. Со мной его ножны. — Он тронул пустое вместилище меча, висящее на поясе. — Их имя Синтра.

— А... — пробормотал Уиландоу, — стало быть, ты...

— Солдат.

Гилкриста покачала головой:

— Это не то имя, которое нам сообщали.

Страх стиснул сердце Солдата.

— Увы! Я позабыл свое настоящее имя. Некогда — в другом мире и в другой жизни — я был рыцарем. Честно сказать, я бы и сам хотел узнать имя, которое носил в то время. И если вы назовете его мне...

— Нет, не назовем, — сказал Уиландоу. — Нам не позволено разглашать имена людей и мечей. Если желаешь уйти отсюда живым, тебе придется доказать, что ты — тот, за кого себя выдаешь. Если не помнишь, как тебя зовут, тогда назови имя своей невесты.

— Вы имеете в виду мою дорогую жену? Это я могу сказать, — с готовностью отозвался Солдат. — Моя жена — прекрасная принцесса Лайана из величайшего города Гутрума — Зэмерканда.

— Это не то имя, которое нам сообщили, — сказала Гилкриста. — Невеста, о которой идет речь, мертва и похоронена под снегами иного мира.

Солдатом снова овладело отчаяние.

— Проклятие! В который раз уже я страдаю от того, что утратил память о своем прежнем мире. Нет, я не помню имени, хотя видел сны о ее смерти и знаю: именно я за это в ответе.

— Какая жалость, — сказал Уиландоу, помахивая хвостом и вздымая облачка пыли. — И какой позор!

Старуха подняла глаза и хохотнула. Она смотрела на Солдата, но казалось, видела не его, а нечто под его плотью.

— Чудные кисти, — сказала она. — Отличные ступни.

Солдат пребывал в растерянности.

— Как мне убедить вас?

— Ты утверждаешь, что явился из другого мира, где лежит твоя невеста, погребенная под снегами? — спросил Уиландоу.

— Моя первая невеста. Все верно.

— И разумеется, надо принимать в расчет твои голубые глаза, — констатировала Гилкриста.

— Да. В моем родном мире у многих людей голубые глаза. Хотя встречаются другие цвета — в том числе и карие.

— К нам уже приходил человек с голубыми глазами, — заметил Уиландоу.

— И он не пытался войти в пещеру, так что мы отпустили его с миром, — прибавила Гилкриста.

Солдат почувствовал, как его охватывает гнев.

— Наверняка это был мой заклятый враг. Тот самый человек, что последовал за мной из другого мира и жаждет моей смерти.

Уиландоу сказал:

— Мы знаем некоторые обычаи и традиции твоего родного мира — коль ты и впрямь явился оттуда, как утверждаешь. Гилкриста задаст тебе вопрос. Если ответишь правильно, мы пропустим тебя в пещеру. Но если допустишь хотя бы одну ошибку — умрешь. Ты готов поставить на кон свою жизнь? Другие рыцари отказываются. Они убегают прочь в великом страхе, хотя мы кричим им вслед: «Трус!», надеясь, что они устыдятся и повернут назад. Ты тоже трус, воин? Все ли рыцари таковы?

— Это ваш вопрос?

— Разумеется, нет, — пророкотала Гилкриста. — На этот вопрос нет однозначного ответа — только субъективное мнение.

— Задай же ему вопрос, Гилкриста.

— Слушай. В твоем мире существует обычай охоты с хищными птицами. Ты должен перечислить по рангам дворян и простолюдинов и указать, кто из них с какой птицей охотится. Кто с орлом, кто с ястребом, кто с соколом. Не торопись. Ты можешь думать хоть годы, если потребуется. Мы не торопимся. Но смотри не ошибись. Мы осведомлены о ваших обычаях, синеглазый, и если ответ будет неверным, мы тотчас же об этом узнаем.

— Вы имеете в виду, — сказал Солдат, стараясь унять бешено бьющееся сердце, — что только король, к примеру, имеет право охотиться с кречетом?

— Именно. Но ты пропустил одну ступень. Начал не сначала. Или же, если ты начал с конца, то забыл множество рангов. Не пойму, считать ли это ошибкой, — протянул зеленый дракон, оборачиваясь к красному. — Что скажешь, сестра? Не пора ли его убить?

Последовала длинная пауза. Сердце Солдата готово было выскочить из груди. Затем второй дракон ответил:

— Полагаю, он просто привел пример. Теперь, синеглазый, ты можешь начать сверху перечня и двигаться к концу. Но больше не ошибайся.

— Спасибо, — пробормотал Солдат.

— Отвечай! Хватит мямлить, — хором сказали драконы.

— Да, да. Скажу. Сперва идет император. Он имеет право охотиться с орлом или грифом.

— Хорошо, — воскликнула Гилкриста. — А дальше?

— Король и его кречет. Принцы, герцоги и графы имеют право на одну и ту же птицу — сапсана. Рыцарь, само собой, охотится с балобаном, а его оруженосцу положен ланнер. Дама рыцаря охотится с ястребом... — Что же дальше? Мозг Солдата готов был закипеть от мысленных усилий. Кто дальше? Может, йомен? Он не мог припомнить. В конце концов, прошли годы... Да, йомен. Впрочем, кажется, он кого-то пропустил. Но кого?! Нет-нет, после оруженосца и дамы следует йомен. Наверняка.

— Не торопись, — сказал Уиландоу. — Нет нужды спешить. Время для драконов подобно спелому фрукту. Мы смакуем его.

— Я думаю... Нет, погодите... следом идет паж. Он охотится с чеглоком!

— Отлично! — вскричала Гилкриста. — Ты чуть не забыл пажа, верно?

— Да, признаю. Но потом вспомнил о чеглоке и соотнес его со званием...

— Прекрасно. Однако перечень не завершен, — сказал Уиландоу. — Там есть еще птицы.

— Да. За пажом следует йомен, который охотится с ястребом-тетеревятником. Затем священник, чья птица — ястреб-перепелятник. Вслед за ним идет служка; ему разрешен самец той же птицы, с которой охотится священник. Он называется маскет.

— Ого! Этих сведений мы и не ждали, — сказал Уиландоу.

А Гилкриста добавила:

— Верно. Мы и не подозревали, что маскет — название самца ястреба-перепелятника. Каждый день узнаешь что-нибудь новенькое, верно? Но перечень не завершен. Думаю, ты и сам это знаешь. Так что продолжай.

Сердце Солдата снова бешено заколотилось. Перечень не завершен... Что же там дальше? Будучи рыцарем, он не слишком-то интересовался людьми, которые были ниже его по положению, — и их птицами... Еще один? Или двое? Он ощутил острое разочарование.

Неужели все зря? Лучшее, что он мог сделать, — еще раз перебрать всех птиц и вспомнить, кого упустил из виду. Птиц он знал лучше, нежели человеческие титулы. Итак: орел, гриф, кречет, сапсан, балобан, ланнер, ястреб, чеглок, ястреб-тетеревятник, ястреб-перепелятник, маскет... Какие еще бывают хищные птицы? Луни, коршуны и ястребы-рыболовы вроде скопы не использовались на охоте. Так же, как и канюки. Но больше никого нет... Или есть?..

Солдат лихорадочно думал, и в этот момент из-за деревьев донесся звук, который он слышал неоднократно. «Ки-лик!» — кричала птица. А потом: «Ки-ки-ки!» Солдат не сомневался, что это Ву помогает ему, имитируя крик птицы. Он покрылся холодным потом, поняв, что начисто позабыл о пустельге. Он едва не расстался с жизнью — а все потому, что птица, которую он силился припомнить, была такой же привычной и обыкновенной, как зяблик или голубь...

Гилкриста сказала:

— Тебе повезло.

А Уиландоу прибавил:

— Несказанно повезло. Надеюсь, ты не мошенничал, Солдат. С мошенниками у нас разговор короткий...

— Вы имеете в виду пустельгу, которая крикнула там, в лесу? Да, да, невероятная удача.

Во имя всего святого! Откуда Ву мог знать, что последней птицей в перечне была пустельга?..

— Итак, дорогие мои стражи-драконы, последним номером списка идет слуга, простолюдин, которому дозволено охотиться с пустельгой. Вы довольны моим ответом? Могу ли я теперь войти в пещеру?

— Да, испытание окончено. Проходи, — сказал красный дракон.

— Будь нашим гостем, — прибавил зеленый.

— Ну вот, какая досада! — разочарованно пробубнила старуха, раскалывая старый череп словно кокос. — А ведь у него такие замечательные кости!

— Есть ли внутри пещеры или в подземном озере еще какие-нибудь опасности? — спро́сил Солдат.

— Кто знает... — отозвался Уиландоу.

— Существует только один способ выяснить, — прибавила Гилкриста.

— И на том спасибо, — пробормотал Солдат.

Внезапно из-за деревьев донесся еще один звук. Это был крик чеглока Элеоноры — *кейя,* — более резкий звук, чем крик пустельги. Солдат вознес благодарственную молитву богам за то, что Ву

не сымитировал сперва Элеонору. Иначе он лежал бы сейчас на земле, сраженный ударом дракона...

Солдат шагнул сквозь занавес из позвонков и вошел в пещеру. Здесь отцепил от пояса огниво, высек искру и поджег припасенную вязанку. В свете факела он принялся рассматривать пещеру. Отблески пламени плясали на стенах, но никакого иного движения Солдат не приметил. Обнадеженный, он направился в глубь коридора и вскоре обнаружил ступени, высеченные в скале и ведущие вниз. Солдат шагнул на лестницу, надеясь, что та приведет его к подземному озеру.

Никто не встретился ему на пути, и Солдат без помех добрался до каменистого плоского берега подземного озера. Вода была холоднее льда. Солдат разделся до пояса, размышляя, как разыскивать меч в огромном глубоком водоеме. Прежде чем нырнуть, он поднял над водой факел и поводил им над озером. Вода оказалась невероятно чистой; озеро просматривалось до самого дна. Приглядевшись, Солдат сумел рассмотреть в глубине вод нечто блестящее... Неужели его пропавший клинок?

— И почему у этого озера нет хозяйки? — пробормотал он. — Ведь существует же Леди Озера, которая возвращает потерянные мечи.

Но Леди помогает королям, а не простым рыцарям. Рыцарям приходится добывать мечи самостоятельно.

Внезапно Солдат заметил серебристую тень, промелькнувшую в толще воды. Гибкое тонкое тело ярдов пятидесяти в длину с мощными плавниками. Змей развернулся и скрылся во тьме, направляясь к дальней оконечности озера.

Солдат вздрогнул. Наивно было полагать, что препятствий больше нет. В озере обитала огромная водяная змея; возможно, не одна. Солдат наблюдал за чудовищем, отсчитывая секунды.

Чуть погодя монстр появился снова. На этот раз Солдату удалось рассмотреть его голову, которая, казалось, состояла из двух огромных глаз и вытянутых челюстей, усаженных зубами. По всей длине спины чудища шел позвоночный гребень с острыми позвонками. Второй такой же гребень располагался на брюхе. Чудовище повернуло назад, достигнув каменистого шельфа, и исчезло из виду, скользнув в темноту.

Солдат продолжал наблюдать. Казалось, здесь только одно чудовище, и это не могло не радовать. Прикинув, сколько времени потребовалось змее, чтобы пересечь озеро, Солдат решил, что он не успеет достать Кутраму и вернуться на берег прежде, чем монстр нападет на него.

Он заглянул в воду. Под выступом скалы располагалась ниша, где можно было укрыться. Главное — задержать дыхание и дож-

даться, когда змея развернется и уплывет. Впрочем, выбора не оставалось. Если не повезет... Что ж, об этом лучше не думать. Солдат закрепил факел между двух сталагмитов — так, чтобы он освещал воду.

В следующий раз, когда змея развернулась и скользнула в тень, Солдат нырнул. От холода у него перехватило дыхание. Он надеялся, что мышцы не сведет судорогой, поскольку это обозначало неизбежную смерть. Он греб руками и ногами, спускаясь все ниже. Десять секунд. Пятнадцать. Далеко ли до дна? Легкие обжигало точно огнем. Двадцать секунд. Двадцать пять. Яркое лезвие было ближе и ближе. Казалось, оно танцует от возбуждения, стремясь вновь обрести хозяина.

Еще десять секунд. Теперь Солдат преодолевал сопротивление воды, выталкивавшей его на поверхность. Он протянул руку и схватил меч за эфес. Да! Он сделал это! Однако Солдат не мог долее оставаться под водой; необходимо было глотнуть воздуха, иначе его легкие разорвались бы. Он рванулся вверх, направляясь к свету. Движение воды сказало ему, что змея возвращается: он видел над собой серебристое тело. Однако Солдат держал в руке Кутраму и был готов защищаться. Если монстр преградит ему путь, он ударит змею мечом под нижнюю челюсть и пронзит мозг.

Однако змея просто заложила очередной вираж, скользнула мимо гладкого скального камня и снова исчезла в тенях. Она словно дикий зверь, запертый в клетку, кружила по озеру. Казалось, у нее не было никакой иной цели, кроме как продолжать движение.

Солдат выскочил на поверхность и втянул воздух; голова закружилась от мощного притока кислорода. Он рухнул на каменный берег и некоторое время лежал на спине, приходя в себя. Солдат больше не чувствовал холода: его охватил жар возбуждения. Он добыл меч. Слово «Кутрама» было выгравировано на лезвии. Меч подрагивал в его руке, будто приветствуя хозяина. Они снова были вместе!

Отправляясь в пещеру, Солдат отдал Синтру на сохранение Ву. Одевшись, он снял с факела нагар и отправился в обратный путь. Драконы у входа едва обратили на него внимание: Гилкриста бросила косой взгляд, Уиландоу едва слышно фыркнул. Солдат полагал, что достоин похвалы за свои подвиги, но драконы наверняка и не такое повидали за свою долгую жизнь. Они убедились в том, что Солдат — истинный хозяин меча; их миссия была выполнена.

Старуха слегка махнула ему, словно говоря: «Не бери в голову, может, в другой раз?», и смотрела вслед, пока Солдат шел к опушке леса.

Ву пришел в восторг.

— Ты преуспел! Я и не надеялся, что у тебя что-нибудь получится, Солдат. Много раз я посылал людей в эту пещеру, и ни один из них не вернулся.

— Ты спас меня, когда крикнул пустельгой, — признал Солдат. — Иначе бы мне не выжить. Хотя, пожалуй, чеглок Элеоноры был ни к чему.

Ву недоуменно взглянул на Солдата. Тот вздрогнул.

— Что? Хочешь сказать, это не ты подражал птичьим кликам? Тогда кто же?

— Не он, не он, — раздался голос из ветвей. Он прозвучал столь неожиданно, что друзья подскочили на месте. — Это был я.

Над головой псоглавца восседал ворон...

— А ты как думал? — проговорил он насмешливо. — Или ты всерьез полагаешь, что человек может столь безукоризненно сымитировать птичий крик? Чушь! На такое способна только другая птица. Например, я... Кабы не моя помощь, драконы уже сделали бы из тебя фарш. Они терпеть не могут мошенников. Через пару дней твоя грудная клетка пахала бы гномскую свеклу.

— Я в долгу перед тобой, ворон, — сказал Солдат. — Но к чему был чеглок Элеоноры?

— А! Это для того, чтобы заставить тебя немного понервничать. У нас с тобой такие противоречивые отношения. Иногда ты мне нравишься, а временами я тебя просто ненавижу. Вот и сейчас...

— Если я подпрыгну, то успею схватить эту птицу зубами, прежде чем она улетит, — сказал Ву, сузив глаза. — Хочешь я перекушу ее пополам?

— Не надо, — утомленно отозвался Солдат. — Ворон прав: в прошлом мы часто помогали друг другу, а зачастую взаимно доставляли неприятности. Оставь, пусть его... А сейчас я должен вернуть меч в ножны. — Он взял Синтру из рук Ву и с чувством глубокого удовлетворения вставил в них Кутраму.

И в тот же миг ножны начали петь. Это не походило ни на одну песню из тех, что Солдат слышал ранее. И впервые ему удалось разобрать все слова. Вскоре и остальные начали понимать, о чем поет Синтра. Это была история рыцаря. Солдат наконец узнал, кто он и откуда пришел. Сведения эти ошеломили Солдата и повергли его в ужас. Прежде ему виделись сны, но они были отрывочными, невнятными и не позволяли составить целостную картину. Солдат знал о крови и резне. Он был осведомлен о многих злых деяниях, однако не понимал, кто совершил их и почему. Люди, о которых рассказывалось в песне, все поголовно были злодеями и вели неправедную, бесчестную войну. К великой своей печали, Солдат

узнал о множестве поступков, которых ему следовало стыдиться. До сих пор он помнил, что сердце его полно ненависти и горечи, которые временами выплескивались наружу с ужасной, безостановочной жестокостью — например, в тот раз, когда он убил сородича Ву псоглавца Вау.

Ты — рыцарь Валехор, — пели ножны. — *Испокон веков ты вел кровавую войну со своими ненавистными врагами Драммондами. Приграничные кланы — Драммонды и Валехоры — убивали и убивали друг друга, и вот однажды Драммонды лишили жизни твою невесту, прекрасную Розалинду, и бросили ее — окровавленную, в подвенечном платье — лежать среди снегов. Ты, сэр Валехор, вышел в поход со своими людьми и охотился на Драммондов, пока не поймал их в ловушку в долине, где уничтожил без жалости. Ненависть и ярость управляли твоим рассудком.*

То была жуткая резня; имя твое проклято тысячу раз. Кровью окрасился белый вереск и завял шиповник. Звери в ужасе бежали и птицы больше не вьют там гнезд. Погибли все, кроме единственного человека. Последний из Драммондов скрылся и дал страшную клятву отомстить за все зло, которое причинили его клану мечи Валехоров.

Драммонд возвысился до правой руки короля, который закрывал глаза на вашу войну. «Междоусобицы рыцарей, — говорил король, — не касаются трона». Король не вмешивался — и не имело значения, сколько прольется крови.

Были еще сражения между тобой, Валехор, и Драммондом с его сторонниками. В одной из подобных битв погибла невеста Драммонда. Око за око, невеста за невесту. Это была случайность, ибо невеста облачилась в доспехи и дралась как мужчина. Ты принял ее за рыцаря и сразил. Однако Драммонд не стал слушать твоих объяснений. Им владела жажда мести. Смерть стала единственным его устремлением. Твоя смерть. Смерть последнего Валехора... Вскоре после гибели невесты Драммонд убил короля и захватил трон. Вот как все происходит. Человек ищет смерти врага, пусть даже ему пришлось последовать за ним в другой мир...

— Драммонд здесь, — прорычал Солдат. — Драммонд пришел следом за мной, когда меня выдернули из битвы и перенесли в этот мир.

Драммонд мог прийти сюда первым, а ты — преследовал.

— Возможно. Это не имеет значения. Я должен найти его...

— И положить конец этой ужасной вражде! — воскликнул Ву. — Солдат, подумай! Ты был непримиримым врагом людей-собак и некоторых прочих существ этого мира, но ты всегда бился честно. Единственный раз, сойдясь с моим сородичем Вау, ты перешагнул черту, потому что в глубинах твоей памяти таилось знание о причиненном тебе зле — убийстве невесты. Вау изуродовал

красоту женщины, которую ты любил всем сердцем, и ты взялся отомстить. Твое деяние можно если не одобрить, то хотя бы понять. Теперь все будет иначе. Две невесты мертвы, две семьи уничтожены под корень. От каждого клана осталось по одному человеку... Довольно! Забудь этого Драммонда. Живи своей жизнью.

Ву произносил правильные слова. Но Солдат по-прежнему чувствовал непреодолимое желание погрузить свой меч в тело последнего Драммонда. Тогда все будет кончено... И только лишь тогда?.. Он представил себе смерть Драммонда и осознал, что не испытывает больше ни гнева, ни сладостного желания мести. Их заменили тревога и горечь. Отчасти Солдат злился на себя. Зачем он позволил всепоглощающей ярости и жажде мести овладеть своим разумом? Вина давила ему на плечи тяжелой ношей. И по-прежнему тихий голос спокойствия был его единственным убежищем от боли и несправедливости. Он не сумеет ни простить, ни забыть — но ему должно отойти в сторону. Отставить месть. Отринуть жестокость, которая подпитывала вражду, превращаясь в дикий огонь, в пытки и убийства.

— Ты приближаешься к правильному решению, — сказал ворон. — Оставь все как есть, Солдат. Оставь все как есть.

Солдат поднял голову.

— Ты знаешь, о чем я думаю?

— Предполагаю, — отозвалась птица. — Читаю выражения твоего лица. Они неплохо отражают твои мысли. Вы, люди, прозрачны. Верно, Ву?

Псоглавец выразительно кивнул:

— Да. Читать нетрудно.

— Но Драммонд где-то здесь, и он ищет моей смерти, — проворчал Солдат. — Что же, я должен стоять столбом, когда он явится убивать меня?

— Если он нападет, ты, разумеется, будешь защищаться, — сказал Ву. — Но не плоди жестокость. Каждый человек имеет право на самооборону, однако не надо искать врага и подстрекать его. Помни, что он где-то здесь, будь осторожен — не более того.

Внезапно Солдат ощутил укол досады. Ему показалось, что Ву лицемерит.

— И это мне говорит человек-пес? Вы — грабители, мародеры, насильники! И как же после этого понимать твои слова? Вы живете тем, что совершаете набеги на фермы и нападаете на путников. Вы собираетесь огромными стаями и атакуете человеческие города. Так какое же ты имеешь право читать мне лекции о недопустимости жестокости?

— Все, что ты говоришь, — правда. Среди вождей наших кланов есть и такие, кто следует путем ханнаков. Ханнаки не в силах противостоять своей натуре. У них мозги крыс. Они обладают человеческими телами, но их интеллект — не выше акульего. В сравнении с ними мы очень смышленые существа, однако и у нас есть проповедники варварства как единственно возможного образа жизни. Я не ищу оправданий ни для них, ни для себя лично. Но ты вызвал мое уважение и восхищение, Солдат, и я хочу дать тебе добрый совет. Один раз ты превратился в дикого зверя и позволил кровожадности затмить твой разум. Не делай так впредь. Иначе — я уверен — горько пожалеешь.

Солдат вздохнул и начал седлать лошадь.

— Ты прав. Вы оба правы. Я ношу с собой меч, но это честный клинок солдата, а не оружие преступника и убийцы. Человек должен жить в согласии с правилами, с законами, иначе его засосет трясина жестокости и злобы. Я по-прежнему готов сражаться и воевать: мы еще не прогнали Гумбольда из Зэмерканда. Но если мне придется биться, то по нужде, а не по желанию. Я вызову на переговоры властителей Зэмерканда. Я постараюсь урегулировать вопрос мирным путем. Если город примет Гумбольда, я смирюсь. Я не стану нарушать законы двух земель и атаковать город с армией карфаганцев. — Он посмотрел на ворона и псоглавца. — И я позабуду о Драммонде. Для меня он уже мертв.

— Хорошо... отлично! — сказал Ву, в свою очередь принимаясь седлать лошадь. — Итак, теперь у тебя есть имя. Валехор. Ты хочешь, чтобы мы называли тебя именно так?

Солдат подумал немного, а затем отозвался:

— Нет. В этом мире я известен как Солдат. — Он усмехнулся. — Это имя овеяно славой. Валехор же здесь — никто, а я пока что не собираюсь скрываться и быть никем. Солдата уважают...

— ...страшатся и ненавидят, — вставил ворон.

— Во всех семи королевствах, — закончил Солдат, пропустив слова птицы мимо ушей. — Пока ИксонноксИ не воцарился на троне Короля магов, а Зэмерканд не избавился от Гумбольда, я должен сохранить свой авторитет и власть. А их дает мое имя.

Ворон вскоре улетел. Двое товарищей остались завершать сборы. Затем они отправились в обратный путь, к развилке дорог. Одна из них вела в Зэмерканд, другая — в Фальюм.

По пути ножны, еще не завершившие песню, продолжили рассказ о жизни рыцаря Валехора. Во время одной из битв, происходивших в его родном мире, рыцарь перенесся сюда. Здесь он очнулся на теплом склоне холма, убил змею, напавшую на ворона, и встретил охотницу, которой предстояло стать его женой.

Эта жуткая схватка продолжается по сей день, — так пели ножны. — *Люди по-прежнему сражаются на болотистом вересковье.*

...На одной стороне бился Валехор, а на другой — рыцарь Драммонд, убивший короля и ставший правителем. Теперь он мог распоряжаться огромной армией. С этой ратью узурпатор пошел против рыцаря Валехора, и армии встретились на вересковой пустоши. Битва была в самом разгаре, когда два предводителя, живущие под сенью проклятия, скрестили мечи. Стоило непримиримым противникам сойтись в поединке, как наложенные на них заклинания сработали, и они оказались в ином мире. Здесь каждый пошел своим путем; враги долго жили, не подозревая о присутствии друг друга.

Драммонда выкинуло на континенте Гвендоленд. Он вернул свой поименованный меч и память прежде Валехора. Сам Валехор очнулся в Гутруме и стал Солдатом, возвысился от преступника и бродяги до генерала армии наемников, не помня ни своего истинного имени, ни прошлого. Оба имели необычный опыт. Сейчас, как и в старом мире, они встали на разные стороны: Валехор поддерживал ИксонноксИ, а Драммонд — ОммуллуммО. Казалось, сама судьба предназначила Солдату встретиться со старым врагом — если они проживут достаточно долго, чтобы скрестить мечи на поле брани...

— А что же сталось с моей бедной армией? — пробурчал Солдат. — Насколько я понял, они все еще сражаются?

Они окровавлены, но не сломлены, — пропели ножны. — *Каждый день они кидаются в битву. Многие сгинули в черном болоте. Многие умерли от болезней и ран. Но на волшебном вересковье их число не уменьшается... Они бьются — как бьются и их враги. Обе армии уже устали от бесконечных сражений. Их души в плену, их тела тяжелы как свинец. Они стонут под этим бременем. Каждый вечер воины опускаются на колени вокруг сторожевых костров и молятся о прекращении битвы. Они не стареют. Не стареют и их родные. Вечность стала часом. И армии ведут сражение — ибо верят, что выжившие вернутся домой, в свои хижины и замки.*

— Сражаются все эти годы? — простонал Солдат. — Как жутко! Они — словно в аду, и впереди их ждет вечность. Битва, которая не кончается никогда... Существует ли способ это прекратить?

Только вы с последним Драммондом в состоянии завершить ее.

— Но как?

Есть два пути: примирение или смерть.

— Смерть одного или обоих?

Сие неведомо.

— Тогда нам следует отринуть нашу старую вражду и стать друзьями, — горько сказал Солдат. — Это непросто, но иного выхода нет. Драммонд должен понять. У него тоже есть армия, есть друзья, которые сражаются в бесконечной битве. Ему тоже захочется положить конец этой войне, верно?

— Возможно, — отозвался Ву, который все слышал и был изумлен и напуган не меньше Солдата. — Будем надеяться...

Небосвод казался мирным и спокойным. Где бы ни происходили стычки между богами, колдунами и магами — небо было тем местом, где отражалось их настроение. С тех пор как магические цвета горели на небесах, эмоции несколько поутихли.

...Человек и псоглавец расстались на перекрестке дорог. Солдат направился к Красным Шатрам, где его ожидала Лайана.

Принцесса стояла на вершине холма, вглядываясь в горизонт, и выехала навстречу Солдату, едва лишь его приметила. Они обнялись и поцеловались, обмениваясь фривольными шуточками, но тут идиллия была прервана появлением их друзей. Явился Спэгг, обуянный восторгом, и попросил подержать Кутраму (Солдат, разумеется, не позволил). Приехала Велион и некоторые из боевых товарищей Солдата. За время его отсутствия, как доложила Велион, ничего не изменилось.

— С удовольствием передаю тебе командование, — сказала Велион по пути к шатрам. — Я не в восторге от этой обязанности.

— Не могла бы ты пригласить генерала Каффа на встречу? — спросил Солдат. — Пора начинать переговоры о мире.

— Переговоры о мире?! — Велион, Лайана и все прочие были поражены. — С Гумбольдом? Уму непостижимо!

— Я понимаю ваше возмущение, но за время путешествия к Семи Пикам я многое успел обдумать. Жестокости есть предел. Разумеется, любое соглашение будет означать, что Гумбольд отправится в пожизненную ссылку...

Вечером Солдат и Лайана наконец-то остались одни.

— Что с тобой произошло, муж мой? — спросила принцесса. — Ты сильно переменился с тех пор, как уехал от нас.

— Я так же безумно люблю тебя. Здесь ничего не изменилось, — ответил Солдат.

— Я не о том. — Лайана заглянула ему в лицо. — Твои глаза по-прежнему светятся любовью. Но ты странно тих и задумчив... И эта невероятная идея о перемирии с Гумбольдом... Я не ожидала такого поворота. Что-то случилось. Дело в мече? — Она кивнула на клинок, лежащий на табурете возле кровати.

— Отчасти да. Когда я вернул меч, Синтра, мои ножны, начали петь. Ты же знаешь: раньше они пели, когда мне угрожала опас-

ность. И я не понимал слов. Однако на этот раз все было иначе. Они пели — но не предупреждая, а рассказывая о моей прежней жизни в старом мире...

— Хм-м... Стало быть, к тебе вернулась память? Завидую.

— Нечему завидовать. Я мог бы рассказать тебе историю твоей жизни! В ней не было ничего, кроме доброты, самопожертвования и любви. А моя история отвратительна. В родном мире я был кровожадным варваром. Я уничтожил целый род, я загнал всех в могилы. О да, они сделали то же самое с моей семьей, они убили мою молодую жену сразу после свадьбы... Но какое это имеет значение? Я мог бы примириться с ними, мог прекратить кровопролитие. Вместо этого я продолжал преследовать несчастных людей, уничтожать их без различия пола и возраста. Ах если бы только я согласился на мир, моя жизнь была бы совершенно иной...

— А можно ли верить этой песне? В конце концов, ножны — не живое существо. Не исключено, что они просто повторяют слова, некогда вложенные в них неизвестно кем.

— Кутрама и Синтра были плотью и кровью, прежде чем стали оружием. У них есть душа — как и у нас с тобой.

— И тем не менее. Можно ли верить песне?

— Да, любовь моя. Это правда. Теперь, когда ко мне вернулась память, я сознаю, что так оно все и было. Воспоминания облекли смыслом мои сны. Да будет тебе известно, любовь моя, что я — рыцарь, прозываемый сэр Валехор. Жестокий и кровожадный человек, чья слепая ярость стала причиной войны. В прошлой жизни я был хладнокровным убийцей. На моих руках кровь Драммондов. Я вырезал под корень весь их род, и в этом мире меня преследует последний из клана... Хотя кто кого преследует? Он меня или я его? В любом случае этот человек жаждет моей смерти.

— Довольно разговоров об убийствах, любимый. Я вижу, они тебя печалят. Успокойся. Иди сюда. Сядь на эту шелковую подушку возле меня, и я положу руку на твой разгоряченный лоб. Станет легче. Вот так...

Лайана гладила его по голове, и это действительно помогало. Лихорадочное возбуждение покинуло Солдата. Он расслабился и даже выпил вина. А Лайана продолжала говорить мягким, нежным голосом:

— Сэр Валехор? Благородное имя. Гораздо благороднее, чем Драммонд. Он родом из той же страны, что и ты?

— Да. Мы были родичами. Едва ли не кузенами. Главы двух разных кланов из приграничных земель, мы не принадлежали ни той, ни другой стране. Мы были верны северному правителю, хотя

и южный владыка мог призвать нас на службу, если бы начал войну. И до тех пор, пока эти короли не воевали друг с другом, мы были предоставлены сами себе. В моем мире приграничные кланы зачастую живут грабежами и набегами, как здешние люди-звери и ханнаки. Местный правитель посвятил нас обоих в рыцари — меня и главу клана Драммондов — в надежде, что мы станем более цивилизованными. Разумеется, этого не произошло. Мы просто нашли новое оправдание своим усобицам.

— Понятно. Но это все в прошлом. И ты не сможешь вернуться туда, даже если захочешь.

— Твоя правда. Теперь я стал совсем другим человеком и начал новую жизнь.

— Вот именно. А я буду называть тебя Солдатом, а не Валехором. Ибо Валехор для меня ничто, а ты — мой возлюбленный муж.

Она понимала его лучше, чем он сам, — эта женщина, принцесса из иномирья. Лучше, чем те, кто жил на его родине...

Они лежали на шелковых простынях и разговаривали до самого утра. Они не занимались любовью, ибо сейчас это было не к месту. Они говорили друг с другом и думали, как жить дальше. Да, они обнимали друг друга и держались за руки, но не более того. На рассвете они наконец-то уснули. В полдень их разбудила Велион.

Приподняв полог шатра, Велион резко проговорила:

— Пора вставать. Кафф пришел.

Солдат надел лучшие сандалии и золотой нагрудник, который ему выдали правители Карфаги в качестве символа генеральской должности. Меч, ножны и шлем он оставил в шатре, желая продемонстрировать мирные намерения.

Кафф в сопровождении эскорта имперских гвардейцев стоял возле водосточного желоба. Лицо генерала Зэмерканда было лишено малейших эмоций, но время от времени Кафф оглядывался по сторонам, словно ожидал коварного нападения.

— Генерал Кафф! — сказал Солдат, протягивая руку. — Я рад, что ты пришел. Не надо бояться: мои воины не ударят в спину. Мы сражаемся только в открытую, и честь Красных Шатров да будет в том порукой.

— Что все это значит?— подозрительно спросил Кафф. Ястреб, вправленный в его запястье, вскрикнул и замахал крыльями. — Я тебе не доверяю.

— Что — все?

— Твое подхалимство. И обращение «генерал Кафф». И сладкозвучные речи...

— Пришло время говорить о мире, — ответил Солдат. — Я устал от убийств и смертей, я готов предложить переговоры. Мы со-

храним прежний статус. Карфаганцы останутся армией наемников, которые будут защищать стены Зэмерканда. Горожане откроют ворота, и осада закончится. Единственное мое условие: Гумбольд должен быть смещен. Никаких казней и арестов. Город присягнет на верность королеве Лайане и тем придворным, которых она назначит.

— И только-то? Ничего больше?

— Только одно: Гумбольд должен уйти. Мы согласны отпустить его и не преследовать. Однако мы настаиваем на том, чтобы он покинул Зэмерканд и обязался никогда не возвращаться. Кроме того, он должен дать слово, что не станет нанимать армии и присоединяться к вражеским войскам, действующим против Зэмерканда. Не знаю, много ли значит его клятва, но надеюсь, она удовлетворит моих капитанов...

Речь Солдата перебил крик с городской стены. А через секунду его подхватила охрана на сторожевых башнях Красных Шатров:

— Орда идет! Зверолюди!

Среди свит обоих генералов возникло замешательство, хотя сами предводители сохраняли спокойствие. Они были весьма и весьма опытными воинами и приучили себя не поддаваться панике. Им требовалось некоторое время, чтобы оценить ситуацию, прежде чем отдавать приказы.

Солдат заговорил первым. Он обратился к часовому на ближайшей башне:

— Они вооружены?

— Да, генерал.

— Как они несут оружие? — спросил Кафф.

Стражник сделал вид, будто не слышит вопроса, но Солдат распорядился:

— Ответь ему.

— Оружие не наготове, господин генерал... господа генералы. Они не собираются атаковать. Мечи убраны в ножны, копья повернуты остриями к земле. Они приближаются шагом, а не галопом.

— Сколько их? — спросил Солдат.

— Примерно тысяча, — отозвался человек на смотровой башне. — Возможно, чуть больше. Теперь я вижу яснее... Единственный клан. Псоглавцы.

Солдат кивнул.

— Нет повода для беспокойства. Мой друг Ву привел воинов своего племени. Дождемся, пока они явятся сюда, а затем ты дашь мне ответ, генерал Кафф. Сдается мне, так будет лучше. Я не знаю, зачем они пришли, но предположить могу. Ты подождешь?

— Не много ли чести для блохастого псоглавца? — Лицо Каффа окаменело. — Ты меня изумляешь, Солдат. Мы с тобой враги, верно, но у тебя нет более нетерпимого противника, нежели людисобаки. Что ж, может, оно и к лучшему. Тебе представляется великолепный шанс уничтожить цвет их воинства прямо под стенами Зэмерканда.

Солдат пропустил его слова мимо ушей. Он отдал приказ не атаковать людей-собак и пропустить их в лагерь. Карфаганцы занервничали; несколько капитанов самолично явились к Солдату, дабы оспорить приказ, но он оставался тверд. Если бы люди-собаки собирались нападать, говорил Солдат, они явились бы большим числом и привели своих союзников-ханнаков.

— Мы примем их. — Таково было его последнее слово.

Действительно, во главе воинов-псов ехал Ву. Он издалека прокричал приветствие и попросил встречи с главнокомандующим. Солдат пригласил его внутрь. Ву оставил свое войско за пределами лагеря Шатров, что несколько успокоило встревоженных капитанов.

— Ах, — сказал Ву, спешиваясь и пожимая руку Солдата, — извини меня за высунутый язык. Скачка была долгой.

— Дать воды?

— Нет — до тех пор, пока мои воины тоже не смогут напиться. Прежде всего я хочу поблагодарить тебя и признать, что ты сдержал свое слово. Плотники работают на совесть, два зернохранилища скоро будут готовы. Они великолепны, каждое из них в десять раз больше обычного амбара. Мне сказали, что в стропила уже заложили ветку, как того требует гутрумская традиция. Нам прислали зерно, семена и плуги. Приехали два опытных фермера. Все хорошо, друг мой, и мы очень довольны.

— Я рад. Фермерство — не такое славное занятие, как война или охота, но в конечном итоге приносит больше удовлетворения.

Солдат распорядился, чтобы воинам-псам вынесли бурдюки с водой. К отвращению Каффа, Ву принялся лакать прямо из позеленевшего желоба для лошадей. Затем он оглядел присутствующих.

— Я прибыл не вовремя? — спросил он Солдата. — Или наоборот, кстати? Это посланник города?

— В какой-то мере, — пробурчал Кафф.

— Хорошо. Потому что я прибыл, дабы разрешить проблему моего друга. Генерал, — обратился он к Солдату, — ты не имеешь права войти в Зэмерканд с карфаганскими войсками и выгнать самозваного короля, однако нигде не сказано, что нельзя использовать другую армию. Мои бойцы в твоем распоряжении. Их всего одиннадцать сотен... — стражник на башне услышал эти слова и

удовлетворенно кивнул, — ...но ты хорошо знаешь этот город и его слабые места. Так что под твоим руководством мы сможем взломать ворота и ворваться на стены. Я велел воинам убивать только имперских гвардейцев и оставить в покое горожан. — Ву вздохнул. — Это будет для них непросто, ибо они привыкли грабить захваченные города, губить всех жителей, поедать младенцев, жечь библиотеки, дворцы и школы. Воинам-псам нравится хороший пожар... Тем не менее они согласились следовать моим приказам и будут резать только тех, кто одет в мундир. Пара-другая книг может пострадать, однако по большей части город останется в целости, а население — нетронутым.

— Это необычайно щедрое предложение, Ву, — сказал Солдат. — Я тронут.

— На голову ты тронут, — проворчал Кафф. — Неужто и впрямь веришь, что эти животные сдержат слово?

— Я доверяю своему другу — и поболее, чем тебе! — рявкнул Солдат. — А теперь послушай меня: ты передашь наши условия своему королю. Он должен покинуть город нынче же ночью. Ему дозволяется взять с собой двух людей, трех лошадей и багаж. И там не должно быть украшений или драгоценностей. Только одежда, вода и еда. Если Гумбольд не уберется из Зэмерканда, утром мы начнем штурм.

Кафф кивнул, и Солдат заметил на его лице выражение замешательства. Он надеялся, что не ошибся. Солдату не хотелось атаковать город. Вдобавок он не знал, сумеет ли взять его со столь малым числом воинов. В конце концов, люди-звери и ханнаки долго осаждали Зэмерканд, так и не проломив его стен. Действительно, Солдат знал слабые места в обороне города и верил, что он — лучший командир, чем любой из зверолюдей и ханнаков. Тем не менее задачу никоим образом нельзя было назвать легкой. Лучше, если Гумбольд уйдет сам.

Лагерь карфаганцев гудел от новостей. Люди-собаки расположились в каких-то двухстах ярдах от их собственных красных шатров. Ничего себе дела! Любопытные солдаты выходили посмотреть на противника и встречались с не менее любопытными воинами-псами. И те, и другие, разумеется, видели друг друга раньше — но только в пылу сражения, ощетинившись смертоносным железом. Теперь же непримиримые когда-то противники спокойно бродили между лагерями, глазея друг на друга.

Солдат вознамерился отвести Ву обратно в шатер, но тут ему в голову пришла новая мысль.

— Я бы хотел познакомить тебя со своей женой. Только прошу тебя не обижаться, если она отреагирует слишком резко...

— ...Из-за моего сородича Вау, — кивнул Ву. — Я понимаю.

Однако принцесса ничего не помнила о том ужасном событии. Появление человека-пса стало для нее неожиданностью, не более того. Лайана приняла Ву без малейших признаков враждебности, предложила ему еду и питье, указала место, где он мог отдохнуть, и поблагодарила за помощь в поисках Кутрамы.

— Не стоит благодарности, — ответил Ву. — Мне было приятно оказать услугу. Именно услугу... то, что я делаю по собственной воле, а не по приказу хозяина — как раболепствующие шавки.

— Понимаю. Я никогда не думала об этом раньше, но вы в чем-то правы. Подобное поведение собак должно вызывать у вас презрение.

Ву пожал плечами:

— Они полностью собаки, мы — отчасти.

— Вы великолепно владеете нашим языком, — похвалила Лайана. — Мне казалось, что псоглавцы и вообще все зверолюди испытывают определенные трудности по этой части.

— Я путешествовал в компании вашего мужа. Освоить грамматику и набрать словарный запас — не такое уж сложное дело.

— Да, конечно. Простите. Всему виной мои предубеждения. Никто из людей не сумел бы так быстро освоить чужой язык.

Ву пожал плечами. Весь его вид словно говорил: «Ну что ж, в некоторых сферах жизни мы вас превосходим...» Ву и Лайана еще немного пообщались. Затем подоспел ужин, состоящий из мяса дикой птицы, меда, вина, чая и кофе, а после Ву вернулся к своему клану. Солдат позволил людям-псам разбить лагерь, обеспечил их едой и питьем.

Многие карфаганцы, в особенности новоприбывшие рекруты, не могли прийти в себя от изумления. Они бродили по краю лагеря и разглядывали людей с собачьими головами, сидящих вокруг костров, натягивающих палатки и занимавшихся множеством обыкновенных, повседневных дел, привычных и для самих наемников.

Один молодой карфаганец спросил ветерана:

— А что, люди-псы и вправду едят сырое мясо?

— Едят иногда. При необходимости. Но, как правило, они его варят, жарят или тушат. Приготовленное мясо проще переварить: ведь желудки-то у них человеческие. Прежде чем ты задашь следующий вопрос, отвечу и на него: да, овощи они тоже едят. И рыбу. И птицу. И хлеб. Все те продукты, которые жрем мы с тобой. Не так уж сильно они от нас отличаются, если вдуматься...

— Но они воют! И я сам слышал, как они выли.

— Да. А еще они лают, визжат и скулят. Зато дерутся не хуже любого карфаганца, хотя и действуют несколько безрассудно. Их

губит неорганизованность. У людей-псов нет никакого понятия о дисциплине... Они бросаются на врага... то есть на нас... всей ордой. До сих пор мы побеждали только благодаря талантливым командирам. Воинские навыки здесь ни при чем...

— Они так и не научились быть армией?

— Верно. А если это произойдет — боги, храните наши души!

Тем временем в городе происходили не менее важные события. Генерал Кафф обратился к имперской гвардии, пытаясь понять, насколько далеко простирается их преданность королю.

В государствах этого мира власть по большей части принадлежала королям и королевам, тиранам и деспотам. Они правили странами и определяли политику. Был один маленький остров под названием Хеллест, где народ выбирал себе короля, меняя его каждые три года. Однако столь причудливый политический строй не одобрялся нигде за пределами этого крошечного государства. В основном люди становились королями по праву рождения или же правители назначали себе преемников. Бывали плохие короли; бывали хорошие короли... Что до Гумбольда, то он, несомненно, относился к первой категории. Гумбольд злоупотреблял своей властью, издавал жестокие законы, рубил головы направо и налево, делал что хотел, не прислушиваясь к мнению горожан. Вдобавок он совершил самое отвратительное из всех преступлений, на которые только способен монарх: стремился стать земным богом.

Подобное поведение не добавляло ему популярности — в том числе и среди военных. Да, Гумбольд заботился об армии; солдаты обладали особыми привилегиями по сравнению с другими горожанами, получали большое жалованье и могли свободно кутить в кабаках и тавернах города. Однако это делал для своей армии любой правитель, и во времена прежней королевы солдаты имели то же самое. Поэтому, стоило Каффу заикнуться об изгнании узурпатора, большая часть воинов тут же ответила согласием, а остальные попросили время подумать. Никого из них не вдохновляла перспектива долгой осады, сопровождаемой голодом, эпидемиями и прочими напастями, какие обычно обрушиваются на осажденный город. Когда солдаты узнали, что наказания не последует, что единственная их задача — выгнать взашей одного-единственного выскочку, судьба Гумбольда была решена. Имперская гвардия с большим энтузиазмом отправилась во Дворец Птиц, дабы изгнать короля.

Кафф встретился с Гумбольдом в его спальне. Монарх сидел на кровати, облаченный в шелковую ночную сорочку, и сжимал в руках изукрашенный каменьями меч — символ королевской власти.

— У меня есть знак власти, — сказал он Каффу. — А ты, предатель... ты должен согнуться перед ним... согнуться передо мной.

Кафф шагнул вперед и здоровой рукой выдернул меч из пальцев старика.

— Пора отправляться в путь. Скатертью дорожка. Я мог бы пристукнуть тебя здесь и сейчас — и никто не заплакал бы. Даже эта парочка...

Кафф имел в виду двух сестер, которые делили постель с королем. Девушки быстро сообразили, куда дует ветер, а потому собрали одежку и удрали из спальни. Гумбольд стоял с разинутым ртом, созерцая их бегство. Его предали! Его предал собственный генерал и собственная армия!

— Мои друзья! — простонал он.

— Твои друзья? — выплюнул генерал. — Вернее сказать, твои прихвостни... Игра окончена. Пора убираться. Можешь взять с собой двоих слуг... — И Кафф огласил ему условия.

— Солдат убьет меня, как только я выйду за стены! — вскричал Гумбольд. — Я же обезглавил сестру его жены.

— Солдат позволит тебе уйти в целости и сохранности. Он дал слово.

— Его слово?! — запричитал король. — Да много ли оно стоит?

— Слушай, — сказал Кафф, — этот человек — мой враг. Я ненавижу его всеми фибрами души. Однако даже я признаю, что его слово — священно. Если Солдат сказал, что не причинит тебе вреда, то можешь быть в этом уверен. Что до меня... — Кафф подошел к окну и выглянул наружу, ожидая, покуда низложенный король оденется и натянет чулки. — Что до меня... я просто подожду. Наступит момент, когда Солдат допустит ошибку. В отношениях со своей женой, или с армией, или с горожанами Зэмерканда. Я буду наготове. И убью его... — Он вновь обернулся к Гумбольду. — А ты, надутый, жирный индюк, лучше подумай о себе. Солдат тебя не тронет, но помнишь близнецов — Сандо и Гидо? Они вернулись в Бхантан и снова заняли трон. Они поклялись, что отомстят тебе за причиненные обиды. На твоем месте я бы почаще оглядывался.

На следующее утро ворота Зэмерканда открылись. Гумбольд уехал верхом на осле. То было единственное средство передвижения, которое ему удалось выпросить. Он уехал один, без слуг или рабов: никто не захотел сопровождать бывшего короля. На всем пути следования по Зэмерканду — от дворца до самых ворот — толпа закидывала ненавистного тирана камнями, гнилыми фруктами и тухлыми яйцами. Когда Гумбольд вышел из города, карфаганские солдаты проводили его до самой границы Неведомых Земель.

Ни Солдат, ни Лайана так и не появились. Оба они понимали, что не в силах смотреть на этого ничтожного человека, причинившего им столько боли.

Короли-близнецы города Бхантана прослышали о событиях в Зэмерканде и отправили Солдату послание, укоряя его за слишком легкую участь Гумбольда. Солдат ответил на письмо, разъяснив Сандо и Гидо причину своего поступка. Они в свою очередь пообещали, что отправят по следу Гумбольда профессиональных убийц, дабы положить конец его презренной жизни. Они не будут знать покоя, пока не получат его глаза в двух отдельных бутылках, по одному на каждую прикроватную тумбочку.

Лайана триумфально вошла в Зэмерканд, и горожане приняли ее без возражений, ибо трон принадлежал принцессе по праву. Она являлась прямой наследницей, поскольку родители Лайаны имели только двух дочерей, и обе были бездетны.

Теперь Лайана имела все, о чем мечтала. Она излечилась от безумия, избавилась от уродства. Королева была зрелой, красивой женщиной. Рядом с ней стоял Солдат — ее возлюбленный муж, благородный воин, ныне принявший титул принца-консорта.

И только одно беспокоило и тревожило Лайану: утраченная память. Не так уж приятно жить, сознавая, что твое прошлое покрыто мраком — даже если тебе рассказали о нем.

Глава третья

Лайана потеряла память в пустыне Уан-Мухуггиага, в Городе Песков. Любой человек, попавший туда, мгновенно забывал всю свою прежнюю жизнь. Из города Лайану увез принц-самодур, которого затем убили, и принцесса воссоединилась со своим мужем — Солдатом.

Много труда и выдержки потребовалось Солдату, чтобы завоевать расположение Лайаны, — ведь теперь он был для нее чужим. Однако в конце концов принцесса вновь полюбила мужа. Солдат и друзья Лайаны рассказали ей о прежней жизни все, что сумели вспомнить. Не умолчали они и о приступах ужасающего безумия, преследовавших принцессу. Впрочем, с потерей памяти Лайана избавилась от болезни. Принцесса знала, кто она и как жила раньше, но у нее не было собственных воспоминаний, и от того принцесса чувствовала себя ущербной.

Вернувшись в Зэмерканд, Лайана вошла во Дворец Диких Цветов. Здесь двое незнакомых людей — мужчина и женщина — кинулись к ней и разразились слезами.

— О, госпожа! О, ваше величество! — вскричал мужчина, которого именовали Офао. — Как же мы скучали! Как молились богам за ваше избавление!

Женщина — Дриссила — рыдала, приникнув к груди принцессы.

— Моя госпожа, нам сказали, что вы полностью утратили память!

— Так и есть, — отвечала Лайана, мягко отстраняясь от нее и пытаясь избежать объятий. — Я вас не знаю, сударыня... И вас тоже, — добавила она, обернувшись к Офао. — Пожалуйста, я испытываю неловкость от столь бурного проявления чувств.

Ошеломленный Офао с великим трудом совладал со своими эмоциями.

— Ну... — выдавил он. — Я прямо даже не знаю, что сказать. — И отошел в угол, явно расстроенный.

Дриссила оказалась более сдержанной и быстро справилась с собой.

— Мы понимаем, миледи. И сделаем все ради вашего блага и восстановления памяти. Я только надеюсь, что вместе с ней к вам не вернется старый недуг. Ибо если так, то лучше оставить все как есть. Скажу откровенно: эта болезнь была воистину ужасна. Вы убили двух мужей и пытались сделать то же самое с третьим.

— Я пыталась убить Солдата? — в страхе вскричала Лайана. Об этих печальных событиях ей не рассказывали.

— Много раз, ваше величество. Но он оказался покрепче, чем первые два. — В голосе Дриссилы скользнуло презрение. — Должна сказать: они не сумели достойно встретить смерть.

Лайана в ужасе закрыла лицо руками.

— О боги! Что за жутким созданием я была!..

Разговор происходил в Зеленой башне — самом любимом Лайаной месте Дворца Диких Цветов. По традиции этот дворец был отведен для принцессы. Теперь же, став королевой, Лайане надлежало перебраться во Дворец Птиц. Однако какая-то неведомая сила, странное душевное влечение позвало ее в Зеленую башню. Пусть даже она утратила память, но что-то осталось внутри нее. И это что-то привело ее в незнакомую комнату.

Вошел Солдат, преодолев неимоверное количество ступеней винтовой лестницы.

— Ах вот ты где, любовь моя!

— Мой господин вернулся! Живой и невредимый! — Офао наконец-то увидел человека, который помнил его, и с распрос-

тертыми объятиями кинулся к Солдату. Тот опасно прищурился и вытянул вперед руку, останавливая порыв слуги.

— Не вздумай, Офао. Ты знаешь, я этого не люблю.

Офао надулся и вновь отступил назад. Он вышел на балкон и, глянув вниз, увидел под собой огромные массы народа. Они ожидали увидеть новую королеву и зашумели, когда на балконе появилась чья-то фигура. Восторженное «о-о-о» прокатилось по толпе. Некоторые зааплодировали. Офао приободрился и помахал им рукой. Несколько человек машинально махнули в ответ, а затем толпа вдруг загудела и загомонила. В воздух полетели шляпы; и женщины, и мужчины посылали в сторону башни воздушные поцелуи. Дикий восторг овладел Офао. Он готов был станцевать джигу — пока не осознал, что он здесь не один. На балкон вышли королева и принц-консорт. Приветственные крики были обращены к ним, а вовсе не к слуге. Разочарованный Офао шмыгнул обратно в комнату.

— Перестань валять дурака, Офао, — спокойно велел Солдат. — Есть у тебя хоть толика собственного достоинства?

Следующие полчаса Лайана посвятила своим восторженным подданным, даря их улыбками — как и ожидалось от королевы. Затем Солдат произнес речь о будущем Зэмерканда и о том, что под властью новой владычицы город вернется к былому величию. И лишь после этого им с Лайаной удалось уединиться.

— Фу-у! — сказала Лайана, бухаясь на кровать в очень некоролевской манере. — И часто нам придется проделывать такие вещи?

— Вовсе нет. Они взбудоражены, потому что Гумбольд исчез, а ты — их новая королева, вот и все. Я хочу сказать: до сих пор они видели, как тебя носят по улицам в паланкине, но управляла твоя сестра. Скоро народ успокоится, и ты будешь выходить к ним лишь раз в несколько месяцев.

Поскольку Гумбольд разрушил структуру прежнего двора, необходимо было назначить новых чиновников. Требовалось найти людей на должности Лорда-хранителя королевской казны, Лорда-смотрителя лестниц, Лорда-смотрителя канализаций, канцлера и прочих. Всех старых членов королевского совета Гумбольд либо казнил, либо отравил.

Солдат разъяснял жене принцип работы совета, но та поняла далеко не все. Структура ее правительства была исключительно сложной. В прежние времена Лайана точно знала, как все устроено, но вместе с памятью от нее ушло и понимание многих вещей. Теперь новоявленная королева пребывала в замешательстве.

Послышался стук в дверь. Офао отправился открывать, и через некоторое время Солдат услышал его голос, исполненный холода:

— Убирайся. Тебя здесь не ждут.

— Кто это, Офао? — спросила Лайана.

— Ваше величество, явился презренный червь, генерал Кафф. Он позволяет себе нарушать ваше спокойствие...

— Впусти его.

— Но, ваше величество...

— Офао, делай что велят, — проворчал Солдат. — Иначе закончишь свои дни, продавая капусту на рынке.

Офао засопел.

— Как угодно, сир... Ваше величество, пришел генерал Кафф, главнокомандующий имперской гвардии.

Кафф шагнул в комнату, облаченный в доспехи и держа под мышкой шлем. Не обращая внимания на Солдата, подошел к кровати, где возлежала Лайана, и опустился на одно колено. В его запястье был вправлен голубь, который взмахивал крыльями и ворковал.

— Ваше величество, — проговорил он елейным голосом. — Я пришел, дабы принести заверения в полнейшей моей преданности...

— Быстро же спохватился, — пробормотал Солдат. — Еще пару дней назад ни о какой преданности и речи не шло.

— Я говорю с королевой, — буркнул Кафф, надеясь сыграть на былой приязни к нему Лайаны. — С королевой, а не с ее тенью.

Разумеется, Лайана ничего не помнила о своих прежних отношениях с вероломным экс-капитаном.

— Тебе следует разговаривать с моим супругом более уважительно, — холодно сказала она Каффу. — Он прав. До недавних пор ты служил Гумбольду. Мой муж разъяснил мне, что нам нужны новые люди на всех ответственных постах...

Краска отлила от лица Каффа. Он порывисто поднялся на ноги.

— *Ваш муж* уверял, что я сохраню свое положение.

— Ничего подобного, — заметил Солдат. — Я сказал лишь то, что не будет никаких арестов и казней. И их не будет. Однако никто не обещал, что ты останешься на своем посту. Ты всерьез полагаешь, что мы предоставим тебе командовать армией? Мы покамест еще не сошли с ума. С тебя станется устроить военный переворот... Прояви благоразумие хоть раз в жизни, Кафф. Нам нужен генерал, который полностью предан королеве. Я бы рекомендовал ее величеству вернуть тебе чин, которым ты обладал до восстания, — капитана имперской гвардии.

— Капитана? — испуганно переспросил Кафф. — Из генерала — в капитаны?

— Тебя никогда и не повышали должным образом. Звание генерала было тебе даровано негодяем и убийцей, который не имел

права на трон. Мы еще не выяснили, кто на самом деле срубил голову королеве Ванде, — пусть даже это сделано по приказу Гумбольда.

— Один из придворных палачей. Я здесь ни при чем. Ты же знаешь систему...

Солдат и впрямь знал систему.

В Зэмерканде существовало двенадцать придворных палачей. Поутру после вынесения смертного приговора они приходили в тюрьму, где было двенадцать пустых раздельных комнат. В палачи подбирались люди одинакового телосложения. Они одевались в черное с ног до головы и носили черные маски. Облаченные таким образом палачи расходились по комнатам, которые выбирали случайно. В шесть часов солдаты выходили на улицу и призывали первого встречного горожанина. Этот человек — мужчина ли, женщина ли — отправлялся с ними в здание тюрьмы и указывал на любую из комнат. Палач, находившийся в ней, и совершал казнь. Часом позже все палачи расходились по домам. Никто, кроме самого исполнителя, не знал правды. Подобная анонимность гарантировала палачам защиту от возмездия монарха на тот случай, если правитель вдруг раскаивался в содеянном и намеревался сделать палача козлом отпущения... Хотя, разумеется, ощущение безопасности было иллюзорным, ибо любой тиран мог просто сварить всех двенадцать в кипящем масле.

— Ладно. Виновен ты или нет — это не повлияет на наше решение, — сказал Солдат. — Отныне ты разжалован в капитаны.

— Ты не имеешь права отдавать мне приказы! — рявкнул Кафф.

Лайана открыла рот, чтобы заговорить, но осеклась под взглядом мужа.

— Слушай меня хорошенько, капитан Кафф, — сказал Солдат. — Я принц-консорт, вторая по значимости фигура в королевстве. У меня есть собственная власть, и Я ЕЕ ИСПОЛЬЗУЮ! — Последние слова Солдат выкрикнул во весь голос, затем взял себя в руки. — Если желаешь оставить службу — на здоровье, мы безоговорочно примем твою отставку. Можешь зарабатывать свой хлеб в любом другом месте. Или можешь остаться в рядах имперской гвардии, и никто не станет чинить тебе препятствий, если ты заслужишь повышение обычным порядком. Если ты отличишься по службе или если начальство порекомендует тебя к повышению, я не стану мешать. Но никаких привилегий. Никаких преимуществ по сравнению с другими офицерами... Да, еще: тебе придется смириться с тем, что я стану верховным главнокомандующим.

Несмотря на унижение, Кафф сумел скрыть гнев. Но теперь не выдержал Офао.

— Ты — мерзкий предатель! — заявил он, плюнув в Каффа. — Ты чудом остался жив — а еще чего-то требуешь. Перестань подлизываться к королеве. Ты спокойно наблюдал, как убивают ее сестру. Амнистия спасла твою грязную шкуру, но много кто желал бы увидеть тебя мертвым.

Кафф поклонился королеве.

— Можете идти, — сказала Лайана.

Разжалованный генерал вышел из комнаты. Прошло добрых две минуты, прежде чем все вздохнули с облегчением.

— Я и вправду симпатизировала этому человеку? — спросила Лайана.

— Да. Одно время вы даже подумывали выйти за него замуж, — ответила Дриссила. — Мы за вас боялись. Потом появился Солдат... — При упоминании о муже своей госпожи Дриссила тепло улыбнулась. — Появился и сразил вас наповал.

— Прелестную историю ты рассказала, Дриссила, — хмыкнул Солдат. — На самом-то деле это была скорее жалость, нежели любовь. Если помнишь, меня собирались повесить за то, что я иноземец и никто не готов был за меня поручиться. В этом городе все ищут шпионов и тайных агентов... И вот тогда госпожа явила милосердие и согласилась выйти за меня замуж, чтобы спасти от виселицы. Я был бедным оборванцем без единой спинзы в кармане. Презренным чужаком... Лайана просто пожалела меня. Все и каждый говорили ей, что она совершает глупость, — даже вы двое. Но... — Он обнял жену за талию. — У нее доброе сердце. Она не позволит погибнуть и крысе, не говоря уж о человеческом существе.

— Я не стала бы утверждать столь категорично, — засмеялась Лайана.

Дриссила промолвила:

— Но потом она полюбила вас всей душой.

— Ничего подобного. Даже мой вид был ей противен. И если помните, несколько раз она пыталась зарезать меня во сне. Я обязан жизнью только своим ножнам, которые пели, когда обезумевшая жена входила с кинжалом в руке. Прошло немало времени, прежде чем я завоевал ее доверие, приязнь и, наконец, любовь.

— Она до сих пор живет в моем сердце — и все так же сильна, — добавила Лайана.

— Хотя, — перебил Офао, — одно время вы часто думали о капитане Каффе.

— Видно, я была не в своем уме.

Никто не прокомментировал это заявление. Ответ был очевиден...

Позже, когда Солдат и Лайана остались наедине, в открытое окно влетел ворон.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — сказала черная птица.

— Хотя конца еще не видно, — ответил Солдат, поднимаясь с кровати, на которой он отдыхал. — Видел небо сегодня утром?

— Видел ли я его? Я сам был в нем. Заткано магией... Ты это имеешь в виду? Довольно жутко летать, когда вокруг то и дело меняются цвета. Магия липнет к крыльям, как паутина. Чародеи друг друга прощупывают — так мне кажется. И скоро перейдут к боевым действиям.

— Где ИксонноксИ, птица?

— В тайном месте, которое его отец пытается обнаружить. Наш ведьмачонок набирает силу не по дням, а по часам. Звери в лесах и птицы в небе полагают, что он скоро выступит против ОммуллуммО.

— А рыбы в море?

— Кто знает, что думают эти идиоты с ледяными мозгами!

— Хорошенько смотри и слушай, ворон. И не забывай докладывать мне о развитии событий. Когда чародеи начинают грызться меж собой, в мире происходят всякие катаклизмы.

Ворон улетел, и Солдат опять устроился на кровати.

— Кто там? — сонно спросила Лайана. — Я задремала?

— Да, любовь моя. Прилетал наш крылатый пострел.

— Есть какие-нибудь известия о моей памяти?

— Нет. Но теперь, когда мы вернули себе Зэмерканд, пришла пора заняться и этой проблемой. Завтра я посоветуюсь со жрецами в храме и спрошу их, что я должен сделать, дабы отыскать твою память.

— Со жрецами? Что они могут знать?

— Они могут выяснить. Например, посоветоваться с богами. Иначе зачем они вообще нужны?

На следующий день Солдат отправился навестить Спэгга, который теперь открыл магазин на главной улице Зэмерканда. Этот широкий проспект тянулся параллельно каналу, ведущему в море. Спэгг не испытывал недостатка в своем товаре: многие горожане были повешены Гумбольдом и не все еще сгнили. Некоторые были в приемлемом состоянии. Спэгг подсуетился и успел замариновать их руки в уксусе. Те, кто намеревался воспользоваться «невидимостью» и прочими подобными вещами, охотно покупали у торговца «руки славы».

— Есть ли в храмах жрецы, которых ты уважаешь больше других? — спросил Солдат. — Или все они одинаковы?

— Есть один человек, — отозвался Спэгг, почесывая пустую глазницу. — Его зовут Кристобель. Он из храма Тега.

Солдат поспешил в храм, преодолел мраморную лестницу, перескакивая через две ступеньки, и остановился на верхней площад-

ке. Там сидел древний старик. Он вольготно расположился в плетеном кресле, а его длинная борода была несколько раз обмотана вокруг шеи. Сморщенный, согбенный и хрупкий, но его глаза блестели, как у юноши. Казалось, старика развеселила поспешность Солдата, и он закудахтал от смеха, выставив беззубые десны.

— Скачет, ровно молодая газель! Не иначе, спешит повидать Кристобеля. Ишь как бежит! Эх, молодость, молодость! Когда-то и я был вроде тебя, Солдат. И член у меня был крепкий, как древко копья. Женщины просто с ума сходили. Всю ночь напролет я мог вожделеть и ублажать. — Старик разразился скрипучим смехом, радуясь собственной сальной шутке. — Любил я это дело. Я был мужик хоть куда. Все на месте. Однажды ночью я оприходовал дюжину дев-весталок — девственниц из храма. О да! Я был неисправим.

— Похоже на то. Удивляюсь, как тебя не засадили в тюрьму... или не сделали чего похуже. Но я пришел с серьезным делом.

— Что может быть более серьезным, нежели утрата юности? — захныкал старик. — Ты только глянь! Мои ноги изуродованы ревматизмом, а глаза — катарактой! А член?! Кто согласится пойти в постель с мужчиной, у которого между ног болтается кусок гнилой веревки?

— Я погляжу, у тебя все мысли только об одном. Теперь понятно, почему Спэгг так часто приходит к тебе за советом. Но у меня и вправду есть важное дело...

— Всели в мое сердце радость, наполнив ладони золотом.

Кристобель протянул руку, и Солдат дал ему тяжелый кошель, полный монет.

— Надеюсь, старик, твои услуги того стоят. Иначе берегись.

— Не сомневайся. А эти деньги я потрачу, — сказал старикан, посмеиваясь. — Потрачу на развратных женщин с алыми губами и тугими бедрами...

Солдат тяжко вздохнул. Он сомневался, что этот старый распутник может сказать ему что-нибудь ценное. Однако, когда вопрос был задан, жрец призвал служку и повелел принести ему медную чашу, наполненную углями жаровню, волшебный жезл и прочие чародейские инструменты. Затем сверился с астролябией, выясняя направление ветра, поставил на огонь чашу, опустил в нее магические снадобья и перемешал их жезлом. В скором времени из чаши повалил зеленый дым, и жрец принялся вглядываться в его клубы, читая послания бога.

Старый Кристобель поднял глаза и сказал Солдату:

— Тег говорит, что твою жену можно вылечить. Память вернется к ней, а безумие уйдет навсегда. Но ты должен добыть три

предмета. Они таковы: серебряное вместилище песни вечного пленника; золотое нерожденное дитя в чужом доме и нефритовая вдова, пожравшая мужа и за то не покаранная. Все это ты обретешь в Неведомых Землях. Добыв эти предметы, ты должен возложить их на алтарь Тега.

Сперва слова жреца разозлили Солдата.

— Что за загадки? Как я найду предметы, если не понимаю, что они собой представляют?

— Именно так. Ты должен разгадать эти загадки — и лишь потом сможешь разыскать вещицы. Или ты хочешь, чтобы тебе преподнесли исцеление на блюдечке? Нет, рыцарь. Заслужи награду, используя свой ум, благородство и отвагу. Иди вперед. Ищи среди тайных путей. Не страшись опасностей. Используй доброту души и живость ума, дабы выяснить правду. А когда обретешь сокровища — возвращайся ко мне, и я верну твоей жене утраченную память...

— Но где же мне их искать?

— Иди по белой дороге.

Солдат озадаченно посмотрел на жреца.

— А что, в Неведомых Землях есть дороги?

— Твоя дорога проложена богами, — улыбнулся старик. — Она будет появляться и исчезать. Не проворонь ее...

— Ничего не понимаю, — пробурчал Солдат.

— Ты хочешь исцелить жену? Если нет — сиди дома.

— Дозволено ли мне взять с собой какого-нибудь спутника?

— Возьми птицу. Ворона. Он высоко летает и видит множество вещей, недоступных нашему взгляду.

— Разумно. Мне это в голову не пришло.

— А зря. Отправляйся в путь, воин. А я тем временем встряхну твоим кошельком и погляжу, жива ли еще моя старая мошонка.

— Ты распутник, жрец!

— Да. Что с того? — сказал старик и плотоядно захихикал.

Солдат вернулся во Дворец Диких Цветов и передал жене свой разговор со жрецом.

— Муж мой, — сказала Лайана, заключив его в объятия, — не нужно тебе отправляться в этот опасный поход. Старик послал тебя в жуткое место. Неведомые Земли полны опасностей и ловушек. Даже самые обыденные вещи приобретают там странный облик. Местным жителям нельзя доверять, и ты не найдешь среди них друзей. Там полно дикой магии, бесконтрольной и хаотичной. Я боюсь за тебя. Я согласна провести остаток своих дней без памяти, лишь бы не отпускать тебя в этот унылый, безлюдный край, где не действуют обычные правила, где глупцы уничтожили науку и фи-

лософию, где жестокие создания творят такие ужасные вещи, что и во сне не приснится... Оставайся в безопасности, рядом со мной. Лучше синица в руках...

Солдат вздохнул:

— Я должен ехать, милая Лайана, ибо я знаю, как мучает тебя недуг. Всю жизнь ты страдала: сначала тебя терзало безумие, теперь исчезла память. Мы должны сделать все, что в наших силах, дабы восстановить ее. Лишь тогда я поверю, что ты и вправду меня любишь. Ты должна вспомнить, кем я был, когда мы встретились впервые. Я обязан поведать тебе ужасную историю моего прошлого — всю, без утайки. И ты решишь, достоин ли я провести остаток своих дней, деля с тобой ложе, часы бодрствования, да и всю жизнь... Ты — королева, ты имеешь на это право.

— Что за чушь! — воскликнула Лайана. — Я люблю тебя. Пусть я утратила память, но сердце мне не лжет.

— Зэмерканду нужна здоровая королева, дабы поднять его с колен и возродить былое величие славного города.

Они спорили всю ночь, и в конце концов Солдат победил. Он горячо отстаивал свою позицию, ибо неведомая сила влекла его в далекий край проклятых и проклинаемых. Сердцем он чувствовал, что сумеет выяснить нечто новое о себе и о своей жене. И, разумеется, он был рыцарем, а для рыцаря жизнь пуста и бессмысленна, если нет в ней места подвигам и дальним странствиям — на поиски Святого Грааля, Чудесного Меча или иной Великой Истины.

Болотистые, гористые, неизведанные края как нельзя лучше подходили для рыцарей, отправляющихся в поход. Рыцарь всегда ищет подвигов, и если долг призывает его, он обязан идти. Поутру он собирается в путь. Снарядить рыцаря в дорогу — не столь уж простое дело. На рассвете во дворе оруженосец облачает его в доспехи и подает оружие — торжественно, в строго установленном порядке. Затем рыцарь прощается с дамой сердца и получает от нее предмет благосклонности — шелковый шарф или бархатную перчатку. После этого рыцарю подводят боевого коня. Копыта стучат по булыжникам двора, подковы рассыпают искры. Седло лежит на спине коня; его покрывает овечья шкура — такая же мягкая и чистая, как первая белая роза весны. В полдень рыцарь уже в дороге. Он скачет к своей цели, стремясь преодолеть все преграды и привезти домой желанный предмет...

Итак, в полдень третьего дня Солдат отправился в дорогу. Он был облачен в доспехи, а на плече у него восседал ворон. Половина города высыпала на стены, чтобы лицезреть отъезд супруга королевы. И друзья, и враги провожали его взглядами, пока рыцарь не исчез из виду.

Солдат направился на северо-запад, к Кермерскому проходу, что лежит за Фальюмом и рекой Скалаш. Здесь он войдет в область болот, окаймленных двумя исполинскими горными кряжами. За ними начинаются Неведомые Земли. Вначале проход будет широк: не менее полумили от кряжа до кряжа. Затем он начнет сужаться, и по другую сторону болот в нем будет не более ярда ширины. Проход выглядит так, словно каменный клин вынули из тела горы, заполнив освобожденное пространство вязкой почвой болота.

Через несколько дней человек и ворон достигли Кемерского прохода — ущелья между двумя каменными грядами. Нередко встречались люди-звери, наблюдавшие за ними из-за камней, но никто так и не напал. До Солдата доходили слухи о Ву. Его якобы изгнали из племени за помощь врагу-человеку. Он всей душой надеялся, что это неправда, поскольку псоглавый воин не заслужил такого наказания. По возвращении Солдат намеревался выяснить все доподлинно и восстановить справедливость, если будет возможно.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь? — сказал ворон, покачиваясь в такт шагу коня. — Это же верная смерть.

— Ты говоришь одно и то же всякий раз, когда я отправляюсь в поход.

— Ну, на сей раз я не ошибаюсь.

— Пусть так. Все мы когда-нибудь умрем. Я буду сожалеть лишь о том, что моей бедной жене придется проводить ночи в одиночестве.

— Не обязательно, — отозвался ворон. — Если капитан Кафф подсуетится... Возможно, он тоже решит отправиться в поход ради нее и преуспеет там, где ты потерпел поражение.

Солдат скрипнул зубами.

— Ну уж нет. Пожалуй, я повременю умирать.

В конце концов они достигли заболоченного прохода в горах, который должен был привести в Неведомые Земли. Солдат двигался со всей возможной осторожностью, проверяя копьем путь перед собой. В болоте они встретили странных существ, видимых только в сумерках. Одно внезапно выскочило прямо перед мордой лошади — шипя и пронзительно крича, желая напугать ее. Но старая опытная кобыла и ухом не повела. Она не страшилась ни этих существ, ни едкого зеленого газа, выходившего из отверстий в трясине. Ее не беспокоила пустяковая магия, и лошадь готова была повиноваться любому приказу Солдата.

Тем не менее они не сумели пересечь болото, ибо путь оказался неверным и зыбким. Солдату пришлось вернуться на берег.

— Что будем делать? — спросил ворон. — Застряли у первого же препятствия.

— Нужно найти кого-нибудь из местных — в проводники.

— А им можно доверять? Заметь: я о тебе же забочусь. Именно ты рискуешь потопнуть в трясине. Я-то просто полечу.

— Мы разожжем костер и будем надеяться, что кто-нибудь явится на огонек.

— На огонек может явиться кто-нибудь нежданный...

Солдат извлек огниво и развел костер. Потом он сел чуть поодаль, держась в тени и прислушиваясь к малейшему шуму. Затем задремал, а проснувшись — встретился взглядом с парой карих глаз, созерцающих его с другой стороны костра. Рыцарь вскочил, держа наготове меч и недоумевая, почему ножны не предупредили его об опасности.

— Кто ты? — воскликнул он. — И по какому праву крадешь тепло моего костра?

Крики разбудили ворона, и тот немедленно исчез в ночи. Птичья философия гласила: сначала нужно скрыться от возможного врага и лишь потом выяснять, что происходит.

— Моя вин, — сказало создание.— Звать Глокк. Не красть. Вин не красть. Только иногда.

Кончиком меча Солдат подтолкнул полено в огонь, и притухший костер вновь ярко вспыхнул. Теперь стало видно: создание действительно принадлежит к народу винов — полугигантов с юга Гутрума. Эти мускулистые человекоподобные существа в два раза превосходили в росте обычных людей. По большей части вины становились рудокопами и прилежно работали. Хотя временами среди них находился кто-нибудь не в меру ленивый, предпочитавший воровать или отправлять на этот промысел галок и сорок. Как-то Солдат свел знакомство с одним вином по имени Клокк. Тот добывал себе пропитание, воруя оружие, но в целом был добрым и любезным созданием.

— А Клокк? Ты имеешь какое-то отношение к Клокку?

— Мой родич, — с готовностью отозвался Глокк. — Ты знать мой родич?

Солдат убрал Кутраму в ножны и сел. Ножны не почувствовали опасности в этом создании, иначе они запели бы свою песню-предупреждение.

— Я его встречал. Итак, что ты делаешь здесь, на дальнем севере?

— Изгнание за похищение женщины-вин.

Солдат смерил собеседника неодобрительным взглядом.

— Так что же, получается, ты взял женщину силой?

— Не силой. Она меня любить. Но тот, кто делил с ней хижину, меня не любить. Он важный вин. Сказать Глокк, пусть уходить на год.

— Что ж, впредь не будешь браконьерствовать.

Глокк пригорюнился.

— Ладно, хватит о твоих прегрешениях. Скажи лучше, как тебе удалось выжить в этих краях? Люди-звери здесь не нападают?

— Нет. Я раскалывать им головы.

— Понятно. Но окрестности дикие и суровые. И практически нет растений. Как же ты живешь? Охотишься? Ловишь рыбу?

— Моя идет в болото и берет яйца гигантских лягушек. Очень вкусно. — Вин погладил оголенное пузо. — Много студня. Чудесные черные яйца. УммУ не любить, когда Глокк крадет яйца. УммУ однажды высек его языком. — Гигант повернулся спиной. На волосатой коже виднелись шрамы, словно от ударов плети.

— Думаю, было больно. А кто такой УммУ?

— Большая лягушка. Был маг, а сейчас лягушка. Большие зубы.

Вернулся ворон и сел на землю возле костра.

— Я слыхал об этой твари, — сказала птица. — Это не лягушка, а жаба. Жрет все подряд.

— Как мило, что ты присоединился к нам, ворон, — отозвался Солдат. — Расскажи мне об УммУ.

— Он когда-то был чародеем, а потом превратился в чудовище. Это ужасная амфибия с отвратительным рылом и с зубами, огромная, как дом. УммУ ест ласточек, чижей и стрижей — выстреливает длинным языком и ловит птиц на лету, а тех, кто пытается вырваться, перекусывает пополам здоровенными желтыми зубами. Вот почему птицы сторонятся этих мест. УммУ защищает других амфибий и рептилий на болотах. Он такой тяжелый, что безвылазно живет на маленьком островке среди трясины, иногда погружаясь на глубину, однако часто вылезая наружу — надо же набить брюхо несчастными птичками...

— Хм... Ясно, злобная амфибия. — Солдат обернулся к Глокку. — Послушай, ты ведь знаешь тропы через болото. А мы как раз ищем проводника...

Вин покачал своей большой широколобой головой, и на его лице появилось печальное выражение.

— Нет-нет. Глокк завтра идти домой. Изгнание закончилось. Глокк идти назад в Хуккарра и быть хороший. Больше не красть женщин-вин.

Солдат огорчился.

— А может, задержишься на денек и подсобишь нам перебраться через топь?

— Нет-нет. Идти домой. Никаких болот опять.

Зная о любви винов к мечам и прочим клинкам, Солдат сказал:

— А если я подарю тебе блестящий кинжал?

Глокк вскинул голову:

— Какой кинжал?

Помимо кинжала, подаренного Лайаной и висевшего на поясе Солдата, у него было еще два или три в седельных сумках. Солдат извлек один из них — красивый кинжал с обсидиановой рукоятью, посверкивавшей в свете костра. Он вынул клинок из ножен, и отблески пламени заиграли на лезвии. Затем Солдат показал Глокку и сами ножны, сделанные из мягкой черной кожи и украшенные бронзовыми заклепками. Вин взял кинжал и ножны и принялся вертеть их в своих толстых пальцах.

— Хороший блеск. Глокк любить хороший блеск.

— Кинжал твой, если проведешь меня через болото.

Широколицый гигант медленно кивнул, не отрывая взгляда от оружия. Солдат забрал у него клинок и спрятал в седельную сумку.

Обретя проводника, Солдат немного успокоился. Он снова улегся, положив под голову свернутое одеяло, и принялся любоваться звездами. Эти небесные тела никогда его особо не занимали — если, конечно, речь не шла о навигации, — но тем вечером они выглядели необычайно красиво, искрами пронзая темноту небес подобно серебристым копьям света.

— Расслабился, да? Утешился? Доволен и счастлив? — сказал ворон. — Надеюсь, ты учитываешь тот факт, что наш верзила-знакомец может попытаться убить тебя и забрать все добро, не дожидаясь завтрашнего утра?

Слова птицы ворона нарушили безмятежность Солдата.

— О чем ты?

— Подумай головой. Что ты о нем знаешь? Да ничего. А если он пристукнул и съел сотню несчастных путников? И ты веришь ему на слово?

Солдат покосился на гиганта, сидящего по другую сторону костра. Казалось, тот не обратил на болтовню ворона ни малейшего внимания. Наверное, птица говорила слишком быстро для полуграмотного вина, а непонятные слова гигант из Хуккарры просто игнорировал — отворачивался и напевал себе под нос или рассеянно смотрел в пространство. Глаза Глокка были пусты и лишены всякого выражения.

— Слушай, птица. Я знаю многих хуккарранских полугигантов... ладно, одного или двух... И они всегда казались мне слишком глупыми, чтобы лукавить. Даже мои ножны не считают это существо достойным песни-предупреждения.

— Непременно найдется выродок, не похожий на остальных. Я не утверждаю, что он опасен. Просто не исключаю такой воз-

можности. Этот тип выглядит пронырой. Только глянь, какие у него суетливые пальцы.

На другой стороне костра Глокк зевнул, демонстрируя Солдату длинный ряд крепких квадратных зубов.

— Притомился? — спросил Солдат. — Спи, если хочешь. Я покараулю.

— Не надо. Здесь не плохо. Плохо в болоте. Ты спать. И я спать. И птица спать. Так лучше.

— Ладно, как скажешь, — ответил Солдат. Его подозрения начали укрепляться.

Человек и гигант улеглись по разные стороны костра. Ворон устроился на бревне. Все продолжали бодрствовать по меньшей мере пару часов. Гигант поглядывал на рыцаря, а рыцарь — на вина, пока наконец Солдатом не овладела дремота. Его разбудило пение ножен, а в следующий момент ему показалось, что кто-то поспешно удрал в кусты.

Солдат сел, сжимая меч в руке.

Глокк стоял по другую сторону огня, замерев в неудобной позе.

— Чем это ты занимаешься? — проворчал Солдат.

— Пошел за бревном, — ответил гигант. — Для огня.

— Что там шевелилось? Я заметил какое-то движение, когда проснулся.

— Моя думать, это быть дикий кот. Пришел красть еду.

— И в костре нет полена — только угли.

— Моя еще не ходить. Идти сейчас.

Солдат пристально наблюдал за Глокком. Тот выпрямился и подошел к поленнице. Он выбрал огромный сук толщиной с человеческую ногу. Сук был слишком велик для костра, и гигант разломил его о бедро. Ни один человек, даже самый сильный, не сумел бы повторить этот подвиг. Глокк взял сук за один конец, как дубинку, и направился обратно к костру — и к Солдату.

— Давай, — проворчал Солдат, — брось его.

Гигант стоял на месте, всем своим видом давая понять, что у него не было иных целей, кроме забот о нуждах лагеря. Он остолбенело заморгал, но дубинки из рук не выпустил; меж тем этот сук мог расколоть голову Солдата с необычайной легкостью. В конце концов он все же подался вперед и швырнул полено в костер. Взметнулись искры, и огонь вновь разгорелся. Глокк по-прежнему стоял на ногах, поглядывая на Солдата. Затем сел и принялся ворошить палкой в костре.

— Что я тебе говорил? Изобретательный дьявол, да? — затрещал ворон.

— Не знаю. Еще не уверен.

— Не уверен? Не уверен?! Значит, ты еще глупее, чем я думал. Пошевели мозгами хоть немного.

— Ладно, ладно, ему не следует доверять. Но мне нужно поспать.

— Я буду начеку. Можешь закрыть глаза.

Солдат опустил усталую голову и долго лежал, раздумывая над своими проблемами. Наконец он уснул, и сны его были отрывистыми и тревожными.

Когда Солдат открыл глаза, уже наступило утро. Он чувствовал себя усталым и разбитым, однако, поднявшись и ополоснув лицо, вновь обрел способность действовать. Ворон скакал вокруг огня, сражаясь с длиннющим толстым червем. На несколько секунд показалось, что червяку удастся спастись, но тут ворон нанес решающий удар и заглотил добычу.

— Омерзительно, — пробормотал Солдат себе под нос.

— Тебе неприятно? Тогда загляни вон за тот валун и полюбуйся, как хуккарранец поедает живьем кролика.

Солдат поморщился.

— Спасибо, обойдусь.

Гигант появился из-за камня. По его подбородку стекала кровь. Казалось, он позабыл о событиях прошедшей ночи, а Солдат решил не поднимать эту тему. Сам он позавтракал карфаганскими овсяными лепешками, пропитанными топленым свиным салом. Солдату не особенно нравилась армейская пища, которую Красные Шатры ели в походах, но он ценил ее за сытность и питательность. Запив лепешки горячим настоем, он оседлал кобылу и призвал своих спутников отправляться в путь.

Глокк показывал дорогу. Солдат следовал за ним, ведя лошадь под уздцы. Они шагали через высокий камыш, чьи верхушки дрожали где-то над головой Солдата. Иными словами, гигант видел, что происходит впереди, а Солдат — нет. Подобная ситуация беспокоила и настораживала. В конце концов Солдат велел ворону подняться в воздух и вести наблюдение.

Среди камышей щебетали птицы. Опасное для людей и гигантов болото — настоящая кладовая для птиц. Здесь можно разыскать семена тысяч растений и тем прокормиться. Обитали в окрестностях и рептилии, питающиеся птичьими яйцами, бесчисленные насекомые... Иными словами, вокруг Солдата и его спутников кипела жизнь. Одна из форм этой жизни пришлась Солдату не по душе — огромные черные москиты, тучами садившиеся на обнаженные участки его кожи.

По обеим сторонам смутно вырисовывались стены огромных, высоких утесов. По мере продвижения спутников утесы все сдвигались и сдвигались, а проход делался уже и уже. В полдень Солдат объявил о привале. Он разровнял среди камышей небольшую площадку, где и расположились путешественники. Ворон спустился перекусить. Глокк с полдюжины раз просил показать кинжал, покуда Солдат наконец не ответил ему резким отказом.

— Глокк не счастлив, — сказал гигант. — Твоя давать Глокк кинжал.

— Проведи нас через болото, и ты его получишь.

Гигант рассердился.

— Глокк брать кинжал. Глокк очень сильный. Сломать Солдату спину голыми руками.

Обнаженный волосатый гигант приобрел угрожающий вид и начал медленно подниматься. Он напоминал медведя, встающего на задние лапы, и явно готовился к битве. Солдат вскочил и выхватил из ножен меч.

— Ты выполнишь обещание! Иначе я снесу тебе голову с плеч.

Вместо того чтобы горестно захныкать, как бывало до сих пор, гигант кинулся вперед.

Солдату не хотелось убивать здоровяка. Во-первых, Глокк был безмозглым простаком, и это напоминало бы убийство бессловесной твари. А во-вторых, Солдат рисковал остаться в самом сердце топи в компании одного только ворона. Хотя Солдат часто полагался на птицу, он осознавал, что ворон не сумеет найти проход в трясине.

Солдат прыгнул в сторону и резанул Глокка по уху.

— Ой, больно! — закричал гигант, хватаясь за пораненную мочку. Кровь потекла между его толстыми пальцами. — Глокку очень больно.

— А подумай, как будет больно без головы.

Глокк машинально схватился рукой за горло, видно, представив себе обрубок шеи. Однако вин не задумался и не испугался. Кровь ударила ему в голову, и Глокк впал в ярость. А когда хуккарранские гиганты впадают в ярость, они теряют всякий контроль над собой. В обыденной жизни это пассивные, флегматичные создания, которые мирно трудятся на своих рудниках. Но если гигант сделался берсеркером, его невозможно остановить доводами разума.

— Твоя плохой человек! — крикнул гигант. — Моя разрывать тебя на два куска. Моя есть твою печень. Я вырывать тебе глаза из черепа!

Он вновь ринулся вперед, и вновь Солдат сумел увернуться, хотя на маленькой полянке среди камышей было не так уж много

места. Так они кружили несколько минут: Солдат уклонялся и маневрировал, отмахиваясь от Глокка, стараясь порезать его, но не наносить глубоких ран. Глокк грузно скакал взад-вперед, точно обезумевший бык, нагнув голову и размахивая руками, как мельница. Ситуацию усугублял ворон, который летал у них над головами и орал как сумасшедший. Что думают об этой схватке прочие болотные жители, можно было только гадать. Однако шум разбудил существо, которое очень заинтересовалось битвой.

Тварь вынырнула из трясины, подобно кракену, поднимающемуся из морских глубин. Она увидела серебристые взблески над камышами. Ей померещилось, что на идиота-гиганта нападает огромная серебряная стрекоза. Чешуйчатая амфибия, всплывшая из глубины, постоянно была голодна, а серебристое насекомое казалось достойным обедом. Изо рта исполина появился длинный, похожий на хлыст язык. Он выстрелил с невероятной скоростью и ухватил серебряную стрекозу. Единственный глоток — и она исчезла в его пасти.

Солдат оторопело смотрел на опустевшую руку. Что стряслось с мечом? Мгновение назад он был здесь — и вдруг пропал.

Это исчезновение застало врасплох и Глокка. Он заморгал, решив, что стал свидетелем проявления магии. Вся его ярость испарилась. Человек и полугигант принялись озираться по сторонам.

— Не там! — каркнул ворон. — Вон там, болваны!

Они подняли взгляды, пытаясь понять, в какую сторону указывает клюв ворона.

Глокк немедленно увидел проблему и застонал от страха. Солдату же пришлось раздвинуть камыши. Выглянув из-за них, он узрел самую кошмарную амфибию, которую ему когда-либо доводилось видеть. Огромная тварь и впрямь немного напоминала жабу с широко расставленными перепончатыми лапами. Зеленая кожа на спине и животе была покрыта опухолями и нарывами, которые то и дело лопались, выпуская наружу облака вонючего газа и оставляя пятна-шрамы. Грушевидные глаза с горизонтальными черными зрачками уставились на двух человекообразных, стоящих на камышовом островке. Вздутые мышцы ног и шеи свидетельствовали об ужасной силе чудовища. Больше всего Солдата поразила пасть чудовища, которая распахивалась едва ли не до половины тела.

Пока он созерцал жабу, очередной нарыв лопнул, как воздушный шар, и воздух наполнился жутким ядовитым запахом, от которого насекомые дохли сотнями.

— УммУ! — завопил ворон. — Чародей-жаба!

Затем птица благоразумно нырнула в камыши, опасаясь хлыстообразного языка чудовища.

— УммУ, — пробормотал Солдат.

Он пребывал в растерянности. Этот уродливый монстр проглотил Кутраму. Пережив столько бед и злоключений ради возвращения меча, Солдат не собирался отдавать его без боя. Вооружившись кинжалами, он продрался через камыши и лишь теперь осознал, что УммУ сидит на недосягаемом острове, отделенный от них вязкой трясиной. Стоило только шагнуть в топь — и раздался предостерегающий чавкающий звук. Добраться до островка было невозможно.

— Отдай мой меч! — в отчаянии завопил Солдат.

УммУ кашлянул. Гигантская жаба попыталась убрать язык и поняла, что не может этого сделать, поскольку в глотке застряло инородное тело. Будь это какое-нибудь животное, УммУ просто ободрал бы ему кожу своим языком, но сейчас он оказался беспомощен. УммУ подумал, не нырнуть ли обратно в глубины болота. Но это означало обречь себя на долгое голодание, ибо он больше не мог пользоваться языком. УммУ был вполне разумен и понял: если меч не уберут — он пропал. Следовало позволить человеческому созданию забрать свое имущество.

Жаба загудела зычным голосом, призывая владельца меча подойти и вытащить его. От этого усилия клинок скользнул еще дальше в глубины глотки, и теперь УммУ даже не мог закрыть рот.

— Проще сказать, чем сделать, — отозвался Солдат. — Глокк, ты не видишь, как можно подойти к этой твари?

Все еще перепуганный вин обозрел трясину между островками.

— Не достать, — сказал он. — Глокк идти назад.

— Стой где стоишь, — буркнул Солдат. — Куда подевалась треклятая птица?

— Я тут, — отозвался ворон тихим-притихим голосом, — в камышах. Мне это не нравится. Здесь полным-полно змей с хитрющими глазами.

— Вылезай и поищи тропу.

— А как насчет здоровой лягухи с вот этаким языком?

— Она не может им пользоваться... по некоторым причинам, — сказал Солдат.

— Ты уверен?

— Иди сюда, птица. Немедленно.

Появился ворон, роняя с перьев капли воды. Он осторожно взлетел и опустился на плечо Солдата.

— Я не вижу тропы.

— Полетай вокруг. Посмотри хорошенько со всех сторон.

Ворон опасливо покосился на исполинскую бородавчатую лягушку. Он не слишком-то верил, что чудище безопасно.

— Слушай, мне не нравится эта идея. Могу предложить кое-что получше: у тебя есть возможность отдать приказ рептилиям. Почему бы этого не сделать?

Солдат помнил, как он спас маленькую змею от цапли и получил от нее подарок. Пора попробовать... Но как? Приказать УммУ отдать меч? Монстр и сам бы рад это сделать. Так много ли толку с того, что он прикажет твари изрыгнуть Кутраму? Нисколько.

Затем в голову Солдату пришла новая мысль. Ворон упоминал о змеях. Здесь, в болоте, их действительно были тысячи. По большей части — неядовитые, которые охотились на других болотных тварей. Что, если приказать им сделать мост к гигантской лягушке? Что-нибудь вроде гати?

Солдат воззвал к змеям. И действительно, они ответили на его зов, тысячами появляясь из своих нор и гнезд в камышах. Длинные и короткие, толстые и тонкие, пестрые и одноцветные, с узорами из ромбов или колец. Некоторые — с воротниками у горла, а некоторые с трещотками на хвостах. Они явились, свистя и шипя, их раздвоенные язычки дрожали между клыков. Змеи собрались возле его ног, извиваясь, свертываясь кольцами. Некоторые из них были ядовитыми. В других обстоятельствах Солдат решил бы, что пребывает во власти ночного кошмара. Однако он взял себя в руки и приказал рептилиям образовать мост.

Невероятно! Змеи повиновались. Они начали сползаться, сплетая тела, и в конце концов сотворили упругий шевелящийся мост. Он протянулся от ног Солдата до самого островка, где сидел УммУ.

— Моя не идти! — крикнул Глокк, в ужасе созерцая живую тропу. — Моя не идти!

— Тебя никто и не просит, — буркнул Солдат. — Я сам пойду.

С бешено бьющимся сердцем Солдат вступил на мост из змей. Тот слегка шевелился под ногами, то и дело прогибаясь под весом Солдата, так что его ноги погружались в трясину. Однако Солдат умел сохранять равновесие и потому не упал. Мало-помалу он приноровился к этому бесконечному шевелению, и идти стало проще. Дорога из змей — трех футов в ширину и длиной в пятьдесят ярдов — вела рыцаря по направлению к островку. Дойдя до середины моста, Солдат проникся уверенностью в том, что благополучно доберется до цели. Если бы змеи хотели погубить его, они давно бы уже расплелись и потопили рыцаря в трясине. В конце концов Солдат дошел до островка, где сидела гигантская амфибия.

УммУ пребывал в тоске. Меч застрял у него в глотке и не позволял закрыть рот. Солдат мог свободно войти в его пасть — будто в пещеру. На миг он заколебался, опасаясь коварства УммУ. Но поскольку тварь не могла говорить, оставалось только надеяться,

что чародей-жаба не закроет рот, как только меч извлекут. Рыцарь вошел внутрь, задыхаясь от смрадного дыхания чудовища, и вступил в «пещеру», покрытую отвратительной слизью. В глубине ее Солдат увидел свой меч, а за ним — свернутый язык монстра. Он сознавал, что этим языком УммУ может раздробить ему голову с одного удара. Однако выбора не было...

Солдат протянул руку и схватил меч за рукоять.

— Я держу его, — сказал он, и голос эхом разнесся по «пещере». — Сейчас выну.

Солдат дернул за рукоять, и меч поддался. Плоть вокруг него запульсировала. Было ясно, что исполина душил кашель, но он ухитрился сдержаться, и Солдат беспрепятственно выбрался наружу. Лишь тогда УммУ оглушительно раскашлялся. Его язык с тяжелой липкой присоской на конце выстрелил в воздух и врезался в стену камышей. Птицы брызнули во все стороны — будто семена из переспелой коробочки дикого перца. Они взвились в воздух и поспешно унеслись подальше от чудовища.

— Спасибо, — сказал Солдат, обращаясь к УммУ. — Этот меч лишь недавно вернулся ко мне, а добыть его стоило большого труда.

Чародей-жаба ответил, что рыцарь не должен расставаться со своим мечом, и пожелал Солдату больше не терять его.

— Больше не потеряю...

Солдат вернулся назад по мосту из змей, а затем повелел им расплестись и отпустил с миром.

Узкий проход меж двух утесов был совсем рядом. Глокк отказался идти дальше, заявив, что не желает входить в Неведомые Земли. Солдат отдал гиганту обещанный кинжал. Вин был невероятно доволен трофеем. Он вертел его так и эдак, приговаривая:

— Это моя вещь. Это моя вещь.

— Твоя, твоя, — передразнил ворон. — Настала пора прощаться.

И Глокк ушел в туман, направляясь назад — к себе домой.

Солдат протиснулся в расщелину между утесами и ступил в пределы чужой земли. Оглянувшись, он не увидел разлома, который только что миновал. Пожав плечами, Солдат решил, что всему виной натруженные глаза и усталость.

Путешествие через болота вымотало и человека, и ворона. Обычно Солдат тщательно оглядывал участок, выбранный для привала, дабы убедиться, что они в безопасности. Он не знал этого края и местных обычаев и не представлял, чего ожидать... Однако на сей раз усталость взяла свое. Ворон, лошадь и человек улеглись спать без охраны.

Солдат проснулся первым, дрожа от холода. Вечером он накрыл себя и лошадь еловыми ветками и теперь порадовался собственной

предусмотрительности. В ином случае он рисковал замерзнуть до смерти. Откинув в сторону еловые ветки, Солдат обнаружил, что вокруг навалены высокие снежные сугробы. Что было неожиданно, хотя и неудивительно — в Неведомых Землях зима зачастую наступала внезапно, а часом позже заканчивалась. Однако, оглядевшись по сторонам, он увидел, что снег и лед покрывают лишь узкую полосу земли шириной не более ста ярдов. Блестящая заснеженная «дорога» убегала вперед, скрываясь за горизонтом.

Покуда Солдат недоуменно разглядывал это чудо, снег и лед начали таять, превращаясь в сверкающие капли воды. Сосульки, свисавшие с деревьев, со стеклянным звоном падали на землю. Огромные хлопья пушистого снега сыпались с ветвей кедров. А по обе стороны сверкающей тропы солнце уже высушило землю, и трава побурела от жары...

Солдат разбудил ворона, ночевавшего в кроличьей норе. К тому времени ледяная полоса почти растаяла.

— Помню, я сильно замерз во сне, — сказал ворон, удивленный не меньше Солдата. — Тогда я выглянул из норы и увидел, как что-то огромное проскользнуло мимо нас. Оно пролетело над головой — но не слишком-то высоко — и накрыло меня своей тенью. В тот момент я решил, что это просто кошмарный сон... Здесь пролетело нечто огромное, Солдат.

— Может, бог или богиня?

— Понятия не имею, — отозвался ворон. — Я знаю об этих землях не больше твоего. Сюда никто не заходит... по крайней мере никто не возвращался отсюда, дабы поведать правдивую историю о здешних условиях. До сих пор не понимаю, для чего мы сюда поперлись, но в любом случае рад, что чудовище нас миновало. Нам повезло, что мы спали. Если этот хищник охотится подобно ястребу, выслеживая добычу по шевелению на земле, то он мог наброситься на нас.

— Ладно, — сказал Солдат. — Как бы там ни было, перед нами — белая дорога. Нужно идти, и поскорее, пока она совсем не исчезла. — Он посмотрел на небо. — Под таким солнцем это произойдет довольно быстро.

Солдат оседлал лошадь, и вскоре троица снова была в пути. Шагая вдоль ледяной тропы, которая мало-помалу превращалась в полосу влаги, они прошли мимо огромных округлых груд шерсти и костей, лежавших на обочине.

Ворон понимающе кивнул.

— Если сова съедает мышь, она затем отрыгивает шерсть и кости такими вот шарами. Очень похоже на совиные катышки.

— Ну, эта шкура явно не от мыши, — отозвался Солдат, тыкая груду кончиком меча. — Это шерсть и кости буйвола. Взгляни на череп. А здесь у нас олень... видишь остатки рогов? А вон там, должно быть, кабан.

— Может, наш странный бог — гигантская сова?

— Все может быть. Я думаю, что она каким-то образом замораживает свою добычу. А потом спускается и пожирает беспомощную жертву. Надо держать ушки на макушке и почаще смотреть вверх. Такую громадную тварь нетрудно заметить...

Они продолжили путешествие, то и дело поднимая глаза к небесам. Но никакого чудища не появлялось... Испаряющаяся дорога привела путников к горному хребту, который они пересекли по узкому извилистому ущелью с высокими отвесными стенами. Если где-то наверху и витал монстр, сюда он уж точно не сумел бы забраться. Так что путники чувствовали себя в сравнительной безопасности. Ворон оправился от испуга и всю дорогу болтал без умолку. Солдат мог бы спокойно обойтись и без его трескотни, однако не стал одергивать птицу. Они без происшествий миновали ущелье и оказались по другую сторону кряжа.

Взору путников представилась широкая долина с извилистыми ручьями и реками. Временами попадались фруктовые сады — жалкие, в запущенном состоянии. Тут и там виднелись участки распаханной, обработанной земли, однако на них ничего не росло. Встречались и ветряные мельницы — заброшенные, с разлохмаченными, обвисшими крыльями.

— Уж не чума ли здесь свирепствовала? — сказал Солдат ворону. — Погляди: поля запущены, на мельницах никто не работает. Налицо все признаки мора...

Они петляли среди холмов, пока не вышли на широкую равнину. На ее краю, заметив впереди огни сторожевых костров, Солдат с вороном остановились на ночлег.

На рассвете они двинулись дальше и вскоре увидели высокую городскую стену. Под стенами были разбиты шатры, похожие на карфаганские; среди шатров бродили солдаты. Все указывало на то, что город находится в осаде.

— Не стоит нам ввязываться, — встревоженно заметил ворон. — Со мной-то ничего не случится, но тебя могут схватить и обвинить в шпионаже. Или призвать на военную службу... Может, обогнем город?

Солдат огляделся по сторонам и быстро понял, что обойти армию невозможно. Лагерь протянулся из конца в конец узкой долины. Придется переговорить с местными. Солдат сообщил об этом ворону и направил коня вперед. Через час они въезжали в лагерь

осаждающей армии. Часовой окликнул его и спросил пароль, держа наготове копье.

— Я не знаю пароля, — отвечал Солдат. — Я чужой в этих землях.

— Этого не может быть, — возразил часовой. — Ты либо перебежчик-плеторит, либо самонит, подобно мне. Так кто же?

— Говорю тебе: я пришел из-за болот, которые лежат вон за той горной грядой. Из страны, называемой Гутрум. Я принадлежу к армии карфаганцев — народа, живущего за Лазурным морем.

Часовой подался вперед, заглянул ему в лицо, и с губ его сорвался изумленный возглас.

— У тебя голубые глаза колдуна! Узрите! Явилась тварь из глубин преисподней! Она накличет на нас смерть...

Из ближайшего шатра выскочили солдаты, по большей части без доспехов. Очевидно, тревога застала их во время еды или отдыха, и воины не ожидали нападения. Однако они были вооружены и готовы к битве. Впереди шагал капитан. Увидев одного-единственного всадника, капитан решительно направился к часовому и потребовал разъяснений.

— Это злой волшебник, — ответил часовой, не отводя глаз от лица Солдата. — Зрите, мой капитан: у него глаза волка, а на плече сидит колдовская птица — ворон.

Капитан оглядел Солдата и с отвращением оттолкнул копье стражника.

— У волков ореховые глаза, болван. А этот человек обладает глазами ангела из лазурного мира. Не ангел ли ты, пришелец?

— Нет, — отозвался Солдат. — Я путешественник, странник. Я брожу по миру в поисках ответов на три загадки, которые должен решить. Все, что мне нужно, — это свободно миновать вашу армию. Также я буду благодарен за еду и питье. Мой ворон ручной, никакой магии в нем нет... — Ворон хрипло каркнул, демонстрируя, что он всего-навсего обычная птица. — Я не желаю никому вреда и не умею колдовать. И я не демон из ада, за которого, кажется, принял меня твой человек. Я всего лишь рыцарь в походе, и я ищу ответы на свои вопросы...

Некоторое время капитан молчал, рассматривая лошадь и всадника. Затем он кивнул:

— Следуй за мной, рыцарь. Тебя накормят и напоят, а ты тем временем расскажешь свою историю, ибо она мне зело интересна. Будь гостем в моем шатре.

Прежде чем уйти, капитан обернулся к солдатам:

— Когда вас в следующий раз призовут к оружию, будьте расторопнее. За то время, пока вы, олухи, снаряжались, плеториты могли успеть дважды захватить лагерь...

Солдат решил, что капитан не вполне справедлив к подчиненным. Те примчались немедленно, едва услышали зов. Но офицеру положено время от времени распекать своих людей, а рядовые привыкли к недовольству командиров.

Спешившись и ведя коня в поводу, Солдат последовал за капитаном к его шатру. Внутри было прохладно. Пол покрывали ковры и подушки, а стены украшали гобелены. На низком столике стояли яства и вина. В шатре сидели семь девушек, похожих друг на друга, точно горошины из одного стручка, — и чертами лица, и одеждой. Хозяин пригласил Солдата располагаться. Девушки прислуживали им, хихикая и смущенно пряча глаза, стоило им встретиться взглядом с Солдатом.

— Очень милый шатер, — похвалил Солдат, пригубив прохладного, ароматного вина из золотого кубка. — Какая роскошь! А что, все ваши офицеры живут подобным образом?

— О нет, — отвечал хозяин, раздраженно отстраняя девушек. — Я очень богат. По большей части капитаны живут весьма скромно. Но мой батюшка — король нашего города. Я одиннадцатый из двенадцати его сыновей. Почти все мои братья — генералы, и лишь мы с младшим братом пока что в чине капитана. — Он вздохнул. — Но я не жалуюсь. Меня это устраивает. Не люблю брать на себя большую ответственность. Я предпочитаю более спокойную жизнь, нежели та, что ведут мои старшие братья. У меня водятся деньги, и я командую небольшим отрядом. Вполне достаточно. Мне не приходится думать обо всех этих грудах оружия и доспехов... Видел бы ты интендантские списки моих братьев! А сколько в наши дни стоит лошадь! Страшно подумать. Нет-нет, лучше я потрачу деньги на изысканные яства и редкие специи, чем выкидывать их на лошадей и штаны для армии... Впрочем, оставим это. Поведай мне свою историю, — сказал он, потягивая вино. — Я весь внимание. Обожаю чудесные истории. Особенно о странствиях и приключениях.

Глава четвертая

После еды девушки обнесли шатер миррой и ладаном, чтобы избавиться от запаха жареного мяса, затем подали мужчинам кальян. Солдат обыкновенно не курил, однако он чувствовал, что отказаться будет неправильно. После нескольких затяжек в голове зашумело, потом он ощутил приятную расслабленность и умиротворение.

— Прежде чем я начну рассказ, — сказал Солдат, — не назовешь ли ты мне свое имя?

— О, вне всяких сомнений. Я — капитан Фабулет. Само собой, я еще и принц, но на войне мы привыкли использовать звания. А как прозываешься ты?

Рыцарь решил не вдаваться в подробности своих заключений и поведать лишь ту часть истории, которая была связана с его походом.

— Меня называют Солдатом.

— Любопытно, и любопытно весьма. Ты солдат по долгу, и зовут тебя Солдатом. Продолжай же.

— Я — главнокомандующий Красных Шатров, армии наемников Карфаги. Это государство расположено очень далеко от вашей долины. Тамошние жители зарабатывают себе на жизнь тем, что предоставляют воинов городам и странам, которые не могут себя защитить.

— Отменное занятие. Продолжай.

— Город, который мы охраняем сейчас, называется Зэмерканд, в стране Гутрум. Гутрум находится за горами, окружающими вашу долину. А надо сказать, что за эти горы не решается заходить никто, кроме самых отчаянных и отважных путешественников.

— Вроде тебя... А дальше?

— Моя жена — королева Зэмерканда. Однажды ее похитили и отвезли в далекую пустыню, в Город Песков. Там королева потеряла память. Жрец сказал мне, что единственный способ вернуть ее — разыскать три предмета, которые находятся в ваших краях. Мы называем их Неведомыми Землями.

— Поразительно! — сказал Фабулет, выдыхая клуб дыма. — Воистину чудесная история! И что же за три предмета должно тебе разыскать здесь, в Сцинтуре, счастливой стране счастливых людей?

Солдат был несколько озадачен подобной характеристикой Сцинтуры. Лично он полагал, что трудно назвать счастливой страну, охваченную войной...

— Ах, в том-то вся и загвоздка, — ответил он Фабулету. — Я не знаю, что это за предметы. Они описываются в трех загадках, которые сначала нужно разгадать. Если хочешь, я перескажу их тебе. Возможно, ты сумеешь что-нибудь понять. Если тебе удастся разрешить хотя бы одну из них, я буду твоим вечным должником.

— Что ж, — сказал Фабулет. — Я не ученый. Однако могу попробовать.

Солдат процитировал загадки. Фабулет погладил свою длинную шелковистую бороду и глубоко задумался.

— Хм-м... Серебряное вместилище песни вечного пленника? Золотое нерожденное дитя? Сплошная лирика. Поэзия! А в поэзии я не силен. Слишком много там всяких выкрутасов и экивоков. Простые вещи обозначаются сложными понятиями и приукрашиваются до такой степени, что зачастую неясно, о чем вообще идет речь. Нефритовая вдова, которая поедает своих мужей? — Внезапно выражение лица Фабулета изменилось. — Постой, постой, мой друг... Возможно, я просто беспечный королевский сынок, который не особенно жалует книги, но все ж не дурак. И сейчас что-то блеснуло в моей голове, как медная монета в пыли. Послушай-ка, разве саранча не цвета нефрита?

Солдат нахмурился.

— Саранча? Но разве самка саранчи съедает своего мужа?

Фабулет принял удрученный вид.

— Вроде нет...

Но тут что-то щелкнуло в голове у Солдата, и его осенило.

— Нет, не саранча и даже не кузнечик, хотя оба они нефритового цвета. Богомол! Да, самка съедает партнера после спаривания, точно. «Нефритовая вдова, пожравшая мужа и за то не покаранная...» Самка богомола и есть нефритовая вдова. Она поедает своих мужей и делает это безнаказанно, ибо так велит ей природа. Кажется, мы вычислили первый предмет.

— Гениально! — воскликнул юный Фабулет, хлопнув Солдата по плечу. — Ну что же, я подсобил тебе. Приоткрыл занавес тьмы, позволив лучику света упасть на одну из загадок. Начало — половина дела. У тебя в руках ключ, с помощью которого ты отомкнешь и остальные головоломки. Коли ты вскрыл один замок и увидел его механизм — считай, что видел их все. Давай-ка подумаем о прочих загадках... А недурной табачок, верно? Я его люблю. Прочищает мозги и помогает отрешиться от грязной мороки армейской жизни. Парады, инспекции? Фу! Маршировки, команды, учения, маневры... Они захламляют разум. Но сей золотой урожай, высушенный на чистейшем пламени, охлажденный чистейшей водой, выдувает весь мусор из моей головы.

Некоторое время они сидели в молчании, размышляя над остальными загадками, но в конце концов вынуждены были признать свое поражение. Одной загадки за раз оказалось достаточно.

— Мозги утомились, — подвел итог Фабулет. — Размышляя, бойся переусердствовать, иначе можно упасть в обморок.

— Тогда расскажи мне, что происходит в вашей долине, — попросил Солдат. — Почему вы встали лагерем под стенами этого города?

Фабулет замялся, и Солдат, опытный в подобных делах, понял его сомнения.

— Ты подозреваешь, что я могу оказаться шпионом? Посмотри в мои голубые глаза. Они подтвердят, что я никогда не служил ни вашим врагам, ни союзникам. Я ничего не смыслю в здешних делах, поскольку пришел из-за гор лишь нынче утром. Я не знал, кто здесь обитает, не знал, какие опасности меня здесь ждут. В моей стране говорят, что люди, уходящие в эти земли, никогда не возвращаются. Одни полагают, что здесь находится рай. Поэтому те, кто попадает сюда, не желают уходить. Другие верят, что это ад, и тем, кто входит в его пределы, не позволено возвращаться.

Несколько секунд Фабулет пристально смотрел в глаза Солдата. Затем глубоко затянулся дымом кальяна и кивнул:

— Я верю тебе, Солдат. Что ж, ты военный и сам все понимаешь. Мы, самониты, осадили город Ут. В то время, как наш родной город Гед осаждают плетериты из Ута.

Солдат заморгал.

— Погоди-погоди, дай разобраться. Армия Геда осаждает Ут, а меж тем армия Ута осаждает Гед?

— Верно. Мы с Утом давно уже на ножах. Как-то они украли нашу овцу...

Теперь Солдат начал понимать. Он перебил Фабулета:

— А вы крадете их скот?

Принц вздрогнул.

— Да. Как ты узнал?

— На границе такие вещи встречаются сплошь и рядом. Однако продолжай.

— Мы начали красть их скот, потому что они украли нашу овцу. Разумеется, пастухи из Ута говорят, что мы первыми похитили их коров, но это ложь. Так или иначе, страсти накалились до предела. Тогда мы решили пойти войной на Ут, дабы раз и навсегда расставить все по местам. Мы не знали, что в тот же самый день Ут пошел войной на Гед. Армии шли по разным сторонам долины и разминулись друг с другом. Достигнув стен Ута, мы обнаружили, что его защищают городская стража и народное ополчение. А через некоторое время пришло известие, что Гед в осаде и его защищают наша собственная стража и народное ополчение. Патовая ситуация. И это длится вот уже много лет.

— Почему бы армиям не встретиться на нейтральной территории между городами и не покончить со всеми проблемами одной решающей битвой? Войны изнуряют. А долгие войны изнуряют

вдвойне. Что же до осад — то это наиболее утомительное времяпрепровождение.

— Люди Геда убеждены, что Ут вот-вот падет. Там царит голод. Началась эпидемия. Скоро, очень скоро у них кончатся вода и пища, они ослабеют от болезней и откроют ворота.

— И давно ли это продолжается?

Фабулет пожал плечами.

— Сколько я себя помню.

— А в армии на другом конце долины, видимо, говорят то же самое. Подумай о ваших женах и детях в Геде. Разве не разумнее было бы пойти и освободить его?

Фабулет снова пожал плечами:

— Я всего лишь сын моего отца. Армией командует король. Он страшно зол на жителей Ута и раздражен их сопротивлением. Отец говорит, что, когда город падет, мы пережжем их всех до последнего младенца. Никто не может его вразумить. Даже один из моих старших братьев, который пытается это сделать уже многие годы. Отец не уйдет, пока не возьмет Ут, и тогда он обрушит страшные кары на его защитников.

— Знакомая история, — вздохнул Солдат. — Надо думать, ваши овцы кормят армию Ута, пока вы едите их скот. Кто эти девушки? Заложницы?

— Да, дочери правителя Ута. Подлый король взял в плен моих собственных сестер и не отпускает их.

Вот ведь дерьмовая история, подумал Солдат, но вслух он этого сказать не успел. Откинулся полог, и в шатер вошел крепкий мускулистый человек. Он был облачен в стеганую куртку с кольчугой поверх нее и остроконечный шлем. Тяжелый меч свешивался с его пояса, кончик ножен волочился по земле. Воин грозно глянул на Фабулета.

— Сын! Почему прохлаждаешься в шатре и развлекаешь гостей, когда мы бьемся под стенами Ута? Отчего твоих солдат не было ноне на штурмовых лестницах? И кто этот человек, посмевший оторвать тебя от прямых обязанностей?

— Это Солдат, отец. Он явился из страны за горами. Он сам — предводитель армии. Я просто дарю его гостеприимством, которым так славен город Гед.

— И где же твоя армия, генерал? — спросил король, выглядывая из шатра. — Здесь? В наших землях?

— Нет, сир, — отвечал Солдат. — Я приехал один, по личному делу.

Король кивнул и нахмурился:

— Итак, ты командир? Что ж, возможно, твой боевой опыт и знание военного дела будут нам полезны. Мы должны разбить наглецов из Ута... Полагаю, у тебя есть опыт осад. Что присоветуешь? Может быть, построить скат? Осадную башню? Вырыть туннель под стенами? Или же ночной штурм будет более удачным решением? Я тут попытался пойти на хитрость: собрал армию и притворился, будто ухожу домой. А возле ворот оставил огромного деревянного быка, полого внутри, посадив в него своих воинов. Я надеялся, что плетериты затащат быка в город, а ночью мои люди выберутся и откроют нам ворота. Увы, затея провалилась, потому что от платформы оторвалось колесо, и вся конструкция опрокинулась... Есть идеи? Порадуй нас своими обширными знаниями.

— Честно сказать, сир, у меня нет никакого желания ввязываться в битву.

— Что за речи ты ведешь? — вскричал король, ударив себя по бедру кожаной перчаткой. — Останься и помоги нам, ибо таково мое желание!

— Отец, — перебил принц Фабулет, — этот человек выполняет священную миссию. Он должен вернуть своей жене утраченную память. Боги разгневаются на нас, если мы станем его отвлекать.

— Мы отвлечем его на несколько дней. Боги и внимания не обратят. Он предводитель армии, наверняка имеет опыт сражений и диверсий. Только глянь на этого человека: воин от макушки до пят. Да у него на лбу написано, что он славный вояка и отличный командир. Отважный. Гордый. Властный... Ты мне нравишься, Солдат. Готов поспорить, ты выиграл множество войн и сражений. А? Не сомневаюсь, я прав. Дозволяю тебе осмотреть мои войска. Идем же! Идем и вместе глянем на стены сего города — хотя меня уже тошнит от одного их вида... Ты должен посоветовать нам, как улучшить текущую ситуацию... Но говори честно и откровенно, не крути. Раскрой нам правду, какой бы она ни была. Ты понял меня, сэр?

Солдат понял другое: просто так от короля не отделаться. Сейчас у него не было иного выхода, кроме как выполнить требования правителя. И впрямь он мог указать несколько новых способов осадной стратегии. В сопровождении короля Солдат обошел вокруг стен Ута, осмотрел диспозицию, а заодно попытался убедить предводителя армии, что перемирие будет наилучшим выходом из положения. В самом деле: обе стороны имели равные возможности и никаких преимуществ друг перед другом. Ничто не предвещало близкой победы. Именно это Солдат и попытался втолковать королю.

— Если вы сровняете город с землей, то ваши противники сделают то же самое с Гедом. Вы оба останетесь у разбитого корыта. Я бы советовал начать переговоры с правителем Ута, отвести армии по домам и мирно жить каждому в своем конце долины.

— Да не шпион ли ты? — пробормотал король, сузив глаза. — Иначе зачем тебе произносить сии изменнические речи...

— Нет, не шпион. Я чужой в этих землях и не поддерживаю ни самонитов, ни плеторитов. Я просто говорю то, что думаю, сир.

— А я-то считал тебя настоящим воином, — сказал король, глядя на него с отвращением. — Я открыл тебе свое сердце — и что же получил в благодарность? Никчемную болтовню о мире! Мой собственный сын все уши мне прожужжал сей чушью, а теперь и ты туда же! Я помилую тебя, поскольку ты странник и ничего не смыслишь в здешних делах, не понимаешь истинных причин войны. Но я тебе объясню: люди из Ута принесли горе в нашу прекрасную долину. Они крадут наших овец, уводят наших женщин... Они напали на наш город — коварно, без предупреждения...

Король произнес пламенную речь, перечисляя преступления соседнего города-государства. Солдат решил не заострять внимания на том факте, что люди данного короля повинны в тех же самых проступках. Он понимал, в какой щекотливой ситуации оказался. Как иноземца его могут объявить шпионом противной стороны — кто угодно и когда угодно.

Король еще долго продолжал говорить — бурно и напыщенно. Он осекся, когда на городских стенах и в его собственном лагере внезапно ожили катапульты. Огненные шары сыпались сверху и падали на шатры. Камни и массивные стрелы летали тучами. Затем на одну из сторожевых башен города обрушилась массированная атака, которая, впрочем, была успешно отбита. Вскоре все утихло, и лагерь нападающих впал в состояние оцепенения, которое всегда следует за жарким боем. Солдат знал: за городскими стенами сейчас происходит то же самое. Нужно обиходить раненых и похоронить убитых. А через некоторое время жизнь войдет в свое привычное русло: откроются лавки, восстановит работу ярмарка, дети снова будут бегать по улицам, играя и забавляясь...

Ближе к вечеру ворота города немного приоткрылись, и наружу вышел огромный воин в полном боевом снаряжении.

— Эй! — крикнул плеторит. — Я, Джаггармунг, вызываю на поединок трусливых самонитов. Если победа останется за мной, вы снова доставите нам пищу и воду. Если же я проиграю, город Ут откроет ворота на час, и самониты могут пытаться войти — на свой страх и риск.

Воин стоял, опустив меч, ожидая поединщика из рядов самонитов.

Теперь понятно, как плеторитам удалось продержаться так долго, подумал Солдат. Их чемпион выигрывает бой, и противники обеспечивают город едой. Но что, если кто-нибудь его побьет? Тогда Ут неизбежно падет.

Он поделился своими мыслями с Фабулетом. Юный принц сказал:

— На самом-то деле мы много раз побеждали их чемпионов — так же, как и они наших. Но в городе Ут очень узкий вход. Мы не можем ворваться туда всей армией, посему отправляем отряд добровольцев. Обычно за час они ухитряются пробить себе путь, но, оказавшись внутри, погибают или попадают в плен. Таким образом, все начинается сызнова...

Солдат в очередной раз убедился в тщетности войны в долине. Он провел с Фабулетом следующие два или три дня, позволяя отцу принца считать, что готовится оказать им помощь, а в одну из ночей ускользнул из лагеря. Солдату удалось решить загадку, и он понимал — время потрачено не напрасно.

Ворон был очень доволен. Он похвалил его за богомола и спросил, настоящее ли это насекомое, или сделанное из нефрита.

Они пробирались по краю долины, используя горные тропы. Это была единственная возможность продвинуться дальше, избежав встречи с армией Ута, обложившей Гед.

— Если принять в расчет остальные две загадки, — рассуждал Солдат, — то я бы сказал, что это какая-то резная вещица, статуэтка. В прочих головоломках сказано о предметах из золота и серебра. Если зеленые вещи встречаются в природе довольно часто, то в отношении серебра и золота это отнюдь не так...

— Тогда что мы ищем? Сокровищницу?

— Возможно. Или храм. В храмах часто встречаются резные работы великой красоты и искусства. Мы должны продолжать свои поиски. Предлагаю поговорить с местными жителями и надеюсь, они не отнесутся к нам враждебно.

— К тебе, Солдат, к тебе? Мне нужно опасаться только орлов в небе.

— Ну да. Вон как раз один из них кружит над головой.

Наверху и в самом деле парил орел, поднимаясь в небесные выси с потоками теплого воздуха.

Ворон втянул голову в плечи.

— Злобные твари эти орлы, — пробормотал он.

— Полагаю, черви думают то же самое о воронах.

— Черви не высшие существа, они не считаются.

— Скажи это червю.

Так, добродушно препираясь, они продвигались все дальше и дальше, покуда Солдат не приметил одинокую хижину в конце одного из ущелий. Путники достигли бревенчатого дома, когда солнце уже начало клониться к закату. Из отверстия в крыше вился дымок; очевидно, хижина была обитаема. Солдат отыскал место, поросшее сочной травой, и стреножил лошадь. Затем подошел к двери хижины и громко постучал. Ответа не последовало. Тогда Солдат открыл дверь, ступил внутрь, вглядываясь в полумрак, и увидел сгорбленную старческую фигуру, склонившуюся над очагом. Похоже, обитатель хижины готовил себе ужин. Он обернулся — и в тот же миг старик и Солдат узнали друг друга. Оба издали вздох изумления, а затем старик быстро выхватил кинжал.

— Ты отправился в погоню за мной! — крикнул он. — А ведь давал слово, что никто не станет преследовать меня в этих богами забытых землях!

— Гумбольд! — оторопело пробормотал Солдат. — Я и понятия не имел...

— Ты явился убить меня, хотя клялся не причинять мне вреда.

Солдат уже успел пожалеть об этой клятве, но честь требовала сдержать слово. И не имело значения, что ненависть к этому человеку вздымалась в груди и обжигала горло, как горькая желчь.

— Я не ждал встретить тебя здесь, — холодно ответил Солдат. — Я пришел из долины, где расположены города Ут и Гед... — Гумбольд непонимающе глянул на него. — Ты их не видел? — спросил Солдат. — Не заметил две огромные армии?

— Я прошел вдоль гребня между двумя горными грядами и не видел ни единой живой души. За исключением банды убийц. — Лицо Гумбольда потемнело от ярости. — Сопливые ублюдки Гидо и Сандо послали их по моим следам. Я поймал одного из головорезов, затянул петлю у него на шее и держал так, пока он не рассказал мне о своем задании. Потом, разумеется, я выбил бревно у него из-под ног... Что же до остальных — я перерезал им глотки, пока они спали. Оставил их валятся там, как дохлых летучих мышей. Неужто юные подонки рассчитывали убить меня без труда, играючи?

Солдат был шокирован рассказом Гумбольда.

— Очевидно, мы пришли разными дорогами, — сказал он. — И ты первым добрался до хижины. Жаль, у меня нет другого укрытия на ночь. Ты-то в безопасности — насколько это зависит от меня. А вот мне придется нынче спать вполглаза — с таким соседом, как ты.

Поняв, что Солдат изумлен не меньше его самого, Гумбольд расхрабрился. Было очевидно: рыцарь не преследует его, а направляется по своим собственным делам. Низложенный король презрительно искривил губы и принялся сетовать на соседство с ненавистным врагом. Гумбольд ныл и требовал одновременно.

— Я первый нашел эту хижину. Ищи себе другую.

— Невозможно. Уже стемнело, и, похоже, ночи в горах холодные.

— Это не мои проблемы. И не жди, я не поделюсь с тобой едой.

— Еще чего не хватало! Твоя еда у меня во рту, пожалуй, превратится в пепел.

— И прекрасно.

— Куда уж лучше.

— Отправляйся спать в лес!

Солдат поднял брови.

— Сейчас, уже побежал... Ты мне приказываешь? По какому праву? Канцлера или, может, короля?.. Ты конченый человек, Гумбольд, и больше не отдаешь приказов. А я, между прочим, консорт королевы Зэмерканда.

— Смотри не лопни от гордости, самодовольный петух! — рявкнул Гумбольд. — Здесь нет твоей королевы. Здесь ты пария с нелепыми синими глазами. Я могу кликнуть десяток местных жителей, и они с превеликим удовольствием спалят тебя на костре как колдуна. Ты недочеловек, ты даже не знаешь, кто ты и откуда взялся.

— А вот тут ты ошибаешься, Гумбольд! — воскликнул Солдат. Он понимал, что не стоит делиться с Гумбольдом сведениями, которые тот мог обратить себе на пользу. Понимал — и все же не сумел сдержаться. — Я знаю, кто я такой! Я Валехор, рыцарь из приграничных земель между двумя великими королевствами англичан и шотландцев. Что, съел?

Гумбольд покосился на Солдата и осклабился.

— А, так ты нашел свой меч? Память мало-помалу начала возвращаться? Тогда ты должен помнить своего заклятого врага Драммонда.

Солдат был изумлен.

— Ты знаешь о Драммонде?

Гумбольд рассмеялся.

— Он меня навещал. Нет, не до твоего прибытия. Иначе я бы убил тебя в тот же миг, когда ты впервые вошел в Зэмерканд. Драммонд был у меня, пока ты шлялся по пустыне Уан-Мухуггиага. Я пообещал ему, что в следующий раз, как ты окажешься в моей власти, я передам тебя ему в руки.

— Где этот негодяй? — Солдат положил ладонь на рукоять меча, и воспоминания нахлынули тяжелой волной. — Я обязан примириться с ним, но если он откажется от мира — я буду драться. В любое время и в любом месте. Поединок. Или он до сих пор остался трусом и прячется от меня?!

Солдат противоречил самому себе. Раздерганные чувства боролись за власть над его разумом. Солдат словно был одновременно в двух местах, разрываясь между войной и миром.

— Я впадаю в такую ярость, когда слышу его имя, — пробурчал он, — что теряю контроль над собой.

— Драммонд не трус, и тебе это отлично известно. Вы неоднократно встречались с ним в битве. Он готов драться с тобой хоть завтра. Но некая неведомая сила не позволяет вам встретиться. Вы — два ключа к судьбе двух миров. Мира, из которого вы явились, и мира, в котором пребываете сейчас. И только один из ключей отомкнет замок будущего. Ты ли это, Солдат? Надеюсь, нет. Я молюсь богам и чародеям, чтобы это оказался Драммонд.

— Как ты узнал обо всем прежде меня? — воскликнул Солдат с болью в голосе. — Ты, марионетка, паук, сидящий на троне, будто в центре паутины. Человек, который лелеял свои амбиции, не выбираясь за стены Зэмерканда! А я столько путешествовал...

— А знаешь почему?

Солдат осекся.

— Что — почему?

— Почему ты столько путешествовал, идиот?

Солдат пропустил оскорбление мимо ушей.

— Полагаю, сейчас ты расскажешь. Кажется, ты знаешь обо мне все.

— Ты проклят. Ведьма, которую ты убил во время резни в клане Драммондов, наложила на тебя заклинание. Проклятие странствий. Каждый раз, как ты пытаешься осесть, завести семью, зажить спокойной, счастливой жизнью, что-нибудь обязательно случается. И тебе приходится отправляться в поход. Сначала ты пытался излечить уродство своей жены, потом — ее безумие. Теперь разыскиваешь ее память... До сих пор ничего не понял, чурбан? Ты вечно где-то болтаешься, шляешься по диким местам, не в силах познать радость мирной, тихой жизни... Ох какой же ты дурак, Солдат. Я смеюсь над твоим невежеством. — Гумбольд опустил взгляд, посмотрев на руку Солдата. — Недавно ты справедливо предположил, что твой меч хранит утерянные воспоминания. Они влились в него, а уж потом втекли в твою руку — в яростном водовороте последней битвы в том приграничном королевстве, о кото-

ром ты говоришь. А уж оттуда память, заключенную в твой меч, забрали бегущие воды. Они принесли ее в место отдохновения потерянных мечей — подземное озеро.

— Как это возможно?

— Очень просто. Все воды всех миров тени так или иначе воссоединяются. Ручей впадает в реку, река в море, а море — часть океана. Течения влекут за собой самые разные предметы и оставляют их то тут, то там...

— Нет, не то. Как все это возможно? Постой-ка... Ты сказал «миры тени»?

— Ты никогда не ходил в школу, Солдат? И не беседовал надлежащим образом с нашими философами и жрецами? С людьми, которые знают все о царстве духов? Разумеется, нет! Ты воин, а не ученый. И не станешь терять время на призрачные теории об устройстве вселенной, верно? Вы, молодежь, все сплошь жуткие невежды. Те, кто жаждал знаний, отправились к мудрецам, задали им вопросы, выслушали ответы. Я, может быть, в твоих глазах и злодей, Солдат. Но у меня достаточно мозгов. Я образованный злодей.

— Ты хвастун. Однако давай послушаем твою историю.

— С тех пор как все мы оказались в западне этой реальности, я накрепко запомнил урок, который усвоил у жрецов. Существует только один мир; он подобен костру в пещере и, как огонь, отбрасывает тени на ее стены. Эти тени — тоже миры, но более тусклые и отличаются от своего прародителя. Неровная поверхность скалы, на которой они пляшут, искажает их очертания. Ты находишься в мире тени, Солдат.

— А мой старый мир, стало быть, настоящий! — выдохнул рыцарь.

Гумбольд ухмыльнулся.

— Ты еще более глуп, чем я думал. Разумеется, нет. Это тоже тень. Ты и я — всего лишь люди. Мы не можем жить в истинном мире. Он слишком ярок для наших глаз, слишком горяч для наших тел, слишком жесток для наших душ. Там мы бы ослепли, растаяли и испарились за несколько секунд. Даже семеро богов не сумеют в нем выжить, так что ж говорить об обычных смертных! Некоторые говорят: истинный мир — это рай, где обитают души. Другие полагают, что для людей он недостижим. Там обитают какие-то иные сущности, наслаждаясь чудесным светом и вечной радостью.

— У меня и сейчас есть свет и радость! — крикнул Солдат. Откровения, которые он выслушивал в убогой лесной хижине из уст презренного врага, повергли его в растерянность. Как же так? Гад-

кий человек, не стоящий грязи на когтях ворона, подлец, которого он ненавидел всей душой, просвещает его...

В отчаянии Солдат посмотрел на ворона, сидевшего, склонив голову набок, и слушал, слушал...

— Ты лжешь. Ты хочешь, чтобы я почувствовал себя слабым и уязвимым.

Гумбольд удивленно посмотрел на Солдата и устало покачал головой.

А ворон произнес:

— Он говорит правду, Солдат.

Солдат резко обернулся к птице:

— Ты тоже знаешь обо всех этих вещах?

— Нет. Но я чувствую, когда человек лжет.

У Солдата екнуло сердце. Он сам ничем не лучше Гумбольда — человека, которого он презирал и ненавидел всей душой. Он тоже убивал, движимый лишь местью. Сейчас, когда он держал ладонь на рукояти меча, его память вытекала из клинка и подобно грязной воде просачивалась в разум. Любимая им некогда женщина — первая невеста Розалинда — была из Драммондов! Там, в далеком мире, родич Солдата рыцарь по имени Лохинвар тоже полюбил женщину из вражеского клана. Лохинвар похитил возлюбленную и увез ее в далекие края. Однако Валехору была уготована другая судьба. Он также бежал со своей невестой, но преследователи настигли их в заснеженном лесу, и женщина пала под ударом драммондовского меча. Меча ее собственного брата!..

Древняя клановая вражда разгорелась снова, кровь потекла по земле. Валехоры убивали Драммондов, Драммонды убивали Валехоров, пока один рыцарь Валехор не заманил в ловушку весь клан Драммондов и не вырезал его. Всех, кроме одного человека. И теперь этот человек преследовал его, перемещаясь по мирам. Их обоюдная ненависть сметала любые преграды. Да, Валехор тоже убил женщину — молодую жену Драммонда, одетую в мужские доспехи. С тех пор Драммонд пылал жаждой мести... А как, должно быть, забавлялись боги, глядя на них!

— Ладно, хватит! Не желаю больше ничего слышать, — сказал Солдат, понимая, что на сегодня с него достаточно откровений и переживаний. — Если я увижу Драммонда, то пройду мимо него без единого слова.

— Ха! — воскликнул Гумбольд. — А мне придется ночевать в одной хижине с болваном из ниоткуда.

— Можешь уходить. Как раз поднялся ветер, я слышу, как он воет среди деревьев. По моим подсчетам, ты замерзнешь, прежде

чем доберешься до нижней тропы. Не желаешь оставаться — вали отсюда.

— Смотри, допрыгаешься! Я зарежу тебя во сне. Спи почутче, не то... *ургггххх*...

Солдат в два шага пересек комнату. Его лицо перекосило от злости. Гнев вздымался в груди и опалял внутренности огнем. Он был готов переломить шею Гумбольда, как прутик. Солдат схватил старика за горло и стиснул покрепче. Глаза канцлера наполнились страхом. Слабыми пальцами он вцепился в запястье Солдата, но не сумел ослабить его хватку. Гумбольд понимал, что он на волоске от смерти, и быстро пошел на попятный.

— Пожалуйста, — выдохнул он, силясь оторвать руку Солдата от своей шеи. — Хватит... Не надо!..

Солдат, ослепленный яростью, едва мог говорить.

— Если... если ты... сделаешь хоть один шаг ко мне... к моей постели, я тебя раздавлю, как клопа, понял? Ты понял?!

Гумбольд судорожно кивнул.

Солдат отпустил его, понимая, что в очередной раз позволил черным страстям овладеть разумом.

Гумбольд упал на пол, держась за шею, корчась и тяжело дыша, а Солдат повернулся к нему спиной и вышел на улицу — проведать лошадь и вдохнуть свежего воздуха. Ему нужно было усмирить ярость, бушевавшую в душе.

За стенами хижины задувал буран, и несчастная кобыла дрожала под ударами ветра. Позади хижины располагался навес, однако для лошади под ним недостало бы места, поскольку там уже стоял осел Гумбольда. Солдату пришлось отвести лошадь в хижину. Несчастное животное едва протиснулось в дверной проем; копыта застучали по деревянному настилу пола. В хижине было не так уж много места. Солдат устроил кобылу у стены, под скатом наклонной крыши, возле крошечного незастекленного оконца. Лошадь сочла, что здесь гораздо уютнее, чем на улице. Она покорно стояла на месте и сквозь дымоходное отверстие глядела наружу, где гнулись под ветром черные стволы деревьев.

Гумбольд поднялся с пола, потирая шею, доковылял до скамьи с разложенной постелью и опустился на краешек. Так он и сидел, не шевелясь и глядя в пол.

— Ну что ж, если вы выяснили отношения, то не пора ли нам устраиваться на ночлег?

Это, разумеется, сказала черная птица, восседавшая на скамье Солдата — в противоположном от Гумбольда конце комнаты.

— А, ворон, — вяло пробормотал Солдат. — Я совсем позабыл о тебе. Тебя надо покормить? Не знаю, какой пищи тебе предло-

жить — уж точно не червей. Я собираюсь принести сена для кобылы.

— Нет уж, спасибо. Я буду есть то же, что и ты. Иди за сеном, а я присмотрю за его величеством.

Гумбольд поднял глаза и тяжелым взглядом уставился на птицу.

— О, — сказал ворон. — Я затронул больное место.

Солдат снова вышел на ветер, который задувал между деревьями и выл под карнизами хижины. Он заглянул под навес и задумался, о чем размышляют ослы. Навес служил дровяным сараем и загоном. Здесь был выдолбленный из дерева желоб и ясли, приделанные к стене хижины. Сама хижина, очевидно, служила пристанищем для путников. Возможно, ее использовали гонцы, курсирующие между городами. Солдат взял охапку сена и вернулся в хижину, положил сено на пол перед кобылой, которая тут же принялась жевать, с благодарностью поглядывая на хозяина.

Гумбольд недовольно пробурчал:

— Твоя лошадь наложила на пол.

Солдат не ответил. Глупо было спорить с очевидным. На полу под крупом кобылы действительно лежала здоровенная, исходящая паром куча, и ее запах уже начал щекотать ноздри. Солдат взял два бревна из поленницы, подцепил лепешку навоза и выкинул в окно.

— Доволен? — спросил он Гумбольда.

— Лошадь должна стоять снаружи.

— Если кто и отправится наружу, то скорее ты, чем она.

— Хорошо сказано, — одобрил ворон, помахивая крыльями. — Давайте будем уважать права зверей и птиц... А где еда, Солдат?

— Скоро будет. — Солдат взял седельную сумку и поднес ее поближе к огню.

— Сперва вымой руки, — посоветовал ворон. — Не то чтобы я возражал против привкуса лошадиного дерьма, но потом меня начинает тошнить.

После еды все разошлись по своим углам. Солдат повесил ножны в изголовье кровати, зная, что они разбудят его, если ночью Гумбольд вздумает что-нибудь предпринять. Но прежде чем им удалось уснуть, ворон издал дикий крик. Солдат мгновенно вскочил на ноги и подбежал к окну, рядом с которым сидела черная птица, напряженно вглядываясь в ночь.

— Что такое?

— Дроты, — сказал ворон. — Их там тысячи.

Дротами называли кровососущих фей. Размером они были не больше указательного пальца человека и обожали пить кровь. Дро-

ты предпочитали людей — человеческую кожу не защищали ни шерсть, ни перья. Они впивались в тело, раздирали его своими острыми ногтями и принимались высасывать живительную влагу. Человек, захваченный ими вне укрытия, мог погибнуть через несколько минут. Солдат и его спутники были в безопасности за бревенчатыми стенами хижины, однако следовало быстро заблокировать все входы и выходы, чтобы дроты не смогли попасть внутрь.

— Живо! — велел Солдат Гумбольду. — Дымоход!

Канцлер повиновался без слов. Непримиримые враги работали бок о бок, защищая свою жизнь. Гумбольд поспешно плеснул водой в очаг и принялся с бешеной скоростью забивать тряпьем дыру в крыше. Солдат баррикадировал окно. Затем они вдвоем начали затыкать щели в полу и вокруг дверного косяка. Они лихорадочно трудились, в то время как ворон порхал по комнате и выдавал бессмысленные указания.

С улицы донесся шум. Будто бы град забарабанил по крыше. Маленькие тельца бились в окна, дверь и стены. Казалось, снаружи словно туча саранчи буйствуют миллионы дротов. Их крошечные крылья стрекотали в унисон. Солдату случалось сталкиваться с дротами, но никогда раньше он не встречал их в таком количестве. В Гутруме их численность контролировали хищники, поедавшие фей, однако в этих землях ничто не препятствовало их размножению. Если кровожадные феи ворвутся в хижину, все ее обитатели неминуемо погибнут.

— Следи за дверью! Что-то лезет вон в ту щель!

Дроты знали, что внутри хижины их ждет еда. Они унюхали конский навоз и пот; они жаждали крови. Хищные твари готовы были проломить хижину собственными телами. Они врезались в стены и бились о крышу. Отдельные дроты — немного более разумные, нежели прочие соплеменники, — пытались разыскать дыры и щели.

— Никогда не видел их в таком количестве, — сказал Гумбольд. — Если они ворвутся сюда, мы обречены.

Внезапно дроты перестали напирать. На улице воцарилась зловещая тишина.

— Что там происходит? — спросил Солдат, борясь с искушением вынуть одну из затычек и выглянуть в щель. — Вряд ли эти кровожадные твари убрались восвояси. Наверное, задумали какую-то каверзу.

Не успел он закончить, как с улицы послышался громкий скрежет, перекрывающий даже неистовый вой ветра. Казалось, неподалеку от домика кто-то пилит толстое дерево — «скрип-скрип, скрип-

скрип»... Обитатели хижины переглянулись, недоумевая, дроты ли производит этот странный звук, или же всему виной ветер.

— Давайте я погляжу, — сказал ворон. — Откройте малюсенькую дырочку, и я высуну голову наружу.

Солдат посмотрел на Гумбольда. Тот кивнул. В одной из стен они нашли дырку от сучка, замазанную глиной. Солдат взял нож и выковырял раствор, открыв отверстие, в которое могла бы пролезть голова птицы.

— Береги глаза, — предупредил он ворона. — Дроты вцепятся в тебя, как только заметят.

— За идиота меня держишь? — буркнул ворон. — В случае чего я уберу голову так шустро, что вы и моргнуть не успеете...

Солдат только вздохнул.

— Вы не поверите, — сказала птица через некоторое время.

— Что такое? — хором спросили Солдат и Гумбольд.

— Дроты собрались огромным роем возле толстенной сосны. Дерево клонится в сторону хижины... клонится... клонится... Феи напирают на ствол и собираются свалить его на крышу хижины. Ох! Оно и впрямь падает! Падает... Ой, мамочки!..

Причина последнего вскрика ворона стала очевидной, едва он выдернул голову из дыры. Клюв птицы был облеплен сосновыми иглами. Дерево рухнуло, едва-едва не зацепив хижину. Одна огромная ветка шлепнулась на крышу, но не сумела пробить покрывавший ее слой дерна. Впрочем, даже если бы сук разворотил дерн, он не проломил бы потолок, поскольку его перекрывали толстые сосновые бревна, скрепленные застывшей глиной.

Прежде чем они успели закрыть дыру от сучка, одна тварь ухитрилась проскользнуть внутрь хижины. Она кружила по комнате словно огромный комар, выискивая жертву. Солдат прихлопнул ее тряпкой, стараясь убить или оглушить. Однако гадина успела сесть на щеку Гумбольда и моментально вцепилась зубами в его верхнюю губу. Старик вскрикнул от боли, ударил тварь ладонью и ухитрился стряхнуть ее с себя. Фея описала дугу под потолком комнаты, ударилась о стену и упала на пол. Ее рот был набит окровавленной плотью. Гумбольд подскочил к ней и растоптал, прежде чем тварь успела очухаться. Послышался мерзкий хруст — будто раздавили гигантского таракана.

Солдат подобрал искалеченное тельце феи, серебристой самки. (Самцы имели темно-синий оттенок, а королевские дроты были пастельно-лиловыми.) Существо, которое Солдат держал в руках, было красиво. Фигура имела правильные пропорции и во всем — кроме размера — походила на тело здорового, стройного человека.

Мертвая фея недвижно лежала на руке Солдата. Миниатюрная головка покоилась на кончиках пальцев, а ноги — на ладони. Поднеся дрота поближе к глазам, Солдат рассмотрел тонкую линию, которая шла от головы и заканчивалась в паху, деля тело на две половины — словно миндальный орех или двустворчатую раковину. У феи были заостренные уши и огромные блестящие глаза. Ее лицо искажала гримаса дикой ярости, и оттого существо казалось омерзительно уродливым. Если б не маска всепоглощающей злобы, маленький дрот был бы красивейшим из созданий...

— Какие изящные крылья, — пробормотал Солдат. — Хрупкие и одновременно сильные. И прочные. Ты раздавил ее тельце, Гумбольд, а крыльям — хоть бы что! Клянусь богами: ими можно резать, как ножом, — до того у них острые края. А погляди на филигранный узор!.. И почему столь прекрасные создания так кровожадны?

— Таковы уж они есть, — буркнул Гумбольд, пытаясь остановить кровь, текущую из разодранной губы. — Проклятые твари!

Тем временем атаки на хижину возобновились. Дроты осаждали дверь, стараясь сорвать ее с петель. Затем снова наступила зловещая тишина; очевидно, феи придумали новую уловку. Вскоре что-то тяжелое ударило по крыше, и вся хижина содрогнулась. Так повторялось несколько раз, покуда потолок не начал прогибаться.

— Они сообща поднимают большие камни и кидают их на крышу, — сообразил Солдат. — Будьте готовы... Гумбольд, вон там, в углу, стоит метла. Она тебе пригодится... Ворон, я надеюсь и на твою помощь.

— О да! У меня есть клюв и когти.

В следующий миг огромный булыжник проломил потолок и рухнул на пол, едва не пришибив ворона. Дроты начали просачиваться в хижину через дыру, которая, по счастью, оказалась не слишком велика. Кобыла Солдата топталась в своем углу, лягаясь и всхрапывая. Она ничего не могла поделать с феями, обрушившимися на ее спину, но тех, кто пролетал мимо ее морды, хватала зубами и перекусывала напополам. Солдат бил жужжащих тварей огромной сковородкой, а Гумбольд прихлопывал их метлой. Ворон метался по хижине, сбивая дротов когтями и клювом.

Несколько тварей укусили Солдата. В конце концов он схватил табуретку и вбил ее в дыру в потолке, попутно раздавив нескольких фей. Затем он принялся за тех, кто еще оставался в комнате, размахивая сковородой и разбивая фей о стены. Покалеченные, изломанные дроты корчились на полу, но не желали сдавать-

ся. Они по-прежнему щелкали зубами, а их огромные глаза лучились дикой яростью. Солдат метался по хижине, давя их и слыша под ногами тошнотворный хруст маленьких костей. Никогда он не участвовал в такой отвратительной битве. Он что было сил стискивал зубы; к горлу подступала тошнота... Однако речь шла о жизни и смерти. Если они не перебьют дротов, те сожрут их заживо и обглодают до костей.

— Помоги мне! — взвизгнул Гумбольд, размахивая метлой. Его лицо было покрыто шевелящейся массой дротов. — Я ничего не вижу... Ничего не вижу! — Старик шарахнулся к лошади, которая к этому времени обезумела от страха и принялась лягаться. Она наступила Гумбольду на ногу, и тот закричал он боли: тяжелое копыто сломало ему ступню. В комнате царил хаос. Люди, лошадь и птица яростно отбивались от крылатых паразитов.

Ворон опустился на голову Гумбольда и принялся склевывать дротов, встряхивая их, как червей, и отбрасывая прочь. Лицо экскороля было покрыто кровью, но глаза остались в целости. Гумбольду повезло. Один дрот продолжал яростно цепляться за его ноздрю, дрыгая маленькими серебристыми ножками и молотя Гумбольда по зубам. Тот зажал фею между большим и указательным пальцами и отодрал от себя, вскрикнув от боли, поскольку вместе с феей вырвал несколько волосков из носа. В ярости Гумбольд перекусил дрота и выплюнул половинки на пол.

Наконец наступила передышка.

— Нужно разжечь огонь, прежде чем они снова на нас кинутся, — буркнул Солдат.

При помощи огнива они подожгли немного бумаги и всунули ее в вязанки хвороста, соорудив импровизированные факелы. Запечатанная комната начала наполняться дымом. Однако вскоре очередной точно нацеленный булыжник выбил табуретку из дыры в крыше, и дым начал выходить сквозь отверстие. Это несколько замедлило дротов, ненавидевших огонь и дым. Врываясь в комнату, они начинали кашлять и задыхаться, и Солдат с Гумбольдом жгли их факелами, прежде чем они успевали опомниться. Запах сгоревшей плоти фей был омерзителен, людям пришлось поспешно заткнуть нос и рот. Крылья шипели в огне; маленькие тельца чернели и скрючивались; головы взрывались, точно каштаны на сковороде.

— Это самая жуткая битва, в которой мне доводилось участвовать, — пожаловался Солдат. — Такое впечатление, что на нас напала орда обезумевших бабочек...

Но пусть даже жертвы среди дротов исчислялись сотнями, снаружи все еще оставались тысячи этих существ, ожидающих своего

шанса попасть внутрь и высосать досуха людей, птицу и лошадь. Они чувствовали алую жидкость даже сквозь дым — сладкий, тошнотворный запах крови, — и это повергало их в безумие. Дроты отчаянно желали приникнуть к источнику теплой жидкости, лакать, пить, сосать... Группа из семи королев — золотых с красными полосками — на полном ходу ворвалась в дыру и разбилась о табуретку, которую Солдат успел снова впихнуть в дымовое отверстие.

Большую часть ночи дроты продолжали попытки прорваться внутрь, но обитатели хижины успешно отражали их атаки. Затем, часов около трех, снаружи внезапно воцарилась тишина. Казалось, феи внезапно бросили свои попытки и убрались восвояси. А потом в хижине вдруг резко похолодало.

Солдат недоумевал. Однако он был так измотан битвой, что просто повалился на койку и моментально уснул.

Его разбудило пение ножен. Солдат вскочил и обнаружил, что Гумбольд направляется к его кровати. Он выхватил меч и пригрозил экс-королю, который и сам был не в лучшей форме. Оба рухнули в свои постели: Солдат — благодаря ножны за предупреждение, Гумбольд — проклиная собственную слабость.

Когда наступило утро, Солдат открыл дверь и вышел наружу. Под ногами что-то хрустело, словно битое стекло. Он опустил глаза и с изумлением увидел, что хрустит вовсе не лед, как показалось вначале, а обледеневшие дроты. Тысячи маленьких существ лежали вокруг хижины, замороженные, похожие на засахаренные леденцы. Кто-то или что-то пронеслось мимо хижины и вновь проложило белую дорогу, которая должна была привести Солдата к его цели. Он попинал застывшие фигурки несчастных фей и кликнул ворона, призывая его продолжать путешествие, пока дорога еще видна.

— Проклятие! — воскликнул Гумбольд, выходя из дома. Старик сильно хромал, а его лицо покрывали свежие шрамы. — Смотри, до чего ты меня довел! Меня, бывшего канцлера Зэмерканда, бывшего короля Гутрума! От вас одни неприятности. Унижение и боль! Надеюсь, вы сгниете, вы двое... вы трое, — поправился он, припомнив лошадь. — Надеюсь, вы потонете в болоте, пропадете без следа. Вы сломали мне жизнь, повергли в бездну отчаяния! Должно быть, ты счастлив видеть меня в столь бедственном положении, а, Солдат?

— Не более, чем созерцать голову королевы Ванды, которую вы выкинули за стену. У тебя достаточно своих грехов. Сначала искупи их, а уж потом обвиняй других. Ты сам накликал на себя беду. Ты вор и убийца...

— Король не может быть убийцей. Если он и отправляет кого-то на казнь, таково его монаршее право.

— Вор и убийца, говорю я. Но ты счастливчик, Гумбольд. Отделался изгнанием, в то время как тебя следовало бы повесить... а лучше четвертовать.

— Пф-ф! — фыркнул Гумбольд, и на лице его появилась гримаса отвращения. — Да что с тобой говорить, тварь! Я еще увижу, как тебя прикончит Драммонд.

— Может быть. Но я умру, сохранив свою честь.

— Неужели? А в твоих деяниях есть честь? — хихикнул Гумбольд. — Я что-то слышал о резне и убийствах... Или ты опять все позабыл? Куда как удобно!

— Нет, не позабыл. И не слагаю с себя вины. Я сделаю все возможное, чтобы загладить ее. Спасибо, что напомнил.

Солдат вскочил в седло и поскакал по льдистой дороге, которая вела к холмам в конце долины. Ворон сидел на крупе кобылы, раскачиваясь в такт ее движениям.

Только один раз Солдат обернулся и посмотрел назад. Он вспомнил об осле Гумбольда. Скелет несчастной животины по-прежнему стоял под навесом. Он не упал и не развалился, потому что кости смерзлись от холода. Гумбольду придется идти пешком...

Бросив последний взгляд на экс-короля, Солдат погрузился в невеселые мысли. Теперь, когда его память вернулась, Солдат вспомнил, сколько зла он натворил, будучи рыцарем Валехором. Он ведь тоже отнял множество жизней, а некоторые убитые им люди провинились лишь в том, что защищали своих родных. Почему он не родился кухонным слугой в каком-нибудь захудалом мирке? Как легко и приятно было бы жить, сознавая, что некогда являлся рабом или крепостным, а теперь сумел подняться до генерала и принца-консорта!..

Но нет! В прошлой жизни он был важной персоной, положение предоставляло ему большие возможности. И как же он распорядился ими? Ступил на путь зла и жестокости. Гумбольд прав: он, Солдат, ничем не лучше этого изгнанного убийцы. На его руках кровь. И поздно просить прощения у Драммондов: из всего клана в живых остался только один, и тот — смертельный враг Валехора. Драммонд никогда не примет его раскаяния и не простит. Солдату придется жить со своим прошлым и стараться загладить совершенное зло добрыми делами. Может быть, служа Зэмерканду и его гражданам, он сумеет использовать лучшие свои навыки им на благо и завоюет их доверие и любовь. А также доверие и любовь королевы.

— Второе осуществить не так уж трудно, — сказал он себе под нос. — И очень приятно. Первое потребует силы духа, потому что я очень раздражительный человек. Я ненавижу бюрократию и раболепство. Я не гожусь на роль гражданского чиновника. Я военный. Однако я должен сделать все возможное, чтобы сдерживать свои кровожадные порывы и не хвататься за меч по любому поводу.

— Черные думы гложут, да? — спросил ворон. Его сиплый голос раздался столь внезапно, что Солдат вздрогнул. — Мучаемся сомнениями? Изыскиваем пути решения проблем? Пожалуй, я рад, что стал птицей.

— Ты самая надоедливая птица на свете.

— Но я по-прежнему рядом с тобой. Я мог бы стать твоей душой, Солдат... А может, уже и стал.

— Черная душа! Да, точно — моя.

— Но может, это вовсе и не так, — задумчиво продолжал ворон. — Потому что я — веселый и остроумный, а что до твоей души...

— Она мрачна и печальна?

Ворон хихикнул.

— Вот, признаешься? Ах, ты обожаешь жалеть себя. Упиваешься своими страданиями. Наслаждаешься меланхолией. Плаксивое создание! Прекрати немедленно. Возрадуйся. Не потакай своим дурацким прихотям. Честное слово: стоит на горизонте замаячить самой малюсенькой проблеме, и ты сделаешь из нее вселенскую трагедию. Может, хватит уже? Или ты предпочитаешь оставаться серой тенью в мире теней?

— Я жалею себя? Да, полагаю, так и есть.

— Тогда развеселись.

— Уже развеселился, — сказал Солдат. — Ты права, птица. Нечего горевать, у нас есть дела поважнее. Гумбольд сказал, что я проклят, обречен на странствия, как вечный пилигрим. Ладно! Тогда будем странствовать с легким сердцем и извлекать из путешествий максимум удовольствия. Когда этот поход закончится, несомненно, найдется что-нибудь еще. И опять... и опять... — Перспектива была мрачной, но Солдат решил не терять бодрости духа. — Надеюсь, однажды у меня появится возможность снять проклятие. И тогда наконец я заживу спокойной, мирной жизнью.

— По крайней мере, в походах у тебя есть возможность дышать свежим воздухом, — заметил ворон.

— Вдобавок я путешествую в хорошей компании!

— О да! А местность вокруг кишит дичью.

— Мы будем жить как короли!

— И орлы!

Солдат немного помолчал.

— Есть один вопрос, на который я давно уже не могу найти ответа, — промолвил он. — Почему меня пригласили на похороны чародея? Ты ведь помнишь похороны чародея, птица? Я был там единственным человеком... Удивительно.

— Могу ответить, — отозвался ворон. — Чародей хотел оказать тебе честь. Ведь ты был единственным человеком за исключением матери ИксонноксИ, кому достало отваги поддержать наследника старого Короля магов. Ты защищал юного волшебника, прятал их с матерью в далеких краях, помогал обучаться магии. ХуллуХ решил наградить тебя.

— Я бы предпочел золото и драгоценные камни, — пробурчал рыцарь. — Приглашение на похороны не соответствует моим представлениям о награде.

— Ты неправ. Ты приобрел уникальный опыт, какого нет ни у одного смертного.

— Да уж.

Они неторопливо ехали через лес — по снежной дороге, проложенной для них неведомым доброжелателем. Встреча с Гумбольдом оставила в душе Солдата неприятный осадок, но вместе с тем пробудила его память, позволив заглянуть в самые потаенные ее уголки. Теперь Солдат вспомнил свое детство, проведенное в пограничье. Его отец был высоким, грубоватым человеком, резким и нетерпеливым. Мать умерла молодой, и он не помнил ее, однако старшая сестра смягчала суровый характер отца. Затем она вышла замуж за правителя одного из Гебридских островов и исчезла из его жизни.

Когда ему было двенадцать, отец впервые взял мальчика в битву против Драммондов. Солдат помнил, как был напуган этим диким кланом, который ненавидела его семья. Драммонды появились из-за холма, выряженные в звериные шкуры и доспехи. Буйные космы волос ниспадали на плечи из-под шлемов, а длинные бороды развевались по ветру. Он был в ужасе и бежал бы прочь, если бы телохранитель отца — огромный и верный Хэмиш Хальдстак — не удержал его.

«Эти люди не стоят страха, малыш, — прошептал он. — Они, может, и выглядят свирепыми, но у них кроличье дерьмо вместо мозгов...»

И все же Драммонды произвели впечатление на юнца, еще не начавшего брить бороду. Широченные плечи и мощные грудные клетки чуть ли не разрывали доспехи. Воины несли круглые щиты размером с крышку стола. Каждый держал клеймор, напоминаю-

щий миниатюрную косу. С черных губ срывались непристойные ругательства, которыми они осыпали Валехоров. Воины задирали килты, выставляя на обозрение гениталии, демонстрируя презрение к врагу. Они умирали, яростно проклиная своих убийц.

Юный Валехор пережил эту битву — и множество других. Настал день, когда его отец погиб, пронзенный драммондовским копьем, и с этой минуты он стал главой клана. В той же битве погиб Хальдстак — его наставник и защитник. Валехор ожесточил свое сердце и продолжал дело отца: преследовал и уничтожал Драммондов. В конце концов погиб весь их клан за исключением одного человека. Этот Драммонд сражался за короля, был посвящен в рыцари, сделался правой рукой правителя, а потом захватил трон.

К счастью, теперь борьба закончена. Солдат оказался в другом мире, где ныне и пребывал.

Его дядья и кузены, оставшиеся в старом мире, где их враги стояли у власти, были объявлены вне закона. В подобных войнах не бывает победителей, не бывает героев, не бывает людей чести. Лишь кровопролития, вдовы и плачущие сироты... Теперь Солдат корил себя за то, что продолжил дело отца. Никто уже не помнил истинных причин ненависти между двумя кланами. Украденная овца? Оскорбление на пиру? Случайная встреча посередине узкого моста? Родовая вражда родилась из какой-то глупой мелочи и выросла в беспрестанные войны. Можно ли теперь прекратить ее, протянув противнику руку дружбы? Солдат в этом сомневался, однако он дал себе слово, что попытается. Сделает все, что только будет в его силах...

— Ты опять замолк, — сказала птица у него из-за спины. — О чем задумался, рыцарь?

— О, просто радуюсь обретению памяти.

— Звучит зловеще. Ты заметил, что дорога исчезла? Даже влага испарилась. Смотри, вон там один из этих громадных совиных катышков. Куча шкур, рогов и костей. Стоит ли нам встречаться с монстром, который заглатывает коров живьем и прокладывает ледяные дороги?

— Не знаю. Проклятие, куда она вела? Я не обратил внимания. Отпустил поводья и позволил лошади идти по собственному почину. Думаешь, мы потеряли путь?

— Надо остановиться и пораскинуть мозгами. У тебя есть астролябия?

Солдат спешился.

— Да, но от нее будет немного пользы. У нас нет ни карт, ни дороги, ни ориентира...

Солдат развел костер, а потом взял арбалет и отправился на охоту. Невзирая на изобилие дичи, о котором толковал ворон, ему удалось добыть только зайца. К отвращению Солдата, ворон выклевал ему глаза, не дожидаясь, пока тело остынет, затем принялся ныть, что мясо слишком жесткое для клюва.

— Имей терпение, — сказал Солдат. — Мясо станет мягче, когда я его поджарю.

— Ого! — воскликнул ворон, глядя вниз с холма. — Там у подножия лежит падаль. Слетаю-ка я к ней, пока ты готовишь.

Птица улетела, направляясь к разлагавшейся туше зверя. Опустившись на нее, ворон принялся рвать и расклевывать гниющую плоть. Но ворон не подозревал, что вторгся на территорию другой хищной птицы — гораздо более сильной и грозной, чем он сам. Хищник низринулся с ясных голубых небес подобно золотистой молнии и ударил ворона в шею. Ворон рухнул замертво и больше не шевелился. Золотой орел, на добычу которого посягнул ворон, схватил тушу когтями и поднялся в воздух, направляясь в гнездо.

Солдат видел, как хищник спикировал с небес, и был свидетелем нападения на своего пернатого товарища. Он вскрикнул и кинулся вниз с холма с мечом на изготовку, но орел поднялся и исчез в небесной синеве.

Подбежав к ворону, Солдат увидел глубокую рану у него на шее. Он быстро остановил кровь, однако ворон получил ужасный удар, от которого мог и не оправиться. Солдат поднял несчастный маленький комочек, отнес его в лагерь и положил на ложе из листьев, раздумывая, сумеет ли он спасти птице жизнь.

— Меня этому не учили, — сказал он в отчаянии. — Что я могу для тебя сделать?

Разумеется, ворон не ответил. Он пролежал целый день, едва дыша, и к вечеру так и не очнулся.

Солдат знал, что для лечения ран используют окопник лекарственный. Он заварил немного этой травы и смазал настоем шею ворона. Ничего больше Солдат сделать не мог. Птица стояла на пороге смерти; ее дух готов был покинуть тело и парил между жизнью и небытием, еще не выбрав себе путь. Свежее дуновение ветра могло возвратить ворона к жизни. Тяжелая ненастная ночь могла отослать его в птичий загробный мир. И ничего нельзя было поделать — только сидеть и ждать, когда качнутся весы...

Солдат почти не спал той ночью. Один раз ему почудилось, что птица издала какой-то звук, но оказалось — просто фыркнула лошадь. Он не осмеливался смотреть на ворона в темноте, боясь, что тот уже умер. Смерть не так страшна при свете, как под покровом ночи...

Когда пришло утро, Солдат открыл глаза и посмотрел на зеленый балдахин леса и серое небо над головой. И лишь потом осмелился перевести взгляд на пернатого товарища.

Что это?!

На месте недвижного пернатого тельца лежал мальчик в грязной, изорванной одежде...

— Проснись! Ты кто, парень? Где моя птица?

Мальчишка — лет двенадцати-тринадцати на вид — открыл глаза.

— Кто?.. Что?.. Господин...

Солдат моментально узнал этот голос. Он принадлежал ворону. Балансирование на грани жизни и смерти сняло проклятие. Темное запределье — обитель мертвых — высосало магию ведьмы из сердца птицы, а душа, соскользнув с порога, вернулась в мир света. Птица обратилась подростком — того же возраста, в котором он был, когда на него обрушилось проклятие. Мальчик взволнованно смотрел на своего спасителя.

— Это все-таки произошло? — сказал паренек, поднимая руку и разглядывая грязную кожу, покрывавшую человеческую плоть. — Я снова стал собой?

— Именно так, малыш, — улыбнулся Солдат. — Твои перья исчезли, клюв и когти канули в небытие. И теперь ты ничем не хуже меня.

— Я и раньше был не хуже тебя, — огрызнулся мальчик, и в его голосе прозвучали знакомые интонации ворона. — Я просто изменил форму.

— Верно-верно. Извини. — Солдат посмотрел на густые спутанные волосы мальчика, в которых в изобилии копошились вши. — Однако надо бы тебя помыть. Можешь встать?

Паренек попытался приподняться на локтях, но тут же снова рухнул на землю.

— Голова кружится.

— Ты не оправился от раны. Тебе нужно отдохнуть. Потом, когда окончательно придешь в себя, сходи к ручью и помойся. Я соберу немного чистеца, чтобы втереть тебе в голову и избавиться от паразитов. И пахнет от тебя не лучшим образом, парень. Твое тряпье тоже никуда не годится. Я сошью тебе одежды из запасного одеяла, а со временем купим тебе что-нибудь. — Солдат смотрел на мальчика и улыбался. — Рад тебя видеть, приятель. Мы ведь давно уже стали хорошими друзьями. Вот только как тебя теперь звать? Есть у тебя имя?

— Меня... меня называли Глистом.

— Глистом? Ну нет, это имя не годится для такого славного героя и искателя приключений, как ты. Мы будем называть тебя... — Солдат задумался. — Маскет! Это название самца ястреба-перепелятника. Небольшая, но резвая птица, быстрая и ловкая. Да! Маскет. Тебе отлично подходит.

Казалось, мальчик остался доволен. Однако он был еще очень слаб и потому вскоре закрыл глаза и уснул. Солдат накрыл его одеялом и уселся рядом, занявшись изготовлением одежды. В полдень он разбудил паренька, накормил его бульоном из зайца и посоветовал пить больше воды.

— Я чувствую себя немногим лучше, — пожаловался Маскет.

— Тебе нужно полежать еще два-три дня. Так что приготовься отдыхать, юноша.

— Юноша! — подивился Маскет. — Давно меня так не называли. А я мечтал об этом столько лет. Впрочем, иногда мне нравилось быть вороном...

— Когда выклевывал глаза мертвым воинам на поле боя? — пошутил Солдат.

К его изумлению, Маскет довольно облизал губы.

Солдат вздрогнул.

— Ясно. В тебе еще много чего осталось от ворона, и с этим придется бороться. Неладно выйдет, если ты примешься жевать червяков в присутствии дам. А пока что отведай вкусного супа и забудь о падали.

Глава пятая

Три дня спустя Маскет окончательно оправился и был готов продолжать путешествие. Сей довольно миловидный юноша тем не менее не слишком охотно расставался с грязью и «питомцами», облюбовавшими его шевелюру. С великим трудом Солдат в конце концов заставил Маскета помыться и привести себя в порядок.

— Если ты этого не сделаешь, я уеду без тебя.

Мальчик не горел желанием остаться в лесу в одиночестве, а потому решился избавиться от вшей при помощи чистеца, собранного Солдатом, и вымылся в ручье. Солдат сшил ему одежду и приспособил кожаный ремень. Маскет остался недоволен. Он жаловался, что одежда натирает ему кожу и мешает двигаться.

— В перьях я чувствовал себя гораздо лучше.

— Когда мы вернемся в Зэмерканд, можешь соорудить себе плащ из перьев. А до тех пор походишь в этой одежде, будешь следить за ней и чинить по мере необходимости.

— С какой стати?

— С такой, что я тебе велю.

— Ты мне не отец.

Крыть было нечем. Солдату пришлось признать, что Маскет прав: он не являлся для мальчика авторитетом и не имел права ему приказывать. Однако Солдат сказал Маскету, что тот обязан подчиняться его приказам, коли желает путешествовать вместе с ним. Если же Маскет желает оставаться один и идти пешком — это его право. В ином случае Солдат готов сделать его своим оруженосцем при одном условии: Маскет будет безоговорочно подчиняться своему сеньору. Рыцарь станет для него царем и богом.

— Вот если бы ты сделал меня своим сыном, — ответил юнец, — я бы подчинялся тебе во всем.

— Юный хитрец! Я не собираюсь торговаться. Мне не нужен сын. А если понадобится — жена мне его родит. Ты хоть понимаешь, какая честь тебе выпала? Немногие уличные мальчишки могут сделаться оруженосцами благородных рыцарей. Это очень ответственная обязанность; отчасти даже священная. Оруженосец должен подавать рыцарю его меч и щит во время турнира, подносить ему вино... Прислуживать хозяину со всем старанием.

— И это священные обязанности?

— Разумеется. Рыцарь посвящен богу и совершает подвиги во славу его.

— Ну, тогда пошел бы этот рыцарь!.. Я не собираюсь таскать оружие и подавать вино. Пусть сам обходится.

— Ах так?!

— Да, так.

Солдат предвидел подобные трудности. Юнец слишком долго пробыл вольной птицей, и теперь будет непросто запереть его в клетку. Однако бросить его Солдат не мог — тем более теперь, когда он стал беспомощным юным человеком. Ребенком... И все же следовало добиться подчинения. Может быть, страх расставит все по местам?

Приняв решение, Солдат вырезал гибкий прут и подступил к мальчику.

— Не желаешь слушаться? Ну что ж... Давай-ка посмотрим, вдруг хорошая порка заставит тебя переменить мнение...

— Не подходи! — крикнул Маскет. — Не то я выклюю тебе глаза и расцарапаю лицо! Запомни: у меня ядовитые когти.

Солдат и бровью не повел. Он надвигался на Маскета, помахивая прутом. Паренек попятился и кинулся бежать вниз по склону холма. Споткнулся о булыжник, выпирающий из земли, и полетел, размахивая руками, — совершенно позабыв, что у него нет крыльев. Паренек беспомощно дрыгал ногами, вертелся и извивался в воздухе — и в конечном итоге рухнул на траву. Он очень долго был крылатым созданием и не сумел сразу отрешиться от старых привычек... Вскочив на ноги, Маскет попытался удрать, но снова упал на покрытую мхом землю. Солдат схватил его за шиворот и поднял. Маскет продолжал отчаянно молотить ногами по воздуху.

— Уймись, парень, — проворчал Солдат. — Успокойся.

— Нет. Нет! — закричал мальчик. Горячие слезы отчаяния и ярости текли по его щекам. — Отпусти меня!

— Отпущу, если ты пообещаешь меня слушаться.

— Ладно, — ответил мальчик, надувшись. — Я буду хорошо себя вести.

Солдат поставил его на землю. На этот раз Маскет не стал убегать, а пошел за рыцарем к поляне, где была привязана кобыла. Настала пора отправляться... Маскет потянулся к мечу Солдата, лежавшему под деревом.

— Не трогай! — крикнул Солдат. — Я сам решу, какое оружие тебе носить. Вот возьми арбалет.

— Что это ты так взвился из-за меча? — спросил мальчик.

— Это поименованный меч. Кутрама, — сказал Солдат.

— Да, я в курсе.

— В курсе... Ты, видимо, не знаешь, что никто, кроме владельца, не должен трогать поименованный меч. Для ворона эти сведения не имели значения, но тебе, мальчишка, я говорю: не смей к нему прикасаться. Меч может обернуться против тебя и зарубить без жалости. Возьми его правой рукой — он извернется и отрубит левую...

— Ого!

Солдат облачился в доспехи и сел на лошадь, а потом протянул мальчику руку.

— Садись позади меня. Ты же всегда там ездил, когда был вороном.

— Ну да. Но я думал, что ты заставишь меня идти пешком.

— Я не чудовище, — проворчал Солдат. — Иди сюда, малыш.

Мальчик забрался в седло. Лошадь неторопливо зашагала вперед, мягко покачиваясь при ходьбе. Маскет чувствовал себя как король мира, сидя позади вооруженного рыцаря.

— Здорово! — воскликнул он. — А как зовут твою кобылу?

— У нее нет имени.

— У меча имя есть, а у кобылы нету? Но ведь лошадь — живое существо из плоти и крови.

Солдат пожал плечами. Они углублялись в лес; листва слегка покачивалась от дуновения ветра, рождая танцующие тени.

— Это же не домашний любимец, а боевая лошадь. Она предназначена для того, чтобы ездить на ней и сражаться. Я ведь не пытался придумать имя тебе, когда ты был вороном.

— Тогда я сам назову ее! — воскликнул мальчик. — Какое бы имя ей дать?.. — Он огляделся и заметил цветок, растущий на лугу. — О! Примула! Ее будут звать Примула!

Солдат ошеломленно заморгал.

— Еще чего! Нельзя называть боевую лошадь Примулой. Это звучит как-то... неправильно. Если уж ты дашь ей имя, оно должно ассоциироваться с кровью и грозой. Лошади по имени Примула возят подводы и телеги или таскают плуги. Они не носят на себе воителей. Представь, что я встречусь с каким-нибудь великаном или черным рыцарем. Что же я крикну? «Вперед, Примула!»?.. Да они животы надорвут со смеху. Нет, не годится.

— И верно. Ладно, тогда давай назовем ее Кровавая Молния.

— Пожалуй, длинновато. Может, сократим до Молнии?

Мальчик радостно согласился.

— Не забудь, это я дал ей имя, — сказал он. — Она принадлежит мне не меньше, чем тебе самому.

— Ладно. Придется попросить ее у тебя взаймы, — кивнул Солдат, подыгрывая пареньку.

— Так и быть. Я одолжу тебе лошадь, потому что ты — великий рыцарь.

— Было бы хвастовством с тобой согласиться... но ведь так оно и есть. Я пережил множество битв и прошел несколько войн. А теперь сиди тихонько и придержи свой язык. Мы же не хотим разбудить всех злобных тварей в лесу, верно? Когда выберемся в долину — болтай сколько душе угодно.

Маскет повиновался. Они продолжали путешествие, пару раз потревожив каких-то странных лесных обитателей, но никто из них не представлял реальной опасности. Гоблины спрыгивали со стволов дубов, а гномы выскакивали из стоячей воды прудов. У этих лесных созданий были губчатые выросты на головах и спинах, а в их ушах и ноздрях цвел мох. Солдату и мальчику позволили идти своим путем, лишь время от времени посылая им вслед проклятия или дразня их. Маскет попытался уточнить у Солдата значение

слов, выкрикнутых каким-то лепреконом, однако Солдат сказал, что он еще слишком мал для этого.

Оставив лес и его жителей за спиной, путники вышли на равнину. Впереди простиралась лиловая земля. Здесь Солдат обнаружил следы белой дороги: когда снег и лед растаяли, трава и мох воспрянули к жизни. Там, где проходила полоса воды, они была зеленее и свежее. Не самый удобный ориентир, но ничего лучшего у них не было.

Так день за днем Солдат и Маскет двигались все дальше. Иногда они просыпались в снегу, дрожа от холода. Временами в отдалении они видели белую полосу. И ни разу не удалось углядеть того, кто оставлял эту дорогу, хотя порой в полусне им мерещилась исполинская тень, проплывавшая в небе.

Даже сейчас, разыскивая потерянную память жены, Солдат не переставал думать о своем друге ИксонноксИ. Юный чародей был правомочным наследником Короля магов, однако вероломный колдун ОммуллуммО узурпировал трон. В тот момент ИксонноксИ был еще слишком молод и не сумел занять надлежащее ему место в магической механике вселенной. Теперь время наступило, и если узурпатор не отречется по доброй воле, юному магу придется вести бой за свое место среди лун и звезд мира магии. Солдат был готов помогать другу всеми возможными способами. Вдобавок он очень тепло относился к матери ИксонноксИ — Утеллене. Если бы события пошли по иному пути, Солдат и Утеллена могли бы обручиться. Сейчас Солдат любил только одну женщину — свою прекрасную и ревнивую жену Лайану, однако Утеллена по-прежнему оставалась его добрым другом.

Тем временем в далеком краю Утеллена пробиралась через горы, направляясь в тайное укрытие, к своему сыну. Она тоже видела странную магию, расцветившую небеса, и знала, что ИксонноксИ скоро вступит в решающую битву с врагом. И от исхода этой схватки будет зависеть его судьба.

Чародея не так-то легко убить, а ИксонноксИ был не только молод и полон сил, но и во сто крат могущественнее любого иного волшебника — за исключением своего отца ОммуллуммО. Любой поединок между ними потрясет основы мироздания. Пожары, наводнения, землетрясения и извержения вулканов, которые будут сопровождать его, уничтожат мир и сметут человеческую расу с лица земли.

Оба чародея отлично это понимали. ОммуллуммО отнюдь не был заинтересован в гибели человечества. Если все и вся будет

уничтожено, какой тогда смысл владеть миром? Какой смысл быть самым могущественным существом во вселенной, если, кроме тебя, в ней нет ни единой живой души? Король должен иметь подданных, иначе ему предстоит управлять только самим собой. ИксонноксИ тоже не желал катаклизмов и гибели людей, а потому чародеи до сих пор не начали свою битву.

Два могучих мага избрали иной путь. Каждый из них призовет армию людей, которая будет сражаться за чародеев. Так они сумеют уберечь мир от несчастий и катастроф. Поражение армии будет означать проигрыш мага. Оба чародея согласились на эти условия. На них было наложено особое заклинание, которое автоматически возымеет эффект, как только битва между армиями людей закончится и боги объявят победителя. Заклинание отправит проигравшего в далекий, темный план бытия, где тот и останется до самой смерти.

Могло показаться, что чародеи нашли оптимальное решение. Зачем рисковать жизнью, когда за тебя это сделают смертные? Однако побежденного ожидала воистину кошмарная участь. В отдаленном краю вселенной, куда изгонялся чародей, не было ни чудовищ, ни жутких катаклизмов, ни эпидемий, ни болот, ни пустынь, ни демонов, ни призраков. Там не было вообще ничего — кроме тьмы и пыли. Волшебник -- да и любой человек, — попавший в такое место, за короткое время лишался рассудка. Побежденный чародей был обречен провести там остаток жизни, а волшебники живут долго, очень долго...

Обо всем этом думала Утеллена, пока пробиралась по горным ущельям, стремясь воссоединиться с сыном. Она оставалась бы с ним и сейчас, однако ее отослали прочь из соображений безопасности. Утеллена, хоть и мать великого волшебника, все же была простой смертной. Однако теперь, когда близилась битва, разлука начала беспокоить и угнетать ее, и Утеллена поспешила к сыну. Она намеревалась отправиться с ним в изгнание, если юный чародей проиграет схватку с презренным и безжалостным ОммуллуммО.

Когда спустилась ночь и усилился ветер, Утеллена начала искать укрытие. Ей подошла бы пещера или даже простой каменный навес — лишь бы защищал от разбушевавшейся стихии. Но вместо этого она увидела хижину с соломенной крышей, стоящую на утесе над огромным обрывом. Высота обрыва потрясала воображение и пугала. Утеллена решила, что не стоит подходить к нему в темноте.

Она приблизилась ко входу в хижину. Здесь не было двери — лишь шкура какого-то зверя, свисающая с притолоки.

— Эй? Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало. Дважды повторив свой вопрос, но так и не дождавшись ответа, Утеллена наконец-то решилась отодвинуть мягкий занавес и войти.

Комната была погружена в сумрак: в домике не оказалось окон. Внутри стоял какой-то неприятный запах, однако выбора не было. Если не остаться в хижине, то придется провести ночь на голой скале.

Когда глаза немного привыкли к темноте, Утеллена увидела: комната почти пуста. Что и неудивительно для примитивного жилища, стоявшего на краю горы, — если, конечно, его владелец не какой-нибудь свихнувшийся богатей. На полу лежало несколько шкур, в дальнем углу стояло каменное ложе, накрытое древесной корой. Посередине комнаты располагался очаг, а над ним — дыра в потолке. Больше здесь не было ничего, за исключением кучи костей, сваленных в противоположном от кровати углу. Утеллена решила, что это кости зверей, поскольку они были слишком велики для рыб или птиц.

Измученная долгой дорогой женщина легла возле очага, не осмелившись занять чужую кровать. Если жилище принадлежало пастуху, владелец мог скоро вернуться. Такие люди, как правило, отличались гостеприимством, однако Утеллена никогда им не злоупотребляла и уважала чужую собственность.

Ветер снаружи продолжал усиливаться по мере того, как ночная тьма сменяла серый вечер. Он выл в щелях и проломах, издавая заунывные стоны. Многих людей эти звуки тревожили бы, но Утеллена давно к ним привыкла. Лишь присутствие зла могло пробудить ее чувство опасности; Утеленна обладала отличным нюхом на подлецов и негодяев. Годы, которые она провела, убегая и прячась — и укрывая своего сына-чародея, — обострили инстинкты женщины. Или по крайней мере она так полагала.

Утеллена извлекла из кармана сухую корку хлеба, съела ее и моментально провалилась в сон.

Она проснулась от того, что запах в комнате сделался гораздо сильнее. Но прежде чем Утеллена успела собраться с мыслями и осознать происходящее, на нее навалилось какое-то волосатое существо. Усевшись на Утеллену верхом, тварь схватила ее за горло когтистыми пальцами. Женщина сопротивлялась и пыталась кричать, но сильные руки стиснули горло так, что она сумела издать только тонкий писк. Напавшее существо оказалось очень сильным, однако оно знало меру и душило Утеллену до тех пор, пока она не потеряла сознание, но не убило ее.

Открыв глаза, Утеллена увидела, что в комнате горит огонь. Перед ним сидело на корточках человекообразное существо, обнаженное и волосатое. Подобных созданий люди называли дикарями. Один из диких лесных людей, которые по неведомому капризу природы остановились в развитии где-то на полпути между обезьяной и человеком. Они жили обособленно, эти создания, слишком глупы, чтобы быть злыми. Зло требует определенной изобретательности, которая является составной частью разумной личности и недоступна пониманию примитивных существ. Между тем создание было не менее опасно, чем любой человек с изощренным умом и черным сердцем. Вот почему Утеллена не почуяла зла в этой хижине: дикарь был просто опасным зверем.

— Я убью тебя, — проворчал дикарь, видя, что она очнулась. — Я съем твою плоть.

Он облизал губы и поворошил угли палкой, заставив их вспыхнуть. Утеллена попыталась подняться и тут обнаружила, что крепко-накрепко связана жесткими полосками коры. Однако она не ударилась в панику и не стала заговаривать с чудовищем. В подобных условиях эмоции лучше держать при себе.

Дикарь ткнул ее палкой, на конце которой мерцал красный уголек. Ногу пронзило болью, но Утеллена сдержала крик.

— Красный огонь, — ворчал дикарь. — Больно-больно. Не люблю огонь. Он делает больно-больно. Я сожгу женщину и съем ее.

Он засмеялся, выставляя напоказ два ряда ровных зубов, сточенных до маленьких пеньков: видимо, дикарь часто грыз кости.

За несколько минут Утеленна узнала о своем захватчике две вещи. Во-первых, он боялся огня и понимал, что тот может причинить сильную боль. Во-вторых, он питался человеческим мясом. Очевидно, дикарь отлавливал странников и путешественников, использующих эту дорогу через горы. Возможно, дикарь устраивал путникам ловушки или выкапывал ямы, наполняя их острыми кольями. Жертвы сами насаживали себя на вертел. Разумеется, ловчие ямы не обеспечивали азарта охоты, зато свежее мясо не переводилось.

Большие отряды дикарей, конечно, пропускал беспрепятственно. Он был глуп, но не настолько. В крайнем случае голод можно унять какой-нибудь горной козой, дожидаясь, пока через горы не пройдет вкусный ужин на двух ногах: заплутавший моряк, ищущий путь к побережью, монахиня на пути от одного монастыря к другому, лекарь в поисках горных трав.

Оглядевшись, Утеллена внезапно поняла, что хижина сделана не из ветвей деревьев, как ей показалось вначале, а из человечес-

ких костей. С потолка свисали черепа с остатками налипших волос. Волосы сплетались с соломой на крыше, а сами головы болтались внутри. Утеллена знала, что человеческие волосы продолжают расти еще некоторое время после смерти человека. Подвешивая к потолку свежие головы, дикарь получал плотное покрытие, защищающее от дождя. Волосы всевозможных цветов — каштановые, черные, золотистые, пегие, русые и седые — сплетались на потолке в единый покров. Мертвые белесые головы с вытекшими глазами и оскаленными зубами гроздьями свешивались с потолка. Рты, распахнутые в крике; ноздри, забитые мертвыми мухами; уши, где свили гнезда пауки...

Дикарь поднялся на ноги и пощупал бедро Утеллены, проверяя, много ли в ней жира. Она яростно пнула его ногой в подбородок — да так, что тварь отлетела к дверному проему. На миг глаза дикаря округлились от страха; он успел схватиться за косяки и потому не вылетел наружу, где близкий край обрыва уводил в темное ничто.

Когда страх прошел, дикарь впал в ярость и принялся скакать по комнате точно обезумевшая обезьяна, кидая в Утеллену камни. По счастью, он был слишком зол, чтобы целиться, и лишь пара камней ударила женщину по спине. Она свернулась калачиком, защищая голову и грудь. Наконец дикарь успокоился: подошел к женщине и ударил ее пару раз, но двигался осторожно, опасаясь очередного пинка. Потом отступил в угол и принялся рассматривать ее своими красными глазами.

Утеллена решила, что настало время воззвать к рассудку дикаря.

— Отпусти меня. Я стану заманивать сюда, в горы, вкусных толстых женщин. У тебя больше не будет недостатка в мясе...

Разумеется, Утеллена лгала, однако угрызений совести не испытывала. На кону стояла ее жизнь. Она скажет этому животному что угодно, лишь бы появилась возможность сбежать. На самом деле Утеллена собиралась добраться до ближайшей деревни и направить сюда отряд вооруженных людей — уничтожить опасную тварь. Только сначала нужно было вырваться из его когтей.

— Твоя не заманивать! — крикнул дикарь. — Я тебя съесть. Я вырвать твои глаза. Я сжевать твой язык. Я съесть твоя нежная печень. Хе-хе!

Он снова поднялся, благоразумно обходя ноги Утеллены, и пощупал ее густые волосы. Его собственное тело было покрыто жесткой короткой шерстью. Утеллена же обладала прекрасными длинными и густыми локонами, которым позавидовала бы любая

красавица. В те моменты, когда Утеллена распускала их, волосы ниспадали до самых лодыжек; сейчас они были уложены на голове и скреплены шпильками. Дикарь аккуратно вынул их одну за другой, и волосы рассыпались по плечам Утеллены. Дикарь восхищенно вздохнул. Какой чудесный плащ мог бы получиться из этих волос! Какая замечательная подушка!

— Отпусти меня, — вновь начала Утеллена. — Если хочешь, я отрежу волосы и отдам их тебе. Можешь делать с ними все, что заблагорассудится. Мне они ни к чему. Я отращу новые, вернусь сюда и снова отрежу. Тогда у тебя будет...

Дикарь резко ударил ее по голове костяшками пальцев.

— Молчи! Моя забрать волосы.

Некоторое время он забавлялся, играя с ее волосами. Потом заметил, что они достаточно длинные, чтобы дотянуть их до кровати, не сдвигая женщину с места. Он подошел к своему каменному ложу, то потирая волосами щеку, то нюхая их, то оборачивая вокруг шеи, как шелковый шарф. Один раз дикарь резко дернул одну из прядей, наблюдая, не выступят ли слезы на глазах женщины. Затем обернул волосы вокруг головы наподобие платка, засунул в рот большой палец, свернулся в клубочек и уснул.

Утеллена лежала у огня в неудобной позе. Ей удалось дотянуться до вязанок хвороста и подкинуть их в огонь, так что в комнате было достаточно света. Дикарь спал всю ночь, громко храпя. Утеллена оставила попытки освободиться от пут и, когда дикарь проснулся, принялась налаживать с ним добрые отношения, стараясь вызвать симпатию. Она не знала, достаточно ли он разумен, чтобы воздействовать на его эмоции, но решила попробовать. И начала с того, что попросила чая.

— Чая? — озадаченно повторил дикарь. — Зачем чая?

— Чтобы пить. Я видела снаружи пару кустов, из листьев которых можно приготовить чудесный ароматный отвар. Если ты развяжешь меня, я выйду, соберу немного листьев и заварю их. Вот увидишь: это вкусно. Я обещаю не убегать... Ну ладно, не хочешь меня развязывать — хотя бы ослабь путы... совсем чуть-чуть...

— Нет! — рявкнул он. — Твоя не убегать.

— Я не убегу. Чашка замечательного горячего чая...

— Горячего? — Услышав это слово, дикарь побледнел. — Твоя хотеть обжечь меня. Твоя хотеть горячее, чтобы делать мне больно! Моя ударить тебя!

Ах да! Утеллена совершенно позабыла о его боязни огня. Очевидно, страх перед пламенем распространялся на все горячие предметы. Утеллена представила, как это глупое создание постоянно

обжигается. Шрамы на его руках подтверждали ее предположение. В будущем лучше не упоминать ни о чем горячем, решила Утеллена. Она попробовала зайти с другой стороны.

— Тогда, может быть, принести тебе холодной воды из ручья? Если хочешь, я буду твоей рабыней... Меня зовут Утеллена. Можешь называть меня по имени, его не так уж трудно выговорить.

— Не говорить. Не хотеть. Твоя не идти за водой. Твоя остаться.

Тварь опустилась на четыре конечности и выскочила за дверь, похожая на черного волосатого паука. Утеллена видела, что дикарь остановился на краю утеса — всего в нескольких ярдах от входа. Он посмотрел вниз, изучая окружающий мир с высоты и не сомневаясь, что все здесь принадлежит ему. Затем вернулся в дом и поколотил Утеллену за то, что она осмелилась с ним заговорить. Она — обед, сказал дикарь. Обед не должен разговаривать. Обед должен хранить молчание и ожидать, когда его приготовят и употребят.

— Тогда твоя кричать, — весело сказал он. — Твоя кричать и кричать до неба. Последние люди, которых моя есть, кричать как птица-чайка, когда моя душить его. Моя надевать куски на палку и класть на огонь. Потом моя давать остыть и есть. Холодное мясо — хорошо. Моя любить холодное мясо, и редиску, и хрен.

В тот день Утеллене так и не удалось ничего добиться. Дикарь носился взад-вперед, а в полдень исчез и вернулся только после наступления темноты, принеся с собой оторванную человеческую руку. Утеллена решила, что он держит тело жертвы в прохладном месте — например, в какой-нибудь пещере или в пруду, и время от времени посещает свою кладовую. Утеллену дикарь пока что оставил в живых — то ли дожидаясь, пока она растолстеет, то ли желая, чтобы ее волосы стали еще длиннее. Утеллена наблюдала, как тварь пожирает руку — выкусывая кожу между пальцами и отгрызая ногти. К горлу подступала тошнота, однако каждый раз, когда дикарь бросал на Утеллену взгляд, она улыбалась ему. Дикарь ворчал или огрызался в ответ. Один раз он взял палку и ударил ее. Но Утеллена не давала запугать себя. Она по-прежнему пыталась наладить дружбу с пленившим ее существом.

— Мой сын — великий волшебник. Его зовут ИксонноксИ, и он станет следующим Королем магов. Если ты меня отпустишь, он вознаградит тебя. Подарит целое племя людей, которых ты сможешь держать в загоне, разводить, как скот, и поедать.

Само собой, Утеллена опять солгала. Она продолжала вести медоточивые речи, хотя более всего ей хотелось повыбивать твари все зубы.

— Если же ты меня не отпустишь, мой сын сожжет тебя огнем из глаз, превратит в пепел. Он сильнейший из магов и может достичь самых отдаленных уголков земли.

Дикарь озадаченно заморгал. Мысли медленно ворочались в маленьком мозгу, сокрытом под толстым черепом. Однако в конце концов он решил, что если далекий волшебник до сих пор не спалил его, то навряд ли это произойдет в будущем. Он плюнул на Утеллену и принялся царапать ее грязными ногтями, пока она не рявкнула: «Ты поплатишься за причиненное зло!» Тогда дикарь перестал мучить ее, но так и не отпустил на волю.

Видя, что угрозы возымели хоть какой-то эффект, Утеллена решила идти именно этим путем. Она пригрозила дикарю, что, если тот не освободит ее, волосы мертвых голов на потолке задушат его во сне. Он лишь рассмеялся... Тогда Утеллена вспомнила о своих ведьминских способностях и пообещала призвать съеденных им мертвецов, дабы те явились и убили его. Призраки и души несчастных жертв только и ожидают проклятия ведьмы, дабы вырваться из преисподней, уверяла Утеллена. И стоит ей сказать слово, как они примчатся сюда и разорвут своего убийцу на куски.

Не помогло. Дикарь не обращал внимания на угрозы, поскольку часто слышал их прежде. Отвергал он и ее предложения дружбы. Утеллена поняла: он держал многих других людей в подобных условиях и изучил все эти уловки. Очень быстро Утеллене стало ясно, что дикарь вовсе не ждет, пока она растолстеет или отрастит волосы подлиннее. Он просто сохраняет мясо свежим, пока не доест предыдущее тело. Потом она заменит несчастного в кладовой дикаря...

В конце концов Утеллене удалось немного ослабить веревку на запястьях, и она больше не врезалась ей в кожу. Путы могли перекрыть артерии, и у нее отнялись бы руки. К счастью, этого не случилось.

Минула неделя. Драгоценные семь дней — когда времени и так было в обрез. Наконец Утеллена придумала план. Она сама была от него не в восторге, однако ничего иного в голову не приходило, а действовать следовало быстро.

Каждую ночь дикарь укладывался спать, обматывая волосы Утеллены вокруг головы. Должно быть, ему нравился их запах. В эту ночь, когда храп твари сотрясал воздух, Утеллена вынула из очага горящую головню, извиваясь всем телом, подползла ко входу и улеглась поперек дверного проема. Стены, сложенные из человеческих костей, не загорелись бы, так что Утеллена не стала даже

пытаться тыкать в них головней. Вместо этого она постаралась поджечь волосы, заплетающие крышу.

Лежа на спине, Утеллена зажала мерцающую деревяшку между ступней и резко подкинула ее вверх. Головешка взвилась в воздух, ударилась об один из черепов, но не засела между ними — на что рассчитывала Утеллена. Вместо этого палка упала на ноги дикаря. Тот моментально вскочил, крича как резаный.

— ПОЖАР! — завопила Утеллена во всю силу легких. — ПОЖАР! ПОЖАР! ПОЖАР!

Не пытаясь разобраться в происходящем, тварь в панике ринулась к двери. Дикарь хотел сперва выбраться наружу, а уж потом смотреть что к чему. Когда он добрался до входа, Утеленна выгнула спину, приподняв туловище над полом. Дикарь споткнулся, упал и покатился к краю обрыва. Его ногти заскребли по земле... Тщетно. Крик разорвал ночную тьму: дикарь полетел вниз. И повис на волосах Утеллены, которые по-прежнему были обмотаны вокруг его головы и шеи. Волосы удержали дикаря от падения, но они же и придушили его.

Рывок едва не выволок Утеллену из дверного проема, однако она уперлась руками и ногами в косяки, сопротивляясь изо всех сил. Несколько костей, составляющих стены, сломались, но дом был построен на совесть и не развалился. Утеллена готова была закричать от восторга. Она выиграла! Она победила безумную тварь!.. Впрочем, радость ее длилась недолго: Утеллена почувствовала, как кто-то тянет ее за волосы. Дикарь не умер. Каким-то образом он сумел ослабить петлю на шее и теперь лез вверх, используя ее волосы как веревку. Женщина задергалась, дикарь потерял опору и снова повис; Утеллена ощущала, как раскачивается его тело.

Так прошло часа два. Утеллена лежала в дверном проеме, упираясь в косяки, а дикарь висел между небом и землей. Пришел рассвет — медлительный серый призрак грядущего дня. Чуть позже, когда серебристый призрак грядущего дня стал золотым младенцем дня сегодняшнего, окрасившись светом солнечных лучей, Утеллена заметила на грязном полу хижины что-то блестящее. Это был скребок для огнива — острый камень для снятия налета сажи. Очевидно, дикарь поддал его ногой, вскакивая с кровати, и теперь камень лежал на полу рядом с очагом. Если б только Утеллене удалось до него дотянуться, она бы отрезала волосы острым краем, и дикарь рухнул бы в пропасть.

Отчаяние придает силы. Утеллена ухитрилась переменить позу, отодвинувшись от входа и уперевшись каблуками в косяки. Ей час-

то приходилось путешествовать пешком, и ноги у нее были сильными и мускулистыми. Она вытянулась во весь рост на полу хижины и схватила скребок. Острым краем женщина принялась пилить пряди волос.

Дикарь почувствовал неладное и забился, пытаясь удержаться, но тут волосы поддались, и тварь полетела в пропасть. Когда освобожденная Утеллена подошла к обрыву и глянула вниз, она увидела искалеченное тело, распростертое на камнях. Несчастный человек, чью руку поедало чудовище, стал его последней жертвой. А женщина, которой предстояло стать обедом, оказалась его палачом. Дикарь заплатил за свои преступления; справедливость восторжествовала.

— Бедная глупая тварь, — пробормотала Утеллена. — Как жаль, что этот пасынок матери-природы оказался таким кровожадным...

Она знала, что многие подобные создания, обитающие в лесах и горах, никогда не употребляли в пищу человеческое мясо. Этот же дикарь каким-то образом пристрастился к нему. Возможно, суровой зимой он не сумел поймать никакой иной добычи — кроме той, что пришла на своих двоих... Так или иначе, все было кончено. Жалкая жизнь дикаря завершилась у подножия высокого утеса.

Утеллена вымылась, обработала свои синяки и ссадины, а затем продолжила путь по горной тропе. В конце концов она добралась до деревни. Там женщину обступили перепуганные жители и принялись расспрашивать, как ей удалось спастись от кровожадного дикаря. Они были простыми крестьянами и не умели пользоваться оружием. Поэтому несколько лет назад, когда тварь поселилась в горах, селяне оказались в ловушке.

Когда Утеллена сказала, что расправилась с тварью, крестьяне сначала не поверили. Тогда она отвела их к подножию утеса и показала искореженное тело. Люди подивились его смерти и восхитились отвагой женщины. Щедро снабдив Утеллену едой, селяне отпустили ее с миром. Один из юношей отправился вместе с ней, дабы показать дорогу, и в каждой деревне он рассказывал историю о том, как Утеллена задушила дикаря собственными волосами.

Со временем Утеллена покинула край этих добрых людей и вступила в пределы другой страны. Здешние жители были сделаны из иного теста: резкие и жестокие, они относились к женщинам как к рабыням. Утеллену спросили, почему она не прикрывает ступни и уши — самые уродливые части тела по их понятиям. То были высокие худые люди с удлиненными лицами и узкими глазами. Они обступили чужестранку, загородив дорогу, толкали ее и наступали ей на ноги. В конце концов она рассказала о своем сыне, угрожая

им и пугая всевозможными карами, если ее не оставят в покое. Эти люди были не столь невежественны, как дикарь в горах, и знали о битве между чародеями. Они устрашились и отступили от Утеллены, более не чиня препятствий.

Однажды ночью, когда Утеллена шла через холмы, она увидела свет, исходящий из пещеры. Памятуя о дикаре и его хижине, женщина приблизилась ко входу со всей возможной осторожностью, готовая бежать в любой момент. От пещеры исходили тепло и уют. В проеме стоял старик с длинными серебристыми волосами. На нем был красный плащ, украшенный узором из лун и звезд, а в правой руке он держал резной посох. Хозяин любезно пригласил гостью войти, обещая укрытие от надвигавшейся бури. Действительно, через некоторое время небеса разверзлись, и начался ливень. Потоки воды неслись по высохшему руслу реки, молнии то и дело били в землю.

Все еще сомневаясь, Утеллена приняла гостеприимство волшебника — так он себя назвал.

— Я вовсе не злой колдун, — промолвил старик. — Просто человек, обладающий даром магии. Этот талант нельзя сбрасывать со счетов...

Он приготовил для Утеллены горячее питье и поделился с ней хлебом. Повсюду в пещере она видела атрибуты магического искусства: волшебные жезлы и пузырьки со странными символами на этикетках. Тут же лежали несколько остроконечных шляп; некоторые из них были непроницаемо черными, а иные покрыты непонятными письменами. Пещеру заполняли высушенные жабы, летучие мыши и змеи, внутренности птиц и грызунов. На полках стояли старые пыльные книги. Огромный раскрытый том лежал на каменной плите. В углу Утеллена увидела письменный стол, по которому были раскиданы листы пергамента и письменные принадлежности: стило, тростниковые стебли, перья, кисточки. Пергаменты были испещрены иероглифами и рунами... И повсюду лежала пыль. Горы пыли! Моря пыли! Казалось, эту пыль принесли сюда нарочно и разбросали по комнате для пущего эффекта. Именно это заставило Утеллену задуматься.

— Благодарю тебя за приют, — сказала она. — Я долго шла и очень устала.

— И куда же ты направляешься, дитя мое?

— Я иду к своему сыну ИксонноксИ. Он такой же маг, как и ты.

Глаза старика засверкали.

— ИксонноксИ? Нет, он не такой, как я. Что я такое? Скромный волшебник. Пустое место в сравнении с подобным чародеем.

Большая честь для меня принимать в доме мать такого человека! Что ж, возможно, есть парочка заклинаний, фамильных секретов, которые я могу сотворить, а твой сын — нет. Но его магия гораздо могущественнее моей.

Старый волшебник сиял. Подозрения Утеллены усилились. Что, если этот человек — враг, подосланный ОммуллуммО? Слишком уж он благодушен и обходителен. Что-то здесь не так...

Пока Утеллена размышляла, на пороге пещеры показались два пастуха и попросили приюта на ночь. Волшебник охотно впустил их.

— Входите, входите. Чем больше народу, тем веселее. Правда, нынче ночью у меня не останется времени на занятия магией — с таким-то количеством гостей... Ну да ладно! Не последний день я живу на свете. Успею еще. — Он вздохнул и посмотрел на звездное небо. — Глядите: рогатая луна. Хорошая ночь для магических изысканий... Вон видите? Вечерняя звезда сияет особенно ярко. Но ничего, люди важнее работы. Займусь магией завтра.

— И какой магией вы собираетесь заняться? — спросила Утеллена.

Казалось, старик смешался — но только на миг. Тут же его лицо вновь прояснилось.

— Разумеется, заклинаниями урожая. И скота. — Он кивнул на двух пастухов. — Я сделаю так, что пшеница будет густой, а овцы — сильными и здоровыми.

— Правда, — перебил один из пастухов — коренастый мужичок с немного косящими глазами. — Ты чужачка, добрая леди, а вот ежели б жила тута с детства, так вмиг бы поняла, что это знатный колдователь, потому как делает нам богатые урожаи и овечий приплод.

Хозяин пещеры выпятил грудь и улыбнулся пастуху.

— Хм... Но мне кажется, что почва в этих краях плодородная, а климат — мягкий. Я видела, какая густая и зеленая здесь трава, — сказала Утеллена. — Так почему же урожаям не быть обильными, а овцам — здоровыми?

— О, — пробормотал другой пастух — молоденький загорелый юноша, — оно б так не было, кабы не он.

— Полно, полно, — рассмеялся старый волшебник, — достаточно похвал для скромного малого вроде меня. Зачем уж так-то?.. Да, я признаю, что без помощи моей магии здешние земли были бы в жалком состоянии. Дождей выпадало бы не в пример меньше, и солнце выглядывало бы из-за туч несравненно реже. Я приказываю морозам ударять в нужное время, чтобы убить насекомых-

паразитов. Верно, без меня роса не выпадала бы на траву. Но все это такие мелочи... О! Какие мелодии я слышу? Бурчание в пустых животах. Обращу-ка я свои магические таланты на приготовление горячей и вкусной пищи!

И волшебник отправился сооружать ужин, негромко напевая себе под нос. Казалось, он просто счастлив принимать у себя гостей. Утеллена по-прежнему сомневалась. Что-то здесь было не так.

И впрямь: во многих землях обитали волшебники, которые подсобляли местным жителям. Некоторые делали это, поскольку им нравилось ощущать превосходство над людьми, а некоторые — исключительно из бескорыстных побуждений. И уж конечно, большинство колдунов требовали за свои услуги немалое вознаграждение.

Впрочем, многие фермеры, пастухи и землевладельцы предпочитали обходиться своими силами. У волшебников есть множество недостатков. Зачастую они творили произвол и бесчинства, отбирали у людей их имущество, использовали магию для недостойных дел и доставляли больше неприятностей, чем пользы. Какой-нибудь колдун мог запросто превратить расшалившегося мальчишку в жабу просто потому, что с утра встал не с той ноги.

Волшебникам свойственно охранять и ревностно защищать свою территорию. Они не любят, когда другие маги селятся в окрестностях. Маги подобны сумеречным птицам, которые помечают свою территорию, распевая песни, или зверям, делающим то же самое при помощи мочи. Они проводят незримые границы и точно знают: коллеги относятся к ним без симпатии.

Хозяин пещеры не был похож на обычного сельского волшебника. Да, старик постоянно хвастался своими талантами, а это характерно для магов, но слишком уж он был любезен и радушен. Обыкновенно маги обладают плохим чувством юмора — или не обладают им вовсе. Имея сына-чародея, Утеллена знала это наверняка. Таинственные силы волшебства искажают и искривляют их души, и посему у магов, как правило, тяжелый характер. Утеллена знавала не так уж много колдунов, но конкретно этот определенно ее беспокоил...

— Можно ли узнать твое имя? — спросила она волшебника, пока он размешивал кашу в горшке. — Хочу рекомендовать тебя своему сыну.

Старик изумленно посмотрел на нее.

— Конечно, моя дорогая. Меня зовут АммА.

— Ты здесь родился?

— Ох, сколько вопросов. Ну, думаю, да.

— Его тута всякий знает на много сотен миль вокруг, — сказал один из пастухов, вгрызаясь в тушеное мясо. — Все знают АммА.

— Да-да, они давно меня знают. Я неплохой волшебник, с этим приходится считаться.

Они поели, и АммА взялся размещать гостей на ночь. Один из пастухов вышел проверить стадо, бродившее вокруг пещеры; потом он и его товарищ развернули одеяла, положили их недалеко от входа и улеглись спать. Кажется, они полностью доверяли АммА. Впрочем, если он был сподвижником ОммуллуммО, завербованным на службу сравнительно недавно, пастухи могли просто ни о чем не догадываться.

Утеллена свернулась в углу и притворилась спящей, на самом деле не сводя с волшебника глаз. Она видела, как АммА повозился со своими отварами и высушенными рептилиями, а когда счел, что все уснули, — заметно расслабился. Старик подошел к шкафчику со множеством маленьких ящиков, каждый из которых был помечен особым символом. Из одного ящика он извлек что-то яркое и сверкающее. Затем открыл другой ящик — побольше — и вынул другую вещицу. Она была яйцевидной формы и, кажется, твердой на ощупь. В конце концов колдун сел на табурет под лампой и принялся совершать какие-то манипуляции с извлеченными на свет предметами. И тут Утеллена наконец-то разглядела, чем занимается волшебник.

АммА штопал носок.

Яркий предмет оказался иголкой, а яйцевидный — гладким камнем для штопки. Старик мурлыкал себе под нос какую-то песенку и старательно трудился. Вскоре работа была закончена. АммА откусил нитку и привередливо осмотрел носок. Он и впрямь был зашит безупречно, Утеллена признала, что и сама не сделала бы лучше. Старик растянул носок в пальцах, удовлетворенно поглядел на него, а потом задул лампу и улегся спать.

Кем бы он ни был, решила Утеллена, этот человек не слишком хорошо владел магией. Иначе зачем проводить драгоценное время за штопкой носков? Маг оказался фальшивкой... Тогда к чему маскарад? Или старик специально поджидал здесь ее — Утеллену? Ловушка?.. Что, если двое деревенщин-пастухов — тоже агенты ОммуллуммО? Все возможно.

Утеллена спала вполглаза, урывками, опасаясь подвоха. А наутро она подошла к хозяину, сжимая в руке кинжал.

— Тебя зовут не АммА.

На лице поддельного волшебника отразилось смятение. Пастухи, которые как раз завтракали, дружно отвесили челюсти.

— Вы двое, закройте рты, — велела Утеллена. — А ты назови мне свое настоящее имя, или я вырежу тебе сердце. На прошлой неделе я убила дикаря и сделаю с тобой то же самое, если не услышу правдивых ответов.

— М-м-мое имя АммА, — выдавил старик. — П-п-полегче, юная леди, не то я... я превращу твой кинжал в ядовитую змею.

— Ничего ты ни во что не превратишь, — фыркнула Утеллена. — Говори свое имя, не то пожалеешь.

Он повесил голову.

— Ридделстем. Мое настоящее имя — Ридделстем.

— А почему ты притворялся волшебником? Тебе обещали награду за мою голову? Отвечай! Живо!

— За твою голову? — ошеломленно переспросил лжеколдун. Пастухи, застывшие над мисками с кашей, изумленно заморгали. — То есть как это?.. Я хочу сказать... При чем здесь твоя голова?

— Я уверена, что вам приказали заманить меня в ловушку. Учтите: когда мой сын узнает об этом, вы позавидуете мертвым. Он станет преследовать вас и обрушит на ваши головы всю мощь Короля магов. Он иссушит ваши души и отправит их в преисподнюю. ОммуллуммО не сумеет вас защитить. Что бы этот злодей ни наобещал вам, он не сдержит слова. Уж поверьте. Я знаю его лучше, чем вы.

— ОммуллуммО? Ох... — Казалось, Ридделстем лишился дара речи. Он в отчаянии заломил руки. На лице младшего из пастухов застыло выражение ужаса. — О нет. Я не заключал с ним никаких сделок...

— Тогда зачем понадобился такой маскарад? Для чего все это? — проворчала Утеллена, не сомневаясь, что ее обманывают. — Отвечай. Немедленно!

Старший из пастухов расплакался и прорыдал ответ, поскольку бледный и дрожащий Ридделстем по-прежнему не мог сказать ни слова:

— М-мы прихлопнули нашего мага, потому что он разобижал нас так и этак. Ридделстем сел заместо него, чтобы кто другой не заявился.

Утеллена недоуменно обвела взглядом троих мужчин.

— Что-что? Ридделстем, говори ты. Я не понимаю этого жуткого диалекта. Что значит «прихлопнули»?

— Мы... мы убили его, — выдавил Ридделстем. — Скинули камень ему прямо на голову, и он умер... А что? — продолжал старик, точно защищаясь. — Что нам было делать? Злыдень губил наши урожаи. Овцы худели и околевали. Детишки болели, а женщины

не могли рожать. Он терпеть нас не мог и сам говорил: дескать, ему нравится наблюдать, как мы страдаем. Соседи вечно ссорились меж собой, потому что он натравливал нас друг на друга. Мы здесь жили будто в яме с гадюками... Будто в аду!

— И вы его убили. Незаконное, преступное действие, которое я не могу одобрить. Ну ладно, допустим. Но зачем ты занял его место?

— Чтобы не пришел кто-нибудь другой. Все странствующие волшебники знали, что в этом краю уже живет могучий чародей АммА, и проходили мимо. Когда в наши земли являлись чужаки, я бежал в пещеру, надевал балахон и изображал колдуна. Со временем деревенские жители вроде этих двоих начали мне подыгрывать. — Старик помедлил, затравленно глядя на Утеллену. — Конечно, если б пришел настоящий волшебник, он бы мигом меня разоблачил. Но маги предпочитают не конфликтовать друг с другом, а с обычными людьми вроде тебя проблем не возникало. Вдобавок, узнав, что здесь живет великий колдун, странники разносили об этом весть — и никакой чародей не желал к нам соваться...

Ридделстем замолчал и опустил взгляд.

— Я знаю, что мы совершили преступление и должны понести наказание.

— Ну, лично я вас наказывать не стану, — отозвалась Утеллена.

Она понимала, что покойный волшебник держал всю округу в ежовых рукавицах, а избавиться от него законным путем было попросту невозможно. Ни один барон не станет посылать вооруженный отряд, чтобы защитить от негодяя-мага несколько жалких деревенек. Проще уж оставить их вариться в собственном соку. Да и как обычный человек может противостоять магу? Если ты засадишь его в тюрьму, он моментально освободится и будет при этом очень, очень зол... Если же попытаешься его изгнать, он рассмеется тебе в лицо и превратит в тритона.

— Как вы это провернули? — спросила Утеллена.

— Вон оттуда, сверху, — сказал Ридделстем, показывая утес над пещерой. — Мы подкараулили его однажды утром и спустили ему на голову булыжник. Камень раздавил АммА в лепешку, тот и пикнуть не успел — не то что воспользоваться магией... Так что ты собираешься делать? Позовешь странствующих судей, дабы преследовать нас по закону?

— Нет. У меня нет времени. И я понимаю, что вы оказались в безвыходном положении. Но как вы теперь собираетесь выпутываться?

Ридделстем самодовольно улыбнулся:

— До сих пор нам это удавалось. Вот уже двадцать лет, как мы избавились от АммА. Волшебники сюда не приходят, и мы живем счастливо. Маги — это язвы на теле человечества, — добавил он. — Нужно их всех топить во младенчестве, а потом сжигать останки.

— Хочу тебе напомнить, что мой сын — тоже маг.

Редделстем округлил глаза.

— Правда? Я хочу сказать, он действительно маг? Ты не просто так болтала?

— Нет. Он ИксонноксИ, правомочный Король магов.

— О боги! Теперь ты все ему расскажешь, и он явится сюда со своими огненными бурями, землетрясениями, извержениями вулканов и все такое. Да?

Утеллена улыбнулась:

— Нет. Я ничего ему не скажу. А если б даже и сказала... Навряд ли его заинтересует ваша маленькая деревушка. Живите в мире. Нехорошо отбирать жизнь — даже если речь идет о злобном волшебнике. Но я понимаю: у вас не было выбора...

На следующий день Утеллена оставила за спиной пещеру «колдуна» и вступила в Темные Чертоги — огромный подземный лабиринт. Она знала, что, путешествуя под землей, сумеет срезать сотни миль, поскольку не придется огибать высокий горный хребет. Знала Утеллена и другое: в лабиринте обитают странные и опасные твари.

— Слезай оттуда!

Маскет восседал на низкой ветке, словно по-прежнему был вороном и обладал когтистыми лапами. При окрике Солдата мальчик заморгал. Ему было удобно на ветке... А что? Еще не так давно эта поза была для него более чем естественной.

Маскет с трудом отходил от старых привычек. Временами птичьи повадки все еще управляли его сознанием. Иногда он делал попытки клевать еду, вместо того чтобы положить ее в рот. Зачастую паренек рефлекторно подпрыгивал, когда слышал хлопанье крыльев над головой. Жизнь не так-то проста для мальчика, который совсем недавно был птицей.

— Давай, парень, слазь, — велел Солдат. — Надо собрать сена для кобылы.

— Пусть сама собирает.

— Она не может, она лошадь. Бедное животное рассчитывает на нас. Спускайся с дерева и собери траву, пока она не подмокла. А мне надо помыть кобылу. Такое дело не для грубых рук мальчишки. Наша Молния очень привередливый и благородный зверь.

Наконец Маскет повиновался, не переставая ворчать и жаловаться. Он сетовал на свой человеческий облик: мол, в виде ворона он был избавлен от грязной монотонной работы.

— Тогда-то мне не приходилось заниматься всей этой ерундой. Что за наказание — быть мальчишкой! Ты обязан вскакивать, когда к тебе обращается старший, и выполнять все его приказы. Это нечестно. Каждый человек должен делать свою собственную работу. Я совсем немного проехал на крупе этой кобылы, вот за ним я и буду ухаживать. Круп кормить не надо. Пусть Солдат кормит голову, а я почищу круп. Я вовсе не против.

— Ты замолчишь, или зашить тебе рот?

Солдат и Маскет обихаживали кобылу, когда внезапно в сгустившихся сумерках появилось существо, пролагавшее для них белый путь, — огромный белый дракон с размахом крыльев не менее чем в сотню ярдов. Разинув рот, Солдат следил за диковинным созданием, бесшумно летевшим над долиной. Необъятная тень скользила по земле, и там, куда она падала, тотчас появлялись снег и лед. Пока белоснежное существо двигалось вдоль долины, за ним оставалась льдистая белая дорога. Чем ниже спускался дракон, тем холоднее становилось вокруг. Это создание несло с собой мороз, проникающий до самого сердца.

Деревья, трава и цветы — все было покрыто инеем. Реки и ручьи, замерзая, превращались в сверкающие полосы. В одном месте замер вмороженный в лед олень, спустившийся к водопою; чуть поодаль застыли утки и гуси, пойманные в ловушку. Крупные звери вроде медведя останавливались, смотрели вверх и сотрясались от холода. Маленькие животные превращались в куски льда, промерзая до самого нутра, и лежали в траве, будто миниатюрные статуэтки.

— Айсвинг! — в восторге крикнул Маскет и начал говорить — словно цитировал книгу: — Айсвинг, белая драконица! Дочь тринадцати лунных драконов. Королева снегов из северных земель. Гляди, как она скользит по небу подобно белому воздушному змею, сотворенному из горных снегов! Как она прекрасна! Ее дыхание — белый хлад. Она парит между землей и небом, оставляя иней и лед там, куда отбрасывает тень. Сердце ее — айсберг. Северный ветер — ее душа. Глаза — кристаллы застывшей воды!

— А мне помнится, ты говорил, что не знаешь, кто оставляет снежную дорогу, — укоризненно произнес Солдат.

— Да? Ну, видно, позабыл, когда был вороном. Разумеется, я слышал об Айсвинг. О ней каждый знает. Она — героиня множества сказок. Ты ведь не был мальчиком в этом мире, да? Ты пришел уже взрослым.

— Ну да, — пробормотал рыцарь. — Гляди-ка, она летит сюда! Надо поскорее найти укрытие.

Пока они рассуждали, драконица спикировала вниз и схватила в зубы здоровенного матерого оленя. Она заглотила зверя целиком, вместе с рогами и копытами. По прошествии некоторого времени дракон принялся хрипеть и кашлять. Солдат решил, что на этот раз тварь пожадничала и, чего доброго, подавится. Но не тут-то было. На миг живот драконицы невероятно раздулся, она оглушительно кашлянула, и что-то вылетело у нее изо рта. Такие исходящие паром кучи Маскет называл совиными катышками — шкура, рога, копыта и кости оленя, утрамбованные в единый огромный шар.

Дракон рыгнул. Этот звук, напоминающий мычание исполинской коровы, эхом разнесся по долине.

Солдат ухватил лошадь за поводья и поспешил под прикрытие деревьев. Они с Маскетом отыскали густые заросли кустов и спрятались среди них, ожидая, пока чудище не пролетит мимо. Что-то выпало из-под правого крыла, а затем дракон выдохнул струю морозного воздуха, да так, что у Солдата захолонуло сердце. Маскет чувствовал себя не лучше. Зубы мальчика выбивали частую дробь. Солдат забеспокоился, как бы они не переломались...

Наконец белый ящер улетел, направляясь к следующей долине и оставляя за собой знакомую льдисто-снежную полосу замороженной земли.

— Может, она ищет нас? — пробормотал Солдат. — То есть не для того, чтобы сожрать... Но возможно, она хочет показать нам дорогу? — Он обернулся к Маскету. — Как ты узнал об Айсвинг? Ты родился здесь, в Неведомых Землях?

— Да нет. — Мальчик пожал плечами. — За пределами этих земель Айсвинг — просто сказка. Я помню, что кто-то — может, мать, — рассказывал мне о белом драконе.

Внезапно что-то ударило Солдата по ноге. Он опустил глаза и увидел странную тварь: ящерицу, похожую на варана, но полупрозрачную, длиною не меньше ярда. Никогда и нигде Солдат не встречал таких тварей и поспешно отдернул ногу. Варан прошмыгнул мимо него и отскочил в сторону. Похоже, именно эта ящерица и выпала из-под крыла дракона: она была такой же белой и оставляла за собой след из ледяных кристалликов.

— Что это? — спросил Маскет. — Ребенок драконицы?

— Хм... Скорее похож на паразита, — отозвался Солдат. — Вроде тех, что проживают у тебя в волосах, только побольше.

Ящерица побежала по белой дороге, будто стремясь догнать своего крылатого товарища. Солдату подумалось: это существо упало с Айсвинг не случайно. В конце концов, если оно жило на драконе, с какой стати ему вдруг падать? Он окликнул варана и попросил его подождать. Существо тут же остановилось и село, нетерпеливо оглядываясь на Солдата и его спутника. Теперь Солдат окончательно убедился, что ящерица способна привести их к цели. Белая дорога скоро исчезнет под солнцем, но варан поведет людей за собой.

— Спасибо, — сказал Солдат, подойдя к новому проводнику. — Мы готовы следовать за тобой.

Ящерица затрусила вперед. Солдат и Маскет взобрались на лошадь и отправились в том же направлении.

День выдался ясным и теплым, и вскоре солнце растопило снежный путь, оставленный Айсвинг. Вдалеке виднелись темно-красные холмы, сложенные, похоже, из песчаника. Лучи солнца падали на них, и холмы сверкали, как бронзовые купола. Приблизившись, путники увидели, что холмы состоят из слоистого камня, отторгающего свои верхние пласты, как змея, сбрасывающая кожу. Холмы напоминали огромные красные яйца с разбросанными вокруг скорлупками. Солдат и Маскет миновали их, сидя на спине кобылы и любуясь этой красотой.

За красными яйцевидными холмами начиналась пустыня. Ящерица побежала по каменистой земле, прикрытой тонким слоем песка. Время от времени она оглядывалась, дабы удостовериться, что люди не отстали. Солдат старался не терять варана из поля зрения: если Айсвинг и пролетала через пустыню, белая дорога ненадолго сохранится под палящим солнцем. Рыцарь промедлил всего один раз, чтобы наполнить водой бурдюки. Затем он направился вслед за белой тварью, которая неутомимо бежала вперед.

Когда настала ночь, Солдат велел ящерице остановиться. На рассвете он поднялся с первыми лучами солнца и дождался, пока ящерица немного полежит на солнцепеке. Он знал, что холоднокровные создания должны некоторое время провести на солнце, дабы согреться после ночи. Когда ящерица впитала достаточно энергии от солнечного света, она готова была двигаться дальше, а Солдат и Маскет — следовать за ней.

Вновь спустился вечер, и Маскет поглядел в небо.

— Посмотри на звезды, Солдат! Они словно алмазы.

Будучи вороном, мальчик весьма и весьма интересовался драгоценными камнями, но звезды его не слишком интересовали.

— Многие люди говорят то же самое.

— Правда? — воскликнул Маскет. — А я думал, я первый, кому пришло в голову это сравнение.

— Да нет, скорее миллионный.

— Ну, не важно. Я-то никогда не слышал этого раньше, поэтому можно считать, что я сам это изобрел. Ой, смотри, одна из них летит по небу. Я назову ее падучей звездой. Или это тоже не я придумал?

Солдат улыбнулся и ничего не ответил.

— А луна сегодня похожа на колыбель. Колыбель для младенца. Знаешь, Солдат, я стану поэтом, когда вырасту. У меня врожденный талант придумывать разные фантастические картины, правда? А вон там облако, похожее на слона, прямо под луной. Так что теперь луна — паланкин раджи или султана. Я вижу: там сидит принц в тюрбане. Правда вижу... Ой нет, это тоже часть облака, хотя выглядит как принц, да, Солдат? Ах, а вон там еще одна звезда несется как стрела. Она оставляет за собой путь, как... как блестящая дорожка от улитки. Я настоящий поэт, скажи, Солдат?

Тот лишь вздохнул.

— А луна — призрачный галеон, танцующий на облачных волнах...

Солдат поднял голову.

— Вот это поэтично. И, пожалуй, вполне оригинально. Да, ты сможешь стать поэтом, Маскет, — если найдешь свой стиль. Дерзай, юный рифмач! Призрачный галеон, стало быть? На облачных морях? Хорошо сказано, мой мальчик. Очень хорошо...

Глава шестая

Несколько дней спустя Солдат и Маскет подошли к огромной пропасти. Ящерица встала на ее краю и нерешительно оглянулась на Солдата. Маскет тоже смотрел на рыцаря вопросительно. Недавно мальчишка снова наелся червей, и теперь его подташнивало. Было совершенно очевидно, что решение придется принимать Солдату.

Он подошел к краю пропасти и заглянул в нее, прикидывая расстояние до дна. Расщелина была неимоверно глубокой, аж голова закружилась. Солдат поспешно отступил назад, испытав то странное чувство, которое овладевает людьми при взгляде вниз с большой высоты: жуткое ощущение пустоты и необоримое желание прыгнуть вниз.

— Давайте остановимся, мне надо подумать, — сказал он мальчику. Затем огляделся по сторонам. — Может, здесь есть какие-нибудь деревья? Тогда мы перекинем их через пропасть и сможем перебраться.

Но деревьев не было. Местность, по которой они ехали, отличалась скудной растительностью. Только скалы и пыль — да случайные цветы, временами выглядывающие из трещин в земле. Не так давно они миновали водопад, где наполнили свои бурдюки. Но даже этот гремящий поток не сумел напитать влагой бесплодную землю. По крайней мере воды в почве было недостаточно, чтобы здесь могли выжить деревья. Увы! В поле зрения не оказалось ничего пригодного для строительства моста.

— Застряли, да? — сказал Маскет, подбоченившись. — И, похоже, у тебя нет никаких идей.

— Что ж, возникла небольшая проблема. И нужно время, чтобы ее решить, — терпеливо сказал Солдат. — Нечего насмехаться.

— Это не насмешка. Простая констатация факта.

Иногда мальчишка бывал чересчур уж умен...

Солдат сел на камень и огляделся по сторонам. Интересно, почему во время путешествия рано или поздно возникают гранитные утесы и преграждают дорогу искателю приключений?.. Солнце выглядывало из-за скал на другой стороне пропасти, словно поддразнивая его. Слюда на камнях поблескивала озорным весельем. Горы знали: Солдат оказался в затруднительном положении, и именно они были тому причиной.

Он поднял глаза к синему небу. Ни облачка.

— Кто нам сейчас пригодился бы — так это гигантская птица Рух, — пробормотал Солдат. — Она перенесла бы нас через ущелье...

К сожалению, поблизости только две маленькие пичужки перепрыгивали с камня на камень. Птицы... Интересно, что здесь делают птицы? Чем они питаются? Тут нет ни семян, ни даже еловых шишек. Солдат задумчиво наблюдал, как они порхают и резвятся в вышине лазурного неба. Потом он понял, что птицы, должно быть, насекомоядные. Насекомые тут и впрямь водились. Какая-то мошка впилась Солдату в бровь. Мелкие твари досажали и Молнии: кобыла яростно хлестала себя хвостом по бокам. Да и Маскет постоянно прихлопывал кровопийц на руках и прочих оголенных участках тела. А по земле ползали жуки. Жуки всех видов, цветов и размеров. Они спешили перебраться из-под укрытия одного камня в тень другого... Жуки питались клещами, которые в изобилии водились повсюду — даже в самых жарких и засушливых местах.

Солдат разглядывал блестящего черного жучка, ползущего мимо его ноги. Казалось, тот очень торопится достичь близлежащего валуна...

— И к чему такая спешка? — пробормотал Солдат. — Могу поспорить, у тебя нет расписания.

Жук замер и посмотрел на него.

Солдат опешил. Не может быть, чтобы насекомое услышало его слова... И вдруг он вспомнил! Змея, спасенная от цапли, сказала, что он отмечен божественной благодатью. Это давало Солдату власть над насекомыми, птицами и рептилиями. Птицы?.. Он снова глянул вверх. Здесь их было слишком мало, чтобы помочь ему. Но вокруг, должно быть, миллионы насекомых — и в воздухе, и на земле. Насекомые вездесущи, хотя их не всегда можно увидеть. Они, за исключением комаров и повсеместных мух, как правило, не лезут на глаза.

Солдат встал и снова заглянул в пропасть.

— Ого. События начинают развиваться, — сказал Маскет, тоже поднимаясь на ноги. — Сдается мне, ты что-то задумал.

— Спокойно, малыш. — Солдат немного помолчал, а потом крикнул — да так, что его голос разнесся далеким эхом среди скал. — Насекомые неба и земли, я приказываю вам сотворить мост через пропасть! Я велю вам собраться вместе, как это сделали змеи в болоте, и помочь мне перейти на ту сторону!

В первый миг ничего не произошло. А затем насекомые начали собираться, прилетая и выползая из-под камней. Тараканы, пчелы, бесчисленные разновидности жуков, мухи, комары, мошкара, москиты, стрекозы, долгоножки, черно-желто-полосатые осы и оранжево-черно-полосатые шершни. Явились златоглазки, муравьи, трипсы, ногохвостки и — о великие боги! — скорпионы. Здесь же, само собой, были мотыльки, бабочки, вши и сороконожки. Последние — не вполне насекомые; но то ли сороконожки не знали об этом, то ли считали различия недостойными внимания. Так или иначе, они тоже откликнулись на зов. Явились сенокосцы на ножках-стебельках, пришли цикады и сверчки. Целый полк кузнечиков. Бригада уховерток. Эскадрон веснянок. Воздух сотрясался от жужжания, гудения и звона, которые звучали сладкой музыкой для уха Солдата.

Вскоре мост начал обретать форму. То была вибрирующая арка, составленная из мелких существ, из мельтешащих ножек и трепещущих крыльев. Жук вцепился в блоху, пилильщик ухватил за ноги таракана. Даже единственная улитка — которая приползла, захваченная всеобщим порывом, хотя отнюдь не являлась насекомым, —

пристроилась к группе навозных жуков. По мере того как насекомые выбирались из норок и трещин, мост становился все толще и прочнее. Они соединялись, как причудливая мозаика, кусочек к кусочку, составляя из своих тел арку, что соединила берега расщелины. Наконец живой виадук был готов и ждал путешественников, ради которых и возник.

— Я туда не пойду, — крикнул мальчик, в ужасе глядя на извивающийся мост. — Можешь оставить меня здесь.

Солдат не удостоил его ответом, сгреб мальчишку за воротник и закинул на седло. Покорная кобыла безропотно пошла за хозяином. Солдат погладил ее по носу и долго успокаивал и шептал нежные слова. С лошадью Солдат обращался гораздо более ласково, нежели со строптивым подростком на ее спине.

Ящерица побежала вперед, не преминув заодно полакомиться. Солдат наблюдал, как неблагодарная тварь подхватила таракана и отправила в рот, ничуть не заботясь о том, что поедает опору, отделяющую ее от смерти. Рыцарь не мог ей помешать и лишь дожидался, когда варан окажется на противоположной стороне расщелины.

Затем Солдат сам вступил на мост. Когда он преодолел треть пути, возникла новая опасность. Птицы сбивались в стаи и устремлялись к мосту, предвкушая грандиозное пиршество. Тысячи и миллионы насекомых, собравшиеся в одном месте, не могли не привлечь их внимания. Дюжины пернатых созданий низвергались на беззащитных насекомых и пожирали их. Птиц становилось все больше. Они пикировали вниз и выдирали из моста тараканов, жуков и бабочек. В конце концов живой виадук начал терять прочность и угрожающе заколебался.

— Скорей! — крикнул Солдат.

— Воспользуйся последней командой! — в ужасе крикнул Маскет, глядя на острые челюсти скал. — Прикажи птицам убраться отсюда.

— Эта команда еще может нам пригодиться, — сказал Солдат, балансируя на мосту, который ходил ходуном. — Нельзя ее расходовать.

Живая арка прогнулась посередине, оседая по мере того, как вываливались насекомые...

— Мы упадем! Мы сейчас упадем! — заорал Маскет. — Ох, зачем только я стал человеком? Будь я вороном...

— Будь ты вороном, ты бы присоединился к этим пернатым разбойникам и склевал нашу последнюю надежду, — проворчал

Солдат. — Вперед, вперед! Давай, парень, не отвлекайся. Смотри, Молния почти добралась. Еще несколько шагов...

Мост распадался. Маскет изо всех сил вцепился в гриву кобылы. Последний отчаянный рывок — и они были спасены. Солдат прыгнул — как раз в тот момент, когда мост разлетелся на миллионы щелкающих, жужжащих и звенящих осколков. Рыцарь сумел ухватиться за ногу лошади и повис над пропастью. Ощутив рывок, Молния инстинктивно подалась вперед и вытащила Солдата на ровную поверхность. Переправа завершилась благополучно.

— Ишь ты! — крикнул Маскет. — Погляди-ка туда! Видишь?

Мост валился в пустоту. Он уже утратил свою выгнутую форму и стал просто роем разноцветных точек. Некоторые из насекомых летели на своих собственных крыльях, иные мягко парили на восходящих потоках теплого воздуха, поднимающихся из глубин вулканического разлома. Тысячи крылатых тварей поднимались к солнцу и садились на землю по обе стороны пропасти. Некоторые приземлялись на отвесные стены. Некоторые — бескрылые — валились вниз. Насекомые были легкими, невесомыми созданиями, и падение не приведет их к гибели. Они доберутся до дна и соорудят себе новые дома среди теплых скал и желтых камней...

— Мы победили! — сказал Маскет, снова воспрянув духом. — Мы обманули смерть! — Мальчик погрозил кулаком птицам, которые продолжали склевывать с земли тараканов и мошек. — Если бы я был вороном, я бы взлетел и всыпал вам как следует! Разрушители мостов! Ни стыда, ни совести! Ах как я мечтаю, чтобы сюда прилетели орлы и закусили вами самими, глупые обжоры!

Солдат гладил Молнию, тихо говоря ей, что она — чудесное животное и настоящее сокровище. Кобыла слушала звук его голоса, не понимая слов, но знала, что они обозначают. Она сознавала, что все сделала правильно, и принимала заслуженную похвалу...

И тут опустилась тьма. Она окружила их со всех сторон — почти осязаемая, похожая на черный атлас. Она пала на путников, обернула их, как шелковое покрывало, и принесла с собой странную дремоту. Солдат и Маскет упали на землю и провалились в глубокий сон. Никто не знал, сколько времени он продлился, но, проснувшись, они обнаружили: кругом снова светло, а ящерицы нигде не видно.

— Произошло нечто странное, — сказал Солдат, озираясь по сторонам. — Скалы выглядят так же, как раньше, и все же нечто неуловимо изменилось. Свет будто бы стал ярче. Тебе не кажется? И вон те валуны... они, по-моему, приобрели более четкие очертания.

Так или иначе, приспела пора двигаться дальше. Солдат собрал свой маленький отряд, и путешествие продолжилось. Молния зацокала копытами по узкой тропе, петляющей среди гор. По большому счету, здесь они не так уж и сильно нуждались в проводнике: путь был только один. Узкая тропа бежала по горному карнизу. С одной стороны от нее вздымалась вертикальная скальная стена, с другой — опускался отвесный обрыв. Выбирать было не из чего. Только вперед или назад...

Маскет ухватил Молнию за хвост и использовал его, чтобы увереннее держаться на скользкой тропе. Несмотря на все годы, прожитые в облике ворона, он обнаружил в себе нелюбовь к высоте. Странное дело, без крыльев он чувствовал себя в горах голым и уязвимым. Один неверный шаг — и он упадет с обрыва в объятия смерти. Уж лучше сосредоточиться на крупе лошади, крепко держаться за хвост и просто переставлять ноги — одну за другой, одну за другой...

Вскоре добрались до линии снегов, но решили не делать привала. В одном месте дорогу преградил коварный ледник, однако Солдат извлек из ножен Кутраму и вырубил в нем ступеньки. Ледяной склон высотой не менее тысячи футов вел вниз, в затянутую туманом долину. После зыбкого моста из насекомых этот путь показался сущей ерундой. Скользкий? Зато прочный!.. Маленький отряд миновал его без особых затруднений и благополучно спустился в долину.

Следующим препятствием оказалась бурная река. Мощный поток падал с гор и ревел между берегами. Эту реку питали снега, таявшие высоко в горах, да и ливневые дожди — частое явление в этих местах — тоже вносили свою лепту.

На берегу реки Солдата встретила ящерица. Она вынырнула из-за валуна и плюхнулась прямо в поток. Варану удалось проплыть несколько ярдов, затем течение подхватило его и выкинуло на берег.

— Все ясно, — сказал Солдат. — Здесь нам не перебраться. Ни вброд, ни вплавь. Надо найти какой-то способ переправиться, не отклоняясь на сотни миль от нашего пути.

Маскет пожал плечами:

— У тебя осталась последняя команда. Используй ее. Прикажи птицам перенести нас на тот берег.

Солдат покачал головой:

— Нет, эту возможность надо сохранить на самый крайний случай. Сами придумаем, как перебраться. Впереди еще путь домой. Мало ли какие опасности нас поджидают...

Пока Солдат рассуждал, на берег реки вышли семь девушек. Каждая из них несла на плече большой сосуд. Они остановились у кромки воды и созерцали быстрый поток, вздрагивая и перешептываясь. Некоторые бросали на Солдата короткие, робкие взгляды, но ни одна не попыталась с ним заговорить. Они были все похожи друг на друга — темноволосые, черноглазые, невероятно красивые, облаченные в одинаковые ярко-красные свободные одежды. Хотя с красных тюрбанов спадала своего рода паранджа, частично скрывая черты, Солдат видел, сколь они прекрасны. Изящные, точеные фигуры девушек не имели ни малейшего изъяна. Солдат оробел, не решаясь приблизиться к ним — так же, как и они к нему. Однако в конце концов он поборол смущение, подошел и попытался завести беседу.

— Дамы?

Девушки дружно захихикали.

— Простите, что пристаю к вам подобным образом...

Снова смех.

— ...но мне и моим спутникам необходимо переправиться через эту реку. Не знаете, есть ли поблизости мост? Или место, где течение не такое бурное?

Одна из девушек казалась немного старше остальных, которым было не более чем по семнадцать лет. Она обратила к Солдату свои темные глаза.

— Сэр, мы дочери семи вождей трех равнинных племен и четырех племен холмов. А ты кто такой?

— Я? Я Солдат, принц-консорт королевы Лайаны из города Зэмерканда в стране Гутрум. Также я посвященный рыцарь и главнокомандующий карфаганских Красных Шатров, армии солдат-наемников.

Она улыбнулась уголками губ.

— Надо же, какой длинный титул. Я — Фианда, дочь вождя племени Исмилат. Я выучила ваш язык у одного путешественника, который проходил здесь пару лет назад...

— Язык? — переспросил Солдат, нахмурившись. — Это меня настораживает, но сейчас я не могу понять почему.

Он посмотрел на семерых женщин.

— У вас нет сопровождающих? Разве вы не боитесь разбойников? Или диких зверей? Многие женщины умеют сражаться, но — простите меня — не похоже, что вы владеете оружием. У вас такие стройные тонкие фигуры, и нет развитых мускулов, которые необходимы, чтобы обращаться с копьем или носить щит.

— Здесь не водятся дикие звери, и ни один человек в этих землях не посмеет оскорбить семь старших дочерей семи вождей семи племен.

— Возможно. Но чужаки вроде меня не знают о ваших отцах. И почему вы ходите вместе, коль принадлежите разным кланам?

Фианда обвела рукой своих спутниц, которые широко распахнутыми глазами смотрели на подругу.

— Наши отцы... — сказала она, — растят своих сыновей и дочерей вместе. Поэтому когда дети — особенно мальчики — вырастают, они остаются друзьями. Таким образом между племенами не возникает вражды: не так-то просто пойти войной на друга детства.

— Очень мудро. А как насчет моего первого вопроса?

— Скоро ты получишь на него ответ.

— Прошу прощения, леди, я не понимаю.

— Мы тоже хотим пересечь реку, но нужно немного подождать. Когда настанут сумерки, вода спадет, и течение замедлится. Если ты согласен потерпеть, то сумеешь переправиться через реку, когда закатится солнце.

— Любопытный феномен. А отчего же это происходит?

— Так захотел тот, кто создал реку.

В голосе Фианды прозвучало смирение, и Солдат понял: девушка имеет в виду единого бога-творца. До сих пор в этом мире ему встречались лишь многобожие или анимистические верования...

— Ты веришь, что Создатель успокаивает воды своей волей?

Девушка удивленно посмотрела на него:

— Верю? Нет. Я знаю. Так происходит каждый вечер.

— Тогда мы подождем вместе с вами.

Солдат махнул рукой Маскету, приказывая подвести лошадь поближе. Мальчик подошел, однако покосился на девушек очень подозрительно. Он уселся к ним спиной и принялся созерцать дорогу, ведущую с гор.

— А что в сосудах? — спросил Солдат.

— Оливковое масло, — отозвалась девушка. — Вино. Уксус.

— И все это производят ваши племена?

— Не совсем так. Мое племя живет набегами. Сайска — она вон там, с самым большим сосудом, — из племени рыбаков. Племя Джесс владеет самым большим стадом овец в округе. А отец Хэрриам...

Солдат кивал, слушая Фианду краем уха. Его мучили сомнения. Что-то здесь было не так. Смущал факт веры в единого бога;

отчего-то это казалось странным. Вдобавок девушка говорила о языке...

На закате поднялся высокий прилив, идущий против речного потока. Эта исполинская волна, должно быть, пришла с моря, где прилив был выше, чем уровень воды в реке. Огромный вал повернул реку вспять и отогнал воду назад, к истокам. После того, как прошла приливная волна, река тотчас же обмелела, и женщины пересекли ее вброд, поскольку теперь вода едва достигала их бедер. Солдат и Маскет пошли следом, ведя в поводу безропотную Молнию.

Когда прилив поднимался вверх по реке и ослабевал, он встречался с силой течения. Это заставляло его откатиться назад, рождая еще одну исполинскую волну. Поток несся по руслу реки обратно к морю, и любой, кто попытался бы пересечь реку в этот момент, неизбежно утонул бы.

Благополучно перебравшись на другой берег, девушки разошлись в разные стороны. Одни направились на запад, другие на юг, третьи на север. Фианда повернула к юго-западу, придерживая на плече наполненный маслом кувшин. Солдат окликнул ее:

— Постой! Далеко ли отсюда твой дом?

Девушка обернулась.

— Шатры моего отца стоят в оазисе, который видно отсюда. Вон те финиковые пальмы — это он и есть. Если хочешь, зайди к нему в гости и выпей чая. Наше племя славится гостеприимством, так что если ты приглашен — бояться нечего. Я пойду вперед и сообщу отцу. Тогда он выйдет и встретит тебя как брата.

— Буду счастлив с ним познакомиться.

Маскет по-прежнему сохранял молчание. С тех пор, как они выбрались из-под странного покрова тьмы, накрывшего их в горах, мальчик был очень немногословен. Он сделался угрюмым и нелюдимым. Солдат решил, что на него повлияло путешествие. Об окрестных землях не имел понятия ни один гутрумец. Если верить записям, никто из людей не забредал так далеко на северо-запад от Зэмерканда. Возможно, мальчик был не в духе, осознав, сколь далеко он от дома. В здешних местах название его города и даже страны было для людей пустым звуком. Солдат тоже чувствовал себя неуютно. В любой момент он ожидал событий, которые создадут угрозу для их жизни.

Вскоре показались шатры — переносные жилища, покрытые шкурами, неприглядные на вид и не похожие на красные палатки карфаганцев. Гораздо меньшего размера, они имели несколько опорных столбов, поддерживающих как центр, так и углы.

Шатры по форме напоминали огромных пауков и, казалось, были готовы в любой момент встать и зашагать на своих тонких ногах-опорах. Из отверстий в крышах поднимались дымки, входные пологи были широко распахнуты, словно здесь в любой момент ожидали гостей. Вокруг шатров лежали верблюды и бродили козы. Овцы щипали сочную траву. Повсюду шныряли куры, собаки и кошки. Кочевое становище во всей своей красе. Мирный лагерь, занятый повседневными делами, — но оружие всегда наготове и несколько лошадей всегда оседланы. Владельцы этих шатров были пастухами или воинами, а вернее всего — и теми, и другими одновременно.

Из шатра, в котором скрылась Фианда, вышел человек. Заметив Солдата и Маскета, он сделал рукой приглашающий жест. Путники приблизились. Человек — крупный мужчина с широкими плечами и бородой, закрывавшей половину груди, — раскинул руки и заключил Солдата в объятия. От него пахло козьим сыром, свиным салом, лошадиным потом и еще чем-то непонятным. Маскет спрятался за Молнию, опасаясь, как бы его тоже не обняли...

— Входи, сэр, — сказал человек. — Добро пожаловать в мой шатер. У нас есть свежее мясо и чай. Меня зовут Бакбар. Дочь рассказывала обо мне? Отлично, отлично. Не так часто мы потчуем за нашим столом рыцаря-христианина.

Холодок пробежал по спине Солдата.

— Как вы сказали?.. — начал он, однако договорить не успел, поскольку хозяин схватил его за руку и увлек в сумрак шатра.

Пол покрывал мягкий ковер, по нему были раскиданы подушки. На стенах висели гобелены. Бронзовый горшок кипел в обложенном кирпичами очаге; за ним присматривала старая женщина. Она улыбнулась Солдату, показав черные зубы. Ее лицо было сплошь покрыто морщинами, но лучилось добротой и теплом. В иных обстоятельствах Солдат улыбнулся бы в ответ; сейчас его слишком ошеломили слова Бакбара.

— Кто вы? — спросил он вождя, когда церемония приветствия была завершена. — Что вы за народ? Как называется эта страна?

Бакбар рассмеялся.

— Заплутали, да? Странствующие рыцари заблудились на пути домой из Иерусалима? Это Марокко, сэр. А мы — берберы. Что, ты думал, мы арабы? Нет. Мы той же веры, разумеется, но другой крови. На самом-то деле, к сожалению, арабы и берберы совершенно не похожи друг на друга...

Сердце Солдата бешено заколотилось. Наконец-то он понял все! То, о чем он так долго мечтал, — случилось, но случилось в

самое неподходящее время. Только не сейчас, подумал он. Позже, когда все утрясется, когда все дела будут закончены, — возможно. Но не теперь! Ну почему?! Почему именно сейчас?..

Он снова был в своем мире.

— Я... я не крестоносец, сэр, — сказал Солдат. — Не тамплиер и не госпитальер, и я не следую примеру рыцарей, которые отправились в Святую Землю. С моей точки зрения, у нас дома было достаточно своих проблем, и следовало бы разрешить их, прежде чем отправляться на Восток. Нет, я... я моряк, оставшийся без корабля на чужом берегу. Мы с оруженосцем, — Солдат указал на ошарашенного и смущенного Маскета, — путешествовали по морю, когда нас высадили в бухте неподалеку отсюда. Вероломный капитан похитил мое судно и отправился пиратствовать.

Бакбар посмотрел на Солдата, сузив глаза. Казалось, он не слишком-то поверил в эту историю. Затем оглядел доспехи Солдата, его одежду — и кивнул.

— Ты не похож на христианского рыцаря, верно. И доспехи у тебя странные. Где же ты был? В Индии? Или еще дальше? Я слышал о странной земле, называемой Дальний Катай. Значит, там ты и добыл свои доспехи? Говорят, что если пойти с караваном на восток, то рано или поздно достигнешь границ этой страны. Рассказывают, что шелк и атлас там растут на деревьях, а люди носят золотые халаты.

Солдат кивнул:

— Я видел львов, сэр. И драконов.

— Львы есть и здесь, а вот драконы!.. Вот кого я хотел бы повидать. Я ведь не только воин, но и ученый.

У Бакбара загорелись глаза. Люди, проходящие через его землю, нередко говорили о драконах. Моряки рассказывали истории о водяных драконах, путешественники упоминали драконов земных. Воистину Дальний Катай был удивительным местом, где встречи с подобными существами происходили сплошь и рядом...

— Расскажи мне о драконах, — попросил вождь.

Солдат вонзил зубы в кусок мяса и отхлебнул вина, поданного дочерью Бакбара. Фианда то и дело бросала на гостя томные взгляды и улыбалась, показывая белые зубы. Ее намерения были ясны, и Солдат встревожился. Не хватало ему сейчас связаться с женщиной, в особенности — с дочерью вождя дикого берберского племени. Он слабо улыбался ей в ответ, делая вид, что не понимает намеков и воспринимает ее внимание исключительно как дань вежливости гостю.

Засим Солдат принялся удовлетворять любопытство Бакбара, рассказывая ему о драконах. Он начал с истории о своем собственном драконе — маленьком создании из Фальюма, который на его глазах вылупился из яйца. Этот дракончик теперь считал Солдата своим родителем и называл его «КЕРРОУ», что на языке драконов-самцов обозначает «мама». Бакбар был изумлен рассказом, но попросил еще. Солдат знал немало сказок и анекдотов, где упоминались драконы, и поделился ими с радушным хозяином, а напоследок припас историю об Айсвинг.

— Белоснежный дракон! — выдохнул Бакбар, пережевывая высушенную палочку козьего мяса. — Его тень оставляет ледяную дорогу... Это, должно быть, султан всех драконов, не так ли? А ты видел это создание собственными глазами?

— Мы оба видели, — внезапно перебил Маскет, обиженный тем, что его обошли вниманием. — Я первый ее заметил. И вообще я знал об этом драконе еще из тех сказок, которые мне рассказывали, когда я был ребенком.

— Был ребенком? — рассмеялся Бакбар. — А сейчас ты кто?

— Совсем недавно я был вороном, сэр. Вороном с черными крыльями, когтями и клювом.

Маскет говорил горячо и возбужденно, глядя в глаза Бакбару. Солдат забеспокоился. Что, если хозяин примет их за чародеев? Он понятия не имел, как берберы относятся к колдунам и ведьмам. В его родных краях, например, колдунов сжигали или топили... Но волноваться не стоило. Бакбар с горящими глазами выслушал историю и поверил, что мальчика превратил в ворона злой волшебник. Он расспрашивал Маскета, каково это — быть птицей, и дивился рассказам мальчика о полетах, поедании червей и личинок, гнездовьях в печных трубах.

— Какие гости забрели ко мне нынче вечером! — восхищался Бакбар. — Утром я возьму перо, пергамент, красные, зеленые и черные чернила и все запишу. Такие истории бесценны для ученого вроде меня, а эти записи однажды изумят мир. Они прославят имя Бакбара Бербера, и оно прозвучит в Александрии, что в Египте, и до самой Индии... и да́же дальше.

Маскет наклонился к уху Солдата и прошептал:

— Никогда не слыхал названий, о которых он говорит. Что такое «Индия»?

— Не важно. Я тебе потом объясню, Маскет. А пока сиди и помалкивай.

— Вы наелись? — Бакбар перевел взгляд на дочь. — Можно ли задать вопрос личного свойства, рыцарь? Сколько у тебя жен?.. Ох,

я забыл. Христианам разрешается иметь только одну, да? Какая жалость. Ну да ничего... У тебя есть жена?

— Да, сэр. Она не только моя жена, но и моя королева, правительница небольшого отдаленного государства, как я уже рассказывал вашей дочери.

— Ты сказал: «отдаленного»? — Вождь наклонился вперед, приблизив губы к самому уху Солдата. — Я тебе кое-что скажу, странник. Моя дочь положила на тебя глаз. Да-да. Если страна, где правит твоя царственная жена, так далеко отсюда, может статься, что ты никогда туда не вернешься. В таком случае есть возможность найти жену поближе. Она совсем рядом... Красивая девочка с чудесным характером. Разумеется, ты — неверный и потому недостоин ее, но ради такой красоты можно и поменять своего бога на нашего. А? Подумай!

Нужно было отвечать — и отвечать быстро. Солдат сказал:

— Сэр, но вы же ничего обо мне не знаете. Что, если я — подлец и негодяй? Что, если я — лжец и мошенник? Вор или убийца? Как вы можете столь безоглядно доверять мне?

— Твоя правда, — нахмурившись, пробормотал Бакбар. — Я доверчивый человек. Некоторые говорят: слишком доверчивый. Но ты кажешься мне человеком чести. У тебя открытое лицо и твердый взгляд. Люди, подобные тебе, идут дорогой правды и отваги.

— О да, он славный рыцарь, можете быть уверены, — пылко воскликнул Маскет. — Он самый честный человек в Гутруме.

— Помолчи, парень, — прошипел Солдат сквозь зубы. — Не влезай в разговоры старших.

— Нет-нет, мальчик говорит истину, — сказал Бакбар.

— Сэр, — вздохнул Солдат, — он мой оруженосец, мой вассал... — Это прозвучало не слишком-то убедительно, поэтому Солдат принялся лгать напропалую. — Он... он мой приемный сын. Разумеется, он верит, что его отец — самый уважаемый и почитаемый человек в мире. А какой сын думает иначе?

Бакбар снова помрачнел.

— Тоже правда... Ну, я в растерянности. Давайте пока что оставим эту тему. Может, ночью сны раскроют мне, как решить столь деликатное дело. Фианде придется разочароваться... По крайней мере на эту ночь.

Испустив вздох облегчения, Солдат покосился на Фианду, которая и впрямь выглядела несколько разочарованной. Но, очевидно, она твердо намеревалась убедить отца, что разыскала мужчину своей мечты. Солдат лишь отсрочил казнь.

Женитьба на Фианде отнюдь не казалась жестоким приговором. Красавица вовсе не выглядела злой или сварливой. Будь Сол-

дат холостым, он, возможно, не стал бы с ходу отвергать столь щедрое предложение. Однако сердце Солдата было занято: он безумно любил свою дорогую Лайану и не хотел никого иного.

Как говорится, у моряка по жене в каждом порту. А у Солдата появился шанс завести по жене в каждом мире!

Бакбар разговаривал с Маскетом, который развлекал хозяина историями о Гутруме и других королевствах своего родного мира. Несмотря на незнакомые названия, которыми сыпал мальчик, бербер был убежден, что речь идет о Дальнем Катае, и уже не удивлялся его чудесам. Гутрум, Да-тичетт, Уан-Мухуггиаг, Карфагу, Бхантан он считал провинциями этого государства. Бакбар всегда знал, что Дальний Катай — дивная, необыкновенная страна, где люди сильно отличаются от здешних жителей, а странные вещи и события там норма жизни.

Солдат же погрузился в свои собственные мысли. Он пытался понять, почему его внезапно выкинуло обратно в родной мир. Тому непременно должна быть причина... Но если бербер не только воин, но и ученый, если они попали в шатер мудреца, почему бы не загадать ему загадку?

— Сэр, — сказал Солдат, — позвольте задать вам вопрос?

— Конечно, — отозвался Бакбар, вновь переключая внимание на главного гостя. — Он личного свойства?

— Нет-нет. Это своего рода загадка.

Бакбар рассмеялся.

— Случайно не загадка сфинкса? Кто утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером — на трех? Ты, разумеется, знаешь ответ. Все его знают.

— Кроме меня, — пискнул Маскет. — Что это? Какое-нибудь чудовище?

— Что ж, можно и так сказать, — отозвался Солдат. — Это человек. На заре жизни он ползает на четвереньках, ходит прямо, став взрослым, и опирается на палку — третью ногу, — когда стареет.

— Умно! — воскликнул Маскет, хлопая в ладоши. — А теперь загадай ему наши загадки, Солдат. Скажи ему о нерожденном ребенке.

— Да, расскажите мне о нерожденном ребенке.

— Что ж, сэр, слушайте. Золотое нерожденное дитя в чужом доме.

Бакбар нахмурился.

— И все? Больше ничего.

— Именно так, — кивнул Солдат. — Как вы думаете, что это может быть?

Бакбар глубоко задумался.

— Возможно, — сказал он наконец, — что нерожденное дитя — какое-нибудь яйцо. Мальчику виднее, какое именно. Но я не представляю, что обозначает «чужой дом».

— Яйцо! — воскликнул Солдат. — Да, думаю, вы попали в точку. Но что за чужой дом такой?

— Понятия не имею, — вздохнул Бакбар.

— Ничего страшного. По крайней мере мы отгадали часть загадки. Можно еще одну? Последнюю из трех... То есть на самом деле она была первой, но третью мы отгадали, а вторую только что обсудили. Вот слушайте: серебряное вместилище песни вечного пленника. Что скажете? Я буду благодарен за любую помощь, сэр.

Бакбар задумался, низко опустив увенчанную чалмой голову. Когда же ученый поднял ее, на его лице сияла улыбка, а в глазах светилось торжество.

— В данном случае следует начать со слова «песня». Какие создания у нас поют? Птицы, разумеется. Люди. Кто из них может быть «вечным пленником»? Похоже, певец — это кто-то или что-то особенное. Единственное в своем роде. Какие еще есть в природе певцы? Уникальные певцы... Например, ветер.

— Ветер! — воскликнул Маскет. — Точно ветер!

— Нет, — снисходительно ответил Бакбар. — Никоим образом, поскольку никто не в состоянии его пленить. Даже существует выражение «свободен как ветер». Наш певец — это нечто связанное, закованное... то, что всегда находится на одном месте.

— Море, — удовлетворенно пробормотал Солдат. — Вы говорите об океане.

Бакбар улыбнулся и кивнул.

— Очень хорошо. Море. А какой предмет хранит в себе песню моря?

— Раковина! — выкрикнул Маскет.

— Именно! Если приложить раковину к уху, вы услышите песню моря, вечного пленника. Вам нужно искать серебряную раковину.

Солдат крепко стиснул руку бербера и потряс ее.

— Дорогой сэр, я благодарю вас за помощь. Вы решили наши загадки. Да, одну — только наполовину, но, может быть, тут все дело в различии культур. В конце концов, если «чужой дом» из этой загадки неизвестен на ваших берегах, нельзя требовать, чтобы вы о нем знали. Я займусь этим сам и уверен, что найду ответ. А сейчас, сэр, я очень утомился и буду благодарен вам за постель. И мальчик...

— Твой сын, — веско произнес Маскет.

— Да-да, разумеется. Мой дорогой сын тоже выглядит усталым.

Бакбар показал Солдату и Маскету угол в шатре, где ковры и циновки лежали в несколько слоев и отлично подходили на роль постели. В доме бербера и его дочери Солдата ожидала хорошая ночь, и он поблагодарил хозяев за щедрое гостеприимство. Бакбар отвечал, что берберы, да и арабы в этих землях не сделали бы меньше. Скрижали гласят, что странники должны получить еду, питье и безопасное место для ночлега.

Сон не шел к Солдату. Слишком много звуков доносилось снаружи. Сопели верблюды. Возились неугомонные собаки. Временами на насестах кудахтали куры. Ветер свистел в пальмах; их листья шуршали, словно сухой пергамент. Даже звезды, казалось, позванивали на небесах.

Но не эти шумы были виной бессонницы Солдата. Ему не давала покоя мысль о возвращении в родной мир. Что же делать? Как попасть в мир Гутрума, Карфаги и любимой жены? Может, надо вновь пройти путь до расселины? Остаться там и надеяться, что странная тьма вновь снизойдет на них и перенесет обратно... А если это не сработает? Солдат представил: допустим, он заперт здесь навсегда... и сердце забилось от страха и отчаяния.

Он сам не заметил, как провалился в сон...

— Проснись, проснись!

Солдат открыл глаза. Маскет отчаянно тряс его за плечо. На лице мальчика отражалась неподдельная тревога.

— Ну что еще? — сказал Солдат. — Я только-только уснул.

— Я не мог тебя разбудить, — сказал Маскет. — Я очень долго пытался, но ничего не выходило.

Солдат сел и огляделся по сторонам. Он снова был возле пропасти. Кобыла спокойно стояла поодаль. Ящерица свернулась на камне, греясь на солнышке, как всегда по утрам. Маскет хлопотал вокруг; он выглядел очень взволнованным. Мальчик развел костер, и на огне булькал горшок с водой.

— Мы здесь? — изумленно сказал Солдат. — Как мы вернулись?

— Вернулись откуда? — раздраженно спросил паренек. — Мы нигде не были.

— Разве мы не отправились вниз, когда спустилась тьма?

— Мы отправились спать, — сказал Маскет. — Потом я проснулся. А ты продолжал храпеть. И разговаривал во сне. Я не мог тебя разбудить. Если бы не это бормотание, я бы решил, что ты умер.

— Спал... — повторил Солдат. Громадное облегчение снизошло на него. Он был здесь, в новом мире, а не в своем родном! —

Так, значит, мне все приснилось. До чего же правдоподобный был сон! Полагаю, его послали мне при помощи магии... Но зачем?

Потом Солдат вспомнил. Во сне он отыскал ответ на вторую загадку и — отчасти — на третью. Какой-то горный полубог или дружественный демон ниспослал ему это видение. Существовал ли Бакбар на самом деле? Или же он был вымыслом Солдата? Возможно, его подсознание услужливо подсказало ответ на загадки, приняв облик бербера. Не исключено, что Солдат мог разгадать их сам, но не доверял собственному интеллекту...

А Фианда? Нет, если Бакбара не существует в реальности, то и Фианды тоже, с грустью подумал Солдат. Тщеславие сотворило эту женщину из его тоски и неуверенности. В определенном возрасте мужчины начинают гадать, нравятся ли они красивым женщинам. Их воображение рисует самые разные картины. Несомненно, во сне Солдат сотворил такую картину, желая получить подтверждение тому, что все еще способен быть привлекательным. А почему бы нет? Он по-прежнему оставался рыцарем, мужественным, красивым и представительным, разве не так?.. Однако молодые красивые женщины тянутся к молодым красивым мужчинам, а он больше не молод. Когда-то — да, но красота юности осталась в прошлом вместе с беспокойством и страхами. Теперь он зрелый мужчина, зрелый и телом, и умом. Солдат был доволен собой и своей жизнью, однако где-то в потаенном уголке его души жила тоска по молодости и красоте.

— Может, ты собираешься весь день здесь сидеть и тупо пялиться по сторонам? — спросил Маскет, уперев руки в бока. — Или продолжим путешествие?

— Не надо грубить, — сказал Солдат, отрешившись от задумчивости. — Не то придется научить тебя кое-каким манерам.

Угроза не произвела на мальчика впечатления.

Когда солнце поднялось достаточно высоко, чтобы рассеять туман, они уже были на горной тропе, направляясь в долину. Окружающий пейзаж показался Солдату знакомым, но он не обратил на это внимания. Ведь все горные тропы выглядят одинаково. Те же скалы, пыль и панорамные виды.

Однако чем дальше они шли, тем сильнее Солдат беспокоился. У подножия холмов он увидел реку, что с грохотом неслась с гор и змеилась по равнине. Сомнений не оставалось: то была та же самая река, которую Солдат видел вчера — или нынче ночью — во сне. Дойдя до кромки воды, они, разумеется, обнаружили, что бурный поток пересечь невозможно...

— У тебя осталась последняя команда, — сказал Маскет. — Используй ее. Прикажи птицам перенести нас на тот берег.

Солдат покачал головой.

— Нет, эту возможность надо сохранить на самый крайний случай... — начал Солдат, а затем понял: история повторяется до мелочей. — Пойдем отсюда. Отыщем другую дорогу.

— Смотри! Вон там стоят женщины, — воскликнул Маскет. — Их семеро и все с сосудами на плечах. Кажется, они чего-то ждут.

На этот раз ящерица не стала прыгать в воду. Она сидела и смотрела на Солдата, точно ожидая его указаний. Солдат пару раз оглянулся на женщин, но твердо решил не подходить.

— Не обращай на них внимания, — мрачно сказал Солдат Маскету. — И вообще не смотри в ту сторону. Они ведьмы все до одной.

— Они не похожи на ведьм. Ведьмы уродливые, и у них длинные носы с бородавками. А эти — настоящие красавицы. И хихикают, как маленькие девочки. Смотри! Они нам улыбаются.

— Что может знать мальчишка твоих лет о девушках и ведьмах?

— Вообще-то именно ведьма превратила меня в птицу, — фыркнул Маскет. — Я много знаю о ведьмах.

— Но ничего — о девушках. Не смотри туда. У них дурной глаз. Особенно у той, что улыбается. Если угодно, можешь глянуть на нее высокомерно — дай понять, что ее прелести отвергнуты, что мы ею не интересуемся.

Но сам Солдат не противился желанию обернуться. Да, разумеется, среди девушек стояла Фианда и сладко улыбалась ему. Солдат поспешно отвел глаза. Он был уверен: если приблизиться и заговорить с ней — события пойдут по кругу. Необходимо вырваться из петли.

Солдат решительно направился в противоположную сторону, ведя Молнию под уздцы. Ящерица, казалось, одобрила этот выбор и побежала впереди, временами оглядываясь, дабы убедиться, что ее спутники поспевают следом. Солдат пропустил мимо ушей просьбы Маскета идти помедленнее или изменить курс. Очевидно, мальчик был озадачен тем, что Солдат не сделал попытки установить контакт с местными жителями.

— Почему ты не поговорил с девушками? — бурчал паренек, волочась следом. — Можно было спросить у них.

— Слишком опасно.

— Ничего не опасно. Это же просто девчонки.

— Для тебя — женщины, парень. Женщины непредсказуемы. Они гораздо опаснее мужчин. Погляди на змей.

— А что змеи?

Солдат не мог с ходу придумать убедительный аргумент.

— Ладно, погляди на некоторых насекомых. Скажем, пчела. Самец кусает один раз, а потом умирает. Самка может кусаться сколько угодно. Некоторые самки насекомых поедают своих партнеров. Понимаешь, о чем я? Никогда не доверяй странным женщинам, парень.

— Я и не доверял. Ты не дал мне шанса.

— Верно. А вот, посмотри, тропа уводит обратно в горы. Кажется, здесь больше растительности, чем в других местах.

— Опять лазить? — заканючил Маскет. — Почему у меня больше нет крыльев?

Солдат пропустил нытье мимо ушей. Его заботили собственные проблемы. Вспоминая события прошлой ночи, он чувствовал себя неуютно. Во сне Солдат не только вернулся в родной мир; он назвал Маскета своим приемным сыном. Солдат перевел взгляд на мальчика, бредущего по тропе рядом с ним. Неплохой парнишка, спору нет, но вовсе не такой сын, какого представлял себе Солдат. Его сын, его плоть и кровь, будет во всем подобен отцу и думать точно так же.

Этот оборванный подросток ничуть не походил на сына рыцаря или принца-консорта. Он выглядел как отпрыск какого-нибудь бродяги или попрошайки. Потрепанный уличный мальчишка — худой, тонкорукий, с острыми чертами лица. Горькая складка в уголке рта. Хитрый и лукавый взгляд. Несомненно, все эти черты были результатом голодного детства, проведенного в подворотнях, и они не украшали паренька. Лайана не примет такого в семью, верно? Нет-нет, у них будет собственный сын — замечательный отпрыск преуспевающих родителей.

Лайана до сих пор не родила ему ребенка. И оба они не молодели... Внезапно в голову Солдату пришла ужасная мысль: а способна ли Лайана зачать ребенка? Позволят ли ей годы?.. Возможно, приемный сын — единственное, что им оставалось. Тогда из чего выбирать? Разумеется, в Зэмерканде много родовитых семей с сыновьями и дочерьми. Но они наверняка предпочтут сохранить потомков — наследников родовых титулов. Возможно, им с Лайаной придется найти мальчика или девочку вроде Маскета. Как говорится, лучше знакомый черт...

— Я спрошу жену, — проворчал Солдат. — Решать будет она.

Маскет недоуменно посмотрел на него.

— Что она будет решать?

— Насчет тебя, — вздохнул Солдат, взъерошив жесткие и непослушные волосы мальчика. — Спрошу, согласится ли она на усыновление.

Горечь исчезла с губ мальчика. Лукавое выражение покинуло его глаза. Все сменилось чудесной веснушчатой улыбкой.

— Правда, Солдат? Это правда?

— Я же так сказал, верно?

Мальчик неожиданно разразился слезами. Рыцарь обеспокоенно посмотрел на него.

— Ладно, ладно. В чем дело?

— Я счастлив.

— Тогда смейся.

— Я слишком счастлив, чтобы смеяться.

— Что ж, плачь.

Маскет плакал. Дорожная пыль оседала на его лице, смешиваясь со слезами. Вместе с тем мальчик словно бы начал светиться каким-то внутренним светом. Он уже казался не таким маленьким и несчастным... Солдат подивился, какую метаморфозу способны сотворить всего несколько слов, сказанных вовремя.

— Ну как, успокоился?

— Да. Спасибо, отец.

— Постой. Я пока не отец. Нужно согласие Лайаны.

— Я ее знаю, сэр. Она добрая, великодушная и нежная.

— Помимо этого у нее есть еще масса других качеств. Как ты знаешь, она несколько раз пыталась меня прикончить.

— Она была безумна. На нее влияли фазы луны.

— Вернее сказать, на нее влияло *нечто*. И ее характер заметно портится, если что-то идет не так, как ей хочется. В доказательство могу предъявить свои синяки... Поэтому не забегай вперед. Возможно, у Лайаны другие планы. Вдруг мы вернемся, а она встретит нас с маленьким сыном на руках?

— Тогда я буду называть его братом.

Казалось, у мальчика на все готов ответ. Солдат сдался. Он вынужден был признать, что чувствует глубокое удовлетворение. Собственное великодушие тешило его тщеславие. Впрочем, если человек никогда не потворствует своей гордыне, он, пожалуй, святой. По крайней мере сейчас оба они были счастливы.

Солдат и Маскет шли вверх по тропе, над которой возвышался зеленый холм с двумя темными пятнами проходов. Солдат понял, что они приближаются к концу путешествия. Чуть в стороне от поросшего травой холма на поляне сидела белая драконица Айсвинг. Ее крылья были свернуты, а тело отбрасывало длинную узкую тень, похожую на хищный контур пиратской галеры. И, разумеется, земля вокруг нее была покрыта искристым девственно-белым снегом.

— Вон Зеленая часовня, малыш. Видишь ее?

— Да. И дракона тоже.

— Покамест не обращай внимания на драконицу. Она либо охраняет эту часовню, либо указывает, что мы нашли нужное место. Если драконица — страж, то нам придется найти способ обмануть ее, чтобы войти внутрь. Тогда, разумеется, она будет ждать нас на выходе. По пути могут быть и другие охранники. Например, Зеленый рыцарь или пес с тремя головами. Заранее не предскажешь. Но одно совершенно ясно: мы должны войти в часовню.

— Я знаю, отец.

На этот раз Солдат не стал поправлять мальчика.

— Сперва надо определить, какой из двух проходов нам нужен, поскольку только один ведет в сокровищницы горных королей, а второй — в ужасный Иной мир. Мы же не хотим провести остаток вечности, сражаясь с чудовищами в краю льда и снегов? Мы должны найти место, где находятся нефритовый богомол, золотое яйцо и серебряная раковина.

— Серебряная раковина? Золотое яйцо?

— Ах да, я и забыл, что ты не знаешь... Я разгадал загадки во сне. Нам нужны эти три предмета. Мы уйдем отсюда с ними или не уйдем вовсе. Они помогут исцелить королеву.

— Мою маму.

Солдат скрипнул зубами.

— Не так быстро, мальчик. Сначала надо испросить ее согласия. И лишь потом ты сможешь утверждать, что единым гигантским шагом преодолел пропасть между нищим и принцем. Потерпи. Я начал с самого низа...

— Ниже просто некуда!

— Да. И...

— Буквально из грязи.

— Совершенно верно. Однако потом я выяснил: в моих жилах течет благородная кровь. Возможно, это предрешило, что в этом мире я стану тем, кто я есть.

— А кто знает, кем был я, прежде чем сделаться вороном? — сказал мальчик задумчиво.

— Чумазым маленьким заморышем, — фыркнул Солдат.

— Да, но до того? Кто знает, откуда я взялся? Да никто! Что, если я был принцем, которого положили в тростниковую лодку и пустили плыть по реке? Или нянька подменила меня в колыбели? Или брат-близнец заплатил лесорубу, чтобы тот отнес меня в лес и там бросил? Все возможно. Ты вот считал себя низшим из низших,

помощником продавца рук, не так ли? А теперь выяснилось совсем иное: ты — сэр Валехор, лорд чего-то там где-то там.

— Хватит болтать, — пробурчал Солдат. — Мы теряем время. А меж тем нужно подумать, какой из двух входов выбрать.

Маскет притих.

— Мы должны выбрать правильный.

— Очевидно. Но какой из них правильный?

— Как же? — сказал мальчик. — Разумеется, тот, где лежит кроличий помет.

Солдат остановился и заморгал, оторопело уставившись на Маскета.

— Объясни.

— Ну, кролики не станут выбирать дыру в ад, верно? Они не глупые. Кролики быстро учуют запах пламени и серы, доносящиеся из неправильного входа, и все поймут. Если не веришь, погляди на утиные перья. Утки и кролики часто используют одни и те же норы. Положись на меня, отец, и я приведу тебя к сокровищнице.

У Солдата отвисла челюсть.

— Зачем кроликам и уткам вообще использовать вход в Зеленую часовню?

Маскет терпеливо вздохнул, словно общаясь с умственно отсталым.

— Зачем? Вообще-то кролики предпочитают рыть горизонтальные норы, вместо того чтобы прокапываться в глубь земли. Это гораздо удобнее, и ничего не осыпается. Ты не замечал, что кроличьи норы почти всегда на пригорках и бугорках? И еще кролики любят насыпи, поскольку почва там мягче, а копать проще. Если они находят пещеру или полость в земле, то роют нору внутри нее, ведь пещера защищает от дождя. Дикие утки используют пустые кроличьи норы как укрытие на ночь и защиту от лис.

— Полагаю, ты узнал все это, пока был вороном?

— Ничего я специально не узнавал. Это каждому дураку ясно.

Последняя ремарка отнюдь не прибавила Солдату любви к Маскету. Он привязал Молнию к дереву в лесу, там, куда не могла проникнуть белая драконица. Затем Солдат вышел на поляну. Нужно было понять, является ли Айсвинг стражем часовни. Конечно, вряд ли — привести путников к часовне, чтобы затем помешать им войти? Но все может быть...

Приближаясь ко входу в часовню, Солдат настороженно поглядывал на дракона. Айсвинг не тронулась с места; в ней не чувствовалось злобы. Проем, ведущий в глубь земли, был выполнен в форме заостренной арки и выложен мшистыми валунами.

— Не вижу здесь никакого кроличьего дерьма. И никаких перьев...

— Тогда это не тот вход.

Они обогнули холм, который был вытянут в длину и напоминал поросший травой курган. На склонах чернели выжженные проплешины. Солдат решил, что где-то неподалеку живут маленькие огнедышащие дракончики.

Рыцарь готов был поспорить: на другой стороне холма они не увидят кроличьего помета, но его постигло разочарование. Кроличьи катышки валялись повсюду, похожие на высушенную чернику. Здесь же лежали тонкие перья. Маскет улыбнулся и кивнул своему новому отцу. Солдат вынужден был признать, что в некоторых вещах мальчишка определенно его превосходит. Он кинул еще один взгляд на Айсвинг и убедился: драконица не намерена им препятствовать. Солдат помахал ей рукой, и они с Маскетом вошли в темноту.

— Малыш, послушай, — сказал Солдат. — Мне никогда раньше не случалось заходить в Зеленые часовни, но я встречал рыцарей, которые в них побывали. Они рассказывали, что здесь есть всякие призрачные создания и подземные существа. Они нападают на любого вошедшего, однако не причинят тебе вреда, если ты будешь их игнорировать. Не обращай на них внимания. Не разговаривай с ними. Не реагируй — не важно, о чем они будут говорить. Понятно?

— Да, отец.

— Хорошо.

Миновав темную пещеру сразу за входом, они обнаружили коридор, уводящий в глубь земли и освещенный факелами. Бестелесные фигуры — призраки и духи — выходили из стен и заступали им путь. Бесенята сваливались с потолка, падали им на головы и вцеплялись в волосы, но тут же вспрыгивали обратно, видя, что на них не обращают внимания. Кобольды пытались напугать их, вопя в лицо и трогая ресницы. Маскет яростно отбивался от этих существ. Он явно был напуган. Солдат взял его за руку и повел вперед; даже когда на их пути встал призрачный рыцарь в сияющих белых доспехах, Солдат просто прошел сквозь него не моргнув глазом.

Они миновали несколько пустых комнат и наконец попали в хранилище, наполненное драгоценностями.

Это была огромная пещера с высоким скальным куполом. В странном зеленом мерцании стен искрились и переливались бесчисленные сокровища: золотые украшения, короны, нефритовые ларчики, нити жемчужин, кинжалы с рубиновыми рукоятками, изук-

рашенные каменьями мечи, коралловые ожерелья, серебряные броши и множество драгоценных — если не сказать бесценных — произведений искусства. Добрых десять минут Солдат и Маскет просто стояли и смотрели, завороженные чудесным зрелищем. Сокровища слепили глаза и смущали разум. Монеты громоздились кучами, словно мусор. Тяжелые фолианты лежали открытыми, золотые и серебряные иллюстрации, украшавшие их страницы, испускали сияние. На полу валялись золотые горшки, наполненные бриллиантами. В стенных нишах стояли древние жезлы. Колонны, украшенные огромными жемчужинами, выстроились в ряд; их капители были отделаны благородными металлами.

Один предмет особо привлек внимание Солдата: трон, изваянный из халцедона и инкрустированный тигровым глазом, аметистами, лазуритами, сердоликами, топазами и яшмой. Кричаще яркий, он бросал вызов всяческим понятиям об изяществе и элегантности. Трон деспота, тирана, обладающего огромными богатствами, но начисто лишенного художественного вкуса.

— Только взгляни! — воскликнул Маскет, заметив, что по щиколотку утопает в изумрудах и сапфирах. — Мы могли бы стать властителями мира!

— Могли бы, но не станем, — строго произнес Солдат. — Не позволяй этому великолепию ослепить тебя, сын. И не теряй головы. Мы должны взять только то, за чем пришли, ничего более. Если мы выйдем отсюда с набитыми карманами, то жестоко поплатимся. Нефритовый богомол, золотое яйцо и серебряная раковина — вот что надо найти. А все остальное пусть лежит где лежало.

— О! — разочарованно воскликнул мальчик. И вдруг отпрянул назад. — Что-то пошевелилось, — прошептал он, — вон там, в тени.

Солдат проследил за его взглядом и увидел среди блестящих сокровищ мерцающего монстра: огромного зеленого ящера с горящими алыми глазами. Его язык то и дело выскальзывал наружу между огромных клыков. Когти напоминали кривые ножи бандитов.

Жуткая тварь вышла на свет. Ее горло пульсировало, хвост яростно метался из стороны в сторону.

— Страж, — пробормотал Солдат. — Ну разумеется, иначе и быть не могло. Возможно, он здесь не один... Он будет следить за нами, пока мы не найдем то, за чем пришли. Не обращай внимания. Если он нападет, мы станем защищаться. А теперь пора приниматься за поиски...

Солдат принялся бродить среди сокровищ. Внезапно ящер кинулся вперед. Солдат быстро выдернул меч из ножен, но монстр не нападал. Он остановился на куче монет и замер в неподвижно-

сти. Солдат решил было, что ящер готовится к прыжку; Маскет первым понял роль чудища.

— Смотри, отец! Вон та шкатулка. Золотое яйцо!

Действительно: в ларце лежало яйцо, сделанное из золота.

«Великие боги, — подумал рыцарь, — страж помогает нам. Должно быть, он хочет, чтобы мы поскорее нашли свои предметы и убрались восвояси. Мы вторглись в его владения, бродим по его дому... Кажется, нам повезло. Пусть ящер покажет нам искомое...»

— Возьми яйцо, малыш.

Маскет осторожно двинулся вперед и подобрал золотое яйцо. Оно было тех же размеров, что и обычное птичье, но гораздо тяжелее. Маскет взвесил предмет на руке, а затем присмотрелся к нему повнимательнее. Ликуя, он протянул яйцо Солдату.

— Отец! Я отгадал последнюю часть загадки. Это копия яйца кукушки, вот в чем дело. Дитя в чужом доме! Ведь кукушка подкладывает яйца в чужие гнезда! Какой я умный, да, отец? Правда же умный?

Солдат улыбнулся приемному сыну.

— Более чем.

Страж сокровищ помог пришельцам отыскать два других предмета — миниатюрную статуэтку богомола и серебряную ракушку.

Забрав свои сокровища, Солдат и Маскет направились к выходу. Но не прошли они и десяти ярдов, как ящерица увязалась за ними, дергая хвостом и яростно щелкая челюстями.

Солдат бросил взгляд на разъяренного зверя и повернулся к сыну:

— Что ты украл? Я же предупреждал тебя!

Маскет сунул руку в карман и вынул рубин размером с собственный кулак.

— Он такой красивый, — прохныкал мальчик. — Я хочу его забрать с собой. Очень хочу.

Ящер двинулся вперед. Солдат выхватил камень из руки мальчика и швырнул его в зеленого стража. Ящер поймал рубин зубами, смерил пришельцев взглядом и затрусил в глубь пещеры. Там выплюнул камень на кучу других драгоценностей и исчез в темноте.

— Глупый мальчишка, — проворчал Солдат. — Великое счастье, что нам удалось унести отсюда ноги.

Мальчик повернулся к нему. В свете факелов было видно: его лицо блестит от слез.

— Я хотел взять его себе.

— Невозможно иметь все, чего хочешь.

— Все мне и не надо, — сердито буркнул Маскет. — Только этот рубин.

— Ты меня сильно разочаровал.

Солдат отвернулся, недоумевая, какая блажь напала на мальчишку. Он никогда не был отцом и не представлял мышления мальчишки возраста Маскета. Разумеется, он помнил собственное детство, но это отнюдь не показатель, поскольку прожитые годы не позволяют мыслить объективно. Любой взрослый полагает, что был идеальным ребенком. Сам Солдат не стал бы красть драгоценный камень. Когда ему было одиннадцать-двенадцать лет, он во всем подчинялся отцу. Приказ есть приказ. Разумеется, мальчик обязан слушаться его. Беспрекословно.

— Я тебя не понимаю, — веско сказал Солдат. — Ты хочешь быть сыном королевы и ее консорта, но по-прежнему остаешься уличным воришкой-беспризорником.

Маскет снова расплакался. Он жалобно бормотал невесть о чем себе под нос, и Солдат замолчал.

— Ну? Говори громче, парень. Я не разбираю ни слова.

— Я хотел взять его для моей мамы. Отдать его королеве Лайане — пусть она меня любит. Если я подарю ей такой рубин, она не отправит меня восвояси, верно?

На несколько секунд Солдат потерял дар речи. Оправившись от потрясения, он мягко положил руку на плечо паренька.

— Маскет, мальчик мой, любовь нельзя купить. Но обещаю: я скажу королеве Лайане, что ты рисковал ради нее жизнью.

Глава седьмая

В Зэмерканде королева Лайана с беспокойством ждала возвращения мужа. Ее не беспокоило, привезет он лекарство от ее амнезии или нет. Вернулся бы сам — живой и здоровый.

Тем временем при помощи верных слуг Офао и Дриссилы Лайана попыталась привнести в жизнь города порядок и стабильность. После того, как она побывала в пустыне Уан-Мухуггиага, Лайана ничего не помнила о своей прежней жизни; забыла она и своих бывших царедворцев. Поэтому при выборе людей на государственные должности ей приходилось прибегать к советам слуг. Ушлые мошенники пытались воспользоваться утратой памяти Лайаны и утверждали, что близко знали ее. Или

же будто ее отец или сестра обещали им высокие посты в правительстве.

Но у Дриссилы с памятью все было в порядке, и она быстро выгнала взашей всех лжецов. На самом деле королева могла доверять совсем немногим. Брат Каффа, старый верный друг Солдата по имени Голгат, получил звание командующего армии Зэмерканда. Спэгг, торговец «руками славы», к своему удивлению узнал, что назначен хранителем королевской казны.

Он пытался возражать.

— Ваше величество, — бормотал Спэгг, — мне нельзя доверить ни единой монетки, не говоря уж о казне целого королевства.

— Я доверяю тебе, Спэгг, и ты можешь доверять себе, — сказала Лайана, хотя придворные и царедворцы в один голос соглашались с мнением торговца. — Ты мог бы сбежать с несколькими монетами в кармане, но казна Зэмерканда немного потяжелее...

И Лайана оставила сундуки с сокровищами великого города в трясущихся руках нового Лорда-хранителя королевской казны. Зэмерканд действительно был очень богат — именно был, прежде чем Гумбольд захватил власть. Теперь с финансами возникали трудности, ведь правительство Гумбольда разрушило системы торговли и промышленности. Однако у Зэмерканда по-прежнему оставался канал, ведущий из центра города в Лазурное море. Там был порт Гутрума, заполненный торговыми судами, готовыми отправиться к ближайшему континенту Гвендоленд и его островам. Самые же отчаянные из капитанов водили свои суда к отдаленным землям.

После того, как Спэгг получил пост, о котором не смел и мечтать, был назначен Лорд-поимщик воров, затем новая леди-хранительница замков, Лорд-смотритель лестниц и многие другие. Из прежних Леди и Лордов не осталось никого: Гумбольд казнил их всех, когда захватил трон. Лайане пришлось сформировать новое правительство. Некоторые посты заняли дворяне и аристократы, а некоторые были отданы простолюдинам. Кое у кого голова закружилась от этого триумфа. Другие восприняли назначение более спокойно — как непростую, но необходимую работу.

Каффу и его сподвижникам не слишком-то нравилось подобное развитие событий. Несколько раз однорукий капитан пытался повидаться с королевой, однако неизменно получал отказ. Лайана ничего не помнила о своих чувствах к Каффу и знала одно: он противостоял ее мужу и был верным соратником ненавистного Гумбольда. Капитан отправил Лайане послание с просьбой об аудиенции и получил его назад с припиской: «Ты должен радоваться, что сохранил свою жизнь». Кафф понимал: славные деньки остались в прошлом; нужно умерить свои аппетиты — или уехать.

За стенами города расположилась армия Красных Шатров Карфаги. В отсутствие Солдата ею командовала Велион — опытный и талантливый полководец. Она отражала атаки ханнаков или зверолюдей, прежде чем они успевали добраться до границ Гутрума. При помощи шпионов Велион выясняла, где собираются кланы варваров, наносила превентивные удары и разбивала противника на его собственной территории. Кафф утверждал, что это против всех правил ведения войны, но Велион не обращала на него внимания.

Однажды утром к капитану Каффу явился посетитель: работник виноградника из одного поместья на границе Гутрума.

— Я принес вам весточку от человека, который некогда был вашим другом, — сказал посетитель. — Он вернулся в Гутрум.

— Говори яснее, приятель, — отозвался Кафф. — Это Гумбольд?

— Точно так.

Капитан Кафф был искренне удивлен.

— Гумбольд осмелился вернуться? Но он вне закона, и любой человек может безнаказанно убить его. Старик сбежал в далекие края, опасаясь за свою жизнь. Я полагал, он там и останется... И что же Гумбольд просил мне передать?

— Он встретил Солдата в Неведомых Землях. Гумбольд не сможет спокойно спать, пока синеглазый чужак топчет землю. Он просит тебя забыть о недавних разногласиях между вами. И готов простить твое предательство, если ты присоединишься к нему и поможешь уничтожить общего врага.

Кафф расхохотался. Живая крыса, вправленная в его запястье, задергалась и запищала.

— Ха! Гумбольд просит моей помощи? Здесь? Он, верно, с ума сошел. Или он не знает, что я сотни раз пытался погубить Солдата, но так и не преуспел?.. Я не унижусь до удара в спину. Какое-то понятие о чести еще сохранилось у меня. Гумбольду придется творить чудеса без моей помощи. Скажи ему: коль он желает прирезать Солдата — пусть сам нанимает убийцу. Я не собираюсь пачкать руки.

— Нет-нет, — отвечал человек. — Речь не идет об убийстве под покровом ночи. Гумбольд собрал армию в Неведомых Землях, в стране, называемой Сцинтура. Это плетериты и самониты из городов Ут и Гед. Я видел их собственными глазами. Два города воевали друг с другом, но Гумбольд пообещал им огромные богатства, и воины объединились против общего врага. Этот враг — Солдат. Отряды плетеритов и самонитов прочесывают Неведомые Земли, поставили кордоны на всех перевалах, ведущих в наши края. Впрочем, Гум-

больд не верит, что они его поймают. Он полагает, что судьба Солдата предопределена. И если ему суждено умереть, то лишь в бою.

Посетитель замолчал, очевидно, устав от столь длинной и мудреной речи, непривычной для уст простого виноградаря.

— Гумбольд сказал, — продолжил он, глотнув вина, — будто бы скоро начнется битва между двумя претендентами на трон Короля. ОммуллуммО и ИксоннокеИ не станут сражаться между собой, боясь, что искры битвы могут зажечь пожар во всем мире. Они рассчитывают на человеческие армии, которые будут драться за них. Солдат, разумеется, примет сторону ИксоннокеИ. Гумбольд намеревается собрать огромную армию в поддержку ОммуллуммО. Он хочет отдать вам ее под команду.

Кафф был ошеломлен размахом предприятия. Гумбольд не утратил величия. Вдобавок у него уже есть армия...

— А хороши ли те бойцы, которые встали по его зову?

— Воины из Ута и Геда? По словам Гумбольда, это не варвары вроде ханнаков и зверолюдей, а закаленные воины, прошедшие десятки сражений. Цивилизованные народы с обученными солдатами и военными машинами. Гумбольд просил обратить ваше внимание на то, что, хоть Солдат и выиграл множество битв, его противниками всегда были варварские орды. Теперь же Красным Шатрам придется драться с настоящей армией.

Каффу все больше и больше нравилась идея Гумбольда. Да, это последний шанс метнуть кости. Если и на сей раз он не сумеет убить врага и получить королеву, все будет кончено. Кафф не раз предпринимал попытки противостоять Солдату, тот больше не станет терпеть его выходки. Это предательство — если, конечно, его можно так назвать — будет последним. Если они не сумеют победить, лучше им с Гумбольдом умереть на поле боя...

— Не лукавит ли Гумбольд? — спросил Кафф, потирая подбородок. — Большая у него армия?

— Я видел собственными глазами, сэр. Огромное войско, люди хорошо вооружены, много конных отрядов. Вместе со зверолюдьми и ханнаками, которых можно использовать как дополнительные части, эта армия превзойдет любую из тех, какие может выставить цивилизованный мир. Но ему нужны вы. Гумбольд признает: он не тактик и не стратег. Он политик.

Крыса в запястье Каффа принялась пищать и извиваться. Капитан посмотрел на тварь и счел, что это знак. Предзнаменование. Нужно принять предложение. Если он откажется, а Гумбольд победит — он обречен. В сердце экс-короля не было места милосердию. Он предаст смерти всякого, кто пойдет против него. Разуме-

ется, Кафф мог просто остаться в стороне от войны, но он был человеком действия, не любил сидеть и ждать, как все обернется. Особенно теперь, когда у него появилась возможность избавиться от ненавистного Солдата. Чужака, явившегося в лохмотьях, а ныне ставшего начальником Каффа.

О, как сладок будет тот день, когда Кафф пустит Солдату кровь и швырнет его голову волкам!

— Веди меня к Гумбольду. Я согласен.

Виноградарь нервно улыбнулся, позвякивая монетами в кармане.

— С Гумбольдом пришел еще один человек, который может быть вам полезен.

— Кто таков?

— Он называет себя Драммондом. Этот человек явился из того же мира, откуда пришел Солдат. И он — его смертельный враг. — Виноградарь заговорил шепотом. В его голосе сквозил страх. — У него глаза Солдата. Такие же голубые. Этот Драммонд говорит, что не сможет спать спокойно, пока Солдат — он называет его Валехором — не отправится кормить червей. Драммонд клянется, что в битве он пойдет впереди. Он прорубит путь к Солдату и зарежет человека, который истребил его клан и погубил невесту. — Посланник нервно облизал губы. — Я видел этого Драммонда, он и впрямь ужасен. Его волосы и борода скреплены коровьим навозом. Перед битвой он разрисовывает лицо синими узорами. Странные рисунки вырезаны у него прямо на теле. Драммонд называет их татуировками. Он носит на голове бычий череп вместо шлема, а его плащ сделан из медвежьей шкуры.

— Похож на варвара.

— Похож, верно. Но не таков. В своем родном мире он — король цивилизованного народа.

— Король? И он оставил свое королевство на произвол судьбы, желая разыскать единственного врага?

— Между ним и Валехором слишком много крови. Драммонд говорит, что готов отдать империю, лишь бы добраться до заклятого врага. Валехор вырезал под корень весь его клан, никого не осталось в живых. Он не станет спать, пока не почует запах крови Валехора собственным носом. Некоторые говорят, будто его, как и Солдата, перебросило сюда прямо из битвы. Ходят слухи, что они оба жили под сенью проклятия ведьмы. Как бы там ни было, Драммонд не вернется в свой мир, покуда тело Солдата не станет пищей для ворон.

— Мне нравится этот Драммонд, — пробормотал Кафф. — Пусть идет в авангарде моего войска.

* * *

Покинув сокровищницу, Солдат и Маскет миновали квадратную комнату, до самого потолка заваленную человеческими костями. Здесь лежали останки тех, кто пытался украсть что-либо из драгоценностей. Неизвестно, кто ободрал плоть с костей — ящер или еще какой-нибудь страж, но они были идеально очищены от мяса и кожи. Никаких гниющих тел — только скелеты, белые, как слоновая кость. Здесь не было крыс и тараканов, не было ни одежды, ни доспехов. Только кости.

Черепа лежали грудой в одном из углов. В другом — грудные клетки, в третьем — кости рук и ног. В последнем были сложены тазовые кости. Спинные позвонки висели на стенах словно драпировки. Ступни и кисти торчали из пола, как цветы, высаженные на клумбе. Солдату вспомнилась старуха у входа в пещеру с подземным озером.

Маскет задрожал.

— Хорошо, что мы не видели этого до того, как вошли в сокровищницу.

— А нам бы это и не показали. Стражи не собираются предостерегать людей от воровства. Возможно, им нравится убивать.

Шагая по туннелю, путники миновали следующую комнату, заваленную оружием. Здесь встречались впечатляющие образцы, однако и оружие не смогло спасти вора от смерти. Солдат был рад, что Маскету хватило ума вернуть драгоценный камень. Возможно, если бы его приемный сын был взрослым мужчиной, а не ребенком, страж не стал бы с ним церемониться.

Они вышли наружу и полной грудью вдохнули сладкий холодный воздух. Молния спокойно стояла под деревом, жуя густую зеленую траву. Айсвинг исчезла, оставив снежный покров на том месте, где сидела. Солдату подумалось, что она исполняет роль проводника, приводя в Зеленую часовню всех последователей Тега.

Он развел огонь, выдал Маскету арбалет и отправил его на охоту за кроликом. Мальчик вернулся с добычей и был в восторге от своего успеха. Они зажарили мясо на медленном огне и принялись за еду.

Внезапно вверху послышался шум крыльев. Солдат поднял глаза: белый дракон возвращался. Вдали у подножия холма измученный воин из последних сил брел по снежной тропе. Незнакомец был высок и хорош собой, доспехи сидели на нем как влитые, однако бедолага выглядел вымотанным до последней степени. Густой слой пыли покрывал его волосы, брови и ресницы. Сандалии были в грязи. Воин волок за собой меч, кончиком вычерчивающий

на земле змеевидный узор. Он вымученно улыбнулся Солдату и Маскету.

— Это Зеленая часовня? Вы были внутри? Там есть ониксовая лошадь?

Солдат пожал плечами.

— Там много сокровищ. Должен признаться, что никакой лошади я не находил. Неудивительно, учитывая количество драгоценностей, которые навалены внутри.

— Но она может там быть?

— Вполне.

— Тогда я войду и поищу ее. Вы знаете, какой проход ведет в сокровищницу?

— Да, — отозвался Солдат, показывая рукой.

Рыцарь — а именно таковым казался воин — уже собирался войти, как вдруг заколебался на пороге.

— Ты мне не веришь? — спросил Солдат.

— Прости, сэр, на пути мне встречалось много разнообразных препятствий. Тег сделал путешествие нелегким. Я преодолел семь преград, а ты можешь оказаться восьмой. На горном склоне я встретил фею, которая должна была задержать меня. Она дарила мне свою любовь и поила золотым вином... Вот там-то я и потерял свою лошадь, поэтому весь остальной путь проделал пешком.

— Уверяю, сэр, я не лгу, — сказал Солдат, показывая три предмета, за которыми он приходил. — Вот что мы добыли в часовне всего лишь несколько минут назад.

— Он прав, — кивнул Маскет, — мы только что вышли. Но если не верите нам, посмотрите на кроличий помет. Кролики не полезут в адскую дверь. Они мигом учуют запах серы.

Рыцарь оглядел вход.

— Да, мальчик, здесь и впрямь полно кроличьих следов. Я благодарю вас обоих.

Прежде чем воин исчез внутри, Солдат окликнул его:

— Ты знаешь, что брать следует только то, за чем пришел?

— Разумеется. Мне больше ничего не нужно, дружище.

— Хорошо. Я просто хотел тебя предупредить.

Они возобновили трапезу. Айсвинг, царица небес, вновь улетела. Казалось, паломничества в Зеленую часовню происходят постоянно, и у дракона хватает работы.

Через некоторое время воин вышел наружу. Солдат и Маскет в изумлении созерцали его ношу — статую лошади, изваянную в натуральную величину. Должно быть, рыцарю стоило неимоверных усилий вытащить лошадь из сокровищницы и проволочь по всем

туннелям. Они помогли ему пронести ее несколько последних ярдов и поставили статую под деревьями. Это и впрямь было истинное произведение искусства. Причудливые узоры проступали на поверхности оникса. Тело лошади, копыта грива и хвост — все было изваяно гениальным скульптором. Благородные очертания носа и рта. Острые стоячие уши. Несомненно, моделью для этой статуи послужил благородный скакун чистейших кровей.

— Я думал, ты имеешь в виду *маленькую* статуэтку вроде нашего богомола, — сказал Солдат.

— Нет-нет, я имел в виду именно это, — отозвался рыцарь. — Разве она не прекрасна? — Воин погладил гладкий круп, словно перед ним стояла живая лошадь. — Я мечтал обладать ею... хотя в конечном итоге собирался обменять ее на кое-что... кое-кого получше. Она владела моими мечтами с тех пор, как мне исполнилось двенадцать, и наконец Тег ответил на мои молитвы и указал путь в ее конюшню. Я умру счастливым. Человек может прожить вечность и не обладать подобным сокровищем. И все же... все же... — Взгляд воина стал задумчивым и тоскливым. — Я откажусь от нее. Да, таково мое намерение. В конце концов, это всего лишь холодный камень, а мое сердце жаждет тепла любви. Вот истинное счастье, цель и мечта человека. Для чего нужны все вещи мира, если жить без любви? Да, я откажусь от моей лошади. Наверняка.

Однако тон рыцаря заставлял усомниться в его словах. Стоило воину перевести взгляд на обретенное сокровище, и в его глазах загорался странный огонек. Когда Маскет подошел, чтобы погладить лошадь, рыцарь подался вперед, словно намереваясь помешать ему. Он ревновал ко всем, кто касался его статуи.

— А можно спросить, для чего она нужна? — спросил Маскет.

Рыцарь перевел на него взгляд.

— Султан Куркуша отправил меня на поиски этой статуи, когда я попросил руки его дочери. Султан любит игрушки, а я люблю его дочь, так что мы оба будем счастливы. Я должен принести выкуп: чудесную, великолепную лошадь... — Рыцарь горько вздохнул. — И отдать ее султану. Мой господин, правитель Куркуша, дает это задание всем претендентам на руку дочери, и я — единственный, кто преуспел. Еще предстоит возвращаться в Куркуш, но теперь мне все по плечу.

— Султан любит игрушки? — переспросил Солдат. — Ты хотел сказать: скульптуры.

— Нет, я хотел сказать: игрушки. Смотри.

Рыцарь улыбнулся и вскочил на каменное седло. В тот же миг лошадь ожила и зашевелилась, лягаясь задними ногами, гарцуя,

тряся гривой. Рыцарь проехался по кругу, демонстрируя Солдату и Маскету все великолепие скакуна, а потом пустил его вскачь. Лошадь понеслась вниз по склону холма, неся доброго рыцаря на спине. К тому времени, когда лошадь достигла подножия, она развила такую умопомрачительную скорость, словно готовилась улететь в небеса. И внезапно поскакала прямо по воздуху, взбираясь все выше и выше, устремляясь в лазурную синеву небес. Воин помахал путникам, оставшимся на земле. Они наблюдали, как лошадь поднимается к облакам; солнце переливалось на ониксовых узорах, пока наконец и скакун, и всадник не пропали из виду.

— Ничего себе! — воскликнул Маскет. — И почему мы не добыли лошадь вроде этой вместо дурацкого яйца, ракушки и насекомого?

— Можем поехать домой на спине богомола.

Мальчик скорчил рожу.

— Однако, — сказал Солдат, — ты в чем-то прав, Маскет. А теперь положи золотое яйцо. Или хочешь уподобиться этому парню и влюбиться в предмет вместо живого человека? — Солдат понизил голос. — Ты заметил его взгляд? В нем сквозила алчность. Алчность и зависть — такая же зеленая, как этот нефритовый богомол. Могу поклясться, что султану не видать лошадки. Принцесса будет печально бродить по дворцу, выглядывая в окна, часы, дни и месяцы тщетно ожидая, когда рыцарь вернется и попросит ее руки. А он отправился домой, дабы наслаждаться своим сокровищем, которое Тег скоро отберет, поняв, что намерения воина далеко не так чисты. Любовь обратилась жадностью. Запомни мои слова, юный Маскет: золото — всего лишь золото, а любовь женщины бесценна.

— Пф-ф! — буркнул Маскет. — Кому нужны девчонки!

Они свернули лагерь. Затем Солдат поделился с приемным сыном своими планами.

— Твоя мечта исполнится. Я намереваюсь призвать небесных птиц, чтобы они сделали для нас волшебный летающий ковер. Таким образом, нам не придется возвращаться назад долгим опасным путем. Мы полетим по воздуху через горы, долы, реки, озера, леса и болота — обратно в Зэмерканд. Никаких больше пропастей и темных снов. Никаких кровожадных дротов. Полетим на спинах птиц.

— Да, да! — воскликнул мальчик, засовывая золотое яйцо в сумку Солдата. — Мы полетим в лазурных небесах, рядом с облаками!

И Солдат призвал птиц.

На его клич собрались всевозможные пернатые создания. Услышав приказ Солдата, маленькие птицы — малиновки, синицы, зяблики, дрозды и так далее — попросили избавить их от этой работы. Крупные птицы, говорили они, подойдут куда лучше. И вот цапли, лебеди, бакланы, орлы, соколы, журавли, аисты и их сородичи собрались вместе и составили ковер. Солдат и Маскет улеглись на него и отправились в путь.

Молнию отпустили на волю — пастись возле Зеленой часовни, где росла густая сочная трава. Доспехи оставили на склоне холма. Солдат взял с собой лишь Кутраму и Синтру. Драгоценные предметы из сокровищницы лежали в кошеле, висевшем на шее Солдата. Путешествовать пришлось налегке, поскольку птицы не могли составить монолитный плот: им нужно было свободное место, чтобы махать крыльями. Двое людей распростерлись на ковре и надеялись, что он не развалится прямо в воздухе.

Они взмыли к небесам и поднялись достаточно высоко, чтобы без помех перевалить через горные пики. Лететь было страшновато, ибо пернатый ковер казался тонким и непрочным. Однако вскоре люди отвлеклись от своих опасений, любуясь красотами пейзажа. Они парили над полями и лугами, над реками и озерами. Ветер трепал волосы и холодил кожу. Солнце пригревало спины. Птицы слаженно взмахивали крыльями, неся их все дальше и дальше...

— Смотри, Маскет! — воскликнул Солдат. Внизу он увидел черную пропасть. — Там, прямо под нами, — центр мира!

— По-моему, меня сейчас вырвет, — пробормотал Маскет.

Они перемахнули через горы с заснеженными вершинами и начали опускаться к коричневым равнинам. Это было изумительное приключение даже для несчастного Маскета, который в человеческом облике потерял интерес к полетам. Он будет помнить это путешествие до конца своей жизни и немного привирать, рассказывая о нем. Он скажет, что не чувствовал ничего, кроме радости и восхищения, и поведает, как чудесно парить в синеве.

В те моменты, когда Маскет не смотрел вниз, он разглядывал птиц и судорожно сглатывал, созерцая крючковатый клюв орла в дюйме от собственного носа. Орел косился на него злым глазом, и мальчик поспешно отодвигался. Маскет знал, что ему выпал уникальный шанс. Его перья исчезли, и все же он снова летел. Никогда больше ему не придется путешествовать по воздуху — если, конечно, им не выстрелят из осадной катапульты или не скинут со стены...

Пролетая над долиной Сцинтуры, где стояли города Ут и Гед, Солдат с изумлением обнаружил, что обе армии исчезли. На полях работали фермеры, по улицам города ходили люди. Неужели оса-

ды сняты? Неужели два воинственных города наконец-то сподобились заключить мир? Солдат надеялся, что это так. Впрочем, Ут и Гед казались странно пустыми — словно неведомая сила подхватила обе армии и унесла их неведомо куда. Может, здесь прошел смерч? Или вмешалась какая-то высшая сила?.. У Солдата возникло дурное предчувствие.

Над болотами, отделяющими населенный мир от Неведомых Земель, их подстерегала опасность. Варвары Фальюма, отделенного от Гутрума Кермерским проходом и горой Ккамарамм, были не только разбойниками, но и охотниками. Им годилась любая добыча, которую удавалось поймать. Огромная стая птиц привлекла внимание лучников, которые принялись стрелять в пролетающих лебедей, цапель, аистов и всех прочих. Разумеется, охотники были удивлены подобным зрелищем, однако еда есть еда — и они исправно спускали тетивы.

К счастью, ковер летел слишком высоко. Стрелы не долетали до него и падали обратно, угрожая самим лучникам и их товарищам. Вскоре вдали появились стены и башни Зэмерканда. Солдат смотрел на знакомые пейзажи под непривычным углом; Маскет уже видел все это раньше и тем не менее пришел в восторг. Мальчик то и дело указывал вниз со словами:

— Смотри, вон канал!

Или:

— Смотри, как сверкает под солнцем Зеленая башня!

Ковер птиц опустился в нескольких милях от города, опасаясь очередных стрелков. Солдат и Маскет поблагодарили пернатых друзей за полет и завершили путешествие пешком. На закате они добрались до Красных Шатров — усталые, но довольные собой. Узнав от часовых об их появлении, Велион вышла навстречу и радостно приветствовала Солдата.

— Будь добра, отправь гонца к королеве и сообщи, что я вернулся целый и невредимый. Я прибуду к ней, как только смогу.

Велион исполнила его просьбу и вернулась через несколько минут.

— Что здесь происходило, пока меня не было? — спросил Солдат.

— У нас все спокойно, хотя в других местах назревают неприятности. Я введу тебя в курс дела, однако сначала советую отдохнуть.

— Послушаюсь твоего совета, если проблемы не требуют немедленного внимания.

— Немедленного — не требуют. — Велион перевела взгляд на мальчика, стоящего подле Солдата. — А это что за головастик?

— Я — сын Солдата, — заявил «головастик».

Рыцарь вздохнул.

— Так и есть.

Брови Велион подпрыгнули.

— Мой... мой генерал, что-то не сходится. Сколько времени ты провел в путешествии? Надо думать, лет десять — поскольку этому парню никак не меньше. И что скажет королева? По-моему, она предпочитает моногамию.

Солдат мрачно улыбнулся.

— Очень смешно. Что ж, я сейчас все объясню. Помнишь моего говорящего ворона?

Велион застонала.

— Как можно забыть это проклятие птичьего мира? Он сдох наконец-то? Если так, я не заплачу. Его болтовня доводила меня до белого каления. Скажу откровенно: бывали моменты, когда мне хотелось придушить гнусную тварь собственными руками.

— Это он, — сказал Солдат, положив ладонь на голову мальчика. — Теперь его зовут Маскет, и он — мой приемный сын.

На несколько секунд воцарилось молчание, а затем Велион проговорила:

— Хотя нередко мне нравилась компания этой птицы...

— Поздно, — мрачно буркнул Маскет. — Ты оскорбила меня.

— О боги! Мне конец...

Маскет скрестил руки на груди и отвернулся.

В лагере Красных Шатров Солдат и его приемный сын помылись и сменили одежду. Маскету досталась подрезанная и ушитая тога, которую Солдату в свое время подарил сенат Карфаги. Она была из черного шелка — этот цвет по-прежнему очень нравился мальчику. Черный цвет тоги оттеняла красная кайма. Все это выглядело очень торжественно, и Маскет гордо красовался перед Солдатом и Велион, благосклонно выслушивая их комплименты.

— Под силу ли нам сделать из этого бродяжки принца? — спросила Велион. — Теперь, когда мы его отмыли, он выглядит почти человеком. Разумеется, курносый нос выдает крестьянское происхождение. Не говоря уж о жутких веснушках. Впрочем, этот дефект можно замаскировать сурьмой и пудрой. Когда мы научим его не морщиться и не ковырять в носу, пожалуй, можно будет вывести его в свет, не рискуя услышать порицание высшего общества.

Паренек сердито посмотрел на Велион, но та лишь рассмеялась.

Немного позже Солдат и Маскет оставили лагерь наемников и вошли в город. Стражник на воротах преградил им путь, не узнав мужа правительницы. Солдат похвалил парня за бдительность и

сообщил, кто он такой. Был призван дежурный сержант, назначенный Голгатом — новым командующим имперской стражи. Сержант немедленно признал Солдата и накинулся на часового. Однако Солдат остановил его и посоветовал не порицать стражника, а отметить за добросовестное несение службы.

Оказавшись в стенах Зэмерканда, Солдат увидел, что городская жизнь начала входить в привычное русло. Люди торговали на улицах, работали лавки и магазинчики. Солдат поискал лоток Спэгга, торговца «руками славы», который обычно стоял на углу рыночной площади. Однако лоток исчез, и Солдат встревожился, поскольку Спэгг никогда не упускал возможности подзаработать деньжат.

Они прошли через толпу галдящих и шумящих торговцев, собравшихся на дальнем конце площади. Там Солдат едва не врезался в своего бывшего работодателя. Не узнав Солдата в сумерках, Спэгг наградил его надменным взглядом и приказал ему и «его щенку» убраться с дороги «поверенного королевы». Солдат молча повиновался.

Бывший торговец продефилировал мимо, задрав нос.

Спэгг был облачен в просторные золотые одежды с длинными рукавами, свисавшими до самой земли. Его голову венчал огромный тюрбан, на который ушло никак не менее десяти ярдов зеленой ткани. Тюрбан украшал сверкающий драгоценный камень размером с куриное яйцо. Спэгг был обут в золотые туфли с серебряной вышивкой и загнутыми носами — на восточный манер. Кинжал, инкрустированный самоцветами, висел на изукрашенном поясе, охватывающем его жирное брюхо.

Спэгга сопровождали два обнаженных по пояс человека, несущих золотой портшез, покрытый красным бархатом. Видимо, транспорт предназначался на тот случай, если великий Спэгг устанет идти сам. На самом деле Спэггу очень нравилось ездить в портшезе, но когда он там сидел, люди не могли видеть его во всей красе. Спэггу хотелось, чтобы все горожане узнавали его на улице и отдавали дань его богатству и великолепию.

На портшезе был укреплен шест, где восседали несколько разноцветных попугаев и висела ароматическая масляная лампа. Из окна высовывала голову обезьянка с серебряной цепочкой на шее. Вокруг распространялся запах сандалового дерева и кедра. На полочке стоял запотевший графин сладкого белого вина и хрустальный бокал на подставке из слоновой кости.

За портшезом следовали шестеро вооруженных до зубов людей, одетых в ливреи личной охраны хранителя казны.

— Так-так, — сказал Солдат ему вслед. — Торговля «руками славы», похоже, приносит недурственный доход, мастер Спэгг.

Не опознав голос, Спэгг злобно обернулся. Предводитель телохранителей грубо толкнул Солдата древком копья.

— Ты говоришь с хранителем королевской казны! Придержи свой язык, плебей.

— Хранитель королевской казны? Кажется, он вошел во вкус, — протянул Маскет. — Выглядит вполне по-королевски. Что скажешь?

— Осторожней, малыш, — предостерег Солдат. — Он может крикнуть: «Голову долой», и что тогда с тобой случится?

— Я останусь без головы, — отозвался мальчик. — Но все равно у меня будет больше мозгов, чем у выскочки-торговца.

— Да как ты смеешь?! — выкрикнул Спэгг. — Ты... ты... уличный мальчишка!

— Надутый индюк точь-в-точь! — прыснул Маскет. — Ты глянь: у него аж пена изо рта пошла. Бедные люди! Им кажется, будто этот субъект в золотом халате нечто собой представляет. Но мы-то знаем: он просто-напросто воришка и лжец. Человек, который убеждал бедных доверчивых покупателей, что его товары могут сделать их невидимыми.

Спэгг растерялся. Почему мужчина и мальчишка разговаривают с ним в подобном тоне? Может, они собираются организовать покушение? Что он им сделал плохого? Чем обидел? Спэгг нервно глянул на своих телохранителей.

— Я могу арестовать вас.

— О, — ответил Солдат. — Думаю, тебя не послушаются.

— Это почему же?

— Потому что в таком случае они быстро окажутся в темнице, — фыркнул Маскет. — Стражники, которые пытаются арестовать мужа королевы, заслуживают сурового наказания. Возможно, их сварят в кипящем масле. Как ты полагаешь, отец?

— Похоже на то, сынок.

Спэгг шагнул вперед и вгляделся в лица людей, насмехавшихся над ним. Мальчика он не узнал вовсе, но когда свет лампы упал на лицо мужчины, Спэгг вздрогнул и отступил.

— Солдат! — воскликнул он. — Ты вернулся.

— Ну, это входило в мои планы, как ты догадываешься.

Спэгг перевел взгляд на мальчика.

— С... с сыном?

— Гм... Это в мои планы не входило... Но ты прав.

— Королева будет просто счастлива.

— Надеюсь. Я погляжу, она вытащила тебя из грязи и вознесла на небывалую высоту. Отчасти это хорошо, а отчасти — довольно

глупо с ее стороны. Я скажу об этом Лайане. Лично я сомневаюсь: можно ли тебе доверять? Ты ловкий, хитрый субъект, который любит деньги больше, чем что бы то ни было, и продаст свою верность — дай только хорошую цену. Впрочем, я — не мудрая королева, которая интуитивно чует человеческую натуру. Я полагаю, что жулик — всегда жулик. Так или иначе, ты высоко взлетел и похож на высшего государственного чиновника. Я рад видеть тебя, Спэгг. Только не обмани доверия королевы, или я насажу твою голову на кол.

Телохранители стояли в сторонке, с преувеличенным интересом разглядывая звездное небо.

— Разумеется, мне можно доверять, — пробормотал Спэгг. — Я принес клятву королеве и ее двору.

— Спэгг, ты постоянно клянешься, и твои клятвы известны своими непристойными формулировками... Ладно, не бери в голову. Увидимся позже.

— Да-да... Я понимаю твои сомнения. Я... я пытался сказать Лайане, что не подхожу для этой должности, но она не стала слушать.

Они оставили Лорда-хранителя королевской казны посреди улицы и отправились своей дорогой. Спэгг еще долго смотрел им вслед, держа лампу в поднятой руке.

Солдат направлялся во Дворец Диких Цветов. Там королева ждала его возвращения в Зеленой башне. У ворот Дворца Солдата, разумеется, узнали и без проволочек впустили внутрь. Поднявшись в покои жены, Солдат помедлил на пороге. Не то чтобы он боялся, но некогда Лайана была безумна, и Солдат опасался, не повторится ли кошмар снова. Во власти недуга Лайана по большей части казалась спокойной и здравомыслящей, но наступали моменты, когда она начинала шипеть, скрести воздух ногтями, и ее лицо искажалось жуткой маской всепоглощающей ненависти. Воспоминания об этом заставляли Солдата нервничать, и он всегда стучался, прежде чем войти в опочивальню жены...

Впрочем, на этот раз ничего плохого не случилось. Лайана была так же прекрасна и соблазнительна, как и всегда. Она сидела в кресле возле окна, откуда открывался вид на городские ворота. Казалось, она провела здесь все время, пока Солдат путешествовал, — не поднимаясь с места и ожидая его возвращения. Солнечный свет искрился в ее волосах.

Солдат задохнулся от любви и нежности. Лайана! Самая любимая и самая восхитительная женщина на свете. Пусть она более не юная девушка — это не умаляло ее красоты. Перед Солдатом сидела зрелая женщина, гибкая и грациозная, прекрасная, как фея.

И все же ее внешняя привлекательность была для него гораздо менее важна, чем внутренняя красота. Лайана обладала добрым и любящим сердцем, в котором всегда находилось место и милосердию, и страсти. И это было хорошо для монарха. В каждом мужчине и каждой женщине есть примитивная дикость и жестокость. Люди осведомлены об этом и стараются держать свой норов под контролем. Но некоторые правители, чью власть ничто не ограничивает, зачастую выпускают наружу темные страсти. Они выставляют напоказ уродливую сторону своей натуры и подавляют в себе все доброе и человечное. И никто не осмеливается сказать им «нет»... Лайана была своенравна, верно. Но она не потворствовала своим прихотям в ущерб справедливости. Она могла долго пререкаться с мужем, но никогда не издавала указы, которые губили тысячи жизней. Королева была мудрым судьей, умела слушать — так же, как и говорить, и подданные любили ее все больше и больше.

До сих пор Солдат и не подозревал, как сильно он соскучился. Когда Лайана повернулась к нему с улыбкой на губах, он кинулся к жене и заключил ее в объятия. Они целовались бурно и страстно, шептали друг другу нежные слова. Некоторое время они не могли оторваться друг от друга, несмотря на то, что были в комнате не одни. Наконец королева заметила мальчика, переминавшегося у двери. Она с удивлением посмотрела на него, а затем поманила паренька к себе.

— Тебя послали слуги?

— Э... нет, мадам.

— Тогда зачем ты здесь? Ну, говори, я же не чудовище. И не нужно коситься на меня так, словно я собираюсь...

— Снести мне голову? Нет, мадам.

— И перестань называть меня «мадам».

— Хорошо. Тогда — мама.

Солдат прикрыл глаза и замер, ожидая взрыва. Лайана молча созерцала паренька.

— Очевидно, у тебя есть причина, чтобы так меня называть, — сказала она. — Надеюсь, сейчас я ее узнаю.

Солдат ответил вместо него:

— Я усыновил мальчика.

Лайана повернулась к мужу.

— Усыновил? Без моего согласия?

— Я сказал мальчику, что он может считаться моим сыном. Но я предупредил его: понадобится твое согласие, если он хочет называть тебя матерью. — Солдат вздохнул, ожидая бури. Лайана способна вести себя как настоящая фурия, если что-то пришлось ей

не по нутру. — Я не могу от него отказаться. Я пообещал быть ему отцом. Разумеется, тебе решать, согласна ли ты стать ему матерью.

— Я?

— Да, любовь моя. Извини, так вышло, мы были в далеком краю и не представляли, останемся ли в живых и вернемся ли домой. Для мальчика было очень важно знать, что у него есть семья. Этот паренек — не кто иной, как небезызвестный тебе говорящий ворон, который часто дразнил и вышучивал меня. Магия Неведомых Земель вновь сделала его человеком. Язвительный и мрачный, он все же много раз выручал меня из беды. Так же, как и я его. Вспомни, он был первым существом, с которым я повстречался в этом мире: я спас его от ядовитой змеи. Однажды он предал меня, надеясь вернуть себе человеческий облик, но это давно прощено и забыто.

Солдат помедлил и посмотрел на Маскета, стоявшего на пороге в не по размеру большой черной тоге и великоватых сандалиях.

— Согласен: не слишком-то симпатичный ребенок. Вряд ли он может похвастаться своими предками. Жуткий курносый нос, кошмарные веснушки и непокорные вихры. Все признаки вырождения налицо. И лоб у него узковат, зато парнишка обладает острым умом. Если в его роду и были болваны и дебилы, то мальчик явно не унаследовал подобных недостатков.

Солдат немного нахмурился.

— Он рисковал жизнью, пытаясь украсть у монстра огромный рубин: хотел отдать его тебе, купить твою любовь. Я объяснил, что твоя любовь не продается, ты одаряешь ею того, кто это заслужил. Мне очень по душе этот юноша, и я надеюсь со временем воспитать из него доброго рыцаря. Нужно только найти наставников, которые обучат мальчика верховой езде и владению оружием...

— Ученый, философ, лекарь или судья. Но не воин.

Солдат недоуменно уставился на жену.

Лайана покачала головой и твердо сказала:

— Мой сын не станет растрачивать свой острый ум, раздавая удары по шлемам тяжелой железякой. Пусть учится у самых мудрых менторов. Пусть прославится ученостью. Воином может быть кто угодно.

— Ну, все-таки не совсем кто угодно, любовь моя, — промолвил Солдат, уязвленный таким пренебрежением к его профессии. — Чтобы стать хорошим рыцарем, нужно иметь больше ума, чем мускулов. Но ты согласна принять мальчика в семью, и это прекрасно. Мы оба счастливы — Маскет и я. Смотри, как он улыбается тебе. А его будущее мы обсудим попозже...

— Нет! Он не будет солдатом, — заявила Лайана еще более твердо, чем раньше. — Он станет великим мудрецом.

— Поговорим об этом как-нибудь в...

— Кто здесь королева — ты или я? — взорвалась Лайана.

— Но это нечестно. Нельзя размахивать королевским титулом, когда у нас семейное дело.

— Семейная ссора.

— Ладно, расхождение во мнениях. Думаю, нам нужно прийти к какому-нибудь компромиссу. Давай договоримся: в нашей спальне, столовой и в гостиной ты — не королева. В конце концов, кузнец не подковывает лошадей в собственной гостиной, верно? Ты можешь быть королевой где угодно... — Солдат обвел рукой пространство, великодушно отдавая Лайане все королевство за стенами дворца. — Но в этих местах ты — моя жена. Как?

— Я буду королевой везде, где пожелаю. Такова моя воля.

— Неразумно! Вопиющее злоупотребление властью.

— Плевать!

Маскет в тревоге смотрел на них, пока оба не разразились смехом и не обнялись. Тогда он понял — это просто игра. Его новые родители поддевали друг друга. Затем, к неудовольствию Маскета, королева подошла к нему и крепко обняла. Мальчик не привык к подобному проявлению чувств. Он намеревался вникать в тонкости семейной жизни постепенно, а не кидаться с головой в омут.

От Лайаны пахло кремом, пудрой и еще чем-то непонятным, и паренек совсем смутился. Птицы не обнимают своих родителей, они проявляют нежность только во время любовных игр. Однако Маскет безропотно перенес эту процедуру и попытался найти в ситуации положительные стороны. Так или иначе, он был принят в семью.

— Ты корчился как угорь на сковородке! — укорила его мать. — Я чувствовала, как ты извиваешься. Привыкай. Когда у меня подходящее настроение, я обнимаю всех, кто попадается мне на глаза.

— Я... я привыкну... наверное.

— Разумеется, привыкнешь. А пока дай-ка мне на тебя посмотреть. — Лайана взяла мальчика за плечи и отодвинула от себя. — Он не так плох, если смириться с этими ужасными волосами, — ехидно сказала она. — Что ж, нам его не переделать. И не превратить обратно в ворона. Стало быть, надо сдать мальчика Дриссиле, дабы она его вымыла и приодела. Если кто-то и может сделать ребенка презентабельным, то только она. Думаю, его удастся отскрести щелочным мылом и пемзой.

Мальчик бросил на нее тревожный взгляд.

— Меня уже один раз мыли, одевали и делали презентабельным.

— Ну, мы повторим процедуру. На этот раз — более тщательно. Что ж, мой юный принц, как тебя зовут? Маскет? Итак, Маскет, принц Зэмерканда, что ты думаешь о своем новом доме?

— Я думаю, он очень мил, — сказал паренек, чуть не плача от счастья. — Я... я очень горжусь. Спасибо, мама. Спасибо, отец.

— Дриссила, — позвала Лайана. — Подойди сюда, пожалуйста.

Несколько секунд спустя горничная появилась в дверном проеме. Офао выглядывал у нее из-за плеча.

— Этот юноша — новый хозяин в доме. Позволь представить тебе нашего приемного сына. Мы с моим мужем очень гордимся им.

Дриссила, широко распахнув глаза, изумленно оглядела новоявленного принца.

— Да? — промолвила она с сомнением.

— Да, именно так. И за сорок восемь часов мы должны превратить его в юного аристократа. Полагаю, ты справишься. Не жалей мыла и не обращай внимания на слезы, крики и вопли. Поторопись. Время не ждет.

— Невозможно, — сказала Дриссила, удивленная таким поворотом событий, — но мы сделаем все, что в наших силах.

— Ты, Офао, научишь мальчика читать и писать. На это потребуется немного больше сорока восьми часов. Для начала расскажи ему несколько чудесных историй вроде сказок из «Тысячи и десяти ночей». Если ты его заинтересуешь, Маскет захочет научиться читать самостоятельно. Когда он обучится чтению, придет черед письма. Затем — математика, астрономия и навигация. Очень полезные предметы. Не повредят также навыки шитья и приготовления пищи. Молодой человек должен уметь позаботиться о себе без помощи слуг.

— Это все? — саркастично уточнил Офао. — Может, заодно прочитать ему курс лекций о жизни тараканов?

Глаза королевы сузились. Офао моментально посерьезнел, быстро поклонился и, к досаде Маскета, потрепал его по голове.

— Как прикажете, ваше величество. Я всегда полагал лучшим методом изучения арифметики зубрежку, особенно на пару с кожаным ремнем...

— Никаких побоев, Офао.

Офао сделал широкий жест.

— Ваше величество, как же иначе вбить знания ребенку в голову?

— Никаких побоев. Это приказ.

Маскет испуганно заморгал.

— Мама, я лопну от такого количества занятий...

— Если это произойдет, ты сошьешь себя обратно. Ведь Офао покажет тебе, как пользоваться иголкой. А теперь все свободны. Дриссила, не забудь накормить и напоить принца, он наверняка голоден. Мы с мужем поедим в гостиной, где я не имею королевской власти и не могу приказать ему есть салат.

Дриссила и Офао ушли вместе с мальчиком. Они уже привыкли к фривольности, с которой королева иногда выражала свои мысли.

Солдат и Лайана уселись обедать, обсуждая бытовые темы и наслаждаясь общением после долгой разлуки.

— Теперь, — сказал Солдат, пригубив вино, — перейдем к более серьезным вещам. Я добыл три предмета, которые нужны для возвращения тебе памяти. С твоего позволения завтра я устрою церемонию в храме.

— Ты преодолел неисчислимые опасности и множество бед, чтобы исцелить меня, любимый. Было бы черной неблагодарностью отвергнуть твою помощь. Однако меня мучают сомнения. Что, если вместе с памятью вернется ужасная болезнь?

— Жрецы уверяли меня, что этого не случится.

— Тогда действуй.

Затем Лайана сказала:

— Теперь мой черед делиться новостями. Капитан Кафф и его сподвижники покинули город.

— Наконец-то мы избавились от них!

— Он ушел, чтобы присоединиться к Гумбольду и его армии отступников.

Солдат нахмурился.

— Я повстречал Гумбольда в Неведомых Землях. Мы вместе сражались с дротами. По-моему, он направлялся на север. Выходит, он вернулся сюда, пока мы с Маскетом путешествовали?

Королева кивнула:

— И не просто вернулся. Как мне сообщили, он привел с собой армии двух городов, называемых Ут и Гед. Раньше их жители не приходили в наши земли, поскольку не могли преодолеть болота. Эти болота довольно опасны для тех, кто направляется в Неведомые Земли. Опасны, но проходимы. Однако в обратную сторону их пересечь невозможно.

Солдат был заинтригован.

— Как так?

— Кристобель, жрец Тега, недавно рассказал мне: эти болота — ловушка. В стародавние времена их создал Король магов по имени ВуммуВ. В древности Неведомые Земли пустовали, и никто не хо-

тел там селиться из-за москитов, дротов и других напастей. ВуммуВ разместил болота между обитаемым миром и Неведомыми Землями, желая заманить людей внутрь. Он распустил слух, будто за болотами лежат несметные сокровища, и все искатели приключений устремились туда. Через болото ведет тропа, ограниченная двумя отвесными утесами, и проход потихоньку сужается. Широкий вход — а выйти невозможно. Как ловушка для ос: горшок с воронкообразным горлышком наполняют медом, и насекомые залезают внутрь через раструб. Но затем осы не могут найти маленькую дырочку-выход и оказываются взаперти. Проход в болотах — иллюзорная «воронка». Вот почему я так волновалась в последние дни. Я знала, что тебе придется возвращаться этим путем, и печалилась: не погибнешь ли ты, пытаясь найти выход.

— Проклятый жрец! Ничего мне об этом не сказал, — раздраженно воскликнул Солдат. — Хорошо, что у нас с Маскетом был волшебный ковер, на котором мы перелетели болото... Погоди. Как же тогда армии из Ута и Геда перебрались сюда?

— ОммуллуммО устранил воронку.

— Какое коварство!

— Города Ут и Гед имеют регулярные армии. Эти люди очень воинственны по натуре, а сейчас они отринули свои разногласия и договорились помочь Гумбольду. Старик встал на сторону ОммуллуммО и обещал свою поддержку в битве с ИксонноксИ. Мы, разумеется, поможем юному магу и, надеюсь, победим Гумбольда.

Солдат помрачнел.

— Ут и Гед! Я встречал предводителей этих армий — по крайней мере некоторых. Среди них был молодой принц по имени Фабулет, который показался мне славным малым. Эти города воевали много лет, и их бойцы — тренированные, опытные воины. Ах, негодяй Гумбольд! Он осмелился вернуться сюда! Я совершил глупость, сохранив ему жизнь... Интересно, как он убедил Ут и Гед присоединиться к нему? Хотелось бы знать, какие блага он им пообещал.

— Богатства Зэмерканда?

— Похоже на то.

Солдат о чем-то глубоко задумался, глядя в пространство. Лайана знала этот взгляд и спросила, о чем он размышляет.

— Размышляю?.. О своем старом враге Драммонде. Наверняка он явится вместе с новой армией Гумбольда. Все враги, давние и нынешние, выйдут на одно поле битвы. Настало время сводить счеты. Однако сначала я сделаю попытку примириться с Драммондом. Я дал клятву. Не знаю, что из этого получится — я причинил

ему много зла и правда не на моей стороне. Он тоже натворил дел, и сложно назвать его святым, но один из нас должен сделать первый шаг и положить конец этой ужасной вражде. Я буду сражаться с врагами — но только желая защитить то, что мне дорого. Месть — дурной повод для войны. Безопасность государства — гораздо более веский мотив...

Ночью, когда они лежали в постели, Лайана сказала мужу:

— Стало быть, теперь у нас есть сын?

— Мы могли бы завести и своих собственных детей.

— До сих пор этого не произошло, а ведь мы стареем.

Солдат ударил кулаком о подушку.

— Кто-то проклял нас! Я уверен.

Лайана пожала плечами и положила мягкую ладонь на щеку мужа.

— Значит, проклятие не сработало. Ведь мы обрели сына. Он мне нравится, Солдат, и я непременно полюблю его.

— Он, конечно, не ангелочек...

— А нужно было непременно найти ребенка с шелковистыми волосами и идеальной фигурой? Стыдись, муж. Смотри в душу. Он очень любит тебя.

— Хм-м... — Солдат спрятал самодовольную улыбку, которую вызвали слова жены. — Он доставляет массу беспокойства.

— Ничего подобного. Маскет изо всех сил старается быть хорошим. Дай ему время и любовь, и мы будем гордиться им. В нем есть царственность.

— Что? — Солдат приподнялся на локте и удивленно глянул в лицо жены. — Царственность? Король помойной кучи, сказал бы я.

— Фи. С тобой невозможно общаться. Маскет — наш сын. Мы будем любить и лелеять его.

— Даже если это сведет нас в могилу, — пробормотал Солдат, привыкший оставлять за собой последнее слово.

На следующий день Солдат отправился в храм Тега и попросил позвать старого жреца Кристобеля.

— Увы, сэр, он умер, — ответил юноша-неофит. — Вчера мы сожгли его тело и развеяли прах над храмовым садом.

— Умер? — воскликнул Солдат. — Но от чего?

Юноша покраснел и наклонился к уху Солдата.

— Видите ли, сэр, кто-то дал Кристобелю кошель с золотом, и он потратил деньги на... на нехороших женщин. Он был уже слишком стар, чтобы заниматься *такими* вещами. У него случился раз-

рыв сердца, как раз когда он... когда он... почти достиг удовлетворения. Девушка, которая была с ним... ну, говоря откровенно, никакая она не девушка... в общем, женщина сказала, что он *погиб в бою*... Можно подумать, что дело происходило на поле брани... Никогда раньше не слышал ничего подобного; думаю, что и не услышу. Он был ненасытен — в его-то возрасте! Неисправимый грешник, распутник и развратник. Кристобель говорил, будто у него кровь перегревается, и иного способа остудить ее нет.

— Старый дьявол! — изумленно сказал Солдат. — Но что мне делать без жреца? Может ли кто-нибудь другой провести ритуалы и вернуть память королеве? Я принес артефакты, которые нужны для исцеления. Кто занял место Кристобеля?

— Вообще-то, — сказал юноша, — могу и я, сэр.

— Но... но ты так молод, и у тебя нет опыта. Если... моя жена пострадает, я снесу тебе голову.

— Это просто церемония, сэр. Ее может провести любой посвященный. Ничего страшного.

— Для тебя — возможно. А я тревожусь.

— Не стоит. Важны предметы, а не жрец, который отправляет обряды.

— А ты уже жрец?

— Почти.

Солдат колебался. Однако, расспросив других жрецов в храме, он выяснил: неофит был учеником Кристобеля и притом самым лучшим. В конце концов Солдат поверил юноше и передал драгоценные предметы в его распоряжение. Жрецы сказали, что его присутствие на церемонии не обязательно. Говоря откровенно, будет лучше, если он уйдет. Миряне не разбираются в мистических ритуалах и могут помешать в ответственный момент. Жрецы посоветовали Солдату отправляться домой. К тому времени, как он вернется во Дворец Диких Цветов, королева Лайана обретет память.

— Надеюсь.

— Не беспокойтесь, сэр, — сказал неофит. — Я верну ее воспоминания о прошлом. Разумеется, она не будет помнить все до мелочей — на это не способен ни один человек. И не все ее воспоминания будут точными. Мы сами выбираем, какие вещи нам помнить, а какие позабыть. Королева будет помнить прошлое так, как помнит его любой человек, — не более и не менее. Вас это устраивает?

— Так ведь и должно быть, верно?

— Да, сэр, — сказал серьезный неофит.

Глава восьмая

Солдат шел домой из храма, пребывая в некотором смятении. Их с Лайаной брак не был идеальным. Впрочем, идеальных браков вообще не бывает. И разумеется, к жене вернутся не только хорошие, но и дурные воспоминания. Как сказал молодой жрец, памяти свойственно искажать события. Лайана умела приятно удивлять Солдата. Вспомнить только, как спокойно она восприняла новость об их приемном сыне! Солдат не ожидал, что все пройдет так гладко. Лайана была вовсе не обязана принимать мальчика в семью. Однако она отреагировала благожелательно и рационально. У Лайаны возникли вопросы, которые следовало уточнить; когда она выяснила все необходимое, больше никаких проблем не возникло.

Шагая по улицам города и размышляя, какой прием его ждет, Солдат столкнулся с человеком, которого менее всего сейчас желал видеть. Со Спэггом — естественно, в роскошном наряде и в сопровождении немалой свиты. Как государственному чиновнику Спэггу полагался штат обслуги, но они вовсе не обязаны были следовать за ним, куда бы он ни пошел. Говоря откровенно, дело обстояло совершенно наоборот: подчиненным Лорда-хранителя казны — счетоводам и писцам — полагалось сидеть в своих кабинетах и покрывать бумагу цифрами и буквами.

— Солдат! — воскликнул Спэгг, широко раскинув руки. — Как я рад тебя видеть, дружище!

— Неужели? — спросил Солдат, уклоняясь от объятий. — Извини, я ужасно спешу во Дворец Диких Цветов.

— Ну и прекрасно, — сказал Спэгг, ухитрившись схватить руку Солдата и крепко пожать. — Я направляюсь туда же. Королева назначила мне аудиенцию на полдень. Пойдем вместе — как раз поболтаем о старых временах.

Спэгг говорил нарочито громким голосом, желая похвастаться перед свитой своей дружбой с таким знаменитым человеком. Солдат известен во всем Гутруме и имел множество почитателей. Тот, кто называл себя другом Солдата, тоже вызывал восхищение и уважение. Впрочем, усталой свите, тащившейся вслед за Спэггом, похоже, не было дела до знакомств своего господина.

Солдат не ошибся: новый Бронзовый Босс (то было насмешливое прозвище хранителя королевской казны) оторвал их от дел. Чиновники спокойно посиживали за письменными столами, подсчитывая доходы и расходы. (Нельзя сказать, что эта профессия

вызывает повсеместный интерес, хотя счетоводам и писцам их работа нравится.) Скромные, не слишком общительные люди, они предпочитали проводить дни в уединенных каморках, где самым громким звуком был скрип гусиного пера или плеск чернил. А вместо этого им приходилось идти по запруженным народом улицам, неся охапки пергаментных свитков. Бедняги оглохли от шума повозок, ослиного рева, лая собак и пронзительных криков уличных торговцев. Базарные попрошайки дергали их за одежду, выклянчивая подаяние. В воздухе висел тяжелый запах навоза. Под ногами шныряли крысы. Уличные мальчишки играли в мяч или гонялись за тараканами, постоянно толкая прохожих. Для мягких, робких людей с деликатными манерами и чувствительным слухом это было тяжелое испытание. Лучше всего здесь подходило слово «жуть». Они хотели бы избежать мучительной прогулки, но хозяин настаивал. По приказу Спэгга чиновники сопровождали его во дворец королевы — Бронзовый Босс не любил слова «нет»...

Солдат выдернул руку из хватки Спэгга.

— Навряд ли королева захочет тебя видеть нынче утром. Я спешу к ней, поскольку Лайана не очень хорошо себя чувствует.

— Неужели? — недоуменно переспросил Спэгг. — В таком случае королева послала бы ко мне гонца. Она всегда так поступает, если собирается отменить приглашение. Ее величество не стала бы тратить наше драгоценное время на бессмысленные прогулки по городу. Ты наверняка ошибаешься, Солдат.

Солдат сгреб Спэгга за рукав и повернул его лицом в ту сторону, откуда он пришел.

— Спэгг, я муж королевы. Я отлично знаю, хорошо она себя чувствует или нет. Когда я оставил ее нынче утром...

— Когда именно?

— Когда пели петухи.

— Ну, это было давно! — заметил Спэгг. — Уверен, сейчас ей уже лучше. Возможно, ее подташнивало, когда она проснулась, однако с тех пор она приняла какие-нибудь капли, и все прошло. Обычное утреннее недомогание... — Спэгг осклабился, хихикнул и подтолкнул Солдата локтем в ребра. — Верно, старый кобель? Мы скоро услышим счастливые известия?

— Спэгг, ты самый вульгарный и грубый человек, которого я знаю. — Свита согласно закивала. — Если ты не будешь следить, что болтаешь, то распрощаешься со своей должностью и получишь новую. Например — Лорд-хранитель ключей темницы.

— Да, да, — в один голос забормотали сопровождающие. — Пожалуйста.

— Ты шутишь, Солдат.

— Я серьезен, как никогда.

Спэгг, помрачнев, не сказал больше ни слова, однако продолжал идти рядом с Солдатом, а свита бежала следом. Подойдя к Дворцу Диких Цветов, Солдат остановился. Спэгг тоже замер и вопросительно посмотрел на него.

— Еще один шаг, Спэгг, и я снесу тебе голову.

— Но...

Солдат вынул меч.

— Королева меня ждет! — взмолился Спэгг. — Она специально посылала за мной. Посланник приходил совсем недавно, после звона колокола. Королева передала: дело срочное. Она желает видеть меня немедленно. Если я не приду, ее величество очень разгневается! Солдат, ты знаешь, какова она в гневе... Я не раз говорил, что не хотел бы оказаться в будуаре королевы, когда она пребывает в ярости.

Солдат игнорировал последнюю сальную ремарку о спальне королевы и смерил Спэгга взглядом.

— После колокола?

— Ну да.

К тому времени, как прозвенел колокол, церемония возвращения памяти должна была закончиться. И сразу же после этого Лайана призвала к себе Спэгга... Солдат увидел чиновников, поднимающихся по мраморным ступеням дворца. Королева созвала совет — это было очевидно. Память, потерянная в песках Уан-Мухуггиага, вернулась, и королева желала нечто сообщить подданным.

Теперь Солдат встревожился по-настоящему. Что бы королева ни собиралась сказать, она не сочла нужным сначала обсудить это с ним. С тяжелым сердцем Солдат начал подниматься по ступеням в тронную залу, где королева принимала придворных. Немного поколебавшись, Спэгг последовал за ним. Они вошли в залу, где на троне восседала королева, облаченная в официальные одежды. Ее лицо было бледным, но решительным. Принц Маскет сидел на ступенях у ног Лайаны, играя со щенком. Придворные и чиновники в молчании ожидали речи королевы.

Солдат остановился у двери, спрятавшись в тени.

Королева заговорила:

— Итак, теперь, когда все собрались, я объясню, для чего я вас созвала. Да будет вам известно: наше государство официально находится в состоянии войны. Вернувшись из пустыни Уан-Мухуггиага вместе с моим супругом, я ничего не помнила о прежней жизни. Когда королева Ванда погибла, я скорбела о ее смерти. Но не

более, чем сокрушалась бы о любом другом человеке. Мне сказали, кто она и сколько для меня значила, — но это были лишь слова. Я не испытывала к ней родственных чувств и не помнила о своей любви к сестре.

Теперь я излечилась. Мой возлюбленный муж рисковал жизнью, добывая для меня лекарство, — и память вернулась ко мне. Я помню, как любила сестру, вашу прежнюю королеву, а до того — отца и мать. Вся моя семья, включая и меня, была повергнута в безумие. Эту болезнь наслал на нас колдун по имени ОммуллуммО, который ныне узурпировал трон Короля магов. Я помню, как страдала от недуга, и потому знаю, какие страхи и ужасы пришлись на долю моих несчастных родственников. ОммуллуммО ненавидел нас, поскольку мы окоротили его и не позволили стать деспотичным правителем. Колдун поклялся извести под корень весь наш род. Желая уничтожить нас, ОммуллуммО привлек на свою сторону Гумбольда, канцлера Ванды. Гумбольд убил мою сестру, захватил власть в Зэмерканде, казнил и замучил в застенках сотни невинных горожан. Я не помнила всех его злодеяний, и потому наказанием для этого негодяя стало всего лишь изгнание. Если бы он и дальше пребывал в ссылке, мы бы не стали его преследовать. Однако Гумбольд предпочел вернуться. Таким образом, все обещания, которые мы ему дали, больше не имеют силы. Гумбольд стал орудием в руках лживого колдуна. Он собрал армию, которая скоро пойдет на Зэмерканд, дабы стереть его с лица земли. Я ненавижу и презираю этого подлеца, однако с его военной силой надо считаться. У Гумбольда достаточно солдат для захвата нашего города. Разумеется, Красные Шатры будут защищать Зэмерканд до последней капли крови. Мой муж поведет их в бой. Как вы знаете, он закаленный в сражениях воин и опытный полководец, который не раз одерживал победу. До сих пор в вопросах защиты нашего города мы целиком полагались на наемников. Население Гутрума занималось гражданскими делами и не испытывало необходимости прибегать к силе оружия. Да, у нас есть небольшая имперская гвардия, но она нужна для охраны порядка в стенах Зэмерканда. Поэтому настало время всем нам присоединиться к войску Красных Шатров. Генерал Голгат призывает всех горожан, способных сражаться; он обучит их искусству войны и сформирует полки, которые станут бок о бок с армией Карфаги. Мы будем сражаться за наши жизни и наш город. Если Гумбольд победит и ОммуллуммО останется Королем магов, он сровняет Зэмерканд с землей. Не пройдет и столетия, как мы станем лишь бледной памятью в умах путников, проходящих по руинам. Итак, вот мое воззвание: все

дееспособные горожане в возрасте от восемнадцати до пятидесяти лет должны взяться за оружие. Отныне каждый солдат имперской гвардии будет произведен в сержанты, станет обучать новобранцев и формировать из них воинские части. Как только ополчение будет собрано, мы начнем тренировки. Это все.

Королева поднялась и вышла, сопровождаемая принцем, который нес на руках щенка.

Солдат тоже покинул залу и направился в Зеленую башню. Он был уверен: Лайана ожидает его.

— Ну, ты злишься, да?

Лайана шагала взад-вперед по дорогому ковру. Офао несчастными глазами наблюдал, как она безжалостно протаптывает дорожки в мягком ворсе. Королева остановилась и посмотрела на мужа. Солдат ожидал вспышки гнева, криков и ругани, но вместо этого жена подбежала к нему и обвила руками его шею.

— О, муж мой, я так часто обижала тебя! Ты так страдал от моего кошмарного безумия. Я ранила тебя кинжалом! Кажется, даже два раза.

— Три раза, если быть точным, — отозвался Солдат. — У меня на теле три шрама. Но все это в прошлом. Ты была больна. Человек не может отвечать за свои действия, если его рассудок помрачен. Во всем виноват маг, который заколдовал тебя. Это он поселил жестокость в твой разум. Он превратил тебя из нежной овечки в дикую тигрицу.

Лайана печально улыбнулась, все еще обнимая Солдата.

— Я никогда не была овечкой.

— Да, признаю, здесь я перебрал. Но ты не дикий зверь, впадающий в ярость каждый месяц. Тебя по приказу ОммуллуммО обуял демон. — Солдат нежно взял жену за руки и спрятал маленькие кисти в своих ладонях. — Я слышал твою речь. Хорошо сказано. Ты и впрямь твердо решила уничтожить узурпатора?

— О да. Сейчас это моя основная цель.

— Ну что ж, здесь мы заодно. — Солдат огляделся по сторонам. — А где мальчик?

— Играет со щенком, которого подобрал в мусорной куче на дворе кухни. Должно быть, его выкинул туда смотритель королевской своры. Честное слово, если б я знала, как интересно играть со зверюшками, я попросила бы какого-нибудь щенка, когда была девочкой.

Солдат удивленно заморгал.

— А что, в детстве у тебя не было никакого питомца?

— Питомца? Что это значит?

— Ну, зверь или птичка, которая у тебя живет. Ты его любишь, а он — тебя... Вот, собственно, и все.

Жена недоуменно посмотрела на него. Офао широко распахнул глаза. Даже невозмутимая Дриссила выглядела озадаченной.

Солдат обвел их взглядом.

— Что, — воскликнул он, — ни у кого из вас не было животных?.. Да уж, обычаи наших миров сильно различаются. Теперь я припоминаю, что не видел никаких домашних питомцев в Гутруме. Ни одной птички в клетке... Собаки и кошки нужны для дела, верно. Кошки ловят мышей. Собак используют для охоты, для выслеживания, для охраны скота. Лошади — для езды. Домашних животных держат для каких-то практических целей и никогда — просто так. И как же это я раньше не сообразил? Неудивительно, что у многих людей столь жесткий нрав. Домашние питомцы могли бы смягчить вашу жизнь... — Солдат подумал еще немного. — Ах да, конечно! Люди-звери. В моем мире нет подобных существ.

— Я не жесткая, — горячо возразила Лайана. — Я мягкая и нежная, как любая женщина.

— Любая женщина в этом мире, верно. Но там, откуда я родом, женщины столь мягкие... столь мягкие... да они просто тают на солнце.

Солдат поддразнивал жену, но она восприняла его слова всерьез.

— Может, тебе лучше вернуться туда, — сказала она, задрав свой маленький носик. — Вернуться и найти другую жену.

Он снова взял ее за руки.

— Та, которая у меня уже есть, вполне мне подходит.

Лайана отпихнула его.

— Нет уж, я слишком жесткая. Лучше найди женщину, которая будет похожа на атласную подушку.

Солдат рассмеялся, сказал, что он пошутил, и умолял простить за фривольность. Скоро Лайана вновь улыбалась.

Однако нужно было возвращаться к серьезным делам. Предстояло собрать и снарядить армию из горожан Зэмерканда. Солдат был готов помочь в этом деле всем, чем сумеет, — пусть даже он был главнокомандующим наемников. Красные Шатры могли бы заняться обучением солдат. Карфаганцы не имели права входить в город, но ничто не мешало рекрутам из него выйти. Тренировки можно проводить вне городских стен.

— Завтра я поговорю со своими сержантами, — пообещал Солдат.

Так началась тяжелая работа по созданию городского ополчения. Разумеется, подобное происходило и прежде. В родном мире

Солдата афиняне мгновенно вооружались и отражали нашествие персов. Англичане — нация торговцев — не раз побеждали врагов. Короли часто призывали подданных на военную службу, собираясь сражаться с другими правителями или иноверцами. В Зэмерканде и Гутруме люди пошли в войска с большим душевным подъемом, поскольку до того вели жизнь скучную и серую.

Вместе с тем ОммуллуммО имел своих шпионов в Зэмерканде и получал отчеты обо всем происходящем. Он не желал, чтобы лавочники и фермеры разрушили его планы и помешали обрести мировое господство. Маг действовал — и действовал прытко.

Несколькими днями позже, когда Солдат лично тренировал молодежь, на западе появилась темная туча.

— Смотри-ка, отец, дождь собирается, — крикнул Маскет, подхватывая щенка. — Надо посадить Ловца под навес.

— Собака не размокнет, — отозвался Солдат, рассматривая странное облако. — Но ты, если хочешь побыть с матерью, пока я пытаюсь сделать солдат из этих сопляков, возвращайся в город.

Облако продолжало расти, пока не заполнило собой весь горизонт. В конце концов юноши побросали деревянные тренировочные мечи и соломенные щиты, чтобы смотреть на тучу, растущую ввысь и вширь. Когда облако приблизилось, стало ясно: оно вовсе не черное или лиловое, а разноцветное, похожее на расплывчатую радугу. Туча не проливалась дождем. Не было запаха сырой земли, который всегда предшествует ливню; не слышалось стука капель; не чувствовалось влаги в воздухе. Когда многоцветное облако приблизилось, донеслось жужжание. Оно становилось все громче и громче, пока Солдат не крикнул:

— Бегите!

Те из воинов, кто не замер в изумлении, захваченный редкостным зрелищем, кинулись прочь и укрылись в шатрах. Палатки карфаганцев, уже забитые наемниками, затрещали по швам. Но и шатры не могли обеспечить реальной защиты от миллионов крошечных птиц, обрушившихся на лагерь. Огромная туча колибри металась между шатрами и рвала их в клочья маленькими, но необычайно острыми клювами. Казалось, птицы сошли с ума. Они алкали крови и кидались на всех подряд. Люди, не защищенные доспехами, были заклеваны до смерти и исчезли под тучами крошечных летунов с трепещущими крыльями.

Некоторые из воинов тренировались в доспехах, закрывающих все тело. Иные были одеты в толстые стеганые куртки и держали в руках бамбуковые доски, имитирующие мечи. Стоило им опустить забрала — и они были неуязвимы для птиц. Воины отмахивались

палками от маленьких яростных созданий. Опомнившись от потрясения, солдаты вооружались первым попавшимся оружием и колотили по тучам птиц, отгоняя нападавших от товарищей и расчищая себе свободное пространство. Но стоило им отогнать одних, как их место тут же занимали другие.

Солдат поспешно облачился в доспехи и поспешил на помощь сыну. Он взял кусок войлока и завернул в него мальчика, затем выхватил из ближайшего костра горящую головню и обрушился на врага. Ему было ужасно жаль сжигать маленьких птичек, но те не оставили ему выбора. Они убивали человека менее чем за минуту.

Минуло добрых три часа, прежде чем с птицами удалось справиться. Наконец люди выбрались из укрытий и обнаружили, что по щиколотку утопают в маленьких оперенных тельцах. Теперь тушки выглядели совершенно безобидно — если, конечно, не принимать в расчет их количество.

Развернув Маскета, Солдат увидел, что мальчик ранен, но жив. Невредимый, хотя и слегка помятый щенок недовольно возился у него под курткой.

— Стой спокойно, сынок. Мы смажем твои царапины целебным бальзамом. Если будешь дергаться, раны начнут кровоточить сильнее. Не волнуйся. Сейчас наложим повязки, а потом я поищу твою мать.

Раненым воинам и новобранцам оказали медицинскую помощь. По всему лагерю валялись мертвые тела. Солдат прикинул: погиб каждый третий из тех, на ком не оказалось доспехов.

Вернувшись в Зэмерканд, он обнаружил, что и город понес большие потери. Выжили только сидевшие дома. Все, кого птицы застали на улице, были мертвы. Та же участь постигла собак, кошек и лошадей. Их тела валялись вперемежку с трупами людей. Балконные шторы, матерчатые навесы, белье на веревках — все было разорвано в клочья. Деревья стояли голые, лишившись листьев и плодов, а на газонах больше не было травы. Колодцы, сточные трубы и канавы были забиты яркими тельцами мертвых колибри. Помои из канализации выплескивались наружу, и зловонная жижа текла по улицам.

Горожане рыдали и причитали над трупами родных и близких...

С бешено колотящимся сердцем Солдат взбежал по ступеням Зеленой башни. Однако он быстро выяснил, что Лайана и ее слуги счастливо избежали смерти. Во время нашествия королева находилась в ванной комнате. Некоторые из колибри проникли через сточные дыры и ворвались в комнату, но Лайана сразу сообразила, что эти милые, яркие создания смертельно опасны. Она прихлопну-

ла птичек свернутым полотенцем. Королева быстро поняла: два или три ярких колибри — приятное глазу зрелище, в то время как две дюжины — угроза для жизни. Хотя несколько птиц успели клюнуть Лайану, оставив отметины на нежной коже.

— Мы потеряли много людей, — сказала королева. — Я скорблю о них. Моих подданных постигла жестокая и мучительная смерть... Это устроил ОммуллуммО?

— Несомненно, — ответил Солдат. — Никто из семи богов не способен на такую низость. Разумеется, всему виной подлый маг. Его черная душа — или что там у чародеев вместо нее? — радуется и ликует. Нас застали врасплох. Хотелось бы верить, что ничего подобного больше не случится. Однако мы должны приготовиться к новым напастям. В моем мире говорят: беда не приходит одна.

— Здесь есть старая скрижаль. В ней записано: «Беды приходят всемером».

— Давай надеяться на достоверность твоей цифры, — пробурчал Солдат. — Семь — это по крайней мере какая-то определенность. Я стараюсь вспомнить, в каком порядке напасти одолевали людей в моем мире... Кажется, первой из них была кровь, которая наполняла реки и источники, загрязняя питьевую воду. Потом являлись вши... или лягушки?.. Ну да не важно... Затем нашествие мух. Дальше — падеж скота. Затем ужасные язвы, а потом град. О, я вспомнил нечто похожее на этих колибри — саранча! Саранча была предвестником долгой ночи. И наконец, самое ужасное. Смерть первенцев. И у людей, и у животных...

— Похоже, ты был очень прилежным учеником, любимый!

— Моя нянька прожужжала мне все уши рассказами об этих злосчастьях. Она предрекала все это и кое-что другое, если я буду плохо себя вести. Нянька была злой женщиной и обеспечила мне много ночных кошмаров. А пóтом умерла от лихорадки. Я тогда очень расстраивался и жалел ее, но своими истеричными угрозами она испортила мне детство.

— Лихорадка! — воскликнула Лайана. — Одна из наших напастей! Мы должны призвать всех врачей и аптекарей на борьбу с болезнями и эпидемиям, которые обрушатся на город. О, коварный волшебник знает, как нанести ущерб нашей армии! А потом он пошлет свои войска, чтобы разбить нас.

— Надеюсь, ничего у него не выйдет, — сказал Солдат. — Однако мы действительно должны готовиться к новой напасти — и не важно к какой.

— Но как готовиться, если мы не знаем, к чему?..

Разумеется, никто не мог заранее предсказать, какое бедствие нашлет на Зэмерканд ОммуллуммО. Нашествие кровожадных ко-

либри дорого обошлось городу. Люди вымели с улиц убитых птиц. Усопших похоронили и оплакали. Вскоре жизнь пошла своим чередом — если, конечно, не считать того, что треть населения погибла. Это был тяжелый удар.

Солдат ожидал зова от ИксонноксИ: готовился собрать армию и выступить против Гумбольда.

Однажды в месяце хускаст, когда лучики утреннего летнего солнца ласкали землю, Дриссила поднялась с постели и по своему обыкновению отправилась на кухню, собираясь приготовить завтрак для обитателей дворца. Кухня во Дворце Диких Цветов была оснащена недавним изобретением, которым восхищался весь цивилизованный мир: водяным насосом. Под каменными плитами пола располагался колодец неимоверной глубины. Подобные колодцы имелись во многих домах города. Их питал подземный бассейн, над которым стоял Зэмерканд. Поэтому в городе никогда не было проблем с водой. Напротив, порой Зэмерканд оказывался наполовину затоплен — если уровень воды поднимался и она перехлестывала через края колодцев. Семьдесят лет назад, после сорокадневных дождей, в городе произошло настоящее наводнение...

Нынешний день хускаста обещал стать одним из самых жарких. Дриссила пошла к насосу, намереваясь накачать воды. Она была не из тех управительниц, которые только и умели, что подгонять слуг, и зачастую сама помогала им в работе.

— Ты займись овсяными лепешками, — сказала она юноше-слуге, — а я наберу воды.

Говоря откровенно, ей нравилось возиться с насосом. Она повесила бадью на крюк и принялась качать рычаг. Сначала было тяжело, поскольку воду требовалось поднять с большой глубины, и рычаг ходил туго. Но когда вода попала в трубу, стало легче. Дриссила услышала журчание и удовлетворенно кивнула, ожидая, когда первая сверкающая струя хлынет в бадью. Дриссила предвкушала, как она напьется холодной свежей воды, поднявшейся из недр земли.

Но когда долгожданная жидкость полилась в бадью, Дриссила замерла на месте, в изумлении приоткрыв рот.

Вода была не прозрачной, а матово-белой.

Один из кухонных слуг подошел к насосу.

— Похоже, в колодец попала глина, — заметил он.

Дриссила покачала головой.

— Вода гораздо белее, чем каолин. Это похоже... похоже на молоко. — Она понюхала ведро. — И пахнет как молоко. Что происходит?

— Можно я попробую? — спросила одна из девушек. — Это ведь действительно молоко.

— Нет, — резко сказала Дриссила. — Оно может быть отравлено.

Дриссила ничего не понимала, однако она давно уже усвоила, что в мире, полном магов и отравителей, нужно быть предельно осторожной. Сперва Дриссила вышла в сад, потом отправилась прямиком в королевскую опочивальню.

Царственная чета недоуменно уставилась на стакан, предъявленный им Дриссилой. Они не понимали, зачем понадобилось будить их ни свет ни заря, дабы продемонстрировать немного молока.

— Это льется из колодца, — заявила Дриссила. — Во дворце нет ни капли воды. Я пошла к другому колодцу, в саду, и велела мальчику вытащить оттуда ведро. То же самое. Я подумала, не отравлено ли оно. Была же у нас проблема с птицами. А теперь это.

Солдат протянул руку.

— Дай-ка взглянуть...

Когда Дриссила передавала ему стакан, немного молока вылилось на мраморный пол. Одна из дворцовых кошек, сопровождавшая Дриссилу из кухни, с готовностью осушила лужицу. Казалось, ей понравилось. Некоторое время все молча смотрели на кошку. Та подлизала белые следы и принялась мяукать, прося добавки. Она умоляюще глядела на Солдата, который держал в руке стакан.

Ничего дурного с кошкой не произошло. Никаких признаков отравления не наблюдалось — ни агонии, ни вялости, предшествующей смерти от яда. Кошка была явно огорчена, что ей не перепало еще немного молока, и ушла поискать лакомства в другом месте.

А «лакомства» везде было полно...

— Молочная напасть! — воскликнул Солдат. — Во имя всех богов! Чего ОммуллуммО надеется добиться этим?..

Все до одного колодцы в городе оказались полны молока. То же произошло с бассейнами. Каждая капля воды — даже той, которая текла в канализации и в канале, — была молочной. Миллионы галлонов молока заполонили город.

Сперва горожане радовались. Чудесное, жирное, вкусное молоко текло из всех колодцев. Людей не заботило отсутствие воды. Молочные напитки, молочные пудинги... молоко приятно на вкус и полезно. Можно продавать его соседним странам, где недоставало пастбищ и коров. Пустынным странам, лесистым странам... Новый великолепный источник дохода для и без того не бедного города.

Но, конечно же, восторги быстро прошли.

В жаркий солнечный день молоко быстро скисло. К полудню город вонял. Люди ходили по улицам, зажимая пальцами носы, или запирались в домах. Нет ничего столь всепроникающего и отвратительного, как запах кислого молока. И, разумеется, пить теперь стало нечего. К концу первой недели молочной напасти люди выжимали из творога сыворотку. А сыворотка — омерзительная жидкость.

Некоторые выжимали сок из фруктов. Некоторые пили безвредные лекарства. И, разумеется, в городе имелось пиво... Что до вина, жители Зэмерканда были просто помешаны на медовухе, и бочки этого напитка заполняли собой половину городских погребов. Но медовуха — сладкая, как патока, и не утоляет жажду, а лишь усиливает ее. Не прошло и нескольких дней, как горожане выпили все, кроме сыворотки. Многие заболевали. Невозможно стало мыться и содержать город в чистоте. Началась эпидемия.

В храмах молились о дожде...

В конце второй недели над горами возникли тучи и потянулись к Зэмерканду — боги со своей обычной благосклонностью ответили на моления. Задул ветер и пошел дождь. Но... О ужас! Дождь тоже оказался молочным. Белая жижа омыла улицы и дома. Это молоко было свежим, и на время у людей снова появилось питье. Однако дождь кончился, выглянуло солнышко, молоко скисло...

К счастью, ничто не вечно — в том числе и магия. Однажды утром из колодцев снова пошла вода. Заклинание ОммуллуммО наконец-то потеряло силу. Это был счастливейший день. Все горожане возносили благодарственные молитвы.

— Никогда не думал, что буду так рад видеть ведро воды, — сказал Спэгг, который все это время жил на пиве. — Больше не возьму в рот ни капли эля!

Все время, пока длилась напасть, Спэгг провел в пьяном оцепенении. Подобное состояние было для него не в новинку, и потому он выжил. В далекой юности Спэгг вел примерно такой же образ жизни. Впрочем, Спэгг жаловался, что у него ломит все тело, а изо рта пахнет, как из подмышки обезьяны. Голова раскалывалась, в глазах мерцали круги. Он отрастил бороду, которая теперь была грязна и растрепанна, и несло от него как от свиньи. Когда он пожаловался на это Маскету, юный принц пожал плечами.

— Ты ведь всегда выглядишь и воняешь как свинья. Разве нет?

— Ты меня оскорбляешь! — крикнул Спэгг.

Несмотря на взлет в карьере, он очень завидовал ворону, неожиданно сделавшемуся принцем. Это представлялось нечестным. Черная птица была жуткой язвой и балаболкой. Спэгг неоднократно жаловался Солдату: «Ты сам говорил, что у него зловред-

ный характер. А теперь он поднялся гораздо выше, чем я, твой верный друг и друг королевы, честный гражданин и порядочный человек. Почему же зловредный ворон получил больше меня?»

— Вряд ли здесь уместно слово «зловредный», — отвечал Солдат. — Как бы там ни было, не забывай: жизнь в принципе несправедлива. Тебе ли жаловаться, Спэгг? Ты мог бы выносить мусор и чистить канализацию, а вместо этого стал Лордом-хранителем королевской казны... Да, кстати, в конце года я приглашу в твое ведомство ревизоров. Так что готовься к проверке. Надеюсь, твои книги в порядке?

Спэгг издал крик боли.

— Почему ко мне? Почему не к принцу? — Он помолчал несколько секунд. — И вообще, кто такие эти «ревизоры»?

Солдат разъяснил, и Спэгг побледнел. А Маскет мрачно кивнул.

— Он запустил свои жирные грабли в кошелек, — сказал мальчик. — Гляди, как побелел. Я предупреждал: он тратит на портного больше, чем Дриссила — на весь дворец. А ведь она кормит и одевает всех, кто там живет. Ты проклятый плут, Спэгг!

— Я... мне нехорошо, — промолвил Спэгг слабым голосом. — Нельзя смеяться над больным человеком...

Пережив две напасти, люди осознали: это далеко не конец. Они готовились к новым бедам, и ОммуллуммО не обманул ожиданий. Колдун был безумен, однако отличался коварством и изобретательностью. После молока на город обрушилась напасть разврата. Люди рвали на себе одежду, ходили по городу обнаженными и занимались любовью у всех на глазах. Старые девы и почтенные холостяки распутничали без зазрения совести. Правда, обошлось без изнасилований, да и малолетние дети избежали заразы разврата. Вдобавок эта напасть поразила не всех, а приблизительно каждого десятого. Так что многие, не затронутые заразой, были шокированы и недоумевали.

Поначалу Солдату эта напасть казалась сравнительно безобидной: она не наносила большого урона городу. Однако подобное поведение людей вызывало ревность. Вспыхивали многочисленные драки и потасовки. Дело не раз доходило до смертоубийства. Невинные девушки становились распутными шлюхами. Робкие застенчивые юноши превращались в похотливых чудовищ. Хотя только десять процентов населения были поражены этой болезнью, еще двадцать — если не тридцать — пострадали от непристойного поведения.

Однако и это заклинание со временем утратило силу.

Следующей напастью стала буря. По ночам на город обрушивался ураган, и люди боялись открывать двери и выходить из до-

мов. Ветер выворачивал с корнем деревья, сшибал виселицы и уносил с собой клетки с заключенными в них скелетами. Вихри вырывали из креплений факелы и швыряли их на соломенные крыши, которые моментально вспыхивали, едва их касалось пламя. Ураган отрывал от крыш куски черепицы и носил по городу; их острые как бритва края стали причиной смерти множества горожан. Ветер подхватывал людей, яростно бросал и крутил их, а потом с силой швырял о стены или о мостовые. Опасность витала в воздухе... Да что там, сам воздух и был опасностью!

— Я всегда ненавидел ветер, — мрачно сказал Спэгг. — Какой в нем смысл? Дождь — это да. Он нужен, чтобы поливать посевы и наполнять питьевые сосуды. Солнце? Оно помогает расти деревьям и травам. Темнота нужна, чтобы мир отдохнул и люди могли спокойно поспать. Снег и мороз убивают вредителей. Но ветер? От него никакого проку, только раздражение. Он совершенно бесполезен.

— Пожалуй, я с тобой согласен, — кивнул Маскет. — Долой ветер!

— А как насчет воздушных змеев? — заметил Солдат. — Вдобавок ветер помогает кораблям плавать. И сушит белье на веревках. Ветер иногда тоже приносит пользу.

— Но не такой, — возразил Спэгг. — Спокойные и не очень быстрые ветра — возможно. Однако ураганы никому не нужны. Они только разрушают...

Ветер царил в городе неделю. Он с ревом носился по улицам, выворачивал столбы и кидал их словно копья. Еще больше вреда принесли смерчи. Они вывинчивали из земли указательные столбы, перекручивали шпили зданий и корежили флагштоки. Если вихрь заставал человека на улице, он мог запросто свернуть ему шею...

Вслед за ветрами явились ядовитые черви. Они покрыли каждый клочок земли. Сначала люди собирали червей и выбрасывали в мусорные кучи, но яды в их телах были столь сильны, что проникали через кожу, и люди погибали. Спэгг изобрел собиратель червей, похожий на огромный пинцет, и заработал кучу денег, продавая инструмент испуганным горожанам. Ядовитых червей складывали в мешки, выносили за городские стены и сжигали.

Шестой напастью стали двенадцатиголовые крысы, крысы-короли, как называли их некоторые горожане. Эти свирепые создания вылезали из канализации и набрасывались на людей. Они были похожи на колесо из двенадцати крыс, соединенных задами. Крысы кружили по улицам и кусали всех, кто попадался им на пути; сваливались с крыш на спины людей и животных и перекусывали

им шейные позвонки. Зачастую крысы прятались в постелях и, когда человек засыпал, вгрызались ему в живот, добираясь до кишок с такой скоростью, что люди тут же умирали. Некоторые прятались в шкафах; стоило открыть дверцу, как крыса бросалась и в клочья раздирала лицо...

— Это твои друзья, — сказал Маскет Спэггу. — Ты наверняка находишь с ними общий язык.

— Не дерзи, мальчишка, — огрызнулся Спэгг. — Крысы мне не друзья.

— Если не друзья, значит, родственники.

Так или иначе, крысы по крайней мере были осязаемым, реальным противником, и люди научились с ними бороться. Горожане вооружились мечами и дубинками; расстроенные и злые, они вымещали свою злость на всех грызунах. Обычно напасть продолжалась от одной до двух недель, но с крысами расправились в четыре дня.

Пережив шесть напастей, горожане знали: скоро последует седьмая. Злосчастья, насланные магами, всегда приходят всемером. И последняя напасть — самая жуткая. Например, как сказал Солдат, она могла вылиться в смерть всех первенцев. Или все молодые женщины в королевстве станут бесплодными и не появится новых детей. Или же молодые мужчины сделаются стерильными... Так что люди со страхом ожидали последней напасти.

Те, кто предсказывал нечто ужасное, оказались правы. Те, кто ожидал чего-то, до сих пор невиданного и неслыханного, также не ошиблись. Остальные были разочарованы. Седьмая беда пришла — жестокая и неумолимая.

Однажды утром каждый третий горожанин Зэмерканда, проснувшись, обнаружил собственное увечье. Жизненно важная часть его организма, необходимая, чтобы зарабатывать на жизнь, оказалась повреждена.

Музыканты оглохли.

Лучники ослепли.

У писцов отсохли руки.

Ораторы онемели.

У поваров и дегустаторов атрофировались вкусовые рецепторы.

Парфюмеры утратили обоняние.

Знаменитые мужчины-любовники пришли в ужас, увидев между ног нечто, напоминающее гнилой стебель морской водоросли.

У воинов ослабли мускулы.

Работники скотобоен приобрели боязнь крови.

Актеры потеряли артистические способности.

И так далее, и тому подобное...

Спэгг явился во дворец мертвенно-белый. Он снял шляпу и вытер вспотевший лоб. Солдат спросил его, в чем дело, а Маскет сидел на подоконнике и созерцал гостя, пытаясь понять: в чем заключается изменение? Где в Спэгге хорошее и полезное? Какой орган был необходим ему для работы — сначала как торговцу «руками славы», а затем как хранителю королевской казны? Загадка, да и только...

— Я, — прокаркал Спэгг, — не желал бы об этом говорить.

— Очевидно, с тобой стряслось нечто ужасное, — заметила Лайана. — Ты выглядишь так, словно утратил самое близкое и дорогое.

— А как насчет вас? — спросил Спэгг хриплым голосом.

— Здесь все в порядке.

Королевская семья и слуги во дворце избежали последней напасти. Они не знали о том, что ОммуллуммО сам некогда жил здесь — несколько сотен лет назад, когда волшебник еще пребывал в здравом уме и являлся советником одного из предков Лайаны. Тогда-то маг и установил во дворце магический барьер, желая обезопасить себя от заклинаний других чародеев. Барьер по-прежнему защищал дворец, и потому все, кто в нем жил, избежали жестокой напасти.

— Никто из нас не пострадал, — ответил Солдат. — Правда, один из дворцовых садовников, который ночевал у себя дома, пришел сегодня на работу, зараженный странной болезнью: каждое растение, к которому он прикасается, вянет и погибает через несколько минут. За утро мы потеряли лучшую виноградную лозу, несколько апельсиновых деревьев в оранжерее и много чего еще. Даже если садовник касается хотя бы одного листочка или трогает завязь фрукта, все растение съеживается и падает на землю.

— О боги, боги, — пробормотал Спэгг, покрываясь потом. — Что будет дальше!..

— Ничего, я полагаю, — ответил Солдат. — Но мы еще не слышали, какая беда стряслась с тобой, Спэгг. Давай говори. Тебя затронула эта зараза?

— Затронула, — неохотно ответил Спэгг. Было ясно: он не желает отвечать на вопрос.

— И какая? — спросил Маскет. — Внешне ты выглядишь так же, как всегда.

— Да, — хрипло каркнул Спэгг.

— Голова кругом идет, — сказала Лайана. — Я не уверена, что хочу слышать...

— Дело в том, — прохныкал Спэгг, — что я не могу лгать. Я потерял свое умение уклоняться от правды. Я вынужден говорить

все как есть — или не говорить ничего... Это ужасно! Нынче утром я сказал одной женщине: «Ты уродлива как смертный грех». А потом сообщил одному прохожему: «Ты обронил кошелек». Я встретил сборщика налогов и признался ему: «Вот уже тридцать лет я скрываю часть своих доходов и собираюсь впредь продолжать в том же духе...» — Спэгг запнулся, но, помолчав немного, продолжил несчастным голосом: — А потом я окликнул его и сообщил свое имя и адрес... — Теперь в голосе Спэгга звучал неподдельный ужас. — И еще... еще я не верю в байку, будто руки повешенных могут сделать владельца невидимым... И я воровал из королевской казны...

— Ну вот, я же говорил! — закричал Маскет, в восторге хлопая в ладоши. — Смотри, как у него дрожат губы. Он не сможет себя изменить. Никогда. Спэгг всегда был мошенником, и не важно, как высоко он взлетел.

В комнате повисло молчание. Офао, вошедший во время Спэгговой речи, смотрел на хранителя королевской казны, неодобрительно поджав губы.

Лайана подняла глаза на мужа.

— Сам решай, как с ним поступить, — сказала она. — В конце концов, это твой бывший работодатель.

Солдат кивнул. Он не отличался мстительностью — по крайней мере в этом мире. Если бы Спэгга звали Драммондом, все могло бы быть иначе, а так...

— Ладно, у нас хватает более серьезных проблем, чем загребущие руки Спэгга. Ты вернешь все похищенное до последней спинзы. Тебе повезло, что у нас на носу война, не то болтаться бы тебе на виселице...

— Все виселицы сдуло, — заметил Маскет. — Хотя нет, парочка еще осталась.

— Спасибо, сынок.

— Я... я попробую исправиться, — сказал Спэгг. — Я не хочу исправляться, но попробую.

— Советую тебе преуспеть.

Население Зэмерканда было измотано семью напастями. Количество горожан и карфаганцев заметно сократилось. Солдат надеялся: теперь напасти закончились, и они могут продолжить тренировки, однако от армии осталось не так уж много...

Однажды утром, когда Солдат, Голгат и Велион сидели за столом и обсуждали военные планы, явился посланник от Гумбольда. Несчастный явно пребывал в ужасе. В этом мире, как и во многих других, вражеские гонцы, приносящие дурные известия, часто за-

канчивали в волчьей яме. Этот человек не знал, что Солдат не карает посланников.

— Что ты хочешь мне сообщить? — спросил Солдат. — Говори. Тебе не причинят вреда. Я понимаю, ты ни в чем не виноват.

— Сэр, — сказал посланник, опустившись на одно колено, — мой повелитель Гумбольд приказал передать: у него в руках находится женщина по имени Утеллена. Генерал Кафф захватил ее, когда она пробиралась по горной тропе. Если битва разрешится не в его пользу, женщина умрет.

Солдат впал в ярость, но скрыл свой гнев от посланника.

— Знает ли Гумбольд, что Утеллена — мать ИксонноксИ? — спросил он. — Если с ней что-то случится, а ИксонноксИ станет Королем магов, то Гумбольд будет страдать от ужасных пыток весь остаток вечности.

— Да, сэр. Но если битва будет проиграна, ему ничего не останется, как отомстить этой женщине.

— Тогда о чем еще говорить? Утеллена для нас никто. Передай своему хозяину: нам нет до нее дела.

Когда посланник отбыл, Солдат ударил по столу кулаком, закованным в кольчужную перчатку, и расколол столешницу.

— Проклятая трусливая душонка, — сказал он, побелев от ярости. — Если даже я больше ничего не добьюсь в этой жизни, то по крайней мере снесу ему голову с плеч.

Королева положила ладонь на плечо мужа. Лайана знала, как тепло он относится к Утеллене. Так же, как она сама в глубине души относилась к Каффу. Разумеется, необходимо заняться ее освобождением. И нельзя позволять подобным неприятностям отвлекать мужа от его основной задачи. Солдат был главой соединенных войск гутрумцев и карфаганцев. Они и так уже уменьшились на треть в результате напастей... Главнокомандующий должен думать только о грядущей битве — и ни о чем более.

— Мы вернем ее, — сказала Лайана Солдату. — Я позабочусь об этом.

Солдат глянул на нее поверх стола, заваленного картами и схемами.

— Ты никуда не пойдешь, учти, Лайана. А то ведь я знаю: с тебя станется...

Она улыбнулась.

— Я уже слишком стара для таких мероприятий. Нет, мы найдем человека, которому сможем довериться. Мы должны разыскать Утеллену и обеспечить ей побег. Нам нужен кто-нибудь летающий. Как насчет твоего дракончика?

Солдат покачал головой.

— Мы не сумеем втолковать ему, какие действия от него требуются. Вдобавок дракон слишком велик. Его заметят. Подошла бы какая-нибудь птица... Как ты думаешь, в Зэмерканде есть маги, которые способны превращаться в орла или ястреба? Или управлять обычной птицей?..

В этот момент ножны Солдата запели. Теперь, когда они воссоединились с Кутрамой, их пение не обязательно означало появление врага. Сейчас ножны пели о том, что с севера-востока к Зэмерканду приближается армия, но армия дружественная. Число бойцов невелико, а ведут ее два короля.

Солдат понял: речь идет о Сандо и Гидо — королях-близнецах Бхантана, которые намеревались присоединиться к нему. Бхантан и два его короля были преданны Солдату и никогда его не подводили.

Вчерашние подростки нынче стали юношами... Первым вошел Сандо. Короли были похожи друг на друга как две капли воды, но Солдат знал: Сандо — Розовый король, а Гидо — Белый. Гидо вошел вслед за братом. Оба улыбались до ушей и протянули вперед руки; один пожал правую ладонь Солдата, а второй — левую.

— Как приятно видеть тебя, Солдат, — сказал Сандо.

— Солдат, как приятно тебя видеть, — сказал Гидо.

— Стало быть, подлый Гумбольд опять принялся за старое. Мы ненавидим его, как ты знаешь. Он очень грубо вел себя с нами, когда мы жили здесь в изгнании.

— Очень грубо.

— Такой мерзкий человечишка.

— Просто отвратительный.

— Так вот, — сказал Сандо, — мы привели свою маленькую армию тебе на помощь.

— Да уж, армия невелика, — прибавил Гидо, — зато все добровольцы. Мы бы и одни пришли — я и Сандо, — если бы потребовалось. Но солдаты Бхантана — все как один — поклялись сопровождать нас. Мы не сумели бы уговорить их остаться, даже будь у нас другая армия, в два раза больше. Твое доброе имя стало среди них легендой, Солдат. Они произносят его с благоговением. О твоих подвигах рассказывают детям сказки. Мы слышали о напастях, которые обрушились на ваш город, и о том, сколь сильно уменьшилась ваша армия. Вот почему мы пришли — дабы поддержать ваши силы нашими немногочисленными, но полными энтузиазма войсками.

— Добро пожаловать, друзья, — сказал Солдат. — Я счастлив вас видеть. Хотя должен предупредить, битва будет жестокой и кровавой. Если мы проиграем...

Сандо ответил:

— Мы не должны проиграть. Однако стоит принять меры предосторожности. Мы тянули соломинки. Гидо поведет наши войска в битву, а я буду здесь. Таким образом, один из нас выживет независимо от исхода сражения. Бхантан не останется без правителя. Если мы проиграем... вообще говоря, это немыслимо, поскольку правда на нашей стороне... но если все-таки это случится, тогда я вернусь домой, короную следующих близнецов, а потом удалюсь и буду оплакивать брата.

— Разумная предосторожность, — вступила в беседу Лайана. — Мы очень благодарны тебе, Гидо.

— Вообще-то, — признался Гидо с широкой улыбкой, — я больше ученый, а воин — Сандо. — Он громко рассмеялся, потом прибавил: — Но мы тянули соломинки. С соломинками не поспоришь. Боги определили сражаться мне. Может быть, в пылу битвы пригодится и умник? Какая-нибудь вдохновляющая риторика из уст поэта? Боевое воззвание в ямбическом размере? Я хорош в импровизации стихов, скажи, Сандо? Я подбираю отличные рифмы, и у меня есть чувство ритма.

— Ты подбираешь великолепные рифмы, братец. Например, ты можешь размахивать мечом со словами: «Вперед, о, рыцари, вперед! Труба нас нынче в бой зовет. Собратья! В этот трудный час Бхантан надеется на вас!»

— Неплохо, Сандо. Совсем неплохо.

— Разумеется, в сравнении с тобой, братец Гидо, я никудышный поэт. Но все равно спасибо.

Невзирая на общую мрачную ситуацию, Солдат и Лайана не могли не улыбаться вместе с двумя веселыми юношами, чья кипучая жизнерадостность была заразительна. Они тут же подняли настроение у всех присутствующих в комнате, включая Спэгга, который был уверен, что конец света уже недалеко.

Маскет смотрел на гостей с настойчивостью, которая могла бы смутить любого, только не Сандо или Гидо.

— А это кто у нас здесь? — спросил Сандо, заметив взгляд паренька. — Кухонный мальчик?

— Я принц Маскет, — обиженно ответил паренек. — Вы меня помните... я был одет в черные перья.

Гидо покачал головой:

— Не помню никакого мальчика в черных перьях. А ты, братец?

— Нет.

— Я был вороном, — сказал Маскет.

Улыбка осветила лица королей.

Гидо сказал:

— Ах, птица? Тогда мы тебя помним.

А Сандо прибавил:

— Надоедливая была птица, право слово. А теперь ты надоедливый мальчишка?

Солдат обнял Лайану и сказал королям:

— Маскет — наш приемный сын.

Они одобрительно кивнули.

— Отлично.

— Чудесно.

Они принялись игриво дергать Маскета за уши, и вскоре мальчик тоже улыбался.

Тем же вечером во дворце состоялось празднество по поводу прибытия королей Бхантана. Маленькое войско Сандо и Гидо могло оказать чисто символическую помощь, и тем не менее Солдата ободряло их присутствие. Пришедшие воины исчислялись скорее в сотнях, чем в тысячах, и были отнюдь не так искусны в бою, как карфаганцы. На протяжении веков высокие стены защищали бхантанцев лучше любого оружия. Зато они пылали энтузиазмом. Солдат предпочел бы иметь одного воина, готового сражаться, нежели десяток людей, которых привели на поле боя насильно. Многие из сторонников Гумбольда были далеко не так охвачены воинским пылом, как эта горстка людей, собравшихся вместе и в час нужды пришедших на помощь Солдату.

Пир получился не очень обильным, но все остались довольны собой и друг другом. Вскоре настанет время крови и грома битвы, а нынче ночью было время медовых пирожных, вина и цимбалов. Солдат, слегка фальшивя, спел песенку, от слов которой покраснела даже ко всему привыкшая Лайана. Гидо и впрямь был хорош в стихосложении. Он прочитал поэму о путешествии человека, отправившегося в дальние края на поиски потерянного сына. Это была своего рода дань уважения Маскету и его возвращению к человеческому облику.

Когда же музыка и стихи закончились, заговорили о более серьезных материях.

— ...Так вот, — объяснял Солдат близнецам, — мы ищем мага, способного обернуться ястребом или орлом и разыскать Утеллену.

— А разве сын не может ей помочь? — спросил Гидо. — Он ведь могучий колдун.

— Иксоннокси обязан оставаться беспристрастным. Он не имеет права вмешиваться в битву, а его мать теперь — часть этой битвы. Если он предпримет какие-то действия, ОммуллуммО тоже

будет иметь на это право, и разразится война между чародеями. Отголосков битвы хватит для гибели всего живого: начнутся наводнения, ураганы и пожары, которые уничтожат мир и погубят его население.

— Что ж, — сказал Сандо, — возможно, мы сумеем помочь. Вместе с нами путешествует один маг, хотя очень уж молодой...

— Насколько молодой? — спросил Солдат, оживившись.

— Лет пятнадцати или шестнадцати. Совсем еще новичок в своем искусстве. Его учитель умер год назад, и с тех пор он самостоятельно сражается с книгой заклинаний. Прилежный ученик, можно так сказать. Но на практике — кто знает?..

— Мальчик — чародей?

— О нет. Как и его учитель, который умер в возрасте тридцати восьми лет, он человек. Всего лишь маг — не ведьмак, не чародей, даже не друид, повелевающий растениями. Обычный юноша, однако он стремится стать хорошим волшебником. Послать за ним?

— Да, пожалуйста, — сказала Лайана. — В Зэмерканде не осталось никого, кто мог бы нам помочь.

Юноша, которого звали Улузизикия (близнецы называли его Луз), явился незамедлительно, как только его позвали. Он несколько брезгливо оглядел комнату, и это было неудивительно: здесь пахло как в кабаке — табачным дымом и алкоголем. Трезвому человеку неприятно входить в комнату, где только что происходила пирушка.

— Юноша, — сказал Солдат, — присядь. Выпьешь немного вина?

— Нет, господин. Не буду, с вашего позволения.

— Называй меня Солдатом, как делают все остальные.

— Да... Солдат. — Это обращение далось мальчику с трудом.

— Луз... могу я звать тебя Луз?

— Конечно.

— Так вот, Луз, нам нужен маг. Сандо и Гидо сказали, что ты только учишься, однако выбора у нас нет.

Юноша с готовностью закивал. Он приосанился, а его глаза загорелись, как два фонарика.

— Да, сэр... Солдат. Да-да. Я маг. Конечно, я только учусь, но ничего. Маги учатся всю свою жизнь. Нам всегда недостает времени в полной мере обрести навыки этого искусства. В моем распоряжении достаточно заклинаний, причем разных видов. Крибле-крабле-бумс, мумбо-юмбо, абракадабра, любовные эликсиры... — Он бросил взгляд на королеву и прибавил: — Хотя, кажется, эликсиры вам ни к чему. У вас прекрасная жена, и вы безумно ее любите.

Лайана улыбнулась и пробормотала:

— И льстец к тому же.

— Вовсе нет, ваше величество, просто я могу читать в человеческих сердцах как в раскрытых книгах.

Солдат одобрительно кивнул:

— Этот юноша весьма и весьма умен. Так вот, Луз, нам нужна хищная птица, которая полетит на запад и будет шпионить за Гумбольдом, дабы выяснить, где он держит Утеллену, мать ИксонноскИ. Можешь ли ты обеспечить нам такую птицу?

— И даже лучше, — вскричал Луз, вскакивая на ноги. — Я могу превратиться в нее и сделать все самостоятельно!

Лайана нахмурилась.

— Это очень опасная задача, Луз.

— Не имеет значения. Я смеюсь над опасностью. Я плюю ей в лицо!

Гидо сказал:

— Он полон огня.

— Он сам — огонь, — добавил Сандо.

— Увы, одного энтузиазма недостаточно, — вздохнул Солдат. — Для нас очень важно, чтобы ты вернулся с нужными нам сведениями. Ты молод и горяч, а здесь нужна холодная голова. Какую птицу ты можешь порекомендовать для подобной миссии?

— Лучшая птица для такого задания — воробей, — ответил юноша. Увидев, как изменились выражения лиц всех, сидящих вокруг, он посерьезнел и признался: — На самом деле я умею превращаться только в воробья. Это единственное птичье заклинание, которое у меня получается. Ястребы, соколы, орлы — они требуют много опыта. Но воробей, в конце концов, тоже птица. Стойкая маленькая птичка, ловкая и хитрая. Воробьи просто обязаны быть такими, иначе им не выжить в нашем жестоком мире.

Удрученные взгляды аудитории подсказали Лузу: лучше бы ему поскорее развить свою идею.

— Дайте мне объяснить. Даже умей я выбирать из всего птичьего царства, я бы по-прежнему настаивал на воробье. Смотрите: орел вызовет подозрение. Орла они будут ожидать. То же касается ястреба или сокола. Я знаю, это очень мудро — послать хищную птицу, которая способна защитить себя от других хищников. Птицу, на которую не будут охотиться ради мяса. Но подумайте, насколько это привычно. Все знают — именно хищников используют в качестве соглядатаев. А теперь о воробьях: их повсюду полно. Скучный, маленький коричневый воробей... взгляд на нем не останавливается. Даю слово: я соберу информацию, не вызывая подозрений, да и вернусь вместе с женщиной.

— Луз дело говорит, — заметил Сандо.

— Очень умное дело, — добавил Гидо.

Солдат все еще колебался.

— Ты готов рискнуть своей жизнью, обернувшись воробьем? — спросил он. — Тебя будут подстерегать хищники.

— Повсюду великое множество воробьев. Мир заполонен воробьями. Мне должно очень сильно не подфартить, чтобы я попался хищнику.

— Да будет так, — решил Солдат. — Мы с благодарностью принимаем твое предложение.

Глава девятая

Воробей летел над землей. Это осторожное маленькое существо никогда не оставалось подолгу на одном месте, даже если его одолевала усталость. А меж тем воробей и впрямь был сильно измотан. Он летел с самого рассвета, присаживаясь на несколько секунд то здесь, то там. Где бы он ни приземлялся, остальные воробьи смотрели на него с подозрением, будто не признавая за своего. Некоторые даже пытались затеять с ним ссору, хотя он норовил уклониться от драки, если это было возможно.

В небе кружили соколы и орлы, но к счастью — никаких ястребиных вроде пустельги. Луз — а это был он, принявший обличье воробья, — знал, какую местность предпочитают ястребиные, и старался избегать таких мест — лесов и рощ. Соколы и орлы не интересуются такой мелкой добычей, как воробьи. Они гоняются за зайцами и даже небольшими оленями. Луз мог опознать пустельгу по внешнему виду: она имеет более обтекаемую форму крыльев, нежели канюки, луни и коршуны, и у нее рыжеватые перья на внутренней стороне крыла.

В тех случаях, когда избежать леса не удавалось, Луз соблюдал предельную осторожность и глядел в оба.

Однажды ему пришлось укрыться в дупле трухлявого дуба. Хозяйка-белка не желала пускать его туда, но Луз увидел ястреба-тетеревятника — родственника пустельги, и у него не было выбора. Когда белка попыталась угрожать ему, Луз крикнул самым громким голосом, на который только был способен воробей: «Пошла прочь отсюда, дура!» Белка, которая, разумеется, никогда не слышала, чтобы птица разговаривала человеческим голосом, в страхе

поджала хвост и ретировалась в глубь дупла. Когда ястреб-тетеревятник улетел, Луз поблагодарил белку и продолжил свой путь.

К сожалению, Луз очень смутно представлял, где искать Утеллену. Он знал: женщина находится в военном лагере, расположившемся где-то среди гор и холмов. Разумеется, лагерь достаточно велик, трудно было его не заметить, но маленькой птичке пришлось потратить несколько дней в полетах над пропастями и ущельями. Дважды воробей-разведчик едва избежал смерти, попавшись на глаза сначала ястребу-тетеревятнику, а потом пустельге.

Однако это не устрашило Луза. Он продолжал поиски, останавливаясь только затем, чтобы перекусить семенами или фруктами и попить из горных ручьев. На пятый день второй недели он нашел армию в долине к северу от высоких скал. На краю лагеря солдат кормил птиц хлебными крошками. К тому времени Луз успел ужасно проголодаться, поскольку ничего не ел уже сутки. Он затесался среди зябликов и воробьев, суетившихся над крошками.

— Есть! — крикнул вдруг солдат.

И внезапно Луз вместе со многими другими птицами оказался в сети. Он отчаянно бил маленькими крылышками и клевал толстые нити сетки... Тщетно. Его поймали! Сверху протянулась рука, взяла Луза и аккуратно выпутала из ловушки. Затем его засунули в клетку, где уже сидела дюжина птиц. Они отчаянно орали и бились о решетку своей тюрьмы.

Юноша был в отчаянии. Солдат дал ему важное задание, а Луз позорно провалился! Он попал в руки врага, в клетку, возможно — на всю жизнь.

Грязная рука взяла клетку и подняла ее.

— Гляди, что я добыл на ужин.

Несколько солдат подошли ближе.

— Жалкая горстка воробьев и зябликов. Их не хватит и на одного человека, не говоря уж о дюжине!

— Лучше, чем ничего, — возразил солдат, пленивший Луза.

— Нет уж, спасибо. Пойду поищу харчишки получше, чем этот жалкий пучок перьев.

Солдат обиделся и отправился восвояси.

— Не желаете ли это купить?

— Зачем? — спросила коренастая женщина.

— Съесть на ужин, например.

— Не буду я есть этих несчастных крошек.

— Тогда они будут песнями услаждать твой слух. Чем плохо?

— Да на кой они мне нужны? Эти пичуги и петь-то не умеют, только трещат без умолку. Поищи другого дурака, а мне не мешай. Видишь, я стираю...

Луз начал надеяться, что его выпустят на свободу, но тут к солдату приблизился рыцарь с соколом на запястье.

— Я дам тебе две спинзы за всех.

— Только две? — спросил солдат.

— Вполне честно.

— Ладно.

Клетка перешла из рук в руки. Новый владелец вошел в шатер, где на насесте сидел охотничий ястреб.

— Ужин, Джезебел, — сказал рыцарь, показывая ястребу клетку, полную чирикающих пушистых шариков. — Неплохая замена мышам, а?

Теперь зяблики и воробьи просто обезумели от ужаса.

В шатер зашел карлик и взглянул на клетку.

— Чем ты тут балуешься, Рольф?

— Птицы для моего ястреба.

— Я бы не советовал, — предупредил коренастый карлик. — У них часто бывают глисты. Вы же не хотите заразить Джезебел, верно?

Клетка снова поднялась в воздух: Рольф принялся рассматривать птиц, бившихся внутри.

— Глисты?

— Ну да. Они ведь жрут всякую пакость, особенно воробьи. Жуткие твари, — сказал карлик. — Вечно копаются в грязи, в помойках. Я бы на вашем месте поостерегся.

— Ладно, — пробурчал разочарованный Рольф, — понял.

Теперь ястребиха принялась заунывно кричать:

— Лиик-ки-лиик, ки-ки-лиик.

— Извини, красавица. Мы не хотим, чтобы у тебя заболел живот. Давай, Скартт, возьми клетку. А я поеду с Джезебел на охоту. Посмотрим, сумеет ли она добыть себе на ужин немного мышиных мозгов вместо птиц.

Ястребиха недовольно покосилась на запястье Рольфа, все еще жадно поглядывая на зябликов. Рольф снял с ее головы красный бархатный колпачок, привязал к лапам веревочки и колокольчики и снял птицу с насеста. Луз и его товарищи по несчастью вздохнули с облегчением. Рольф вышел из шатра; толстая перчатка предохраняла его от когтей разочарованной Джезебел, которая с удовольствием вцепилась бы в обнаженную кожу.

Когда рыцарь и его ястреб покинули шатер, карлик открыл дверцу клетки, запустил в нее руку с волосатыми пальцами, схватил зяблика и отправил его в рот. Некоторое время он сосредоточенно жевал, хрустя костями, а Луз с ужасом наблюдал за этим. Карлик проглотил птицу и вновь засунул руку в клетку, нацелив-

шись на Луза. Тот едва успел увильнуть от волосатых пальцев. Другой воробей не был столь удачлив. Он пронзительно закричал, когда карлик вытащил его наружу. Воробей отчаянно клевал руку Скартта, но, разумеется, спастись не мог и закончил свои дни там же, где и его предшественник, — в зубастом рту.

Скартт проглотил вторую птицу и нацелился на третью.

Тут снаружи его окликнул сердитый голос — рыцарь хотел, чтобы карлик помог ему оседлать кобылу. Скартт замер, покосился на полог шатра, пересчитал птиц, бормоча: «Стало на две меньше, но он не заметит», и поспешил к хозяину.

Дверца осталась открытой. Луз радостно кинулся к ней, но одна из птиц отпихнула его, отчаянно пытаясь вырваться наружу. Дверца открывалась внутрь, и, вместо того чтобы выскочить, зяблик умудрился каким-то образом захлопнуть ее. Задвижка упала в паз, и все вновь оказались заперты внутри.

— Ты, проклятый болван! — закричал Луз на глупого зяблика. — У тебя мозги навозной мухи!

Само собой, птица ничего не ответила.

Луз подскочил к дверце в то время, как все остальные истерично метались по клетке и бились о прутья. Ему не хотелось разделить участь двух воробьев после того, как Скартт снарядит хозяина и вернется в шатер. Нужно было поскорее выбраться наружу.

Луз просунул голову сквозь прутья решетки и клюнул задвижку. С третьей попытки ему удалось схватить ее клювом. Он потянул ее, и задвижка выскочила из паза. Луз толкнул дверцу, и птицы вылетели наружу. Воробьи и зяблики в панике метались по шатру, стукаясь головами о стены и крышу.

Вернулся Скартт. Увидев, что все хозяйские птицы удрали из клетки, карлик закричал и замахал толстыми руками, пытаясь поймать их. Луз увернулся от него и вылетел на улицу.

Он взлетел повыше и опустился на скалу. Маленькое сердечко бешено колотилось в груди. Быть воробьем не так уж весело, кругом множество невидимых опасностей... Луз пристроился на скале, зная: если сидеть очень тихо, его не увидят, поскольку он по цвету напоминает известняк. Когда настал вечер, Луз выбрал укромное местечко неподалеку от лагеря и превратился в человека.

— Привет. Что ты здесь делаешь?

На Луза смотрела юная девушка с огромными карими глазами и длинными ресницами. Ее лицо выражало веселое удивление. Луз застал девушку в тот момент, когда она как раз снимала платье.

Нападение — лучшая защита, подумал Луз и надменно произнес:

— Я-то имею право здесь находиться. А вот ты чем тут занимаешься?

— Это место, где моются и переодеваются женщины, — ответила она, кивнув сторону пруда, где купались еще три девушки. — Ты и сам отлично это знаешь, шалунишка. Ты ведь подглядывал за нами, не так ли?

— Ой! — воскликнул Луз, зардевшись как маков цвет. — Я... я прошу прощения.

— Не извиняйся, лапочка, — промурлыкала она. — Здесь никто нас не видит, верно, девочки?

— Верно, — захихикали остальные. Они окружили Луза, игриво брызгая на него водой.

Потом одна из них прибавила:

— Правда, если мой муж узнает, он тебя убьет...

— О боги! — вскричал Луз и кинулся прочь. Он пробежал мимо мужчины, ждавшего поодаль с полотенцем в руках. Тот окрикнул его, но Луз, разумеется, и не подумал остановиться. Он бежал и бежал, петляя среди лагерных костров, стараясь оказаться как можно дальше от пруда. Почувствовав себя в безопасности, юноша остановился и перевел дыхание.

Никто не обращал на него внимания. Сгущались сумерки. Большинство обитателей лагеря занимались приготовлением ужина. Луз находился посреди огромной армии. Как отыскать Утеллену, не вызывая подозрений? Если задавать вопросы, его моментально схватят. Вряд ли простой солдат в лагере осведомлен о наличии пленницы. Лучше сначала побродить, посмотреть, что да как, и придумать план.

Луз так и сделал. Он ходил по лагерю, делая вид, что куда-то направляется, хотя и не слишком спешит. Люди говорили ему: «Добрый вечер», и он отвечал то же. Здесь, в центре вражеской армии, все кругом казались дружелюбными и доброжелательными. Впрочем, разве армия, пусть даже и вражеская, должна состоять только из плохих людей? Их ведут не тем путем, неверно информируют или неправильно направляют. Однако чаще всего эти солдаты не злее и не добрее тех, с кем они сражаются. Моральную ответственность несут политики и командиры, они могут быть злыми или добрыми. А простые воины вскоре отправятся домой — пахать землю и печь хлеб.

Луз резко остановился, наткнувшись на человека с голубыми глазами.

Взгляд этих глаз пронзил юношу точно острый клинок. Луз только раз видел такие глаза — на лице Солдата. Но эти были иными. В них было столько ярости и всепоглощающей злобы, что юный маг задрожал.

— Какого черта ты на меня пялишься, ад тебя побери? — рявкнул человек. — Никогда не видел синих глаз, а?

— Нет, — сглотнул Луз.

— Значит, теперь видишь. Прочь с дороги!

— Извините, сэр, — сказал Луз и поспешно отступил.

Голубоглазый воин прошел мимо. Это был необычайно сильный и крепкий человек. Его кулаки напоминали два кузнечных молота. На широких плечах сидела большая голова с широким лбом и массивным, заостренным носом. Ну и конечно же, глаза... Луз поцеловал бы ноги этому человеку, если б тот приказал, — так страшно было ответить ему отказом. Удар гигантского кулака раскроил бы череп Луза, как дыню.

Маг двинулся дальше — быстрее, чем прежде.

Луз бродил по лагерю два часа, прежде чем услышал, как кто-то обращается к Гумбольду по имени. Юноша остановился позади шатра. Он рассчитывал услышать что-нибудь полезное, но Гумбольд об Утеллене не говорил. И хотя Луз прислушивался изо всех сил, он не услышал в шатре женского голоса.

Около полуночи полог шатра откинулся, и Гумбольд выступил под свет луны. В шатре горел огонь; видимо, Гумбольд вышел подышать свежим воздухом, очистить легкие от дыма. Бывший канцлер посмотрел на звезды и провел сухой рукой по длинным седым волосам. Он выглядел старым, сгорбленным и усталым, но Луз не испытывал ни симпатии, ни жалости к тирану, убившему столько людей без угрызений совести. Тираны с возрастом не становятся добродушнее; они делаются еще более злобными и нетерпимыми. Этот усталый старик по-прежнему был готов казнить и пытать. И нет нужды самому рубить топором или калить железо. Достаточно отдать приказ сильному и умелому человеку.

Гумбольд вздохнул и направился прочь от шатра в сторону пещер, видневшихся неподалеку.

Луз последовал за ним и заметил, как Гумбольд вошел в одну из пещер. Пора было снова принимать облик воробья. Луз произнес слова заклинания, которое трансформировало тело...

Он допрыгал до входа, надеясь проскочить мимо ног охранников незамеченным. Луз понимал: если он поднимется в воздух и попытается влететь внутрь, у стражей возникнут подозрения. Воробьи не летают по ночам. А если его примут за летучую мышь, то непременно убьют. Люди опасались летучих мышей, зная, что этот облик часто принимают ведьмы.

Один из часовых поднял копье и ударил тупым концом о землю. Луз съежился, но тут же понял: стражник целил не в него, это

просто жест досады, выражение недовольства человека, чья смена закончилась уже пять минут назад.

Оказавшись в пещере, Луз взлетел и вскоре попал в каверну. Здесь, в скупо освещенной комнате, среди сталагмитов сидела женщина средних лет. Она была одна, отдыхала на одеяле под мягким светом лампы. Из пещеры не было иного выхода, кроме того, который охраняла дюжина вооруженных людей, поэтому пленницу не требовалось сковывать или связывать. Спрятавшись в тени, Луз снова принял человеческий облик, а затем приблизился к ней.

— Вы Утеллена? — спросил он. — Мать ИксонноскИ?

— Я самая, — отозвалась Утеллена, поднимая глаза. — А ты кто?

— Маг, посланный Солдатом. Я влетел сюда в виде воробья, но не хотел пугать вас, меняя облик у вас на глазах.

Казалось, слова юноши позабавили женщину.

— Пугать меня? Мать чародея?

Он кивнул.

— Понимаю, вы наверняка повидали гораздо более удивительную магию... Но нам надо спешить. Я пришел, чтобы отвести вас обратно в Зэмерканд. То есть вы пойдете туда сама, я вам просто помогу. Я... видите ли, я пока не очень хороший маг.

— Ты слишком молод, — кивнула женщина.

— Да, — согласился Луз. — Однако я знаю заклинание превращения в воробья. Эти птицы не в силах себя защитить, зато они — самые многочисленные во всем мире. Среди них легко можно затеряться.

— А почему я должна тебе доверять?

— О да. Солдат просил передать вам кое-что. Только вы и он знаете об этом. Я повторю его слова, и вы убедитесь в моей правдивости... — И Луз проговорил слова, которые заставили женщину вспомнить давние времена.

Она поднялась на ноги, готовая действовать.

— Да, ты действительно от Солдата... Ах, Солдат, — задумчиво проговорила Утеллена, — он никогда не подводил меня. А как поживает его жена, королева Лайана?

— Все в порядке.

— Ну и славно.

Луз, посвященный в тайну воспоминаний, которые минуту назад пробудил в этой зрелой красивой женщине, был несколько обеспокоен. Он обладал знаниями, способными стать причиной серьезного разлада между Солдатом и его женой... Впрочем, Луз не собирался раскрывать этот секрет. Никому и никогда. Лучше всего отправить его в самый дальний уголок сознания, на пыльный чердак памяти, и похоронить навеки.

— Вы готовы, леди?

— Вперед, юноша.

Побег из тюрьмы лучше всего осуществлять в темное время суток, когда человеческий разум утрачивает ясность, а движущиеся тени смущают взгляд. Два воробья вылетели из пещеры. Однако им не повезло: туда как раз шел Гумбольд, намереваясь проведать пленницу. Воробьи пролетели над его головой. Гумбольд глянул вверх; с его губ сорвалось проклятие. Старик понял, что происходит что-то неладное. Он кинулся к лагерю и окликнул древнюю ведьму, склонившуюся над огнем. Старуху звали Скегнатч, она работала поваром в отряде ведьм, входившем в армию Гумбольда. Ее товарки в этот момент собрались вместе, ожидая, когда будет готов ужин из мышиных мозгов и внутренностей ящериц.

Скегнатч отвлеклась от горшка с булькающим варевом.

— Я их вижу, хозяин! — проскрипела она. — Я — пернатая смерть!

С этими словами Скегнатч обернулась пустельгой и взвилась в воздух следом за воробьями. Ведьмы высыпали из шатров, криками подбадривая повариху.

Батальон ведьм представлял собой кошмарное зрелище, и у Луза упало сердце. На миг он решил: они все сейчас превратятся в ястребов и присоединятся к стряпухе. Но, кажется, ведьмы верили в силу и способности Скегнатч справиться самостоятельно. Ведьмы необычайно тщеславны и самолюбивы, а Скегнатч вдобавок была известна своим склочным характером. Позови она их, разумеется, ведьмы незамедлительно присоединились бы к погоне. Но они не собирались уязвлять ее гордость предложением помощи.

Ведьма стремительно приближалась, несясь с такой скоростью, точно ею выстрелили из катапульты. В небе Скегнатч моментально догнала бы двух пичуг, так что они поспешно опустились на землю, надеясь затеряться в стае других воробьев. Пустельга шныряла между скал, выискивая свою добычу, готовясь спикировать и нанести смертоносный удар острыми когтями.

— Беги! — выдохнул Луз. — Я ее отвлеку.

Утеллена видела, как он вильнул и уселся на мшистый камень. Сама она полетела к ручью и села среди стаи воробьев. Оглянувшись, Утеллена увидела, как один воробей вспорхнул в воздух, и тут же пустельга обрушилась на него и ударила, как молния. Маленькое тело упало на землю. Птица была мертва.

Утеллена издала крик отчаяния. Бедный Луз!

В этот момент стая вокруг нее ударилась в панику. Воробьи увидели хищника и собирались бежать как можно дальше от его зорких глаз.

Утеллена поднялась вместе со всеми. Воздух был заполнен сотнями мечущихся птиц. Пустельга растерялась и стала метаться туда-сюда, пытаясь решить, какого из воробьев преследовать. Ведьма помнила: беглецов было двое, значит, второй до сих пор жив.

Пустельга, которая сумеет найти одного определенного воробья среди сотен других, — это очень удачливая пустельга. Ведьме не повезло. Утеллена благополучно умчалась прочь, смешавшись с другими птицами. Она летела, стараясь держаться открытой местности, опасаясь не только ведьмы, посланной вдогонку, но и других хищных птиц. Сейчас у нее не было времени скорбеть о юноше, спасшем ей жизнь, но впоследствии Утеллена оплачет его.

Добравшись до Зэмерканда, Утеллена направилась прямиком к окну Зеленой башни. Она влетела внутрь и принялась петлять по дворцу, разыскивая Солдата. Однако первым, кто встретился ей на пути, был Офао. Увидев залетевшую в помещение птицу, он страшно рассердился.

— Кто оставил окно открытым? Ты, Дриссила? — Офао схватил подпорку для занавеса и принялся гоняться за воробьем. — А ну стой, маленькая тварь! Сейчас я размозжу тебя палкой...

Утеллена вылетела на лестницу. Офао ринулся следом. Охота продолжалась. Дриссила присоединилась, вооружившись метлой. Несчастная птица носилась по коридорам, по комнатам, по двору, пока окончательно не выдохлась. Она села на садовую стену перевести дыхание, а Офао подкрался к ней под прикрытием фонтана и поднял палку.

— Стой!

Голос послышался со стороны аллеи, где прогуливались Солдат и Лайана.

Офао прижал палец к губам, указал на воробья и вновь поднял палку.

— Я сказал: СТОЙ! — заорал Солдат, кидаясь к нему. — Не трогай эту птицу, Офао.

— Но она залетела во дворец, и мы все утро пытались ее поймать...

— Погоди ты. Дай-ка я ее осмотрю.

Офао фыркнул.

— Не думаю, что она станет вас дожидаться.

Однако Утеллена не двигалась с места. К сожалению, в облике птицы она не могла говорить, как Луз. Утеллена не была магом и не имела необходимых навыков. Она не могла самостоятельно превратиться в человека. Она просто позволила Солдату взять себя в руку и тщательно рассмотреть.

— Это не Луз, — сказал Солдат. — Я отчетливо помню: у него на шее было темно-коричневое пятно.

В крепкой хватке Солдата Утеллена чувствовала себя очень уязвимой. Вдруг он сейчас сожмет руку и раздавит маленькое тельце? Зачем ему нужен какой-то воробей?

Солдат продолжал рассматривать ее, а Лайана сказала:

— Может быть, маг превращался в человека, а потом — опять в птицу? Откуда нам знать? Возможно, у него каждый раз получаются разные воробьи? Или он изменил внешность, поскольку Гумбольд что-то заподозрил?.. Ты умеешь разговаривать, птица? Если ты Луз, клюнь Солдата в кончик большого пальца.

Утеллена клюнула палец — второго шанса могло не представиться. В этот момент во двор вошли Сандо и Гидо. Они подбежали к Солдату.

— Это Луз? — спросил Гидо.

— Он вернулся? — вторил ему Сандо.

Солдат устало вздохнул.

— Какая-то птица у нас есть, но что дальше? Сдается мне, он утратил способность превращаться в человека. И в городе нет волшебников, которые могли бы его расколдовать.

— Но у нас под рукой больше нет бхантанских магов! — вскричал Гидо.

А Сандо прибавил:

— Ты держишь в руках последнего...

Они собрались было вернуться во дворец, когда во двор влетела стая птиц. Воробьи опустились на миртовый куст, растущий подле фонтана, трещали и чирикали, ссорясь друг с другом. Несколько птиц залезли в фонтан напиться и искупаться. Внезапно один из новоприбывших отделился от стаи и полетел прямо к Солдату. Сперва он сел ему на плечо, потом слетел на тропинку сбоку, затем наконец превратился в молодого человека.

— Луз! — хором вскричали близнецы. — Ты вернулся!

Солдат смотрел на воробья, зажатого в кулаке.

— А. Опять вы меня разыграли, да? — пробормотал он и выпустил пичугу.

Она вспорхнула в воздух и вдруг превратилась в женщину.

— Утеллена?! — воскликнул Солдат.

— Да, — отозвалась та. — Солдат, я бесконечно благодарна тебе и Лузу за мое спасение.

— И нам, — сказал Сандо.

— Он ведь наш маг, — пояснил Гидо.

— Да, спасибо вам всем. — Утеллена обернулась и увидела Лайану, стоявшую по другую сторону фонтана. — И особенно вам, — добавила она тихо, приседая перед королевой.

Солдат не понял, чего ради Утеллена благодарит его жену, которая не принимала участия в организации побега. Видимо, это было как-то связано с тем фактом, что обе они — женщины.

Солдат отправился во дворец, собираясь отдать распоряжение о пире в честь матери ИксонноскИ, а Лайана повела Утеллену в приготовленные для нее покои. Обе леди появились позже, когда мужчины уже сидели за столом и на тарелках дымилось мясо. Затаив дыхание, они слушали историю Луза о том, как он пробрался в лагерь Гумбольда, а затем несколько раз чудом избежал смерти и разоблачения.

— Наконец, — сказал Луз, — нам встретилась ведьма, которая обратилась пустельгой. Полагаю, Утеллена решила, что она поймала меня. Да, леди?

— Верно, — сказала Утеллена, улыбаясь. — Я видела, как ты упал.

— Эт-то другой, — объяснил Луз, уже несколько нетрезвый. Юноша довольно редко употреблял алкогольные напитки и не имел необходимого опыта. — Какой-то невезучий воробышек встал между мной и хищной птицей. Она ударила его, и он упал, как камень в колодец... Спас мне жизнь. Бедный горемыка... несчастная маленькая сиротка... Спас жизнь Лузу...

Юный маг, все еще не пришедший в себя после опасного мероприятия, заплакал, горюя о маленьком воробье, отдавшем за него жизнь.

— Пожертвовал собой. Бедная крохотулечка! Почему? Почему мир так жесток? — сетовал он, утирая слезы рукавом.

За слезами воспоследовал гнев, и Луз принялся на чем свет стоит клясть ведьм.

— Им нельзя существовать на земле! — кричал он на Гидо, словно король был виноват в наличии ведьм. — Их всех нужно топить во младенчестве! Всех!

— Согласен, — мрачно кивнул Гидо. — Но не в моей власти вынести подобный приговор. Будь добр, отпусти мой рукав, юный Луз.

— А они живут! Они собираются огромными тучами во время войны, сходятся в уродливые батальоны...

Сандо сказал:

— Чародеи тоже бывают уродливыми. Я знавал когда-то...

Луз не позволил свернуть себя с пути.

— Не любишь ведьм, а, король Гидо? — Он наконец-то отпустил рукав монарха. — Ведьмы презренные и подлые. Ведьмы — самые уролдивые... удроливые... ладно, я тебе скажу, король Сандо: они просто жуткие. Жуткие. Я никогда не встречал симпатичной ведьмы, тем более — целого б-батальона... Прошу меня прос-сить...

Юноша величественно поднялся из-за стола, нетвердым, но царственным шагом прошел к окну и излил на улицу содержимое своего желудка. Снизу кто-то заорал. Луз надменно посмотрел из окна на свою жертву и вытер рот рукавом.

— Пардон, — промолвил он.

— Полагаю, кто-то должен отвести юношу в постель, — сказал Солдат. — Офао?

— Да, сэр.

— Ты меня понимаешь, верно?

— Да, сэр, понимаю. Я буду сдерживать свои порывы, сэр...

Слуга обнял мага и помог ему выйти из комнаты. Луз возмущался, клянясь, что вполне способен передвигаться самостоятельно. Но когда Офао отпустил его, юноша тут же рухнул на пол. Слуга помог ему подняться и увел в спальню. Несколько минут до них еще доносился спор Луза с Офао, а потом все стихло.

Слуга вернулся и кивнул Солдату.

— Спит как младенец, — сообщил он.

Герольд из имперской гвардии вошел в комнату.

— Ваше величество, — доложил он, опускаясь на колено перед королевой, — прибыл гонец от зверолюдей. Псоглавец.

Лайана смерила гонца холодным взглядом.

— Отошли его прочь.

— Нет, погоди, — сказал Солдат. — Как его имя?

— Он называет себя Ву.

— Лайана, — сказал Солдат, — этот тот самый искатель мечей, который помог мне вернуть Кутраму. Думаю, надо его выслушать.

Теперь Лайана помнила, как псоглавец напал на нее и изуродовал. Она очень боялась этих созданий. И не просто боялась: она питала отвращение к самому их виду. Лайана знала, что у мужа были какие-то дела с некоторыми из людей-зверей, но не могла с этим смириться.

— Ни один зверочеловек никогда не заходил во дворец. Это против всех традиций.

— Иногда традиции следует нарушать.

Лайана ответила:

— Почему бы тебе одному не выйти к нему? Стоит ли пускать его сюда?

— Это будет невежливо, — прошептал Солдат ей на ухо. — И уж точно против традиций, принятых в твоей семье. Мы должны пригласить его и предложить гостеприимство, как поступили бы с любым другим посланником. Прости, дорогая, я знаю, как ты сильно не любишь этих созданий, — и я вполне понимаю почему. Но

сейчас пришло время наводить мосты. Тебе не обязательно общаться с Ву. Говорить буду я. Может, ты предпочтешь нас покинуть?

— Нет-нет, я останусь. Ладно, пригласите сюда псоглавца. Послушаем, что он скажет.

Утеллена одобрительно кивнула Солдату.

Сандо и Гидо переглянулись, приподняв брови.

Вскоре человек-пес стоял перед Лайаной и ее мужем.

— Да? — отрывисто спросила Лайана, не в силах сдержать дрожь в голосе. — Ты хотел поговорить с нами?

Солдат поднялся и предложил свое место за столом.

— Может быть, ты хочешь выпить, прежде чем мы начнем беседу?

— Выпить — да, спасибо, Солдат, — ответил гость. Его собачьи челюсти формулировали слова с предельной осторожностью. Ву не отводил глаз от королевы. — Путешествие было долгим, и я страдаю от жажды.

Он сел на место Солдата подле королевы. К удивлению присутствующих, Ву перелил немного воды из кружки в плоскую тарелку и принялся лакать длинным собачьим языком. Затем он вытер челюсти тыльной стороной руки. Лайана вздрогнула и подобрала свое длинное платье. Ву снова посмотрел на нее, затем обвел взглядом гостей за столом и опечалился. Ему стало стыдно. Ву знал, что в человеческом обществе следует пить из кружки.

— Я не могу использовать чашки, — объяснил псоглавец. — Они не предназначены для челюстей зверя.

— Друг мой, — сказал Солдат, — не оправдывайся. У тебя свои способы принимать пищу и питье, и мы должны их уважать. Прости наши дурные манеры. Со всеми этими войнами и напастями мы позабыли, как должно чествовать дорогого гостя. Хотя признаю: моя жена не рада тебя видеть.

Лайана поборола страх, который вздымался в ее груди.

— Это правда... Но я привыкну... наверное.

— Леди королева, — пророкотал Ву, — я несказанно рад, что вы мне позволили войти в эти стены. Я знаю, прошли века с тех пор, как варварам дозволялось приходить сюда — если вообще когда-нибудь дозволялось. Мы слишком долго были врагами. Мы часто воевали, и войны унесли множество жизней — как ваших, так и наших. Но теперь Солдат перекинул мост через пропасть, разделившую нас, и протянул нам руку дружбы. А я пожал ее. Это может показаться странным, однако мы стали друзьями. Не хозяин и собака, не псоглавый лидер и человеческий полководец, но человек и человек-зверь — как равные. Солдат убил моего родича, того, кто

причинил вам зло, королева. Я скорблю о вас обоих, но ныне все это в прошлом... — Ву помолчал. Похоже, он наконец-то подобрался к причине своего визита. — Насколько я знаю, вы находитесь в состоянии войны с канцлером Гумбольдом. Я слышал, что ввиду разных печальных событий численность вашей армии сильно сократилась. Поэтому я хочу предложить вам некий план, который, надеюсь, поможет вам одержать победу.

Лайана сказала:

— Мы будем рады узнать твой план.

Ву кивнул и щелкнул пальцами. В комнату вошли три тролля — небольшие уродливые создания с болезненно-белой кожей, покрытой шишками и опухолями. Очевидно, они были троглодитами — существами, которые редко выходили на солнце и свежий воздух. Их головы казались непропорционально большими; маленькие, приземистые тела были круглыми, но от мускулов, а не от жира. В отличие от Ву тролли не дожидались приглашения к столу, а уселись на скамью, схватили кубки с вином и опрокинули себе в глотки. Потом они взглянули на Ву и одновременно кивнули.

— Тролли, — пояснил Ву, — живут в своем собственном королевстве. Оно находится у нас под ногами. Знаете ли вы, что весь Гутрум изрыт проходами и туннелями, пролегающими под поверхностью земли? Там тролли работают, никого не трогая, питаясь в основном личинками и червяками, набирая воду из подземных ручьев. Они — не такие утонченные создания, как вы и я, — сказал Ву, слегка усмехнувшись, — но грубый и прагматичный народец. Иногда, в дни пиров, они способны поймать и поджарить барсука, хотя по большей части они не тревожат других подземных тварей вроде кроликов, кротов или лис. Они забирают из почвы только самое необходимое и больше ничего не трогают.

Лайана сказала:

— Нам это известно, Ву. Не пора ли перейти к делу?

— Да-да, леди королева, простите, я увлекся. Я предлагаю вам в помощь нашу армию. Я говорю: нашу армию, поскольку я и мои воины хотим присоединиться к вам. Мы можем использовать туннели троллей, выйти в любом указанном месте и тем самым застать врага врасплох. Так мы компенсируем недостаток солдат. Враг многочислен, но он будет растерян и смущен внезапной атакой. Мы окажемся прямо среди их рядов, выйдя из-под земли, ошеломим их и выиграем битву, если будет на то воля богов.

Лайана посмотрела на Солдата. Тот кивнул.

— Отличная идея! — воскликнул он. — Лайана, ты знала о существовании троллей в подземном мире?

— Нет, муж мой. Мы всегда думали, что они живут в пещерах — в горах, далеко отсюда.

— Да, так и было, так и было, — сказал один из троллей. Его рот был забит пирожным, и, заговорив, он запорошил всех крошками. — Но мы быстро размножаемся. Нам надо расширяться. Много места. Много места.

— Вот именно. Расширяться, — сказал другой, протягивая руку за мясом. — Мы распространялись. Копали, копали, копали. И никому не сказали.

— Нам пришлось залезть очень глубоко, — сказал третий, — чтобы не раскрыть секрета. Иначе нас бы услышали. Или ваши дома провалились бы в пещеры под землей, потревожив наш сон.

— И помешав нам размножаться, — захихикал первый.

Картины, которые они описывали, были не слишком приятны. Некоторые из слушателей с отвращением отвернулись при мысли, что склизкие белесые создания занимаются любовью под теми комнатами, где едят, спят и занимаются любовью они сами.

— И вы готовы пропустить нас через ваши туннели и пещеры? — спросил Солдат. — Кто ваш король? Наверное, сначала нужно спросить разрешения у него?

— Я. Я король, — сказал первый тролль, потянувшись за следующим пирожным. — Мое имя К3003к. Я разрешаю.

— Но чем мы заплатим вам? — спросил Солдат. — Какова ваша цена?

— В течение одного года вы будете отдавать нам всех новорожденных младенцев, — сказал король К3003к, — и мы съедим их. Ням-ням.

— Что-о?! — вскрикнула Лайана.

— Ха! — сказал король К3003к. — Шутка.

Он широко улыбнулся, показав два ряда крупных плоских зубов.

— На самом деле нет. Нам нужны воздушные шахты. Сейчас мы используем деревья с пустыми стволами, когда прячем воздуховоды. Но мы распространяемся под землей. Нам нужно больше воздушных шахт, и некоторые из них должны располагаться в таких местах, где нет ни деревьев, ни скал. А трубы прятать как-то надо. Вы позволите нам проложить шахты в этих местах и охранять их. Нам придется следить, чтобы никто ничего не ронял в них и чтобы их не затопило. Если вы согласны, мы пропустим вас через туннели. Вот наше условие. Просто воздушные шахты. Мы там внизу не можем дышать. Слишком жарко и душно. Нам нужно больше холодного воздуха.

— Я думаю, это разумная цена, — заметил Ву. — Я и мой отряд и вовсе ничего не просим за помощь. Я желаю сражаться бок о бок

с моим другом Солдатом. Мои воины пришли, поскольку я попросил их, и я знаю — они будут драться до последней капли крови. Остальные люди-звери по-прежнему не доверяют тебе. Хотя они отказались присоединиться к Гумбольду, как это сделали ханнаки, за тебя они тоже не желают сражаться. Возможно, через некоторое время мы научимся жить в мире, а пока... — Ву развел руками.

— Итак? — сказал король К3003к. — Заключим договор? Воздушные шахты за безопасный проход под землей.

— Полагаю, мы не против, — сказала Лайана, улыбаясь мужу. — Да, мы заключим договор.

После этого Солдат отвел Ву в сторонку.

— Спасибо тебе за то, что пришел нам на помощь. И за троллей.

— Пустяки.

— Не скажи... Ву, я так рад тебя видеть! До меня доходили слухи, будто тебя изгнали из племени. Прости, что я не разузнал подробнее: началась война и стало не до того.

Псоглавец криво ухмыльнулся.

— Меня не изгоняли. В конце концов, ты дал нам амбары, зерно и плуги. На самом деле многие по секрету признавались, что восхищаются мной и моими делами. Однако на публике и они сторонятся. Псоглавцы отворачиваются от меня, когда я прохожу мимо. Мне объявили бойкот... Потом зверолюди вновь начали со мной разговаривать... — Ву опять ухмыльнулся. — Но когда я начал собирать воинов, намереваясь идти к тебе на помощь, все началось сызнова. Одни боги знают, как теперь будут говорить обо мне в Фальюме.

— Надеюсь, только хорошее. Если же нет — значит они просто глупцы. А кому интересны мысли глупца?..

Глава десятая

Агенты доносили: армия Гумбольда тронулась в путь, направляясь к юго-западному побережью Лазурного моря. Бессонными ночами Солдат пытался решить, где лучше всего нападать. Он хотел дать бой на какой-нибудь возвышенности и использовать ее преимущества. Но прежде чем Солдат поведет свою армию в сражение, он должен сдержать слово чести: переговорить с Драммондом и постараться залечить ужасные раны, которые они нанесли друг другу в своем старом мире.

Солдат отправил к Драммонду посланника и вскоре получил ответ. Драммонд писал, что согласен встретиться с Солдатом в холмах к западу от Зэмерканда. Солдат должен прийти вооруженный только мечом — дабы иметь возможность во время путешествия защищаться от бандитов и бродячих ханнаков. Однако он обязуется оставить меч в некотором отдалении от места встречи. Солдат и Драммонд придут без сопровождения и без оружия. Каждому позволено взять с собой телохранителя, но он должен находиться не ближе, чем в миле от холмов.

«Поскольку мы так и не научились доверять друг другу, — говорилось в послании Драммонда, — то оба должны быть готовы к предательству. Все эти годы я знал: ты коварный и бесчестный человек, и, полагаю, ты думаешь то же самое обо мне».

Слова Драммонда оскорбили Солдата, но он решил не спорить и принять предложенные условия. Ему очень хотелось, чтобы встреча состоялась и он получил бы возможность объясниться с давним противником. Вопреки просьбам жены и Голгата Солдат решил не брать с собой телохранителя (после чего они в один голос назвали его безумцем) и положиться на силу убеждения. Он раскаивался в содеянном, готов был просить прощения за причиненное зло и надеялся убедить Драммонда в своей искренности.

В назначенное время Солдат явился к одинокой скале, возле которой должна была происходить их встреча.

Драммонд прибыл верхом. Он медленно подъехал с запада, спешился и стреножил своего скакуна. Потом зашагал к своему ненавистному врагу. Солдат ждал.

Драммонд был крупным и невероятно сильным человеком. Широко расставленные голубые глаза смотрели с загорелого лица. Он был одет в кожаную безрукавку и блеклый килт; татуировки покрывали его мощные, мускулистые руки и ноги, обнаженные по локоть и по колено. Копна седеющих волос, смазанных коровьим навозом, ниспадала на плечи. На лице застыло выражение злобы и ненависти.

— Отлично, — сказал он, останавливаясь на расстоянии вытянутой руки от Солдата, — наконец-то мы встретились лицом к лицу.

— Мы долго искали друг друга, Драммонд. Слишком много крови пролилось между нами. Я пришел умолять тебя о прощении за все обиды, которые я причинил твоей семье.

— Так оно и было. Я последний из клана, единственный, кто несет имя нашего рода. В тот жуткий день ты извел всю семью, Валехор, и заплатишь за это собственной жизнью.

— Тебе следует вспомнить: вы убили мою невесту в день нашей свадьбы и оставили ее истекать кровью на снегу, хотя она была

вашей родственницей, — прорычал Солдат. Потом он вспомнил, что пришел сюда не обвинять, а искать прощения. — Прости, это все в прошлом. Я понимаю твои чувства, и мне стыдно за мои действия — особенно за ту битву, где погибла твоя первая жена. Я не узнал ее, поскольку на ней были доспехи... Драммонд, мы причинили друг другу много горестей — вольно и невольно. Ни моя смерть, ни твоя ничего не исправят, а только преумножат зло. Давай оставим вражду в прежнем мире и начнем жить заново, попросив друг у друга прощения за черные дела.

— Рыцарь Валехор — трус, — выплюнул Драммонд. — Он боится умирать.

— Ты знаешь, что это не так, — терпеливо сказал Солдат. — Я сражался во многих битвах, на множестве поединков и сотни раз доказывал свою отвагу.

— Старик страшится больше, чем молодой.

— Возможно. Но это не наш случай. Нет-нет, я просто устал от вражды. Я не хочу обагрять руки твоей кровью, они и так уже достаточно красны. Я не знаю, кто из нас победит. Ты так же хорош в бою, как и я; может случиться по-всякому. Но даже если нам придется драться на разных сторонах, это произойдет не из-за личной вражды. Допустим, мы выбрали разные пути — вот серьезная причина для боя... а не из-за ненависти, которую мы принесли из прошлого.

Драммонд скрестил руки на груди и мрачно улыбнулся.

— Ты хочешь сказать: даже если мы простим друг друга, я все равно смогу тебя убить в грядущей битве?

— Если желаешь. Но здесь... — Солдат протянул раскрытую ладонь. — Скажи, что ты раскаиваешься в совершенных старых злодеяниях. Я раскаиваюсь. И мне стыдно за них.

Драммонд посмотрел на его руку и ухмыльнулся.

— Как же так? Я должен коснуться гнусной руки, которая убила моих родичей? Я теперь король, а мой сын — наследный принц. Мы убили прежних монархов и захватили власть. Мы правим той землей, в которой ты однажды побывал. Помнишь, Валехор, как ты топтал и презирал Драммондов, словно мы были не высокородным кланом, а жалкими лудильщиками?

— Мародерами и разбойниками с большой дороги — вот кем вы были! — вспыхнул Солдат, вновь позволив страсти возобладать над рассудком. Затем он заставил себя успокоиться. — Ты... ты провоцируешь меня на резкости, Драммонд. Из-за тебя с моих губ срываются слова, которые я хотел бы проглотить и никогда не произносить снова. Вот возьми мою руку. Начнем все заново.

После долгого колебания Драммонд протянул руку и сжал пальцы и ладонь своего врага. Он держал их в мощной хватке, глядя в синие глаза Солдата. Затем внезапно взмахнул свободной рукой.

Солдат недоуменно посмотрел на нее и попытался вырваться, но Драммонд держал крепко.

Хотя Солдат оставил Кутраму за спиной, ножны по-прежнему были при нем. Теперь они запели на чистой, высокой ноте, ошеломив обоих мужчин. Солдат инстинктивно обернулся, полагая, что кто-то подходит сзади, дабы ударить его в спину. Но никого не было. Он поглядел на ножны: они не могут лгать. Кто-то намеревался убить его.

Послышался свист, и стрела ударила Солдата в грудь под левой ключицей. Чуть ниже — и она пронзила бы сердце. Сквозь туман боли Солдат увидел лучника, стоявшего в отдалении. До того он прятался за пригорком.

Драммонд ухмыльнулся и вынул спрятанный кинжал, намереваясь закончить дело.

— Я предупреждал, что следует ожидать коварства, — торжествующе воскликнул он. — Тебе конец, Валехор!

Солдат увернулся и ударил противника в пах. В следующий миг он вырвался из хватки Драммонда. Выдернув из плеча стрелу, Солдат использовал ее как кинжал, пытаясь воткнуть наконечник Драммонду в глаз, но тот быстро отдернул голову. Стрела пронзила сустав между плечом и рукой, скользнув по мышце и разорвав сухожилие. Драммонд вскрикнул от боли и взмахнул кинжалом. Вторая стрела пролетела мимо бедра Солдата. Раненый Солдат продолжал сражаться с противником. Несколько секунд силы были равны. Враги боролись, пытаясь поразить друг друга в сердце. Наконец Драммонд упал на спину, и кинжал вылетел из его пальцев.

Ослабевший от потери крови Солдат споткнулся. Лучник натянул тетиву. Теперь его мишенью была широкая спина Солдата. Однако прежде, чем он успел отпустить стрелу, с неба упал ястреб и вцепился когтями ему в лицо. Лучник закричал, уронил свое оружие и вскинул руки к лицу, защищая глаза. Тщетно. Ястреб ослепил лучника и теперь рвал ему лицо клювом и когтями. Лучник кинулся прочь, оступился, рухнул с обрыва и затих у подножия утеса — раненый или мертвый.

Луз, подумал Солдат. Должно быть, маг опять принял форму птицы. Молодой человек, очевидно, последовал за ним. А всего вернее, Голгат или Лайана велели ему это сделать. И слава богам, иначе Солдат неизбежно встретил бы свою смерть...

Солдат добрел до того места, где ждала его лошадь. Усевшись верхом, он направился в сторону Зэмерканда. Ястреб остался,

досаждая Драммонду. Его рана была не так глубока, как у Солдата, кровь не била из нее фонтаном. Ястреб время от времени налетал на синеглазого воина, пока не убедился, что Солдат в безопасности и никто не станет его преследовать. Тогда он оставил Драммонда и улетел восвояси.

Солдат без помех добрался до Зэмерканда. Едва он въехал за городскую стену, как тут же свалился с лошади. Его отнесли к придворным лекарям, которые немедленно остановили кровотечение из разорванной артерии. Следом явились другие доктора и аптекари.

Очнувшись, Солдат обнаружил: он лежит в удобной постели, а любимая жена склонилась над ним. Ее лицо посерело от беспокойства и тревоги. Солдат поднял руку и погладил Лайану по волосам. Она улыбнулась.

— Я поправлюсь, — сказал Солдат. — Я успею поправиться к тому времени, когда придет срок встретиться с Драммондом на поле боя.

— Он не стал слушать?

— Нет. В нем слишком много ненависти. А где Луз?

— Вернулся целый и невредимый. — Лайана улыбнулась. — Он наконец-то выучил заклинание ястреба так же хорошо, как и воробья.

— Вот и славно. Думаю, мне нужно отдохнуть...

Несколько последующих дней Солдат собирался с силами, выполняя все предписания врачей, питаясь так, как они советовали, и исправно принимая лекарства. В другое время он отослал бы их прочь, предпочитая лечиться собственными способами. Но сейчас все было иначе. Оставалось слишком мало времени для приготовлений к битве. Армия не может выступить без него. Красным Шатрам нужен предводитель. Судьба мира зависела от этой победы. Если Гумбольд выиграет битву, у них не будет возможности взять реванш.

Когда Солдат почувствовал себя лучше, он сосредоточился на картах, планах и донесениях от информаторов и шпионов. С помощью Голгата полководец следил за перемещением армии Гумбольда. Казалось, враг направляется на южную оконечность Древнего леса, к окаменелым прудам Яна.

С леденящей кровь уверенностью Солдат понял — битва произойдет на том же самом холме, где он очнулся, оказавшись в этом мире. Он потерял память о прошлом, его доспехи помялись, меч исчез, а килт и сандалии были обагрены кровью. Тогда он понял, что был на какой-то войне. Но встретившись с Лайаной, которая охотилась в тех местах со своим любимым ястребом, узнал: за последние сто лет там не было никакого сражения. То, что грядущая битва должна произойти на том же холме, казалось чем-то большим, нежели простое совпадение.

Голгат усиленно готовил армию гутрумцев к грядущей войне. Втайне от Солдата Лайана записалась в добровольцы. Она сказала Голгату: если союзники проиграют битву, она будет вдовой на руинах своего королевства. Так какой смысл оставаться в живых? Голгату пришлось согласиться. Он принимал всех и каждого, кто мог держать оружие. Последние несколько недель прошли в беспрестанных тренировках. Воинам было еще далеко до готовности, но время стремительно убегало. В любой момент тролли могли передумать и отказаться пропустить союзников через свои туннели. Тогда они потеряют единственное преимущество.

К3003к отвел Солдата к ближайшему от Зэмерканда входу в свое королевство — в том самом лесу, где прятался ИксонноскИ, когда был всего лишь неумелым мальчишкой. К3003к показал Солдату пустой дуб и велел ему лезть внутрь ствола.

— Туда? — сказал Солдат. — Да я ни в жизнь этого не сделаю.

— О, ты попробуй. Просто попробуй.

Солдат попытался, но удалось ему это только потому, что кора подгнила, и оболочка старого дуба раздалась в стороны. Солдат оказался в узком наклонном туннеле, уходящем в глубь земли. Он пошел по проходу, сопровождаемый К3003к, который влез следом за ним. Из потолка торчали волосатые древесные корни, поскольку тролли старались строить свои туннели, не нанося вреда растениям в лесу. Белесые клубни заполонили потолки коридора и всех комнат, которые попадались им на пути. Повсюду мерцала плесень, несомненно, выращенная нарочно из-за полезного свойства светиться в темноте.

Сперва Солдат почуял затхлый запах почвы. За ним последовал еще менее приятный «аромат» пота и грязной одежды. Чем дальше они шли, тем больше троллей встречалось на пути, и большинство этих существ были совсем не рады видеть человека. Некоторые просто смотрели на него с отвращением, но находились и такие, которые ворчали, как звери, или плевали в него. Хотя Солдат спустился в этот мир, сопровождаемый здешним королем, авторитет монархии в подземном лабиринте, похоже, был не слишком-то велик. Казалось, здесь, внизу, король — не более уважаемая фигура, чем какой-нибудь деревенский староста, и далеко не все соглашались с его планами.

— Чего тебе надо? — прорычал один толстый тролль, преграждая Солдату путь. — Давай возвращайся обратно на поверхность, откуда ты пришел.

— Тише-тише, Ф5555ф, — сказал К3003к. — Не надо грубить. Человек пришел по моему приглашению. И скоро их здесь будет

гораздо больше. Зато, как ты знаешь, взамен мы получим воздушные шахты.

— Я думаю, у нас достаточно воздушных шахт.

— Какие бы глупости ты там ни думал, Ф5555ф, меня это мало волнует. Просто убери свою жирную задницу с нашего пути.

— Попробуй сам убери!

— Может, кликнуть моих тхугов? — Король повернулся к Солдату. — Не обращай внимания. Чего еще ожидать от тролля, в имени которого нет ни одного нуля?

Ф5555ф нахмурился и отступил в сторону, но ухитрился попутно наступить Солдату на ногу. Тот поморщился, все еще слабый после ранения, ухватил Ф5555ф за ухо и сказал:

— Сделаешь так еще раз, и я тебе эту ногу оторву.

Толстый тролль взвыл и исчез в темной комнате.

— Кто такие тхуги? — спросил Солдат у К3003к, когда проход был свободен. — Служители закона?

— Нет, — чистосердечно ответил король. — Это тролли, которые ходят и бьют других троллей, запугивая их просто ради забавы. Я использую их для поддержания порядка. У вас наверху нет тхугов? Вообще мои подданные не склонны к жестокости, но тхугов хлебом не корми — дай поиздеваться над слабыми и беззащитными. Я использую их жестокость, чтобы укрепить свою власть.

Солдат моргнул, раздумывая, одобряет ли он короля троллей. Методы правления в подземном лабиринте представлялись ему сомнительными. Однако это было не его дело, и он пошел дальше, игнорируя шипение трольльских женщин и проклятия мужчин. А также мелкие предметы, которые швыряли в него и те, и другие.

К3003к провел Солдата по всему подземному миру. Подданные обзывали его глупцом и глумились над ним, когда король пытался объяснить, что здесь делает Солдат. Они подвергали сомнению каждое слово, которое слетало с губ правителя. Они перегораживали проходы наклоненными швабрами и метлами, мешая королю и Солдату перемещаться по туннелям. Казалось, король совсем не пользуется уважением у своих подданных.

Наконец К3003к привел гостя в анфиладу широких комнат и показал на земляной потолок.

— Вот это место, — сказал он. — Под холмом над Древним лесом возле окаменелых прудов Яна. Твоя армия может вылезти отсюда и оказаться за спиной у врага.

— По-моему, это место в твоем королевстве очень почитаемо, — сказал Солдат, глянув вверх. — Куколки, свешивающиеся с корней деревьев, — разве они не имеют ритуального значения? Твои подданные не считают это место священным?

— Не беспокойся, — сказал К3003к. — Я сумею убедить их плюнуть на святость. Куколки висят здесь тысячу лет или около того. И еще провисят. Воздушные шахты слишком важны, чтобы позволить всяким там священным местам нарушать наши планы. Ты почувствовал, как здесь жарко и душно? Нам нужно больше воздуха. Один хороший сквозняк стоит дюжины храмов Тега.

— Может, сначала нужно испросить позволения?

— Позволения? — фыркнул К3003к. — Я король.

— Похоже, титул короля имеет у вас не так уж много веса.

— Все будет в порядке.

— Хотелось бы услышать это от кого-нибудь еще.

К3003к пожал плечами и что-то крикнул в глубину туннеля. Появились тролли, облаченные в желтые одежды.

— Жрецы, — объяснил король. — Послушайте, — сказал он троллям, — мы собираемся слегка повредить потолок. Ничего? Ради благого дела — дабы получить новые воздушные шахты.

Жрецы принялись вопить и причитать высокими голосами.

К3003к нетерпеливо махнул рукой, призывая к тишине. Когда жрецы замолчали, он сказал:

— Я отдам вам Хрустальные сады и Малахитовые пещеры. Можете построить там свои храмы.

Больше никто не вопил, хотя один из тролльих жрецов все-таки заметил: мол, ничто не может заменить в глазах Тега древние деревья. Древние деревья — сила земли, равной которой для богов нет, живое доказательство величия и могущества природы. Малахитовые пещеры и Хрустальные сады, сказал жрец, будут всего лишь бледным подобием Древесных храмов.

— Ладно, убедили. Забирайте еще и Гранатовые залы.

Жрецы посмотрели друг на друга, кивнули и удалились обратно в темноту, из которой пришли.

Солдат был поражен алчностью троллей, но К3003к посоветовал ему не удивляться. Тролли всегда были неимоверно жадны. Они продадут своего первенца за яблоко, сказал король Солдату. Тролли не уважают ничего — ни традиции, ни священные места, ни королей, ни друг друга. Они ко всему относятся с презрением, и их до смешного легко подкупить. Если кинуть мелкую серебряную монетку в толпу острозубых троллей, то каждый из них уйдет, унося с собой ее маленький кусочек.

— Не беспокойся, я приведу твою армию в нужное место. Мы поставим здесь лестницы, и вы сможете выбраться по ним в верхний мир.

Солдат вернулся в Зэмерканд. Первым делом он навестил Велион, которая была его заместителем. Вместе они собрали войска на учебном плацу подле городских стен.

— Готовьтесь, Красные Шатры, — крикнул Солдат, обращаясь к воинам. — Я призываю Шатер Волка, Шатер Орла, Слона, Льва, Тигра, Ястреба. Я призываю всех моих карфаганских воинов, ибо мы готовимся начать самую важную битву. Если мы проиграем, мир погрузится во тьму и хаос. Если мы победим, узурпатор трона Короля магов уйдет в небытие, и новый Король будет управлять магией на земле.

— Командир, — крикнул капитан, вздымая меч, — когда мы выступаем?

— Завтра.

Солдат вернулся в город. Он провел ночь со своей возлюбленной женой, а перед рассветом явился Голгат.

— К3003к будет встречать мою армию на краю леса. Мы уходим прямо сейчас.

— Отлично, — сказал Солдат, одеваясь. Он надел лишь пластинчатый нагрудник, килт и сандалии. Его руки и ноги были обнажены. Он не стал брать шлем. Солдат дрался лучше, когда ничто не стесняло его движений. — Красные Шатры готовятся выступать. Ву и его псоглавцы ждут их вместе с Гидо и воинами из Бхантана. Мы сделали плоты и спрятали их в камышах на берегу Голубой реки. Как ты знаешь, Голубая река разделяется на три потока — Красную, Зеленую и Белую реки — как раз перед окаменелыми прудами Яна. Мы тоже разделимся на три части, сплавимся по рекам и вступим в бой незадолго до полудня. А вы подниметесь из-под земли ровно в полдень. Понятно?

— Абсолютно.

Они положили руки друг другу на плечи и по-мужски обнялись.

— Прощай, — сказал Голгат. — Да пребудут с нами семь богов... Хотя я сомневаюсь, что им есть дело до нашей битвы.

— О, этого не предскажешь. Боги — такие непостоянные существа. Возможно, сейчас они как раз делают ставки. Спэгг на рыночной площади занимается тем же самым, язви его в душу. Я слышал, шансы два к одному, что мы проиграем.

Мужчины рассмеялись.

— И последнее, — сказал Солдат, надевая перевязь с мечом. — Ты ведь знаешь, мы можем убить твоего брата Каффа.

Голгат вздохнул.

— Любой человек хотел бы гордиться своей семьей, но мой брат не обладает ни честью, ни достоинством. Он — паршивая овца в

нашем роду. Однако если ему суждено умереть, я молюсь: пусть не моя рука нанесет решающий удар. Братоубийство — страшное преступление.

— Вряд ли это можно назвать убийством. Мы на войне, Голгат.

Солдат поискал взглядом жену, но ее нигде не было видно. Лишь Маскет стоял в одном из дверных проемов.

— До свидания, сынок. Вернусь как можно скорее.

— Да, отец. Мне управлять городом, пока вас с мамой не будет?

— Ка-ак? Твоя мать... — Солдат все понял и нахмурился. Он обернулся к Голгату и обнаружил: его друг тоже ушел. — Она будет на поле боя, эта маленькая хитрюга, — тихо сказал он и посмотрел на Маскета. — Пока нас не будет, тебе придется справляться самому. Правь Зэмеркандом мудро, малыш.

— Да, отец.

Солдат вышел и присоединился к войскам. Он повел свою армию к реке, где были спрятаны плоты. Они поплыли по течению — к морю. В середине утра впереди замаячила дельта, и армия разделилась. Один плот перевернулся в бурном потоке; остальные благополучно доплыли до места назначения, и Красные Шатры выбрались на берег.

Гумбольд, Кафф и Драммонд ждали на холме над Древним лесом. При виде Красных Шатров предводители отрядов пришли в возбуждение. Вместо того чтобы ждать, когда Красные Шатры начнут подниматься по склону, солдаты в огромных количествах побежали вниз, стремясь поскорее обрушиться на врага. Генералы пытались остановить их, но ничего не выходило. Плохая координация — один из главных недостатков больших армий. Так получилось и с войском Гумбольда. Однако он, Кафф и Драммонд сохраняли спокойствие и уверенность, поскольку их воинство превосходило врага в сто раз.

Завязалась битва.

У Солдата не было кавалерии. Конные части противника состояли в основном из ханнаков — диких, безумных варваров, которые носили кожу убитых людей на плечах вместо плащей и надевали бородатые нижние челюсти людей на свои лысые головы, словно парики. Ханнаки кинулись в атаку, но они действовали неслаженно. Каждый из них был сам по себе — так обычно и воюют варварские орды. Ханаки плохо слышат, поэтому они не обратили ни малейшего внимания на команды генералов, на звуки барабанов и горнов. Они просто неслись вперед, предвкушая кровопролитие, готовясь рубить и резать в свое удовольствие.

Дисциплинированные полки копейщиков Солдата стояли стройными рядами. Их длинные пики заставили орду разделиться на мно-

жество маленьких групп. Вступившие в бой мечники стаскивали всадников с лошадей и рубили их, а те, кому удавалось избежать смерти от мечей, погибали от рук копейщиков. Вскоре от ханнаков почти ничего не осталось. Немногие выжившие были ошеломлены и деморализованы столь быстрой гибелью своих сородичей.

Вражеская кавалерия была повержена. Шатры Солдата двигались, окружая фланги пехотинцев с целью рассеять их...

Солдат обнаружил, что сражается с человеком, которого он встречал в Неведомых Землях, — с принцем Фабулетом.

— Зачем ты встал на сторону тирана? — выдохнул Солдат в ухо юноше. — Неужели не ясно: он выкинет вас на помойку, едва лишь достигнет своей цели?

— Это все мой отец, — горько сказал принц. — Я обязан подчиняться его приказам.

Потом битва разделила их и разнесла на разные стороны поля.

К полудню армия Гумбольда начала побеждать. Красным Шатрам приходилось несладко. Громко трубили рога, пели трубы. Били барабаны и лязгали цимбалы. Флаги противника гордо развевались, в то время как штандарты Красных Шатров обвисли. Враги испытывали огромный душевный подъем — как и любой, кто верит в собственный триумф. Успех придал им сил. Они оттеснили карфаганцев на прежние позиции. И пусть никто не отступил — ибо армия Красных Шатров никогда не бежит, — они были в отчаянии.

Гумбольд и Кафф стояли на вершине холма. Их лица светились торжеством.

Драммонд проложил себе путь к Солдату. Синеглазый житель пограничья убил нескольких карфаганцев и пару псоглавцев, чтобы добраться до ненавистного врага. Он встал перед Солдатом, сжимая в руках окровавленный меч.

— Готовься к смерти, Валехор.

— Меньше слов, — отвечал Солдат. — Дерись.

Начался поединок. Оба противника еще не до конца оправились от недавних ран, и это стесняло их движения. Однако оба сражались как дикие звери. Солдат размахивал Кутрамой, Синтра пела боевую песнь. Эти высокие чистые звуки нервировали Драммонда, но он по-прежнему рубил и колол древним клеймором, который пришел в этот мир вместе с ним.

Солнце поднялось в зенит.

И настал час торжества. Казалось, земля распахнулась разом в сотне мест — будто разверзлись могилы. Новая свежая армия вступила в битву, поднявшись из глубин. Голгат и гутрумцы выбрались из-под земли и напали на ошеломленного врага. План Ву срабо-

тал. В ходе битвы наступил перелом. Солдаты Гумбольда не могли понять, что за странное воинство вылезает из земли. Они приняли их за демонов, явившихся из самого ада. Воины Голгата издавали боевые кличи, рубили, резали и кололи. Вражеские солдаты растерялись и впали в панику.

По полю боя циркулировали самые разные слухи: явились демоны из преисподней, дьяволы, закаленные в горниле земли. Они — дети вулкана, неуязвимые и неудержимые.

На флангах армии Гумбольда поверили этим слухам и кинулись бежать, оставляя центр на произвол судьбы.

Запах крови и пота наполнил воздух горячего полдня. Солдаты, стоящие в центре войска Гумбольда, увидели, что фланги бегут, и запаниковали. Они, словно обезумев, пытались прорубить дорогу через ряды своей собственной армии — так же, как и через ряды врага. Очень скоро сложно стало понять, кто с кем дерется и кто сражается на стороне Гумбольда.

...А Солдат и Драммонд продолжали свой поединок. Вокруг них образовалось пустое пространство. На поле боя царили смерть и хаос, но никто не осмеливался приблизиться к двум яростным противникам.

Вдруг начало происходить странное явление.

Миг пара сражалась в этом мире, а в следующий момент она оказывалась в мире старом. Солдат видел вокруг себя пейзаж приграничных земель. То он был одет в легкий нагрудник и сандалии, то в полные доспехи. Оба противника устали. Однако странный феномен вдохнул в них силы. Они возобновили атаки; каждый искал щели в защите противника, каждый стремился нанести смертельный удар.

Валехор видел вокруг себя людей в сверкающих доспехах, сидящих на боевых лошадях. Их оружием были мечи и булавы. Они сражались в северных вечнозеленых лесах, на покрытых изморозью травянистых склонах. Битва была отчаянной, и преимущество оказывалось то на одной, то на другой стороне. Удар меча Валехора попал Драммонду по плечу, но доспехи выдержали. Драммонд нацелил кончик меча в глаз противника, однако шлем Валехора защитил его.

Затем, столь же внезапно, мир изменился. Они стояли на серовато-коричневой, иссушенной солнцем земле. Их окружали полуобнаженные воины, а над головой горело яркое солнце. Оружием здесь были короткие мечи, а защитой — шишковатые деревянные щиты. Задыхаясь в удушливой пыли, Солдат пытался пробить защиту Драммонда. Сандалия, мокрая от пота, соскользнула с правой ноги Солда-

та. Он скинул вторую и продолжал драться босиком. Страшный удар Драммондова меча едва не разрубил его щит напополам.

Противники перемещались туда и обратно, из одного мира в другой. Они чувствовали, что вершат судьбу вселенной. Казалось, победитель первой битвы выиграет и вторую. Они с Драммондом сражались в них как в одной, и все правды и неправды должны были разрешиться здесь в этот день. Двойной конфликт, из которого выйдет только один победитель.

Отряд ведьм был рассеян по пыльному склону холма в одном из миров, в то время как стаю боевых волков спустили с привязи в лесу второго... Солдат и Драммонд не обращали внимания на все эти события. Для каждого из них существовал только один враг: противник, стоящий перед ним.

Но вот наконец Драммонд поскользнулся на льду старого мира и напоролся на клинок Солдата в мире новом.

Кутрама восторжествовал.

Драммонд отшатнулся. Меч торчал у него из груди.

— Так не должно быть, — выдохнул он, не желая верить в свою смерть. — Правда на моей стороне.

— Это был несчастный случай, — ответил Валехор, ставший Солдатом. — Ты упал на меч.

Ненависть во взгляде Драммонда померкла. Глаза его остекленели в преддверии смерти. Он упал ничком к ногам Солдата. Рухнул, загрохотав доспехами в старом мире и подняв облако пыли — в новом. Бывший разбойник и мародер, бывший король ушел в ту же землю, куда прежде лег весь клан. Его ненавистный враг Валехор однажды присоединится к нему, но это будет еще не скоро... Победа осталась за Солдатом.

На поле битвы сражение тоже подходило к концу.

Гидо погиб от меча Каффа.

Ву и его псоглавцы выбили с поля остатки ханнков.

Гумбольд пал под ударом топора Голгата. Его голова покатилась вниз с холма, мимо оторопевших ведьм.

Лайана откинула забрало шлема. Капитан Кафф увидел красивое лицо королевы и приблизился к ней.

Она ударила его один раз — в горло.

— Я любил тебя, — сказал Кафф, падая на колени. Кровь била фонтаном, обагряя землю. — А ты когда-то любила меня...

— Нет, — ответила она. — Это был просто каприз.

Отступление вражеской армии превратилось в стремительное бегство. Победившие союзники только и видели, как сверкают пятки врага.

Эпитафия

Солдат никогда больше не стал хотя и отважным, но кровожадным рыцарем Валехором. Он оставался в Зэмерканде до конца своих дней и был счастлив: прожил славную жизнь, тихо состарился и сошел в могилу в один из морозных зимних дней. Лайана умерла через две недели после Солдата, их приемный сын Маскет стал королем.

Сын Драммонда в старом мире тоже правил большой страной, но в отличие от своего отца он был добрым королем и принес мир и стабильность приграничным землям.

Спэгг пережил Солдата, сделался беззубым, сморщенным стариком, однако не желал расставаться с жизнью, пока та не выскользнула наконец из дряхлого тела. Некоторые говорили, что его останки унесло ночным ветром.

Утеллена стала компаньонкой Лайаны и тридцать лет прожила в Зэмерканде. Ее сын ИксоннОксИ правил несколько столетий, мудро распоряжаясь магией мира. ОммуллуммО был изгнан в отдаленный угол вселенной и там сгинул.

Сандо умер вскоре после того, как узнал о гибели брата, не в силах совладать со своим горем. Дракон Солдата прожил триста лет, горюя по своей «мамочке». Он явился на похороны, услышав горестный лай Ву.

Разбитые сердца были собраны, а целые вновь разбились.

Такова природа миров тени, в которых мы живем.

Содержание

Рассвет рыцаря 5
Похороны чародея 275
Песнь ножен 525

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хантер Ким
Рассвет рыцаря
Похороны чародея
Песнь ножен

Редакторы О. Кутуев («Рассвет рыцаря», «Похороны чародея»
Д. Михайлович («Песнь ножен»)
Художественный редактор О. Адаскина
Технический редактор О. Панкрашина
Компьютерная верстка: С. Клёщев

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

...Странный жутковатый мир.

Мир не столько «меча и магии», сколько «магии и меча».

Мир окруженных горами маленьких королевств, каждое из которых зависит от воли и желания волшебника-покровителя, реальная же власть зависит от отрядов наемников, прозванных Красными Шатрами.

Мир, где за горами — таинственная волшебная страна, где, как говорят, ВОЗМОЖНО ВСЕ...

Здесь не помнящий своего прошлого Солдат — рыцарь, великий полководец — рискует жизнью, дабы защитить родной город своей возлюбленной-принцессы от чудовищного нашествия монстров-зверолюдей, а по пятам за ним следует враг, пришедший из другого мира. Враг, который терпеливо ждет момента, когда Солдат обретет наконец утраченную память и встретится с ним в ПОСЛЕДНЕЙ БИТВЕ...

«Поразительная, талантливая сага... таких масштабных и оригинальных произведений в жанре фэнтези не было уже давно!»

«Locus»

«Трилогия Ким Хантер словно возвращает читателя в «золотой век» фэнтези».

«Interzone»

ISBN 5-17
9 785170
ЗСФ Хантер Рассвет рыцаря
Цена:267р.00к.
9785170338733
16.06.10